

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

І Ю Л Ъ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Россія и Германія въ XIX вѣкѣ.....	3—31	X. Къ исторіи Свода Законовъ Россійской имперіи. (Переписка М. М. Сперанскаго съ равными лицами). Сообщ. П. М. Майковъ. 153—156
II. Разказы объ императорѣ Николаѣ I.....	33—40	XI. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской..... 157—174
III. Записки поляка о 1863 годѣ.	41—59	XII. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Версъ. 175—196
IV. Снобелевы, дѣдъ и внукъ. (Матеріалы для ихъ біографіи). Сообщили: К. А. Лебедевъ, В. Л. Модзалевскій и Евгений Шумигорскій.	61—68	XIII. Записки Михаила Чайковскаго. В. В. Тимощукъ. 197—231
V. Нѣсколько словъ о бывшемъ Нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ. (Оконч.). А. А. Савельевъ.....	69—93	XIV. Изъ бумагъ Н. О. Нутлу-бицаге. Сообщ. П. М. Майковъ..... 233—240
VI. Одинъ изъ партизановъ 1812 года. Евгений Альбовскій.....	95—102	XV. Записная книжка „Русской Старины“: „Соціалистамъ 1881 года“. Стихотворен. А. л. И в. С.—въ (стр. 32).—Просьба академика Степана Румовскаго о награждѣ 9-го сентября 1801 г. Сообщ. Г. К. Рѣшницкій. (60).—Къ исторіи „Сѣвернаго Журнала“ 29-го декабря 1807 г. (94).—Погребеніе грузинской царицы Дарьи 13-го ноября 1807 г. (233).
VII. Отъ Парина до Вильны. (Похожденіи французскаго военнаго врача въ 1812 году). Сообщ. Н. К. Шилдеръ.....	103—120	XVI. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).
VIII. Изъ архива А. М. Римскаго-Корсанова. Письма Л. Л. Бенningсена къ Римскому-Корсакову (1805—1807). Сообщ. К. Дружининъ.....	121—138	
IX. Императоръ Николай I и академикъ Парротъ. М. Е. Мардарьевъ.....	139—152	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Татьяны Борисовны Потемкиной Грав. И Хельмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза».

Большая Подъячская, 39.

1898.



Библиографическій листокъ.

Хива. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго⁴⁾ въ 1839 году и „Первое посольство въ Хиву“ въ 1842 году. И. Н. Захарьина (Ижунива). Спб. 1898 г.

29-го мая сего года исполнилось двадцатипятилѣтїе покоренїа Хивы русскими войсками. Къ этому времени появилось нѣсколько изданїй¹⁾, посвященныхъ экспедиціямъ въ Хиву, и между этими изданїями не послѣднее мѣсто должно быть отведено и рассматриваемой нами книгѣ.

Описанїе зимняго похода въ Хиву В. А. Перовскаго въ 1839 году составлено И. Н. Захарьинымъ по разсказамъ и запискамъ очевидцевъ, и было первоначально напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» въ апрѣльской книгѣ за 1891 г. Походъ этотъ, по словамъ автора, былъ совершенъ въ такой тайнѣ, что первое извѣстіе о немъ въ русской печати появилось лишь 20 лѣтъ спустя, въ видѣ официального изложенїа подробностей его въ «Чтенїяхъ общества исторїи и древностей Россійскихъ», издаваемыхъ при Московскомъ университетѣ.

Во первой главѣ своего труда авторъ, выяснивъ наши отношенїа къ Хивѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтїа, говоритъ о работахъ императора Александра I о мирномъ сближенїи съ Хивой; объ отправленїи туда изъ Оренбурга караванъ-баша²⁾ Нязмухаметова и, почти одновременно, — съ Кавказа штабсъ-капитана Н. Н. Муравьева; ему поручено было склонить туркменъ или туркменцевъ, обитающихъ на восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, и хивинцевъ къ прїазненнымъ сношенїямъ съ Россїею. Обѣ миссіи были неудачны.

Во второй главѣ говорится о прїѣздѣ въ Оренбургъ въ 1833 году вновь назначеннаго губернатора и командующаго отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ, генералъ-маїора В. А. Перовскаго; о хлопотахъ его, о разрѣшенїи похода въ Хиву и сформированїи экспедиціоннаго отряда.

Двѣ слѣдующїа главы заняты описанїемъ выступленїа отряда изъ Оренбурга и урядницъ въ отрядѣ съ навьючкою верблюдовъ; здѣсь же описаны бѣдствїа участниковъ похода отъ сильныхъ морозовъ и недостатка топлива.

¹⁾ Немаловажный интересъ представляетъ «Описанїе Хивинскаго похода», составленное полковникомъ Лобyseвичемъ, подъ редакціею генералъ-лейтенанта Троицкаго.

²⁾ Караванъ-баша, т. е. караванный голова, проводникъ каравана въ степи.

Въ пятой главѣ г. Захарьинъ описываетъ по истинѣ безчеловѣчныя жестокости начальника 1-ой колонны, генералъ-маїора Цюлковскаго⁴⁾, который былъ смѣщенъ съ этой должности.

Послѣ 34-хъ-дневнаго шествїа, въ тридцати-градусные морозы среди ледяныхъ бурановъ, по колѣно въ снѣгу, безъ теплой одежды и горячей пищи, оставшая за собою роковой страшной слѣдъ — въ видѣ невысокихъ снѣговыхъ холмовъ-могилъ надъ умершими людьми и круглыхъ горбовъ нанесеннаго метелями снѣга надъ павшими верблюдами, — 19-го декабря отрядъ достигъ Эмбенскаго укрѣпленїа (6-я гл.).

Въ седьмой по десятую главахъ описаны праждебныя дѣйствїа хивинскаго хана Алла-Кула; неудачная атака хивинцами Чущка-Кульскаго укрѣпленїа и прїбытіе въ Эмбу «на поклонъ» султана Айчувакова; сформированїе и выступленїе изъ Эмбы отдѣльной колонны на Чущка-Куль подъ начальствомъ генералъ-маїора Цюлковскаго и новыя жестокости этого генерала.

Въ десятой главѣ говорится о неосуществленнѣмъ прїбытїи къ отряду генерала Перовскаго, подъ начальствомъ котораго онъ и прїбыла въ Чущка-Куль; въ двухъ слѣдующихъ главахъ о возвращенїи отряда на Эмбу, отъѣздъ генераловъ Перовскаго и Молостова въ Оренбургъ, и о выступленїи отряда съ Эмбы.

Въ тринадцатой главѣ авторъ рассматриваетъ главныя причины неудачи экспедиціи и выясняетъ стоимость ея.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ говорится о сухомъ прїемѣ В. А. Перовскаго военнымъ министромъ и о свиданїи съ государемъ, послѣ котораго Перовскій переѣхалъ на житье въ Петергофъ; тутъ же описана и дальнѣйшая судьба участниковъ этого похода.

«Посольство въ Хиву въ 1842 г.» описано И. Н. Захарьинымъ также по разсказамъ и запискамъ очевидцевъ; первоначально оно было намечатано въ ноябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1894 г. Это

⁴⁾ По словамъ автора, Станиславъ Цюлковскій попалъ въ Оренбургъ вскорѣ, послѣ польскаго мятежа 1831 году, въ качествѣ ссыльнаго полковника польскихъ войскъ, сильно скимрометрированный; вскорѣ же по прїѣздѣ генерала Перовскаго въ Оренбургъ, онъ сумѣлъ вкратцѣ къ новому военному губернатору въ такое довѣрїе, такъ занялъ предъ нимъ и расположить его къ себѣ, что походъ 1839 г. засталъ его командиромъ Башкирскаго войска, въ чинѣ уже генералъ-маїора.



ТАТЬЯНА БОРИСОВНА ПОТЕМКИНА
(рожденная княжна Голицына).

Russkaja starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1898.

ЮЛЬ.— АВГУСТЬ.— СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ.

DK
1
.R89
v.95



INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1898.

SJB

2-12-78



Россеія и Германія въ XIX вѣкѣ¹⁾.

III.

Политическое положеніе Турціи.—Совѣщанія въ Мюнхенгретцѣ въ 1833 г.—Калишскіе маневры 1835 года.—Мнѣніе императора Николая I о германскихъ войскахъ.—Свиданіе въ Теплицѣ.—Внутренняя жизнь въ Германіи и вліяніе на нее императора Николая I.—Отношенія его къ Франціи.—Такоуженные вопросы.—Кончина Фридриха-Вильгельма III.

Выражая, такимъ образомъ, полную готовность сообразоваться съ желаніями императора Николая въ дѣлахъ внутренней политики, прусскій король по-прежнему упорно отказывался принять на себя какія-либо обязательства относительно вопросовъ внѣшней политики, на чемъ царь особенно настаивалъ. Николай I не могъ простить Пруссіи ея отношенія къ іюльской монархіи.

— Къ чему служатъ увѣренія въ дружбѣ, говорилъ императоръ, если они остаются мертвою буквою? Революція во Франціи, а тѣмъ болѣе въ Бельгіи должна бы заставить насъ наготовѣ дѣйствовать дружно для поддержанія правъ легитимизма и охраны всего созданнаго въ 1815 г. Я былъ на это готовъ.

Онъ усмирилъ возстаніе въ Польшѣ, почему же бы ему не удалось подавить и этого возстанія? Франція и Англія имѣли смѣлость поддержать всенародно революцію: почему же сѣверныя державы не могли поддержать права, освященные самимъ Богомъ? На этотъ счетъ король Фридрихъ-Вильгельмъ давалъ, надо сознаться, самыя торжественныя

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюнь 1898 г.

обѣщанія: онъ никогда не забудетъ, писалъ король императору, «чѣмъ Германія и Пруссія обязаны Россіи; онъ никогда не забудутъ, съ какимъ великодушіемъ и героизмомъ Россія сражалась, проливая кровь своихъ солдатъ и одерживала побѣды для нихъ и вмѣстѣ съ ними». Императоръ былъ тронутъ этими заявленіями.

— Россія всегда будетъ готова летѣть по первому зову со всѣми своими вооруженными силами на помощь своему старому и вѣрному союзнику, отвѣчалъ императоръ, но, прибавлялъ онъ, и впослѣдствіи государь неоднократно повторялъ эту оговорку—это можетъ быть только до тѣхъ поръ, пока оба народа будутъ руководствоваться одними и тѣми же принципами.

Подъ словами: одни и тѣ же принципы, императоръ подразумѣвалъ, что они будутъ противодѣйствовать всѣмъ проявленіямъ либерализма, всякому революціонному движенію и вмѣстѣ съ тѣмъ постараются установить на дѣла Европы преобладающее вліяніе трехъ сѣверныхъ державъ.

Императоръ хотѣлъ, чтобы Пруссія приняла на себя въ этомъ самыя торжественныя обязательства, ихъ то и было всего труднѣе получить отъ Фридриха-Вильгельма III.

«Пруссія, писалъ князь Меттернихъ, считается въ числѣ первостепенныхъ державъ, не будучи таковой на самомъ дѣлѣ; составляя нѣчто въ родѣ золотой середины между первостепенными и второстепенными державами, она несетъ обязанности первостепенной державы, а по своему географическому положенію обречена играть второстепенную роль. Изъ этого проистекаетъ для прусскаго кабинета необходимость вести непрестанную борьбу».

Подобныя затрудненія возникли между Россіей и Пруссіей и при обсужденіи вопроса о конференціяхъ, которыя вѣнскій кабинетъ, съ согласія императора Николая, предлагалъ созвать для обсужденія вопросовъ, касающихся Турціи, Польши и Бельгіи. Державы хотѣли выяснитъ по поводу этихъ вопросовъ свои намѣренія и цѣли и выработать совмѣстно планъ дѣйствій, коимъ была бы санкціонирована ихъ дальнѣйшая политика. Россія и Австрія знали совершенно опредѣленно къ чему онѣ стремилась. Пруссія понимала это также ясно и раздѣляла ихъ желанія, но какъ ближайшая сосѣдка Франціи весьма естественно опасалась, чтобы въ случаѣ вооруженнаго столкновенія ей не пришлось вынести на своихъ плечахъ первый ударъ.

Этого было вполне достаточно, чтобы заставить колебаться такихъ нерѣшительныхъ и робкихъ людей, каковы были Фридрихъ-Вильгельмъ III и его министръ Ансильонъ. Это обстоятельство не ускользнуло отъ взоровъ русскаго императора. Всѣ три монарха и ихъ министры должны были сѣхаться для совѣщаній въ Мюнхенгретцъ—небольшой

городокъ сѣверной Богеміи. Нѣкоторые обстоятельства задержали царя; король прусскій тѣмъ временемъ уѣхалъ изъ Теплица въ Берлинъ, чтобы присутствовать при смотрѣ войскъ. Его министръ Ансильонъ воспользовался этимъ случаемъ и уклонился отъ участія въ Мюнхенгречскихъ совѣщаніяхъ, которыя происходили такимъ образомъ только между министрами Австріи и Россіи. Какъ оказывается, Ансильонъ не желалъ участвовать въ переговорахъ изъ опасенія, что они могли скомпрометировать его. Не желая взять на себя отвѣтственности за эти переговоры, онъ предпочелъ выждать результата конференцій, чтобы лучше взвѣсить и оцѣнить обстоятельства дѣла съ прусской точки зрѣнія.

Впрочемъ король въ принципѣ былъ на все согласенъ. По пути въ Богемію императоръ Николай имѣлъ съ нимъ свиданіе въ Шведтѣ, близъ Потсдама, гдѣ обоими монархами были обсуждены основныя положенія временнаго соглашенія. По этой причинѣ договоры, заключенные въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1833 г. между Австріей и Россіей въ Мюнхенгречѣ, получили нѣсколько времени спустя санкцію прусскаго кабинета, насколько это требовалось въ данномъ случаѣ, ибо трактатъ, коимъ Австрія и Россія обязались не нарушать цѣлость и независимость Оттоманской имперіи и защищать ее отъ всякаго посягательства со стороны западныхъ державъ или со стороны вице-короля египетскаго— Пруссіи не касался. Прочіе трактаты, на заключеніи которыхъ особенно настаивалъ императоръ, касались слѣдующихъ пунктовъ: первымъ изъ нихъ державы обязались взаимно гарантировать другъ другу обладаніе принадлежащими каждой изъ нихъ польскими провинціями; вторымъ выдачу политическихъ преступниковъ; этотъ послѣдній актъ былъ подписанъ Пруссіей и Австріей крайне неохотно. Ни одинъ политическій преступникъ, пруссакъ или австріецъ, не искалъ убѣжища въ Россіи; за то масса поляковъ, замѣшанныхъ въ послѣднемъ повстаніи, проживали въ разныхъ городахъ сосѣднихъ съ Россіей государствъ. Послѣ того, какъ былъ заключенъ вышеупомянутый договоръ, польскіе эмигранты наводнили Францію и Англію.

Изъ всѣхъ трактатовъ, выработанныхъ на конференціяхъ въ Мюнхенгречѣ и Берлинѣ, самымъ важнымъ, съ точки зрѣнія обще-европейской политики, былъ договоръ, содержаніе котораго было сообщено французскому и англійскому кабинетамъ. Сущность этого трактата заключалась, какъ выразился впослѣдствіи князь Меттернихъ въ томъ, чтобы «не допускать примѣненія ложнаго и опаснаго принципа невмѣшательства». Всякій монархъ, говорилось въ этомъ трактатѣ, имѣетъ право, въ случаѣ внутреннихъ смутъ или опасности, угрожающей ему извнѣ, призвать на помощь другого независимаго и несвязаннаго договорами монарха; ежели помощь будетъ ему оказана, ни одна изъ постороннихъ державъ не имѣетъ права воспрепятствовать этому; если бы какая-либо

изъ нихъ захотѣла помѣшать этому силою оружія, то каждая изъ державъ, подписавшихъ договоръ, сочтетъ этотъ поступокъ направленнымъ противъ нея лично и онѣ примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить подобнаго насилія.

Пятнадцать лѣтъ спустя, Австрія воспользовалась, какъ извѣстно, этимъ договоромъ, обратившись къ Россіи съ просьбою помочь ей при усмиреніи венгерскаго мятежа; основываясь на этомъ же договорѣ она вмѣшивалась въ усмиреніе возстаній, происходившихъ въ различныхъ государствахъ Италіи.

Послѣ заключенія вышеупомянутыхъ трактатовъ отношенія между Россіей и Пруссіей приняли болѣе дружественный характеръ. Императоръ Николай, котораго продолжали слушаться въ Берлинѣ, часто посѣщаль эту столицу, гдѣ народъ встрѣчалъ его не какъ монарха, а какъ зятя короля, который нѣженъ и почителенъ къ своему тестю. Выражая эти чувства императоръ поступалъ вполне искренно, но его чувства къ королю поддерживались, само собою разумѣется, тѣмъ удовольствіемъ, которое доставлялъ ему образъ дѣйствій берлинскаго кабинета. Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ томъ, что онъ призванъ быть защитникомъ законныхъ монархій, императоръ не терялъ изъ виду Францію, откуда могла надвинуться гроза на Пруссію и Германію; въ войнѣ, которая могла возгорѣться между этими державами, русскому войску пришлось бы составить резервъ нѣмецкой арміи. Царь постоянно доказывалъ это своему тестю и прочимъ правителямъ Германіи, коимъ онъ обѣщаль, въ одной изъ своихъ нотъ, свое покровительство или свой протекторатъ.

Чтобы дать Европѣ наглядное доказательство тѣснаго союза, существовавшаго между Пруссіей, Австріей и Россіей, императоръ Николай I вздумалъ устроить братанье союзныхъ армій.

Лѣтомъ 1835 г. долженъ былъ состояться, по его инициативѣ, большой лагерный сборъ подъ Калишемъ; императоръ желалъ, чтобы нѣкоторая часть прусской арміи приняла участіе въ маневрахъ русскихъ войскъ, которые должны были происходить въ присутствіи союзныхъ монарховъ, съѣхавшихся въ этотъ городъ, гдѣ былъ заключенъ въ 1813 г. извѣстный союзный договоръ. Подъ Калишемъ было собрано до 60.000 русскаго войска: 6.000 гвардейскихъ солдатъ были посажены на суда въ Кронштадтѣ и отправлены въ Данцигъ, откуда они прибыли къ мѣсту своего назначенія. Туда же отправлено 10.000 пруссаковъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ весьма неохотно далъ свое согласіе на эту военную демонстрацію. Онъ не любилъ подобнаго рода празднествъ и согласился только потому, что желалъ сдѣлать угодное своему зятю. Прусскіе генералы отнеслись къ этому сбору также не особенно сочувственно.

Со стороны русскихъ было сдѣлано все возможное, чтобы обставить это зрѣлище какъ можно блестяще. Въ Калишъ съѣхалась вся русская

аристократія, лагерь былъ разбитъ съ изумительной роскошью; на возвышенности стоялъ павильонъ, изъ котораго монархи могли обнять взоромъ весь лагерь и любоваться его живописнымъ видомъ. Пушечный выстрѣлъ давалъ, по вечерамъ, знакъ къ общей молитвѣ, на которую становилось 60.000 солдатъ; 600 музыкантовъ исполняли молитвы, которыя играются при вечерней зарѣ. Николай Павловичъ пріѣхалъ съ императрицей; прусскій король со всѣми королевскими принцами. Царь устроилъ своему тестю роскошный пріемъ, относился къ нему въ высшей степени почтительно и цѣловалъ его руку. Онъ провелъ свои войска передъ королемъ церемональнымъ маршемъ; прусскія войска дефилировали между русскимъ войскомъ, которое было выстроено шпалерами. Императоръ много бесѣдовалъ съ прусскими генералами, спрашивая ихъ мнѣніе о русскомъ войскѣ, которое они видѣли передъ собою, и высказывалъ имъ свой взглядъ на войска разныхъ германскихъ государствъ, коимъ только что былъ произведенъ смотръ его братомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Великій князь нашелъ, что кадры южно-германскихъ армій были весьма слабы, и императоръ просилъ сдѣлать по этому поводу замѣчаніе тѣмъ правительствамъ, коихъ это касалось, такъ какъ состояніе этихъ войскъ не могло быть для него безразлично; ибо въ случаѣ войны они составили бы авангардъ арміи, которая имѣла бы въ резервѣ русское войско. Баварскій король принялъ замѣчанія русскаго кабинета весьма неохотно, да и самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ, при всемъ своемъ уваженіи къ мнѣніямъ своего зятя, также былъ не особенно сговорчивъ въ вопросахъ чисто военнаго характера.

Прускій генералъ Нацмеръ, присутствовавшій на маневрахъ русскаго войска, передаетъ, что императоръ Николай велѣлъ ему посовѣтывать королю радикально реорганизовать прусскій ландверъ, который, по его словамъ, представлялъ учрежденіе слишкомъ демократическое и готовое на всякую революціонную попытку. Онъ затронулъ этимъ патріотическую струнку короля, такъ какъ ландверъ покрылъ себя славой въ войну 1813 и 1814 годовъ.

Военное зрѣлище, устроенное въ Калишѣ, не имѣло для сближенія двухъ народовъ тѣхъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидалъ императоръ. Если прусскіе генералы отнеслись къ этому народу скептически и съ недоумѣніемъ пожмали плечами, то и русскіе военные люди были имъ не особенно очарованы. Суровое выраженіе лица и неуклюжая осанка царственнаго тестя не только не могла внушить имъ уваженія, но даже возбуждала ихъ насмѣшки. Въ русскомъ лагерѣ сочинялись пѣсни, не особенно почтительныя относительно короля, которыя сохранились, кажется, до сихъ поръ въ репертуарѣ солдатскихъ пѣсней.

Между тѣмъ, императоръ продолжалъ свои демонстраціи, направленныя главнымъ образомъ противъ Франціи и либерализма. За смотромъ

и празднествами въ Калингѣ послѣдовали свиданіе въ Теплицѣ и церемоніаль освященія въ Кульмѣ памятника въ воспоминаніе сраженія 1813 г. На этомъ торжествѣ вмѣстѣ съ двумя монархами присутствовалъ императоръ Фердинандъ, сынъ только что скончавшагося Франциска II. Въ Кульмѣ съѣхались почти все нѣмецкіе владѣтельные князья и монархи съ ихъ наслѣдниками, какъ бы для того, чтобы привѣтствовать новаго императора австрійскаго, но въ сущности, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе русскому царю.

«Видъ Теплица въ настоящій моментъ напоминаетъ мнѣ оживленіе, царившее въ немъ въ 1813 г., писалъ князь Меттернихъ. Въ то время мы держали быка за рога; нынѣ нѣтъ болѣе быка, а есть одни призраки, ловить которые гораздо труднѣе!»

Канцлеръ ошибался: въ 1835 г. быка звали не Наполеономъ, а Николаемъ, и онъ держалъ въ своихъ рукахъ обоихъ союзниковъ: онъ руководилъ переговорами, происходившими въ Теплицѣ. Былъ моментъ, когда онъ высказался противъ вступленія на престолъ хилаго императора Фердинанда: царь перемѣнилъ это мнѣніе, убѣдившись, что вѣнскій кабинетъ вполне присоединился къ русской политикѣ, и поддерживалъ вліяніе царя на общій ходъ политики въ Германіи. Рѣшенія, принятые монархами на свиданіи въ Теплицѣ, подтвердили все акты, выработанные дипломатами въ Мюнхенгретцѣ: большія и малыя государства Германскаго союза признали высокое покровительство русскаго императора. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, относившійся весьма щепетильно къ малѣйшей попыткѣ своего зятя вмѣшиваться въ военныя дѣла Пруссіи, былъ чрезвычайно уступчивъ относительно многихъ другихъ требованій русскаго царя, въ особенности относительно всего, что касалось политическихъ партій и либерализма. Дѣлалось это не безъ причины. Польки были точно также врагами Пруссіи, какъ и Россіи; Франціи, къ которой царь относился недружелюбно, какъ къ очагу революціонныхъ идей. Пруссія боялась какъ сосѣдки, наконецъ, берлинскій дворъ также не симпатизировалъ и нѣмецкимъ либераламъ. Поэтому, мѣры полицейскаго характера играли въ то время большую роль во взаимныхъ отношеніяхъ Пруссіи и Россіи. Русское правительство имѣло въ Германіи массу агентовъ, которые должны были сообщать ему самыя точныя свѣдѣнія о людяхъ и событіяхъ.

Нѣмецкія газеты, несмотря на строгую цензуру, постоянно обращали на это вниманіе общества. Между прочимъ, русское правительство предложило даже учредить въ Пруссіи, вблизи отъ русской границы, бюро высшаго полицейскаго надзора, которое имѣло бы обязанностью слѣдить за дѣйствіями польскихъ революціонеровъ; при этомъ бюро долженъ былъ состоять делегатъ отъ русскаго правительства. По мнѣнію русскаго канцлера право главнаго надзора принадлежало въ этомъ слу-

чаѣ Пруссіи, такъ какъ польскіе революціонеры, связанные съ ихъ единовѣрцами въ другихъ странахъ, находили поддержку преимущественно въ Германіи. Прусское правительство отклонило это предложеніе, которое возлагало на него, въ сущности, полицейскія обязанности за счетъ Россіи. Однако, оно согласилось на уступку, о которой было упомянуто выше по поводу мюнхенгредской конференціи.

Въ силу особой конвенціи, заключенной между тремя дворами, раздѣлившими Польшу, державы эти обязались сообщать другъ другу все касающееся поляковъ. Болѣе того, прусское правительство согласилось сообщать своей сосѣдкѣ, Россіи, всѣ документы, относящіеся къ національному и либеральному движенію въ средѣ студенческихъ корпорацій Германіи. Императоръ Николай выразилъ желаніе, чтобы всѣ эти факты доводились до его свѣдѣнія по тому же праву, по которому онъ считалъ себя уполномоченнымъ интересоваться военной организаціей германскихъ государствъ. Политически объединенная Германія, управляемая парламентскими учрежденіями, не согласовалась ни съ его личными принципами, ни съ интересами Россіи, какъ ихъ понималъ императоръ. Въ этомъ отношеніи король прусскій и его министерство вполне подчинились видамъ Николая I. Общій характеръ прусской политики, въ концѣ царствованія Фридриха-Вильгельма III, во всемъ согласовался съ политикой Россіи: въ Берлинѣ всѣ смотрѣли глазами царя; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могли идти съ нимъ рука объ руку, когда они были вынуждены дѣйствовать независимо — всѣ старались такъ или иначе удовлетворить его самолюбіе, предупредить взрывъ его гнѣва.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ одинъ случай, происшедшій въ 1836 г., когда Берлинъ должны были посѣтить сыновья французскаго короля, герцоги Орлеанскій и Немурскій. Это посѣщеніе, въ виду чрезвычайно враждебнаго отношенія къ Людовику-Филиппу со стороны императора Николая, ставило короля и весь прусскій дворъ въ крайне неловкое положеніе. Французскій посланникъ Брессонъ совѣтывалъ отклонить это посѣщеніе, однако оно состоялось по настоянію вѣнскаго кабинета, который желалъ заручиться въ Восточномъ вопросѣ поддержкою Франціи, поэтому искалъ сближенія съ тюльерійскимъ дворомъ, въ то же время стараясь не оскорблять открыто Россіи. Король прусскій, лично расположенный къ Людовику-Филиппу, согласился принять молодыхъ принцевъ, уступивъ настоятельной просьбѣ князя Меттерниха, такъ какъ по плану, составленному австрійскимъ канцлеромъ, они должны были ѣхать въ Вѣну черезъ Берлинъ.

Ожидаемый пріѣздъ французскихъ принцевъ вызвалъ оживленные толки въ королевской семьѣ, среди которой были лица расположенныя къ Франціи и къ французскимъ принцамъ. Къ числу этихъ лицъ при-

надлежали главнымъ образомъ невѣстки короля, принцессы Августа и Марія. Но королевскій принцъ (впослѣдствіи Фридрихъ-Вильгельмъ IV), горячій сторонникъ Россіи и крайній легитимистъ, раздѣлялъ враждебныя чувства къ нимъ своего зятя, императора Николая. Министръ Ансильонъ, зная взгляды королевскаго принца, не рѣшался сообщить ему о томъ, что вопросъ объ ихъ пріѣздѣ рѣшенъ официально. Братья принца, Вильгельмъ и Карлъ также были чрезвычайно возбуждены этимъ событіемъ. Болѣе всего опасались манифестацій въ театрѣ и столкновенія между либералами, которые стали бы привѣтствовать принцевъ, и реакціонерами, которые могли имъ шикать; подобнаго рода демонстраціи произошли уже въ Тревѣ при проѣздѣ принцевъ черезъ этотъ городъ. Король, не обращая вниманія на эти споры, сохранялъ политѣйшее хладнокровіе: онъ заставилъ смолкнуть оппозицію и приказалъ устроить принцамъ самый отличный пріемъ, первый подавъ къ тому примѣръ.

Этотъ разъ онъ не побоялся оскорбить чувствъ императора Николая. Послѣднему пришлось, хотя нѣсколько поздно, помириться съ совершившимся фактомъ: сближеніе Россіи съ іюльской монархіей произошло за годъ до паденія Людовика-Филиппа.

Насколько безоблачны были политическія отношенія Россіи и Пруссіи въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III, настолько затруднительны и по временамъ обострены были ихъ отношенія въ области коммерческихъ и таможенныхъ вопросовъ. Мы видѣли выше, что эти вопросы омрачали отношенія обѣихъ державъ уже въ царствованіе Александра I. Торговый договоръ, заключенный въ 1825 г., установилъ въ этомъ отношеніи только временно извѣстный *modus vivendi*. Въ царствованіе Николая I, въ особенности въ послѣдніе годы царствованія Фридриха-Вильгельма III возникли прежнія затрудненія, которыя повели къ новымъ переговорамъ, начатымъ уже послѣ кончины этого монарха; но объ этомъ рѣчь впереди.

Надобно замѣтить, что хотя интересы обѣихъ державъ въ вопросахъ торговыхъ не были диаметрально противоположны, но русскимъ дипломатамъ все же было чрезвычайно трудно привести ихъ къ желаемому концу. Король прусскій, утомленный тревожной жизнью, любилъ во всемъ извѣстный *statu quo*; его окружали люди самыхъ различныхъ убѣжденій и взглядовъ, что порождало, само собою разумѣется, нѣкоторую путаницу въ дѣлахъ, страдавшихъ отъ недостатка единства въ руководящихъ сферахъ.

Въ 1838 г., послѣ одной бесѣды съ прусскимъ королевскимъ принцемъ князь Меттернихъ писалъ: «Присмотрѣвшись къ Пруссіи попристальнѣе, замѣчаешь рѣзкое противорѣчіе между тѣмъ чего хотятъ одни и что дѣлаютъ другіе». Таково же было мнѣніе русскаго посланника

въ Берлинѣ, Рибоьера. Представители русскаго императора въ Берлинѣ пользовались при прусскомъ дворѣ такимъ исключительномъ положеніемъ, которое объясняется только дружескими отношеніями, существовавшими между императоромъ Николаемъ и его августѣйшимъ тестемъ. Съ Рибоьеромъ и впослѣдствіи съ его племянникомъ, бесѣдовали откровенно всѣ представители берлинскаго офіціального міра. Всякій обращался къ нему со своими жалобами, сѣтованіями, просилъ у него совѣта или поддержки въ дѣлахъ внутренняго управленія.

— Что подѣлаешь,—говорилъ ему однажды министръ Роховъ, — съ 68-ми-лѣтнимъ королемъ, который взялъ за правило ничего не дѣлать?

Роховъ рисовалъ русскому посланнику самыми мрачными красками неспособность и безталантливость совѣтниковъ короля, который «ни съ кѣмъ постороннимъ не видѣлся, ни съ кѣмъ не говорилъ и ни съ кѣмъ не обмѣнивался мыслями». Баронъ Мейендорфъ, смѣнившій Рибоьера въ началѣ 1840 г., высказывалъ тоже самое о неудовлетворительномъ состояніи управленія въ Пруссіи, но признавалъ, въ то же время, что «административная машина, давно уже хорошо заведенная, дѣйствовала твердо и вполнѣ правильно».

Фридрихъ-Вильгельмъ III скончался 7-го іюня 1840 г. Извѣщенный о его близкой кончинѣ, императоръ Николай, вмѣстѣ съ императрицей и своимъ сыномъ, цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, поспѣшилъ къ смертному одру своего тестя и принялъ его послѣдній вздохъ.

IV.

Николай I и Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

Отношенія между двумя монархами.—Завѣщаніе Фридриха-Вильгельма III.—Египетскій вопросъ.—Тарифный вопросъ.—Контрабандная торговля.—Вліяніе Россіи на внутреннюю и политическую жизнь Пруссіи.—Познанскіе сеймы.—Броженіе умовъ въ Пруссіи.—Прусская пресса.—Протестъ противъ петербургскаго кабинета.—Проектъ прусской конституціи и представленіе его на усмотрѣніе императора Николая.—Конституція 1847 г.—Переписка императора Николая съ Вильгельмомъ IV.—Политическое положеніе Европы въ началу 1848 г.

Вліяніе Россіи на общій ходъ прусской политики, столь замѣтное въ царствованіе Александра I, еще болѣе возрасло при его преемникѣ. Мы видѣли, какимъ уваженіемъ, какою почтительностью были отмѣчены личныя отношенія императора Николая къ Фридриху-Вильгельму III и какою уступчивостью и снисходительностью въ вопросахъ политики пла-

тиль престарѣлый король за эту деликатную предупредительность и вниманіе со стороны своего зятя. Въ глазахъ короля, интересы Пруссіи вполнѣ сливались съ интересами Россіи. Прусское правительство относилось къ союзной державѣ съ величайшей предупредительностью. Разсматривая книги, журналы, театральныя пьесы цензура произносила надъ ними свой приговоръ сообразуясь съ тѣмъ, что, по ея мнѣнію, могло быть пріятно или непріятно Петербургу. Нерѣдко по требованію русскаго правительства отрѣшались должностныя лица, смѣялись профессора, навлекшіе на себя его неудовольствіе. Воля императора Николая, какъ говорится, была въ Берлинѣ закономъ. Дипломаты и государственныя сановники наперерывъ спѣшили изъявить ему свое почтеніе; неразъ какое нибудь высокопоставленное лицо бывало въ отчаяніи, не удостоившись на пріемѣ при дворѣ нѣсколькихъ милостивыхъ словъ русскаго царя. Нужно было обладать удивительнымъ тактомъ императора Николая, чтобы эти чрезмѣрныя и слишкомъ явныя изъявленія чувствъ не оскорбили весьма естественной щепетильности прусскаго монарха, коего онъ былъ гостемъ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ III желалъ, чтобы эти дружескія отношенія не прекратились съ его смертью. Въ политическомъ завѣщаніи, которое онъ оставилъ своему наслѣднику, говорилось между прочимъ: «Постарайся сохранить, по мѣрѣ возможности, доброе согласіе, существующее между европейскими державами, въ особенности, чтобы Пруссія, Россія и Австрія никогда не разъединились».

Вступивъ на престолъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV послѣдовалъ обнародовать это завѣщаніе и тѣмъ самымъ безмолвно принялъ на себя обязательство слѣдовать ему. Въ Петербургѣ къ этому были подготовлены. Несмотря на видимое различіе во вкусахъ и въ складѣ ума, между молодыми монархами болѣе существовало согласія во взглядахъ, нежели между Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и его царственнымъ зятемъ. Императоръ Николай и Фридрихъ-Вильгельмъ IV были оба проникнуты идеей легитимизма и самодержавія, хотя король всегда соглашалъ свои взгляды со своими личными интересами, тогда какъ императоръ Николай поступалъ такъ по принципу. Молодой король раньше неразъ защищалъ передъ отцомъ политику императора Николая, впрочемъ не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Онъ желалъ, также какъ русскій императоръ, чтобы Пруссія объявила, въ 1828 г., войну Турціи, принявъ сторону Россіи, былъ непрочь обнажить мечъ противъ Людовика-Филиппа и бельгійцевъ и также не хотѣлъ признавать іюльской монархіи. Поэтому вступленіе на престолъ Фридриха-Вильгельма весьма естественно было встрѣчено императоромъ Николаемъ съ удовольствіемъ. «Личное вліяніе императора на будущаго короля будетъ огромно—писалъ баронъ Мейендорфъ; въ важные моменты онъ будетъ имѣть во

всемъ рѣшающій голосъ». Мнѣніе этого дипломата, какъ увидимъ, не вполне оправдалось.

Вначалѣ, все шло какъ нельзя лучше. По вступленіи на престолъ, королю пришлось немедленно заняться египетскимъ вопросомъ, изъ-за котораго враждовали Франція и Англія и который вызвалъ двоякую группировку державъ. Россія, имѣя въ виду свои собственные интересы, дѣйствовала противъ Франціи; нѣмецкій патриотизмъ былъ въ это время чрезвычайно возбужденъ ожиданіемъ войны съ этою державою. Слѣдовательно Фридрихъ-Вильгельмъ IV, поддерживая русскаго императора на конференціяхъ въ Лондонѣ, потакалъ народнымъ страстямъ и въ то же время руководствовался своей собственной антипатіей къ іюльской монархіи и дѣлалъ угодное своему зятю.

Это благоприятное для Россіи настроеніе прусскаго короля было непродолжительно. Опасность осложненій въ дѣлахъ внѣшней политики вскорѣ миновала, и оба кабинета могли спокойно заняться своими внутренними дѣлами. Императоръ Николай увидѣлъ, что на обѣщанія его царственного шурина нельзя было вполне полагаться, ибо, высказывая либеральные взгляды, онъ дѣйствовалъ въ консервативномъ духѣ. Рѣчи, произнесенныя имъ въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ, лица, коихъ онъ къ себѣ приблизилъ или которыхъ избиралъ въ совѣтники, указывали на такія тенденціи, которыя русскій царь не могъ одобрить, и ему пришлось вскорѣ выразить свое неудовольствіе по этому поводу. Независимо отъ всего этого, между обоими правительствами существовали недоразумѣнія чисто матеріальнаго свойства. Покойный король оставилъ своему преемнику въ наслѣдіе нерѣшенный вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ.

Оба кабинета исходили въ своихъ сужденіяхъ по этому вопросу изъ совершенно различныхъ взглядовъ. Пруссія, въ силу Вѣнскаго трактата хотѣла удержать русскія провинціи Польши въ своей таможенной системѣ, тогда какъ Россія стремилась приравнять ихъ въ этомъ отношеніи къ остальнымъ губерніямъ. Пруссія хотѣла добиться уменьшенія тарифа на свои издѣлія, а Россія была намѣрена покровительствовать только что возникавшей своей промышленности.

Вслѣдствіе запрѣтительнаго тарифа, на западной границѣ Россіи страшно развилась контрабандная торговля, которую Пруссіи не было никакой надобности преслѣдовать съ особенной строгостью, такъ какъ она была для нея гораздо менѣе разорительна нежели для Россіи. Конвенція, заключенная съ Пруссіей въ 1825 г., освободила Россію отъ стѣсненій, наложенныхъ на нее Вѣнскимъ договоромъ, но Пруссія отказывалась возобновить эту конвенцію по истеченіи срока, выставляя на видъ, что, возвративъ Россіи по этой конвенціи полную свободу торговли, она не получала взамѣнъ этого никакихъ льготъ и что ея фабриканты и купцы возстаютъ противъ возобновленія этого договора;

словомъ, она предпочитала обходиться безъ всякаго договора, нежели возобновить конвенцію 1825 г. Дѣло оставалось въ этомъ положеніи вплоть до 1840 г.

Въ этомъ году русское правительство выразило намѣреніе дать концессию на сооруженіе желѣзной дороги, которая соединила бы Нѣманъ съ Либавскимъ портомъ съ цѣлью отвлечь торговлю отъ прусскихъ портовъ. Видя, что это могло невыгодно отразиться на торговлѣ Восточной Пруссіи, ибо съ постройкой этой дороги всѣ товары изъ внутреннихъ губерній Россіи могли бы идти моремъ, минуя Пруссію, берлинское правительство рѣшило отплатить своему сосѣду тою же монетою и заявило рѣшительно, что облигаціи предполагаемой желѣзной дороги не будутъ допущены къ котировкѣ на берлинской биржѣ. Получивъ это сообщеніе, гр. Нессельроде перевелъ вопросъ на почву политическую. «Что скажетъ Европа, писалъ онъ, увидавъ что союзъ консервативныхъ державъ выражается открытой борьбой въ области ихъ коммерческихъ сдѣлокъ?» Пруссія одумалась; съ той и съ другой стороны были возобновлены переговоры, которые и на этотъ разъ также не привели ни къ какому результату, ибо Россія твердо рѣшила не измѣнять своего тарифа.

Вслѣдъ за тѣмъ явился на очередь вопросъ о контрабандной торговлѣ. На границѣ, гдѣ русское правительство выставило сильный военный кордонъ, между прусскими контрабандистами и русскими солдатами происходили настоящія стычки, въ которыхъ бывали раненные и убитые. «Не намъ же слѣдить за соблюденіемъ русскихъ таможенныхъ правилъ», говорили прусскіе уполномоченные; къ тому же русскія власти зачастую сами принимаютъ участіе въ контрабандной торговлѣ. Уполномоченные говорили на разныхъ языкахъ: то что русскіе называли «мошенническою торговлей» то пруссаки называли «свободою торговли», которой они не хотѣли лишать своихъ подданныхъ.

Общественное мнѣніе въ Пруссіи было крайне возбуждено этими таможенными недоразумѣніями и относилось враждебно къ русской политикѣ, которая тяготѣла надъ Пруссіей и Германіей. Императоръ Николай твердо рѣшилъ не заключать болѣе никакого торговаго договора и неизмѣнно держаться въ тарифномъ вопросѣ запретительной системы.

Видѣвъ съ тѣмъ, не желая затягивать переговоры, которые принимали все болѣе и болѣе острый характеръ и могли въ концѣ концовъ нарушить доброе согласіе, существовавшее между кабинетами, императоръ Николай заявилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать Пруссіи всѣ тѣ уступки, коихъ она добивалась—за исключеніемъ измѣненій въ тарифѣ, не требуя отъ нея взамѣтъ этого никакого вознагражденія. Дѣло касалось преимущественно нѣкоторыхъ льготъ относительно навигаціи и поступленія таможенныхъ сборовъ. Эти уступки были сдѣланы исклю-

чительно одной только Пруссіи, а не всѣмъ государствамъ, входившимъ въ составъ Германскаго таможеннаго союза подъ главенствомъ Пруссіи, какъ она того желала. Императоръ объявилъ объ этомъ королю во время его посѣщенія Россіи въ іюль мѣсяцѣ 1842 г.

Не желая остаться въ долгу по части великодушія, прусское правительство понизило въ слѣдующемъ году транзитныя пошлины на русское зерно. Это было одно изъ главныхъ требованій, предъявленныхъ русскимъ правительствомъ, которое вышло, такимъ образомъ, побѣдителемъ изъ этой продолжительной коммерческой войны.

Что касается политическихъ отношеній между обоими государствами, то можно сказать, что русское правительство или собственно императоръ Николай, съ самаго вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, чрезвычайно интересовался дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ въ Пруссіи. Мы упоминали выше о политическомъ завѣщаніи покойнаго короля, которое его преемникъ посѣшилъ обнародовать. Кромѣ этого существовало еще второе завѣщаніе, составленное по повелѣнію Вильгельма III княземъ Витгенштейномъ, управляющимъ королевской квартирой.

Въ этомъ дополнительномъ завѣщаніи, составленномъ по мысли Николая I и названномъ «проектомъ закона для королевской семьи», была включена статья, въ которой король заявлялъ о своемъ твердомъ намѣреніи сохранять верховныя права, унаслѣдованныя имъ отъ предковъ и передать ихъ неприкосновенными своимъ потомкамъ. Въ этомъ же завѣщаніи было оговорено, что созваніе генеральныхъ штатовъ можетъ понадобится только въ случаѣ заключенія новаго займа и что это собраніе должно состоять изъ 64 членовъ, изъ коихъ половина выборныхъ, а другая половина—назначенныхъ правительствомъ изъ членовъ государственнаго совѣта. Это распоряженіе было явнымъ нарушеніемъ королевскихъ указовъ 1815 и 1820 гг., коими было установлено народное представительство съ законодательными правами. Уговоривъ своего тестя подписать этотъ актъ, императоръ Николай, само собою разумѣется, интересовался его выполненіемъ: этимъ и объясняется то обстоятельство, что русскіе посланники въ Берлинѣ, въ царствованіе Фридриха-Вильгельма IV, долгое время не только сосредоточивали все свое вниманіе на этомъ вопросѣ внутренней политики, но зачастую вмѣшивались въ нее своими представленіями или совѣтами даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этихъ совѣтовъ никто не спрашивалъ. Представителемъ царя при дворѣ Фридриха-Вильгельма IV, въ первые годы его царствованія былъ баронъ Мейендорфъ. Этотъ дипломатъ, зная взгляды своего монарха и сущность секретнаго завѣщанія покойнаго короля, всѣми силами поддерживалъ тѣхъ лицъ, которыхъ считались противниками либеральныхъ реформъ, и не стѣснялся высказывать по этому поводу совершенно опредѣленные взгляды. Изъ его донесеній, напечатанныхъ впо-

слѣдствіи, выясняется, что молодой король не придерживался тѣхъ взглядовъ, которые либералы приписывали ему до его вступленія на престолъ; но послѣдніе, зная что у короля «не было хорошихъ совѣтниковъ», не отчаявались въ возможности добиться отъ него нѣкоторыхъ уступокъ. Русскій посланникъ видѣлъ въ этомъ опасность, которая, по его мнѣнію, могла быть устранена только личнымъ вліяніемъ ближайшихъ совѣтниковъ монарха.

Императоръ Николай не создавалъ себѣ въ этомъ отношеніи такихъ иллюзій какъ его посланникъ. Начиная съ 1841 г. онъ предвидѣлъ, что королю придется идти по пути уступокъ. «Мой шурина идетъ на гибель», говорилъ онъ, тѣмъ не менѣе всячески старался поддержать съ нимъ тѣсный союзъ. Сблизившись съ Англіей въ Восточномъ вопросѣ Николай I послѣдилъ до свѣдѣнія Берлина, что онъ остается по прежнему вѣренъ союзу съ Пруссіей, Австріей и Германіей, съ цѣлю образовать такимъ образомъ сплоченное цѣлое, достаточно внушительное и сильное, чтобы «защищать порядокъ и консервативные принципы». Онъ всячески старался, по его словамъ, привлечь къ этому союзу Англію. «Объясните это нашимъ добрымъ пруссакамъ», писалъ русскій вице-канцлеръ русскому посланнику въ Берлинѣ.

Что касалось Восточнаго вопроса то король прусскій менѣе всего сочувствовалъ планамъ Англій, и сохраненіе цѣлости Турецкой имперіи интересовало его гораздо менѣе, нежели императора Николая. Послѣдній, какъ человѣкъ практичный, не сочувствовалъ набожнымъ затѣямъ своего шурина и первое время неоднократно возставалъ противъ странныхъ проектовъ короля, каковы были, напр., крестовый походъ противъ турокъ, проектъ сдѣлать Иерусалимъ свободнымъ городомъ для всего христіанскаго міра и другія тому подобныя фантазіи.

Въ то время императоръ Николай несомнѣнно гораздо болѣе интересовался дѣлами Пруссіи, нежели Восточнымъ вопросомъ, въ особенности, когда король созвалъ сеймы восьми прусскихъ провинцій, въ томъ числѣ, само собою разумѣется и Познани.

Уничтоживъ, послѣ усмиренія Польскаго мятежа 1830 г., конституцію и сеймъ Царства Польскаго, царь былъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что у самыхъ границъ его имперіи засѣдало совѣщательное собраніе, составленное изъ поляковъ. Правда, что права Познанскаго сейма, равно какъ и остальныхъ провинціальныхъ собраній Пруссіи были чрезвычайно ограничены, всякія пренія по вопросамъ политики были имъ строжайшимъ образомъ воспрещены; но представители націи, которая такъ долго была лишена права голоса, нашли возможность обойти самыя строгія предписанія: они пользовались всякимъ предлогомъ, чтобы заявлять съ трибуны жалобы поляковъ и въ особенности

напомнить о томъ, что по отношенію ихъ были нарушены договоры 1815 г.

Мы видѣли выше, что по мюнхенгрецкому договору 1833 г., всѣ три державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши, обязались помогать другъ другу, съ цѣлью сохранить свои польскія владѣнія, слѣдить за революціонными происками поляковъ и выдавать другъ другу эмигрантовъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ. На основаніи этого договора императоръ Николай считалъ себя вправѣ вмѣшаться въ пренія, происходившія на Познанскомъ сеймѣ. Онъ жаловался на то, что прусское правительство допускало со стороны польскихъ депутатовъ такія рѣчи, которыя самымъ формальнымъ образомъ противорѣчили его обязательствамъ относительно другихъ правительствъ. Русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Мейендорфъ также не дремалъ.

Зная взгляды императора Николая I относительно либераловъ и поляковъ, онъ, не ожидая инструкцій, протестовалъ противъ преній, происшедшихъ на сеймѣ въ Познани, укоряя прусское правительство въ томъ, что оно допускаетъ такія рѣчи, сущность которыхъ сводилась къ требованію о возстановленіи Польши. Императоръ горячо одобрилъ дѣйствія своего посланника. Рѣчи, произнесенныя въ Познани, произвели сильное впечатлѣніе въ Варшавѣ; необходимо было протестовать, по праву, принадлежавшему Россіи. Но что же могъ сдѣлать въ этомъ случаѣ король Фридрихъ-Вильгельмъ? Прусскій монархъ не былъ уже въ то время въ положеніи полновластнаго властителя своихъ подданныхъ, въ какомъ находился король Фридрихъ-Вильгельмъ III, подписывая въ 1833 г. мюнхенгрецкій договоръ. Французская и бельгійская революція усилили либеральный духъ въ Германіи; пруссаки требовали отъ своего короля правъ и свободныхъ учрежденій. Король, твердо намѣренный отказать имъ въ конституціи, счелъ однако нужнымъ возродить старинныя провинціальныя сеймы, какъ законный исходъ для исполненія желаній и требованій народа. Могъ ли онъ зажать ротъ полякамъ, позволяя нѣмцамъ говорить свободно? Но этимъ дѣло не ограничилось. Жалобы императора Николая были вызваны не только поляками, но и прусскою прессою. Уже въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III, прусскія газеты сдѣлались выразительницами общественнаго мнѣнія, которое съ неудовольствіемъ видѣло преобладающее вліяніе императора Николая на прусскую политику.

Въ послѣдующее царствованіе цензура сдѣлалась болѣе свободною, и газеты, выходившія въ Берлинѣ и Кенигсбергѣ, позволяли себѣ крайне враждебно отзываться о Россіи. Петербургскій кабинетъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы протестовать противъ послабленій со стороны прусской цензуры: произошелъ обмѣнъ дипломатическихъ нотъ. Какимъ образомъ цензура терпитъ, писалъ графъ Нессельроде, подобные на-

падки на иностранную и дружественную державу, состоящую въ тѣсномъ союзѣ съ Пруссіей? Въ случаѣ чего-либо подобнаго, русскій цензоръ, пропустившій какую-либо статью въ этомъ духѣ относительно Пруссіи, не избѣжалъ бы строгаго наказанія. Слѣдовало бы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, говорилъ въ заключеніе вице-канцлеръ, не потому чтобы русское правительство особенно обижалось на эти нападки, но главнымъ образомъ потому, что ихъ безнаказанность можетъ подать Европѣ поводъ думать, что узы, связывающія наши правительства, начинаютъ ослабѣвать.

Протестъ петербургскаго кабинета увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ, по скольку онъ касался прусскихъ газетъ, коимъ было настрожайшимъ образомъ приказано воздерживаться впредь отъ всякой недоброжелательной критики отношеній, существующихъ между обоими правительствами. Самъ король поспѣшилъ заявить публично о своей неизмѣнной дружбѣ къ русскому императору. Вскорѣ послѣ этого дипломатическаго недоразумѣнія, король сказалъ въ рѣчи, произнесенной имъ на одномъ военномъ торжествѣ: «Будемъ всегда помнить, какъ много Пруссія обязана признательностью Россіи. Русскій императоръ не только мой родственникъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ мой ближайшій и лучший другъ; это настоящій другъ Пруссіи».

Это были прекрасныя слова, которыя льстили самолюбію императора Николая, но не успокаивали его насчетъ будущихъ отношеній къ соудному правительству, которое, по словамъ русскихъ представителей въ Берлинѣ, постоянно колебалось между самыми противорѣчивыми принципами и взглядами. Въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III, императоръ Николай большею частью лично велъ переговоры съ королемъ, чтобы побѣдить оппозицію его министровъ, но послѣ восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV, петербургскій кабинетъ постарался привлечь на свою сторону прусскихъ министровъ, въ особенности тѣхъ, коимъ онъ приписывалъ извѣстное вліяніе на короля: между ними даже были лица болѣе симпатизировавшіе Россіи, нежели самъ король. Прускаго министра иностранныхъ дѣлъ хвалили за то, что онъ руководствовался вполне русскими взглядами, ему выразили свое благоволеніе, какъ бы лицу, состоявшему на русской службѣ; хвалили и тѣхъ министровъ, которые въ дѣлахъ внутренняго управленія противились либеральнымъ стремленіямъ короля. Внутренніе и внѣшніе враги берлинскаго правительства съ усмѣшкою называли Пруссію «русскимъ пашалыкомъ».

Русскій посланникъ въ Берлинѣ строже всѣхъ критиковалъ правительственныя дѣйствія Фридриха-Вильгельма IV; онъ выражалъ свою симпатію всѣмъ, кто шелъ противъ либеральныхъ идей короля и поощрялъ ихъ оппозицію, одобряемую русскимъ императоромъ. Непослѣ-

довательность, которою были отмѣчены поступки короля, была поводомъ къ этой критикѣ и въ то же время давала пищу врагамъ либерализма. «Полнѣйшее отсутствіе опредѣленной системы и твердыхъ принциповъ составляетъ величайшее зло прусскаго правительства — писалъ баронъ Мейендорфъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1842 г. Когда распоряженіямъ, сдѣланнымъ сегодня, противорѣчатъ мѣры, принимаемыя завтра, то правительственныя лица должны или сообразоваться съ этими переměнами или не оказывать болѣе главѣ государства нравственной поддержки». Мейендорфъ то и дѣло хвалилъ тѣхъ министровъ, которые «не давали воли пылкому воображенію его королевскаго величества». Петербургскій кабинетъ одобрялъ ихъ, исходя изъ той же точки зрѣнія. Графъ Нессельроде признавалъ за прусскими министрами великую заслугу въ томъ, что они боролись «противъ конституціонныхъ и демократическихъ стремленій, которыя обнаруживались въ Пруссіи все съ болѣею и болѣею силою». Необходимо, говорилъ онъ, чтобы прусское министерство было сильно, когда въ странѣ существуетъ пресса, «которая позволяетъ себѣ большія вольности и своими нападками противъ русскаго правительства становится совершенно невыносимою». Малѣйшее извращеніе фактовъ по отношенію къ Россіи вызывало протесты со стороны русскаго посланника въ Берлинѣ. Прусское правительство со своей стороны вчиняло иски противъ повременныхъ изданій и присуждало ихъ къ большимъ штрафамъ; наконецъ, подъ давленіемъ русскаго правительства были изданы болѣе строгія цензурныя правила, которыя были распространены и на книги. Когда, однажды, адъютантъ военнаго министра издалъ сочиненіе о войнѣ англичанъ въ Афганистанѣ и отозвался въ немъ не особенно лестно о русской арміи, то русскій посланникъ жаловался на него, и военный министръ на другой же день пріѣхалъ къ барону Мейендорфу съ визитомъ, разсыпался въ похвалахъ русской арміи, обѣщалъ сдѣлать автору статьи выговоръ и послать его въ одинъ изъ провинціальныхъ гарнизоновъ. Русскій посланникъ принялъ его извиненія и адъютантъ лишился мѣста.

Около этого времени императоръ Фридрихъ-Вильгельмъ IV усердно трудился надъ проектомъ народнаго представительства: онъ понималъ, что ему немисливо долѣе противиться единодушнымъ требованіямъ націи. Онъ предвидѣлъ оппозицію со стороны своего брата, принца прусскаго, со стороны остальныхъ принцевъ королевскаго дома и феодальной аристократіи. Но главнымъ образомъ онъ опасался оппозиціи своего зятя, русскаго императора: и болѣе твердые характеромъ монархи боялись заслужить гнѣвъ могущественнаго русскаго царя, который казался еще болѣе сильнымъ потому, что предъ нимъ склонялись почти всѣ державы Европы. Такъ, по его настоянію, правительство Людовика-Филиппа воспретило представленіе историче-

скихъ драмъ на сюжеты, заимствованныя изъ царствованія Екатерины II и Павла I, и конфисковало эти пьесы. Одинъ этотъ фактъ даетъ понятіе о вліяніи, коимъ пользовался всюду императоръ Николай. Либеральныя поползновенія его шурина выводили императора изъ себя, а когда король созвалъ сеймъ въ Познани, то императоръ высказалъ даже, что королю слѣдовало бы спросить его согласія прежде, нежели рѣшиться на политическій шагъ, касающійся польской провинціи.

При подобныхъ условіяхъ король, понятно, не рѣшался сдѣлать ни шага, не заручившись предварительно согласіемъ царя. По этой причинѣ, выработанный прусскимъ правительствомъ секретно проектъ конституціи былъ сообщенъ императору Николаю прежде, нежели его дали на просмотръ брату короля, принцу прусскому, наслѣднику прусскаго престола. Генералу Рауху, флигель-адъютанту короля было повелѣно, въ январѣ мѣсяцѣ 1846 г., отправиться въ Петербургъ, чтобы представить императору проектъ конституціи. Самъ король считалъ необходимымъ письменно сообщить императору Николаю тѣ причины, которыя побудили его сдѣлать эту уступку своему народу. Онъ увѣрялъ императора въ своихъ консервативныхъ убѣжденіяхъ и въ томъ, что онъ никогда не дастъ ни хартіи, ни конституціи, ни правъ на періодическія собранія. «Я хочу закончить зданіе, писалъ онъ, начатое моимъ отцомъ, которое, не будучи подведено подъ крышу, угрожаетъ разрушиться. Государство нуждается въ займѣ, но по закону 1820 г. оно не можетъ заключить его безъ согласія генеральныхъ штатовъ. Изданіе этого закона было ошибкою, но разъ законъ существуетъ, его слѣдуетъ соблюдать; надобно исполнить то, чего требуетъ справедливость, и соблюдать германскій законъ, по которому налоги и подати должны утверждаться народными представителями большинствомъ голосовъ».

Эти доводы ни мало не тронули императора. Онъ возсталъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ плановъ короля, не видя въ нихъ никакой практической пользы.

«Какъ блюститель священныхъ намѣреній и желаній вашего отца, отвѣчалъ императоръ, я всегда старался доказать вамъ, что они совершенно противоположны тому, что вы замышляете». Неужели король не видитъ, говорилось далѣе, въ какую гибель онъ можетъ ввергнуть своимъ проектомъ Пруссію и всю Европу! Пламя революціи тлѣетъ всюду, число противниковъ порядка возрастаетъ ежедневно. «Вѣрный принципамъ, унаслѣдованнымъ отъ покойнаго моего брата и отъ вашего отца, такъ заканчивалъ императоръ, я никогда не отступлю отъ нихъ и буду бороться до послѣдняго издыханія, Богъ да будетъ намъ судья!»

Баронъ Мейендорфъ, со своей стороны, пустилъ въ ходъ всѣ сред-

ства, чтобы помѣшать осуществленію конституціоннаго проекта. Онъ полагалъ такъ же, какъ и его монархъ, что все погибнетъ, ежели Пруссія получитъ нѣкоторое подобіе конституціи. «Внутреннее положеніе Пруссіи весьма печально, писалъ онъ въ депешѣ отъ 5-го августа 1845 г. Восточная Пруссія только и мечтаетъ о конституціи; Рейнскія провинціи проникнуты демократическимъ духомъ; въ Силезіи ненавидятъ дворянство; буржуазія одержима революціонными стремленіями, крестьяне заражены идеями коммунизма, консервативная партія разстроена. Было бы желательно имѣть правительство, составленное изъ лицъ, преданныхъ монархическому принципу: къ сожалѣнію, король не переноситъ однороднаго министерства».

Король зашелъ слишкомъ далеко со своимъ конституціоннымъ проектомъ, чтобы отступить; къ тому же, государство нуждалось въ деньгахъ и это вынудило его созвать собраніе изъ представителей націи. Поэтому, не обращая вниманія на протестъ императора Николая, онъ даровалъ народу въ началѣ февраля мѣсяца 1847 г. нѣкоторое подобіе конституціи со всевозможными ограниченіями, съ собраніемъ генеральныхъ штатовъ, составленномъ въ самомъ феодальномъ духѣ и получившимъ самыя ограниченныя права.

Ознакомившись съ этимъ актомъ императоръ Николай возобновилъ свои упреки и намекнулъ даже на возможность разрыва прежнихъ дружественныхъ отношеній. Это произвело сильное впечатлѣніе на короля, который снова началъ обсуждать въ своихъ письмахъ этотъ вопросъ и извинялся передъ императоромъ, какъ обвиняемый передъ судьей. Императоръ заявилъ, что новыя прусскія учрежденія измѣнили отношенія, существовавшія между Россіей и Пруссіей. «Нѣтъ! нѣтъ! писалъ король, Богъ мнѣ свидѣтель въ томъ, что я сказалъ правду: я не сдѣлалъ ничего, что давало бы вамъ право измѣнить ваши политическія отношенія къ Пруссіи. Я не ослабилъ моей короны и моей монархической власти, не измѣнилъ стариннаго государственнаго устройства страны, не обѣщалъ дать конституціи и не принялъ на себя никакихъ обязательствъ, которыя связали бы мнѣ свободу дѣйствій».

Затѣмъ, перемѣнивъ тонъ, король изъ обвиняемаго становится обвинителемъ. Императоръ обвиняетъ его въ томъ, писалъ онъ, что онъ далъ народу хартію, весьма мало похожую на конституцію, но въ такомъ случаѣ покойный король гораздо болѣе имѣлъ право упрекать императора Александра за то, что онъ счелъ за благо дать Польшѣ совершенно современную, чисто французскую конституцію, въ духѣ Людовика XVIII. «Все это совершенно не соотвѣтствовало взглядамъ моего отца и моимъ собственнымъ. И что же? допускалъ ли мой отецъ мысль, что это могло измѣнить дружественный политическій союзъ и

сердечное согласіе, существовавшее между нимъ и императоромъ Александромъ».

Императоръ Николай долженъ былъ сознаться въ справедливости этихъ словъ; «но, замѣтилъ нѣсколько ядовито, въ то время какъ мой братъ да лъ конституцію полякамъ, вашъ отецъ обѣщалъ дать ее пруссакамъ». Оба эти факта были прискорбны и имѣли одинаково прискорбныя послѣдствія. Россія искупила свою ошибку кровью, пролитою ею при усмиреніи польскаго мятежа; «а вы, любезный другъ, возбудили ложныя надежды, вы вступили въ новую эру».

«Европу можно спасти только дѣломъ, а не словами, говорилъ царь, вы были тридцать два года моимъ другомъ; велите мнѣ замолчать, и молчаніе мое будетъ ненарушимо; но если я буду говорить, то я всегда скажу правду!»

Мы уже видѣли, что со времени вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма III вліяніе петербургскаго кабинета въ Берлинѣ постоянно возрастало. Личная дружба и родственная связь, существовавшія между монархами, играли въ этомъ случаѣ не малую роль; тѣмъ не менѣе русское правительство не всегда торжествовало надъ прусскими министрами и сановниками, которые не такъ легко поддавались его разсужденіямъ. Каковы же могли бы быть препятствія и затрудненія, которыя императоръ Николай могъ встрѣтить въ то время, когда воля короля прусскаго и рѣшенія его министровъ были бы болѣе или менѣе сдержаны парламентомъ? До тѣхъ поръ русской политикѣ приходилось иногда бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, съ коимъ прусскому правительству необходимо было считаться: что же можно было ожидать тогда, когда это мнѣніе получило бы официально право высказываться и настаивать на своихъ требованіяхъ? Тридцатилѣтнія традиціи и привычки были бы тогда нарушены; русскій императоръ пересталъ бы быть руководителемъ и вдохновителемъ берлинскаго кабинета, и внѣшняя политика Пруссіи сдѣлалась бы независимой, что иной разъ могло быть весьма опаснымъ для Россіи. Къ тому же Пруссія, по своему географическому положенію являлась первымъ звеномъ той цѣпи, которая связывала Россію съ западною Европою, которая все болѣе и болѣе ускользала изъ-подъ вліянія Россіи. Императоръ Николай оттолкнулъ Францію—Людовика-Филиппа, но не успѣлъ привлечь на свою сторону Англіи. Вліяніе Россіи было парализовано на Востокѣ англо-французскимъ соглашеніемъ, къ которому примкнула Австрія. Императоръ Николай старался сблизиться съ Франціей въ то самое время, когда онъ, обсуждалъ со своимъ шуриномъ вопросъ о конституціи; онъ возобновилъ съ этою державою дипломатическія сношенія, сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію съ тюльерійскимъ дворомъ, оказалъ денежную помощь Франціи, пострадавшей отъ голода, и подумывалъ о возобновленіи

давнішнихъ переговоровъ съ цѣлью заключить между обоими государствами союзъ. Но какой-то злой рокъ преслѣдовалъ постоянно всѣ подобнаго рода начинанія Россіи: въ царствованіе Екатерины II имъ помѣшала французская революція, въ царствованіе Николая I—юльская революція 1830 г. и февральская—1848 г. Последняя, создавъ пропасть между монархіей и республикой, заставила императора Николая снова отказаться отъ мысли о союзѣ, котораго всегда опасались нѣмцы, по скольку онъ могъ имѣть результатомъ присоединеніе къ Франціи земель, лежавшихъ по лѣвому берегу Рейна.

V.

Революція 1848 г. во Франціи.—Мѣры, принятыя императоромъ Николаемъ.—Поведеніе Фридриха-Вильгельма IV.—Восстаніе въ Берлинѣ.—Манифестъ императора Николая.—Пріѣздіе въ Берлинъ депутаціи отъ познанскихъ поляковъ.—Пріемъ депутаціи Вильгельмомъ IV.—Мнѣнія императора Николая о полякахъ и о безпорядкахъ въ Берлинѣ.—Вліяніе Россіи на внутреннія дѣла Пруссіи.—Циркуляръ графа Нессельроде.—Совѣтъ Николая I подавить восстаніе силою.

Февральская революція 1848 г. разстроила всѣ планы императора Николая относительно внѣшней политики и глубоко измѣнила отношенія между берлинскимъ и петербургскимъ дворами, такъ какъ Пруссія перестала съ этихъ поръ быть надежнымъ оплотомъ Россіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ возрасли вліяніе и престижъ императора Николая, такъ какъ революціонное движеніе, охватившее всѣ государства западной Европы, заставило всѣхъ монарховъ начать борьбу съ демократіей. Все рушилось, все приходило въ замѣшательство и лишь одна Россія была непоколебима. Поэтому, императоръ Николай, весьма естественно, могъ считать себя призваннымъ спасти Европу отъ революціи, подобно тому, какъ его братъ, Александръ I, явился ея спасителемъ отъ Наполеона.

Одно время императоръ какъ будто подумывалъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ противъ вновь возникшей французской республики, подобно тому, какъ онъ предлагалъ нѣкогда королю Фридриху-Вильгельму III вмѣшаться въ дѣла Франціи, послѣ революціи 1830 г. Въ то время прусскій королевскій принцъ одобрялъ эту кампанію, но умудренный опытомъ старикъ-король не допустилъ этого шага. Получивъ извѣстіе о февральскихъ событіяхъ въ Парижѣ, императоръ писалъ, 8-го марта н. с., своему шурину: «Намъ обоимъ угрожаетъ неминуемая гибель. Надобно дѣйствовать общими силами, по плану выработанному сообща;

не признавать революціоннаго правительства Франціи и сосредоточить на Рейнѣ сильную армию, которая могла бы противостоять нашествію французовъ».

Императоръ обѣщалъ вооружить, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, армию въ 350.000 человекъ, которая немедленно выступитъ на защиту короля прусскаго. «Мужайтесь! писалъ императоръ, дѣйствуйте смѣло, съ нами будетъ Богъ, ибо мы защищаемъ самое святое дѣло; мы — христіане».

Еще до полученія этого письма, король приказалъ сообщить петербургскому кабинету его мнѣніе насчетъ тѣхъ мѣръ, которыя надлежало принять для борьбы съ революціей. Въ запискѣ, составленной прусскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, были изложены причины, которыя могли вызвать паденіе Людовика-Филиппа; объ этихъ же причинахъ распространялся въ своемъ письмѣ къ королю и императоръ Николай. «Протестовать противъ какихъ бы то ни было уступокъ, говорилось въ этой запискѣ, не значитъ слѣдовать примѣру этого монарха, погибшаго потому, что онъ слишкомъ долго отказывался сдѣлать уступки либеральной партіи. Правительства, теряющія въ наше время мужество и дѣлающія уступки, когда народъ бушуетъ на улицахъ, губятъ себя безвозвратно», говорилось въ заключеніи. Императоръ Николай вполнѣ раздѣлялъ такой взглядъ и старался поддержать своего шурина въ этихъ мысляхъ. Но, у Фридриха-Вильгельма IV слова рѣдко согласовались съ поступками. Къ тому же надобно было обладать гораздо болѣе твердымъ характеромъ, чтобы побороть революціонный духъ, охватившій народныя массы. Быть можетъ, самъ императоръ Николай не могъ бы сдержать въ Берлинѣ бурный потокъ, прорвавшій всѣ плотины. Двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ вспыхнула революція въ Парижѣ, въ Германіи и Австріи, повсюду начались народныя волненія, и король Фридрихъ-Вильгельмъ IV вступилъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ, на путь уступокъ. Онъ даровалъ народу конституцію, право всеобщей подачи голосовъ, многія вольности и взялъ въ свои руки дѣло національнаго объединенія Германіи и интересы шлезвигъ-голлштинцевъ, возставшихъ противъ датскаго короля; онъ едва не вошелъ въ соглашеніе съ поляками въ Познани. Неудовольствію императора Николая не было границъ. «Король находится во власти буржуазіи, писалъ 20-го марта баронъ Мейендорфъ императору; если ему удастся бѣжать и собрать до 20.000 человекъ въ Потсдамѣ, его престолъ и династія еще могутъ быть спасены. Король укрывается въ Потсдамѣ, но онъ спасаетъ престолъ, дѣлая уступки революціонерамъ».

— Онъ ухаживаетъ за своимъ народомъ,—говорилъ императоръ Николай, получивъ извѣстіе о томъ, что король катается верхомъ по улицамъ Берлина.

Онъ выразился еще болѣе рѣзко, когда за столомъ однажды зашла рѣчь о циркѣ Лежара.

— Циркъ Лежара намъ болѣе не нуженъ,—сказалъ онъ,—я выпишу моего шурина изъ Берлина.

Въ Берлинѣ и Познани совершились событія, которыя могли вызвать тревогу въ Петербургѣ относительно Польши. Въ виду этихъ событій, императоръ Николай обратился къ русскому народу съ манифестомъ, въ которомъ онъ указывалъ на грозящую опасность и взывалъ къ его преданности престолу, для защиты русской земли.

«Послѣ благословеній долготѣνιαго мира, сказано было въ манифестѣ¹⁾, Западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперій—Австрійской и королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ вѣренной, Россіи.

«Но, да не будетъ такъ!

«По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призывавъ въ помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и, не щадя себя, будемъ, въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью, защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя; что древній нашъ возгласъ: «за вѣру, царя и отечество» и нынѣ предужажетъ намъ путь къ побѣдѣ,—и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святаго на него упованія, мы все вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь: яко съ нами Богъ!»

Въ одной статьѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» говорилось, что въ Европѣ раздавались вопли противъ Россіи, на государства союзныя съ Россіей сыпались обвиненія, народъ возбуждался къ войнѣ противъ этой имперіи и все протестовали противъ вмѣшательства Россіи въ европейскія дѣла, тогда какъ это вмѣшательство совершенно не входило въ ея планы. «Если Россія заступилась въ 1812 г. за Германію, гово-

¹⁾ Отъ 14-го марта.

рилось далѣе въ этой статьѣ, то развѣ нѣмцы первые не воспользовались этимъ? Въ настоящее время Россія не намѣрена вмѣшиваться ни въ дѣла Германіи, ни въ дѣла Франціи. Она не намѣрена ни на кого нападать, но она не позволитъ нарушить европейскаго равновѣсія и сдѣлать какія-либо территоріальныя измѣненія въ Европѣ, которыя могли бы послужить ей во вредъ; наконецъ, она будетъ уважать независимость и цѣлость сосѣднихъ государствъ до тѣхъ поръ, пока эти послѣднія будутъ относиться съ уваженіемъ къ цѣлости и независимости Россіи».

Тревога, которую обнаруживала Россія, не была лишена основанія. Въ тотъ моментъ, когда вспыхнула революція въ Берлинѣ, въ центральной тюрьмѣ этого города находился одинъ изъ самыхъ ярыхъ представителей польскихъ повстанцевъ, дѣйствовавшихъ въ Парижѣ, генералъ Мѣрославскій. Посланный въ 1845 г. въ Познань, чтобы приготовить тамъ повстаніе, онъ былъ узнанъ, арестованъ и приговоренъ высшей судебной инстанціей въ Берлинѣ къ смертной казни, которая была замѣнена королемъ пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Берлинскіе революціонеры, направили свое озлобленіе противъ Россіи или, лучше сказать, противъ русскаго правительства, которое они обвиняли въ томъ, что оно мѣшало своимъ влияніемъ либеральнымъ реформамъ, коихъ требовалъ прусскій народъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій бунтовщиковъ, сдѣлавшихся хозяевами столицы послѣ того, какъ король приказалъ войскамъ удалиться изъ нея, было отправиться въ тюрьму и освободить Мѣрославскаго и единомышленныхъ съ нимъ поляковъ, коихъ возбужденная чернь торжественно пронесла на рукахъ по улицамъ Берлина. Этотъ главарь польскихъ мятежниковъ немедленно отправился въ Познань съ цѣлью организовать тамъ повстаніе. Прусское правительство вступило съ мятежниками въ переговоры. Ободренные этой снисходительностью, они потребовали отдѣленія отъ Пруссіи Познани и дарованія ей польскаго управленія, администраціи и войска. Тогда прусское правительство рѣшило принять энергичныя мѣры, и съ помощью войска положило вскорѣ конецъ мятежу.

Нетерпѣніе петербургскаго кабинета, которому пришлось долго ожидать этого результата, вконецъ истошилось. Онъ видѣлъ, что прусское правительство было слишкомъ слабо, быть можетъ, даже безсильно или вовсе не расположено ограничить съ самаго начала движеніе поляковъ. Правда, баронъ Мейендорфъ предвидѣлъ, что увлеченіе поляками скоро остынетъ и что въ Пруссіи никто не хочетъ воевать съ Россіей. Но онъ боялся, чтобы прусское правительство, будучи ослаблено и сбито съ толку въ дѣлахъ внутренняго управленія, не попало въ какую-нибудь неприятную исторію. Присутствіе въ Берлинѣ князя Адама Чарторый-

слаго указывало, что тамъ затѣваются какіе-либо переговоры относительно Польши.

Въ Берлинъ прибыла депутація польскихъ магнатовъ, съ познанскимъ архіепискомъ во главѣ, чтобы изложить королю желанія польской націи и напомнить ему, что прусское правительство не сдержало обѣщаній, данныхъ полякамъ въ 1815 году. Во время этой аудіенціи между королемъ и лицомъ, говорившимъ отъ имени депутаціи, завязался весьма любопытный разговоръ.

— Успѣвъ отдѣлиться отъ Пруссіи, познанскіе поляки не достигли бы этимъ цѣли своихъ желаній,—сказалъ король.—Малѣйшая попытка, сдѣланная въ этомъ смыслѣ, отдастъ Познань въ руки Россіи. Императоръ Николай только по моей убѣдительной просьбѣ обѣщаль не вмѣшиваться пока въ это дѣло.

Затѣмъ разгораясь все болѣе и болѣе и какъ бы желая внушить делегатамъ какъ можно болѣе страха, король сказалъ:

— Я могу положиться на слово императора, ибо это человекъ съ желѣзной волею, съ самымъ благороднымъ и твердымъ характеромъ; это монархъ могущественный и умный,—это единственный монархъ Европы, который умѣетъ поддерживать свою власть съ непоколебимой энергіей. Императоръ Николай вмѣшается въ это дѣло лишь въ томъ случаѣ, ежели безъ вѣдома моего или хотя бы и съ согласія будетъ сдѣлана попытка организовать управление великаго герцогства Познанскаго на національныхъ началахъ, такъ какъ это можетъ угрожать опасностью его собственнымъ польскимъ владѣніямъ; въ такомъ случаѣ онъ прикажетъ вступить въ Познань своимъ войскамъ, и всѣ мои мольбы будутъ безсильны, чтобы отклонить его отъ этого. Кромѣ того, національное движеніе можетъ вызвать нападеніе со стороны Франціи. При этихъ условіяхъ война съ Россіей немыслима. Совѣсть и долгъ не позволили бы мнѣ начать эту войну, тѣмъ болѣе, что она несовмѣстима съ моей честью.

Несмотря на отвѣтъ, полученный депутаціей, который былъ почти равносильнъ отказу на ея требованія, король велѣлъ нѣсколько дней спустя приступить къ реорганизации великаго герцогства Познанскаго въ національномъ духѣ, послалъ туда генерала Валлизена, извѣстнаго своими симпатіями къ полякамъ, и велѣлъ сосредоточить на русской границѣ значительныя силы. Русскій посланникъ въ Берлинъ былъ этимъ оскорбленъ и принялъ угрожающій тонъ.

— Берегитесь,—говорилъ онъ прусскому министру иностранныхъ дѣлъ,—не компрометируйте свое правительство; въ концѣ концовъ мой императоръ не останется равнодушнымъ зрителемъ всего совершающагося. Если вы не въ состояніи потушить революціонный очагъ въ Познани, скажите объ этомъ намъ, мы подумаемъ о томъ, что надобно

сдѣлать. Если же вы станете покровительствовать такому порядку вещей, то это послужитъ поводомъ къ войнѣ.

Императоръ Николай не только одобрилъ все сказанное посланникомъ, но даже самъ написалъ королю письмо.

«Зачѣмъ было миловать польскихъ мятежниковъ, спрашивалъ онъ, и позволять князю Адаму Чарторыйскому жить въ Пруссіи? Какъ было не подавить въ самомъ зародышѣ польское національное движеніе въ Познани?» Всѣ эти упреки съ точки зрѣнія императора были вполне заслужены. Всѣ отговорки, которыя король приводилъ въ свое оправданіе, только доказывали его безсиліе, его смущеніе.

— Намъ всѣмъ приходилось уступать,—говорилъ король нѣсколько лѣтъ спустя, вспоминая мартовскія событія 1848 г.

Наконецъ, чтобы не оставить въ королѣ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣреній русскаго правительства, императоръ объявилъ, что имъ сосредоточено въ пограничныхъ губерніяхъ 420.000 чел., кои будутъ поддержаны 100.000 резервнаго войска, получившаго назначеніе защищать польскія провинціи Россіи.

«Я никогда никого не трону,—такъ заканчивалось письмо царя,—но горе тому, кто насъ задѣнетъ. Аминь!»

Объединительныя стремленія Германіи и волненіе поляковъ въ Познани были далеко не единственнымъ поводомъ къ протесту и жалобамъ со стороны императора. Царь былъ возмущенъ объявленіемъ войны Даніи, на что король рѣшился, желая удовлетворить одно изъ главныхъ требованій германскаго народа. Тотчасъ послѣ того, какъ вспыхнула революція въ Берлинѣ, король официально призналъ права герцога Христіана Шлезвигъ-Голштейнъ-Аугустенбургскаго. Сообщая объ этомъ императору, онъ писалъ, что взялъ это дѣло въ свои руки, чтобы вырвать его изъ рукъ демократіи; что война, которую онъ согласился вести отъ имени Германскаго Союза, имѣла цѣлью единственно возстановить въ Приальбскихъ герцогствахъ прежній порядокъ вещей, нарушенный указомъ короля датскаго о присоединеніи этихъ провинцій къ Даніи. Императоръ не допускалъ подобныхъ объясненій. По его мнѣнію, прусскій король защищалъ мятежниковъ противъ ихъ законнаго монарха, и когда послѣдній обратился къ Россіи съ просьбою о посредничествѣ, то императоръ предложилъ Пруссіи вывести свои войска изъ Приальбскихъ герцогствъ. Когда же это требованіе осталось безъ послѣдствій и прусскія войска даже пододвинулись къ границамъ Ютландіи, то русскому посланнику въ Берлинѣ, барону Мейендорфу, было приказано заявить королю, что занятіе Ютландіи нанесетъ серьезный ущербъ интересамъ всѣхъ державъ, владѣнія коихъ соприкасаются съ Балтійскимъ моремъ, и нарушитъ равновѣсіе сѣверной Европы; и что императоръ предлагаетъ позтому Пруссіи немедленно прекратить враждебныя дѣй-

ствія, угрожая въ противномъ случаѣ неизбежнымъ разрывомъ между Россіей и Пруссіей.

Русскій кабинетъ предполагалъ, что берлинская революція была дѣломъ поляковъ, которые организовали и субсидировали ее; что германскіе демократы желали союза съ республиканскою Франціей, имѣя въ виду войну съ Россіей, и что поляки составили бы авангардъ нѣмецкаго войска. Въ циркулярѣ графа Нессельроде, разосланномъ въ концѣ іюня всѣмъ дипломатическимъ агентамъ въ Германіи, были перечислены всѣ причины неудовольствія русскаго правительства его ближайшими сосѣдями.

Совершивъ преобразованія внутри государства, Германія выказала намѣреніе расширить свои границы, говорилось въ циркулярѣ; первыя ея желанія вызвали воинственный кликъ. Союзъ съ Франціей, приобрѣтеніе прибалтійскихъ губерній Россіи, возстановленіе Польши, требованіе, чтобы державы обязались оказывать гостепрѣимство польскимъ эмигрантамъ и даровали имъ разныя льготы—таковы были мечты народа. Не было ли все это достаточнымъ поводомъ къ войнѣ со стороны Россіи? Война, объявленная Даніи, и возстаніе въ Познани также давали къ тому поводъ. Однако, въ виду всѣхъ этихъ событій, Россія приняла только оборонительныя мѣры, ибо она вовсе не имѣла намѣренія воевать со своими сосѣдями. Между тѣмъ нѣмецкая пресса отнеслась къ ней постоянно съ недоувѣріемъ. Чѣмъ дала Россія нѣмцамъ поводъ жаловаться на нее? Развѣ она не проливала свою кровь, помогая Германіи освободиться отъ владычества Наполеона; развѣ она не обѣщала ей свою поддержку въ 1840 г. въ то время, когда ей видимо угрожала опасность на Рейнѣ? Русское правительство цѣлыхъ тридцать лѣтъ поддерживало единство Германіи, разумѣется не то матеріальное единство, о которомъ мечтаютъ нынѣ демократы, но самый тѣсный союзъ государствъ Германскаго Союза. Если Германія хочетъ сдѣлать опытъ новаго государственнаго устройства, пусть она дѣлаетъ его, и Россія не будетъ препятствовать ей; она протестуетъ только противъ нападковъ, коимъ она подвергается. Все бы это еще ничего, если бы на нее нападали только демагоги съ предвзятою мыслию, но есть люди, которыхъ они обманываютъ. На нихъ надобно подѣйствовать, ихъ надобно убѣдить въ томъ, что императоромъ Николаемъ руководятъ исключительно миролюбивыя стремленія, что онъ не нападетъ на Германію до тѣхъ поръ, пока она будетъ уважать договоры, коими опредѣлены границы Германскаго Союза.

Таково было содержаніе циркуляра, въ которомъ подъ конецъ были изложены весьма опредѣленныя и ясныя требованія.

Всѣ эти заявленія со стороны императора Николая и его правительства имѣли въ то время единственнымъ послѣдствіемъ то, что они на-

гнали страхъ на короля Фридриха-Вильгельма; но вмѣстѣ съ тѣмъ они дали ему нѣкоторый поводъ отвѣчать отказомъ на требованія народа. Ограничивъ домогательства поляковъ силою оружія, онъ остановилъ наступательное движеніе прусскихъ войскъ противъ Даніи и заключилъ съ нею въ августѣ мѣсяцѣ перемиріе въ Мальмѣ.

— Одною заботою меньше,—сказалъ императоръ Николай, получивъ извѣстіе о заключеніи мира.

Но эта забота была не единственная. Несмотря на увѣреніе, что онъ останется безучастнымъ зрителемъ всего происходящаго въ Пруссіи и Германіи, императоръ отнесся крайне враждебно къ конституціи, дарованной этой странѣ; онъ желалъ возстановленія въ Пруссіи неограниченнаго образа правленія, хотя бы ей пришлось для этого прибѣгнуть къ силѣ и даже къ помощи Россіи. Въ его глазахъ конституціонный образъ правленія былъ чѣмъ-то ложнымъ.

— Я не желаю имѣть конституціонныя собранія у себя подъ бомъ,—говорилъ императоръ.

Въ этомъ отношеніи онъ совершенно сходилъ во взглядахъ со своимъ шуриномъ. Сбитый съ толку народнымъ движеніемъ, окруженный людьми, которые поддерживали въ немъ реакціонныя идеи, король въ глубинѣ души былъ не прочь отдѣлаться отъ либераловъ, на которыхъ нападали демократы, и только ждалъ случая отмѣнить уступки, исторгнутыя у него революціей. Не довѣряя своимъ собственнымъ силамъ, король лѣтомъ 1848 г. завелъ съ царемъ по этому поводу переписку. Онъ описывалъ своему зятю, какъ возрастали требованія демократовъ, въ особенности берлинскаго національнаго собранія. «Престоламъ угрожаетъ гибель, писалъ онъ; красное знамя республики развѣвается во всей Германіи. Берлинское собраніе осмѣливается давать совѣты министрамъ,—это республика, это анархія». Король рѣшилъ заставить уважать свою власть хотя бы силою оружія. «Если я буду вынужденъ оставить Берлинъ, когда вспыхнетъ возстаніе, придете ли вы мнѣ на помощь, если я буду умолять васъ о томъ? спрашивалъ онъ императора Николая. Если франкфуртскій парламентъ, поддерживаемый Франціей, объявитъ войну Пруссіи, придетъ ли Россія ей на помощь?» Императоръ, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, прежде всего упрекалъ короля за его снисходительность къ народному движенію и за недостатокъ энергіи со стороны его правительства. Все это были, по словамъ императора, ошибки, доведшія короля до печальной необходимости вступить въ кровавую борьбу съ анархіей. Онъ самъ нарушилъ древнія традиціи своей монархіи, уничтожилъ «старую Пруссію» и вмѣстѣ съ нею старинную дружбу Россіи. Императоръ никогда не будетъ союзникомъ «революціонной Пруссіи», но готовъ возобновить союзъ съ «доброй старой Пруссіей», если она воскреснетъ. Въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ нею бу-

дети сражаться русскій орелъ, ибо Россія умѣетъ забывать обиды, не нарушаетъ договоровъ и не отрывается отъ своихъ традицій.

«Въ случаѣ, если бы королевская власть въ Пруссіи была низвергнута республикою, продолжалъ императоръ, Россія двинетъ свои войска не для того, чтобы возстановить конституціонную Пруссію, но чтобы возстановить Пруссію такую, какою она была въ славное царствованіе вашихъ предковъ, такую, какою вамъ завѣщаль ее вашъ обожаемый отецъ».

Мысль о контръ-революціи носилась въ то время въ Берлинѣ въ воздухѣ. Общественное мнѣніе опасалось вмѣшательства Россіи. За отсутствіемъ короля, бывшаго въ плѣну у демократовъ, во главѣ войскъ могъ стать прусскій принцъ, эмигрировавшій въ Лондонъ. Императоръ Николай, какъ мы видѣли, дѣйствительно подумывалъ о томъ, что ему слѣдовало обуздать прусскую демократію, подобно тому, какъ онъ помогъ впоследствии австрійскому правительству усмирить мятежъ въ Венгріи. Онъ составилъ записку, въ которой доказывалъ необходимость двинуть въ Берлинъ прусскую армію изъ Голштиніи или нѣсколько корпусовъ изъ Восточной Пруссіи или Познани—въ видѣ авангарда русской арміи.

Король поддался совѣтамъ императора Николая, высказаннымъ въ столь рѣзкой формѣ, и прибѣгнулъ къ силѣ противъ берлинскаго національнаго собранія и демократіи. Въ концѣ 1848 года образовалось реакціонное министерство, во главѣ котораго сталъ графъ Бранденбургъ; оно смѣнило либеральныхъ министровъ, распустило національное собраніе, и назначило временное диктаторство до созванія новыхъ палатъ. Это былъ только первый шагъ на пути, указанномъ императоромъ Николаемъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ не скрылъ своей радости и благодарности къ императору, который далъ ему такой хорошей совѣтъ и поддержалъ его своимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Мейендорфъ, былъ въ то время самымъ вліятельнымъ человѣкомъ при берлинскомъ дворѣ; онъ былъ обязанъ этимъ обаянію, какимъ пользовался его монархъ, и его тонъ изобличалъ, что онъ понималъ какъ нельзя лучше всѣ преимущества своего положенія. Онъ былъ предметомъ всевозможныхъ отличій и любезностей. На торжественныхъ приемахъ, на придворныхъ пирахъ король постоянно привѣтствовалъ его и говорилъ ему любезности. Онъ считалъ опасность миновавшей и всѣ затрудненія устраненными. На парадномъ обѣдѣ 18-го января 1849 г. онъ чокнулся съ русскимъ дипломатомъ, сказавъ по-русски: «Боже царя храни!» Черезъ двѣ недѣли, прибавилъ король, а не черезъ два мѣсяца, какъ полагалъ Мейендорфъ, вся Германія будетъ усмирена».

Король заблуждался. Затрудненія только начинались.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Соціалістамъ 1881 года.

Враги добра, жрецы науки,
Ростки пустившей не у насъ;
Вы въ ней умны—вамъ книги въ руки,
Съ вѣками гниль къ вамъ привилась.
Оставьте насъ; народъ великій
Свой честный стягъ не продаетъ,
И кличъ вашъ смѣлый даже дикій,
Родясь вдали, пусть тамъ умретъ.
Оставьте насъ, пускай мы дѣти,
Намъ ваша мудрость не далась,
Другихъ ловите въ ваши сѣти,
Тамъ гдѣ проказа родилась,
Чтобъ насъ узнать, взгляните въ поле,
Гдѣ виденъ пахарь за сохой,
Хоть онъ простецъ, но онъ на волѣ,
И съ чистой искренней душой.
Онъ любитъ свой зипунъ дырявый,
И милъ ему свой уголокъ,
Не ищетъ онъ ни вашей славы,
Ни кровью купленный вѣнокъ...
Оставьте насъ, пускай лучина
Горитъ въ избѣ курной у насъ...
Въ своей семьѣ, своя кручина
Пускай умретъ, гдѣ родилась...
Оставьте насъ. Для нашей вѣры,
Намъ нуженъ русскій Божій храмъ,
А въ сферѣ злобы и химеры
Померкнетъ чистый омиамъ!

1881 года.

Ал. Ив. С—въ.





Разказы объ императорѣ Николаѣ I.

I.

Разказъ г-жи Г. (рожденной Спалазовой).

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, у матери моей, по смерти отца, осталось двое дѣтей: старшій сынъ, мой братъ, который служилъ тогда въ гусарскомъ полку, квартировавшемъ въ Харьковской губерніи, и я, тогда еще молоденькая дѣвочка. Мы съ матерью жили въ нашей деревнѣ довольно скромно; но братъ мой, любимецъ и баловень матери, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ и велъ жизнь вполне гусарскую. Помню, бывало, что, когда онъ посѣщалъ насъ въ деревнѣ, то всегда оставался на самое короткое время и старался получить отъ матери какъ можно больше денегъ, доказывая всевозможными доводами, что гусарскому офицеру безъ денегъ нельзя поддержать своего достоинства. Мать вѣрила своему баловню и ни въ чемъ ему не отказывала. Однако, при небольшомъ нашемъ состояніи и при постоянныхъ требованіяхъ со стороны брата, дѣла матери скоро разстроились, имѣніе было заложено и хозяйство приходило въ упадокъ, такъ что мать вынуждена была требовать отъ брата, чтобы онъ выходилъ въ отставку и, поселившись въ деревнѣ, занялся бы хозяйствомъ, для поправленія нашихъ обстоятельствъ.

Не знаю, убѣжденія ли матери, или безвыходное положеніе брата, какъ гусарскаго офицера, да еще въ тогдашнее время, оставшагося безъ денежныхъ пособій изъ дому, заставили его исполнить желаніе матери и, подавъ въ отставку, поселиться въ деревнѣ. Мать была весьма рада присутствію сына и передала ему все хозяйство по имѣнію, въ надеждѣ, что оно пойдетъ лучше.

Однако, надежды матери не оправдались: распорихенія брата не

принесли ни какой пользы, да и онъ не долго оставался съ нами въ деревнѣ. Не имѣя ни какого понятія о сельскомъ хозяйствѣ и не любя уединенной деревенской жизни, онъ скоро соскучился и, переговора съ матерью, рѣшился отправиться въ Петербургъ, гдѣ, при помощи рекомендательныхъ писемъ къ влиятельнымъ роднымъ, надѣялся получить хорошее мѣсто.

Родные, хотя и обласкали его, обѣщая свое содѣйствіе, но на дѣлѣ, ничего не выходило. Брату предлагали или такія мѣста, которыя, по его мнѣнію, нельзя было принять, или совѣтовали подождать болѣе удобнаго случая. Между тѣмъ, время шло въ постоянныхъ ожиданіяхъ и средства брата до того истощились, что ему не рѣдко приходилось оставаться безъ пищи. Въ одинъ изъ такихъ безотрадныхъ дней, братъ мой, блуждая утромъ по Петербургу, очутился на Дворцовой набережной. Устремивъ свои взоры въ безмятежныя струи Невы, онъ такъ задумался о безвыходномъ своемъ положеніи, что не замѣтилъ какъ императоръ Николай подошелъ къ нему на самое близкое растояніе. Окинувъ его своимъ взглядомъ, съ головы до ногъ, государь, вѣроятно, былъ пораженъ безотраднымъ выраженіемъ лица брата, и потому обратился къ нему съ вопросомъ.

— Ты кто такой?.. Что здѣсь дѣлаешь?..

Вопросъ государя и его пытливый взглядъ застали брата врасплохъ и нѣсколько смутили. Однако онъ простодушно отвѣчалъ, что оставной штабсъ-ротмистръ Спиглазовъ, пріѣхавшій искать мѣста, во вслѣдствіе постоянныхъ неудачъ, дошелъ до того, что ѣсть нечего и потому хотъ броситься въ воду.

— Это глупо, сказала государь; не унывай!.. и вслѣдъ за этимъ пошелъ дальше.

Нѣсколько минутъ спустя, къ моему брату подошелъ кто то изъ придворныхъ и подробно разспросилъ, кто онъ такой, откуда пріѣхалъ и гдѣ остановился. Отвѣты брата были тутъ же записаны.

На другой день, утромъ, въ 8 часовъ, въ скромный уголокъ брата, явился какой-то то господинъ и подаль ему запечатанный пакетъ, съ надписью: «отъ неизвѣстнаго на первое обзаведеніе». Распечатавъ пакетъ, братъ, нашелъ въ немъ 500 руб. ассигнаціями. Вслѣдъ за этимъ незнакомецъ удалился. Нечего было сомнѣваться, что помощь была оказана государемъ. Наученный опытомъ, какъ трудно пробиваться безъ всякихъ средствъ, братъ мой былъ настолько честенъ, что не хотѣлъ во зло употреблять милость государя, и потому рѣшился заняться какимъ либо дѣломъ. Надобно замѣтить, что въ то время, въ Петербургѣ начали входить въ моду папирсы. Брату моему пришло въ голову заняться приготовленіемъ папирсовъ. Но это было еще недостаточно; нужно было прискаты мѣсто для сбыта ихъ. Въ то время, на

Невскомъ проспектѣ, подлѣ Анничкина моста, помѣщались золотошвейныя мастерскія. Въ одной изъ этихъ мастерскихъ братъ мой снялъ въ наймы помѣщеніе въ шкапчикѣ, куда доставлялъ приготовленные папирасы, и поручилъ продажу ихъ на комиссію. Приходя, на другой день въ золотошвейную, съ запасомъ вновь изготовленныхъ папирасъ, онъ постоянно находилъ свое мѣсто въ шкапчикѣ пустымъ, и хозяйка магазина передавала ему, что, вскорѣ послѣ его ухода, являлся придворный камеръ-лакей, который забиралъ все готовые папирасы и платилъ за нихъ наличными деньгами.

Спустя нѣсколько времени, изготавливаемыхъ папирасъ оказалось недостаточно, ибо брату давали уже столь большіе заказы, что онъ долженъ былъ нанять другую квартиру, болѣе просторную и принскать нѣсколько человѣкъ рабочихъ, для изготовленія заказанныхъ папирасъ.

Вскорѣ оказалось, что и этихъ мѣръ было недостаточно для новаго дѣла, давшаго значительную пользу; а между тѣмъ, средства накопились, которыя и дали возможность моему брату купить собственный домъ и устроить большую папирасную фабрику, слѣдовательно, сдѣлаться человѣкомъ вполне обеспеченнымъ.

Я полагаю, что многимъ, изъ петербургскихъ жителей, еще памятны папирасы фабрики Спиглазова, которыя были тогда въ большой модѣ.

II.

Изъ воспоминаній ветерана.

Императоръ Николай, какъ извѣстно, строго преслѣдовалъ всякое нарушеніе военной дисциплины, а также малѣйшее отступленіе отъ формы одежды и способа ея ношенія. Въ сюртукахъ того времени воротники застегивались на нѣсколько крючковъ, что до нѣкоторой степени причиняло неудобство шеѣ, тѣмъ не менѣе не только въ строю, но на улицѣ, во время прогулки, растегнутый крючокъ могъ причинить офицеру величайшія неприятности по службѣ. Бывали примѣры, что въ такой неисправности офицеръ былъ переводимъ изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ. При столь важномъ значеніи, какое въ то время придавалось малѣйшимъ уклоненіямъ отъ существовавшихъ тогда правилъ, покажется невѣроятнымъ случай, бывшій со мною и запечатлѣвшійся навсегда въ моей памяти.

Въ 1852 году, въ чинѣ поручика гвардіи, я заболѣлъ и пролежалъ восемь мѣсяцевъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Благодаря

*

энергіи и званію докторовъ, я спасся отъ гибели, но явилась новая угроза, въ видѣ развившейся во мнѣ водянки. Хотя слабость послѣ тяжкой болѣзни еще удерживала меня въ госпиталѣ, но доктора совѣтовали немедля оставить его и продолжать пользоваться дома. Я тотчасъ выписался, но когда сталъ одѣваться въ принесенное мнѣ платье, то оно показалось мнѣ чужимъ, не потому, что послѣ восьми-мѣсячнаго пребыванія въ халатѣ я отвыкъ отъ него, а потому что оно было мнѣ совершенно узко и я, несмотря на всѣ усилія, не могъ застегнуть не только воротника, но и борта сюртука. Ясно было, что водянка во всемъ тѣлѣ сдѣлала меня не въ мѣру полнымъ, и приходилось, такимъ образомъ, или спать немедля новый сюртукъ, или ожидать, пока я не приду въ норму. Я предпочелъ послѣднее и рѣшился отказать отъ прогулокъ пѣшкомъ, которыя мнѣ настойчиво рекомендовали доктора; въ случаяхъ же необходимости предполагалъ выѣзжать, кутаясь въ шинель.

Быль жаркій майскій день. Изъ госпиталя я поѣхалъ повидаться съ однимъ, моимъ родственникомъ, который жилъ въ Почтамтской, и пробывъ у него не долго, отправился домой. Выйдя на улицу, я не нашелъ тотчасъ извозчика и принужденъ былъ пройти въ Большую Морскую, гдѣ на всякомъ шагу стоятъ извозчики. Кромѣ того, что сюртукъ мой былъ на распаху, но я былъ безъ сабли, и чтобы облегчить себя въ знойный день, не надѣлъ перчатокъ. Почти у того мѣста, гдѣ теперь стоитъ памятникъ императору Николаю I, я увидѣлъ, что навстрѣчу мнѣ идетъ очень высокій господинъ, котораго я не могъ тотчасъ узнать, такъ какъ зрѣніе мое, послѣ болѣзни, ослабло. Когда же шедшій мнѣ навстрѣчу былъ отъ меня въ пяти шагахъ, сердце мое сильно забилося, въ ушахъ зазвенѣло, я узналъ въ этой величавой фигурѣ государя Николая Павловича. Онъ издали уже смотрѣлъ на меня, замѣтивъ, конечно, неисправность въ моей одеждѣ, а я, въ свою очередь, смотрѣлъ на него и ощущалъ въ себѣ ужасъ, какой вѣроятно испытываетъ преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія. Погибъ! сверкнуло въ моей головѣ, и поровнявшись съ государемъ, я вытянулся, приложивъ обнаженную руку къ козырьку каски, и, не стараясь скрыть прочихъ недостатковъ моего костюма, стоялъ какъ окаменѣлый. Я смотрѣлъ государю прямо въ глаза, ожидая услышать отъ него рѣшеніе моей участи. Онъ смѣрилъ меня съ головы до ногъ своимъ спокойнымъ, но строгимъ взоромъ и, не останавливаясь, прошелъ мимо, по направленію къ дворцу великой княгини Маріи Николаевны. Онъ былъ уже довольно далеко отъ меня, а я все еще, съ рукою у козырька, стоялъ на мѣстѣ, глядя ему вслѣдъ. Между чувствами, которыя потрясли меня въ ту минуту, я ощутилъ жгучее чувство стыда, что я попался государю въ такомъ безобразномъ видѣ, и онъ не удостоилъ меня даже упрекомъ. Первый мой порывъ былъ ѣхать къ коменданту, разсказать ему о случившемся и просить

удостовериться въ причинѣ моего проступка, для доклада государю, когда онъ отдасть ему свои приказанія относительно офицера такого-то полка, попавшагося ему на улицѣ. Но я былъ еще очень слабъ, испытанное мною нервное потрясеніе еще болѣе усилило мою слабость, и я предпочелъ ѣхать домой, и дома ожидать прибытія плацъ-адъютанта для арестованія меня и отвоза куда назначено. Я переживалъ трудныя минуты, но ни въ этотъ день, ни въ послѣдующіе дни, мѣсяцы, годы никто ко мнѣ, по поводу случившагося, не являлся. Что же случилось, какъ объяснить себѣ это выходящее изъ ряда происшествіе? Оно было бы необъяснимо для того, кому были неизвѣстны великолѣпныя черты характера этого государя-рыцаря, для того, кто смотрѣлъ на этого необыкновеннаго человѣка, лишь какъ на строгаго и сухаго формалиста, неспособнаго проявить чувства снисхожденія тамъ, гдѣ фактъ преступности поражаетъ своею очевидностью. Несомнѣнно, что государь въ первый моментъ встрѣчи былъ пораженъ моимъ необыкновенно смѣлымъ отступленіемъ отъ формы и можетъ быть былъ уже готовъ подвергнуть нарушителя высшей мѣрѣ наказанія, но взглянувъ въ глаза ему, государь понялъ, что наказывать этого человѣка было бы жестокимъ поступкомъ, такъ какъ онъ уже нещадно наказанъ своимъ положеніемъ, онъ считаетъ себя погибшимъ, а во всякомъ случаѣ арестантомъ впредь до разъясненія дѣла. Во взглядѣ Николая Павловича нельзя было даже замѣтить гнѣва, онъ сіялъ полнымъ спокойствіемъ, но это спокойствіе меня не успокоило; мнѣ почему-то блеснула мысль о спокойной поверхности моря передъ бурей. Бури, однако, не было, великодушный государь предоставилъ, какъ видно, совѣсти нарушителя воинскихъ установленій оцѣнить свой поступокъ.

Съ тѣхъ поръ прошло 45 лѣтъ, но впечатлѣніе той минуты и свѣтлый обликъ великаго государя остаются до сихъ поръ неизгладимыми въ моей памяти.

III.

Разказы Болуславскаго.

Императоръ Николай Павловичъ любилъ публичныя маскарады, какъ нѣкоторое разсѣяніе отъ непрестанныхъ трудовъ своихъ.

При императорѣ Александрѣ Павловичѣ публичныя маскарады, обыкновенно даваемые въ Большомъ театрѣ, были посѣщаемы преимущественно только молодежью. Но при императорѣ Николаѣ Павловичѣ

маскерады, даваемые, большею частію, въ благородномъ собраніи, совершенно измѣнили свой характеръ; въ нихъ часто бывала императорская фамилія и лучшее петербургское общество. Въ этихъ маскерадахъ особенныхъ костюмовъ не было. Однѣ дамы были въ маскахъ и въ разнаго вида домино и капюцинахъ, а мужчины просто во фракахъ съ шляпою на головѣ.

На одномъ изъ маскерадовъ государь ходилъ подъ-руку съ *m-me Rondeau*, извѣстной французенкой, тогда жившей въ Петербургѣ.

— *Savez-vous, Sire,*—сказала Рондо,—*je trouve que les masquerades de Pétersbourg ressemblent beaucoup au chemin de fer.*

— *Comment?*

— *Mais parce qu'ils rapprochent les distences.*

— *Je ne comprends pas!*

— *Car l'empereur de toutes les Russies présente ici son bras à une¹⁾*

Государь разсмѣялся и, подводя ее къ гр. Бенкендорфу, сказалъ:

— *Écoutez un peu ce qu'elle chante²⁾.*

Въ Парижѣ *m-me Rondeau* приобрѣла огромный капиталъ, большую часть котораго употребила на отдѣлку и убранство своего дома. Въ самомъ дѣлѣ все, что роскошь и утонченный вкусъ могли выдумать, а деньги выполнить, было употреблено на украшеніе этого дома.

Графиня Завадовская, красавица Клеопатра Невы, какъ называлъ ее покойный Пушкинъ, страстная охотница до убранства домовъ, желая видѣть волшебное жилище *Rondeau*, просила у нея запискою на то позволенія. Отказа не было. Графиня была очарована отдѣлкою комнатъ и, въ одномъ будуарѣ, плѣвившемъ ее болѣе всего, она сказала:

— *M-me Rondeau, mais au nom de Dieu, dites-moi, je vous en prie, d'où vous avez tiré tout ce goût?*

— *Comtesse, je l'ai tiré de mille et une nuits,*—отвѣчала ловкая французенка³⁾.

¹⁾ — Знаете, государь, — сказала Рондо, — я нахожу, что петербургскіе маскерады напоминаютъ очень желѣзную дорогу.

— Какимъ образомъ?

— Потому, что они сближаютъ разстоянія.

— Я не понимаю.

— Такъ какъ императоръ всероссійскій подаетъ руку женщинѣ.

²⁾ — Послушайте-ка, что она поетъ.

— Мадамъ Рондо, ради Бога, скажите мнѣ, гдѣ вы приобрѣли этотъ вкусъ?

³⁾ — Я взяла его изъ тысячи и одной ночи

Пьяный мужикъ, войдя въ харчевню, не свиль шапки и сталъ кричать и браниться.

— Что ты, дуракъ, орешь, да еще и шапки не снимаешь; развѣ не видишь, чей портретъ здѣсь виситъ?—сказалъ ему хозяинъ, указывая на висѣвшее на стѣнѣ изображеніе императора Николая Павловича, разумѣется, суздальской печати.

Мужикъ, взглянувъ на портретъ, плюнулъ и отвѣчалъ хозяйну:

— Плюю я на тебя, да и на портретъ тоже.

Пьяницу тотчасъ схватили и передали суду за оскорбленіе величества. По законамъ мужикъ былъ приговоренъ къ кнуту и ссылкѣ въ каторжную работу.

Но, когда по порядку, заведенному для подобнаго рода дѣлъ, докладъ объ этомъ былъ поднесенъ на утвержденіе государя, то онъ написалъ на немъ:—«Вмѣсто наказанія, сказать мужику, что и я на него плюю; въ харчевняхъ же и кабакахъ не дозволять впередъ имѣть на стѣнахъ портретовъ императорской фамили».

IV.

Распоряженіе объ иновѣрческихъ церквахъ.

Отношенія Россіи къ римско-католической церкви въ царствованіе императора Николая I опредѣлялись конкордатомъ (т. е. особымъ договоромъ съ папою), заключеннымъ въ 1847 году, по § 37 котораго между прочимъ было условлено, что починки римско-католическихъ церквей будутъ производимы безпрепятственно. Это подало поводъ къ недоумѣніямъ и большимъ пререканіямъ. Митрополитъ могилевскій Головинскій истолковалъ этотъ пунктъ такъ, что починки церквей могутъ производиться католическимъ духовенствомъ самовольно безъ надлежащаго разрѣшенія гражданской власти. На этомъ основаніи Головинскій сталъ не только возобновлять произвольно церкви, но и возводить новыя безъ вѣдома начальства. Отсюда происходили непрерывныя обоюдныя жалобы какъ гражданскаго начальства, такъ и римско-католическаго духовенства, которыя не разъ были доводимы до свѣдѣнія императора Николая. На одномъ изъ такихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ государь собственноручно написалъ 17 октября 1852 года слѣдующее: «чтобъ положить конецъ всѣхъ этимъ недоразумѣніямъ, нахожу нужнымъ постановить: 1) что чинить церкви въ утвержденныхъ правительствомъ приходахъ

должно и можно безъ испрошенія всякій разъ разрѣшенія правительства, какъ въ православныхъ такъ и въ иновѣрческихъ приходахъ; 2) что не дозволяется чинить, а еще менѣе строить церкви, неутвержденныя приходскими безъ разрѣшенія правительства и 3) что никакихъ церквей вновь возводить, гдѣ бы ни было и какого исповѣданія бы ни было, безъ разрѣшенія правительства, не должно позволять; 4) то же касается до каплицъ или часовенъ. О семъ объявить какъ Протасову ¹⁾ для свѣдѣнія, такъ и Головинскому для исполненія во всей точности». ²⁾



¹⁾ Исполнявшему должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

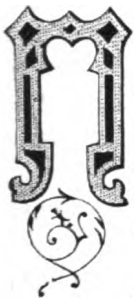
²⁾ Это послѣдовавшее высочайшее повелѣнiе не было однако сообщено, какъ слѣдовало по закону, II отдѣленiю Соб. Е. И. В. канцелярiи, а потому не было обнародовано и не вошло въ Сводъ Законовъ своевременно, а только 27 марта 1856 года министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской препроводилъ графу Блудову списокъ съ всеподданнѣйшаго доклада, на которомъ послѣдовала вышеприведенная высочайшая резолюцiя. Вслѣдствiе этого графъ Блудовъ вошелъ съ представленiемъ въ Государственный Совѣтъ о порядкѣ починки и построения иновѣрческихъ церквей, по которому и послѣдовало 10 декабря 1856 года высочайше утвержденное мнѣнiе Государственнаго Совѣта, опубликованное въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ и помѣщенное въ Полномъ Собранiи Законовъ (1856 года № 31240).



Записки поляка о 1863 годѣ.

V 1).

Браковская газета „Чась“, какъ покровительница возстанія.—Мнѣніе о немъ парижской прессы.—Объявленіе, появившееся во Львовѣ.—Поведеніе Наполеона.—Пренія въ законодательномъ собраніи.—Рѣчь Билло.—Положеніе, принятое жителями Галиціи.—Отець Ламберъ и князь Владиславъ Чарторыйскій.—Надежда поляковъ на постороннее вмѣшательство.—Договоръ Россіи съ Пруссіею.—Оцѣнка его французскою прессою.—Положеніе Австріи.—Объявленія въ Краковѣ и Львовѣ.—Переписка между Парижемъ, Лондономъ и Вѣною.



однимъ знамя возстанія, вожаки не сознавали тогда, что всѣ надежды на чужую помощь тщетны, что война за Польшу невозможна, несмотря на лживыя обѣщанія Наполеона III, потому что поднять оружіе за Польшу онъ былъ не въ состояніи.

Каждому умному и преданному своему отечеству сыну возстаніе должно было казаться крупной ошибкой, школьнымъ предпріятіемъ и ни на чемъ не основаннымъ шагомъ болѣзненно настроенной фантазіи.

Станиславъ Козьмянъ жилъ въ Галиціи, когда въ январѣ 1863 г. вспыхнуло въ Царствѣ Польскомъ возстаніе. Онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ, хотя ему было предложено вступить въ сношеніе съ варшавскимъ кружкомъ. Козьмянъ мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что единственно правильнымъ считалъ то направленіе, предста-

1) См. „Рус. Стар.“, іюнь, 1898.

водителемъ котораго были Андрей Замойскій и сельско-хозяйственное общество въ Варшавѣ.

Краковская газета «Часъ», послѣ выхода изъ редакціи Маврикія Манна, который можетъ считаться творцомъ польской политической журналистики, пользовался тогда большою популярностью. Эта газета систематически одобряла движеніе въ Варшавѣ и представляла явную оппозицію начинаніямъ Велепольскаго, чѣмъ способствовала распространенію возстанія. Послѣ первыхъ кровавыхъ столкновеній она приняла геройско-мученичeskій тонъ и называла возстаніе не иначе, какъ «защитой свободы отъ насилія». Агафонъ Гиллеръ писалъ тогда въ «Часъ» огненные корреспонденціи изъ Варшавы и подливалъ, такъ сказать, масло въ огонь.

Было очевидно, что возстаніе, если не вызоветъ европейской войны, убьетъ польское дѣло. Полуофициальныя французскія газеты «La France» и «Constitutionel» громили возстаніе и предсказывали ему близкій и печальный конецъ. Вполнѣ официальная газета «Moniteur» помѣстила очень неприятную для польскаго дѣла корреспонденцію изъ Варшавы, приписываемую французскому консулу Вальбезану. Онъ обвинялъ между прочимъ польскихъ женщинъ, способствовавшихъ своимъ вліяніемъ появленію волненій, и предсказывалъ плохой исходъ. Наполеонъ III былъ весь поглощенъ американскими и восточными дѣлами и считалъ событія въ Польшѣ лишней для себя обузой.

Съ самаго начала волненій въ Варшавѣ польское общество въ Галиціи раздѣлилось на три партіи. Къ первой принадлежали единомышленники варшавскаго общества «Лава», требовавшіе немедленнаго и активнаго участія въ возстаніи; вторая придерживалась выжидательнаго образа дѣйствія и, наконецъ—третья, съ Францомъ Смолькой и Александромъ Дзедушицкимъ во главѣ, осуждала возстаніе. Вторая партія получила перевѣсъ, и 4-го февраля 1863 года было издано во Львовѣ объявленіе, которое можетъ служить ей «profession de foi». Вотъ оно въ дословномъ переводѣ:

«Основываясь на добросовѣстномъ изученіи извѣстій, полученныхъ о вооруженномъ возстаніи въ конгрессовой Польшѣ, мы должны съ прискорбіемъ признать его за преждевременный шагъ, сдѣланный безъ должнаго обсужденія и соотвѣтственныхъ средствъ, въ неудобное время и при совершенно неблагоприятныхъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ.

«Возстаніе можетъ быть оправдано только ужаснымъ положеніемъ. Движеніе это собственно не можетъ быть признано возстаніемъ, а только защитой противъ набора. Дѣятельное съ нашей стороны участіе въ волненіи съ перваго момента и посылка нашей, плохо или вовсе не вооруженной, молодежи туда, гдѣ больше ощущается недостатокъ въ оружіи.

чѣмъ въ людяхъ и гдѣ нѣтъ никакой организаціи, ни въ какомъ отношеніи не принесло бы пользы движенію. Лишеніе нашей провинціи этой молодежи и обреченіе ея на вѣрную гибель безо всякой, а въ крайнемъ случаѣ съ сомнительною пользою для дѣла, равнялось бы истребленію самыхъ цѣнныхъ народныхъ силъ и было бы легкомысліемъ, чтобы не сказать преступленіемъ, по отношенію къ тому именно дѣлу, которому мы должны служить. Какъ истинно преданные родинѣ и увѣренныя, что выраженіе глубокаго убѣжденія есть въ настоящее время нашъ святой долгъ, приглашаемъ всѣхъ, горячо преданныхъ дѣлу нашей родины, принять для этой части Польши теперь вмѣстѣ съ нами за лозунгъ: «выжидать». Выжидать слѣдуетъ, чтобы дать конгрессовой Польшѣ время организовать свои находящіяся уже въ дѣйствиіи силы. Наше участіе въ настоящемъ движеніи при столь неблагоприятныхъ условіяхъ можетъ быть вызвано только необходимостью превратить это движеніе въ общее возстаніе. Мы еще не подготовлены, намъ надо добыть денежныя средства и оружіе, чтобы тѣ, которыхъ мы пошлемъ изъ Галиціи, не сдѣлались лишнимъ бременемъ и баластомъ вслѣдствіе недостатка одежды и оружія. Мы должны озаботиться напротивъ, чтобы они, перейдя границу, могли оказать существенную поддержку воюющимъ. слѣдуетъ выжидать, ибо обстоятельства могутъ въ самомъ скоромъ времени измѣниться къ лучшему, и тогда нужны намъ будутъ значительныя и свѣжія силы; слѣдуетъ выжидать, такъ какъ, начиная сраженіе, командующій высылаетъ прежде всего авангардъ, потомъ вводитъ въ дѣло главныя силы и всегда оставляетъ резервъ, который и рѣшаетъ сраженіе. Мы и должны быть этимъ резервомъ. Выжиданіе это не должно быть мертвымъ и бездѣтельнымъ, оно не должно быть гнусною немощью и подлымъ эгоизмомъ, оно должно быть дѣятельнымъ и имѣть въ виду накопленіе силы и энергіи и организацію средствъ. Повторяемъ—нынѣшнее движеніе въ конгрессовой Польшѣ не можетъ быть названо общимъ возстаніемъ. Намъ памяты 1846 и 1848 годы, когда никто не ставилъ въ укоръ жителямъ другихъ областей Польши, что послѣдніе не жертвовали своею жизнью и имуществомъ, чтобы присоединиться къ движенію въ Познанскомъ княжествѣ. Напротивъ, всѣ признавали, что благоразуміе и истинный патріотизмъ требовали воздержаться отъ пожертвованія всѣхъ польскихъ силъ и обреченія ихъ на вѣрную гибель, такъ какъ то движеніе никоимъ образомъ не могло рассчитывать на освобожденіе отечества. Точно также и теперь мы должны прежде, чѣмъ присоединимся къ возстанію, хорошо обсудить, принесемъ ли мы этимъ пользу или вредъ общему дѣлу. Галиція можетъ и должна только тогда, по нашему мнѣнію, принять участіе въ движеніи, возникшемъ въ конгрессовой Польшѣ, если послѣднее сдѣлается общимъ, т. е. привлечетъ на свою сторону всѣ классы населенія, въ особенности же

въ томъ случаѣ, если крестьянское сословіе останется совершенно безъ участнымъ или даже отчасти присоединится къ возстанію,—или же если измѣнятся вѣшнія условія, а главное въ томъ случаѣ, если въ Россіи дѣло дойдетъ до важныхъ волненій, будь то въ средѣ крестьянства или въ арміи, или если загорится война на Востокѣ, потому что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ будетъ отвлечена часть русскихъ войскъ, противъ которыхъ, если ихъ взять цѣликомъ, мы никоимъ образомъ не устоимъ. Мы не порицаемъ движенія и не желаемъ его парализовать, такъ какъ полагаемъ, что всѣ эти благопріятныя обстоятельства могутъ раньше или позже появиться; мы говоримъ только, что до тѣхъ поръ, пока эти условія не осуществляются, долгъ истинныхъ патріотовъ требуетъ выждать и немедля начать энергично подготавливаться, чтобы въ случаѣ необходимости соединиться съ конгрессовой Польшей и доставить ей существенную помощь».

Между тѣмъ отъ Валуевскаго, главнаго совѣтника Наполеона III, шли вѣсти, что на помощь Франціи рассчитывать нельзя. Левъ Ржевусскій говорилъ: «Императоръ не любитъ блюдь, не имѣть изготовленныхъ». Наконецъ, 5-го февраля, Гюяръ Деяленъ и Жюль Фавръ въ засѣданіи законодательнаго собранія высказались въ пользу Польши. На это возразилъ Билло (министръ безъ портфеля) слѣдующее:

— Правительство не считаетъ для себя удобнымъ входить въ обсужденіе предложеннаго вами вопроса. Франція не потеряла давнишней симпатіи къ Польшѣ, но думаетъ,—и правительство съ этимъ согласно,— что эта страна скорѣе могла бы рассчитывать получить автономію по воли великодушнаго нынѣ царствующаго императора, чѣмъ на то, чтобы пріобрѣсть ее настоящимъ возстаніемъ, которое, напротивъ, можетъ навлечь на этотъ несчастный край новыя бѣдствія. Императорское французское правительство слишкомъ благо разумно, чтобы пустыми словами поджигать революціонныя страсти, и слишкомъ цѣнить свое достоинство и достоинство Франціи, чтобы позволялись въ продолженіе 16 лѣтъ повторять въ адресѣ безполезныя слова и безплодные протесты.

Послѣ такихъ словъ Станиславъ Козьминъ съ другими благомыслящими дѣятелями Галиціи старались всѣми мѣрами удержать ее отъ движенія и надѣялись, что возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, не имѣя поддержки, вскорѣ прекратится; что благомыслящій элементъ Царства, такъ называемые, бѣлые одумаются и удержатъ революціонную партію въ границахъ законности. Владиміръ Целецкій, посланный изъ Галиціи въ Варшаву, чтобы узнать мнѣніе бѣлыхъ, привезъ совершенно неожиданный для галиційскихъ поляковъ и вполнѣ выясняющій то несложное въ политическомъ смыслѣ положеніе, которое заняли бѣлые въ виду начавшагося движенія. Отвѣтъ гласилъ: «Не присоединяться къ возстанію, но признать его народнымъ». Тогда рѣшено было послать въ Парижъ

въ отель Ламберъ и узнать окончательно чрезъ князя Владислава Чарторыйскаго мнѣніе Наполеона III.

Князь Владиславъ Чарторыйскій съ самаго начала движенія пересылалъ въ Галицію извѣстія о положеніи польскаго вопроса во Франціи. Въ началѣ 1863 года онъ отъ имени бюро отеля Ламберъ прислалъ съ нарочнымъ курьеромъ весьма неблагоприятныя для польскаго дѣла вѣсти. Отель Ламберъ считалъ возстаніе дѣломъ безразсуднымъ и прямо мѣшавшимъ осуществленію предпринятыхъ Наполеономъ III плановъ, для болѣе или менѣе удовлетворительнаго разрѣшенія польскаго вопроса на почвѣ мирныхъ переговоровъ съ Россіей, и потому совѣтовалъ немедленно пріостановить революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ.

Между тѣмъ 16-го февраля новаго стили была получена С. Козьяномъ въ Краковѣ шифрованная телеграмма отъ представителей отеля Ламберъ изъ Парижа гласившая, что всѣ прежнія инструкціи слѣдуетъ забыть, что обстоятельства измѣнились, что борьбу слѣдуетъ продлить возможно дольше и что обо всемъ этомъ будетъ подробно сообщено письмомъ. Телеграмма эта произвела переворотъ въ мнѣніи благомыслившей части общества, до сихъ поръ осуждавшей возстаніе. Она подала надежду на внимательство иностранныхъ державъ, въ которое вѣрило все тогдашнее польское общество, воспитанное на идеѣ возстановленія Польши Европой. Этой телеграммѣ вскорѣ стали вторить полуофіціальныя французскія газеты. Надо замѣтить, что къ этому времени стало извѣстнымъ о заключеніи 8-го февраля между Россіей и Пруссіей договора по польскому вопросу. Сущность договора заключалась въ томъ, что Пруссія обѣщала Россіи помощь и содѣйствіе къ подавленію возстанія въ предѣлахъ Имперіи и объявила себя солидарной съ Россіей по польскому вопросу. Кромѣ того она обязывалась, елико возможно, затруднить развитіе возстанія. Договоръ этотъ подвергся строгой критикѣ французской журналистики.

Полуофіціальныя органы «La Patrie» писали отъ 18-го февраля: «Три поляка—Коперчинскій, Трончковскій и Дзиковскій, воспитанники нашихъ училищъ, отправлявшіеся изъ Парижа въ Польшу, подверглись аресту въ Торнѣ и выданы Россіи. Зная добросовѣстность Пруссіи, мы отказываемся этому вѣрить».

«La France», газета до тѣхъ поръ непріязненная польскому дѣлу, такъ начинала свою статью, осуждавшую русско-прусскій договоръ: «Пока одна Россія имѣла дѣло съ Польшей, мы считали своею обязанностью не говорить ничего, что бы могло походить на поощреніе возстанія»; но теперь по польскому вопросу будетъ внесена вліятельными лицами петиція въ сенатъ и этимъ дана будетъ правительству возмож-

ность высказать свое мнѣніе. Наконецъ 21-го февраля новаго стиля заговорилъ правительственный органъ «Constitutionnel»:

«Польское возстаніе должно было считаться дѣломъ внутренней политики. Вмѣшательство Пруссіи придало ему значеніе европейскаго вопроса. Поступокъ Пруссіи осуждается единогласно. Пруссія могла убѣдиться, что сдѣлала большую ошибку, объявивъ съ Россіей свою солидарность, которая не существуетъ. Договоръ отъ 8-го февраля новаго стиля поставилъ и Россію и Пруссію въ фальшивое положеніе. Надо опасаться, чтобы рвеніе Пруссіи въ дѣлѣ помощи Россіи противъ польскаго возстанія не указало Европѣ возобновленное на картѣ давнее названіе Польши и чтобы Европа не усмотрѣла въ немъ, вмѣсто возстанія подданныхъ противъ своего правительства, проявленія народнаго возрожденія. Это можетъ обусловить собою большую пертурбацію въ Европѣ. И какое время избрала Пруссія, принимая на себя всю отвѣтственность? То время, когда Франція подаетъ примѣръ самаго добросовѣстнаго исполненія трактатовъ и величайшей политической умѣренности, заглушая въ себѣ живыя симпатіи къ полякамъ и воздерживаясь отъ выраженія добрыхъ чувствъ своимъ старымъ несчастнымъ союзникамъ. Мы надѣемся, что близкое знакомство съ договоромъ разсѣетъ большую часть нашихъ опасеній; во всякомъ случаѣ есть у Пруссіи друзья, которые могутъ ей дать добрый совѣтъ. Пруссія знаетъ, что вся либеральная Европа задумается надъ нарушеніемъ принципа невмѣшательства».

«Independence Belge» заявляла, что и безъ вмѣшательства Пруссіи, западныя государства должны-бы были заступиться за Польшу, такъ какъ русское правительство, объявивъ сдачу въ солдаты всѣхъ подозрѣваемыхъ молодыхъ людей, первое сдѣлало вызовъ.

«La Patrie» отъ 23-го февраля утверждала, что министръ иностранныхъ дѣлъ Друенъ-де-Люисъ переслалъ послу въ Берлинѣ Таллейрану ноту, касающуюся Польши, а редакція газеты открыла въ пользу раненныхъ поляковъ подписку. «La France» увѣряла, что Австрія склоняется къ тому, чтобы признать свою солидарность съ Англіей и Франціей, вошедшимъ въ соглашеніе по польскому вопросу.

Наконецъ Отель Ламберъ прислалъ обѣщанныя письма, которыя извѣщали о переизмѣнѣ образа мыслей Франціи, Англии и Австріи обусловленной русско-прусскимъ договоромъ 8-го февраля. Самое важное извѣстіе заключалось въ томъ, что Наполеонъ измѣнилъ свое мнѣніе о возстаніи. Далѣе говорилось о томъ, что возстаніе должно потерять всѣ признаки соціальной революціи, принять видъ чисто народнаго возстанія и характеръ исключительно антирусскій, что принять участіе должны и высшіе слои и консервативный элементъ.

До начала февраля 1863 года австрійскія власти смотрѣли сквозь

пальцы, какъ молодые люди изъ Галиціи отправлялись въ Царство, чтобы вступить въ ряды сражающихся. Наказаніе за потерю солдатами ружей было крайне ничтожно. Вообще казалось, что вѣнскій кабинетъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы Галиція принимала участіе въ движеніи, охватившемъ Царство Польское, лишь-бы оно было направлено исключительно противъ Россіи. Австрія вообще сильно опасалась примиренія польскаго общества съ Россіей, иными словами боялась осуществленія системы маркиза Велепольскаго. Его «письмо» къ канцлеру Меттерниху убѣдило окончательно вѣнскій кабинетъ, что маркизъ-поклонникъ панславизма, направленный противъ Австріи. Когда вскорѣ послѣ взрыва возстанія появился въ «Augsburger Allgemeine Zeitung» и въ «Kölnische Zeitung» проектъ, предложенный будто-бы маркизомъ Велепольскимъ князю Горчакову о соединеніи всѣхъ поляковъ подъ русскимъ скипетромъ, въ Варшавѣ тотчасъ-же былъ полученъ запросъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, что ему отвѣчать графу Рехбергу, требующему объясненія по этому поводу. Велепольскій согласно правдѣ отвѣтилъ, что меморандумъ не принадлежитъ его перу. Графъ Рехбергъ, вѣроятно, этому не повѣрилъ. Однимъ словомъ. Австрія крайне недоувѣрчиво относилась къ маркизу Велепольскому.

4-го февраля были расклеены въ Краковѣ полицейскія объявленія слѣдующаго содержанія:

«Власти вынуждены обратить вниманіе жителей на то, что всѣ дѣйствія, клонящіяся къ измѣнѣ и къ нарушенію общественнаго спокойствія, хотя-бы дѣйствія эти были направлены противъ иного государства, но связаннаго съ Австрійскою имперіей соотвѣтственными обязательными договорами, будутъ трактуемы какъ преступленія противъ общественнаго порядка, а виновные подвергнутся, на основаніи § 66 уложенія о наказаніяхъ, тюремному заключенію на срокъ отъ 1 до 5 лѣтъ, при увеличивающихъ же вину обстоятельствъ—заключенію въ крѣпость на срокъ отъ 5 до 10 лѣтъ. Поэтому жители г. Кракова предостерегаются отъ всякаго участія въ движеніи, вспыхнувшемъ въ Царствѣ Польскомъ. Надо надѣяться, что рассудительность обывателей удержитъ ихъ отъ нарушенія общественной тишины и спокойствія и власти не будутъ вынуждены прибѣгнуть къ суровымъ мѣрамъ».

Во Львовѣ 2-го февраля былъ объявленъ полицією слѣдующій приказъ:

«Въ послѣдніе дни вербуются въ здѣшней столицѣ молодые люди для мятежныхъ отрядовъ въ Царствѣ Польскомъ. Много вооруженныхъ молодыхъ людей уже оставило нашъ городъ. Императорская королевская дирекція полиціи считаетъ нужнымъ заявить, что не только наборъ съ вышеозначенною цѣлью, но даже и попытки перейти границу будутъ наказуемы на основаніи § 66 уложенія о наказаніяхъ». Тѣмъ не

менѣе предписанія эти не соблюдались, и полиція не слѣдила строго за ихъ исполненіемъ. Независимая и полуофициальная вѣнская пресса выражала сочувствіе Польшѣ и констатировала, что Австрія не солидарна съ Россіей. Требованіе русскаго посла въ Вѣнѣ Балабина о выдачѣ мятежниковъ, искавшихъ убѣжища въ Австріи, было отклонено австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Рехбергомъ. Одновременно краковская полиція объявила, что австрійское правительство охотно принимаетъ бѣглыхъ мятежниковъ, но требуетъ отъ нихъ соблюденія предписаній.

Поведеніе австрійскаго правительства въ Галиціи ясно опредѣлено въ депешѣ Тенгоборскаго, начальника дипломатической канцеляріи великаго князя Константина Николаевича, къ русскому послу въ Берлинѣ Убри; въ ней между прочимъ сказано: «эта потачка Австріи играетъ далеко не послѣднюю роль въ событіяхъ нынѣшняго возстанія».

Собраніе Галиційскаго сейма, назначенное на 7-е февраля, было отсрочено правительствомъ на 25-е февраля, чтобы не ставить членовъ его въ щекотливое положеніе въ виду осложненій по соеѣдству, какъ заявляла министерская газета «Donau-Zeitung». Эта-же газета увѣряла, что Австрія поступила правильно, не соединяясь въ своихъ дѣйствіяхъ съ Россіей и Пруссіей. «Général-Correspondent» свидѣтельствовалъ, что положеніе Галиціи не требуетъ никакихъ особенныхъ мѣръ предосторожности. Несмотря на то, собраніе Галиційскаго сейма, въ виду продолжающихся еще осложненій, было отсрочено правительствомъ на 25-е марта. Такое пагубное стеченіе обстоятельствъ вводило въ заблужденіе даже старыхъ и опытныхъ людей, на всѣхъ-же вообще дѣйствовало подзадоривающимъ и обнадеживающимъ образомъ.

Въ концѣ февраля пріѣхалъ въ Краковъ Станиславъ Тарновскій, который привезъ самыя свѣжія новости изъ Отеля Ламберъ. Князь Владиславъ Чарторыйскій сообщилъ Тарновскому суть послѣдняго своего разговора съ Наполеономъ III, который далъ понять, что его дѣйствія будутъ зависѣть отъ Англій и Австріи.

Въ виду этого австрійскіе поляки рѣшили поддерживать начатую въ Царствѣ Польскомъ борьбу и приготовляться къ дѣятельной помощи возстанію, чтобы лишить его признаковъ революціи и придать значеніе обще-народнаго движенія. Чтобы убѣдиться окончательно собственными глазами и ушами въ доброжелательствѣ Наполеона, былъ посланъ въ Парижъ Людвигъ Водзицкій, который видѣлся съ дѣятелями Отеля Ламберъ, говорилъ съ министрами Друэнъ-де-Люисомъ и Валевскимъ и наконецъ съ личнымъ секретаремъ Наполеона. Изъ этихъ разговоровъ можно было заключить, что польское дѣло, со времени раздѣла, не имѣло еще никогда такихъ многообѣщающихъ видовъ на благоприятный оборотъ, какъ въ то время. Валевскій увѣрялъ, что французское прави-

тельство вошло въ сношеніе съ Англіей и Австріей съ тѣмъ, чтобы требовать отъ Россіи возстановленія въ Царствѣ Польскомъ существовавшаго до 1831 г. порядка вещей, что въ случаѣ отказа имѣлось въ виду возстановленіе Польши съ эрцгерцогомъ Австрійскимъ на тронѣ. При этомъ Валевскій прибавилъ: «старайтесь продлить возстаніе и расширить его границы».

— Распространите, говорилъ секретарь Наполеона, возстаніе на возможно большій районъ, такъ какъ это будетъ имѣть вліяніе на опредѣленіе территоріи, для которой будетъ потребовано возстановленіе народныхъ правъ.

Водзицкій вернулся въ Краковъ полный надеждъ и съ тѣхъ поръ вопросъ: нужно-ли поощрять возстаніе? былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Французскій консулъ въ Варшавѣ Вальбезанъ теперь говорилъ одному изъ членовъ бывшаго комитета сельско-хозяйственнаго общества: «Я не знаю уже чего и держаться; здѣсь есть, очевидно, тайные агенты императора. Если все пойдетъ и дальше такъ, то смѣло можно рассчитывать на прибытіе красныхъ штановъ», т. е. французскихъ войскъ,

Наполеонъ III былъ радъ этому случаю, чтобы приступить къ разрѣшенію вопроса о границѣ Рейна, съ одной стороны, и поднять столь любезный сердцу его польскій вопросъ—съ другой.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Друенъ-де-Люисъ обратился 17-го февраля съ запросомъ по поводу договора 8-го февраля къ Талейрану, французскому послу при берлинскомъ дворѣ. Одновременно съ этимъ, а именно 19-го февраля, была послана нота въ Лондонъ, приглашающая англійское правительство къ совмѣстному дѣйствію по польскому вопросу. 2-го марта получена была въ Петербургѣ первая нота лорда Русселя по польскому дѣлу, требовавшая амнистіи и возстановленія утвержденного въ 1815-мъ году порядка вещей. Въ то же время лордъ Руссель приглашалъ Францію сдѣлать отъ себя запросъ петербургскому кабинету. Наполеонъ, не желая ссылаться на постановленіе Вѣнскаго конгресса, обратился къ императору Александру II непосредственно съ письмомъ, взывая къ его великодушію. 9-го марта, получивъ рѣзкій отвѣтъ изъ Петербурга, онъ имѣлъ длинный разговоръ съ княземъ Меттернихомъ, австрійскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ.

— Если Австрія, сказалъ ему Наполеонъ, рѣшится со мною заодно дѣйствовать въ польскомъ вопросѣ, то я готовъ на большія жертвы въ пользу ея.

Императоръ Наполеонъ однако ни слова не сказалъ князю Чарторыйскому о миссіи князя Меттерниха. Послѣдній сообщилъ князю, что ѣдетъ въ Вѣну по польскимъ дѣламъ, но инструкцій, полученныхъ отъ императора, ему не сообщилъ. Князь Чарторыйскій узналъ, что миссія эта

касалась вопроса о Рейнѣ, какъ желанной границы Франціи, и что князь Меттернихъ взялъ съ собою карту Европы, на которой императрица Евгенія намѣтила будущія границы государствъ, не забывъ провести и границы будущей Польши.

VI.

Распоряженіе отеля Ламберъ, чтобы всѣ служащіе поляки подали въ отставку.—Объясненіе по этому поводу одного изъ членовъ совѣта Царства Польскаго съ великимъ княземъ намѣстникомъ.—Выходъ въ отставку многихъ поляковъ.—Диктатура Лангевича.—Депутаты отеля Ламберъ въ лагерѣ повстанцевъ.—Бѣгство и арестъ Лангевича.—Интриги Наполеона III.—Пропаганда газеты „Часъ“.—Ложныя телеграммы.—Свиданіе князя Чарторыйскаго съ Наполеономъ.—Рѣчи принца Наполеона и Билло.—Потеря надежды на иностранное вмѣшательство.

Положившись на обѣщанія Наполеона и содѣйствіе Европы къ возстановленію Польши, заправили отеля Ламберъ отправили въ Варшаву инструкцію, предписывавшую всѣмъ членамъ совѣта Царства Польскаго, а также членамъ губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ подать немедленно въ отставку, чтобы, порвавъ всякую связь съ русскимъ правительствомъ, придать движенію характеръ народнаго возстанія. Далѣе предписывалось совершенно отшатнуться отъ Велепольскаго и его системы.

Отставка эта и непризнание системы Велепольскаго, по мнѣнію Отеля Ламберъ, дадутъ возможность европейскимъ державамъ вмѣшаться въ польскія дѣла.

Вскорѣ, послѣ одной кровавой стычки русскихъ войскъ съ мятежниками, члены совѣта Царства Польскаго были приглашены въ великому князю Константину Николаевичу во дворецъ на вечеръ. Сообща рѣшено было не идти.

Одинъ только членъ совѣта настаивалъ на томъ, чтобы идти, говоря, что надо быть послѣдовательными. Хотя и онъ также не пошелъ, но изъ вѣжливости написалъ письмо гофмейстеру двора великаго князя Хрептовичу, что не можетъ воспользоваться приглашеніемъ по болѣзни матери. Онъ же одинъ отсовѣтывалъ подавать въ отставку, но впослѣдствіи первый сдѣлалъ этотъ неразумный шагъ. Енохъ отговаривалъ его, утверждая, что отставка его не будетъ принята и ему будетъ выданъ заграничный паспортъ, но тотъ настаивалъ на своемъ и просилъ Еноха выхлопотать ему аудіенцію у великаго князя, заявляя, что передъ тѣмъ пойдетъ къ исповѣди и причастію.

Енохъ все это передалъ великому князю. Аудіенція была назначена на слѣдующій день. Этотъ членъ совѣта заявилъ, что онъ и его товарищи служили, полагая, что могутъ одновременно служить странѣ и императору, но что теперь наступило, кажется, время военнаго управления и они не могутъ уже быть болѣе полезными ни странѣ, ни императору.

— Скажи, чего вы желаете, чего желаетъ край?—спрашивалъ великій князь.

— Либеральныя реформы,—отвѣтилъ этотъ членъ совѣта, не могутъ удовлетворить страну, этотъ край обладаетъ чувствомъ народной самобытности. Ваше императорское высочество приняли на себя инициативу очень важнаго общественнаго вопроса имперіи, — теперь вамъ представляется великая политическая задача. Если бы Россія взяла на себя инициативу для международнаго рѣшенія польскаго вопроса, всѣ польскія симпатіи были бы на ея сторонѣ, и Польша осталась бы подъ скипетромъ російской державы.

— Но чего же еще вы хотите? Сознайся, что здѣсь ваше положеніе несравненно лучше, чѣмъ въ Галиціи и великомъ княжествѣ Познанскомъ.

— Нельзя сравнивать тѣхъ провинцій съ Царствомъ Польскимъ,—возразилъ онъ,—ихъ можно сравнить развѣ только съ Литвой и Южной Русью, такъ какъ Царство Польское имѣетъ свои ясныя права, обезпеченныя трактатами.

— Польскій вопросъ,—сказалъ великій князь,—представляетъ большія трудности; когда вы были сильны, вы нами командовали, теперь мы сильны, мы вами командуемъ, это историческій процессъ. Очень сожалѣю, что ты подалъ въ отставку.

10-го марта по наущенію изъ Парижа подали въ отставку члены совѣта: Грушецкій, Александръ Курць, Францискъ Венглинскій, Константинъ Гурскій, а нѣсколько позже архіепископъ Фелинскій и Ставинскій. Черезъ нѣсколько дней вышли въ отставку всѣ представители дворянства литовскихъ губерній и всѣ мировые посредники въ числѣ 250 лицъ. Такимъ образомъ была порвана послѣдняя нить, по которой можно было еще дойти до спасительнаго соглашенія.

Въ виду того, что польское возстаніе приняло широкіе размѣры и для того, чтобы оно потеряло характеръ заговора, рѣшено было замѣнить тайное народное правительство явной диктатурой, такъ какъ иностранныя государства, въ случаѣ вмѣшательства, не могли бы сноситься съ тайнымъ правительствомъ. Кандидатомъ былъ выставленъ Лангевичъ, прославившійся нѣсколькими удачными стычками и поддерживаемый краковскою газетою «Часъ». Лангевичъ былъ человекъ честный и не глупый. Но этого было мало, чтобы поручить ему столь от-

*

вѣтственный постъ. На этомъ мѣстѣ нуженъ былъ человекъ недюжинныхъ способностей и понимающій хорошо положеніе вещей и тѣмъ болѣе, что центральный комитетъ возложилъ на него всю отвѣтственность въ случаѣ неудачнаго исхода возстанія. 10-го марта 1863 года въ Гощѣ Лангевичъ былъ провозглашенъ диктаторомъ. Изъ отеля Ламберъ были отправлены Лангевичу инструкціи, предписывавшія новому главнокомандующему избѣгать рѣшительной встрѣчи съ русскими войсками и беречься пропсковъ Мѣрославскаго. Посланные съ инструкціями Станиславъ Козмянъ и князь Евстафій Сангушко прибыли въ лагерь, который произвелъ на нихъ впечатлѣніе стана охотниковъ, и они воочію убѣдились въ ничтожествѣ силъ мятежниковъ. Военный видъ имѣлъ одинъ только отрядъ такъ называемыхъ зуавовъ Рошебрюна. Среди мятежниковъ во дворѣ стояла Пустовойтова. Лангевичъ принялъ С. Козмяна въ тѣсной избѣ, гдѣ между прочими лицами его штаба находился Владиславъ Бентковскій, членъ прусскаго сейма. С. Козмянъ изложилъ диктатору взгляды европейскихъ державъ на возстаніе и просилъ обратить строгое вниманіе на крайнюю партію и прибавилъ, что особенно слѣдуетъ избѣгать всего того, что могло бы придать возстанію характеръ соціальной революціи, а для этого избѣгать сообщества съ Мѣрославскимъ, который имѣетъ намѣреніе выступить противъ него, Лангевича. Послѣдній отвѣчалъ, что знаетъ о продѣлкахъ Мѣрославскаго и если онъ попадетъ въ его руки, то будетъ разстрѣлянъ; что онъ, Лангевичъ, не боится русскихъ войскъ, а напротивъ, будетъ искать случая встрѣтиться съ ними и увѣрялъ въ побѣдѣ. Козмянъ сразу стало ясно, что дѣло потеряно и диктатура не принесетъ пользы.

Диктатура, въ основѣ своей вещь разумная, но въ примѣненіи къ даннымъ обстоятельствамъ являлась почти смѣшной, такъ какъ не имѣла въ своемъ распоряженіи ни одного клочка земли. Приобрѣтеніе даже самой малой территоріи было невозможно, такъ какъ могло кончиться пораженіемъ Лангевича и его отряда, что было бы равносильно паденію диктатуры. Кромѣ того ясно было, что русскія власти всѣми мѣрами будутъ стараться нанести возможно скорѣе пораженіе диктатурѣ и уничтожить ее въ корнѣ. Катастрофа дѣйствительно вскорѣ и разыгралась. 18-го марта отрядъ Лангевича былъ разбитъ на голову у деревни Гроховиска, а самъ диктаторъ перешелъ австрійскую границу, гдѣ и былъ арестованъ. Паденіе диктатуры, безъ сомнѣнія, охладило рвеніе державъ и Наполеона III къ польскимъ дѣламъ и опять призвало къ жизни тайное правительство.

При такихъ условіяхъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ князь Меттерихъ принялъ на себя, по порученію Наполеона и съ согласія своего правительства, улаженіе переговоровъ по польскому вопросу между парижскимъ и вѣнскимъ кабинетами. Предметомъ миссіи князя

Меттерниха былъ вопросъ, въ какой формѣ должно выразиться вмѣшательство державъ въ польскія дѣла. Въ этотъ моментъ, который сулилъ большія надежды, уже поговаривали о томъ, что вскорѣ высадятся въ Триестъ красные штаны и присоединятся къ бѣлымъ мундирамъ. Краковскій кружокъ благомыслящихъ и осторожныхъ людей, къ которому принадлежалъ и Станиславъ Козьянъ, окончательно и безповоротно присоединился къ возстанію. Галиція такимъ образомъ сдѣлалась операціонной базой возникшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа, — обстоятельство, которое продлило это гибельное движеніе безо всякой пользы. Отелъ Ламберъ съ своей стороны рекомендовалъ продолжать возстаніе и содѣйствовать ему, чтобы дать державамъ время для дипломатическихъ переговоровъ. Къ этому времени относится и поѣздка Павла Попеля въ Парижъ по порученію членовъ совѣта Царства Польскаго съ цѣлью узнать, дѣйствительно ли совпадаетъ съ планами Наполеона и его правительства отставка совѣта. Валевскій далъ понять, что польскій вопросъ со времени раздѣла не имѣлъ лучшаго момента для рѣшенія его европейскими державами. Тотъ самый Попель, который съ самаго начала порицалъ возстаніе и удерживалъ молодежь отъ участія, теперь, послѣ поѣздки въ Парижъ требовалъ, чтобы все польское дворянство возстало противъ Россіи. Надежда на чужеземную помощь увлекла самыхъ благомыслящихъ и осторожныхъ людей.

Пораженіе Лангевича, паденіе диктаторства и возстановленіе тайнаго народнаго правительства поколебали на время надежды поляковъ. Въ разговорѣ съ княземъ Владиславомъ Чарторыйскимъ Наполеонъ, узнавъ что диктаторъ разбитъ, сказалъ:

— Теперь все кончено, гибель неминуема и трудно что-либо предпринять.

Чарторыйскій объяснилъ, что паденіе Лангевича не что иное, какъ пораженіе одного отряда, что партизанская война, единственно возможная при данныхъ условіяхъ, продолжается попрежнему и что если только необходимо, можно организовать новые отряды. На это Наполеонъ нерѣшительно отвѣтилъ:

— Если это такъ, то еще посмотримъ; потому что, если бы возстаніе прекратилось, то очевидно не было бы повода для вмѣшательства державъ.

Около этого времени Козьянъ принялъ на себя редакторство газеты «Чась», такъ какъ главный редакторъ этой газеты Хшановскій за пропаганду диктаторства Лангевича былъ арестованъ 11-го апрѣля 1863 года австрійскими властями. Принявъ на себя веденіе политическаго отдѣла газеты, Козьянъ поставилъ цѣлью, согласно политики Отеля Ламберъ, пропагандировать возстаніе и обнадеживать его помощью Франціи, Австріи и Англіи. Кромѣ того онъ старался представить возстаніе, какъ движеніе, направленное единственно противъ Рос-

сія и преслѣдующее исключительно національныя цѣли. Въ тѣсной связи съ редакціей находилось такъ называемое Краковское бюро, которое снабжало телеграммами о положеніи возстанія иностранныя, преимущественно французскія газеты. Телеграммы эти преувеличивали успѣхъ польскаго оружія и представляли въ самомъ дурномъ свѣтѣ дѣйствія русскихъ властей. Однако не вся Европа вѣрила въ извѣстія, сообщаемыя этими телеграммами, что доказывается отвѣтомъ Бисмарка на запросъ о польскихъ дѣлахъ, сдѣланный въ Прусскомъ сеймѣ. Онъ сказалъ, что возстанія въ Царствѣ Польскомъ собственно не существуетъ и что битвы и стычки, о которыхъ пишутъ газеты, создаются исключительно телеграммами, подписанными разъ Станиславомъ, разъ Козьяномъ.

Между тѣмъ постоянныя неудачи, испытываемыя инсургентами въ Царствѣ Польскомъ, и неизвѣстность о результатахъ переговоровъ, веденныхъ княземъ Меттернихомъ, заставили Краковскій кружокъ отправить въ Парижъ Козьяна съ цѣлью узнать на мѣстѣ о дѣйствительномъ положеніи польскаго вопроса. По дорогѣ, въ вагонѣ авторъ встрѣтился съ французомъ Рошебрюномъ, бывшимъ предводителемъ отряда въ партіи Лангевича и разбитымъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ у деревни Гроховиска. Онъ очень нелестно аттестовалъ вожаковъ возстанія, выставлялъ на видъ ихъ ошибки, нераспорядительность, зависть, антагонизмъ и заявлялъ, что поляки не стоятъ того, чтобы его соотечественники жертвовали собою для ихъ дѣла, которое они сами защищать достойно не умѣютъ. Первое впечатлѣніе не предвѣщало ничего хорошаго. Въ Парижѣ С. Козьянъ встрѣтился съ редакторомъ «Siccle» Тексье, который заявилъ, что дѣло проиграно, главнымъ образомъ потому, что Наполеонъ не послѣдовалъ его совѣту.

— Не хотѣлъ онъ меня слушать, говорилъ Тексье, я ему совѣтовалъ, чтобы въ самомъ началѣ двинуть въ Польшу 40.000 шведовъ на помощь. Онъ ничего не сдѣлалъ. Теперь уже поздно.

Такое заявленіе редактора большой газеты можетъ служить образчикомъ того какъ относилось общественное мнѣніе къ смутнымъ событіямъ въ Польшѣ. Къ этому времени выяснилось, что переговоры князя Меттерниха не привели къ положительнымъ результатамъ. Австрійское правительство было того мнѣнія, что событія еще не достаточно назрѣли, чтобы можно было заключить союзъ съ Франціей съ цѣлью объявленія войны Россіи; что оно тѣмъ не менѣе признаетъ всю важность польскаго вопроса и оцѣниваетъ по достоинству планы Наполеона, но считаетъ необходимымъ прежде всего отыскать основу, на которую Франція, Англія и Австрія могли-бы опереться; что всякому дѣйствию должны предшествовать дипломатическіе переговоры и что только впоследствии можно перейти къ обсужденію средствъ. Дипломатическая неудача эта заставила князя Чарторыйскаго обратиться къ Наполеону.

— Находите-ли, ваше величество, спросилъ онъ, продолженіе возстанія необходимымъ?

— Да, отвѣчалъ Наполеонъ, и даже уполномочиваю васъ передать это вашимъ соотечественникамъ.

— Вѣдь во всякомъ случаѣ, говорилъ при этомъ Валевакій, положеніе Польши послѣ возстанія улучшится, а потому продолженіе возстанія не представляетъ никакого риска.

— Обождите, и мы придемъ къ вамъ съ помощью,—замѣтилъ министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Люисъ.

Эти послѣднія слова министра иностранныхъ дѣлъ давали полную надежду, тѣмъ болѣе что во время обсужденія польскаго вопроса въ сенатѣ принцъ Наполеонъ произнесъ пламенную рѣчь въ пользу Польши и окончилъ ее слѣдующими словами:

— Польша не должна отчаяваться, обстоятельства ей благоприятствуютъ. Императоръ въ цвѣтѣ лѣтъ и въ лучшей порѣ своего генія, обаяніе Наполеоновскаго имени велико. Наступило время дѣйствовать. Дѣйствуйте поэтому безъ замедленія! Какъ дѣйствовать, не знаю,—но дѣйствовать надо! При поощреніи, возстаніе будетъ продолжаться; пусть императоръ исполнить, что задумалъ. Судьба свершилась, пусть каждый дѣйствуетъ такъ, какъ ему приказываетъ совѣсть. Что касается меня, я вѣрю въ успѣхъ дѣла, за которое взялся императоръ.

— Я былъ увѣренъ, говорилъ Билло, что разсужденія, которыми вы заняты вотъ уже два дня, имѣютъ свою отрицательную сторону и даже представляютъ нѣкоторую опасность. Всякое неосторожное слово, высказанное въ этомъ собраніи, должно вызвать лишній разъ кровопролитіе въ Польшѣ и причинить большія затрудненія дипломатіи. Настало время, чтобы спокойное слово привело это дѣло въ равновѣсіе. Прошу поэтому сенатъ позволить мнѣ завтра точнымъ выясненіемъ дѣла смягчить то впечатлѣніе, которое произведено обсужденіемъ вопроса, и доказать, что правительство вполне раздѣляетъ тѣ симпатіи, которыя мы всѣ питаемъ къ Польшѣ, что обсужденіемъ польскаго вопроса вы выражаете ваше довѣріе къ политикѣ императора и, что всего важнѣе, вопросъ этотъ нисколько не противорѣчитъ интересамъ Франціи.

На другой день Билло слѣдующимъ образомъ опредѣлил политику императора:

— Познакомимся ближе съ послѣдствіями этой политики. Сравните нынѣшнюю Францію съ Франціей 15 лѣтъ тому назадъ. Теперь она могущественная и всѣми уважаемая держава. Она внушаетъ страхъ тѣмъ, кто ее не любитъ. Благодаря такому положенію, она всѣ старанія прилагаетъ къ внутреннему процвѣтанію и мирными средствами поддерживаетъ свой престижъ извнѣ. Слѣдуетъ-ли жертвовать этой политикой въ пользу польскаго вопроса? Въ пользу вопроса, который во

силь-бы священный союз и возстановилъ его противъ насъ и который именно потому былъ такъ осторожно трактованъ въ 1815 году. Слѣдуетъ-ли Франціи брать на себя одно это бремя? Польскій вопросъ—вопросъ обще-европейскій, онъ имѣетъ такое-же значеніе для насъ, какъ и для другихъ народовъ. Развѣ вы не убѣждены, что соединясь съ этими народами, мы станемъ сильнѣе, чѣмъ въ обособленіи. Таковъ взглядъ на это дѣло императора. Императорское правительство сочувствуетъ польскому возстанію, свободному отъ всякаго упрека революціоннаго движенія. Въ этомъ нельзя сомнѣваться. Въ этомъ собраніи уже упоминалось о генералахъ, которые сражались на поляхъ битвъ рядомъ съ поляками во времена первой имперіи, и о тѣхъ, которые дрались съ русскими въ Крыму, упоминалось и о кардиналахъ—представителяхъ католической религіи. Я съ своей стороны ссылаюсь на нихъ и еще разъ обращаюсь къ вамъ. Дѣло идетъ не объ оставленіи Польши на произволъ судьбы, но о помощи ей путемъ благоразумной и успѣшной политики. Таково значеніе очередныхъ дѣлъ сената. Нужно выраженіе вашихъ симпатій къ Польшѣ и безусловное довѣріе къ навіреніямъ императора.

Императрица сочувствовала также польскому возстанію, восхищалась геройствомъ поляковъ и самому красивому представителю своей конюшни дала прозвище «Лангевичъ». Но мексиканскій вопросъ, дѣло ея рукъ, отвлекъ въ другую сторону и военныя и финансовыя силы Франціи и парализовалъ дѣйствіе правительства въ польскихъ дѣлахъ. Кромѣ того, не всѣ государственные люди Франціи стояли на сторонѣ вмѣшательства. Въ оппозиціи было много вліятельныхъ лицъ, между ними Морни и министръ финансовъ Фульдъ, и едва-ли ошибемся, сказавъ, что послѣднее мнѣніе преобладало. Самъ императоръ ясно высказалъ свой нерѣшительный взглядъ въ письмѣ къ министру Билло, опубликованному въ «Moniteur'ѣ» отъ 22-го марта.

«Только что прочиталъ вашу рѣчь, писалъ онъ. Я очень счастливъ, что нашелъ въ ней вѣрное изложеніе моей политики. Вы сѣмъ-ли помирить наши симпатіи къ дѣлу, которое дорого Франціи, съ уваженіемъ, должнымъ иностраннымъ державамъ и правительствамъ. Ваши слова во всѣхъ отношеніяхъ согласуются съ моими мыслями. Всякое другое толкованіе моихъ чувствъ я отвергаю».

На основаніи всего этого надежда не была еще окончательно потеряна, но было много поводовъ для сомнѣній и опасеній.

Какъ уже было сказано, телеграммы, посылаемыя изъ Кракова въ Парижъ, преувеличивали событія, совершавшіяся въ Царствѣ Польскомъ. Поляки, обманывая себя, хотѣли обмануть Европу, полагая, что это можетъ быть полезно для дѣла, которое само по себѣ не имѣло никакихъ шансовъ на успѣхъ. Въ разговорѣ своемъ съ Валевскимъ Козымянъ

утверждалъ, что солидная и благоразумная часть польскаго общества всегда была противъ возстанія и пристала къ нему только на основаніи инструкцій Отеля Ламберъ, который вселялъ надежду въ вооруженную помощь державъ. Валевскій съ своей стороны поддерживалъ ихъ надежду и заявилъ, что французское правительство ожидаетъ отвѣта на свои предложенія со стороны Англии и Австріи, и жаловался на медленность Австріи, которая плохо понимаетъ свои же интересы. Но съ наступленіемъ весны, замѣтилъ Валевскій, сообщеніе будетъ лучше и мятежные отряды будутъ въ состояніи выдвинуть свою артиллерію. Козымянъ былъ очень изумленъ такимъ высокимъ мнѣніемъ о боевыхъ средствахъ мятежниковъ и приписывалъ это преувеличеннымъ извѣстіямъ, сообщаемымъ въ Парижѣ, авторомъ которыхъ былъ часто самъ. Итальянскій посланникъ Нигра, съ которымъ Козымянъ случайно столкнулся въ Парижѣ, обнаружилъ также весьма поверхностное знакомство съ возстаніемъ и ложное представленіе о размѣрахъ его. Онъ говорилъ, что читалъ въ газетахъ, будто бы поляки скоро будутъ имѣть свой флотъ.

Вообще нельзя было не удивляться фантастическимъ розказнямъ Тексые объ экспедиціи шведовъ, Валевскаго—о польской артиллеріи и Нигры—о польскомъ флотѣ. Люди благоразумные видѣли все ничтожество возстанія и, съ одной стороны, весь его трагизмъ съ комическимъ отгѣнкомъ, а съ другой—поверхностное знакомство европейской дипломатіи съ событіями, разыгрывавшимися въ Польшѣ.

Въ Парижѣ Козымянъ узналъ, что неудавшаяся миссія князя Меттерниха въ Вѣнѣ заключалась въ томъ, чтобы склонить Австрію къ заключенію союза съ Франціей, которая обѣщала вооруженную помощь Царству Польскому. Французскія войска должны были высадиться въ Триестѣ и чрезъ австрійскую территорію отправиться на соединеніе съ польскими отрядами. Миссія эта потерпѣла фіаско, но дала толчекъ къ дипломатическому вмѣшательству трехъ державъ.

Съ теченіемъ времени стало извѣстно, что предложеніе Наполеона было отклонено благодаря тремъ лицамъ: графу Маврикію Эстергази, венгерскому министру, графу Рехбергу, министру иностранныхъ дѣлъ, и Шмерлингу, предсѣдателю министровъ. Графъ Эстергази, ярый противникъ Наполеона III, пользовался тогда большимъ вліяніемъ въ правящихъ сферахъ. Ему принадлежатъ извѣстныя слова, повторявшіяся многократно для объясненія причины неудачи миссія князя Меттерниха: «Можно понять войну, цѣль которой—пріобрѣтеніе края, но совершенно непонятна такая война, послѣдствіе которой—неминуемая потеря двухъ провинцій».

Наполеонъ потерпѣлъ неудачу: Россія дала весьма уклончивый отвѣтъ на его ноту, Австрія отказалась содѣйствовать его вооруженнымъ

замысламъ. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ, старавшійся прослыть за поборника принципа національности и столько разъ заявлявшій публично о своемъ желаніи помочь Польшѣ, не могъ совершенно отказатьсь отъ идеи придти на помощь полякамъ. Онъ ждалъ удобнаго случая для возобновленія дипломатическихъ переговоровъ по этому вопросу, такъ какъ этимъ единственно путемъ считалъ возможнымъ вовлечь державы во вмѣшательство. Таково было мнѣніе Козьяна о политикѣ Наполеона.

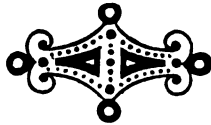
Считая свою миссію оконченной, Козьянъ покинулъ Парижъ съ грустною мыслію о печальномъ исходѣ возстанія, такъ какъ чужеземная помощь была весьма проблематична. Одно было очевидно, именно, что при этомъ положеніи вещей и въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій слѣдуетъ падить страну и ограничить число жертвъ до минимума. Въ такомъ смыслѣ авторъ телеграфировалъ въ Краковъ, за что на него посыпались упреки въ томъ, что этими извѣстіями онъ способствовалъ паденію духа.

На собраніи представителей всѣхъ бывшихъ польскихъ провинцій въ ресторанѣ Дюранъ Козьянъ представилъ польское возстаніе, какъ дѣло съ весьма сомнительнымъ исходомъ, а потому предложилъ рѣшить вопросъ, слѣдуетъ-ли дальше поощрять возстаніе или отказатьсь отъ всякаго ему содѣйствія. Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ заключался въ глухомъ молчаніи собранія, такъ какъ и здѣсь проявилась главная черта польскаго характера—отсутствіе рѣшимости: полякъ способенъ на рѣшительный шагъ въ минуту увлеченія и нерѣшителенъ послѣ обсужденія положенія. Тогда С. Козьянъ высказался въ томъ смыслѣ, что въ виду выжиданія державъ и полякамъ слѣдовало бы занять выжидательное положеніе. По его словамъ, прекратить возстаніе было невозможно, невозможно и отречься отъ него совершенно въ виду начатыхъ переговоровъ державъ, нужно только стараться ограничить возстаніе территоріально и количественно и ни въ какомъ случаѣ не начинать мятежнаго движенія въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, на Волыни и въ Подоліи, такъ какъ тамъ имѣются еще свои спеціальныя неблагоприятныя условія — общественныя, религіозныя и національныя. Представители этихъ провинцій указали на то критическое положеніе, которое заняли они, находясь, съ одной стороны, подъ гнетомъ народнаго правительства, съ другой стороны—подъ давленіемъ русскихъ властей, такъ какъ именно эти провинціи для обѣихъ сторонъ представляются наиболѣе спорной территоріей. Собраніе разошлось, не принявъ никакого рѣшенія. Между тѣмъ очевидно было съ самаго начала, что участіе бывшихъ польскихъ провинцій, находящихся во владѣніи Россіи, въ возстаніи, затѣянномъ первоначально въ Царствѣ Польскомъ, могло бы, въ случаѣ неудачи, чрезвычайно затруднить соглашеніе съ русскимъ правительствомъ.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Парижѣ Козьянъ, накануне

отъѣзда обратно въ Краковъ, еще разъ зашелъ къ Валевскому, который въ этотъ вечеръ былъ занятъ какими-то важными дѣлами и котораго поэтому Козьяну не пришлось видѣть. М-ме Валевская отъ имени мужа передала ему нумеръ «La Patrie», нѣсколько строкъ въ которомъ, подчеркнутыя синимъ карандашомъ, заключали, по словамъ М-ме Валевской, все то, что мужъ ея могъ бы теперь сообщить по польскому дѣлу. Подчеркнуто было слѣдующее: «Общественное мнѣніе очень занято теперь переговорами, которые ведутся по польскому вопросу между различными кабинетами. Было бы неумѣстно и преждевременно опредѣлять сущность этихъ совѣщаній, но мы уже теперь можемъ съ положительностью утверждать, что дѣло идетъ впередъ, что предложенія эти рознятся отъ англійской ноты отъ 4-го марта текущаго года въ томъ отношеніи, что исходной ихъ точкой не служитъ уже трактатъ 1815 г. и что вскорѣ можно будетъ убѣдиться, насколько Франція старается объ улаженіи польскихъ дѣлъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).



Просьба академика Степана Румовскаго о наградѣ.

Письмо его Александру Андреевичу Беклешову.

9-го сентября 1801 г.

Время приближается, въ которое всемилостивѣйшій государь императоръ, слѣдуя милосердію своему, раздѣлять будетъ подданнымъ своимъ разныя милости, и для того осмѣливаюсь ваше высокопревосходительство покорно просить включить и меня въ число оныхъ. Судя по добротѣ вашего сердца можетъ быть изволите спросить, какой я милости отъ государя императора желаю, и увѣренъ будучи, что не вмѣните мнѣ въ дерзновеніе, осмѣливаюсь просить, чтобы, въ разсужденіи дороговизны нужныхъ къ содержанію вещей, исходатайствовали мнѣ прибавку жалованья, подъ именемъ пенсіона, каковая милость многимъ уже была оказана. Къ оправданію смѣлости моей ничего представить не могу, какъ мою пятидесяти-трехъ-лѣтнюю безпорочную и усердную службу. Ежели въ приложенномъ при семь списокѣ службы моей¹⁾ не найдете ничего, что бы заслуживало высочайшаго благоволенія, то всенижайше прошу недостатокъ сей наградить вашимъ ходатайствомъ, дабы я ко гласу облагодѣтельствованныхъ вами могъ присовокупить мой гласъ и, возсылая ко Всевышнему молитву о благоденственномъ и мирномъ царствованіи государя императора, не нуждаяся могъ окончить послѣдніе дни мои.

Сообщилъ Г. И. Рѣпинскій.

¹⁾ Послужной списокъ: Взятъ въ службу въ Академію наукъ студентомъ—1748 г., мая 10-го; произведенъ въ адъюнты Академіи—1753 г.; посланъ былъ въ Сибирь въ Селенгинскъ для наблюденія Венеры въ солнцѣ—1761 г.; по отправленіи сей экспедиціи произведенъ профессоромъ астрономіи и обсерваторомъ Академіи—1763 г.; въ продолженіе исправленія должности астронома по высочайшему повелѣнію опредѣленъ членомъ въ учрежденную при Академіи комиссію—1766 г.; по высочайшему же повелѣнію предпринималъ второе путешествіе въ Колу для наблюденія Венеры въ солнцѣ—1769 г.; по высочайшему повелѣнію съ 1776 году при Греческой гимназіи исправлялъ должность инспектора по 1783 годъ; высочайшимъ ея величества блаженной памяти государыни императрицы указомъ пожалованъ чиномъ надворнаго совѣтника—1778 г.; коллежскаго совѣтника—1788 г.; высочайшимъ его величества блаженной памяти государя императора указомъ—чиномъ статскаго совѣтника—1797 г.; дѣйствительнаго статскаго совѣтника—1799 г.; вице-президентомъ Академіи наукъ—1800 г. Въ штрафахъ и въ отпуску никогда не бывалъ.

На подлинномъ прошеніи написано: „Осталось безъ удовлетворенія“.



Скобелевы, дѣдъ и внукъ.

(Матеріалы для ихъ біографій ¹⁾).

I.

Иванъ Никитичъ Скобелевъ.

1.

Приказъ И. Н. Скобелева резервной тѣлотъ.

Декабря 10-го дня 1834 года. № 19-й. Г. Рязань.

Господамъ прапорщикамъ рекомендую знать, что въ нашъ благотворный вѣкъ невинно въ Россіи никто не страдаетъ; поступки подвергшихся сомнѣнію предварительно, а часто и не одинъ разъ, со всевозможнымъ безпристрастіемъ разсматриваются слѣдователями, повѣряются высшимъ начальствомъ; вина всплываетъ какъ пробка на водѣ, и по степени оной преступникъ предается суду, оставаясь иногда на свободѣ, иногда, съ такъ называемымъ, домашнимъ арестомъ; но если молодецъ втиснуть въ клѣтку, на гауптвахту,—это уже не даромъ.

Чувство соболѣзнованія и соучастія къ тяжкому горю ближняго — удѣлъ душъ благородныхъ, вѣжныхъ; чувства эти достойны похвалы, когда они не выходятъ изъ границъ обязанностей, службою предписанныхъ; въ противномъ же случаѣ, одни и тѣ же чувства обращаются въ

¹⁾ Помѣщаемые ниже матеріалы служатъ дополненіемъ къ тѣмъ, которые въ разное время помѣщались на страницахъ „Русской Старины“. Своеобразная личность Ив. Ник. Скобелева до сихъ поръ еще ждетъ своего біографа, для котораго историческая литература, а затѣмъ и „Русская Старина“, обнародовали уже много матеріаловъ.

Ред.

преступленіе, строжайшаго преслѣдованія заслуживающее. Можно, раздѣляя скорбь преступника, страдать и даже плакать съ нимъ вмѣстѣ, а все-таки на гауптвахтѣ; но облегчать участь его,—дѣло Бога, Государя и закона.

Какъ членъ генераль-аудиторіата, т. е. высшаго военного судилища, я могу увѣрить, что отеческое сердоболіе и самое снисхожденіе Монарха къ слабостямъ виновныхъ страдальцевъ часто превосходятъ мѣру надеждъ и самыхъ даже преступниковъ.

Изложивъ обстоятельство, ангельскою душою Царя обезпеченное, и показавъ тѣмъ несомнѣнность нашему брату—исполнителю священной высшей воли, втираться не въ свое дѣло, ставя призомъ счастье и честь, передаю молодымъ неопытнымъ товарищамъ благой, спасительный совѣтъ: отнюдь и ни въ какомъ случаѣ не слушать плачевныхъ пѣсней этихъ тюремныхъ соловьевъ; и, Боже упаси, выпускать ихъ на волю; они мягко стелютъ, да жестко спятъ. Можно позволить имъ попорхать вокругъ гауптвахты, подъ строгимъ, разумѣется, присмотромъ — и конецъ!

Хотя я и не думаю, чтобъ нашелся столь дерзкій, буйный офицеръ, который бы позволилъ себѣ противузаконный, преступный поступокъ, каковымъ надлежитъ признать рѣшимость безъ позволенія начальства уволить арестованнаго чиновника въ знакомый ему домъ; но на всякой случай, по закону предусмотрительности, къ свѣдѣнію симъ предупреждаю, что участь подобнаго смѣльчака будетъ крайне не завидна и на всю жизнь его горька. Ни въ какомъ случаѣ не должно думать и надѣяться, что грѣхи наши скользятъ мимо и съ успѣхомъ укрываются отъ взора бдительнаго начальства.

2.

Приказъ И. Н. Скобелева резервной дивизіи 3-го пѣхотнаго корпуса

Апрѣля 7 дня 1835 года. Г. Рязань.

Христось Воскресе!

При выступленіи сей дивизіи изъ Рязанской губерніи, отъ встрѣчнаго и поперечнаго слышу я огромную похвалу и полную благодарность, примѣрно кроткому и благонравному поведенію нижнихъ воинскихъ чиновъ; граждане и хлѣбопашцы гласятъ единодушно, что въ лицѣ по-

стояльца каждый изъ нихъ провожаетъ члена семейства и добраго друга! Лестный отзывъ сей свидѣтельствуется признательнымъ, благороднымъ сословіемъ гг. помѣщиковъ и подтверждается мѣстнымъ начальствомъ.

Сердце ваше, товарищи, скажетъ вамъ какъ пріятно, какъ весело начальнику имѣть подъ командою своею столь славныхъ людей, которые, зная цѣну украшающаго ихъ высокаго званія, умѣли искреннюю любовь свою къ отечеству ознаменовать похвальнымъ обращеніемъ и дружественными поступками среди добрыхъ, мирныхъ жителей, за благо и спокойствіе коихъ, при одномъ мановеніи земнаго владыки, по священной обязанности воина, героя, готовы они пролить послѣднюю каплю крови.

Любовь къ отечеству,—выраженіе общее: благородное чувство это каждый желаетъ усвоить, кто вполнѣ понимаетъ и кто слыхалъ только, что любовь къ отечеству есть драгоцѣннѣйшее достоинство сердца челоувѣческаго; посему нерѣдко вылетаетъ оно изъ устъ и развратнаго негодяя, готоваго безсовѣстно простереть святотатственную руку свою къ похищенію государственнаго интереса и лишитъ бѣднаго жителя послѣдней кровавой его копѣйки. Но въ прямомъ смыслѣ любовь къ отечеству—вѣтъ религія, удѣлъ ума и чести! Питающему въ себѣ святой даръ сей дорого общественное достояніе, дорога и копѣйка, трудомъ поселянина пріобрѣтенная! легче умереть нежели лишитъ его оной и тѣмъ оскорбитъ и обезобразитъ въ себѣ патриотическія чувства, сына церкви и отечества достойныя.

Такъ, товарищи, должно разумѣть любовь къ отечеству.—Живымъ участіемъ и искреннимъ желаніемъ всѣхъ возможныхъ благъ добрымъ нашимъ соотечественникамъ опредѣляется мѣра любви нашей ко всему для насъ священному; а изъ сего сами по себѣ слѣдуютъ вопросъ и отвѣтъ, какъ долженъ вести себя грозный воинъ, перешагнувъ черезъ порогъ въ хижину мирнаго жителя? Вы постигли тайну эту,—честь и слава вамъ, ребята!

Одно уже знаменитое званіе защитника вѣры, трона и отечества, обязываетъ насъ братски любить земледѣльцевъ, этихъ неуспыныхъ муравьевъ, на трудѣ которыхъ основана возможность къ существованію христіолобиваго воинства. Слѣдственно вы сдѣлали свое дѣло; но и земледѣльцы не остались въ долгу: отъ чистаго сердца, въ мѣстахъ жатвою изобильныхъ, охотно и съ доброю волею удѣляя избытокъ свой, чрезъ уступокъ провіанта, они увеличили экономическія суммы ваши двадцатью пятью тысячами рублей. Честь и слава добрымъ жителямъ Рязанской губерніи!

Оставаясь увѣреннымъ, что столь разительный примѣръ согласія и дружбы между солдатомъ и поселяниномъ обратится въ примѣръ другимъ и надолго сохранится въ рядахъ нашихъ, утвердительно говорю

вамъ, товарищи, что плоды, поведеніемъ вашимъ произращенные, и въ небѣ не пропадутъ даромъ; всѣ дѣйствія наши, явныя и тайныя, извѣстны Сердцевѣдцу и за все въ святой десницѣ Его готова награда здѣсь и за гробомъ.

Продолжая безъ измѣненія управлять собою волею спасительнаго закона, силою чести и похвальной въ васъ нравственности, вы въ военное и въ мирное время легко и съ успѣхомъ докажете, Богу угодную и государю пріятную, пламенную любовь къ отечеству, всюду пріобрѣтете взаимное уваженіе, а отъ начальства своего полное право на равномѣрную благодарность, каковую съ удовольствіемъ и даже съ восхищеніемъ я вамъ объявляю.

3.

Стихотворенія генералу Скобелеву.

(По прочтеніи изданной имъ книги: „Подарокъ товарищамъ“).

Я прочиталъ твои разказы
 О Бонапартѣ, о войнѣ.
 И живы давнія проказы,
 И буйно кровь кипитъ во мнѣ!
 Твой слогъ могучъ, огнистъ и ярокъ,
 Какъ схватка коршуна съ орломъ;
 И днесъ тебѣ за твой подарокъ
 Бьетъ войско русское челомъ.

* *

Ты начерталъ ему скрижали
 И, удалая голова,
 Его шутя очаровали
 Твои премудрыя слова.
 Солдаты! ты понялъ духъ солдатской,
 И молвилъ правду напрямки,
 И грянулъ книжкой залихватской,
 И встрепенулись старики.

* *

Въ ней наша Русь, какъ на ладони,
 Перводержавная видна:
 Пожаръ Москвы, гроза погони,
 Мужикъ, казакъ, морозъ, война,

Бивачный бытъ, порою каша,
 А чаще корка, да снѣга.
 Безъ крова—сонъ, безъ водки—чаша,
 И стыдъ великаго врага.

* * *

Любовь словами не богата!
 Ея нарѣчія просты,
 И вся грамматика солдата:
 Ура, Георгій, Царь и ты!
 Тебѣ, герой, вѣнокъ страдальца
 Сплетень изъ лавровыхъ вѣнковъ;
 Но вѣрь: Царю твои три пальца ¹⁾
 Дороже дюжины головъ!

* * *

Гордись! для Русскаго народа
 Ты милъ, какъ знамя безъ пятна,
 Какъ вихрь двѣнадцатаго года,
 Какъ чарка добраго вина!
 Гордись! Ты войска сталъ кумиромъ,
 И въ честь твою, его языкъ
 Своимъ отцомъ и командиромъ
 Нашъ молодецкій прозвалъ штыкъ!

Николай Веревкинъ.

Сообщ. К. А. Лебедевъ.

II.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Два прилагаемыя ниже письма относятся къ тому времени, когда М. Д. Скобелевъ готовился къ поступленію въ С.-Петербургскій университетъ и брать уроки, между прочимъ, и у покойнаго Л. Н. Модзалевскаго, въ бумагахъ котораго эти письма и сохранились. Занятія съ М. Д. продолжались въ теченіе 1858, 1859 и 1860 гг., велись подъ общимъ наблюденіемъ академика А. В. Никитенки и были настолько успѣшны, что

¹⁾ Генералъ Скобелевъ потерялъ въ шведскую кампанію два пальца правой руки, а въ сраженіяхъ съ польскими мятежниками въ 1831 г. лишился лѣвой руки по локоть.

М. Д. сдалъ даже предварительный домашній экзаменъ; это видно изъ письма Л. Н. Модзалевскаго къ родителямъ отъ 11-го мая 1860 года, гдѣ онъ, между прочимъ пишетъ: «самъ я сдалъ съ рукъ двоихъ учениковъ и съ большимъ успѣхомъ, свидѣтелями котораго были нѣкоторые профессора и попечитель. Экзаменъ домашній производился у Скобелева вмѣстѣ съ Адлербергомъ, въ квартирѣ молодого Адлерберга, сына министра. Успѣхами моего ученика остались довольны; на будущій годъ онъ будетъ держать экзаменъ въ университетъ». Занятія съ Михаиломъ Дмитриевичемъ продолжались и послѣ этого, однако ему не удалось поступить въ университетъ, вслѣдствіе временнаго его закрытія въ 1861 году ⁴⁾. Такимъ образомъ послѣднее обстоятельство совершенно измѣнило будущность М. Д. Скобелева и направило его по тому пути, на которомъ онъ заслужилъ такую громкую извѣстность.

Письмо А. В. Никитенки относится, вѣроятно, къ 1858 году.

1.

Я видѣлся съ г. Скобелевымъ въ субботу, и онъ мнѣ сказалъ, что поладилъ совѣмъ съ Львомъ Николаевичемъ Модзалевскимъ, что онъ ожидалъ его уже для урока, но что, однако, онъ не былъ. Я забылъ, къ сожалѣнію, записать адресъ Льва Николаевича и потому обращаюсь къ вамъ съ просьбою спросить у него: устроилось-ли окончательно у него дѣло съ г. Скобелевымъ? Послѣдній очень беспокоился, не выдавъ у себя нашего г. Модзалевскаго послѣ уговора и боится, не раздумалъ-ли онъ, и я въ недоумѣніи. Душевно вамъ преданный А. Никитенко. Воскресенье, 22-го.

2.

Драгоцѣнный Левъ Николаевичъ!

Я ѣду въ субботу въ Царское, потому прошу васъ, нельзя ли намъ взять урокъ въ пятницу (завтра) или отъ 2 до 5, или отъ 7 до 10 вечера? Предоставляю вамъ на выборъ часъ; если же для васъ эти часы

⁴⁾ См. Л. Н. Модзалевскій. Изъ педагогической автобіографіи. Спб. 1897, стр. 14.

непокойны, то мы можемъ видѣться и въ субботу, но не позже 11 или 12. Въ надеждѣ на скорый отвѣтъ остаюсь вашимъ преданнымъ.

М. Скобелевъ.

Въ четвергъ, 19-го мая, 1860 г.

Сообщ. Б. Л. Модзалевскій.

3.

Письмо М. Д. Скобелева къ К. П. фонъ-Кауфману ¹⁾.

Позиція на Плевно-Ловченскомъ шоссе передъ Шлевной 13-го октября
1877 г.

Ваше высокопревосходительство

Константинъ Петровичъ!

Посылаю вамъ рапортъ мой генераламъ Зотову и князю Имеретинскому о дѣлахъ подъ Шлевной съ 26-го по 31-е августа.

Я знаю, какъ вы интересуетесь всѣмъ, касающимся нашей арміи. Въ данномъ случаѣ распорядился войсками, въ столь знаменательную минуту, вашъ туркестанскій воспитанникъ, глубоко сознающій, что обязанъ вамъ исключительно, въ обширномъ смыслѣ слова, своими настоящими относительными успѣхами.

Вообще, въ настоящую кампанію, въ глазахъ общества, значеніе Туркестана, какъ боевой школы, значительно поднялось; этому помогло и геройское поведеніе всѣхъ нашихъ офицеровъ, служившихъ въ болгарскомъ ополченіи и въ прочихъ войскахъ, и чрезвычайное боевое самолюбіе нижнихъ чиновъ Туркестанскаго округа передъ непріателемъ, всѣмъ и начальниками частей сознанный, наконецъ, отчасти и несостоятельность различныхъ аранжеровъ мирныхъ маневренныхъ увеселеній— на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи, слишкомъ рельефно выказавшаяся.

Я, слава Богу, въ интимныхъ своихъ отношеніяхъ по службѣ былъ такъ счастливъ, что смогъ сохранить всѣ наши туркестанскія приемы.

Начальникомъ штаба у меня Куропаткинъ ²⁾; ваше высокопревосходительство уже давно оцѣнили по достоинству этого героя-солдата и прекраснаго, полнаго благородства, человѣка.

Съ нимъ мнѣ жить легко, несмотря на рычаніе толпы завистниковъ, болѣе прежняго на меня злой.

¹⁾ Печатается съ подлинника изъ собранія писемъ Михаила Дмитриевича Скобелева къ Константину Петровичу фонъ-Кауфману. Е. Ш.

²⁾ Алексѣй Николаевичъ, нынѣ управляющій военнымъ министерствомъ. *

Ласка государя ко мнѣ, при всѣхъ случаяхъ, не знаетъ предѣловъ.

Послѣдній разъ, за обѣдомъ, я, конечно, сѣлъ за столъ съ послѣдними: это вѣдь не въ дѣлѣ. Государь послалъ тотчасъ же за мною Воейкова и меня посадили противъ князи Суворова, который сидѣлъ по правую сторону государя.

За обѣдомъ онъ почти исключительно говорилъ со мною и, наконецъ, поднявъ бокаль, пилъ мое здоровье.

При мнѣ Хомичевскій. Масловъ произведенъ въ майоры, начальникъ Габровскаго уѣзда и очень отличился на Шипкѣ.

Радецкій заявилъ, что при менѣ опытномъ и распорядительномъ уѣздномъ начальникѣ онъ, пожалуй, не удержался бы. Вчера князь Черкасскій отзывался объ Масловѣ съ восторгомъ.

Кланяйтесь Виталию Николаевичу (Троцкому ¹⁾); я ему такъ много обязанъ и искренно его люблю.

Будьте здоровы, Константинъ Петровичъ. Мы готовимся. Васъ любящій и навсегда вамъ благодарный.

М. Скобелевъ.

Сообщилъ Евгений Шумигорскій.



¹⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ, Виленскій генераль-губернаторъ и командующій войсками виленскаго военного округа.



НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О БЫВШЕМЪ

Нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ¹⁾.

II.



ругая причина разногласій въ нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ заключалась въ способахъ и приемахъ работы его; разногласія возникли уже съ самаго начала дѣятельности комитета. Большинство настаивало на томъ, что по открытіи комитета члены его должны разъѣхаться по уѣздамъ для собравія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ; это-же было постановлено и на предварительномъ совѣщаніи предводителей дворянства 15-го января 1858 г., бывшемъ въ присутствіи губернатора Муравьева. Между тѣмъ въ средѣ меньшинства членовъ комитета возникла мысль прежде всего составить общія положенія, обсудивъ представленныя комитету мнѣнія и проекты по предмету улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, а затѣмъ уже разъѣхаться по уѣздамъ и тамъ предьявить выработанныя комитетомъ общія положенія и собрать необходимыя свѣдѣнія. Меньшинство имѣло при этомъ въ виду, что представленными въ комитетъ мнѣніями и проектами при составленіи новаго положенія предлагаются три системы: 1) система чисто аренднаго пользованія крестьянами извѣстною частію земли, 2) выкупъ крестьянами части земли, и 3) смѣшанная система, предлагаемая правительствомъ — выкупъ усадьбы и арендное пользованіе частью земли, а потому желательно прежде всего, обсудивъ эти мнѣнія, установить взглядъ комитета,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюнь 1898 г.

который и подвергнуть обсужденію владѣльцевъ имѣній въ уѣздахъ. Этотъ взглядъ поддерживалъ предсѣдатель комитета губернской предводитель дворянства Н. П. Болтинъ и 8 членовъ (журналъ 27 февр). Муравьевъ также былъ сторонникомъ меньшинства и потому (въ отношеніи 1-го марта за № 2476) высказалъ, что «прерваніе занятій комитета на столь долгое время (до 1-го мая) было-бы не соотвѣтственно видамъ правительства, безъ малѣйшихъ къ тому оснований», вслѣдствіе чего просилъ изложить эти основанія болѣе подробно. Въ засѣданіи 1-го марта комитетъ остался при прежнемъ своемъ постановленіи и даже число членовъ, стоявшихъ за немедленную разработку основаній реформы, уменьшилось до пяти.

Очень можетъ быть, что Муравьевъ, стоя за немедленное установленіе основаній реформы, надѣясь подъ живымъ впечатлѣніемъ только что совершившагося провести наиболѣе обезпечивающія крестьянъ основанія реформы, а потому и всталъ на сторону меньшинства, хотя раньше самъ былъ согласенъ на то, чтобы членамъ разѣхаться по уѣздамъ тотчасъ по открытіи комитета, о чемъ увѣдомилъ и министра. Когда-же это не удалось, онъ предпринялъ другое. Въ письмѣ отъ 28-го апрѣля на имя министра внутреннихъ дѣлъ, упоминая о прерваніи занятій комитета до 1-го мая, Муравьевъ пишетъ: «такъ какъ на бывшихъ уже до разѣзда ихъ (т. е. депутатовъ) десятидневныхъ совѣщаніяхъ, комитетъ, кромѣ чтенія разныхъ проектовъ, ни къ чему положительному не приступалъ, а какъ вмѣстѣ съ тѣмъ между крестьянами нетерпѣливо ожидающими хотя приступа къ рѣшенію ихъ участи, оказываются по мѣстамъ признаки неповиновенія, въ особенности въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они обложены непомерными работами, то я, въ теченіе текущаго апрѣля, самъ составилъ проектъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, который намѣренъ былъ въ облегченіе комитету, въ видѣ мѣры не терпящей отлагательства, предложить, какъ трудъ уже готовый, на обсужденіе при возвращеніи членовъ въ губернской городъ. Но какъ я на этихъ дняхъ усмотрѣлъ изъ вѣдомостей, что по высочайшему повелѣнію издана уже программа занятій дворянскихъ комитетовъ, то затѣмъ, не почитая себя въ правѣ предлагать комитету составленную мною программу и проектъ, мною изготовленный и основанный на высочайшемъ рескриптѣ, на имя мое данномъ, и на отношеніяхъ вашего высокопревосходительства къ генераль-губернаторамъ, я имѣю честь представить его на благоусмотрѣніе ваше, съ присовокупленіемъ, что при составленіи онаго я соображался съ мѣстными данными и потребностями обихъ сословій, имѣя въ виду, что всякая медленность въ этомъ дѣлѣ можетъ повлечь за собою вредныя послѣдствія». Затѣмъ Муравьевъ замѣчаетъ, что, если проектъ и правила, имъ составленныя, будутъ признаны удобными и удостоятся высочайшаго утвержденія въ

теченіе предстоящаго лѣта, то взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ «будутъ опредѣлены на самомъ дѣлѣ, и Нижегородская губернія безъ всякаго волненія сдѣлаеть первый дѣйствительный шагъ къ достиженію благодѣтельной цѣли его императорскаго величества». Само собою разумѣется, что если-бы желаніе Муравьева осуществилось и проектъ его удостоился высочайшаго одобренія или утвержденія, то и роль комитета крайне сѣзидилась и свелась-бы лишь къ разработкѣ подробностей, а въ противномъ случаѣ онъ немануемо долженъ былъ идти въ разрѣзъ съ мнѣніемъ самого государя. На такую постановку дѣла министръ не согласился. Каковы были основанія реформы, выработанныя Муравьевымъ, намъ неизвѣстно, такъ какъ возвращеннаго ему проекта при дѣлѣ нѣтъ, но повидимому они не сходились съ направлениемъ, выраженнымъ въ это время въ рескриптахъ, хотя Муравьевъ и указывалъ, что проектъ составленъ на тѣхъ началахъ, которыя были въ нихъ развиты. Это видно изъ отношенія къ Муравьеву министра внутреннихъ дѣлъ, Ланскаго, отъ 12-го мая 1858 (№ 609), въ которомъ, несмотря на увѣренія губернатора, что проектъ составленъ согласно съ рескриптами, Ланской въ виду того, что Муравьевъ при составленіи проекта не имѣлъ еще программы, составленной имъ, и нѣкоторыхъ циркуляровъ, не нашелъ возможнымъ испрашивать высочайшаго разрѣшенія на передачу проекта «въ настоящемъ видѣ» губернскому комитету. Возвращая этотъ проектъ Муравьеву, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ «предварительно сообразить и согласить оный, какъ съ программой занятій губернскихъ комитетовъ, такъ и съ предположенными началами уѣзднаго управленія, полиціи и разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами». Послѣ того, проекта своего въ комитетъ Муравьевъ не представлялъ.

А между тѣмъ, по возвращеніи изъ уѣздовъ, усердіе къ дѣлу освобожденія крестьянъ въ нѣкоторыхъ изъ депутатовъ значительно охладѣло, появилось желаніе по возможности затянуть дѣло; занятія комитета пошли медленнѣе и это опять вызвало вмѣшательство Муравьева. По постановленію 21-го февраля, рѣшенія комитета должны считаться дѣйствительными лишь при наличности 17 членовъ ($\frac{2}{3}$ всѣхъ); между тѣмъ, при стремленіи уклониться отъ занятій, засѣданія его составлялись не аккуратно, вслѣдствіе чего и самая работа затягивалась и не могла окончиться въ назначенный правительствомъ 6-ти мѣсячный срокъ, т. е. 19-го августа. Тогда по предложенію предсѣдателя комитета губернскаго предводителя Болтина 6-го мая состоялось постановленіе, въ силу котораго рѣшенія комитета признавались дѣйствительными и-при наличности 3-хъ членовъ. Впослѣдствіи (въ іюль 1858 г.) при обзорѣ дѣятельности губернскихъ комитетовъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ обратилъ вниманіе на это постановленіе, сообщивъ о немъ

министру, а этотъ послѣдній, уже 5-го сентября 1858 г. (№ 1098), сдѣлалъ по поводу его замѣчаніе Муравьеву, находя, что постановленія комитета не могутъ имѣть силы, если подписаны такимъ ничтожнымъ меньшинствомъ. Въ оправданіе свое губернаторъ 25-го сентября писалъ Ланскому, что это постановленіе имъ допущено по прямой необходимости. «Въ началѣ мая, пишетъ онъ къ министру, когда члены съѣхались изъ уѣздовъ для засѣданій, руководители извѣстнаго большинства старались вести крестьянское дѣло въ оттяжку, уничтожая важность его значенія и распуская слухи, «что все это измѣнится, что правительство перемѣнило свои намѣренія и все останется въ прежнемъ положеніи». Такія рѣчи, подкрѣпленныя вѣрными, будто-бы, извѣстіями изъ столицы, имѣли столь сильное вліяніе на большинство членовъ, что комитетъ едва собирался, никогда не доходилъ не только до половины своего состава, но едва нѣсколько членовъ очень поздно являлись въ присутствіе, такъ что ни къ какому сужденію приступить было невозможно и время тратилось бесполезно». Принятая комитетомъ и имъ, Муравьевымъ, утвержденная мѣра, по его словамъ, имѣла послѣдствіемъ то, что члены стали собираться чаще и наконецъ приступили къ самому дѣлу.

Попытка оттянуть дѣло въ послѣдствіи повторилась въ іюль мѣсяцѣ, когда уже были разработаны VI главъ положенія изъ десяти, и повела къ очень рѣзкому столкновенію между членами, а также между Муравьевымъ и большинствомъ комитета, и наконецъ потребовалось вмѣшательство министра и самого государя. Послѣдовательный ходъ дѣла былъ таковъ. 11-го іюля одинъ изъ членовъ комитета, находя, что въ назначенный 6-ти мѣсячный срокъ (къ 19-му августа) своихъ работъ комитетъ окончить не въ состояніи, предложилъ ходатайствовать о продленіи срока еще на 6 мѣсяцевъ. Въ этомъ смыслѣ и состоялось постановленіе, а ходатайство было направлено къ губернатору. Между тѣмъ самъ Муравьевъ, исходя изъ того, что уже VI главъ положенія окончены, что остальныя IV главы, какъ вытекающія изъ первыхъ, составитъ гораздо легче, 16-го іюля сдѣлалъ комитету предложеніе послѣшить окончаніемъ работъ, чтобы, хотя въ главныхъ основаніяхъ, закончить къ пріѣзду государя въ Нижній-Новгородъ въ августъ мѣсяцѣ и порадовать его поднесеніемъ ему своего труда. Желаніе Муравьева не исполнилось, хотя и было совершенно законное, ибо къ 19-му августа комитетъ обязанъ былъ кончить свою работу; напротивъ, въ засѣданіи 18-го іюля было постановлено уничтожить все доселѣ сдѣланное и начать работу снова, на началахъ денежнаго выкупа крестьянами своей личности и обязательнаго труда. Тѣсно сплотившееся реакціонное большинство не довольствовало уже тѣмъ, что по вопросу объ усадьбахъ оно, отступая отъ началъ, выраженныхъ въ рескриптахъ, поставило въ сво-

емъ проектъ крестьянъ почти въ невозможность сдѣлаться собственниками, затруднивъ выкупъ усадебъ и сѣузивъ понятіе о нихъ, что также, какъ увидимъ, привело къ столкновенію съ Муравьевымъ, и пошло еще далѣе, выдвинувъ принципъ вознагражденія «за отчужденіе отъ помѣщика грѣбностной личности. Выразителемъ мнѣній большинства и на этотъ разъ явился Я. И. Пятовъ¹⁾. Въ запискѣ, поданной въ комитетъ, предлагая переработать весь проектъ на изложенныхъ выше началахъ, онъ указываетъ на поспѣшность, съ которой шли работы, на происшедшія вслѣдствіе того ошибки; «замѣчая, что въ комитетѣ существуютъ двѣ партіи—одна, стремящаяся достигнуть возможно скорого освобожденія крестьянъ, одаряемыхъ всѣми преимуществами», а другая—«съ болѣе пугливой совѣстью», заботящаяся о будущей участи экзъ-помѣщиковъ, Пятовъ приходитъ къ заключенію, что все сдѣланное было легкомысленно, вслѣдствіе недоброжелательства нѣкоторыхъ членовъ къ своему сословію. Заявление въ томъ видѣ, какъ оно было прочитано, было наполнено кромѣ того рѣзкими и грубыми выраженіями, вродѣ словъ: «антидворяне», «лукавые рабы» и проч., но вслѣдствіи эти слова, хотя и прочитанныя, были вычеркнуты. Къ заявленію Пятова подписались еще 12 дворянъ, членовъ большинства комитета, и затѣмъ состоялось соответствующее постановленіе²⁾. Послѣдствіемъ постановленія 18-го іюля было то, что предсѣдатель комитета Болтинъ тотчасъ-же отказался отъ предсѣдательства и передалъ его Пятову (о чемъ и подалъ официальное заявленіе губернатору 21-го іюля), а съ нимъ вмѣстѣ заявили желаніе выйти изъ состава комитета еще трое членовъ его—Русиновъ, Сущевъ и Демидовъ. Другіе, несочувствующие этому постановленію, 4 члена (Карамзинъ, Лагода, Нестеровъ и Эшманъ) подали губернатору протестъ, прося оградить ихъ отъ насилій и клеветы. Муравьевъ немедленно-же отправилъ подробное донесеніе

¹⁾ Я. И. Пятовъ не принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, а происходилъ изъ купеческой среды. Отецъ его И. С. Пятовъ былъ въ 20-хъ годахъ городскимъ головой въ Нижнемъ-Новгородѣ и получилъ дворянство; дядя С. С. былъ головой въ 40-хъ годахъ, а двоюродный братъ Ф. С. Пятовъ служилъ головой въ 1858—60 годахъ; былъ ли Пятовъ дѣйствительнымъ или фиктивнымъ предводителемъ большинства—неизвѣстно; до 1858 г. онъ состоялъ секретаремъ дворянства.

²⁾ Изъ 21-го проекта положеній, представленныхъ комитетами на первую очередь, только два—Нижегородскій и Симбирскій, высказались за выкупъ крестьянами своей личности. Редакціонная коммиссія посвятила даже цѣлое засѣданіе (17-го іюня 1859 г.) на то, чтобы смягчить неблагоприятность мнѣнія этихъ комитетовъ о выкупѣ личности крестьянъ. Впрочемъ одинъ изъ членовъ редакціонной коммисіи (Булгаковъ) замѣтилъ по этому поводу, что „въ сущности они желали того же, что и другіе комитеты, но не такъ выразились“ (Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ. Т. I стр. 270—273).

о всемъ происшедшемъ министру внутреннихъ дѣлъ съ своимъ адъютантомъ княземъ Голицынымъ, въ которомъ просилъ всѣхъ 13 членовъ удалить изъ комитета и даже выслать изъ губерніи; Болтина просилъ остаться предсѣдателемъ и предложилъ ему остановить оглашеніе этого постановленія между дворянами, какъ это намѣревались сдѣлать члены большинства. Между тѣмъ Пятовъ вступилъ въ исполненіе своихъ предсѣдательскихъ обязанностей, и занятія комитета продолжались подъ его уже предсѣдательствомъ, хотя и не признавались Муравьевымъ законными. Такъ тянулось дѣло до 1-го августа, когда было получено предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28-го іюля, въ которомъ, по высочайшему повелѣнію, предписано: 1) мнѣніе, подписанное 13 членами нижегородскаго комитета, отвергнуть, ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію высочайше одобренныхъ началъ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ; 2) надворному совѣтнику Пятову, позволившему себѣ, въ изложеніи своего отзыва, выраженія, обидныя для другихъ членовъ комитета, ¹⁾ сдѣлать по высочайшему его величества повелѣнію строгій выговоръ; дворянамъ-же, подписавшимъ ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе Пятова, сдѣлать строгое замѣчаніе ²⁾; 3) предсѣдателю и тѣмъ членамъ, которые въ мнѣніяхъ своихъ руководствовались началами челоуѣколюбія и государственной пользы, объявить благоволеніе его величества за ихъ труды и призвать къ продолженію занятій комитета, и 4) предложить вашему превосходительству лично открыты прерванные засѣданія комитета, съ объявленіемъ непремѣнной воли его величества, чтобы комитетъ строго держался прямого смысла высочайше одобренныхъ началъ, не допуская превратнаго толкованія ихъ, и принявъ бы всѣ мѣры къ скорѣйшему окончанію возложеннаго на него порученія».

Во время пребыванія своего въ Нижнемъ въ періодъ времени съ 18-го по 23-е августа, императоръ Александръ II сдѣлалъ еще и лично внушеніе тѣмъ, которые уклонились отъ правильныхъ занятій этимъ дѣломъ ³⁾.

¹⁾ Впрочемъ Муравьевъ въ своихъ донесеніяхъ министру также не сдерживался въ выраженіяхъ, употребляя такія, какъ напр. „неприличная выходка“, „нелѣпость отзыва“, „безсмысленная строитивость“ и тому подобныя.

²⁾ Въ этомъ пунктѣ слова—„дворянамъ же, подписавшимъ ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе Пятова, сдѣлать строгое замѣчаніе“—включены въ резолюцію собственноручно самимъ государемъ.

³⁾ На этотъ именно инцидентъ намекаетъ Лапской въ запискѣ, поданной имъ государю въ августѣ 1859 года, при чемъ замѣтилъ, что указаніе на высочайшее повелѣніе по этому предмету послужило предостереженіемъ другимъ комитетамъ (Н. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ. Т. I стр. 828). Рѣчь императора Александра II къ нижегородскому дворянству во время пребыванія его въ Нижнемъ-Новгородѣ въ августѣ 1858 г. была слѣдующаго содержанія: „Я радъ, господа, что могу лично благодарить васъ за усердіе,

Отсрочка въ окончаніи работъ однако по необходимости была дана до 1-го октября, къ каковому сроку котитеть и кончилъ свои занятія¹⁾. 4-го августа Муравьевъ объявилъ высочайшее повелѣніе комитету въ полномъ его составѣ, при чемъ въ донесеніи министру объ этомъ отъ 7-го августа объяснилъ, что меньшинство съ губернскимъ предводителемъ приняли его съ глубокимъ благоговѣніемъ, а большинство выражалъ свое неудовольствіе, обвиняя губернскаго предводителя въ томъ, что онъ сообщилъ мнѣіе 13 членовъ губернатору, а въ особенности двое членовъ Шереметевъ и графъ Толстой. На другой день, т. е. 5-го августа, начались правильныя занятія комитета, а все, что было постановлено въ періодъ съ 18-го іюля по 4-е августа было признано недѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ, благодаря энергичному образу дѣйствій Му-

которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество его призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ мнѣвшую тяжкую войну, вы откликнулись первыми и поступили добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ опять благодарю васъ за то, что вы же первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта. Поэтому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ: генерала Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете дѣль, мою—общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общею пользою. Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ, это жаль, устраните ихъ; я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое вами сдѣлано; идите впередъ.—Сегодня оканчивается срокъ вашимъ занятіямъ; но зная, что трудъ вашъ еще не готовъ, я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября; но къ октябрю вы кончите, въ этомъ я не сомнѣваюсь: не такъ ли господа? я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете. Путь указанъ; не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ, отъ данной вамъ программы; трудъ вашъ будетъ рассмотрѣнъ въ главномъ комитетѣ, но я дозволилъ вамъ представить его черезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснять выгоды свои, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобы было и вамъ хорошо и другимъ не худо, думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы мнѣ еще разъ докажете любовь свою и преданность и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ нижегородцы всегда отличались.

„Считаю себя счастливымъ, что послѣ 21 года, послѣдняго моего здѣсь пребыванія, опять нахожусь пинѣ среди васъ“. (Ниж. губ. вѣд., 1858 г. № 39; въ Петербургск. 1858 г. № 198).

¹⁾ Проектъ, составленный нижегородскимъ комитетомъ, былъ первый, представленный правительству, несмотря на замедленіе въ занятіяхъ (тамъ же. Т. I стр. 79).

равьева, попытка затянуть дѣло не удалась. Все это до крайности обострило отношенія Муравьева къ большей части депутатовъ и къ той части дворянства, которая имъ сочувствовала, хотя недружелюбныя отношенія его къ большинству членовъ комитета возникли еще раньше по вопросу о надѣлѣ крестьянъ усадебными землями. Направленіе большинства членовъ было неблагопріятно для крестьянъ уже съ самаго начала занятій комитета, что вызвало рѣзкій протестъ (9-го іюля) одного изъ дворянъ А. Х. Штевена, вынудивъ даже Муравьева сдѣлать ему замѣчаніе за его рѣзкости. Вслѣдъ за тѣмъ Штевенъ подалъ просьбу объ увольненіи его, мотивируя ее тѣмъ, что изложеніе его убѣжденій производитъ неудовольствіе въ комитетѣ и сверхъ того потому еще, что по журналу 5-го іюля комитетъ отвергъ предварительную оцѣнку усадебной осѣдлости и тѣмъ уничтожилъ право законнаго выкупа ея крестьянами, что находится въ противорѣчій съ рескриптами. Болѣе подробно вопросъ объ усадьбахъ однако разработанъ былъ комитетомъ (въ засѣданіи 26-го іюня, въ которомъ постановлено признать собственностью крестьянъ лишь строенія, которыя предоставляются имъ безвозмездно, а усадьбы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. земля подъ строеніемъ, дворомъ и огородомъ, могутъ быть приобрѣтены покупкой по цѣнѣ, назначенной помѣщикомъ; другая-же часть усадьбы или усадъ, какъ называетъ ее комитетъ, состоящая изъ конопляниковъ и гумениковъ, дѣлится по числу тяголъ и передается въ пользованіе крестьянъ вмѣстѣ съ прочими угодіями; внутренній выгонъ съ водопоемъ остается въ общемъ пользованіи крестьянъ и помѣщика. Это общее положеніе объ усадьбахъ сопровождалось нѣкоторыми еще болѣе стѣснительными условіями, подробное изложеніе которыхъ не входятъ въ нашу задачу. Въ рѣзкомъ и подробно мотивированномъ мнѣніи Муравьевъ не согласился съ этимъ постановленіемъ комитета. Ссылаясь на рескриптъ и постановленіе дворянства 17-го декабря 1857 г., онъ упрекаетъ большинство членовъ въ нарушеніи торжественнаго обѣщанія исполнить царскую волю и въ томъ, что оно «воздвигаетъ преграды благосостоянію крестьянъ, лишая возможности нѣкогда приобрѣсть ту самостоятельность, которую даруетъ ему и судъ общечеловѣчскій и правда царева, и ввергаетъ въ несмѣтное количество пролетаріевъ». «Прошу, говорилъ Муравьевъ, размыслить о томъ, что укоръ въ сопротивленіи высочайшей волѣ можетъ быть произнесенъ тѣмъ сословіемъ, надъ устройствомъ быта коего дворянство трудится; страшно можетъ выразиться приговоръ и пробужденіе народа, признавашаго себя, по одному произволу, лишеннымъ права и надежды выкупомъ приобрѣтать то, что ему всенародно обѣщано словомъ монаршимъ». Вслѣдствіе того Муравьевъ (8-го іюля) потребовалъ категорическаго отвѣта, согласенъ или не согласенъ комитетъ взмѣнить свое по-

становленіе и основать выкупъ усадебъ на предварительно сдѣланной оцѣнкѣ. Получивъ этотъ отзывъ, комитетъ, бывший уже подъ предѣтельствомъ Пятова, отправилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ съ копіей своего журнала и всѣми приложеніями, жалобу на Муравьева, гдѣ указываетъ, что бумага его есть не что иное, какъ «слово и дѣло», официальной властью произнесенное и пущенное въ народъ, и проситъ защиты и покровительства отъ насилія воли, угрозъ и укоровъ, дѣлаемыхъ комитету начальникомъ губерніи. Въ то же время комитетъ (т. е. большинство его съ Я. И. Пятовымъ во главѣ) уведомилъ объ этомъ Муравьева, сообщивъ ему, что постановленіемъ 26-го іюня не нарушало, по его мнѣнію, смысла рескриптовъ. Любопытно, что въ этомъ отношеніи къ губернатору большинство комитета опиралось на разъясненіе самого министра, въ которомъ тотъ указалъ, что мнѣніе его, выраженное въ развитіе положеній высочайшаго рескрипта, не обязательно для комитета. Такимъ образомъ нерѣшительность самого Ланского послужила лишь поводомъ къ отступленіямъ отъ началъ, указанныхъ самимъ правительствомъ. Муравьевъ, по обыкновенію, тотчасъ-же подробно донесъ объ этомъ министру, и въ своемъ сообщеніи не скупился на упреки большинству, во главѣ съ Я. И. Пятовымъ. Выше мы уже говорили, что министръ оставилъ бумаги большинства, доставленные ему, безъ разсмотрѣнія, а постановленіе его было признано недействительнымъ. Такимъ образомъ, благодаря страстной оппозиціи стремленію большинства и поддержкѣ въ то же время мнѣній меньшинства, Муравьевъ рѣзко разошелся съ большинствомъ членовъ комитета, и отношенія его къ значительной части дворянства сильно обострились. Въ этомъ разногласіи принимали живое участіе не одни члены комитета, но и все тогдашнее общество, такъ какъ изъ отвѣта большинства Муравьеву на его протестъ по поводу выкупа усадебъ видно, что засѣданія комитета посѣщались посторонними лицами изъ дворянскаго сословія. Только лишь долго спустя послѣ того, какъ занятія нижегородскаго комитета окончились, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ циркулярѣ отъ 5-го января 1859 г., разъяснилъ, что допущеніе постороннихъ зрителей несогласно съ высочайшимъ повелѣніемъ отъ 5 декабря 1857 г. № 41, и что приглашать въ засѣданія съ разрѣшенія начальника губерніи «можно лишь тѣхъ дворянъ, кои могутъ доставить комитету полезныя для него свѣдѣнія».

Изъ вышеизложеннаго видно, что во всѣхъ пререканіяхъ и разногласіяхъ между большинствомъ и меньшинствомъ членовъ комитета Муравьевъ неизмѣнно оставался на сторонѣ меньшинства, а потому и недовольство большинства членовъ, вызванное несогласіемъ его съ меньшинствомъ, отражалось также и на немъ, несмотря на всю осторожность, которую онъ проявилъ въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству при раз-

рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Объ этомъ мы скажемъ впоследствии, а теперь перейдемъ еще къ одному источнику неудовольствія на губернатора, послужившему также поводомъ къ нападкамъ на него.

III.

Задумавъ реформу быта помѣщичьихъ крестьянъ, правительство было озабочено обеспеченіемъ порядка и спокойствія при ея совершеніи, и потому главнѣйшимъ стремленіемъ его было поддержать существующее положеніе дѣла во все время, пока шли подготовительныя работы. Уже въ отношеніи министра внутренникъ дѣлъ Ланского къ петербургскому генералъ-губернатору отъ 5-го декабря 1857 г. за № 41, между прочимъ были указаны мѣры, которыя въ теченіе 12-ти переходныхъ лѣтъ должны были поддерживать это *statu quo*, — для этого было воспрещено отчуждать крестьянъ безъ земли, переселять ихъ, обращать въ дворовые и проч., а сдача въ рекруты или отдача въ распоряженіе правительства нерадивыхъ была обусловлена утвержденіемъ особаго присутствія, учреждаемаго для разбора недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами. Въ частности, относительно усадебъ помѣщичьихъ крестьянъ министр внутренникъ дѣлъ Ланской, 20-го марта 1858 г. (за № 44), въ виду того, что на основаніи высочайшаго рескрипта помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдность, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени приобрѣтаютъ въ собственность посредствомъ выкупа, — далъ губернскимъ предводителямъ секретно такое предписаніе: «Принимая во вниманіе, что въ настоящемъ положеніи дѣла объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, при всякой перемѣнѣ нынѣшнихъ крестьянскихъ усадебныхъ мѣстъ на другія, необходима особенная осмотрительность, я считаю долгомъ обратить вниманіе вашего превосходительства на сей предметъ и просить васъ внушать помѣщикамъ безъ официальной огласки, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдность крестьянъ оставалась именно въ теперешнемъ положеніи и переселеніе крестьянъ, даже въ одномъ и томъ-же имѣніи, допускалось не иначе, какъ по очевидной въ томъ для хозяйственныхъ распоряженій надобности, безъ малѣйшаго обремененія крестьянъ, и съ принятіемъ, когда нужно, нѣкоторыхъ предосторожностей». Копія съ этого отношенія были разосланы губернскимъ предводителемъ дворянства всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ 5-го марта 1858 г. при коротенькой бумагѣ, въ которой онъ просилъ ихъ прель-

явить отношеніе министра дворянамъ-помѣщикамъ безъ официальной огласки. Въ непродолжительномъ времени послѣдовалъ, также конфиденціально, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 26-го марта 1858 г. относительно рекрутской повинности. «Одинъ изъ начальниковъ губерній, говорится въ этомъ циркулярѣ, довелъ до свѣдѣнія моего, что съ нѣкотораго времени, а именно съ тѣхъ поръ, какъ гласно возникъ вопросъ объ улучшеніи положенія помѣщичьихъ крестьянъ и, вслѣдствіе того, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ образуются на сей предметъ губернскіе комитеты, мелкопомѣстные владѣльцы имѣній, платящіе рекрутскія складочныя деньги, усиленно представляли людей въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, безъ особенныхъ къ тому причинъ и, несомнѣнно, только для того, чтобы получить отъ казны опредѣленные законами за каждаго рекрута 300 руб. серебромъ. Для отвращенія этого министръ предписалъ «при малѣйшемъ какомъ либо недостаткѣ или сомнѣніи отказывать въ пріемѣ этихъ людей на службу»¹⁾.

Нѣсколько поздне, а именно 10-го декабря 1858 г. полученъ циркуляръ относительно переселеній, въ которомъ уже отъ имени главнаго комитета предлагалось начальникамъ губерній наблюдать, чтобы «при переселеніи помѣщиками крестьянъ съ однихъ земель на другія, сіе переселеніе было допускаемо не иначе, какъ по точномъ удостовѣреніи, что въ томъ мѣстѣ, куда владѣльцы намѣрены переселить крестьянъ, находится достаточное для нихъ количество угодій и приготовлены: необходимое для крестьянъ помѣщеніе, все нужное для ихъ водворенія и надлежащее количество хлѣба въ зернѣ для посѣва, а также для продовольствія до общаго урожая»²⁾.

Стремленіе правительства въ этомъ отношеніи встрѣтило въ Муравьевѣ вѣрнаго и стойкаго исполнителя, что видно изъ множества дѣлъ, производившихся въ губерніи по жалобамъ той и другой стороны. Мы

¹⁾ По этому поводу 22-го мая 1858 года горбатовскій предводитель дворянства черезъ губернскаго предводителя вступилъ съ Муравьевымъ въ переписку, прося его разъяснить — не требуется-ли какихъ-либо особенныхъ условий для отдачи въ рекруты людей дурнаго поведенія въ зачетъ или безъ зачета, для предотвращенія напрасныхъ ставокъ, такъ какъ губернское воинское присутствіе очень многихъ бракуетъ; между тѣмъ въ средѣ крестьянъ распространился слухъ, что помѣщикамъ воспрещено отдавать ихъ въ рекруты, а напрасныя ставки лишь усиливаютъ эти толки и ослабляютъ вліяніе на крестьянъ помѣщиковъ. Муравьевъ отвѣтилъ, что прежнія правила остались безъ вниманія, а бракуютъ рекрутъ, вѣроятно, по недостаткамъ въ тѣлосложеніи и здоровьѣ.

²⁾ Съ этой-же цѣлью огражденія крестьянъ отъ произвола ихъ помѣщиковъ въ виду предстоящей реформы было издано правительствомъ и еще нѣсколько подобныхъ циркуляровъ (см. Скребицкаго т. I, введеніе).

имѣемъ подѣ руками по этому предмету нѣсколько дѣлъ канцеляріи военнаго губернатора и уѣзднаго предводителя дворянства одного изъ уѣздовъ, а именно Нижегородскаго, и въ числѣ ихъ за № 387 1857 г., такъ называемый нарядъ служебнымъ бумагамъ. Въ этихъ дѣлахъ и нарядахъ имѣется множество самыхъ разнообразныхъ просьбъ крестьянъ и помѣщиковъ. Первые обращались къ Муравьеву съ жалобами о неправильной сдачѣ въ рекруты, лишеніи усадьбъ, о самовольныхъ переселеніяхъ и т. д.; вторые о неповиновеніи, неплательствѣ оброка и проч. Ни одна просьба не оставлялась имъ безъ вниманія. По полученіи жалобы Муравьевъ пересылалъ ее уѣздному предводителю дворянства съ просьбой разобрать дѣло, склоняя, если нужно, помѣщика къ удовлетворенію ходатайства, и о всемъ просилъ ему доносить. Разслѣдованія по большей части производились исправникомъ, который о результатѣ ихъ сообщалъ предводителю дворянства; послѣдній входилъ въ переписку или переговоры съ помѣщикомъ и потомъ обо всемъ сообщалъ уже Муравьеву, зорко слѣдившему за соблюденіемъ интересовъ крестьянъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ привлекавшему къ участію въ дѣлѣ и губернскаго предводителя дворянства. Бывали случаи, когда отношенія сильно обострялись; благодаря упорству одной изъ сторонъ, дѣло пріобрѣтало особенную сложность и ставило губернатора въ крайне щекотливое положеніе.

Недоразумѣнія начались въ самомъ началѣ 1858 г. и даже ранѣе, причѣмъ многіе изъ помѣщиковъ, сильно преувеличивая серьезность положенія дѣла, видѣли даже и въ случаяхъ довольно незначительныхъ угрожающее положеніе, писали о бунтахъ и неповиновеніи, хотя на самомъ дѣлѣ таковыхъ и не было. Такъ напр., 24-го февраля 1858 г. помѣщикъ с. Карпова, Нижегородскаго уѣзда, въ письмѣ на имя уѣзднаго предводителя дворянства пишетъ, что вслѣдствіе распространившихся слуховъ о вольности, крестьяне его и дворовые люди, находящіеся при домѣ, «вышли совершенно изъ повиновенія, такъ что за послѣднюю половину минувшаго года казенныя подати внесены были 19-го декабря, по настоянію уже исправника, оброка совершенно не платятъ, котораго слѣдовало получить за ту же половину 134 р. 57¹/₂ коп.; дворовые люди его при домѣ не проживаютъ, подѣ предлогомъ тѣмъ, что они уже вольные, проживаютъ въ Нижнемъ-Новгородѣ» и т. д. Между тѣмъ исправникъ, вслѣдствіе этого письма, увѣдомилъ уѣзднаго предводителя дворянства, что «въ вотчинѣ этого помѣщика все спокойно, оброкъ собранъ и даже будетъ внесенъ 16-го числа сего мѣсяца (т. е. февраля) помѣщику», въ удостовѣреніе чего взялъ отъ сельскаго старосты письменное показаніе. Такіе случаи неосновательныхъ страховъ были довольно часты и оканчивались обыкновенно въѣздомъ исправника, перепиской съ помѣщиками и взносомъ слѣдующей суммы оброка, но

иногда зачинщики подвергались аресту и даже тѣлесному наказанію. Были и такіе случаи, когда дѣло осложнялось. По поводу другой жалобы на крестьянъ помѣщицы Ч—й, Муравьевъ 4-го апрѣля 1858 года писалъ уѣздному предводителю дворянства, что «помѣщица с. М. Пяцы г-жа Ч—ва въ январѣ мѣсяцѣ приносила жалобу на неповиновеніе крестьянъ ея, объяснивъ при томъ, что и самое пребываніе ея въ этомъ имѣніи становится для нея небезопаснымъ». Между тѣмъ, когда для предупрежденія какихъ-либо беспорядковъ былъ командированъ туда земскій исправникъ, онъ донесъ ему, что «никакого неповиновенія въ крестьянахъ онъ не замѣтилъ, но что они (т. е. крестьяне) жаловались ему на чрезвычайное обремененіе ихъ разными налогами и работами». Кромѣ того исправникъ сообщалъ еще, что помѣщица П—ва своими притѣсненіями крестьянъ можетъ также подать поводъ къ большимъ беспорядкамъ. Вслѣдствіе этого донесенія Муравьевъ просилъ уѣзднаго предводителя дворянства «оградить крестьянъ госпожъ Ч. и П. отъ дальнѣйшихъ притѣсненій, которыя при настоящемъ преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ могутъ имѣть опасныя послѣдствія». Дѣйствительно, изъ рапорта исправника оказалось, что въ крестьянахъ г-жи Ч. онъ не только «не нашелъ никакого неповиновенія, а напротивъ совершенную и явную готовность работать въ пользу своей помѣщицы, даже болѣе своихъ силъ и возможности»; относительно другой помѣщицы, г-жи П., исправникъ пишетъ слѣдующее: «Г-жа П. своимъ стѣснительнымъ для крестьянъ управленіемъ можетъ произвести большой беспорядокъ, могущій имѣть важныя послѣдствія. Многочисленные и затруднительные сборы, разнообразные счета и мелочные расчеты, которые она постоянно ведетъ съ крестьянами, ставятъ какъ ее, такъ и ихъ въ самое ложное и затруднительное другъ къ другу положеніе; отношенія же ихъ самыя неопредѣленныя. Безпрерывныя жалобы на мнимыя возмущенія крестьянъ съ постоянными просьбами о примѣрномъ ихъ наказаніи лишь отрываютъ меня (т. е. исправника) отъ многочисленныхъ служебныхъ обязанностей, ставя при томъ въ необходимость не исполнять ея просимости, какъ незаслуживающей никакого основанія и вѣроятія». А между тѣмъ земскій исправникъ Л—въ и самъ былъ мѣстнымъ помѣщикомъ Нижегородскаго уѣзда. Точно также становой приставъ писалъ предводителю дворянства, что г. П. «явно изъ каждаго члена земской полиціи желаетъ сдѣлать и ея вотчино-начальника, и распорядителя, и мирового судью». Съ своей стороны предводитель дворянства, донося обо всемъ этомъ губернатору, пишетъ, что «полиція подобными поступками не только не содѣйствуетъ къ спокойствію и должному повиновенію въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, но напротивъ того возбуждаетъ страсти буйныхъ и непокорныхъ крестьянъ и въ такомъ случаѣ за спокойствіе предводительствуете-

маго мною уѣзда я отвѣчать не могу. Если бы даже требованіе помѣщицы о наказаніи ея крестьянъ было несправедливо, то и въ такомъ случаѣ, полагаю, земскій исправникъ обязанъ былъ его исполнить и потомъ уже сообщать куда слѣдуетъ». Написавъ эти строки уѣздный предводитель дворянства въ то же время въ концѣ своей бумаги Муравьеву прибавляетъ: «что касается до образа дѣйствій и управленія крестьянами г. П., зная ея безпокойный характеръ, я съ своей стороны, не смотря на прежде сего уже неоднократно мои ей предостереженія, словесныя и письменныя, намѣренъ теперь по силѣ циркулярнаго предписанія его высокопревосходительства г. министра внутреннихъ дѣлъ сдѣлать ей послѣднее экстренное наставленіе». Изъ этой бумаги видно, что взглядъ предводителя дворянства далеко не сходилъ со взглядомъ губернатора, стоявшаго на почвѣ законности и равноправности; такой взглядъ существовалъ у многихъ. Бумага предводителя дворянства была написана 31-го іюля 1858 г. А между тѣмъ, какъ видно изъ донесенія исправника, все дѣло вышло изъ-за того, что П. требовала отъ деревенскихъ бабъ представленія назначеннаго ею количества холста, а тѣ не представили, потому что потерпѣли разстройство въ хозяйствѣ послѣ пожара и не получили отъ помѣщицы надлежащаго количества кудели, вслѣдствіе чего, не уклоняясь отъ представленія его, просили только нѣкоторое время обождать. Получилъ жалобу этой помѣщицы на крестьянъ и приставъ, но когда онъ пріѣхалъ въ усадьбу, чтобы наказать ихъ, то крестьяне, собравшись на господскомъ дворѣ, нагрубили и ему и помѣщицѣ и наказать кого-либо изъ нихъ не допустили. Вслѣдствіе этого случая Муравьевъ разрѣшилъ исправнику «подвергнуть нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, въ примѣръ другимъ, дозволенному закономъ исправительному наказанію, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что при дальнѣйшихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, мѣра эта едва-ли можетъ упрочить спокойствіе въ имѣніи», счелъ нужнымъ просить предводителя принять зависящія мѣры къ огражденію крестьянъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій на точномъ основаніи предписанія министра внутреннихъ дѣлъ. Однако дѣло этимъ не кончилось. 22-го іюля г. П. прислала предводителю дворянства письмо, въ которомъ выражала намѣреніе сослать двѣ семьи крестьянъ въ Сибирь. Крестьяне же съ своей стороны обратились къ Муравьеву съ жалобой на это, по поводу которой онъ 4-го августа написалъ предводителю дворянства, что «просить наблюдать за поступками помѣщицы съ крестьянами и буде увѣдомится о подобныхъ распоряженіяхъ или намѣреніи отдать кого-либо въ рекруты, то немедленно сообщить ему»; 13-го же августа онъ уже предложилъ ему «взять это имѣніе подъ особое наблюденіе и, отмѣнивъ немедленно произвольныя и противузаконныя распоряженія

помѣщцы, его увѣдомить». Послѣ того и самъ предводитель дворянства вынужденъ былъ уговорить г. П. выѣхать изъ имѣнія.

Мы остановились довольно подробно на этомъ дѣлѣ для того, чтобы показать, на сколько тщательно выкалъ Муравьевъ въ положеніе дѣла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и какъ зорко слѣдилъ за соблюденіемъ интересовъ крестьянъ, за что впоследствии его сильно упрекали; такихъ дѣлъ было не мало. Въ такомъ-же почти родѣ было дѣло и помѣщцы Ч. Само собою разумѣется, что далеко не во всѣхъ имѣніяхъ отношенія обострялись; скорѣе это были исключенія, тѣмъ не менѣе были и такіе случаи, гдѣ потребовалось вмѣшательство министра внутреннихъ дѣлъ. Такъ напр., вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянки с. Большаго-Доскина Захаровой на отнятіе у нея помѣщикомъ В.—С. имущества послѣ отдачи мужа въ солдаты и переселенія въ имѣніе другаго уѣзда, послѣдовало предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ о возвращеніи ей имущества, а предводителю дворянства объ особомъ наблюденіи по управленію помѣщикомъ его имѣніями.

Крестьяне считали Муравьева не только защитникомъ ихъ правъ, но и сторонникомъ ихъ, лицомъ, которое симпатизировало имъ больше, чѣмъ помѣщикамъ. Это видно изъ весьма любопытнаго въ этомъ отношеніи дѣла, значащагося по описи дѣлъ нижегородскаго уѣзднаго суда за 1861 годъ, подъ № 632 ¹⁾ «о составленіи крестьянами г. С—каго приговора въ неповиновеніи помѣщичьей власти». Изъ имѣющагося въ этомъ дѣлѣ приговора, составленнаго въ январѣ 1860 г., видно, что крестьяне постановили слѣдующее: «Мы, подписавшіеся старшины, обязуемся отнюдь никого не выдавать другъ другу, отслужить въ церкви молебенъ и поклястись не измѣнять никому и начать дѣло съ баринномъ. Какъ слышно, что мы должны получить вольныя безъ земли скоро, то чтобы помѣщикъ нашъ самъ не занимался хозяйствомъ, то сговориться въ одно и строго приказать другимъ не повиноваться ему и никому ничего барскаго не дѣлать и написать отъ всѣхъ прошеніе на него губернатору за подписомъ всѣхъ, избрать себѣ старшину, и барина не слушаться, а повиноваться своему старшинѣ, тогда губернаторъ его, какъ Шереметева, вышлетъ съ села, и барская запашка раздѣлится намъ и оброкъ за нами пропадетъ. Говорить при слѣдствіи въ одно всѣми миромъ: нечѣмъ платить, хлѣба нѣту, земли мало, жить тяжело за баринномъ; повѣрять землю не стануть; а при слѣдствіи подарить. Ничего не сдѣлаетъ баринъ. Въ чемъ при клятвѣ подписуемся» и проч. Приговоръ этотъ случайно попалъ въ руки столоначальника уѣзднаго суда и дѣло кончи-

¹⁾ См. „Дѣйствія Нижегородской архивной комиссіи“ вып. II, № 9978 стран. 557.

лось тѣмъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ попали въ смирительный домъ на срокъ отъ 1 до 8 мѣсяцевъ.

Наиболѣе-же стойкости и рѣшительности въ защитѣ крестьянскихъ интересовъ Муравьевъ проявилъ въ громкомъ дѣлѣ богатаго владѣльца с. Богородскаго и нѣсколькихъ другихъ деревень С. В. Шереметева, о которомъ упоминается въ этомъ приговорѣ. Началось оно съ жалобы крестьянъ на притѣсненія помѣщика и стремленіе его заставить ихъ откупиться на волю, причемъ, такъ какъ нѣкоторые изъ крестьянъ были очень богаты, вели большую торговлю, то выкупъ съ нихъ опредѣлялся въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Впослѣдствіи владѣлецъ однако отказался отъ этого. Для разслѣдованія этого дѣла приѣзжалъ по высочайшему повелѣнію флигель адъютантъ гр. Бобринскій, вынесшій не столь неблагопріятное впечатлѣніе объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщика, какъ Муравьевъ, но въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла появились новыя данныя, и губернаторъ добился того, что Шереметеву было предложено выѣхать изъ имѣнія, что тотъ и сдѣлалъ; имѣніе его было взято въ опеку ¹⁾).

Въ нашу задачу не входитъ пока подробное описаніе хода всего дѣла крестьянской реформы въ Нижегородской губерніи. Приведенныхъ же фактовъ, по нашему мнѣнію, достаточно для характеристики того положенія, которое Муравьевъ занималъ въ рѣшеніи этого вопроса. А потому перейдемъ къ изложенію того, какъ отнеслась извѣстная часть общества къ его дѣятельности въ Нижнемъ и въ чемъ состояли главнѣйшимъ образомъ нападки на него.

IV.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ средѣ помѣщичьяго класса было не мало лицъ, не съумѣвшихъ или не хотѣвшихъ идти въ уровень съ требованіями времени. Всѣмъ такимъ лицамъ Муравьевъ казался или анархистомъ, или человекомъ умышленно преувеличивающимъ потребность въ огражденіи личности и имущества одинаково для всѣхъ, какъ дворянъ, такъ и крестьянъ; стремленіе его полнѣе обставить имущественную состоятельность крестьянъ при освобожденіи, какъ и стремленіе къ тому-же нѣкоторыхъ дворянъ, казался узурпаціей правъ

¹⁾ Въ Нижнемъ-Новгородѣ по поводу этой исторіи циркулировали слухи, что недружелюбное отношеніе Муравьева къ Шереметеву началось съ декабрьскаго возмущенія 1825 года. Нѣкоторыя подробности этого дѣла изложены въ упомянутой статьѣ г. Свѣжневскаго.

дворянскаго сословія. Отсюда вытекаетъ и ненависть къ Муравьеву. Особенно сильно выразилась она въ рѣчахъ и стихахъ по поводу даннаго ему обѣда передъ отъѣдомъ изъ Нижняго-Новгорода вслѣдствіе назначенія сенаторомъ. Этотъ обѣдъ состоялся 22-го октября 1861 года въ помѣщеніи городской думы, такъ какъ и. д. губернскаго предводителя дворянства отказалъ предоставить для этого залъ дворянскаго собранія. Характерной чертой обѣда была его всеословность: здѣсь, наравнѣ съ дворянствомъ, купечествомъ и чиновничествомъ участвовали и крестьяне, прибывшіе въ числѣ 8 человекъ въ Нижній-Новгородъ съ мировыми посредниками. «Вѣсть о назначеніи Муравьева сенаторомъ въ Москву, говорится въ описаніи этого обѣда, помѣщенномъ въ № 11 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1862 г., подписанномъ инициалами А. Н., мгновенно облетѣвъ весь городъ, быстро понеслась во всѣ концы Нижегородской губерніи; всѣ честные и преданные искренно добру и правдѣ люди съ грустью и сожалѣніемъ приняли эту новость, только одно своекорыстіе да взятка радостно встрепенулись отъ нея, поднявъ съ улыбкой надежды и упованія свои истощенныя долгимъ постомъ лица». Начавъ этими словами описаніе обѣда, авторъ переходитъ затѣмъ къ главному предмету своей статьи: къ рѣчамъ и тостамъ, бывшимъ на обѣдѣ. Послѣ тоста за государя, бывшій губернской предводитель дворянства Н. П. Болтинъ сказалъ длинную рѣчь въ честь Муравьева. Эта рѣчь и составляла весь интересъ обѣда и главную цѣль нападокъ недоброжелателей бывшаго губернатора. Въ ней ораторъ коснулся главнымъ образомъ того вопроса, который въ то время поглощалъ собой всѣ остальные, — вопроса объ освобожденіи крестьянъ. «Съ самаго начала переворота, говорилъ онъ, совершающагося нынѣ въ отечествѣ нашемъ, вашему превосходительству выпалъ жребій быть начальникомъ губерніи; въ это трудное время, когда интересы двухъ главныхъ сословій въ государствѣ пришли между собою въ сильное столкновеніе, необходимо въ средѣ обояхъ сословій¹ должны были появиться различныя стремленія: въ одномъ — къ возвращенію крѣпостнаго права подъ разными благовидными предлогами, въ другомъ-же наоборотъ: крестьяне послѣ двухъ-вѣковаго рабства, получивши права свободныхъ гражданъ, открыто выражали свое недовѣріе къ прежнимъ владѣльцамъ, ожидая, по понятіямъ своимъ, немедленнаго и безусловнаго освобожденія отъ ненавистнаго имъ ига. Весьма естественно, что такое разнородное стремленіе двухъ сословій къ двумъ противоположнымъ другъ другу цѣлямъ необходимо должно было поставить ихъ въ недружелюбныя между собою отношенія, вслѣдствіе которыхъ возникавшія обоюдныя недоразумѣнія казались многимъ своеволіемъ со стороны крестьянъ, для прекращенія котораго наказаніе крестьянъ безъ суда и слѣдствія также многими почиталось необходимымъ». Не такъ, по словамъ бывшаго губернскаго

предводителя дворянства, думаль и поступалъ А. Н. Муравьевъ. «Какъ человѣкъ, посвятившій себя изъ любви къ человѣчеству служенію великой идеѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ига, вы съ самаго начала настоящаго переворота, когда губернской комитетъ только что открылъ свои засѣданія, въ частыхъ бесѣдахъ со мной, высказывая опасенія свои о предстоящемъ затруднительномъ положеніи дѣлъ, постоянно развивали мысль, что для сохраненія спокойствія въ губерніи и для упроченія порядка и спокойствія въ будущемъ, въ настоящую минуту необходимо безусловное наказаніе крестьянъ безъ суда и слѣдствія, какъ многіе полагаютъ, а напротивъ того, надо стараться, чтобы этотъ многочисленный классъ людей, въ теченіе двухъ вѣковъ терпѣвшій всевозможныя стѣсненія и насилія, могъ-бы почувствовать теперь на самомъ дѣлѣ, что и для него есть правосудіе, есть законъ, ограждающій его отъ насилій, и только идя такимъ прямымъ законнымъ путемъ, можно будетъ достигнуть того, что народъ постепенно перевоспитается и доведется до нравственнаго сознанія своихъ правъ и обязанностей, чѣмъ и устранится въ будущемъ печальная необходимость принятія чрезвычайныхъ мѣръ для вразумленія крестьянъ въ ихъ обязанностяхъ». Эти идеи, по словамъ оратора были рекомендованы губернаторомъ предводителямъ дворянства и подъ влияніемъ ихъ сдѣлано надлежащее предписаніе полиціи, которая «необходимое для нея нравственное влияніе на крестьянъ пріобрѣтаетъ не палками и розгами, которыя такъ безъ разбора привыкла употреблять при всякомъ случаѣ, а только тогда, когда крестьяне увидятъ въ ней строго добросовѣстную исполнительницу лежащихъ на ней обязанностей». Это направленіе, по словамъ оратора, до такой степени расположило къ нему крестьянское населеніе, что «въ то время, когда въ большей части губерній, для предотвращенія возникшихъ безпорядковъ, требовалось содѣйствіе войскъ, въ Нижегородской губерніи для этого достаточно было одного личнаго присутствія Муравьева и разъясненія имъ, крестьянамъ, ихъ обязанностей».

Отвѣчая Н. П. Болтину, Муравьевъ также коснулся поведенія крестьянъ въ эти дни великой реформы. «Много содѣйствовали мнѣ,—гворилъ онъ,—и сами крестьяне, которые съ глубокою благодарностью къ великимъ милостямъ императора приняли новое положеніе и въ совершенномъ порядкѣ, тишинѣ и спокойствіи исполнили всѣ требованія онаго, чѣмъ самымъ, равно какъ и дарованными имъ его величествомъ правами гражданства, они удостоились участія въ настоящемъ обѣдѣ». Восторженные крики не дали Муравьеву возможности продолжать далѣе, и онъ, взволнованный до слезъ, кончалъ свою рѣчь послѣ нѣкотораго перерыва, благодаря всѣхъ своихъ сотрудниковъ. Авторъ описанія обѣда такъ закончилъ его: «мы убѣждены, что по идеѣ, по выраженному имъ внутреннему смыслу, обѣдъ этотъ первый въ Нижегородской

губерніи, да едва-ли не въ цѣлой Россіи. Въ первый разъ еще, только на этомъ обѣдѣ, крестьянинъ, послѣ своего двухъ-вѣкового рабства, былъ принятъ de facto въ средѣ прочихъ сословій, какъ братъ, какъ равный. Только на этомъ обѣдѣ крестьянинъ въ первый разъ видѣлъ и чувствовалъ, что нѣтъ больше ни рабовъ, ни господъ, но есть люди».

Во многихъ этотъ обѣдъ, а въ особенности рѣчь Болтина, вызвали сильнѣйшее негодованіе; появились стихотворенія сатирическаго содержания, написанныя специально по поводу этого обѣда. Главнымъ основаніемъ для порицанія Муравьева служило именно то, за что его хвалили; такъ напр., по поводу того что Муравьевъ, растроганный оваціей, плакалъ, авторъ стихотворенія пишетъ:

„Нѣтъ, со злости ты ревѣлъ,
Лиходѣй лукавый,
Что въ крестьянахъ не успѣлъ
Бунтъ возжечь кровавый!
Нѣтъ, съ досады плакалъ ты,
Потерявши право
Сбѣять вредныя мечты
И въ лѣво и въ право!
Тайнымъ дѣйствуя путемъ,
Съ молоткомъ масона,
Ты хотѣлъ быть палачомъ
И дворянъ, и трона.
Ты—хитрѣйшій санкюлотъ,
Хуже всѣхъ французскихъ,
Девяносто третій годъ
Готовилъ для русскихъ“.

Въ другихъ стихахъ, приписываемыхъ члену комитета А., авторъ, выражая свою радость, что, съ отъѣздомъ изъ Нижняго вслѣдствіе назначенія въ сенатъ, Муравьевъ не въ силахъ будетъ развивать тамъ «якобинскія мечты, социализмъ и коммунизмъ», продолжаетъ:

У насъ ужъ не хватило силъ
Владычество твое терпѣть;
Во чтобъ ни стало, лишь стереть
Тебя скорѣй съ лица земли.
На все-бы дружно мы пошли;
Намъ, вѣдь, ужъ нечѣмъ рисковать,
И мы рѣшились бы послать,
Ввѣряясь небу в судьбѣ,
Нашъ общій адресъ о тебѣ:
Что губернаторъ ты плохой,
Что кабинетный ты герой,
Что ты и дряхль, и слѣпъ, и глухъ,
Что ты губерніи злой духъ,
Что всю ее ты взволновалъ,
Всѣмъ мужикамъ потачку далъ

Не работать и не платить,
 Но все, что вадумають, творить.
 Что ты, послѣдствій не боясь,
 Спокойствіемъ страны хвалясь,
 Начальству лживо представляль,
 Что край въ порядкѣ удержаль,
 Тогда какъ въ немъ, гдѣ ни затронь,
 Подъ пепломъ кроется огонь.

Не приводя выписокъ изъ другихъ такого же рода стихотвореній, въ сущности довольно грубыхъ и бездоказательныхъ, обратимся къ болѣе интересному документу, а именно къ рѣчи одного изъ дворянъ по поводу напечатаннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» описанія объѣда Муравьеву ¹⁾. Въ ней прежде всего идутъ возраженія, что съ увольненіемъ бывшаго губернатора вострепечулись взяточники и люди своекорыстные; онъ замѣчаетъ, что вострепечулись и истинно честные люди, которые во время управленія Муравьевымъ губерніей испытали много огорченій и лишеній «отъ явнаго неуваженія къ самымъ законнымъ требованіямъ и кровнымъ нуждамъ людей, разоряемыхъ ложнымъ либерализмомъ, не понимающимъ различія между насиліемъ и законностью». Далѣе въ своемъ возраженіи авторъ приводитъ и доказательства, которыя, по его мнѣнію, подтверждаютъ эту мысль. Они заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что со времени «знаменитаго циркуляра земской полиціи», о которомъ говорилъ Болтинъ на объѣдѣ, тамъ, гдѣ ему послѣдовали, «барщинныя работы пошли изъ рукъ вонъ дурно, оброки въ пользу помѣщиковъ обратились въ фантазію, и разореніе множества помѣщичьихъ семействъ, не требовавшихъ ничего, кромѣ законнаго, неотступавшихъ ни на шагъ отъ «положенія», снисходившихъ броженью и недоразумѣніямъ крестьянъ до послѣдней крайности,— сдѣлалось почти не отвратимо». Такимъ образомъ все зло, по мнѣнію автора, произошло отъ того, что Муравьевъ былъ противникомъ административнаго наказанія крестьянъ безъ суда и слѣдствія. Въ подтвержденіе своей мысли онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ неаккуратныхъ платежей оброковъ крестьянами. Бывшій губернский предводитель дворянства Н. П. Болтинъ, выразившій въ своей рѣчи глубокое уваженіе къ Муравьеву, какъ администратору, подвергся со стороны автора самому рѣзкому осужденію. Отвергая, чтобы система Муравьева была ручательствомъ порядка и спокойствія, онъ говоритъ, что это не порядокъ и спокойствіе, а предзнаменованіе страшныхъ

¹⁾ Фамилія автора этой рѣчи не обозначена, но изъ текста ея видно, что онъ принадлежалъ къ числу дворянъ Макарьевского уѣзда; также есть основаніе думать, что онъ былъ въ числѣ депутатовъ губернскаго комитета. По-видимому, онъ предполагалъ ее напечатать, но была-ли она напечатана и гдѣ произнесена, не видно.

бѣдъ, уготованныхъ намъ пропагандою Александра Николаевича! Это зачатки анархїи, наслѣдіе его (т. е. Муравьева) гражданской мудрости, которая надолго врѣжется въ памяти и долго не забудется несчастнымъ народомъ, искусившимся анархизма въ его безпамятное управленіе и, такъ сказать, забывшимся въ утѣхахъ незаконности и безответственности за всякое неисполненіе законныхъ обязанностей». Осуждаетъ авторъ возраженія и слова Муравьева, обращенныя къ бывшимъ на обѣдѣ волостнымъ старшинамъ. По мнѣнію его, «крестьяне не только не исполняли самыхъ главнѣйшихъ указаній его», но распространяли въ народѣ недовѣріе, ослушаніе, упорство противъ законныхъ требованій помѣщиковъ, заблуждая народъ насчетъ законности этихъ требованій и дѣйствительныхъ указаній «положенія». Несомнѣнно, авторъ возраженія сильно преувеличилъ опасность, грозившую будто-бы общественному порядку и спокойствію и положенію самихъ помѣщиковъ, и, подъ вліяніемъ имъ самимъ начертанныхъ несуществующихъ настоящихъ и грядущихъ бѣдъ, сильно сгустилъ краски, что и выяснилось впоследствии, опровергнувъ всѣ страшныя предсказанія автора. Да и въ то время люди, болѣе спокойно относившіеся къ событіямъ и болѣе дальновидные, все это отрицали. Выше мы уже приводили по этому предмету мнѣніе одного изъ членовъ комитета (отъ меньшинства) г. Д., который въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ времени, наоборотъ, говорить объ Муравьѣвѣ, какъ объ умномъ и весьма талантливомъ администраторѣ. «Случаевъ разумной политики Муравьева, по его словамъ, было не мало по губерніи, но Муравьѣвъ не долго прослужилъ въ нашей губерніи, его смѣнилъ А. А. Одинцовъ, человекъ умный, съ прекрасной душой; онъ былъ любимъ всѣми, велъ дѣло съ большимъ тактомъ»¹⁾.

Сильно и несправедливо преувеличилъ авторъ возраженія на рѣчь Болтина и относительно поведенія крестьянъ во время реформы. «Въ дѣлахъ этого рода (т. е. по введенію положенія о крестьянахъ), говоритъ авторъ воспоминавій, г. Д—въ, были и гордіевы узлы; но ихъ было немного въ Нижегородской губерніи, какихъ-нибудь десятокъ дѣлъ. Главный комитетъ разрубалъ эти узлы, внѣ установленныхъ дотолѣ закономъ правилъ. Вообще можно сказать, что устройство быта крестьянъ, согласно положенію 19-го февраля, по губерніи шло довольно успѣшно, безпорядковъ, и при томъ незначительныхъ, было мало, что въ значительной степени слѣдуетъ отнести къ умѣлой дѣятельности мировыхъ посредниковъ, облеченныхъ властію надъ крестьянами. Въ первое по освобожденію крестьянъ время, нравственный авторитетъ по-

¹⁾ Объ А. А. Одинцовѣ см. соч. А. С. Гацискаго „Люди нижегородскаго Поволжья“ изд. 1887 г.

мѣщиковъ иногда также сдерживалъ самоуправство крестьянъ и тѣмъ предупреждалъ развитіе безпорядковъ». Изъ дѣлъ-же, производившихся по поводу недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками, видно, что въ большинствѣ случаевъ крестьяне охотно соглашались на разныя уступки. Тоже самое подтверждаютъ и другіе современные Муравьеву дѣятели, какъ напр. А. А. Богодуровъ, въ статьѣ о введеніи въ Нижегородской губерніи крестьянской реформы, напечатанной въ I т. сборника Гадискаго въ 1867 году. Авторъ этой статьи, бывший членомъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ съ самаго начала открытія его ¹⁾, порядокъ и спокойствіе, съ которымъ совершилась въ Нижегородской губерніи крестьянская реформа, также приписываетъ умѣлой дѣятельности Муравьева, умѣренности крестьянъ и усердію и добросовѣстности мировыхъ учреждений. «Обнародованіе высочайшаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, говоритъ онъ, совершилось въ Нижегородской губерніи благополучно; хотя крестьяне и не вполне ясно поняли смыслъ законоположеній 19-го февраля, но были на столько благоразумны, что въ этотъ моментъ порядокъ нигдѣ не былъ ими нарушенъ. Чувства глубочайшей благодарности къ Освободителю за дарованныя имъ права крестьяне выражали благодарственными молебствіями и разнаго рода благодарственными жертвами. Вѣроятно не мало способствовалъ этому изданный до обнародованія манифеста циркуляръ начальника губерніи А. Н. Муравьева къ земскимъ исправникамъ отъ 26-го февраля 1861 года, которымъ исправники обязывались приготовить крестьянъ къ принятію великой реформы, внушивъ имъ, чтобы они оставались спокойными при своихъ занятіяхъ и въ должномъ повиновеніи своихъ помѣщиковъ, исполняя всѣ свои къ нимъ обязанности, чтобы, готовясь къ полученію правъ гражданскихъ, они удерживались-бы отъ всякаго рода безпорядковъ и тѣмъ сдѣлались достойными великой для нихъ милости государя императора; и чтобы по примѣру нижегородскаго дворянства, прежде другихъ выразившаго готовность на освобожденіе крестьянъ, они, сохраненіемъ порядка и благоустройства въ столь важномъ государственномъ событіи, доказали Россіи, что они глубоко чувствуютъ Божіе къ нимъ милосердіе и съ благоговѣніемъ сознаютъ царскія къ нимъ милости».

Сильно порицали Муравьева его недоброжелатели также и за плохое будто-бы управленіе губерніей. Въ стихахъ, подъ названіемъ «сенатору Муравьеву 4-му...», подробно перечисляются его административные промахи въ этомъ отношеніи. По мнѣнію автора, они заключаются въ томъ, что губернаторъ совершенно не обращалъ вниманія на благо-

¹⁾ Впослѣдствіи онъ перешелъ на службу по вѣдомству министерства юстиціи и былъ товарищемъ предсѣдателя Нижегородскаго окружнаго суда.

устройство Нижняго-Новгорода, въ которомъ вездѣ видны грязь и хаосъ, проѣзду нѣтъ, исправительные дома, тюрьмы, богадѣльни и школы содержатся грязно, воровство преслѣдуется плохо, полиція притѣсняетъ жителей и т. под.; за порядками въ уѣздѣ онъ будто-бы совсѣмъ не наблюдалъ, а ревизии по губерніи дѣлалъ лишь для соблюденія формальности, обращая вниманіе только на канцелярское дѣлопроизводство. Перечисливъ всѣ эти недостатки Муравьева, авторъ стиховъ обращается къ нему съ такими упреками:

„Ты популярности искалъ,
Свободы духъ распространялъ,
Прогрессомъ бредилъ, и народъ—
На бутье подталкивалъ впередъ“.

Подобно тому на сколько несправедливы были недоброжелатели Муравьева въ своей критикѣ относительно введенія имъ крестьянской реформы, столь-же сильно преувеличивали они и его административную бездѣятельность по управленію губерніей и снисходительность къ взяточникамъ. Самого Муравьева не могли упрекнуть въ незаконной навивѣ даже и враги его, порицая въ этомъ отношеніи лишь за потворство своимъ родственникамъ; взяточничество, какъ извѣстно, онъ преслѣдовалъ жестоко и неуклонно, хотя, повидимому, и не могъ искоренить его. Покойный А. С. Гацискій, говоря о томъ, какъ злоупотребляли разными лицами мягкостію и добродушіемъ преемника Муравьева— А. А. Одинцова, замѣчаетъ, что «взяточничество и безпорядки при немъ были менѣе распространены, чѣмъ при его предшественникѣ (т. е. Муравьевѣ), нещадно казнившемъ и то и другое». «Правда, замѣчаетъ онъ, что до 1861 года губернія была дореформенная и слѣдовательно податливѣе на всякіе чиновничьи казусы, но нельзя отрицать и слабого дѣйствія карательныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи». И дѣйствительно, по словамъ того-же А. С. Гацискаго, бывший судьей нижегородскаго уѣзднаго суда М. И. П—въ, сопоставляя управленіе того и другого губернатора, говаривалъ, что «при проклятомъ Мурашѣ никто покоенъ не былъ; того и гляди, бывало, ляжешь спать судьей, а проснешься—свиньей»¹⁾. Крутой, суровый и довольно безсердечный по характеру, А. Н. Муравьевъ не церемонился съ своими сослуживцами. Современники его, между прочимъ передаютъ слѣдующій, характеризующій его въ этомъ отношеніи, случай увольненія одного изъ выспихъ административныхъ лицъ въ губерніи. Лицо это совершенно не подозрѣвало о своей отставкѣ до тѣхъ поръ, пока случайно не прочло объ ней въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Просматривая газету въ часы послѣ-

¹⁾ См. А. С. Гацискаго „Люди нижегородскаго Поволжья“, изд. 1887 г. ст. объ А. А. Одинцовѣ.

обѣденнаго отдыха, старый администраторъ, нѣкогда служившій, какъ говорятъ, при Сперанскомъ, и во времена Муравьева бывшій уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, крайне удивился извѣстію о своемъ увольненіи по прошенію, котораго и не думалъ подавать. На другой же день онъ отправился къ Муравьеву за разъясненіемъ этого недоразумѣнія, но хитрый старикъ встрѣтилъ его градомъ упрековъ за то, что тотъ, не предупредивъ будто-бы его, Муравьева, подалъ просьбу объ отставкѣ, а затѣмъ настоялъ, чтобы тотъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ объясниться съ министромъ. Само собою разумѣется, что изъ этой поѣздки ничего не вышло и П. долженъ былъ удалиться со службы навсегда. Этотъ примѣръ неискренняго отношенія Муравьева къ своимъ сослуживцамъ былъ не единственный; такого рода, такъ сказать, подвохи онъ устроилъ и другимъ чиновникамъ, даже служившимъ по иному министерству. Все это, конечно, создавало ему не мало враговъ въ средѣ мѣстнаго чиновничества.

Справедливость однако требуетъ сказать, что Муравьеву все-таки удалось значительно сократить злоупотребленія, какъ напр., по расходованію земскихъ суммъ, на что указывалъ въ своей рѣчи на обѣдѣ губернской предводитель дворянства Болтинъ и упоминаетъ сенаторъ Лебедевъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ»¹⁾.

Гораздо болѣе основаній имѣютъ упреки Муравьеву въ потворствѣ родственникамъ и въ особенности родственницамъ, которыя имѣли большое вліяніе на дѣла, во все вмѣшивались и нерѣдко компрометировали губернатора. Это вмѣшательство между прочимъ разстроило дружбу Муравьева съ извѣстнымъ писателемъ В. И. Далемъ, который въ первые годы губернаторства Муравьева былъ управляющимъ Нижегородской удѣльной конторой. Объ этомъ съ большимъ сожалѣніемъ упоминаетъ П. И. Мельниковъ въ біографіи Даля²⁾. Въ Нижнемъ въ то время, говоритъ онъ, занималъ мѣсто губернатора бывшій декабристъ, основатель «союза благоденствія» А. Н. Муравьевъ, человекъ вполне достойный, но къ сожалѣнію находившійся подъ вліяніемъ окружавшихъ его многочисленныхъ родственниковъ; благодаря имъ—друзья, какими были Даль и Муравьевъ, поссорились, и первый долженъ былъ оставить мѣсто управляющаго и выйти въ отставку, такъ какъ получилъ выговоръ отъ брата губернатора, бывшаго министра удѣловъ М. Н. Муравьева. По поводу этого эпизода Даль горько упрекалъ А. Н. Муравьева въ письмѣ къ нему. Причина ссоры въ этомъ письмѣ впрочемъ не разъяснена; въ немъ Даль упоминаетъ лишь о какой-то гробости его относительно Муравьева, но называетъ ее послѣдствіемъ, а

¹⁾ „Русскій Архивъ“ за 1897 г., № 8, стр. 635.

²⁾ Соч. В. И. Даля, изд. „Нови“ т. I, біографія.

не причиною ссоры, далѣ онъ пишетъ слѣдующее: «Чиновники ваши и полиція дѣлають что хотятъ, любимцы и опричники не судимы. Произволъ и беззаконіе господствуютъ нагло, гласно. Ни одно слѣдствіе не производится безъ постороннихъ видовъ и всегда его гнутъ на сторону неправды. Въ такихъ рукахъ законъ—дышло; куда хочешь, туда и воротишь. Слабость, даже прямое потворство, по просьбамъ, искательствамъ, прояскамъ, поддерживаютъ и укрѣпляютъ такой порядокъ; безразличное смѣшеніе служебныхъ дѣлъ съ личными и частными, рѣшеніе ихъ домашней расправой, по вліянію и волѣ ходатаевъ, все это навлекаетъ на себя обидный, неумолчный ропотъ»¹⁾).

Такимъ образомъ, съ одной стороны, энергичное преслѣдованіе взыскателей, съ другой—неискренній образъ дѣйствій относительно своихъ сослуживцевъ въ связи съ потворствомъ родственникамъ и любимцамъ, и въ то же время сильная защита и покровительство крестьянъ, создали Муравьеву много враговъ, нападки которыхъ не могутъ однако умалить заслугъ его въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Лучшіе представители общества хорошо понимали это и высоко цѣнили его заслуги. На основаніи тѣхъ немногихъ и неполныхъ матеріаловъ, которые теперь имѣются, роль его въ этомъ дѣлѣ, впрочемъ, еще не можетъ быть вполне выяснена. Особенно неяснымъ представляется его отношеніе къ Ланскому, а потому было-бы весьма желательно, чтобы все, что можетъ уяснить эти отношенія, не оставалось подъ спудомъ.

А. А. Савельевъ.



¹⁾ См. „Дѣйствія Нижегородской архивной комиссіи“ вып. IX, стр. 415.

Къ исторіи „Сѣвернаго Журнала“.

Отношеніе графа Н. П. Румянцева—Пав. Гавр. Дивову.

29-го декабря 1807 г.

По случаю отъѣзда отсюда г-на тайнаго совѣтника графа Потоцкаго, почелъ я нужнымъ (постановить) слѣдующія правила относительно изданія «Сѣвернаго Журнала»: чтобъ собраніемъ разныхъ для онаго статей занимался г-нъ Мемонъ; чтобъ часть относительно изданія онаго и составленіе фельетона или прибавленія, была предоставлена г-ну Сеноверу, цензура же сего журнала чтобъ оставалась вамъ превосходительству. Я докладывалъ о томъ государю императору, и его величество мнѣ мое изволилъ одобрить, присовокупя къ тому, чтобъ во всѣхъ наималѣйше сомнительныхъ случаяхъ, касательно сего сочиненія, вы относились ко мнѣ. О семъ вамъ превосходительство извѣщаю для учиненія надлежащаго на семъ основаніи распоряженія. Впрочемъ же, такъ какъ изданіе сего журнала по-прежнему остается подъ руководствомъ графа Потоцкаго, то само собою разумѣется, что сіи распоряженія сдѣланы только на время его отсюда отлучки.

Пребываю съ отличнымъ почтеніемъ и проч.





Одинъ изъ партизановъ 1812 года.



аслуги партизановъ Отечественной войны оцѣнены и современниками, и потомствомъ. Имена ихъ извѣстны каждому даже изъ краткихъ учебниковъ русской исторіи. Сами партизаны тогда-же были награждены за свои лихіе подвиги.

Главная и бѣльшая заслуга во всякомъ дѣлѣ принадлежитъ инициатору. Идущіе вслѣдъ по проложенной уже дорогѣ своими дѣйствіями могутъ превосходить этихъ начинающихъ, принести даже бѣльшую пользу, но все-же первая попытка заслуживаетъ всегда бѣльшаго уваженія. Къ тому-же первые шаги бывають трудны, обыкновенно имъ не довѣряють, относятся съ сомнѣніемъ, а подчасъ и ставятъ препятствія. Все это случилось и съ нашими партизанами.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1812 года, соединенныя первая и вторая западныя арміи, отступая отъ Гжатской пристани, достигли Колоцкого монастыря. Обстоятельства, при которыхъ должна была вестись эта война, выяснились. Подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка Денисъ Давыдовъ хорошо понялъ, что одолѣть великаго Наполеона, сильнаго при томъ своею многочисленною арміею, можно лишь войною партизанскою при содѣйствіи народа. Изложивъ князю Багратіону, а послѣ (22-го августа) фельдмаршалу князю Кутузову свой планъ, Давыдовъ предложилъ обратиться въ тылъ неприятельской арміи, на ея соединенія, и дѣйствовать тамъ сообразно обстоятельствамъ.

Все это было такъ ново, казалось такъ опаснымъ, что заставило задуматься и Багратіона и главнокомандующаго. Но Кутузовъ, убѣжденный доводами Давыдова, хотя и согласился послать небольшой отрядъ, но, не довѣряя все-таки этой затѣѣ, позволилъ взять съ собою, «почти на вѣрную гибель», лишь только 50 гусаръ и 150 казаковъ. Но Давыдовъ, коему при его отправленіи генералы съ насмѣшкою поручили «кла-

няться Павлу Тучкову» (бывшему въ плѣну у непріятеля), поѣхалъ и съ этою небольшою партією, основательно утѣшая себя разсужденіями, что при неожиданномъ нападеніи побѣждаетъ не сильный, а смѣлый. Такимъ образомъ, Денисъ Давыдовъ былъ первымъ официальнымъ партизаномъ. Впрочемъ, онъ въ достаточной степени воспѣлъ, въ стихахъ и въ прозѣ, эту палму первенства.

Но, по случайности, почти въ то же самое время, въ той же почти самой мѣстности началъ такую-же партизанскую дѣятельность и еще одинъ не менѣе достойный слуга своего отечества. Имя его, какъ и самые его подвиги, если не превосходившіе по результатамъ, то, во всякомъ случаѣ, неуступавшіе Давыдову по усердію, остались потомству неизвѣстными, а современниками тотчасъ же были забыты. Самъ онъ воспѣть себя не могъ уже потому, что былъ не грамотенъ, а его начальство, которому слѣдовало бы его наградить по заслугамъ, особенной заботы къ тому не приложило.

Аріергардъ подъ командою генерала Коновницына прикрывалъ отступленіе нашихъ соединенныхъ армій, вынося на себя напоръ наполеоновскаго авангарда. Онъ останавливался для задержанія непріятеля на каждой случавшейся по дорогѣ позиціи, отставая далеко отъ главныхъ силъ (на 30—40 верстъ). Въ одной изъ такихъ схватокъ подъ д. Царево-Займище 19-го августа подъ рядовымъ Кіевскаго драгунскаго полка Ермолаемъ Васильевичемъ Четвертаковымъ смертельно была ранена лошадь. Нашъ аріергардъ, задержавъ на нѣкоторое время непріятеля, снявшись съ позиціи, смѣшно уходилъ дальше, чтобы, занявъ новую, опять заставить непріятеля снова развернуть свои силы, т. е. терять время и задерживаться въ наступленіи.

Поверженный на землю съ лошади Четвертаковъ остался на мѣстѣ схватки. Полкъ его скрылся изъ вида. Подослѣвшіе непріятели кавалеристы взяли его въ плѣнъ. Три дня вели его за собою при авангардѣ французы. На четвертый, по занятіи непріятелемъ Гжатска, Четвертаковъ ночью, улучшивъ удобную минуту, бѣжалъ.

Четвертаковъ происходилъ изъ малороссовъ Черниговской губерніи, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, деревни Нефедовки, изъ крестьянъ помѣщика Завадовскаго. Родился онъ въ 1781 году; въ 1812 ему было 31 годъ. Въ 1804 году онъ былъ еданъ солдатомъ въ Кіевскій драгунскій полкъ. Съ нимъ Ермолай Четвертаковъ отбылъ военные походы 1805, 1806, 1807 и 1809 годовъ, участвовалъ во многихъ болѣе или менѣе значительныхъ сраженіяхъ.

Четвертаковъ былъ человѣкъ женатый, неграмотный. Начальство аттестовывало его хорошо ¹⁾, хотя по принятіи въ рекруты по дорогѣ

¹⁾ Московское отдѣленіе архива главаго штаба. Формуляры Кіевскаго драгунскаго полка.

онъ и убѣжалъ изъ команды. По поимкѣ и сдачѣ Четвертаковъ началъ свою службу съ того, что тотчасъ же былъ наказанъ въ полку розгами предъ разводомъ.

Выбравшись благополучно изъ непріятельскаго расположенія, не зная мѣстности, Четвертаковъ побрелъ на удачу къ югу отъ большой Смоленской дороги и пришелъ въ д. Басманы. Здѣсь онъ разсказалъ крестьянамъ о случившемся съ нимъ, но они его приняли сначала недовѣрчиво и невольнѣ радушно. Наши мародеры шатались уже тогда по окрестностямъ, а также и отбившіеся отъ арміи солдаты, хотя и не съ цѣлью грабежа. Но непріятелей жители этой мѣстности еще не видали и поэтому не испытали на себѣ голоднаго аппетита народовъ Европы. Французская армія тогда подвигалась только къ Гжатску.

Отдохнувъ въ Басманахъ, Четвертаковъ сталъ подбивать крестьянъ вооружиться чѣмъ попало и стать на защиту своихъ деревень отъ толпы грабителей, которые, по его словамъ, скоро должны были тамъ появиться. Четвертаковъ не могъ надѣяться присоединиться къ арміи и стать снова въ ряды своего полка, такъ какъ непріятель уже его отрѣзалъ. Какъ солдатъ, притомъ здоровый и сильный, онъ не хотѣлъ оставаться празднымъ въ то время, когда его собратья дрались съ врагомъ своего отечества. Смышленный хохоль-драгунъ понялъ хорошо обстоятельства времени и настроеніе народа и хотѣлъ имъ воспользоваться. Четвертакову предстояло только преодолѣть большія трудности, чѣмъ Давыдову, которому у Кутузова все дѣло устроилъ князь Багратионъ, его «единственный благодѣтель» (слова Давыдова). Предложеніе Четвертакова въ глазахъ крестьянъ показалось страннымъ, и они сомнительно отнеслись къ нему.

Въ д. Басманы Четвертакову удалось подговорить лишь одного крестьянина. Не встрѣтя сочувствія въ этой деревнѣ, Четвертаковъ не потерялъ надежды на успѣхъ и съ упорствомъ молоросса пошелъ пробовать дальше; съ крестьяниномъ этимъ, своимъ первымъ помощникомъ (имя его осталось неизвѣстнымъ) онъ отправился въ Задково. По дорогѣ въ эту деревню они встрѣтили двухъ вооруженныхъ непріятелей. Ихъ, вѣроятно, хитростью имъ удалось убить. Снявъ съ нихъ платье, амуницію, забравъ оружіе и надѣвъ все это на себя, наши будущіе партизаны преобразились во французовъ. Въ этомъ нарядѣ къ вечеру они пришли въ д. Задково, гдѣ, надо полагать, при первомъ появленіи произвели не малый переполохъ.

На другой день къ этой деревнѣ подѣхали два конныхъ француза, кѣихъ постигла та же участь, что и первыхъ двухъ. Завладѣвъ лошадьми убитыхъ наши пѣшіе партизаны превратились въ конныхъ, что особенно было по сердцу Четвертакову, восемь лѣтъ прослужившему въ кавалеріи.

Въ глазахъ жителей д. Задково, видѣвшихъ и слышавшихъ о пер-

выхъ удачныхъ шагахъ драгуна, онъ уже заслуживалъ довѣрія, и на третій день 47 крестьянъ, увлеченные убѣжденіями Четвертакова, согласились идти въ его партію, избравъ его, конечно, какъ опытнаго въ ратномъ дѣлѣ, своимъ начальникомъ. Какъ кавалеристъ, Четвертаковъ, иного рода оружія не признавалъ и всѣхъ приставшихъ къ нему мужиковъ посадилъ на ихъ лошаденковъ и вооружилъ самодѣльными пиками.

На другой же день Четвертаковъ выѣхалъ на поиски во главѣ своей партіи къ д. Красной (въ 25 верстахъ отъ большой Смоленской дороги). Около деревни они встрѣтили 12 человекъ «конныхъ въ латахъ». Съ этими кирасирами партизаны справились легко—всѣхъ убили. Лошадей Четвертаковъ распредѣлилъ между крестьянами, замѣняя ими худшихъ. Кой у кого изъ крестьянъ были свои плохенькія ружья, карабины убитыхъ кирасиръ они раздѣлили между собою, и тутъ же Четвертаковъ принялся обучать своихъ людей стрѣльбѣ. Для этой цѣли на деревья вѣшались «латы» въ кои стрѣляли мужики для приученія къ цѣльной стрѣльбѣ.

По мѣрѣ движенія непріятельской арміи, окрестности все больше наводнялись небольшими партіями фуражировъ и мародеровъ. Въ-время Четвертаковъ появился, чтобы очищать этотъ уголокъ отъ нихъ.

Къ вечеру того же дня мужички-партизаны замѣтили приближавшихся все къ той же д. Красной партіи пѣшихъ непріятелей съ двумя провіантскими фурами и коляской. Четвертаковъ не задумался напасть, имѣя въ своемъ распоряженіи, считая себя и своего помощника, 49 человекъ, на болѣе сильную партію—въ ней было 57 человекъ. Побѣда на сторонѣ храбрыхъ. 15 человекъ французовъ остались на мѣстѣ убитыми; прочіе воины великой арміи бѣжали предъ лихою атакою кавалеріи, всадники которой до того лишь косили да молотили, а лошаденки ихъ возили хлѣбъ, дрова и навозъ. Надо полагать, что и это нападеніе было произведено изъ-за засады, что, впрочемъ, не видно изъ краткаго описанія «подвиговъ» Четвертакова ¹⁾. Одну изъ взятыхъ фуръ партизаны разломали, другую затопили, а коляску повезли за собою, подѣливъ весь находившій въ ней «офицерскій экипажъ» между собою. Это была первая военная добыча.

Послѣ этого Четвертаковъ повелъ свою уже хорошо вооруженную партію, наполовину одѣтую въ непріятельскіе мундиры въ д. Басманы, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ жители встрѣтили его, бѣжавшаго изъ плѣна, не совсѣмъ довѣрчиво. Ему было бы удобнѣе основаться въ Задково, такъ какъ вся его партія состояла изъ жителей этой деревни, но Четвертаковъ почему то своей главной квартирой

¹⁾ Документъ, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія, подписанъ генераль-маіоромъ Эммануэлемъ, копія съ него засвидѣтельствована гвардіи полковникомъ Игнатьевымъ. Моск. отд. архива гл. штаба, опись 208 къ № 27.

избралъ именно Басманы ¹⁾, въ коихъ она и пребывала во все время дѣятельности достойнаго драгуна, незаурядными подвигами котораго, по справедливости, можетъ гордиться Киевскій полкъ, его воспитавшій.

На этотъ разъ Басманы встрѣтили Четвертакова иначе. Нѣсколько дней лишь тому назадъ жители видѣли его, ушедшаго гѣшкомъ съ однимъ увѣровавшимъ въ него крестьяниномъ, а теперь увидѣли его во главѣ вооруженной конной партіи и съ трофеемъ. Это такъ возбуждающе по-дѣйствовало на басманцевъ, что бургомистръ этой деревни собралъ 253 человекъ крестьянъ, кои сами уже просили Четвертакова взять ихъ «въ службу». Въ глазахъ всѣхъ Четвертаковъ являлся защитникомъ края отъ грабежей непріятеля. Такимъ образомъ, отрядъ достигъ силы 300 человекъ, не считая его предводителя и перваго послѣдователя. Четвертаковъ раздѣлилъ свои силы на двѣ половины. Одну половину онъ разставилъ на пикеты: первый, силою 50 человекъ, при с. Басманы, второй, въ четырехъ верстахъ разстояніи отъ нея — при с. Семіоновкѣ, третій, въ восьми верстахъ изъ с. Мокроли; оба послѣдніе силою въ 30 человекъ. Гдѣ поставлены были остальные 40 — неизвѣстно; всего стояло на пикетахъ 150 человекъ.

На обязанности ихъ лежало какъ защита деревень отъ мелкихъ шаекъ, такъ и давать знать въ штабъ-квартиру о появленіи болѣе сильныхъ партій. Отъ другой половины Четвертаковъ посылалъ разѣзды: къ сѣверо-востоку къ Колоцкому монастырю, къ сѣверу къ Гжатской пристани, и на югъ къ Медыни, къ сс. Никольскому и Михайловкѣ.

Такимъ образомъ, въ короткое время, безъ посторонней помощи Четвертакову удалось организовать и вооружить значительный отрядъ, что для рядового является уже не малымъ подвигомъ. Это свидѣтельство о его смыслености, энергіи и о томъ, съ какою любовью и усердіемъ служилъ онъ своему отечеству. Цѣлыя сотни подобно ему отбывшихся отъ арміи солдатъ бродили по деревнямъ и мародерствовали, о чемъ свидѣтельствовалъ фельдмаршалъ Кутузовъ въ приказахъ по арміи. Четвертаковъ изъ ничего, такъ сказать, создалъ партизанскій отрядъ.

Подвиги, совершенные партіею Четвертакова, слѣдующіе:

Въ д. Семіоновкѣ партизаны убили 50 человекъ гѣшихъ французовъ.

Въ этой-же деревнѣ они напали на толпу мародеровъ, грабившую домъ священника, и сожгли при этомъ 60 человекъ непріятелей. Оружіе и амуницію раздѣлили и вооружились ими. Въ партіи Четвер-

¹⁾ Подобно тому, какъ Денисовъ избралъ г. Юхновъ своимъ опорнымъ пунктомъ. Подполковникъ и рядовой дѣйствовали по сосѣдству; послѣдній былъ ближе къ непріятелю.

такова было уже 127 конныхъ партизановъ, сидѣвшихъ на хорошихъ и, по большей части, неприятельскихъ лошадяхъ.

До этого времени партизаны имѣли столкновение не съ особенно сильными партіями неприятеля, но скоро имъ пришлось помѣриться и съ стройнымъ отрядомъ. По направленію къ д. Скугаревой шелъ цѣлый баталіонъ пѣхоты съ двумя орудіями. Селенію этому и дому помѣщика Войкина грозила опасность, но благоразумно разставленные пикеты и посылаемые разъѣзды въ-время дѣлали знать о приближавшемся неприятелѣ. Четвертаковъ извѣстилъ бургомистровъ, и, по ихъ приказанію, изъ вотчинъ графа Орлова-Денисова, князя Долгорукова и помѣщика Войкина быстро собралось до четырехъ тысячъ крестьянъ на коняхъ. Эту значительную силу крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, Четвертаковъ, устроивъ кое-какъ, не задумался повести въ атаку на регулярный баталіонъ съ артиллеріею. Неприятель, думая, вѣроятно, что это не болѣе какъ мужички, не вступилъ въ бой и благоразумно ретировался къ Гжатску. Деревня и домъ помѣщика были спасены. При этомъ партизаны отбили 10 фуръ съ фуражемъ, 30 штукъ рогатаго скота и 20 овецъ. Ни одинъ изъ наполеоновскихъ воиновъ на этотъ разъ не попался въ руки. По прогнаніи баталіона мужики разошлись по домамъ; съ Четвертаковымъ остались лишь его прежніе товарищи, коиъ онъ, по прежнему, раздѣлил—половину на посты, половину въ разъѣзды.

При с. Антоновкѣ партизаны захватили 19 кирасиръ. Ихъ, конечно, «побили», а кирасы пѣслужили мшнями при упражненіи въ стрѣльбѣ въ цѣль. Обученіе мужичковъ военному искусству Четвертаковъ производилъ все время неуспшно. Чѣмъ дальше, тѣмъ партія его вооружалась лучше и увеличивалось въ ней число конныхъ.

Около д. Крисово партизаны разогнали до 400 человекъ неприятеля, изъ коихъ «захватили» въ плѣнъ 70 человекъ. Четвертаковъ придерживался системы Фигнера и «не обременялъ» партіи тосканіемъ ихъ плѣнныхъ за собой. Съ перебитыхъ французовъ крестьяне сняли «три знака россійскихъ» — два Св. Анны, а третій «Святой Георгій солдатскій». Изъ нихъ одинъ орденъ Св. Анны Четвертаковъ, будучи въ Могилевѣ послѣ окончанія своей дѣятельности, отдалъ генералу Кологривову—остальными два партизана украсили свои груди.

Въ с. Цвѣтковѣ было убито 50 человекъ, въ с. Михайловкѣ — одинъ офицеръ съ женою и 14 рядовыхъ. Тамъ-же отбили пять повозокъ съ фуражемъ и съ шестью подъемными лошадьми. Далѣе, около Гжатской пристани отбили двѣ пушки и одинъ съ ружейными патронами ящикъ, который по усталости лошадей не могъ слѣдовать дальше. При этомъ убили трехъ человекъ. Пушки затопили въ болотѣ, патроны раздѣлили. Слѣдовательно, не ограничивалось уничтоженіемъ грабителей.

Четвертаковъ отваживался дѣлать и поиски на большой Смоленской дорогѣ, на главномъ пути сообщенія великой арміи, по которому безпрестанно шли подкрѣпленія и подвозились припасы. Послѣднимъ извѣстнымъ подвигомъ было истребленіе 50 человекъ мародеровъ при с. Драчевомъ.

Непріятельская армія отступала отъ Мало-Ярославца чрезъ Боровскъ, Можайскъ къ Гжатску на Смоленскую дорогу. Корпуса нашего авангарда, подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича, слѣдовали туда же за нею по проселочнымъ дорогамъ отъ Мало-Ярославца влѣво, мимо Вереи. По дорогѣ до Гжатска, въ 30 верстахъ, въ с. Теплое прибылъ съ отрядомъ передовыхъ войскъ генераль-маіоръ Паскевичъ. Здѣсь онъ нашелъ Четвертакова, стоявшаго на посту со своимъ вооруженнымъ отрядомъ. Четвертаковъ тотчасъ-же явился къ генералу, объявилъ кто онъ, какъ попалъ въ это мѣсто и что все это время дѣлалъ ¹⁾, и спрашивалъ дальнѣйшихъ приказаній. Паскевичъ обо всемъ подробно разспросилъ, облакалъ Четвертакова, но приказавъ ему не дать никакихъ.

Пробывъ не долго въ Тепломъ, Паскевичъ со своимъ отрядомъ ушелъ дальше, извѣстивъ обо всемъ генерала-маіора Эммануэля, какъ командира Кіевскаго полка, и обѣщавъ сдѣлать ему отъ себя представленіе начальству о подвигахъ Четвертакова.

На другой или на третій день въ с. Теплое прибылъ и самъ Эммануэль; тамъ-же собрались и многіе генералы, бывшіе съ авангардными войсками. Всѣ они живо заинтересовались всѣми дѣйствіями: мужичковъ-партизановъ. Эммануэль хотѣлъ лично разспросить обо всемъ Четвертакова, но его въ это время не было уже въ этой деревнѣ—онъ съ частью своей партіи отправился къ с. Никольскому, «преслѣдуя непріятеля». Это было причиною, почему командиръ Кіевскаго полка, какъ онъ самъ пишетъ въ своемъ рапортѣ, не засвидѣтельствовалъ тогда же «о такомъ похвальномъ происшествіи начальству». Собравшіеся въ Тепломъ генералы произвели слѣдствіе. Всѣ они видѣли своими глазами, что на пространствѣ 35 верствъ отъ Гжатской пристани страна не была разорена, между тѣмъ какъ кругомъ всѣ окрестныя деревни лежали въ развалинахъ. Всѣ жители согласно показали, что крестьянъ вооружилъ и управлялъ ими всецѣло Четвертаковъ и «съ чувствительною благодарностію называли его спасителемъ той страны» ²⁾.

Генераль-маіоръ Паскевичъ не исполнилъ почему-то своего обѣщанія подать о Четвертаковѣ рапортъ и объ этомъ дѣлѣ скоро совершенно забыли, и славный партизанъ тогда не получилъ никакой награды.

¹⁾ Мос. отд. архива гл. штаба. Рапортъ г. Эммануэля гр. Витгенштейнъ отъ 27-го іюля 1813 г. за № 375, опись 208 къ № 27.

²⁾ Тамъ-же.

Самъ-же онъ, види что съ отступленіемъ непріятели роль защитника края сама собою окончилась, сложивъ съ себя начальство и распроставившись съ товарищами, скромно отправился въ г. Могилевъ и явился въ управленіе генерала Кологривова, который формировалъ тамъ резервные эскадроны. Въ нихъ направлялись тогда рекруты, выздоравливавшіе изъ госпиталей и отставшіе отъ полковъ нижніе чины. Кологривовъ произвелъ Четвертакова въ унтеръ-офицеры, но не за подвиги, а потому что они ему были нужны. Но все-таки Кологривовъ, слышавшій о его дѣйствіяхъ, снялъ съ него показанія. По отправленіи въ 1813 году резервныхъ эскадроновъ въ дѣйствующую армію, онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія графа Витгенштейна, прося за подробностями обратиться къ генералу Эммануэлю, лично на мѣстѣ убѣдившемуся въ справедливости поступковъ Четвертакова.

Витгенштейнъ подалъ обо всемъ этомъ обстоятельный рапортъ (отъ 21-го іюля 1813 г. за № 172) главнокомандующему Барклаю-де-Толли, гдѣ писалъ: «принимая въ уваженіе столь отличный и похвальный поступокъ унтеръ-офицера Четвертакова, я долгомъ считаю съ прописаніемъ вышеписаннаго и съ приложеніемъ въ копіи подвиговъ его представить на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и покорнѣйше просить въ воздаяніе сказаннаго примѣрнаго усердія того Четвертакова не оставить вашимъ награжденіемъ».

Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Витгенштейну Барклай-де-Толли писалъ (отъ 28-го іюля 1813 г. № 1112): «По представленію вашего сіятельства, наградивъ Кіевского драгунскаго полка унтера-офицера Четвертакова за подвиги его, оказанные въ 1812 г. противъ непріятели, знакомъ отличія военнаго ордена (№ 23194), имѣю честь оный представить при семъ для доставленія означенному Четвертакову».

Четвертаковъ проявилъ много сообразительности, храбрости и порядительности, командуя такими значительными для простаго солдата силами. И все это сдѣлалъ безъ всякой помощи и руководства рядовой солдатъ, неумѣвшій даже читать! Четвертаковъ заслужилъ того, чтобы имя его не умерло для отечественной исторіи и свидѣтельствовало-бы потомству о доблестяхъ нашего народа, умѣющаго, когда нужно, послужить своей родинѣ, не изъ расчета на славу и награды.

Совершивъ свое дѣло, Четвертаковъ скромно явился начальству и сталъ въ ряды эскадрона, ничѣмъ не напоминая далѣе о себѣ.

Прибывъ съ резервнымъ эскадрономъ въ полкъ, Четвертаковъ участвовалъ съ нимъ въ сраженіи при Гольдербергѣ, при Кацбахѣ, въ «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ, при крѣпости Мецъ, при взятіи Реймса и, наконецъ, въ сраженіи при Парижѣ, не считая безконечнаго ряда мелкихъ дѣлъ.

Евгеній Альбовскій.



Отъ Парижа до Вильны.

Похожденія французскаго военнаго врача въ 1812 году.

Въ июльскомъ номерѣ «Revue des questions historiques» появилась любопытная статья г. Ганниэ (Arthur de Ganniers), подъ заглавіемъ «Campagne de Russie. De Paris à Vilna en 1812». Она рисуеть какъ настроеніе, охватившее французскій военный міръ передъ открытіемъ похода въ Россію въ 1812 году, такъ и внутренніе распоряжки, царившіе въ Великой арміи. Статья г. Ганниэ составлена на основаніи писемъ юнаго военнаго врача Бланъ, безвѣстно погибшаго во время войны 1812 г. Эта переписка имѣеть, по словамъ автора статьи, то «достоинство, что показываетъ намъ, до какой степени военное управленіе въ эпоху первой имперіи оставяло желать многаго, какой беспорядокъ, какой плачевный хаосъ царили въ вспомогательныхъ частяхъ арміи, гдѣ каждый дѣйствовалъ по своему желанію, попирая по произволу законъ на требованія самой обыденной справедливости».

Такимъ образомъ, эти письма являются интересными историческими документами, и какъ таковыя, заслуживаютъ быть спасенными отъ забвенія. «Но, продолжаетъ г. Ганниэ, они цѣнны и въ другомъ отношеніи. Они воскрешаютъ въ памяти одного изъ тѣхъ скромныхъ героевъ, которыми во всѣ времена кишѣли арміи, личностями тѣмъ болѣе симпатичными, что онѣ жили, служили, умерли не зная своей собственной цѣнны».

Такъ какъ все, имѣющее отношеніе къ Отечественной войнѣ, не можетъ не интересоватъ читателя, мы позволяемъ себѣ ознакомить его со статьею г. Ганниэ. Между прочимъ она заключаетъ въ себѣ, правда,

мелочныя указанія на жизнь крестьянъ въ Ганноверѣ и провинціяхъ Старой Пруссіи, изъ которыхъ, однако, приходится заключить, что курная изба русскаго мужика того времени не являлась въ Европѣ чѣмъ-то исключительнымъ.

«Свойство человѣческаго характера, послѣдствіе его склонности избѣгать всего, напоминающаго страданіе — это смотрѣть на событія, главнымъ образомъ, съ ихъ счастливой или славной стороны, охотно оставляя незамѣченнымъ все, что запросто можно было бы назвать «обратной стороной медали» — все, что въ этихъ событіяхъ есть при- скорбнаго или мрачнаго.

«Эта истина представляется несомнѣнной даже тогда, когда высказываешь ее въ формѣ общей аксіомы; однако, если бы при послѣднемъ условіи она могла показаться случайной или слишкомъ обобщенной, то не представляется возможнымъ отрицать ея неоспоримость по отношенію къ исторіи вообще, а къ военной исторіи — въ частности. Эта-то готовность человѣческаго ума воспринимать безъ провѣрки все, льстящее его капризамъ, страстямъ или выгодамъ, и породила тѣ многочисленныя легенды, которыя у всѣхъ народовъ играютъ столь видную роль въ исторіи ихъ происхожденія, роль, становящуюся непонятной, когда рѣчь идетъ о событіяхъ почти современныхъ намъ».

Такъ начинаеть свою статью г. Ганнѣ и этою особенностью человѣческой природы объясняетъ успѣхъ, выпадавшій на долю различныхъ воспоминаній объ эпохѣ первой имперіи, въ такомъ изобиліи появившихся въ послѣднее время во Франціи.

«Эти мемуары, въ которыхъ ихъ авторы слишкомъ часто искажаютъ истину и говорятъ намъ лишь объ одной сторонѣ событій, способствуютъ оживленію въ самомъ ложномъ свѣтѣ эпохи, которая подъ маскою обманчивой славы скрывала большія бѣдствія и самыя вопіющія злоупотребленія. Даже съ военной точки зрѣнія, оставляя въ сторонѣ и необычайные таланты полководца, руководившаго въ то время нашими арміями, и поведеніе войскъ со стратегической и тактической стороны, много и много не доставало для того, чтобы императорскія арміи являлись образцомъ, на который можно было бы ссылаться и указывать, какъ на примѣръ; и какъ разъ въ самихъ мемуарахъ, посвященныхъ восхваленію этого необычайнаго періода нашей исторіи, мы находимъ подтвержденіе этой истины».

По словамъ г. Ганнѣ, именно во всемъ, что касается организаціи, управленія, выдали жалованія, перевозочныхъ средствъ арміи первой имперіи представлялся лишь беспорядокъ, хищенія, хаосъ. Онѣ могли существовать лишь благодаря постояннымъ успѣхамъ на полѣ сраженія и то, въ большинствѣ случаевъ, при помощи такихъ средствъ, какъ реквизиція, грабежъ, отвѣтственность за которые хотя и не па-

даетъ на сражавшихся, но о которыхъ тѣмъ не менѣ нельзя не вспоминать съ сожалѣніемъ. По мнѣнію автора статьи, это происходило не отъ того, чтобы Наполеонъ не вносилъ и въ это дѣло своихъ организаторскихъ способностей, соединявшихся у него съ мощью стратегическихъ идей; но въ этой области его воля сталкивалась съ препятствіями, побороть которыя онъ былъ не въ силахъ. «Никто никогда не отдавалъ столько приказаній, какъ Наполеонъ, относительно обезпеченія продовольствія своей арміи, пишетъ по этому поводу современникъ-очевидецъ, но никогда тоже исполненіе ихъ не было болѣе дурно» ¹⁾. Другой современникъ-очевидецъ, генераль Бертезенъ, выражается не менѣ положительнымъ образомъ: «Органы военнаго управленія, пишетъ онъ, повидимому, усвоили по отношенію къ солдату систему фиска и мелочности, составлявшую столь странный контрастъ съ образомъ дѣйствій главы государства. Постоянно готовые отказать солдату въ томъ, что представлялось спорнымъ, они нисколько не заботились о снабженіи его доброкачественными припасами и въ количествѣ, установленномъ положеніемъ»...

Существо этихъ отзывовъ не можетъ быть подвержено никакимъ сомнѣніямъ. Они высказаны двумя генералами, участвовавшими во всѣхъ войнахъ имперіи, непрерывно жившими среди солдатъ, двумя людьми, преданность которыхъ Наполеону можетъ заставить подозрѣвать искренность ихъ похвалъ, но отнюдь не искренность порицанія. Къ тому же, эти отзывы подкрѣпляются еще другими доказательствами.

«Однако, пишетъ г. Ганніе, есть другой родъ свидѣтельствъ, которыя, если возможно, еще болѣе вѣски; мы говоримъ о свѣдѣніяхъ, заключающихся въ интимныхъ письмахъ, которыя писались въ то время офицерами, и не думавшими, сидя надъ ними, что они готовятъ данныя, которыми впоследствии воспользуется исторія».

Подобнаго рода документы и приведены г. Ганніе въ его статьѣ; они заключаются, какъ уже упомянуто нами, въ письмахъ юнаго хирурга Великой арміи Сократа Блана, и не подозрѣвавшаго, сообщая отцу о невзгодахъ, перенесенныхъ имъ по пути изъ Парижа въ Вильну въ 1812 году, что настанетъ день, когда его письма будутъ опубликованы. Эти письма дѣйствительно могутъ служить подтвержденіемъ взгляда г. Ганніе на внутренніе порядки Великой арміи и являются документомъ, съ отпечаткомъ наивной искренности, который небезынтересно сопоставить съ напыщенностью официальныхъ бюллетеней и съ дифирамбами нѣкоторыхъ мемуаровъ. Легко будетъ разобраться, на которой сторонѣ правда».

Сократъ Бланъ родился 29-го мессидора II года (17-го іюля 1794 г.)

¹⁾ Souvenirs militaires du général duc de Fezensac.

и былъ сыномъ ученаго, впоследствии члена института, Оноре Бланъ; среди работъ послѣдняго пользуется, между прочимъ, извѣстностью его сочиненіе о стенографіи, доставившее ему нѣсколько наградъ и лестныхъ знаковъ вниманія, въ томъ числѣ письмо отъ русскаго государя. Оноре Бланъ по своимъ знаніямъ и положенію былъ какъ нельзя болѣе способенъ дать хорошее воспитаніе своему сыну, и письма послѣдняго свидѣтельствуютъ объ его близкомъ знакомствѣ съ изящною литературою. Однако, влияние среды и времени должно было отразиться и на юномъ Сократѣ, какъ и на прочихъ дѣтяхъ той эпохи. Поэтому мысль о томъ, что въ одинъ прекрасный день онъ займетъ свое мѣсто въ рядахъ арміи, цѣликомъ поглощавшей тогда всю французскую молодежь, рано зародилась въ его умѣ; и, чтобы согласовать свою любовь къ наукамъ съ тѣмъ, что было неизбежно для него, онъ рѣшилъ сдѣлаться военнымъ врачомъ.

Г-нъ Ганнѣ сообщаетъ при этомъ случаѣ любопытныя подробности о положеніи въ то время французскаго военнаго врача. По его словамъ, военные медики того времени далеко не пользовались во Франціи тѣмъ положеніемъ, которое занимаютъ теперь. Однако, они уже начинали пользоваться нѣкоторыми правами. Такъ, съ 1762 года они получили право носить форму; постановленіе 1-го фруктидора III года (18-го августа 1795 года) приравняло полковыхъ штабъ-лекарей (*chirurgien-major*) къ баталіоннымъ командирамъ, чѣмъ ясно показывалось, что врачи считаются принадлежащими къ корпусу офицеровъ; это являлось чѣмъ-то совершенно новымъ и не скоро внѣдрилось въ сознаніе военныхъ.

А между тѣмъ военные врачи имѣли полное право на то положеніе, въ которомъ имъ такъ долго отказывали. Съ начала XVIII столѣтія умственный уровень корпуса врачей замѣтнымъ образомъ повысился, и уже далеко было то время, когда ротнымъ цирюльникамъ поручалось производить хирургическія операціи. Съ 1781 г. полковые врачи должны были набираться изъ помощниковъ госпитальныхъ фельдшеровъ (*sous-aides-chirurgiens des hôpitaux*), а въ эпоху имперіи отъ такого помощника требовались аттестаты бакалавра наукъ, бакалавра словесности, доктора медицины и хирургіи. При такомъ громадкомъ научномъ багажѣ помощникъ баталіоннаго лекаря (*un sous-aide major*) имѣлъ право на годовой окладъ въ 800 франковъ. И хотя это жалованье нѣсколько увеличивалось кое-какими дополнительными выдачами, оно совершенно не соответствовало ни издержкамъ, ни времени, ни занятіямъ, затраченнымъ на долгую подготовку. Въ виду этого естественно ощущался недостатокъ въ военныхъ врачахъ, и Наполеону, для того, чтобы не остаться безъ нихъ, приходилось поступаться требованіями закона; весьма вѣроятно, что такъ же было поступлено и съ Сократомъ Бланомъ, такъ какъ въ 1811 году, будучи семнадцати лѣтъ, онъ не могъ еще обладать

всѣми четырьмя дипломами, необходимыми для получения мѣста помощника баталіоннаго лекаря (sous-aide). Назначенный въ началѣ 1812 г. временно-исполняющимъ подобную должность, онъ думалъ лишь объ одномъ—попасть въ дѣйствующую армію.

«Это была эпоха, когда эра мира, возвѣщенная постѣ похода 1809 г., эра, которую бракъ Наполеона съ эрцгерцогиней австрійской позволялъ считать продолжительной, приближалась, однако, къ концу. Поддаваясь своимъ пагубнымъ мечтамъ о всемірномъ господствѣ, недовольный, что Россія противится континентальной системѣ, при посредствѣ которой онъ хотѣлъ изолировать Англію отъ прочей Европы, Наполеонъ отдался опасной мысли силою навязать императору Александру свою волю.

«Съ начала 1811 года—нынѣ это можно утверждать положительно—походъ въ Россію былъ рѣшенъ въ умѣ Наполеона. Общественное мнѣніе, искусно подготовленное его стараніями, въ концѣ концовъ стало смотрѣть на эту новую войну, какъ на роковую и неизбежную необходимость».

Что касается военныхъ, то, по словамъ г. Ганніе, они раздѣлялись на два лагеря. Одни, умудренные опытомъ, разсудительные, достаточно провицательные для того, чтобы подъ напыщенностью официальныхъ бюллетеней различать личное честолюбіе Наполеона, сознавали всю опасность, сопряженную съ веденіемъ войны за восемьсотъ лѣтъ отъ естественныхъ границъ Франціи. «Люди, ни въ чемъ не сомнѣвавшіеся, писаль по этому поводу одинъ изъ современниковъ, полковникъ Пюнь-де-Лощъ,—открыто общали намъ, что день св. Наполеона мы будемъ праздновать въ С.-Петербургѣ. Для меня же было совершенно ясно, что этотъ походъ повлечетъ за собою паденіе императора». И такъ думалъ не одинъ полковникъ Пюнь. «Война не объявлена, писаль въ апрѣлѣ 1812 г. полковникъ Ноель,—и многіе надѣялся, что еи не будетъ. Но къ чему тогда всѣ эти приготовления и это сосредоточеніе войскъ на Вислѣ? Было-бы желательно, чтобы императоръ положилъ, наконецъ, предѣлъ своему честолюбію и болѣе дѣйствительнымъ образомъ занялся-бы счастьемъ Франціи, истощаемой этими непрерывными войнами. Къ чему можетъ привести война съ Россією? Что мы возьмемъ у нея въ случаѣ успѣха? Въ случаѣ же неудачи всѣ эти ложные друзья, идущіе съ нами лишь по неволѣ и по принужденію, обратятся противъ насъ. Вотъ что говорятъ вокругъ меня всѣ офицеры».

Что-же касается молодыхъ офицеровъ, еще исполненныхъ иллюзіями юности, то они, воплѣтъ естественно, привѣтствовали извѣстіе о новомъ походѣ съ радостью людей, еще не видавшихъ войны и мечтающихъ о славѣ и лаврахъ. «Мнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ, писаль по этому поводу баронъ де-Бурнуэгъ;—мы до того вѣрили въ успѣхъ, что,

по нашимъ расчетамъ, съ точки зрѣнія повышеній и честолюбія, этотъ походъ являлся послѣднимъ, въ которомъ императоръ могъ попытаться боеваго счастья для того, чтобы сдѣлаться властелиномъ вселенной. «Какая досада, говорили мои сотоварищи-подпоручики,—какая досада, что мы начинаемъ такъ поздно, послѣ столькихъ чудныхъ побѣдъ, въ концѣ всего!»—Успокойтесь, отвѣчалъ намъ молодцоватый капитанъ Перо, старѣйшій изъ нашихъ офицеровъ гренадеровъ старой гвардіи,—успокойтесь, мы еще не присутствуемъ при концѣ; императоръ задастъ намъ работы, хватить на всѣхъ».

И нужно сознаться, говорить г. Ганніе, что не одни молодые люди обнаруживали подобный недостатокъ провицательности, подобную вѣру въ легендарную звѣзду Наполеона. «Вскорѣ откроется новый походъ, который долженъ столь возвеличить славу Франціи, писалъ 1-го марта 1812 г. генераль Фавтэнъ де-З'Одоаръ. Грозныя приготовления окончены, и наши орлы не замедлятъ направить свой полетъ къ странамъ, которыя наши отцы едва-ли знали по названіямъ. Цѣль этой войны не составляетъ болѣе тайны: французскій таранъ будетъ направленъ противъ русскаго колосса.... Бѣдный Александръ, какой рокъ толкаетъ тебя! или ты позабылъ Аустерлицъ, разгромъ Фридрихландъ? Конечно, къ русскои арміи нельзя относиться пренебрежительно; многочисленный народъ, подвергающійся нападенію у себя дома, не легко покорить; доказательствомъ того намъ служить Испанія; но съ кѣмъ не справится Наполеонъ Великій? Къ тому-же, мы не можемъ сложить съ себя обязанности отдать визитъ фавориткѣ Петра ¹⁾, который тоже заслужилъ прозвище Великаго. Петербургъ увидитъ насъ въ своихъ стѣнахъ, подобно тому, какъ насъ видѣли Вѣна, Берлинъ, Римъ, Мадридъ и столько другихъ столицъ. А тамъ мы посмотримъ».

При такихъ-то обстоятельствахъ Сократъ Бланъ сталъ хлопотать о мѣстѣ въ одномъ изъ военныхъ госпиталей имперіи. «А она была обширна эта имперія, пишетъ г. Ганніе. За нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ Франція отодвинула свои границы до устьевъ Эльбы. Путемъ присоединенія Голландіи, герцогства Ольденбургскаго и сѣвернаго побережья Европы отъ Рейнской дельты до Датскаго полуострова Наполеонъ надѣялся обезпечить блестящее торжество континентальной системы: Гамбургъ, старинный вольный городъ, значился отнынѣ въ составѣ штабъ-квартиры 32-ой дивизіи». Туда-то и былъ направленъ юный Бланъ.

По словамъ г. Ганніе, при современномъ разнообразіи и богатствѣ путей и способовъ сообщенія, трудно представить себѣ трудности, которыя во времена первой имперіи приходилось преодолевать офицерамъ и сол-

¹⁾ Городу Петербургу: по-французски слово ville женскаго рода. Намекъ на посѣщеніе Петромъ Великимъ фаворитки Людовика XIV г-жи Мэнтенонъ.

датамъ, отправлявшимся къ мѣстамъ своего назначенія отдѣльно отъ своихъ частей.

Офицеры, имѣвшіе свои деньги, еще могли на свой счетъ нанять частныя экипажи или брать мѣста въ дилижансахъ, если послѣдніе оказывались на пути ихъ слѣдованія; но что касается прочихъ, то они, наравнѣ съ простыми солдатами, должны были пользоваться своими ногами, какъ единственнымъ средствомъ передвиженія. При всемъ томъ имъ лишь съ величайшими трудами удавалось получать по пути отъ различныхъ комиссаровъ, не отличавшихся большою добросовѣтностью, продовольствіе и помѣщеніе, на которыя они имѣли право по уставу. Въ этомъ отношеніи, по словамъ автора статьи, военная администрація во время похода 1812 года отличалась, повидному, бѣлыми немужельностью и неспособностью, чѣмъ когда бы то ни было. Маршалъ Кастелланъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что по дорогамъ даже не было заготовлено лошадей для проѣзжавшихъ, какъ это было сдѣлано во время нѣмецкой кампаніи; было много и другихъ упущеній, о которыхъ Наполеонъ, конечно, не зналъ. Составъ лицъ военно-походнаго управленія былъ самый незавидный: онъ состоялъ изъ людей, никогда не видавшихъ войны и открыто заявлявшихъ, что они участвуютъ въ ней лишь для того, чтобы составить себѣ состояніе.

20-го февраля 1812 года Бланъ выѣхалъ изъ Парижа въ дилижансѣ въ Лилъ. До Лили и затѣмъ далѣе до Гента и Лиежа путешествіе было еще сносно, хотя его «подорожная» не приносила ему никакой пользы, и ни въ Гентѣ, ни въ Лиежѣ онъ не получилъ отъ военныхъ комиссаровъ ни одного су денегъ.

Съ Лиежа начались всевозможныя затрудненія. Онъ писалъ оттуда отцу 23-го февраля, что не знаетъ, когда и какъ доберется до Гамбурга: экипажей не было, деньги тоже были на исходѣ. Однако, встрѣченныя препятствія не приводили его въ уныніе.

«Мнѣ недостаетъ не мужества, а денегъ, писалъ онъ отцу.—Если въ Везелѣ я не получу того, что мнѣ причитается по подорожной, я не знаю, какъ я справлюсь, потому что ты не можешь себѣ представить, съ какими жидами мы имѣемъ дѣло. Помимо того, что французскія деньги страшно теряютъ въ этой странѣ въ своей стопности, цѣны на все здѣсь необычайно высокія. Погода къ тому же начинаетъ становиться ужасной. Дождь льетъ какъ изъ ведра, а вѣтеръ слишкомъ ясно даетъ намъ чувствовать, что мы приближаемся къ сѣверу. Я не совѣтую тебѣ пріѣзжать во Фландрію; здѣсь не играютъ въ домино, не знаютъ русскаго языка ¹⁾).

¹⁾ По словамъ автора статьи, это является намекомъ на пристрастіе Блана отца къ русскому языку и на знаки вниманія, проявленнаго къ нему русскимъ государемъ.

Прощай, дорогой папа... скажи нашей экономкѣ, что я не забылъ своего обѣщанія прислать ей изъ Константинополя кашемировую шаль»...

Какъ видно изъ этихъ строкъ, Бланъ принадлежалъ къ огромному числу лицъ, смотрѣвшихъ на Москву и Петербургъ лишь какъ на этапный пунктъ по дорогѣ въ Индію. По словамъ г. Ганніе, это была иллюзія, вполне простительная для молодого человѣка, не достигшаго и двадцатилѣтняго возраста, но ее раздѣляли и другіе, болѣе опытные, чѣмъ доврчивый юноша. Нѣсколько мѣсяцевъ позже, тогда, когда война уже давно началась, и обманчивая тактика русскихъ должна была бы заставить проникательныхъ людей прозрѣть бездну, разверзавшуюся подъ ихъ ногами, офицеръ, по чину и лѣтамъ несравненно старше Блана, предавался не такимъ еще надеждамъ.

«Вотъ мы снова приведены въ движеніе, писалъ генералъ Фантэнъ де-З'Одоаръ 30-го августа, на слѣдующій день послѣ Валутинскаго сраженія,—вотъ мы снова приведены въ движеніе, и на этотъ разъ у насъ есть цѣль. Вся армія знаетъ, что она направляется къ Москвѣ. Я предпочелъ бы Петербургъ, потому что тамъ находится престоль царей, а Наполеонъ освятилъ обычай предписывать условія мира во дворцѣ своего врага; но мнѣ возражаютъ, что собственно Москва является настоящей столицей Россіи, ея самымъ богатымъ городомъ, наиболѣе населеннымъ и центральнымъ, и я сдаюсь на эти доводы. Къ тому же, я думаю, что намъ не слѣдуетъ слишкомъ удаляться отъ турецкихъ провинцій, такъ какъ необходимо, чтобы, заключивъ прочный союзный договоръ съ Александромъ, который, волей неволей, подобно другимъ, будетъ вынужденъ послѣдовать за нами, мы отправились въ слѣдующемъ году въ Константинополь, а оттуда въ Индію. И великая армія снова увидитъ Францію не иначе, какъ отягощенная голькондскими брилліантами и кашемировыми тканями».

«Какія грустные размышленія, пишетъ г. Ганніе, должны народить въ умѣ эти безумныя надежды, которымъ было суждено исчезнуть такъ быстро вслѣдствіе ужаснѣйшей изъ катастрофъ».

«Бланъ, нужно замѣтить это къ чести его проникательности и ума, менѣе склоннаго къ химерамъ, не заходилъ далѣе Константинополя: это было умѣренно. Даже все его честолюбіе заключалось въ желаніи добраться до мѣста своего служенія въ Гамбургъ, и онъ съ ожесточенной настойчивостью стремился преодолѣвать препятствія, ежедневно возникавшія на его пути».

Затрудненія, о которыхъ онъ писалъ своему отцу изъ Ліежа, въ концѣ концовъ разрѣшились для него счастливымъ образомъ, потому что 27 февраля онъ былъ уже въ Везелѣ. Повидимому, этотъ городъ не

произвелъ на него пріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ вотъ что онъ писалъ своему отцу въ день своего пріѣзда туда: «Ты не можешь имѣть представленія о непріятностяхъ, которымъ подвергаешься въ этихъ замученныхъ мѣстностяхъ. Я не знаю, что было бы со мною, если бы я не познакомился съ повѣреннымъ въ дѣлахъ гамбургскаго губернатора и съ однимъ капитаномъ, адъютантомъ генерала Рено, командующаго въ Мюнстерѣ. Въ пути отъ Лиежа до Везеля мы вели общее хозяйство, и мнѣ остается лишь поздравлять себя съ тѣмъ, что я встрѣтилъ ихъ. Мы скоро начали сожалѣть о Парижѣ. Гостиниць нѣтъ, ѣсть нечего, хотя бы и за большія деньги, скверные дилижансы, очень дорогіе и дѣлающіе лишь шесть лье въ день, дороги ужасныя. Пріѣхавъ въ Везель, я обошелъ болѣе десятка гостиниць и не нашелъ ни одного угла, гдѣ бы пріютиться на ночь. Тогда я рѣшился на крайнее средство и, явившись къ коменданту, досталъ себѣ билетъ на право постоя».

Въ Везелѣ Бланъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ, въ виду затруднительности и дороговизны ѣхать на лошадахъ, рѣшилъ отправиться въ дальнѣйшій путь пѣшкомъ. «Съ легкими кошельками, но полные отваги и вѣры въ будущее», они вышли изъ Везеля 29-го февраля и первую ночь провели въ Баркенѣ у одного священника. На второй день, истощенные отъ усталости и голодные, они добрались до Косфельда, и нигдѣ не могли найти ни кусочка хлѣба. Судьба снова послала имъ пріютъ у священника, и безъ него, по словамъ Блана, они умерли бы съ голоду. Отъ Косфельда до Мюнстера имъ пришлось идти въ грязи по колѣно, въ большой холодъ, при сильномъ градѣ.

Переходъ изъ Оснабрюка въ Минденъ былъ произведенъ при столь же ужасныхъ условіяхъ. Проливной дождь промочилъ ихъ до костей, а когда они дотащились до Миндена, пришлось прождать два часа въ ожиданіи билета на постоя. Помимо того, здѣсь Блана ожидали вѣсти, приведшія его въ отчаяніе: ему передали, что войска, стоявшія въ Гамбургѣ, двинуты къ Стральзунду и въ сторону Данцига, на двѣсти лье дальше отъ Гамбурга. «Мнѣ невозможно совершить такой переѣздъ съ тѣми деньгами, которыя остаются у меня, писалъ Бланъ отцу. — Съ самаго Мюнстера мы ничего не получаемъ».

Въ то время, какъ офицеры, отправлявшіеся въ армію для непосредственнаго участія во всѣхъ тягостяхъ военной жизни, принуждены были сталкиваться въ пути со всевозможными затрудненіями и, добираясь до ночлега, не знали, достанутъ ли тамъ кусокъ хлѣба, чтобы утолить свой голодъ, и найдутъ ли огня, чтобы высушить свое платье, жизнерадостная и упитанная толпа всевозможныхъ интендантскихъ чиновниковъ и казначеевъ тоже направлялась въ Россію, но уже при со-

вершенно иныхъ условіяхъ. «Я готовъ ѣхать на край свѣта, писалъ 6-го марта 1812 года своему брату казначей Пейруссъ ¹⁾). У меня прекрасный экипажъ, хорошія лошади, повозки, въ которыхъ у меня не мало съѣстныхъ припасовъ, которыя я затрону лишь въ случаѣ крайней необходимости. Я здоровъ, небо сдѣлаетъ остальное». 11-го мая онъ снова писалъ своему брату: «Чѣмъ большій путь императоръ заставить меня сдѣлать, тѣмъ большее удовольствіе онъ доставитъ мнѣ. Я путешествую съ большими удобствами. Я ни въ чемъ не нуждаюсь».

«При первомъ представившемся случаѣ, писалъ онъ брату 25-го іюня 1812 года изъ Вильковишекъ, — я пришлю тебѣ мое жалованье за мартъ, апрѣль и май, котораго я еще не получалъ». «Я проѣхалъ болѣе ста ле по бесплодной мѣстности, писалъ Пейруссъ изъ Витебска 1-го августа, къ счастью со мною былъ мой погребецъ, и, останавливаясь среди лѣса, я пилъ хорошее вино, ѣлъ прекрасные сухари и отличный салатъ и имѣлъ въ своихъ повозкахъ очень хорошую кровать съ медвѣжьими шкурами».

«Несчастный Бланъ, замѣчаетъ по этому поводу г. Ганніе, — чтобы чувствовать себя совершенно счастливымъ, не потребовалъ бы и десятой доли этой роскоши, составленной изъ необходимаго, отнятаго у другихъ».

Онъ съ трудомъ дотащился до Гамбурга 15-го марта. Остановившись въ одной рекомендованной ему гостиницѣ, онъ на разсвѣтъ же бѣжалъ изъ нея, уплативъ чудовищныя цѣны за номеръ и болѣе чѣмъ скромный обѣдъ. Побывавъ у коменданта и запасшись билетомъ на постой, онъ явился къ военному комиссару, отъ котораго, къ своей радости, узналъ, что хотя часть гамбургскаго гарнизона дѣйствительно направлена къ Одеру или Вислѣ, но это распоряженіе не касается его, такъ какъ онъ лично назначенъ состоять въ одномъ изъ мѣстныхъ госпиталей; это давало ему возможность насладиться хотя временнымъ, но вполне заслуженнымъ отдыхомъ.

Успокоившись относительно своего положенія, Бланъ явился къ своему непосредственному начальнику Кассэну, принявшему его очень любезно и давшему ему два дня, чтобы устроиться.

Однако и въ Гамбургѣ Блану приходилось бороться съ денежными затрудненіями, такъ какъ и тамъ ему не удалось получить причитавшагося ему содержанія.

«Нельзя понять, говорить г. Ганніе, какимъ образомъ въ непріятель-

¹⁾ „Lettres inédites de Guillaume Peyrusse“.

ской странѣ, при громаднѣхъ контрибуціяхъ, которыя налагались на присоединенныя страны и быстро взыскивались и поступали въ распоряженіе французскаго государственнаго казначейства, выдача войскамъ жалованья могла быть такъ дурно организована, какъ это было въ эпоху первой имперіи». Генераль Бертезенъ называетъ это въ своихъ воспоминаніяхъ «ненавистной системой» и между прочимъ указываетъ на странный фактъ, что въ серединѣ октября 1807 года солдатамъ не было уплачено жалованье за мартъ мѣсяць. Помимо того, военная администрація оставляла за собою чудовищное право опредѣлять стоимость бумажныхъ денегъ, которыми выплачивалось содержаніе войскамъ, и на этой почвѣ развивались вопіющія злоупотребленія и воровство. Такъ, въ Австріи бумажный гульденъ былъ приравненъ франку, тогда какъ въ дѣйствительности онъ стоилъ только пятьдесятъ сантимовъ и падалъ даже до двадцати пяти ¹⁾. Время отъ времени, для острастки, производили расправу: такъ, напримѣръ въ Гамбургѣ, Даву приказалъ разстрѣлять въ 1813 году одного высшаго интендантскаго чиновника, уличеннаго въ различныхъ злоупотребленіяхъ ²⁾; но подобныя мѣры строгости не останавливали корыстолюбцевъ, тѣмъ болѣе, что такіе люди, какъ Массена, Брюнь, Ожеро, «эти неустрашимые грабители», по выраженію Наполеона ³⁾, служили имъ примѣромъ и прикрывали ихъ своею властью. Только человекъ столь неподкупной честности, какъ Даву, могъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, а такіе люди, какъ пишетъ г. Ганнѣ, были рѣдкостью въ Великой арміи.

Какъ-бы то ни было, благодаря счастливой безпечности двадцати двухъ лѣтняго возраста, Бланъ не слишкомъ огорчался денежными затрудненіями и съ радостью отдавался своимъ занятіямъ, какъ вдругъ предписаніемъ высшаго начальства онъ былъ неожиданно переведенъ въ военный госпиталь въ Люнебургъ.

Въ письмѣ Блана къ отцу, написанномъ изъ Люнебурга, заключаются любопытныя подробности относительно образа жизни ганноверцевъ. «Не всегда возможно, писалъ онъ,—сообразоваться съ поговоркой *«quando Romae grīs, romanō vivito more»*. Напримѣръ, ты поймешь, что только съ трудомъ возможно свыкнуться съ правами ганноверцевъ, живущихъ, точно дикіе звѣри, въ жалкихъ хижанахъ-берлогахъ, неимѣющихъ печей. Дымъ преспокойно прогуливается среди нихъ и производитъ разрушеніе въ цвѣтѣ ихъ лица. Но это еще ничего: мужчины, свиньи, женщины, коровы, собаки, все это живетъ и спитъ въ перемежку подъ одной кровлей; зрѣлище по истинѣ восхитительное».

¹⁾ „Souvenirs militaires de la République et de l'Empire“, par le lieutenant général Berthézène.

²⁾ „Souvenirs militaires du colonel de Gonneville“.

³⁾ „Memorial de Sainte Hélène“, т. III стр. 279.

Подобныя-же отвратительныя условія жизни въ нѣкоторыхъ провинціяхъ старой Пруссіи отмѣчены въ письмахъ и другихъ французовъ-современниковъ. Такъ, напримѣръ, капитанъ Фаре писалъ въ 1807 году своей матери ⁴⁾: «Вспоминая похвалы, которыя расточалъ этой странѣ Ранбо, я сто разъ былъ готовъ послать его къ чорту, въ особенности, когда послѣ перехода въ десять или двѣнадцать лье, я, крайне усталый, попадалъ въ скверную мызу, дымъ изъ которой выходилъ черезъ крышу, и въ которой гуси, свиньи, крестьяне и мы были вынуждены ѣсть вмѣстѣ».

Однако Блану не было суждено засиживаться долго на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Онъ не пробылъ въ Люнебургѣ и двухъ недѣль какъ новое предписаніе начальства направило его въ Гамбургскій госпиталь. На этотъ разъ онъ явился въ Гамбургъ совершенно безъ денегъ и, подъ вліяніемъ крайней необходимости, рѣшился обратиться къ военному комиссару съ энергическою просьбою о выплатѣ ему жалованья. Его просьба была исполнена, но вмѣсто 120 франковъ ему дали только сорокъ два: остальное было удержано подъ предлогомъ, что онъ запоздалъ своимъ приѣздомъ въ Гамбургъ. Легко себѣ представить все отчаяніе Блана: тщетно онъ пытался объяснить свою невиновность, указывая на позднее полученіе дорожныхъ документовъ, на всѣ затрудненія, съ которыми ему пришлось столкнуться въ пути, никакіе его доводы не были приняты во вниманіе.

Тѣмъ временемъ разрывъ съ Россіей сдѣлался открытымъ, и французская армія, составленная изъ войскъ, говорившихъ на всѣхъ языкахъ Европы, постепенно приближалась къ Нѣману. Всѣ эти передвиженія войскъ, дѣятельность, обнаруженная Наполеономъ, ежедневные приказы, предписанія породили всюду лихорадочное напряженіе. Бланъ, подобно другимъ, заплатилъ ему свою дань. Несмотря на свой темпераментъ, казавшійся спокойнымъ и миролюбивымъ, онъ тоже сталъ предаваться грезамъ о славѣ. «Чтобы имѣть возможность достигнуть успѣха, нужна война, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ;—хорошее сраженіе, минута счастья, и нельзя знать, что можетъ произойти». Въ теченіе нѣкотораго времени онъ уже подумывалъ о томъ, какъ-бы оставить свое спокойное мѣсто въ Гамбургѣ и получить назначеніе въ дѣйствующую армію. Хотя его и отговаривали отъ этого намѣренія, указывая на крайне скверныя условія, среди которыхъ придется находиться, но онъ рѣшилъ, что въ арміи не можетъ быть хуже чѣмъ въ Гамбургѣ, и просилъ отца хлопотать за него.

Однако Блану не пришлось даже ожидать отвѣта на свое письмо: Наполеонъ предупредилъ его желаніе. Среди заботъ объ организаціи Великой арміи забота объ устройствѣ походныхъ госпиталей являлась

⁴⁾ Capitaine Faré „Lettres à sa mère“.

одною изъ главныхъ заботъ геніальнаго полководца. Чтобы удовлетворить ихъ потребности во врачахъ, приходилось брать ихъ всюду, гдѣ только представлялась возможность. Въ числѣ прочихъ врачей 32-й дивизіи Бланъ получилъ предписаніе отправиться къ главнымъ силамъ арміи, расположенной въ то время на Вислѣ, и 5-го іюня онъ выѣхалъ изъ Гамбурга, направляясь въ Торнъ.

Съ отъѣздомъ Блана изъ Гамбурга въ его перепискѣ съ отцомъ наступилъ мѣсячный перерывъ. Съ нимъ это случалось въ первый разъ, но читая въ его слѣдующемъ письмѣ о перипетіяхъ его путешествія, легко понять, что причины этого перерыва зависѣли не отъ его воли. Въ это время Нѣманъ былъ уже перейденъ, и «Наполеонъ, пишетъ г. Ганніе,—въ погонѣ за призракомъ, методически ускользавшимъ отъ его ударовъ, началъ углубляться въ холодную страну, гдѣ вскорѣ его счастье должно было рушиться, а его армія—погибнуть. Молодой врачъ чувствовалъ, какъ его пылъ возрасталъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались трудности пути. По словамъ его письма, онъ не зналъ, въ какомъ видѣ предстанетъ въ главную квартиру, такъ какъ всѣ его деньги были израсходованы, и онъ опасался, что ему не сразу выдадутъ его жалованье; но въ Эльбингѣ онъ увидѣлъ съ полсотни русскихъ плѣнныхъ и уже не сомнѣвался болѣе въ конечномъ успѣхѣ похода».

«Сегодня утромъ мы пріѣхали въ Эльбингъ, писалъ онъ 30-го іюня,—проѣхавъ часть Польши, которая, судя по тѣмъ образцамъ, которые имѣются у меня передъ глазами, не является прекраснѣйшей страной въ мірѣ. Ты понимаешь, что, послѣ путешествія въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, я долженъ чувствовать себя нѣсколько усталымъ, поэтому, я надѣюсь, ты простишь несвязность моихъ мыслей и небрежность моего слога и почерка...

«Мы покинули Гамбургъ въ пятницу 5-го іюля... До Берлина наше путешествіе было очень пріятно; дурно-ли, хорошо-ли, но все-таки можно было устраиваться. Но въ Берлинѣ произошла перемѣна. Военный комисаръ, безспорно, самый угрюмый человекъ, котораго когда-либо производила земля, отказалъ намъ въ средствахъ передвиженія. Приходилось рѣшиться или взвалить свой чемоданъ себѣ на плечи, или бросать его. Составивъ между собою военный совѣтъ, мы попросту сдали наши вещи въ кюстринскій длижансъ, и я, вспомнивъ свои прежніе подвиги, волей-неволей вынужденъ былъ отправиться въ путь пѣшкомъ вмѣстѣ съ двумя такими же несчастными, какъ я. Къ счастью, намъ пришлось сдѣлать пѣшкомъ только два перехода». Дальнѣйшее путешествіе удалось продолжать на жалкихъ крестьянскихъ клячахъ, но и тутъ судьба преслѣдовала несчастнаго Блана и его спутниковъ. Замученныя лошади отъ изнеможенія остановились въ дремучемъ лѣсу, и никакими средствами нельзя было заставить ихъ идти дальше. Чтобы дать имъ отдохнуть,*

шили отпречь ихъ. Сами путники, растянувшись на травѣ, невольно заснули, и каково было ихъ удивленіе, когда, проснувшись, они не увидѣли ни лошадей, ни крестьянъ, ничего—одна лишь телѣга съ ихъ вещами одиноко стояла посреди дороги. «Ты можешь представить себѣ наше затруднительное положеніе, писалъ Бланъ отцу. У насъ не было ничего съѣснago, а еще оставалось сдѣлать шесть лье; наши чемоданы, и безъ того тяжелые, казались еще болѣе тяжелыми отъ стоявшей невыносимой жары и составляли наше величайшее мученіе. Послѣ массы разныхъ попытокъ, одна бесполезнѣе другой, попробовавъ даже везти телѣгу на самихъ себѣ и испытавъ, къ несчастію, что мы еще болѣе россианты, чѣмъ крестьянскія лошади, мы уже начали приходить въ отчаяніе, когда появленіе ангела-хранителя вывело насъ изъ нашего затруднительнаго положенія. Мы увидѣли экипажъ, въ которомъ оказался польскій офицеръ, возвращавшійся въ свое отечество; онъ былъ такъ любезенъ, что оказалъ гостепріимство нашимъ чемоданамъ и поѣхалъ на столько тихо, чтобы мы могли послѣдовать за нимъ пѣшкомъ. Такимъ образомъ завершилось это великое событіе».

Понятно, что при подобныхъ средствахъ передвиженія Бланъ могъ подвигаться впередъ только съ крайней медленностью. Къ счастью для него, изъ Эльбинга оказалось возможнымъ попасть въ Кенигсбергъ моремъ, на купеческомъ суднѣ, и, приѣхавъ туда 2-го іюля, онъ писалъ отцу изъ Кенигсберга: «эту столицу старой Пруссіи нельзя и сравнивать съ Берлиномъ, являющимся поистинѣ однимъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ, когда-либо видѣнныхъ мною, какъ вслѣдствіе правильности, съ которою онъ построенъ, такъ и по имѣющимся въ немъ памятникамъ».

«Теперь мы находимся въ Кенигсбергѣ, и я не знаю, когда мы уѣдемъ изъ этого города. Намъ все еще отказываютъ въ средствахъ передвиженія. Мнѣ кажется, что придется прибѣгнуть къ помощи нашихъ ногъ. Говорятъ, что главная квартира находится отсюда приблизительно въ ста лье; если она постоянно будетъ передвигаться, мы достигнемъ ее только въ Петербургѣ. Одно, въ чемъ я увѣренъ, это то, что 22-го іюня она была въ Вильковишкахъ, такъ какъ въ Эльбингѣ я видѣлъ прокламацію его величества императора, помѣченную этой деревней. Она до того прекрасна, что я почти выучилъ ее наизусть».

«Когда слышишь подобныя рѣчи, то не можешь не чувствовать себя наэлектризованнымъ, и русскимъ нелегко придется, если принять также во вниманіе и храбрость французовъ, и громадныя силы, которыми мы располагаемъ. Дороги загромождены пушками, фурами, войсками. Обозы до того многочисленны, что не могутъ двигаться за неимѣніемъ лошадей».

«Мы идемъ пѣшкомъ, и намъ остается еще сдѣлать сто лье, прежде, чѣмъ мы перейдемъ Нѣманъ и будемъ на непріятельской территоріи».

Среди величайшихъ затрудненій и нужды, которыя онъ старался скрыть отъ своего отца, но которыя чувствуются подъ неестественно-шутливымъ тономъ его писемъ, онъ добрался до Вильны 12-го сентября. Вильна, какъ извѣстно, съ самаго начала похода была избрана Наполеономъ для устройства въ ней главнаго депо, и императоръ приказалъ перенести туда громадныя запасы продовольствія, сосредоточенныя до того въ Кенигсбергъ, Эльбингъ и Данцигъ. Въ Вильнѣ же были сосредоточены безчисленныя вспомогательныя службы Великой арміи: *ordonnateurs, inspecteurs aux revues, commissaires des guerres*, госпитальная часть, доктора, хирурги и фармацевты, продовольственная часть со всѣми своими развѣтвленіями и т. п. «Когда князь Невшательскій произвелъ имъ смотръ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ генераль Фезензакъ,—то издали ихъ можно было принять за войска, построенныя въ боевомъ порядкѣ, а между тѣмъ, въ силу несчастныхъ роковыхъ обстоятельствъ, весь этотъ многочисленный составъ администраціи оказался почти бесполезенъ съ начала похода и сдѣлался вреденъ въ концѣ его».

На другой-же день послѣ пріѣзда въ Вильну Бланъ писалъ своему отцу: «Когда среди пустынь и степей Польши, безъ денегъ и не пользуясь лучшимъ въ мірѣ столомъ, я съ легкимъ сердцемъ проходилъ пѣшкомъ двѣсти лье, чтобы добраться до главной квартиры, меня поддерживала надежда, что въ концѣ моего пути меня ждетъ вознагражденіе. Но все повернулось противъ меня.

«Я не знаю, слѣдуетъ-ли мнѣ продолжать обозначать тебѣ мой маршрутъ. Болѣе чѣмъ варварскія названія мѣстностей, по которымъ я проходилъ, несчастія, испытанныя и перенесенныя мною съ чисто стоической философій, не такого свойства, чтобы интересовать тебя. Твоя дружба ко мнѣ, встревоженная и постоянно безпокоющаяся, только создастъ тебѣ болѣе страшное представленіе о разныхъ мелкихъ невзгодахъ, съ которыми военному неизбѣжно приходится бороться; но, что дѣлать: для того, чтобы пожинать лавры, развѣ не нужно страдать? Къ тому же, побѣждая безъ опасности, торжествуешь безъ славы.

«Вотъ въ двухъ словахъ мое путешествіе до Вильны. Въ Тапіо я былъ вынужденъ бросить мой чемоданъ и большую часть вещей. Взваливъ оставшаеся платье на плечи, я цѣлый день шелъ по жгучему песку, чтобы къ вечеру добраться до зеленаго лѣса, предоставлявшаго въ наше распоряженіе свою сѣнь и землю, служившую намъ постелью и подушкой. Наконецъ, я перешелъ Нѣманъ у Ковно.

«Тамъ намъ говорятъ, что главная квартира еще находится въ Вильнѣ, въ тридцати лье. Я не въ силахъ болѣе сдерживать себя,

забываю всю усталость: черезъ два дня я уже тамъ. 18-го іюля я совершаю свой входъ въ столицу Польской Литвы. Мое сердце опережало меня. Я навожу справки и узнаю объ отъѣздѣ всей императорской квартиры. Я остаюсь совершенно уничтоженнымъ... Я израсходовалъ то небольшое количество денегъ, которое оставалось у меня, и былъ лишенъ возможности идти дальше. Къ счастью, Мангэнъ, главный хирургъ, прикомандировалъ меня къ мѣстному госпиталю; въ томъ положеніи, въ которомъ я находился, это являлось милостью...

«Успокойся, лучший изъ отцовъ! Несчастія, рассказы о которыхъ могъ бы огорчить тебя, уже прошли какъ сонъ. Теперь я счастливъ, находясь въ 600 лье отъ родины, вдали отъ всего наиболѣе дорогаго для меня, заброшенный въ чужую и враждебную страну. Я только что получилъ двѣсти франковъ содержанія за іюль и августъ. Благодаря этому я могъ оправиться нѣсколько и принять мѣры предосторожности противъ суровости зимы, которая, судя по холоду, который стоитъ теперь, должна быть ужасна въ этихъ краяхъ...

«Прежде чѣмъ дать тебѣ представленіе о жизни, которую я веду въ Вильнѣ, не лишнее, чтобы я познакомилъ тебя съ этимъ городомъ. Вильна—городъ большой, красивый, построенный среди песковъ пустыни. Это жемчужина въ кучѣ новоза. Улицы проведены въ струнку, дома изъ плитняка; есть нѣсколько превосходныхъ зданій; здѣсь имѣется театральнй залъ. Есть довольно порядочные кафе и довольно хорошіе рестораторы, но цѣны на все чрезмѣрныя. Евреи, составляющіе три четверти населенія, крайне полезны иностранцамъ, потому что въ ихъ рукахъ находятся почти все отрасли торговли...

«Я поселился съ однимъ своимъ товарищемъ. У насъ двѣ комнаты въ первомъ этажѣ и кухня. Такъ какъ рестораны очень дороги и поэтому приступъ къ нимъ возможенъ для насъ только по воскресеніямъ, то мы взяли итальянскаго сапера, находившагося въ госпиталѣ, и превратили его въ нашего метръ д'отеля. Дурно-ли, хорошо-ли, но онъ справляется со своей задачей, и съ теченіемъ времени и при добромъ желаніи удастся добиться чего-нибудь.

«Наши хозяева—поляки въ полномъ смыслѣ слова, т. е. скупы, но тѣмъ не менѣе довольно честны по отношенію къ намъ; они являются таковыми лишь съ тѣхъ поръ, какъ мы освоились съ ихъ манерой вести себя, т. е. когда узнали, что съ ними нужно обращаться по военному. Съ этого времени они утратили свою грубость, и мы большую часть вечера проводимъ въ ихъ обществѣ.

«Ты, повидимому желалъ имѣть мой портретъ; ты не повѣришь, какъ мнѣ было досадно, что я не могъ удовлетворить твоему желанію рань-

ше. Я нашелъ въ Вильнѣ голландскаго художника, иногда схватывающаго сходство, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать что нибудь, что могло-бы быть пріятно для тебя. Я не смѣю требовать раг рагі referitur, потому что знаю твое отвращеніе къ писанію съ тебя портретовъ. Я завидую судьбѣ своего портрета; вскорѣ онъ увидитъ отеческій кровъ.

P. S. Въ день тезоименитства его величества императора и императрицы здѣсь были устроены иллюминація, фейерверкъ. Сегодня утромъ стрѣляли изъ пушекъ. Я думаю, что это по случаю взятія Москвы. *Vivat!*»

Это письмо пришло въ Парижъ въ то время, когда по Франціи стали распространяться самыя тревожныя слухи о положеніи въ Россіи французской арміи. Мало-по-малу робкія догадки подтвердились, опасенія усилились и, наконецъ, Франція, униженная, пораженная, испуганная, узнала, когда всякія сомнѣнія уже стали невозможны, что изъ арміи въ 500.000 человекъ, торжественно перешедшей Нѣманъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, осталось не болѣе нѣсколькихъ сотенъ людей, истощенныхъ, голыхъ, изувѣченныхъ, умирающихъ отъ голода и холода.

«Изъ тысячъ семей, имѣвшихъ тамъ сына, отца, мужа, каждая хотѣла надѣяться, что тотъ, котораго она ждала, находится въ числѣ уцѣлѣвшихъ; но неумолимая дѣйствительность не замедлила обратить въ ничто всѣ расчеты встревоженной отчаяніемъ любви.

«И такъ какъ горе отказывается иногда замѣчать самую наглядную очевидность и ухищряется придавать реальный обликъ самымъ несбыточнымъ надеждамъ; находились люди, думавшіе, что сибирскія тюрьмы заключаютъ въ себѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ несчастныхъ, и что рано или поздно, въ одинъ прекрасный день, онѣ выпустятъ ихъ на свободу и именно тогда, когда уже будетъ утрачена всякая надежда увидѣть ихъ. Былъ ли Сократъ Бланъ изъ числа этихъ упорныхъ скептиковъ? Можетъ быть. Однако, когда 1813 годъ миновалъ, когда окончательное паденіе Наполеона возвратило Европѣ миръ, когда иностранныя крѣпости раскрылись передъ несчастными, содержащимися въ нихъ подъ различными предлогами, поневолѣ приходилось убѣдиться, что послѣдняя надежда исчезла, и что тѣ, которыхъ упорно ожидали увидѣть, спали своимъ, отъ котораго не просыпаются. Такимъ образомъ смерть Сократа Блана стала плачевной истиной, относительно которой не было позволено предаваться болѣе какой бы то ни было иллюзіи. Ни одна изъ попытокъ, сдѣланныхъ его отцомъ, не привела ни къ малѣйшему разъясненію судьбы, постигшей юнаго врача.

«Отъ этого ребенка, говорить г. Ганніе, полнаго надеждъ и сердечной чуткости, поклянувшаго Парижъ мечтая войти побѣдителемъ въ Кон-

стантинполь, сохранились нынѣ лишь одно воспоминаніе и нѣсколько пожелтѣвшихъ отъ времени писемъ, свято хранимыхъ семьею. Эта переписка имѣетъ то достоинство, что показываетъ намъ, до какой степени военное управленіе въ эпоху первой имперіи оставляло желать многого, какой беспорядокъ, какой плачевный хаосъ царилъ въ вспомогательныхъ частяхъ арміи, гдѣ каждый дѣйствовалъ по своему желавію, попирая по произволу законъ, часто требованія самой обыденной справедливости. Такимъ образомъ эти письма являются интересными историческими документами и, какъ таковыя, заслуживаютъ быть спасенными отъ забвенія. Помимо того, какъ намъ кажется, они цѣнны и въ другомъ отношеніи: они воскрешаютъ въ памяти одного изъ тѣхъ скромныхъ героевъ, которыми во всѣ времена кишѣли арміи, личностями тѣмъ болѣе симпатичными, что они жили, служили, умерли, не зная своей собственной цѣны.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.





Изъ архива А. М. Римскаго-Корсакова.

1.

Иисьма Л. Л. Беннигсена къ Римскому-Корсакову (1805—1807) ⁴⁾.

1.

15-го ноября 1805 г. Варшава.

В благополучно доѣхалъ сюда, дорогой генераль, несмотря на многочисленныя затрудненія, которыя мнѣ причинили рѣки. Вы уже знаете отчасти, что дѣла идутъ довольно плохо, что французы уже въ Вѣнѣ и что сильный ихъ корпусъ даже въ Никольсбургѣ, на поль-дорогѣ между Вѣной и Брюнномъ. Кутузовъ отступаетъ на соединеніе съ Буксгевденомъ; онъ перешелъ Дунай въ Кремсѣ и, будучи сильно преслѣдуемъ французскимъ корпусомъ подъ начальствомъ маршала Мортге, рѣшился атаковать послѣдняго 11-го числа новаго стилиа, что ему вполне удалось; французы потеряли 6.000 человекъ, 1 орла, 1 генерала, 3 полковниковъ, 1 подполковника, 36 офицеровъ и 2.000 нижнихъ чиновъ съ 5-ю пушками взяты въ плѣнъ. Но все это, говоря между нами, не болѣе какъ царапина, потому что я еще не представляю себѣ ясно, какимъ образомъ Кутузовъ соединится съ Буксгевденомъ, который только 2-го числа этого мѣсяца миновалъ Тропау. Взгляните немножко на карту, чтобы уяснить себѣ положеніе этихъ двухъ генераловъ при условіи прибытія французовъ къ Никольсбургу. Государь былъ въ Дрезденѣ, откуда онъ долженъ отправиться къ императору австрійскому. Если-бъ пруссаки дѣйствовали какъ слѣдуетъ, какую могли бы они (взгляните еще разъ на карту), сдѣлать

⁴⁾ Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ въ 1805 году въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи былъ назначенъ командиромъ корпуса на прусской границѣ, потомъ получилъ начальство надъ резервной арміею въ западныхъ границахъ. Въ 1806 году онъ былъ назначенъ виленскимъ военнымъ губернаторомъ и начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ западныхъ губерніяхъ; въ этой должности онъ оставался до 1808 года, а затѣмъ былъ отчисленъ и оставался внѣ службы до 1812 года.

Р е д.

диверсію, имѣя уже сосредоточенный сильный корпусъ въ Гофѣ; ни одинъ французъ не вернулся бы за Рейнъ... Но мнѣ кажется, что коалиція можетъ мало надѣяться на помощь съ этой стороны.

Теперь я хочу поговорить съ вами объ одномъ обстоятельстве, которое васъ интересуетъ, и о которомъ я только что послалъ донесеніе съ нарочнымъ къ государю: здѣсь въ Варшавѣ распространился слухъ, произведшій большую сенсацию въ обществѣ; утверждаютъ, что при Бонапартѣ состоятъ три поляка, а именно: Загонщикъ, Домбровский и третій Злобицкій или Грабинскій, которымъ онъ обѣщалъ 50.000 человекъ, чтобы занять Галицію, поднять тамъ возстаніе и проникнуть затѣмъ въ наши предѣлы...

Въ ту минуту, когда писалъ вамъ это письмо, явился фельдъегерь, привезшій высочайшій приказъ о назначеніи меня единственнымъ командующимъ армію. Генераль Михельсонъ долженъ сперва отправиться въ Брестъ, чтобы формировать тамъ резервную армію, и куда онъ въ настоящую минуту можетъ быть уже прибылъ. Въ то же время могу сообщить вамъ какъ новость объ одномъ дѣлѣ, которое имѣли опять наши войска—арьергардъ князя Багратіона. Находясь въ самомъ опасномъ положеніи, онъ пробился, взявъ еще въ плѣнъ 1.000 человекъ, за что получилъ чинъ генераль-лейтенанта и Георгіевскій крестъ второй степени. Черезъ день, или два послѣ этого дѣла неминуемо ожидали генеральнаго сраженія, въ надеждѣ, что первая колонна Буксгевдена уже соединилась съ Кутузовымъ. По новой организаціи корпусъ Буксгевдена подчиненъ Кутузову.

Рѣки оказываютъ ужасныя помѣхи, и только одна изъ моихъ колоннъ перешла Вислу. Прошлою ночью ледоходъ опять разрушилъ городской мостъ. Какъ только я буду въ состояніи сообщить вамъ что-нибудь хорошее, я пошлю вамъ нарочнаго, а пока примите увѣренія въ моей искренней дружбѣ.

2.

13-го декабря 1805 г. Бреславль.

Сколько верстъ между нами, мой дорогой другъ! Я отправляю въ эту минуту въ Гродно нарочнаго, чтобы оттуда послать съ эстафетой донесеніе государю. Кажется, новая гроза надвигается съ другой стороны, и Россія не можетъ не принять въ ней участія. Нѣтъ больше сомнѣній въ существованіи оборонительнаго и наступательнаго союза между Австріей и Франціей. Бонапартъ соглашается на вознагражденіе на счетъ Турціи первой державы за понесенныя ею потери; говорятъ о Босніи, Валахіи и Молдавіи. Бонапартъ обѣщаетъ 60.000 чело-

вѣкъ на случай, если кто-либо будетъ этому противиться. Я спрашиваю васъ—можетъ-ли Россія оставаться равнодушной? На основаніи вѣрныхъ свѣдѣній, которыя я имѣю и о которыхъ доношу въ своемъ рапортѣ государю, армія эрцгерцога Карла остается сосредоточенной; австрійцы производятъ съ возможной поспѣшностью наборъ рекрутъ и покупаютъ лошадей для артиллеріи.

Со дня на день ожидаю приказанія, чтобы возвратиться.

3.

15-го (27-го) декабря 1805 г. Бреславль.

Не имѣю сообщить вамъ ничего интереснаго, дорогой генералъ, со времени моего послѣдняго письма, а между тѣмъ не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ нѣсколько словъ, пользуясь случаемъ отправленія донесеній государю, съ полковникомъ Рейковымъ.

Король прусскій съ удовольствіемъ принялъ меня подъ свое начальство; онъ пожелалъ выразить это въ своемъ отвѣтномъ письмѣ на мой первый рапортъ. Согласно его одобренія мои войска расквартированы такъ: генералъ Эссенъ съ тремя первыми колоннами—въ окрестностяхъ Оппельна и Нейсе, 4-я и 5-я колонны—близъ Бреславля, а 6-я, 7-я и 8-я—въ Калишскомъ уѣздѣ, въ Волау. Я пробылъ нѣсколько дней въ Глацѣ, чтобы, согласно приказанія короля, переговорить съ его генералъ-лейтенантомъ Гравертомъ, командующимъ прусскими войсками въ Силезіи. Мы согласились съ нимъ о планѣ дѣйствій, на случай наступленія корсиканца въ Силезію, такъ какъ есть предположеніе, что онъ намѣренъ это сдѣлать, въ случаѣ вмѣшательства прусскаго короля въ распрю. Но что можетъ легче всего привести насъ къ войнѣ, такъ это требованіе прусскаго короля, чтобы французы непременно очистили Гановерь. Этотъ искатель приключеній, Бонапартъ, объ этомъ и слышать не хочетъ.

Пришлите же мнѣ вѣсти изъ Россіи, такъ какъ, увѣряю васъ, мы здѣсь ничего не знаемъ, и вѣрьте моей всегдашней къ вамъ дружбѣ.

4.

23-го декабря 1805 г. Бреславль.

Я пользуюсь случаемъ, дорогой генералъ, отправляя моего адъютанта Лейзара въ С.-Петербургъ, чтобы написать вамъ нѣсколько словъ

и пожаловаться на то, что вы меня совершенно забыли, такъ какъ со-всѣмъ мнѣ не пишете. Вслѣдствіе этого я живу въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что у васъ дѣлается. Напишите же мнѣ, прошу васъ. Сда-вайте ваши письма на почту, и они будутъ аккуратно доставляться. Сообщите мнѣ прежде всего, подвинулись ли вы съ формироваціемъ но-выхъ полковъ, и вообще, что у васъ дѣлается. Блестящій ли зимній сезонъ въ Вильнѣ?

Новости, которыя могу вамъ сообщить, довольно кратки. Миръ между Австріей и бѣшеннымъ корсиканцемъ еще не заключенъ, а прусскій король послалъ къ послѣднему генерала Пфуля съ ультима-тумомъ. Отъ результатовъ этой миссіи зависить война и миръ. Въ по-слѣднемъ случаѣ я не замедлю вернуться въ Закреть *) и имѣть удо-вольствіе васъ опять увидѣть.

Пока мы чувствуемъ себя здѣсь довольно хорошо. Прусскій король написалъ своему здѣшнему министру графу Гойму о своемъ желаніи, чтобы русскимъ войскамъ было хорошо въ Силезіи, и чтобы они ни въ чемъ не нуждались. Въ виду сего я не могу достаточно нахвалиться всѣмъ, что для насъ дѣлають. Здѣсь, въ Бреславлѣ намъ задають не переставая обѣды, вечера и балы. Въ этомъ городѣ 62.000 жителей и много настоящей аристократіи; въ особенности хорошъ театръ; есть прекрасные пѣвцы и пѣвицы. Вотъ приблизительно все, что могу вамъ рассказать сегодня.

5.

Декабрь, 1805 г. Бреславль.

Чтобы быть вѣрнымъ своему слову, увѣдомляю васъ, что здѣсь только что получено официальное извѣщеніе о томъ, что миръ между Австріей и Франціей заключенъ. Первая уступаетъ Венецію, Ти-роль и Богъ знаетъ что еще. Мы ожидаемъ съ каждымъ часомъ извѣ-стія о ратификаціи; за нимъ послѣдуетъ, конечно, вскорѣ соглашеніе между Пруссіей и Франціей, и тогда всякій изъ насъ возвратится во-свояси, какъ наприимѣръ я—въ Закреть.

Письма изъ Вильны сообщаютъ мнѣ, что тамъ совершается много пакостей. Я удивляюсь, что никто не пожалуется въ Петербургъ, что, однако, должно въ концѣ-концовъ случиться.

Не кончилъ письма, какъ получилъ извѣстіе, сводящееся къ тому, что болѣе нечего сомнѣваться въ общемъ мирѣ на всемъ континентѣ.

*) Закреть—имѣніе Беннигсена, расположенное близъ г. Вильны.

Господинъ Бонапартъ между прочимъ требуетъ, чтобы русскія войска возвратились къ себѣ, а король прусскій долженъ занять ГанOVERь. Въ такомъ случаѣ я надѣюсь васъ увидѣть въ концѣ февраля; поэтому я прошу, чтобы въ Закретѣ топили комнаты каждые два дня, ибо мы направимся прямо туда. Надѣюсь, что мы проведемъ вмѣстѣ еще нѣкоторое время.

Мы готовимся дать 13-го января большой балъ здѣсь, въ домѣ казино, по случаю дня рожденія государыни. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы принять у себя все общество, оказывающее намъ столько вниманія.

6.

19-го января 1806 г. Бреславль.

Наконецъ-то могу сообщить вамъ, дорогой генералъ, о своемъ отъѣздѣ отсюда. Два дня тому назадъ я получилъ отъ прусскаго короля письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ меня, что поладилъ съ Франціей; онъ предварительно занимаетъ ГанOVERь и предписываетъ мнѣ возвратиться съ моимъ корпусомъ въ Россію. Его величество пишетъ въ то же время своему здѣшнему министру графу Гойму, что онъ приглашаетъ меня проѣхать черезъ Берлинъ, желая лично со мной познакомиться. Вы понимаете, конечно, что я не посмѣлъ отказать. Жена будетъ меня сопровождать, и думаю выѣхать отсюда 27-го или 28-го этого мѣсяца, т. е. какъ только двину походомъ войска. Останусь въ Берлинѣ шесть дней и такимъ образомъ въ послѣднихъ числахъ февраля или первыхъ марта переѣду нашу границу и не замедлю прибыть въ Вильну по многимъ причинамъ, такъ какъ мнѣ отлично извѣстны всѣ гадости, которыя тамъ дѣлаются. Пора уже покончить съ этимъ.

Вы совершенно правы, что если погода въ Вильнѣ будетъ плохая, послѣ нашего пріѣзда туда, то намъ будетъ неудобно жить въ Закретѣ. Но мы также не хотѣли бы васъ стѣснять иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ было бы очень пріятно жить съ вами въ одномъ домѣ. Если ваше пребываніе въ Вильнѣ продолжится, какъ мы того желаемъ, то во имя нашей дружбы прошу васъ располагать въ Закретѣ столькими комнатами, сколько вамъ нужно.

7.

28-го января 1806 г. Бреславль.

Рекомендую вамъ сегодня, мой дорогой другъ, моего брата, который состоитъ полковникомъ англійской службы и адъютантомъ принца

Уэльскаго. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ; ему приказано говорить, что, совершая это путешествіе ради свиданія со мною, онъ пожелалъ воспользоваться случаемъ увидѣть нашу столицу. Онъ останется нѣкоторое время въ Петербургѣ, а затѣмъ возвратится въ Лондонъ. Вы можете себѣ представить, какой пріятный сюрпризъ онъ мнѣ сдѣлалъ. Лакей доложилъ мнѣ, что какой-то иностранецъ хочетъ со мною говорить. Я приказываю его ввести и послѣ перваго привѣтствія спрашиваю, что ему отъ меня нужно. Онъ засмѣялся и въ свою очередь спросилъ меня, не узнаю-ли я его. Я сказалъ ему, что мнѣ кажется никогда не имѣлъ удовольствія его видѣть, а когда онъ началъ меня увѣрять, что онъ мой братъ, я не зналъ долженъ ли былъ ему повѣрять. Будьте такъ любезны, дорогой генераль, помогите ему въ путешествіи. У него огромная карета принца Уэльскаго; если зима снѣжная, то ему трудно будетъ ею пользоваться въ дальнѣйшемъ пути, а въ такомъ случаѣ онъ можетъ взять довольно хорошія сани, которыя я оставилъ въ Вильнѣ. Во всякомъ случаѣ будьте добры, не оставьте его своими совѣтами и содѣйствіемъ. Во вторникъ я ѣду въ Берлинъ, а войска двинутся въ походъ. Я пробуду тамъ самое большое недѣлю и затѣмъ поѣду на почтовыхъ до Варшавы. Такимъ образомъ я не замедлю прибыть въ Литву.

Тысячу комплиментовъ отъ моей жены и проч.

8.

29-го января 1806 г. Бреславль.

Пишу два слова, чтобы увѣдомить васъ, что вы не получите больше отъ меня писемъ изъ Бреславля. Завтра мы выѣзжаемъ въ Берлинъ. войска выступаютъ въ Россію. Посылаю вамъ при семъ копію послѣдняго письма, полученнаго мною отъ короля прусскаго, въ которомъ онъ очень любезно приглашаетъ меня пріѣхать въ Берлинъ.

Письмо короля Фридриха-Вильгельма генералу Биннисену.

Высокорожденный, особенно дорогой господинъ генераль!

Хотя мнѣ было бы очень пріятно самому повидать ввѣренныя вамъ войска, но обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого сдѣлать. Поэтому я желаю, чтобы вы были столь любезны захватить сюда къ намъ, передъ своимъ возвращеніемъ на родину, какъ только вы исполните необхо-

димыя распоряженія для марша вашихъ войскъ, когда ваше присутствіе при ввѣренномъ вамъ корпусѣ не будетъ столь необходимо. Приглашая васъ сюда официально, мнѣ доставитъ особенное удовольствіе лично отблагодарить васъ за оказанное доброжеланіе и еще разъ повторить на словахъ увѣренія въ превосходномъ уваженіи.

Фридрихъ-Вильгельмъ.

3-го февраля 1806 г. Берлинъ.

Россійско-императорскому генералу-отъ-кавалеріи Беннигсену.

9.

12-го февраля 1806 г. Берлинъ.

Я обѣщался написать вамъ, дорогой генералъ, еще одинъ разъ до переѣзда черезъ нашу границу. Съ удовольствіемъ исполняю это, ибо люблю бесѣдовать съ вами. Мы уже десять дней въ Берлинѣ и остались бы тутъ еще долго, если бы то позволили мнѣ обстоятельства, но мы выѣзжаемъ 15-го въ почтовой каретѣ прямо въ Гродно, останавливаясь только на два или три дня въ Варшавѣ и на одинъ—въ Вѣлостокѣ. Черезъ два дня по моему приѣздѣ сюда его величество король благоволилъ пожаловать мнѣ знаки ордена Чернаго Орла. Остальное сообщу на словахъ.

Бонапартъ производитъ постоянно демонстраціи, которыя, конечно, не способствуютъ успокоенію Европы, и Богъ знаетъ, что еще изъ всего этого выйдетъ.

Жена поручаетъ мнѣ привѣтствовать васъ отъ нея. Прощайте, дорогой генералъ; я надѣюсь увидѣть васъ въ Вильнѣ довольнымъ и здоровымъ.

10.

22-го февраля 1806 г. Гродно.

Очень обязанъ, дорогой генералъ, за ваше дружественное письмо, доставленное мнѣ Горномъ, который будетъ имѣть честь вручить вамъ настоящее. Рекомендую вамъ этого отличнаго человѣка.

Я немного нездоровъ сегодня и не выхожу изъ комнаты. Впрочемъ, надѣюсь, что это не болѣе какъ лихорадка вслѣдствіе насморка, и что это не помѣшаетъ мнѣ имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Вильнѣ, въ концѣ будущей недѣли. Извините за краткость сегодняшнихъ строкъ, потому что у меня страшная головная боль; прибавлю лишь увѣреніе въ моей сердечной привязанности.

11.

9-го іюня 1806 г. Межибужье.

Я сдерживаю свое слово, давая вамъ извѣстіе о себѣ и о томъ, что здѣсь дѣлается. Сообщите же мнѣ о себѣ и о томъ, что творится у васъ, потому что мы живемъ въ такомъ углу, гдѣ существуетъ полное невѣдѣніе о всемъ томъ, что происходитъ среди большаго свѣта.

Мы прибыли сюда довольно счастливо 5-го числа по Тинской дорогѣ, которую никому не рекомендую, такъ какъ невозможно себѣ представить, что значить гати и мосты въ болотахъ этого края, въ коихъ я не желалъ бы лежать даже въ гробу.

Третьяго дня полки 9-й дивизіи, составляющей мою первую линію, получили приказъ быть готовыми къ выступленію, на основаніи приказаній государя, переданныхъ Михельсону военнымъ министромъ. Куда именно должна двинуться эта единственная дивизія — составляетъ для меня еще загадку, хотя во всякомъ случаѣ ссора съ турками, кажется, довольно близка. Вчера былъ у меня генералъ Эссенъ и сообщилъ послѣднія совершенно свѣжія извѣстія о туркахъ, которыя довольно немиролюбивы: они дѣлаютъ большія приготовленія для сосредоточенія значительныхъ силъ въ Русукѣ; то же самое въ отношеніи всѣхъ крѣпостей по Дунаю и Днѣстру. Прибавлю отъ себя, лишь бы не дали времени присоединиться къ нимъ и французамъ. Можетъ быть завтра узнаю еще что-нибудь, такъ какъ предполагаю сдѣлать визитъ генералу Михельсону.

Когда будете мнѣ писать, не забудьте приложить письмо Дюмурье, которое я забылъ захватить.

12.

9-го октября 1806 г. Гродно.

Вы уже знаете, дорогой генералъ, о моемъ прибытіи въ Гродно. Недостатокъ времени не позволилъ мнѣ самому увѣдомить васъ объ этомъ. Въ чемъ вообще дѣло, вы также уже знаете, а равно, что я выступаю отсюда съ четырьмя дивизіями, почти по тому же направленію, какъ и въ прошломъ году. И въ настоящую минуту я опять опоздаю, такъ какъ предполагаютъ, что на этихъ дняхъ должно произойти генеральное сраженіе между пруссаками и французами. Я буду имѣть удовольствіе еще разъ видѣться съ вами, такъ какъ неминуемо отправлюсь на нѣсколько дней въ Вильну, когда прибудетъ курьеръ отъ государя, коего ожидаю съ часа на часъ.

Моя жена еще не доѣхала, но я ожидаю, что она прибудетъ завтра или послѣ завтра въ деревню, къ своимъ роднымъ.

P. S. Въ эту минуту ко мнѣ вошелъ Горнъ и передалъ ваше дружественное письмо, за которое сердечно васъ благодарю. Въ концѣ будущей недѣли буду имѣть удовольствіе видѣть васъ два дня въ Вильнѣ. Смѣю просить васъ, дорогой, переслать прилагаемое письмо въ Закреть.

13.

7-го декабря 1806 г., Пултускъ.

Моя позиція, дорогой генераль, все та же, которую я обозначилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Я нахожусь съ главными силами за Наревомъ и Орцикомъ; я выслалъ сильный отрядъ къ Плоцку, на Вислу, и одинъ корпусъ—въ Прагу. Маршалъ Даву занялъ четыре дня тому назадъ Познань, откуда онъ двигается къ Варшавѣ. Если онъ мнѣ дастъ время, то я перейду Вислу и двинусь ему навстрѣчу, но думаю, что онъ предупредитъ меня. Вчера я возвратился изъ Варшавы, пруссаки потеряли тамъ голову, а поляки радуются въ надеждѣ, что къ нимъ скоро придутъ французы.

Но чтѣ значить, что вы мнѣ не пишете ни одного слова. Вы даже не сообщили мнѣ послѣ моего отъѣзда изъ Вильны о томъ, что вы сдѣлали для совѣтниковъ. Я знаю образъ вашихъ мыслей, а потому думаю, для васъ не безразлично, что какой-то Рикманъ осмѣливается обманывать столь недостойнымъ образомъ государя! Скажите же мнѣ, ради Бога, чтѣ вы сдѣлали и какъ поступили съ моимъ письмомъ. Прощайте, дорогой другъ. Будьте здоровы и будьте увѣрены, что мое положеніе не всегда столь блестяще, какъ это кажется.

14.

10-го декабря 1806 г., Пултускъ.

Можно предположить, что французы подъ начальствомъ маршала Ланна перейдутъ Вислу, между Грауденцомъ и Торномъ, и будутъ наступать прямо на Сольдау, чтобы отрѣзать меня отъ короля; но я ихъ предупреждаю: двигаю туда сегодня генерала Сакена съ его дивизіей, а самъ направлюсь впередъ съ остальными силами, принимая вправо. Моя главная квартира будетъ послѣзавтра въ Цехановѣ. Фран-

пузы постоянно двигаются другою колонною къ Варшавѣ; ихъ аванпосты уже въ Ловичѣ; я оставлю его, какъ только они сосредоточатъ значительныя силы.

Его величество г-нъ Бонапартъ валяется еще какъ свинья въ королевскихъ комнатахъ Шарлоттенбурга, и можно ли повѣрить тому, что это животное имѣло дерзость водвориться въ аппаратахъ Фридриха II, въ Сансуси!

Вотъ все, что могу рассказать вамъ сегодня, но скажите мнѣ также, что сдѣлали вы съ нашими совѣтниками. Зная вашъ образъ мыслей, я считаю невозможнымъ, чтобы вы оставались равнодушнымъ. Каждый слуга государя обязанъ сказать ему, когда какой-нибудь подлецъ его обманываетъ. Скажите мнѣ хоть слово объ этомъ дѣлѣ. Но мнѣ кажется, чего Боже сохрани, вы рѣшили больше не писать мнѣ совѣмъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Вильны, не имѣю отъ васъ не единого слова. Тѣмъ не менѣе остаюсь преданнымъ вамъ сердцемъ и душою.

15.

12-го декабря 1806 г., Пултускъ.

Я получилъ наконецъ сразу два вашихъ письма, дорогой генералъ. Скажу вамъ въ двухъ словахъ только самое существенное. Наши легкія войска имѣли уже два дѣла, окончившіяся въ нашу пользу. Французы были отброшены, и между плѣнными мы имѣемъ одного офицера. Съ нашей стороны ранены одинъ казакъ и одна лошадь. Сегодня сюда, въ Пултускъ, прибудетъ прусскій король; онъ держится вѣсколько на второмъ планѣ и предоставляетъ мнѣ командованіе его арміей. Французы наступаютъ въ значительныхъ силахъ на Южную Пруссію; они уже пытались форсировать Вислу, но до сихъ поръ безуспѣшно. Послѣ отъѣзда короля я прежде всего передвину свою главную квартиру ближе къ Вислѣ и сосредоточу свои войска совмѣстно съ прусскими. Прощайте, дорогой другъ. Я буду постоянно напоминать вамъ о моихъ совѣтникахъ, до тѣхъ поръ, пока вы не черкнете словечко о своемъ заступничествѣ, которое вы должны имъ оказать. Вы легко могли бы написать государю и представить ему мое письмо, написанное официально. Будьте и впредь моимъ другомъ, какъ я вашъ Беннигсенъ.

Р. S. Генералъ Келеръ получилъ отпускъ, а генералъ Калькреатъ получить отставку, будучи дѣйствительно настолько боленъ, что лишенъ возможности служить.

16.

16 го декабря 1806 г.

Получите, дорогой генералъ, печальную новость, что французы вступили вчера въ Варшаву послѣ небольшой аванпостной стычки. 14-го числа я вывелъ изъ города всѣ наши войска, а также прусскій гарнизонъ, послѣ чего разрушилъ мостъ. Все было совершенно въ порядкѣ; мы потеряли изъ отряда въ 40 человекъ 4-хъ убитыми и 5 ранеными. Между тѣмъ передовой французскій корпусъ въ нѣсколько тысячъ человекъ простоялъ въ ружьѣ цѣлую ночь передъ нашей арміей изъ сорока человекъ. Что будетъ послѣ всего этого — не знаю, но я подготовилъ все для отступленія навстрѣчу Буксгевдену. Я далъ то же направленіе прусскимъ войскамъ, которыя ко мнѣ присоединятся. Я не сказалъ еще вамъ, что прусскій король былъ здѣсь и утвердилъ меня въ командованіи своихъ войскъ съ полнымъ правомъ распоряжаться ими по моему усмотрѣнію.

Простите, дорогой, что не пишу вамъ больше, но увѣряю, что у меня нѣтъ времени; не оставьте меня своей дружбой.

P. S. Въ эту минуту получилъ ваше письмо отъ Васлея. Буду, конечно, о немъ заботиться. Тысячу благодарностей также за то, что вы уже сдѣлали для совѣтниковъ. Я достаточно знаю вашъ характеръ и вашъ образъ мыслей, чтобы въ чемъ-нибудь сомнѣваться. Прошу также и въ будущемъ не оставить этихъ людей вашей протекціей, безъ коей они неминуемо погибнутъ.

17.

23-го декабря 1806 г., Новогродъ.

Несмотря на мое желаніе доставить именно вамъ специально свѣдѣнія и подробности о военныхъ дѣйствіяхъ, я не имѣлъ возможности до сихъ поръ этого сдѣлать, но вы уже знаете изъ копія моей реляціи, которую я далъ г-ну Ванильену для показыванія въ Литвѣ, объ успѣхѣ, одержанномъ мною надъ непріателемъ подъ городомъ Пултускомъ. Послѣ того я узналъ отъ плѣнныхъ, что это сраженіе обошлось французамъ гораздо дороже, нежели я то сперва предполагалъ: они, должно быть, потеряли около 10.000 человекъ и трехъ генераловъ. Что дѣлаетъ такое предположеніе правдоподобнымъ, такъ это то, что со дня Пултуска ни одинъ французъ больше не показывается.

Мнѣ столь же трудно описать, какъ и вашему превосходительству

*

понять тотъ безпорядокъ, который всюду распространилъ фельдмаршалъ ¹⁾). Армія была настолько дезорганизована, что теперь очень трудно этому помочь. Поведеніе фельдмаршала вообще непонятно, а особенно для того, кто думалъ найти въ немъ столько же силы характера, сколько таланта. Онъ доказалъ, что не обладаетъ ни тѣмъ, ни другимъ. Передвинувъ и измѣнивъ позиціи нѣсколькихъ полковъ, онъ бросилъ командованіе въ первую же минуту, когда наши аванпосты, атакованные много превосходными силами, были принуждены отступить. Онъ приказалъ генералу Буксгевдену бросить все и отступить за нашу границу, и самъ бросилъ армію. Генералъ Буксгевденъ, наступавшій со всѣми своими силами, чтобы придти ко мнѣ на помощь, находясь отъ меня всего въ семи верстахъ, къ несчастію, вслѣдствіе подобнаго совѣта, предположилъ, что моя армія совершенно разбита и опрокинута. Онъ остановился какъ разъ въ ту минуту, когда могъ еще присоединиться ко мнѣ въ теченіе самаго дня сраженія; конечно, не будь этого обстоятельства, день Пултуска получилъ бы гораздо большее значеніе, можетъ быть, рѣшающее для цѣлой Европы.

Теперь Бонапартъ находится въ Пултускѣ, а я надѣюсь, по окончаніи пополненія необходимыхъ запасовъ, въ непродолжительномъ времени прислать вамъ хорошія вѣсти. Прощайте, дорогой; я такъ боюсь, что не знаю, буду ли въ состояніи пробыть въ арміи еще 24 часа.

18.

26-го декабря 1806 г., Гродно.

Дорогой генералъ, вотъ новости, которыя имѣю сообщить: прусскій король стоитъ со своей арміей по сю сторону Одера: правое крыло противъ Штетина, лѣвое опирается на Кюстрия; онъ стягиваетъ сюда всѣ свои силы. Бонапартъ стоитъ напротивъ, по другую сторону Одера. Маршалъ Даву былъ во Франкфуртѣ для исправленія моста, который разрушенъ пруссаками; онъ долженъ былъ наступать на Познань и Варшаву и, по предполагаемому расчету—4 мили въ день хода,—можетъ меня тамъ предупредить. Въ виду сего я приказалъ 2-й и 3-й дивизіямъ идти безъ дневокъ къ Пултуску, на Наревѣ, гдѣ я сосредоточиваю весь корпусъ и куда выѣзжаю завтра на почтовыхъ. Если возможно, то постараюсь предупредить моего врага въ Варшавѣ.

Теперь же, дорогой генералъ, попрошу васъ поторопить Макавіева присылкою всего, что онъ можетъ заготовить: надо не оттягивая дви-

¹⁾ Графъ Каменскій.

нуть все впередъ. Я говорилъ объ этомъ государю, чтобы въслѣдствіи вина не пала на меня, если мнѣ придется отступить въслѣдствіе недостатка патроновъ. Я уже говорилъ, что когда былъ въ Вильнѣ, то пороховъ еще не былъ доставленъ изъ Риги. Итакъ, если вы не поторопите Макавѣва, то получите въ Вильну Даву со всѣмъ его корпусомъ.

Отецъ моей жены—президентъ здѣшняго втораго департамента—просилъ меня рекомендовать его вамъ. Смѣло рѣшаюсь на это, такъ какъ это человекъ, пользовавшійся постоянно репутаціей образцовочестнаго субъекта. Такъ какъ вы любите такихъ людей, то увѣренъ, что окажете ему протекцію въ случаѣ, если ему придется прибѣгнуть къ вашему покровительству.

Позвольте еще разъ напомнить вамъ о дѣлѣ совѣтниковъ Щепановскаго и Пшесмыцкаго. Я увѣжденъ, что вы такъ же, какъ и я, презираете козни Рикмана, и что послѣдній не останется безнаказаннымъ за то, что обманулъ государя ложными жалобами. Подобныхъ людей слѣдуетъ строго наказывать, для примѣра всему государству. Прощайте и проч.

19.

7-го января 1807 г., Рейнъ.

Очень благодаренъ, дорогой генераль, за ваше письмо отъ 31-го декабря. Вчера я прибылъ сюда, въ Рейнъ, и 8-го отправляюсь самолично въ Раштербейнъ, а 9-го—въ Бишофштейнъ, откуда отброшу французскіе аванпосты. 10-го атакую три пункта: Шаппенбейль—прусскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ генерала Лестока; Бартенштейнъ и Гейльсберъ—нашими корпусами. Затѣмъ останется еще Гутштадтъ, куда французы подвозятъ войска на саняхъ, по возможности собираемыхъ въ краѣ. Я конечно воздержусь отъ атаки столь сильной позиціи; надѣюсь, что мнѣ удастся ихъ обойти.

Какъ видите, приближаются рѣшительныя событія.

20.

10-го января 1807 г., Бишофштадтъ.

Нахожусь здѣсь съ послѣ полудня вчерашняго дня, дорогой генераль, послѣ того, какъ ушелъ отсюда вчера же утромъ генераль Коль-

Беръ, командующій непріятельскимъ арьергардомъ въ этой мѣстности. Вотъ что могу сообщить вамъ самаго интереснаго: 7-го нашъ отрядъ, высланный изъ Шернбурга, захватилъ непріятельскую партію въ 100 человекъ; 18 взяты въ плѣнъ, остальные убиты или ранены. 8-го я перешелъ со своей главной квартирой въ Рессель. Въ этотъ день князь Голицынъ окружилъ непріятельскій эскадронъ 3-го гусарскаго полка; капитанъ Санкт-Обуень-ле-Бренъ, два другихъ офицера и 59 гусаръ взяты въ плѣнъ. Вчера, 9-го, генералъ Марковъ прислалъ мнѣ одного офицера и семь солдатъ плѣнными, а Барклай-де-Толли одного унтер-офицера и 17 солдатъ; Багговуть—пять плѣнныхъ. Не имѣю еще донесеній съ моего праваго фланга, который подходитъ къ Бартенштейну, но есть слухи, что и тамъ также взято много плѣнныхъ. Я не могу еще сказать вамъ, какое направленіе изберу для своихъ дѣйствій, потому что противникъ, подъ начальствомъ Ланна, Бессіера и Бернадотта, отступаетъ по нѣсколькимъ дорогамъ.

Долженъ написать вамъ, дорогой генералъ, дѣловое письмо, но сдѣлаю это въ другой разъ. Къ тому же у меня нѣтъ времени написать самому. Надо отвѣтить на ваше письмо, которое вы мнѣ прислали и которое дѣлаетъ честь вашему образу мыслей. Итакъ, до первой оказіи, а пока сообщаю, что вы могли бы мнѣ очень помочь, приказавъ готовить у себя патроны. При томъ условіи, что полки постоянно двигаются, имъ, конечно, очень трудно дѣлать ихъ здѣсь. Предоставляю себя вашей дружбѣ.

P. S. Отсылаю всѣхъ плѣнныхъ прямо въ Юрбургъ, такъ какъ это кратчайшая дорога. Благоволите приказать, чтобы ихъ тамъ приняли.

21.

15-го января 1807 г., Любштадтъ.

Дорогой генералъ. 12-го опять захваченъ (врасплохъ) одинъ эскадронъ изъ войскъ Нея: два капитана и 29 нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ, остальные перебиты или ранены. Въ другихъ стычкахъ также захвачены въ плѣнъ офицеры и солдаты.

Три дня тому назадъ я внезапно бросилъ Нея и обратился противъ Бернадотта, который меня ожидалъ еще меньше, чѣмъ первый. Посредствомъ отдѣльныхъ отрядовъ дѣлаю видъ, какъ будто продолжаю преслѣдовать Нея. Мой авангардъ открылъ дѣйствіе блестящимъ дѣломъ, подъ начальствомъ генерала Маркова: онъ атаковалъ 13-го (числа) отрядъ противника у Любштадта; спаслось едва 12 или 15 человекъ; 400 убито

и ранено; 18 офицеровъ и 291 нижній чинъ взяты въ плѣнъ. Вчера генераль Марковъ направился на Морунгенъ, гдѣ опять атаковалъ противника между тремя и четырьмя часами пополудни. Но въ ту минуту прибылъ маршалъ Бернадоттъ съ частью своего корпуса и атаковалъ Маркова съ фронта и въ то же время въ оба фланга двумя колоннами, имѣя цѣлью его обойти. Марковъ принужденъ былъ отступить, при чемъ дѣлалъ это не спѣша, пока не прибылъ генераль Анрепъ съ кавалеріей, летѣвшей къ нему на помощь. Тогда обстановка перемѣнилась, и противникъ былъ отброшенъ съ потерей по меньшей мѣрѣ 1.500 человекъ. Взяты: одно знамя, которое посылаю государю, два офицера и 55 нижнихъ чиновъ. Во время этого дѣла, князь Голицынъ, наступавшій съ кавалеріей на нашемъ лѣвемъ флангѣ, имѣлъ задачей прикрывать послѣдній, выслалъ на развѣдку о противникѣ князя Михаила Долгорукова съ нѣсколькими эскадронами Курляндскаго полка и казаками. Князь прибылъ со своимъ отрядомъ по ту сторону Морунгена въ то время, когда противникъ выступилъ изъ него для боя съ Марковымъ. Долгоруковъ вошелъ въ городъ, взялъ въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ, болѣе ста нижнихъ чиновъ, всѣ экипажи Бернадотта, много другихъ повозокъ и массу денегъ... какое славное дѣло! Онъ прислалъ мнѣ экипажи Бернадотта съ его поваромъ и лакеемъ, которыхъ завтра ему возвращу.

Вчера утромъ я построилъ боевой порядокъ частью своей арміи, вслѣдствіе слуховъ о намѣреніи Бернадотта атаковать; но онъ отступилъ, и я опять его преслѣдую.

Наши потери вчерашняго дня составляютъ около 500 человекъ, но что больше всего прискорбно, убитъ наповалъ генераль Анрепъ и тяжело ранены два бывшихъ при немъ офицера. Собственно кавалерія не понесла потерь, но онъ отправился съ этими офицерами въ одну деревню, занятую стрѣлками, которые и уложили всѣхъ трехъ. Вчера генераль Барклай опять прислалъ мнѣ одного капитана, одного трубача и 30 солдатъ плѣнными, изъ арьергарда Нея. Не оставьте меня своей дружбой и памятью.

22.

„ 4 января 1807 г.

Послѣ моего послѣдняго письма, дорогой генераль, ежедневно происходили мелкія стычки съ арьергардами Бернадотта и Нея, и каждый день ко мнѣ приводятъ по нѣсколько офицеровъ и по 30—50 нижнихъ чиновъ плѣнными.

Движеніе, предпринятое главными силами французовъ впереди Млавы и Прасницы, заставило меня остановиться на минуту здѣсь и усилить лѣвый флангъ, находящійся подъ начальствомъ князя Голицына, но противникъ отступилъ. Пока Бернадоттъ, Ней и Бессіеръ соединились въ окрестностяхъ Страсбурга и дѣлаютъ видъ, что хотятъ наступать. Поэтому я вновь усиливаю свой правый флангъ и буду стойко ожидать этихъ генераловъ.

Завтра переносу свою главную квартиру въ Либемиль. Авангардъ Багратиона находится въ Дейчъ-Эйлау, генераль Дохтуровъ—въ Остенде; князь Голицынъ—въ Аленштейнѣ; двигаю его завтра въ Гогенштейнъ. Остальныя войска расположены такъ, что могутъ быть немедленно двинуты къ любому пункту, куда понадобится. Посылаю вамъ прилагаемый экземпляръ....., присланный мнѣ изъ.....¹⁾ Прощайте, дорогой другъ, не оставьте всецѣло вашего.

Казаки, данные мною генералу Лестоку, взяли уже въ плѣнъ трехъ генераловъ: Лассюра, Виктора и Гольтріе.

Посылаю теперь фельдъегерей на Кенигсбергъ.

Реляція о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау.

27-го января 1807 г. На полѣ сраженія.

Я принялъ сраженіе при Прейсишъ-Эйлау. Оно было кровопролитно и смертоносно. Началось въ 3 часа пополудни 26-го и продолжалось до 6-ти часовъ вечера 27-го. Бонапартъ атаковалъ всѣми силами—четырьмя корпусами и гвардіей, на всѣхъ пунктахъ и особенно въ центрѣ—гвардіей. Я отбросилъ его на всѣхъ пунктахъ и разбилъ совершенно; онъ потерялъ болѣе 12.000 человекъ на мѣстѣ; 1.000 плѣнныхъ и 12 знаменъ попали въ наши руки. Наши потери вѣроятно болѣе 6.000; между ранеными находятся генераль Барклай-де-Толли (тяжело раненъ—ему отняли руку), Дохтуровъ и Дороховъ (эти въ опасности). Наши войска нигдѣ не уступали. Колонны непріятельской пѣхоты и кирасирскіе полки отборной гвардіи Бонапарта были уничтожены нашими штыками и кавалеріей.

23.

1-го (13-го) февраля 1807 г. Кенигсбергъ.

Изъ замѣтокъ, писанныхъ наскоро и посланныхъ съ поля сраженія Ланскому, съ порученіемъ передать ихъ вамъ, дорогой генераль, вы

¹⁾ Мѣста не разобранныя.

уже узнали о славномъ дѣлѣ 27-го числа. Оно повергло армию Бонапарта въ крайность. Гвардія и особенно мамелюки почти совершенно уничтожены; многіе изъ французскихъ полковъ не существуютъ болѣе. Въ концѣ-концовъ это сраженіе оказалось гораздо болѣе кровопролитнымъ, чѣмъ я то думалъ сперва. Вы легко поймете, что оно не могло быть выиграно безъ очень значительныхъ потерь и съ нашей стороны; чтобы ихъ возможно скорѣе пополнить, я прошу васъ исполнить безъ малѣйшаго промедленія официальную просьбу, съ коей къ вамъ обращаюсь: соберите всѣ силы, которыми вы располагаете, двиньте ихъ впередъ съ возможною поспѣшностью и направьте по кратчайшей дорогѣ въ здѣшнія страны, чтобы перебросить ихъ черезъ Прегель.

Почти несомнѣнно, что Бонапартъ, полагаясь на свою звѣзду, рискуетъ на отчаянный ударъ, который, если удастся, одинъ только можетъ вывести его изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находится въ настоящую минуту. Я, конечно, могу имѣть несчастіе потерять сраженіе, но судя по положенію вещей вообще и принимая во вниманіе мѣры мною принятыя, неудача не можетъ быть рѣшительной. Бонапарту, наступая, придется имѣть дѣло все съ новыми силами, и я вполне надѣюсь, что онъ сдѣлается наконецъ жертвою нашей предусмотрительности и стойкости нашихъ войскъ. Я донесъ его величеству государю императору о подкрѣпленіяхъ, кои прошу у васъ, и умоляю его также прислать мнѣ всѣ полки, расположенные въ окрестностяхъ Петербурга. Какъ только буду въ состояніи дать вамъ болѣе положительныя указанія, будьте увѣрены, не замедлю это сдѣлать. Въ настоящую минуту могу обозначить лишь Прегель, какъ центральный пунктъ, гдѣ должны сосредоточиваться посылаемые вами войска.

24.

6-го (18-го) февраля 1807 г. Кенигсбергъ.

Мнѣ хочется чаще и чаще писать вамъ, дорогой генералъ. Особенно пріятно воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, какъ отъѣздъ Горна. Сожалѣю только, что у меня нѣтъ ничего достаточно интереснаго, чтобы вамъ рассказать. Чтобы нанести рѣшительный ударъ, я поджидаю ваши подкрѣпленія и имѣю основаніе думать, что противникъ находится въ такомъ же положеніи. Гренадеры Удино уже вѣроятно прибыли къ нему, а всѣ разсыянные по Германіи войска уже получили приказанія присоединиться къ главной арміи, слѣдуя туда форсированными маршами. Благоволите, дорогой генералъ, приказать то же самое

подчиненнымъ вамъ войскамъ. Двиньте все, чѣмъ только можете располагать. Повторяю, что готовъ принять даже рекрутъ. Въ ожиданіи великихъ событій происходятъ мелкія стычки, дѣлающія не меньше чести нашимъ храбрымъ войскамъ, и которыя не преминутъ разстроить французскую армію. Генераль Платовъ не даетъ ей покоя, тревожа днемъ и ночью; онъ имѣлъ даже нѣсколько горячихъ схватокъ. Ежедневно отправляю вамъ плѣнныхъ; послѣ сраженія мы уже взяли болѣе 1.000, а также много перебили; между тѣмъ наши потери въ этихъ разнообразныхъ дѣлахъ невѣроятно малы. Скорое присоединеніе казаковъ увеличитъ наши преимущества, и смѣю надѣяться, дорогой генераль, ваши подкрѣпленія не замедлятъ своимъ прибытіемъ дать мнѣ возможность одержать еще болѣе рѣшительный успѣхъ.

P. S. Я получилъ въ эту минуту донесеніе, что французская армія отступаетъ на всѣхъ пунктахъ; приступаю къ ея преслѣдованію. Бонапартъ послалъ генерала Бертрана къ королю прусскому съ предложеніемъ мира, который, надѣюсь, будетъ отвергнутъ нашимъ государемъ.

Сообщилъ К. Дружининъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Императоръ Николай I и академикъ Парротъ.



Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины» за 1895 годъ были помѣщены выдержки изъ нѣсколькихъ писемъ и записокъ академика Паррота къ императорамъ Александру I и Николаю I.

Какъ видно изъ этихъ писемъ и изъ отзыва барона Корфа ¹⁾ Георгъ-Фридрихъ Парротъ родился въ Монбельярѣ 15-го іюля 1776 года; въ 1794 г. онъ пріѣхалъ въ Лифляндію и въ 1800 году былъ назначенъ профессоромъ физики въ Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ; въ 1826 году былъ избранъ ординарнымъ академикомъ, а въ декабрѣ 1840 года почетнымъ членомъ Академіи наукъ. Умеръ Парротъ въ 1852 году, по однимъ свѣдѣніямъ въ Петербургѣ, по другимъ въ Гельсингфорсѣ.

Императоръ Александръ I познакомился съ Парротомъ при обзорѣ Дерптскаго университета въ 1802 году и «невѣдомо для массы поставилъ этого скромнаго, хотя и пользовавшагося европейскою извѣстностью, профессора въ такія къ себѣ отношенія, которыя уничтожали все лежавшее между ними разстояніе. Парротъ не только былъ облеченъ правомъ, которымъ и пользовался очень часто, писать къ государю, въ тонѣ не подданнаго, а друга, о всемъ, что хотѣлъ, о предметахъ правительственныхъ, домашнихъ, сердечныхъ, не только получалъ отъ него самого письма самыя задушевныя, но и при каждомъ своемъ пріѣздѣ изъ Дерпта въ Петербургъ шелъ прямо въ государевъ кабинетъ, гдѣ по цѣлымъ часамъ оставался наединѣ съ царственнымъ хозяиномъ. Александръ, со всѣмъ порывомъ свойственной ему сердеч-

¹⁾ См. напечатанный съ высочайшаго соизволенія трудъ барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“, томъ II, глава 2, стр. 13, изд. 1861 года.

ной теплоты, искалъ пріобрѣсти и упрочить дружбу скромнаго ученаго, нерѣдко довѣряя ему свои тайны, и государственныя и частныя.

Императоръ Николай I, зная, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился Парротъ къ покойному императору Александру I, относился довольно благосклонно къ письмамъ и запискамъ Паррота и очевидно оставался доволенъ нѣкоторыми его взглядами, такъ какъ выражалъ иногда ему свое благоволеніе черезъ начальника III отдѣленія, графа Бенкендорфа, и просилъ Паррота продолжать высказывать свои взгляды на нѣкоторые предметы внутренняго управленія государствомъ.

Въ ноябрской книжкѣ штутгартскаго журнала «*Deutsche Revue*» за 1897 годъ Фридрихъ Винеманъ помѣстилъ новое еще нигдѣ не напечатанное письмо Паррота къ императору Николаю I съ проектомъ преобразованія министерствъ въ Россіи ¹⁾.

«Вашему величеству, писалъ Парротъ 30-го октября 1827 года, было угодно снова поощрить меня къ дальнѣйшему представленію вамъ моихъ записокъ. Теперь я тружусь надъ одной изъ нихъ, именно надъ проектомъ преобразованія министерствъ, о чемъ я уже давно все обдумалъ. Настоящія ваши учрежденія организованы не хорошо; они парализуютъ вашу дѣятельность. Ваше величество работаете сверхъ силъ, а результатъ вашихъ трудовъ еще очень далекъ, принимая во вниманіе ваше утомленіе; вы ни физически, ни нравственно долго этого не выдержите. Такая же участь была и императора Александра, принужденнаго при каждомъ затруднительномъ вопросѣ учреждать особыя коммисіи. Ваше величество находитесь въ точно такомъ же положеніи. Въ настоящее время у васъ функционируетъ отъ 12 до 15 особыхъ коммисій. Такая система разрушаетъ цѣлость управленія, страшно умножаетъ переписку и вашу собственную работу, и совершенно безцѣльно раздробляетъ дѣятельность вашихъ лучшихъ сотрудниковъ.

Не вѣрьте, ваше величество, что причиною тому исключительно неспособность нѣкоторыхъ министровъ: вѣдь у императора Александра было нѣсколько даже выдающихся лицъ. Причина простая—это плохая организація министерствъ, и пока настоящая система останется, даже лучшіе министры не въ состояніи будутъ стать на высоту своего положенія. Я позволю себѣ представить на милостивое воззрѣніе вашего величества черезъ нѣсколько недѣль записку по этому обширному предмету, но осмѣливаюсь высказать одно условіе, чтобы имя автора за-

¹⁾ Какъ оказалось однако, письмо это было не единственное: намъ удалось найти въ архивахъ еще нѣсколько писемъ Паррота, служащихъ какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ къ первому письму. Подлинной записки Паррота о преобразованіи министерствъ въ русскихъ архивахъ, къ сожалѣнію, не оказалось и мы приводимъ ее въ переводѣ съ нѣмецкаго языка въ томъ видѣ, какъ она напечатана Винеманомъ въ нѣмецкомъ журналѣ.

писки было сохранено въ тайнѣ. Удостоите, ваше величество, отвѣтить согласны-ли вы на это. Мои годы и физическая слабость не позволяютъ мнѣ болѣе вести открытую борьбу съ вашими вельможами, которую я велъ съ ними нѣкогда за императора Александра; при этомъ онъ любилъ меня, ваше величество не можете меня любить: вы меня не знаете и наши годы слишкомъ роятся.

«Если вы одобрите проектъ и захотите привести его въ исполненіе, никому не сообщайте о немъ какъ о моей работѣ, но какъ о вашей собственной. Переработайте его по вашему собственному усмотрѣнію. Дѣло состоятъ вѣдь не въ заслугѣ составителя, а въ успѣхѣ самаго дѣла.

«Да защититъ и руководитъ вами Господь».

Черезъ нѣсколько недѣль за этимъ письмомъ послѣдовала нижеслѣдующая записка Паррота объ организаціи министерствъ, переданная императору въ ноябрѣ 1827 года:

«Когда говорится о министерствахъ, то постоянно и вездѣ жалуются на бюрократію. Совершенно справедливо называютъ ее больнымъ мѣстомъ русскаго государства: отвѣтственность возлагается тамъ, гдѣ ее не можетъ быть, слуга становится господиномъ, пишущая машина дѣйствительнымъ министромъ. Въ Россіи, гдѣ зло это достигло своего апогея, думали излѣчить его двумя средствами: во-первыхъ, разчлененіемъ бюрократіи, причемъ каждое министерство раздѣлено было на нѣсколько департаментовъ, съ отдѣльнымъ начальникомъ въ каждомъ и съ отдѣльной канцеляріей; во-вторыхъ, при каждомъ министерствѣ учредили совѣтъ изъ директоровъ департаментовъ, который долженъ собираться одинъ или два раза въ недѣлю. Важно убѣдиться, рѣшило ли это двойное мѣропріятіе данную задачу.

«Положимъ оно ослабило власть начальниковъ канцелярій, благодаря раздѣленію послѣднихъ. Но министръ, послѣдняя инстанція для дѣлъ, имѣетъ своего тайнаго совѣтника, который при талантѣ или даже хотя при нѣкоторой умѣлости, добивается теперь еще большей власти. Какую же роль играютъ директоры департаментовъ? По отношенію къ своимъ подчиненнымъ они полновластные начальники, по отношенію къ министру—тѣже начальники канцелярій.

«Названіе членъ совѣта—только кличка, ибо члены совѣта не могутъ вѣдь желать и хотѣть того, чего не желаетъ или не хочетъ министръ, потому что у нихъ нѣтъ никакой закономъ установленной власти, потому что они не несутъ никакой отвѣтственности за постановляемые ими рѣшенія, а также и потому, что они могутъ не понравиться министру и даже погубить себя если будутъ несогласны съ его взглядами. Они отвѣтственны лишь за веденіе дѣла, слѣдовательно отвѣтственность ихъ такая же, какъ и начальниковъ канцелярій.

«Когда былъ поднятъ вопросъ объ отвѣтственности, разсматривали

лишь одну ея сторону, касающуюся отвѣтственности министровъ, на другую же, не менѣе важную, — отвѣтственности членовъ совѣтовъ, не обратили вниманія. Разъ министръ подписалъ какую-нибудь рѣшающую дѣло бумагу, съ членовъ совѣта снимается всякая отвѣтственность.

«Поэтому совѣтникъ, сознающій, что его голосъ не имѣетъ значенія, если онъ не согласуется съ голосомъ его начальника, не можетъ противостоять искушенію ловко внушить министру свои воззрѣнія такимъ образомъ, чтобы тотъ былъ убѣжденъ, что они его собственныя. Ловкость такого совѣтника можетъ зайти такъ далеко, что онъ будетъ дѣлать даже нѣкоторыя возраженія противъ внутреннихъ имъ же воззрѣній, чтобы за послѣдствія совершенно избѣгнуть малѣйшаго упрека. Я не говорю о такихъ министрахъ, которые подносятъ государю дѣла, съ содержаніемъ коихъ они мало знакомы, а о тѣхъ, кои изучаютъ дѣла, подносимыя ими на высочайшее соизволеніе; даже и послѣдніе находятся въ рукахъ своихъ первыхъ чиновниковъ: лишь тѣ одни знаютъ закулисную сторону дѣла и могутъ совершенно сбить съ толку министра массою справокъ.

«Монархъ желаетъ, чтобы министры были отвѣтственны, потому что они его совѣтники. Почему такую же милость не предоставитъ министру по отношеніи къ его членамъ совѣта? Впрочемъ, этой милости они и не добиваются, чтобы не лишиться своей произвольной власти.

«Прежде чѣмъ оставить вопросъ объ отвѣтственности, изслѣдуемъ отвѣтственность самого монарха. Въ конституціонныхъ государствахъ монархъ не отвѣтственъ. Въ самодержавныхъ — монархъ отвѣтствуетъ за все, ибо о немъ думаютъ, что онъ вершаетъ все самъ.

«Съ тѣхъ поръ какъ въ Англіи введено было настоящее государственное управленіе, Великобританіи не угрожаютъ болѣе трагическія сцены, и французская революція возродилась благодаря уничтоженію генеральныхъ штатовъ. Я далекъ отъ мысли совѣтовать императору учредить теперь же въ Россіи конституціонную монархію. Я отклонилъ даже отъ этого императора Александра, потому что такая монархія не подходитъ къ рабскому народу, или государству, состоящему изъ 30—40 мало еще другъ съ другомъ соединенныхъ народностей и въ которомъ еще почти нѣтъ гражданъ. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что та монархія абсолютна, гдѣ государь несетъ наивысшую отвѣтственность. Все правленіе императора Александра служить тому длиннымъ рядомъ доказательствъ. Поэтому и вельможи постоянно держались съ такою силою за принципы абсолютной власти: они обладаютъ этою властью, отвѣтственность же остается монарху. Тщетно лицемѣрятъ они, желая якобы оградить государя отъ этой отвѣтственности, угнетая общественное мнѣніе и свободу мысли. Мнѣнія высказываются тайно, мысли циркулируютъ скрытно, изъ этого-то темнаго

облака и появляются бури революцій. Для сохраненія трона и священнаго характера неприкосновенности самодержавнаго монарха, должно снять съ него отвѣтственность, для чего однимъ изъ самыхъ примѣньныхъ средствъ было бы—правительство, въ которомъ министры перестали бы быть деспотами.

«Однако есть еще одна точка зрѣнія, какъ должны быть разсматриваемы эти министерства. Монархъ долженъ самъ управлять ими, но не только своею властью, а при посредствѣ самихъ же этихъ правительственныхъ органовъ. Каждый министръ есть не что иное какъ маленький монархъ въ сферѣ своей дѣятельности, потому онъ долженъ имѣть въ своемъ министерствѣ и противовѣсъ своей власти; такимъ образомъ государь узнавалъ бы обо всѣхъ содѣянныхъ ошибкахъ. Такія донесенія не должны быть тайными—что было бы не достойно государя, который долженъ быть окруженъ лишь благородными людьми—они должны производиться открыто и на законномъ основаніи. Короче говоря, чиновники министерства должны быть чиновниками не министра, а государства и монарха.

«Въ заключеніе еще одинъ пунктъ: министерства должны быть школою, въ которой вырабатывались бы будущіе министры. Это немаловажный вопросъ для Россіи, гдѣ умственное и нравственное развитіе еще очень отстало. Во Франціи и Англійи король можетъ сегодня же смѣнить всѣхъ своихъ министровъ, какъ бы хороши они ни были, а завтра у него будутъ точно такіе же другіе. Тамъ палаты, здѣсь парламентъ вырабатываютъ министровъ. Въ Россіи же достигнуть этой цѣли можно лишь преобразованіемъ министерствъ. Такое преобразование, основанное на законности и довѣрїи, должно возвысить въ общественномъ мнѣніи первыхъ слугъ государства и самого правителя.

«Вотъ задачи, которыя должны быть разрѣшены преобразованіемъ министерствъ. Главная изъ нихъ, къ которой должны стремиться всѣ помыслы, есть образованіе совѣта при министерствѣ, который долженъ быть настоящей коллегіей совѣтниковъ, съ присвоеніемъ послѣдней законной власти и отвѣтственности. Коллегія эта должна состоять изъ немногихъ членовъ, чтобы не задерживать хода дѣлъ въ министерствѣ. Сначала они могутъ быть выбраны изъ лучшихъ директоровъ департаментовъ, государственныхъ секретарей или другихъ лицъ. Члены совѣта должны принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ своего министерства, для чего обязаны собираться по пяти разъ въ недѣлю, отъ девяти часовъ утра до 1 часу дня, подъ постояннымъ предсѣдательствомъ министра; послѣдній, кромѣ того, можетъ, въ случаѣ нужды, въ подходящія для него часы назначать экстренныя засѣданія. Дѣла разсматриваются и рѣшаются большинствомъ голосовъ. Тѣ дѣла, которыя не могутъ быть рѣшены въ короткое время, должны быть передаваемы од-

ному изъ членовъ для письменнаго доклада о немъ. Такъ какъ министерство должно имѣть монархическую форму, то и министръ имѣеть право не соглашаться съ большинствомъ и принимать рѣшеніе на свою собственную отвѣтственность, въ такомъ случаѣ мнѣніе большинства вносится въ особый протоколъ; точно также если членъ совѣта полагаетъ, что рѣшеніе большинства не правильно и даже можетъ принести вредъ дѣлу, имѣеть право внести свое отдѣльное мнѣніе въ тотъ же протоколъ.

«Отвѣтственность одухотворяющая это учрежденіе, будетъ въ то же время и уздою для всѣхъ администраторовъ; понятно, это очень тяжело для министровъ, выдающееся положеніе которыхъ, а тѣмъ болѣе еще и личныя заслуги, требуютъ особаго уваженія и довѣрія. Но нужно не упускать изъ вида, что въ самодержавномъ государствѣ положеніе каждаго министра зависитъ вполнѣ отъ мнѣнія о немъ монарха; поэтому вполнѣ возможно придать дѣйствительный смыслъ отвѣтственности министровъ и ихъ совѣтниковъ. Каждый мѣсяць государь долженъ назначать общее собраніе всѣхъ министровъ и ихъ совѣтниковъ. На этомъ собраніи младшій изъ совѣтниковъ каждаго министерства прочитываетъ протоколъ, въ которомъ обозначены случаи, когда послѣдовали рѣшенія министерства противъ большинства, или когда одинъ изъ членовъ совѣта остался при особомъ мнѣніи. Тогда императоръ предлагаетъ участникамъ разобрать дѣло; въ преніяхъ могутъ участвовать и другіе министры и члены совѣтовъ, если они признаютъ это цѣлесообразнымъ. Въ заключеніе императоръ постановляетъ свое рѣшеніе, которое въ случаѣ необходимости можетъ выразиться въ высочайшемъ порицаніи, а часто повторяемое порицаніе можетъ повести за собою полнѣйшую немилость къ данному лицу. Въ такихъ случаяхъ императоръ особымъ указомъ долженъ немедленно изъять или прекратить исполненіе принятаго или даже уже введеннаго въ силу мѣропріятія, и этимъ доказать, какъ дороги ему справедливость и благо народа. Такъ какъ подобные случаи будутъ рѣдки, то народъ въ этихъ поступкахъ будетъ видѣть не противорѣчіе принципамъ, а лишь справедливое отношеніе къ государственнымъ дѣламъ, и ошибка падеть на того, кто ее совершилъ. Великое зло для правительства оставлять въ силѣ вредное и несправедливое постановленіе только потому, что оно было уже санкціонировано высшею властью и обнаружено.

«Въ еще болѣе сомнительныхъ случаяхъ, когда императоръ неуверенъ въ представленномъ ему министромъ дѣлѣ, онъ можетъ отправиться лично въ засѣданіе совѣта этого министерства и тамъ узнать все самое необходимое. Онъ не долженъ только подавать видъ, что рѣшеніе не правильно: возбужденныя пренія дадутъ уже сами по себѣ оцѣнку данному рѣшенію, что и будетъ осуществленіемъ отвѣтственности.

«Чтобы избѣжать отвѣтственности, министръ можетъ подносить госу-

дарю неокончательное свое мнѣніе, а предоставить ему на выборъ тотъ или другой исходъ.

«Государь не долженъ этого допускать ни подъ какимъ видомъ, а требовать о каждомъ дѣлѣ ясное и рѣшительное мнѣніе.

«Вопросъ заключается въ томъ, будутъ ли члены совѣта высказывать свои особыя мнѣнія, или будетъ-ли большинство согласоваться съ министромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ членовъ совѣта сначала найдутся лишь единичныя личности, которыя отважатся высказывать свои отдѣльныя мнѣнія, а если императоръ будетъ поощрять ихъ, снисходительно относясь даже и въ томъ случаѣ, если бы они заблуждались, то ихъ примѣру послѣдуютъ скоро и другіе.

«Если въ одномъ или другомъ министерствѣ образовалась бы коалиція противъ такихъ прецедентовъ, то государю стоитъ лишь нѣсколько разъ посѣтить это министерство, чтобы или уничтожить въ зародышѣ такую коалицію, или во-очію убѣдиться, что кажущееся единодушіе есть дѣйствительное, и слѣдовательно дѣло идетъ правильно. Наконецъ, есть еще одно средство для выясненія подобнаго случая—внести такое дѣло, неправильно или недостаточно разработанное въ министерствѣ, на обсужденіе въ общее собраніе.

«Въ такихъ собраніяхъ монархъ можетъ наилучшимъ образомъ выказать свое превосходство и вмѣстѣ съ тѣмъ изучать науку управленія государствомъ. Однимъ дается эта наука легко, другимъ, напротивъ, съ большимъ трудомъ; все зависитъ отъ того, какими министрами окруженъ монархъ: если ему приходится бороться съ неспособностью или, даже хуже того, съ вѣроломствомъ своихъ ближайшихъ помощниковъ — онъ сдѣлается жертвою недовѣрія, но если министры его умные и свѣдущіе люди, тогда онъ будетъ управлять государствомъ съ довѣріемъ, безъ всякаго утомленія и съ наслажденіемъ. Чтобы достигъ этого высшаго счастья для монарха, необходимо, чтобы онъ самъ былъ во все посвященъ. Однако никогда не будетъ онъ знать всего, если не установитъ свободнаго обсуждения дѣлъ, что не только послужитъ поддержкою отвѣтственности, но также и укажетъ министерствамъ, какъ нужно управлять низшими учрежденіями и чиновниками. Это будетъ благодѣяніемъ какъ для министровъ, такъ и для самого монарха. Лишь деспотическіе министры могутъ бояться такого свободнаго мѣропріятія.

«Государь долженъ раздѣлить свой день на четыре части: 1) время, когда онъ занимается одинъ; 2) когда работаетъ съ каждымъ министромъ отдѣльно, что не должно превышать трехъ часовъ въ день, чтобы приучить министровъ представлять доклады лишь о достойныхъ монаршаго вниманія дѣлахъ. Каждый министръ долженъ имѣть одинъ докладъ въ недѣлю, причѣмъ одинъ можетъ довольствоваться для этого получасомъ, другой двумя часами, смотря по важности доклада; 3) времени

для чтенія: у государя должны быть всѣ газеты и журналы, касающіеся такъ или иначе государственнаго управленія, изъ которыхъ ему необходимо читать нѣкоторыя статьи. Важно, чтобы знали, что государь ихъ читаетъ. Кроме того, у государя должна быть въ кабинетѣ избранная библіотека. Наполеонъ составилъ для себя даже дорожную библіотеку; наконецъ 4) время досуга, и это не только для здоровья, но и для отдыха ума: непрерывная работа отуманиваетъ голову.

«Хорошо сдѣлалъ бы государь, если бы призналъ возможнымъ пожертвовать одинъ день въ недѣлю и приглашалъ къ своему столу нѣсколькихъ министровъ, также членовъ совѣтовъ и даже нѣкоторыхъ директоровъ департаментовъ и выдающихся людей науки. На такихъ обѣдахъ должны быть допущены веселость и свободный обмѣнъ мыслей; разумѣется, не должны быть исключаемы и шутка, и сатира. Если государь озаботится убѣдить своихъ сотрапезниковъ, что немилость его можно вызвать лишь неумѣстными шутками и сужденіями, то онъ скоро замѣтитъ въ пылу преній проблески вѣрныхъ сужденій о политикѣ и литературѣ, изъ чего онъ можетъ извлекать не малую пользу. Фридрихъ Великій оцѣнивалъ по достоинству такіе обѣды.

«Польза отъ преобразованія министерствъ очевидна: работа будетъ раздѣлена, слѣдовательно она пойдетъ быстрѣе и лучше. Члены министерствъ будутъ контролировать другъ друга и нести отвѣтственность, слѣдовательно станутъ ревностно исполнять свои обязанности и сдѣлаются неподкупными. Образуется солидное управленіе и установятся принципы, которые уже не будутъ измѣняться при новомъ министрѣ. Такія министерства будутъ всѣми уважаться и прекратятся вѣчныя нареканія на бюрократію.

«Есть еще одна польза отъ учрежденія совѣтовъ при министерствахъ и созыванія общихъ собраній: навѣкъ начальствующихъ лицъ въ произнесеніи рѣчей и дебатамъ громкимъ голосомъ. Однажды я спросилъ у императора Александра, что говорилось въ совѣтѣ министровъ по данному дѣлу? Онъ отвѣтилъ мнѣ: «Вы думаете, что эти господа чтонибудь говорятъ? Они подають лишь свои голоса, вотъ и все!» По тому же поводу графъ Завадовскій ¹⁾, одинъ изъ самыхъ молчаливыхъ министровъ, сказалъ однажды: «Вѣдь у насъ въ Россіи нѣтъ еще парламента».

«Послѣ этихъ главныхъ основаній преобразованія, перейдемъ къ нѣкоторымъ практическимъ подробностямъ.

«Особенное вниманіе должно быть обращено на правильное распределеніе занятій между министерствами. Въ настоящее время одни изъ нихъ завалены дѣлами, другимъ совершенно нечего дѣлать. Такое рас-

¹⁾ Министръ народнаго просвѣщенія 1802—1810.

предѣленіе должно быть сдѣлано не примѣнительно къ способностямъ настоящихъ министровъ, а исключительно по качеству дѣлъ. Нельзя же обременять министра только потому, что онъ очень талантливъ и напротивъ—облегчать бездарность. Отъ одного отнимаютъ силы, чтобы пощадить другаго, а когда лица эти замѣняются другими, то снова приходится прибѣгать къ распредѣленію занятій, что вноситъ лишь безпорядокъ въ дѣла и тѣмъ обезсиливаетъ правительство.

«Министерство финансовъ, напримѣръ, крайне обременено. Департаментъ мануфактуръ не долженъ входить въ его составъ, онъ всецѣло принадлежитъ министерству внутреннихъ дѣлъ, представитель котораго по существу долженъ быть и министромъ національной промышленности. Тоже самое и относительно вѣдѣній торговли: такъ какъ на обязанности министра финансовъ лежитъ изысканіе средствъ для увеличенія доходности государства, то есть опасность, что онъ можетъ дѣйствовать не только во вредъ торговлѣ и мануфактуръ, но даже угрожать источникамъ, изъ которыхъ его преемникъ могъ бы впоследствии создать новые доходы. Я не говорю о такихъ лицахъ, у коихъ на устахъ *argès pour le déluge*, и настоящий министр финансовъ ¹⁾, разумѣется, не принадлежитъ къ нимъ, но каждому человѣку присуще, тѣмъ болѣе если онъ преданъ душою и тѣломъ занимаемому имъ посту, стараться по возможности возвысить послѣднія, и такой похвальный эгоизмъ является часто даже у самыхъ умныхъ людей.

«У министра внутреннихъ дѣлъ теперь мало работы, но если бы ему указаны были всѣ принадлежащія его вѣдѣнію задачи, то онъ былъ бы одинъ изъ самыхъ занятыхъ.

«Внутренняя и вѣдѣнія торговли, со всѣми однородными съ ними отраслями, требуютъ отдѣльнаго министерства. Министерства внутреннихъ дѣлъ и торговли должны составлять противовѣсъ министерству финансовъ. Департаментъ путей сообщенія и почтовое вѣдомство должны естественно принадлежать къ нимъ. Начальникъ путей сообщеній герцогъ Вюртембергскій ²⁾, долженъ представлять свои доклады не въ генеральный штабъ, а министру торговли.

«Иностранная исповѣданія не должны быть подвѣдомственны министерству. Достаточно будетъ, если принадлежащія этимъ исповѣданіямъ свѣтскія дѣла перейдутъ, какъ это было и прежде, въ юстицъ-коллегіи, въ вѣдомство юстиціи. Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ старается всегда вмѣшиваться въ дѣла религіи и имѣетъ для этого тысячи поводовъ, что приводитъ къ безпорядкамъ и постояннымъ пререканіямъ между министерствомъ и духовенствомъ. Двадцатилѣтній опытъ

¹⁾ Графъ Канкринъ.

²⁾ Герцогъ Александръ-Фридрихъ-Карль, 1771—1833 гг.

достаточно кажется доказать это. Развѣ справедливо, напримѣръ, подчинять протестантскую церковь вѣдѣнію православнаго министра? Предоставьте пещись о дѣлахъ иностранныхъ исповѣданій самому иностранному духовенству. Все шло хорошо въ Россіи, пока это было такъ. Вѣдь православная церковь подвластна не министерству, а независимому Синоду, отчего же не предоставить такое же право протестантской церкви; у католиковъ, напримѣръ, есть даже свой конкордатъ, въ силу котораго епископы ихъ находятся въ вѣдѣніи римской курии.

«Служители протестантской церкви не могутъ имѣть никакого политическаго вліянія. Консисторіи, какъ это было и раньше, состояли изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и имѣютъ возможность лишь управляться съ дѣлами. Въ важныхъ случаяхъ, когда требуется обмѣнъ мыслей, легко учредить синодъ, состоящій изъ суперинтендентовъ Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи, обѣихъ Финляндіи, Ингерманландіи и Саратова, который бы въ пять лѣтъ разъ собирался въ С.-Петербургѣ на счетъ казны и повергалъ свои рѣшенія черезъ министра юстиціи на милостивое воззрѣніе монарха. Не нужно никакой генеральной консисторіи, она требуетъ лишь бесполезныя издержки и возбуждаетъ такія же неудобства какъ и министерство.

«Полиція—есть часть администраціи, въ которой соединены совершенно разнородные органы: первый долженъ наблюдать за общественной безопасностью, второй—за безопасностью отдѣльныхъ лицъ и имуществъ, долженъ называться полиціею исправительною, и наконецъ, третій—медицинская полиція. Послѣднія двѣ уже существуютъ. Наружная полиція должна заботиться объ освѣщеніи городовъ, исправности мостовыхъ, уменьшеніи пожаровъ, наводненій и проч., она вмѣстѣ съ медицинской полиціею, должна всецѣло войти въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Что же касается полиціи исправительной, къ которой принадлежитъ также и высшая полиція, слѣдующая непосредственно за безопасностью государства, должны находиться при министерствѣ юстиціи.

«Просьбы бѣдныхъ и угнетенныхъ должны бы вѣдаться совершенно отдѣльнымъ министерствомъ, состоящимъ изъ двухъ департаментовъ: императоръ Россійскій не можетъ давать аудіенціи всѣмъ и каждому, что было бы лишь одною формальностью и сдѣлало бы отвѣтственнымъ государя за все-то, чего онъ не могъ бы исполнить. Учрежденіе такого министерства доказало бы всѣмъ, какое даетъ государь значеніе этому святому дѣлу.

«Число членовъ совѣтовъ министерствъ должно быть по возможности самое ограниченное. Исключеніе лишь для министерства народнаго про-

свѣщенія, въ совѣтъ котораго должно быть столько же членовъ, сколько существуетъ кураторовъ академій и университетовъ ¹⁾).

«Императорскій дворъ есть личное дѣло государя, поэтому онъ не долженъ входить въ составъ министерствъ, которыя имѣютъ предметомъ государственное управленіе. Во всякомъ случаѣ императоръ, какъ повелитель, можетъ представителю своего двора дать титулъ, какой ему заблагоразсудится».

Въ заключеніе Парротъ подробно описываетъ, какъ нужно распределить трудъ между низшими чиновниками, говорить о необходимости сокращенія ненужной переписки и проч. и испрашиваетъ разрѣшеніе представить еще двѣ записки, въ которыхъ онъ детально разработаетъ распределеніе дѣлъ между министерствами и каждымъ отдѣльнымъ департаментомъ, причемъ заранѣе проситъ монаршаго снисхожденія къ проекту по отношенію къ министерствамъ: иностранныхъ дѣлъ, военному и морскому. «Я слишкомъ мало знакомъ съ ними—и не рискнулъ собирать о нихъ свѣдѣній, боясь выдать себя. Но чтобы не было пробѣла въ моей работѣ, я не прошелъ молчаніемъ и эти три обширныя учрежденія, въ надеждѣ, что моя попытка, какъ бы она несовершенна ни была, все-таки содержитъ въ себѣ нѣкоторые взгляды, которые государь удостоитъ не отвергнуть».

О полученіи записки Паррота, графъ Бенкендорфъ сообщилъ послѣднему 12-го ноября того же года, что императоръ благодаритъ его за записку и проситъ и на будущее время продолжать представлять ему прозорливыя размышленія, которыя его величество всегда съ удовольствіемъ прочтетъ, такъ какъ цѣнитъ глубокій умъ автора и правду имъ высказываемую. «Да—прибавляетъ Бенкендорфъ—государь любитъ искреннюю, неподдѣльную правду и охотно прислушивается къ ней».

Въ письмѣ отъ 24-го ноября Парротъ писалъ государю: «Ваше величество, я вполне понялъ двойной смыслъ вашихъ словъ, которыя вы извоили передать мнѣ черезъ посредство графа Бенкендорфа. Вслѣдствіе такого постояннаго поощренія я и позволилъ себѣ представить мою записку о министерствахъ».

«Правда, записка эта очень длинна, но и разсматриваемый предметъ самъ по себѣ обширенъ и имѣетъ исключительную важность. Я старался представить въ ней нѣчто цѣлое и сохранить насколько возможно существующія формы, чтобы преобразование совершилось безъ всякой ломки».

Далѣе Парротъ высказываетъ, что въ запискѣ его о министерствахъ разумѣется найдутся мѣста, которыя могутъ вызвать возраженія, но

¹⁾ Всѣ кураторы университетовъ имѣли въ то время свое пребываніе въ С.-Петербургѣ.

онъ подготовился уже къ нимъ и можетъ представить цѣлый рядъ доказательствъ необходимости того или другаго положенія, если его императорское величество удостоитъ сообщить ему свои возраженія. Въ заключеніе онъ намекаетъ, что лучше всего было бы словесное объясненіе, но на это онъ не смѣетъ даже надѣяться.

2-го декабря Парротъ написалъ новое письмо, въ которомъ уже прямо проситъ у государя свиданія: «Если ваше величество удостоите исполнить мое желаніе, то позвольте указать вамъ какъ можно было бы устроить свиданіе безъ всякой огласки, такъ что никто и знать о немъ не будетъ. Я самъ желалъ бы сохранить все въ тайнѣ, такъ какъ достаточно уже испыталъ зависть вашихъ вельможъ. Старикъ Гесслеръ, бывший гардеробмейстеръ, могъ бы провести меня въ вашъ кабинетъ. Онъ исполнялъ такія порученія при императорѣ Александрѣ и извѣстенъ мнѣ какъ человѣкъ скромный, вѣрный и преданный. Удостойте ваше величество дать мнѣ знать о вашемъ милостивомъ согласіи, поручивъ графу Бенкендорфу написать мнѣ, что вы желаете мнѣ скорѣйшаго выздоровленія; это будетъ тѣмъ болѣе естественно, что я дѣйствительно не такъ то здоровъ».

«Ахъ, зачѣмъ столько увертокъ для такого чистаго хорошаго дѣла! восклицаетъ онъ. Да, нельзя сказать, чтобы великіе міра сего были самые счастливые и самые свободные изъ людей. Будьте же, ваше величество, счастливы и свободны, на сколько позволяетъ вамъ ваше высокое призваніе».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 5-го декабря Парротъ писалъ: «До меня дошли слухи, что ваше императорское величество хотите создать должность канцлера, что канцлеръ этотъ будетъ стоять выше всѣхъ министровъ и непосредственно докладывать вамъ о дѣлахъ всѣхъ министерствъ. Я не повѣрилъ этому. Рассказывали мнѣ еще, что вы назначили князя Ливена министромъ народнаго просвѣщенія, изъясъ изъ его вѣдѣнія духовныя дѣла. Съ удовольствіемъ повѣрилъ этой послѣдней новости, но, къ несчастію, слышалъ я о ней изъ того же самаго источника, что дѣлаетъ вѣроятнымъ и первый слухъ, которому, повторяю, я не вѣрю, такимъ онъ мнѣ кажется ужаснымъ. И какъ человѣкъ, пробудившійся отъ страшнаго сна, все еще старается отогнать отъ себя пугающій его кошмаръ, такъ и я хочу сказать вамъ, какимъ опасностямъ подвергаетесь вы, создавая должность канцлера».

«Прежде всего вы воздвигаете новую стѣну между собою и народомъ. Это будетъ лишняя ступень, черезъ которую будетъ доходить до васъ правда. Да и гдѣ найдете вы такого идеальнаго человѣка, человѣка-ангела, который устоялъ бы передъ собственнымъ своимъ могуществомъ? Императоръ Александръ думалъ, что Аракчеевъ будетъ далекъ отъ вся-

кихъ соблазновъ, однако надъ этимъ желѣзнымъ человѣкомъ властвовала простая служанка.

«Передъ кѣмъ будетъ отвѣтственъ такой канцлеръ? Кто будетъ докладывать вамъ, что онъ сдѣлалъ или чего не пожелалъ сдѣлать? Министры? Они будутъ остерегаться его; напротивъ—каждый изъ нихъ, раздраженный потерю своего вліянія, будетъ доволенъ видѣть васъ обманутымъ. Общественное мнѣніе также обвинитъ ваше величество, оно скажетъ, что вы сами не желаете ничего дѣлать и возложили все на какого-то намѣстника.

«Правда, намѣстника этого будутъ ненавидѣть, но большинство все таки будетъ ему признательно: вѣдь это будетъ единственный источникъ всѣхъ милостей. Что же вамъ то останется, ваше величество?»

«Я знаю, что императрица Екатерина II имѣла генераль-прокурора, но онъ не управлялъ всѣми дѣлами; къ тому же Екатерина была такая женщина, которой прощались даже ея фавориты.

«Какія же наконецъ выгоды думаете вы получить отъ подобнаго назначенія? Что канцлеръ будетъ изучать дѣла, прежде нежели они будутъ доложены вашему величеству? Да всѣ дѣла будутъ гораздо лучше разсмотрѣны въ совѣтахъ министерствъ и при томъ вамъ будетъ представляться мнѣніе большинства; а тотъ свѣтъ, который теперь проникаетъ до васъ, лишь ослабнетъ или даже приметъ неправильное направленіе, благодаря этой новой грани.

«Видясь съ своими министрами, вы можете контролировать ихъ черезъ другихъ и упражняться въ искусствѣ управлять государствомъ. Тогда-же контролировать ихъ будетъ канцлеръ, онъ же научится и узнавать и править людьми».

Далѣе Парротъ умоляетъ государя хотя на годъ отложить это назначеніе, и посмотрѣть какъ будутъ дѣйствовать преобразованныя министерства. «Всегда еще успѣете назначить такого визиря, продолжаетъ онъ. Вспомните, ваше величество, что вы можете имѣть совѣтника, какъ я предлагалъ вамъ, безъ всякой власти, который между тѣмъ могъ бы давать вамъ желаемые совѣты. Только остерегайтесь ваше величество выбирать совѣтника изъ лицъ, игравшихъ уже какую нибудь видную роль въ государствѣ; такой совѣтникъ не будетъ довольствоваться своимъ скромнымъ положеніемъ и постарается придать себѣ значеніе.

«Онъ долженъ быть выбранъ приблизительно изъ того же класса какъ и члены совѣта министерства.

«Простите, ваше величество, за нѣкоторую можетъ быть рѣзкость этой краткой филиппики. Демосеенъ ратовалъ за свободу Греціи, я говорю за вашу свободу, за честь вашего трона, желая добра вашему народу».

Послѣ этого письма Парротъ, вѣроятно, имѣлъ личное свиданіе съ графомъ Бенкендорфомъ, который выразилъ ему неодобреніе отъ имени

его величества, потому что въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9-го декабря, сказавъ кратко о новой явившейся у него мысли, именно о необходимости учрежденія третьяго департамента при министерствѣ, имѣющемъ вѣдать прошенія бѣдныхъ и угнетенныхъ—департаментъ оставшихся безъ движенія дѣлъ (*des affaires arriérées*), Парротъ писалъ:

«Осмѣливаюсь сказать еще нѣсколько словъ о себѣ. Ваше величество глубоко опечалили меня словами, переданными мнѣ графомъ Бенкендорфомъ отъ имени вашего величества. Могъ-ли я, уважающій вашу высокую особу, я, который понимаетъ значеніе монарха руссійскаго, какъ не одинъ изъ придворныхъ, я, осмѣливающийся говорить вамъ такъ откровенно, могъ ли я помыслить даже дать вамъ совѣтъ недостойный вашего прямодушія. Осмѣливаюсь повторить то, что вы сами, такъ сказать, одобрили: «Никто не долженъ знать, что ваше величество получили отъ меня записку о министерствахъ». Но какъ только всѣ узнали бы, что вы удостоили меня пригласить къ себѣ, то понятно догадались бы въ чемъ дѣло. Прося же о тайномъ свиданіи, я значить жертвовалъ своимъ честолюбіемъ, если бы оно у меня было, и выгодами, если бы я ихъ искалъ. Въ продолженіе вашего царствованія вамъ еще не разъ представится случай убѣдиться, какъ иногда бываетъ необходима тайна, которая въ каждомъ государственномъ челоуѣкѣ и особенно въ государѣ должна вполнѣ примиряться съ прямоушіемъ и честностью. Когда, напримеръ, императоръ Александръ, выдавшійся со мною открыто, даже, когда представлялся случай, всегда обращавшійся ко мнѣ при всѣхъ, удрученный обвиненіями противъ Сперанскаго, хотѣлъ раскрыть передо мною свою душу, онъ призвалъ меня къ себѣ тайно между 11 и 12 часами вечера.

«Что касается соперничества вельможъ, то я совершенно полагаюсь на время, которое не замедлитъ оправдать меня въ вашихъ глазахъ, и я уже имѣю къ тому нѣкоторыя данныя. Ваше величество между тѣмъ легко убѣдитесь также, что вліяніе, которымъ я пользовался въ прошлое царствованіе, не желательно для вельможъ и нынѣ».

Этимъ письмомъ заканчивается переписка Паррота по поводу его проекта о преобразованіи министерствъ.

М. Е. Мардарьевъ.





Къ исторіи Свода Законовъ Россійской имперіи.

(Переписка М. М. Сперанскаго съ разными лицами).

1.

Письмо М. М. Сперанскаго—кіевскому митрополиту Евгенію.

20-го мая 1833 г.

Какъ любителю и знатоку отечественныхъ нашихъ законовъ, я счелъ долгомъ представить вашему высокопреосвященству экземпляръ Свода Законовъ, чрезъ московскаго комисіонера нашего г. Селивановскаго. Надѣюсь, что вы его получили. Примите сіе новое отъ меня приношеніе, какъ знакъ воспоминанія и искренняго моего къ особѣ вашей уваженія.

Поручая себя святительскимъ вашимъ молитвамъ, съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

Р. С. Къ Своду присоединяю при семъ краткое историческое его обозрѣніе.

2.

Письмо М. М. Сперанскаго—князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну.

23-го мая 1833 г.

Къ Своду Законовъ, который я имѣлъ честь вашему сіятельству доставить, составлено мною на русскомъ языкѣ, напечатанное на сихъ

дняхъ, «Краткое историческое его обзорѣніе». Для иностранцевъ оно переведено на французскій и нѣмецкій языки. Нѣмецкій переводъ печатается, а французскій экземпляръ при семъ прилагаю.

Отправляясь по дряхлости своей искать здоровья у Мариенбадскихъ водъ, препоручаю себя благосклонному вашему сіятельству воспомяну.

3.

Письмо П. Словцова — М. М. Сперанскому.

4-го ноября 1833 г., Тобольскъ.

Наконецъ имѣлъ я честь получить вождельнный экземпляръ свода законовъ, о семъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія ваше высокопревосходительства и вмѣстѣ повторить нелестную мою благодарность.

Чтобы порадоваться святынѣ нашего законодательства, стоитъ только взглянуть на это твореніе, но когда подумаешь, сколько лѣтъ понадобится еще прожить, чтобы статьи, въ Сводѣ содержащіяся, властно выходили изъ своихъ переплетовъ и являлись къ судьямъ и властямъ на совѣщаніе; когда также подумаешь, что изъ этого, повидимому, безсмертнаго творенія ежемѣсячно исчезаютъ то статьи, то главы и замѣщаются другими строками, должно ли, не знаю, жалѣть или радоваться, что безсмѣнное авторство и литографія ¹⁾ человѣческихъ правительствъ никогда не смогутъ написать Аминь своимъ постановленіямъ? То, очевидно, что законодательство Моисея пребудетъ и типомъ и притчею всѣхъ будущихъ законодательствъ, потому что онъ въ XI лѣтъ дважды литографировалъ законы основныя, а прикладныя не переставать дополнять до смерти.

Богъ и государь на подобную почти чреду возвели жизнь вашу; и всякъ, любящій отечество, долженъ желать вамъ, милостивый государь, здоровья и силъ для докончанія дѣла. Конечно, не вы законодатель, и слѣдственно, при совершеніи всего, не напишете и не прочтете пѣсни, во уши сонма россійскаго, но благомыслящіе изъ сонма сами напишутъ вамъ пѣснь, зане долги дни будете жить на землѣ. Простите чувству и стариковской странности изъясняться, потому что я обратился своимъ чтеніемъ къ древности.

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

4.

Письмо графа А. И. Чернышева—М. М. Сперанскому.

29-го октября 1833 г. № 9564

Его императорское высочество главный начальник Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка ¹⁾ представилъ на высочайшее благоусмотрѣніе, что въ подвѣдомственныхъ его высочеству военно-учебныхъ заведеніяхъ изученіе воинскихъ законовъ, одинъ изъ главныхъ предметовъ образованія—находится въ весьма слабомъ состояніи, сколько отъ недостатка преподавателей, а еще болѣе отъ неимѣнія удовлетворительныхъ систематическихъ руководствъ, и что на другой, не менѣе важный предметъ—изученіе основныхъ коренныхъ законовъ отечества—совсѣмъ не обращено вниманія.

Его высочество, признавая необходимымъ для всякаго офицера знаніе военныхъ узаконеній во всей подробности, дабы въ потребномъ случаѣ офицеръ самъ могъ быть знающимъ свое дѣло судьей, а съ тѣмъ вмѣстѣ находя нужнымъ, чтобы онъ, вступая въ бытъ гражданскій, зналъ, на какихъ правахъ основано вообще его благосостояніе и съ дѣтства привыкъ уважать законы, ходатайствуетъ, дабы высочайше повелѣно было составить для военно-учебныхъ заведеній учебную книгу россійскихъ гражданскихъ и военныхъ узаконеній, въ коей послѣднія изложить подробно, а первыя кратко и только въ главныхъ своихъ основаніяхъ.

Государь императоръ, раздѣляя мнѣніе его высочества, высочайше поручить мнѣ соизволилъ сообщить о семъ вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, чтобы вы, милостивый государь, доложили его высочеству, какъ о томъ, когда можетъ быть конченъ сводъ военныхъ узаконеній, такъ равно и о составленіи вышеозначенной учебной книги, присовокупивъ ваше мнѣніе: какимъ образомъ вы полагали бы сіе исполнить и въ какомъ видѣ сію книгу составить.

Увѣдомляя васъ, милостивый государь, о таковой высочайшей волѣ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

¹⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ.

5.

Письмо М. М. Сперанскаго — графу А. И. Чернышеву.

2-го ноября 1833 г.

Вслѣдствіе объявленной мнѣ въ отношеніи вашего сіятельства, отъ 29-го минувшаго октября (№ 9564), высочайшей воли о составленіи учебныхъ книгъ для руководства въ познаніи гражданскихъ и военныхъ законовъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, честь имѣю сообщить, что мысль о семъ была уже и прежде изъявлена его императорскимъ величествомъ, но привести оную въ исполненіе прежде окончанія Свода не было возможности потому, что учебная книга должна быть не что иное, какъ систематическій выводъ главныхъ правилъ изъ законовъ, приведенныхъ уже въ ясный и окончательный порядокъ.

Съ изданіемъ свода гражданскихъ законовъ въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, мысль сія возобновилась и къ составленію гражданской учебной книги сдѣлано распоряженіе.

Но трудъ сей, значительный не столько по обширности его, сколько по строгой точности и ясности тутъ необходимой, не могъ быть, при другихъ упражненіяхъ чиновниковъ II отдѣленія, приведенъ къ окончанію.

Съ вѣроятностью, однако же можно предполагать, что онъ къ апрѣлю мѣсяцу будущаго года будетъ оконченъ.

Составленіе учебной книги военныхъ постановленій также предложено; но еще не начато потому, что сводъ сей части законовъ еще не оконченъ. По отчету въ минувшемъ мѣсяцѣ, отъ генераль-маіора Ахшарумова предоставленному, заключать должно, что дѣло сіе не прежде какъ къ апрѣлю мѣсяцу будущаго года можетъ быть совершенно; послѣ чего немедленно приступлено будетъ во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и къ составленію учебной книги военныхъ законовъ.

О всѣхъ сихъ соображеніяхъ я имѣлъ счастье докладывать государю императору и получилъ высочайшее повелѣніе объ успѣхахъ въ составленіи учебныхъ книгъ по сему распорядку, отъ времени до времени, доносить его императорскому величеству.

Сообщилъ П. М. Майковъ.





Воспоминанія Елены Юрьевны Хвоцинекой.

(Рожденной княжны Голицыной).

XVIII ¹⁾.

Концертъ, данный отцомъ въ Дворянскомъ собраніи.—Лѣто, проведенное въ Святыхъ горахъ у бабушки Т. Б. Потемкиной.

Въ описываемую мной зиму 1868 года, отецъ мой часто бывалъ въ Петербургѣ и давалъ концерты, которые доставляли ему средства къ жизни. Первый его концертъ, который собиралась я слушать и ожидала съ нетерпѣніемъ, былъ уже назначенъ, но по болѣзни его отложенъ.

— Надѣюсь, что бабушка отпуститъ тебя на мой концертъ, сказалъ отецъ, хотя я слышалъ мнѣніе нѣкоторыхъ родственниковъ, что мнѣ, родовитому князю, неприлично выходить на эстраду, а тебѣ, какъ дочери моей, даже непристойно быть въ моемъ концертѣ; надѣюсь, что ты не раздѣляешь этихъ взглядовъ!

— О! конечно нѣтъ! отвѣтила я,—и жду не дождусь, когда увижу тебя на эстрадѣ.

Всего я не умѣла и не могла ему высказать, что чувствовала въ ту минуту; я могла и умѣла только горячо обнять и поцѣловать его. Онъ понялъ меня,—его глаза наполнились слезами, немного погодя онъ сказалъ:

¹⁾ См. „Русскую Старину“, июнь, 1898 г.

— Проживать какъ я проживалъ состояніе было стыдно, и теперь я стыжусь былого, а зарабатывать честно свой насущный хлѣбъ не стыдно, и дѣти не должны видѣть въ этомъ униженія отца.

— Конечно! отвѣчала я и, взявъ его подъ руку, съ гордостью шла рядомъ съ нимъ и сердце мое было полно любви къ нему.

— Но какъ же ты большой будешь дирижировать, вѣдь ты съ трудомъ поднимаешься на лѣстницу, сказала я.

— Что дѣлать, немного силы воли и съ недугами можно справиться; я не на смертномъ одрѣ, а концерта откладывать еще нельзя.

Бабушки не было дома. Когда она вернулась, онъ пошелъ на ея половину. Бабушка всегда встрѣчала отца моего ласково, но смотрѣла на него, какъ смотреть на балованнаго, но милого ребенка, опасаясь всегда, какъ бы этотъ баловникъ не выкинулъ какую-либо шалость, и въ этотъ разъ бабушка особенно тревожно встрѣтила его. Отецъ мой. поцѣловавъ ея руку и сверкнувъ глазами (это всегда было, когда онъ волновался или сердился) сказалъ: «J'ai à vous parler ma tante» ¹⁾ обращаясь же ко мнѣ: «Hélène! vous pouvez aller dans votre chambre» ²⁾.

Испуганно я уходила, ожидая грозы. Гроза незамедлила... Отецъ что то очень громко говорилъ, сердился, спорилъ, но до моей комнаты долеталъ только шумъ; понять я ничего не могла, но была въ странномъ волненіи.

— Позовите княжну! услышала я голосъ бабушки.

Ни жива.... ни мертва.... входила я въ ея кабинетъ. Отецъ при видѣ меня сталъ стихать. Неудовольствіе его было по слѣдующему поводу: поѣхалъ онъ (но не одинъ) въ свое родовое имѣніе Салтыки-которое было въ опеку; опекунъ же черезъ полицію попросилъ его удалиться оттуда. Это было, конечно болѣе чѣмъ неделикатно и не могло не взбѣсить отца, тѣмъ болѣе, что онъ предполагалъ, что это было сдѣлано по желанію моей матери, но мать была непричастна этому.

Вообще бываетъ такъ: если виновнаго оскорбляютъ, то онъ уже не чувствуетъ себя виноватымъ и его виновность въ глазахъ его умаляется. Отецъ же говорилъ: «да, я виноватъ передъ женой и дѣтьми,—я долженъ нести кару. Богъ мнѣ ее посылаетъ,—я прощаю!» Это была послѣдняя неприятность, послѣднее недоразумѣніе между имъ и матерью. Черезъ три года, отецъ отдалъ намъ все, что имѣлъ: Салтыки, въ которыхъ оставалось полторы тысячи десятинъ земли, и базарную площадь, приносящую десять тысячъ ежегоднаго дохода. Евгеній, братъ, отказался отъ своей части— и мы, три сестры, были владѣтельницами оставшагося состоянія отца при его жизни.

¹⁾ Мнѣ надо поговорить съ вами, тетюшка.

²⁾ Елена, вы можете идти въ вашу комнату.

Наконецъ пришелъ желанный, ожидаемый день: вечеромъ съ графиней Б—вой и ея дочерью я ѣду въ концертъ моего отца.

Съ волненіемъ подбѣзжали мы къ Дворянскому собранію, заражая другъ друга нетерпѣніемъ скорѣе услышать то, что обѣщала намъ афиша, которой я заранѣе запаслась. Какое то необыкновенно радостное чувство съ примѣсью гордости было у меня на душѣ; входя въ залъ, чѣмъ-то роднымъ, чѣмъ-то своимъ все мнѣ казалось, и чудилось даже, что вся эта громадная публика и меня должна знать, или по крайней мѣрѣ догадываться, что я дочь князя Юрія Голицына, который сейчасъ долженъ выйти на эстраду съ своей магической палочкой, и я, пробираясь къ своему мѣсту, гордо поднимала свою голову....

Публика восторженно встрѣчала князя-артиста, выступавшаго на эстраду и гордо окидывавшаго своимъ взглядомъ кругомъ себя. Взглядъ его упалъ и на меня... онъ ласково улыбнулся и, поднявъ свою руку, далъ знакъ оркестру. Въ публикѣ сдѣлалась тишина, оркестръ, какъ одинъ инструментъ, заигралъ. Исполнялся «похоронный маршъ Шопена». послѣ этого исполнено было много русскихъ народныхъ пѣсенъ хоромъ, которымъ также дирижировалъ мой отецъ, и тутъ онъ былъ совсѣмъ въ своей сферѣ: народные звуки и хоръ, это было его дѣтище.

Наканунѣ одного изъ его концертовъ въ 1869 г., 13-го февраля, въ которомъ участвовали г-жи Лавровская, Платонова, Леонова, Петровъ, Власовъ и Гордѣевъ, у него такъ разболѣлись ноги, что на концертъ его внесли на носилкахъ, и онъ дирижировалъ сидя; когда же оркестръ подъ его управленіемъ исполнялъ «камаринскую Глинки», онъ не вытерпѣлъ, русская душа проснулась, забылъ онъ болѣзни свои и всталъ. Три раза публика заставила повторить «камаринскую»—такъ чудно была она исполнена.

Возвращаясь къ своему разсказу. Въ антрактахъ одинъ изъ знакомыхъ отца моего передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ о немъ.

— Вашъ батюшка, какъ вы знаете, княжна, шутникъ и за словомъ въ карманъ не полѣзеть. Такъ однажды князь, находясь въ Петербургѣ, отправился въ итальянскую оперу послушать пріѣхавшую знаменитость, Бозио или Марію, не помню. Около него сѣлъ также какой-то любитель пѣнія, но любитель своеобразный: онъ все время подпѣвалъ пѣвцамъ и довольно громко; конечно онъ этимъ мѣшалъ слушать и сильно сердилъ князя. Когда занавѣсъ опустилась и театръ наполнился громомъ аплодисментовъ, вашъ батюшка началъ свистать. Сосѣдъ его, диллетантъ, съ негодованіемъ и изумленіемъ посмотрѣлъ на князя, сказавъ: «миловидный государь! какъ возможно свистать подобной европейской знаменитости?!... Это вандализмъ!» горячился онъ. Да помилуйте, отвѣтилъ ему князь, какъ же мнѣ не свистать называемой вами знаменитости.

когда она мѣшала мнѣ васъ слушать!... Любитель примолкъ и больше не поддѣвалъ.

Въ маѣ, вмѣстѣ съ братомъ я оставила Петербургъ и отправилась въ Огарево. Я везла съ собою приглашеніе бабушки всему нашему семейству провести лѣто въ Святыхъ горахъ. Мать сказала, что не можетъ ѣхать, такъ какъ у нея большія передѣлки въ домѣ; сестра Соня отказалась ѣхать, чтобы не оставлять маму одну и поѣхала сестра Таня, Катенька и я.—Путь былъ очень длинный—считали около 1.500 верстъ—и утомительный въ жаркіе лѣтніе дни. Наконецъ мы добрались до Святогорскихъ лѣсовъ. Это было рано утромъ, и дорога всѣ дѣлалась красивѣе, а когда мы выѣхали изъ лѣса и подѣхали къ Донцу, картина была величественная! На той сторонѣ рѣки, въ горахъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, поднималась громадная причудливой формы мѣловая скала, на которой ютилась небольшая церковь во имя Св. Николая; выше этой скалы выдѣлялась на голубомъ фонѣ неба красивой архитектуры церковь Вознесенія; у подошвы этихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, у берега Донца расположенъ монастырь и посреди его стѣнъ красовался великолѣпнѣйшій соборъ, только что отстроенный, но еще не освященный, и вся эта картина отражалась въ спокойныхъ и чистыхъ водахъ Донца. На лѣвой сторонѣ отъ моста, на который мы съ грохотомъ вѣзжали, на одной изъ высокихъ горъ мы увидѣли и домъ дорогой нашей бабушки, также окруженный зеленью и чудными пирамидальными тополями, картинно выдѣляющимися своею стройностью и вышиной. Однимъ словомъ, картина Святыхъ горъ такъ хороша, что можно смѣло повторить всѣмъ бабушкины слова: «Придите и посмотрите на творенія Божіи и воздайте хвалу Его святому имени».

Дорога къ дому шла у самыхъ стѣнъ монастыря и захватывала набережную рѣки, гдѣ много сидѣло, стояло и шло богомольцевъ. Потомъ повернули мы довольно круто налѣво и поѣхали вверхъ по рѣкѣ; дорога шла аллеей; направо и налѣво былъ густой лѣсъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣрно, специально прорубленный къ сторонѣ рѣки, чтобы открыть чудный видъ на Донецъ и его окрестности по ту сторону.

Радость свиданія съ бабушкой и радость вѣзжать въ такой благословенный край, видѣть такую красоту природы, заставляло сердце мое биться сильнѣе; а когда подѣзжали мы къ подѣзду и стукъ нашихъ экипажей и топотъ копытъ дѣлался сильнѣе и звучнѣе,—я еле сидѣла; такъ хотѣлось мнѣ выпрыгнуть изъ экипажа поскорѣе.

— Наконецъ то пріѣхали дѣти! услышали мы голосъ бабушки, которая спускалась къ намъ на встрѣчу съ лѣстницы, поддерживаемая лакеемъ.

Наверху лѣстницы встрѣтила насъ большая компанія пріѣхавшихъ изъ Петербурга съ бабушкой на лѣто въ Св. Горы. Я не могла еще

никого толкомъ разглядѣть, такъ какъ голова у меня кружилась отъ нашей дальней дороги и отъ радости, что наконецъ то пріѣхали, и отъ счастья видѣть бабушку.

— Ну дѣтки, идите въ приготовленныя вамъ комнаты, сказала бабушка, одѣньтесь, пейте чай, а я пока съѣзжу къ обѣднѣ.

Она уѣхала, а насъ повели въ наши апартаменты. Изъ нашихъ оконъ былъ виденъ весь монастырь. Я полюбовалась еще нѣсколько секундъ красотой окружающей природы и мигомъ стала сбрасывать съ себя дорожное, пыльное платье и сгѣшшила одѣваться, чтобъ идти пить чай со всей компаніей, ожидавшей насъ. Я застала все общество въ залѣ за чайнымъ столомъ; оно состояло изъ женскаго персонала и только одинъ старичекъ, домашній докторъ бабушки, французъ Патенотръ, зашѣлся между дамами.

Дверь на террасу была открыта настежь, когда я вошла, и все тотъ же видъ на мѣловую скалу, рѣчку и монастырь открывался чудной попорамой. Благовѣстили къ «достойной». Черезъ нѣсколько времени услышали мы стукъ экипажа, и въ залъ вошла бабушка и усѣлась съ нами за столъ на свое мѣсто. Она сказала мнѣ, что ожидаетъ скорого пріѣзда бабушекъ: княгини Вѣры Ѳедоровны Голицыной и княгини Александры Борисовны Мещерской (ея сестры) съ племянникомъ Гончаровымъ и сожалѣла о томъ, что моя мать не могла оставить дѣла свои и хозяйство.

На другой день нашего пріѣзда, съ первымъ ударомъ монастырскаго колокола къ обѣднѣ лошади были поданы къ подъѣзду, и мы сгѣшшили надѣвать шляпы, чтобы не заставить себя ждать. Четверикъ бѣлыхъ лошадей, запряженный цугомъ въ карету, стоялъ впереди остальныхъ двухъ экипажей. Спускаясь съ лѣстницы бабушка взяла меня за руку и сказала: «ты садись со мной!» а когда мы отѣхали, она, взглянувъ въ открытое окно кареты, сказала: «N'est ce pas que c'est beau Sv. Горы et je remercie Dieu de pouvoir jouir encore de ce sejour ¹⁾». Когда мы подъѣзжали къ монастырю, народъ толпой шелъ въ церковь и, увидавъ бабушку, всѣ низко ей кланялись; на всѣхъ лицахъ была видна любовь къ ней, а ея добрыя глаза такъ ласково смотрѣли на этотъ сѣрый людъ, пришедшій за нѣсколько десятковъ верстъ помолиться въ Святыя Горы; и она также любила ихъ, любила вѣру ихъ въ Бога, не мудрую, но крѣпкую, непоколебимую. «Блажени нище духомъ, ибо ихъ есть царство небесное», говорила она, глядя на богомольцевъ.

Служба въ монастырѣ и пѣніе были очень хорошія, порядокъ примѣрный; монахи держали себя скромно, не выходили изъ церкви, не

¹⁾ Не правда ли, какъ хороши Sv. Горы? И я благодарю Бога, что могу еще наслаждаться своимъ пребываніемъ здѣсь.

смѣялись на клиросахъ, не выглядывали на молящихся, что къ несчастью часто замѣчается въ нѣкоторыхъ монастыряхъ; одѣты были все чисто: однимъ словомъ, ничто не шокировало, не нарушало общаго впечатлѣнія и ничто не мѣшало молиться. Архимандритъ, отецъ Германъ, былъ настоятелемъ монастыря; онъ въ высшей степени строгой жизни и хорошій монахъ, поэтому могъ требовать того же и отъ младшей братіи обители. Онъ былъ умнымъ настоятелемъ и прекраснымъ хозяиномъ: дѣлательнымъ, заботливымъ, неутомимымъ какъ въ духовныхъ дѣлахъ своихъ такъ и въ хозяйственныхъ. Архимандритъ Германъ никогда не принималъ у себя дамъ, исключая бабушки Потемкиной и тѣхъ только, кто съ нею пріѣзжалъ къ нему; такъ и остальные монахи не имѣли права принимать у себя въ кельяхъ гостей женскаго пола. Роста онъ былъ маленькаго, худенькій, но голосъ у него былъ большой, звучный, задушевный баритонъ, и служилъ онъ превосходно; въ особенности любилъ я, когда онъ служилъ панихиды.

Послѣ обѣдни поѣхали мы на кладбище поклониться могиламъ родственникововъ, которые похоронены тамъ въ церкви Антонія и Феодосія; тамъ есть и ходъ въ пещеры. Вотъ въ этой церкви бабушка желала быть похороненной и показывала мѣсто, которое она назначила себѣ: подъ образомъ Маріи Магдалины, когда Спаситель по воскресеніи явился ей. Я всегда горько плакала, когда бабушка указывала мнѣ мѣсто, гдѣ будетъ лежать, но Господь судилъ иначе: не пришлось ей умирать въ Св. Горахъ и не пришлось быть даже похороненной тамъ.

Возвращаясь домой бабушка рассказала мнѣ анекдотъ объ отцѣ въ слѣдующихъ словахъ: ѣхала я здѣсь же, въ Св. Горахъ, съ твоимъ отцомъ, къ обѣднѣ, въ этой же каретѣ.—Когда онъ сѣлъ со мною, я сказала ему: какой ты толстый Юрка, и какъ не удобно съ тобой сидѣть!

— Погодите, тетушка,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—когда будемъ возвращаться отъ обѣдни, вамъ будетъ просторно и удобно.

— Почему? —спросила я.

— А потому, продолжалъ твой отецъ,—что мы «животъ Богу предадимъ». — Вотъ какой онъ находчивый и какой каламбуристъ!..—сказала она.

Жизнь наша текла тихо, смиренно, однообразно, по-монастырски. О свѣтскихъ удовольствіяхъ забыли какъ-то думать; да оно и не могло быть иначе, такъ какъ близость монастыря, частый звонъ колокола, призывавшій на молитву, образъ мыслей бабушки, которая царилъ надъ нами и никто не мѣшалъ ей простираť свое благотворное вліяніе на тѣхъ, кто хотѣлъ ее слушать, не позволяло даже помыслить о свѣтскихъ удовольствіяхъ.

Развлеченія наши были: катанье на лодкѣ, въ экипажахъ, верхомъ

и прогулки пѣшкомъ. Сосѣдей было мало, а молодежи никакой. Когда бабушка княгиня Мещерская пріѣхала съ А. И. Гончаровымъ, наше многочисленное общество дамъ воспріянуло! Онъ былъ такой умный, интересный собесѣдникъ, но такъ какъ онъ былъ единственный, ему трудно было успѣвать быть любезнымъ со всѣми, вслѣдствіе этого онъ нажилъ себѣ враговъ, и въ нашемъ, доселѣ мирномъ, уединеніи, зародились сплетни. А тутъ еще я затѣяла кататься съ нимъ верхомъ, и это подало поводъ говорить о томъ, что я влюбилась въ Гончарова, а онъ въ меня. Но ни съ той, ни съ другой стороны чувства этого не было; намъ весело было вмѣстѣ разговаривать, кататься, заниматься музыкой, и отношенія наши были просто дружескія.

Бабушка Мещерская была очень некрасива, но родовитость, высокій ростъ и умное выраженіе глазъ сглаживали ея дурноту. Одѣвалась она всегда въ бѣлое легкое платье, на голову надѣвала бѣлый чепецъ, а сверхъ него тюлевый шарфъ, на плечи накидывала пунцовый крепоновый длинный шарфъ, какъ носили ихъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Вообще видъ у нея былъ очень аристократичный, но около моей дорогой бабушки она все-таки теряла, хотя можно было угадать, что онъ сестры. Доброта и великодушіе, присущія ихъ семьѣ и у нея была, но въ привязанностяхъ она была непостоянна, и имѣя горячее сердце и вспыльчивый нравъ, она или обожала или ненавидѣла. Вотъ, гдѣ была громадная разница между сестрами. Татьянѣ Борисовнѣ чувство ненависти или мести совершенно не было знакомо; любовь, великодушіе, ровность въ поступкахъ и въ обхожденіи съ людьми не покидали ее, тогда какъ Александра Борисовна имъ иногда измѣняла и рядомъ съ великодушными поступками бывали и странныя, заставляющія сомнѣваться въ ея добромъ сердцѣ, которое у нея отнять все-таки нельзя было.

Таня съ Катенькой недолго насладились святогорской жизнью, такъ какъ первой пора было начинать ванны, и бабушка Потемкина отвезла ихъ въ Славянскъ и устроила въ своемъ домѣ, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ соленыхъ озеръ и ваннъ. Славянскъ тогда представлялъ очень мало интереса, какъ общественное мѣстопребываніе, и удобствъ никакихъ: пески непролазные, жара страшная, отъ которой и скрыться было негдѣ, такъ какъ садъ только разводился; пріѣзжіе больные помѣщались просто въ хатахъ, извозчиковъ было мало и большая часть публики приходила купаться по образу пѣшаго хожденія. Лучшій домъ во всемъ Славянскѣ былъ Потемкиныхъ, гдѣ жила Таня, при этомъ домѣ были флигеля, гдѣ помѣщались разные больные на счетъ бабушки, и разбитъ былъ еще молодой садъ. Самый городъ, а слѣдовательно и церкви были довольно далеко отъ дома; всѣ старушки, а также и Катенька съ Таней тосковали безъ службы. Бабушка не замедлила успокоить желающихъ

*

посѣщать храмъ Божій и въ двѣ недѣли устроила въ Славянскомъ домѣ церковь во имя св. Пантелеймона, и говорила, что она сдѣлала это въ память Танинаго тамъ пребыванія.

Въ то время и въ Св. Горахъ готовились всѣ къ освященію собора, которое должно было быть 15-го августа, въ день хромоваго праздника. Ждали преосвященнаго Макарія (впослѣдствіи митрополитъ московскій) и всѣхъ властей изъ Харькова.

Пріѣздъ архіепископа для освященія храма—это великое событіе въ селѣ, а также и для монастыря. Народъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень стекается массами, ожидая получить благословеніе отъ преосвященнаго и послушать его службу. Такъ и тогда все населеніе ожидало пріѣзда преосвященнаго Макарія, для освященія Святогорскаго собора. Всѣ взоры и мысли были обращены на дорогу, откуда долженъ былъ ѣхать владыко.

Бабушка выслала за нимъ свой четверикъ бѣлыхъ лошадей, и какъ только увидѣли его, съ колокольни возвѣстили пріѣздъ преосвященнаго звономъ въ колокола; народъ заколыхался и оживился; мы всѣ стояли на балконѣ, откуда смотрѣли на эту торжественную картину.

Когда коляска преосвященнаго повернула по дорогѣ къ дому, мы пошли за бабушкой, которая шла къ подъѣзду встрѣчать преосвященнаго.

Вышедши изъ экипажа, преосвященный спѣшилъ на встрѣчу бабушкѣ: она стояла наверху площадки, ожидая получить его благословеніе; мы всѣ также подходили за благословеніемъ и цѣловали благословляющую руку. Преосвященный Макарій былъ высокаго роста, очень благообразный и ко всѣмъ почти обращался съ добрымъ, радушнымъ словомъ. Онъ отличался изысканными манерами, умомъ, тактомъ и знаніемъ какъ вести себя съ свѣтскими, такъ и съ духовными лицами, однимъ словомъ, Макарій былъ монахъ, образованный, ученый и воспитанный.

Наканунѣ Успенія была торжественная всенощная, которую служилъ архіепископъ, а въ день Успенія совершилось и освященіе храма. При Святогорской обители есть скитъ, въ который народъ и постороннія лица допускаются только одинъ разъ въ годъ, а именно на другой день Успенія; тогда Донецъ наполняется многочисленными лодками, которые перевозятъ богомольцевъ въ скитъ. Первая лодка, которая отчалила, была лодка архимандрита, ѣхавшая съ хоругвями и причтомъ, за ней шла лодка бабушки Потемкиной, въ которую былъ приглашенъ архіепископъ и всѣ гости, а также три мои бабушки сидѣли въ ней, всѣ молодые размѣстились въ той же лодкѣ; за нами уже плыли остальные, наполненные народомъ; зрѣлище было великолѣпное и торжественное. По берегу народъ шелъ массами. Къ Успенію въ Святые

Горы стекалось около 14 тысячъ человѣкъ. Кто прїѣзжалъ помолиться, а кто на ярмарку, которая расположена была по ту сторону Донца.

Недолго оставалось мнѣ насладиться жизнью въ Св. Горахъ при дорогой бабушкѣ: подходило время къ нашему отъѣзду. Всѣ гости и родные разѣхались, оставали мы однѣ. Тани кончила свои ванны. Наступилъ уже сентябрь.

XIX.

Возвращеніе въ Огарево.—Препятствія къ поѣздкѣ въ Петербургъ.—Письма Т. В. Потемкиной. — Отъѣздъ въ Петербургъ. — Необыкновенная доброта бабушки.—Характеристика А. М. Потемкина.—Болѣзнь сестры.

Возвратившись въ Огарево, мы опять зажили тихою семейною жизнью. Съ наступленіемъ зимы мамá думала отправить меня въ Петербургъ, но въ октябрѣ было получено письмо ¹⁾ Т. В. Потемкиной, въ которомъ она между прочимъ писала:

«Я бы очень желала прїѣзда Лели сюда на эту зиму; но, къ сожалѣнію, я сама должна лишиться ее и насъ этого удовольствія—пробыванія съ нами. Жоржъ проводитъ здѣсь всю зиму, съ «своей несчастной свитой»; и дѣтямъ нельзя быть въ «этой атмосферѣ». Поэтому, не жду Лелю сюда, а приглашаю ее провести съ нами лѣто въ Крыму или въ «Святыхъ Горахъ». Леля любитъ свѣтъ, особенно театр; она могла бы тамъ встрѣтить своего отца «съ его свитой» и это было бы крайне неприлично. И потому, совѣтую вамъ имѣть эту зиму вашихъ дѣтей при себѣ, а на лѣто прислать намъ Лелю и Соню, чтобы намъ ужъ ихъ всѣхъ знать. Я очень огорчена, что здоровье Тани не поправилось и что она болѣла дорогой. Она очень милая и я ее очень люблю».

Письмо это крайне огорчило и обидѣло меня. Почему дочери нельзя находиться въ томъ же городѣ, гдѣ ея отецъ? До его интимной жизни кому какое дѣло! И я рѣшилась во что бы то ни стало ѣхать въ Петербургъ. Мамá раздѣляла мое мнѣніе и у насъ завязалась переписка съ бабушкой Татьяной Борисовной. Послѣдняя, 5-го декабря 1868 г., отвѣчала:

«Вчера вечеромъ получила я ваше послѣднее письмо; оно такое печальное и такъ меня огорчило! Если моя милая Леля будетъ довольна своей прежней маленькой комнаткой наверху, то пусть прїѣзжаетъ! Я желаю ее видѣть больше, чѣмъ она меня! М-те Герцъ на мѣстѣ, но у

¹⁾ Отъ 9-го октября 1868 г.

меня есть другая особа, очень добрая, которую я привезла изъ Москвы; она помѣщается въ комнатѣ, гдѣ жила горничная Лели; а м-ше Герцъ, во время вашего отсутствія, помѣщалась въ комнатѣ Лели, эта комната будетъ свободна 10-го декабря; въ тотъ день м-ше Герцъ уѣдетъ. Не предавайтесь, дорогая моя, такъ сильно вашему горю, я его вполне раздѣляю и надѣюсь, что ваша вѣра утѣшитъ его и приблизитъ васъ къ Богу, переносите ваше горе изъ любви къ Нему. Я болѣе жалѣю тѣхъ, у кого совѣсть обременена, а у васъ она чиста; у васъ та благая часть, что вы невинны и умѣете прощать. Господь пребываетъ съ вами и вамъ утѣшительно прибѣгать къ Нему. Благодарю васъ, что вы снова отпускаете свою дочь ко мнѣ; я съ радостью ее приму; пусть она пріѣдетъ съ братомъ.

«Теперь я занята тѣмъ, что готовлю ей (то-есть: оставляю послѣ себя) маленькую память; я всегда желала отдать ей Макатику и домъ въ Славянскѣ; но такъ какъ все это принадлежитъ моему мужу, то я ничего не могу сдѣлать безъ его согласія. И, по этому случаю, я ему оставляю, послѣ моей смерти, листикъ бумаги, гдѣ будетъ написана моя послѣдняя воля, и я надѣюсь, что онъ, изъ любви ко мнѣ, согласится на это.

«Послѣ моей смерти, вы можете ему показать это письмо, написанное сегодня, 5-го декабря 1868 года. Довѣряя вамъ эту маленькую тайну, вы ее откроете послѣ моему мужу; но не говорите объ этомъ никому, чтобы ничто не помѣшало моему желанію, ибо мое письмо дѣлается какъ бы маленькимъ документомъ въ вашихъ рукахъ! А если мой мужъ не согласится отдать Макатику, то мы наградимъ ее чѣмъ-нибудь другимъ».

Я отправилась въ Петербургъ вмѣстѣ съ братомъ. Въ вокзалѣ Николаевской жлѣзной дороги меня встрѣтилъ отецъ, посадилъ въ карету, и я съ Дуняшей покатила въ Милліонную. Бабушка встрѣтила меня такъ-же радушно и ласково, какъ и прежде.

Войдя въ свои комнаты, мнѣ такъ грустно было не найти въ нихъ моего друга, м-ше Герцъ, которая только что уѣхала изъ Петербурга. Въ ту минуту, когда я думала объ м-ше Герцъ, оглядывая всю знакомую мнѣ обстановку своихъ миниатюрныхъ комнатъ, вошла ко мнѣ моя новая сожительница, о которой писала бабушка. По наружности она была совершенный контрастъ съ м-ше Герцъ, и съ перваго взгляда можно было также сказать, что въ ней отсутствовали сентиментальность, застѣнчивость, несмѣлость, доходившая у м-ше Герцъ до какой-то безпомощности. Она, наоборотъ, была смѣлая, живая, повидимому, умѣвшая за себя постоять, когда нужно, и энергичная; доброта и въ ней была сразу видна, и я тутъ же подумала, что мы будемъ друзьями и что поймемъ другъ друга. Профессія ея была—живопись. Она пріѣхала

въ Петербургъ сдавать экзаменъ въ Академіи художествъ, а такъ какъ, обладая небольшими средствами, ей было трудно на нихъ жить для этой цѣли въ Петербургѣ, то Татьяна Борисовна пріютила ее у себя, о чемъ Ю. А. Ш—ва съ глубокой и искренней признательностью рассказывала мнѣ и при этомъ на лицѣ ея отражалась горячая любовь къ бабушкѣ. Ну, когда я увидѣла это,—мое сердце сразу почувствовало и къ ней расположеніе.

Бабушка Татьяна Борисовна, узнавъ, что Таня все болѣетъ, немедленно написала матери моей, прося прислать ее для совѣта съ хорошимъ петербургскимъ докторомъ; я, конечно, была въ восторгѣ, что сестра пріѣдетъ, но кругомъ меня я чувствовала неудовольствіе нѣкоторыхъ, при этомъ извѣстїи, и вопросъ: «куда же помѣститъ Татьяна Борисовна Ю. А. Ш—ву» интересовалъ всѣхъ. Несомнѣнно я не могла равнодушно отнестись къ возбуждавшемуся неудовольствію, по случаю пріѣзда моей сестры, и къ тому, что Ю. А. останется безъ комнаты. Но послѣдній вопросъ добрая бабушка скоро разрѣшила, а отъ перваго—не разъ приходилось мнѣ уходить въ свои комнатки плакать...

Правда, что домъ Потемкиныхъ былъ «полонъ, какъ яйцо»—это слова бабушки, когда я въ первый разъ пріѣхала къ ней, она сказала: «*ma maison est remplie comme un oeuf*», но доброта ея непомѣрная всегда находила способъ пріютить у себя и успокоить. Ю. А. Ш—ва пришла ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ и сказала: «Татьяна Борисовна нашла для меня уголокъ: я буду помѣщаться около ея спальни, въ ея уборной!» Это извѣстїе меня также обрадовало, но опять кругомъ насъ слышались порицанія желанію бабушки помѣстить Ю. А. рядомъ съ собой; нѣкоторые смѣялись, нѣкоторые ворчали, а нѣкоторые, какъ и мы, находили, что отлично придумала Татьяна Борисовна. Тѣ, которые смѣялись, вспоминали слѣдующій случай. Пріѣхала, однажды, въ Петербургъ какая-то игуменья по дѣламъ своей обители, позабыла-ли она, потеряла-ли свой видъ, не помню, у нея его не было; полиція стала требовать его. Что было дѣлать ей? возвращаться обратно—было накладно, ожидать, пока выправитъ ей его—долго, и она отправилась прямо къ Татьянѣ Борисовнѣ, объявила ей въ чемъ дѣло, и Татьяна Борисовна, войдя въ ея положеніе, предложила ей ту же комнатку, въ которую помѣщала теперь Ю. А. Ш—ву, другой не было.

Игуменья съ радостью приняла предложеніе и осталась. Привыкшая къ скромной монастырской пищѣ, къ другому, можетъ быть, маслу, она, не сообразивъ этого, кушала все, что предлагали; но не сразу почувствовала она себя дурно. Пришелъ вечеръ; распростилась она со всѣми, и Татьяна Борисовна повела ее потихоньку въ приготовленную рядомъ со спальней комнату и сказала: «Предупреждаю васъ, матушка, что мужъ мой не знаетъ о томъ, что я помѣщаю васъ здѣсь, но другого

помѣщенія у меня нѣтъ, а поэтому прошу васъ не выдавайте себя и меня; теперь вы можете затворить дверь, но мой мужъ имѣетъ привычку всегда, войдя въ спальню, отворить дверь въ уборную. Не беспокойтесь! сказала она, увидя испугъ игуменьи, туда онъ не входитъ и не войдетъ, только лежите смирно, чтобы не обратить его вниманія». Всѣ разошлись; игуменья исполнила все, что бабушка ей сказала и спокойно улеглась. Александръ Михайловичъ пришелъ въ обычный свой часъ, по привычкѣ отворилъ въ уборную дверь, помолился Богу вмѣстѣ съ бабушкой (они всегда передъ сномъ молились вмѣстѣ) и легъ спать; не успѣлъ онъ заснуть, какъ вдругъ услышалъ какіе-то возгласы и шумъ въ уборной; у игуменьи сдѣлался кошмаръ отъ непривычной и обильной пищи, тогда Александръ Михайловичъ въ испугѣ и удивленіи спрашиваетъ бабушку: «*Tatiane! qu'est-ce que c'est?*» и при этомъ хочетъ встать и посмотрѣть, что это за шумъ. Татьяна Борисовна въ страхѣ, что тайна ея открывается и что это разсердитъ мужа, не пускаетъ его; онъ настаиваетъ идти посмотрѣть, что шумитъ въ уборной, тогда Татьяна Борисовна, боясь что онъ увидитъ и сконфузить бѣдную игуменью своимъ появленіемъ, рѣшается сказать ему истину: «*Mais c'est l'abaisse, cher ange, que j'ai placée dans ma chambre, car je n'avais pas d'autre*»¹⁾). Какъ варомъ его обдало признаніе жены, и онъ притихъ, конечно, недовольный имѣть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ лицо постороннее и совѣтъ даже ему незнакомое; но можно-ли было долго сердиться на поступокъ, который сдѣлалъ былъ отъ добраго сердца? и Александръ Михайловичъ смирился, не сказавъ ни слова и, измѣняя своей привычкѣ видѣть отворенную дверь въ уборную, пошелъ потихоньку затворить плотнѣе, и засыпая, вѣроятно думалъ о любвеобильномъ сердцѣ своего ангела-жены.

На другой день весь Петербургъ зналъ о происшествіи съ игуменьей въ домѣ Татьяны Борисовны и дошла эта новость до императора Николая Павловича, который хохоталъ до истерики, слушая рассказъ, и долго спустя дразнилъ бабушку, напоминая объ игуменьѣ, и заливался громкимъ смѣхомъ, говоря: «Ну, что, Татьяна Борисовна, какъ поживаетъ ваша игуменья? Не была-ли еще у васъ въ гостяхъ?»

Разсказывали еще слѣдующій случай.

Одна изъ дамъ петербургскаго большаго свѣта возымѣла желаніе приблизиться къ императрицѣ, и для этой цѣли притворилась обожающею бабушку Потемкину и не покидала ее почти ни на минуту. Она сдѣлалась необходимымъ для Татьяны Борисовны существомъ, сопровождавшимъ ее всюду, конечно также и во дворецъ. Обладая умомъ,

¹⁾ Но это монахиня, мой ангелъ, которую я помѣстила въ своей комнатѣ, потому что другой не имѣю.

красивой наружностью, необыкновенно живымъ характеромъ, она всѣмъ нравилась, и государыня ее полюбила. Между прочимъ она была страшная шалунья и любила шутить, устраивая разныя проказы, такъ на примѣръ: когда у Татьяны Борисовны бывали духовныя лица, она съ ними вела разговоры, совершенно неподобающіе ихъ сану и положенію, и ставила въ тупикъ, смущала ихъ, а Татьяну Борисовну удивляла беспокоила и сердила. Послѣ подобнаго разговора съ однимъ архіереемъ, Татьяна Борисовна, сдѣлала ей замѣчаніе, но это не подѣйствовало на шалунью, и она продолжала тоже самое; тогда бабушка отдала приказаніе швейцару, чтобы г-жу М. не принимать, когда у нея будетъ кто либо изъ духовныхъ лицъ. Что же сдѣлала г-жа М., получивъ подобный отказъ? Узнавъ заранѣе, когда ожидали пріѣхавшаго изъ провинціи архіерея, который ее не зналъ, она достала себѣ монашеское одѣяніе, надѣла его и пріѣхала въ домъ Потемкиныхъ; швейцаръ ее не узналъ и, такъ какъ монахини входили безъ доклада, онъ пропустилъ и ее. Войдя въ кабинетъ бабушки, гдѣ сидѣлъ архіерей, бесѣдуя съ хозяйкой, она подошла подъ его благословеніе, отрапортовала изъ какого монастыря, по какимъ дѣламъ монастырскимъ пріѣхала въ Петербургъ и затѣмъ, обернувшись къ бабушкѣ, низко поклонилась ей... Изумленіе и ужасъ выразились на лицѣ бабушки, когда она узнала въ монахинѣ г-жу М.; слова же замерли на устахъ, такъ какъ невозможно было выдать шалунью и поставить себя и духовное лицо въ неловкое положеніе. Слушая болтовню мнимой монашенки, бабушка сидѣла недовольная, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда архіерей уѣдетъ, чтобы пожурить г-жу М.

Александръ Михайловичъ Потемкинъ былъ страшный педантъ и можно сказать человѣкъ привычки; у него весь день былъ разсчитанъ не только по часамъ, но даже по минутамъ, такъ на примѣръ: если время приходило кончить чтеніе онъ даже и до точки не дочитывалъ и закрывалъ книгу; поэтому онъ страшно не любилъ людей, мѣшающихъ ему или заставляющихъ его мѣнять, хотя въ чемъ-нибудь, его обыденную жизнь, и вотъ г-жа М. была изъ тѣхъ, которая врывалась въ домъ не въ урочные часы и засиживалась по вечерамъ у бабушки. Это мѣшало бѣдному старику приходиться спать и молиться Богу въ назначенный часъ, такъ какъ г-жа М. не уѣзжала прежде, чѣмъ бабушка не раздѣнется; и вотъ вслѣдствіе этого она была, какъ говорятъ французы: «*La bête noire d'Alexandre Mikaylovitch*». Но послѣ такой любви и ухода за бабушкой, достигнувъ своей цѣли и приблизясь къ государынѣ, она покинула окончательно любимую свою Татьяну Борисовну и даже почти перестала бывать въ домѣ Потемкиныхъ на радость и удовольствіе хозяина.

Не знаю, насколько это правда, и поэтому не выдаю за истину, но говорили мнѣ, что у Александра Михайловича Потемкина были часы

въ недѣлѣ, когда онъ никому не отказывалъ, если у него просили денегъ, и будто бы одинъ изъ его племянниковъ, узнавъ объ этомъ, выпросилъ у него чуть не сто тысячъ для покрытія долговъ.

Александръ Михайловичъ былъ очень хорошій человекъ и можно даже назвать его праведнымъ, но между тѣмъ онъ все хорошее, доброе дѣлалъ изъ принципа, тогда же какъ Татьяна Борисовна дѣлала добро отъ потребности своей души и отъ горячей любви къ ближнему, которую она сѣяла по своему жизненному пути. Поэтому-то всѣ ее знали, всѣ ее любили, всѣ стремились къ ней, а Александръ Михайловичъ ступивъ впередъ женой, несмотря на свои достоинства и несмотря на то, что онъ былъ хозяинъ, и безъ него, безъ его разрѣшенія, ничего не дѣлалось.

Думы мои передъ пріѣздомъ сестры были то радостныя, то грустныя: — и продолжала чувствовать, что пріѣздъ ея считался лишнимъ, неудобнымъ, хотя она какъ близкая родственница хозяйки имѣла болѣе правъ, чѣмъ многіе другіе на гостепримство и любовь Татьяны Борисовны Потемкиной.

Когда сестра пріѣхала, когда обнимала и цѣловала ее, я забыла все, что было у меня горькаго на душѣ передъ ея пріѣздомъ, и наслаждалась одной только мыслью, что я буду жить съ сестрой и не буду уже чувствовать себя иногда одинокой среди этой шумной и холодной толпы.

Недолго пришлось мнѣ наслаждаться обществомъ сестры. Вскорѣ послѣ ея пріѣзда она простудилась и заболѣла пятнистымъ тифомъ.

XX.

Послѣдніе дни бабушки Т. Б. Потемкиной. — Ея болѣзнь. — Отъѣздъ за границу и кончина.

Приближалось то время, когда всѣ петербуржцы направляютъ свои думы и мысли, какъ бы скорѣй и куда-нибудь уѣхать изъ столицы на отдыхъ. Такъ и въ домѣ Потемкиныхъ шли разговоры объ отъѣздахъ: сестру мою доктора отправляли за границу; отецъ мой былъ уже наканунѣ поѣздки въ Карлсбадъ; онъ чувствовалъ себя очень не хорошо и предвидѣлъ, что не долго будетъ жить.

Бабушка Т. Б. Потемкина стремилась, конечно, въ Св. Горы и желала, чтобы я ѣхала съ ней; но прежде собиралась она съ мужемъ въ Гостилицы на мѣсяцъ, куда весь домъ, со всѣмъ штатомъ перебирался на все лѣто. Мнѣ же предстояло выбирать изъ многого: ѣхать съ се-

строй за границу, ѣхать въ Святые Горы и Гостилицы, или ѣхать къ матери въ Огарево. Когда такъ много выбора, то не знаешь на чемъ остановиться, и я все раздумывала. Таня ткнула меня съ собой, и я начала склоняться на поѣзду съ сестрой за границу; а когда я сказала бабушкѣ, что думаю сопровождать сестру, она даже, дорогая моя, разсердилась на меня и сказала:

— А я хочу, чтобы ты осталась со мной и ѣхала бы въ Святые Горы. Тебѣ, конечно, всѣ будутъ совѣтывать ѣхать за границу, потому что не желаютъ, чтобы ты была со мной, и сестра моя Софья въ томъ числѣ. Но я тебѣ повторяю, не обращай на это вниманія и оставайся со мной и знай, что я хозяйка!

Всѣ эти слова бабушки меня страшно поразили! Я въ первый разъ слышала отъ нея открытый протестъ противъ всѣхъ и какъ бы раздраженіе на всѣхъ. Что это значило—я тогда не понимала. За завтракомъ кто-то спросилъ у меня, куда я ѣду на лѣто, и я отвѣтила, что, вѣроятно, въ Святые Горы.

— Пожалуйста, не воображай,—сказала ей сестра, — что Татьяна поѣдетъ въ Св. Горы, да вамъ тамъ и дѣлать нечего! и все это лишніе расходы, за что Александръ Михайловичъ сердится, да и безъ васъ тамъ будетъ много, и мѣста не будетъ.

— Ахъ! Sophie, что тебѣ за дѣло?—Я желаю, чтобы онѣ ѣхали.

— Да и ты не посмѣешь ѣхать!—отвѣчала сестра,—какъ тебѣ не стыдно оставлять больного мужа?—Ты его совсѣмъ не жалѣешь!

Уговоры родственниковъ и совѣты докторовъ убѣдили Татьяну Борисовну, что ей необходимо ѣхать за границу.

Передъ отъѣздомъ въ Гостилицы, во время послѣдней обѣдни въ домѣ на Милліонной, бабушка подводила къ святому причастію старшую свою сестру, княгиню Елисавету Борисовну Куракину, которая съ 25-лѣтняго возраста была сумасшедшая.

Бабушка, княгиня Куракина проводила лѣто всегда въ Гостилицахъ, гдѣ для нея былъ отдѣльный домъ, и это передъ отъѣздомъ туда ее приобщали. Въ молодости она была красавица, талантливая, чудно играла и рисовала; очень была образованная, воспитана была иезуитами. Мнѣ рассказывали, что когда они были высланы изъ Россіи, она изъ любви къ нимъ, желая страдать за нихъ и принести себя въ жертву—сожгла себѣ палецъ на свѣчи—это и былъ первый припадокъ сумасшествія; тогда ей было 25 лѣтъ. А другіе говорили мнѣ, что она помѣшалась отъ ревности, обожая своего мужа, который ей постоянно былъ невѣренъ.

Одинъ изъ князей Куракиныхъ, бывши посланникомъ въ Парижѣ, во время бала въ Тюльери, когда сдѣлался пожаръ, былъ спасенъ благодаря громадному количеству брильянтовъ, которые были на немъ; жулики, ко-

торые очутились во время пожара во дворцѣ, вынесли его какъ драгоценную находку и по мѣрѣ того, какъ они обрывали съ него брильянты, они его подхватывали и несли наружу, спасая его и самихъ себя, и, не теряя времени, набивали свои карманы его брильянтами.

Проводивъ сестру свою за границу съ Катенькой, я стала собираться съ бабушкой въ Гостилицы, бывшее имѣніе графа Разумовскаго.

Дворецъ въ Гостилицахъ строилъ Разстрелли. Чудное это было мѣстопробываніе для лѣта: великолѣпный паркъ, садъ, разнообразныя цвѣтники, масса фонтановъ, каскадъ, пруды съ лебедями и чистые свѣтлыя ручьи, гдѣ плавали форели — все это представляло изъ себя что-то феерическое! Давно исчезло то время, когда я наслаждалась красотой Гостилицъ, сидя гдѣ-нибудь на лавочкѣ, прислушивалась къ разнообразному плеску и шуму воды фонтановъ и каскада, но все прошлое въ моей памяти такъ живо, что я, припоминая то время, какъ сейчасъ вижу все передъ глазами.

Дорогая бабушка видимо слабѣла и постоянно засыпала. Несмотря на это, отъѣздъ ея за границу былъ неминуемъ и день выѣзда уже былъ назначенъ. Я была такъ разстроена близкой разлукой съ дорогой бабушкой, и закравшееся предчувствіе въ мою душу меня сильно удручало. Пришла разлука. Лошади для меня были поданы; я, вся въ слезахъ, пришла въ спальню дорогой моей незабвенной бабушки, гдѣ она, взявъ изъ кіота маленькій образокъ Владимірской Божьей Матери, благословила меня и сказала:

— Скажи твоей матери, что я хотѣла тебя взять съ собой и мнѣ горько съ тобой разставаться, но... ты видишь, я такъ слаба, что не могу съ ними бороться!.. Господь, да прими тебя, дорогое дитя!

Бабушка также плакала. Последнія бабушкины слова, какъ молоткомъ стучали мнѣ и въ сердце и въ голову—она «не можетъ съ ними бороться», она «стала слаба»!—слѣдовательно, она всю жизнь боролась и терпѣла и много ей надо было твердости и энергій, чтобы идти по тому пути, который ей указывалъ Господь!.. Когда я садилась въ экипажъ, бабушка стояла на ступеняхъ подъѣзда и осѣняла меня крестомъ; я не спускала съ нея глазъ, и сердце говорило мнѣ: смотри, смотри на свою бабушку, ты больше не увидишь ее.

Предчувствія мои оправдались; 29-го іюня 1869 года, бабушка Потемкина, пріѣхавъ въ Берлинъ съ сестрой своей Софьей Борисовной и свитой, по пути къ тѣмъ водамъ, куда послалъ ее профессоръ З., черезъ полторы сутокъ, а именно 1-го іюля, тихо, безболѣзненно и неслышно скончалась или вѣрнѣе уснула...

Александръ Михайловичъ Потемкинъ, какъ истинный христіанинъ, принялъ горе, посланное ему Богомъ, и черезъ два года послѣ горячо-

любимой жены, проживъ съ ней 53 года, умиралъ въ полномъ сознаниі, простившись со всѣми окружающими его, исповѣдуясь громко, при всѣхъ присутствовавшихъ, и сокрушаясь о томъ, что часто мѣшалъ своему ангелу-женѣ дѣлать добро, и приобщившись Святыхъ Тайнъ, спокойно отошелъ въ вѣчность.

Ни мнѣ, ни матери моей, ни отцу никто не сообщилъ о кончинѣ бабушки, а о подробностяхъ нашего горя я также ни отъ кого не слышала никогда и только изъ письма т-ше Герцъ узнала нѣкоторыя подробности; о кончинѣ же мы узнали изъ газетъ 10-го іюля.

...«Настоящая причина смерти г-жи Потемкиной неизвѣстна, писала мнѣ г-жа Герцъ, такъ какъ наша любимая и дорогая покойница довольно спокойно перенесла трудное путешествіе. Въ воскресенье, 29-го іюня, онѣ пріѣхали въ Берлинъ и къ обѣду г-жа Потемкина одѣлась во все бѣлое; она обѣдала, какъ всегда, а вечеромъ у нея былъ какой-то баронъ Сендэнъ, съ которымъ она разговаривала почти два часа. Ночью горничная замѣтила, что г-жа Потемкина спитъ неспокойно. Она сейчасъ же пошла сказать объ этомъ г-жѣ Полторацкой, которая поспѣшила придти къ ней. Мирона (ихъ лакея) сейчасъ же послали за докторомъ; и когда ей хотѣли поставить горчичникъ, который приготовили, докторъ пришелъ и сказалъ, что все кончено. Миронъ мнѣ рассказывалъ всѣ эти подробности и прибавилъ: «она походила на спящаго ангела.» Въ воскресенье, 6-го іюля, привезли тѣло г-жи Потемкиной; въ понедѣльникъ я была на панихидѣ. Какъ грустно теперь въ домѣ, гдѣ прежде намъ было весело! Прислуга вся въ траурѣ; лѣстница, крытая чернымъ, всюду черные ковры, зеркала завѣшены. Когда всходила на лѣстницу, мнѣ встрѣтилась Софья Борисовна; она, вся въ слезахъ, поцѣловала меня. А въ церкви—гробъ дорогой, кроткой и милостивой Татьяны Борисовны, которую всегда будутъ благословлять и оплакивать сердца, умѣвшія понимать и цѣнить ея доброту! Гробъ былъ дубовый, весь украшенный самыми красивыми цвѣтами и вѣнками изъ васильковъ. Великая княгиня Александра Петровна присутствовала на панихидѣ и заупокойной обѣднѣ. Въ первомъ часу служилъ обѣдню митрополитъ петербургскій Исидоръ. Во вторникъ, въ 6 часовъ вечера, тѣло отвезли въ Сергіевскую пустынь. Весь народъ двигался за ней; я не могла тамъ быть, но говорятъ, что провожали какъ святую. Всюду были панихиды, останавливались въ трехъ церквахъ. Въ среду, 9-го іюля, я была на похоронахъ. Многочисленная толпа наполняла церковь; но половины родственниковъ не было, ибо многіе находились въ то время въ отсутствіи. Я ничего не могу вамъ рассказать о похоронахъ; одно только: это было такъ грустно! Я много думала и молилась о васъ, дорогая княжна, и все васъ видѣла передъ собой, понимала вашу тяжелую потерю и глубокое горе! Мало такихъ людей, какъ она, на свѣтѣ;

она была единственная въ своемъ родѣ; для меня было великимъ утѣшеніемъ, что я ее знала. Какъ сказалъ про нее генераль Баранцевъ: «единственно, въ чемъ можно упрекнуть ее, это, что она была сл и шкомъ добра!» И это истинная правда, ибо она не понимала ни зла, ни интригъ другихъ людей. Это ваше первое великое горе! Для меня было бы очень пріятно узнать, какъ вы переносите этотъ крестъ, посланный вамъ Богомъ. Прошу васъ, дорогая княжна, сообщите мнѣ, что вы думаете дѣлать, и любите всегда ту, которая васъ такъ любитъ».

...«Гласъ народа—гласъ Божій! писалъ мой отецъ въ своихъ запискахъ. Въ чемъ же выразился этотъ гласъ народа?

«8-го іюля нынѣшняго 1869 года, въ день выноса тѣла покойной Татьяны Борисовны, отъ дома Потемкиныхъ, въ Большой Милліонной, по Невскому проспекту и такъ далѣе до заставы сплошная масса народа стѣной стояла въ благоговѣйномъ молчаніи, встрѣчая печальную процессію, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и шологомъ произнося: «Царство ей небесное!»

«Что же могло вызвать эту толпу и заставить провожать тѣло покойной?

«Татьяна Борисовна ужъ не существовала; слѣдовательно нельзя было ожидать отъ нея былыхъ милостей или постоянного ея заступничества.

«Не была она такою официальной личностью, которая вызывала бы обязанность для многихъ участвовать въ печальной процессіи и тѣмъ самымъ, привлекая праздную толпу—смотрѣть на погребальную помпу, какъ на зрѣлище. Ни того, ни другого не было. Это было простое, теплое, задушевное, безкорыстное выраженіе любви къ покойницѣ, за ее высокія добродѣтели.

«Высшей награды на этомъ свѣтѣ быть не можетъ!»





ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ
въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

Х. ¹⁾

Выступление изъ Осикова.—Этропольскіе Балканы.—Орлиное гнѣздо.—Валіе
Этрополя.



Н такъ 10-го ноября, поливаемые дождемъ мы покинули Осиково; нашъ полкъ вошелъ въ составъ отряда генерала Дандевилля, которому было приказано вести, одновременно со взятіемъ Правца колоннами генераловъ Рауха и Эллиса, демонстративный бой противъ города Этрополя, дабы отвлечь вниманіе этропольскихъ турокъ отъ Правца. Городъ Этрополь былъ расположенъ въ долинѣ на берегу малаго Искера; по обѣимъ сторонамъ этой долины шли горы. Лѣвую колонну повелъ по горамъ полковникъ Рыдзевскій; правую колонну, въ составъ которой входилъ и нашъ полкъ, повелъ, тоже по горамъ, нашъ бригадный командиръ принцъ А. П. Ольденбургскій; остальнымъ же частямъ приказано было занять въ самой долинѣ позицію съ фронта.

Въ нашъ гвардейскій отрядъ вошли два армейскихъ полка: Псковскій и Великолуцкій съ ихъ бригаднымъ командиромъ генераломъ Дандевиллемъ. Вышло это такимъ образомъ: я выше уже упомянулъ о томъ, что Московскій полкъ былъ выдвинутъ впередъ по направленію къ Орханіе въ то время, когда мы еще стояли подъ Плевной. На всякій слу-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1898 г.

чай на подкрѣпленіе москвичей, были вызваны, по распоряженію генерала Гурко, еще два армейскихъ полка Псковскій и Велкиолуцкій изъ 3-ей армейской дивизіи генерала Карцева, стоявшей около Ловчи. Съ тѣхъ поръ эти два полка находились все время въ нашемъ отрядѣ, работали вмѣстѣ съ нами и играли видную роль въ эту войну. Присосланились же они къ своей 3-ей дивизіи уже послѣ общаго перевала всей арміи черезъ Балканы. Эти полки къ тому времени такъ порѣдѣли, что, по словамъ ихъ начальника дивизіи, жаль было на нихъ смотрѣть.

Тотчасъ же по выходѣ съ бивака, 3-ему баталіону, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Ѳедора Александровича Авинова, была поручена отдѣльная командировка влѣво отъ насъ; ему придали два орудія, направили по долину малаго Искера и поручили дѣйствовать съ фронта противъ непріятеля, расположившагося впереди города Этрополя; остальные же два баталіона 1-ый и 2-ой, 13-ая и 16-ая роты 3-го баталіона (14-ая и 15-ая еще не вернулись со своего наблюдательнаго поста), имѣли задачей выйти скорѣй на дорогу, ведущую изъ Этрополя въ Правецъ и непременно затѣять съ непріятелемъ дѣло одновременно со взятіемъ Правца отрядомъ генерала Рауха. Все это имѣлось въ виду совершить 10-го ноября; но въ этотъ день ничего не удалось сдѣлать. Колонна Рауха не дошла до Правца потому, что провозилась съ орудіями на «Чертовой» дорогѣ; да и намъ не удалось затѣять съ непріятелемъ настоящій бой, хотя и слышалась пальба у полковника Авинова, а потомъ и у насъ на правомъ флангѣ, гдѣ нашъ преображенскій сводный баталіонъ, подъ начальствомъ полковника В. В. Пенскаго, имѣлъ съ непріятелемъ небольшую перестрѣлку.

Не успѣли мы сняться съ бивака, какъ насъ обогнали осетины, назначенные въ авангардъ. Не стѣсняясь ни оврагами, ни канавами, ни кустами, ни камнями, они лихо обскакали насъ по сторонамъ дороги и живо скрылись впереди. Во главѣ осетинъ ѣхалъ полковникъ Черевинъ съ надвинутой на затылокъ папахой. Осетины были одѣты въ самыхъ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ и въ папахахъ; съ плеткой въ рукѣ, они выдѣлывали всякія штуки на своихъ неказистыхъ но шустрыхъ и вертлявыхъ кавказскихъ лошадахъ, привыкшихъ карабкаться по скаламъ. Все это былъ больше народъ молодой, но встрѣчались между ними и сѣдовласые старцы, бывалые, закаленные. Издали можно было ихъ легко принять за турецкихъ черкесовъ, что и случалось не разъ въ продолженіе войны; въ общемъ они производили впечатлѣніе чего то дикаго и необузданнаго. На самомъ же дѣлѣ, эти качества не были въ нихъ преобладающими; лучшихъ кавалеристовъ для горной службы нельзя собѣ и вообразить; ихъ лошади въ горахъ—какъ у себя дома и нѣтъ такой горы, на которую не могъ бы забраться осетинъ, частью верхомъ, а гдѣ и ведя лошадь въ поводу. Осетинъ ловокъ, глазъ у него зоркій

любить свою лошадь, рѣдко натретъ ей спину и самъ довольствуется малымъ; онъ всегда молчаливъ и нехвастливъ.

Сначала наши баталіоны 1-ый, 2-ой и двѣ роты (13-ая и 16-ая роты) 4-го шли по шоссе, но вскорѣ свернули съ него въ горы. Намъ дали въ проводники болгарина; въ горахъ начали находить на насъ густые туманы, совершенно застилавшіе всю мѣстность; мы вполне довѣрились болгарину и продолжали слѣдовать за нимъ. По дорогѣ, изрѣдка попадались намъ отдѣльные болгарскіе домики, въ которые обязательно входили любопытные солдаты для обшариванія угловъ; фельдфебели, шедшіе сзади, энергично подгоняли зѣвакъ и не давали растягиваться въ горахъ колоннѣ. Привалъ былъ сдѣланъ около одного такого домика, стоявшаго совсѣмъ особнякомъ; хозяйство, видимо, было въ полномъ порядкѣ, но ни хозяина, ни его семейства, ни скота мы тамъ не нашли; только въ углу избы лежалъ совсѣмъ высохшій больной мальчикъ, котораго болгары не сочли нужнымъ взять съ собой. Вѣроятно передъ самымъ нашимъ прибытіемъ, болгаринъ увелъ свое семейство куда нибудь въ сторону въ горы, за что и поплатился полнымъ разнесомъ его усадьбы; при немъ этого не могло бы случиться. Мы старались всѣми силами препятствовать разносу, но наши усилія ни къ чему не повели; разносъ совершился, можно сказать, мгновенно. Въ одномъ мѣстѣ совершаешь расправу, а въ другомъ слышишь неистовый крикъ какой нибудь пойманной курицы; посылаешь кого нибудь туда, а курица ужъ безъ головы. Такимъ образомъ разнесли моченую капусту, яблоки, бѣлые бобы; всѣхъ куръ переловили, а тѣ, которыя залѣзли на макушки деревьевъ, были спуганы оттуда дружными криками солдатъ, каменьями и проч.

Многіе обвиняютъ болгаръ въ томъ, что они недружелюбно относились къ намъ, ихъ освободителямъ, неласково насъ принимали и часто отказывали даже въ кускѣ хлѣба. Мысль болгарина не витаетъ въ политическихъ сферахъ, высшіе идеалы, изъ-за которыхъ велась война, были для него недоступны. Онъ зналъ только одно, что онъ разоренъ и разоренъ не одними турками, но и русскими, которые залѣзли въ его страну. Кто понимаетъ натуру и складъ мыслей простаго человѣка—землепашца, органически привязаннаго къ своей землѣ, тотъ будетъ всегда справедливъ въ своихъ сужденіяхъ о болгарской недоброжелательности къ намъ и безучастіи въ дѣлѣ освобожденія страны.

Я не буду говорить про болгаръ, что они безупречный народъ; четырехъ-сотъ-лѣтнее иго, кнутъ и палка порядкомъ ихъ испортили; но я всегда пойму, что долженъ чувствовать человѣкъ, у котораго уничтожили его домъ, разстроили семейство; оставшіеся въ живыхъ, его родные голодаютъ гдѣ нибудь въ горахъ, самъ онъ все время находится подъ страхомъ возвращенія турокъ. Вѣсть о кровавой расправѣ турокъ съ болгарами, послѣ

лѣтняго отступленія генерала Гурко съ южнаго склона Балканъ на сѣверный, облетѣла всю Болгарію, такъ что страхъ засѣлъ гвоздемъ въ головѣ у каждаго болгарина; онъ очутился межъ двухъ огней и какъ слабый между двумя сильными, онъ конечно началъ хитрить и служить нашимъ п. вашимъ.

Нашъ непродолжительный отдыхъ возлѣ этого домика напомнилъ мнѣ налетъ саранчи, которая прилетитъ, живо все поѣстъ и улетитъ. Мы двинулись дальше, горы дѣлались все круче; артиллерійскія лошади, непривычныя къ горамъ, начали затягивать движеніе, такъ что пришлось назначить солдатъ, чтобъ помогать имъ вытягивать орудія изъ грязи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже чинить дороги. Мы сами не знали куда идемъ, и не понимали, почему насъ поручили какому то братушкѣ, который могъ во всякое время удрать, а не офицеру генеральнаго штаба, знакомому съ мѣстностью. Свѣдѣній о неприятелѣ мы не имѣли никакихъ, а незнаніе дорогъ и направленія движенія было полнѣйшее; что нибудь неопредѣленнѣ нашего положенія трудно себѣ и вообразить. Мы представляли къ проводнику сто разъ съ одними и тѣми же вопросами: гдѣ неприятель? гдѣ Этрополь? А онъ, показывая рукой впередъ, отвѣчалъ все одно и тоже: «Тука, братушка, тука». Мы шли въ полномъ недоумѣніи и не скажу, чтобъ мой духъ былъ бы въ то время спокоенъ: бродить въ незнакомыхъ горахъ, въ туманѣ, да еще съ ненадежнымъ проводникомъ, было крайне неприятно и безпокойно.

Артиллерія завязла въ какомъ то оврагѣ; пришлось отпрячь лошадей и вытаскивать орудія изъ грязи при помощи людей. Командиръ 1-й батареи полковникъ Стрижевскій воспользовался остановкой и послалъ своего фельдфебеля Храпова впередъ рысью, чтобъ осмотрѣть мѣстность и найти болѣе удобную дорогу. Прошло болѣе часа, а Храповъ все не являлся; мы уже начали побаиваться за его участь и рѣшительно не знали, чѣмъ объяснить его продолжительное отсутствіе. Наконецъ мы увидѣли его вдали выѣзжающимъ изъ лѣса. Привезенныя имъ свѣдѣнія были самыя утѣшительныя; онъ выискалъ узенькую дорожку, по которой онъ обѣщалъ вывести артиллерію на такую гору, съ которой откроется видъ на весь неприятельскій лагерь и съ которой можно будетъ, судя по его словамъ, въ тотъ же вечеръ угостить неприятеля гранатами. Извѣстіе, привезенное Храповымъ, придало всѣмъ лихорадочную энергію; артиллерія двинулась впередъ и болѣе не застрѣвала ни разу.

Не прошло и часа, какъ мы уже добрались до этой позиціи; внизу подъ нами немного влѣво открылась довольно узкая долина р. малаго Искера, въ которой, верстахъ въ 3-хъ отъ насъ, былъ расположенъ турецкій лагерь; а недалеко за нимъ въ этой же долинѣ находился и городъ Этрополь, котораго мы не могли видѣть, такъ какъ онъ былъ заслоненъ отъ насъ нѣсколькими параллельными кряжами горъ. Подъемъ,

совершенный нами въ этотъ день былъ значительный, судя по той высотѣ, на которой мы очутились. Турецкій лагерь казался намъ гдѣ то далеко и глубоко внизу, но все-таки невооруженнымъ глазомъ можно было даже сосчитать число палатокъ. Судя по спокойствію, царившему въ лагерьѣ, можно было смѣло заключить, что турки насъ не видѣли.

Артиллерія снялась съ передковъ и выбрала себѣ удобное мѣсто, насъ же размѣстили за горой. Определить разстояніе до лагеря было довольно трудно, такъ какъ глазъ артиллеристовъ еще не наметался въ горахъ; орудію дали надлежащій уклонъ и стали готовиться пустить по лагерю первую гранату. Я же вооружился своей подзорной трубой и тоже приготовился слѣдить за переполохомъ, который обязательно долженъ былъ произойти въ турецкомъ лагерьѣ при неожиданномъ для нихъ выстрѣлѣ. Выстрѣлъ раздался, между солдатами послышался общій веселый говоръ: снарядъ не долетѣлъ до лагеря и разорвался въ воздухѣ. Въ турецкомъ лагерьѣ вдругъ началась суетня и бѣготня; онъ былъ похожъ на потревоженный муравейникъ. Артиллерійскій огонь пришлось скоро прекратить, потому что стало темнѣть. На ночь при орудіяхъ остался 1-ый баталіонъ, моя 5-ая рота и 8-ая рота — это былъ лѣвый флангъ нашей позиціи; а остальные части нашего полка продвинулись вправо отъ насъ вдоль того же гребня. Нашему лѣвому флангу не пришлось стрѣлять въ этотъ день; правый же флангъ, гдѣ находился полковникъ Пенскій со своимъ своднымъ баталіономъ, затѣялъ перестрѣлку съ непріятелемъ, занимавшимъ слѣдующій хребетъ, параллельный нашему, но потерь никакихъ не было. Наступила ночь и на всей нашей растянутой позиціи запылали костры; чтобъ ввести непріятеля въ заблужденіе относительно нашихъ силъ, костровъ было зажжено болѣе чѣмъ требовалось; усталые люди поѣли и расположились въ полной готовности на ночь у костровъ.

Въ этотъ день намъ не удалось выйти на дорогу, ведущую изъ Этрополя въ Правецъ, потому что впереди насъ въ горахъ сидѣлъ непріятель, котораго надо было сперва выбить; это было сдѣлано на слѣдующій день.

Между двумя параллельными кряжами, на одномъ изъ которыхъ находился нашъ полкъ, а на другомъ непріятель, была большая низина, въ которой виднѣлись болгарскіе домики. Непріятельскій гребень былъ значительно выше нашего, и на немъ выдавались двѣ вершины, на которыхъ съ вечера показались огоньки; мы предполагали, что тамъ расположены турецкіе аванпосты. На ночь мы спустили аванпостную цѣпь внизъ по скату, идущему отъ насъ къ этой низинѣ, иначе было бы невозможно видѣть, что въ ней дѣлается. Мы опасались того, что непріятель можетъ ночью спуститься со своего гребня въ эту низину и предпринять что-нибудь противъ насъ. Въ цѣпи люди окапались и зорко

слѣдили за всякимъ шумомъ. Въ эту ночь было не до сна: мы ходили повѣрять аванпосты.

Среди ночи подъѣзжаетъ ко мнѣ нашъ офицеръ поручикъ баронъ Влад. Плат. Рокасовскій, которому его высочество принцъ А. П. Ольденбургскій далъ порученіе объѣхать всѣ роты и предложить ротнымъ командирамъ вызвать изъ ихъ роты охотниковъ, желающихъ участвовать въ лихомъ ночномъ набѣгѣ. Его высочество задумалъ составить небольшую часть изъ охотниковъ и поручить имъ сдѣлать врасплохъ новое нападеніе на тѣ огоньки, которые показались съ вечера на непріятельскомъ гребнѣ. Разбудивъ дремавшихъ у костра людей, я передалъ имъ вызовъ принца; желающихъ оказалось всего только четыре человека. Я вдругъ увидѣлъ, что люди съ просонокъ плохо понимали въ чемъ дѣло; давъ имъ немного отрезвиться, я снова и гораздо подробнѣе рассказалъ имъ, что набирается для набѣга цѣлая сводная рота; тогда вдругъ желающихъ оказалось столько, что даже пришлось дѣлать выборку. По справедливости, я назначилъ тѣхъ, кто раньше другихъ отозвался на вызовъ, а остальныхъ пристыдилъ за ихъ несообразительность. Въ числѣ первыхъ, выскочившихъ на вызовъ, были солдаты, не отличающіеся особо хорошей репутаціей, а на дѣлѣ оказавшіеся и шустрými и храбрыми. Мой фельдфебель Мазуровъ былъ очень недоволенъ составомъ команды, и когда охотниковъ увели къ мѣсту сбора, то онъ мнѣ сказалъ: «И къ чему, ваше высокоблагородіе, эта дрянь тоже полѣзла, только другихъ отбиваютъ отъ Георгія». Я тоже сначала былъ слегка недоволенъ тѣмъ, что мой конюхъ Ознобниковъ бросилъ моихъ лошадей, мои вещи и пошелъ въ охотники; но это недовольство было мимолетное, сердиться на него за это было бы несправедливо.

Его высочество, собравъ команду въ 100 человекъ, поручилъ ее шт. кап. Александру Максимовичу Рейтерну и лично отправилъ ее на ночное рискованное дѣло; съ командой пошли два офицера: князь Крапоткинъ и Сергій Ѳедоровичъ Ладыженскій. Это было въ ночь съ 10-го на 11-ое ноября. По всей аванпостной цѣпи было приказано начать усиленную стрѣльбу по направленію къ непріятелю, тотчасъ же послѣ того, какъ начнется въ горахъ дѣло нашихъ охотниковъ; нашей стрѣльбой имѣлось въ виду сдѣлать демонстрацію съ фронта въ то время, какъ наши охотники будутъ подбираться къ непріятелю съ фланга. Мы всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, среди темной ночи, вслушивались вдаль. Уже порядкомъ разсвѣло, какъ вдругъ послышалась наверху трескотня нашихъ охотниковъ. Мы командовали нашей цѣпи: «начинай» и пошла пальба по всей цѣпи. Стрѣляли горячо, непрерывно, не по цѣли, потому что таковая была отъ насъ версты на полторы, а только по тому направленію, гдѣ находился непріятель. Когда же выяснилось, что наши охотники заняли покинутое турками укрѣпленіе, то нашей

цѣли было приказано прекратить огонь, но остановить его сразу было невозможно; наша позиція была очень растянута, а люди отъ шума сразу не могли понять чего отъ нихъ требуютъ.

Охотники застали турокъ дремлющими у костровъ за первымъ укрѣпленіемъ; со страху они бросились во второе укрѣпленіе и открыли по охотникамъ огонь. Въ этомъ второмъ укрѣпленіи оказались два орудія, но турки стрѣляли изъ нихъ недолго; они забрали съ собой оба орудія и покинули укрѣпленіе; тогда наши охотники заняли его, и заранѣе условленными знаками дали намъ о томъ знать.

Обрадовавшись такъ быстро и легко достигнутому успѣху, мы сейчасъ же, послѣ приказанія занять тотъ кряжъ, гдѣ былъ непріятель, двинулись впередъ. Не узнавъ предварительно о дорогахъ, ведущихъ туда по болѣе отлогимъ мѣстамъ, мы полѣзли напрямикъ, думая кратчайшимъ путемъ скорѣй достигнуть до верху. Мы поднимались въ гору въ продолженіе трехъ часовъ, лѣзли по дѣвственнымъ скаламъ, по которымъ никогда и никто не ходилъ, прыгали съ камня на камень, цѣплялись за колючій кустарникъ. Много разъ по дорогѣ наверхъ мы раскаявались въ нашей горячности и готовы были сдѣлать лучше десять верстъ по отлогимъ дорогамъ, чѣмъ одну версту по этимъ кручамъ.

До сихъ поръ мнѣ казалось, какъ будто мой костюмъ былъ цѣлесообразно принаровленъ къ походу; но въ этотъ разъ мнѣ пришлось въ этомъ разубѣдиться. Наши неширокія брюки страшно стѣсняли меня въ горахъ при каждомъ большомъ шагѣ, при каждомъ прыжкѣ. Я чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ движеніяхъ, проклиналъ моего портного, который ни душой ни тѣломъ не былъ въ этомъ виноватъ.

Добравшись до верху, люди повалились отъ усталости на землю. Надъ нами посвистывали непріятельскія пули, на которыя солдаты отъ изнеможения не обращали никакого вниманія. Его высочество принцъ Ольденбургскій посовѣтовалъ мнѣ спустить людей немного ниже за гребень, потому что лежать на немъ было все-таки не совсѣмъ безопасно. Поднять роту и передвинуть на другое мѣсто было трудно, ибо отъ усталости люди плохо понимали мое приказаніе и лежали въ оцѣпенѣніи.

Наши конюхи, видя невозможность вести за нами по обрывамъ верховыхъ лошадей, отправились искать околныхъ дорогъ и привели ихъ почти одновременно съ нами. Вся артиллерія и весь вьючный обозъ остались въ низинѣ впредь до приказанія. Подняться туда, куда мы взобрались, было для нихъ невысказано. Моя верховая лошадь привезла мнѣ дня на два провизіи, но крутыя горы пришлись ей не по нутру, она вытянула себѣ на задней ногѣ жилу и стала порядочно прихрамывать.

Когда люди отдохнули, тогда насъ продвинули еще немного вле-

редь, и мы вошли въ то гѣвое укрѣпленіе, изъ котораго, нѣсколько часовъ тому назадъ турки стрѣляли по насъ изъ орудій. Это былъ небольшой редуть, сложенный изъ дикаго камня, а внутри его были выстроены шалаши, крытые сѣномъ и соломой. Изъ этого редуга шла внизъ въ долину р. Искера дорога, по которой турки увезли свои орудія. Вокругъ насъ открылся во всѣ стороны чудный, величественный видъ; мы очутились въ заоблачной выси, которая была выше всѣхъ окружающихъ насъ горъ. На картѣ она называется Острома, а мы окрестили ее Орлинымъ гнѣздомъ; на всю окружающую мѣстность приходилось смотрѣть сверху внизъ. Оглянувшись назадъ, мы съ трудомъ могли отыскать то мѣсто, гдѣ ночевали. Вообще вся мѣстность насъ окружающая казалась сверху не гористой, а волнистой, самой разнообразной мягкой окраски; рѣзкость контуровъ пропала. Это былъ самый красивый, самый грандіозный видъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною въ Балканахъ.

Турки, покинувшіе кряжъ, на которомъ было Орлиное гнѣздо, заняли слѣдующій параллельный ему кряжъ, за которымъ было еще нѣсколько такихъ же; вдали видѣлись минареты города Этрополя. Турки, занявшіе слѣдующій кряжъ, все время стрѣляли по насъ вверхъ; пули свистѣли надъ нами, но никакого вреда не причиняли. По долинѣ р. малаго Искера передвигались турецкія войска и артиллерія. Одинъ всадникъ, повидимому паша, окруженный свитой, объѣзжалъ войска и размѣщалъ ихъ на подошвѣ. Я устроилъ себѣ, какъ и подъ Плевной, треножникъ изъ ружей, положилъ на нихъ подзорную трубу, и не отрываясь отъ нея, все время слѣдилъ за тѣмъ, что тамъ происходило.

Нѣкоторыя части были у турокъ въ бѣлыхъ фескахъ; забавно было видѣть, какъ турки, составивъ ружья, садились за ними всѣ въ рядъ на отдыхъ, поджавъ подъ себя, по турецки, ноги. Впереди города, въ самой долинѣ, можно было разглядѣть небольшой редуть, запиравшій входъ въ городъ; въ трубу я его видѣлъ какъ на ладони. Турки, бывшіе въ немъ, давали залпы по какимъ то нашимъ частямъ, мнѣ думается по тѣмъ, которыя демонстрировали съ фронта и гдѣ находился нашъ 3-й баталіонъ полковника Авинова. Послѣ залпа, турки присѣдали, заряжали въ такомъ положеніи ружья, по командѣ снова подымались всѣ вдругъ, давали снова залпъ и опять присѣдали. Начальникъ штаба 1-ой гвард. пѣх. дивизіи полковникъ Каульбарсъ, бывшій въ нашемъ отрядѣ, все время слѣдилъ за турками въ свой бинокль, но никакъ не могъ въ него разглядѣть, есть ли у турокъ въ этомъ редутѣ орудія; его бинокль оказался слишкомъ слабымъ для того и онъ, взявъ мою трубу, убѣдился, что орудій тамъ не было.

Многіе офицеры, ради шутки, спустились по дорогѣ внизъ, и стрѣляли по этому редуту; а по возвращеніи рассказывали ради смѣха, что

турки, будто бы, присѣдали послѣ ихъ одиночныхъ выстрѣловъ. Будь у насъ хоть одно орудіе, мы разгромили бы этотъ редутъ и заставили бы турокъ его очистить; но втащить на такую высь орудіе, было невозможно и наши мечты были неосуществимы.

Мы усѣлись всѣ въ кружокъ около принца, который былъ въ восторгѣ отъ своего удавшагося плана, и дѣлились своими впечатлѣніями дня. Изрѣдка ударялись возлѣ насъ непріятельскія пули, а летящія надъ нашими головами уже на излетѣ, жалобно стонали. Люди разгуливали по редуту и нисколько не смущались свистомъ пуль; мы даже не знали откуда онѣ въ насъ летятъ, а открыть огонь по непріятелю не могли потому что онѣ были слишкомъ далеко отъ насъ.

Его высочество приказалъ растянуть позицію, дабы ввести непріятеля въ обманъ относительно нашихъ силъ; для этого 4-ый баталіонъ (въ эту ночь подошли къ намъ 14-ая и 15-ая роты, оставленные на «Чертовой дорогѣ»), 6-ая, 7-ая и 8-ая роты 2-го баталіона были передвинуты значительно вправо по гребню; а 1-ый баталіонъ и моя 5-ая рота остались въ самомъ Орлиномъ гнѣздѣ. Сдѣлать это было не опасно, наши вершины были недоступны для непріятеля. По приказанію его высочества въ продолженіе всей ночи горѣли по всему гребню костры. По временамъ, гуляющія подъ нами туманы въ видѣ облаковъ, окружали насъ со всѣхъ сторонъ и уединяли отъ всего окружающаго міра. Если долго всматриваться въ эти туманные массы, изъ которыхъ выглядывали, въ видѣ отдѣльныхъ темныхъ пятенъ, выдающіяся вершины горъ, то воображенію начинало представляться море съ отдѣльными на немъ островами.

Въ этотъ день, 11-го ноября, былъ взятъ Правецъ колоннами генераловъ Рауха и Эллиса.

Въ этотъ же день нашъ отрядъ вышелъ на Этрополь-Правецкую дорогу, о которой все время шла рѣчь. Полковникъ Пенскій спустилъ свои части внизъ, занялъ позицію возлѣ этой дороги и все время слѣдилъ за ней. Въ ночь съ 11-го на 12-ое ноября, его высочество послалъ внизъ, въ долину р. малаго Искера, къ полковнику Авинову приказаніе собрать команду охотниковъ и попробовать ночью выгнать турокъ изъ того редута, который былъ въ долинѣ возлѣ рѣчки малый Искеръ.

Команда въ 100 человекъ была поручена шт. капит. Пишчевичу и подпор. Папенгуту. Они пробрались ночью скрытно къ турецкимъ аванпостамъ и напали врасплохъ на спящихъ турокъ. Въ темнотѣ произошла свалка въ рукопашную, началась стрѣльба; турки вбѣжали въ редутъ, а наши охотники залегли въ ложементахъ. Шт. кап. Пишчевичъ прислалъ на Орлиное гнѣздо къ его высочеству за дальнѣйшими

приказаніями; принць приказалъ покинуть ложементы и опять присоединиться къ 3-сму баталіону.

На утро 12-го ноября его высочество сдѣлалъ такія распоряженія: онъ приказалъ 4-му баталіону, 6-ой, 7-ой и 8-ой ротамъ идти въ обходъ турецкой позиціи, стараясь охватить ее съ лѣваго фланга; 1-му же баталіону и моей 5-ой ротѣ, оставаться покуда на мѣстѣ; нашъ командиръ полка князь Оболенскій былъ съ нами на Орлиномъ гнѣздѣ. Весь обходный маневръ былъ прекрасно виденъ съ нашей вышки. Турки, примѣтивъ обходное движеніе, тотчасъ же открыли огонь и начали отступать по направленію къ Этрополю. Одновременно съ отступленіемъ, былъ покинуть турками и маленькій редутъ въ долинкѣ р. малаго Искера, противъ котораго ночью работали охотники 3-го баталіона. Замѣтивъ отступленіе турокъ, князь Оболенскій лично повелъ противъ нихъ фронтальную атаку: впереди шель первый баталіонъ, а за нимъ моя рота въ видѣ резерва. Люди спустились съ Орлинаго гнѣзда вразсыпную; всѣ роты перепутались между собой, но зато живо спустились внизъ. Внизу роты разобрались и началось правильное движеніе впередъ; переднія роты сдѣлали маленькую передышку, а моей ротѣ, это время, пришлось стоять возлѣ самага покинутого турками редута. Желая его осмотрѣть поближе, я и многіе солдатики вышли въ самую долину и хотѣли приблизиться къ редуту; но турки направили на насъ орудійный огонь съ холмика, расположеннаго передъ самымъ входомъ въ городъ. Мы сейчасъ же спрятались за небольшое возвышеніе, откуда намъ было удобно слѣдить за полетомъ гранатъ, направленныхъ вдоль долины по отряду полковника Авинова. Мы замѣтили, что артиллерія его отряда, все время отвѣчавшая туркамъ, почему то вдругъ замолкла. Батарейный командиръ, не зная въ подробностяхъ о положеніи дѣла въ данный моментъ, опасался стрѣлять по холму, думая что онъ уже въ нашихъ рукахъ. Четверть часа спустя изъ ущелья снова полетѣли наши гранаты по направленію къ холму.

По другую сторону рѣки, по горамъ наступала на Этрополь колонна Рыдзевскаго; вдругъ мы начинаемъ замѣчать, что надъ нашими головами засвистѣли пули. Сперва мы не могли разобрать, откуда онѣ летятъ, но потомъ увидѣли, что по насъ открыли огонь стрѣлки Великолуцкаго полка, принявшіе насъ за турокъ. Разными знаками, маханіемъ шапокъ, намъ удалось остановить стрѣльбу.

Стоявшій возлѣ насъ развѣздъ осетинъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось у турокъ на холмѣ. Меня поразила острота зрѣнія одного изъ нихъ, который видѣлъ невооруженнымъ глазомъ, какъ турки снимали палатки, разставленныя на этомъ холмѣ. Направивъ туда мою трубу, я могъ убѣдиться, что онъ говорилъ правду. Сборъ палатокъ былъ вѣрнымъ признакомъ того, что турки собирались отступить и потому

1-ый баталіонъ двинулся впередъ; я послѣдовалъ за нимъ со своей ротой. Взобравшись наверхъ, опять въ горы, я увидѣлъ, что налѣво отъ меня по самой долинѣ, по направленію къ Этрополю, быстро двигаются наши войска, но уже безъ всякой перестрѣлки. Между тѣмъ 1-ый баталіонъ скрылся въ горахъ, и я не зналъ что дѣлать, идти ли отыскивать его или же спуститься въ долину и примкнуть къ общему движению. Рѣшившись на второе, я свелъ роту съ горъ и смѣшался съ пестрымъ потокомъ стремящихся къ Этрополю войскъ. Тутъ были и гвардейцы и армейцы изъ отряда Рыдзевскаго, тоже сошедшіе съ горъ, и все это чуть не бѣгомъ направлялось къ городу, въ это время уже покинутому турками. Подойдя къ нему, я могъ собрать всего только полъ-роты, остальные люди частью отстали, а частью смѣшались съ другими полками въ общемъ потокѣ. Въ самомъ городѣ уже разгуливали наши преображенцы; болгары угощали людей хлѣбомъ и табакомъ, крестились и твердили все одно и то же: «тѣрцы побѣгали горы». Въ колокола звонили какъ въ набатъ; нѣкоторые болгары ударили въ желѣзныя заслонки и чугуныя доски. Одинъ солдатикъ моей роты выразился такъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ трезвономъ: «я такъ давно, ваше благородіе, не слыхалъ этого церковнаго мата и фата, что у меня даже зажгло нутро». Всѣ были нервно взволнованы, а наши солдаты разбрелись по всѣмъ улицамъ города.

Между тѣмъ стало темнѣть, а мы все еще не могли собрать нашихъ ротъ. Пройдя весь городъ, по его узкимъ улицамъ, я остановилъ людей и началъ приводить роту въ порядокъ; нехватало очень многихъ. Если мнѣ и удалось провести черезъ городъ хоть часть роты, то я этимъ обязанъ всецѣло моему свистку, въ который я не переставалъ все время свистѣть, чтобъ держать людей болѣе или менѣе въ сборѣ. Съ обыкновеннымъ свисткомъ ничего бы не вышло въ этой суматохѣ, а у меня былъ въ походѣ свистокъ совсѣмъ особеннаго устройства; онъ былъ сдѣланъ по заказу моего покойнаго отца на манеръ желѣзнодорожнаго локомотивнаго гудка и былъ слышенъ въ тихую погоду на версту.

На выѣздѣ изъ города я нашелъ командира 1-го баталіона полковника Стрезова съ обрывками ротъ его баталіона. Онъ донесъ принцу Ольденбургскому о занятіи Этрополя, а затѣмъ назначилъ сборную часть для занятія аванпостовъ внѣ города по дорогѣ отступленія турокъ. Въ эту часть попала моя рота, части 7-ой и 10-ой ротъ съ ихъ командирами, поручикомъ Валеріаномъ Валеріановичемъ Бельгардомъ и шт. кап. Андреемъ Дмитріевичемъ Всеволожскимъ; полковникъ Стрезовъ оказался на аванпостахъ съ ротами изъ чужихъ баталіоновъ.

Выѣздъ изъ города въ горы былъ очень узкій и расположить цѣпь было не трудно: ея концы уперлись въ горы. Всѣ были страшно голодны. Пришлось послать команду на розыски въ турецкую часть го-

рода, прилегающую къ выѣзду и покинутую мирными жителями—турками. Посланные вернулись съ обильною добычею, привели воловъ, телятъ, барановъ; люди рассказывали, что эта часть города совсѣмъ пуста и что скоть бродила тамъ безъ призору. Въ турецкихъ домахъ они нашли и принесли муку, овесъ, сушеныхъ сливъ, изюмъ, орѣхи, фонари, посуду, табакъ, трубки и проч.; а одинъ солдатикъ-шутникъ нашелъ тамъ полъ дюжины очковъ, надѣлъ ихъ всѣ шесть себѣ на носъ и явился въ роту въ такомъ видѣ.

Сухихъ дровъ въ эту ночь было много и въ каждомъ отдѣльномъ звенѣ на аванпостахъ пылалъ костеръ. Всю ночь варили и ѣли; потомъ опять варили и опять ѣли. Скота было убито гораздо больше, чѣмъ люди могли съѣсть; съѣли лучшіе куски, а остальные побросали.

Недалеко отъ цѣпи впереди показался маленькій огонекъ, нѣсколько разъ потухавшій, и я тотчасъ послалъ туда патруль изъ нѣсколькихъ человѣкъ. При ихъ приближеніи, огонекъ потухъ; въ темнотѣ имъ было трудно что нибудь разыскать. Впереди насъ въ горахъ, въ томъ направленіи, по которому отступили турки, всю ночь видѣлись огоньки непріятеля. Приведенный изъ цѣпи болгаринъ говорилъ, что турки провели ночь въ четырехъ часахъ пути отъ насъ. Я препроводилъ его къ принцу Ольденбургскому какъ человѣка, который можетъ доставить вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ; по его словамъ въ Этрополѣ было четыре табора и 3 орудія. Его высочество провелъ ночь въ маленькомъ редутѣ возлѣ самаго города, гдѣ расположился и полковникъ Черевинъ, командиръ кавказской бригады осетинъ. Несмотря на усталость, наши солдатки подошли къ палаткѣ принца и пѣли пѣсни.

Въ эту ночь въ самомъ городѣ случилось происшествіе, о которомъ нельзя не упомянуть, такъ какъ оно разрѣшилось весьма печально для одного нашего солдатика. Въ одномъ домѣ лежалъ раненый турецкій докторъ-нѣмецъ. Бродившіе ночью по городу солдаты вошли къ нему въ комнату и вѣроятно сдѣлали посягательство на его собственность, потому что иначе незачѣмъ было ему начать пальбу изъ револьвера по людямъ; одинъ изъ преображенскихъ солдатъ былъ имъ убитъ напоvalъ. Этого доктора арестовали, нашли при немъ довольно много золотой монеты и вмѣстѣ съ револьверомъ фельдфебель государевой роты Степановъ доставилъ плѣннаго къ его высочеству принцу Ольденбургскому. По словамъ принца, докторъ былъ въ новомъ фракѣ, надѣтомъ прямо на нижнее бѣлье. Уже послѣ похода мы прочли въ «*Freie Presse*» рассказъ этого доктора о томъ, какъ все это случилось. Между прочимъ онъ пишетъ, что на вопросы принца о турецкихъ силахъ, онъ упорно молчалъ, не желая предавать турокъ.

Ночь прошла въ цѣпи тихо, никто насъ не тревожилъ. Люди поѣли и успокоились; я же, хотя и растянулся на буркѣ, но уснуть не могъ:

въ головѣ мелькало слишкомъ много впечатлѣній, пережитыхъ за этотъ день. Я припоминалъ шумную ярмарку, которую я засталъ при входѣ въ городъ, мнѣ казалось, что я продолжаю слышать крики, набатъ, полетъ гранатъ, свистки ротныхъ командировъ, а въ особенности свой собственный; меня преслѣдовали растерянные лица нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ, у которыхъ на глазахъ растаяли роты и проч., все это перемѣшалось въ головѣ въ какой то сумбуръ.

На развѣтѣ, первымъ дѣломъ, я велѣлъ всюду убрать слѣды нашего ночнаго пира, такъ какъ вездѣ валялись растерзанныя туши. Утромъ подошелъ ко мнѣ спустившійся съ горъ болгаринъ-юнакъ; онъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ, при немъ была никуда негодная болгарская пищаль съ перламутровою инкрустаціей, а за поясомъ былъ ятаганъ и дрянной пистолетъ. Вообще болгары любили, для пущей важности, носить при себѣ все свое оружіе, и годное и негодное. Этотъ юнакъ былъ уроженецъ Этрополя и имѣлъ отъ генерала Непокойчицкаго письменное дозволеніе носить оружіе. Онъ стремился въ свой освобожденный городъ и предвѣщалъ намъ съ увѣренностью, вслѣдствіе занятія Правца, скорое очищеніе города Орханіе. Я отправилъ его подъ конвоемъ въ городъ къ полковнику Стрезову. Во время похода, случалось не разъ, что вооруженные братушки пристраивались по дорогѣ къ нашему полку, но никто и никогда не видѣлъ ихъ во время дѣла; они шли съ полкомъ до поры до времени, покуда не почували добычи, и тогда они отставали отъ насъ и терялись изъ виду.

Немного погодя спустились съ горъ еще двое болгаръ съ двумя болгарками; они подошли къ намъ и спрашивали о положеніи дѣлъ въ Этрополѣ. Одинъ изъ нихъ вступилъ въ разговоръ съ солдатами, и отъ избытка чувствъ, поцѣловалъ одному изъ нихъ руку, на что солдатъ съ великодушіемъ побѣдителя сказалъ ему: «цѣлуй братушка, цѣлуй, это хорошо». Убѣдившись, что вернуться въ городъ не опасно, одинъ изъ братушекъ побѣжалъ въ горы, и часъ спустя, привелъ съ собой оттуда цѣлую компанію дѣтей всевозможныхъ возрастовъ.

Утромъ 13-го ноября совершилось торжественное вступленіе въ городъ нашего полка съ развернутыми знаменами; въ болгарской церкви было совершено молебствіе. Въ то же время отрядъ изъ екатеринославскихъ драгунъ и осетинъ подъ начальствомъ генерала Краснова, былъ посланъ въ горы для преслѣдованія турокъ; они проскакали мимо насъ впередъ, а намъ приказано было убрать аванпостную цѣпь и присоединиться къ своему полку въ Этрополѣ. Войдя въ городъ, я засталъ нашъ полкъ въ сборѣ, ожидавшимъ дальнѣйшихъ приказаній генерала Гурко. По улицамъ бѣгали болгары и, разнося турецкіе дома, перетаскивали къ себѣ все, что въ нихъ находили, и даже выламывали оконныя рамы.

Къ намъ подбѣхалъ генераль Гурко, поздравилъ насъ «съ побѣдой» и велѣлъ развести войска по бивакамъ. Входя въ городъ, я думалъ тамъ найти общее оживленіе, но этого то и не нашель. Генераль Гурко былъ очень серьезенъ и не тароватъ на слова; его сдержанность отразилась и на нашемъ полку; всѣ молчали и какъ будто чего то ждали. Извѣстіе о вынужденномъ вслѣдствіе недостатка сухарей и патроновъ отдыхъ всѣхъ оживило.

Взятіе Этрополя и Правца могутъ служить образцомъ нашего дальнѣйшаго веденія, суворовскимъ способомъ, горной войны въ Балканахъ; по всему пути отступленія турки заблаговременно понастроили редуты, которыми задерживали наше движеніе. Противъ такого укрѣпленія, одновременно съ демонстраціей съ фронта, предпринимались широкія обходныя движенія съ цѣлью нанести непріятелю ударъ съ фланга и съ тыла; а для того тропинки раздѣлывались въ дороги, втаскивали въ горы орудія и проч. Замѣтивъ опасность съ фланга или съ тыла, турки покидали укрѣпленіе обыкновенно по ночамъ и тѣмъ очищали намъ дорогу для дальнѣйшаго наступленія. Такимъ способомъ цѣлыми мѣсяцами, мы выкуривали турокъ шагъ за шагомъ изъ Балканъ. Надо было только удивляться тому, что турки такъ мало беспокоили наши обходныя колонны; часто намъ приходилось двигаться въ горахъ въ полномъ невѣденіи того, что дѣлается по сторонамъ; бывали даже такіе случаи, что своихъ принимали за турокъ. Болѣе предприимчивый непріятель конечно сьумѣлъ бы насъ тревожить, тѣмъ болѣе что въ горахъ взаимная помощь слаба, колонны разрываются, связь между ними нарушается; но у насъ все сходило какъ то благополучно, благодаря лишь тому, что мы имѣли дѣло съ турками.

Намъ отвели бивакъ надалеко отъ города, возлѣ малаго Искера; теперь мы находились уже у подножія большихъ Балканъ, которые величественно подымались передъ нашими глазами. Несмотря на высоту мѣстности (2000 фут.), солнце порядкомъ пригрѣвало южные склоны, на которыхъ еще зеленѣла травка. Днемъ я сѣзидилъ въ самый городъ, потомъ весь день прислушивался по тому направленію, по которому были посланы драгуны. Подъ вечеръ, въ горахъ началась сильная перестрѣлка. Выстрѣлы въ горахъ имѣютъ совсѣмъ другой характеръ чѣмъ на равнинѣ; они сильнѣе и рѣзче, а эхо въ горахъ сбиваетъ съ толку и мѣшаетъ вѣрно опредѣлять то мѣсто, гдѣ происходитъ дѣло. Къ вечеру стрѣлба прекратилась, я мы, спокойные, раздѣтые растянулись въ палаткахъ въ полной увѣренности, что ночью насъ не потревожатъ. На этотъ разъ мы ошиблись. Не успѣлъ я заснуть, какъ мой денщикъ разбудилъ меня и сообщилъ, что полкъ поднять по тревогѣ. Я живо одѣлся и побѣжалъ къ своему баталіону. Тамъ я узналъ слѣдующее: генераль Гурко получилъ отъ генерала Краснова извѣстіе, что турки засѣли въ заблаговременно

приготовленномъ въ горахъ редутъ, и что во время ихъ отступленія, они бросили по дорогѣ три орудія и очень большой обозъ, который надо убрать пѣхотой. Офицеръ Екатеринославскаго драгунскаго полка, привезшій это извѣстіе въ штабъ генерала Гурко, былъ немедленно же отправленъ въ первый попавшійся пѣхотный полкъ съ тѣмъ, чтобъ поднять его по тревогѣ и направить въ горы на помощь драгунамъ. Онъ случайно наткнулся на палатку нашего командира полка и ему первому передалъ приказаніе. Князь Оболенскій вышелъ изъ палатки и подвѣлялъ весь полкъ по тревогѣ. Полкъ собрался въ полъ-часа и двинулся въ темнотѣ впередъ; это было въ ночь съ 13-го на 14-ое ноября.

Дорога сейчасъ же по выходѣ изъ города пошла въ гору, была такъ узка, что полкъ растянулся болѣе чѣмъ на версту. Всюду по дорогѣ валялись мѣшки съ галетами, жестянки съ патронами, ящики съ гранатами, поломанныя каруцы съ отошавшими волами и проч. Видно было, что всю излишнюю тяжесть и все то, что поломалось, турки выбрасывали на дорогу. 3-му баталіону подъ начальствомъ полковника Авинова, было приказано во-первыхъ, заняться закапываніемъ въ землю ящиковъ съ патронами, для того чтобъ уничтожить опасный взрывчатый матеріалъ; а во-вторыхъ, надо было убрать съ дороги брошенныя три орудія и доставить ихъ въ Этрополь. Остальные же два баталіона 1-ый и 2-ой (4-ый былъ въ эту ночь на сторожевой службѣ), продолжали двигаться дальше.

Люди набили себѣ цѣлые мѣшки галетами, но все-таки ихъ валялось еще очень много на дорогѣ. Шедшій съ утра въ Этропольъ дождь, сталъ понемногу обращаться въ горахъ въ снѣгъ, повалившій вдругъ хлопьями. Большой, вѣковой, буковый лѣсъ, по которому шла дорога, весь побѣлѣлъ; въ лѣсу было совсѣмъ тихо, ни малѣйшаго вѣтра. Мы молча подымались въ гору въ полномъ невѣдѣніи того, что насъ ждетъ впереди.

Мы дошли до драгунскаго бивака, устроеннаго на лужайкѣ среди лѣса; тамъ мы узнали, что генералъ Красновъ отправился далѣе по дорогѣ въ горы, чтобъ лично сдѣлать осмотръ турецкой укрѣпленной позиціи, въ которой засѣлъ непріятель. На этомъ бивакѣ была сдѣлана небольшая остановка, чтобъ дать подтянуться полку. Мы продолжали подыматься до самаго того мѣста, гдѣ генералъ Красновъ наблюдалъ за турками; людямъ было приказано соблюдать строгую тишину. Мы дошли до края лѣса, впереди насъ былъ оврагъ, а за нимъ шелъ довольно крутой подъемъ къ высокой голой горѣ, на которой и былъ турецкій редутъ. Я взялъ свою подзорную трубу и весьма ясно увидѣлъ, что по угламъ редута торчали два орудія; турецкій часовой съ поднятымъ на голову капюшономъ расхаживалъ по насыпи укрѣпленія и ежился отъ непогоды. Укрѣпленіе было отъ насъ верстахъ въ полтора; оно было такъ

высоко, что глядя на него намъ приходилось значительно подымать голову. Тамъ было все спокойно и турки не могли видѣть насъ въ лѣсу.

Хотя между нами и турками и былъ большой оврагъ, но все таки для спокойствія, 6-ая и 7-ая роты были посланы впередъ для наблюденія за флангами.

Мы слышали, что генераль Гурко поручилъ генералу Краснову преслѣдовать турокъ, а буде возможно, то и занять переваль. Генераль Красновъ не рѣшался на дальнѣйшее наступленіе, говоря, что безъ артиллеріи тутъ ничего не подѣлаешь, и только рискуешь положить подъ стѣнами редута весь отрядъ. Командиръ 7-ой роты, Александръ Никифоровичъ Алферовъ, задыхаясь, прибѣжалъ изъ цѣпи и доложилъ князю Оболенскому, что турки выслали изъ редута нѣсколько сомкнутыхъ частей, которыя спустились внизъ по направленію къ нашему правому флангу. Тогда князь Оболенскій подошелъ къ генералу Краснову, какъ старшему въ нашемъ отрядѣ, и спросилъ его, что онъ прикажетъ дѣлать Преображенскому полку. Я самъ слышалъ, какъ генераль Красновъ велѣлъ подать себѣ лошадь, еще разъ повторилъ, что безъ артиллеріи тутъ нечего дѣлать и велѣлъ полку отойти обратно внизъ. Драгуны остались наверху, а мы начали спускаться внизъ тихо со всѣми предосторожностями, хотя никакого обхода со стороны турокъ нельзя было и ожидать: мѣстность была слишкомъ пересѣчена глубокими, непроходимыми оврагами, поросшими буковымъ лѣсомъ.

Снѣгъ не переставалъ падать; весь полкъ, за исключеніемъ 2-го баталіона, вернулся обратно въ Этрополь, а 2-ой баталіонъ, назначенный въ дежурную часть, остановился у подножія горъ, недалеко отъ города. Сразу я никакъ не могъ сообразить, какимъ образомъ мы устроимся на ночь въ снѣгу, котораго выпало вершка на четыре; люди тоже не знали, какъ взяться за дѣло. Но нужда всему научить. Отыскавъ болѣе удобное мѣсто для бивака, полковникъ Евреиновъ разрѣшилъ намъ раскинуть палатки. Прежде чѣмъ ставить палатку, приходилось сгребать снѣгъ и вокругъ нея выкопать маленькія канавки для стока воды отъ таявшаго снѣга. Прямо на мокрую землю я положилъ маленькій непромокаемый брезентъ, которымъ покрывался вьюкъ, на него посыпалъ дряблой соломы, взятой съ крыши какой то разрушенной избы, а уже потомъ разложилъ походную гуттаперчевую постель, которая оказалась неоцѣнимой въ походѣ. Это былъ длинный гуттаперчевый мѣшокъ на толстой подкладкѣ изъ верблюжьего сукна. Онъ былъ разрѣзанъ вдоль, чтобъ можно было въ него лечь и имъ же закрыться; полы завязывались тесемками, а подъ голову подкладывалась гуттаперчевая же подушка, надуваемая воздухомъ. Холодъ не проникалъ въ мѣшокъ, а тепло не выходило изъ него; мы это называли — спать въ своемъ собственномъ соку. Мою палатку обложили вокругъ снѣгомъ, для того чтобъ въ нее не поддувало. Напившись чаю,

мнѣ сдѣлалось въ ней даже жарко. На ночь я имѣлъ обыкновеніе снимать пальто и мундиръ и оставался въ длинномъ шелковомъ наполеоновскомъ жилетѣ (но только съ рукавами), подбитомъ бѣличьимъ мѣхомъ; сапоги снималъ, а на ноги надѣвалъ длинные самой толстой шерсти чулки, голову покрывалъ феской. Денщикъ укладывалъ меня въ мѣшокъ, точно въ гробъ, завязывалъ тесемки мѣшка, покрывалъ буркой и, выходя изъ палатки, заваливалъ входъ въ нее снѣгомъ. Въ снятые съ меня мокрые сапоги, сейчасъ же вкладывались маленькіе походные колодки; такимъ образомъ сапоги не съѣживались отъ мокроты и не доставляли мнѣ тѣхъ мученій, которыя испытывали другіе, не подумавшіе въ Петербургѣ о своихъ ногахъ и не догадавшіеся сдѣлать себѣ во время похода колодки хотя изъ балканскаго бука; жаль было смотрѣть на этихъ мучениковъ, когда они по утрамъ, натягивая ссохшіеся за ночь у костра сапоги, подскакивали на другой ногѣ. Изъ боязни тревоги, многіе вовсе не снимали на ночь сапоговъ, и по утрамъ, отъ тяжести въ ногахъ, были обыкновенно не въ духѣ.

Я прекрасно проспалъ всю ночь; къ утру, палатка была занесена снѣгомъ и замерзла какъ колъ, но въ ней было такъ тепло, что я не могъ опредѣлить внѣшнюю температуру. Когда же денщикъ подаль мнѣ чай, тогда я замѣтилъ, что его борода и усы были въ ледяныхъ подвѣскахъ, а на меня вдругъ пахнуло нашей сѣверной зимой. Лишь только показалось солнце, все начало таять, въ горахъ сдѣлалось такъ скользко, что мнѣ пришлось вооружиться длиннымъ двухъ-аршиннымъ посохомъ, къ которому съ тѣхъ поръ я такъ привыкъ, что не выпускалъ его изъ рукъ до самаго Мраморнаго моря. Подчасъ въ исключительныхъ случаяхъ, а главное, въ отвѣтственныхъ, какъ напр. во время втаскиванія орудій въ горы, мой посохъ обращался въ активную эмблему власти, когда ни у ротнаго командира, ни у охрипшаго отъ крика фельдфебеля уже не хватало ни словъ, ни терпѣнія, ни голоса.

Въ это утро (15-го ноября), прошла мимо насъ какая-то кавалерійская часть туда, гдѣ мы были наканунѣ, а за ней проѣхалъ и генералъ Гурко. Онъ ѣхалъ лично осмотрѣть турецкій редутъ (Шандорникъ), за которымъ сейчасъ же шло шоссе изъ Орханіе на Софію. Редутъ этотъ прикрывалъ дорогу, по которой туркамъ пришлось бы отступать изъ Орханіе. По своему значенію, редутъ былъ самымъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ всей турецкой позиціи; съ его потерей, турки обязательно должны были очистить всю ихъ позицію и уйти уже на южный склонъ Балканъ.

Генералъ Красновъ былъ правъ, когда онъ говорилъ, что взять Шандорникъ штурмомъ невозможно; 16-го ноября генералъ Гурко послалъ Псковскій и Великолуцкій полки съ ихъ бригаднымъ командиромъ генераломъ Дандевилемъ къ этому редуту. Люди добрались до

Шандорника, ворвались въ него, но дѣло все-таки не удалось: одна часть была истреблена въ рукопашной схваткѣ, а другая отступила. Я вспоминаю, какъ 16-го ноября эти полки шли, мимо нашего бивака, весело въ горы и не подозрѣвали того, что ихъ тамъ ожидаетъ; 19-го декабря, послѣ общаго отступленія турокъ на южный склонъ Балканъ, семеновцы побывали въ Шандорникѣ и рассказывали, что въ канавахъ около редута еще валялись трупы храбрыхъ солдатъ Псковскаго полка, добравшихся 16-го ноября до него. Несмотря на этотъ неудачный штурмъ, генералъ Дандевиль все-таки занялъ подъ Шандорникомъ хорошую позицію.

XI.

Выступленіе изъ Этрополя въ горы.—Позиція подъ Шандорникомъ.

Шандорникъ оказался недосыгаемымъ пунктомъ для открытой силы. Тогда генералъ Гурко рѣшилъ попробовать другое средство, а именно: втащить на горы побольше орудій и начать его громить гранатами. Артиллеристы заявили, что лошади не будутъ въ состояніи однѣ, безъ помощи людей, дотащить орудія до тѣхъ высотъ, на которыхъ имѣлось въ виду заложить батареи. На 19-ое ноября было назначено выступленіе артиллеріи изъ Этрополя къ перевалу, уже занятому отрядомъ генерала Дандевилья; каждой ротѣ нашего полка было поручено по одному орудію и по одному зарядному ящичку. Сначала лошади везли легко, но скорѣ пришлось имъ помогать. Людей дѣлили на двѣ смѣны, одна помогала скользившимъ лошадямъ, а другая несла ружья работавшихъ; люди сейчасъ же смекнули, что возни съ заряднымъ ящичкомъ было больше, чѣмъ съ орудіемъ, а потому всѣ охотно бросались къ орудію. Въ первый день подъема, дорога не была особенно крута, но все-таки лошадямъ и людямъ было не легко; солдаты обливались потомъ, приходилось шлепать по грязи и по снѣгу, а на застывшихъ сѣверныхъ склонахъ ноги лошадей и людей скользили. Лошади везли неровно, малѣйшая задержка останавливала всѣхъ, кто слѣдовалъ зади. Я остановилъ уже поздно вечеромъ свою роту, вмѣстѣ съ орудіемъ и ящичкомъ, тамъ, гдѣ насъ застала ночь; шедшая впереди меня рота значительно меня опередила, а шедшая за мной осталась внизу гдѣ то очень далеко. Сбиться съ дороги было невозможно, но все-таки я чувствовалъ себя изолированнымъ и въ густомъ буковомъ лѣсу мнѣ казалось дико, непривѣтливо. Къ тому же ночью разыгралась страшная буря; сильный вѣтеръ нагибалъ высокія деревья, а нѣкоторые изъ нихъ недалеко отъ насъ были вырваны съ

корнями. Наши костры поминутно тухли; но самое большое горе состояло въ томъ, что вокругъ не было воды, такъ что пришлось всю ночь просидѣть безъ горячей пищи и безъ чаю. Люди грѣлись у костровъ, а одинъ солдатикъ, никогда не унывавшій, и умѣвшій всегда разсмѣшить людей, рѣшилъ, что по этимъ горамъ подобаетъ ходить только туркѣ, да черту, а не намъ, православнымъ христіанамъ. Въ эту ночь я вполне оцѣнилъ бурку; вѣтеръ былъ пронизывающій, я надѣлъ башлыкъ, закутался въ бурку и прислонился, къ большому дереву спиной къ вѣтру; въ такомъ положеніи я просидѣлъ и продремалъ всю ночь у костра, согрѣвая по временамъ свои отсырѣвшія ноги.

Едва стало свѣтать, какъ люди уже разобрались и снова потянули въ гору орудіе и ящикъ, но на этотъ разъ уже безъ лошадей; къ орудію привязали выданныя намъ веревки, лямки, но ихъ оказалось недостаточно. Скрѣпя сердце, солдаты подвязали къ лафету свои тоненькія бичевки отъ палатокъ, хотя и знали напередъ, что эти веревки всѣ перервутся, но ничего другого нельзя было придумать. Безъ лошадей, дѣло пошло лучше и ровнѣе; смѣна ни на шагъ не отходила отъ орудія, которое, безъ поддержки, могло бы скатиться въ кручу. Во время отдыха, солдаты подкладывали подъ колеса большія чурки и въ то же время привязывали лафетъ къ дереву. Они затыгивали «дубинушку» дружно налегали на лямки, проходили шаговъ десять и снова останавливались, чтобъ перевести духъ и откашляться; въ этотъ періодъ всѣ люди поголовно кашляли. Дорога была не только узка, но очень извилиста и ея поворы причиняли намъ наиболѣе хлопотъ и задержекъ. Ротные командиры не отходили отъ орудій и все время подбадривали людей; но между солдатами были и такіе хитрецы, которые, не желая работать, ухитрялись скрываться по сосѣдству въ лѣсу. Въ такія серьезныя, отвѣтственныя минуты, взысканія мирнаго времени непримѣнимы; приходилось прибѣгать къ отеческимъ напominаніямъ, которымъ, вообще говоря, большинство людей въ ротъ симпатизировало. Упоминаю объ этихъ хитрецахъ, какъ объ исключеніяхъ; въ общемъ же, люди не роптали, понимали серьезное значеніе работы, вели себя молодцами и были всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Мудрость русскаго человѣка и состоитъ въ томъ, что его ничѣмъ не удивишь и ничто не нарушить его покоя; онъ умѣетъ терпѣливо переносить все, что ниспошлетъ ему судьба, и никогда не будетъ жаловаться на нее.

Намъ на встрѣчу текли по дорогѣ ручьи отъ таящаго снѣга, вода просачивалась сквозь сапоги, а ноги отъ того холодѣли. Всѣ наши полковые кавалеристы спѣшились и предпочли подыматься пѣшкомъ.

Съ самого утра, мысль о томъ, что мнѣ не удалось выпить чаю, не выходила у меня изъ головы. Кто не былъ въ походѣ, тотъ не можетъ себѣ представить, до чего человѣкъ иногда можетъ быть одержимъ мыслью о чае-

питіи; это бываетъ похоже на бредъ больнаго, который мечтаетъ о квасѣ или о чемъ нибудь кисломъ. Вдругъ я вижу, что впереди меня на дорогѣ сидитъ на камнѣ мой денщикъ и ждетъ меня со стабаномъ чаю въ рукахъ; онъ опередилъ насъ верхомъ, добылъ гдѣ то воды, развелъ огонекъ и заварилъ чай, который хотя и отзывался дымомъ, но казался мнѣ въ то время необыкновенно вкуснымъ. Эпизодъ о чайномъ бредѣ весьма незначительный, но въ то же время незабвенный въ моихъ воспоминаніяхъ.

Въ 4 часа пополудни (20-го ноября), я доставилъ и орудіе и ящикъ на батарею и вздохнулъ полною грудью. По моему расчету мы двигались въ этотъ день по поль-верстѣ въ часъ; уже по этому можно заключить о томъ трудѣ, который былъ затраченъ людьми во время втаскиванія орудій.

На томъ мѣстѣ, гдѣ я сдалъ орудіе, была устроена земляная насыпь, на землѣ лежали гранаты и шрапнели, доставленные наверхъ солдатами въ ихъ башлыкахъ; между деревьями были прорублены просвѣты, чрезъ которые можно было удобно стрѣлять по Шандорнику. Командиръ батареи полковникъ Герингъ въ волненіи расхаживалъ по батарее, видимо радуясь всякому вновь прибывшему орудію; онъ надѣялся въ этотъ же вечеръ начать бомбардировку редута, въ которомъ турки, судя по царившему тамъ спокойствію, и не подозрѣвали, какое имъ готовится угощеніе. Я помню, что кто то разсматривалъ на батарее карту и сказалъ, что мы находимся на высотѣ 4000 футовъ; значитъ мы втащили орудія на 2000 футовъ выше Этрополя. Сдавъ орудіе и ящикъ, мои люди, чуть не кубаремъ скатились съ этой горы немного внизъ, гдѣ счастливы, раньше насъ окончившіе заданную задачу, уже варили себѣ кашницу, послѣ двухъ-дневной сухой пищи. Полкъ расположился за батареей на скатѣ, противоположномъ къ неприятелю. Такимъ образомъ было поднято 24 орудія.

Вскорѣ раздался первый выстрѣлъ по Шандорнику изъ 9-ти фунтовки; турки сейчасъ же отвѣтили изъ своихъ 4-хъ фунтовокъ; ихъ гранаты лопались гдѣ то впереди въ лѣсу, или же перелетали черезъ наши головы и разрывались въ оврагѣ, гораздо ниже нашего бивака. Огонь неприятеля не могъ быть мѣткимъ, ибо съ Шандорника не было видно ни батареи, ни нашего бивака. Вся мѣстность, гдѣ мы находились, должна была казаться сверху сплошнымъ лѣсомъ, въ которомъ показывались дымки послѣ выстрѣловъ, да и тѣ сейчасъ же уносились вѣтромъ и не представляли надежной цѣли для неприятеля. Бомбардированіе Шандорника происходило съ большими перерывами, потому что на него часто находили облака, но лишь только онъ показывался, сейчасъ же снова начиналась стрѣльба; она не прекращалась и ночью. Для того, чтобъ неприятель не спалъ, каждую четверть часа, посылалась туда граната.

Сначала эти выстрѣлы, подъ самымъ нашимъ ухомъ, заставляли насъ просыпаться, мы чувствовали даже нѣкоторое содроганіе земли; но усталость, послѣ утомительныхъ двухъ дней, взяла свое, я крѣпко заснул и уже болѣе не слышалъ ни выстрѣловъ, ни разрывовъ. Такимъ образомъ провели мы весь слѣдующій день 21-го ноября; надъ нами летали гранаты, а мы совершенно покойно сидѣли въ палаткахъ и пивали чаекъ.

Въ этотъ день намъ было поручено разработать по гребню соединительную дорогу между нашей позиціей и позиціей генерала Дандевилля, который стоялъ правѣе насъ. На всякій случай мы рыли ровики и ложементы. На этомъ бивакѣ было скверно, мы чувствовали недостатокъ въ сухомъ деревѣ, было очень сыро, а нашимъ животнымъ было голодно: за фуражемъ посылали въ какую то деревню, лежащую внизу, а привозили его немного и то съ большимъ трудомъ по грязнымъ крутымъ дорогамъ; лошади порядкомъ похудѣли.

21-го ноября пріѣхалъ къ намъ на позицію полковникъ Семеновскаго полка Чекмаревъ и привезъ намъ Георгіевскіе кресты, пожалованные государемъ нижнимъ чинамъ за дѣло подъ Этрополемъ. Государь называлъ Правецкое и Этропольское дѣло гвардейскою побѣдою. Для распредѣленія этихъ крестовъ (по два на роту), людямъ было предоставлено самимъ выбрать достойнѣйшихъ; кресты достались моему фельдфебелю и старшему барабанщику, числящемуся въ моей ротѣ. Первый выборъ былъ симпатиченъ, но второй никуда не годился; люди выбирали не достойныхъ, а старшихъ, власть имѣющихъ. Мы просили разрѣшить намъ на будущее время раздавать кресты тѣмъ, кого мы сами, ротные командиры, найдемъ достойными.

Въ этотъ же день 21-го ноября вечеромъ до насъ дошли слухи, что турки атаковали Московскій полкъ, который стоялъ въ авангардѣ Шуваловской позиціи подъ Арабъ-Конакомъ. Графъ Шуваловъ, опасаясь чтобъ турки не вздумали на другой день снова атаковать его позицію, просилъ нашего начальника отряда генерала Рауха прислать ему на подкрѣпленіе одинъ полкъ. 22-го ноября утромъ, Преображенскій полкъ былъ снятъ съ земляныхъ работъ, и насъ повели вдоль гребня, по которому былъ расположенъ отрядъ генерала Дандевилля. Мы шли быстро и скрытно отъ непріятеля, только въ одномъ мѣстѣ онъ открылъ по насъ огонь; мы подошли къ одной небольшой полянѣ, черезъ которую обязательно должны были пройти, чтобъ снова войти въ горы. Турки, увидя насъ на этой полянѣ, открыли сильный орудійный огонь; мы перебѣгали черезъ эту поляну въ разбродъ для того, чтобъ не привлекать особеннаго вниманія непріятеля; потерь у насъ не было. Далѣе мы продолжали нашъ путь по

*

196 воспом. оф. л.-гв. преобр. полка о походе въ турцію въ 1877—78 г.г.

очень узкому ущелью, которое вывело насъ прямо на Орханійское шоссе, гдѣ стоялъ отрядъ графа Шувалова. 2-ой и 4-ый баталіоны остались на позиціи впереди Арабъ-Конака, а 1-й и 3-й баталіоны были отведены къ городу Орханіе для какихъ-то работъ.

Алексан. Алексан. Берсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



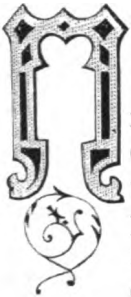


Записки Михаила Чайковского.

(Мехмедъ-Садыкъ паши).

XLII ¹⁾.

Знакомство съ Семеномъ, атаманомъ Блатнеровскаго куреня.—Болгарія.—Русскій вилайеть.—Сандъ-паша.—Виддинскій вилайеть.—Бендерли.—Гусейнъ-Ага, его управление и отцовская опека надъ болгарамп.—Сомоводскій монастырь, Тырново.—Де-Вильменъ.—Габрово, школы, ректоръ Почобутъ.—Павликане и помаки.—Филиппополь.—Епископъ Канова.—Капуцины.—Адрианополь.—Возвращеніе въ Стамбулъ.



Мередь отъѣздомъ изъ Добруджи, мы посѣтили атамана Блатнеровскаго куреня, Семена, жившаго въ селѣ Сейменахъ, на берегу Дуная, населенномъ молдаванами. Онъ былъ со своимъ куренемъ на службѣ въ Силистріи и защищалъ на берегу Дуная такъ называемый Запорожскій редутъ въ то время, когда русскіе овладѣли этой крѣпостью. Семень со своимъ куренемъ, въ которомъ было до тысячи человекъ казаковъ, переправился на островъ со знаменемъ, частью на лодкахъ, частью вплавь; пройдя по острову, онъ пробрался мимо русскаго караула, переправился черезъ рѣку у Дели-Ормана и добрался лѣсами до самой Шумлы. За этотъ подвигъ Мехмедъ-Решидъ-паша подарилъ ему великолѣпную саблю съ золотой рукояткой, осыпанной драгоценными камнями, и красную шубу, подбитую мѣхомъ бѣлыхъ волковъ.

¹⁾ См. „Русск. Старину“, июнь, 1898 г.

По окончаніи войны и переселеніи запорожцевъ въ Россію, онъ поселился въ этой молдаванской деревнѣ, выстроилъ себѣ очень удобный и красивый домикъ и хозяйничалъ, командовалъ молдаванами, гонялъ ихъ палкою на работу, а турецкія власти не только не ставили это ему въ вину, но относились къ нему, напротивъ, съ особымъ уваженіемъ, ибо онъ имѣлъ саблю и шубу, пожалованныя ему султаномъ, и былъ силенъ и могучъ, какъ дубъ; онъ не только могъ легко переломать кости человѣку, но безъ труда гнулъ желѣзныя подковы.

Изъ Тульчи мы поѣхали по берегу Дуная въ Рушукъ. Всѣ села, которыя мы проѣзжали на этомъ пути, были населены настоящими болгарами, не смѣшавшимися со славянами; это были, ни дать ни взять, прежніе круглолицыя гунны съ ихъ узкими глазами, притомъ отличные и выносливые наѣзники. Мы видѣли крошечныхъ мальчиковъ, безстрашно гарцовавшихъ на необъезжанныхъ лошадяхъ. Всѣ они прекрасные наѣзники, но въ общемъ—народъ еще довольно дикій, къ которому только-что начала проникать цивилизація.

Мы видѣли своими собственными глазами, какъ нѣсколько турокъ изъ Дели-Ормана напали на болгарское селеніе, въ которомъ было около 20-ти домовъ, и захватили все ихъ имущество, женъ и дочерей, а болгары падали передъ ними ницъ, какъ передъ Богомъ, между тѣмъ, какъ намъ они ничего не хотѣли дать, когда мы ихъ вѣжливо просили и даже предлагали имъ за все деньги; у нихъ на все былъ одинъ отвѣтъ: «нѣма!» Когда же нагайка нашего Степана прогулялась у нихъ по спинѣ, то сразу все нашлось, такъ какъ всего было вдоволь; вообще матеріально болгары были вполнѣ обеспечены, но нравственный гнетъ, который они испытывали со стороны турокъ, лишилъ ихъ чувства собственного достоинства. Этотъ гнетъ давалъ себя знать особенно сильно въ Рушукскомъ губернаторствѣ. Часть Болгаріи, заключенная между Балканами и Дунаемъ, раздѣлялась въ то время на два губернаторства: Виддинское и Рушукское. Въ послѣднемъ начальствовалъ Саидъ-Мирза-паша, татаринъ изъ Добруджи; онъ былъ въ родствѣ и въ свойствѣ со всѣми тамошними татарами и позволялъ имъ безнаказанно грабить и разорять бѣдныхъ болгаръ.

Я познакомился съ Саидъ-Мирза-пашею; онъ еще былъ въ то время человѣкъ бодрый, здоровый, настоящій нагайскій татаринъ; его домашнимъ врачомъ былъ докторъ Калишъ, вѣроятно уроженецъ Калишскаго воеводства, который позднѣе былъ прусскимъ и австрійскимъ консуломъ, а въ то время занимался врачеваніемъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ казеннымъ толмачемъ. Намъ толмача не понадобилось, такъ какъ паша долгое время служилъ въ войскѣ вмѣстѣ съ казаками и, имѣя съ ними постоянныя сношенія, могъ объясняться съ нами совершенно свободно. Паша принялъ насъ весьма любезно, а докторъ Калишъ выказалъ намъ

большую симпатію; въ немъ заговорила польская кровь и онъ выразилъ мнѣ готовность служить дѣлу, которое онъ называлъ «нашимъ». Надобно замѣтить, что я и впоследствии все время былъ съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Вступивъ въ Виддинскій санджакъ, мы застали тамъ совершенно иные порядки. Управителемъ этой провинціи былъ Бендерли-Гуссейинъ-ага-паша, предпоследній ага янычаръ, впоследствии визирь, который ихъ уничтожилъ. Турокъ, родомъ изъ Бендеръ, онъ служилъ съ молодыхъ лѣтъ въ Балтѣ и имѣлъ постоянныя сношенія съ поляками и польскими конфедератами. Онъ съ-молоду имѣлъ совершенно иные понятія, иные взгляды; онъ отдѣлялся отъ фанатизма, который болѣе всего тормозилъ прогрессъ не потому, чтобы правила и истины, изложенныя въ Коранѣ, побуждали къ этому людей, но потому, что эти великія истины дурно ими поняты и истолкованы.

Главнымъ населеніемъ своей провинціи онъ считалъ болгаръ, людей смирныхъ и трудолюбивыхъ, но обѣднѣвшихъ вслѣдствіе вымогательствъ со стороны начальствующихъ лицъ, въ особенности со стороны беевъ, которые назначались по большей части изъ болгаръ, но, принявъ магометанство, забывали свою національность и были самымъ несноснымъ начальствомъ для своихъ единоплеменниковъ.

Ага-паша купилъ нѣсколько десятковъ тысячъ головъ рогатаго скота въ Италіи и въ Украинѣ, цѣлые табуны лошадей и роздалъ ихъ болгарамъ своего вилайета съ нѣкоторымъ количествомъ денегъ, въ видѣ пособія и съ единственнымъ условіемъ, чтобы они возвратили эти деньги, когда будутъ въ состояніи, но при этомъ онъ обязалъ ихъ никому, кромѣ него, не продавать зерновой хлѣбъ, шелкъ, плоды и собственныя ихъ издѣлія и нигдѣ не покупать заграничныхъ издѣлій, нужныхъ для народа, кромѣ какъ у него. При этомъ онъ платилъ имъ на 5% дороже за всѣ мѣстные продукты и произведенія, а за вещи и продукты, привозимые изъ-за границы бралъ 5% дешевле прочихъ. Онъ учредилъ во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и большихъ селахъ конторы для покупки и продажи товаровъ и назначалъ завѣдующими этими конторами по большей части болгаръ. Онъ имѣлъ свои банкирскія конторы не только въ городахъ своего вилайета, но и во всѣхъ главныхъ турецкихъ портахъ и заграницею, какъ напримѣръ, въ Триестѣ, Ливорно, Марсели и Манчестерѣ. Во главѣ этого предпріятія были поставлены братья Симоновы, арнауцы, получившіе образованіе въ Европѣ. Онъ скупалъ у разорившихся беевъ ихъ фольварки и земли и пріобрѣлъ такимъ образомъ въ Турціи до 400 помѣстій, гдѣ поселилъ болгаръ, назначая ихъ управителями этихъ имѣній. Такимъ образомъ онъ сталъ денежнымъ царькомъ; его страховые полисы и векселя цѣнились наравнѣ съ векселями Ротшильда и самыхъ первыхъ банковъ въ мірѣ.

Австрійское правительство относилось къ нему недоброжелательно, такъ какъ это подрывало торговлю Австріи съ Болгаріей и съ европейской Турціей, ибо то, что дѣлалось въ Виддинскомъ вилайетѣ, отражалось косвенно и на другихъ вилайетахъ. Съ сербами и румынами Гуссейнъ-паша былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Таковы были взгляды этого выдающагося дѣятеля.

Гуссейнъ прибѣгалъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ для пресѣченія злоупотребленій и поборовъ, которые чинили бей и аги. Приведу тому одинъ примѣръ: со времени завоеванія Болгаріи въ ней сохранился обычай вѣщать зубной налогъ, которымъ завоеватели облагали покоренныхъ и который былъ для послѣднихъ весьма разорителенъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: бей или ага, пріѣхавъ въ болгарскую деревню, приказывалъ изжарить себѣ барановъ, индюковъ и иную живность. Когда все требуемое было принесено, онъ сѣдалъ по кусочку, каждаго блюда, оцѣнивалъ стоимость всего принесеннаго по своему собственному благоусмотрѣнію, высчитывалъ то, что имъ было сѣдено, а остальное приказывалъ убрать и уплатить ему стоимость всего приготовленнаго чистыми деньгами для поддержанія его зубовъ—это и была, такъ называемая, зубная подать. Какой-нибудь ага объявлялъ о сборѣ этой подати циркулярами, которые читались во всѣхъ селахъ и мѣстечкахъ, несмотря на то, что сборъ этотъ былъ запрещенъ. Гуссейнъ-паша велѣлъ ловить виновныхъ въ этихъ злоупотребленіяхъ. и когда ихъ приводили къ нему, то онъ приказывалъ безо всякихъ разговоровъ вырывать имъ зубы и отпускалъ ихъ по домамъ, приговаривая: «теперь у тебя нѣтъ зубовъ, слѣдовательно ты не имѣешь болѣе права на зубную подать, ступай себѣ съ Богомъ». Ни лѣта, ни служебное и общественное положеніе не спасали виновнаго отъ этого наказанія, которое избавляло его, какъ говорилъ ага, отъ болѣе строгаго наказанія за нарушеніе запрещенія вѣщать такіа подати. Мы видѣли беззубыхъ дервишей и имамовъ, видѣли богатаго бея, занимавшаго видную должность, у котораго были вырваны зубы для того, чтобы онъ не имѣлъ болѣе права собирать зубную подать. Гуссейнъ-паша поступалъ также энергично во многихъ другихъ случаяхъ и это было дѣйствительно въ всѣхъ запрещеній, фирмановъ и ираде. Въ Виддинскомъ вилайетѣ злоупотребленія были искоренены и болгаре жили, какъ у Христа за пазухой.

Вотъ какая огромная разница существовала между двумя болгарскими провинціями, расположенными у подошвы однихъ и тѣхъ же Карпатскихъ горъ, омываемыхъ однимъ и тѣмъ же Дунаемъ; вся разница была въ томъ, что ими управляли разные люди—это лучшее доказательство того, что всѣ законы и правительственныя распоряженія

остаются мертвою буквою, когда нѣтъ людей, способныхъ провести ихъ въ жизнь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, прусскій посланникъ, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ, просилъ меня познакомить его съ Бендерли-Гуссейнъ-ага-пашею, чтобы имѣть понятіе о его богатствѣ и восточной пышности. Въ то время ага-паша не занималъ никакой должности и жилъ въ своемъ дворцѣ, въ Эмиргіанѣ, на европейскомъ берегу Босфора. Мы отправились къ нему вмѣстѣ съ посланникомъ. Паша принялъ насъ въ небольшомъ залѣ, убранномъ роскошными коврами и матеріей, сотканной изъ золотой и серебряной бити, перевитой яркимъ шелкомъ. Въ этой комнатѣ стоялъ диванъ, на которомъ не могло помѣститься болѣе двухъ человекъ, и одно кресло. Паша сѣдѣлъ на диванѣ; я уступилъ, изъ любезности, послу мѣсто возлѣ хозяина дома, но паша взялъ меня за руку, посадилъ рядомъ съ собою, а послу указалъ на кресло сказавъ:

— Не мыслимо, чтобы нѣмецъ сѣдѣлъ на высшемъ мѣстѣ нежели ты, польскій шляхтичъ; у насъ это не допускается.

Посолъ, какъ человекъ вѣжливый и благовоспитанный, только улыбнулся; впрочемъ, онъ былъ вполне вознагражденъ радушіемъ, которое выказалъ ему паша, и осмотромъ его роскошнаго помѣщенія и драгоценностей.

Пріѣхавъ въ Виддинъ, я послалъ свой паспортъ и фирманъ тамошнему пашѣ, спрашивая, когда я могу его видѣть? Не прошло и получаса, какъ [въ каравансарай, гдѣ я остановился, явились эфенди, офицеры и запѣги, которые привели мнѣ коня съ вызолоченной сбруей. Мнѣ не дали времени переговорить съ толмачомъ, посадили чуть не силою на коня и повели въ конакъ, гдѣ насъ встрѣтилъ паша и, дружески обнявъ меня, сказалъ:

— Чайка-Чайковскій, вѣроятно, сынъ или родственникъ моихъ друзей, моихъ товарищей по оружію, долженъ быть моимъ гостемъ, а ничѣмъ инымъ.

Онъ произнесъ это очень чисто на нарѣчій русинъ, но съ польскимъ акцентомъ.

Когда я посидѣлъ у него нѣкоторое время и выпилъ кофе, ибо я не курилъ табаку, онъ разсказалъ мнѣ, что, живя въ Балтѣ, онъ былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ полковникомъ Чайка-Чайковскимъ, командовавшимъ казацкимъ полкомъ, занимавшимъ караулъ въ Ягорлыкѣ, съ его братомъ Христофоромъ, поручикомъ народной кавалеріи, а также съ Лукою Чайко, куреннымъ атаманомъ Поповичевского куреня.

На слѣдующій день пріѣхалъ изъ Бѣлграда Людовикъ Звѣрковскій съ извѣстіемъ, что князь Михаилъ Обреновичъ былъ вынужденъ отка-

заться отъ престола и уѣхать изъ Сербіи, а на его мѣсто избранъ князь Александръ Карагеоргіевичъ. Онъ же, Звѣрковскій, узнавъ о томъ, гдѣ я нахожусь, поѣхалъ мнѣ на встрѣчу и привезъ мнѣ письма отъ Абрама Петровича и Ильи Горашанина, а отъ князя Александра два письма, одно къ князю Адаму Чарторыйскому, а другое лично мнѣ. Князь благодарилъ насъ въ этихъ письмахъ за поддержку, выражалъ желаніе продолжать съ нами сношенія, ручаясь за дружескія чувства сербовъ къ полякамъ и выражая со своей стороны глубокое уваженіе къ князю Адаму.

Это было осуществленіемъ моей политической программы—завязать сношенія между поляками и славянами, не касаясь вопроса о религіи, которая составляетъ главную причину отчужденія поляковъ отъ южныхъ славянъ. Это отчужденіе заставляло меня болѣе всего опасаться, что мнѣ не удастся привести въ исполненіе свой планъ; теперь же это препятствіе было устранено и между нами завязались сношенія.

Я отправилъ немедленно Людовика Звѣрковскаго по Дунаю въ Стамбулъ съ бумагами и съ моими донесеніями; а самъ поѣхалъ въ Тырново. Мнѣ хотѣлось взглянуть на древнюю столицу Болгаріи.

По пути въ Тырново я провелъ нѣсколько дней въ такъ называемомъ Самоводскомъ монастырѣ, въ окрестностяхъ болгарской столицы, гдѣ мнѣ хотѣлось осмотрѣть и изучить древніе памятники, хранившіеся въ монастырѣ. Монахи подарили мнѣ портреты всѣхъ болгарскихъ королей, рисованные на пергаментѣ, натертомъ воскомъ, и раскрашенные яркими красками, серебромъ и золотомъ, и рукопись на болгарскомъ языкѣ о посольствѣ, посланномъ греческимъ королевемъ къ Аттілѣ, и о приѣмѣ этого посольства. Рукопись эта была написана по славянски, кириллицей, изъ чего надобно было заключить, что она была написана позднѣе, когда болгары уже переняли отъ сербовъ славянскій языкъ и обычаи. Рукопись и портреты болгарскихъ королей были посланы мною въ Парижъ, за что я получилъ благодарность отъ г. де-Вильмена, бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія.

Мертвые памятники Тырново не говорятъ о былой славіи этой древней столицы болгарскихъ королей; о ней болѣе напоминаютъ ея живые памятники, въ особенности женщины, которыя замѣчательно хороши собою и хорошо сложены; ноги и руки у нихъ маленькія, чисто аристократическія, онѣ разговорчивы, кокетливы и очень остроумны, такъ что съ трудомъ вѣрится, что это болгарки; онѣ скорѣе походятъ на парижанокъ, нежели на славянокъ или на татарокъ.

Мы проѣзжали черезъ огромныя болгарскія села: Драново и Габрово; въ послѣднемъ селеніи и въ укрѣпленіяхъ насчитывалось до 20 тысячъ болгаръ. Въ этомъ селѣ не было ни одного турка, кромѣ мудира, управлявшаго имъ, и нѣсколькихъ заптievъ. Въ Габровѣ была школа, осно-

ванная и содержавшаяся на капиталъ, пожертвованный съ этой цѣлью княземъ Воронцовымъ и Палаузовымъ, выходцемъ изъ Болгаріи, принявшимъ русское подданство, однимъ изъ самыхъ образованныхъ славянофиловъ; въ этой школѣ было болѣе 500 учениковъ. Ректоромъ ея былъ болгаринъ Почобуть, окончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, извѣстный историкъ и горячій болгарскій патриотъ. Мы посѣтили эту школу и замѣтили, что дѣти учились въ ней очень охотно и были весьма любознательны. Вообще, начиная съ Тырнова, мы подмѣчали въ болгарскихъ дѣтяхъ вездѣ необычайное стремленіе къ наукѣ; гдѣ мы ни останавливались на ночлегъ, всюду дѣти прибѣгали къ намъ съ книжками, чтобы похвастать своими знаніями, и показывали намъ нарисованныя ими картинки.

Мы переѣхали Балканы у Шипки, и, спустившись на ту сторону горъ, заѣхали въ Казанлыкъ, знаменитую царицу розъ всей Болгаріи, а затѣмъ отправились въ Карлово.

Типъ болгаръ, живущихъ по южному склону Балканъ, не напоминаетъ такъ рѣзко туранскаго происхожденія, какъ болгары, живущіе на сѣверномъ склонѣ этихъ горъ, ближе къ Дунаю; въ нихъ замѣтнѣе славянскія черты лица, напоминающія отчасти сербовъ, отчасти поляковъ. Въ царствованіе Османа III, когда турки владѣли Каменецъ-Подольскомъ, Хотиномъ и ихъ окрестностями, 40 тысячъ польскихъ семей было выселено въ окрестность Филиппополя (по-болгарски Пловдива) для разведенія въ этой мѣстности риса. Всѣ эти поляки были католики; съ ними переселились два главныхъ ксендза-каноника или епископа: Павелъ, котораго называли Павликомъ, и Янъ. Часть этихъ поляковъ сохранила католическую вѣру, и турки, по восточному обычаю, прозвали ихъ по имени ихъ священниковъ: павликанами, т. е. людьми Павлика и Яна; другая часть поляковъ, принявшихъ мусульманство, была прозвана помаками. Павликане остались жить въ долинахъ, въ окрестностяхъ Филиппополя, а помаки поселились въ горахъ и въ лѣсахъ Деспотодага; въ этихъ горахъ три каравансарая по сей день носятъ названіе Старой Польши (Stara Polska).

Въ Филиппополѣ я познакомился съ епископомъ Кановой, настоятелемъ піемонтскихъ капуциновъ, который былъ прежде епископомъ католиковъ-павликанъ и пользовался всѣми привилегіями, какія имѣло обыкновенно духовенство въ Турціи, гдѣ оно было для людей своего вѣроисповѣданія какъ бы верховной властью, помимо правительственной власти. Кромѣ этихъ привилегій, утвержденныхъ договорами, католическое духовенство пользовалось надъ бѣдными павликанами правами спаговъ или помѣщиковъ.

Въ то время въ окрестностяхъ Филиппополя было до семи деревень, населенныхъ павликанами, а въ самомъ городѣ ихъ насчитывали до

тысячи душъ; въ каждомъ селеніи находился капуцинъ, управлявшій имъ вмѣстѣ съ послушниками; жители называли ихъ помѣщиками, кланялись имъ въ ноги, а капуцины дули ихъ палками, какъ польскіе шляхтичи свою челядь; народъ долженъ былъ отбывать имъ барщину. До появленія капуцинъ павликанъ насчитывали до 60 тысячъ, а въ то время, когда мы пріѣхали въ Болгарію, ихъ осталось едва-ли семь тысячъ; всѣ прочіе перешли въ православіе или магометанство.

Вначалѣ въ этихъ селахъ были капуцины изъ австрійцевъ, но они совершали страшныя злоупотребленія и нѣкоторыми поступками страшно возстановили противъ себя мусульманъ; такъ напримѣръ они подговаривали павликанъ бунтовать противъ правительства. Однажды эти несчастные папали на монастырь, раздѣли до-гола всѣхъ капуцинъ и, связавъ ихъ вѣтвями, выгнали голыхъ за городъ. Мѣстные власти не обратили на это почти никакого вниманія. Однако, павликане не долго пользовались свободой. Вслѣдствіе стараній австрійскаго интернунція на мѣсто капуцинъ нѣмцевъ, къ нимъ были посланы капуцины изъ Піемонта, которые поступали на первый взглядъ менѣе своевольно, нежели ихъ предшественники, но въ сущности обращались съ павликанами также сурово, всячески угнетали ихъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого суроваго, нечеловѣческаго обращенія; при насъ виновныхъ били палками. Мы осматривали школу, въ которой готовили пѣвицъ для костела и куда принимали только самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, выходившихъ обыкновенно изъ школы съ прибавленіемъ семейства. Я осмѣлился завести объ этомъ рѣчь съ епископомъ Кановой, который казался мнѣ человѣкомъ довольно умнымъ и считался католиками чуть не святымъ. Онъ отвѣчалъ, что это совершенно въ порядкѣ вещей, что на ихъ жалобы не стоитъ обращать вниманія, и что если бы у свиньи были рога, то она забодала бы весь міръ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, павликане были далеко не такъ развиты и цивилизованы, какъ болгары, принадлежавшіе къ православної церкви; что касается ихъ матеріальнаго быта, то по сравненію съ болгарами павликане были бѣдняки и совершенно утратили всякій признакъ своего польскаго происхожденія, между тѣмъ какъ мусульмане сохранили нѣкоторыя черты польскаго характера вмѣстѣ съ польскимъ языкомъ, обычаями и съ преданіями старины. Всего этого у павликанъ нельзя было отыскать ни за какія деньги. Единственной причиной этого обстоятельства было, къ сожалѣнію, католическое духовенство. Возможно ли, чтобы болгаръ влекло къ католицизму, когда они видѣли отъ него такіе печальные плоды.

Изъ Филиппополя мы поѣхали въ Адрианополь, вторую послѣ Бруссы столицу ислама, откуда онъ распространился среди христіанскаго населенія.

Мѣстоположеніе Адрианополя, лежащаго при слияніи трехъ рѣкъ: Тунджи, Арды и Марицы, выбрано турками весьма удачно, и вполнѣ удовлетворяло требованіямъ завоевателей, ибо въ древнія времена всякая столица представляла собою не что иное, какъ большое складочное мѣсто военныхъ запасовъ и снарядовъ, отъ котораго шли во всѣ стороны водяные и сухопутные пути, помогая завоевателямъ удерживать власть въ краѣ.

Въ Адрианополѣ я познакомился съ семействомъ Вернаци. Самъ отецъ былъ драгоманомъ при Наполеонѣ, во время его похода въ Египеть, затѣмъ канцелярскимъ чиновникомъ при маршалѣ Мормонтѣ, когда тотъ управлялъ Иллиріей и Далмаціей, и наконецъ вице-консуломъ въ Адрианополѣ; у него было безчисленное множество сыновей и племянниковъ, жившихъ въ Карагачѣ—небольшомъ селеніи близъ Адрианополя, которое смѣло можно было назвать поселеніемъ Вернаци. Знакомство съ этимъ семействомъ было для меня весьма полезно впоследствии, при моихъ политическихъ сношеніяхъ съ болгарами, и дало мнѣ возможность получать самыя точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ этой странѣ.

Изъ Адрианополя я отправился въ Родось, а затѣмъ въ Стамбуль. Я возвращался туда съ совершенно готовымъ, выработаннымъ планомъ дѣйствій на пользу польской sprawy. Богъ благословилъ мои старанія и мое страстное желаніе быть ей полезнымъ; я былъ доволенъ собою, питая въ то время лишь одно опасеніе: поймутъ ли это поляки, захотятъ ли они и сѣмѣютъ ли понять это и не превратятся ли всѣ мои начинанія, всѣ планы въ пустыя мечты вслѣдствіе непониманія ими своихъ политическихъ цѣлей и задачъ—такъ какъ ими было погублено дѣло отечества? Я боялся этого и молился Богу, говоря: Господи, осѣни поляковъ свѣтомъ разума! дай имъ познать истину!

XLIII.

Возвращеніе въ Стамбуль. — Политика Риза-паши. — Султанъ Абдуль-Меджидъ. — Поѣздка въ Парижъ. — Послѣдніе переговоры съ лазаристами относительно польской колоніи у подошвы Алемъ-Дага. — Подготовка учителей для Болгаріи.—Увеличеніе константинопольскаго агентства.

Я возвратился въ Стамбуль съ совершенно готовымъ планомъ дѣйствій уже агентомъ, какимъ и былъ признанъ Риза-пашею, французскимъ посольствомъ и о. лазаристами. Риза-паша отправился вмѣстѣ со мною къ великому визирю, Топаль-Мехмедъ-Изету-пашѣ, человѣку военному

старога закала и старыхъ взглядовъ въ полномъ значеніи этого слова, закоренѣлому въ своихъ убѣжденіяхъ и выросшему въ понятіяхъ прежняго вѣка. Онъ относился враждебно къ Россіи и ко всѣмъ христіанскимъ державамъ, за исключеніемъ Франціи, потому что къ ней принадлежалъ Наполеонъ I, славный своими военными подвигами и завоеваніями; кромѣ того онъ относился весьма доброжелательно къ полякамъ, потому что онъ знавалъ въ молодости барскихъ конфедератовъ и сочувствовалъ имъ.

Риза-паша хотѣлъ дать своему молодому монарху садръ-азамомъ чело-вѣка, который могъ бы измѣнить традиціи, унаслѣдованныя отъ хромаго Хозрева-паши, имѣвшаго правиломъ дѣлать всевозможныя уступки иностраннымъ дворамъ, и не только слѣдовать ихъ совѣтамъ, но даже испрашивать ихъ приказанія; новый садръ-азамъ долженъ былъ побавить спѣси слишкомъ зазнавшимся богатымъ грекамъ и армянамъ, которые интриговали противъ всѣхъ и cadaго, и сдѣлать кое-какія уступки мусульманамъ, которые не сочувствовали гатишерифу, Гюльхана, танджимату султана и рекрутскому набору, произведенному самимъ Риза-пашею, положившему начало регулярному войску Оттоманской имперіи.

Султанъ Абдуль-Меджидъ отличался выдающимися качествами ума и сердца; отецъ его, султанъ Махмудъ, желая дать своему наслѣднику европейское образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ не отвратить его отъ ислама, вполне достигъ своей цѣли, ибо молодой султанъ, оставаясь вѣрнымъ послѣдователемъ пророка, былъ въ то же время чело-вѣкъ высоко образованный, стремившійся къ прогрессу. Тяжелы были послѣдніе годы царствованія султана Махмуда. Преобразование янычаръ, войны съ внѣшними врагами, возстанія въ Альбаніи и Курдистанѣ, освобожденіе сербовъ, попытка египетскаго паши отложиться отъ Турціи — неоднократно угрожали гибелью государству, которое было спасено только вѣрою и могучею силою ислама. Результатомъ этихъ внутреннихъ потрясеній было усиленіе иноземнаго вліянія и недовольство турецкихъ подданныхъ султана.

Риза-паша, пользовавшійся довѣріемъ султана Абдула-Меджида, задумавъ провести въ садръ-азамы Топаль-Изета-пашу, устранилъ всѣ посторонніе, нежелательные элементы и составилъ министерство изъ людей знающихъ, даровитыхъ, а самъ остался во главѣ военнаго вѣдомства.

Ввѣривъ отдѣльныя отрасли управленія такимъ лицамъ, при которыхъ административная машина не могла доставить садръ-азаму никакихъ хлопотъ и затрудненій, онъ предоставилъ ему разыгрывать роль Гарунъ-Аль-Решиды.

Едва вступивъ въ должность, новый садръ-азамъ издалъ приказъ, коимъ повелѣвалось всѣмъ христіанскимъ подданнымъ султана носить

нашитыя на фески черныя пiявки изъ чернаго шелка или сукна. Всѣ заволновались, осуждали это распоряженiе, но въ концѣ-концовъ рѣшили, что армяне и греки—настоящiя пiявки, высасывающiя у мусульманъ деньги, что эта эмблема подходитъ имъ какъ нельзя лучше, такъ пусть же они ее носятъ, если не хотятъ носить чалму или прежнюю шапку.

Великiй визирь, подражая Гарунъ-Аль-Решиду, часто ходилъ по городу переодѣтый; однажды, ѣдучи верхомъ на ослѣ переодѣтый дервишемъ, онъ встрѣтилъ одного изъ богатѣйшихъ армянъ, недавно прiѣхавшаго изъ Парижа, который, занимая видное положенiе въ обществѣ и находясь въ хорошихъ отношенiяхъ со всѣми посольствами, пренебрегалъ приказомъ садръ-азама и ѣздилъ въ фескѣ безъ пiявки. Дервишъ встрѣтивъ армянина поздоровался съ нимъ, привѣтствуя его по-мусульмански: «Селямъ алей кумъ» (да благословитъ тебя Богъ). Армянинъ шутя отвѣтилъ по-турецки же: «Алей кумъ селямъ» (Богъ да благословитъ тебя). Дервишъ задалъ ему вопросъ, давно ли онъ сталъ послѣдователемъ ислама, и когда армянинъ снова отвѣтилъ шуткой, то онъ свиснулъ: со всѣхъ сторонъ сбѣжались кавасы, заставили армянина сойти съ лошади, положили его на землю и порядкомъ отдули его палками.

Приказъ садръ-азама сталъ соблюдаться со всею строгостью; мусульмане подняли голову, и если имъ приходилось поневолѣ смотрѣть съ почтенiемъ на форменную шапку европейцевъ, за то они смотрѣли съ высоты своего величiя на феску съ напитою на ней пiявкой.

Садръ-азамъ постоянно слѣдилъ за точнымъ соблюденiемъ мѣръ и вѣсовъ, за тѣмъ, чтобы хлѣбъ и прочiе продукты были доброкачественны и строго наказывалъ купцовъ за малѣйшее нарушенiе этихъ правилъ.

Возлѣ лавокъ ежедневно можно было видѣть купцовъ, прибитыхъ къ дверямъ за ухо гвоздями, которые были вынуждены стоять все время на цыпочкахъ, чтобы не оторвать себѣ уха; это наказанiе полагалось за обвѣшиванiе и продажу недоброкачественныхъ продуктовъ. Мѣра эта, довольно дикая и жестокая съ европейской точки зрѣнiя, снизкала садръ-азаму любовь всего мусульманскаго и христіанскаго населенiя города, которое прозвало его отцомъ города.

Садръ-азамъ весьма мало вмѣшивался во внутреннее управленiе государствомъ и въ дѣла внѣшней политики, но его полицейскiя мѣры и рѣшительный образъ дѣйствiй внушали страхъ не только европейскому населенiю Константинополя, но и дипломатамъ. На несправедливыя требованiя драгомановъ и даже посланниковъ турки отвѣчали отъ его имени дерзко, надменно и даже заносчиво.

Риза-паша достигъ своей цѣли; кратковременное управленiе Топаль-Изета-паши въ званiи садръ-азама подняло значенiе мусульманства и

самобытность Турціи и подготовило почву для самостоятельнаго управленія государствомъ молодымъ султаномъ.

Трудно повѣрить, до какой степени доходило въ то время въ нѣкоторыхъ случаяхъ невѣжество французскихъ и другихъ европейскихъ дипломатовъ; исключеніе составляли въ этомъ случаѣ только члены русскаго и австрійскаго посольствъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ приведу слѣдующій случай. Г. де-Бутенваль, первый секретарь французскаго посольства, занималъ это мѣсто много лѣтъ подрядъ и жилъ постоянно въ Константинополѣ. Когда я говорилъ, въ его присутствіи, съ г. де-Буркене о болгарахъ, первый секретарь посольства спросилъ меня, развѣ дѣйствительно существуетъ болгарскій народъ; онъ всегда думалъ, что слово «болгаринъ» значитъ пастухъ. Такимъ образомъ, я былъ для этихъ дипломатовъ новымъ Колумбомъ, открывшимъ существованіе болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ.

Войдя въ сношеніе съ сербами и казаками, я занялся вводомъ во владѣніе и устройствомъ имѣнія, приобретеннаго для будущей колоніи или для будущаго польскаго поселенія у подошвы Алемъ-Дага. Собралъ съ разныхъ сторонъ до восьмидесяти поляковъ и руссинъ, я избралъ для этой колоніи мѣстность въ урочищѣ, называемомъ цыганскимъ логовищемъ, въ прекрасномъ строевомъ лѣсу, возлѣ студенаго ключа. Окрестная мѣстность была холмиста, пригорки смѣнялись небольшими долинами и оврагами, изобиловавшими превосходными пастбищами, гдѣ можно было найти отличную пахотную землю; въ этой мѣстности протекало два ручья, которые никогда не пересыхали, была масса каштановъ, дикаго винограда и всякаго рода звѣрей и птицъ.

Возлѣ самаго источника мы поставили нѣсколько шалашей, сдѣланныхъ изъ хвороста, засыпаннаго землею. Новые поселенцы работали за извѣстную плату на фольваркѣ ксеендзовъ-лазаристовъ, находившемся въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, расчищали у себя въ колоніи новину и припасали матеріалъ для построекъ. Я оставилъ на первое время для надзора за ними Равскаго, до пріѣзда настоящаго надсмотрщика, котораго мнѣ обѣщали выслать изъ Парижа.

Собранный мною для колоніи сбродъ состоялъ изъ людей своевольныхъ, упрямыхъ, которые, на первыхъ же порахъ, по польскому обычаю, стали тратить попусту время въ ненужныхъ разговорахъ, начали бунтовать и дошли до того, что даже грозили Равскому убить его, если онъ не исполнитъ ихъ требованій. Въ первый моментъ я былъ чрезвычайно возмущенъ случившимся и сгоряча хотѣлъ обратиться для усмиренія бунта за содѣйствіемъ къ турецкимъ властямъ или во французскую канцелярію. Но обсудивъ дѣло хладнокровнѣе, я самъ отправился въ поселеніе съ Людовикомъ Звѣрковскимъ и двумя слугами, изъ конхъ

одинъ, малороссъ изъ Кіевской губерніи, былъ человѣкъ смѣлый и обладалъ большою физическою силою.

Въ фольваркѣ о. лазаристовъ мы не застали ни одного поселенца: всѣ они были у себя дома и въ крайне возбужденномъ состояніи. Видя, что съ нами не было Равскаго, какъ это выяснилось изъ дальнѣйшаго разговора, они рѣшили тотчасъ пожаловаться и свалить на него всю вину за случившееся. Равскій былъ человѣкъ честный и правдивый; мнѣ было извѣстно, изъ его донесенія, что зачинщикомъ бунта былъ нѣкто Казиміръ; я зналъ такъ-же, какъ велико было участіе въ этомъ дѣлѣ каждаго колониста. Позвавъ Казиміра въ шалашъ, выстроенный для меня и заперевъ дверь, я сдѣлалъ ему строгій выговоръ, а Звѣрковскій собственноручно закатилъ ему тридцать здоровыхъ ударовъ по-гайкой. Затѣмъ я спросилъ его: кто бунтовалъ болѣе всѣхъ кромѣ тебя? Онъ отвѣчалъ: Яковъ.

Былъ призванъ Яковъ, котораго самъ Казиміръ наказалъ безпрекословно.

Яковъ наказалъ третьяго бунтовщика и такъ далѣе; сорокъ два человѣка получили такимъ образомъ изрядное внушеніе; остальные не были виновны. Мнѣ бросилось въ глаза, что всѣ виновные были уроженцы Царства Польскаго; литовцы и малороссы не принимали участія въ бунтѣ и впослѣдствіи были охраною порядка въ поселеніи и самыми надежными людьми, на которыхъ правительство вполне могло положиться. Вскорѣ, послѣ этой расправы, пріѣхалъ Равскій; поселенцы одинъ за другимъ кланялись мнѣ въ ноги, благодарили за отцовское внушеніе и общали исправиться для собственной пользы, ибо они понимали, что порядокъ и власть необходимы, а бунтовали только по свойственной полякамъ страсти къ своеволію и неурядицѣ; таковъ несчастный польскій характеръ. Спокойствіе было водворено, но послѣ этого случая поселенцевъ пришлось наказывать за каждый проступокъ; самъ ксендзъ Леленъ долженъ былъ дать на это свое согласіе.

Въ поселеніи осталася Людовикъ Звѣрковскій, а Равскій былъ посланъ мною на постоянное жительство въ Добруджу, въ качествѣ нашего агента. Агентство это было учреждено съ разрѣшенія Оттоманскаго правительства при поддержкѣ и покровительствѣ французскаго посольства.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла, я отправился съ Саихомъ въ Парижъ.

Большой радостью для меня было увидѣть князя Адама, всѣхъ его родныхъ и близкихъ. Владиславъ Замойскій, поздравляя меня съ успѣхомъ моей миссіи, сказалъ:

— Ну что, видите къ чему насъ привелъ договоръ, заключенный съ княземъ Вазовичемъ: я это предвидѣлъ, нѣтъ худа безъ добра.

Мнѣ хотѣлось немного отдохнуть, но не давали покоя; я долженъ былъ дать отчетъ г. Гизо и г. Цинтрату о моихъ сношеніяхъ съ сербами и обо всемъ, что я видѣлъ на Востокѣ; долженъ былъ писать записки, донесенія и вести корреспонденцію съ Бѣлградомъ и Стамбуломъ. Кромѣ того, мнѣ поручили вести переговоры съ уполномоченнымъ лазаристовъ, ксендзомъ Стефаномъ, относительно поселенія подъ Алемъ-Дагомъ. Ксендзъ Стефанъ, человекъ умный и практичный, отлично видѣлъ, что князь Адамъ не могъ или не хотѣлъ дать достаточную сумму денегъ въ распоряженіе лазаристовъ, для заведенія всего необходимаго для колоніи имущества, поэтому онъ подалъ мнѣ мысль войти въ соглашеніе съ членами общества католической пропаганды, извѣстнымъ подъ названіемъ: «Лионскаго общества распространенія католической вѣры», которое обладало значительными капиталами и тратило ихъ щедрою рукою на нужды заграничныхъ миссій. Я познакомился съ членами этого общества чрезъ г. Сентъ-Альбина, бывшаго собственника *Constitutionel'*, и чрезъ о. Стефана, который былъ пэромъ Франціи. Благодаря протекціи Цинтрата, я добился того, что это общество ассигновало шесть тысячъ франковъ въ годъ, на поддержку польской колоніи, на выкупъ поляковъ-католиковъ изъ неволи отъ черкесъ и поселеніе ихъ въ колонію. Заручившись такимъ капиталомъ на неограниченный срокъ или лучше сказать на вѣчныя времена, я набросалъ слѣдующій проектъ условія, которое лазаристы должны были заключить съ княземъ Адамомъ: капиталъ, данный княземъ Адамомъ, на покупку скота, въ размѣрѣ пятнадцати тысячъ франковъ, составитъ основной капиталъ колоніи; изъ него будутъ выдаваться поселенцамъ пособія и извѣстная сумма денегъ на покупку скота. Урочище «Цыганское логовище» съ потребнымъ количествомъ земли для пастбищъ составитъ собственность князя Адама Чарторыйскаго, по правиламъ долгосрочной аренды, на 99 лѣтъ, съ правомъ возобновленія аренднаго договора на дальнѣйшій срокъ, по желанію князя. Управляющіе колоніей будутъ назначаться отъ имени князя Адама, а поселенцы будутъ имѣть дѣло непосредственно съ управляющими колоніей, которые будутъ собирать съ нихъ десятинный сборъ, для расширенія колоніи. Ксендзы-лазаристы примутъ колонію подъ свое покровительство.

Это условіе обезпечивало существованіе колоніи, являлось несомнѣннымъ доказательствомъ дѣловыхъ отношеній, возникшихъ между княземъ Адамомъ и лазаристами, придавало польской колоніи народный, самостоятельный характеръ и ставило ее, въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, въ совершенную независимость отъ ксендзовъ-лазаристовъ, подчиняя ее исключительно власти поляка—князя Адама Чарторыйскаго.

Г. Гизо вполне одобрилъ дѣйствія де-Буркене, выдавшаго француз-

скіе паспорта всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ къ польской колоніи и жившимъ въ ней или внѣ ея предѣловъ, и приказалъ внести ихъ въ списокъ лицъ, находившихъ подъ покровительствомъ Франціи. Такимъ образомъ былъ обезпеченъ законнымъ путемъ политическій *habeas corpus* поляковъ, проживавшихъ на Востокѣ; достаточно было моего удостовѣренія для того, чтобы каждый полякъ, въ случаѣ надобности, получилъ французскій паспортъ.

Г. де-Виллеменъ, принявшій меня такъ любезно, какъ я того не заслуживалъ, приказалъ снова выдать мнѣ дубликаты всѣхъ вышедшихъ за послѣднее время книгъ, доставленныхъ въ министерство народнаго просвѣщенія, для пополненія бібліотеки польской колоніи, въ которой уже насчитывали въ то время свыше тысячи томовъ.

Въ это время я познакомился довольно близко съ г. Пиколо Савовичемъ и его дядей, пріѣхавшими на время въ Парижъ. Я завелъ съ ними разговоръ о народномъ образованіи въ Болгаріи, въ которомъ замѣчался недостатокъ единства и которое своимъ направленіемъ зачастую возбуждало неудовольствіе и подозрительность турокъ. Я высказалъ свое мнѣніе, что слѣдовало бы обставить дѣло такимъ образомъ, чтобы, заботясь о просвѣщеніи болгаръ, внушить вмѣстѣ съ тѣмъ туркамъ увѣренность, что это не принесетъ вреда государственнымъ интересамъ Оттоманской имперіи. Будучи въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Нафи-эфенди, въ то время турецкимъ посланникомъ въ Парижѣ, я высказалъ ему эти соображенія. Посланникъ переговорилъ объ этомъ съ Гизо, а Савовичъ препроводилъ ему объемистую записку, въ которой онъ развилъ ту мысль, что наилучшими посредниками въ этомъ важномъ дѣлѣ могли бы быть поляки. Гизо находилъ, что лучше всего было бы вызвать людей подготовленныхъ къ учительской дѣятельности и желающихъ посвятить себя ей и разослать ихъ по школамъ Болгаріи, чтобы ввести въ нихъ единообразную систему преподаванія и такой духъ, который заслужилъ бы одобреніе турецкаго правительства.

Однажды вечеромъ, на собраніи, происходившемъ у Гизо, на которомъ этотъ вопросъ обсуждался въ моемъ присутствіи, между Гизо, княземъ Адамомъ и Нафи-эфенди было рѣшено, что Гизо дастъ на это дѣло нужныя средства, а князь Адамъ прикажетъ выбрать изъ среды поляковъ на первый разъ человѣкъ тридцать способныхъ къ учительской дѣятельности; они будутъ помѣщены въ одномъ домѣ по близости отъ заведенія Братства христіанскихъ школъ и въ шесть мѣсяцевъ, подъ надзоромъ и руководствомъ членовъ этого братства, пройдутъ весь курсъ наукъ, а затѣмъ, снабженные элементарными руководствами на болгарскомъ языкѣ и турецкими паспортами, отправятся въ Болгарію.

Для начала дѣла, Гизо приказалъ выдать князю Адаму довольно зна-



чительную сумму денег, что-то около двадцати тысячъ франковъ. Не знаю какъ это случилось, но завѣдующимъ этимъ дѣломъ, имѣвшимъ такую огромную будущность и обставленнымъ такъ практично, былъ назначенъ Александръ Панча, милѣйшій товарищъ и добрѣйшій человѣкъ, но не годившійся для этого дѣла ни по своимъ способностямъ, ни по образованію. Когда мнѣ сообщилъ объ этомъ Тржецякъ, я подумалъ, что онъ шутитъ, и поспѣшилъ къ князю Адаму, но уже было поздно. Князь Адамъ былъ очень веселъ (какъ всегда при видѣ Александра Панчи, который держалъ себя съ напускной важностью, но при этомъ балагурилъ и всѣхъ потѣшалъ) и сказалъ:

— Ну вотъ, слава Богу, мы и нашли министра народнаго просвѣщенія для Болгаріи; славный парень; я увѣренъ, что онъ ихъ цивилизуетъ скоро и хорошо.

Нечего было возражать; за него былъ прекрасный полъ. Меня очень удивляло, что Панчу сильно поддерживалъ Владиславъ Замойскій и не могъ нахвалиться этимъ выборомъ; Карлъ Сенкевичъ пожималъ плечами и говорилъ: «договоръ, заключенный съ княземъ Вазовичемъ, заставилъ насъ играть политическую роль на Востокѣ; какъ знать, быть можетъ, просвѣтительная миссія Александра Панчи доставитъ намъ вліяніе на славянъ»; а Адамъ Мицкевичъ говорилъ, что «на свѣтѣ творятся такія чудеса, что можетъ быть изъ этого дива и выйдетъ что-либо путное».

Александръ Панча пригласилъ по своему собственному выбору въ учителя тридцать человѣкъ поляковъ. Всѣ они были прекрасные офицеры, люди честные, достойные и готовые воевать хоть съ самимъ чортомъ, но у всѣхъ у нихъ были красные носы, всѣ они имѣли пристрастіе къ бутылочкѣ. Александръ Панча радовался этому, приговаривая:

— Мнѣ такихъ-то и нужно удалцовъ; какъ они стукнутъ, какъ крикнутъ, такъ у болгаръ со страха душа въ пятки уйдетъ. Они съумѣютъ внушить къ себѣ уваженіе, а безъ этого съ дикимъ народомъ ничего не подѣлаешь.

Я оставилъ это ученое учрежденіе въ полномъ ходу: члены Братства христіанскихъ школъ отшлифовывали старыхъ удалцовъ, какъ малыхъ школьничковъ; вначалѣ дѣло пошло на ладъ, но въ скоромъ времени, боясь, чтобы удалцы не соскучились, директоръ школы позволилъ имъ держать подъ столомъ бутылочки съ живительной влагой. Они угощали ею своихъ наставниковъ, а тѣ, какъ люди вѣжливые, не отказывались отъ угощенія и вмѣсто обученія мало-по-малу начались попойки; впрочемъ все шло еще прилично. Нѣсколько времени спустя они вздумали для своего развлеченія пѣть пѣсни, какъ бы обучаясь хоровому пѣнію, а такъ какъ блага цивилизаціи, распространяемой въ Болгаріи, должны были коснуться и прекраснаго пола, то на уроки стали приглашать

вскорѣ лоретокъ и гризетокъ, чтобы посмотрѣть, какъ подѣйствуетъ на нихъ просвѣщеніе. Началось настоящее столпотвореніе, возникъ настоящій *bal Mabil*; въ концѣ концовъ школа была закрыта. Дѣло кончилось совсѣмъ по-польски. Александръ Панча не повѣсилъ съ горя, а уѣхалъ со своей семьей въ Милостово (*Milostowo*), вѣроятно съ намѣреніемъ вводить тамъ просвѣщеніе по своей преобразованной системѣ.

Все это случилось три мѣсяца спустя послѣ моего вторичнаго отъѣзда изъ Парижа, откуда я отправился на Востокъ съ надеждою внести просвѣщеніе въ Болгарію и, прибывъ на мѣсто, принялъ всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы приготовить для этого почву и расположить болгаръ въ пользу посылаемыхъ имъ учителей-поляковъ; но чelовѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Еще въ то время, когда я былъ въ Парижѣ, князь призналъ необходимымъ расширить дѣятельность нашего агентства, увеличивъ число агентовъ, которыхъ я могъ бы посылать въ разныя мѣста, смотря по требованіямъ нашей политики; я избралъ Франциска Заха, моравъ, двухъ братьевъ Будзинскихъ, моихъ давнишнихъ пріятелей, Юліана Корсака изъ Подоли и по рекомендаціи Адама Мицкевича—хорвата Еленскаго и литвина Будриза; кромѣ того, я пригласилъ Станислава Дроздовскаго, доктора медицины и хирургіи, въ качествѣ врача агентства.

Намѣтивъ этихъ лицъ для дальнѣйшей дѣятельности вмѣстѣ со мною на Востокъ, я списался съ ними, и всѣ они выразили мнѣ готовность отдать себя въ полное распоряженіе князя Адама.

XLIV.

Недобрыя вѣсти, полученныя изъ Стамбула.—Внезапный отъѣздъ изъ Парижа.—Мюнхенъ и Вѣна. — Кн. Меттернихъ.—Непріятная встрѣча на пароходѣ.—Австрійскій генераль.—Пріѣздъ въ Бѣградъ.—Совѣщаніе съ сербами.—Я ищу убѣжища въ крѣпости.—Вторичное избраніе кн. Александра.—Орсово.—Возвращеніе въ Стамбулъ.—Польская колонія —Дѣло боснійскихъ францисканцевъ съ епископомъ Воришичемъ.—Условіе, заключенное съ ними.—Устройство духовныхъ дѣлъ новой колоніи.

Изъ Стамбула было получено довольно непріятное извѣстіе. Россія и вслѣдъ за нею Австрія и Пруссія протестовали противъ избранія на сербскій престолъ кн. Александра Карагеоргиевича. Англія, видя, что послѣднія событія послужили въ значительной степени къ усиленію вліянія Франціи на славянское населеніе Турецкой имперіи, присоединилась къ протесту трехъ кабинетовъ и предъявила турецкому правительству еще болѣе серьезныя требованія, такъ какъ одною изъ глав-

ныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ ею на Востокѣ, было не допускать усиленія французскаго вліянія и дѣйствовать наперекоръ французской политикѣ. Г. де-Буркене энергично поддерживалъ права Оттоманской Порты и Сербіи, но ему было послано изъ Парижа приказаніе присоединиться къ протесту остальныхъ кабинетовъ и посовѣтывать Высокой Портѣ согласиться на уступки. Де-Буркене къ протесту не присоединился, но далъ оттоманскому министерству слѣдующій совѣтъ.

— Если вы достаточно сильны, чтобы настоять на своемъ, говорите оное,—не уступайте; если дѣло дойдетъ до войны, я увѣренъ, что мое правительство, несмотря на все свое желаніе мира, не оставитъ Турцію на съѣденіе врагамъ, но въ первый моментъ вамъ необходимо постоять за себя; если же вы не рассчитываете на свои силы, то уступите; подчиняясь необходимости, вы не покроете себя безчестіемъ; сербы поймутъ, что вы были къ этому вынуждены.

Турецкое правительство уступило и изъявило свое согласіе, чтобы были произведены новые выборы, но, по представленію стараго князя Меттерниха, Россіи, Австріи, Пруссіи и въ особенности Англіи, было рѣшено удалить изъ Сербіи на время выборовъ: Авраама Петроневича, Вучича, Стояна Зимича, Алексѣя Зимича и Илью Горашанина. Русскимъ комиссаромъ, подъ предсѣдательствомъ котораго должны были происходить выборы, былъ назначенъ генераль-адъютантъ Ливенъ. Австрія и Англія, имѣвшія въ то время огромное вліяніе на Обреновичей,—первая, потому что она оказала имъ гостепримство, а вторая, въ силу своихъ давнишнихъ отношеній къ старику Милошу—желали возвращенія этого рода на сербскій престолъ и были готовы поддерживать виды Россіи относительно славянъ. Назначеніе комиссаромъ Ливена было пріятно Англіи, во-первыхъ, потому что это былъ человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, а не славянинъ, а во-вторыхъ, потому, что онъ былъ племянникъ русскаго посла въ Англіи, который, занимая свой постъ много лѣтъ кряду, совершенно сроднился съ англійской аристократіей.

Получивъ всѣ эти извѣстія изъ Константинополя, я узналъ вмѣстѣ съ тѣмъ о желаніи Риза-паши, чтобы я, какъ можно скорѣе, возвратился въ Стамбулъ, дабы принять сообщенія какія-либо мѣры.

Я сообщилъ князю Адаму объ этомъ письмѣ, полученномъ мною столь своевременно, что о случившемся не появилось еще извѣстій въ газетахъ, которыя, вѣроятно, еще ничего не знали объ этомъ. Князь Адамъ, взявъ съ собою письмо, поѣхалъ со мною къ Гизо.

Первымъ словомъ этого министра, у котораго мы застали г. Цинтрату, было: «Чайка долженъ, не теряя времени, отправиться въ Бѣлградъ, этого требуетъ де-Буркене; я полагаюсь на его умѣнье спасти

дѣло или, по крайней мѣрѣ, повернуть его такъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, мы могли бы наверстать потерянное».

По его приказанію мнѣ былъ выданъ изъ министерства паспорты на имя кавалерійскаго офицера г. де-Ванно (de-Vanneaux), письмо къ г. де-Буркене въ Мюнхенѣ, г. де-Флагану (de-Flahant) въ Вѣну и къ консулу Цодригѣ въ Бѣлградъ.

Гизо признался князю Адаму, что ему было совѣстно сообщить ему о давленіи, произведенномъ Англіей на короля, и о выказанной имъ слабости, такъ какъ онъ желалъ во что бы то ни стало сохранить миръ. Гизо хвалилъ дѣйствія де-Буркене и отзывался съ величайшей похвалою о Риза-пашѣ, меня же просилъ выѣхать, какъ можно скорѣе, чтобы я успѣлъ прибыть въ Бѣлградъ прежде, нежели газеты начнутъ, по своему, разбирать этотъ вопросъ. Я рѣшилъ выѣхать въ ту же ночь, что и исполнилъ.

Взявъ съ собою Саиха, я отправился въ Страсбургъ, въ Германію; ѣхалъ день и ночь не останавливаясь, пробывъ короткое время въ Мюнхенѣ, чтобы повидаться съ де-Бургуеномъ и получить отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія и указанія относительно того, какія предосторожности мнѣ слѣдовало принять, чтобы не быть узаннымъ въ Вѣнѣ, гдѣ я думалъ остановиться на нѣсколько дней. Де-Бургуенъ былъ предупрежденъ о моемъ пріѣздѣ г. Гизо и давно зналъ меня лично. Онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ княземъ Адамомъ, съ Владиславомъ Замойскимъ и со многими поляками, такъ какъ жилъ долгое время въ Польшѣ, служа въ канцеляріи маршала Даву.

Онъ рассказывалъ мнѣ, между прочимъ, что самымъ страстнымъ желаніемъ маршала Даву было получить корону Польши; онъ велъ объ этомъ переговоры съ Наполеономъ черезъ императрицу Жозефину и неаполитанскаго короля Иоахима Мюрата, съ которыми онъ былъ съ давнихъ поръ въ дружескихъ отношеніяхъ, и со многими извѣстными поляками, коимъ онъ говорилъ: «когда у насъ будетъ сто тысячъ чело-вѣкъ подъ ружьемъ, мы будемъ хозяевами положенія и не будемъ жертвами политики».

По словамъ де-Бургуена, поляки, коимъ Даву открылъ свои желанія, сообщили объ этомъ князю Адаму Чарторыйскому, бывшему въ ту пору на сторонѣ Россіи, чрезъ Матушевича, Меттерниху—чрезъ Лауру Тарновскую, а князю Іосифу Понятовскому чрезъ его племянницу, г-жу А. Потоцкую, и эти три лица разрушили всѣ планы маршала Даву. Наполеонъ не могъ противиться энергичнымъ представленіямъ австрійскаго двора; къ тому же онъ имѣлъ болѣе высокое понятіе о способностяхъ князя Іосифа Понятовскаго, нежели заслуживалъ этотъ путо-головый, хотя довольно храбрый король польскій(?); онъ не хотѣлъ обидѣть его и отстранить отъ себя, а князь Адамъ Чарторыйскій, желая отвлечь

поляковъ отъ Франціи, подалъ мысль образовать подъ покровительствомъ Россіи польскіе легіоны. Казацкіе полки, которые должны были образовать ядро этихъ легіоновъ, вошли впоследствии въ составъ Бугской и Украинской уланской дивизіи русскаго войска; Даву былъ озлобленъ противъ Наполеона I, а поляки, какъ говорилъ де-Бургуенъ, лишились короля, который былъ бы вторымъ Стефаномъ Баторіемъ.

Приѣхавъ въ Вѣну, я въ тотъ же день отправился съ визитомъ къ г. de Flahant, который принялъ меня весьма любезно; его супруга, видавшая меня въ Парижѣ, чрезвычайно смѣялась надъ моими очками и парикомъ. Г. de Flahant просилъ меня во время пребыванія въ Вѣнѣ не имѣть никакихъ сношеній съ поляками, такъ какъ полицейскіе агенты старика Меттерниха неуспынно слѣдили за ними день и ночь; онъ былъ бы весьма огорченъ, если бы со мною случилась какая-либо непріятность, такъ какъ г. Гизо желаетъ, чтобы я доѣхалъ благополучно до Бѣлграда.—Прощаясь со мною, онъ сказалъ:

— Мнѣ очень жаль, что вы трудитесь и подвергаете себя всевозможнымъ случайностямъ, тогда какъ этотъ вопросъ можно считать окончательно рѣшеннымъ. Обреновичи должны возвратиться на сербскій престолъ, этого хотятъ князь Меттернихъ, Россія и Англія; кто же въ состояніи противиться ихъ волѣ? Я обѣдалъ вчера у князя Меттерниха съ княземъ Милошемъ, этимъ сербскимъ богатыремъ, и съ его сыномъ, княземъ Михаиломъ, который показался мнѣ человѣкомъ весьма интеллигентнымъ и образованнымъ. И того и другого нельзя назвать сторонниками Россіи; я убѣдился въ этомъ изъ ихъ разговора со мною и съ княземъ Меттернихомъ, о чемъ и донесъ сегодня г. Гизо. Я сомнѣваюсь, чтобы вы успѣли приѣхать въ Бѣлградъ во-время, ибо выборы начнутся не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, а князь Меттернихъ увѣрялъ меня, что партія Обреновичей очень сильна въ Сербіи и что сербскій народъ преданъ Милошу. Совѣтую вамъ вернуться въ Парижъ и выяснить тамъ невозможность сдѣлать что-либо въ настоящее время.

Я не оспаривалъ его доводовъ, но отвѣчалъ, что я никоимъ образомъ не могу остаться, что я долженъ ѣхать.

Семейство Flahant пригласило меня въ нѣмецкій театръ, гдѣ со мною случилось слѣдующее непріятное приключеніе. Владиславъ Замойскій, сидѣвшій въ партерѣ, узналъ меня, несмотря на то, что я былъ переодетъ, и назвалъ мою фамилію своему брату Августу, сидѣвшему возлѣ него; они, какъ близкіе знакомые de-Flahant'a, пришли къ нимъ въ ложу, въ которой, кромѣ меня, сидѣло нѣсколько австрійскихъ дипломатовъ. De-Flahant чрезвычайно сконфузился, но его жена, какъ женщина, болѣе ловкая и находчивая, прервала ихъ, когда они обратились ко мнѣ съ привѣтствіемъ, сказавъ:

— Вѣроятно вы познакомились съ г. де-Ваяно во время путешествія

въ Африку; онъ гостить у насъ, прошу васъ отобѣдать у насъ завтра, вы побесѣдуете у насъ, вспомните прошлое; вечеромъ у насъ будетъ музыка; можетъ быть насъ посѣтитъ и князь Меттернихъ, если вы дадите слово быть у насъ.

Затѣмъ она обратилась къ австрійскимъ дипломатамъ, сказавъ:

— Панъ Замоискій намекаетъ на что-то таинственное, чего онъ намъ не объяснилъ.

На слѣдующій день, вставъ довольно рано, я отправился съ Санхомъ осматривать Вѣну; въ это время въ отель явились два полицейскихъ агента Меттерниха, которымъ было приказано слѣдить за мною; они забрались бы въ мою комнату и осмотрѣли бы мои вещи, если бы въ это время не пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ de-Flahant. Это такъ удивило ихъ, что они поспѣшили удалиться изъ отеля, но слуга de-Flahant'a узналъ въ нихъ шпионовъ Меттерниха и его приближенныхъ; одинъ изъ служащихъ въ отелѣ сказалъ мнѣ, что они разыскивали какого-то поляка Чайка-Чайковского.

Передъ обѣдомъ Замоискій говорилъ съ г. de-Flahant и со мною объ этихъ шпионахъ и совѣтовалъ мнѣ быть крайне осторожнымъ, ибо онъ былъ вполне увѣренъ, что старикъ Меттернихъ пріѣдетъ на вечеръ.

De-Flahant, нѣкогда красавецъ изъ красавцевъ среди гусаръ Наполеона I, подстрекаемый своею женою, набрался храбрости и представилъ меня князю Меттерниху, какъ кавалерійскаго офицера, ѣдущаго въ Стамбулъ и Аравію для ознакомленія съ различными породами лошадей. Старикъ Меттернихъ съ любопытствомъ оглядѣлъ меня съ головы до ногъ; видимо моя наружность не возбудила въ немъ никакого подозрѣнія, ибо онъ спросилъ, не пожелаю ли я осмотрѣть казенные табуны въ Венгріи, сказавъ, что онъ прикажетъ въ такомъ случаѣ показать мнѣ эти во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно интересные конскіе заводы. Поблагодаривъ его, я отвѣчалъ, что постараюсь на обратномъ пути воспользоваться его любезностью, но что сначала я хочу осмотрѣть табуны, такъ сказать, дикихъ лошадей, чтобы имѣть возможность правильнѣе судить объ усовершенствованіяхъ, достигнутыхъ въ цивилизованныхъ странахъ, поэтому я не осмаривалъ нашихъ конскихъ заводовъ во Франціи и въ Англіи, не побывавъ въ Аравіи. Онъ призналъ мое мнѣніе справедливымъ и основательнымъ и сказалъ мнѣ весьма любезно, что прикажетъ заготовить для меня нужныя бумаги, чтобы я могъ на обратномъ пути безпрепятственно осмотрѣть заводы.

Я былъ очень радъ тому, что мнѣ пришлось видѣть этого дипломата и разговаривать съ нимъ. Его можно было назвать тираномъ славянъ и въ особенности поляковъ, съ которыми онъ игралъ, какъ котъ съ мышью, прежде нежели задушить ихъ. Несмотря на это поляки, а наипаче польки, преклонялись передъ великимъ Меттернихомъ и ожидали

отъ него чудеснаго спасенія Польши. Ему воскуряли ойміамъ, ему приносили дары знатныя дамы изъ Тырнова, изъ Ланцароны, предъ нимъ склоняли голову потомки Ягеллоновъ. Какъ достойна сожалѣнія Польша, если лучшіе ея сыны такъ легко могутъ идти на помочахъ у нѣмца.

На слѣдующій день я отправился на пароходъ въ Пресбургъ; тамъ происходило какое-то собраніе мадьяръ. Всѣ гостиницы, кофейни, всѣ общественныя сады были переполнены мадьярами, которые расхаживали въ своихъ доломаныхъ, побрякивая саблями и шпорами. За каждымъ венгерцемъ шелъ нѣмецъ-стрѣлокъ, въ обшитой галуномъ одеждѣ, въ треугольной шляпѣ съ перомъ. Венгерцы разговаривали между собою по-венгерски, а къ нѣмцамъ обращались по-нѣмецки, сопровождая свои слова бранью и прозвищами. Признаюсь, мнѣ чрезвычайно нравилось въ венгерцахъ это презрительное отношеніе къ нѣмцамъ; я видѣлъ въ этомъ огромное ихъ преимущество передъ поляками; благодаря этому они сохранили свою народную самобытность и сохранять ее впредь. Это были мадьяры, а не рабы.

Въ Пештѣ было не мало историческихъ памятниковъ, между прочимъ—зѣмокъ, сохранившійся со времени владычества мусульманъ; возлѣ самыхъ стѣнъ этого зѣмка было обширное поле, на которомъ, по преданію, расположился лагеремъ король Янъ Собѣскій, когда, одержавъ надъ турками побѣду подъ Вѣною, онъ заставилъ ихъ удалиться изъ Венгріи. По странному стеченію обстоятельствъ, въ пивной, стоявшей на этомъ полѣ, мы видѣли двухъ молодыхъ словаковъ, которые декламировали другъ другу, по очереди, «Османіаду» Гундулича—славянскую поэму, въ которой нашъ богатырь, Янъ Собѣскій, былъ описанъ славянскимъ повтомъ самыми неприглядными красками. Отъ этихъ же двухъ словаковъ я слышалъ народную пѣсню о визирѣ Ахметѣ Соколовичѣ, босняка, который предпринялъ экспедицію въ Бечъ—такъ называютъ босняки Вѣну,—и намѣревался истребить этотъ городъ до тла, чтобы въ немъ не осталось камня на камнѣ; послѣ этого славяне должны были насыпать огромный холмъ изъ щебня и мусора, взятаго изъ развалинъ нѣмецкихъ зданій, а на верхушкѣ этого холма построить бесѣдку для Соколовича, гдѣ онъ могъ распѣвать вмѣстѣ съ пѣвцами и гусярами о свободѣ славянскихъ народовъ.

Противъ Новаго Мѣста (Nowo Miasto) на пароходѣ сѣли два чело-вѣка, которые были мнѣ хорошо извѣстны въ бытность мою въ Стамбулѣ: Рано или Рановъ, учитель князя Михаила Обреновича, и Бертодерь-Давидъ, бывшій драгоманъ сербскаго агентства; оба ярые сторонники Обреновича, ѣхавшіе въ Землянъ, чтобы оттуда дѣйствовать въ пользу избранія его на престолъ. Несмотря на мои очки и парикъ, послѣдній узналъ меня и подошелъ съ привѣтствіемъ. Я принялъ его

весьма холодно, замѣтивъ, что, вѣроятно, онъ ошибся. Тогда онъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, я вижу предъ собою пана Чайковского, известнаго славянскаго писателя, съ которымъ я познакомился въ сербскомъ агентствѣ въ Стамбулѣ.

Я улынулся.

— Вѣроятно вы хотите сказать Михаила Чайковскаго, а не Чайковского; я его хорошо знаю; между нами столь большое сходство, что меня часто принимаютъ за него.

Они оба начали допытываться обо мнѣ у Саиха, который, будучи остороженъ и сдержанъ, какъ восточный человѣкъ, сказалъ мнѣ, что онъ ѣдетъ со мною изъ Вѣны, ему известно, что я офицеръ, служащій во французской кавалеріи, и что мы ѣдемъ въ Землинъ.

Когда онъ разговаривалъ съ этими господами я подошелъ къ нему и попросилъ его занять для меня комнату въ отелѣ и присмотрѣть за моими вещами, такъ какъ я намѣреваюсь пробыть нѣсколько дней въ Землинѣ. Это ихъ нѣсколько успокоило, но они то и дѣло оглядывали меня съ головы до ногъ и, какъ мнѣ рассказалъ впоследствии Саихъ, говорили между собою по-французски: «онъ такъ похожъ, у насъ есть его портретъ въ одномъ изъ его романовъ; надобно получше разглядѣть его; онъ вѣдь злѣйшій врагъ нашего дѣла, его не слѣдуетъ допускать въ Бѣлградъ».

Меня пробирала дрожь при одной мысли, что я могу попасться въ руки полицейскихъ агентовъ Меттерниха. Принявъ самый равнодушный видъ, я отправился прямо къ коменданту Землина.

Пароходы не подходили къ самой пристани, потому что въ Австріи все еще боялись занесенія чумы изъ Турціи; по правиламъ карантина сербскія лодки не могли приставать къ австрійскому берегу, а австрійскія лодки не могли никого высадить на сербскій берегъ.

Я не помню фамиліи генерала, бывшаго комендантомъ Землина; это былъ человѣкъ уже не молодой, кавалерійскій генералъ, нѣмецъ, но онъ говорилъ очень бѣгло по-французски и былъ чрезвычайно вѣжливъ и любезенъ. Я предъявилъ ему свой паспортъ, письмо къ консулу Кодригъ, съ которымъ мнѣ нужно было видѣться, сказавъ, что на слѣдующій день мнѣ необходимо отправиться на пароходѣ въ дальнѣйшій путь. Старый генералъ послалъ своего адъютанта спросить, ходятъ ли еще лодки, такъ какъ становилось поздно. Вѣроятно я ему понравился, ибо когда адъютантъ доложилъ, что лодки болѣе не ходятъ, то онъ приказалъ дать мнѣ свою собственную лодку, взявъ съ меня слово, что, вернувшись на слѣдующій день, я буду его гостемъ. Я изъявилъ свое согласіе. Когда адъютантъ провожалъ меня до лодки, я увидѣлъ издали г. Берто-деръ-Давида и Рано, которые спѣшили къ генералу, какъ

я узналъ впоследствии отъ Саиха, съ моимъ портретомъ и съ просьбою арестовать меня.

Я переплылъ благополучно чрезъ Саву и, вступивъ на сербскій берегъ, отправился прямо на квартиру Авраама Петровича и засталъ его совершенно готовымъ выѣхать съ товарищами на слѣдующій день въ Вѣну, чтобы не встрѣтиться съ генераль-адъютантомъ Ливеномъ, который долженъ былъ вскорѣ пріѣхать въ Бѣлградъ; они дѣлали это по совѣту русскаго консула Ващенко. Я былъ противъ такого отъѣзда и предложилъ имъ собрать какъ можно скорѣе возможно большее число избирателей въ скупщину, чтобы Ливень, пріѣхавъ, засталъ ихъ въ сборѣ и чтобы нѣсколько изъ самыхъ извѣстныхъ представителей скупщины явились генераль-адъютанту тотчасъ по его пріѣздѣ и подали бы ему вполне мотивированную записку, въ которой было бы изложено, что спокойствіе края требуетъ, чтобы всѣ пятеро сановниковъ, получившихъ приказаніе выѣхать изъ края, присутствовали на выборахъ, ибо иначе вспыхнетъ революція, могущая повлечь за собою самыя печальныя послѣдствія, и что въ виду этого они рѣшили обратиться къ комиссару державы, покровительствующей Сербіи, которая заботится, какъ всѣмъ извѣстно, о благѣ и спокойствіи этой страны. Я совѣтовалъ имъ заявить, что если просьба ихъ не будетъ уважена, то они разойдутся по домамъ, не произведя никакихъ выборовъ, такъ какъ они не желаютъ подвергать страну всѣмъ ужасамъ революціи.

Предложеніе мое было принято почти единогласно. Горашанинъ тотчасъ разослалъ пандуровъ, чтобы ускорить прибытіе въ скупщину избирателей, коихъ уже съѣхалось въ городъ довольно много. Записка была написана; избиратели, пріѣхавшіе въ Бѣлградъ, такъ много шумѣли и галдѣли, что самъ Ващенко увѣровалъ въ возможность революціи. Сдѣлавъ визитъ г. Цодригу, который, какъ выяснилось изъ нашего разговора, былъ совершенно непричастенъ всему происходившему въ Сербіи и относился вообще недоброжелательно ко всѣмъ славянамъ, какъ грекъ, мечтавъ о Византійскомъ царствѣ, я рѣшилъ для безопасности переѣхать въ крѣпость, къ Гафузь-пашѣ, который былъ комендантомъ этой крѣпости и начальникомъ всѣхъ турецкихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ ней.

Гафузь-паша послалъ своего адъютанта съ толмачомъ въ Землянъ за Саихомъ и моими вещами. Австрійскій генералъ не сдѣлалъ никакихъ затрудненій, но сообщилъ Гафузу-пашѣ и сербскимъ властямъ о доносѣ Берто-дерь-Давида и совѣтовалъ слѣдить за мною во избѣжаніе новыхъ осложненій.

Проведя нѣсколько дней съ сербскими сановниками, я снискалъ полнѣйшее ихъ довѣріе, такъ что они стали слѣдовать всѣмъ моимъ совѣ-

тамъ безпрекословно и еще болѣе увѣровали въ мою политическую проицательность, когда генераль Ливень, прїѣхавъ и принявъ прошеніе отъ депутаціи, снисходя къ ея просьбѣ, изъявилъ согласіе на то, чтобы всѣ пятеро сановниковъ присутствовали на выборахъ. Узнавъ объ этомъ, я уже не сомнѣвался, что князь Александръ будетъ вторично избранъ, и отправился къ нему съ поздравленіемъ и у него же, въ присутствіи Петровевича, Вучича и Горашашина, составилъ проектъ постояннаго агентства въ Бѣлградѣ, которое должно было поддерживать политическія сношенія между княземъ Александромъ и княземъ Адамомъ, между Польшей и славянами. Такимъ образомъ возникла при моемъ содѣйствіи нѣкоторая связь между поляками и славянами.

За день до выборовъ я уѣхалъ изъ Бѣлграда въ Смедерево, а въ Теки получилъ отъ Петровевича извѣстіе, что князь Александръ снова избранъ единогласно, что Ливень призналъ его избраніе правильнымъ и законнымъ и въ этомъ смыслѣ послалъ донесеніе своему двору. Это извѣстіе привезъ мнѣ Танашъ-бей, какъ его называли, командовавшій въ то время кавалеріей и ѣхавшій въ Виддинъ къ Ага-пашѣ. Мнѣ говорили, что онъ былъ родомъ цыганъ.

Цыгане получили право гражданства въ одной только Сербіи, въ царствованіе Милоша, и начали вести осѣдлый образъ жизни; Милошъ образовалъ изъ нихъ кавалерію. Каждое семейство было обязано выставить всадника съ конемъ, съ полной сбруей и вооруженіемъ. Я видѣлъ этихъ кавалеристовъ; всѣ молодцы собою, въ гусарскомъ мундирѣ стараго покроя, на прекрасныхъ лошадяхъ боснійской породы. Цыгане отличные наѣзники, любятъ покрасоваться на конѣ и похвастать. Въ нихъ есть извѣстная щеголеватость, которая непременно должна быть присуща всякой женщинѣ и кавалеристу. Признаюсь, я не могъ надивиться практичности Милоша, придумавшаго употребить цыганъ съ такою пользою; я увѣренъ, что эта кавалерія, будучи употреблена въ дѣло, гдѣ слѣдуетъ, подъ предводительствомъ доблестнаго начальника, можетъ принести не малую пользу на полѣ битвы. Сербская кавалерія, босняцкая и польская шляхта и всѣ казаки и болгары представляютъ собою храбрую, непобѣдимую славянскую кавалерію, съ которой не можетъ сравняться кавалерія другихъ странъ. Я увѣренъ, что ни тевтонская, ни латинская и даже туранская конница не могутъ выдержать съ нею сравненія на полѣ битвы и въ военной службѣ въ мирное время.

Въ интересахъ нашей политики я сдѣлалъ со своей стороны все, что могъ, чтобы удержать на престолѣ Карагеоргиевича, но, принявъ во вниманіе все то, что сдѣлалъ для Сербіи Милошъ, я не могу понять, какимъ образомъ умный, сознающій свои интересы и тяготящій къ славянству сербскій народъ могъ быть противъ Милоша и желалъ свергнуть родъ Обреновичей. Въ этомъ случаѣ сербы послѣдовали при-

мѣру поляковъ и босняковъ и доказали, что въ нихъ есть жилка политической безтолковщины, присущей славянамъ, за что нѣмцы прозвали ихъ рабами и хотятъ вѣки вѣчные властвовать надъ ними.

Чтобы скорѣе добраться до Стамбула, я поѣхалъ изъ Теки по Дунаю въ лодкѣ въ Орсово, гдѣ я намѣревался сѣсть на пароходъ, идущій вдоль Румынскаго берега до Черноводъ, но въ наказаніе за эту поспѣшность чуть было не попалъ въ руки австрійцевъ. Изъ Вѣны уже было послано приказаніе слѣдить за Чайко-Чайковскимъ, а изъ Землина—обратить вниманіе на француза, вѣдущаго вмѣстѣ съ молодымъ левантійцемъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ моментъ, какъ я вышелъ изъ лодки и меня окружили таможенные чиновники и полиція, ко мнѣ подошелъ Дубровчицъ, далмать, пріятель г. Мариновича, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ въ Стамбулѣ и имѣлъ даже дѣловыя сношенія. Назначенный консуломъ въ Тульчу, онъ ѣхалъ къ мѣсту своего назначенія. Поздоровавшись со мною, онъ взялъ меня подъ руку и приказалъ отнести мои вещи въ отель, гдѣ онъ остановился; съ вещами отправился Саихъ, которому онъ далъ по-гречески совѣтъ быть крайне осторожнымъ. Меня же онъ повелъ въ квартиру одного изъ своихъ пріятелей, серба изъ Воеводины, Богдановича, занимавшаго тутъ видное служебное положеніе. По дорогѣ онъ увѣрялъ меня, что Богдановичъ человѣкъ честный и убѣжденный славянинъ, которому можно довѣриться и на котораго можно вполне положиться, что у него есть сынъ, служившій въ рядахъ польскихъ повстанцевъ въ 1831 г. Я отлично помнилъ, что въ нашемъ полку было два молодыхъ охотника, изъ коихъ одного звали Богдановичъ, а другаго—Берцевичемъ. о чемъ я тутъ же сообщилъ пану Дубровчицу.

Старый сановникъ принялъ меня очень сердечно; сынъ его дѣйствительно служилъ въ нашемъ полку, но онъ находился въ то время въ Черніовицахъ. Тотчасъ послали за Саихомъ и за моими вещами, мы же съ Дубровчицемъ и Богдановичемъ сѣли въ экипажъ и поѣхали въ Мехадіе (Mehadji), куда всѣ чиновныя лица пріѣзжали обѣдать и слушать музыку и гдѣ я познакомился съ полицейскимъ комиссаромъ, которому было поручено слѣдить за мною и арестовать меня. Я былъ представленъ ему, какъ старинный знакомый этихъ господъ. Я отлично пообѣдалъ, слушалъ музыку и чешскія пѣсни, а ночью отправился прямо на пароходъ, который стоялъ уже у пристани. Богдановичъ проводилъ меня до самаго парохода; Дубровчицъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нами. Капитанъ парохода, Гуровичъ, пришелъ сказать, что всѣ мои бумаги у него. Такимъ образомъ славяне вырвали меня изъ рукъ меттерниховской полиціи.

Я возвратился въ Стамбулъ, куда прибылъ вскорѣ Францискъ Захъ,

который, имѣя рекомендательныя письма къ сербскимъ и турецкимъ властямъ и къ французскому консулу, тотчасъ былъ посланъ постояннымъ агентомъ въ Бѣлградъ. Уроженецъ Брина, въ Морави, онъ былъ всей душою преданъ славянству; это былъ человекъ высоко образованный, способный и безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ дипломатическихъ агентовъ, при томъ личность въ высокой степени честная и преданная своей родинѣ, что онъ доказалъ какъ нельзя лучше, отказавшись отъ выгодной должности во Франціи для того, чтобы служить отечеству.

Мы занялись съ Людовикомъ Звѣрковскимъ проведеніемъ границъ земель, которыя принадлежали поселенію; мы раздѣлили всю землю на двѣ колоніи: Адамъ-кюй или Адамполь, или Адамовка, по имени князя Адама, и Анна-кюй или Аннополь, по имени княгини Анны. Въ первой изъ нихъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, появился довольно порядочный домикъ для управляющаго колоніей и нѣсколько домовъ для поселенцевъ; во второй колоніи было построено четыре дома для нихъ же.

Отецъ Владислава Замойскаго подарилъ мнѣ когда-то часы, въ которыхъ механизмъ приводился въ движеніе ртутью, безъ завода, и которые были пожалованы ему императоромъ Николаемъ. Я продалъ эти часы вице-королю египетскому за двадцать шесть тысячъ піастровъ. Получивъ деньги, я употребилъ ихъ на обстановку дома, разведение сада и пріобрѣтеніе всего нужнаго для администраціи колоніи. Чтобы пробудить ее къ жизни и дать поселенцамъ возможность честнаго заработка, я завелъ небольшую псарню, назначилъ доѣзжачихъ. Въ колонію начали ѣздить на охоту члены французскаго посольства, французскіе офицеры, служившіе въ то время въ Турціи, и французы, проживавшіе въ Перу или пріѣзжавшіе въ Стамбулъ на время. Они нанимали у поселенцевъ лошадей, останавливались у нихъ въ домахъ, нанимали ихъ для охоты, покупали у нихъ разныя вещи; началась торговля, колонія оживилась и зарабатывая деньги стала богатѣть. Псарня сдѣлалась источникомъ дохода для колоніи; такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Прибывшій изъ Алжира капитанъ Юсифъ Жуковскій былъ назначенъ смотрителемъ колоніи. Страшный лакомка, онъ былъ знакомъ съ кулинарнымъ искусствомъ и прекрасно умѣлъ принять и угостить гостей; въ этомъ отношеніи онъ былъ очень полезенъ для колоніи, которая начала быстро развиваться, несмотря на скудость ея средствъ, на трудность, съ какою было сопряжено корчеваніе земли и подготовка ее къ папшѣ, и на разношерстный составъ поселенцевъ. Колонія сдѣлалась многочленною, жизнь въ ней кипѣла ключемъ, а главное, къ удивленію всѣхъ и cadaго, поляки управлялись въ ней сами, безъ всякихъ недоразумѣній и неудовольствій, ни на кого не жалуясь и ни къ кому не

обращаясь за посторонней помощью; окрестные жители относились къ поселенцамъ съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Стамбулъ возникло дѣло между епископомъ Барышицемъ, назначеннымъ Австріей епископомъ въ Боснію, и францисканцами, жившими въ Босніи, которые, защищая свои давнишнія привилегіи, не хотѣли признавать его духовной власти. На сторонѣ францисканцевъ была боснійская шляхта и мусульмане, а епископъ Барышицъ могъ разсчитывать на поддержку со стороны Австріи и на сочувствіе англичанъ, грековъ и армянъ, имѣвшихъ большое значеніе у мѣстныхъ властей. Сербское правительство, не сочувствовавшее католицизму, относилось недоброжелательно къ францисканцамъ, которые при поддержкѣ мусульманъ и босняковъ представляли собою сильную партію, угрожавшую до нѣкоторой степени православію, а слѣдовательно и славянству; епископа Барышица, поддерживаемаго нѣмцами, оно считало ставленникомъ католиковъ въ Босніи и поэтому обратилось къ Высокой Портѣ съ просьбою удалить его. Высшіе турецкіе сановники, подъ давленіемъ интернунція, графа Штюрмера, одного изъ самыхъ ловкихъ и опытныхъ дипломатовъ, вышедшихъ изъ школы Меттерниха, держали сторону епископа.

Прибывшая въ Стамбулъ депутація францисканцевъ, ксендзы Филиппъ Пашаличъ, Моріанъ Шумичъ и Лаврентій Каравала, явились прежде всего ко мнѣ. Всесторонне обсудивъ дѣло, я пришелъ къ убѣжденію, что въ интересахъ Высокой Порты было необходимо устранить вліяніе Австріи и пріобрѣсти расположеніе католиковъ Босніи, чтобы помѣшать распространенію среди нихъ православія; это отвѣчало видамъ Франціи, которая въ силу заключенныхъ ею договоровъ считалась покровительницей католическихъ подданныхъ Оттоманской имперіи. Было бы также недурно освободить этихъ славянъ-католиковъ отъ вліянія Австріи и отдать ихъ подъ покровительство Франціи; это могло быть полезно полякамъ, давъ имъ предлогъ войти въ сношеніе съ боснійскими славянами-католиками. Поэтому я взялся помочь имъ съ условіемъ, что въ случаѣ благополучнаго окончанія дѣла они выстроятъ въ польской колоніи домъ и часовню и обязуются содержать священника-босняка изъ францисканцевъ, который будетъ настоятелемъ церкви. Когда они дали мнѣ въ томъ обязательство, я тотчасъ отправился къ Риза-пашѣ и къ г. де-Буркене, чтобы разъяснить имъ все дѣло; они признали мои доводы вполне справедливыми и обѣщали все уладить. Ксендзъ Лезенъ, настоятель лазаристовъ, не только далъ на это свое согласіе, но оказалъ мнѣ со своей стороны величайшее содѣйствіе, и между нами тогда же было заключено условіе во французской канцеляріи.

Совѣтъ министровъ, по представленію Риза-паши, далъ указъ, коимъ были подтверждены старинныя привилегіи францисканцевъ и

было приказано удалить епископа Барышица. Интернунцій ссылался на права костела, на авторитетъ Рима, назначившаго боснійскимъ епископомъ Барышица, но французскій посланникъ, какъ законный покровитель католической церкви, защищалъ привилегіи францисканцевъ, утвержденныя папою и неоднократно имъ подтверждавшіяся, и право Порты Оттоманской требовать удаленія епископа, нарушающаго спокойствіе въ краѣ.

Дѣло было рѣшено въ самомъ непродолжительномъ времени; права францисканцевъ были подтверждены фирманомъ султана. Епископъ Барышиць былъ удаленъ изъ Босніи разъ на всегда, а францисканцы сохранили право избрать епископа изъ своей среды, представивъ его на утвержденіе Рима и Высокой Порты.

Домовая церковь была выстроена въ Адамполѣ, настоятелемъ ея былъ назначенъ Филиппъ Пашаличъ. Такъ какъ онъ состоялъ въ то же время уполномоченнымъ францисканцевъ при Высокой Портѣ, то онъ взялъ себѣ викарнаго ксендза, францисканца и босняка. Такимъ образомъ, колонія, служившая убѣжищемъ для поляковъ, которые должны были по политическимъ причинамъ оставить свое отечество, была поставлена независимо и самостоятельно въ отношеніи религіи и вступила въ общеніе съ однимъ изъ самыхъ доблестныхъ славянскихъ народовъ, подходившемъ къ полякамъ, какъ народъ шляхетный и исповѣдующій одну съ ними католическую вѣру. Это былъ большой шагъ впередъ на пути польско-славянской политики, въ немъ была будущность и залогъ дѣйствительной силы.

XLV.

Вопросъ, какая политика наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ польской sprawy и какъ дѣйствовать впредь.—Боснійскіе паши.—Мустафа-Бабичъ на смотру.—Созваніе депутатовъ.

Продолжительный разговоръ, который я имѣлъ съ Людвигомъ Снядецкимъ и съ поляками о Польшѣ и о польскихъ дѣлахъ вообще, еще болѣе утвердилъ во мнѣ мое давнишнее убѣжденіе, что главною причиною политическаго упадка и всѣхъ бѣдъ, постигшихъ доблестный польскій народъ, было отдѣленіе Польши отъ славянства, присоединеніе ее къ католической церкви и принятіе поляками западныхъ нравовъ и обычаевъ и такъ называемой западной цивилизаціи. Поляки не могли слиться окончательно съ народами тевтонскаго и латинскаго происхожденія; они сохранили самобытныя черты славянской національности, но

при этомъ отвернулись отъ славянства, ввухили къ себѣ недоверіе нѣмцевъ и латинской церкви въ лицѣ іезуитовъ, въ славянахъ же возбуждали ненависть къ самимъ себѣ и къ своимъ поступкамъ. Тевтоны и швабы съ давнихъ поръ старались всячески унижить королевство польское, а сами поляки, упорствуя въ той бессмысленной политикѣ, которую они окрестили названіемъ «стойкаго преслѣдованія своей политической мисси» и которая влекла ихъ къ Западу, сдѣлались слѣпымъ орудіемъ нѣмцевъ и даже ихъ жертвою. Это ложное положеніе породило всѣ ихъ дальнѣйшіе ошибки и промахи, которые помѣшали имъ вернуться на путь истинный.

Каждый разъ, какъ польская шляхта раздувала пламя мятежа, увлекая за собою народъ, нѣмцы и латинская церковь съ западными демократами разстроивали ихъ планы, охлаждали ихъ пылъ и разъединяли народъ со шляхтою; каждое новое повстанье было новою ошибкою, которая все болѣе и болѣе губила Польшу, какъ самостоятельное государство. У славянъ болѣло сердце при мысли объ отрекшихся отъ славянства единоплеменникахъ, но отступники такъ закоренѣли въ своихъ ошибкахъ, что имъ никакъ нельзя было помочь; они жили въ политическомъ грѣхѣ, умирали въ немъ и вколачивали въ гробъ дѣло своей отчизны.

Слушая рассказы тѣхъ, кто самъ видѣлъ и слышалъ эмисаровъ эмиграціи, прозванныхъ мучениками польской sprawy, нельзя было удержаться отъ грусти и негодованія при мысли, что они поселяли въ несчастномъ народѣ ненависть къ шляхтѣ, что они сѣяли религіозную вражду между людьми, которые, исповѣдуя разную вѣру, все же были дѣтьми одного и того же славянскаго племени и однимъ и тѣмъ же сердцемъ любили свое общее отечество. Они сѣяли въ несчастной Польшѣ недоверіе, подозрѣніе, ненависть, были причиною всѣхъ политическихъ ошибокъ и преступленій, содѣянныхъ поляками; быть можетъ сами они были люди самоотверженные и преисполненные добрыхъ намереній, но, увлекшись ложными взглядами, они гибли на висѣлицѣ и въ ссылкѣ; посѣянные же ими плевелы заглушили добрые злаки, которые могли бы принести Польшѣ хорошіе плоды. Едва ли не безобиднѣе были тѣ монахи эмисары, которые обманомъ или застрашиваніемъ выманивали въ Польшѣ вдовій грошъ и тратили его на свои удовольствія въ Парижѣ и Лондонѣ. Жалкая политика пропаганды и эмисаровъ оказалась пагубной и непрактичной для самихъ повстанцевъ; она навлекла на Польшу одно бѣдствіе за другимъ и обрекла ее на бездѣйствіе.

Противодѣйствовать этому страшному злу можно было, по нашему мнѣнію, только двоякимъ способомъ: вернуть поляковъ къ славянству, помочь имъ войти въ сношеніе со славянами, не затрогивая вопроса

религии, и создать за границею изъ поляковъ военную силу, которая была бы готова взяться за оружіе, въ случаѣ европейской войны. Такова была выработанная и принятая нами программа дѣйствій.

Съ Сербіей у насъ уже начались сношенія и Францискъ Захъ былъ уже въ Бѣлградѣ; эти сношенія велись по всѣмъ правиламъ дипломатическаго искусства и доставили намъ не только вѣсть, значеніе и вліяніе въ глазахъ турецкаго правительства и французскаго посольства, но совершенно измѣнили положеніе князя Адама Чарторыйскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего польскаго вопроса въ Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ съ княземъ Адамомъ начали вести съ этихъ поръ переговоры, какъ съ монархомъ, съ которымъ надобно было считаться. Онъ представилъ несомнѣнныя доказательства своего вліяніе на сербовъ, на которыхъ въ Европѣ начинали тогда смотрѣть какъ на народъ, около котораго могли сгруппироваться со-временемъ южные славяне; вліяніе князя на сербовъ было такъ очевидно, что западные кабинеты должны были признать, что въ политическомъ отношеніи сербами могли руководить только поляки, находившіеся подъ властью князя Адама.

Съ босняками-католиками мы завязали сношенія чрезъ монаховъ-францисканцевъ и ихъ настоятеля, жившаго въ поселеніи Адамкюй; къ нимъ присоединились вскорѣ нѣкоторые другіе босняки. Въ Стамбулѣ были вызваны въ это время изъ Босніи двое нашихъ, владѣвшіе помѣстьями.

Одного изъ нихъ звали Фазли-Шерифъ; по происхожденію татаринъ, онъ съ давнихъ поръ поселился въ Босніи, гдѣ былъ главою эмировъ, ведшихъ свое происхожденіе отъ самого пророка и поэтому имѣвшихъ привилегію носить зеленую чалму. Надобно замѣтить, что въ Босніи вся шляхта добровольно приняла магометанскую вѣру, чтобы сохранить свои шляхетскія привилегіи, и славилась мусульманскимъ фанатизмомъ, который выражался тѣмъ, что эта шляхта принимала въ свою среду всѣхъ потомковъ изъ рода пророка, которые не подверглись въ Босніи тѣмъ неприяностямъ, какія они терпѣли въ прочихъ провинціяхъ Турціи, а пользовались тамъ напротивъ всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ. Ихъ было такъ много, что надъ ними былъ установленъ особый начальникъ, который выбирался обыкновенно изъ рода шерифичей. Они заведывали всѣмъ церковнымъ имуществомъ и домами, въ которыхъ давали помѣщеніе потомкамъ пророка, а сами наживали огромныя состоянія; такимъ образомъ родъ шерифичей былъ чрезвычайно богатъ, хотя не пользовался особенной любовью и уваженіемъ босняковъ, по причинѣ своего иноземнаго происхожденія.

Другого пашу, пріѣхавшаго въ Стамбулѣ, звали Мустафа-Бабичъ; онъ происходилъ изъ стариннаго боснійскаго рода и владѣлъ помѣстьемъ Бабичъ, близъ Краіова: въ числѣ его предковъ были рыцари, славив-

пшеса въ Германіи еще въ первые времена христіанства. Въ семействѣ Бабичей званіе паши и право на владѣніе наслѣдственнымъ имѣніемъ переходило отъ отца къ сыну; изъ ихъ же семейства назначались начальники сипаевъ для всей Босніи. Мустафа-Бабичъ былъ шляхтичь-боснякъ въ полномъ значеніи этого слова: изъ себя видный, красивый, храбрый и отважный. Босняки любили его и называли красавецъ-мужчина. При Мустафѣ-пашѣ (такъ называли его въ Босніи, самъ же онъ называлъ себя Мустафа-Бабичъ) постоянно находился ксендзь-францисканецъ и имамъ; первый былъ его секретаремъ и хранителемъ его семейнаго архива, а второй его домашнимъ священникомъ и какъ бы живымъ доказательствомъ того, что Мустафа былъ послѣдователемъ ислама.

Нѣсколько лѣтъ спустя мусульмане Крайны напали на пограничныя владѣнія Австріи, убили нѣсколько человѣкъ и ограбили пограничныя села. Елачичъ, впослѣдствіи банъ Кroatіи, командовавшій въ то время войскомъ на границѣ, не могъ добиться правосудія у боснійскихъ властей и послалъ отрядъ австрійскихъ войскъ, чтобы отомстить за это нападеніе; лишь только этотъ отрядъ перешелъ границу и вступилъ въ Крайну, къ границѣ поспѣшилъ Мустафа-Бабичъ во главѣ многочисленнаго отряда сипаевъ, въ числѣ которыхъ были эмиры въ зеленыхъ чалмахъ, и прогналъ австрійцевъ. По этому поводу между австрійскимъ правительствомъ и Высокой Портой произошелъ оживленный обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, и обоимъ пашей потребовали для объясненій въ Константинополь.

Паши застали въ Стамбулѣ князи Филиппа Пашалича; онъ привезъ ко мнѣ Мустафу-Бабича, съ просьбою дать ему совѣтъ и отправиться съ нимъ къ Риза-пашѣ. Мнѣ пришлось взять на себя эти хлопоты, такъ какъ это давало мнѣ случай сблизиться со славянами. Отцы-францисканцы замѣчательно ловко написали оправдательную записку отъ имени Мустафы-паши. Упомянувъ о заслугахъ рода Бабичей, которые славились въ Германіи своими рыцарскими подвигами въ то время, когда еще и слуха не было о Габсбургахъ, царствующимъ нынѣ въ Австріи, они описали подробно, при какихъ обстоятельствахъ Бабичи были назначены, фирманомъ султана Баязета, предводителями сипаевъ, съ обязательствомъ охранять границу Босніи; этотъ фирманъ былъ подтвержденъ султаномъ Махмудомъ. Поэтому, говорилось въ запискѣ, Мустафа-Бабичъ, желая свято исполнить обязанность, которую такъ долго несли всѣ Бабичи, охраняя границы турецкихъ владѣній, услыхавъ о вторженіи чужеземнаго войска, вскочилъ на коня, чтобы прогнать его; такъ какъ австрійцы оказали сопротивленіе, то онъ былъ вынужденъ драться съ ними.

Эта защитительная записка была написана высокопарнымъ слогомъ по-турецки, по-латыни и на боснійскомъ нарѣчій. Я повезъ Мустафу-

Бабича къ Риза-пашѣ, а отъ него къ де-Бургенс, взявъ съ собою перваго драгомана французскаго посольства г. Цора. Они посмѣялись надъ удалствомъ Мустафы-Бабича, о поступкѣ котораго рѣшено было довести до свѣдѣнія интернунція. Графъ Штюрмеръ понималъ, что главнымъ виновникомъ всего этого былъ Елачичъ. Не желая отдавать этого дѣла на судъ другихъ дворовъ, которые могли въ него вмѣшаться, и опасаясь скандала со стороны паши, коимъ руководили францисканцы, бывшіе въ то время на ножахъ съ Австріей, онъ призналъ Бабича невмѣняемымъ и дѣло было замято.

Оба боснійскихъ паши были назначены ливами—бригадными генералами регулярнаго войска, съ обязательствомъ носить мундиръ, присвоенный этому войску. Фазли-паша безропотно повиновался этому приказанію, но Мустафа-паша явился на смотръ войскъ въ Скутари, накинувъ мундиръ низама въ видѣ пальто на боснійскій гусарскій кунтушъ малиноваго цвѣта, отдѣланный золотымъ галуномъ и драгоценными камнями. Когда на смотръ пріѣхалъ султанъ Абдуль-Меджидъ, Мустафа сбросилъ съ себя мундиръ низама и явился передъ султаномъ боснійскимъ шляхтичемъ, въ малиновомъ мундирѣ, заявивъ, что потомокъ Бабичей не можетъ и не долженъ предстать въ иномъ видѣ передъ своимъ монархомъ, потомкомъ Баязета и Махмуда. Султанъ усмѣхнулся своей обычной доброй улыбкой, и Риза-паша оставилъ эту проделку шляхтича безъ послѣдствій.

Въ это время пріѣхалъ назначенный въ распоряженіе агентства Юліанъ Корсакъ, человекъ высокообразованный и чрезвычайно даровитый. Миѣ никогда не приходилось встрѣчать человека одареннаго болѣе пытливымъ умомъ, болѣе здравымъ сужденіемъ и который умѣлъ бы такъ ясно и убѣдительно изложить свой взглядъ письменно. Это былъ шляхтичъ, дворянинъ, привыкшій жить въ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждаясь; отъ природы довольно лѣнливый, онъ обладалъ огромной памятью и прекраснымъ слогомъ. Миѣ удалось помѣстить его секретаремъ къ Тагиръ-пашѣ, который отказался отъ управления флотомъ, получивъ званіе визиря и намѣстника боснійскаго. Юліанъ Корсакъ отправился въ Боснію вмѣстѣ съ визиремъ и съ двумя боснійскими пашами. Передъ своимъ отъѣздомъ Мустафа-Бабичъ пожертвовалъ на постройку дома и домашней церкви въ колоніи и на корчеваніе полей для священническаго дома 20 тысячъ піастровъ, сказавъ, что онъ даетъ эти деньги ради братавня босняковъ съ поляками. Съ тѣхъ поръ мы имѣли постояннаго агента въ Босніи и завязали сношенія съ католиками и мусульманами дружественной и родственной намъ Босніи, а при посредствѣ Сербіи могли имѣть вліяніе и на православное населеніе этой провинціи.

Александръ Панча ошибся въ своихъ расчетахъ, и такъ хорошо

задуманный планъ сношеній съ болгарами, обѣщавшій большія выгоды Высокой Портѣ, болгарамъ и польской справѣ—не удался; надобно было изыскивать иной способъ поправить дѣло.

Въ это время Риза-паша рѣшилъ окончательно вступить на путь преобразованій; исполняя желаніе султана Абдуль-Меджида, онъ хотѣлъ въ то же время заслужить уваженіе цивилизованнаго міра. Два ираде султана возвѣстили объ этой реформѣ.

Первымъ ираде были созваны депутаты изъ всѣхъ провинцій Турецкой имперіи, по два человѣка изъ каждой провинціи—какъ христіане, такъ и мусульмане, а также евреи изъ главныхъ городовъ Турціи. Эти депутаты должны были заявить правительству о нуждахъ своего края и изложить свой взглядъ, какимъ образомъ онѣ могли быть удовлетворены.

Вторымъ ираде повелѣвалось сформировать три батальона, исключительно изъ христіанъ, съ офицерами христіанами, которымъ былъ присвоенъ соответствующій мундиръ. Эта была первая попытка привлечь христіанъ къ службѣ въ турецкомъ войскѣ.

Европейская печать не сдѣлала или, лучше сказать, не хотѣла оцѣнить какъ должно мѣропріятій Риза-паши.

Въ то время, когда депутаты съѣхались въ Стамбулъ, я познакомился съ зятемъ султана—Мехмедомъ-Али-пашею, командовавшимъ въ то время артиллеріей. Встрѣтивъ со стороны этого сановника весьма любезный приемъ, я вполне сошелся съ нимъ во взглядахъ на политику и поэтому могъ впредь во всѣхъ отношеніяхъ рассчитывать на поддержку съ его стороны.

Созванные въ Стамбулъ депутаты не были, по большей части, на высотѣ своего призванія, они трепетали и боялись турокъ до смѣшнаго; я самъ былъ свидѣтелемъ на приемѣ у Мехмеда-Али-паши того, что когда депутатамъ, ожидавшимъ его выхода, подали въ видѣ угощенія трубки съ чубуками, осыпанными драгоценными камнями, то они были до того смущены, что едва слуги успѣли удалиться, какъ они выбѣжали на улицу, побросавъ чубуки, со страху, какъ бы паша, выйдя къ нимъ, не приказалъ ихъ задушить или утопить, какъ это дѣлалось въ прежнее время.

Депутаты-мусульмане, беи и аги, владѣвшіе селами и фольварками, какъ всѣ прочіе мусульмане не сочувствовали танджимату, поэтому весьма естественно, они желали, чтобы власть осталась по-прежнему въ рукахъ мусульманъ и чтобы христіанамъ не было дано ни малѣйшей надежды на какія-либо перемѣны въ будущемъ; они совершенно не сочувствовали цѣли, ради которой были вызваны на совѣщанія. Кромѣ Франціи всѣ прочія державы, покровительствовавшія Турціи, были противъ созванія депутатовъ; кажется, болѣе всего возставала противъ

этого Англія, всячески старавшаяся поддержать существованіе Оттоманской имперіи, не самостоятельное, а подчиненное ей.

Въ европейскихъ газетахъ писали, что, созывая депутатовъ, турки хотятъ обратить танджиматъ и всѣ реформы въ посмѣшище, что это не болѣе какъ позорная комедія, придуманная противниками танджимата, которые видятъ въ этомъ средство вернуться къ прежнему порядку вещей. Султанъ все это читалъ и все это ему было извѣстно. Недовольный тѣмъ, что ему не удалась мѣра, которую онъ считалъ необходимой для осуществленія реформъ; онъ былъ убѣжденъ, что всѣ фирманы и танджиматы останутся мертвою буквою, до тѣхъ поръ, пока не найдется подходящихъ людей, чтобы привести ихъ въ исполненіе, и поэтому онъ вызвалъ изъ Англіи своего посланника Реншида-пашу и съ его помощью думать осуществить свой давнишній планъ преобразованія мусульманскаго государства въ великую и могущественную Оттоманскую имперію, въ которой всѣ его подданные пользовались бы въ одинакой степени свободой и благосостояніемъ.

Депутаты были распущены по домамъ, ровно ничего не сдѣлавъ, и министерство пало.

Въ числѣ вновь назначенныхъ министровъ былъ сераскиръ Сиръ-Кіатибъ-Мустафа-паша бывший секретарь султана Махмуда—личность весьма интересная для поляковъ.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Погребеніе грузинской царицы Дарьи.

*Отношеніе Амвросія, митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго
Ардаліону Александровичу Торсукову.*

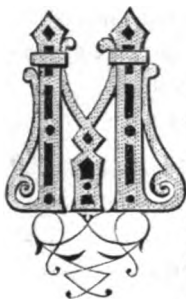
13-го ноября 1807 г., № 206.

Вслѣдствіе отношеній вашего превосходительства отъ 11-го и 12-го чиселъ сего ноября, съ приложеніемъ при первомъ церемоніала на погребеніе ея высочества вдовствующей грузинской царицы Дарьи, скончавшейся 9-го дня сего жъ мѣсяца, мною распоряженіе учинено слѣдующее: 1) о семъ погребеніи объявлены всѣ архіереи, здѣсь находящіеся; 2) на выносъ изъ дому и для провозженія до Александро-Невской лавры тѣла назначены всѣ находящіеся здѣсь архимандриты, да изъ бѣлаго духовенства 6 протоіереевъ и 26 священниковъ съ діаконами и причетниками, въ лучшемъ траурномъ облаченіи; 3) при семъ выносѣ и провозженіи тѣла составлять будутъ клиросный хоръ санктъ-петербургскаго архіерейскаго дома пѣвчіе и означенные причетники; 4) согласно высочайшему его императорскаго величества соизволенію, объявленному мнѣ 12-го числа господиномъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ и статсъ-секретаремъ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, надгробное отпѣваніе отправлено быть имѣеть въ верхней Александровской церкви, а тѣло погребено будетъ въ Благовѣщенской, гдѣ почивало тѣло покойнаго государя императора Петра Третьяго. О семъ ваше превосходительство извѣстя съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть.





Изъ бумагъ Н. О. Кутлубицкаго.



инувшимъ лѣтомъ мнѣ довелось быть въ Арзамасскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, и посѣтить село Петропавловское, принадлежащее нынѣ Іосифу Павловичу Кутлубицкому, внуку бывшаго генерала-адъютанта императора Павла I. Вѣковыя сосны, яблони, старинные портреты и разныя вещи конца минувшаго вѣка невольно переносятъ къ тѣмъ прошедшимъ временамъ,

когда пользовавшійся большимъ довѣріемъ императора Павла генераль, Николай Осиповичъ, бродя по извилистымъ дорожкамъ тѣнистаго парка, сообщалъ свои любопытныя воспоминанія о пребываніи при Гатчинскомъ дворѣ, съ которыми познакомили любителей отечественной исторіи нѣкто г. Х., въ «Русскомъ Архивѣ», 1866 года.

Разговорившись съ его достопочтеннымъ внукомъ, я узналъ, что дѣдъ его лично не велъ и не оставилъ никакихъ своихъ записокъ, но что послѣ него осталось не мало писемъ къ нему высочайшихъ особъ, а также другихъ лицъ, съ которыми съ величайшею любезностью разрѣшилъ мнѣ воспользоваться по усмотрѣнію. Позволяю себѣ сообщить ихъ читателямъ «Русской Старины», такъ какъ они являются несомнѣнно драгоценнымъ матеріаломъ для біографіи самого Кутлубицкаго, о которомъ, къ сожалѣнію, имѣется очень мало свѣдѣній.

По кончинѣ императора Павла онъ вышелъ въ отставку и, живя въ деревнѣ, не замедлил отозваться на призывъ народнаго ополченія, по случаю войны съ Наполеономъ 1806—1807 г., и удостоился за это высочайшей награды. Къ концу земнаго поприща, онъ, при ограниченнхъ денежныхъ средствахъ, строить церковь, помогаетъ по мѣрѣ силъ устроить обитель и «собираетъ во едино стадо жалкихъ собратій, по недоумѣнію колеблющихся».

Не можемъ при этомъ не выразить искренней признательности І. П. Кутлубицкому, за доставленіе весьма любопытныхъ бумагъ его дѣда.

П. Майковъ.

1.

Собственноручный рескриптъ императора Павла ¹⁾.

14-го ноября 1797 г., С.-Петербургъ.

Господинъ генераль-адъютантъ Кутлубицкій. Съ полученія сего отправитесь въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ, истребовавъ маршрутъ отъ генерала-отъ инфантеріи Беклешова, учините смотръ какъ полкамъ, такъ и крѣпостямъ въ Днѣстровской дивизіи находящимся, наблюдая, чтобы караулы и посты разставлены вездѣ были въ сходствѣ съ уставомъ, и донося обо всемъ мнѣ. Пребываю вамъ благосклонный.

А о крѣпостяхъ поступите по изустному моему вамъ повелѣнію.

2.

Рескриптъ императрицы Маріи Феодоровны.

1-го марта 1821 г., С.-Петербургъ.

Господинъ генераль-лейтенантъ Кутлубицкій. Удовлетворяя желанію вашему, въ письмѣ ко мнѣ отъ васъ изъясненному, я не оставлю изъяснить г. генераль-адъютанту Васильчикову участія моего въ вашемъ сынѣ. Мнѣ пріятно было изъ письма вашего видѣть чувства признательности вашей къ покойному императору, любезнѣйшему моему супругу, и я пребываю всегда вамъ благосклонною.

3.

Рескриптъ императрицы Маріи Феодоровны.

24-го января 1824 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Кутлубицкій. Я получила письмо ваше и искренно благодарю за изъясненное въ ономъ поздравленіе по случаю обрученія любезнѣйшаго моего сына великаго князя Михаила

¹⁾ Дополнительнымъ къ нему поясненіемъ является письмо г. Кутлубицкаго къ императору Николаю І, см. ниже № 11.

Павловича съ великой княжной Еленою Павловною и за желанія, коими вы оное сопровождаете, а равно и за доставленную отъ васъ по сему случаю святую икону. Приемля все сіе новымъ опытомъ вашей ко мнѣ приверженности, я съ удовольствіемъ пользуюсь симъ случаемъ, чтобъ увѣрить васъ въ совершенномъ доброжелательствѣ, съ каковымъ пре- бываю вамъ всегда благосклонно.

4.

Рескриптъ императрицы Маріи Ѳедоровны.

13-го октября 1824 г.

Господи́нь генераль-лейтенантъ Кутлубицкій. Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо и съ признательностью приѣмлю заключающееся въ ономъ изліяніе усердныхъ чувствованій вашихъ. Отдавая имъ полную справедливость, я благодарю васъ за поздравленіе ваше со днемъ моего рожденія и за всѣ добрыя ваши желанія, изъ коихъ одно, касательно приѣзда любезнѣйшей моей дочери, уже исполнилось, и я съ 27-го сентября наслаждаюсь удовольствіемъ видѣть у себя великую княгиню Анну Павловну съ ея супругомъ. Сообщая вамъ сіе толико пріятное для моего сердца извѣстіе, я съ совершеннымъ доброжелательствомъ пре- бываю вамъ благосклонно.

5

Письмо Петра Кикина—Н. О. Кутлубицкому.

22-го іюля 1826 г.

Государь императоръ, принявъ съ благоволеніемъ принесенное ва- шимъ превосходительствомъ поздравленіе съ днемъ рожденія его вели- чества и при ономъ перстень, на коемъ изображены черты лица авгу- стѣйшаго родителя его величества, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволить изъявить вамъ, милостивый государь, всемилостивѣйшую благодарность, а перстень доставить къ вамъ обратно.

Каковую высочайшую волю симъ исполняя, имѣю честь быть съ со- вершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

6.

Рескриптъ императрицы Маріи Ѳедоровны.

19-го октября 1827 г., С.-Петербургъ.

Господи́нь генераль-лейтенантъ Кутлубицкій. Я получила ваше письмо и благодарю васъ искренно за поздравленіе ваше со днемъ моего

рожденія. Отдавая совершенную справедливость усердію и приверженности въ ономъ изображенномъ, я возобновляю здѣсь увѣреніе о доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонно.

7.

Рескриптъ императрицы Маріи Федоровны.

9-го августа 1827 г., Головинская дача.

Господинъ генераль-лейтенантъ Кутлубицкій. Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо и приняла съ искреннею признательностью поздравленіе ваше со днемъ моего тезоименитства, отдавая полную справедливость излагаемымъ вами чувствованіямъ.

Сожалѣя о мгновенномъ затрудненіи, въ которомъ вы находитесь, я увѣрена, что при облегчительномъ постановленіи о 24-хъ лѣтнихъ займахъ и снисходительныхъ поступкахъ Воспитательнаго дома, не трудно вамъ будетъ сохранить имѣніе, чрезъ точное исполненіе правилъ того постановленія. Желая вамъ хорошаго успѣха въ начатомъ богоугодномъ дѣлѣ построеніи храма, я повторяю здѣсь увѣреніе о доброжелательствѣ, съ каковымъ я пребываю вамъ благосклонно.

8.

Письмо И. Лонгинова—Н. О. Кутлубицкому.

7-го декабря 1827 г.

Я имѣлъ счастье представить государю императору всеподданнѣйшее прошеніе вашего превосходительства о повелѣніи сбавить два процента съ вносимыхъ дворянами въ заемный банкъ и въ опекунскій совѣтъ при уплатѣ капиталовъ и процентовъ въ 24-хъ лѣтній срокъ; но высочайшаго соизволенія на оное не послѣдовало.

О чемъ увѣдомляя васъ, милостивый государь, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

9.

Рескриптъ императрицы Маріи Федоровны.

24-го сентября (6-го октября) 1828 г., Веймаръ.

Николай Осиповичъ! Присланную при письмѣ вашемъ отъ 11-го іюля сего года икону Казанской Божіей Матери я имѣла удовольствіе получить; увидѣвъ въ семъ приношеніи новый знакъ усердныхъ чувствъ,

которыя вы всегда сохраняли къ дому нашему, я тѣмъ охотнѣе приняла оное, и свидѣтельствуя вамъ искреннюю признательность за благія желанія, коими вы сопровождаете даръ сей, прошу васъ сохранить и на будущее время къ лицу моему такое благорасположеніе.—Мнѣ же весьма пріятно возобновить вамъ при семъ случаѣ увѣреніе того уваженія съ каковымъ пребываю вамъ доброжелательная.

10.

Письмо Куруты—Н. О. Кутлубицкому.

Варшава, 30-го января 1829 г.

Получивъ письмо вашего превосходительства отъ 16-го сего генваря, я нашелъ невозможнымъ удовлетворить изъясненныхъ въ немъ желаній вашихъ, заключающихся въ испрашиваемомъ вами отъ меня представствѣ у государя императора объ опредѣленіи васъ на службу и объ исправленіи разстроеннаго вашего положенія по той причинѣ, что подобнаго рода ходатайства, какъ не принадлежащія до высочайше возложенныхъ на меня обязанностей, вовсе ко мнѣ не относятся; но если ваше превосходительство считаете необходимымъ довести до высочайшаго государя императора свѣдѣнія о разстроенномъ вашемъ положеніи и о намѣреніи продолжать вновь службу, то можете войти о томъ по установленному порядку со всеподданнѣйшимъ къ его императорскому величеству прошеніемъ.

Поставивъ себѣ за долгъ извѣстить о семъ ваше превосходительство, остаюсь къ вамъ съ уваженіемъ.

11.

Всеподданнѣйшее письмо Н. О. Кутлубицкаго.

16-го сентября 1836 г.

Августѣйшій монархъ! Всемилостивѣйшій государь!

Во время высочайшаго твоего проѣзда, чадолюбивѣйшій отецъ отечества, чрезъ Нижній-Новгородъ, благоугодно было допустить меня, недостойнаго, какъ къ лицезнѣнію твоему, такъ и къ благословенной трапезѣ и отцовски разспрашивалъ о бумагахъ, мнѣ вѣренныхъ въ Бозѣ почивающимъ, единственнымъ моимъ по Богѣ благодѣтелемъ, а твоимъ дрожащимъ родителемъ. Нынѣ же отыскавъ единый остающійся высочайшій его рескриптъ, данный мнѣ для инспектированія г. генерала-фельдмаршала графа Салтыкова и пятерыхъ г. полныхъ генераловъ: Беклешева, Розенберга, Михельсона, Апраксина и Дунина во вѣренныхъ

имъ инспекціяхъ, и сверхъ того въ пополненіе высочайшею рукою его приписки и изустнаго приказанія имѣлъ отъ его на непредвидимый случай два бланкета. Окончивши же мою инспекцію въ шесть мѣсяцевъ благополучно, при личномъ отчетѣ имѣлъ счастье оба бланкета представить въ цѣлости, за что въ знакъ монаршаго благоволенія всемилостивѣйше пожалованъ въ генераль-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ его императорскаго величества. Высочайшій данный мнѣ рескриптъ, какъ знакъ особой его ко мнѣ, недостойному, довѣренности и благоволенія осмѣлился оставить при себѣ и хранить оный изъ роду родовъ, который нынѣ при семъ на благоусмотрѣніе твое, чадолюбивѣйшій отецъ отечества, представляя, повергаю себя со всѣмъ моимъ скуднымъ и угнетеннымъ отъ разныхъ случаевъ семействомъ къ освященнѣйшимъ стопамъ милосерднаго и чадолюбивѣйшаго отца. Счастливейшимъ себя изъ смертныхъ сочту ежели удостоишь всемилостивѣйшаго взрѣнія на чувства глубочайшаго благоговѣнія и вѣрноподданнической преданности, съ каковыми во всю мою жизнь пребываю, августѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій.

12.

Письмо И. Лонгинова—Н. О. Кутлубицкому.

29-го сентября 1836 г.

Я имѣлъ счастье представлять государю императору всеподданнѣйшее прошеніе вашего превосходительства, при коемъ вы подносили рескриптъ блаженной памяти императора Павла Петровича, и его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелѣть: возвратить вамъ помянутый рескриптъ и благодарить за сообщеніе онаго.

Исполняя снѣгъ высочайшую волю государя императора, и претрпеждая къ вамъ обратно помянутый рескриптъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

13.

Письмо Н. О. Кутлубицкаго—наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

20-го сентября 1843 г.

Ваше императорское высочество августѣйшій государь наслѣдникъ и цесаревичъ государь всемилостивѣйшій!

Прими, государь, отъ 68 лѣтняго дряхлаго старца, который прошлаго года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ г. Гатчинѣ, имѣлъ особенное счастье не

по заслугамъ своимъ быть взысканнымъ и обласканнымъ всею царственною фамиліею, который, павъ къ освещеннѣйшимъ стопамъ твоимъ, приноситъ нынѣ вѣрноподданническое поздравленіе съ благополучнымъ разрѣшеніемъ Богомъ благословенной супруги твоей, ея императорскаго высочества государыни цесаревны, сыномъ Николаемъ! Слава и благодареніе Всевышнему, что услышалъ Онъ нашу всего любезнаго отечества вѣрноподданническую пламенную молитву и утѣшилъ васъ, государь, наслѣдникомъ, а насъ наградилъ милостивымъ сонаслѣдникомъ любезнаго нашего отечества! и да благословитъ его Богъ быть истиннымъ подражателемъ прадѣду и дѣду во всѣхъ ихъ благихъ намѣреніяхъ, какъ для поддержанія славы, такъ и благоденствія нашего любезнаго отечества и къ добрымъ сосѣдямъ быть милостивому и снисходительну, а къ строптивымъ—грозну и вразумительну! Я же вѣще умоляю Всевышняго, да услышитъ мое грѣшное моленіе и да сохранить тебя, государь, съ Богомъ благословенною супругою и новорожденнымъ младенцемъ на позднѣйшія времена совершенно здравыхъ, во всемъ благополучныхъ и ничѣмъ невредимыхъ для блага всего любезнаго нашего отечества; и да не лишатся всѣ вѣрноподданные сыны отечества твоего крова, изъ числа коихъ и я недостойный, осмѣливающіяся умолять у священнѣйшихъ стопъ твоихъ не лишитъ и меня съ семействомъ онаго и воззрѣтъ милостивымъ окомъ на чувства глубочайшаго благоговѣнія и вѣрноподданнической преданности того, который во всю жизнь пребудетъ вашего императорскаго высочества августѣйшаго государя наслѣдника и цесаревича государя всемилостивѣйшаго вѣрноподданнѣйшій.

14.

Письмо Н. О. Кутлубицкаго — наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

10-го марта 1845 г.

Слава и благодареніе Всевышнему Богу, который услышалъ вѣрноподданническое наше пламенное моленіе и благословилъ благополучно разрѣшиться отъ бремени ея императорскому высочеству, всемилостивѣйшей государынѣ цесаревнѣ, вторымъ сыномъ Александромъ, который да будетъ всему августѣйшему царственному дому въ утѣшеніе, а намъ вѣрноподданнѣйшимъ—въ отцовское милосердіе!..

Прими же, государь всемилостивѣйшій, отъ 70-ти лѣтняго стараго дѣдовскаго слуги вѣрноподданническое поздравленіе! Да растетъ новорожденный съ старшимъ своимъ братомъ въ любви христіанской и да будетъ онъ со временемъ, когда Богъ благословитъ старшаго брата на царство любезнаго нашего отечества, во всемъ ему истиннымъ другомъ

и помощникомъ. Я же умоляю Всевышнюю нашу заступницу и покровительницу, да не лишитъ Она своего материнскаго крова тебя, государь, съ Богомъ благословенною супругою и трюйственными младенцами на позднѣйшія времена совершенно здравыхъ, во всемъ благоуспѣшныхъ и ничѣмъ невредимыхъ, для блага всего нашего любезнаго отечества и да не лишимся мы, всѣ вѣрноподданнѣйшіе сыны, отцовскаго вашего крова, изъ числа коихъ и я, недостойный, павъ къ освященнѣйшимъ стопамъ вашимъ и облобызавъ безсчетно милостивыя руки ваши, Богомъ умоляю благословить меня, стараго дѣдовскаго 70-ти-лѣтняго слугу, хотя масляными сходными вашими портретами и возрѣть милостивымъ окомъ на чувство глубочайшаго благоговѣнія и вѣрноподданнической преданности того, который по слабости ногъ и здоровья, по теперешнему ненастному времени, предстать лично не можетъ; но пока душа въ тѣлѣ, то во всю жизнь пребудетъ вашего императорскаго высочества августѣйшаго государя и наслѣдника цесаревича, государя все-милостивѣйшаго вѣрноподданнѣйшій.

15.

Рескриптъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича.

24-го марта 1845 г.

Николай Осиповичъ! Благодарю за письмо ваше ко мнѣ и за поздравленіе съ благополучнымъ разрѣшеніемъ ея императорскаго высочества, любезнѣйшей супруги моей, государыни цесаревны великой княгини Маріи Александровны—великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ.

Мнѣ пріятно видѣть въ немъ неизмѣняемыя ваши чувства ко мнѣ.

Я съ большимъ удовольствіемъ исполнилъ бы желаніе ваше присылкою нашихъ портретовъ, но за неимѣніемъ въ настоящее время совершенно сходныхъ, предоставляю себѣ исполнить это при первомъ удовлетворительномъ по сходству портретѣ.



посольство было первоею дипломатическою попыткою съ русской стороны къ сближенію съ Хивою, а лица, составлявшія посольство, имѣли полную возможность присмотрѣться къ внутреннимъ распорядкамъ ханства, существовавшимъ тамъ болѣе полвѣка назадъ. Ни въ официальномъ описаніи путешествія и занятій этой «миссіи»¹⁾, ни въ появившейся впоследствии краткой статьѣ объ этомъ посольствѣ нѣтъ тѣхъ чрезвычайно интересныхъ и характерныхъ подробностей, которыя сообщаетъ г. Захарьинъ на основаніи записокъ подполковника Г. Н. Зеленина.

Обѣ статьи написаны хорошимъ языкомъ и читаются съ интересомъ.

Н. К-ш-ъ.

Десятилѣтіе Харьковской общественной бібліотеки (26-го сентября 1886 г. — 26-го сентября 1896 г.) Харьковъ 1898 г.

Эта небольшая брошюра содержитъ въ себѣ описаніе возникновенія и первыхъ десяти лѣтъ существованія харьковской общественной бібліотеки — учрежденія, гдѣ находятъ удовлетвореніе своей жаждѣ къ чтенію множество студентовъ. Библіотека эта является прямымъ дополненіемъ специальныхъ университетскихъ образовательныхъ учреждений; при чемъ она не только даетъ возможность питомцамъ университета довершить свое общее развитіе знакомствомъ съ произведеніями русской и иностранной изящной литературы и чтеніемъ лучшихъ сочиненій общеобразовательнаго характера, но предоставляетъ къ ихъ услугамъ специально-научныя изданія, служащія пособіемъ въ ихъ факультетскихъ занятіяхъ.

Въ этой, молодой еще, бібліотекѣ, къ 1-му октября 1896 г. было, — какъ показала ревизія, — всего 62.966 томовъ книгъ и журналовъ; при ней находится безплатный кабинетъ для чтенія, общее число посѣтителей, за десятилѣтній періодъ, выразилось цифрою 729.894.

По поводу исполнявшагося десятилѣтія этого полезнаго учрежденія, въ залѣ харьковской городской думы состоялось публичное и торжественное собраніе членовъ бібліотеки, приглашенныхъ постороннихъ лицъ и посѣтителей, на которомъ были прочтены привѣтствія и телеграммы разныхъ лицъ и

учрежденій, и произнесено нѣсколько рѣчей.

Особенно интересна рѣчь предсѣдателя правленія этой бібліотеки, профессора Д. П. Багалія — о просвѣтительномъ значеніи харьковской общественной бібліотеки.

Изъ этой рѣчи мы, между прочимъ, узнаемъ, что въ Харьковѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ городахъ, по почину извѣстнаго государственнаго дѣятеля Мордвинова, въ 1830 г. была учреждена «городская публичная бібліотека». Но судьба вновь открытой бібліотеки оказалась очень печальною, потому что она не нашла живой поддержки въ мѣстномъ обществѣ, которое тогда находилось въ состояніи полной апатіи и инертности. Библіотеку на первыхъ порахъ посѣщали немногіе: заглядывали иногда студенты да члены ея администраціи, а потомъ исчезли и эти посѣтители, такъ что комитетъ рѣшилъ передать ее справочной городской конторѣ, содержавшейся частнымъ лицомъ, нѣкимъ Быковскимъ. Такъ какъ бібліотека не приносила дохода, то содержатель конторы рѣшилъ сдать ее дворянскому депутатскому собранію; но оно отказывалось принять бібліотеку безъ каталога. Тогда произошло вѣчто невѣроятное. По разсказу извѣстнаго писателя Г. П. Данилевскаго, во дворѣ дворянскаго собранія (1841 г.), рано утромъ, въ осенній денекъ, вѣхало 12 паръ воловъ, везя тяжело нагруженные книгами возы. — «Сваливай, братцы, среди двора!» — крикнулъ Быковский. Книги были свалены въ кучу, какъ сваливаютъ гвизу или песокъ; не успѣли сойтись на службу чювонники, какъ воза и Быковский исчезли. Собрались чювонники вокругъ громадной кучи книгъ, потолковали и пошли въ канцелярію. А тутъ налетѣли тучи. Въ полдень пошелъ сильный дождь. Думали было сперва чювонники написать протестъ, жаловаться на Быковскаго, а книгъ не принимать, но когда дождь къ вечеру усилился, они, изъ сожалѣнія, не дожидаясь разрѣшенія начальства, созвали сторожей и, при ихъ помощи, перенесли мокрвыя книги въ конюшню, а потомъ разостлали ихъ тамъ и на чердакѣ для просушки.

Правленіе харьковской общественной бібліотеки, задумавъ построить собственный домъ, — съ января 1890 года собираетъ, для этой цѣли, добровольныя пожертвованія и проситъ ихъ направлять по слѣдующему адресу: Харьковъ, въ харьковскую общественную бібліотеку, Московская улица, д. Темпінской. № 4.

Н. К-ш-ъ.

¹⁾ Такъ названо было это посольство на дипломатическомъ языкѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсакова). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Очерки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1897 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІИ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старинѣ“ **2** рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

АВГУСТЪ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- | | |
|--|--|
| <p>I. Россія и Германія въ XIX вѣкѣ..... 241—269</p> <p>II. Русское посольство въ Бухару въ 1870 году. Сообщ. С. А. Носовичъ..... 271—290</p> <p>III. Записка, предназначенная его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествія за границу. Сообщ. Евгений Шумигорскій..... 291—298</p> <p>IV. Записки поляка 1863 годъ. (Окончаніе)..... 299—320</p> <p>V. Провинціальныя типы сороковых годовъ. (Записки стараго помѣщика) В. А. Шомпулевъ... 321—335</p> <p>VI. Эдуардъ Васильевичъ Лерхе. (Къ характеристикѣ его дѣятельности). А. Слезкинской..... 337—368</p> <p>VII. Выдержки изъ журнала магшала Каstellана, касающіяся восточной войны 1853—56 г.г. А. А. Г—ъ..... 369—381</p> <p>VIII. Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства прежняго времени. Н. Соловьевъ..... 383—387</p> <p>IX. Дмитрій Павловичъ Руничъ. (Материалы для его біографіи)..... 389—394</p> <p>X. Время императора Павла I. (Рескрипты, письма и замѣтки) Сообщ. П. М. Майковъ и А. В. Безродный..... 395—409</p> <p>XI. Дѣла Преображенскаго Приказа въ погребѣ подъ</p> | <p>Благовѣщенскій соборомъ въ Кремлѣ. Протоіерей В. Жмакинъ... 411—412</p> <p>XII. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Берсъ. 413—433</p> <p>XIII. Записки Михаила Чайковскаго. В. В. Тимошукъ. 435—464</p> <p>XIV. Изъ архива А. М. Римскаго - Корсакова. Письма разныхъ лицъ (1805—1807). Сообщ. К. Дружининъ..... 465—480</p> <p>XV. Записная книжка „Русской Старины“: „Надгробная пѣснь масонствъ“. Стихот. Сообщ. Н. А. Боровковъ (стр. 270). — Эпиграммы (336). — Стихи Александра Иваи. Одоевскаго (382). — Мѣсячныя оклады содержанія служащимъ въ духовномъ правленіи въ 1851 году (388). — О назначеніи кн. А. Н. Голицына управляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и А. Д. Балашова — мнистромъ полиціи (410). — Воспрещеніе содержателей частныхъ театровъ принимать на службу артистовъ императорскихъ театровъ. Сообщ. бар. Н. В. Дризенъ (434).</p> <p>XVI. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).</p> |
|--|--|

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Эдуарда Васильевича Лерхе. Грав. И. Хельмицкія.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза».

Большая Подъячская. 39.

1898.



Библиографическій листокъ.

Материалы для исторіи Императорской академіи наукъ. Томъ седьмой. (1744—1745 гг.). Спб. 1895 г.

Седьмой томъ Материаловъ для исторіи Императорской академіи наукъ обнимаетъ собою всего только два года, но даетъ очень много въ высшей степени интересныхъ документовъ, имѣющихъ отношеніе ко многимъ сторонамъ общественной жизни. Мы приведемъ нѣкоторые изъ болѣе интересныхъ.

Къ 7-му января 1744 года, между прочимъ, относится указъ: «Понеже въ российскихъ календаряхъ отъ рожденія Его Императорскаго Высочества Государа Великаго Князя 15 лѣтъ напечатано, а Его Высочеству шестнадцать лѣтъ, того ради по указу Ея Императорскаго Величества академіи наукъ приказано: Наборщику Розѣ во всѣхъ нынѣ напечатанныхъ и въ тѣхъ, кои нынѣ печатаются российскихъ календаряхъ во дни рожденія Его Императорскаго Высочества вмѣсто 15 лѣтъ писать 16, о чемъ въ типографію Розѣ послать указъ».

Интересенъ отвѣтъ въ канцелярію академіи наукъ отъ утеръ-библіотекаря Тауберга о сдѣланныхъ поправкахъ въ первыхъ двухъ листахъ описанія коронаціи Елисаветы Петровны: «... 1) по правиламъ грамматики надлежало поставить священнѣйшаго, а не освященнѣйшаго коронованія, понеже коронованіе есть дѣйствіе, которое уже само по себѣ свято или священно, а не лицо или вещь, которая чрезъ то дѣйствіемъ освящается. 2) Всероссийской — тотъ же родительной падежъ, что и всероссийскія; но сія отмѣна произошла неосторожноію грядоровальщика, который болше привыкъ къ первому окончанію. Однако сіе на доскѣ еще выправить можно. 3) Коронаціи. Понеже въ главной строкѣ употреблено было слово коронованіе, то оно надлежало внизу повторить, или уже въ обоихъ случаяхъ написать коронація... Такъ всерадостный по правиламъ грамматики писать не можно, а надлежитъ писать такъ радостный или толь радостный, понеже всерадостный есть степень превосходительная, а частица такъ прикладывается токмо къ степени уравнительной».

21-го января 1744 года подано въ канцелярію академіи наукъ слѣдующее вѣдніе: «Имѣющася на звѣровомъ дворѣ молодая львица, которая всегда была съ собачкою, былъ долгое время больна, и сего генваря 20-го дня умре. Того ради отъ оберъ-егермейстерской конторы въ академіи наукъ для анатоменія оной львицы и о присылкѣ о томъ во оную контору отчего она умерла вѣднія, посылается при семь съ звѣровщикомъ Петромъ Яковлевымъ».

Немало интереса представляютъ документы, касающіеся Михаила Васильевича Ломоносова. Такъ, подъ 28-мъ января того же года напечатанъ рапортъ отъ академіи наукъ правительствующему сенату о полученіи указа: „Ея Императорскаго Величества указъ изъ правительствующаго сената сего генваря отъ 19-го дня подъ № 800, о свободѣ изъ-подъ ареста академіи наукъ адъюнкта Михаила Ломоносова, о произвожденіи ему, Ломоносову, половиннаго за дѣльный годъ жалованья и о прочемъ, до него жъ, Ломоносова, касающемся, въ академіи наукъ сего жъ генваря 21-го дня полученъ, и академіи наукъ по тому указу исполнять будетъ».

Подъ 5-мъ января 1745 года помѣщенъ указъ по просьбѣ Михаила Васильевича, въ то время бывшаго все еще адъюнктомъ, о выдачѣ матеріаловъ, необходимыхъ для опредѣленія крѣпости и доброты разныхъ солей: «... для пробы ихъ крѣпости и узнанія о разности въ добротѣ одной противъ другой... потребно ему на то дѣло разныхъ матеріаловъ, а именно: пять ретортовъ, пять реципентовъ, десять круглыхъ банокъ побольше, пять круглыхъ же банокъ поменьше, четыре дести непланированной бумаги, два коула угля, однѣ клещи, одна щипцы, три фунта крѣпкой водки, два фунта нашатырной соли, десять тигелей, пять фунтовъ вѣмечной глины».

Въ декабрѣ (безъ числа) того же года приведено доношеніе отъ профессорскаго собранія, въ которомъ Ломоносовъ предлагаетъ просить правительствующій сенатъ о постройкѣ при академіи химической лабораторіи:

«Проедшаго октября профессоръ Михаила Ломоносовъ объявилъ въ упомянутомъ собраніи, что онъ... просилъ... о учрежденіи химической лабораторіи троекратно...; однако-де на оныя его прошенія никакого рѣшенія не учинилось. И для того предложилъ онъ въ томъ же собраніи, чтобъ именовъ всего собранія о учрежденіи упомянутой химической лабораторіи просить въ правительствующемъ сенатѣ. И понеже мы всѣ обще усмотрѣли, что химическая лабораторія при академіи для изслѣдованія натуральныхъ вещей весьма нужна и профессоръ химіи безъ оной надлежачія пользы приносить не можетъ и прочъ...»

Любопытны нѣкоторые изъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣятельности Василія Кирилловича Тредьяковского ⁴⁾, на-

⁴⁾ Какъ образчикъ его правописанія, приводимъ нѣкоторыя фразы изъ его доношенія (стр. 228): «... получилъ я изъ академической суммы заслуженнаго жалованья токмо за два мѣсяца генварскія трети, а именно за генварь і за февраль 60 рублей... При томъ, долженъ я былъ ѣще въ книжну»



[Handwritten signature]



Россеія и Германія въ XIX вѣкѣ¹⁾.

VI.

Вопросъ объ объединеніи Германіи подъ скипетромъ Пруссіи.—Противодѣйствіе тому императора Николая.—Переходъ его на сторону Австріи.—Посредничество Россіи между Пруссіею и Австріею.—Совѣщаніе императора Николая въ Варшавѣ съ принцемъ прусскимъ и съ княземъ Шварценбергомъ.—Вопросъ объ уничтоженіи прусской конституціи.—Виды Австріи и ея политическое поведеніе.—Варшавскія конференціи.—Интриги Наполеона III.—Размолвка между Австріею и Пруссіею.—Ольмюцкій договоръ и его послѣдствія.—Свиданіе въ Варшавѣ императора Николая съ Вильгельмомъ IV.—Императоръ Николай въ Берлинѣ.—Мнѣніе его о королѣ Вильгельмѣ и вліяніе на внутреннюю и вѣдшнюю политику Пруссіи.—Политическое положеніе императора Николая въ Европѣ въ 1852 году.



Врѣмкнувъ къ начавшемуся въ Германіи объединительному движенію и не принявъ во вниманіе Австріи, Вильгельмъ IV очутился между двухъ огней: между нѣмецкой партіей, мечтавшей объ объединеніи и толкавшей его впередъ, и австрійскимъ правительствомъ, не желавшимъ возстановленія Германской имперіи подъ скипетромъ Пруссіи. Изъ-за этого національнаго вопроса между соперничающими державами возгорѣлась борьба, въ которой императоръ Николай рѣшительно принялъ сторону Австріи. Это не покажется страннымъ, если припомнимъ, что царь желалъ возстановленія стараго порядка вещей, самой законной представительницей котораго являлась Австрія. Кромѣ того, Россія могла

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюль 1898 г.

утратить на объединенную Германію вліяніе, которое она имѣла на отдѣльные правительства Германскаго Союза, въ особенности на тѣ, которыя состояли въ родственныхъ отношеніяхъ къ русскому двору. Была еще одна причина особаго предпочтенія царя къ Австріи: онъ содѣйствовалъ ей въ усмиреніи Венгерскаго мятежа. Его рыцарскіе взгляды не могли помириться съ тѣмъ, чтобы она утратила свое положеніе въ Германіи; съ этимъ также не согласовались, какъ увидимъ далѣе, собственные интересы Россіи. Австрія, будучи, такъ сказать, изгнана изъ Германіи, естественно стала бы искать вознагражденія на Востокѣ, гдѣ она могла сдѣлаться опасной соперницей Россіи. По причинѣ всего вышесказаннаго, императоръ Николай принималъ горячее участіе во всѣхъ фазисахъ объединительнаго движенія, происходившаго въ Германіи съ 1848 г. по 1851 г. Король прусскій шагъ за шагомъ уступалъ требованіямъ народа. Напуганный настойчивыми представленіями императора Николая, онъ рѣшилъ отказаться отъ императорской короны, предложенной ему франкфуртскимъ парламентомъ вмѣстѣ съ ультра-демократической конституціей, и только уступая настояніямъ своихъ министровъ согласился принять депутацію отъ парламента. Николай I поставилъ своему шурина на видъ, что его старанія добиться согласія союзныхъ монарховъ на избраніе его императоромъ Германіи несомѣстны съ консервативными принципами. Нѣсколько времени спустя, когда эрцгерцогъ Іоаннъ выразилъ намѣреніе отказаться отъ званія намѣстника имперіи, король былъ не прочь замѣнить его.

— Но что скажете на это императоръ Николай?—говорилъ онъ.

Баронъ Мейендорфъ счелъ нужнымъ отвѣтить, что императоръ не допуститъ никакой комбинаціи безъ участія Австріи.

Когда проектъ основанія Германской имперіи рушился вслѣдствіе отказа короля отъ императорской короны, Фридрихъ-Вильгельмъ по совѣту генерала Радовица, одного изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, сталъ проводить мысль о федеральномъ союзѣ всѣхъ германскихъ государствъ подъ главенствомъ Пруссіи, за исключеніемъ Австріи, съ которой онъ долженъ былъ заключить международный союзъ. Этотъ проектъ встрѣтилъ самый энергичный отпоръ со стороны вѣнскаго кабинета и выводилъ изъ себя императора Николая. Этотъ разъ завязалась борьба между царственными родственниками.

Осенью 1849 г. петербургскій кабинетъ заявилъ берлинскому въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что Россія считаетъ всякую реорганизацію Германіи безъ участія Австріи вопіющимъ нарушеніемъ договоровъ 1815 г. и признаетъ старинный германскій сеймъ единственнымъ законнымъ органомъ Германскаго Союза. Эта нота была написана въ такихъ выраженіяхъ, что король, обыкновенно покорный волѣ царя, воскликнулъ, что онъ докажетъ императору, что прусскій король въ состояніи

сдѣлать и какъ Германія можетъ устроить свои дѣла по своему собственному благоусмотрѣнію. Эта вепышка, какъ увидимъ далѣе, не повела ни къ чему. Монархи обмѣнялись по этому поводу множествомъ дипломатическихъ нотъ. Когда король жаловался на образъ дѣйствій Австріи, то императоръ совѣтовалъ ему придти къ соглашенію съ соперникомъ, ибо, дѣйствуя безъ Австріи, Пруссія потеряла бы, по его словамъ, свое видное положеніе въ Европѣ. Притомъ, политика короля, по заявленію царя, была политикой революціонной; ее не одобряла не только Австрія, но и второстепенныя государства Германіи. Это была совершенная правда.

Король виртембергскій, между прочимъ, заявилъ о своемъ намѣреніи прибѣгнуть противъ Пруссіи къ поддержкѣ Россіи и Франціи. Генералъ Раухъ, посланный въ Петербургъ съ порученіемъ защитить образъ дѣйствій короля, не находилъ словъ, чтобы выразить гнѣвъ цари противъ своего шурина: русскій посланникъ въ Берлинѣ еще менѣе стѣснялся въ своихъ цоричаніяхъ и укорахъ.

— Пруссія,— говорилъ онъ,— не имѣетъ никакого права становиться во главѣ Германіи, ея притязанія нестерпимы; единственно на что она могла бы разсчитывать— это на преобладающую роль въ сѣверной Германіи.

Идея германскаго единства, по мнѣнію барона Мейендорфа, была химерою и продуктомъ революціоннаго духа. Генералъ Радовицъ, инициаторъ проекта федеральнаго союза, былъ въ особенности предметомъ самыхъ жестокихъ нападокъ со стороны русскаго дипломата. Баронъ Мейендорфъ называлъ прусскаго министра въ своихъ депешахъ «человѣкомъ гнуснымъ, необузданно тщеславнымъ и неисправимымъ фразеромъ». Онъ не стѣснялся говорить Радовицу, что Россія въ своихъ отношеніяхъ къ Пруссіи послѣдуетъ примѣру Австріи и что Пруссію можетъ постигнуть участь возставшей Венгріи.

Такимъ образомъ, положеніе день-ото-дня ухудшалось; столкновение между двумя главнѣйшими державами Германіи казалось неизбѣжнымъ. Сражавшись вмѣстѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ, чтобы свергнуть иго Наполеона, онѣ предоставили теперь русскому императору рѣшить ихъ судьбу. Самыя выдающіяся лица прусской феодальной партіи горячо поддерживали требованія русскаго царя; оно и повятно, такъ какъ императоръ защищалъ порядокъ вещей, предшествовавшій революціи. Домъ русскаго посланника въ Берлинѣ былъ мѣстомъ свиданія всѣхъ придворныхъ и у власти стоявшихъ лицъ, принадлежавшихъ къ этой партіи, которая являлась туда съ новостями и получала тамъ совѣты.

Такова была нѣкогда роль русскихъ посланниковъ въ бывшей польской республикѣ. Въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ баронъ Мейендорфъ называлъ монарха, при которомъ онъ былъ аккредитованъ, трусомъ, а

генерала Рауха, военнаго уполномоченнаго въ Петербургѣ и *persona grata* у императора Николая—«ангеломъ-хранителемъ» короля.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1850 г. король чувствовалъ приближеніе кризиса: Австрія сама созвала старинный германскій сеймъ, распущенный въ 1848 г. При поддержкѣ этого собранія, къ которому присоединялись всѣ второ и третьестепенныя государства, враждебныя Пруссіи, она думала уничтожить планы своей соперницы: окончить войну съ Даніей подчиненіемъ ей герцогствъ, возстановить права курфирста Гессенскаго, изгнаннаго революціонерами; однимъ словомъ, возстановить прежній порядокъ вещей въ Германскомъ Союзѣ. Въ случаѣ надобности Австрія намѣревалась достигнуть этого силою оружія и дѣлала съ этою цѣлью приготовленія, сосредоточивала значительныя силы на юго-восточной границѣ Пруссіи. Эта политика совершенно согласовалась со взглядами русскаго императора. Въ его глазахъ федеральный союзъ, проектированный королемъ и Радовицемъ, имѣя въ основѣ парламентъ, равнялся республикѣ; гессенцы и голштинцы, возставшіе противъ своихъ монарховъ, были, по его мнѣнію, не лучше республиканцевъ. Если король прусскій хотѣлъ имѣть его союзникомъ противъ республиканской Франціи, говорилъ императоръ, то ему слѣдовало прежде всего покончить съ революціей. Что касалось Даніи, то императоръ объявилъ, что, упорствуя въ войнѣ противъ этой державы, Пруссія рискуетъ войною съ Россіей и, быть можетъ, съ Англіей, которая была въ то время на сторонѣ Даніи.

Въ такомъ натянутомъ положеніи король воспользовался пребываніемъ русскаго императора въ Скерневицахъ, близъ Варшавы, рѣшивъ послать туда своего брата, принца прусскаго (Вильгельма I), къ которому царь былъ весьма расположенъ, съ порученіемъ объяснить ему положеніе дѣлъ. Тѣмъ временемъ король уступилъ въ вопросѣ о Германскомъ Союзѣ, существованіе котораго *de facto* прекратилось; но Пруссія сохранила право покровительствовать мелкимъ государствамъ, принадлежавшимъ къ этому Союзу. Король рѣшилъ отвоевать это право отъ Австріи и надѣялся, что если дѣло дойдетъ до войны, то Россія сохранитъ нейтралитетъ; если же императоръ приметъ сторону Австріи, то король рѣшилъ начать войну съ обѣими державами, хотя бы эта война окончилась его гибелью. Впрочемъ, онъ все-таки рѣшилъ уступить въ вопросѣ о герцогствахъ, высказавъ сожалѣніе относительно того, что онъ началъ эту войну подъ вліяніемъ мартовскихъ событій; при этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы съ герцогствами было поступлено по справедливости, такъ какъ онъ не могъ идти одинъ противъ воли прочихъ великихъ державъ.

Пруссскій принцъ долго колебался, принять ли ему на себя это порученіе или нѣтъ: принцесса, его супруга, опасалась, чтобы онъ не утра-

тилѣ популярность, пріобрѣтенную имъ вслѣдствіе того, что онъ проповѣдовалъ взгляды, совершенно противоположныя робкой политикѣ короля, его брата. Принцъ нашелъ своего царственнаго зятя весьма враждебно настроеннымъ противъ короля. Впрочемъ, въ Берлинѣ уже давно знали о неудовольствіи царя и его гнѣвныхъ вспышкахъ. Онъ говорилъ о «бандитахъ, окружающихъ короля», намекая этимъ на Радовица и нѣкоторыхъ министровъ, сторонниковъ послѣдняго, къ которымъ императоръ относился съ особенной ненавистью. Онъ не могъ простить своему шурина того, что онъ нарушилъ политику Священнаго союза; усиленіе Пруссіи въ Германіи противорѣчило стариннымъ договорамъ.

Къ тому же дуализмъ Австріи и Пруссіи соответствовалъ общимъ интересамъ Россіи; наконецъ, конституціонный и парламентскій образъ правленія должны были прекратить свое существованіе. Императоръ формулировалъ эти мысли и требованія со свойственной ему энергіей и въ особенности съ сознаніемъ огромнаго личнаго вліянія, пріобрѣтеннаго имъ во время революціонныхъ тревоженій двухъ послѣднихъ лѣтъ. Его совѣты принимались какъ приказанія, за нимъ признавали роль третейскаго судьи и онъ пользовался этимъ положеніемъ.

По всему предъидущему можно себѣ представить, какъ держалъ себя императоръ во время свиданія въ Варшавѣ, на которомъ присутствовалъ неожиданно пріѣхавшій изъ Вѣны князь Шварценбергъ, первый министръ Австріи: это были два истца передъ судьей, который долженъ былъ рѣшить ихъ споръ. Николай пошелъ прямо къ цѣли. Его интересовала болѣе всего Данія; вѣдь онъ поручился вмѣстѣ съ Англіей и Франціей за цѣлость этой монархіи. Онъ желалъ, чтобы война была окончена и чтобы революціонеры въ герцогствахъ были вынуждены просить помилованія. Что касалось австро-прусскаго конфликта, то онъ хотѣлъ, чтобы Пруссія пришла къ соглашенію съ Австріей на почвѣ старинныхъ договоровъ. Когда прусскій принцъ замѣтилъ, что Австрія готовилась къ войнѣ, австрійскій министръ отрицалъ всякое агрессивное намѣреніе со стороны своего монарха; императоръ Николай пришелъ ему на помощь, объявивъ что онъ порукою миролюбивыхъ намѣреній Австріи. Австрійскій министръ, со своей стороны, настаивалъ на восстановленіи германскаго сейма, на уничтоженіи союза и конституціи, въ виду того, что Австрія не могла учредить у себя парламентскаго образа правленія и не могла терпѣть его у самой своей границы.

Таковъ былъ взглядъ императора Николая, который въ разговорѣ съ прусскимъ принцемъ даже совѣтывалъ королю уничтожить прусскую конституцію однимъ ударомъ.

Лица, принимавшія участіе въ варшавскихъ совѣщаніяхъ, разбѣжались, не принявъ окончательно никакого рѣшенія; по крайней мѣрѣ, они выяснили взаимныя желанія. Императоръ Николай, послѣ отъѣзда

прусскаго принца, написалъ королю 6-го іюня письмо, содержаніе котораго приблизительно было таково: Пруссія должна снова присоеди- ниться къ франкфуртскому сейму и придти къ соглашенію съ Австріей, которая никогда не думала начинать «братоубійственной» войны. Съ другой стороны, Пруссія, вздумавъ измѣнить договоры 1815 года безъ согласія прочихъ державъ, подписавшихъ договоры, совершить такой поступокъ, который можетъ вызвать отпоръ не только со стороны Ав- стріи, но и со стороны всѣхъ державъ, гарантировавшихъ соблюденіе этихъ договоровъ. Въ ожиданіи дальнѣйшаго соглашенія между двумя кабинетами, императоръ «останется спокойнымъ зрителемъ». Но, Бога ради, не ссорьтесь, говорилось въ письмѣ Съ майоромъ Мантейфелемъ (двоюроднымъ братомъ прускаго министра, впоследствии фельдмаршаломъ) императоръ говорилъ тономъ еще болѣе рѣшительнымъ и далеко неуспокоительнымъ для Пруссіи.

— Если Пруссія нарушить договоры 1815 года,—говорилъ онъ,— Австрія будетъ вынуждена объявить ей войну, и я буду вынужденъ къ тому же, чтобы защитить эти трактаты. — Я не могу допустить того, чтобы общее спокойствіе Европы было потрясено.

Императоръ Николай предупреждалъ заранѣе, что вступитъ въ Прус- сію именемъ короля, чтобы заставить соблюдать законъ, въ силу кото- раго нынѣ царствующій король получилъ королевскую власть отъ своего отца. Всѣ честные люди Пруссіи и войско не желаютъ конституціи. Король долженъ отнѣнить ее; онъ можетъ это сдѣлать, такъ какъ вой- ско будетъ на его сторонѣ. Прусское государство только такимъ обра- зомъ можетъ быть спасено. Если король не послѣдуетъ его совѣту, то прусское государство погибнетъ, а такъ какъ императоръ этого не же- лаетъ, то онъ поспѣшитъ, вѣроятно, къ прусской границѣ и подниметъ тамъ прусское знамя, вокругъ котораго сплотятся всѣ благонамѣрен- ные пруссаки. Тогда императоръ возстановитъ прусское государство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было завѣщано королемъ Фридрихомъ-Виль- гельмомъ III.

Крайне нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ IV, хотя и ненави- дѣлъ конституцію, которой ему пришлось присягнуть, но ни за что не рѣшился бы уничтожить ее однимъ почеркомъ пера. Обязательства, при- нятія имъ по отношенію къ мелкимъ государствамъ, не позволяли ему выйти изъ союза, который онъ оставлялъ въ то же время въ полянѣйшей неизвѣстности. Онъ смотрѣлъ на австрійскаго императора, какъ на искон- наго главу Германіи и въ то же время боялся русскаго государя. Что касается тѣхъ соблазнительныхъ плановъ, которые подсказывалъ ему въ это время президентъ Французской республики Людовикъ-Бонапартъ, то они возымѣли какъ разъ обратное ожидаемому дѣйствіе; они сдѣ- лали его болѣе доступнымъ соглашенію съ Австріей и Россіей, т. е. съ

державами Священнаго союза. Но Австрія была въ то время не особенно расположена къ этому соглашенію. Несмотря на миролюбивыя увѣренія Шварценберга, вѣнскій кабинетъ желалъ, повидимому, воспользоваться нерѣшительностью короля прусскаго и благосклонностью императора Николая, чтобы, такъ или иначе, покончить съ объединительными стремленіями Пруссіи и, быть можетъ, низвести ее на степень второстепенной державы.

Австрійскій кабинетъ противопоставлялъ прусскому союзному договору 1849 г.,—который признавали только самыя мелкія государства,—свой собственный союзъ, образованный тремя германскими королевствами, которыя по договору, заключенному въ Брегенцѣ, обязались выставить въ случаѣ надобности часть австрійской арміи и соотвѣтственный контингентъ войскъ союзныхъ государствъ.

Эти приготовленія были причиною, что Радовицъ сталъ пользоваться вновь утраченною одно время благосклонностью короля. Его хотѣли назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ, возложивъ на него такимъ образомъ отвѣтственность за успѣхъ предложенныхъ имъ плановъ. Король велѣлъ узнать предварительно мнѣніе на этотъ счетъ русскаго императора, который осудилъ всю прусскую политику за послѣдніе два года. «Что касается г. Радовица, заявилъ императоръ, то его назначеніе министромъ будетъ сочтено объявленіемъ войны всей Европѣ». Однако постепенный ходъ событій въ Германіи дѣлалъ это назначеніе какъ нельзя болѣе своевременнымъ. Арміи Австріи и Пруссіи собирались поимѣриться силами въ Гессенѣ. Радовицъ былъ назначенъ министромъ, и король собирался даже послать его въ Варшаву, чтобы онъ какъ-нибудь расположилъ царя въ свою пользу. Но это такъ и осталось невыполненнымъ. Требования Николая сдѣлались, наконецъ, до того настоятельны, что король отказался даже отправиться по приглашенію императора въ Варшаву, гдѣ Австрія и Пруссія хотѣли еще разъ прибѣгнуть къ третейскому суду императора Николая прежде, чѣмъ вступить въ борьбу.

Рѣшивъ не ѣздить въ Варшаву, король долгое время колебался, кого послать вмѣсто себя. Нѣкоторые придворные, состарившіеся въ прежнихъ традиціяхъ и не сочувствовавшіе конституціонному образу правленія, отговаривали короля вообще отъ всякаго участія въ варшавскихъ совѣщаніяхъ. Старикъ, князь Витгенштейнъ, опасался между прочимъ того, что Пруссія подчинится третейскому суду Россіи; это было бы, по его мнѣнію, гораздо болѣе важнымъ нарушеніемъ старыхъ традицій, нежели всевозможныя уступки парламентаризму. Однако, въ концѣ концовъ король все же согласился на то, чтобы Пруссія участвовала на варшавскихъ конференціяхъ, и послалъ въ Варшаву своего дядю, графа Бранденбурга, президента совѣта. Представителемъ Австріи въ

Варшавѣ явился князь Шварценбергъ, который взялъ съ собою—обстоятельство весьма знаменательное,—барона Мейендорфа, только что передъ тѣмъ назначеннаго русскимъ посланникомъ въ Вѣну. Собственно говоря, король, утомленный такъ долго продолжавшимися недоразумѣніями, желалъ такъ или иначе выйти изъ этого запутаннаго положенія, не начиная войны, тогда какъ Австрія, увѣренная въ поддержкѣ Россіи, собиралась предъявить въ Варшавѣ огромныя требованія и была намѣрена настаивать на нихъ даже рискуя войною.

Императоръ Николай рѣшилъ предоставить Австріи полную свободу дѣйствій въ нѣмецкихъ дѣлахъ; онъ дѣлалъ видъ, что не желаетъ въ нихъ вмѣшиваться, совѣтовалъ Пруссіи уступить, Австріи—не доводить дѣло до крайности, и только настаивалъ на томъ, чтобы датскій вопросъ былъ рѣшенъ прежде всего, само собою разумѣется, въ пользу Даніи. Онъ требовалъ даже, чтобы прусскимъ войскамъ, которыя сражались за интересы Шлезвита и Голштиніи, было поручено привести въ исполненіе экзекуціонныя мѣры противъ этихъ герцогствъ, и заявилъ, что Пруссія, отказавъ въ этой просьбѣ, нанесетъ ему личное оскорбленіе. Австрія, со своей стороны, требовала, чтобы Пруссія признала возстановленный сеймъ и не препятствовала бы исполненію постановленнаго этимъ собраніемъ приговора относительно возставшаго герцогства Гессенскаго. Австрійскій императоръ лично явился въ Варшаву, чтобы поддержать ходатайство своего министра, а въ то время, какъ эти переговоры происходили въ Варшавѣ, союзники Австріи въ Германіи побуждали народъ къ войнѣ. Когда пруссаки собирались отразить нападеніе гессенцевъ съ помощью баварскихъ войскъ, то баронъ Будбергъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, протестовалъ противъ этого, требуя, чтобы г. Радовицъ остановилъ движеніе баварскихъ войскъ. Прусскій министръ, глубоко возмущенный, въ свою очередь протестовалъ противъ вмѣшательства русскихъ.

— Это значило поспирать Пруссію ногами, говорилъ онъ.

Въ Варшавѣ, графъ Бранденбургъ подчинился почти всему, чего требовали Россія и Австрія. Императоръ Николай продиктовалъ условія примиренія, которое со стороны Пруссіи должно было состоять въ полномъ отреченіи отъ федеральнаго союза и въ то же время отъ Голштиніи. Нѣсколько дней спустя послѣ возвращенія въ Берлинъ, графъ Бранденбургъ скончался. Совпаденіе его кончины съ актомъ вынужденной покорности породило много толковъ; говорили, будто бы сердце графа не выдержало и разорвалось отъ горя. Это была одна изъ тѣхъ вымышленныхъ легендъ, которыя слагаются въ устахъ народа, когда онъ хочетъ заклеить какой-нибудь политическій актъ своего правительства.

Соглашеніе, заключенное въ Варшавѣ, не устранило опасности вооруженнаго столкновенія. Король былъ возмущенъ тѣмъ, что онъ назы-

валъ измѣною князя Шварценберга, который обѣщалъ въ Варшавѣ не принимать никакихъ наступательныхъ мѣръ, тогда какъ союзники готовились напасть на прусскія войска. Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ готовъ объявить мобилизацію прусской арміи; на этомъ настаивалъ Радовицъ, но эта мѣра не была приведена въ исполненіе вслѣдствіе оппозиціи со стороны большинства министровъ. Король былъ глубоко оскорбленъ. Онъ уволилъ Радовица, утвердилъ своей подписью уступки, сдѣланныя графомъ Бранденбургомъ, и оставилъ мысль о мобилизаціи войска. «И все это дѣлается потому, писалъ король императору Николаю, что Бранденбургъ вполнѣ вѣрилъ обѣщаніямъ князя Шварценберга. Я же не вѣрю имъ, другъ мой». Король сдѣлалъ всѣ возможные уступки, чтобы сохранить миръ, принялъ отставку своего «благороднаго друга» Радовица, выразивъ ему по этому случаю свое благоволеніе.

Императоръ отвѣчалъ довольно сухо и говорилъ, что не онъ помѣшалъ королю отдать приказаніе мобилизовать армію, хотя въ настоящее время эта мѣра какъ будто немного запоздала. Что касается Австріи, то онъ продолжаетъ вѣрить въ ея чистосердечіе и имѣетъ тому письменныя доказательства. По словамъ русскаго государя, не подлежало сомнѣнію, что эта держава не захочетъ дѣйствовать несправедливо, зная, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ противъ нея. Если же она будетъ дѣйствовать попрежнему умѣренно, то всегда можетъ разсчитывать на поддержку Россіи. Пусть король не навлекаетъ на Пруссію такихъ опасностей, съ которыми она не въ состояніи будетъ справиться.

Послѣ отставки Радовица русская партія окончательно взяла верхъ; русскаго посланника слушали болѣе, чѣмъ когда-либо. Прусскій принцъ одобрялъ войну, но онъ не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что Пруссія готова къ ней; таково же было мнѣніе военнаго министра. Къ тому же всѣ эти лица опасались вмѣшательства республиканской Франціи и вслѣдствіе этого были готовы слушать все, что имъ ни скажетъ русскій императоръ. Дѣйствительно, Людовикъ-Наполеонъ, назначивъ въ это время посланникомъ въ Берлинъ г. де-Персиньи, старался вывѣдать почву и даже предлагалъ Пруссіи заключить союзъ противъ Австріи. Онъ выставилъ на восточной границѣ 40.000-ый обсервационный корпусъ, причемъ парижскія газеты заявляли, что Франція не потерпитъ ни опеки Австріи въ Италіи, ни честолюбивыхъ замысловъ Австріи и Россіи въ Германіи. Фридрихъ-Вильгельмъ, питавшій величайшую антипатію къ семьѣ Бонапартовъ, не только отвергъ всѣ предложенія Персиньи, но, повидимому, даже былъ возмущенъ тѣмъ, что его могли заподозрить въ желаніи заключить союзъ съ Франціей противъ Австріи. Онъ заявилъ рѣшительно, что не будетъ просить и не приметъ помощи отъ Франціи.

— Противъ этого слѣдуетъ принять мѣры, сказалъ онъ въ совѣтѣ

министровъ, надобно предупредить Австрію и предложить ей принять сообщая какія-либо мѣры въ отвѣтъ на военныя демонстраціи Людовика-Наполеона.

Министръ, Мантейфель, отговорилъ короли отъ этого; не довѣряя князю Шварценбергу, онъ боялся, чтобы тотъ не воспользовался прусскими сообщеніями и не получилъ права на поддержку со стороны президента французской республики. Призракъ бонапартизма не давалъ никому покоя, пока продолжалось австро-прусское столкновеніе. Король и королева прусскіе въ своихъ частныхъ письмахъ къ роднымъ высказывали необходимость сплотиться въ виду угрожающей опасности вторженія французовъ и утвержденія французскаго владычества въ Германіи. Они ничего не имѣли, какъ мы видѣли, противъ вмѣшательства Россіи, пока оно было миролюбиво, но оно пугало ихъ, когда Россія высказывала угрозы, какъ, напримѣръ, во время варшавскихъ конференцій и тотчасъ по окончаніи ихъ. Баронъ Будбергъ въ Берлинѣ открыто угрожалъ войною въ случаѣ, если Пруссія стала бы упорно противиться дѣйствіямъ Австріи и ея союзниковъ въ Гессенѣ. Вѣнскій кабинетъ предъявилъ ультиматумъ, требуя отвѣта въ двадцать четыре часа. Тогда король, по настоянію Мантейфеля, просилъ австрійскаго императора назначить въ Ольмюцѣ свиданіе его министра съ княземъ Шварценбергомъ.

Послѣдній согласился на это крайне неохотно, повинувся волѣ своего монарха, и опять взялъ съ собою русскаго посланника барона Мейендорфа, который руководилъ этими конференціями и продиктовалъ условія окончательнаго соглашенія. Мантейфель явился на эти совѣщанія съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать всевозможныя уступки; это не было трудно ни ему, ни королю, такъ какъ они уже почти во всемъ уступили въ Варшавѣ и вполнѣ раздѣляли взглядъ Австріи и Россіи о необходимости сплотиться въ виду наступившей въ Германіи реакціи. Единственный пунктъ, въ которомъ они расходились, былъ вопросъ самолюбія; король не хотѣлъ допустить вступленія баварцевъ въ Гессенъ подъ носомъ у прусскихъ войскъ, дальнѣйшее движеніе которыхъ было приостановлено. Зналъ миролюбивыя склонности своего противника, князь Шварценбергъ былъ не прочь добиться полной покорности и полнѣйшаго подчиненія Пруссіи: ему почти удалось этого достигнуть при содѣйствіи русскаго посланника, вмѣшательства коего такъ добивался Мантейфель и который уговорилъ его заключить Ольмюцкій договоръ, сдѣлавшійся исходной точкой важныхъ перемѣнъ въ прусской политикѣ.

Союзники Австріи, Баварія и Саксонія, были не особенно довольны результатомъ этихъ совѣщаній. Имъ хотѣлось, чтобы австрійская армія двинулась на Берлинъ до начала Ольмюцкой конференціи и продиктовала бы Пруссіи миръ. Съ военной точки зрѣнія это могло увѣнчаться

успѣхомъ, такъ какъ прусская армія не была въ состояніи отразить нападеніе, но австрійскій императоръ не рѣшился на этотъ шагъ по причинамъ весьма уважительнымъ. Побѣдоносное вступленіе во главѣ войска въ Берлинъ не могло доставить ему болѣе значительныхъ выгодъ по сравненію съ тѣмъ, что имъ было приобрѣтено въ Ольмюцѣ, если только не предположить, что дѣло дошло бы до расчлененія прусской монархіи. Но на это нельзя было рассчитывать, такъ какъ императоръ Николай заявилъ рѣшительно, что «не допустить того, чтобы его шуринъ лишился хотя бы одной деревни».

Въ Вѣнѣ, при дворѣ, въ обществѣ и даже въ арміи всѣ были очень довольны тѣмъ, что избѣжали войны, вернувъ съ лихвою прежнее преобладающее вліяніе въ Германіи. Въ Пруссіи всѣ, кромѣ двора, считали Ольмюцъ пораженіемъ, понесеннымъ при самыхъ унижительныхъ условіяхъ. Сторонники короля упрекали его не за то, что онъ согласился на всѣ уступки, но за то, что онъ не сдѣлалъ этихъ уступокъ добровольно. Въ прусскихъ палатахъ осуждали все сдѣланное въ Ольмюцѣ; единственнымъ защитникомъ этого договора явился Бисмаркъ, который не далѣе какъ два года измѣнилъ свой взглядъ.

Въ Берлинѣ при дворѣ ликовали. Король первый приписывалъ мирный исходъ вопроса вмѣшательству царя. Онъ высказалъ это откровенно барону Будбергу на парадномъ обѣдѣ, происходившемъ 6-го декабря, по случаю тезоименитства императора Николая. Если вѣрить донесенію русскаго посланника, то король радовался тому, что освободился отъ вліянія Радовица. Прусская королева, тетка императора Франца-Иосифа, выразилась въ столь же восторженныхъ выраженіяхъ, благодаря царя и его посланника Мейендорфа за то, что они не допустили Пруссію и Германію до войны съ Австріей.

Въ томъ же тоиѣ писалась письма, коими обмѣнивались неоднократно Фридрихъ-Вильгельмъ и императоръ Николай. Король уже позабылъ о тѣхъ, подъ-часъ довольно суровыхъ, требованіяхъ, которыя предъявлялъ къ нему его зять; онъ видѣлъ въ немъ лишь человѣка, спасшаго его отъ страшной опасности. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, по случаю двадцати-пяти-лѣтняго юбилея царствованія Николая I, поздравляя его съ этимъ радостнымъ событіемъ, онъ подтвердилъ еще разъ прочность узъ, связывавшихъ обѣ державы. Царь со своей стороны былъ доволенъ, говоря, что онъ только продолжаетъ политику своего брата и покойнаго короля и радуется тому, что въ его отношеніяхъ съ Пруссіей началась новая эра, оживившая «традиціи прошлаго, столь дорогія его сердцу».

Но въ этихъ изліяніяхъ со стороны императора Николая была нѣкоторая сдержанность. Весьма довольный ходомъ дѣлъ въ Германіи, гдѣ былъ восстановленъ, подъ его руководствомъ, порядокъ вещей, существовавшій до 1848 г., царь не могъ простить своему шурину того, что

онъ далъ странѣ конституцію и законодательныя палаты. Это была главная причина предпочтенія, которое императоръ оказывалъ Австріи, но которое вскорѣ смѣнилось совершенно иными чувствами. Всѣ его разговоры съ представителями короля въ Петербургѣ, его переписка съ шуриномъ, его бесѣды съ нимъ во время ихъ свиданій вертѣлись около этой темы.

Австрія, при управленіи министерствомъ княземъ Шварценбергомъ, вернулась къ абсолютизму, который уничтожилъ конституцію, данную послѣ революціи въ Вѣнѣ. Конституція эта врядъ ли могла бы упрочиться въ государствѣ, состоявшемъ изъ множества разнородныхъ національностей, которыя относились другъ къ другу враждебно. Царь выразилъ желаніе, чтобы его шурина поступилъ точно также по отношенію къ прусской конституціи, хотя положеніе Пруссіи было совершенно иное. Императоръ возобновилъ свои домогательства въ маѣ мѣсяцѣ 1851 г. во время посѣщенія королемъ Варшавы.

Царственные родственники не видѣлись со времени событій 1848 г. Ихъ встрѣча, по свидѣтельству лицъ королевской свиты, была чрезвычайно трогательная. Вначалѣ, царь избѣгалъ говорить о прошломъ, которое лежало у него на сердцѣ.

— Я не хочу вызывать короля на непріятный разговоръ,—сказалъ императоръ генералу Герлаху, адъютанту короля и одному изъ его довѣренныхъ лицъ, стоявшему во главѣ феодальной и реакціонной партіи.

Бесѣдуя съ этимъ генераломъ и какъ бы желая вывѣдать почву, императоръ началъ перечислять ошибки и недочеты прусской политики, начиная съ 1847 г. Потомъ онъ завелъ объ этомъ рѣчь со своимъ шуриномъ, и стараясь наставить его на путь истинный, поставилъ ему на видъ всѣ его либеральныя заблужденія. Король защищался и оправдывался, признавая этимъ за императоромъ право критики и контроля, чѣмъ государь пользовался не стѣсняясь. Король обвинялъ во всемъ своихъ министровъ, которымъ не слѣдовало доводить его до необходимости утвердить конституцію.

— Когда располагаешь такой преданной арміей, какова прусская армія,—возразилъ царь,—никогда нельзя быть вынужденнымъ дѣйствовать вопреки своему желанію.

Король излагалъ дальнѣйшій планъ дѣйствій, который долженъ былъ состоять въ соблюденіи конституціи, но въ то же время въ ограниченіи парламентской свободы органическими законами, основанными на феодальныхъ началахъ.

Императоръ возражалъ, что онъ не считаетъ этотъ образъ дѣйствій предпочтительнѣе конституціи, такъ какъ феодальное собраніе имѣетъ въ сущности тотъ же совѣщательный характеръ. Онъ сѣтовалъ постоянно

въ своихъ бесѣдахъ на то, что король упустилъ удобный моментъ двинуть войско въ Берлинъ, этотъ очагъ демократіи. Другой разъ, императоръ упрекалъ короля за его расточительность на постройки и ставилъ ему въ укоръ огромныя суммы, потраченныя на отдѣлку его дворца въ Санъ-Суси. По его мнѣнію, король могъ употребить эти деньги съ большею пользою на постройку цитадели въ Берлинѣ. Когда король возражалъ, что это дѣлается на его собственныя карманныя деньги, то императоръ отвѣчалъ, что онъ строить Кроунштадскую крѣпость также на свои собственныя средства.

Царь былъ недоволенъ и своимъ зятемъ, прусскимъ прицемъ, зная, что тотъ возставалъ противъ его вліянія на прусскую политику; кромѣ того онъ порицалъ короля за то, что тотъ послалъ своего сына (Фридриха III) съ визитомъ въ Лондонъ прежде нежели въ Петербургъ.

Они разстались примирившись лично, но императоръ не перенесъ своихъ личныхъ чувствъ на почву политики: онъ не былъ убѣжденъ въ желаніи короля порвать съ конституціей. Какъ союзницу онъ предпочиталъ Австрію, что весьма понятно со стороны человѣка, оказавшаго ей услугу. Царь любитъ вспоминать, что его войско спасло, въ 1849 г., династію Габсбурговъ, которой угрожало венгерское возстаніе.

Визитъ, отданный императоромъ королю Фридриху-Вильгельму въ маѣ мѣсяцѣ 1852 г., былъ, съ точки зрѣнія политики, дополненіемъ свиданія, происходившаго въ Варшавѣ. Царь умышленно замедлилъ пріѣздомъ въ Берлинъ, а прибылъ туда по закрытіи палаты, не желая, какъ онъ заявилъ во всеуслышаніе, находиться тамъ одновременно съ парламентомъ. Бесѣдуя съ королемъ, министрами и вліятельными лицами, онъ настаивалъ на необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ реакціи.

— Необходимо рано или поздно развязаться съ конституціей,—говорилъ онъ министру Мантейфелю;—иначе Пруссія будетъ погублена и онъ, царь, будетъ знать какую Пруссію онъ оставитъ въ сосѣдки своему преемнику. Положимъ, король присягнулъ конституціи, но эта присяга не связываетъ его въ такой степени какъ клятва, которую монархи произносятъ при вступленіи на престолъ.

Король еще разъ пытался успокоить царя обѣщаніемъ, что онъ будетъ дѣйствовать хотя медленно, но опредѣленно въ реакціонномъ духѣ и достигнетъ со-временемъ намѣченной цѣли. Впрочемъ, при свиданіи въ Берлинѣ, еще болѣе нежели въ Варшавѣ, происходили самыя горячія увѣренія дружбы, рассчитанныя какъ нельзя лучше на то, чтобы повліять на общественное мнѣніе. Подобно тому, какъ король прусскій обратился въ Варшавѣ съ рѣчью къ русскимъ офицерамъ, хваля ихъ за храбрость и преданность императору, такъ и послѣдній, пріѣхавъ въ Берлинъ, обратился съ рѣчью къ прусскимъ генераламъ, выразивъ имъ свое удовольствіе по поводу ихъ поведенія во время революціон-

наго кризиса. Король, чрезвычайно растроганный, говорилъ, что этотъ отзывъ и похвала императора составляютъ для нихъ лучшую награду. На парадномъ обѣдѣ король предложилъ тостъ за здоровье императора, сказавъ громкимъ голосомъ: «Отъ моего имени, отъ имени моей арміи и отъ имени всѣхъ вѣрноподанныхъ пруссаковъ, пью за здоровье его величества императора Россійскаго. Да сохранить его Господь на благо страны, которую Онъ даровалъ ему въ наслѣдіе, и на благо нашего времени, для котораго онъ такъ необходимъ». Энтузіазмъ короля, не раздѣляемый прусскимъ обществомъ, сообщился святѣ императора, гордившейся тѣмъ, что ея монархъ пользовался такимъ уваженіемъ со стороны короля прусскаго.

— Какой замѣчательный человекъ нашъ императоръ!—воскликнулъ съ гордостью баронъ Будбергъ,—гдѣ бы онъ ни показался, въ немъ всегда виденъ монархъ.

Производя, передъ отъѣздомъ изъ Берлина, смотръ своему кирасирскому Бранденбургскому полку, императоръ распѣловалъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Впрочемъ, императоръ былъ не особенно доволенъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, что онъ и высказалъ, по возвращеніи въ Петербургъ, прусскому посланнику, генералу Рохову, который пользовался его особымъ довѣріемъ. Государь былъ вполне откровененъ съ этимъ генераломъ и повѣрялъ ему самыя сокровенныя тайны, о которыхъ зачастую не зналъ даже графъ Нессельроде. Благодаря этой задушевной дружбѣ, прусскому генералу не разъ удавалось успокоить императора, вѣчно недовольнаго нерѣшительной и колеблющейся политикой своего шурина. Саксонскій дипломатъ, графъ Фицтумъ, бывший повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, также слышалъ изъ устъ императора отзывы не особенно лестные для Фридриха-Вильгельма.

Онъ рассказывалъ молодому дипломату о своемъ посѣщеніи разныхъ дворовъ Германіи и между прочимъ Берлина, который произвелъ на него самое дурное впечатлѣніе. Тщетно старался Фицтумъ успокоить его раздраженіе, преувеличивая добрыя намѣренія и личныя качества короля.

— Богъ съ ними, съ его хорошими качествами,—возразилъ императоръ;—что же касается его добрыхъ намѣреній, то я вамъ говорю, онъ никогда не знаетъ, чего онъ хочетъ. Это королю не подобаетъ, онъ роняетъ свое достоинство.

При этомъ императоръ высказалъ свое неудовольствіе по поводу прусской конституціи.

— Знайте же,—продолжалъ онъ,—что вы живете на вулканѣ, точно такъ-же, какъ и мы; насъ всѣхъ связываетъ круговая порука. У насъ у всѣхъ одинъ общій врагъ,—революція. Если ее будутъ приглублять, какъ это дѣлаютъ въ настоящее время въ Берлинѣ, то пожаръ

охватить всѣхъ. Пока я живъ, никто не пошевелится, ибо я солдатъ; мой шуринъ имъ никогда не былъ.

Посѣщеніе Берлина царемъ имѣло послѣдствіемъ, что внутренняя политика Пруссіи вступила еще рѣшительнѣе на ретроградный путь. Въ этомъ отношеніи король и его совѣтники сдержали свои обѣщанія. Конституція не была уничтожена, но ее измѣнили, возстановивъ рядомъ съ палатами старинныя провинціальныя собранія, чисто феодальнаго состава, коимъ были дарованы привилегіи, нарушавшія конституціонныя права парламента. Права, данныя народу, были ограничены, пресса, въ особенности, подвергалась стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Принимая всѣ эти мѣры, прусское правительство заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы заслужить одобреніе русскаго императора. Оно запрещало газетамъ отзываться въ непріязненныхъ выраженіяхъ о Россіи и преслѣдовало тѣ изданія, которыя хвалили прусскаго принца, расходившагося, какъ мы видѣли, во взглядахъ съ русскимъ императоромъ.

Внѣшняя политика Пруссіи была также въ рукахъ русскаго царя. Принудивъ ее дважды прекратить враждебныя дѣйствія противъ Даніи и подписать миръ почти безъ всякихъ условій, онъ заставилъ короля отказаться отъ дальнѣйшаго содѣйствія престарѣлому герцогу Аугустенбургскому, коего владѣтельныя права на герцогство были признаны имъ въ 1848 г. Въ этомъ, крайне сложномъ вопросѣ о престолонаслѣдіи, русскій императоръ не допускалъ никакихъ компромиссовъ. Онъ ссылаясь на то, что Россія приняла на себя въ XVIII столѣтіи гарантію правъ датскаго королевскаго дома; и что герцогъ Аугустенбургскій и его семья утратили всѣ свои права вслѣдствіе того, что герцогъ поднялъ знамя мятежа. Самымъ вѣскимъ аргументомъ, опредѣлившимъ политику императора по отношенію къ Пруссіи, было то, что расширеніе этой державы вдоль побережья Балтійскаго моря и ея развитіе въ качествѣ морской державы не соотвѣтствовали интересамъ Россіи. Императоръ Николай не хотѣлъ допустить мысли, чтобы Кильская гавань перешла во владѣніе Пруссіи, и поэтому хотѣлъ усилить Данію, владѣвшую этимъ портомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ключами къ Балтійскому морю. Франція дѣйствовала въ этомъ вопросѣ въ полномъ согласіи съ Россіей: принцъ Людовикъ-Наполеонъ, видя, что всѣ его предложенія отвергнуты королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, не имѣлъ никакого желанія быть ему пріятнымъ въ вопросѣ о герцогствахъ. Англія, третья изъ державъ, подписавшихъ договоръ о гарантіи датскихъ владѣній, была уступчивѣе: принцъ Альбертъ и королева Викторія симпатизировали Германіи.

Министерство лорда Пальмерстона вначалѣ отнеслось сочувственно къ принцу Аугустенбургскому; но во время столкновенія Англіи съ Греціей ему пришлось имѣть дѣло съ Россіей, которая мѣшала англійской

политикѣ на Востокѣ. Этого было достаточно для того, чтобы лордъ Пальмерстонъ отказался подписать, въ 1850 г., протоколъ, предложенный императоромъ Николаемъ, коимъ склонялъ онъ державы заступиться за цѣлость датской монархіи, т. е. за соединеніе королевства и герцогствъ подъ однимъ скипетромъ.

Вслѣдствіе секретнаго соглашенія, заключеннаго съ Англіей, лондонскій кабинетъ подписалъ означенный протоколъ 9-го августа 1850 г. Императоръ этимъ не удовольствовался, онъ хотѣлъ привлечь къ участию въ протоколѣ Австрію,—что не представляло особеннаго затрудненія, послѣ услугъ, оказанныхъ этой державѣ Россіей. Гораздо труднѣе было привлечь къ нему Пруссію, вслѣдствіе личныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя королемъ прусскимъ, и несочувствія, съ коимъ относилось къ этому договору общественное мнѣніе. Слѣдовательно, прежде всего надобно было подѣйствовать на Фридриха-Вильгельма,—царь не упустилъ этого изъ вида. Свиданіе въ Варшавѣ представило къ тому прекрасный случай. Монархи съѣхались туда не съ тѣмъ, чтобы обсуждать вопросы политики: празднества слѣдовали за празднествами, всѣ только и думали объ удовольствіяхъ, когда, въ одинъ прекрасный день, въ Варшаву пріѣхалъ датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ридцъ.

Со времени подписанія лондонскаго протокола 1850 г., копенгагенскій дворъ, весьма естественно, былъ озабоченъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи. Рѣшивъ, въ принципѣ, что герцогства должны быть неразрывно связаны съ Даніей и будутъ находиться съ нею подъ властью одного монарха, надобно было избрать преемника королю Фридриху VII, который былъ бездѣтенъ и не имѣлъ наслѣдниковъ мужскаго пола. Выборъ, съ согласія русскаго императора, палъ на герцога Христіана Шлезвигъ-Голштейнъ-Глюксбургскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что г. Ридцъ отправился въ Варшаву не иначе, какъ съ предварительнаго согласія императора Николая. Онъ пріѣхалъ въ благопріятный моментъ. Король прусскій, неоднократно заслуживавшій порицаніе своего царственнаго родственника за свои либеральныя начинанія, не могъ особенно долго противиться энергично выраженному желанію императора Николая, чтобы Пруссія присоединилась къ лондонскому протоколу, со всеми его послѣдствіями. Герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій, подавшій королю, до его поѣздки въ Варшаву, странную записку, въ которой онъ защищалъ права герцога Аугустенбургскаго, получилъ на эту записку отвѣтъ долгое время спустя, уже изъ Варшавы. Настоянія царя подѣйствовали. Король высказалъ герцогу, что «въ сохраненіи цѣлости датской монархіи заинтересована вся Европа». Признавъ это принципиально, королю было не трудно согласиться на признаніе наслѣдственныхъ правъ герцога Глюксбургскаго. Благодаря

покровительству императора Николая этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Даніи.

Договоръ, заключенный въ Лондонѣ 8-го мая 1852 г., подтвердилъ обязательства, принятые на себя монархами въ Варшавѣ, и увѣнчалъ всѣ старанія царя.

Императоръ Николай имѣлъ рѣшающее вліяніе на прусскаго короля еще по другому, гораздо болѣе серьезному вопросу, — о признаніи второй французской имперіи. Великія континентальныя державы отнеслись къ государственному перевороту 2-го декабря 1851 г. весьма сочувственно: онъ былъ совершенно въ духѣ ихъ реакціонной и абсолютистской политики. Къ тому же императоръ Николай первое время заблуждался насчетъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Людовикомъ-Наполеономъ. Онъ готовъ былъ признать его диктатуру, даже присвоеніе имъ консульскаго званія, лишь бы консульство не превратилось въ имперію, ибо императоръ стоялъ за права Генриха V-го и воображалъ въ первый моментъ, что президентъ французской республики постарается возстановить законную династію. Понявъ свою ошибку онъ сталъ настаивать на томъ, чтобы король прусскій не медлил реорганизаціей арміи, признанной необходимою послѣ мобилизаціи 1850 г. Между дворами началась по этому поводу оживленная переписка. Съ своей обычной впечатлительностью, выказанной при подобныхъ обстоятельствахъ въ 1830 и 1848 гг., во время іюльской и февральской революціи, король серьезно подумывалъ произвести коллективно демонстрацію противъ будущей французской имперіи и, имѣя онъ надежду добиться гарантіи своихъ владѣній, весьма вѣроятно онъ не отступилъ бы передъ войною съ французскимъ императоромъ. Совѣты императора Николая охладили его пылъ. «Необходимо, писалъ императоръ въ запискѣ, препровожденной королю, шадить щекотливость французовъ и не возбуждать безъ всякаго повода вражду этого народа къ его сосѣдямъ. Не слѣдуетъ дѣлать военныхъ демонстрацій и затѣвывать ссоры изъ-за титула», какъ предлагалъ король, поддерживаемый въ этомъ своими ближайшими совѣтниками. «Надобно держать себя спокойно, избѣгать безъ надобности вызывательнаго образа дѣйствій по отношенію къ Людовику-Наполеону и въ то же время повторять ему, при всякомъ удобномъ случаѣ, что мы уважаемъ договоры и твердо намѣрены соблюдать ихъ». Припоминая эти мудрые совѣты, коимъ послѣдовалъ король прусскій и прочіе дворы, послѣ того какъ была провозглашена вторая имперія, невольно удивляешься, что царь не пожелалъ въ послѣдствіи соблюсти общепринятую форму письма, и подаль этимъ Наполеону III поводъ къ войнѣ, которая положила конецъ преобладающей роли Россіи въ Европѣ.

Вліяніе Россіи дѣйствительно было огромное въ 1852 г.: ей подчинялись и ее признавали всѣ монархи, всѣ государственные люди Европы;

апогеемъ ея былъ лондонскій трактатъ 1852 г. Генераль Роховъ, прусскій посланникъ въ Петербургъ, превозносилъ русскую политику, которая сдѣлала императора Николая по праву властителемъ Европы. «Преобладаніе Россіи, пишетъ съ грустью генераль Герлахъ, есть послѣдствіе жалкой политикой Пруссіи». Въ Берлинѣ, на императора Николая смотрѣли какъ на высшее существо; то же можно сказать и по отношенію къ большинству германскихъ дворовъ. Въ Англіи сообразовались съ его желаніями, а во Франціи старались поддержать въ немъ благопріятное настроеніе. Когда онъ послѣ Венгерской кампаніи заставилъ Австрію и Пруссію преклониться въ Ольмюцѣ передъ его рѣшеніемъ, неудивительно, что онъ сталъ смотрѣть на монарховъ этихъ двухъ государствъ, не какъ на союзниковъ, а чуть не какъ на вассаловъ. Въ 1852 г. баварскій король Максимиліанъ, въ разговорѣ съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что онъ не видѣлъ царя, «имѣвшаго самый вліятельный голосъ въ Германіи и который одинъ можетъ заставить Пруссію отказаться отъ политики, поддерживающей революцію въ Германіи». «Въ дни моей молодости, писалъ баронъ Штокмаръ, на континентѣ властвовалъ Наполеонъ; въ настоящее время его мѣсто занялъ, кажется, императоръ Николай, диктующій законы Европѣ, съ тою разницею, что вмѣсто того, чтобы воевать, онъ поддерживаетъ свою диктатуру угрозами».

«Въ настоящее время, писалъ въ январѣ мѣсяцѣ 1852 г. принцъ Альбертъ, супругъ англійской королевы, своему брату, царствующему герцогу Саксенъ-Кобургскому, императоръ Николай—полновластный властитель Европы; Австрія—его орудіе, Пруссія—имъ одурачена, Франція—ничтожна, Англія—не имѣетъ ровно никакого значенія, такъ какъ ея вѣдшей политикой руководитъ человѣкъ безнравственный (лордъ Пальмерстонъ)».

VII.

Виды императора Николая I на Турцію.—Восточный вопросъ и участіе въ немъ Франціи и Англіи.—Объявленіе войны Турціи.—Положеніе, занятое Пруссіею по отношенію къ Россіи, Австріи, Франціи и Англіи.—Кончина императора Николая I и вступленіе на престолъ Александра II.—Парижскій мирный трактатъ 1856 г.

Видя себя до нѣкоторой степени властителемъ Запада, императоръ Николай перенесъ мыслію на Востокъ, гдѣ онъ надѣялся приступить къ осуществленію политическихъ видовъ императрицы Екатерины и быть можетъ выполнить ихъ окончательно. Онъ видѣлъ, что Турція,

какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, была чрезвычайно слаба и полагалъ, что ее безъ труда удастся раздѣлить, давъ нѣкоторымъ провинціямъ автономное управленіе подъ главенствомъ Россіи и предоставивъ другія ея части алчности союзниковъ. Онъ открылъ свои планы британскому кабинету, обсуждая съ нимъ вопросъ о наслѣдствѣ «больнаго человѣка» и предлагая ему Египетъ и Критъ въ вознагражденіе за поддержку Россіи. Въ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ, сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ, императоръ прямо высказалъ, что если обѣ державы будутъ дѣйствовать согласно, то нѣтъ никакого основанія ожидать съ чьей либо стороны оппозиціи. Франція, въ то время, не казалась ему особенно опасной. Когда посланникъ намекнулъ ему объ Австріи и Пруссіи — о послѣдней царь даже не упоминалъ — то Николай I только улыбнулся при мысли, что эти державы могли бы отдѣлиться отъ него. Предложенія императора были отвергнуты Англіей разумѣется не потому, чтобы она желала охранить цѣлость Оттоманской Имперіи, но потому, что она опасалась возраставшаго могущества и расширенія Россіи. — Предложенія Россіи точно также были отвергнуты и французскимъ правительствомъ, которое узнало о нихъ чрезъ своего посланника въ Петербургѣ. Стараясь упрочить существованіе только что возникшей имперіи, Наполеонъ считалъ умѣстнымъ искать поддержки въ Англии и слѣдовать ея политикѣ.

Преслѣдуемый своей неотступной идеей, царь рѣшилъ обратиться къ своимъ старымъ союзникамъ, Австріи и Пруссіи, которыхъ онъ считалъ вполне послушными. Австрія была не прочь присоединиться къ его проекту, подъ условіемъ чтобы въ немъ участвовала Пруссія. Тогда Николай обратился къ своему шурину, на поддержку котораго онъ вполне рассчитывалъ, но получилъ уклончивый отвѣтъ. Какъ Пруссія такъ и Германія были весьма мало заинтересованы въ дѣлахъ Востока, и обѣ не желали вмѣшиваться въ эти дѣла безъ особенной надобности. Прусскій король уклонился отъ приглашенія царя пріѣхать на свиданіе въ Варшаву, и тогда императоръ Николай самъ пріѣхалъ въ Берлинъ. Поѣздка эта не увѣнчалась успѣхомъ, и берлинскій кабинетъ желалъ сохранить нейтралитетъ. Съ другой стороны, не допуская мысли о возможности англо-французскаго союза, который король Прусскій называлъ «кровосмѣнительнымъ», царь скоро узналъ, что такой союзъ уже заключенъ. Лордъ Пальмерстонъ готовъ былъ во всемъ слушаться Наполеона III, а послѣдній не могъ забыть рѣзкихъ словъ, сказанныхъ Николаемъ во время его президентства, точно также какъ онъ принялъ къ свѣдѣнію отказъ государя назвать его «братомъ». Кромѣ того императоръ французовъ, желая передѣлать карту Европы 1815 г., нашелъ этотъ случай удобнымъ, чтобы оскорбить державу, которая была душою Священнаго союза. Онъ хотѣлъ замѣнить влияніе Николая своимъ собственнымъ.

— Мы сдѣлали его императоромъ — говорилъ графъ Валевскій, французскій посланникъ въ Лондонѣ, — теперь мы сдѣлаемъ его властителемъ судебъ міра.

У императора Николая было еще два врага: въ Константинополѣ, лордъ Стратфордъ Редклифъ, котораго онъ отказался принять посланникомъ въ Петербургъ, и въ Вѣнѣ — графъ Буоль, занявшій мѣсто князя Шварценберга въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, который не могъ похвалиться приѣмомъ царя въ то время, когда онъ былъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. Такимъ образомъ Англія и Франція, вопреки его ожиданію, соединились противъ него. Австрія и Пруссія готовили ему подобное же разочарованіе. Всѣ эти тревожные симптомы, всѣ эти препятствія не могли заставить его отказаться отъ его властолюбивой мечты. Онъ скрывалъ случившееся отъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ: Нессельроде, Орлова и др., которые, узнавъ объ этомъ, умолили его не начинать войны; но все было напрасно и война Турціи была объявлена.

Пруссія и прочіе государства Германскаго Союза, не будучи лично заинтересованы въ дѣлахъ Востока, могли бы воспрепятствовать этой войнѣ, но король прусскій остался совершенно индифферентенъ въ политическихъ событіяхъ. Въ сущности онъ не одобрялъ объявленіе войны Турціи, но съ другой стороны, изъ религіозныхъ побужденій онъ сочувствовалъ этой войнѣ, какъ крестовому походу противъ невѣрныхъ, въ пораженіи которыхъ онъ ни мало не сомнѣвался. Его приближенные и вся аристократія Берлина были противъ Англіи и за Россію; въ этихъ кружкахъ восхваляли Россію, а къ Англіи относились съ пренебреженіемъ, чтобы не сказать враждебно. Герлахъ, Гребенъ, Клейстъ, не считая Бисмарка, только что назначеннаго прусскимъ посланникомъ при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, были руководителями русской партіи, не особенно большой численностью, но имѣвшей огромное вліяніе на дворянство и на армію. При ихъ посредствѣ русское посольство въ Берлинѣ получало самыя секретныя сообщенія и узнавало даже государственныя тайны.

— Вся Пруссія у меня въ карманѣ, восклицалъ иногда баронъ Будбергъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ.

Рядомъ съ этой партіей возникла партія западниковъ, державшая сторону Англіи, а слѣдовательно и Франціи. Во главѣ этой партіи, которой покровительствовалъ принцъ прусскій (Вильгельмъ I) мы видимъ президента совѣта Мантейфеля и всѣхъ друзей принца. Анти-русскія симпатіи привлекли къ нему всѣхъ либераловъ, которые сочувствовали англо-французскому союзу и дѣлали все возможное, чтобы умалить русское вліяніе въ Берлинѣ и заставить прусское правительство примкнуть къ австрійской политикѣ, которая склонялась на сторону запад-

ныхъ державъ. Вся прусская пресса относилась враждебно къ Россіи; нѣкоторые ея органы требовали возстановленія Польши; въ этомъ смыслѣ была напечатана масса брошюръ. Ихъ авторовъ преслѣдовали по повелѣнію короля, но не могли заставить замолчать. Король рѣшилъ соблюдать нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока Россія не подвергнется нападению; въ такомъ случаѣ, говорилъ онъ, выражаясь образно, «я буду дудкой рядомъ съ русскимъ барабаномъ».

Этими словами опредѣлилась роль, которую онъ игралъ во все продолженіе Крымской кампаніи. Но вмѣсто того чтобы держаться ея откровенно, онъ поддался вліянію окружающихъ и позволилъ имъ преувеличить эту роль и подать императору Николаю такія обѣщанія, о коихъ онъ и самъ почти не зналъ и которыя, во всякомъ случаѣ, не думалъ исполнить. Въ началѣ онъ заключилъ договоръ съ остальными тремя державами, намѣреваясь предложить Россіи извѣстныя условія, но когда царь ихъ отвергъ, то король отказался примкнуть къ Австріи, которая присоединилась съ этого момента къ западнымъ державамъ. Такимъ образомъ король выводилъ изъ терѣвнія эти державы, въ особенности Англію, не дѣлая въ то же время угоднаго и своему зятю. Королева Викторія и принцъ Альбертъ написали ему письма, преисполненные упрековъ. Царь, со своей стороны, неоднократно сомнѣвался въ искренности короля. Онъ выходилъ изъ себя, видя какимъ непостоянствомъ отличались всѣ поступки берлинскаго кабинета.

— Онъ встаетъ по утру русскимъ, а ложится спать англичаниномъ, говорилъ Николай про короля прусскаго.

Приближенные государя сочиняли всевозможныя эпиграммы на «короля-поэта», какъ называлъ его царь, и обвиняли его совѣтниковъ въ слабости. Тѣмъ временемъ сторонники Россіи при берлинскомъ дворѣ усердно дѣйствовали противъ западной политики и оказывали царю самыя важныя, самыя деликатныя услуги. Въ февралѣ мѣсяцѣ одинъ изъ военныхъ не побоялся сообщить въ Петербургъ планъ мобилизаціи прусской арміи; когда отъ него потребовали объясненій по этому поводу, то онъ сказалъ въ свое оправданіе, что онъ полагалъ, что между Пруссіей и Россіей не существуетъ болѣе тайнъ.

Въ Лондонѣ, г. Бунзенъ, прусскій посланникъ и личный другъ короля, говорилъ и дѣйствовалъ въ такомъ тонѣ, какъ будто его правительство собиралось принять участіе въ дѣйствіяхъ западныхъ державъ. Онъ позволилъ себѣ держать такія рѣчи, которыя, дойдя до слуха другихъ дворовъ, произвели глубокую сенсацію. Однажды онъ приписывалъ двумъ союзнымъ державамъ проектъ изгнать Россію изъ Европы въ Азію. Исходя изъ этого онъ составилъ цѣлый планъ раздѣленія Россійской имперіи, изложивъ свои мысли въ пространной запискѣ, предназначавшейся для прочтенія только королемъ. Въ то время какъ этотъ документъ дошелъ по назначенію,

копія съ него была сообщена однимъ доброжелателемъ русскому посланнику, который поспѣшилъ довести ее до свѣдѣнія своего монарха. Другимъ противникомъ Россіи былъ генераль Бонинъ, военный министръ, другъ прусскаго принца, принимавшій дѣятельное участіе въ реорганизациі прусской арміи. Онъ не скрывалъ своихъ чувствъ и совершенно серьезно считалъ возможнымъ совмѣстныя дѣйствія Австріи и Пруссіи противъ Россіи. Чаша долготерпѣнія петербургскаго кабинета была переполнена. Императоръ приказалъ переименовать полки, носившіе имена прусскихъ монарховъ и принцевъ; великіе князья и высшіе чины двора перестали носить прусскіе ордена. Не ограничиваясь этимъ императоръ Николай, потребовалъ отозванія Бунзена и отставки Бонина, угрожая въ противномъ случаѣ «разрывомъ». Король согласился исполнить это требованіе противъ воли. Записка Бунзена поразила его. «Мой кавалеръ сошелъ съ ума!» воскликнулъ онъ, читая сумасбродныя фантазіи своего министра. Онъ полагалъ что государь будетъ удовлетворенъ, если онъ уволитъ Бунзена въ продолжительный отпускъ, но императоръ на это не согласился: обоихъ противниковъ Россіи пришлось уволить въ отставку.

Несмотря на всѣ эти непріятности, король все еще старался успокоить парижскій и лондонскій кабинеты. Наполеонъ III держалъ себя спокойно, въ примирительномъ духѣ и выслушивалъ съ видимою благосклонностью успокоительныя вещи, которыя представители говорили ему въ Парижѣ и которыя самъ король говорилъ въ Берлинѣ французскому посланнику, маркизу де-Мустье. Фридрихъ-Вильгельмъ старался объяснить послѣднему, что интересы Пруссіи совершенно отличны отъ интересовъ западныхъ державъ и Австріи; что онъ умолялъ императора Николая признать Вѣнскій договоръ, подписанный державами; но что онъ не можетъ порвать узъ родства, существующихъ сорокъ лѣтъ. Всякій долженъ принести какую-нибудь жертву, говорилъ онъ; союзники не возьмутъ ни Кронштадта, ни Севастополя, такъ какъ эти крѣпости неприступны: каково же будетъ положеніе Наполеона, ежели французская армія понесетъ пораженіе! Если императоръ Николай окажется несговорчивъ, если Франція предъявитъ слишкомъ неумѣренныя требованія, то король «уйдетъ въ свою раковинку».

Съ лондонскимъ кабинетомъ онъ говорилъ совершенно инымъ языкомъ. Король одобрялъ Англію, которая противилась завоеванію Турціи русскими, и осуждалъ своего зятя, который своей крайней политикой внесъ смуту въ западную Европу. Онъ старался доказать, что его нейтралитетъ будетъ полезнѣе Англіи, нежели посылка 300.000 прусской арміи противъ Россіи, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи явиться посредникомъ при заключеніи мира. Но, спѣшилъ онъ прибавить, Англія и Франція, желая обезпечить себѣ его нейтралитетъ, должны гарантиро-

вать цѣлость его владѣній, заставивъ возвратить ему Невшатель и дать Пруссіи возможность, при случаѣ, вернуться къ прежней политикѣ, отъ которой ей пришлось отказаться въ Ольмюцѣ. Король руководствовался при этомъ совѣтами своего посланника во Франкфуртѣ, Бисмарка, который, во-первыхъ, былъ на сторонѣ Россіи противъ западныхъ державъ и Австріи, а во-вторыхъ — стоялъ за прямое соглашеніе съ западными державами въ ущербъ Австріи или за соглашеніе съ Австріей, но съ условіемъ, чтобы послѣдняя предоставила Пруссіи первое мѣсто во Франкфуртѣ. Король старался разувѣрить королеву Викторію въ томъ, что онъ сочувствуетъ Россіи; онъ утверждалъ — даже черезчуръ горячо — что русская партія въ Берлинѣ существуетъ только на столбцахъ «Крестовой Газеты», и что императоръ Николай предлагалъ ему заключить съ Австріей договоръ о нейтралитетѣ подъ покровительствомъ Россіи, но онъ отказался отъ этого. Лондонскій кабинетъ и англійскій дворъ не удовлетворились этими объясненіями; претензіи короля по поводу предложеннаго имъ нейтралитета были отвергнуты съ презрѣніемъ; королю долго не могли простить его образа дѣйствій. Къ тому же, приближенные короля держали себя такъ, какъ будто Пруссія заключила союзъ съ Россіей. Обнаруженіе государственныхъ тайнъ Пруссіи вошло въ обыкновеніе: эти поступки стали походить на измѣну. Бисмаркъ, находившійся во Франкфуртѣ, сносился съ королемъ о дѣлахъ непосредственно, помимо своего начальника Мантейфеля. Онъ отговаривалъ Германскія союзныя государства отъ намѣренія дѣйствовать заодно съ Австріей.

— Мы можемъ сойтись съ этой державою только для того, говорилъ онъ, чтобы не дать ей напасть на Россію. Если Пруссія будетъ дѣйствовать противъ Россіи, то ей придется со-временемъ пожалѣть объ этомъ: она будетъ этимъ способствовать заключенію союза между Россіей и Франціей, который навѣрно со-временемъ будетъ заключенъ этими державами, несмотря на то, что онъ теперь воюютъ.

Бисмаркъ выступалъ на Германскомъ Сеймѣ противъ всѣхъ предложеній Австріи, клонившихся къ пользѣ западныхъ державъ; когда же ему приходилось принимать ихъ, то онъ старался своими официальными разъясненіями отнять у нихъ характеръ враждебный Россіи. Обо всемъ происходившемъ на Сеймѣ онъ сообщалъ русскому посланнику во Франкфуртѣ, Глинкѣ. Были моменты, когда его поведеніе вызвало жалобы лондонскаго и парижскаго кабинетовъ и когда Мантейфель даже былъ вынужденъ высказать ему свое неодобреніе.

Прижатый, съ одной стороны, западными державами, а съ другой Россіей, вынужденный прислушиваться къ общественному мнѣнію въ Германіи, боясь чтобы Австрія не извлекла пользы изъ непопулярности, какой начинала пользоваться Пруссія, вслѣдствіе того что она дру-

жила съ Россіей, король долженъ былъ наконецъ сдѣлать важную уступку своимъ союзникамъ, подписавъ 20-го апрѣля 1854 года съ Австріей договоръ, въ силу котораго обѣ державы гарантировали другъ другу взаимно цѣлость ихъ владѣній и въ то же время постановили начать войну съ Россіей, если она захочетъ овладѣть турецкими провинціями на лѣвомъ берегу Дуная или перейти Балканы и двинуться на Константинополь. Сдѣлавъ этотъ шагъ, онъ тотчасъ поспѣшилъ извиниться передъ императоромъ. Разумѣется, писалъ онъ, этотъ договоръ имѣетъ въ виду болѣе прусскіе и германскіе интересы, нежели выгоды Россіи, но можетъ ли императоръ осуждать его за это? Союзъ между Пруссіей и Россіей существуетъ попрежнему, писалъ онъ императору 2-го мая 1854 г. и высказывалъ въ то же время свою антипатію къ Франціи и революціи, въ чемъ онъ разсчитывалъ найти всегда откликъ въ сердцѣ своего зятя. «Богъ, прибавлялъ онъ, не судилъ намъ въ настоящую минуту сражаться бокъ-о-бокъ съ оружіемъ въ рукахъ, но будетъ ждать *in sancta patientia*, что этотъ день современемъ настанетъ».

Несмотря на эти увѣренія, императоръ былъ крайне недоволенъ поведеніемъ короля по поводу договора съ Австріей, но увѣренный въ томъ, что его шурина никогда не обнажитъ меча противъ него, онъ примирился съ этимъ фактомъ.

«Пусть король держитъ себя независимо по отношенію къ западнымъ державамъ, писалъ императоръ Николай, это лучше послужитъ дѣлу мира, нежели его заступничество передо мною за ихъ несправедливыя претензіи.

«Подобная политика согласуется съ интересами Пруссіи, писалъ императоръ королю, а также съ интересами Германіи, коей вы являетесь, въ этомъ случаѣ, представителемъ въ Европѣ». Въ Пруссіи рѣшительно всѣ, само-собою разумѣется за исключеніемъ русской партіи въ Берлинѣ, одобряли заключеніе договора съ Австріей. Особенно этимъ былъ доволенъ принцъ прусскій. Онъ былъ обиженъ отставкою Бонина и другихъ друзей своихъ, выразивъ королю свое неудовольствіе въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ; за это письмо онъ получилъ приказаніе оставить Берлинъ. Съ тѣхъ поръ, онъ держался вдали отъ дѣлъ, но несмотря на свою антипатію къ Австріи, въ своихъ частныхъ бесѣдахъ постоянно высказывалъ желаніе, чтобы Пруссія присоединилась къ своей соперницѣ и предписала Россіи миръ.

Въ то время принцъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ англійскому двору, съ которымъ его сынъ долженъ былъ вскорѣ соединиться узами брака. Правильная переписка, которую велъ съ нимъ принцъ Альбертъ, супругъ королевы Викторіи, имѣла на него, разумѣется, огромное вліяніе. Съ другой стороны онъ опасался за Германію, полагая, что, въ случаѣ побѣды, Наполеонъ III воспользуется этимъ для того, чтобы передрѣлать карту Европы. Если Пруссія и Германія

будутъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англіей, думалъ онъ, то онъ не пострадаютъ отъ этихъ проектовъ. Эти опасенія поддерживались принцемъ Альбертомъ. Въ Лондонѣ было извѣстно, что князь Горчаковъ, въ бытность русскимъ посланникомъ въ Штутгартѣ, намекалъ французскому посланнику, что Франція могла бы получить изъ рукъ Петербурга Рейнъ: это былъ намекъ на союзъ между Россіей Франціей и Пруссіей, по которому Франція получила бы лѣвый берегъ Рейна, а Пруссія могла рассчитывать на вознагражденіе за счетъ мелкихъ государствъ Германіи, а именно Саксоніи и ГанOVERA.

Русская партія въ Берлинѣ одобряла этотъ планъ: феодалы и истые протестанты какъ нельзя болѣе сочувствовали проекту, который, окружая Пруссію, освобождалъ ихъ отъ революціонныхъ и клерикальных элементовъ Прирейнскихъ провинцій. Съ другой стороны, императоръ Наполеонъ, въ продолженіе войны, видя крайне нерѣшительное состояніе короля прусскаго и второстепенныхъ государствъ Германіи, далъ понять нѣмецкимъ принцамъ и дипломатамъ, что если война затянется, то она легко можетъ коснуться центральныхъ государствъ Европы. Въ Парижѣ обсуждался вопросъ о томъ, чтобы провести французскую армію черезъ Германію, вторгнуться въ польскія провинціи Россіи и этимъ вознаградить себя за неудачныя дѣйствія флота въ Балтійскомъ морѣ. Всѣ эти опасенія терзали прусскаго принца; онъ осуждал русскую политику своего брата, одобряя въ то же время заключеніе австро-прусскаго договора, подписаннаго 20-го апрѣля 1854 г., который сблизилъ Пруссію съ западными державами. Зато русская партія была чрезвычайно недовольна этимъ договоромъ. Въ числѣ самыхъ горячихъ сторонниковъ Россіи находился братъ короля, принцъ Карлъ, который съ 1848 г. былъ въ ссорѣ, изъ-за политическихъ убѣжденій, со своимъ старшимъ братомъ, принцемъ прусскимъ. Его сынъ, принцъ Фридрихъ-Карлъ былъ также извѣстенъ своими симпатіями къ Россіи. Получивъ отъ императора Николая поздравленіе по случаю вступленія въ бракъ, молодой принцъ въ отвѣтномъ письмѣ отъ 3-го декабря 1854 г. желалъ царю отъ своего имени и отъ имени всей прусской арміи блестящей побѣды надъ врагами.

«Вся прусская армія, прибавлялъ онъ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ момента, когда она, проливая свою кровь, будетъ въ состояніи доказать на дѣлѣ, искренность своего восторга».

Самая дѣйствительная поддержка Россіи въ 1854 г. и до самаго окончанія войны была оказана въ Германіи Бисмаркомъ, въ то время прусскимъ посланникомъ при германскомъ сеймѣ.

Послѣ подписанія австро-прусскаго договора, можно было ожидать вступленія австрійскихъ войскъ въ Придунайскія княжества съ цѣлью очистить ихъ какъ отъ русскихъ, такъ и отъ турецкихъ войскъ. На это

императоръ Николай очевидно не могъ согласиться, чтобы не потерять своего операціоннаго базиса въ войнѣ противъ Турціи, еще не побѣжденной и продолжавшей упорно защищаться. Поэтому Бисмаркъ и его берлинскіе друзья пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы воспрепятствовать этому. Но король, все болѣе и болѣе склоняясь къ нейтралитету, не желалъ разрыва съ Австріей и войны съ Россіей. Къ тому же онъ одобрялъ мысль очистить отъ войскъ Придунайскія княжества, видя въ этомъ единственное средство придти къ соглашенію съ западными державами и Австріей, и поэтому умолялъ императора согласиться на это.

Между тѣмъ прусскій посланникъ во Франкфуртѣ велъ свою собственную политику, независимо отъ Мантейфеля и даже отъ своего монарха. Онъ подготовлялъ будущую войну съ Австріей, служа въ то же время русской политикѣ. Онъ не имѣлъ тайнъ отъ своего коллеги по дипломатическому корпусу, Глинки, которому онъ сообщалъ всѣ свѣдѣнія, получаемыя изъ Берлина, и депеши, посылаемыя имъ своему двору. Русскіе государственные архивы свидѣтельствуютъ объ этой интимной и довольно оригинальной перепискѣ: русскій кабинетъ и самъ императоръ Николай переписывались черезъ посредство г. Глинки съ Бисмаркомъ.

Начиная съ февраля мѣсяца 1854 г., русскій посланникъ то и дѣло приводилъ своему двору доказательства симпатіи къ Россіи его прусскаго коллеги, который былъ «искренно преданъ союзу съ Россіей, какъ и большинство лицъ его партіи». Онъ мнѣ сказалъ: «Какое намъ дѣло до того, что Россія дѣлаетъ завоеванія въ Турціи, мы не Австрія». Говорить ли это г. Бисмаркъ отъ себя лично или онъ уполномоченъ говорить въ этомъ духѣ? Глинка думалъ, что его собесѣдникъ не ошибался насчетъ намѣреній своего правительства, а если онъ и ошибался, какъ увидимъ, то онъ имѣлъ достаточно вліянія, чтобы въ послѣдній моментъ поставить на своемъ. Дѣйствительно, пріѣхавъ въ Берлинъ въ мартѣ мѣсяцѣ, Бисмаркъ нашелъ короля готовымъ присоединиться, по просьбѣ Австріи, къ западнымъ державамъ. Прусская депеша, долженствовавшая объявить объ этомъ рѣшеніи, была уже готова къ отправленію, но Бисмарку, къ великому неудовольствію Мантейфеля, удалось уговорить короля отвергнуть предложеніе Австріи; король былъ очень доволенъ этимъ исходомъ и отъ избытка чувствъ поцѣловалъ того, кто удержалъ его на краю гибели. Помѣшавъ такимъ образомъ сближенію короля съ западными державами, Бисмаркъ видѣлъ съ неудовольствіемъ, что прусскій кабинетъ заключилъ 20-го апрѣля съ Австріей конвенцію, о которой говорено выше, и постарался смягчить ея послѣдствія самыми смѣлыми происками. Онъ сталъ доказывать королю, что западныя державы замышляютъ возстановить Польшу, присоединивъ

къ ней Галицію, и хотятъ вознаградить Австрію, отдавъ ей Придунайскія княжества, на что Пруссія не могла добровольно согласиться.

Подобныя разсужденія естественно были пріятны императору Николаю; узнавъ объ нихъ изъ депешъ г. Глинка онъ поручилъ ему выразить Бисмарку совершенное свое удовольствіе. Ободренный поощреніемъ императора, Бисмаркъ высказался въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ г. Глинкою еще яснѣе.

— Настанетъ день, — говорилъ Глинка, — когда Франція признаетъ, что ея настоящее мѣсто не возлѣ Англіи, а возлѣ Россіи и Пруссіи.

— Союзъ между Россіей, Пруссіей и Франціей, — отвѣчалъ Бисмаркъ, составляетъ дѣйствительно тотъ политическій идеалъ, о коемъ я давно мечтаю. — Это единственная комбинація, которая могла бы удовлетворить политическія нужды названныхъ государствъ. А вотъ, представьте себѣ, я едва не заслужилъ немилость принца прусскаго за то, что высказалъ эту идею, быть можетъ нѣсколько преждевременно. Я говорилъ съ нимъ объ этомъ недѣль съ шесть тому назадъ, и принцъ нашелъ мою мысль столь неблагоразумной, что написалъ даже Мантейфелю, что ему весьма прискорбно видѣть, что интересы Пруссіи во Франкфуртѣ поручены человѣку со взглядами истаго школьника.

Военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ, и берлинскій кабинетъ соблюдалъ нейтралитетъ, въ сущности доброжелательный для Россіи. Онъ рѣшительно отказался присоединиться къ союзному договору, заключенному 2-го декабря 1854 г. Австріей съ западными державами. Императоръ Николай надѣялся, что королю удастся удержать вѣнскій кабинетъ отъ этого «гнуснаго поступка». «Его апостольское величество, писалъ онъ, сдѣлался отступникомъ по отношенію къ Священному Союзу».

Русская партія въ Берлигѣ, не довольствуясь нейтралитетомъ короля, подала мысль произвести военную демонстрацію на западной границѣ, т. е. въ сторону Франціи, чтобы нѣсколько облегчить положеніе русскихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Она хотѣла даже, чтобы Пруссія объявила войну Австріи, если бы послѣдняя дѣйствительно начала какія-либо враждебныя демонстраціи противъ Россіи.

Среди всѣхъ этихъ событій послѣдовала внезапная кончина императора Николая I. Король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ глубоко огорченъ этимъ извѣстіемъ. Объ его искреннемъ и неподдѣльномъ горѣ свидѣтельствуютъ всѣ его поступки, всѣ его слова и вся его переписка. Но въ то же время, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые изъ его приближенныхъ, онъ какъ будто почувствовалъ нѣкоторое облегченіе — чувство, знакомое людямъ слабохарактернымъ, когда они находились долгое время подъ вліяніемъ человѣка близкаго и энергичнаго и безуспѣшно боролись

противъ его власти, пока смерть друга не предоставила ихъ своей собственной волѣ.

Кончина императора Николая прервала на время переговоры, происходившіе между Пруссіей и западными державами; она принесла большой ущербъ русской партіи въ Берлинѣ. Самъ король выразилъ порицаніе этой партіи, которая, желая выставить его сторонникомъ Россіи, хотѣла, какъ онъ говорилъ, скомпрометировать его. Надобно замѣтить, что король говорилъ это послѣ паденія Севастополя. Онъ обвинялъ тогда Мантейфеля за его дѣйствія, приписывая ему плохое направленіе прусской политики. «За послѣдніе девять мѣсяцевъ, возражалъ министръ, ничего не дѣлалось иначе какъ по повелѣнію вашего величества».

Тотчасъ послѣ кончины императора Николая, король прусскій и вступившій на престолъ племянникъ его, Александръ II, обмѣнялись самыми вѣжливыми письмами. Вдовствующая императрица велѣла передать королю, что послѣднія слова покойнаго императора на смертномъ одрѣ были: «Скажите Фрицу, чтобы онъ остался тѣмъ же для Россіи и чтобы онъ не забывалъ совѣтовъ отца». Императоръ намекалъ на завѣщаніе Фридрихъ-Вильгельма III относительно союза съ Россіей, о которомъ мы говорили выше. «Послѣдніе его слова будутъ священны для Фрица», отвѣчалъ король. Александръ II благодарилъ короля за его образъ дѣйствій во время войны, взывалъ къ его дружбѣ и высказывалъ надежду на дальнѣйшій союзъ державъ. Король отвѣчалъ ему въ томъ же духѣ, но умолялъ его прекратить войну, которая затянувшись угрожала опасностью Пруссіи, ибо она могла сдѣлаться козлищемъ отпущенія, такъ какъ Франція хотѣла получить Рейнъ, Австрія — Силезію. Англія же могла погубить торговлю Пруссіи.

Положеніе императора Александра II въ то время, когда Севастополь, такъ геройски защищаясь противъ соединенныхъ силъ четырехъ державъ, еще не былъ взятъ, было крайне щекотливо по отношенію къ народу, и онъ могъ заключить миръ только на почетныхъ условіяхъ.

Побѣды русскихъ войскъ въ Азіатской Турціи дали ему возможность вступить въ переговоры, и 19-го (31-го) марта 1856 года былъ заключенъ Парижскій мирный трактатъ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ пережилъ шестью годами императора Николая; но умственно онъ угасъ не 1-го января 1861 г. новаго стilia, а въ октябрѣ мѣсяцѣ 1857 г., когда непробудные сумерки окутали навсегда его разумъ. Затрудненія и непрестанные тревоженія, доставленные ему Восточнымъ вопросомъ, уничтожили въ немъ послѣднюю искру интеллектуальныхъ силъ, надорванныхъ страшными потрясеніями революціоннаго времени. Императоръ Александръ II сдѣлалъ ему въ маѣ мѣсяцѣ 1856 г. послѣдній визитъ, имѣвшій видъ демонстраціи противъ Австріи, которая возбудила къ себѣ ненависть Россіи своимъ образомъ

дѣйствій во время Крымской кампаніи. Александръ II, тотчасъ послѣ кончины своего отца, заявилъ дипломатическому корпусу, что Священный Союзъ покончилъ свое существованіе: это была сокровенная цѣль, которую преслѣдовалъ Наполеонъ III, начиная войну съ Россіей, и эта цѣль была имъ достигнута. Поэтому всѣ старанія короля Фридриха-Вильгельма возстановить прежній союзъ трехъ Сѣверныхъ державъ во время посѣщенія Берлина Александромъ II были напрасны. Царь заявилъ, что онъ никогда не вернется къ этому союзу, такъ какъ онъ не устоялъ при первомъ серьезномъ испытаніи. Изъ завѣщанія Фридриха-Вильгельма III, Александръ II признавалъ только то мѣсто, которое касалось союза Россіи съ Пруссіей и тогда же исключилъ Австрію изъ числа союзниковъ Россіи.



Надгробная пѣснь масоновъ.

Отецъ духовъ, Творецъ вселенной,
Въ Твоихъ и жизнь и смерть рукахъ;
Грѣхомъ въ составъ облекшись брэнной
Мы стали пепель, тлѣнь и прахъ.

Ты духъ, намъ вдунутый Тобою,
Зовешь къ блаженству и покою.

Ты жизнь возводишь отъ истлѣнья,
Изъ тьмы изводишь ясный свѣтъ,
Чудесной силой обновленья
Воздѣйствуешь—и смерти нѣтъ.

Дай силы намъ и чувства новы,
Да свергнемъ смертныя оковы.

Къ себѣ отъ насъ воззвалъ Ты брата,
Изъ плоти духъ освободивъ:

Плачевна намъ его утрата,
Но ты живешь—и братъ нашъ живъ.

Мы духъ его Тебѣ вручаемъ,
Отца о братѣ умоляемъ.

Прими его, Святыхъ Святѣйшій.

И въ лонѣ Отчемъ упокой,

Да увидеть въ Твой чертогъ свѣтлѣйшій

И пребываетъ въ вѣкъ съ Тобой.

Да наша цѣнь, Тобой скрѣпленна,
Пребудеть тѣмъ благословенна.

Сообщ. Н. А. Боревцовъ.





Русское посольство въ Бухару въ 1870 году.

Нодъ предлогомъ отвѣта на любезность, оказанную бухарскимъ эмиромъ Сеидь-Музафаромъ присылкою къ намъ своего сына Сеидь-Абдуллы-Фатаха со свитою, туркестанскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ I-й рѣшился въ маѣ 1870 года отправить посольство въ Бухару. Цѣлью его было окончательное успокоеніе бухарскаго народа, который долженъ былъ увидать въ посольствѣ желаніе Россіи поддерживать и укрѣпить дружественныя и мирныя отношенія съ соседнимъ ханствомъ.

Во главѣ посольства былъ поставленъ состоявшій въ распоряженіи генераль-губернатора полковникъ Носовичъ. Спутниками его были назначены: титулярный совѣтникъ Дитмаръ, коллежскій секретарь Щербинскій, коллежскій регистраторъ Бахметевъ, генеральнаго штаба штабс-капитанъ Костенко, сотникъ Бергъ, переводчикъ поручикъ Сыртлановъ, врачъ 5-го туркестанскаго линейнаго батальона Андреевъ и начальникъ конвойной команды есауль Козловъ съ 50 казаками.

Одновременно съ посольствомъ отправлялся въ Бухару кузнецъ 1-й гильдіи Генрихъ Мозеръ, для заготовленія тамъ шелковичнаго сѣмени. Полковнику Носовичу поручено было оказывать ему полное содѣйствіе и покровительство. Ему предстояло, главнымъ образомъ, объяснить бухарскому кушъ-бегу, что удачное исполненіе г. Мозеромъ въ Бухарѣ даннаго ему порученія можетъ имѣть самыя выгодныя и хорошія послѣдствія для шелковаго производства самихъ бухарцевъ. Мѣстные производители шелка, входя въ непосредственныя сношенія съ Мозеромъ и его работниками, кромѣ выгоднаго сбыта своихъ коконовъ, приобрѣтутъ еще такія позванія и практическіе приемы для заготовленія сѣмени,

которые могутъ повести къ улучшенію самихъ коконовъ, а слѣдовательно и шелка.

«Мнѣ весьма желательно, писалъ К. П. Кауфманъ полковнику Носовичу ¹⁾, чтобы поѣздка г. Мозера въ Бухару привела къ требуемому результату, т. е. къ заготовленію необходимаго количества сѣмени, т. е. примѣрно до 2.000 фунтовъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ писалъ бухарскому эмиру ²⁾.

«Ваше высокостепенство! Три мѣсяца тому назадъ я писалъ вашему вѣрному министру и совѣтнику Мухамедъ-Ша-бію кушгъ-беги, по случаю усилившагося изъ-за границы спроса на сѣмена шелковичнаго червя здѣшняго происхожденія, и изложилъ ему свой взглядъ на торговлю этими сѣменами. Такъ какъ, безъ сомнѣнія, письмо это было доложено вамъ, то я считаю лишнимъ повторять мои прежнія слова. Я остался при томъ же мнѣніи, что во избѣжаніе пагубныхъ послѣдствій, могущихъ произойти для шелковаго промысла отъ неумѣреннаго производства и вывоза сѣмянъ, слѣдуетъ запретить свободную продажу этого товара и ограничить вывозъ его въ Италію и Францію только тѣмъ количествомъ, которое могутъ приготовить нѣсколько человѣкъ специально занимающихся выводомъ шелковичныхъ сѣмянъ. Нынѣ я отправляю къ вамъ, одновременно съ ѣдущимъ въ Бухару посольствомъ, русскаго 1-й гильдіи купца Генриха Мозера, и прошу васъ, какъ добраго сосѣда, оказать ему радушный приѣмъ и приказать содѣйствовать ему при приготовленіи шелковичнаго сѣмени, коего желательно было бы приготовить и вывезти черезъ Ташкентъ до двухъ тысячъ русскихъ фунтовъ. Отъ этого вамъ никакого не будетъ ущерба; напротивъ того, жители Бухары могутъ воспользоваться пребываніемъ между ними Г. Мозера для изученія правильнаго способа добыванія шелковичнаго сѣмени, порода коконовъ улучшится и усовершенствуется вообще производство шелка, что принесетъ несомнѣнную пользу вашей казнѣ и всѣму народу бухарскому.

«Г. Мозеръ беретъ съ собою шесть человѣкъ приказчиковъ и работниковъ, которые наравнѣ со всѣми русскими купцами и приказчиками, проживающими Бухарѣ, должны находиться подъ вашимъ высокимъ покровительствомъ.

«Желаю вашему высокостепенству здоровья и благополучія. Да укрѣпитъ Всевышній Богъ узы дружбы и расположенія между нами на славу вамъ и для блага вашего народа».

Полковнику Носовичу, во время пребыванія его въ¹ Бухарѣ, было поручено, съ должною осторожностью, вызвать бухарское правительство

¹⁾ Въ предписаніи отъ 30-го апрѣля 1870 г. № 2329.

²⁾ Отъ 30-го апрѣля 1870 г.

на сообщеніе своихъ предположеній и желаній по вопросу о престолонаслѣдїи, и если взглядъ эмира окончательно устанавливается въ пользу сына его Тюря-Джана, то возбудить письменный обмѣнъ мыслей по этому дѣлу. При этомъ считалось полезнымъ внушить эмиру, что этотъ выборъ будетъ приятенъ Россіи, такъ какъ Тюря-Джанъ въ бытность свою въ Петербургѣ «имѣлъ счастье лично понравиться государю императору».

Если бы эмиръ высказалъ желаніе на возвращеніе Бухарѣ городовъ, присоединенныхъ къ Россіи, то полковнику Носовичу поручено было, деликатнымъ образомъ, высказать, что этотъ важный вопросъ, рѣшенный въ нашу пользу «по волѣ Промысла Божія», не можетъ подлежать обсужденію посольства, такъ какъ воля и намѣренія государя, по отношенію Туркестанскаго края, извѣстны только генераль-губернатору. Поэтому обмѣнъ мыслей по этому вопросу можетъ быть сдѣланъ лишь при личномъ свиданіи эмира съ генераль-губернаторомъ, который будетъ видѣть въ этой взаимной встрѣчѣ залогъ болѣе прочной дружбы Россіи съ Бухарой. До сихъ поръ этого не было, такъ какъ бухарское правительство уклоняется отъ исполненія самыхъ справедливыхъ представленій генераль-губернатора по многимъ дѣламъ.

Не было сомнѣнія, что эмиръ возбудитъ вопросъ относительно орошенія своего ханства, такъ какъ оно производилось изъ р. Зарявшана, протекавшаго теперъ по владѣніямъ, присоединеннымъ къ Россіи. Носовичу поручено было удостовѣрить бухарское правительство, что генераль-губернаторъ, въ виду существующаго нынѣ мира между двумя странами, желаетъ, чтобы Бухара имѣла воды, если можно болѣе, а не менѣе прежняго, и въ этомъ смыслѣ уже отдано приказаніе начальнику Зарявшанскаго округа.

Сверхъ того полковнику Носовичу было поручено добиться возвращенія русскихъ плѣнниковъ, расширенія русской торговли и учрежденія съ этою цѣлью русскаго консульства. Бухарское правительство могло бы найти въ этомъ учрежденіи удобный и скорый путь дѣлать представленія русскому правительству по многимъ дѣламъ, не говоря уже о томъ, что присутствіе консула въ Бухарѣ способствовало бы къ разсѣянію разныхъ невѣрныхъ слуховъ, выходящихъ изъ Бухары, о чемъ не разъ писалъ эмиръ къ генераль-губернатору.

Въ случаѣ встрѣчи нашего посольства съ англичанами, пришедшими вмѣстѣ съ авганцами, слѣдуетъ быть до крайности сдержаннымъ въ разговорахъ съ людьми, имѣющими интересы противныя пользамъ Россіи. При случаѣ же можно замѣтить англичанамъ, что Средняя Азія не можетъ и не должна быть почвой для ихъ вліянія, также точно, какъ Россія не старается проникнуть со своими интересами въ Ост-Индійскія владѣнія.

По утру 19-го мая наше посольство выступило изъ Каты-Кургана, въ полдень перешло черезъ границу и 23-го мая прибыло въ Бухару. Подробности движенія и самаго пребыванія посольства въ Бухарѣ изложены въ помѣщаемомъ ниже дневникѣ полковника Носовича, а здѣсь мы скажемъ лишь нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ страны и ея повелитель.

«Во все время, доносилъ полковникъ Носовичъ ¹⁾, пока продолжалась (первая) аудіенція и въ особенности въ началѣ ея, я замѣтилъ со стороны эмира нѣкоторое волненіе, выражавшееся въ дрожаніи рукъ и голоса. Принимая во вниманіе чрезвычайно вѣжливый пріемъ, оказанный мнѣ по повелѣнію его высокостепенства, и имъ самимъ, я осмѣливаюсь предположить, что волненіе это было вызвано нѣкоторою неизвѣстностью, испытанной имъ при мысли, что онъ могъ сдѣлать какое-либо упущеніе по отношенію къ человѣку, посланному вашимъ превосходительствомъ, который держитъ его судьбу въ своихъ рукахъ, или что ему придется снести отъ посольства какое-нибудь оскорбленіе, за которое онъ не былъ бы въ состояніи отомстить, не рискуя своимъ положеніемъ, какъ монархъ...

«Въ заключеніе не могу умолчать о томъ грустномъ впечатлѣніи, которое произвело на меня жалкое состояніе бухарскаго ханства. Совершенное отсутствіе воды, что свидѣтельствуетъ о его полнѣйшей зависимости отъ насъ, бѣдность народа, жалкій видъ дворца, въ которомъ живетъ его монархъ, и ничтожныя военныя силы ханства заставляютъ предполагать, что было бы достаточно желанія вашего превосходительства, чтобы уничтожить однимъ ударомъ это одряхлѣвшее и сгнившее государство. Каковы должны быть его военныя силы, если въ почетную стражу, назначенную для официальной встрѣчи русскаго посольства, не могли набрать ничего лучшаго кромѣ всякаго сброда, среди котораго были, между прочимъ, дѣти, которые не въ состояніи защищать свое отечество, и старики, которые по своему преклонному возрасту также не могутъ быть его защитниками, хотя бы они ранѣе и были къ тому способны. Видъ этихъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ и мѣховыхъ шапкахъ, которые видимо не знаютъ, что дѣлать со своими ружьями и не умѣютъ даже взять на караулъ, по истинѣ возбуждаетъ смѣхъ.

«Не будучи особеннымъ знатокомъ въ стратегіи, я убѣжденъ, что если только наши войска дойдутъ до Кермина, то столица Бухара тотчасъ добровольно сдастся».

Касаясь вопроса о престолонаслѣдіи Носовичъ пришелъ къ тому убѣжденію, что бухарское правительство не остановило еще своего выбора на

¹⁾ Генераль-адъютанту К. П. Кауфману отъ 25-го мая 1870 г.

Тюра-Джанѣ, бывшемъ въ Петербургѣ и представлявшася императору, чтобы провозгласить его наслѣдникомъ престола. «Я предполагаю даже, доносилъ Носовичъ ¹⁾, что выборъ наслѣдника совершенно не занимаетъ эмира и мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, чтобы азіатъ, не имѣющій понятія о государственности и живущій изо-дня-въ-день, могъ заботиться о будущемъ».

Въ день аудіенціи у визиря (кушъ-беги) полковникъ Носовичъ просилъ его назначить мѣсто, гдѣ могли бы происходить совѣщанія по разнымъ вопросамъ, въ разрѣшеніи которыхъ были заинтересованы оба государства. Кушъ-беги просилъ позволенія одному изъ его секретарей записать весь разговоръ, чтобы онъ могъ точнѣе передать своему монарху. Когда все сказанное было записано, то кушъ-беги просилъ Носовича исправить тѣ мѣста, которыя оказались бы не достаточно ясно и точно изложенными.

«Визирь, доносилъ полковникъ Носовичъ, какъ и весь остальной чиновный міръ, который я имѣлъ случай видѣть здѣсь, были съ нами отнѣсно вѣжливы. Я приписываю это тому обаянію, какимъ пользуется здѣсь русское имя, и нѣкоторой боязни, вызываемой превосходствомъ нашего положенія въ центральной Азіи.

«Вашему превосходительству извѣстны мои миролюбивыя наклонности; тѣмъ не менѣе, настоящее положеніе Бухары столь невозможно, что единственное средство выйти изъ него, по моему мнѣнію, состоитъ въ покореніи Россіей. Такъ какъ это завоеваніе является исторической необходимостью, то я полагаю, что оно совершится рано или поздно. Принимая во вниманіе совершенную этнографическую однородность русскихъ и бухарскихъ владѣній Центральной Азіи, я нахожу, что такая маленькая рѣчка, какъ Гипананъ, составляющая въ настоящее время нашу границу, не можетъ отдѣлять страну, правленіе которой основано на принципахъ человеколюбія и современной цивилизаціи, и благосостояніе которой составляетъ главнѣйшую заботу правительства, отъ другой сосѣдней страны, гдѣ правительство не имѣетъ ни религіи, ни нравственности, и гдѣ жизнь и собственность каждаго человѣка зависятъ отъ минутной прихоти деспота, который менѣе всего заботится о благосостояніи своихъ подданныхъ. Я исполнѣ увѣренъ, что ваше превосходительство раздѣляете мое мнѣніе, что зло рано или поздно всегда побѣждается добромъ.

«Кушъ-беги, въ одномъ изъ своихъ официальныхъ писемъ высказался, между прочимъ, что единственное средство управлять страной и поддерживать въ ней порядокъ — это держать народъ въ повиновеніи страхомъ постоянныхъ тѣлесныхъ наказаній и смертной казни; здѣсь

¹⁾ К. П. фонъ-Кауфману 30-го мая 1870 г.

эти наказанія налагаются по прихоти монарха, вслѣдствіе чьего-либо доноса, интриги или клеветы.

«Руководящимъ началомъ во внѣшней политикѣ бухарскаго правительства является ложь и обманъ; я имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ по поводу самыхъ ничтожныхъ случаевъ. Можно ли послѣ этого вѣрить въ болѣе серьезныхъ обстоятельствахъ обещаніямъ бухарскаго правительства?»

«Несмотря на оказанный намъ блестящій пріемъ, я все же не могу отвѣчать за будущее и полагаю, что мы можемъ считать себя въ совершенной безопасности только тогда, когда мы выйдемъ изъ бухарскихъ владѣній; я не пренебрегаю никакими мѣрами предосторожности, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ неожиданнымъ нападеніемъ.

«Въ настоящее время эмиръ, повидимому, такъ боится Россіи или, лучше сказать, русскихъ штыковъ, что даже наше маленькое посольство съ почетнымъ карауломъ изъ 50 казаковъ внушаетъ ему, повидимому, нѣкоторое безпокойство. Таковъ, по крайней мѣрѣ, какъ слышно, взглядъ народа, который полагаетъ, что мы можемъ взять крѣпость съ нашими 50 казаками; быть можетъ и само правительство раздѣляетъ этотъ взглядъ, такъ какъ оно всячески старается не допускать насъ на улицы, ближайшія къ жилищу эмира.

«Россія не можетъ, по моему мнѣнію, смотрѣть на Бухару, какъ на настоящее государство, ибо, не имѣя настоящаго правительства и администраціи, она представляетъ лишь собраніе людей, живущихъ подъ игомъ почти дикаго властителя и не можетъ считаться государствомъ. одно изъ самыхъ существенныхъ преимуществъ котораго составляетъ какая бы то ни была организація».

Благодаря безпечности, свойственной всѣмъ азіатамъ, и ихъ медлительности въ дѣлахъ, кушъ-беги не начиналъ никакихъ дѣловыхъ переговоровъ съ полковникомъ Носовичемъ и даже не отдавалъ ему официальнаго визита. Последнее обстоятельство Носовичъ приписывалъ вліянію прибывшаго въ Бухару кабульскаго посольства, представитель котораго былъ оскорбленъ блестящимъ пріемомъ, оказаннымъ русскимъ, хотѣлъ выѣхать изъ Бухары тотчасъ послѣ пріѣзда нашего посольства и остался еще на нѣкоторое время только по настоянію самого эмира.

«Тѣмъ не менѣе, доноситъ Носовичъ ¹⁾, день отъѣзда кабульскаго посольства уже назначенъ; какъ говорятъ, оно уѣдетъ на-дняхъ. Я выскажу визирю, что союзъ Бухары съ Кабуломъ, не принесъ ей никакихъ существенныхъ выгодъ, можетъ послужить ей только во вредъ, тогда какъ дружественныя отношенія между Россіей и Бухарой, осно-

¹⁾ Въ рапортѣ отъ 7-го іюня 1870 г.

важныя на принципѣ взаимности, могутъ имѣть для Бухары самыя выгодныя во всѣхъ отношеніяхъ послѣдствія.

«Внимательно обсуждая фактъ пребыванія здѣсь кабульскаго посольства, мнѣ кажется, можно придти къ заключенію, что кабульское правительство желаетъ поддерживать добрыя отношенія съ Бухарою, чтобы парализовать ея дружбу съ Россіею, приобрести вліяніе на эмира и воспользовавшись его слабостью, рано или поздно овладѣть его страпою. Кромѣ того, мнѣ кажется, что Кабуль дѣйствуетъ по наущенію Англии, и хотя я не имѣю данныхъ, чтобы утверждать, что здѣсь, въ кабульскомъ посольствѣ, находятся англичане, но мнѣ кажется, что въ составѣ посольства есть кабульцы, способные слѣдить за нашими дѣйствіями и охранять интересы Англии. Поэтому я думаю, что обѣщаніе, данное англійскимъ кабинетомъ нашему правительству не только не вмѣшиваться въ средне-азіатскія дѣла, но даже воздѣйствовать на кабульское правительство съ цѣлью не дать ему перейти за Аму-Дарью или вмѣшаться во внутреннюю и вѣдшнюю политику Бухары, можетъ не оправдаться фактами. Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого должно быть рано или поздно столкновение двухъ великихъ державъ, Россіи и Англии въ Туркестанскомъ краѣ; вѣроятность подобнаго столкновения, по моему мнѣнію неизбѣжнаго, но которое наше правительство считаетъ невозможнымъ, признается здѣсь всѣми. Это мнѣніе также распространено въ Индіи, какъ я имѣлъ случай убѣдиться на дняхъ. Одинъ больной индѣецъ, недавно пріѣхавшій изъ Индіи, сказалъ мнѣ публично, въ присутствіи многихъ сартовъ, что Россія и Англія, захвативъ въ свои руки все (подразумѣвая подъ этимъ Среднюю Азію), непременно сойдутся на полѣ битвы.

«Я уже говорилъ, что съ Бухарой нельзя вести дѣло какъ съ правильно организованнымъ государствомъ; это подтверждается ежеминутно по поводу самыхъ ничтожныхъ фактовъ. Чтобы получить какой-либо отвѣтъ, намъ приходится постоянно испытывать терпѣніе. Я еще не получилъ окончательнаго отвѣта, могутъ ли чины нашего посольства выходить изъ дома, когда имъ заблагоразсудится. Кушъ-беги не далъ мнѣ еще отвѣта на мою просьбу присутствовать на смотрѣ войскъ, съ которой я обратился къ нему, когда былъ у него съ визитомъ. Поэтому я не надѣюсь добиться какого-либо результата и нахожу, что отъ бухарскаго правительства ничего нельзя требовать, не пуская въ дѣло угрозъ и не давая понять, что въ случаѣ отказа просьба можетъ быть поддержана вооруженною силою. Но я не уполномоченъ дѣйствовать подобнымъ образомъ и, насколько я понимаю, это не входитъ въ политическіе виды вашего превосходительства».

Разныя проводочки и затягиванія въ переговорахъ со стороны кушъ-

беги побудили полковника Носовича обратиться къ нему съ слѣдующимъ письмомъ отъ 8-го іюля:

«Высокопочтенный кушъ-беги! Семнадцать дней прошло съ того времени, когда я прибылъ въ Бухару, по приказанію туркестанскаго генераль-губернатора, для выраженія дружбы, нынѣ существующей между двумя сосѣдними народами. По нашимъ понятіямъ, это большое время, въ которое можно было бы окончить много дѣлъ; между тѣмъ мы только сидимъ на одномъ мѣстѣ, въ нашемъ домѣ, ничего не дѣлаемъ полезнаго и наше бездѣйствіе и неподвижность, къ которымъ мы не привыкли, только вредно дѣйствуютъ на наше здоровье. Десять дней прошло съ того времени, когда я имѣлъ удовольствіе быть у васъ; это время совершенно достаточно для того, чтобы вы могли бы такъ или иначе отвѣтить мнѣ на тѣ вопросы, которые были при мнѣ записаны вашимъ секретаремъ, такъ же точно, какъ и на мое письмо къ вамъ о дѣлахъ торговыхъ. Я не получаю отъ васъ не только отвѣта, но даже объясненія тѣхъ причинъ, которыя могли бы помѣшать вамъ скоро отвѣчать мнѣ, какъ это приличествовало бы по отношенію къ посланнику, прибывшему сюда только для дружбы. Я понимаю, что вы можете быть много заняты службою, но и наша служба великому о́блему государю не дозволяетъ намъ оставаться здѣсь дольше того срока, который назначенъ мнѣ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ. Половина срока, мнѣ назначеннаго, уже прошла теперь, и видя медленность, съ которою ведутся здѣсь дѣла, я обязанъ по моей службѣ предупредить васъ, что мнѣ пора уже думать о моемъ возвращеніи въ Ташкентъ для доклада о моей поѣздкѣ въ Бухару туркестанскому генераль-губернатору.

«Я не буду виновать, если на вопросы генераль-губернатора обо всемъ, что я видѣлъ въ дружественной Бухарѣ замѣчательнаго или достойнаго вниманія, я долженъ буду отвѣчать, что я ничего не могъ видѣть, такъ какъ все время просидѣлъ между стѣнами нашего дома; я увѣренъ, что ваше посольство, бывшее недавно въ Россіи, не могло отвѣчать такъ на вопросы, которые могъ сдѣлать о Россіи ванъ государь.

«Сообщая вамъ обо всемъ, я прошу васъ ускорить такъ, чтобы дней чрезъ пятнадцать я могъ бы уже все окончить здѣсь и быть въ Самаркандѣ».

Кушъ-беги не отвѣчалъ, а между тѣмъ до нашего посольства стали доходить слухи, будто-бы эмиръ, уступая настояніямъ кабульскаго посланника предпринять вмѣстѣ съ авганцами священную войну противъ Россіи, совѣщается по ночамъ съ беками, собираетъ налоги, подготавливаетъ войска и, собираясь напасть на Самаркандъ, умышленно затягиваетъ переговоры, чтобы удержать наше посольство заложниками.

Носовичъ принялъ необходимыя предосторожности, но спустя нѣсколько дней къ нему явился посланный эмира Миръ-Ахметъ, бывший секретарь бухарскаго посольства въ Петербургъ. Онъ заявилъ, что эмиръ готовъ удовлетворить всѣ справедливыя претензіи русскихъ купцовъ и былъ бы весьма признателенъ, если бы Россія, въ знакъ дружбы, доставила ему нѣсколько тысячъ ружей и прислала нѣсколькихъ мастеровъ для литья орудій. По словамъ секретаря, то и другое было крайне необходимо эмиру въ виду появленія на горизонтѣ новаго врага Бухары въ лицѣ авганцевъ. Носовичъ отвѣчалъ, что онъ не уполномоченъ вести подобныя переговоры, но готовъ передать эту просьбу туркестанскому генералъ-губернатору, если эмиръ согласится изложить ее письменно и объяснить подробно всѣ причины, побуждающія его къ этому.

«По моему мнѣнію, доносилъ Носовичъ ¹⁾, эта просьба поставить эмира въ вассальное отношеніе къ Россіи. Затѣмъ я постарался объяснить ему, что, исполнивъ его просьбу, мы потребуемъ и со стороны эмира доказательствъ непоколебимой дружбы и довѣрія. Желая же поддержать власть эмира, его независимость во внутренней и внѣшней политикѣ, мы дали уже ему гораздо болѣе, нежели оружіе, мы дали ему наше войско, и ежели эмиръ твердо будетъ держаться союза съ нами, то ему ни откуда не можетъ угрожать опасность, въ особенности же со стороны Кабула. На это секретарь сказалъ мнѣ, что, зная зависимость Кабула отъ Англіи, онъ отлично понимаетъ, что Кабулъ никогда не рѣшится сдѣлать какого-либо важнаго шага безъ согласія своей покровительницы, которая находится въ настоящее время въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіей, но что это можетъ со-временемъ измѣниться. На это я отвѣчалъ ему, что Англія никогда не пожертвуетъ старинными дружественными отношеніями честолюбивымъ видамъ Кабула. Наконецъ я далъ понять секретарю, что перемѣна политики со стороны Бухары, т. е. заключеніе наступательнаго союза съ Кабуломъ противъ насъ можетъ имѣть самыя роковыя послѣдствія для обоихъ государствъ. Эмиру должно быть извѣстно огромное превосходство нашихъ силъ по сравненію съ войсками Бухары и Кабула, не говоря уже о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть для Кабула подобное предпріятіе, начатое безъ согласія Англіи. Что кромѣ того вопросъ о союзѣ съ Россіей, съ которой Бухара связана историческими узами торговли, выгодной для обоихъ государствъ, становится вопросомъ жизни, тогда какъ союзъ съ Кабуломъ, никогда не имѣвшимъ ничего общаго съ торговыми интересами Бухары, ускоритъ паденіе этихъ обоихъ государствъ.

«Я слышалъ также изъ другаго источника, что эмиръ, во все время

¹⁾ Въ рапортѣ отъ 13-го іюня 1870 г.

пробыванія нашего здѣсь, колебался между союзомъ съ нами и съ Кабуломъ.

«Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ ясно, что политика Кабула и колебаніе эмира поставили меня въ такое положеніе, что мнѣ слѣдовало или предоставить вещи ихъ собственному теченію, или постараться парализовать вліяніе авганскаго посланника. Я избралъ второй путь, чувствуя, что въ противномъ случаѣ немедленная война съ Бухарой была бы почти неизбежна и цѣль моей командировки, въ такомъ случаѣ, не была бы достигнута. Положеніе нашего посольства было похоже на положеніе посольства, отправленнаго въ 1865 г.

«Избравъ второй путь, я увѣренъ, что въ настоящую минуту можно будетъ избѣжать войны съ Бухарой, но ничто не гарантируетъ возможности столкновенія съ авганцами, которое рано или поздно можетъ явиться послѣдствіемъ нашего союза съ Бухарой, которая иначе можетъ сдѣлаться добычею своихъ аму-дарьинскихъ сосѣдей. Если бы въ такомъ случаѣ мы получили, въ силу обстоятельствъ, законное право вмѣшаться въ дѣла Афганистана, насъ ни въ чемъ нельзя будетъ упрекнуть, и англійскій кабинетъ не только не будетъ въ состояніи приписать намъ честолюбивыя стремленія къ завоеваніямъ, но, напротивъ того, эта враждебная выходка со стороны Кабула, который само собою разумѣется не можетъ дѣйствовать въ семъ случаѣ безъ согласія Англій, послужитъ наилучшимъ доказательствомъ вѣроломства англійскаго кабинета».

Всѣ эти соображенія и двусмысленное положеніе нашего посольства въ Бухарѣ заставили полковника Носовича поторопиться возвращеніемъ въ Россію.

Вечеромъ 17-го іюня посольство имѣло прощальную аудіенцію у эмира ¹⁾, послѣ которой полковникъ Носовичъ доносилъ:

«Кунгъ-беги началъ со мною разговоръ о дѣлахъ, просилъ меня увѣрить наше высокопревосходительство, что между сосѣдями не можетъ быть въ настоящее время никакихъ недоразумѣній или вражды, пока живутъ нынѣшній эмиръ и его современники; что всѣ дѣла русскихъ купцовъ будутъ ограждены отъ притѣсненій и прочее. Я имѣю полное основаніе думать, что самъ эмиръ, убѣдясь долгимъ и дорогимъ для себя опытомъ въ невозможности бороться съ Россією, имѣетъ теперь полную добрую волю жить съ нами въ дружбѣ и также исполнять всѣ справедливыя наши требованія; но, съ другой стороны, при всемъ своемъ деспотизмѣ и жестокости своего управленія, онъ безсиленъ заставить подчиниться своему взгляду многихъ людей, составляющихъ бухарское

¹⁾ Подробности аудіенціи изложены въ помѣщаемомъ ниже журналѣ полковника Носовича.

правительство и администрацію. Прямая его приказанія часто вовсе не исполняются подъ разными предлогами. Такимъ образомъ я полагаю, что злоупотребленія бухарскихъ чиновниковъ по отношенію русскихъ торговыхъ людей нисколько не уменьшатся теперь, тѣмъ болѣе, что я считаю кушъ-беги принадлежащаго къ старой враждебной для русскихъ партіи, а сосѣди имѣли и теперь имѣютъ въ немъ своего сподручника. Это мнѣніе о кушъ-беги есть общее, и я только позднѣе понялъ, почему всѣ переговоры со мною велись эмиромъ не чрезъ кушъ-беги, а при посредствѣ бывшего секретаря Миръ-Ахмета, челоуѣка бывавшаго въ Россіи и принадлежащаго къ новой, бухарской партіи. Наша партія въ Бухарѣ состоитъ изъ всего безъ исключенія торговаго класса людей, изъ десятка тысячъ рабовъ: евреевъ, индійцевъ, персіянъ и прочихъ угнетенныхъ и изъ бѣдныхъ земледѣльцевъ, кои платятъ въ казну и разнымъ чиновникамъ три четверти своего урожая; все духовенство и чиновничество, живущіе безъ труда и заботъ на счетъ народа, суть наши враги».

Покинувъ на слѣдующій день Бухару, наше посольство 22-го іюня прибыло въ Катты-Курганъ.

«Окончивъ въ настоящее время порученіе, возложенное на меня вашимъ высокопревосходительствомъ, доносилъ полковникъ Носовичъ ¹⁾, я полагаю, что имѣю достаточно твердыя основанія, почерпнутыя мною на мѣстѣ, чтобы удостовѣрить, что дружескія отношенія, установившіяся теперь между русскимъ и бухарскимъ правительствами, настолько прочны, что можно разсчитывать на мирное положеніе дѣлъ до тѣхъ поръ, пока какія-либо обстоятельства, стоящія выше доброй воли эмира, не измѣнятъ существующихъ нынѣ отношеній. Эмиръ сознаетъ, что прочность его власти внутри ханства зависитъ отъ поддержки, которую вашему высокопревосходительству угодно будетъ ему оказать; онъ наученъ горькимъ опытомъ, въ которомъ сознается публично, что бывшія войны его съ Россіею были слѣдствіемъ ошибочнаго взгляда его на свое положеніе, а потому онъ видитъ свое спасеніе только въ дружбѣ съ своимъ сильнымъ сосѣдомъ, для чего готовъ стать даже въ положеніе нравственно зависимое, почти вассальное, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не имѣетъ возможности удержаться во главѣ бухарскаго правительства. По моему мнѣнію, положеніе бухарскаго эмира сдѣлалось въ настоящее время тождественнымъ съ положеніемъ коканскаго хана и нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ совѣты и указанія вашего высокопревосходительства будутъ приняты эмиромъ какъ выраженіе добраго расположенія къ нему.

«По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною во время пребыванія

¹⁾ Генералъ-адъютанту Кауфману 7—9-го іюля 1870 г. № 98.

посольства въ Бухарѣ, эмиръ твердо рѣшился держаться союза съ Россіею; онъ отклонилъ отъ себя всякую солидарность въ замыслахъ кабульцевъ и шахрисябцевъ, настроенныхъ враждебно; онъ рѣшился не допускать Ширъ-Али-Хана переступить въ предѣлы ханства за р. Амударью. Кромѣ сего онъ отказался отъ всякаго союза съ этимъ народомъ, понимая, что подобный шагъ ускоритъ только окончательное распаденіе Бухарскаго ханства.

«Не желая окончательнаго разрыва съ кабульцами, которые страшны для Бухары вслѣдствіе лучшаго устройства ихъ войска, эмиръ успокоилъ, однако, пребывающее въ Бухарѣ кабульское посольство своимъ дозволеніемъ не препятствовать ихъ хану, если онъ того пожелаетъ, направить свои войска чрезъ Гиссаръ, Кулябъ и другіе независимые бекства для соединенія съ шахрисябцами. Хотя эмиръ и успѣлъ утвердить съ прошлаго года свою власть въ Гиссарѣ, гдѣ имъ назначенъ управителемъ Якубъ-бекъ со званіемъ кушъ-беги, но по общему сознанию власть эмира не прочна въ этой горной мѣстности, а потому дозволеніе, данное эмиромъ кабульцамъ пройти чрезъ эту часть ханства, объясняется тѣмъ, что онъ вовсе не заботится объ удержаніи за собой населенія, которое вообще мало ему покорно.

«Трудно, однако, предположить, чтобы кабульцы воспользовались даннымъ имъ разрѣшеніемъ, ибо въ этомъ случаѣ эмиръ всегда имѣлъ бы возможность запереть имъ путь отступленія».

Такъ кончилось посольство полковника Носовича, и мы помѣщаемъ ниже журналъ, веденный имъ за все время пребыванія въ Бухарѣ. Р е д.

Журналъ полковника Носовича.

Русское посольство, отправленное Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ въ Бухару, собравшись 12-го мая въ г. Самаркандѣ, пробыло въ этомъ городѣ до 17-го числа, для окончанія своихъ путевыхъ приготовленій. Въ Катты-Курганѣ, крайнемъ пунктѣ нашихъ предѣловъ, мы пробыли два дня и вступили на территорію Бухарскаго ханства 19-го числа, ровно въ полдень. Наше посольство двигалось верхами, кортежемъ, имѣвшимъ нѣкоторую внѣшнюю представительность: впереди шло 6 джигитовъ въ красныхъ халатахъ, потомъ ѣхало 9 человекъ служащихъ лицъ, составлявшихъ собственно посольство, подъ моимъ главенствомъ, въ сопровожденіи бухарскаго чиновника Насыръ-Мирахура, назначеннаго для этой цѣли. Далѣе шло 40 человекъ казаковъ, назначенныхъ для почетнаго конвоя, наконецъ шелъ нашъ обозъ, состоящій

изъ 24-ти арбъ, съ нашей прислугой, подъ прикрытіемъ особаго конвой изъ 10-ти человекъ казаковъ. Непосредственно позади меня ѣхали штабъ-трубачъ, начальникъ джигитовъ, на прекрасной лошади и въ блестящемъ красномъ одѣяніи, и мой личный джигитъ.

Мы шли правильнымъ порядкомъ, со всѣми военными предосторожностями, необходимыми въ дикой странѣ, живущей подъ гнетомъ азіатскаго деспота, дѣйствія коего исключительно зависятъ отъ ежедневнаго личнаго каприза и расположенія духа. Первый нашъ ночлегъ былъ 19-го числа въ городкѣ Зіаудинѣ; здѣсь насъ встрѣтилъ тамошній бекъ, который помѣстилъ насъ въ своемъ домѣ, гдѣ были приготовлены столы и табуреты согласно русскимъ обычаямъ. Второй ночлегъ, 20-го числа, въ крѣпости Керминэ, гдѣ насъ помѣстили за городомъ въ большомъ саду, насаженномъ въ молодости руками нынѣшняго эмира; здѣсь, по случаю болѣзни бека Абдуль-Керима, насъ встрѣчали, принимали и провожали служащіе въ войскѣ его сыновья. 21-го числа мы ночевали въ селѣ Бустанѣ, гдѣ насъ помѣстили въ домѣ одного жителя; 22-го числа мы вступили въ Богуединъ, извѣстное могилою мусульманскаго святаго того же имени и своими большими постройками медресе и мечетей. Въ Зіаудинѣ и Керминэ я получилъ отъ бековъ въ подарокъ по прекрасной осѣдланной лошади, а также нѣсколько кусковъ шелковыхъ и полшелковыхъ матерій и множество головокъ сахару и ящиковъ леденцовъ; другіе члены посольства тоже не были забыты. На привалахъ, во время пути, и тотчасъ же при приходѣ на ночлегъ насъ ожидало обильное угощеніе туземнаго характера, но въ такомъ громадномъ количествѣ, что оно едва могло быть потреблено нашей многочисленной свитой. Вездѣ по пути народъ выходилъ смотрѣть на насъ съ большимъ любопытствомъ, но безъ всякихъ проявленій злобы или вражды; нѣсколько замѣченныхъ нами вызывающихъ жестовъ и выраженій лица были въ достаточной степени вознаграждены проявленіями дружбы въ привѣтахъ на русскомъ или туземномъ языкахъ.

Въ Бустанѣ явился къ намъ человекъ отъ кушъ-беги (нѣчто въ родѣ перваго министра) съ привѣтомъ и объявленіемъ, что эмиръ приказалъ угощать насъ до самой Бухары по возможности большее число разъ; и дѣйствительно это было исполнено съ такою ревностью, что насъ остановили до Богуедина, т. е. на пространствѣ 38 верстъ, для этого важнаго государственнаго дѣла, два раза, въ самомъ же Богуединѣ цѣлые взводы прислуги, изъ людей кушъ-беги приносили намъ массы яствъ и груды фруктовъ, сладостей и лепешекъ, которые мы должны были высыпать толпѣ народа, густою массою окружавшаго нашу ставку, расположенную на площади. Отъ Бустана до Богуедина толпа народа шумно бѣжала рядомъ съ нами; это была общая тамаша (тамошнее празднество), которую мы давали бухарцамъ, очень склоннымъ къ званію и къ об-

щественнымъ сходбищамъ. Чиновные люди, служащіе при кушъ-беги, выѣзжали къ намъ на встрѣчу и посылали отъ себя гонцовъ съ извѣстіемъ о нашемъ прибытіи. Наше кормленіе сдѣлалось просто государственнымъ вопросомъ, надъ которымъ работала канцелярія перваго бухарскаго министра, обо всемъ этомъ докладывавшаго своему повелителю бухарскому эмиру.

Путь отъ Катты-Кургана до Зіаудина, кромѣ степнаго пространства въ 18 верстъ до нашей границы (проходящей въ селеніи Ширинъ-Катынъ), идетъ по населенной и обработанной мѣстности. Отъ Зіаудина до крѣпости Керминэ (которую мы собственно не видали), на пространствѣ въ 35 верстъ, дорога идетъ частью по населенной, частью по степной мѣстности, близко примыкающей съ правой стороны къ орошенной и обработанной долинѣ рѣки Зарявшана. Отъ крѣпости Керминэ до селенія Бустана, на пространствѣ 46 верстъ, дорога первыхъ 12-ти и послѣднія 4 версты идетъ посреди садовъ, остальные 30 верстъ—безводной степью, далеко отстоящей отъ обработанной земли, которая тонкою полосой тянется съ правой стороны; съ лѣвой же стороны видны невысокія горы. Сардаба-Маликъ въ 24-хъ верстахъ отъ Керминэ, имѣющая древнія, довольно красивыя, каменные постройки времени Абдула-Хана, состоитъ изъ 12—15 небольшихъ караванъ-сараевъ для путниковъ. Это есть единственное мѣсто, снабженное водою. Отъ Бустана до Богуедина 38 верстъ, отсюда до г. Бухары всего 9 верстъ. Вся эта мѣстность не только обработана, но представляетъ собою сплошной садъ, густо населенный.

23-го мая мы осмотрѣли святыни Богуедина, гдѣ толпа нищихъ и попрошаекъ, составляющихъ славныхъ потомковъ сего покровителя благородной Бухары, едва не задавила насъ, набросившись при видѣ нашей готовности раздать милостыню, такъ что только полновѣсные удары плетей и палокъ мѣстныхъ полицейскихъ избавили насъ отъ этой неприятности. Ровно въ 10 ч. утра, стройнымъ кортежемъ, къ которому присоединилось множество какихъ-то служащихъ лицъ, мы тронулись къ Бухарѣ. Пройдя версты три, мы увидѣли по обѣ стороны дороги выстроившіяся линіи конныхъ людей, всего до 300 человекъ, а впереди ихъ два военныхъ сановника, въ пестрыхъ халатахъ съ ножами за кушакомъ и на лошадахъ въ богато убранной сбруѣ. Эти сановники вмѣстѣ съ придворнымъ церемоніймейстеромъ (шахауломъ) братомъ нашего проводника Насыръ-Мирахура, встрѣтили меня привѣтствіями и пожеланіями отъ эмира и также отъ себя. Я отвѣчалъ благодарностью въ восточномъ вкусѣ, познакомилъ ихъ со всѣми членами посольства и двинулся далѣе, среди густой пыли, происходящей отъ массы всадниковъ. За порядкомъ шествія наблюдалъ какой-то халатникъ съ желтой палкой въ рукѣ, неистово кричавшій и щедро сыпавшій направо и на-

лѣво удары тѣмъ неосторожнымъ любопытнымъ, которые близко приближались къ намъ.

Подъѣзжая къ воротамъ г. Бухары, я сказалъ, обратившись къ провожавшимъ насъ сановникамъ, что «я кланяюсь всѣмъ жителямъ благородной Бухары». Вообще во весь нашъ путь, при каждомъ удобномъ случаѣ, я выражался словами, дышащими дружбою, которую генералъ-губернаторъ желалъ выразить эмиру. Обмѣны вѣжливостей во вкусѣ восточной цвѣтистости, разспросы о состояніи здоровья, посылки, а также полученія поклоновъ отъ эмира, не имѣли конца. Я до того изощрился въ оригинальномъ краснорѣчїи, что безъ всякаго затрудненія по поводу разныхъ случаевъ говорилъ имъ въ этомъ тонѣ о дружбѣ русскихъ къ бухарцамъ. Такъ, напримѣръ, переступая черезъ границу, я посмотрѣлъ на часы и, увидѣвъ, что солнце стоитъ ровно на полднѣ, я сказалъ: «что вижу хорошее знаменіе въ томъ, что вступаю на бухарскую землю въ добрый часъ, т. е. тогда, когда солнце равно и дружески согрѣваетъ и освѣщаетъ обѣ стороны и оба сосѣдніе народа».

Улицы г. Бухары, особенно базара Чарсу, по которымъ мы проходили, были биткомъ набиты народомъ, съ жаднымъ любопытствомъ пожиравшихъ насъ своими глазами. Я не видалъ ни малѣйшаго выраженія злобы или ненависти, но успѣлъ поймать на лету нѣсколько привѣтливыхъ, выразительныхъ поклоновъ, посылаемыхъ по моему адресу татарами, индійцами, персіанами и даже нѣкоторыми туземцами, безъ сомнѣнія знакомыми съ русскими по Ташкенту или Самарканду.

Ровно въ 12 часовъ дня мы вступили въ домъ, назначенный для нашего помѣщенія, состоящій изъ нѣсколькихъ большихъ дворовъ и флигелей, а также обширнаго сада, удобство коего парализируется однако совершеннымъ отсутствіемъ воды въ прудахъ и арыкахъ, что было очень ощутительно для насъ при постоянныхъ жарахъ и здѣшной сухости воздуха. Нашъ домъ расположенъ былъ въ юго-западной части города, примыкалъ садомъ къ самой городской стѣнѣ, не далеко отъ Каракульскихъ воротъ. Домъ принадлежалъ важному сановнику Шукуръ-Инаку, котораго выгнали, чтобы помѣстить насъ. Войдя на обширную террасу главнаго флигеля дома, мы нашли приготовленный для насъ большой столъ и нѣсколько стульевъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Мы не успѣли еще отряхнуться отъ пыли, какъ началось угощеніе, обиліе коего было просто противно. Кушъ-беги прислалъ 95 блюдъ разныхъ яствъ, фруктовъ и сластей, груды сахару и леденцовъ. Черезъ нѣсколько времени по нашемъ прибытіи, мнѣ принесли отъ кушъ-беги много кусковъ шелковой матерїи и подвели прекраснаго сѣраго жеребца въ блестящей сбруѣ. Этотъ подарокъ выдается здѣсь по обычаю, какъ бы въ замѣну испорченнаго платья, покрывавшагося пылью во время путешествія.

Сановники, провожавшіе насъ по Бухарѣ, послѣ того какъ лично удостовѣрились, что мы ѣдимъ и пьемъ и довольны всѣмъ, уѣхали съ донесеніемъ къ своему повелителю. Мы очень просторно и удобно размѣстились въ назначенномъ намъ помѣщеніи; каждый изъ насъ имѣлъ особую комнату. Комната моя была очень высокая и хорошо убранныя коврами и, такъ какъ у каждаго изъ насъ взята была складная мебель, то видъ нашего помѣщенія получился совершенно европейскій. Наша общая столовая была устроена на галлерей, по вечерамъ освѣщавшейся большими туземными фонарями; вездѣ были ковры или палацы, словомъ, наше жилище представляло собою великолѣпный азіатскій отель, гдѣ мы не только живемъ на эмирскій счетъ, но гдѣ намъ выговариваютъ за то, что мы мало требуемъ. Все, что только есть въ Бухарѣ, по первому слову приносится тотчасъ намъ людьми кушъ-беги, состоящими при насъ подъ начальствомъ его брата, завѣдующаго цѣлымъ складомъ припасовъ, сложенныхъ въ нашемъ домѣ. У насъ устроенъ былъ общій табельдотъ; вся необходимая посуда, вино и другія европейскія закуски привезены съ собою. Мы завтракаемъ въ 12 часовъ дня и обѣдаемъ въ 6 часовъ вечера, послѣ чего идемъ гулять въ садъ или же проѣзжаемъ нашихъ лошадей. Ложились мы спать довольно поздно, но къ 8-ми часамъ утра вставали. Словомъ, наша жизнь здѣсь походила на жизнь какого-нибудь высшаго учебнаго заведенія. Вся казачья команда, джигиты и прислуга наша помѣщены были также хорошо; наши лошади числомъ около 100 стояли въ саду среди деревьевъ. Мы жили точно въ крѣпости со всѣми военными предосторожностями; мною былъ назначенъ постоянный караулъ изъ трехъ постовъ; всѣ ружья постоянно заряжены, стояли въ козлахъ; на главномъ дворѣ были приняты всѣ мѣры на случай тревоги. Дружба эмира къ намъ сама по себѣ хороша, но собственная наша заботливость о безопасности есть крайняя необходимость въ дикой, безправной Азій. По ночамъ мы слышали стукъ отъ нѣсколькихъ большихъ барабановъ полицейскихъ служителей, охранявшихъ нашъ домъ.

День 23-го мая прошелъ частью въ устройствѣ нашихъ комнатъ, частью въ переговорахъ съ Насыръ-Мирахуромъ по поводу церемоніала, назначеннаго на 24-е число, въ день нашего представленія эмиру. Именемъ сего повелителя благородной Бухары меня упранивали, чтобы мы надѣли халаты, которые будутъ намъ поднесены послѣ представленія. Меня убѣдили въ томъ, что это нужно сдѣлать для того, чтобы показать народу, что русскіе подружились съ Бухарой, и тѣмъ поднять значеніе эмира въ глазахъ всего народа. Мнѣ сообщили, что эмиръ очень хорошо знаетъ, что это противно нашимъ обычаямъ, а потому высоко оцѣнить нашу уступку, на которую посмотритъ какъ на высокое выраженіе дружбы къ нему генераль-губернатора. Зная взглядъ послѣдняго

на этотъ вопросъ, который самъ по себѣ не имѣлъ никакого серьезнаго значенія въ виду цѣлаго ряда комедій, которыя приходилось разыгрывать намъ здѣсь; съ другой стороны, проникаясь программой дѣйствій генераль-губернатора, который именно стремился поднять значеніе бухарскаго и коканскаго хановъ внутри ихъ собственныхъ владѣній, что дѣлалось для того, чтобы прекратить внутреннюю неурядицу—я согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы значеніе этихъ халатовъ въ глазахъ народа было бы самое высокое и чтобы эмиръ зналъ, что это есть самая большая уступка, какая можетъ быть сдѣлана мною именно во вниманіе дружбы и расположенія генераль-губернатора къ нему, тѣмъ болѣе, что эмиръ съ своей стороны заботится о насъ и о нашемъ хорошемъ приѣмѣ.

24-го мая, за 20 минутъ до полудня, мы всѣ были одѣты въ парадную форму и совершенно готовы къ отъѣзду для представленія эмиру, жившему въ своемъ глиняномъ дворцѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ нашего дома. Процессія нашего шествія была положительно торжественна: впереди ѣхалъ шахауль (придворный церемоніймейстеръ), далѣе шли 7 человекъ урядниковъ, несшихъ на подносахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, подарки генераль-губернатора эмиру, потомъ ѣхалъ нашъ начальникъ джигитовъ, которые шли слѣдомъ пѣшкомъ по 3 человека въ рядъ, по каждую сторону моей лошади; за мною же по 2 въ рядъ ѣхали члены посольства и наконецъ шелъ вполне вооруженный конвой. Мы двигались медленно среди многочисленной любопытной толпы, которая тѣснилась по узкимъ улицамъ и въ особенности на базарѣ, расположенномъ противъ дворца. Небольшая площадка вблизи дворца, стоящаго на возвышенности, колыхалась отъ толпы, которая держала себя во все время нашего шествія весьма сдержанно и совершенно прилично, такъ какъ полицейскіе, шедшіе около насъ, внушали повиновеніе нагайками. Не трудно было замѣтить, что отъ одного поднятія руки вверхъ, люди нѣсколько выдавшіеся впередъ, быстро исчезали. Подойдя къ лѣстницѣ, ведущей во дворецъ эмира, конвой остановился и выстроился, мы же продолжали двигаться верхами въ ворота, состоящія изъ узкаго крытаго хода, длиною въ 40—50 шаговъ. По обѣ стороны воротъ стоялъ почетный карауль, представлявшій собою сборъ плохо вооруженныхъ людей съ ружьями, частью штыками и даже безъ всякаго оружія, отдающихъ намъ честь. Большинство солдатъ было въ красныхъ мундирахъ и собольихъ шапкахъ, нѣкоторые изъ нихъ новобранцы, почти мальчики; никто изъ нихъ не имѣлъ воинственнаго вида. Два офицера въ эполетахъ, стоявшіе при самомъ входѣ, подняли руки подъ козырекъ и опустили шанки; большинство караула состояло изъ иранцевъ.

Пройдя карауль и добравшись до мѣста, гдѣ уже не было возможности ѣхать, вслѣдствіе толпы набившихся здѣсь халатниковъ, мы

сошли съ лошадей, что также требовалось бухарскимъ церемоніаломъ, допускающимъ во внутрь дворца только избранныхъ почетныхъ лицъ ханства. Церемоніймейстеръ насъ провожавшій и Насырь-Мирахуръ шли прыжкомъ отъ самыхъ воротъ. Здѣсь насъ встрѣтили два церемоніймейстера съ золочеными палками въ рукахъ и въ богатыхъ халатахъ. Мы медленно двигались впередъ, и я замѣтилъ, что большинство халатниковъ, здѣсь стоявшихъ, опирались на желтоватыя палки. Взойдя на крыльцо, мы повернули въ открытый, выходящій на большой дворъ, корридоръ, потомъ вошли въ аванъ-залу, далѣе которой въ приѣмномъ залѣ сидѣлъ эмиръ, какъ объявили намъ задыхавшіеся отъ страха и смущенія царедворцы. Вступивъ на порогъ двери въ приѣмную залу, я увидѣлъ въ отдаленіи, шагахъ въ 30-ти отъ меня, эмира, сидящаго на полу совершенно одного. Видъ зала былъ грязный и бѣдный, нисколько не лучше обыкновеннаго сарая, на полу котораго лежалъ простой коверъ или палатъ. Я приблизился медленнымъ шагомъ, держа въ рукѣ письмо генераль-губернатора, внимательно всматриваясь въ черты лица азіатскаго деспота, сидящаго на небольшой сѣрой кошмѣ, сложенной пополамъ. Муссафаръ-Эдинъ-Богадуръ-Ханъ, не высокаго роста, но плотнаго сложенія челоуѣкъ, лѣтъ 40 отъ роду, съ бѣлымъ нѣсколько одутловатымъ лицомъ, носящемъ на себѣ отпечатокъ физической и нравственной усталости; черные блестящіе и безпокойно бѣгающіе глаза его представляютъ единственное проявленіе жизни и даютъ нѣкоторое выраженіе всей его фізіономіи. Я не могъ не замѣтить его безпокойства при моемъ приближеніи. Одинъ изъ церемоніймейстеровъ подалъ ему, низко согнувшись, письмо генераль-губернатора, которое онъ положилъ около себя, послѣ чего протянулъ мнѣ, съ нѣкоторою поспѣшностью, обѣ руки и заговорилъ скороговоркою, повторяя нѣсколько разъ привѣтствіе «аманъ исенъ» (здравствуйте, какъ вы здоровы). Подавъ ему руку, я отвѣтилъ на туземномъ языкѣ, «благодарю, я здоровъ» и отошелъ въ сторону. Всѣ члены посольства, по-одиночкѣ подходили къ эмиру, который подавалъ каждому руку и повторялъ свое привѣтствіе. По окончаніи этой церемоніи, мы усѣлись на полу въ полукружіе, недалеко отъ эмира. Церемоніймейстеры прокричали какое то громкое привѣтствіе, при произношеніи коего мы поклонились ему, въ знакъ уваженія опустивъ головы. Послѣ этого эмиръ скороговоркою и какимъ то неувѣреннымъ голосомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ о здоровьи Бѣлаго Государя, генераль-губернатора и другихъ здѣшнихъ губернаторовъ. Я отвѣчалъ благодарностью, и видя, что настала уже минута говорить мнѣ, такъ какъ эмиръ затруднялся въ продолженіи разговора, который могъ поэтому прекратиться, я обратился къ нему со слѣдующею рѣчью:

— Я, полковникъ Носовичъ службы Бѣлаго Государя, имѣю честь

быть присланнымъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ его величества фонъ-Кауфманомъ, для того, чтобы своими глазами убѣдиться въ здоровьи и благополучиіи вашего высочествова, а также пожелать вамъ отъ души долгихъ счастливыхъ дней. Генераль-губернаторъ сердечно радъ, что въ настоящее время установились дружба и миръ между двумя сосѣдними народами, между подданными великаго Бѣлаго Государя и благородной Бухары и если Богъ поможетъ, то генераль-губернаторъ увѣренъ, что этотъ миръ и спокойствіе будутъ продолжаться вѣчно.

Во время передачи моихъ словъ переводникомъ поручикомъ Сыртлановымъ, лицо эмира сіяло улыбкой и онъ часто повторялъ: «кокъ якши, кокъ якши» (очень хорошо, очень хорошо). Послѣ этого я сказалъ:

— Мы вступили въ добрый часъ въ предѣлы Бухары, когда солнце было въ полднѣ, т. е. дружески и равно освѣщало и согрѣвало оба сосѣднія народа. Въ этотъ самый часъ мы вступили также въ городъ Бухару и это есть доброе знаменіе въ пользу мира и дружбы.

Эмиръ улыбнулся и повторилъ «кокъ-якши, кокъ-якши». Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ распросами, довольны ли мы нашимъ помѣщеніемъ, хорошо ли принимали и угощали насъ во время пути, словомъ коснулся того важнаго, государственнаго вопроса, коимъ всѣ эти дни занимались здѣсь его сановники. Я отвѣчалъ благодарностью за отличный приемъ, оказанный намъ повсюду по его приказанію. Затѣмъ наша аудіенція считалась оконченною, мы встали съ своихъ мѣстъ, поклонились и удалились изъ залы. На порогѣ пріемной комнаты, я еще разъ обратился лицомъ къ эмиру и поклонился ему; въ это время, я замѣтилъ, что онъ съ необыкновенною поспѣшностью всталъ и въ сопровожденіи какого то богато одѣтаго чалмоносца, вѣроятно кушбеги, откуда то явившагося на сцену, удалился съ письмомъ генераль-губернатора въ комнату, расположенную направо, вѣроятно для того чтобы поскорѣе узнать о содержаніи этого письма. Сознаюсь, что въ это время мнѣ сдѣлалось жалко его—въ одинъ годъ развѣнчаннаго нашею силою. Мы возвратились снова въ аванъ-залу, гдѣ толпа царедворцевъ окружила насъ, повторяя одни и тѣ же слова: «кокъ-якши, кокъ-якши», потомъ намъ принесли подарки, состоявшіе изъ двухъ халатовъ шалеваго и шелковаго каждому изъ членовъ посольства и одного шелковаго халата для каждаго изъ казаковъ, принесшихъ наши подарки. Одинъ изъ моихъ халатовъ, который я надѣлъ, былъ краснаго бархата, вышитый серебромъ, другой хорошій шелковый. Члены посольства, шути и смѣясь надѣли на себя маскарадное платьє и всѣ мы тронулись къ выходу изъ дворца. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ мы оставили лошадей, ко мнѣ подвели гнѣдую кровную хотя старую лошадь, съ богатою сбруєю. Я сѣлъ на нее и мы возвратились домой столь же тор-

жественно. Шахауль, сопровождавшій насъ, долженъ былъ тотчасъ же возвратиться къ эмиру съ донесеніемъ о нашемъ благополучномъ возвращеніи. Снова пошли комплименты въ восточномъ вкусѣ и увѣренія во взаимной любви и дружбѣ. Въ 2 часа полдня мы были уже дома, усталые отъ жары и полные разныхъ ощущеній отъ всего видѣннаго и слышаннаго.

(Окончаніе слѣдуетъ).





ЗАПИСКА,

предназначенная его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествія за границу ¹⁾.

(Переводъ съ французскаго).

Варшава 10-го сентября 1816 г.

Каждая страна есть свой особенный міръ: человекъ въ немъ живетъ и дѣйствуетъ. Безчисленное множество предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ живыхъ и мертвыхъ, умирающихъ и возрождающихся, естественныхъ и искусственныхъ, окружаетъ его. Его мысль даетъ имъ быстрое развитіе, обширный объемъ, и объясняетъ всѣ сложныя, запутанныя отношенія, которыя захватываютъ прошлое, настоящее и будущее. Изощренное вниманіе наблюдателя, созерцая ихъ, бесплодно разсѣвается, если въ своемъ теченіи мысль его не будетъ постоянно руководиться точно опредѣленными началами; прежде всего эти начала должны находится въ качествахъ самого наблюдателя, а затѣмъ въ свойствахъ предметовъ, подлежащихъ его наблюденію, и въ способѣ ихъ наблюденія. Лишь при этомъ условіи можно достигнуть цѣли, которая предположена при составленіи этой записки.

О наблюдателѣ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, мы можемъ дать

¹⁾ Записка эта, составленная въ 1816 г. гр. Нессельроде, впоследствии канцлеромъ, имѣла цѣлю, по мысли императрицы Маріи Феодоровны, выработать политическое міросозерцаніе будущаго русскаго императора. Вместе съ тѣмъ, она является характеристикой политическихъ взглядовъ самого Нессельроде.

лицу нашему уму и сердцу только лишь при постоянномъ самонаблюденіи, отдавая себѣ отчетъ въ нашихъ мысляхъ и въ мельчайшихъ побужденіяхъ; тогда каждое новое понятіе будетъ ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ знанія, прибрѣтеннаго уже ранѣе. Всякое направленіе, которое мы даемъ нашимъ ощущеніямъ, всякое ихъ усиленіе, есть только новое испытаніе для нашихъ собственныхъ чувствъ.—Такимъ образомъ новые предметы, которые попадаютъ намъ на глаза, не что иное по отношенію къ нравственному и умственному развитію, какъ поводъ къ тому, чтобы мы изучали самихъ себя, отдавая себѣ строгій отчетъ въ томъ, чего мы не знаемъ и чѣмъ мы обязаны самимъ себѣ и нашимъ ближнимъ. Эта истина, примѣненіе которой устанавливаетъ необходимость извѣстныхъ качествъ для наблюдателя, вполне оправдывается по отношенію къ людямъ, которые привыкли или слишкомъ склонны самообольщаться, или создавать себѣ иллюзію о сущности наблюдаемыхъ предметовъ. Наблюдатель, живя за границей, постоянно подверженъ двумъ опасностямъ: первая изъ нихъ, это—не отдавать себѣ отчета въ собственныхъ мысляхъ и чувствахъ, а вторая—слишкомъ слѣдовать мнѣніямъ и чувствамъ другихъ.

О первой опасности.—Принцъ менѣе, чѣмъ кто либо, имѣетъ время уединяться и предаваться размышленіямъ; молодой же принцъ тѣмъ болѣе. Между тѣмъ, безъ размышленія мысли не могутъ быть приведены въ порядокъ. Ихъ отсутствіе незамѣтно; потребность ихъ прибрѣсти не чувствуется потребностью первой необходимости. Мыслящая способность молодого принца большею частью слишкомъ обогащена литературными и научными познаніями, прибрѣтенными воспитаніемъ.

Подавленный, если можно такъ сказать, тяжестью этихъ познаній, умъ не можетъ вполне уяснить себѣ ихъ смыслъ и возвыситься до творческаго господства надъ ними. Онъ этого не дѣлаетъ: его не нуждается къ этому никакой внѣшній толчекъ, который могъ бы заставить почувствовать въ томъ нужду.—Слишкомъ много людей способныхъ и ученыхъ окружаетъ молодого принца. Отсюда слѣдуетъ, что онъ не можетъ имѣть, какъ имѣетъ молодой человекъ, принадлежащій ко всякому другому классу, истиннаго мѣрила интеллектуальныхъ силъ и достаточнаго сознанія своихъ собственныхъ чувствъ. Онъ однако-жъ призванъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, наблюдать, судить о вещахъ и умѣть создавать о нихъ свое мнѣніе.—Изъ положенія, въ которомъ онъ находится, проистекаетъ невольная необходимость или ссылаться, по обыкновенію, на мнѣніе своихъ наставниковъ каждый разъ, когда новые предметы привлекаютъ его вниманіе, или же оставлять ихъ безъ вниманія, чтобы не прибѣгать постоянно къ этой несносной пощости. Отсюда, главнымъ образомъ, происходитъ то недовѣріе, которое

принцъ иногда имѣть къ своей способности думать и работать, а также и къ тому, что ему должны внушать люди, которыхъ онъ считаетъ самыми способными и наиболѣе напрактиковавшимися въ умѣнны владѣть мыслью, словомъ и перомъ. Такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсти истинное довѣріе къ собственнымъ своимъ силамъ, молодой принцъ долженъ рано осваиваться съ познаніями, которыми онъ владѣть, и съ чувствами, которыми онъ долженъ быть проникнуть. Лишь вслѣдствіе сильнаго напряженія своей воли, онъ можетъ сдѣлаться господиномъ своихъ собственныхъ мыслей, вполне уясняя себѣ ходъ умственнаго своего развитія съ самаго его начала—неясныхъ, фантастическихъ представленій перваго дѣтства. Присоединяя къ этому анализу познаній анализъ сокровенныхъ чувствъ, которыя запечатлѣны въ глубинѣ души, онъ постоянно будетъ постигать сущность своихъ дѣйствій, ихъ конечную цѣль и ихъ нравственный характеръ. Вооруженный, такимъ образомъ, всѣми духовными средствами, сопровождаемый самыми дорогими воспоминаніями, связывающими всю жизнь съ колыбели съ понятіями о семьѣ и объ отечествѣ, этотъ принцъ будетъ въ состояніи опредѣлять свои отношенія къ окружающимъ и при томъ вполне сознательно всякій разъ, какъ новые предметы ему будутъ представлять случай расширить свои познанія и образовать свое сердце въ школѣ истиннаго опыта.

О второй опасности.—Поставленный въ такія условія, молодой принцъ не будетъ ощущать недостатка въ довѣрїи къ самому себѣ: но въ то же время онъ можетъ быть слишкомъ довѣрчивымъ въ области иностранной политики, гдѣ каждый предметъ будетъ представляться въ самомъ благопрїятномъ свѣтѣ сообразно его личнымъ выгодамъ и склонностямъ. Она льститъ, такимъ образомъ, самолюбію молодого принца, вводя его при каждомъ отдѣльномъ случаѣ во вполне сложившійся, готовый кругъ идей и мнѣній, которыя онъ, не имѣя свободнаго времени и случая, не могъ составить самъ. Увѣряя его, что онъ всецѣло принадлежитъ ему, не трудно заставить его вопль ихъ усвоить. Человѣкъ вообще любитъ пользоваться всѣми выгодами, которыя представляютъ ему счастье, когда онъ почувствуетъ себя внезапно въ положеніи руководителя. Такимъ образомъ, затрогивая самымъ разнообразнымъ способомъ эту чувствительную струну каждого, лукавая политика овладѣетъ человѣкомъ, дѣлающимъ свои первые шаги на поприщѣ жизни гражданской и общественной безъ надлежащей подготовки. — Единственное средство предохранить себя отъ этой опасности: ни въ какомъ случаѣ не терять вѣры въ самого себя. Если у насъ образовалось самое правильное представленіе о нашихъ собственныхъ способностяхъ и полная вѣра въ наши силы пріобрѣсти его, то о безсознательномъ заимствованіи у иностранцевъ не можетъ быть и рѣчи, точно

также, мы не допустимъ никакого дѣйствія, которое могло бы быть внушено намъ со стороны. Тогда мы судимъ о вещахъ сами, и чужое мнѣніе не становится нашимъ безъ нашего вѣдома, а помогаетъ только точнѣе установить наше собственное мнѣніе, которое является послѣдствіемъ нашего собственнаго мышленія.

Наблюдаемые предметы и способы ихъ наблюденія.—Если принцъ-путешественникъ усвоитъ себѣ вышеозначенныя начала, а также будетъ обладать надлежащей подготовкой, то ему будетъ легко видѣть предметы, которые обращаютъ на себя его вниманіе, въ ихъ самомъ естественномъ видѣ и съ самой правильной точки зрѣнія. — Вмѣсто того, чтобы перечислять здѣсь роды и виды этихъ предметовъ, мы ограничимся тѣмъ, что установимъ общее правило, отъ котораго зависить каждое частное, касаясь этого предмета.

Всѣ страны, въ общемъ, походятъ другъ на друга. Человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же. Вездѣ есть многочисленный классъ управляемый и другой, менѣе многочисленный, управляющій. Мы имѣемъ извѣстное понятіе о нашемъ отечествѣ—о той воображаемой странѣ, которая является созданіемъ нашего воображенія и нашихъ историческихъ познаній. Сравненіе нашихъ идей съ тѣми, которыя мы предполагаемъ пріобрѣсти, всегда предшествуетъ точному изученію наблюдаемаго предмета; такимъ образомъ, образуется наше сужденіе о нихъ.

Но общія мысли не всегда могутъ быть прилагасмы къ каждому отдѣльному случаю; и именно оттого, что упускаютъ изъ виду это важное правило, происходятъ всевозможныя заблужденія и ошибки въ законодательствѣ и политикѣ. Чтобы изучить съ пользою страну въ ея внутреннемъ и вѣнпнемъ положеніи, не надо сравнивать ее съ другою страной, а тѣмъ болѣе со страной воображаемой; необходимо ее сравнить съ ней самой.

О странѣ, о народѣ, можно сказать то же, что и о человѣкѣ. О человѣкѣ судятъ поспѣшно, сравнивая его съ людьми ему подобными, но когда судятъ о немъ по его дѣйствіямъ, т. е. когда его постоянно сравниваютъ съ нимъ самимъ, то доискиваются до самыхъ сокровенныхъ его побужденій. Чтобы судить о нравахъ, законахъ, администраціи и политикѣ страны, нужно сравнивать дѣйствительное положеніе страны съ ея исторіей.

Это общее правило обнимаетъ всѣ тѣ правила, которыя принцъ-путешественникъ долженъ поставить себѣ въ руководство, чтобы имѣть возможность основательно изучать предметы и правильно судить о нихъ. Отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ въ продолженіе своихъ путешествій заниматься преимущественно чтеніемъ краткихъ обзорннхъ, которыя возобновляютъ въ памяти его историческія познанія.

Имѣя передъ глазами исторію страны, которую путешественникъ

посѣщаетъ, онъ получаетъ, независимо преимуществъ, обозначенныхъ выше, еще то преимущество, что онъ становится дорогъ людямъ, благородно преданнымъ чести и славѣ ихъ отечества. Онъ будетъ говорить съ ними просто и легко на языкѣ, болѣе подходящемъ, чтобы достойно выразить эти чувства.

Мы приложимъ сюда еще бѣглый взглядъ на происхожденіе политическихъ учрежденій въ Англии. Прежде чѣмъ судить объ Англии, сравнивая ея націю съ другими націями Европы, мы будемъ судить о ней, сравнивая ее съ ней самой.

Происхожденіе англійскихъ политическихъ учрежденій. Англія, изъ всѣхъ государствъ Европы, подтверждаетъ съ полной очевидностью наблюдателю ту важную истину и столь упорно отвергаемую, что общественныя учрежденія никогда не бываютъ послѣдствіемъ единоличной воли, но напротивъ плодъ времени, событій— всего того, что коренится въ духѣ англійскаго народа и въ его исторіи. Развитіе тѣхъ установленій, которыми Великобританія теперь по справедливости гордится, въ дѣйствительности было чрезвычайно медленно. Не только не можетъ быть указано ни одно лицо, которое положило бы первый камень въ основу этого древняго сооруженія, но даже трудно вѣрно опредѣлить эпоху, въ которую первоначально былъ данъ толчекъ развитію этихъ учрежденій.—Въ лѣтописяхъ этой страны, которая такъ много обязана своему географическому положенію, мы находимъ первый историческій фактъ, въ которомъ выразилось національное стремленіе къ либеральнымъ учрежденіямъ,—въ дарованіи великой хартии Іоанномъ Безземельнымъ. Этотъ актъ, установившій отношенія между государемъ страны и различными классами ея обитателей въ 1215 г., т. е. болѣе 600 лѣтъ тому назадъ, не былъ строго обдуманномъ и взвѣшеннымъ договоромъ между государемъ и народомъ. Этимъ актомъ дарованы были лишь небольшія, частичныя льготы, обусловленныя бѣдственнымъ личнымъ положеніемъ самого государя. Эта исходная точка, приобрѣвшая значительно позже такое важное значеніе въ своихъ конечныхъ результатахъ, не представляла въ свое время никакого предубавленія для какихъ либо теорическихъ комбинацій.

Это былъ зародышъ, въ которомъ никто не подозрѣвалъ незамѣтнаго источника безконечнаго развитія. Можно ли приписать чисто-сердечно этому отдѣльному факту происхожденіе англійской конституціи? Льготы, полученныя въ 1215 г., не были ли спустя много времени предметомъ желаній и попытками бароновъ и народа?

Смѣшеніе расы саксонской съ туземцами, бритами и какъ слѣдствіе этого—духъ германской вольности; уединенное положеніе страны, такъ способствующее направленію дѣятельности націи на развитіе своей внутренней жизни; увѣренность въ томъ, что разъединенія не повле-

кутъ за собой опасных послѣдствій; наконецъ влияние крестовыхъ походовъ на духъ времени, бывшее тогда во всей Европѣ могущественнымъ толчкомъ къ развитію свободы: всѣ эти причины не должны ли быть разсматриваемы какъ элементы англійской конституціи, какъ необходимыя условія, безъ которыхъ люди никогда не воспроизвели бы ничего подобнаго. Установивъ съ помощью такого объясненія точное значеніе этого факта, наблюдатель съ пользою будетъ изучать всѣ измѣненія, которымъ умственное развитіе народа подвергалось въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.—Онъ не будетъ удивляться, видя, что всѣ усилія, направленныя къ развитію свободы, прерывались на большія промежутки времени. Страшная борьба между Йоркскимъ и Ланкастерскимъ домами, разорявшая такъ долго Англію, кончилась утвержденіемъ неограниченной власти, которая скоро перешла въ деспотизмъ. Национальный интересъ былъ подавленъ, удалены отъ цѣли, но сущность дѣла не могла подлежать измѣненію: желѣзный скипетръ Генриха VII. Генриха VIII и Елизаветы, стремившейся управлять даже религіозной совѣстью людей, никогда не могъ уничтожить зародыша свободы, находившагося на Великобританской почвѣ. Какое дѣйствіе человѣческой воли можетъ быть болѣе выраженіемъ абсолютизма, какъ заставить весь народъ внезапно отречься отъ своей вѣры?—Кто изъ современныхъ наблюдателей не увидѣлъ бы въ этой небывалой перемѣнѣ утвержденія на вѣки деспотизма въ Англіи?—Между тѣмъ тамъ подготовилось и кончилось возрожденіе конституціонныхъ порядковъ. Реформація привлекла Англію къ участію въ умственномъ движеніи вѣка, пробудила всѣ потребности народа и всѣ его стремленія и заранѣе произнесла приговоръ объ изгнаніи дома Стюартовъ. Но черезъ сколько еще испытаній должна была пройти Англія, чтобы достигнуть этой цѣли!

Даже тогда, когда дѣло свободы рядомъ событій доведено было до полной его зрѣлости, не пытались создавать новыхъ постановленій. Ограничились отмѣной постановленій позднѣйшаго времени, какъ напр., звѣздной камеры и.... потому что онѣ сообщали королевской власти характеръ абсолютизма. Возстановили самоуправленіе тамъ, гдѣ оно было допущено великой хартіей, и предпочли лучше подчиниться нѣкоторымъ второстепеннымъ неудобствамъ, чѣмъ открыть путь опаснымъ нововведеніямъ. Такимъ образомъ, изъ смѣшенія старыхъ обычаевъ съ новыми порядками составились англійскія учрежденія. Наблюдатель, изучая ихъ со вниманіемъ, откроетъ даже въ этомъ безпорядочномъ смѣшеніи секретъ ихъ прочности.—Никто не создавалъ англійской конституціи, никто и не налагаетъ на нее руки. Это прекрасное сооруженіе является послѣдствіемъ умѣреннаго конфликта между духомъ правительственной власти и духомъ власти народной. Ее (конституцію) можно

сравнить съ плотиною, поставленной при слияніи двухъ рѣкъ, которую онъ утвердили своими наносами.

Никто не откажется заплатить справедливую дань удивленія этому феномену общественнаго и политическаго существованія. Но, восхищаясь имъ, легко можно впасть въ заблужденіе, свойственное нашему времени, а именно, я хочу сказать объ увѣренности, что эти самыя формы правленія возможно примѣнить къ другимъ народамъ, къ другимъ государствамъ, забывая, что быстрое развитіе англійскихъ учреждений главнымъ образомъ обязано уединенному положенію страны. Безъ этого обстоятельства, въ всякаго сомнѣнія, большія внутреннія потрясенія, которыя вынесла Англія, не разъ угрожали бы ея національной и политической независимости. Впрочемъ, сдѣяніе естественныхъ причинъ и непреложныхъ историческихъ фактовъ есть единственная гарантія продолжительности существованія учреждений. Заимствовать же иностранную форму правленія, чтобы дать государственное устройство какому нибудь народу, это значить замѣнить случайнымъ влияніемъ единоличной воли цѣлую цѣпь причинъ, дѣйствующихъ часто съ незапамятныхъ временъ, и стараться лишь подражать событіямъ. Тогда они будутъ имѣть только букву конституціи, а не духъ ея. Еще болѣе, не только формы конституціи не могутъ быть примѣнимы къ другимъ государствамъ, но часто даже начала, на которыхъ она основана, и которыя между тѣмъ признаны общей истиной, не могутъ быть приняты безъ подготовительныхъ и здраво обдуманыхъ мѣръ. Напримѣръ, правило, устанавливающее, что каждый гражданинъ долженъ быть судимъ себѣ равными, — есть общепризнанная истина, необходимое условіе правосудія. Между тѣмъ, сколько нужно труда, чтобы довести всѣ классы до возможности съ пользою примѣнять на дѣлѣ это почтенное юридическое положеніе! То же самое можно сказать о правѣ облагать налогомъ, слѣдить за поведеніемъ министровъ и о другихъ прерогативахъ этого рода.

Составъ парламента обнаруживаетъ торговые и промышленныя стремленія англійскаго народа. Земледѣльческій классъ не имѣетъ тамъ своихъ особыхъ представителей, какъ въ Швеціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Города и мѣстечки служатъ представителями націи. Было бы очень опасно измѣнять эту особенность, будь это въ Швеціи или въ Англіи. Отвлеченности удаляли бы отъ цѣли, если бы заботились о примѣненіи теоретической справедливости. Англійское дворянство нисколько не унижаетъ себя, ведя торговлю, потому что само правительство является первымъ и самымъ богатымъ торговцемъ. При разныхъ обстоятельствахъ, тотъ же самый законъ можетъ быть для другихъ государствъ пагубенъ тѣмъ, что онъ могъ бы уничтожить назначеніе дворянства или же наконецъ способствовалъ бы уничтоженію благосостоянія клас-

совъ, не владѣющихъ большими поземельными собственностями. То же самое можно сказать относительно всѣхъ подробностей, которыя составляли систему правленія, господствовавшую въ Англіи. Чѣмъ болѣе ее изучаютъ, тѣмъ болѣе убѣждаются, что она не есть созданіе воли людей, а что основанія этой конституціи коренятся въ семейной жизни, нравахъ и преданіяхъ англійскаго народа, сохранившихся во всей своей неприкосновенности благодаря морямъ, которыя окружаютъ его родину.

Итакъ, ихъ учрежденія заслуживаютъ того, чтобы наблюдатель, изучая ихъ, изощрялъ свой умъ, а не смотрѣлъ бы на нихъ, какъ на образецъ готовыхъ конституціонныхъ формъ, отъ которыхъ можно заимствовать размѣры для новаго сооруженія, воздвигаемаго подъ другимъ небомъ и въ другомъ климатѣ.

Сообщилъ **Евгеній Шумигорскій**.





Записки поляка о 1863 годѣ.

VII).

Предположеніе объ экспедиціи галичанъ въ Волынскую губернію.—Сношенія краковскаго общества съ тайнымъ правительствомъ.—Амнистія полякамъ, дарованная императоромъ Александромъ II.—Мнѣніе поляковъ въ Галиціи.—Ноты трехъ державъ и оцѣнка ихъ въ газетѣ „Часъ“.—Отвѣтъ князя Горчакова.

О возвращеніи своемъ въ Краковъ Козьмянъ прежде всего отправился къ Адаму Потоцкому и сообщилъ ему, что не привезъ никакихъ угбнительныхъ извѣстій, такъ какъ дипломатическое вмѣшательство державъ, не будучи въ состояніи доставить полякамъ побѣды, принудить ихъ только продолжать возстаніе. Потоцкій горько улыбнулся и замѣтилъ, какъ обманчивы надежды, основанныя на вѣрѣ въ Наполеона III, который вмѣсто того, чтобы помочь польскому народу, умножить только его бѣдствія. Тѣ же извѣстія сообщены были Людвигу Водзицкому и Станиславу Тарновскому.

Съ тѣми-же неутѣшительными новостями Козьмянъ посѣщилъ во Львовѣ, гдѣ готовилась вооруженная экспедиція въ Волынскую губернію, и сообщилъ ихъ членамъ народнаго комитета Восточной Галиціи: князю Адаму Сапѣгѣ, Францу Смолькѣ и Флоріану Земляковскому. Козьмянъ и Смолька высказались противъ задуманной экспедиціи, причемъ Смолька, человекъ политически дальновидный и безусловно умный, замѣтилъ въ концѣ своей рѣчи, что возстаніе въ Волынской гу-

*) См. „Рус. Стар.“, іюль, 1898.

берніи не принесеть дѣлу никакой пользы, а напротивъ можетъ сильно скомпрометировать возстаніе въ глазахъ иностранцевъ, если крестьяне кинутся на помѣщиковъ, что легко предвидѣть. Сапѣга былъ противоположнаго мнѣнія. Комитетъ въ концѣ концовъ одобрилъ экспедицію въ Подольскую и Волынскую губерніи и рассчитывалъ на чудотворственную силу «Золотой грамоты», освобождавшей крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Послѣдствія доказали всю неосновательность этого мнѣнія.

Краковское Бюро, въ ожиданіи посылки тремя державами ноты въ Петербургъ, старалось все-таки поддержать возстаніе и кормило баснями иностранныя газеты. Такой образъ дѣйствія былъ логическимъ послѣдствіемъ нелогического начала, и потому въ концѣ концовъ поляки жестоко поплатились за свою логику.

Краковскій кружокъ благомыслящихъ, къ которому принадлежалъ и Козьянянъ незамѣтно для самого себя, въ силу совершившихся фактовъ, входилъ съ тайнымъ правительствомъ постепенно въ болѣе и болѣе близкія отношенія, съ цѣлью выказать передъ Европой единство и исключительно національное направленіе возстанія. Князь Владиславъ Чарторыйскій такимъ-же образомъ очутился въ роли дипломатическаго агента и заграничнаго представителя того же тайнаго правительства, которое находилось въ Варшавѣ и въ нѣкоторомъ смыслѣ управляло дѣлами. Официальное назначеніе князя на этотъ постъ послѣдовало 1-го мая 1863 года, хотя князь и бюро «Отеля Ламберъ» признавали фактически народное правительство со времени паденія диктаторства и первоначально сносились съ нимъ чрезъ посредство дирекціи бѣлыхъ. Дирекція же бѣлыхъ въ Варшавѣ и краковскій кружокъ уже 19-го марта присоединились къ возстанію. Съ этого времени бюро «Отеля Ламберъ» сдѣлалось агентурой народнаго правительства.

Въ воскресенье 12-го апрѣля нов. ст. 1863 г. въ редакціи «Часа» была получена телеграмма, извѣщавшая объ амнистіи полякамъ, объявленной императоромъ Александромъ II. Телеграмма гласила: «Объявленъ манифестъ царя Александра, обѣщающій амнистію подъ условіемъ сложенія мителжниками оружія къ 1-му мая стараго стilia и дальнѣйшее веденіе организациі Царства Польскаго, начатую маркизомъ Велепольскимъ».

Телеграмма эта была послана изъ Варшавы вслѣдствіе появившагося въ прибавленіи къ «Всеобщему Дневнику», отъ 12-го апрѣля 1863 года, слѣдующаго сообщенія:

«Его императорское высочество великій князь намѣстникъ получилъ сегодня изъ С.-Петербурга слѣдующую телеграмму: Сегодняшнимъ манифестомъ для Царства Польскаго объявлена полная амнистія всѣмъ

тѣмъ, которые сложать оружіе къ 1 (13-го) мая текущаго года за исключеніемъ лицъ, совершившихъ частныя преступленія.

«Дарованныя учрежденія сохраняются неприкосновенно. Императоръ предоставляетъ своему благоусмотрѣнію ихъ развитіе, соответственно нуждамъ страны и времени, въ видѣ опыта и по мѣрѣ того довѣрія, которое встрѣтятъ монаршія намѣренія.

«Указомъ отъ того же числа объявляется такая же амнистія для западныхъ провинцій».

Все поняли, что наступилъ моментъ, который рѣшаетъ будущность, но никто не зналъ какъ къ нему отнестись. Адамъ Потоцкій и Генрихъ Водзицкій высказались за принятіе амнистіи и упрасивали С. Козьяна написать въ этомъ духѣ передовую статью въ ближайшемъ номерѣ «Часа»; они выставляли амнистію, какъ посланный Провидѣніемъ выходъ изъ того отчаяннаго по истинѣ положенія, въ которое повергнуто было возстаніе ожиданіемъ чужеземной помощи. Козьянъ и Александръ Шугевичъ высказались въ томъ смыслѣ, что статья «Часа» въ пользу амнистіи останется гласомъ вопіющимъ въ пустынь, такъ какъ общество ожидаетъ большаго отъ вмѣшательства державъ. Тогда Адамъ Потоцкій въ порывѣ благороднаго негодованія воскликнулъ: «Вся кровь, пролитая отнынѣ, падетъ на ваши головы» и ушелъ.

Хотя неизвѣстно было, чѣмъ выразится амнистія, но въ силу того что великій князь и Велепольскій были еще на мѣстахъ, можно было предполагать, что принятіе ея не только обезпечитъ край отъ крутыхъ репрессивныхъ мѣръ, но спасетъ народныя институціи, а вмѣстѣ съ ними и народный бытъ Царства Польскаго. Съ другой стороны не было ни слуху, ни духу о нотахъ державъ. Козьянъ, завѣдывавшій въ то время политическимъ отдѣломъ «Часа», и издатель и собственникъ этой газеты Викентій Кирхмайеръ были въ нерѣшительности, высказаться ли за принятіе амнистіи или отвергнуть ее печатно. Въ этотъ самый моментъ въ редакціи была получена изъ официального источника телеграмма, извѣщавшая о томъ, что ноты державъ высланы въ Петербургъ. Казалось до очевидности яснымъ, что амнистія и ноты находятся въ тѣсной зависимости, что амнистія есть слѣдствіе дипломатическаго вмѣшательства державъ, что русское правительство рассчитываетъ употребить ее въ качествѣ аргумента въ своемъ отвѣтѣ на ноты державъ, однимъ словомъ, что это—увертка, которая до нѣкоторой степени свидѣтельствовала о воздѣйствіи нотъ. Ясно, что «Часъ» никоимъ образомъ не можетъ высказаться въ пользу амнистіи въ моментъ врученія нотъ петербургскому кабинету и потому въ ближайшемъ номерѣ газеты появилась статья, отвергающая амнистію. Въ ней между прочимъ сказано: «Указъ объ амнистіи для поляковъ, добывающихъ своихъ правъ и свободы съ оружіемъ въ рукахъ, имѣетъ цѣлью прежде

всего лишить польскій вопросъ его европейскаго значенія и превратить въ дѣло внутренняго распорядка. Россія не признаетъ за Европой права вмѣшиваться въ ея отношенія къ Польшѣ и хочетъ однимъ актомъ покончить съ дипломатическими нотами вѣнскаго, парижскаго и лондонскаго кабинетовъ и свести весь вопросъ къ принципу нерушимого единства Россійской монархіи. Этотъ указъ не столько измѣняетъ, сколько выясняетъ положеніе польскаго вопроса. Правительства, пославшія ноты, были, такъ сказать, застигнуты врасплохъ. Указъ объ амнистіи вышелъ послѣ изготовленія нотъ, но раньше, чѣмъ онѣ были получены, указъ поэтому не является актомъ доброй воли, но и не уступкой, вызванной первымъ шагомъ дипломатическаго вмѣшательства. Дальнѣйшія дѣйствія державъ послѣ этого указа не могутъ быть теперь опредѣлены,—онѣ будутъ зависеть отъ положенія, которое займетъ страна по отношенію къ этому указу.

«Поэтому державы будутъ ожидать до 1 (11-го) мая результатовъ указа. Если эти результаты совпадутъ съ желаніемъ русскаго правительства, то державамъ придется только согласиться съ волей народа, за который онѣ ратуютъ въ качествѣ его защитниковъ и опекуновъ: въ противномъ-же случаѣ онѣ не оставятъ польскаго дѣла на произволь воли царя, такъ какъ это было-бы равносильно отреченію и на будущее время отъ своихъ правъ и признанію себя побѣжденными Россіей на дипломатическомъ поприщѣ».

Изъ этой статьи вытекала необходимость отверженія амнистіи. Козьминъ говоритъ, что при данныхъ обстоятельствахъ надо было обладать сверхъестественнымъ умомъ и прозорливостью, чтобы поступить иначе, до того казалось рѣшеніе это цѣлесообразнымъ. Между тѣмъ послѣдствія этого рѣшенія были весьма плачевны.

Судьбѣ угодно было, чтобы извѣстіе о двухъ столь важныхъ фактахъ, какъ указъ объ амнистіи и посылка державами нотъ въ Петербургъ пришли почти одновременно въ редакцію Краковскаго «Часа». Если-бы второе опоздало на нѣсколько часовъ, амнистія была-бы принята и наступилъ-бы конецъ заблужденію, вызвавшему возстаніе. Козьминъ сознается въ своей винѣ и добавляетъ, что онъ виновентъ не менѣе другихъ, но и не болѣе.

Суть дипломатическихъ нотъ никому еще не была извѣстна. Извѣстно было только, что ноты державъ не были идентичны, какъ того желала Франція. Это обстоятельство указывало на отсутствіе общаго соглашенія между державами, что считалось тогда дурнымъ предзнаменованіемъ. Разнорѣчивость нотъ давала возможность каждой державѣ независимо отъ другой устраниться отъ вмѣшательства въ любое время.

Чтобы дать понятіе, какъ глубоко вкоренилась въ мысляхъ тогдашняго польскаго общества идея, что возстановленіе Польши составляетъ

насущенный интересъ европейскихъ державъ. С. Козьминъ приводитъ выдержки изъ статей «Часа», относящихся къ тому времени.

Въ номерѣ отъ 16-го апрѣля 1863 года сказано: «Если-бы государства, пославшія свои ноты въ Петербургъ по польскому вопросу, были руководимы исключительно чувствами гуманности, справедливости, соболѣзнованія и благородства, мы не придавали-бы большаго значенія этой дипломатической дѣятельности и не ожидали-бы большой пользы отъ нея. Но въ польскомъ вопросѣ затронуты высшіе политическіе интересы каждой изъ трехъ державъ и политическіе виды всей Европы».

Касательно Англии было сказано: «Исключеніе польскаго вопроса изъ ряда общеевропейскихъ вопросовъ не соотвѣтствовало-бы видамъ Великобританіи: такое исключеніе развязало-бы Россіи руки на Востокъ и проложило-бы путь къ тѣсному и искреннему сближенію петербургскаго и парижскаго кабинетовъ, къ союзу, угрожающему Англии какъ на сушѣ, такъ и на морѣ».

Переходя къ Австріи, статья гласила: «Положеніе Австріи, какъ государства участвовавшаго въ раздѣлѣ Польши, несомнѣнно очень трудно и щекотливо. Не будемъ напоминать здѣсь о давнопрошедшихъ событіяхъ, всѣмъ хорошо знакомыхъ. Извѣстно, что Австрія только по необходимости приняла участіе въ раздѣлѣ; отсюда логически слѣдуетъ, что только по необходимости она сдерживала свое желаніе возстановить Польшу каждый разъ, когда къ тому представлялась возможность. Такъ утверждаютъ государственные дѣятели Австріи. Они могли ошибаться въ оцѣнкѣ этой необходимости, но принципиально каждый изъ нихъ признавалъ, что существованіе независимой Польши имѣетъ громадный интересъ для Австріи, ибо Польша, отдѣляя Австрію отъ Россіи, отдалила-бы отъ нея грознаго и могущественнаго сосѣда и могла бы сдѣлаться вѣрною союзницей первой. Господство Россіи на Востокъ угрожаетъ политическимъ, торговымъ и вѣроисповѣднымъ интересамъ Австріи. Дѣлая Польшу стражей этихъ интересовъ, Австрія обезпечиваетъ себѣ въ этой странѣ свѣта не только безопасность, но и будущность. Великая держава не можетъ довольствоваться тѣсными границами, но должна даже съ точки зрѣнія безопасности открывать себѣ широкіе горизонты. Такіе горизонты открываетъ Австрія въ данный моментъ: польскій вопросъ,—моментъ, правда, трудный, но очень благопріятный. Упущеніе этого момента повлечетъ за собой не только затрудненіе, но прямо опасность, вытекающую изъ географическаго, торговаго, религіознаго, въ особенности-же политическаго положенія; ибо если до сихъ поръ идея панславизма принадлежитъ къ утопіи, то единственно потому, что Польша всѣми силами стремится къ завоеванію себѣ своихъ природныхъ и историческихъ правъ. Дѣятельность въ этомъ направленіи петербургскаго кабинета съ нѣкотораго времени очень ясна и вызываетъ опасеніе;

присутствіе-же въ рядахъ русскихъ государственныхъ дѣятелей автора «Письма польскаго дворянина къ князю Меттерниху» служить очевиднымъ тому доказательствомъ».

О Франціи было сказано слѣдующее: «Удѣлъ Франціи—возбуждать своимъ могуществомъ и инициативой недоувѣріе, которое часто приводило къ заключенію противъ нея коалицій. Не имѣя возможности отказать отъ возложенной на нее судьбой задачи и не желая подвергать себя опасности въ неравной борьбѣ, Франція находится въ томъ же затруднительномъ положеніи, въ которомъ въ свою очередь находится и вся Европа. Существованіе независимой Польши, удовлетворяя стремленіямъ Франціи и созидая для нея союзника, хотя и не безусловнаго, можетъ единственно разрѣшить трудную задачу, которой усиленно занимается вся Европа. Польша, съ одной стороны, удовлетворяетъ Францію, съ другой—успокаиваетъ Европу и исключаетъ возможность всякой коалиціи. Если вообще Франція сильно заинтересована, какъ въ социальномъ, историческомъ, религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи въ восстановленіи Польши, то Наполеоновская Франція заинтересована стократно больше, потому что она именно возбуждаетъ величайшее недоувѣріе и находится въ этомъ отношеніи въ самомъ затруднительномъ положеніи, выходъ изъ котораго обезпеченъ только искреннимъ содѣйствіемъ польскому дѣлу. Только въ восстановленіи Польши можетъ Наполеоновская Франція найти истинный и необходимый для другихъ державъ реваншъ за Ватерлоо. Если бы Наполеонъ I вмѣсто того, чтобы стремиться къ монструальному всемірному владычеству, старался за Франціей обезпечить—уважая права народовъ—должное ей вліяніе,—то не хлопоталъ-бы объ утвержденіи своей власти въ Римѣ, Гамбургѣ и Голландіи, а восстановилъ-бы Польшу. То что не хотѣлъ совершить въ своемъ ослѣпленіи Наполеонъ I, можетъ своею умѣренностью сдѣлать Наполеонъ III. Къ вышеприведеннымъ мотивамъ, склоняющимъ его въ нашу пользу, слѣдуетъ присоединить еще тотъ, что существованіе Польши уволило-бы его отъ неизбѣжнаго въ противномъ случаѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неестественнаго союза съ Россіей».

Общевропейскій интересъ былъ опредѣленъ слѣдующими словами: «Надъ отдѣльными интересами Англій, Австрій и Франціи въ польскомъ вопросѣ господствуетъ высшій общеевропейскій интересъ. Польскій вопросъ затрагиваетъ такъ много интересовъ этихъ трехъ державъ, что до своего разрѣшенія будетъ застилать политическій горизонтъ тучей, готовой ежеминутно разразиться грозой. Мы не принадлежимъ къ политическимъ оптимистамъ, но можемъ сдѣлать то логическое заключеніе, что надлежащее разрѣшеніе польскаго вопроса надолго обезпечитъ миръ, не такой, конечно, о которомъ мечтаетъ Кобденъ, но такой, который является въ политическомъ мірѣ, когда интересы всѣхъ на нѣкоторое

время удовлетворены.... Но если-бы мы, упустивъ изъ виду матеріальный интересъ, единственный двигатель въ данномъ случаѣ, стали вѣрять въ гуманность и симпатіи, то могли-бы усмотрѣть разрѣшеніе польскаго вопроса въ карикатурѣ, гдѣ Польша изображена валяющеюся на землѣ, а окружающія ее державы въ отчаяніи ломаютъ руки и кричатъ: «да здравствуетъ Польша!»

Наконецъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1863 года ноты были опубликованы.

Французская отъ 10-го апрѣля, подписанная Друэнъ-де-Люисомъ и адресованная французскому посланнику въ Петербургѣ, графу Монтебелло, была написана въ умѣренномъ, но серьезномъ тонѣ. Англійская, тоже отъ 10-го апрѣля, подписанная лордомъ Русселемъ и адресованная посланнику лорду Нэпиру, была написана въ горячихъ выраженіяхъ, ссылаясь на Вѣнскій трактатъ, и возмущалась тѣмъ, что Россія вздумала считать польское возстаніе дѣломъ внутренней политики.

Австрійская нота, которая должна была быть самой важной, оказалась самой блѣдной. Она была помѣчена 12 апрѣля, подписана графомъ Рехбергомъ и адресована къ повѣренному въ дѣлахъ графу Фридриху Ревертеру. Въ ней говорилось, что возстаніе послѣ пораженія болѣе значительныхъ вооруженныхъ отрядовъ уменьшается, и констатирована опасность, угрожающая Галиціи, въ случаѣ если движеніе продолжится.

Всѣ три ноты приглашали русское правительство обдумать средство для упроченія мира въ Польшѣ.

Остальныя европейскія государства, до Турціи и Португаліи включительно, кромѣ Пруссіи, конечно, присоединились къ этому дипломатическому вмѣшательству трехъ великихъ державъ. Обстоятельство это на первый взглядъ казалось трогательнымъ и благороднымъ шагомъ. Между тѣмъ, въ сущности оно лишило ноты великихъ державъ политическаго значенія и скорѣе придавало имъ характеръ гуманной и мирной манифестаціи.

Адресатамъ поручено было сообщить ноты вице-канцлеру князю Горчакову который въ депешахъ отъ 26-го апрѣля къ представителямъ Россіи — г. Балабину въ Вѣнѣ, барону Будбергу—въ Парижѣ и барону Брунинову—въ Лондонѣ замѣтилъ, что и державы могутъ съ своей стороны способствовать умиротворенію Польши, «такъ какъ надежда и вѣра въ чужеземную помощь является главными причинами затянувшегося возстанія».

Затѣмъ наступаетъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ перерывъ, во

время котораго державы обдумывали дальнѣйшіе шаги ¹⁾). Русское правительство тѣмъ временемъ было занято усмирениемъ возстанія въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ.

Наконецъ послѣдовалъ отвѣтъ державъ на депеши князя Горчакова въ формѣ нотъ: англійская и французская отъ 17-го іюня, австрійская отъ 18-го іюня. Требования были формулированы Австріей и нѣсколько видоизмѣнены англійскимъ и французскимъ кабинетами. Онѣ заключались въ слѣдующихъ пунктахъ:

- 1) Общая и безусловная для всѣхъ амнистія.
- 2) Народное представительство, принимающее участіе въ мѣстномъ законодательствѣ и имѣющее соотвѣтственный контроль.
- 3) Назначеніе поляковъ на общественныя должности, народная администрація, пользующаяся довѣріемъ страны.
- 4) Полная вѣротерпимость и уничтоженіе ограниченій, касающихся исполненія обрядностей католической церкви.
- 5) Введеніе исключительно польскаго языка въ администраціи, судпроизводствѣ и воспитаніи.
- 6) Введеніе правильной и законной системы рекрутскихъ наборовъ.

Въ нотахъ упоминалось о созывѣ конференціи государствъ, подписавшихъ Вѣнскій трактатъ, а лордъ Руссель кромѣ того выразилъ желаніе объявить перемиріе воюющихъ сторонъ, по которому русскія войска должны были отступить въ крѣпости и города. Стокгольмскій кабинетъ поддерживалъ этотъ проектъ.

Князь Горчаковъ былъ поставленъ іюньскими нотами въ крайне затруднительное положеніе. Онъ не допускалъ мысли, что все вмѣшательство можетъ ограничиться нотами и что защищать требованія, заключавшіяся въ 6 пунктахъ, ни одна изъ державъ серьезно не думала.

Изъ заблужденія вывела его англійская дипломатія.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемыхъ событій турецкій посланникъ въ Вѣнѣ Кали-бей, который въ 1863 году завѣдывалъ турецкимъ посольствомъ въ Петербургѣ, рассказывалъ Станиславу Козьяну, что представитель Англій не только успокоилъ князя Горчакова, но и увѣрилъ, что ноты имѣютъ только академическое значеніе, что уча-

¹⁾ Собственно же говоря только французское правительство было занято вопросомъ, что предпринять въ случаѣ уиорства Россіи. Возникла мысль о высадкѣ въ Курляндіи французско-шведскихъ войскъ. Бисмаркъ, узнавъ объ этомъ, заявилъ лондонскому кабинету, что Пруссія въ такомъ случаѣ возьмется за оружіе. Тогда возобновленъ былъ проектъ о высадкѣ въ Триестѣ для начала, шестидесятитысячной французской арміи для соединенія съ такою же австрійской и совмѣстнаго вступленія въ предѣлы Царства Польскаго. Колебанія Австріи заставили отказаться и отъ этого проекта.

стіе Англіи было вызвано только желаніемъ удовлетворить Наполеона III и общественное мнѣніе и что ноты никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій имѣть не будутъ.

Вскорѣ князь Горчаковъ получилъ изъ Лондона отъ посланника Бруннова, челоуѣка большихъ дипломатическихъ дарованій, донесеніе, въ которомъ онъ извѣщалъ вице-канцлера, чтобы петербургскій кабинетъ не стѣснялся отвѣтомъ, что ноты никакихъ послѣдствій за собою не повлекутъ, такъ какъ между державами не существуетъ никакого соглашенія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій.

Извѣстно также, что посланникъ въ Петербургѣ лордъ Нэширъ откровенно сказалъ Ленскому, министру статсъ-секретарю Царства Польскаго: «Вы—полякъ, а потому считаю долгомъ васъ предупредить, что мы только пишемъ ноты, но сдѣлать—ничего не сдѣлаемъ». Ленскій съ своей стороны не счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ своимъ друзьямъ въ Варшавѣ.

13-го іюля воспослѣдовалъ отвѣтъ князя Горчакова на іюньскіе ноты державъ, отвѣтъ самый гордый, самый смѣлый, самый дерзкій, какой только извѣстенъ въ международныхъ сношеніяхъ. Своимъ отвѣтомъ онъ приобрѣлъ популярность среди русскихъ и возбудилъ въ немъ ненависть къ польской народности, вычеркнулъ польскій вопросъ изъ числа европейскихъ вопросовъ и низвелъ его, къ изумленію всего міра, къ разряду вопросовъ внутренней русской политики. Князь Горчаковъ нанесъ этимъ отвѣтомъ первый ударъ внѣшнему обаянію Наполеона III и его политикѣ, считавшейся до того непогрѣшимой.

Тутъ только выяснилось, до какой степени былъ безразсуденъ расчетъ на чужеземную помощь вообще и Франціи въ особенности.

Дипломатическое вмѣшательство державъ не только продлило это гибельное и несчастное возстаніе, сбило съ толку массу разсудительныхъ гражданъ и побудило краковскій кружокъ къ содѣйствію и поощренію мятежному движенію; не только помѣшало всякому соглашенію съ русскимъ правительствомъ при посредничествѣ великаго князя и маркиза Велепольскаго, но задѣвая за живое самолюбіе и народную гордость Россіи, растравило глубокую ненависть русскаго общества къ польскому. Вмѣшательство это дало толчекъ къ переходу отъ системы подавленія къ системѣ искорененія. Изъ этого событія польскій народъ извлекаетъ впрочемъ и пользу: онъ разъ навсегда освободился отъ пагубныхъ мечтаній и вредныхъ надеждъ и сталъ искать благоденствія на болѣе вѣрномъ, но до сихъ все еще тернистомъ пути.

Никто изъ современниковъ не думалъ, чтобы вмѣшательство ограничилось нотами. Маркизъ Велепольскій и въ этомъ отношеніи оказался выше и дальновиднѣе своего вѣка: въ своихъ убѣжденіяхъ онъ

остался непоколебимъ и былъ увѣренъ, что и ноты не приведутъ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Такъ какъ и послѣ отвѣта князя Горчакова ни французское правительство, ни «Отець Ламберъ» не давали сигнала къ отступленію, а напротивъ продолжали поощрять возстаніе увѣряя, что Наполеонъ III не упускаетъ ни на минуту изъ вида польскаго дѣла, то польское общество продолжало идти по разъ избранному пути, чувствуя, что каждый день приноситъ новыя бѣдствія.

VIII.

Назначеніе графа Берга помощникомъ главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ.—Формированіе вооруженныхъ отрядовъ въ Галиціи.—Аресты.—Учрежденіе главнаго галиційскаго совѣта.—Сношенія его съ варшавскимъ центральнымъ комитетомъ.—Краковскій кружокъ.—Дѣйствія тайнаго варшавскаго правительства.—Революціонныя трибуналы.—Несбыточныя планы поляковъ.—Новыя ноты западныхъ державъ.—Отвѣты князя Горчакова.—Бисмаркъ.—Новый составъ народнаго правительства.—Рѣчь Наполеона 5-го ноября.—Состояніе Царства Польскаго.—Прекращеніе мятежа.

14-го апрѣля графъ Бергъ былъ назначенъ помощникомъ главнокомандующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ и исполняющимъ должность намѣстника, въ случаѣ отсутствія великаго князя Константина Николаевича.

Въ это время возстаніе въ Царствѣ Польскомъ поддерживалось постоянно вооруженными отрядами, сформированными въ Галиціи почти на глазахъ австрійскихъ властей. Въ виду массоваго перехода въ эти отряды университетской молодежи, совѣтъ Краковскаго университета обратился къ ней съ увѣщаніемъ воздержаться отъ этого движенія. Объявленіе это было проникнуто искреннимъ патриотизмомъ. Въ числѣ профессоровъ Ягеллонскаго университета (въ Краковѣ) въ то время находился Юліанъ Дунаевскій, занимавшій впослѣдствіи постъ министра финансовъ въ Австріи. Онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ въ то время людямъ, которые ясно и трезво оцѣнивали событіе и предъугадывали будущее. Онъ ни на минуту не измѣнилъ своего убѣжденія о пагубности возстанія, никогда не вѣрилъ въ иноземную помощь и всегда открыто выражалъ свои мысли. Не одинъ студентъ обязалъ ему своею жизнью.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ аресты и обыски въ Галиціи по предписанію намѣстника графа Менсдорфа-Пулы случались довольно часто. Начальникъ полиціи въ Краковѣ, Меркель сносился съ тайными русскими агентами.

тами, которые прїѣзжали въ Краковъ. Но параллельно съ ходомъ дипломатической переписки и поведеніе австрійскихъ властей становилось ласковѣе. Генераль Крушевскій и Леонъ Хшановскій были освобождены изъ-подъ ареста. Въ іюлѣ аресты опять стали чаще. Такъ, 9-го іюля былъ арестованъ князь Адамъ Сапѣга, 26-го іюля—Стефанъ Замоискій, 27-го іюля—Флоріанъ Земялковскій, членъ галиційскаго сейма. Вообще поведеніе австрійскихъ властей мѣнялось, какъ хамелеонъ, соотвѣтственно ходу событій. 7-го августа въ Краковѣ въ центрѣ города произошелъ взрывъ пороха отъ неосторожнаго съ нимъ обращенія при изготовленіи патроновъ для мятежныхъ отрядовъ, причеиъ погнбло около 10 человекъ. Полиція ограничилась предписаніемъ мѣръ предосторожности при обращеніи съ порохомъ, но ничего не говорила о воспрещеніи приготовленія патроновъ, хотя и знала о цѣли ихъ назначенія. Такое двусмысленное поведеніе властей способствовало, къ несчастію, только продленію возстанія.

Тайная организація первоначально появилась въ Царствѣ Польскомъ. Во главѣ этой организаціи стоялъ Варшавскій центральный комитетъ, который высылалъ эмиссаровъ въ Галицію для распространенія заговора въ польскихъ провинціяхъ Австріи, гдѣ, впрочемъ, почва была уже подготовлена самостоятельной организаціей. Адамъ Асныкъ прибылъ изъ Варшавы еще въ 1861 году, съ цѣлью патріотической пропаганды между молодежью. Въ 1862 году въ Краковѣ былъ учрежденъ главный галиційскій совѣтъ, который сталъ распространять заговоръ во всей странѣ и учредилъ такимъ образомъ въ болѣе значительныхъ городахъ свои отдѣленія подъ названіемъ «Лавы», на обязанности которыхъ лежало собираніе, такъ называемыхъ, народныхъ податей и организація вооруженныхъ отрядовъ. Членами главнаго галиційскаго совѣта состояли: Демидовичъ, Стефанъ Малковскій, Фаддей Войцѣховскій и докторъ Людвигъ Кубала. Всѣ провинціальныя «Лавы» подчинялись главному галиційскому совѣту и имѣли своихъ начальниковъ. Когда болѣе или менѣе водворился порядокъ въ этой тайной организаціи и былъ учрежденъ помянутый совѣтъ, Варшавскій центральный комитетъ прислалъ Бронислава Шварца для переговоровъ о совмѣстномъ и согласномъ дѣйствіи. Было рѣшено, что польскія провинціи Австріи, Пруссіи и Россіи, а также польская эмиграція въ другихъ государствахъ должны организоваться какъ четыре самостоятельныя и отдѣльныя единицы. Цѣль организаціи — возбужденіе патріотическихъ чувствъ и рекрутированіе вооруженныхъ отрядовъ. Никто не можетъ начинать возстаніе на свой страхъ. Возстаніе можетъ быть начато только съ согласія всѣхъ четырехъ отдѣловъ заговора и исключительно въ предѣлахъ Царства Польскаго.

Галиційскія «Лавы» не пользовались вообще довѣріемъ въ солид-

ныхъ кругахъ общества. Не имѣя большаго вліянія на мѣстное населеніе, «Лавы» не могли скопить и значительныхъ денежныхъ средствъ. Люди, болѣе вліятельные и съ опредѣленнымъ положеніемъ въ обществѣ, не довѣряясь «Лавамъ», но признавъ на основаніи извѣстій изъ Парижа пользу вооруженнаго движенія, соединились воедино и стали дѣйствовать въ пользу этого движенія, собирая денежные средства и вооружая отряды. Сюда принадлежали: баронъ Юсіфъ Баумъ, бывший офицеръ австрійской службы, Аванасій Беное, впоследствии предѣлатель польской фракціи австрійской палаты, Цезарь Галлеръ и Карлъ Роговскій. Лица эти, связанные между собою только взаимнымъ довѣріемъ, не составляли собственно тайнаго общества, дѣйствовали почти открыто и имѣли свое пребываніе въ Краковѣ. Этотъ кружокъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «западнаго комитета». Такой же восточный комитетъ съ мѣстопребываніемъ во Львовѣ, составляли: князь Адамъ Сапѣга, Флоріанъ Земялковскій, Александръ Дзедушицкій и Франць Смолека. Послѣ выхода послѣдняго—въ составъ комитета вошли графъ Антонъ Голеевскій и графъ Артуръ Голуховскій. Народное правительство въ Варшавѣ съ недовѣріемъ относилось къ краковскому комитету и своими считало только участниковъ «Лавъ», называя первыхъ узурпаторами. Тѣмъ не менѣе оно принуждено было поддерживать сношеніе съ комитетомъ, такъ какъ онъ оказывалъ существенную помощь и деньгами и вооруженными отрядами. Кромѣ того существовалъ еще, такъ называемый, краковскій кружокъ, который составляли: Станиславъ Козьянъ, Людвигъ Водзицкій, Станиславъ Тарновскій и его братья, Августъ Горайскій, Владиславъ Яблоновскій и другіе. Кружокъ этотъ былъ совершенно самостоятельной единицей и онъ-то служилъ связующимъ звеномъ между Галиціей и французскимъ правительствомъ черезъ «Отель Ламберъ». Варшава получала всѣ извѣстія изъ-за границы черезъ этотъ кружокъ.

Мало-по-малу «Лавы» потеряли всякое значеніе и прекратили свое существованіе. На первый планъ выступили комитеты: восточный и западный, при которыхъ народное правительство имѣло своихъ комиссаровъ и черезъ нихъ поддерживало тѣсныя сношенія съ обоими галиційскими комитетами. Комиссары сплошь и рядомъ пользовались вымышленными фамиліями. Составъ же народнаго правительства за немногими исключеніями былъ совсѣмъ неизвѣстенъ. Приказы и отношенія народнаго правительства, пересылаемые въ Галицію, не подписывались, а только скрѣплялись печатью съ изображеніемъ гербовъ Польши и Литвы и съ надписью: «равенство, свобода, независимость». Народное правительство всѣми мѣрами стремилось къ тому, чтобы подчинить всю Галицію своему непосредственному вліянію. Комитеты, однако, этому воспро-

тивились и одержали верхъ, сохранивъ за собою полную самостоятельность дѣйствій.

Во второй половинѣ августа 1863 года, когда виды на иноземную помощь ослабѣли, австрійское правительство сдѣлалось строже. Въ это время были арестованы всѣ члены западнаго комитета. Ихъ мѣста заняли: Станиславъ Тарновскій, Людвигъ Водзицкій, Станиславъ Брандись, Александръ Горайскій и Эдуардъ Ендржеевичъ. При этомъ комитетѣ состоялъ и С. Козьянъ, въ качествѣ дипломатическаго агента, для сношеній съ границею, принявшій фамилю Майеръ. Галиційскіе комитеты были учреждены не для приготовленія возстанія, но были вызваны къ жизни ожидаемымъ вмѣшательствомъ державъ. Въ виду этого вмѣшательства они поддерживали возстаніе въ предѣлахъ Россіи, но оберегали Галицію отъ этого безумнаго движенія и въ этомъ отношеніи исполнили свою задачу, не допуская распространиться господству народнаго правительства въ предѣлахъ австрійскихъ владѣній.

Народное правительство въ Варшавѣ было тайнымъ. Уже одно названіе тайное правительство противорѣчило всѣмъ юридическимъ и политическимъ понятіямъ. Задача всякаго правительства заключается въ явномъ представительствѣ и охраненіи существующаго порядка вещей. Между тѣмъ народное правительство, составъ котораго въ каждый данный моментъ никому собственно точно не былъ извѣстенъ, тайно и анонимно объявило Россіи войну, управляло отчасти страной, имѣло свою казну и собирало подать, поддерживало сношенія съ границею, имѣло свою полицію и свою жандармерію, имѣло свою почту и издавало газеты, печатавшіяся въ тайныхъ типографіяхъ, и въ то же время не было ни передъ кѣмъ отвѣтственнымъ и мѣнялось въ своемъ составѣ по своему собственному усмотрѣнію. Въ концѣ концовъ это фиктивное правительство достигло того, что на всѣхъ распространило свою власть, а иногда и терроризмъ; всѣ должны были съ нимъ считаться, даже иностранныя правительства входили съ нимъ въ сношенія, и если нѣкоторые не признавали его вполне законными (какъ краковскій кружокъ благомыслящихъ и умѣренныхъ людей), то признали его временную необходимость.

Иногда правительство это казалось сильнымъ, чаще же оно обнаруживало свое безсиліе терроризмомъ и такими необузданными дѣйствіями, которыя ничего общаго съ представленіемъ о правительствѣ не имѣли и вполне оправдывали названіе заговора. Съ теченіемъ времени появлялись такія же тайныя и никѣмъ не признанныя власти, которыя орудовали на свой страхъ, и невозможно было разобраться съ кѣмъ имѣешь дѣло, съ народнымъ ли правительствомъ, съ такъ называемой тайной полиціей, или съ какой-либо другой самозванной властью. Несмотря на все это, нельзя не признать, что организація этого заговора была

весьма тонко обдуманна и выполнена. Довольно вспомнить, что оно существовало нѣсколько лѣтъ, склонило къ послушанію такое множество людей, подготовило демонстраціи и привело къ открытому возстанію.

Въ это смутное время не было недостатка въ людяхъ, которые посвящали всю свою энергію дѣлу, отличались отвагою и ловкостью, жертвовали всёмъ. Рядомъ съ этимъ всплывали наверхъ подонки, появлялись люди съ извращенными понятіями о чести и совѣсти, люди, лишенные всякаго здраваго смысла. Въ концѣ возстанія послѣдній типъ сдѣлался преобладающимъ.

Съ самаго начала возстанія, которое было сплошь одной ошибкой, показана была умѣренность дѣйствій и осторожное обращеніе съ самолюбіемъ русскаго общества. Не слѣдовало къ возстанію, возникшему въ Царствѣ Польскомъ, припутывать такъ называемыхъ «забранныхъ провинцій» (юго-западныхъ губерній) и Литвы. Между тѣмъ, и словомъ и дѣломъ на каждомъ шагу было оскорбляемо русское общество, не говоря уже о русскомъ правительствѣ. Ненависть и месть руководила народнымъ правительствомъ, когда оно 5-го августа 1863 года поручило Северину Эльжановскому войти въ сношеніе съ венгерскимъ революціоннымъ комитетомъ, съ цѣлью сформированія венгерскаго легіона. Проектъ этотъ, впрочемъ, не осуществился.

Самымъ отвратительнымъ дѣйствіемъ тайнаго правительства были убійства, совершенныя отъ имени и по приказанію его. Законность этихъ приговоровъ не можетъ быть ничѣмъ доказана. Противъ нихъ возмущается и совѣсть, и здравый умъ и навсегда они останутся кровавыми преступленіями. Тайное правительство не имѣло ни единого клочка земли, гдѣ бы могло выступить явно, не имѣло права поэтому ни на кого распространять своей власти, тѣмъ болѣе приговаривать къ смерти, зачастую безъ должныхъ доводовъ и заочно. Приговоры эти не имѣютъ никакого оправданія, ни юридическаго, ни нравственнаго, ни политическаго. Приговоры эти дискредитировали въ глазахъ Европы не только дѣло возстанія 1863 года, но и все польское общество. Краковскій кружокъ неоднократно получалъ предписанія изъ Парижа о принятіи мѣръ къ прекращенію этихъ убійствъ.

Вскорѣ убійства эти, изъ территоріи фиктивно подвластной народному правительству, были занесены въ Галицію, на которую власть его никоимъ уже образомъ не распространялась. Трупы были находимы въ общественныхъ садахъ краковскихъ, переулкахъ и гостиницахъ. Зачастую нельзя было рѣшить, были ли убійства эти совершаемы по приговору народнаго правительства или по инициативѣ самозванныхъ демагоговъ. Виновникомъ нѣкоторыхъ убійствъ въ Краковѣ былъ террористическій кружокъ ремесленниковъ. Въ концѣ лѣта въ одинъ день было совершено пять политическихъ убійствъ. Тогда Краковскій кружокъ заявилъ на-

родному правительству, что если еще разъ повторится что-либо подобное, то оно устранится совершенно отъ всякаго содѣйствія возстанію. Заявленіе это возымѣло свое дѣйствіе—и преступленія стали рѣже.

Всѣ эти убійства, какого бы происхожденія они ни были, совершаемы были безъ всякаго вѣдома, а тѣмъ болѣе участія галиційскихъ народныхъ комитетовъ. Самую большую сенсацію произвело убійство судебного слѣдователя Леопольда Кучинскаго, совершенное во Львовѣ въ 7 часовъ вечера 28-го октября 1863 года. Преступникъ не былъ найденъ, хотя заподозрѣнныхъ было много, и слѣдствіе не было еще закончено даже въ 1875 году.

Несмотря на то, что въ концѣ лѣта 1863 года народное правительство попало въ шальные руки, есть однако факты, доказывающіе, что въ составѣ его были и люди, имѣвшіе ясное представленіе о положеніи дѣлъ и не лишены дипломатическихъ способностей. Объ этомъ свидѣтельствуемъ меморандумъ отъ 15-го августа къ князю Чарторыйскому, предназначенный для иностранныхъ дворовъ. Онъ былъ опубликованъ въ тайномъ официальномъ органѣ «Независимость», затѣмъ въ «Часѣ» и, наконецъ, къ великому всѣхъ удивленію, въ «Moniteur» отъ 22-го сентября въ неофициальномъ отдѣлѣ. Второй меморандумъ былъ написанъ къ папѣ римскому Пію IX съ просьбой о помощи и объ опекѣ. Народное правительство поручило Адаму Потоцкому вручить его папѣ. Потоцкій отказался отъ этой миссіи и меморандумъ былъ врученъ папѣ въ іюлѣ 1863 года неизвѣстнымъ лицомъ по выбору князя Чарторыйскаго. Піи IX двукратно выступалъ въ качествѣ ходатая по польскому возстанію. Первый разъ онъ обратился къ императору Францу-Іосифу съ просьбой помочь польскому дѣлу, второй разъ написалъ письмо къ императору Александру II, присоединяясь къ обще-европейской манифестаціи по случаю нотъ трехъ державъ.

Въ то время, когда иностранныя державы заняты были дипломатической корреспонденціей по польскому вопросу съ петербургскимъ кабинетомъ, русское правительство занято было «водвореніемъ мира» въ Польшѣ и ея бывшихъ провинціяхъ.

Маркизь Велепольскій, видя невозможность веденія дальше задуманнаго имъ дѣла, подалъ 28-го іюня въ отставку, которая была принята. Поводомъ къ уходу Велепольскаго послужили постоянныя его пререканія съ директоромъ комисіи внутреннихъ дѣлъ, Келлеромъ. Маркизь потребовалъ или отрѣшенія отъ должности Келлера и назначенія на его мѣсто сына своего Сигизмунда, или своей отставки. Нельзя было найти замѣстителя. Было время, когда мѣсто маркиза Велепольскаго надѣялся занять членъ бывшаго комитета сельско-хозяйственнаго общества, Венглинскій. Но онъ ошибся. Не было даже разговора ни о немъ, ни вообще о другомъ какомъ полякѣ, не состоящемъ на государственной

службѣ. Великій князь предложилъ Крживицкому занять мѣсто Велепольскаго. Хотя Крживицкій и не всегда ладилъ съ Велепольскимъ, однако отвѣтилъ: «Я съ Велепольскимъ пришелъ, съ Велепольскимъ же и уйду». Онъ чувствовалъ, что мѣсто это ему не по силамъ.

Съ уходомъ Велепольскаго край потерялъ послѣднее средство къ спасенію.

Генераль Бергъ 9-го іюля вступилъ въ гражданское управленіе Царствомъ Польскимъ. Взоры всѣхъ до того были ослѣплены вмѣшательствомъ державъ, что эти два важныхъ факта, съ которыхъ начинается крутой поворотъ въ судьбахъ Царства Польскаго, прошли совершенно незамѣтно.

Въ іюнь бразды правленія въ народномъ правительствѣ, попали въ руки террористовъ, во главѣ которыхъ стоялъ нѣкто Лямпке. Правительство это учредило революціонные трибуналы, которые дали поводъ къ раздвоенію тайной власти и открыли свободный путь къ самозванымъ кровавымъ затѣямъ. Съ этими трибуналами были органически связаны жандармы - вѣшатели и полиція народнаго правительства. Къ этому времени относится кража или, какъ въ то время говорили, переходъ въ народную кассу закладныхъ листовъ на сумму около 4.000.000 рублей. Размѣнять на деньги этихъ листовъ не удалось и результатъ кражи оказался ничтожнымъ. Во второй половинѣ іюня у кормила народнаго правительства очутились опять люди болѣе умѣренныя и разсудительныя.

Между тѣмъ вооруженная демонстрація въ Царствѣ Польскомъ продолжалась. Галиція помогала ей по-прежнему. Въ послѣднихъ числахъ іюня перешли австрійскую границу и вступили въ предѣлы Волинской губерніи три отряда подъ общимъ начальствомъ генерала Высоцкаго, который командовалъ однимъ изъ нихъ; во главѣ двухъ другихъ стояли Городынский и Артуръ Голуховскій. Всѣ три отряда были вскорѣ разбиты и вынуждены въ безпорядкѣ ретироваться обратно въ Галицію. Распространеніе возстанія на Украину возстановило мѣстное русское общество противъ польскаго элемента и привело къ кровавымъ послѣдствіямъ, какъ это предвидѣлъ Смолька. До какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходили тогда фантастическіе проекты, видно изъ того, что былъ составленъ планъ нападенія на Одессу со стороны моря и десантъ на Кавказъ. Еще удивительнѣе, что французское правительство одобряло и поощряло эти затѣи.

Дѣло было такъ. Одновременно съ волинской экспедиціей изъ Галиціи возникла мысль нападенія на какой-нибудь русскій портъ. Избрана Одесса. Друэнъ-де-Люисъ одобрилъ планъ. Князь Чарторыйскій заявилъ ему, что на это нужны деньги. Министръ спросилъ — сколько? князь отвѣчалъ, что приблизительно около 300.000 франковъ. Тогда Друэнъ-

де-Люисъ тутъ же вручилъ князю означенную сумму и, видя его удивленіе, пояснилъ, что сумма эта пожертвована однимъ неизвѣстнымъ другомъ польскаго народа. По просьбѣ Друэнъ-де-Люиса, адмираль Ля-Ронсьеръ далъ князю Чарторыйскому въ его распоряженіе офицера французскаго флота. Для наблюденія за этой экспедиціей, былъ посланъ княземъ въ Константинополь Шеміотъ. Планъ, какъ извѣстно, кончился ничѣмъ.

24-го іюня, графъ Валеvскій подъ давленіемъ министра финансовъ Фульда, подалъ въ отставку, которая хотя и не находилась въ непосредственной связи съ польскимъ вопросомъ, тѣмъ не менѣ свидѣтельствовала о побѣдѣ сторонниковъ невмѣшательства.

Отвѣтныя ноты князя Горчакова въ насмѣшливомъ и обидномъ тонѣ отвергали право державъ вмѣшиваться въ польско-русскія дѣла. Въ отвѣтъ, посланномъ графу Рехбергу, князь Горчаковъ, выставляя на видъ общность интересовъ Австріи и Россіи, укорялъ ее въ поощреніи возстанія и приглашалъ на конференцію съ Пруссіей по польскимъ дѣламъ, какъ державу, участвовавшую въ раздѣлѣ Польши.

Въ нотѣ къ лорду Русселю, было выставлено положеніе, что возстаніе поддерживается надеждой на чужеземное вмѣшательство, далѣе доказывалась вся непрактичность проекта о перемирії и какъ единственный исходъ указано сложеніе оружія и ожиданіе милостей Царя. Наконецъ, князь ссылался на достоинство и самолюбіе русскаго народа.

Отвѣтъ на французскую ноту категорически и сухо отвергалъ всѣ шесть пунктовъ, отвергалъ предложенную конференцію державъ, доказывая, что польскій вопросъ есть дѣло внутренней русской политики, и если кого можетъ интересовать, то только державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши и никоимъ образомъ не Францію, которую прямо обвинялъ въ подзадориваніи поляковъ. Тронутый за живое высокомеріемъ этого отвѣта, Наполеонъ предложилъ Австріи и Великобританіи послать въ Петербургъ сообща одну ноту, которая опровергала всѣ положенія князя Горчакова и имѣла форму ультиматума. Англія и Австрія отвергли проектъ этой ноты, и Наполеонъ остался обособленнымъ. Обидный для императора Наполеона тонъ ноты князя Горчакова радовалъ тогда поляковъ, которые были убѣждены, что и въ политикѣ, какъ въ частной жизни, за обидой послѣдуетъ слово, а за словомъ дѣло. Но поляки ошиблись, и уже 19-го іюля въ депешахъ къ князю Меттерниху въ Парижъ и къ графу Аппони въ Лондонъ, графъ Рехбергъ отвергалъ мысль о конференціи трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, понявъ опасность западни, поставленной княземъ Горчаковымъ.

Послѣ долгаго перерыва, державы отвѣтили наконецъ въ сере-

динѣ августа на ноты петербургскаго кабинета. Онѣ возлагали на Россію всю отвѣтственность за послѣдствія продолжающагося движенія въ Польшѣ. Князь Горчаковъ въ депешѣ отъ 7-го сентября принялъ эту отвѣтственность, возложенную на Россію тремя державами, объявилъ, что не желаетъ продолжать дальше переговоровъ, и прекратилъ всякія пренія по этому предмету.

Такъ окончилась эта дипломатическая корреспонденція, которая напрасно продлила кровавую борьбу въ Польшѣ. Она останется навсегда въ исторіи памятникомъ безпримѣрнаго, крайне обиднаго дипломатическаго пораженія трехъ великихъ и могущественныхъ державъ.

Пропасть, въ которую попало польское общество, затѣявъ возстаніе, разверзалась все больше и больше, такъ какъ помощи не видно было ни откуда. Естественно поэтому, что люди тогдашней эпохи всюду искали спасенія и придумывали всевозможныя комбинаціи.

Адамъ Потоцкій, князь Леонъ Сапѣга и нѣсколько польскихъ словъ въ австрійскую палату задумали склонить Австрію къ занятію Царства Польскаго австрійскими войсками съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи присоединить ее къ монархіи Габсбурговъ. Князю Сапѣгѣ было отвѣчено въ Вѣнѣ, что нельзя и думать о томъ, чтобы правительство послѣдовало примѣру Виктора Эммануила.

17-го сентября народное правительство совершенно измѣнилось въ своемъ составѣ: старые члены вышли и ихъ замѣнили новые съ террористическимъ направленіемъ. Въ это время политическія убійства стали особенно часты. Покушеніе 19-го сентября на жизнь графа Берга— было также дѣломъ новаго правительства. Оно требовало безпрекословнаго подчиненія Галиціи своей власти. Противъ этого поползновенія народнаго правительства особенно страстную борьбу повелъ Людвигъ Водзицкій, за что и былъ приговоренъ какимъ-то тайнымъ трибуналомъ къ смертной казни. 17-го октября 1863 года во главѣ народнаго правительства сталъ Трауггутъ, человекъ въ высшей степени честный и энергичный, который сумѣлъ умѣрить пылъ прежнихъ заправилъ. Въ этомъ новомъ составѣ народное правительство просуществовало до половины апрѣля 1864 года, т. е. до момента окончательнаго его уничтоженія. Трауггутъ былъ единственный членъ народнаго правительства съ которымъ С. Козьянъ лично былъ знакомъ. Устраненные Трауггутомъ террористы устроили тайную конфедерацію, которая облеклась самозванною властью и подкапывалась подъ народное правительство. На фонѣ этихъ темныхъ событій отъ времени до времени обрисовывалась болѣе или менѣе отчетливо фигура Мѣрославскаго, который всегда старался придать движенію крайне вредный для дѣла характеръ соціальной революціи. Въ среднихъ числахъ августа онъ былъ назначенъ народнымъ правительствомъ «генеральнымъ организаторомъ польскихъ войскъ вѣнѣ

московскаго захвата». Подъ вліяніемъ Траугута, Мѣрославскій былъ отставленъ 8-го ноября отъ должности, которому собственно никогда не исправлять.

Къ началу осени 1863 года австрійскія власти стали строже относиться ко всему, что имѣло прикосновеніе къ возстанію. Многіе дѣятели были арестованы. С. Козьминъ подвергся трехмѣсячному тюремному заключенію за свои статьи въ «Часѣ» по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Эти запоздалыя мѣры не положили однако конца помощи, оказываемой возстанію.

15-го августа французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ-де-Лонсѣ послалъ своимъ заграничнымъ агентамъ циркуляръ, въ которомъ было сказано, что Франція отказывается впредь отъ всякой инициативы по польскому вопросу.

Лордъ Руссель послалъ 20-го октября къ англійскому посланнику въ Петербургѣ заключительную депешу по польскому вопросу съ заявленіемъ, что лондонскій кабинетъ вполне удовлетворенъ добрыми намереніями императора по отношенію къ полякамъ.

5-го ноября императоръ Наполеонъ въ рѣчи своей при открытіи законодательнаго засѣданія высказался въ пользу конгресса по польскому дѣлу. Вотъ то мѣсто рѣчи, гдѣ объ этомъ говорилось: «Польское дѣло требуетъ долгаго обсужденія. Когда въ Польшѣ возникло возстаніе, правительства русское и французское были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Со времени заключенія (Парижскаго) мира они были согласны по всѣмъ европейскимъ вопросамъ, и я не колеблюсь говорить, что во время присоединенія Ниццы и Савои императоръ Александръ искренно и сердечно мнѣ помогалъ. Это доброе согласіе требовало большой осмотрительности и только глубоко убѣдившись, что польскій вопросъ крайне популяренъ во Франціи, я рѣшился подвергнуть опасности первѣйшій союзъ на материкѣ и заговорить въ пользу народа, который Россія считаетъ возмутившимся, а мы—наслѣдникомъ историческихъ и обезпеченныхъ трактатами правъ. Вопросъ этотъ безспорно затрогиваетъ обще-европейскіе интересы,—Франція не можетъ имъ заняться изолированно. Только оскорбленіе нашей чести и нападеніе на наши границы обязываютъ насъ дѣйствовать безъ всякаго соглашенія съ другими державами. Выяснилась поэтому необходимость, чтобы мы, какъ это было во время событій на Востокѣ и въ Сиріи, пришли къ соглашенію съ другими державами, которыя наравнѣ съ нами имѣли поводъ и право высказать свое мнѣніе.

«Польское возстаніе, продолжительность котораго придало ему народный характеръ, возбудило всѣ симпатіи. Цѣль дипломатіи заключалась въ томъ, чтобы вызвать благосклонное отношеніе къ этому дѣлу и произвести на Россію давленіе всею тяжестью европейскаго мнѣнія.

Это единомышленное почти воздѣйствіе представлялось намъ самымъ подходящимъ средствомъ, чтобы убѣдительно повліять на петербургскій кабинетъ.

«Къ несчастію наши безкорыстные совѣты были истолкованы какъ средство къ залугиванію, и мѣры, предпріятыя Австріей, Англіей и Франціей, вмѣсто того, чтобы положить конецъ борьбѣ, растравили ее еще больше. Что же остается дѣлать? Развѣ мы скованы альтернативой или война, или полное молчаніе? Нѣтъ! Между войной и замалчиваніемъ дѣла есть середина, а именно: предложеніе польскаго дѣла Европѣ на обсужденіе... Трактаты 1815 года прекратили свое существованіе... Россія поправа ихъ въ Варшавѣ... Два пути открыты: одинъ ведетъ къ прогрессу черезъ согласіе и миръ, второй, къ несчастію, ведетъ къ войнѣ вслѣдствіе упорнаго поддерживанія разрушающагося прошлаго».

Изъ этихъ словъ Наполеона видно, что онъ искалъ выхода, но не былъ увѣренъ, что конгрессъ по польскому вопросу состоится. Россія съ своей стороны была убѣждена, что все дѣло ограничится дипломатическими нотами и что Наполеонъ, занятый мексиканской экспедиціей, не будетъ въ состояніи перейти къ дѣйствию. Поляки однако не унывали, имъ не вѣрилось, что Наполеонъ снесетъ отказъ и на этомъ остановится.

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ государства отказались отъ участія въ конгрессѣ. Этотъ отказъ былъ послѣднимъ пораженіемъ Наполеона III въ попыткѣ уладить польскій вопросъ и первымъ ударомъ, нанесеннымъ его обаянію и вліянію. Принципъ народности присвоилъ себѣ Бисмаркъ и имъ же уничтожилъ Наполеона III.

Польское возстаніе 1863 года дало толчекъ паденію французскаго могущества, возвеличенію Германіи и пробужденію народнаго духа въ Россіи.

Къ осени 1863 года положеніе Царства Польскаго было поистинѣ плачевное. Страна страдала отъ народнаго правительства и мятежныхъ отрядовъ, съ одной стороны, и русскихъ властей и русскихъ войскъ—съ другой. Отвратительнымъ явленіемъ этого времени были жандармъ-вѣшатели. Возстаніе подавало уже слабыя признаки жизни, хотя Босакъ (Гауке) еще до апрѣля 1864 года стойко держался со своимъ отрядомъ.

Трудно повѣрить, чтобы въ такомъ плачевномъ положеніи нашлись еще люди, которые по совѣту Гарибальди и Мадзини и при тайномъ участіи италіанскаго правительства хлопотали о томъ, чтобы догнать въ Царствѣ Польскомъ возстаніе перекинуть въ Галицію и распространить его до Карпатскихъ горъ. Много труда стоило «Отелу Ламберъ», чтобы предотвратить эту опасность. Особенно хлопоталъ объ осуществленіи этого плана извѣстный предводитель демократической

эмиграціи Ордена, который сносился съ итальянскими патриотами и итальянскимъ правительствомъ, разсчитывавшемъ въ случаѣ возникновенія возстанія въ Галиціи ударить на Австрію съ юга.

Австрийское правительство чаще стало прибѣгать къ строгостямъ. Изданіе «Часа» 14-го декабря было воспрещено на три мѣсяца, мѣсто его заняла газета «Хвиля» (Минута), которая по истеченіи трехъ мѣсяцевъ опять получила свое прежнее названіе.

Наконецъ 29-го февраля 1864 года Галиція была объявлена австрийскимъ правительствомъ въ осадномъ положеніи. Надо сожалѣть, что это не было сдѣлано въ январѣ 1863 года, въ такомъ случаѣ возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, лишенное содѣйствія Галиціи, не приняло бы такихъ широкихъ размѣровъ и разсѣялись бы иллюзіи поляковъ о сочувствіи Австріи мятежному движенію въ русскихъ владѣніяхъ. Въ то время ходили слухи, что осадное положеніе обязано совѣтамъ нѣсколькихъ галиційскихъ поляковъ, имѣвшихъ связи въ Вѣнѣ. Вѣрнѣе однако приписать объявленіе осаднаго положенія въ Галиціи настояніямъ графа Берга, который отправилъ своего адъютанта Анненкова къ намѣстнику Галиціи графу Менсдорфу-Пульи съ тайнымъ порученіемъ выяснить графу, что пока въ Галиціи не будетъ объявлено осадное положеніе, до тѣхъ поръ не прекратится въ Царствѣ Польскомъ вооруженное возстаніе, поддерживаемое отрядами, снаряжаемыми въ Галиціи. Графъ Менсдорфъ-Пульи, снабдивъ Анненкова рекомендаціями, отослалъ его въ Вѣну къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Рехбергу. Въ то время вѣнскій кабинетъ окончательно пришелъ въ соглашеніе по польскому вопросу съ Пруссіей, а слѣдовательно и съ Россіей, и миссія Анненкова увѣнчалась успѣхомъ.

Въ концѣ концовъ Наполеонъ III, сознавъ свое безсиліе въ разрѣшеніи польскаго вопроса, призвалъ къ себѣ 18-го февраля 1864 года князя Владислава Чарторыйскаго и заявилъ ему, что все кончено. Онъ настоятельно совѣтовалъ прекратить возстаніе, въ которомъ теперь усматривалъ только источникъ бѣдствій и разоренія страны.

На слѣдующій день князь имѣлъ аудіенцію у принца Наполеона, который, нисколько не удивляясь заявленію императора, сказалъ: «Я предвидѣлъ этотъ печальный исходъ,—предупреждалъ многихъ изъ васъ, но что было съ ними дѣлать, когда они предпочитали оставаться подъ впечатлѣніемъ иллюзій». Тогда князь Чарторыйскій, получивъ и отъ лорда Кларендона, англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, подтвержденіе словъ Наполеона, сообщилъ этотъ важный фактъ народному правительству въ телеграммѣ отъ 24-го апрѣля.

Ни Наполеонъ III, ни его министры не догадались, что Австрія, особенно-же Англія, были рады поднять польскій вопросъ, такъ какъ онъ представлялъ удобный случай поссорить Наполеона III съ Але-

ксандромъ II и помѣшать союзу Франціи съ Россіей, грозному для всего міра. Другой цѣли не имѣлось въ виду. Неудивительно, что поляки сдѣлались жертвой той же ошибки и прозрѣли слишкомъ поздно.

Краковскій кружокъ, освѣдомленный о заявленіи Наполеона III, забилъ также отбой по всей линіи и первый устранился отъ всякаго содѣйствія возстанію. Галиційскіе комитеты закрылись. Соотвѣтственно этому и «Часъ» объявилъ конецъ возстанія.

Въ субботу 23-го апрѣля 1864 года впервые раздались колокольный звонъ и звуки органовъ въ варшавскихъ церквахъ, закрытыхъ въ началѣ возстанія. Съ амвона прочитано посланіе архіепископа Фелинскаго изъ Ярославля, въ которомъ пастырь польской церкви говорилъ, что, не надѣясь скоро вернуться изъ мѣста своего изгнанія, не хочетъ, чтобы изъ-за него не совершались долѣе обрядности, предписываемыя церковью.

Босакъ покинулъ Царство Польское и удалился за границу. Съ арестомъ въ апрѣлѣ мѣсяцъ Траугута пало окончательно народное правительство.

Въ мартѣ объѣзжалъ уже Царство Польское Николай Милютинъ и объявлялъ манифестъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

Состояніе польскаго общества послѣ печальныхъ событій 1863—64 годовъ опредѣляется однимъ словомъ «отчаяніе». Не удивительно, что въ виду свершившагося покушенія на самоубійство цѣлаго народа и отдѣльнымъ лицамъ приходила мысль о самоубійствѣ. Ошибка поляковъ была послѣдствіемъ ошибки другихъ, которые казалось не должны бы были ошибаться. Послѣдствія этого заблужденія служатъ для польскаго общества обвинительнымъ приговоромъ и урокомъ. Пусть приговоръ и останется безапелляціоннымъ, лишь бы урокъ не остался безполезнымъ.





Провинціальные типы сороковыхъ годовъ.

(Записки стараго помѣщика).

Кому приходилось быть въ Саратовѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ, тотъ, конечно, помнить его далеко не такимъ какъ теперь, когда называютъ его столицей Поволжья. Неощенныя улицы этого города были въ лѣтнее время покрыты на четверть пылью, а весной и осенью жидкой грязью на полъ-аршина и именно въ той части города, которая теперь имѣетъ такой благоустроенный и красивый видъ; второстепенныя же улицы были менѣе грязны потому, что значительная часть ихъ заросла густой травой. Главныя улицы имѣли узенькіе деревянные тротуары и изрѣдка стоявшіе фонари, тускло освѣщавшіеся коноплянымъ масломъ. Но все это не особенно затрудняло жителей, потому что почти каждый маленькій чиновникъ имѣлъ лошадь и экипажъ, въ виду крайней дешевизны сельскихъ продуктовъ и возможности имѣть недорогую прислугу изъ оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. О водопроводѣ тогда, конечно, не было и рѣчи, вода развозилась бочками изъ Волги по крутымъ ея берегамъ, а на случай пожара существовали въ нѣсколькихъ частяхъ города какіе-то деревянные съ рѣшетками бассейны, наполненные водой, покрытой вонючей зеленью. Бородатые малограмотные изъ купцовъ городскіе головы, носившіе въ парадныхъ случаяхъ длиннополые кафтаны съ бархатнымъ воротникомъ золотого шитья, особаго фасона фуражки съ козырькомъ и на боку саблю въ кожаныхъ ножнахъ, разѣзжая по городской пыли и грязи, почему-то совсѣмъ не обращали вниманія на благоустройство города, хотя Саратовъ со временъ Петра I имѣетъ и донинѣ болѣе 80,000 десятинъ земли. Жалкія зданія полицейскихъ частей съ каланчами были деревянныя, выкрашенныя дикою краской, а полиція, кромѣ полиціимейстера, который назна-

чался въ то время изъ заслуженныхъ штабъ-офицеровъ, отъ комитета о раненыхъ, была въ страшномъ пренебреженіи. Какъ теперь смотрю на мундирные фраки частныхъ приставовъ съ краснымъ стоячимъ воротникомъ при золотыхъ петлицахъ, съ шпаженкой на боку и треуголкой, надѣвавшейся поперекъ головы. Пошлютъ, бывало, къ нему кучера или лакея съ запиской дать имъ полсотни розогъ, да и приложить за трудъ синенькую ассигнацію, что даже и не считалось въ то время взяткой, которая всюду безнаказанно существовала. А о квартальныхъ надзирателяхъ, замѣнявшихъ теперешнихъ помощниковъ приставовъ, и говорить нечего—они брали гдѣ попало и довольствовались не только рублевками, но и мелочью. Лучшая нажива для нихъ была во время рекрутскихъ наборовъ, когда раскутившихся рекрутовъ приходилось сажать въ часть, отъ чего они, конечно, откупались; но случалось, что отъ пьяныхъ рекрутовъ доставалось и квартальнымъ. Выхватять, бывало, они у кварташки треуголку изъ рукъ да ей его и дуютъ, а онъ отъ нихъ въ своемъ мундирномъ фракѣ улепетываетъ маршъ-маршъ по улицѣ до самой части. Полиція въ то время очень наживалась; пристава, по выходѣ въ отставку, дѣлались домовладѣльцами города, а нѣкоторые изъ нихъ, дослужившись до коллежскаго ассессора, который до 1847 года давалъ потомственное дворянство, пріобрѣтали земли и крестьянъ.

Грабежи и разбои подѣ Саратовомъ были заураднымъ явленіемъ и наконецъ стали повторяться настолько часто, что въ самое короткое время было три возмутительныхъ случая, заставившихъ даже проснуться губернскую администрацію. Такъ, въ горахъ, подѣ самымъ Саратовомъ, въ прудѣ сада купца Громова было подкинута мертвое тѣло, по поводу котораго частный приставъ Баусъ началъ прижимать его и, какъ впоследствии оказалось, взялъ съ него большую взятку. Далѣе на городскомъ выгонѣ, ночью, черезъ мостъ была протянута веревка, остановившая казенную почту, и послѣ выстрѣла въ почтальона денежная почта была разграблена. И, затѣмъ, на дачу чиновника Лачинова явилась цѣлая шайка разбойниковъ и, связавши его и его прислужника, разграбила все имущество, увезя на двухъ тройкахъ; и хотя грабители были съ намазанными сажей лицами, но Лачиновъ служившій ранѣе самъ въ полиціи, узналъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и затѣмъ заявилъ подозрѣніе на частнаго пристава Бауса. По разсѣдованіи оказалось, что приставъ Баусъ, хотя самъ въ разбояхъ и не участвовалъ, но укрывая грабителей, отбиралъ себѣ большую часть награбленнаго ими имущества, которое и найдено было въ его участкѣ, въ подземныхъ подвалахъ у загородныхъ вѣтряныхъ мельницъ. Титулярный совѣтникъ Баусъ былъ за это по суду лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь, при существовавшей въ подоб-

ныхъ случаяхъ въ то время церемоніи: привезли Бауса на загородную площадь, которая нынѣ уже находится внутри города и называется Митрофановской, и затѣмъ при громадномъ стеченіи народа, на устроенномъ высокомъ черномъ эшафотѣ, послѣ прочтенія стряпчимъ утвержденнаго государемъ о разжалованіи приговора, палачъ въ красной рубахѣ сорвалъ съ плечъ Бауса форменное платье, сломалъ надъ его головой его шпагу и, затѣмъ, давъ ему плюху, надѣлъ на него свѣрый арестантскій кафтанъ, въ которомъ онъ и былъ препровожденъ въ мѣстную тюрьму на черной высокой колесницѣ и подъ конвоемъ вооруженныхъ солдатъ.

Послѣ ссылки въ Сибирь частнаго пристава Бауса обнаружались и самые грабители, которыхъ на той же площади и эшафотѣ палачъ сѣкъ плетью и накладывалъ имъ на лобъ и щеки клейма.

Полицейская должность страшно портила въ то время людей, и бывшіе частные пристава, преобразившіеся впоследствии въ помѣщиковъ, не могли отвыкнуть отъ своихъ наклонностей, развращая и натапливая крестьянъ на разные преступленія; причеиъ одинъ мой сосѣдъ Н., сынъ также выслужившагося дворянина, не погнушался начать службу съ квартальнаго и, практикуясь на этой должности въ искусствѣ воровства, держалъ однажды пари съ богатымъ купцомъ любителемъ лошадей, что онъ украдетъ у него цѣннаго жеребца, хотя бы при самомъ строгомъ надзорѣ за лошадью. И дѣйствительно, несмотря на караулившихъ ее день и ночь конюховъ, лошадь была уведена и какъ выигрышъ сдѣлалась собственностью Н., который, впоследствии уже живя въ имѣніи, заставлялъ своихъ крестьянъ въ сильную зимнюю вьюгу, заметавшую слѣды, изъ-поду воровать со степи сосѣднихъ помѣщиковъ сѣно, и когда неумѣлые крестьяне попадались, то онъ сѣкъ ихъ приговаривая, «воруй да не попадайся». Состояніе его росло съ каждымъ годомъ и онъ сдѣлался подъ конецъ помѣщикомъ даже нѣсколькихъ уѣздовъ. Однажды, по доносу крѣпостнаго кучера его Алексѣя, онъ былъ заподозрѣнъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, но когда въ его имѣніи былъ произведенъ обыскъ, то ничего подозрительнаго не нашли, такъ какъ станки были его дворецкимъ спущены въ прудъ. Доносчика же кучера онъ тутъ же взялъ изъ тюрьмы къ себѣ на поруки и это дѣло какъ и многія другія было замято. Н. и его отецъ, разбогатѣвъ, были оба женаты на дочеряхъ помѣщиковъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, давшихъ имъ возможность войти въ дворянское общество. Отецъ же Н., не выпуская изъ рукъ нагайки, на столько былъ свирѣпъ въ семействѣ, что когда онъ умеръ, то жена и родственники боялись подходить къ нему предполагая, что онъ притворился и вскочить, чтобы всѣхъ отдуть плетью, такъ какъ ранѣе онъ

*

продѣлывалъ такіа штуки, желая заставить собраться къ нему жену и родственниковъ.

Моя матушка была на его похоронахъ, которые происходили зѣтомъ, и рассказывала, что когда онъ еще лежалъ на столѣ мертвымъ, то дунеть, бывало, въ окно вѣтеръ, шевельнетъ покровъ на покойникѣ, такъ всѣ со страху и разбѣгутся, хотя нагайки уже всѣ благо-разумно были упрятаны.

Вообще же воровство въ уѣздѣ было несравненно рѣже чѣмъ въ городахъ, такъ какъ вся полицейская власть сосредоточивалась въ рукахъ помѣщиковъ, хотя среди послѣднихъ въ то время бывали грустные случаи произвола и самодурства. Въ молодости я былъ страстнымъ охотникомъ какъ съ ружьемъ, такъ и съ собаками и любилъ въ охотѣ всегда пристраиваться къ старикамъ сосѣдямъ. И вотъ однажды осенью, стоя подъ островомъ со сворою борзыхъ, мнѣ пришлось чуть не перерѣзаться на ножахъ съ помѣщикомъ Ф—ъ, отнимая изъ рукъ его крѣпостныхъ борзатниковъ несчастнаго татарина, который, проѣзжая мимо острова, отогналъ нечаянно отъ Ф—ъ выходившую на опушку острова лисицу, за что, по приказанію этого помѣщика, татаринъ своей бритой головой былъ нѣсколько разъ погруженъ въ горячую золу, остававшуюся отъ потухшаго костра, у котораго во время отдыха грѣлись охотники. Другой не мѣнѣ возмутительный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ также на охотѣ, заключался въ томъ, что сосѣдъ мой, пожилой помѣщикъ деревни Сафаровки, разсерженный на крестьянина моей бабки, за то что, проходя мимо острова, помѣшалъ ему затравить лисицу, приказалъ своимъ псарямъ раздѣть его до нага и долго окунать безъ перерыва въ находившуюся близъ острова рѣчку, а затѣмъ, не довольствуясь этимъ, велѣлъ сѣчь его черезъ намоченный мѣшокъ арапельниками, дѣлая это до тѣхъ поръ, пока я не подѣхалъ съ другой стороны острова и, поссорившись съ Г—мъ, не освободилъ измученнаго мужика. Впрочемъ оба эти помѣщика были извѣстны губерніи за самодуровъ и вообще людей отчаянныхъ. Послѣдній изъ нихъ, Г—ъ, полусѣдой брюнетъ, высокаго роста, широкоплечій, носилъ въ деревнѣ красную шелковую рубаху съ растегнутымъ воротомъ, изъ, подъ котораго видѣлась мохнатая грудь; на плечи онъ накидывалъ длинный изъ тонкаго сукна кафтанъ, вмѣсто шароваръ надѣвалъ широкіе шелковые туманы, имѣя при томъ на головѣ въ три четверти вышины боярскую соболью шапку, а на ногахъ съ загнутыми носками туфли. Онъ носилъ запрещенные тогда дворянамъ длинные волосы и бороду, которые всегда были растрепаны. И моя вдовая бабушка, которая была его ближайшей сосѣдкой по имѣнію, на столько боялась Г—ва, что разъ на-всегда приказала людямъ запираить ставни, когда онъ проѣзжалъ мимо ея усадьбы. Г—въ выпивалъ на охотѣ въ день до 40 рюмокъ водки. Бывало проглотить сплунеть в.

ничѣмъ не закусывая, понюхаетъ только кусочекъ чернаго хлѣба. Изъ этихъ помѣщиковъ Г—въ даже былъ воспѣтъ тогда однимъ изъ доморощенныхъ поетовъ, и ходившіе по рукамъ стихи характеризовали его такъ:

Сафаровъ трое сутокъ
Спиртуетъ свой желудокъ,
Но не пьянъ и свѣжъ, безъ шутокъ
Удивительно!
Одинъ старикъ Ванюха
Пройдетъ съ нимъ ухо-въ-ухо
Мать русская сивуха
Имъ пользательна!

Объ этихъ оригинальныхъ помѣщикахъ я упомяну еще, а теперь, продолжая рассказъ о существовавшихъ вообще въ то время порядкахъ, вернусь къ нѣкоторымъ выдающимся случаямъ въ мирѣ бывшей администраціи. Случаи эти особенно хорошо извѣстны мнѣ съ 1846 года, когда я впервые вступилъ на государственную службу въ канцелярію саратовскаго губернатора по уголовному столу. Губернаторомъ въ это время былъ Матвѣй Львовичъ Кожениковъ. Ранѣе онъ, въ качествѣ казачьяго атамана, служилъ подъ начальствомъ Перовскаго и участвовалъ съ нимъ въ извѣстной Хивинской экспедиціи, а при назначеніи саратовскимъ губернаторомъ былъ переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Гражданская форма заставила его по прежнимъ порядкамъ ходить съ бритыми усами, что къ нему крайне не шло, такъ какъ онъ не оставлялъ военной того времени прически съ высокимъ чубомъ и висками впередъ. Былъ онъ средняго роста и имѣлъ нѣсколько искривленныя въ сторону ноги отъ короткихъ казачьихъ стремянъ, но при всемъ этомъ былъ крайне симпатиченъ своимъ острымъ умомъ, хотя для административныхъ и поступавшихъ къ нему на разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ не имѣлъ достаточной подготовки. Поэтому бывшій при немъ правитель канцеляріи Дурасовъ приобрѣлъ громадное вліяніе на дѣла губерніи и бывало даже такъ, что онъ не рѣдко требовалъ къ себѣ совѣтниковъ губернскаго правленія и даже секретаря дворянства, которые немедленно къ нему и являлись. Уголовнымъ столомъ завѣдывалъ помощникъ правителя канцеляріи, почтенный старичекъ, титулярный совѣтникъ Поповъ, не получившій никакого образованія и начавшій службу въ судебныхъ мѣстахъ съ подкѣписта, а подручнымъ переписчикомъ бумагъ за десять рублей въ мѣсяцъ былъ также нигдѣ не учившійся простой мѣщанинъ Шабалинъ,—которые главнымъ образомъ вмѣстѣ съ Дурасовымъ и вершали судебныя дѣла, представлявшіяся уголовной палатѣ и другія на разсмотрѣніе губернатора. За уголовнымъ столомъ вмѣстѣ со мной, безъ всякаго жалованья, занимались еще двое также молодыхъ дворянъ-помѣщиковъ и трое дворянъ, не имѣв-

шихъ помѣстій. Последніе, продолжая гражданскую службу, дослужились до высшихъ чиновъ, и одинъ изъ нихъ, тайный совѣтникъ, еще недавно ушелъ изъ К. губернаторовъ. Мы же, предназначая себя для службы военной, только на всякій случай желали ознакомиться съ гражданскими дѣлами. Дурасовъ, не будучи самъ дворяниномъ, недружелюбно относился къ намъ и особенно ко мнѣ, возмѣвшему дерзость встрѣчать новый годъ въ дворянскомъ собраніи, а не у него, какъ всѣ прочіе чиновники. Вслѣдствіе этого даже губернаторъ Кожевниковъ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ моими родными, часто поручалъ мнѣ заниматься дѣлами у него въ домѣ, почему мнѣ и пришлось узнать многія интересныя происшествія того времени и быть свидѣтелемъ курьезныхъ случаевъ.

Въ то время раскольники и вообще сектанты сильно преслѣдовались правительствомъ, и многочисленные старообрядческіе скиты въ заволжскихъ, принадлежащихъ тогда Саратовской губерніи, уѣздахъ, по рѣкѣ Иргизу, приказано было закрыть, для чего и были командированы чиновникъ особыхъ порученій Г. и становой приставъ. Оба они были люди бѣдные, и первый изъ нихъ происходилъ изъ купеческой семьи. Скиты эти были извѣстны богатствомъ утвари, но эпархіальное начальство получило лишь только старинные образа безъ ризъ, и преданіе говоритъ, что богатство скитовъ перевозилось куда-то по ночамъ на лодкѣ черезъ рѣку, а главный исполнитель, дослужившійся впоследствии до чина коллежскаго ассесора и выше, приобрѣлъ большія вотчины въ одномъ изъ приволжскихъ уѣздовъ Саратовской губерніи. Преслѣдованія старообрядцевъ порождали тогда массу злоупотребленій со стороны чиновнаго люда, и на моихъ глазахъ жандармскій штабсъ-капитанъ фонъ-П., измысливъ для себя способъ наживы, явился къ извѣстному старообрядцу старику-купцу Гладкову и, застрашавъ немедленнымъ арестомъ, вынудилъ у него крупную сумму денегъ и заставилъ насильно принять православіе. Впоследствии это обнаружилось, и жандармскій офицеръ былъ преданъ суду.

Изъ числа записанныхъ мною убійствъ въ сороковыхъ годахъ, были болѣе выдающимися: убійство помѣщика при деревнѣ Быковѣ, Саратовскаго уѣзда, Панкратова, задушеннаго любовницею и ея братьями изъ крѣпостныхъ; помѣщика Вольскаго уѣзда Жарскаго, найденнаго повѣшеннымъ на поперечникѣ подъ балкономъ верхняго этажа дома тоже крѣпостными; помѣщика Аткарскаго уѣзда Иванова, убитаго въ овражкѣ дубинкой по головѣ крѣпостнымъ мальчишкой-пастухомъ, во время проѣзда Иванова на бѣговыхъ дрожжахъ, и доселѣ не раскрыто убійство полковника Якубинскаго въ имѣніи молодаго помѣщика Петровскаго уѣзда. Корнетъ гвардіи У., незадолго передъ тѣмъ оставившій военную службу и жившій въ своихъ большихъ вотчинахъ со вдовою матерью, однажды осенью, какъ значитъ изъ моихъ замѣтокъ того вре-

мени, праздновать свои именины, къ которымъ съѣзжалась къ нему уѣздная интеллигенція въ лицѣ исправника Фокина, стряпчаго Кизо, женатаго на очень красивой женщинѣ, уѣзднаго врача Алексѣева и другихъ. Во время обѣда, происходившаго въ верхнемъ этажѣ, пиръ, какъ говорится, шелъ горой, на которомъ не доставало только его дяди, полковника Якубинскаго, куда-то въ это время уѣзжавшаго. Среди обѣда, явившійся крѣпостной камердинеръ У-ва что-то передалъ своему барину, послѣ чего У-въ, сойдя въ нижній этажъ дома и пробывъ тамъ нѣкоторое время, вернулся къ гостямъ и въ свою очередь что-то сказалъ врачу Алексѣеву, немедленно, затѣмъ также отправившемуся внизъ. Врачъ Алексѣевъ оставался тамъ довольно долго и, возвратясь съ растеряннымъ видомъ, объявилъ, что полковникъ Якубинскій, пріѣхавшій во время обѣда больной, скоропостижно умеръ. Извѣстіе это ошеломило кутежную компанію, и, спустившись внизъ, она нашла полковника Якубинскаго уже обмытымъ и переодѣтымъ, почему исправникъ Фокинъ, стряпчій Кизо и уѣздный врачъ Алексѣевъ, какъ составлявшіе временное отдѣленіе нижняго земскаго суда, произвели о скоропостижной смерти Якубинскаго дознаніе и, составивъ о томъ актъ, разрѣшили безпрепятственно предать тѣло землѣ. Спустя нѣкоторое время камердинеръ У-ва былъ наказанъ за что-то розгами своимъ помѣщикомъ, донесъ губернатору о томъ, что полковникъ Якубинскій умеръ неестественной смертью, почему и было назначено слѣдствіе, которое по вырытіи изъ могилы Якубинскаго и вскрытіи его черепа обнаружило рану въ задней части его головы за ухомъ, и пуля найдена была засѣвшею въ мозгу, не пробивъ лба. Послѣ чего У-въ, Фокинъ, Кизо и Алексѣевъ были посажены въ тюрьму и, затѣмъ, по суду трое послѣднихъ сосланы были въ Сибирь, а У-въ, оставаясь въ подозрѣніи, отсидѣлъ въ тюрьмѣ около десяти лѣтъ. Служа въ то время въ канцеляріи губернатора, я видѣлъ представленные при слѣдственномъ дѣлѣ два маленькихъ, почти карманныхъ двуствольныхъ пистолета, стволъ на стволѣ, извѣстнаго мастера Беккера, причемъ одинъ изъ стволовъ былъ разряженъ, и пуля, найденная въ головѣ полковника Якубинскаго, была такой, какими оставались заряжены три остальныхъ ствола. Самые же пистолеты оказались принадлежащими полковнику Якубинскому.

Лѣтъ десять спустя послѣ этого я какъ-то былъ въ Кіевѣ и встрѣтилъ возвращавшіяся изъ Сибири семейства Кизо и Фокина. Они отъ страшной нищеты были въ ужасномъ положеніи и, лишившись мужей, со слезами проклинали врача Алексѣева, скрывшаго отъ нихъ, что смерть Якубинскаго была неестественной.

Вернусь теперь снова къ Кожевникову. Губернію онъ принялъ скорѣ послѣ Фадѣева, человѣка мягкаго и мало обращающаго вниманія на формалистику, почему многіе дворяне стали отпускать себѣ запре-

щенные въ то время для привилегированныхъ сословій длинные волосы и бороды, противъ чего Кожевниковъ началъ принимать крутыя мѣры. Передъ очереднымъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ Кожевниковъ просилъ губернскаго предводителя объявить дворянамъ, что длинныхъ волосъ и бородъ онъ не потерпитъ и что нарушители закона въ этомъ случаѣ будутъ на гауптвахтѣ обстрижены и выбриты на барабанѣ. Заявленіе это, конечно, возстановило противъ него дворянъ, и отношенія Кожевникова къ губернскому предводителю тутъ-же стали натянутыми, тѣмъ болѣе, что Кожевниковъ, принявъ губернію, сдѣлалъ визиты только предводителямъ, тогда какъ среди нашего дворянства было много почетныхъ людей.

Послѣ этого, вскорѣ начались различныя демонстраціи: губернское собраніе Кожевникову пришлось открыть пустымъ, такъ какъ большинство дворянъ явились въ собраніе только тогда, когда онъ уѣхалъ домой. Недовольный этимъ и узнавъ, что въ числѣ отсутствовавшихъ въ собраніи былъ временно исправлявшій должность уѣзднаго предводителя Г., о которомъ я говорилъ выше, Кожевниковъ потребовалъ его къ себѣ.

Г. на другой же день явился съ той же длинной бородой и растрепанной шевелюрой, но однако же въ дворянскомъ мундирѣ. Въ это время я съ другимъ моимъ коллегой Ш. находился для занятій въ домѣ губернатора, въ сосѣдней съ залой комнатѣ. Увидѣвъ Г. въ первый разъ черезъ годъ послѣ моей съ нимъ ссоры, я къ нему не подходилъ, но по его раскраснѣвшемуся и безъ того багровому лицу и свирѣпымъ глазамъ не могъ не замѣтить, что онъ былъ въ сильномъ возбужденіи. Вскорѣ затѣмъ губернаторъ потребовалъ его къ себѣ въ кабинетъ, находившійся въ угловой комнатѣ за гостиной, гдѣ онъ первые годы имѣлъ обыкновеніе заниматься за конторкой, сидя верхомъ на серебряномъ, усыпанномъ кораллами и бирюзой, казачьемъ сѣдлѣ на высокой подставкѣ. Но не прошло и пяти минутъ какъ послышался какой-то шумъ отъ паденія и затѣмъ появившійся Г., поспѣшно уходя изъ дома, громко закричалъ своимъ хриплымъ басомъ находившимся въ передней жандарму и лакею: «скорѣй за докторомъ, губернатору дурно!» Жандармъ и лакей бросились за докторомъ, а мы въ кабинетъ губернатора, гдѣ и нашли Кожевникова только упавшимъ на полъ и старавшимся высвободить ногу изъ стремянъ. Кожевникову мы помогли встать, но всѣ прочія предложенія нашихъ услугъ онъ отклонилъ и отпустилъ насъ домой.

Когда же стремительно уходилъ Г., то намъ показалось, что у него изъ рукава что-то выглядывало. А черезъ нѣсколько дней на балу дворянства Кожевникову пришлось выслушать далеко не любезный отвѣтъ одного изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Арфія Игнатьевича Касе-

лева, которому губернский предводитель Бахметьевъ, известный скрипачъ и бывший впоследствии директоръ придворной капеллы, подоида съ Кожевниковымъ, передалъ, что губернаторъ узнавъ, что Киселевъ хорошо играетъ на бильярдѣ, желалъ бы сыграть съ нимъ партію. Киселевъ, разсердившись отвѣтилъ: «Вы забываете, Николай Ивановичъ, что бильярдъ не скрипка, а кій не смычокъ, и я концертовъ на немъ не даю и кромѣ того съ людьми незнакомыми не играю!». Сказавъ это, Киселевъ отвернувшись ушелъ. Такой поступокъ повлекъ за собою весьма крупныя для Киселева непріятности, такъ какъ впоследствии онъ былъ почему-то заподозрѣнъ въ масонствѣ и сочиненіи разныхъ пасквилей на губернскихъ властей, за что и былъ съ двумя жандармами отвезенъ въ Вятку. Но эта административная ссылка продолжалась весьма недолго, и послѣ нея Арефій Игнатьевичъ постоянно жилъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ, пока Кожевниковъ оставался саратовскимъ губернаторомъ. Киселевъ былъ родственникомъ любимцу императора Николая Павловича, министру государственныхъ имуществъ графу Киселеву, и едва-ли даже не приходился ему роднымъ дядей. Арефій Игнатьевичъ былъ большой оригиналъ, шутникъ и хлѣбосоль, поэтому недостатка въ гостяхъ у него не было, какъ въ Саратовѣ, гдѣ онъ имѣлъ прекрасный домъ, такъ и въ деревнѣ. Бывшій ранѣе въ Саратовѣ преосвященный Іаковъ его очень любилъ и, объѣзжая епархію, къ нему заѣзжалъ. Зная что Киселевъ былъ страстный охотникъ съ собаками, часто смѣясь укорялъ его въ безсердечности истребленія несчастныхъ зайчиковъ, которые при травлѣ ихъ собаками, какъ ему передавали, такъ жалостно кричать. И вотъ однажды осенью преосвященный Іаковъ посѣтилъ Киселева въ имѣніи, гдѣ рано утромъ, выйдя на балконъ, онъ услышалъ раздавшіеся въ горахъ, изъ близъ лежащаго лѣса какой-то странный концертъ и звуки трубъ. Не понимая что это было, преосвященный долго вслушивался. Когда же явившійся къ нему Киселевъ объяснилъ, что концертъ есть не что иное, какъ гоньба хорошо подобранныхъ голосами 60-ти гончихъ и что трубные звуки принадлежали псарямъ, дававшимъ знать, по какому звѣрю гончія гнали, то преосвященный былъ крайне удивленъ и, желая послушать ближе этотъ собачій концертъ, принялъ предложеніе Киселева подѣхать къ лѣсу. Поѣздка была сдѣлана на охотничьихъ дрогахъ, на которыхъ преосвященный и оставался въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣса, не зная что кромѣ гончихъ были вокругъ лѣса разставлены и охотники съ борзыми. Наслаждаясь природой ранняго осенняго утра и слушая эти странные звуки, преосвященный вдругъ увидѣлъ спасающагося отъ борзыхъ собакъ бѣднаго измученнаго зайца. Онъ до такой степени проникся жалостью къ этому несчастному звѣрьку, что, желая спасти его, соскочилъ съ дрога и, пробѣжавъ нѣсколько ша-

говъ, хотѣлъ его поймать въ рясу, и опомнился только тогда, когда увидѣлъ Киселева, скачущаго къ нему верхомъ. Преосвященный часто объ этомъ рассказывалъ, добавляя смѣясь, что шутникъ Киселевъ заставилъ и его ловить зайцевъ.

Іаковъ былъ извѣстенъ своей строго-подвижнической жизнью. Жилъ онъ въ Саратовѣ въ небольшомъ одноэтажномъ, выходящемъ на Царицынскую улицу, деревянномъ домикѣ, при вполнѣ монашеской обстановкѣ, гдѣ въ его крошечной безъ оконъ спальнѣ лежалъ на деревянной кровати пуховичекъ и подушка, которые онъ на ночь всегда снималъ и спалъ на голыхъ доскахъ. Іаковъ впоследствии обладалъ прозорливостью, и когда его перевели архіепископомъ въ Нижній-Новгородъ, былъ такой случай: въ холеру 1847 года проѣзжала изъ Петербурга черезъ Нижній одна хорошо извѣстная ему саратовская дворянка Рыгѣва, пожертвовавшая свои дома саратовскому женскому монастырю. Въ Нижнемъ она была у преосвященнаго, который благословивъ отдалъ ей какую-то маленькую посылочку на имя ея сестры. Но Рыгѣва по случаю праздника осталась еще на одинъ день въ Нижнемъ, чтобы отстоять архіерейскую службу. Увидя ее подъ конецъ обѣдни, когда она подошла подъ благословеніе, Іаковъ настойчиво и озабоченно сказалъ ей, чтобы она торопилась домой, что ее крайне удивило. Возвратясь же въ Саратовъ, послѣ семидневной ѣзды на почтовыхъ, Рыгѣва нашла свою сестру умершей уже третій день. И по вскрытіи посылки преосвященнаго Іакова оказались молитва и вѣничикъ, которые кладутся на покойниковъ и предназначавшіеся этой умершей. Преосвященный Іаковъ послѣдніе годы своей жизни, присутствуя въ Синодѣ, скончался въ Петербургѣ.

Въ сороковыхъ годахъ въ Саратовѣ проживало много сосланныхъ поляковъ, изъ числа которыхъ были особенно выдающимися старикъ Грелать и графъ Потоцкій, владѣтель Тульчина. Потоцкій, располагая громадными средствами, жилъ въ Саратовѣ очень скромно и позволялъ себѣ только одно удовольствіе, вполнѣ гастрономическій столъ. Онъ былъ удрученъ своей ссылкой, о чемъ часто говорилъ и завѣрялъ о своей преданности государю, видимо избѣгая сближенія съ находившимися въ Саратовѣ земляками. Но несмотря на это не могъ ничего придумать для облегченія своего положенія. И вотъ, однажды, губернаторъ Кожевниковъ получаетъ изъ третьяго отдѣленія извѣщеніе о существованіи въ Саратовѣ тайнаго общества, называя главными членами его трехъ пожилыхъ помѣщиковъ—Н. Н. Аничкова, П. А. Жарскаго и А. Д. Горбунова, которые извѣстны были губерніи не только за самыхъ благонадежныхъ, но и настолько боязливо-осторожныхъ людей, что они избѣгали даже вести знакомство съ тѣми дворянами, которые носили запрещенныя бороды. Кожевниковъ, объяснивъ въ своемъ от-

вѣтъ шефу жандармовъ личности этихъ дворянъ, добавилъ въ заключеніе, что доносъ на указанныхъ лицъ есть не что иное какъ злая шутка. Доносъ объ этомъ, какъ оказалось, принадлежалъ Потоцкому, который вскорѣ за тѣмъ былъ вытребованъ въ Петербургъ, гдѣ и разъяснилась эта курьезная исторія. Дѣло было такъ: у графа Потоцкаго въ числѣ дворянской молодежи не рѣдко бывалъ сынъ бывшаго ранѣе саратовскаго губернатора Ростиславъ Фадѣевъ, который послѣ перемѣщенія его отца въ Тифлисъ долго оставался въ Саратовѣ. Однажды, Фадѣевъ вмѣстѣ съ Потоцкимъ были въ нѣмецкомъ клубѣ, помѣщавшемся тогда на Никольской улицѣ, въ скромномъ деревянномъ домикѣ Франца Ивановича Штейна, и вотъ, выслушивая обычныя сѣтованія Потоцкаго на свое положеніе, онъ посовѣтовалъ ему доказать свою преданность правительству открытіемъ какого нибудь заговора, на что Потоцкій съ горячностью возразилъ: «да гдѣ же я его возьму». Тогда большой шалуниъ Фадѣевъ указалъ на отдѣльную сосѣднюю комнатку, гдѣ ежедневно собирались поиграть въ карты трое упомянутыхъ помѣщиковъ, которыхъ онъ, какъ всѣ другіе, прекрасно зналъ за людей безукоризненныхъ въ политическомъ отношеніи, почему шутя и сказалъ: «Развѣ вы не замѣчаете, что эти трое всегда уединяются, таинственно удаляясь въ отдѣльную комнату; навѣрное дѣло тутъ не ладно!» Потоцкій, принявъ все за чистую монету, возьми да и напиши на нихъ доносъ. Обо всемъ этомъ было доложено государю, и Николай Павловичъ, какъ говорятъ, хотя и не мало смѣялся этой выдумкѣ Фадѣева, но все-таки, узнавъ что онъ находился въ это время въ Петербургѣ, приказалъ его выслать изъ столицы. Графъ-же Потоцкій былъ помилованъ и ему разрѣшили вернуться на родину.

Ростиславъ Фадѣевъ находился въ Саратовѣ нѣсколько лѣтъ, гдѣ также въ это время жила его сестра, известная писательница подъ псевдонимомъ Зинаиды Р., произведенія которой «Утбала», «Перекажи поле» и проч. съ интересомъ читались русскимъ обществомъ. Дочь же ее, юную и очаровательную Елену Ганъ я нерѣдко встрѣчалъ у моего сосѣда по деревнѣ Бера. Фадѣевъ былъ душою общества при кутежахъ молодежи, на пикникахъ и различныхъ загородныхъ катаньяхъ. Тогда Саратовъ въ зимнее время былъ полонъ сѣзжавшимся изъ своихъ помѣстій дворянствомъ, которое послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ однообразной деревенской жизни старалось вознаградить себя городскими развлечениями. Театры, балы и маскарады въ дворянскомъ собраніи, домашніе спектакли и семейные вечера шли одно за другимъ, но однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій были загородныя катанья. Помню, какъ бывало соберется троекъ двадцать, одна лучше другой, въ щегольской упряжи съ серебряными бубенцами и въ большихъ семейныхъ саняхъ. Сколько молодости и веселья несли съ собой эти тройки. Ка-

танья эти сближали влюбленную молодежь и не рѣдко кончались свадьбами; но при быстрой ѣздѣ бывали, конечно, и печальные случаи. Въ одно изъ такихъ катаній Фадѣевъ съ юнымъ гусаромъ Новиковымъ, догоняя поѣздъ, мчались съ бѣдовой вдовушкой бальзаковского возраста, при чемъ сани, застегнутыя медвѣжьей полостью, опрокинулись въ ухабъ, кучеръ вылетѣлъ съ кезель и сѣдоковъ несли лошади до тѣхъ поръ пока доскакали до передней тройки. Результатомъ этого былъ переломъ руки у вдовушки, которая потомъ хотя и вышла замужъ за Новикова, но до конца жизни сохранила нѣжную привязанность къ Ростиславу Фадѣеву. Тридцать лѣтъ спустя мнѣ, по должности губернскаго предводителя, пришлось вмѣстѣ съ губернаторомъ Г. Врас... и прочимъ составомъ губернскаго правленія свидѣтельствовать на дому уже разбитую параличемъ вдовую старуху г-жу Новикову, вслѣдствіе подажнаго ея дочерью фонъ-Бригиной заявленія о томъ, что ее мать, лишившись разсудка, растрчиваетъ свое богатое состояніе, объясняя что двѣ приживалки Новиковой и ея дворецкій, слыша постоянно отъ своей госпожи рассказы о ея любви къ Фадѣеву и пользуясь ея дряхлостью и потерей зрѣнія, придумали подавать ей подложныя, какъ-бы получаемыя съ почты отъ Фадѣева, письма, въ отвѣтъ на которыя старуха Новикова черезъ тѣхъ же людей отправляла къ нему ежегодно по нѣсколько тысячъ. По освидѣтельствованіи Новиковой однако же она сумасшедшей не оказалась и объявила, что не считаетъ себя обязанной давать кому либо отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Какъ извѣстно, Ростиславъ Фадѣевъ впослѣдствіи дослужился до генеральскихъ чиновъ и былъ военнымъ писателемъ, которому принадлежалъ и извѣстный проектъ о перевооруженіи русскихъ войскъ.

Дворянство того времени какъ и вообще до крестьянской эмансипаціи, несмотря на крайнюю дешевизну сельскихъ продуктовъ,—продававшихся: рожь, напримѣръ, по 10 коп. за пудъ, а овесъ по 40 коп. за четверть,—жило въ большомъ избыткѣ средствъ, что слѣдуетъ отнести къ даровой обработкѣ земли крѣпостными крестьянами. По залогу-же имѣній въ приказъ общественнаго призрѣнія или опекунскомъ совѣтѣ взимался крайне незначительный процентъ. Кромѣ того, поѣздки въ столицы были очень затруднительны, такъ какъ до 1846 г. даже и до самаго Петербурга приходилось ѣздить на почтовыхъ, а путешествіе за границу было тогда доступно лишь очень не многимъ, почему волей-неволей деньги приходилось тратить только въ своемъ углу. Корнеты же Отлетаевы хотя и существовали, но все-же какъ рѣдкое исключеніе, и я до эмансипаціи зналъ въ нашей губерніи только одного разорившагося такимъ образомъ помѣщика Рославлева, и то въ сороковыхъ годахъ уже старикомъ. Левъ Яковлевичъ Рославлевъ былъ человекомъ хорошо образованнымъ и знавшимъ нѣсколько иностранныхъ

языковъ, а жена его принадлежала къ лучшей дворянской фамиліи. У Льва Яковлевича было около двухъ тысячъ душъ крестьянъ, которыхъ онъ прожилъ и преимущественно проигралъ въ карты еще въ тридцатыхъ годахъ; а такъ какъ значительная часть его вотчинъ перешла къ извѣстному саратовскому помѣщику А. А. Столыпину, то сей послѣдній и содержалъ Рославлева до самой его смерти, отпуская необходимую ежемѣсячную для него и его прислуги провизію и выдавая Рославлеву на карманные расходы 50 коп. въ день.

Въ моемъ семействѣ до сихъ поръ живетъ бывшая крѣпостная фрейлина жены Рославлева, вѣкто Винокурова; теперь ей за девяносто лѣтъ, несмотря на которые она не только сохранила разумъ и память, но даже зубы и зрѣніе и до сихъ поръ ходитъ изъ деревни пѣшкомъ въ село за пять верстъ къ обѣднѣ. Винокурова была моею матушкой взята мнѣ въ няньки въ 1830 году, бывъ хорошо грамотной, когда даже и многія помѣщицы не умѣли читать и писать. И вотъ она рассказывала въ подробностяхъ о жизни Льва Яковлевича Рославлева. Въ каждой деревнѣ у него были барскіе дома. Въ одной изъ нихъ жила жена съ полнымъ штатомъ; тутъ и компаньонка англичанка и живописецъ-итальянецъ и поварь-французъ и много много другихъ. Самъ Рославлевъ посидитъ съ недѣлку съ женой, да и поѣдетъ по другимъ деревнямъ, гдѣ у него большею частью штатъ былъ женскій. Когда-же отправлялъ жену на воды, тогда гостей съѣзжалось къ нему тѣма тѣмушая и первые являлись гусары изъ стоявшаго въ то время въ Саратовѣ полка, и тутъ шла азартная игра въ карты, въ которой онъ проигрывалъ крестьянъ то на выводъ, то съ землей. Когда же очень раскутятся, преимущественно послѣ псовой охоты, то затѣвали разныя представленія въ полунагомы видѣ верхомъ на лошадахъ въ залѣ, похожія по ея описанію на аѳинскіе вечера. Но все это продолжалось до тѣхъ поръ, конечно, пока не возвращалась его жена. Тогда начнутъ они бывало вмѣстѣ плакать, обдѣлая проигранныхъ крестьянъ деньгами и разными подарками, такъ какъ въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ онъ жестокимъ не былъ, но только особенно любилъ женскій полъ, вслѣдствіе чего Винокурова, въ отсутствіе жены, и поплатилась горькой участью. Винокурова, какъ видно изъ ея портрета масляными красками работы живописца Рославлевыхъ, была очень хороша собой, и Левъ Яковлевичъ за ней сильно пріударилъ, но такъ какъ она не только не подчинилась въ данномъ случаѣ помѣщику, но и передала о томъ его жонѣ, то Рославлевъ при первомъ затѣмъ отъѣздѣ жены приказалъ управляющему отдать Винокурову замужъ за дурака крестьянина, ходившаго лѣтомъ и зимой босикомъ и въ одной рубахѣ. Управляющій, пожалѣвъ ее, выдалъ за другаго не столь глупаго, что крайне раздражило Льва Яковлевича, который и приказалъ, чтобы мужъ Винокуровой въ тотъ же день былъ отвезенъ

въ губернской городъ и сдать въ солдаты. Затѣмъ Винокурова въ слезахъ, не разсмотрѣвшая даже хорошенько своего мужа, впервые увидѣла его чрезъ 28 лѣтъ, по выходѣ въ отставку изъ службы на Кавказѣ.

Подобные возмутительные случаи были очень рѣдки, да вообще если и существовало жестокое обращеніе съ крѣпостными, то почти всегда только у тѣхъ помѣщиковъ, которые сами не жили въ своихъ вотчинахъ и предоставляли управленіе ими нѣмцамъ и полякамъ, или же у выслужившихся изъ ничтожества дворянъ. Такъ какъ до 1847 г. давалъ права потомственного дворянства не только чинъ коллежскаго ассесора, но и первый военный офицерскій чинъ, то бывшій крѣпостной крестьянинъ, дослужившись до прапорщика, поступалъ за тѣмъ на гражданскую службу и пріобрѣталъ себѣ крестьянъ. По крайней мѣрѣ я на моемъ вѣку не знаю еще ни одного выдающагося случая жестокости настоящихъ коренныхъ помѣщиковъ, и убійства упомянутыхъ мною выше первыхъ двухъ помѣщиковъ произведены были съ цѣлью грабежа, а третій палъ жертвой полудіота-пастуха. Что же касается разсказанныхъ мною безобразій на охотѣ, то охотничій азартъ доходилъ въ старыя времена до невѣроятныхъ вольностей даже крѣпостныхъ охотниковъ относительно своихъ помѣщиковъ. Я помню, какъ за извѣстнымъ крупнымъ саратовскимъ помѣщикомъ старикомъ С. на моихъ глазахъ гнался съ арапельникомъ его псарь, и помѣщикъ насилу отъ него усакагалъ. Вечеромъ же когда начались обычные разсказы его гостей охотниковъ, и псарь былъ вызванъ для совѣта касательно охоты слѣдующаго дня, то старикъ не только не сдѣлалъ псарю никакого выговора, а напротивъ, началъ передъ нимъ оправдываться.

— Что ты, дуракъ, говорилъ онъ, разлетѣлся на меня! вѣдь волкъ запалъ въ бурьянникъ, ну, собаки то и пронеслись. Чѣмъ же я виновать тутъ? а ты выпучилъ глаза, да и драться лѣзешь.

На это псарь съ укоризной отвѣтилъ:

— Помилуйте, А. А., вѣдь я два раза въ рогъ голосъ подавалъ и всей стаей гончихъ волка вамъ на опушку вывелъ, борзья даже у васъ на дыбкахъ стояли, а вы закустились въ перемычкѣ да и дремлете.

— Ну врешь, врешь, дуракъ! смѣялся С.

Относительно же выслужившихся коллежскихъ ассесоровъ я для иллюстраціи упомяну нѣкоего Ч.....аго, который, ранѣе служа казначеемъ, былъ подъ судомъ за то, что кладовую въ казначействѣ подломали и выкрали деньги. Когда-же при обыскѣ его дома кому-то пришла остроумная мысль заглянуть въ цвѣточные на окнахъ горшки, то по разрытіи ихъ нашли подъ землей кучи червонцевъ, по поводу которыхъ жена его подъ колокольнымъ звономъ дала въ церкви при массѣ народа клятву, что нажила эти деньги въ молодости своей красотой. Послѣ чего Ч.....ій, выкарабкавшись кое-какъ изъ-подъ суда, вышелъ

въ отставку, купилъ близъ г. Саратова земельный участокъ и занялся тѣмъ, что завязалъ сношенія съ управляющими имѣніи крупныхъ помѣщиковъ, которые въ нихъ никогда не заглядывали, и скупалъ крестьянскихъ дѣтей-сиротъ; выращивалъ ихъ у себя и, по достиженіи извѣстнаго возраста, продавалъ дѣвокъ въ замужество для крестьянъ, а мужчинъ ставилъ въ очередь въ рекруты или представлялъ въ распоряженіе правительства для заселенія Сибири, за что казна тогда выдавала по 300 рублей за человѣка.

Въ 1848 году я оставилъ гражданскую службу и затѣмъ, поступивъ въ войска Кавказской арміи, пріѣзжалъ въ Саратовъ въ 1851 году уже офицеромъ, находясь въ отпуску послѣ тяжелой раны. Кожевникова я засталъ еще губернаторомъ, но сильно измѣнившимся во всѣхъ отношеніяхъ. За этотъ періодъ времени онъ не только усвоилъ себѣ всѣ обязанности губернатора, но и узналъ людей, почему какъ правитель канцеляріи такъ и многіе прежніе чиновники были замѣнены другими. Отношенія его къ дворянству значительно улучшились, такъ что изъ среды послѣднихъ и преимущественно людей почтенныхъ можно было назвать многихъ дружески къ нему расположенныхъ. Но къ сожалѣнію въ это время у Кожевникова уже шли серьезные недоразумѣнія съ преосвященнымъ Афанасіемъ, которыя возникли вслѣдствіе того, что Афанасій, не давъ знать, какъ слѣдовало, ни губернатору, ни полиціи, распорядился поднятіемъ колокола у вновь выстроенной церкви Михаила-Архангела, послѣ обѣдни, которую онъ тамъ служилъ. Почему, когда собралась повтому случаю толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и это было доложено Кожевникову, то онъ приказалъ народъ разогнать, затруднивъ такимъ образомъ поднятіе колокола. По поводу этого случая вслѣдствіи много говорилось въ печати, и даже нѣкоторые завѣряли, что преосвященный Афанасій будто бы официальной бумагой отлучилъ губернатора Кожевникова отъ церкви. Но ничего подобнаго, конечно, не было и этотъ слухъ возникъ изъ того, что Афанасій въ своихъ сѣтованіяхъ за распоряженіе Кожевникова высказалъ ему въ письмѣ, что подобныхъ вещей не рѣшится сдѣлать не только православный человѣкъ, но и вообще христіанинъ, почему онъ и затрудняется считать Кожевникова членомъ своей паствы. Недоразумѣнія эти обострились до такой степени, что преосвященный Афанасій, хотя и архіепископомъ, но былъ переведенъ въ Астрахань, а Кожевниковъ, спустя нѣкоторое время, вовсе оставилъ службу, доживая свой вѣкъ стараго холостяка въ небольшомъ имѣніи у своей сестры. Кожевниковъ, несмотря на былые времена, когда существовали винные откупа, оставилъ Саратовъ не имѣя положительно ни копейки въ карманѣ, и саратовцы и особенно откупщики всегда вспоминали его какъ одного изъ самыхъ честнѣйшихъ людей.

В. А. Шомпулевъ.

Эпиграммы.

1.

На лирическую поэму „Петръ I-й“ кн. Шихматова

О тѣнь великая! пришелъ и твой удѣлъ
Страдать отъ супостатовъ.
Херасковъ Иоанна пѣлъ,
Тебя-жъ, увы! воспѣлъ Шихматовъ.

2.

На игру актера Плавильщикова съ меною.

Въ театрѣ сдѣлалась велика перемѣна:
Рыдаетъ Талія, смѣется Мельпомена.
Но что-жъ тому виной?
Плавильщикова на немъ играть и съ женой.

3.

На переводъ „Андромахи“.

Не все породисты собаки,
Не всякъ въ отца боярскій сынъ,
И переводчикъ «Андромахи»
Еще далеко не Расинъ ¹⁾.

¹⁾ Переводчикъ Расиновой „Андромахи“ былъ известный графъ Д. И. Хвостовъ.



Эдуардъ Васильевичъ Лерхе.

(Къ характеристикѣ его дѣятельности).



Кончивъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, Эдуардъ Васильевичъ поступилъ сначала въ Сенатъ, а затѣмъ значительную часть службы провелъ въ провинціи и возвратился въ столицу, въ тотъ же Сенатъ, но уже присутствующимъ, какииъ и умеръ на 63-мъ году.

Вскорѣ послѣ поступления на службу его назначили кievскимъ губернскимъ прокуроромъ. Ему тогда было всего 24 года. Молодой юристъ не вполне довѣрялъ своимъ силамъ, а тутъ еще онъ узналъ отъ сослуживцевъ въ Сенатѣ, что кievскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибииковъ, — человекъ не въ мѣру строгій и суровый. Но дѣлать нечего, хотя и съ трепетнымъ сердцемъ отправился онъ въ Кіевъ.

Отдавшись съ любовью своей дѣятельности и вращаясь постоянно въ частныхъ кружкахъ, юный прокуроръ сумѣлъ расположить въ свою пользу подчиненныхъ, завоевалъ симпатіи старшихъ и равныхъ себѣ чиновъ, понравился многимъ внѣ служебной жизни, — словомъ, въ короткое время приобрѣлъ прекрасную репутацію и прослылъ какъ образцовый юристъ и душа общества. Тогда же на Эдуарда Васильевича обратилъ вниманіе генералъ-губернаторъ. Послѣдній серьезно остановился на немъ; сталъ часто призывать его къ себѣ, сближался съ нимъ и такъ полюбилъ достойнаго дѣльца, что самъ предложилъ ему служебное покровительство. Тѣмъ не менѣе генералъ-губернаторъ не признавалъ юридической жилки въ своемъ любимцѣ. Правда, онъ хвалилъ его какъ исполнительнаго и ревностнаго служаку, но въ то же время говорилъ, что Лерхе на юридическомъ поприщѣ далеко не пойдетъ, хотя и специально подготовленъ къ нему, потому что въ немъ

не можетъ быть развита въ такой степени проицательность, съ которою судья долженъ смотрѣть на преступника и видѣть его насквозь.

Однажды въ задушевной бесѣдѣ умудренный опытомъ начальникъ Юго-Западнаго края сказалъ Эдуарду Васильевичу:

— Эхъ, молодой человекъ, немного вы получите отъ своего de jure. Ну, сдѣлаете еще шагъ впередъ, много—два. Мой искренній и отеческій совѣтъ—бросьте служеніе Оемидѣ и перебирайтесь въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но замѣьте, что и тамъ разныя дороги. Я полагаю, вамъ слѣдуетъ идти по пути администраціи. Сдается мнѣ, что изъ васъ вырабатается отличный администраторъ.

Слова эти произвели на Эдуарда Васильевича сильное впечатлѣніе. и вскорѣ мы видимъ его уже въ должности чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскомъ, занимающагося дѣлами о расколѣ.

Добросовѣстное исполненіе этого порученія сразу вывело Эдуарда Васильевича на прямую дорогу: чрезъ полгода онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскую губернію. Самой должностію Эдуардъ Васильевичъ былъ доволенъ, но длинныя разъѣзды по обширной губерніи, а главное, глушь и дебри, присущія Архангельскому краю, тяготили его и портили ему душевное настроеніе. Онъ скучалъ, тосковалъ, оторванный отъ внутреннихъ пунктовъ Россіи и подавляемый апатичностію захолустной жизни. Поэтому понятно, что съ первыхъ же дней службы въ Архангельскѣ начинающій администраторъ рвался поближе къ столицѣ, въ одну изъ центральныхъ губерній. Онъ сталъ хлопотать въ Петербургѣ о перемѣщеніи, но ему отвѣчали, что думать объ этомъ еще рановато, надо послужить, поработать и т. д.

Онъ попробовалъ обратиться насчетъ перевода къ Д. Г. Бибикову, но тотъ писалъ ему ¹⁾:

«Я только что получилъ ваше письмо отъ 15-го числа. Все что вы пишете, вполне разумно и справедливо, но въ ваши лѣта надо имѣть немного болѣе терпѣнія и постоянства.

«У васъ много заслугъ. Повѣрьте мнѣ, рано или поздно съумѣютъ оцѣнить эти качества и вы будете тамъ, гдѣ вы хотите. Потерпите, мой дорогой Лерхе, и вѣрьте дружбѣ Д. Б.

Предсказанія оправдались и не прошло 2-хъ лѣтъ, какъ Эдуардъ Васильевичъ перевелся на ту-же должность въ Новгородскую губернію. Здѣсь онъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ, здѣсь онъ могъ вздохнуть свободнѣе и могъ отдаться дѣлу безъ тѣхъ прежнихъ тяжелыхъ думъ, которыя печально отражались на его прямыхъ обязанностяхъ по службѣ. Дѣйствительно, съ этого момента онъ сталъ смотрѣть

¹⁾ Въ письмѣ отъ 23-го октября 1856 года.

на службу совсѣмъ не такъ, какъ вообще наши провинціальныя чиновники, которые просидятъ день въ канцеляріи и считаютъ, что одними сутками ближе къ пенсіи,—нѣтъ, онъ посвятилъ себя неутомимой дѣятельности, которая олицетворяетъ людей, создаетъ имъ имя и неуывае- мую память въ будущихъ поколѣніяхъ.

Состоя въ должности новгородскаго вице-губернатора, Эдуардъ Васильевичъ прежде всего обратилъ серьезное вниманіе на матеріальную сторону своихъ подчиненныхъ. Хорошо зная, что казенная типографія при губернскомъ правленіи служить единственнымъ источникомъ вспомо- ществованія для чиновниковъ, Эдуардъ Васильевичъ сталъ забо- титься объ увеличеніи ея доходовъ и его стараніями печатное дѣло было поставлено такъ, что въ первые годы, вмѣсто прежнихъ 4-хъ тысячъ рублей, доходы типографіи возрасли до 11-ти тысячъ рублей.

Строго трбуя отъ подчиненныхъ исполненія служебнаго долга, Эду- ардъ Васильевичъ въ то-же время близко входилъ въ ихъ нужды и бѣднѣйшимъ помогалъ даже изъ собственныхъ средствъ. Бывали такіе случаи, что вновь поступающій по бѣдности не имѣлъ денегъ, чтобы купить на прошеніе гербовую бумагу; тогда вице-губернаторъ давалъ свои деньги и опредѣлялъ на службу.

Дѣятельность его обратила на себя вниманіе, и черезъ шесть лѣтъ Лерхе былъ назначенъ калужскимъ губернаторомъ.

Дворяне и бывшіе подчиненные предложили Эдуарду Васильевичу раздѣлить съ ними прощальный обѣдъ, который и состоялся въ залѣ дво-рянскаго собранія. На обѣдѣ предводитель, князь Н. Е. Мышецкій, отъ лица всѣхъ дворянъ сказалъ прочувствованное слово, а чиновникъ Городчаниновъ прочиталъ свои стихи:

Достойный случай нашъ прощальной съ вами встрѣчи
 Не цѣнимъ тѣсною обычаю цѣной,
 Нѣтъ, наши чувства къ вамъ и преданныя рѣчи
 Есть голосъ времени сознательный, живой.
 Да, ваши здѣсь шесть лѣтъ прошли какъ шесть мгновеній,
 Идея нашихъ пользъ вамъ чуждой не была,
 И связь взаимная разумныхъ отношеній
 Межъ нами день-отъ-дня все крѣпла и росла.
 Любили вы нашъ кругъ, хлѣбъ-соль, обыкновенья,
 Умѣли сами дать любезный въ томъ отвѣтъ.
 И можетъ-ли пройти въ насъ горечь впечатлѣнья,
 Когда почувствуемъ, что васъ межъ нами нѣтъ.
 Такъ цѣнимъ временемъ мы ваше здѣсь былое,
 Лишь въ немъ достойный зримъ достоинству вѣнецъ,
 Лишь въ немъ всегда, вездѣ прекрасно-начатое
 Прекрасный обрѣтетъ путей своихъ конецъ.
 Примите-жъ голосъ нашъ глаголомъ предвѣщанья,
 Прощедшемъ несеть вамъ въ будущемъ успѣхъ,
 А этотъ тостъ за васъ, тостъ дружнаго прощанья,
 Порука за любовь къ вамъ всюду и отъ всѣхъ.

Управленіе губерніей Эдуардъ Васильевичъ получилъ въ 1862-мъ году, когда мыслящій людъ всецѣло былъ занятъ проведеніемъ въ жизнь великой крестьянской реформы. Время было тяжелое для администраторовъ, на которыхъ возлагались не малыя надежды по примиренію крестьянина съ помѣщикомъ. Особенно гигантскій трудъ въ этомъ дѣлѣ выпалъ на долю Эдуарда Васильевича, такъ какъ въ Калужской губерніи земледѣльческое населеніе состояло почти изъ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ и составляло до 700 тысячъ душъ. Тамъ Положеніе истолковывалось на разные лады, и вслѣдствіе этого помѣщики раздѣлились на три партіи. Къ первой принадлежали тѣ, которые въ дѣлахъ съ крестьянами прежде всего соблюдали свои собственные интересы, не прочь были посѣчь недомщиковъ, посадить въ холодную, но дѣйствовали сдержанно, умѣренно. Помѣщики второй партіи увлекались гуманностью реформы, изгоняли всякое насиліе не только на дѣлѣ даже на словахъ, рьяно стояли за чрезмѣрное пониженіе оброковъ, не признавали въ недомыкахъ уклоненія въ платежѣ со стороны крестьянъ и вообще пересаливали льготами для послѣднихъ. Третья партія была довольно оригинальная, образовавшаяся исключительно изъ стариковъ-помѣщиковъ. Она держалась обособленно отъ первыхъ партій и не входила съ ними ни въ какія сношенія; не порицала реформы, да и не сочувствовала ей; она даже не хотѣла знать, что таковая опубликована всенародно. Одинъ, напр., изъ такой партіи помѣщикъ Бровцынъ говорилъ открыто, что никакой «воли» не объявлено, все вздоръ «изволятъ молоть», что распространяютъ эти нелѣпости вредные люди, завидующіе процвѣтанію крѣпостного права. Когда къ этому чудаку послали становаго пристава прочитатъ указъ и вручить самое Положеніе, то, во время чтенія, помѣщикъ пришелъ въ такое негодованіе, что вырвалъ изъ рукъ становаго печатное Положеніе и имъ ударилъ вѣстника по лицу, а затѣмъ сталъ выталкивать его вонъ изъ дома, продолжая награждать ударами по спинѣ. Попробовали командировать къ Бровцыну исправника, но помѣщикъ и слушать не хотѣлъ его, а твердилъ свое, что никто не можетъ отнять отъ него права, въ силу котораго онъ хлещетъ дворня по щекамъ и учиняетъ «сѣкуціи» на конюшнѣ. Въ крайне возбужденномъ состояніи Бровцынъ оставилъ исправника одного въ комнатѣ и заперся въ кабинетѣ, гдѣ на другой день его нашли уже мертвымъ.

Въ Калугѣ Эдуардъ Васильевичъ встрѣтилъ своего предмѣстника В. А. Арцимовича, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ и былъ съ нимъ на «ты». Предъ отъѣздомъ, бывшій губернаторъ велъ съ Эдуардомъ Васильевичемъ продолжительный и оживленный разговоръ по поводу крестьянской реформы.

— При крестьянскихъ взысканіяхъ полиція играетъ важную роль, сказала, между прочимъ, Эдуардъ Васильевичъ.

— Все нѣтъ, — возразилъ г. Арцимовичъ. Въ реформенныхъ дѣлахъ полиція должна стоять на второмъ мѣстѣ. Вся работа по взысканію недоимокъ и оброковъ отнесена къ обязанностямъ и отвѣтственности мировыхъ посредниковъ. По моему воззрѣнію, полиція до существа дѣла не касается и приступаетъ къ распоряженіямъ тогда, когда уже мировая власть постановила свое рѣшеніе о количествѣ оброка или недоимки и о срокѣ его платежа.

— А относительно недоимокъ прежнихъ лѣтъ?

— Тоже на второмъ планѣ. Количество долговъ и правильность прежнихъ счетовъ должны разбирать также посредники. При этомъ они обязаны изслѣдовать: не произошли-ли долги по оброчнымъ недоимкамъ отъ обремененія крестьянъ чрезмѣрными повинностями. Время и размѣръ уплаты долговъ должны опредѣлять они-же, мировые посредники, но, однако, съ тѣмъ, чтобы взысканіе ихъ въ опредѣленные сроки не останавливало взноса текущаго оброка и не было ни въ какомъ случаѣ несоразмѣрно съ силами и съ состояніемъ крестьянъ.

— По твоему и жалобы на размѣръ и сроки должны приноситься не губернатору?

— Разумѣется. Сторона недовольная жалуется мировымъ съѣздамъ и губернскому присутствію, а вовсе не губернатору, который за эти дѣла не можетъ нести непосредственно отвѣтственности, ежели онъ давалъ имъ законный ходъ.

— Отодвигая на задній планъ полицію по взысканіямъ, ты, пожалуй, отвергнешь, что я и экзекуцію не могу послать недоимщикамъ, — съ тонкой усмѣшкой замѣтилъ Эдуардъ Васильевичъ.

Г. Арцимовича какъ-то неловко передернуло, но онъ подавилъ недовольствіе и спокойно началъ:

— Экзекуцію можно, по смыслу законовъ, ввести въ одномъ только случаѣ, когда крестьяне, при продажѣ или описи имущества, окажутъ сопротивленіе полиціи, т. е. не допустятъ ее до описи или продажи. Тогда экзекуція или войско приводится не для наказанія, а для того, чтобы полиція, подъ охраною военной силы, могла исполнить свои обязанности по описи и продажѣ имущества. Другъ мой, крестьяне въ настоящее время пользуются по законамъ всѣми гражданскими правами и ихъ, равно какъ и насъ съ тобой, нельзя преслѣдовать ни розгами, ни экзекуціями за неплатежъ долговъ. Нужно только продать у нихъ все то, что лишнее. Такъ установилъ законъ и никто не долженъ нарушать его.

— Однако, въ Новгородской губерніи экзекуція, какъ мнѣ извѣстно, практикуется полиціей и повинѣ.

— Я твердо увѣренъ, что тамъ система дѣйствій не выдерживаетъ критики и что господствуютъ до сихъ поръ крѣпостные приемы полицей-

скаго произвола. Подобное отступленіе отъ закона можетъ, безъ сомнѣнія, скрываться еще нѣкоторое время и не обратитъ на себя вниманіе верховной власти; но мнѣ представляется весьма опаснымъ возстановлять крѣпостные приемы и давать перевѣсъ личному вліянію губернаторской и полицейской власти. Тамъ, гдѣ съ большими усиліями устанавливался законный порядокъ, освященный близкимъ участіемъ монарха къ величайшему изъ преобразованій его царства, съ своей стороны я всегда заботился о томъ, чтобы крестьянское положеніе исполнялось въ точности и чтобы старые крѣпостные приемы были отброшены въ Калужской губерніи. Въ этомъ отношеніи эта губерніа находится въ исключительномъ положеніи и тебѣ, какъ преемнику моему, нельзя оставить безъ ближайшаго обсужденія принятой мною системы исполненія закона. Отступивъ однажды отъ строгой законности, нельзя уже будетъ устоять противъ напора крѣпостныхъ понятій и стремленій, столь живучихъ въ Калужской губерніи.

— Не поведетъ ли чрезмѣрно гуманное обращеніе къ своевольной недоимочности?

— По поводу этого я выскажу тебѣ слѣдующее соображеніе. Въ Калужской губерніи жалобы на неплатежъ оброковъ неизбѣжны. Эта губерніа, вслѣдствіе направленія, даннаго крестьянскому дѣлу въ самомъ началѣ его, вся почти состоитъ на оброкѣ. Поэтому весьма естественно, что въ числѣ всѣхъ плательщиковъ должны быть и исправные. Для уясненія дѣла и успокоенія всѣхъ воплей, губернатору нужно знать, сколько въ губерніи исправныхъ плательщиковъ. Когда ты обобщишь вопросъ, тогда убѣдишься, что крестьянъ нельзя безусловно винить и что, гдѣ растутъ недоимки, тамъ скрываются причины уклоненія крестьянъ отъ платежа оброковъ. Жалобы возникали и во время моего управленія и я этимъ предметомъ особенно занимался и всегда тщательно разбиралъ дѣла. Не разъ мировые посредники требовали содѣйствія полиціи при исполненіи рѣшеній по взысканію оброковъ ¹⁾.

При такихъ взглядахъ на введеніе реформы, г. Арцимовичъ поднималъ духъ въ партіи гуманистовъ и крайне раздражалъ умѣренныхъ, отчего въ общественномъ управленіи происходили беспорядки.

Въ такомъ состояніи Эдуардъ Васильевичъ и принялъ въ наслѣдіе Калужскую губернію. Надо было имѣть много энергіи, умѣнья и такта, чтобы достигнуть сліянія этихъ партій въ одно цѣлое, которое дѣйствовало бы равномѣрно, не обездоливая помѣщика и не обижая крестьянина. Чрезвычайно трудно было однихъ склонить къ безпристрастнымъ взглядамъ на помѣщика и крестьянина, другихъ—удерживать отъ вред-

¹⁾ О дѣятельности Арцимовича см. „Русскую Старину“ 1897 г., № 4, стр. 103—119.

ныхъ увлеченій и третьихъ—принудить отказаться отъ мысли, что крестьянинъ больше уже не безличная душа, не рабъ барину.

Приступая къ распутыванію помѣщичьихъ неурядицъ Эдуардъ Васильевичъ былъ того мнѣнія, что первая партія дѣйствуетъ благоразумнѣе другихъ и можетъ вполне упрочить свое значеніе, если мировые посредники, къ ней примыкающіе, будутъ безпристрастно смотрѣть на интересы помѣщика и крестьянина. Поэтому всѣми силами слѣдуетъ поддерживать партію умѣренныхъ съ тѣмъ, однако, чтобы они на мировыхъ сѣздахъ не выходили изъ круга равноправныхъ сужденій и не вдавались въ личные пререканія.

Между тѣмъ раздоръ партій разгорался все болѣе и болѣе.

— Одно желаніе добра для края,—говорилъ, напримѣръ, одинъ изъ помѣщиковъ,—а слѣдовательно и для васъ, побуждаетъ меня высказаться, что теперь служащіе и неслужащіе дворяне въ нашей губерніи заняты не обязанностями и дѣлами, а личностями и пикировками. Очевидно, что если этому жалкому направленію будетъ даваться пища, хотя бы и умѣренная, то ссорамъ и раздраженіямъ не будетъ конца, а въ такой срединѣ, конечно, нѣтъ мѣста для добра.

Другой писалъ по поводу сокращенія мировыхъ участковъ:

«Я былъ на дворянскомъ собраніи въ г. Мосальскѣ и принималъ участіе въ сужденіяхъ о проектѣ посредниковъ. Уставныя грамоты въ большемъ числѣ составлены самими посредниками, почему споры по нимъ неизбѣжны. Отграниченія крестьянскихъ надѣловъ, отрѣзокъ и разверстаній вовсе еще не произведены. Осмотры надѣловъ по заявленіямъ о худомъ качествѣ земли также нигдѣ не сдѣланы. Дѣла по выкупамъ требуютъ и времени, и разѣздовъ. Споры о хлѣбныхъ запасахъ и заявленія по рекрутскимъ сдѣлкамъ все еще продолжаются.

«Между тѣмъ собраніе проектировало оставить, вмѣсто прежнихъ пяти посредниковъ, только двухъ. Поэтому спрашивается: возможно ли будетъ двумъ посредникамъ, при значительномъ населеніи и большомъ пространствѣ уѣзда, исполнить сколько-нибудь добросовѣстно и основательно свои обязанности?»

«Такое предположеніе опирается не на существо дѣла, а на интриги среди присутствовавшихъ. Такъ, стремясь къ проекту не по убѣжденію, а изъ личныхъ неудовольствій, дворянство прямо доказываетъ, что для него общая польза—одни пустыя слова»¹⁾.

Третій сообщалъ письмомъ слѣдующее:

«Ратованія за пониженіе повинностей не имѣютъ предѣловъ. Многія ведемки признаются сомнительными и будто-бы иными помѣщиками придуманы вымышленно въ отмщеніе крестьянамъ за ихъ свободу.

¹⁾ Изъ письма калужскаго помѣщика Пещурова.

Трудно вообразить, до какихъ мнѣовъ дойдетъ крестьянская партія и какая печальная участь ожидаетъ нашего мужика» ¹⁾).

Четвертый рассказывалъ лично Эдуарду Васильевичу:

— Удивительныя вещи творять нѣкоторые помѣщики. Нарѣзаютъ чрезполосные, никому не годящіеся участки. Инымъ селеніямъ сѣно-косныхъ участковъ вовсе не нарѣзаютъ. Крестьяне негодуютъ, плачутъ, а посредники говорятъ: «у помѣщиковъ будете арендовать пожни». Аренда все бы еще ничего, да я встрѣтился съ однимъ помѣщикомъ сосѣдняго уѣзда, который мнѣ говорилъ, что арендную плату онъ заломить съ крестьянъ десятерную и пусть кормятъ скоть чѣмъ хотять. Скажите, пожалуйста, что станется съ крестьяниномъ, въ которомъ мы видимъ оплотъ благоденствія Россіи? Нѣтъ, это надо пресѣчь въ корнѣ, иначе грозныя бѣды не замедлятъ надвинуться.

Подобныхъ рассказовъ было не мало — и письменныхъ, и словесныхъ, исходившихъ отъ обѣихъ партій. Всѣ они сводились къ одному знаменателю: вражда растетъ, крестьянинъ страдаетъ — необходимы мѣры.

Какъ ни горько было принимать къ сердцу вопіющіе голоса помѣщиковъ, но Эдуардъ Васильевичъ предрѣшалъ дѣйствовать осмотрительно. Въ противномъ случаѣ онъ допускалъ возможность ошибки, а послѣдняя могла вызвать служебную отвѣтственность и, главнымъ образомъ, душевныя страданія за невиннаго человѣка. Ему даже называли имена нѣкоторыхъ агитаторовъ, но Эдуардъ Васильевичъ въ донесеніи къ министру только ихъ перечислилъ, а потомъ прибавилъ: «Сообщаемыя мнѣ о неблагонадежности этихъ лицъ свѣдѣнія я принялъ лишь къ соображенію, такъ какъ, по кратковременному пребыванію моему въ губерніи, я не составилъ еще себѣ убѣжденія объ образѣ ихъ дѣйствій и одностороннемъ будто-бы сужденіи, а также содѣйствіи къ направленію во вредномъ духѣ рѣшаемыхъ на мировыхъ сѣздахъ дѣлъ».

Слишкомъ былъ остороженъ Эдуардъ Васильевичъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Это доказыается такимъ фактомъ. Бывшій губернаторъ, составивъ всеподданнѣйшій отчетъ по Калужской губерніи за 1862 г., доложилъ въ немъ, между прочимъ, до свѣдѣнія государя о неблагонадежности губернскаго почтмейстера. Но прежде, чѣмъ подписать этотъ важный документъ, г. Арцимовичъ былъ удаленъ отъ управленія губерніей, и отчетъ остался на попеченіи Эдуарда Васильевича. Послѣдній прочиталъ его и написалъ такую резолюцію: «Покорнѣйшая просьба: ранѣе нежели губить почтмейстера, имѣющаго 12 дѣтей и не имѣющаго никакого состоянія, удостовѣриться, — дѣйствительно ли онъ такъ ви-

¹⁾ Изъ письма тульского и калужскаго помѣщика Ханькова.

новать, чтобы лишить его и семейство всѣхъ средствъ къ существованію».

Къ сожалѣнію, развивавшееся зло напрашивалось на неотложныя мѣры и чуть было не надѣлало губернатору серьезныхъ непріятностей, если бы не подвернулась одна случайность, которою онъ кстати воспользовался.

Въ Калугу пріѣхалъ по высочайше возложенному порученію флигель-адъютантъ полковникъ Нарышкинъ и написалъ Эдуарду Васильевичу официальную бумагу о томъ, чтобы послѣдній прибылъ къ нему по «весьма важному дѣлу». Полковникъ не вправѣ былъ относиться въ такой формѣ къ начальнику губерніи, но тѣмъ не менѣе Эдуардъ Васильевичъ отправился. Г-нъ Нарышкинъ упрекалъ его, что Калужская губернія на волоскѣ отъ возмущенія, а руководители продолжаютъ свое преступное дѣйство. Затѣмъ, почти въ приказательныхъ словахъ, высказалъ губернатору, что члены присутствія отъ правительства, г. г. Г—евъ, Г—овъ и О—скій и мировой посредникъ г. Л—евъ, по неблагонадежности, должны быть немедленно удалены отъ должности. Особенно такъ надо поступить съ г. Л—вымъ, который гласно заявлялъ въ губернаторской канцеляріи о могущемъ произойти нарушеніи общественнаго спокойствія и вообще обнаруживалъ подстрекательство крестьянъ къ заявленію о пониженіи повинностей.

— Подобныя обстоятельства, — добавилъ полковникъ, — имѣютъ крайне вредное значеніе и о нихъ я долженъ довести до свѣдѣнія государя.

Вернувшись домой, Эдуардъ Васильевичъ тотчасъ же написалъ министру о дѣйствіяхъ г. Нарышкина и приложилъ подлинную бумагу, дискредитирующую власть губернатора. П. А. Валуевъ отвѣчалъ:

«Вы не обязуетесь безусловнымъ исполненіемъ сообщенія флигель-адъютанта полковника Нарышкина, хотя, впрочемъ, если сами признаете указанныхъ лицъ дѣйствительно неблагонадежными, то вашему превосходительству своею властью слѣдуетъ распорядиться удаленіемъ ихъ отъ занимаемыхъ должностей.

«Я васъ поддержу, когда нужно, но съ вашей стороны помогите мнѣ; я васъ прошу, прежде всего, подвиньте дѣла, напомнивъ помѣщикамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ они избавились вашего предшественника, имъ непростительно не соглашаться. Затѣмъ, постарайтесь вернуть тѣхъ изъ противной партіи, которыхъ можно. Не будетъ ли это вамъ возможно касательно О—скаго; попробуйте заставить его слушать голосъ благоразумія. Вы свободны сдѣлать первый шагъ, ибо сила на вашей сторонѣ. Наконецъ, вамъ лучше видно, нежели мнѣ, что происходитъ на мѣстѣ. Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что содержаніе отношенія къ вамъ полковника Нарышкина доведено мною до высочайшаго свѣдѣнія государя императора».

Р.С. «Флигель-адъютанту Нарышкину не слѣдовало къ вамъ отнестись такъ. Впрочемъ, дальнѣйшихъ послѣдствій этому случаю давать не нужно».

Такъ и не были уволены намѣченные г. Нарышкинымъ агитаторы, а лишь только остались пока въ сильномъ подозрѣніи.

Вскорѣ Лерхе отправился по губерніи и побывалъ во всѣхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ и усадьбахъ крупныхъ помѣщиковъ. Во время объѣзда онъ нерѣдко самъ руководилъ засѣданіями мировыхъ съѣздовъ и присутствій, удерживалъ строитивыхъ, объединялъ взгляды и мнѣнія присутствующихъ, направлялъ дѣла къ всестороннему обсужденію и безкорыстнымъ рѣшеніямъ; неслужащимъ помѣщикамъ объяснялъ, какія за ними остались права и какъ они должны теперь вести себя по отношенію къ крестьянамъ. Словомъ, Эдуардъ Васильевичъ всюду являлся истиннымъ и живымъ истолкователемъ Положенія 1861 г. Здѣсь онъ подмѣтилъ всѣ элементы, которые стояли на ложномъ пути и вредили проведенію реформы. Поэтому, возвратившись въ Калугу, онъ усердно занялся обновленіемъ засѣдателей и составленіемъ разныхъ постановленій для неслужащихъ дворянъ.

Въ результатъ послѣдніе, конечно, остались на мѣстѣ и поуспокоились. Изъ первыхъ же, болѣе состоятельные сами удалились отъ дѣлъ общественныхъ и вернулись въ свои имѣнія, а тѣ, которые вовсе не имѣли недвижимаго населеннаго имущества или проживали въ родительскихъ угодьяхъ, отправились въ сѣверо-западный край на службу, предоставленную имъ Эдуардомъ Васильевичемъ, по соглашенію съ министромъ П. А. Валуевымъ.

Рѣже стали слышаться партійныя нашептыванія, въ засѣданіяхъ начала торжествовать правда; всюду наступало какое-то стихійное затишье, точно послѣ бурной погоды. Съ отграднымъ чувствомъ Лерхе доносилъ министру, «что въ настоящее время, при измѣнившемся составѣ членовъ съѣзда и присутствія, дѣла разсматриваются съ должнымъ вниманіемъ и постановленія по немъ дѣлаются единственно въ видахъ соблюденія равноправнаго примѣненія законоположеній 19-го февраля 1861 г. Изъ немалаго числа дѣлъ, разсмотрѣнныхъ вашимъ превосходительствомъ, вы, конечно, имѣли случай убѣдиться, сколь трудны были мои обязанности къ устраненію водворившагося упорнаго разногласія среди помѣщиковъ, болышею частью имѣвшаго основаніемъ личности или непріязненныя между ними отношенія, и слѣдовательно, положительно вредившаго успѣху самого дѣла. Теперь-же я могу смѣло передать вамъ, что все это я преодолѣлъ и каждый несеть посильный трудъ свой честно».

Но едва Эдуардъ Васильевичъ успокоился отъ тревоженій по крестьянскому вопросу, какъ почти неожиданно обрушилось семейное горе:

онъ потерялъ горячо любимую супругу. Свѣжія воспоминанія о тяжелой утратѣ губительно дѣйствовали на него и вынуждали искать средствъ, чтобы заглушить безъисходную тоску.

Вскорѣ оставилъ мѣсто новгородскій губернаторъ В. Я. Скарятинъ, и Эдуардъ Васильевичъ въ началѣ 1864 г. былъ переведенъ начальникомъ Новгородской губерніи.

Узнавъ объ этомъ, калужскіе дворяне выразили сожалѣніе, что онъ покидаетъ губернію въ тотъ моментъ, когда она совершенно успокоена равноправнымъ и законнымъ дѣйствіемъ мировыхъ властей, поступававшихъ такъ, какъ указывалъ имъ чистый благородный его принципъ.

На это Эдуардъ Васильевичъ отвѣтилъ дворянамъ благодарностью за то, что они вполне поддержали его мѣропріятія, которыми было достигнуто точное исполненіе правительственныхъ предначертаній; при этомъ онъ добавилъ, что о спокойствіи въ губерніи онъ лично свидѣтельствовалъ передъ государемъ, и его величество изволилъ милостиво выразить свое благоволеніе калужскому дворянству, а его удостоить благовольтельнымъ вниманіемъ. Затѣмъ, не могъ не высказать того, что только одно грустное положеніе семьи побудило его желать настоящаго перемѣненія; въ Новгородѣ онъ сблизится съ родственниками, и въ кругу ихъ осиротѣвшія дѣти найдутъ родительское попеченіе.

II.

Въ Новгородской губерніи Эдуарду Васильевичу болѣе уже не пришлось выносить на своихъ плечахъ такихъ вѣпросовъ, которые могли бы напомнить ему Калугу, и онъ совершенно спокойно пошелъ впередъ по трудовой дорогѣ на благо Новгородскому краю. Съ неослабвующей энергіей онъ работалъ на поприщѣ новгородскаго губернаторства слишкомъ 18-ть лѣтъ, и справедливость заставляетъ сказать, что служба его ни по продолжительности, ни по плодотворности не находитъ себѣ соперника, за исключеніемъ графа Я. Е. Сиверса, въ лицѣ всѣхъ 25 новгородскихъ губернаторовъ, управлявшихъ губерніей съ самаго ея основанія.

Въ первые годы на долю Лерхе выпало нелегкое руководительство по введенію въ губерніи двухъ выдающихся реформъ—судебной и земской. Извѣстно, что уставъ 1864 г., отдѣливъ судъ отъ администраціи и умаливъ этимъ власть послѣдней, не мало принесъ горечи многимъ администраторамъ, но Эдуардъ Васильевичъ свободное и независимое правосудіе встрѣтилъ сочувственно, радуясь за народъ,

который, наконецъ, перешагнулъ чрезъ прежнюю волокиту. Къ новому судопроизводству онъ относился добросовѣстно, содѣйствовалъ его успѣху и въ дѣлахъ прикосновенныхъ право свое высказывалъ всегда безпристрастно. Словомъ, судъ и администрація, шли рука объ руку, не ссорясь изъ-за предпочтенія и не оспаривая другъ у друга власти. а вполне сознавая, что они функціи одной государственной жизни.

Нельзя безусловно сказать этого о земствѣ, особенно въ первую пору, когда земское Положеніе для большинства казалось малояснымъ. Между земствомъ и администраціей царяла какая-то туманность, даже одинъ изъ видныхъ земскихъ дѣятелей, первый предсѣдатель управы Н. А. Качаловъ, высказывался, что при настоящемъ неопредѣленномъ положеніи среди этихъ вѣдомствъ, создаются щекотливыя отношенія и что сами земцы не могутъ еще уяснить себѣ вопроса: какое учрежденіе земство—политическое или экономическое. Разумѣется, во взглядахъ на общія дѣла нерѣдко возникало разногласіе, которое, однако, никогда не переходило въ личные счеты и, благодаря благоразумію губернатора, не развивалось до сильной остроты, могшей повергнуть объ стороны въ непримиримую вражду.

Осязательную пользу отъ обѣихъ реформъ Эдуардъ Васильевичъ видѣлъ въ отдаленномъ будущемъ и полагалъ, что чѣмъ шире будетъ распространяться народное образованіе, тѣмъ скорѣе исполнители ихъ придвинутся къ завѣтнымъ цѣлямъ реформъ. За образованіе народной массы Лерхе крѣпко стоялъ. Поэтому и на бумагѣ и лично въ земскихъ собраніяхъ онъ никогда не упускалъ случая коснуться просвѣщенія; свои воззрѣнія по этому предмету онъ всегда оканчивалъ приблизительно такими словами: «какъ можно больше давайте духовной пищи народу, потому что чрезъ это облегчатся задачи нашей молодой юстиціи, а главное, разсѣется тьма, которая твердою стѣною отдѣляетъ коснѣющее населеніе отъ истинныхъ понятій, что земство вносить въ экономическій бытъ несомнѣнное благо».

Съ такимъ неоспоримымъ взглядомъ земство вполне соглашалось и въ принципѣ и на дѣлѣ. Въ разныхъ пунктахъ губерніи стали нарождаться нормальныя земскія школы, съ успѣхомъ вытѣсняя типъ дореформенныхъ школъ—школъ грамоты, имѣвшихъ невѣжественную постановку во всѣхъ направленіяхъ и приносившихъ относительную пользу подрастающему юношеству. Каждой новой школѣ Эдуардъ Васильевичъ былъ очень радъ и если самъ не могъ присутствовать на открытіи, то командировалъ уполномоченное лицо или посылалъ привѣтъ руководителямъ школы. Во время разъездовъ по губерніи, онъ любилъ заглядывать и въ школы, такъ что иной разъ посѣщалъ цѣлые районы.

Вотъ одна изъ поѣздокъ Эдуарда Васильевича въ тесовскій районъ. какъ разъ въ то время, когда во всѣхъ 8 школахъ происходили экза-

мены. Надо сказать, что тесовскія школы были поставлены на прочную почву, благодаря трудамъ и работамъ ихъ попечителя, мѣстнаго землевладѣльца и толковаго педагога П. С. Гурьева.

Повѣдка была заранѣе объявлена сельскимъ властямъ, поэтому вѣсть о ней скоро облетѣла всѣ деревни тесовскаго края. Народъ въ праздничныхъ нарядахъ стекался въ с. Тесово, ко второразрядному училищу, составляющему центръ всей группы школъ.

Подъѣзжая къ селу Лерхе любовался такой картиной. Предъ зданіемъ училища выстроились въ двѣ шеренги всѣ ученики, отдѣльно по школамъ, причемъ въ началѣ ряда известной школы стоялъ свой учитель, а около него старшій ученикъ держалъ флагъ съ надписью, обозначающей имя школы. Вокругъ пестрѣли густыя толпы народа, собравшагося посмотрѣть на начальника губерніи, столь сильно заботящагося о просвѣщеніи ихъ дѣтей.

Эдуарда Васильевича встрѣтили попечитель, директоръ народныхъ училищъ, предсѣдатель земской управы, законоучитель и старшина; онъ въ сопровожденіи этихъ властей обошелъ фронтъ учащихся, здоровался съ ними, осматривалъ дѣтей и обращался ко многимъ съ привѣтливыми вопросами. Затѣмъ учениковъ отпустили по школамъ. На другой день губернаторъ съ тѣми же властями отправился въ школы, гдѣ сначала осматривалъ зданія, а послѣ присутствовалъ на экзаменахъ, восхищался успѣхами учениковъ и съ неподдѣльнымъ умиленіемъ смотрѣлъ на этотъ цвѣтъ крестьянской молодежи.

Снова вернувшись въ Тесово, Эдуардъ Васильевичъ выразилъ попечителю, что все имъ видѣнное и слышанное въ школахъ превзошло его ожиданія.

— Спасибо, Петръ Семеновичъ, тысячу разъ спасибо, — пожимая крѣпко руку, благодарилъ онъ взволнованный П. С. Гурьева.

Для болѣе правильной организаціи школьнаго дѣла земство возбудило вопросъ о созданіи Александровской учительской школы, гдѣ крестьянскіе мальчики могли-бы получать специальную подготовку къ учительской дѣятельности и замѣнять недоучившихся гимназистовъ и семинаристовъ.

Подобная школа была открыта въ 5 верстахъ отъ Новгорода, въ сел. Колмовѣ. Губернаторъ сочувствовалъ ей и посѣщалъ ее неоднократно, но затѣмъ, когда задумали переводить ее въ городъ, онъ сталъ охлаждѣвать къ ней въ убѣжденіи, что новое мѣстоположеніе школы вытѣснить въ будущихъ учителяхъ крестьянскій духъ и они унесутъ съ собою городской соблазнъ въ деревню.

Въ то время управлялъ школою баронъ Косинскій. Это былъ опытный педагогъ, ярый поборникъ народнаго образованія и не сухой схоластикъ, а живо и впечатлительно передававшій знанія молодому по-

колѣнью. Г. Косинскій горячо возставалъ противъ перевода школы и разъяснялъ земцамъ, что городская жизнь выбьетъ изъ крестьянской колеи учителей и черезъ нихъ вредно заразитъ деревню. Такихъ взглядовъ земцы не хотѣли раздѣлять, а г. Косинскій стоялъ на своемъ и даже хлопоталъ предъ правительствомъ объ оставленіи школы на прежнемъ мѣстѣ. Когда-же хлопоты оказались безуспѣшными, то Косинскій перешелъ къ порицаніямъ дѣйствій земскихъ дѣятелей и съ этого момента началась травля несчастнаго педагога предъ лицомъ г. губернатора всевозможными навѣтами и клеветами.

Сначала г. Косинскаго обвиняли въ томъ, что онъ чрезмѣрно ласковымъ обращеніемъ способствуетъ привитію къ ученикамъ смѣлости относиться къ начальникамъ съ невѣжествомъ и пренебреженіемъ, затѣмъ обзывали его религіозно-нравственнымъ либераломъ, сыщикомъ тайной полиціи и, наконецъ, почему-то обвинили въ неблагонадежности, предупредивъ объ удаленіи изъ школы.

Клевету г. Косинскій весьма основательно разбивалъ письмами! и Лерхе жалѣлъ его, какъ честнаго и неутомимаго труженика, стоявшаго одиноко противъ пѣлой земской корпораціи. Самъ Эдуардъ Васильевичъ, хотя и соглашался съ мнѣніемъ барона, но не пошелъ прямо въ разрѣзъ земству, а косвеннымъ путемъ доказалъ весь вредъ перевода школы въ городъ. Онъ поддержалъ г. Косинскаго въ министерствѣ, и учебное начальство оставило его при школѣ. Однако это продолжалось недолго.

«Земству, писалъ Косинскій губернатору, угодно идти далѣе по пути клеветы. Дѣйствительно, клевета—такая скользкая наклонная плоскость, вступивъ на которую, невозможно удержаться, а приходится падать до конца. Нравственное убійство совершено. Школа потеряна для меня уже потому, что я истерзанъ, замученъ, что я уже не гожусь для дѣла. Гг. избранники земства не останавливались ни предъ какимъ средствомъ, чтобы доставить побѣду своему произволу. Я побѣжденъ; я борюсь еще, но это уже послѣдніе проблески энергіи духа, напряженной до послѣднихъ, невозможныхъ предѣловъ. Духъ мой умираетъ, скоро и тѣло не удержитъ его. Простите: слеза смыла чернила и сдѣлала пятно, переписать же это письмо я не въ силахъ.

«Ваше превосходительство, защищайте школу, помогайте ей; она займетъ въ вашей біографіи далеко не маловажную страницу, а у меня имя ваше будетъ въ числѣ тѣхъ именъ, о которыхъ я буду молиться Судіи міра въ часъ моей смерти».

Школу перевели въ Новгородъ, а г. Косинскій уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ скорбѣлъ о школѣ, которую онъ ставилъ выше всякихъ житейскихъ отрадъ. Изрѣдка онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ и непремѣнно навѣщалъ школу, гдѣ душевно бесѣдовалъ съ учениками о пре-

подаваемыхъ предметахъ и съ наслажденіемъ вспоминалъ о тѣхъ свѣтлыхъ дняхъ, которые онъ провелъ съ ними вдали отъ «шума городского».

Съ нѣкотораго времени Эдуардъ Васильевичъ убѣдился, что земство достаточно окрѣпло въ своихъ взглядахъ на сельское просвѣщеніе и продолжало вести это дѣло съ большимъ успѣхомъ, поэтому настойчивыхъ толчковъ со стороны административной власти уже не требовалось, и онъ обратилъ вниманіе на образованіе городского населенія.

Городская дума и собранія уѣзднаго и губернскаго земствъ возбудили ходатайство объ открытіи въ Новгородѣ реального училища. Эдуардъ Васильевичъ это ходатайство поддержалъ, высказавъ въ своемъ заключеніи передъ высшимъ начальствомъ, что такое училище крайне необходимо для города, такъ какъ существующія учебныя заведенія далеко не удовлетворяютъ жаждущихъ учиться, и родители дѣлаютъ большія затраты, отправляя дѣтей въ другія города, чтобы дать имъ реальное образованіе. Земство и городъ, какъ инициаторы, дали первыя средства училищу. Былъ купленъ домъ въ 20 т. руб. и приуроченъ къ учебнымъ помѣщеніямъ. Въ ежегодное пособіе постановили удѣлять изъ капитала народнаго образованія: городъ—600 руб. и земства—2,600 руб.

При такихъ началахъ, въ 1875 г., на радость дѣтямъ и ихъ родителямъ училище было открыто.

Не безъ содѣйствія губернатора возникла также мужская прогимназія въ Устюжнѣ, а въ Череповцѣ при его участіи открыто три учебныхъ заведенія: реальное и техническое училища и учительская семинарія.

Образованіе въ городахъ дѣвочекъ особенно заботило Э. Лерхе, да и какъ было не сочувствовать этому образованію, если до того времени дѣвочки росли неграмотными, а въ Новгородѣ къ ихъ услугамъ было только одно приходское училище на 18 тыс. жителей. Не многимъ счастливицамъ удавалось посѣщать школу и хотя бы элементарно постичь науку, а о серьезномъ образованіи женщины никто и думать не смѣлъ. Правда, ходило какое-то броженіе среди гласныхъ думы насчетъ «женственной полировки», но скоро смолкло. Затѣмъ гласные задумали открыть 6-ти классное училище, ассигновали суммы и послали ходатайство, но училищное начальство нашло средства недостаточными на содержаніе училища и отказало. Тогда губернаторъ взялъ это дѣло въ свои руки. Онъ подобралъ лицъ, сочувствующихъ женскому образованію и составилъ изъ нихъ комитетъ, которому поручилъ изыскивать всѣми способами средства для будущаго училища. Начались добровольные сборы съ обывателей и чиновниковъ; захопотали съ концертами и спектаклями; потекли пожертвованія, городское общество пред-

ложило комитету верхній этажъ въ своемъ домѣ, отпустило въ единовременное пособие 5 тыс. и въ ежегодное—900 р. Въ итогѣ образовался капиталъ, проценты съ котораго вмѣстѣ со сборомъ за ученіе и пособиемъ отъ города составили 3 т. р. въ годъ. Денежныя условія были вполне подходящія, оставалось только приспособить помѣщеніе. Немедленно приступили къ работамъ. Эдуардъ Васильевичъ самъ бывалъ на постройкахъ, распоряжался и слѣдилъ за ходомъ работъ. Когда все было готово, училище торжественно открыли и наименовали «Николаевскимъ», а въ послѣдствіи оно было преобразовано въ гимназію.

Благодаря такому почину, въ разное время было открыто по уѣзнымъ городамъ семь женскихъ прогимназій. Всѣ онѣ возникли при содѣйствіи и горячемъ участіи Э. В. Лерхе. Женскія прогимназіи ставились на прочную ногу, хотя нѣкоторыя за недостаткомъ суммъ задерживались открытіемъ, а въ Устюжнѣ приключилась даже маленькая неприятность. Составили капиталъ, приняли 49 ученицъ и открыли прогимназію. Оказалось, что такой контингентъ учащихся не помѣщается въ классахъ и приходится или сократить наполовину ученицъ, или прискаты другое болѣе обширное помѣщеніе. На выручку прогимназій пришло дворянство, заинтересованное въ образованіи своихъ дѣтей. Въ депутатскомъ собраніи дворяне постановили купить отдѣльный домъ для прогимназій на деньги, оставшіеся отъ ополченія, и черезъ два-три мѣсяца прогимназія приняла въ свои стѣны всѣхъ дѣвушекъ, стремящихся къ просвѣщенію.

Въ заботахъ объ образованіи Эдуардъ Васильевичъ не упускалъ изъ виду и религіозно-нравственный уровень народа и остановился на тюремно-заключенныхъ.

Въ тюрьму попадаютъ люди нравственно испорченные, и чтобы не доводить преступниковъ до совершеннаго упадка, необходимо принять какія-либо мѣры, которыя, по мнѣнію Эдуарда Васильевича, олицетворялись лишь въ храмахъ Божіихъ. Идея о созиданіи церквей при тюрьмахъ не давала ему покоя, но приступить къ ея осуществленію было какъ-то страшно, ибо въ каждомъ уѣздномъ городѣ была своя тюрьма, а средствъ на построеніе храмовъ не имѣлось. Какъ представитель края, Лерхе часто вращался въ разныхъ обществахъ и при каждомъ удобномъ случаѣ старался воспользоваться частною благотворительностью.

— Эхъ, Панкратій Ефремычъ, говорилъ онъ напримѣръ купцу, ну, что вамъ стоитъ пожертвовать для тюремной церкви двѣ-три тысячи кирпича.

— Хорошо, ваше превосходительство, съ удовольствіемъ.

— А я васъ, Савелій Никитичъ, давно хотѣлъ повидать. Мы, видите-ли, строимъ церковь при тюрьмѣ, да накатника не хватило, такъ не окажете-ли....

— Могу, ваше превосходительство, непременно доставлю.

— За вами остановка, любезнѣйшій, говорилъ овъ третьему. Хотите освящать тюремную церковь, схватились, а ризь нѣтъ. Вы вѣдь въ Москвѣ торгуете этимъ предметомъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство. Я постараюсь прислать облаченіе.

И вотъ, притакихъ условіяхъ съ разныхъ концовъ доставлялись бревна, тесь, паникадила, ризы, напестольная утварь и пр. Иные жертвователи присылали деньги; городъ, земство, тюремный комитетъ отпускали суммы. Проходило 1—2 года и тюрьма украшалась храмомъ, въ которомъ преступный людъ находилъ утѣшеніе въ своихъ скорбяхъ и печаляхъ. Такимъ несложнымъ, неглубокомысленнымъ путемъ Эдуардъ Васильевичъ построилъ съ помощью добрыхъ жертвователей церкви при всѣхъ десяти тюрьмахъ.

Самъ лютеранинъ Лерхе энергически боролся съ расколомъ въ Старорусскомъ уѣздѣ. Находившійся ранѣе въ застоѣ, но благодаря послабленіямъ сельской и полицейской власти, расколъ сталъ быстро развиваться. Расколоучители ѣздили изъ одного прихода въ другой, вѣнчали несовершеннолѣтнихъ, крестили дѣтей въ прорубяхъ при народѣ, погребали усопшихъ и настолько открыто, что въ селѣ Бѣлебылкѣ несли покойника днемъ, съ хоровымъ пѣснопѣніемъ, мимо становой квартиры, но становой приставъ не обратилъ никакого вниманія. Погребенія совершались не на отведенныхъ мѣстахъ, а тамъ, гдѣ пожелаютъ раскольники. Былъ тотъ фактъ, что крестьянинъ Горячій похоронилъ двухъ младенцевъ на огородѣ своего сосѣда. Въ некоторыхъ селеніяхъ избы превратились въ молебни, а въ сел. Городцахъ и Залучѣ выстроены шесть особыхъ молебенъ. Бѣлебылковскій старшина, самъ совратившійся въ расколъ, принималъ участіе въ похоронахъ и поминкахъ раскольниковъ. Сотскіе, по приказанію пристава 2-го стана, ходили по деревнямъ и всѣхъ записывали въ расколъ, даже отсутствующихъ и тѣхъ, кто не желалъ слѣдовать сектѣ. Сотскіе говорили крестьянамъ, что начальство приказало вводить въ новую вѣру, которая теперь только одна и считается истинной. Дѣла о преслѣдованіи раскола хотя и возбуждались, но лежали у судебного слѣдователя безъ движенія; расколоучители продолжали преступныя дѣйствія, состояя, такимъ образомъ, подъ судомъ на бумагѣ.

Крестьянинъ Меркуловъ, находясь подъ слѣдствіемъ, повѣнчалъ несовершеннолѣтнихъ парня и дѣвушку, причѣмъ показывалъ присутствовавшимъ на бракѣ книгу, данную ему полицейской властью, для записи браковъ. Тогда расколъ развился до такихъ размѣровъ, что совратившихся насчитывалось до 7.500 мужчинъ и до 9.500 женщинъ. Эдуардъ Васильевичъ попробовалъ приказать мѣстнымъ властямъ о произ-

водствѣ повсемѣстныхъ дознаній, но къ сожалѣнію, всѣ дознанія говорили настолько въ пользу расколученія, что губернаторъ не усмотрѣлъ въ нихъ ни одного изъ указанныхъ фактовъ, даже невозможно было составить себѣ представленія хотя-бы о малѣйшемъ развитіи зла. Между тѣмъ, частіе слухи назойливо твердили о расколѣ; затѣмъ о томъ-же сообщило и епархіальное начальство. Лерхе терялся въ разнорѣчивыхъ указаніяхъ и не могъ уяснить себѣ, на которой сторонѣ правда. Наконецъ, губернаторъ получилъ изъ компетентныхъ источниковъ обстоятельное донесеніе, гдѣ на это дѣло проливался полный свѣтъ. Оказалось, что какъ безнадзорность властей, такъ и дознанія мягкаго свойства вытекали изъ поборовъ, на которые раскольники, какъ люди зажиточные, не скупились, и въ уѣздѣ среди чиновъ господствовало взяточничество временъ приказныхъ подъячихъ.

Губернаторъ командировалъ въ Старорусскій уѣздъ для обслѣдованія раскола, въ связи со взяточничествомъ, своего чиновника Л. А. Круповича, который нынѣ состоитъ совѣтникомъ губернскаго правленія и переслужилъ уже шестого губернатора. Этотъ чиновникъ долго трудился и плодомъ его работъ образовалось дѣло ни больше, ни меньше, какъ на тысячѣ листахъ.

Любопытно было, когда г. Круповичъ докладывалъ лично о результатѣ командировки. Обрисовавъ яркими красками развитіе раскольничьяго зла, онъ перешелъ къ именамъ лицъ, обиравшихъ на всевозможные лады раскольниковъ и за это мирволившихъ ученію секты.

— Тамъ всѣ чиновники дышатъ взятками, сказалъ губернаторъ и, вкрадчиво улыбаясь, спросилъ: ну, а вы, какъ насчетъ хапанья?

Г. Круповичъ, какъ человекъ безукоризненной честности и на службѣ, и въ частной жизни, обидѣлся и сдержанно отвѣтилъ:

— Взятки я презираю. Я ваше превосходительство, исполнялъ порученія въ точности. Если-бы въ бумагахъ, кромѣ порученія по разслѣдованіямъ, было прибавлено «и брать взятки», я бы, конечно, взялъ, но себѣ не присвоилъ, а передалъ бы ихъ по принадлежности.

Губернаторъ добродушно разсмѣялся и замѣтилъ:

— Оригинальное было-бы порученіе.

Толстое раскольничье дѣло кончилось тѣмъ, что составъ служащихъ въ Старорусскомъ уѣздѣ по выборамъ и отъ правительства былъ значительно обновленъ, но исключительно лишь пониженіемъ и переименуемъ; противъ же раскола губернаторъ примѣнилъ такіа средства:

1) Поручается властямъ немедленно остановить расколучителей отъ ихъ дѣйствій, безусловно сторонясь лихоимства, подъ строгой отвѣтственностью по закону.

2) Упразднить всѣ самовольно открытыя модельни.

3) Повѣнчанныхъ раскольничьими попами перевѣнчать по обрядамъ

православной церкви, а въ случаѣ отказа, ходатайствовать предъ консисторіей объ отсылкѣ ихъ на покаяніе, какъ блудно живущихъ.

4) Ни подъ какимъ видомъ не позволять раскольникамъ погребать умершихъ на сомовольно избранныхъ мѣстахъ.

5) Просить крестьянское присутствіе не утверждать въ должностяхъ тѣхъ лицъ, которыя заражены расколомъ.

6) Просить консисторію назначать въ приходы, гдѣ существуетъ расколъ, опытныхъ священниковъ, могущихъ оказывать свое вліяніе на совратившихся.

Съ тѣхъ поръ, какъ были пущены въ ходъ эти средства, язва изувѣрства стала замѣтно подживать и если не достигла значительнаго оздоровленія, то, по крайней мѣрѣ, далѣе не разъѣдала общественнаго тѣла.

Въ 1867 г. Новгородская губернія сильно пострадала отъ неурожая. Къ зимѣ крестьяне не только не имѣли уже своего хлѣба, но и въ продажѣ цѣна на него поднялась высокая. Къ губернатору изъ городовъ и сель посыпались слезныя прошенія о предупрежденіи грядущей голодовки. Онъ запросилъ городскія и земскія управы о томъ, сколько потребуется кулей муки, чтобы удовлетворить потребностямъ до новаго урожая. Получивъ эти свѣдѣнія, губернаторъ успѣлъ выхлопотать у военнаго министерства разрѣшеніе взять изъ казенныхъ магазиновъ нѣсколько десятковъ тысячъ кулей съ тѣмъ, чтобы цѣна равнялась заготовительной вмѣстѣ съ доставочной и чтобы плата была отсрочена до выручки на отвѣтственность городовъ и земства. Въ городахъ продавался куль по 7 р. 65 к., а въ селеніяхъ по 6 р. 35 к., съ небольшимъ колебаніемъ въ копѣйкахъ, зависящемъ отъ разстоянія доставки. Тогда крестьяне, проникнутые сознаніемъ благодѣянія, собирались на сходки и постановляли рѣшенія о посылкѣ начальнику губерніи «хлѣбныхъ» приговоровъ, т. е. благодарности.

Черезъ 12 лѣтъ народный бичъ снова повторился, и Лерхе прибѣгнулъ къ старымъ средствамъ.

Конечно, не одни неурожай бичуютъ населеніе, есть и другія бѣды, изъ которыхъ возьмемъ хотя-бы пожары, свирѣпствующіе въ нашихъ деревянныхъ городахъ и соломенныхъ селахъ.

Рѣдкій пожаръ въ Новгородѣ обходился безъ личнаго присутствія губернатора. Онъ распоряжался полиціей и пожарной командой, а главнымъ образомъ, поощрялъ отважныхъ людей къ спасенію имущества и самихъ потерпѣвшихъ, причемъ утѣшалъ плачущихъ и тутъ-же лично общалъ подать руку помощи.

Въ предотвращеніе пожаровъ Лерхе приказалъ сельскимъ властямъ слѣдить, чтобы между избами были интервалы, засаженные деревьями, и

*

самъ, проѣздомъ чрезъ селенія интересовался, исполняется-ли его приказаніе.

Въ крестьянскомъ быту пожаръ унесетъ хату, гумно, ригу и надо вновь построиться, а средствъ нѣтъ — вотъ и бѣда. Если-же помочь крестьянину въ этомъ, онъ станетъ на ноги и заживетъ по-прежнему. Поэтому погорѣвшіе крестьяне часто обращались къ своему отзывчивому губернатору съ просьбой похлопотать насчетъ бесплатнаго лѣску.

Въ 1875 г. стояло жаркое и сухое лѣто. Во всѣхъ концахъ губерніи, то и знай, горѣли деревни, точно охваченныя какой-то эпидеміей пожаровъ. Къ многочисленнымъ субсидіямъ казна относилась разборчиво и аккуратно, а губернское земство, принимавшее пособническое участіе въ пожарныхъ бѣдствіяхъ, истощило на выдачу премій весь капиталъ въ 100,000 р.; тѣмъ не менѣе, пожары продолжались и толпа безкровныхъ, разоренныхъ поселянъ росла.

Эдуардъ Васильевичъ, открывая въ этотъ годъ земское собраніе, между прочимъ, сказалъ гласнымъ:

— Мнѣ, а вамъ тѣмъ болѣе, извѣстно насколько крестьянство нашей губерніи терпитъ отъ постоянныхъ пожаровъ, разрушающихъ имущество и приводящихъ домохозяевъ въ крайнюю бѣдность. Размѣры бѣдъ такъ велики, что выданной нынѣ преміи далеко недостаточно, чтобы возстановить погибшее имущество крестьянъ. Я знаю, земское собраніе одной губерніи, желая принять въ пожарномъ дѣлѣ болѣе существенное значеніе, поручило управѣ выработать проектъ съ указаніемъ источника на выдачу безвозвратныхъ пособій. Было бы желательно оповѣстить о бѣдствіяхъ по губерніи и принимать пожертвованія отъ частныхъ лицъ, причемъ льщу себя надеждою, что земство обратитъ на это особое вниманіе и не упуститъ случая примкнуть къ добротнымъ дателямъ. При такихъ условіяхъ, казалось, можно было-бы сформировать отдѣльный капиталъ, предоставивъ его спеціально на помощь пострадавшимъ отъ пожара.

Вернувшись домой, Эдуардъ Васильевичъ прислалъ на имя предсѣдателя письмо съ деньгами, въ которомъ писалъ: «Чтобы положить начало образованію новаго пожарнаго капитала, посылаю свою лепту въ 100 руб.

Въ отношеніи экономическаго положенія губерніи Эдуардъ Васильевичъ становился довольно близко къ крестьянамъ. Выпадали годы, когда, вслѣдствіе какихъ-нибудь стихійныхъ невзгодъ, значительная часть казенныхъ сборовъ не выполнялась населеніемъ и выростала внушительныхъ размѣровъ недоимка. Губернаторъ самъ ѣздилъ по недоимочнымъ селеніямъ, заходилъ въ хаты, бесѣдовалъ съ крестьянами о земледѣліи, скотоводствѣ; внимательно расспрашивалъ о несчастьяхъ.

породившихъ недоимки; доискивался къ непополненію ихъ такихъ причинъ, которыя зависѣли отъ самихъ плательщиковъ—словомъ, говорилъ о всемъ, что входило въ кругъ интересовъ деревни и администраціи. Онъ держалъ себя просто, совсѣмъ не по-губернаторски, и этимъ развязывалъ крестьянамъ языкъ, вызывалъ ихъ на откровенность, правду, что для его личныхъ наблюденій было чрезвычайно дорого.

Прійдетъ, напр., изъ какую-нибудь Жмутовку, соберетъ крестьянъ и поведетъ съ ними разговоръ.

— Исправникъ на васъ, ребята, жалуется, что вы плохо подати платите.

— Есть тотъ грѣхъ.

— Говорить, что вы прикрываетесь неурожаемъ.

— Точно, ваше превосходительство, червякъ по полямъ прошелъ и еле на сѣмена собрали.

— Это печально, вполне сознаю. Тяжелый для васъ былъ годъ, но все-таки вы какъ же рѣшили насчетъ недоимокъ?

Мужики переминались, видимо, не желая обидѣть ласковаго начальника отказомъ и въ то же время сознавая свои тощіе карманы.

— Вы бы отъ прежнихъ урожаевъ какъ-нибудь постарались...

— Прежніе были хороши. Пожалуй, будемъ продавать, удѣлимъ толику и снесемъ въ волость.

Отправляется въ другую деревню.

— У васъ, ребята, какъ въ Жмутовкѣ, червь хлѣба поѣлъ?

— Никакъ-нѣтъ, ваше превосходительство. Этой нечисти Богъ миловалъ.

— Такъ почему же оброка не вносите?

— Градь полосой угодилъ и хотъ бы одинъ колосъ всталъ.

— Жалко, очень жалко. Но вѣдь васъ отхожіе промыслы выручаютъ?

— Скоро уйдемъ, а вернемся къ Егорьеву дню.

— И пополните недоимки?

— Безпремѣнно, ваше превосходительство.

Разъ пріѣхалъ въ захудалую деревушку, стоявшую рядомъ съ зажиточнымъ селеніемъ, гдѣ водворились нѣмцы-колонисты.

— Ваша деревня совсѣмъ потонула въ недоимкахъ—и въ земскихъ, и въ казенныхъ.

— Земли мало, неурожай замучали, подняться нечѣмъ.

— А я думаю, лѣниво за хозяйство беретесь. Посмотрите на своихъ сосѣдей: у нихъ такой же надѣлъ, почва одинаковая, а живутъ безнедоимочно.

— Они—нѣмцы.

— Ну, такъ что-жъ изъ этого?

— Извѣстно—нѣмцы.

— Ну!

— Одно слово—нѣмцы.

Такъ и не добился губернаторъ точнаго отвѣта; тѣмъ не менѣе можно было предполагать, что колонисты жили обособленно и пользовались какой-то привилегіей сравнительно съ крестьянами захудалой деревушки, только послѣдніе не знали какъ выразиться, не умѣли объяснить преимуществъ.

Смотря на уважительныя причины задолженности гуманно, Эдуардъ Васильевичъ относился снисходительно и къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя мало оправдывали крестьянъ.

Однажды надо было съѣздить въ селеніе Веретье. Начальника губерніи повезъ со станціи такой ямщикъ, который служилъ у содержателя недавно, былъ изъ другой губерніи и плохо зналъ мѣстные поселки. Доѣхали до пункта, гдѣ дорога развѣтвлялась на двое. Повозка остановилась и ямщикъ сталъ размышлять: куда ѣхать? Губернаторъ, хотя и бывалъ ранѣе въ этомъ селеніи, но запомнилъ, въ которой сторонѣ оно лежитъ. Случился проходившій крестьянинъ.

— Послушай, любезный, какъ попасть въ Веретье? — спросилъ начальникъ губерніи прохожаго.

— Тутъ два такихъ селенія: одна дорога идетъ въ Старое Веретье, а другая—въ Новое.

Чтобы не блуждать напрасно, Эдуардъ Васильевичъ сталъ указывать примѣты.

— Тамъ врачъ еще живетъ.

— Не слышалъ что-то.

— Земская школа недавно открыта.

— Не могу знать.

— Да, какъ въѣдешь, такъ у первой избы ель торчитъ!—съ легкой горячностью воскликнулъ губернаторъ.

— Это будетъ Новое Веретье. Трогай вправо.

Прибывъ на мѣсто, Эдуардъ Васильевичъ изрядно упрекалъ крестьянъ въ недоимочности, стыдилъ за пьянство и покинулъ селеніе съ тѣмъ убѣжденіемъ, что веретьевскіе мужики—народъ, видимо, слабый, увлекающійся соблазномъ и поэтому для его благосостоянія необходимо снести кабакъ подъ самый корень. Тогда это зло въ сельскую жизнь глубоко вѣдрялось, ибо кабаки стояли на крестьянской землѣ и давали волости большую аренду, а мірскому сходу выставляли за дозволеніе десятокъ ведеръ водки. Какихъ стоило стараній—неизвѣстно, но все-таки веретьевскій кабакъ, спустя два-три года, куда-то исчезъ безслѣдно.

Въ теченіе всей новгородской службы такихъ характерныхъ сценокъ у Лерхе прошла безконечная вереница.

Новгородская губернія вообще не отличается урожаями, и хлѣбные недороды въ ней есть постоянные спутники земледѣлія. Поэтому Эдуардъ Васильевичъ не мало прилагалъ стараній о разрѣшеніи крестьянамъ ссудъ изъ казны на обмѣненіе полей, хлопоталъ о разсрочкѣ оброчныхъ платежей, предоставлялъ чрезъ земство пособія селеніямъ, пострадавшимъ отъ падежа скота,—словомъ, паркетные полы губернаторской пріемной часто теряли свой лоскъ подъ традиционными лаптями депутатовъ, посылаемыхъ разными сельскими обществами.

Въ иныхъ мѣстностяхъ недороды являлись настолько ощутительными, что всѣ вспомогательныя средства не могли восполнить ихъ; надъ населеніемъ висѣлъ какой-то гнетъ, крестьяне жили, маялись и ожидали въ будущемъ чего-то лучшаго. Конечно, въ такомъ экономическомъ быту всякій слухъ насчетъ существованія гдѣ-то обѣтованныхъ угодій уподобляется искрѣ, зароненной въ порохъ. Такъ случилось и въ Новгородской губерніи въ 1868 г. Прошелъ слухъ, что въ Самарской губерніи принимаютъ крестьянъ, даютъ имъ хорошіе надѣлы, на которыхъ хлѣбъ родится въ избыткѣ и вообще живется тамъ земледѣльцамъ привольно.

Е. В. Суханинъ, посредникъ Медвѣдскаго участка, получаетъ изъ частныхъ источниковъ сообщеніе, что въ его участкѣ собираются переселяться семьи и продаютъ уже дома, скотъ, имущество. Онъ позвалъ къ себѣ старшину.

— Правда ли, что изъ твоей волости переселяются крестьяне?

— Оно точно есть. Наберется до 84-хъ семей. Мужики составили на сходахъ увольнительные приговоры и пристають съ ними ко мнѣ, чтобы я ихъ утвердилъ.

— Это вадоръ. Никто не можетъ утверждать приговоровъ, кромѣ меня, а я тоже оставляю безъ утвержденія. Объяви крестьянамъ, что этого быть не можетъ; какое тамъ переселеніе.

Вскорѣ посредникъ получаетъ отъ старшины увѣдомленіе, что составили приговоры еще 154 семьи. Е. В. Суханинъ написалъ старшинѣ, чтобы въ извѣстный день собрались въ волостное правленіе всѣ крестьяне, желающіе переселиться въ Самарскую губернію.

— Это все переселенцы?—спрашивалъ посредникъ, протѣсяаясь въ народъ.

— Точно такъ. Увольте, потому голодно здѣсь живется. Трудовъ много, а хлѣба родится мало.

Суханинъ началъ совѣщевать крестьянъ.

— Эхъ, ребята, что вы дѣлаете? куда идете? Сами не знаете. Ну, скажите, какого погоста Самара?

— Что вы! знаемъ мы, что это губернія.

— Да, только и знаете. А кто васъ туда пустить? Какую вамъ дадутъ землю? Есть ли у васъ пріемные договоры?

— Ничего у насъ нѣтъ. Народъ мы сѣрый, во мху живемъ. Сдѣлайте милость, увольте.

— Вы воображаете, что въ Самарской губерніи на колосьяхъ хлѣбъ готовый растеть, нарѣзанный ломтями, да намазанный масломъ.

— Еще сказывали, у корешковъ косушки валются, — отшучивался кто-то въ толпѣ.

— Скажите мнѣ, кто это вамъ въ голову вбилъ?

— Намъ становой читаль, прочитайте и вы намъ этотъ законъ.

— Становой! — съ удивленіемъ воскликнулъ посредникъ и прибавилъ: — А позовите-ка мнѣ этого станового.

Послѣдній явился и, предугадывая цѣль приглашенія, держалъ подъ мышкой книгу.

— Вы читали крестьянамъ законъ о переселеніи въ другія губерніи? — обратился съ вопросомъ Суханинъ къ становому.

— Да. Вотъ-съ.

Онъ показалъ книгу.

— Ну, прочитайте еще, а вы, ребята, слушайте внимательно.

Становой началъ читать о колонизаціи Самарскаго края. Въ законѣ говорилось, что, желающимъ околонизоваться, дають участки, везуть на казенныхъ подводахъ, отпускають бесплатно лѣсъ для домовъ, деньгами 30 р., на каждую семью.

— Слышали? — спросилъ посредникъ, когда кончилось чтеніе.

— Слыхали раньше.

— Ну, такъ этотъ законъ для колонистовъ и притомъ старый, отиженный.

— Однако, не сожженъ, — съ явной обидой сказалъ становой.

— Да и артикулы Петра I еще цѣлы, а развѣ ихъ примѣняютъ нынѣ.

— Законъ закономъ, а мы попробуемъ. Увольте насъ, просить крестьянинъ Морозовъ, главный вожакъ переселенческаго движенія.

За нимъ послышались голоса изъ толпы:

— Увольте! увольте!

Много толковалъ посредникъ съ крестьянами и, наконецъ, остановился на томъ, что сначала сходять въ Самарскую губернію выборные, посмотрятъ на житье тамошнихъ поселянъ, и тогда вопросъ разрѣшится: тронуться или нѣтъ въ дорогу.

Такимъ образомъ, дѣло приняло такой оборотъ, что внимательства губернаторской власти никакъ нельзя миновать. Суханинъ поѣхалъ къ начальнику губерніи и рассказалъ ему обо всемъ происшедшемъ.

Выборные отправились; время шло. Вдругъ получается отъ самарскаго губернатора такая телеграмма: «Новгородскимъ крестьянамъ мѣстная казенная палата отвела участки и выдала планшеты; увольнительныхъ приговоровъ не выдавайте, подробности бумагой». Однако никакой бумаги не послѣдовало. Тѣмъ временемъ нѣкоторые изъ выборныхъ возвратились, вовлекли другихъ крестьянъ и, въ числѣ 35-ти семей, явились къ посреднику.

— Вамъ что, ребята?

— Да, полюбились мѣста тамъ. Позвольте приговоры.

Конечно, выдавать приговоры посредникъ былъ не вправѣ, но крестьяне настаивали и говорили, что со двора не уйдутъ, пока не получатъ просимаго. Положеніе было критическое. Посредникъ обѣщалъ крестьянамъ сейчасъ же отправиться къ губернатору за разрѣшеніемъ, и этимъ успокоилъ переселенцевъ.

Но, вмѣсто разрѣшенія, Эдуардъ Васильевичъ получилъ бумагу для объявленія крестьянамъ и личное приказаніе строжайше слѣдить, чтобы отнюдь не было переселенческаго движенія и о новомъ такомъ явленіи немедленно доносить. Посредникъ собралъ крестьянъ и прочиталъ имъ слѣдующее распоряженіе: «Министръ внутреннихъ дѣлъ приказалъ объявить, что переселеніе не допускается, а въ самарскомъ дѣлѣ произошла ошибка губернатора и предсѣдателя казенной палаты».

Крестьяне выслушали, поникли головою и разошлись со словами: «министръ написалъ, значить—вѣрно, а губернаторъ ошибся, палата тожь—ужь тутъ неладно».

Вскорѣ протоіерей Орнатскій передалъ Эдуарду Васильевичу, что толпа медвѣдскихъ крестьянъ съ мѣшками и пожитками, проходя въ Самару чрезъ Новгородъ, просила отслужить въ соборѣ напутственный молебенъ.

Посредникъ полетѣлъ въ правленіе.

— Что вы дѣлаете? Не доносите мнѣ о новыхъ переселенцахъ.

— Это не то,—отвѣчалъ писарь.—Крестьяне просятъ, на х р а н о м ъ л ѣ з у т ъ, ну, мы и выдали имъ виды на проживаніе во всѣхъ городахъ Россійской имперіи.

Посредникъ остался доволенъ смекалкой писаря, поспѣшилъ къ губернатору и доложилъ ему, что крестьянамъ были выданы не приговоры, а паспорта на временную отлучку.

Всякое соприкосновеніе Эдуарда Васильевича съ сельскимъ бытомъ впечатлительно отражалось на крестьянахъ, было какъ-то по душѣ имъ и они, эти грубыя мужицкія сердца, любили своего начальника губерніи, называли его отцомъ, «милостивцемъ», сохраняя о немъ свѣтлыя воспоминанія. Даже теперь не рѣдкость встрѣтить у сельскаго обыва-

теля фотографическій портретъ этого народнаго администратора, украшающій непрѣнно красный уголъ избы.

Затѣмъ главной инициативѣ Эдуарда Васильевича принадлежитъ цѣлый рядъ общественныхъ и благотворительныхъ учрежденій, въ которыхъ онъ игралъ роль предсѣдателя.

Въ 1873 г. возникло общество спасенія на водахъ при первоначальныхъ средствахъ въ 550 руб. Дѣятельность общества была направлена исключительно на оз. Ильмень, гдѣ лѣсные плоты и барки, плывущіе черезъ озеро въ р. Волховъ, часто подвергаются опасности при юго-восточномъ вѣтрѣ. Въ побережномъ селѣ Спасскомъ общество устроило спасательную станцію, состоящую изъ нѣсколькихъ лодокъ. Черезъ годъ общество преобразовалось въ окружное общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. Тогда петербургское общество прислало въ даръ на Ильмень спасательный плотъ датской системы, пожертвованный М. Говоровымъ. Встрѣча и проводы этого плота не лишены были церемоній. Онъ прибылъ на станцію желѣзной дороги, откуда шестерка лошадей провезла его по всему Новгороду. Украшенный флагами плотъ двигался медленно подъ звуки марша, свади его шелъ предсѣдатель и члены общества, а кругомъ сопровождали толпы народа. Весною состоялась отправка плота въ с. Спасское. Общество, во главѣ съ губернаторомъ, сѣло на пароходъ, который и повелъ плотъ буксиромъ. Музыка играла; народъ съ берега кричалъ «ура». На станціи процессію встрѣтили спасскіе крестьяне, которымъ губернаторъ объяснилъ цѣль привезеннаго плота и напомнилъ вообще значеніе станціи, причѣмъ указалъ на нравственную поддержку, какую они должны оказывать столь полезному учрежденію. Затѣмъ отправились къ храму, гдѣ Эдуардъ Васильевичъ объявилъ священнику, что на колокольнѣ отнынѣ будетъ поставленъ освѣтительный аппаратъ для заблудившихся судовъ.

Въ первое-же лѣто было два случая спасенія людей съ барокъ. За это спасателямъ общество присудило награды. Эдуардъ Васильевичъ самъ поѣхалъ раздавать ихъ. Прибывъ въ село, онъ собравшимся крестьянамъ по поводу двухъ спасеній сказалъ рѣчь и, при словахъ «спасать есть подвигъ святой», вручилъ спасателямъ денежные награды. Впослѣдствіи при обществѣ была открыта метеорологическая станція на суммы, собранныя отъ частныхъ лицъ, въ размѣрѣ 500 р.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ открыло дѣйствія общество покровительства животныхъ. Съ этого времени въ остальныхъ городахъ стали постепенно возникать отдѣлы, обладая вмѣстѣ съ тѣмъ полною самостоятельностью въ своемъ развитіи и дѣятельности. Лерхе, воспользовавшись этимъ гуманнымъ примѣромъ и склонилъ новгородскихъ гражданъ открыть отдѣлъ общества.

Въ 1868 г въ Новгородѣ было основано одно изъ симпатичныхъ

обществъ—общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Въ началѣ дѣятельность его была не широкая и мало извѣстная, но въ Турецкую войну общество показало, какими оно располагаетъ средствами и какъ умѣетъ дѣйствовать на пользу страждущему воину. Такъ, общество послало на театръ войны санитарный отрядъ изъ 7 человекъ, которые пожелали ѣхать на собственные средства. Отрядъ могъ дать 20 кроватей и на нихъ корпію, бинты, холстъ и бѣлье, спитое воспитанницами дѣтскаго пріюта и женской гимназіи. Затѣмъ туда-же былъ отправленъ подвижной лазаретъ въ 100 кроватей при 19 чел. Лазаретъ ѣхалъ на полгода съ содержаніемъ въ мѣсяцъ 2500 р. Кромѣ того, сверхсрочное содержаніе лазарета общество обезпечивало 17 тыс. руб.

Въ Старой Руссѣ существовалъ комитетъ, преслѣдовавшій такіе-же цѣли, какъ и общество попеченія о раненыхъ. Но комитетъ считался лишь на бумагѣ и активныхъ дѣйствій никакихъ не проявлялъ. Пріѣхавъ въ Руссу, Лерхе собралъ гражданъ и сказалъ имъ:

— Я имѣю честь принадлежать къ почетнымъ гражданамъ вашего города. Здѣсь есть комитетъ о больныхъ и раненыхъ воинахъ, но, по неопредѣленности его дѣйствій и занятій, онъ было закрылся и лишь въ виду объявленной войны сохраняетъ свое названіе. Всякій, полагаю, пожелаетъ облегчить страданія раненыхъ, проливающихъ кровь за освобожденіе христіанъ изъ-подъ мусульманскаго яга. Въ этихъ видахъ не признаете-ли, господа, возможнымъ оказать существенную помощь близкимъ участіемъ въ дѣлѣ комитета, и снарядить хотя-бы 10 кроватей со всѣми принадлежностями, необходимыми для подвижнаго лазарета.

Къ словамъ губернатора староруссы отнеслись сочувственно. Были избраны руководители комитета и тутъ-же записалось въ члены до 100 человекъ.

Спустя пять лѣтъ послѣ основанія общества попеченія о воинахъ, образовалась Екатерининская община сестеръ милосердія, подъ предсѣдательствомъ супруги губернатора, Елизаветы Владиміровны Лерхе. Въ первый годъ община имѣла 6 сестеръ, которыя посылались въ военный госпиталь и земскую больницу, гдѣ, подъ руководствомъ врачей, подготавливались къ фельдшерскимъ обязанностямъ, а во время военныхъ дѣйствій вошли въ составъ подвижнаго лазарета. Фондовымъ капиталомъ община не обладала, а находилась въ полной зависимости отъ общества и обходилась послѣднему 2300 р. въ годъ. Впослѣдствіи община, желая увѣковѣчить свое существованіе, собирала специальный капиталъ, который въ два года достигъ 4000 руб. Вообще правленіе этого учрежденія стремилось увеличить капиталъ до такихъ размѣровъ, чтобы проценты его покрывали расходы общины и она могла-бы существовать безъ всякихъ пожертвованій.

Сочувствуя страждущимъ и бѣднымъ, Эдуардъ Васильевичъ многимъ

помогалъ и сталъ подумывать о созданіи спеціального учрежденія, которое имѣло-бы единственною цѣлью заботиться о бѣдныхъ.

Онъ разослалъ состоятельнымъ лицамъ приглашеніе вступить членами въ новое нарождающееся общество. На первыхъ порахъ откликнулось 108 человѣкъ, внесшихъ, для образованія капитала, болѣе 1000 руб. Затѣмъ составленъ уставъ и съ 1871 г. общество открыло свои операціи, подъ именемъ «Попечительнаго общества о бѣдныхъ». Общество выдавало пособія на уплату за квартиры, отпускало на погребеніе, отправку больныхъ на родину, покупку дѣтямъ платья, книгъ, чаеи обуви. Обыкновенно получали неспособные къ труду мѣщане, бѣдные чиновники, вдовы и сироты. Такъ, въ отчетѣ за 8 лѣтъ говорится, что единовременныхъ выдачъ было 48, ежемѣсячныхъ — 100; выдавалось каждому отъ 50 коп. до 3 руб. При помощи пожертвованій попечительное общество стало быстро развиваться и, помимо денежныхъ пособій, устроило пристанище для престарѣлыхъ и дѣтей въ кремлевской башнѣ. Мотивомъ для дѣтскаго пристанища послужило то, что родители не имѣя возможности нанять кого-либо для надзора за дѣтьми, смотря за ними сами и отвлекаются такимъ образомъ отъ заработковъ. Поэтому несчастныя матери принуждены заниматься нищенствомъ и водить съ собою дѣтей, на которыхъ улица дѣйствуетъ пагубно и развращающе. Утромъ матери приводятъ дѣтей въ пристанище, сдадутъ ихъ надзирательницѣ и сами отправляются на работу. Въ теченіе дня дѣти шьютъ, играютъ, гуляютъ; на обѣдъ имъ подаютъ щи, кашу; вечеромъ-же приходятъ матери и берутъ ихъ домой до слѣдующаго утра. Однако пристанище для дѣтей пробыло въ этомъ помѣщеніи недолго; ему помѣшалъ отчетъ смотрителя, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«Какъ въ богадѣльнѣ такъ и сиропитательномъ отдѣленіи большая сырость; стѣны мокрыя. Необходимо для просушки зданія поставить желѣзныя печи. Городской голова обѣщаетъ устроить; но необходимо не обѣщаніе, а немедленное исполненіе. При заведеніи должна быть баня, которая можетъ замѣнить и прачешную. Въ настоящее время бѣлье стираютъ на половинѣ богадѣльни, отчего сырость еще болѣе увеличивается.

«Въ сиропитательномъ отдѣленіи по 20-е октября было четыре младенца и для нихъ одна кормилица; за остальными-же присматривали, вмѣсто нянекъ, три хворыя женщины изъ призрѣваемыхъ. По моему убѣжденію, лучше вовсе не имѣть этого заведенія, чѣмъ держать его въ такомъ положеніи, въ которомъ, вмѣсто насильственной смерти, для прикрытія нищенскаго стыда, систематически убиваютъ дѣтей. Докторъ никогда не посѣщаетъ дѣтей, а акушерка очень рѣдко».

Что помѣщеніе въ башнѣ не соответствовало гигиеническимъ условіямъ благотворительнаго заведенія—это было вполне сознано. Эдуардъ

Васильевичъ предпринялъ построить для дѣтей отдѣльный домъ и приспособить его какъ можно лучше.

На одномъ изъ собраній попечительнаго общества, положеніе дѣтей въ пристанищѣ губернаторъ обрисовалъ такими мрачными красками, что тутъ-же присутствующими были предложены вещественныя и денежныя пожертвованія. В. Громовъ подарилъ домъ вчернѣ, а городъ отвелъ для него участокъ земли. Другія лица доставили безвозмездно строительный матеріалъ: доски, стекла, известь, картонъ, изразцы и пр. Прибавивъ къ этому своихъ 2400 р., общество построило капитальное зданіе со всѣми надворными службами. Между тѣмъ, пожертвованія текли въ видѣ платья, бѣлья, обуви, хлѣбныхъ продуктовъ, бесплатной очистки трубъ, ямъ, кто-то даже прислалъ въ даръ дойную корову. Въ тотъ моментъ, когда открывали пріютъ, послѣдній, кромѣ вещей, имѣлъ уже 3000 р. денегъ.

Воспользовавшись большимъ собраніемъ благотворителей на открытіи пристанища, Эдуардъ Васильевичъ выразилъ мысль о новомъ благомъ дѣлѣ—образовать дешевую столовую, съ цѣлью призрѣть тѣхъ бѣдняковъ, которые въ иной день, по крайней бѣдности, не знаютъ какъ пропитаться. Въ виду этого онъ просилъ общество принять на себя инициативу столовой, хотя бы на первое время для отпуска 50 порцій горячей пищи и къ каждой 1 ф. хлѣба за 3 коп. Общество проектируемую столовую встрѣтило сочувственно и, не выходя изъ стѣнъ, собрало 135 руб.

Едва-ли какое изъ учрежденій такъ усердно было окружено заботами и попеченіями со стороны Эдуарда Васильевича, какъ Николаевскій дѣтскій пріютъ, гдѣ дѣти бѣдныхъ родителей воспитываются и получаютъ элементарное образованіе на счетъ благотворительности. Пріютъ—это было его дѣтище, рожденное еще въ первые годы служенія на административномъ поприщѣ, когда Эдуардъ Васильевичъ былъ вице-губернаторомъ. И въ то время развитію пріюта онъ отдавался всею душою, но исполнить на дѣлѣ все то, что считалось необходимымъ, онъ не могъ.

Въ пріютъ Эдуардъ Васильевичъ ѣздилъ часто и просиживалъ подолгу, а въ Новый годъ непременно пріѣзжалъ со всей семьей на ёлку и привозилъ дѣтямъ много игрушекъ и учебныхъ пособій. Каждый разъ осматривалъ пріютъ подробно и въ результатѣ всегда сожалѣлъ о недостаткахъ.

Однажды онъ пріѣхалъ въ пріютъ и обратилъ вниманіе, что мало въ классахъ приходившихъ мальчиковъ. Начальница объяснила это обстоятельство тѣмъ, что наступили холода, а у иныхъ дѣтей нѣтъ лордочной обуви.

— Сейчас-же надо снабдить. Развѣ такъ можно поступать съ дѣтьми! сказалъ губернаторъ.

— Но приходящимъ не полагается.

Губернаторъ уѣхалъ недовольный...

На другой день въ пріютъ приходитъ сапожникъ и спрашиваетъ адреса мальчиковъ, не посѣщающихъ школу. Оказалось, что, по приказанію губернатора, сапожникъ долженъ былъ обойти необутыхъ пріютскихъ дѣтей, снять мѣрку и немедленно сшить всѣмъ сапоги на счетъ губернатора.

Что касается средствъ дѣтскаго пріюта, то Эдуардъ Васильевичъ успѣлъ собрать въ пользу его пожертвованія, кажется, со всѣхъ новгородскихъ купцовъ и гражданъ.

Какихъ результатовъ достигъ Лерхе при помощи благотворительности видно изъ слѣдующихъ цифръ ¹⁾:

Николаевскій дѣтскій пріютъ	28.000 р.	—	30.450 р.	—
Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ	2.000 »	—	50.434 »	62 к.
Екатериненская община	800 »	—	21.214 »	—
Общество спасанія на водахъ	550 »	—	2.093 »	52 »
Метеорологическая станція	500 »	—	1.600 »	—
Общество покровительства животныхъ	200 »	—	1.134 »	29 »
Попечительное общество обѣдныхъ	1.065 »	—	15.264 »	—
Дешевая столовая	135 »	—	600 »	—
Пристанище для дѣтей	160 »	—	3.000 »	—

Облегчая человѣческія нужды путемъ общественнымъ, Эдуардъ Васильевичъ охотно помогалъ и лично отъ себя впадшимъ подъ ударами судьбы въ безвыходное положеніе. Его личная, если можно такъ выразиться, благотворительность была направлена къ такимъ лицамъ, которыя обращались къ нему непосредственно или чрезъ вліятельныхъ знакомыхъ съ ходатайствомъ о предоставленіи служебныхъ мѣстъ.

Эдуардъ Васильевичъ оказывалъ покровительство и лицамъ духовнаго званія, благодаря тѣснымъ и задушевнымъ отношеніямъ съ главою церкви, митрополитомъ Исидоромъ. Отношенія характеризуются большою перепиской, изъ которой приведемъ письмо, писанное митрополитомъ по поводу православнаго напутствованія англичанки:

«Я разрѣшилъ неразрѣшимое общими правилами допущеніе ея къ таинствамъ св. православной церкви, принявъ на свою совѣсть таковое

¹⁾ Первые указываютъ первоначальныя средства, а вторыя—капиталы по день оставленія Эдуардомъ Васильевичемъ Новгородской губерніи, образовавшіеся изъ остатковъ отъ ежегодныхъ операцій.

изъятіе изъ правилъ и вмѣстѣ съ симъ предписалъ священнику с. Чудова Федору Тимофѣеву, чтобы онъ немедленно отправился въ домъ князя Мышецкаго, исповѣдалъ англичанку и приобщилъ св. Христовыхъ Таинъ, а когда Господу угодно будетъ опредѣлить конецъ жизни ея, совершить погребеніе ея по чину православной церкви».

Было-бы непростительно умолчать и о томъ радѣніи, съ которымъ Эдуардъ Васильевичъ относился къ благоустройству городовъ. Въ этой отрасли заботливый губернаторъ ставилъ на первомъ планѣ пожарную часть, которая, по его мнѣнію, была большимъ мѣстомъ для городскихъ самоуправленій. Неоднократно посылались въ министерство усердныя ходатайства о пособіяхъ на улучшеніе пожарныхъ силъ и суммы отпускались.

Въ Новгородѣ онъ устраивалъ спуски къ рѣкѣ и водоподъемъ, фонтанъ на городской площади, устраивалъ дѣтскій скверъ, и укрѣпилъ набережную р. Волхова бульваромъ названнымъ «Лерховскимъ».

Въ 1880 г. были открыты въ Новгородѣ археологическій музей и общественная бібліотека. Собственно говоря, эти учрежденія существовали и раньше, но находились въ запустѣніи и не привлекали публики. Взявъ на себя трудъ поставить музей и бібліотеку на прочную почву и сдѣлать ихъ полезными пособниками въ народномъ просвѣщеніи, Эдуардъ Васильевичъ обратился къ той-же благотворительности и успѣлъ собрать 5.249 р. Эти средства вполнѣ были достаточны для того, чтобы расширить помѣщеніе, приспособить шкафы, полки, пополнить книжный матеріалъ, дѣлать приращенія предметовъ древности. Что-же касается дальнѣйшей судьбы музея и бібліотеки, то она была отдана въ руки посѣтителей и подписчиковъ; на нихъ возлагались всѣ надежды какъ въ процвѣтаніи, такъ и въ матеріальной поддержкѣ.

Теперь, намъ кажется, достаточно вышесказаннаго, чтобы нарисовать образъ Эдуарда Васильевича, какъ администратора, поборника народнаго просвѣщенія, попечителя о бѣдныхъ, созидателя православныхъ храмовъ. Въ послѣднемъ случаѣ было-бы грѣшно заподозрить его въ тщеславіи, ибо онъ съ одинаково религіознымъ чувствомъ относился какъ къ православію, такъ и къ лютеранству, учредивъ при евангелическомъ братствѣ школу для поднятія религіозно-нравственнаго уровня среди лютеранъ.

За его труды, умъ, энергію и сердце правительство сумѣло отличить высшими наградами, а общество воздало ему грандіозную благодарность при оставленіи губерніи.

Много было поднесено адресовъ, разныхъ подарковъ и еще больше было сказано искреннихъ и душевныхъ рѣчей. Всѣ города губерніи избрали Эдуарда Васильевича почетнымъ гражданиномъ, сословныя об-

щества учредили 12 стипендій его имени въ учебныхъ заведеніяхъ, собравъ на этотъ предметъ капиталъ около 6.000 рублей.

Но нѣтъ дороже той награды, которая именуется безсмертною памятью.

Съ тѣхъ поръ, какъ Эдуардъ Васильевичъ сказалъ Новгородской губерніи послѣднее «прощай», протекло 15 лѣтъ, да пройдутъ долгіе годы, а онъ будетъ жить среди населенія Новгородской губерніи, какъ выдающійся администраторъ и доброй души человекъ.

А. Слезкинскій.



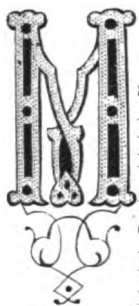


В Ы Д Е Р Ж К И

ИЗЪ ЖУРНАЛА

МАРШАЛА КАСТЕЛЛАНА,

КАСАЮЩАЯСЯ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ 1853—56 г.г.



Маршалъ Кастелланъ родился въ 1788 году и 16 лѣтъ отъ роду былъ уже офицеромъ арміи Наполеона. Отличившись при Ваграмѣ (1809), онъ участвовалъ въ походѣ 1812 г. и въ 1813 году получилъ въ командованіе первый гвардейскій полкъ. По сверженіи Наполеона онъ примкнулъ къ Бурбонамъ; въ 1823 году принялъ участіе въ испанскомъ походѣ и уже въ 1837 г. былъ перомъ Франціи. Въ моментъ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года командовалъ войсками въ Лионѣ, сталъ на сторону принца-Президента и тотчасъ послѣ вступленія послѣдняго на императорскій престолъ былъ сдѣланъ сенаторомъ и маршаломъ (1852); Лиона онъ уже не оставлялъ и скончался тамъ въ 1862 году.

Вышедшій недавно V-й томъ его журнала ¹⁾, который онъ велъ съ той поры какъ былъ произведенъ въ офицеры, обнимаетъ десять послѣднихъ лѣтъ его жизни. Мы находимъ въ немъ нѣкоторыя не лишеныя интереса воспоминанія о томъ, что говорилось и дѣлалось въ высшихъ сферахъ Франціи въ эпоху Крымской кампаніи. Маршалъ часто ѣздилъ въ Парижъ, часто видѣлся съ Наполеономъ и заносилъ въ свой журналъ свои бесѣды съ нимъ. Намъ показалось не лишнимъ собрать въ

¹⁾ Journal du Maréchal de Castellane 1804—1862. Tome V-me (1853—1862). Paris. Plon, Nourrit et C-ie 1897.

А. Г.

одно всё отрывки этих воспоминаний, касающихся Россіи, ограничившись лишь расположеніем ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и сведивъ, гдѣ оказалось нужнымъ, нѣкоторыми примѣчаніями и дополненіями.

Восточный вопросъ еще не исчерпанъ и всякій матеріалъ къ историческому его разслѣдованію, какъ-бы онъ скроменъ ни былъ, можетъ принести свою долю пользы.

1853.

10-го іюля... Моя дочь Гацфельдтъ ¹⁾ мнѣ пишетъ изъ Парижа отъ 4-го іюля:

«Императору былъ представленъ докладъ о состояніи арміи; въ немъ говорится, что лишь подъ вашимъ начальствомъ войска дѣйствительно обучаются... Что касается войны, то о ней продолжаютъ говорить; но это такъ долго тянется, что уже въ нее не вѣрятъ.

«Императоръ очень благоразуменъ и спокоенъ. Положеніе Франціи по отношенію къ иностраннымъ державамъ очень выиграло благодаря проявляемому ею спокойствію, уваженію къ договорамъ и союзу съ Англіею».

26-го сентября. Повидимому невозможно помѣшать русскимъ и туркамъ начать другъ въ друга стрѣлять. Усилія дипломатіи будутъ теперь направлены къ тому, чтобы локализовать войну на Востока. Во всѣхъ странахъ демагоги подбиваютъ къ войнѣ. Многочисленные въ Турціи эмигранты ²⁾ все пустили въ ходъ, чтобы разжечь фанатизмъ. Тайныя общества превосходно организованы въ Венгріи и въ Ломбардіи: они дѣйствуютъ всюду, во Франціи не менѣе чѣмъ въ иномъ государствѣ и желаютъ войны, въ надеждѣ свергнуть правительства. Во всей этой турецкой путаницѣ императоръ проявилъ ловкость, осторожность и твердость.

12 ноября. Сегодня «Moniteur» публикуетъ манифестъ императора Николая, въ которомъ послѣдній объявляетъ, что берется за оружіе.

¹⁾ Замужемъ за прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ. А. Г.

²⁾ Известно, что по окончаніи революціи 1848 года, многіе изъ участниковъ ея, въ особенности венгерцы и поляки, бѣжали въ Турцію. Первое столкновение между императоромъ Николаемъ и принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ произошло изъ-за венгерскихъ эмигрантовъ (Кошута, Бэма и Замойскаго), которыхъ Порта отказалась выдать австрійскимъ властямъ, несмотря на поддержку требованія послѣднихъ русскимъ дворомъ. Интересныя подробности столкновения см. въ статьѣ Эмиля Оливье «De Prince Louis-Napoleon». *Revue des deux mondes* 1-го января 1897 г. стр. 302.

«чтобы понудить турокъ уважать договоры, такъ какъ великія державы тщетно пытались поколебать упрямство Порты». Правительственный органъ возражаетъ этому манифесту и отвѣчаетъ, что турки не нападаютъ, но защищаютъ свои владѣнія, на которыя нападеніе было произведено уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

4-го декабря. Я сказалъ императору, что онъ проявилъ и осторожность и твердость въ кризисѣ, вызванномъ восточными дѣлами. Онъ отвѣчалъ мнѣ на это весьма справедливо: когда кризисъ окончится, положеніе его, императора, возвысится; при вступленіи своемъ на престолъ онъ встрѣтитъ направленную противъ него коалицію державъ, а теперь Франція, Англія, Австрія и Пруссія согласились въ принципѣ противодѣйствовать захватамъ Россіи. Я ему сказалъ, что если мы окажемся вынужденными вести войну, самое трудное будетъ избѣгнуть содѣйствія революціонеровъ, которые могутъ все погубить. Императоръ отвѣтилъ: «если дѣло дойдетъ до войны, у насъ окажутся союзники».

6-го декабря. Былъ у принца Жерома ¹⁾; онъ мнѣ говорилъ о вѣдѣннѣ четырехъ державъ: Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи, предлагающихъ сдѣлку между Турціею и Россіею; онъ убѣжденъ, что ни одна изъ послѣднихъ на нее не согласится... Онъ думаетъ, что всѣ усилія императора сохранить миръ окажутся тщетными.

8-го декабря. Былъ у княгини Ливень ²⁾; тамъ были въ воинственномъ настроеніи. Она мнѣ сказала: «для насъ является необходимостью поколотить турокъ». Вечеромъ былъ у г-жи Нарышкиной, и она мнѣ говорила о томъ, какъ ей будетъ непріятно, если Киселевъ, русскій посланникъ, получить назадъ свои грамоты, такъ какъ всѣ русскіе немедленно должны будутъ оставить Парижъ.

Княгиня Ливень и г-жа Нарышкина—два національныхъ посланника въ юбкахъ, какихъ русскій императоръ всегда имѣетъ въ Парижѣ.—Нарышкина говорила мнѣ о господствующемъ въ Россіи увлеченіи войною, о неудовольствіи Киселева, несомнѣнно раздѣляемомъ императоромъ Николаемъ, по поводу одной пьесы, подъ названіемъ «Казаки», даваемой уже двѣ недѣли въ театрѣ «Gaité» и въ которой казаковъ смѣшиваютъ съ грязью; пьесѣ этой очень апплодируютъ.

Принимая во вниманіе то, что мнѣ довелось слышать отъ дипломатовъ, полагаю, что изъ предосторожности слѣдовало-бы сдѣлать кое-какія военныя приготовленія. Знаю, что въ первый годъ женитьбы ³⁾ не до

¹⁾ Младшаго брата Наполеона I, постоянно жившаго въ Парижѣ. А. Г.

²⁾ Вдова бывшаго посла въ Лондонѣ, генералъ-адъют. Христ. Андр. Ливена, урожд. Буксгевденъ; послѣ смерти мужа переселилась въ Парижъ, гдѣ славилась своимъ салономъ. А. Г.

³⁾ Наполеонъ III женился 30-го января 1852 года. А. Г.

веденія войнъ, но императора это не остановитъ: когда онъ увидитъ что достоинство Франціи того потребуеъ, онъ ее поведетъ, сколько бы ни желалъ мира.

1854.

1-го февраля. Д'Абзакъ, капитанъ генеральнаго штаба, возвратился ¹⁾ изъ отпуска; 31-го января онъ видѣлъ въ Парижѣ, у княгини Витгенштейнъ, русскаго посланника Киселева. Нѣсколько дней передъ тѣмъ посланникъ получилъ письмо императора Николая къ императору Наполеону, въ отвѣтъ на письмо послѣдняго, въ которомъ императоръ французовъ склонялъ Николая къ миру. Киселевъ тотчасъ-же испросилъ аудіенцію у императора для врученія письма своего повелителя и получилъ ее. Императоръ остался очень доволенъ письмомъ и приказалъ министру иностранныхъ дѣлъ сообщить его въ Лондонъ. Отвѣтъ английской королевы былъ «нѣтъ». Въ слѣдствіе этого ожидаютъ отъѣзда русскихъ пословъ изъ Лондона и изъ Парижа.

10-го марта. Маркиза де-Контадъ ²⁾ пишетъ мнѣ изъ Парижа отъ 8-го марта: «всеъ готовится къ войнѣ. Я слышала на этихъ дняхъ отъ дипломатовъ, что греческія смуты ³⁾ могутъ послужить отводомъ; между тѣмъ маршалъ Сентъ-Арно готовится къ отъѣзду, хотя состояніе его самое жалостное. Повидимому у него ракъ во внутренностяхъ; у него страшные припадки и говорятъ, что онъ жить не можетъ. Южный климатъ можетъ, впрочемъ, нѣсколько продлить его существованіе.

13-го марта. У меня обѣдали дивизионные генералы Канроберъ адъютантъ императора, Боскэ и бригадный Эспинаеъ, назначенные начальниками дивизій и бригады, отправляемыхъ на Востокъ ⁴⁾. Они уѣзжаютъ съ небольшими частями войска ранѣе арміи, для выбора пункта высадки; въ немъ-же будутъ устроены всеъ склады, такъ что пунктъ этотъ будетъ служить базисомъ военныхъ дѣйствій.

¹⁾ Въ Лионъ.

²⁾ Дочь маршала Кастеллана.

³⁾ Весною 1854 г. толпы греческихъ добровольцевъ двинулись въ Фессалію, Эпиръ и южную Македонію для организаціи возстанія; Порты была поддержана Англіею и Франціею, которыя высадили на греческой почвѣ свои войска, обязавъ короля Оттона сохранять строжайшій нейтралитетъ. А. Г.

⁴⁾ Третья дивизія была поручена привнцу Наполеону, сыну Жерома-двоюродному брату императора, носившему прозвище Plon-Plon. А. Г.

27-го марта. Телеграммою изъ Парижа меня извѣщаютъ, что въ законодательномъ собраніи министръ Фульдъ прочелъ посланіе императора, въ которомъ объявляется о войнѣ между Россіею и Франціею вызванной послѣдними рѣшеніями петербургскаго кабинета.

17-го апрѣля. Маршалъ Сентъ-Арно, командующій арміею на Востокѣ, прибылъ сюда вчера. Онъ мнѣ сказалъ, что чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и что оставленіе министерства ¹⁾ сдѣлало его другимъ человѣкомъ. Онъ очень худъ, сгорбленъ, глаза тусклые, и я полагаю, что онъ съ трудомъ перенесетъ утомленія кампаніи. Думаю, что опредѣленнаго плана у него нѣтъ; онъ мнѣ говорилъ, что у него ихъ нѣсколько ²⁾... Я у него спросилъ, имѣетъ ли онъ дипломатическія полномочія, на что онъ отвѣтилъ: «въ извѣстной степени».

— Кажется ими снабженъ принцъ Наполеонъ?

Онъ возразилъ мнѣ съ живостью: «нѣтъ! въ его присутствіи я объяснился по этому предмету съ императоромъ; онъ будетъ нести свои обязанности дивизіоннаго генерала и больше ничего».

— Но онъ мнѣ сказалъ, что знаетъ мысль императора.

— Онъ можетъ знать мысль императора; но если онъ будетъ заниматься чѣмъ-либо инымъ, кромѣ своего дѣла какъ командующаго дивизіею, я его отправлю обратно: главнокомандующій—я. При его прибытіи ему окажутъ почести, слѣдующія французскому принцу, согласно правиламъ, но со слѣдующаго дня съ нимъ будутъ обращаться какъ съ дивизіоннымъ генераломъ. Я ему дамъ всякую возможность отличиться; пускай самъ этимъ пользуется.

14-го іюня. (На аудіенціи у Наполеона Каstellанъ имѣлъ съ нимъ, между прочимъ, слѣдующую бесѣду):

— Государь, въ Ліонѣ и его окрестностяхъ я имѣю все что нужно для образованія 50.000 хорошаго войска и это обойдется вдвое дешевле чѣмъ на Югѣ. Въ Ліонѣ уже были хорошо организованныя войска; изъ пяти полковъ взяли людей для образованія одного полка 7-го, предназначеннаго для Востока, и это потому, что полковникъ былъ хорошъ, а назначенный въ походъ 21-й линейный полкъ имѣлъ полков-

¹⁾ Сентъ-Арно былъ до своего назначенія на Востокъ военнымъ министромъ. А. Г.

²⁾ Англичаве были весьма недовольны назначеніемъ Сентъ-Арно. Любопытенъ отзывъ о немъ англійскихъ государственныхъ людей, который мы находимъ въ письмѣ принца-супруга (Альберта) къ брату своему герцогу Эрнсту Кобургскому: „Кто насъ крайне озабочиваетъ, такъ это маршалъ Сентъ-Арно, проходивецъ до мозга костей (chevalier d'industrie), находящійся въ рукахъ нѣкоего Т., относительно котораго сами французы не сомнѣваются, считая его способнымъ принять серебряные и даже бумажные рубли“ (Aus meinem Leben und aus meiner Zeit von Ernst II Herzog von Cobourg 1888, томъ II, стр. 235). А. Г.

ника очень дурнаго. Нужно было сдѣлать наоборотъ: полковника 7-го полка назначить въ 21-й, а полковника 21-го въ 7-й; онъ вышелъ бы въ отставку, если у него только есть самолюбіе, но во всякомъ случаѣ не полку страдать отъ того, что у него дурной полковникъ. Теперь выходитъ такъ, что полки, уже отдавшіе своихъ старыхъ солдатъ, отправляются на Востокъ на половину съ рекрутами, незнакомыми со службою. Слѣдовало бы, государь, не посылать слишкомъ много кадровъ на Востокъ, а ограничиваться отправленіемъ отрядовъ; въ противномъ случаѣ, такъ какъ уже черезъ три мѣсяца убудетъ пятая часть наличности благодаря болѣзнямъ и друг., на Востокъ окажутся одни лишь кадры, въ которыхъ мы сами нуждаемся для нашихъ границъ. Я видѣлъ при ихъ проѣздѣ генераловъ Канробера, Боскэ и лорда Раглана и остался ими очень доволенъ; лишь бы войска наши, въ погонѣ за русскими, не слишкомъ подавались въ глубь; я съ ужасомъ прочелъ въ одной газетѣ, что Канроберъ былъ посланъ въ Силистрію.

— Императоръ: Даны самыя положительныя приказанія не идти далѣе Варны и ея окрестностей.

— Я: Въ Ліонѣ все благополучно; война могущественный отводъ для дурныхъ страстей, но необходимо зорко наблюдать. Еще недавно здѣсь арестовали десять членовъ тайныхъ обществъ; оставаться въ Ліонѣ безъ войскъ я не могу.

13-го іюля. Дивизионный генералъ герцогъ Мортемарскій (de Mortemart) пишетъ мнѣ изъ Парижа отъ 10-го іюля:

«Дорогой маршалъ, завтра я возвращаюсь въ Буржъ ¹⁾, гдѣ сохраняю командованіе по желанію императора. Вчера, въ воскресенье я завтракалъ въ Сенъ-Клу съ его величествомъ и имѣлъ съ нимъ въ его кабинетѣ, до и послѣ завтрака, два продолжительныхъ разговора о восточныхъ дѣлахъ. Первый касался общихъ предметовъ, театра войны, характера императора Николая, его дѣтей и настроенія русскаго дворянства. Второй сосредоточился на картахъ Чернаго и Балтійскаго морей и на планѣ Севастополя. Тотъ, который у императора, очень плохъ, и я постарался его исправить, указавъ на уязвимыя мѣста этого пункта. Вы знаете какъ императоръ умѣетъ слушать и, признаться, я воспользовался случаемъ, чтобы высказать ему все, что у меня было на сердцѣ относительно неуловимаго плана этой войны и способа ея веденія. Я выразилъ крайнее сожалѣніе о потерянномъ времени въ этой игрѣ въ прятки дивизій, раскинутыхъ въ Галлиполи, Адрианополѣ, Скутари, Константинополѣ и Варнѣ, тогда какъ комбинированнымъ дѣйствіемъ въ Крыму непріятелю наносился бы страшный ударъ, съ меньшимъ швы-

¹⁾ Городъ Шерскаго департамента, въ 200 километрахъ отъ Парижа; въ ту пору гнѣздо непримиримыхъ легитимистовъ.

ряніемъ денегъ и съ немного большею честью для нашего флота; и порицалъ проявленную имъ въ Одессѣ, послѣ Синопской бойни, филантропію и проч. Императоръ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ: «Вы, можете быть, правы, но въ дѣлахъ съ моими союзниками я не хозяинъ».

17-го августа. Взятіе Бомарзунда, 16-го августа, произвело отличное впечатлѣніе; это первое дѣйствіе французовъ противъ русскихъ. Командовавшій войсками генералъ Барагъ д'Илле ¹⁾ будетъ, вѣроятно, сдѣланъ маршаломъ Франціи.

6-го октября. Восторгъ при извѣстии о взятіи Севастополя ²⁾ былъ всеобщимъ между всѣми партіями, кромѣ демократовъ; потому красные радуются тому, что оно не подтвердилось, и держатъ самыя предосудительныя рѣчи.

1855.

28-го января. У его королевскаго высочества герцога камбриджскаго, благодаря Инкерманскому сраженію, произошло сотрясеніе мозга; за время всей кампаніи онъ проявилъ большую храбрость и теперь, больной, возвращается въ Англію.

Принцъ Наполеонъ, больной, вынужденъ былъ покинуть Крымъ и перебраться въ Константинополь; но и здѣсь его здоровье не поправилось, и императоръ разрѣшилъ ему вернуться во Францію.

23-го февраля. На крымскую экспедицію, потребовавшую отправления нашихъ лучшихъ войскъ, смотрятъ какъ на ослабленіе нашего положенія на континентѣ.

Отъѣздъ императора ³⁾ внушаетъ великое безпокойство. Англія всѣми силами настаиваетъ на томъ, чтобы онъ не ѣхалъ. Лордъ Джонъ Руссель, какъ говорятъ, сказалъ ему: «государь, если вы поѣдете въ Крымъ, то это означаетъ войну до послѣднихъ крайностей и мнѣ тогда бесполезно отправляться для переговоровъ въ Вѣну».

Императоръ со-дня-на-день становится неприступнѣе; отклонить его отъ разъ принятаго рѣшенія невозможно.

¹⁾ Бывшій до того посломъ въ Константинополь, откуда былъ отозванъ, такъ какъ находился въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ маршаломъ Сентъ-Арно, съ которымъ не желалъ одновременно находиться на Востока. А. Г.

²⁾ Ложное извѣстіе это, облетѣвшее тогда всю Европу, было сообщено изъ Бухареста, куда съ нимъ прибылъ одинъ крымскій татаринъ. А. Г.

³⁾ Крымскія дѣла затягивались, и Наполеонъ рѣшилъ отправиться на мѣсто военныхъ дѣйствій и принять главное начальство надъ войсками.

Говорятъ, что императрица, которая отправляется вмѣстѣ съ нимъ, останется въ Константинополѣ.

24-го февраля. Я видѣлъ маршала Вальяна ¹⁾ и на мое заявленіе, что меня крайне озабочиваетъ отъѣздъ его величества, онъ мнѣ отвѣтилъ, что императоръ очень добръ, но если онъ чѣмъ-нибудь задастся, чрезвычайно упрямъ; что положеніе его, Вальяна, въ этомъ отношеніи весьма затруднительно, такъ какъ онъ выработалъ планъ, какъ покончить съ Севастополемъ, и императоръ хотѣлъ взять на себя его исполненіе.

Въ половинѣ втораго я былъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. «Отъѣздъ в. в. меня беспокоитъ (сказалъ Кастелланъ императору); крымская экспедиція была затѣяна или слишкомъ поздно, или слишкомъ рано ²⁾; еще хорошо, что Канроберъ поддерживаетъ духъ своей арміи.

— Между нами будь сказано, сказалъ императоръ, я ожидаю отвѣта отъ Пруссіи и отправлюсь въ Крымъ, если она уступитъ. Я организовалъ три армейскихъ корпуса: сѣверный, парижскій и лійонскій съ резервною дивизіею, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды и вы могли идти съ другими. Я думалъ отправиться въ Крымъ потому, что, по имѣющимся вѣрнымъ свѣдѣніямъ, полагаютъ возможнымъ совершенно уничтожить русскую армію. Съ 15 тысячами пьемонтцевъ, съ англичанами и съ турками въ Крыму окажется болѣе 150 тысячъ человекъ. Уничтоживъ русское войско, я вернусь вмѣстѣ съ своими войсками, оставивъ турокъ стеречь Крымъ.

¹⁾ Военнаго министра, замѣнившаго Сентъ-Арно.

А. Г.

²⁾ Считаемо не лишнимъ привести небольшую выдержку по вопросу о томъ, кѣмъ былъ затѣянъ походъ на Севастополь, изъ воспоминаній принца Эрнста Кобургскаго. Историки неоднократно поднимали вопросъ о томъ, кто былъ изобрѣтателемъ столь неожиданнаго въ военномъ отношеніи плана, и отвѣта не находили. Военные часто утверждали, что эта идея „штатская“, выпедшая изъ головы какого-либо дипломата. Несомнѣнно, что погромъ турокъ при Синопѣ обратилъ вниманіе государственныхъ людей Запада на размѣры арсенала русскаго военнаго флота въ Черномъ морѣ.

„Мысль о завоеваніи Севастополя, говорить одинъ изъ англійскихъ историографовъ (къ сожалѣнію, авторъ воспоминаній не говоритъ кто именно. А. Г.) возбудила въ англійскомъ обществѣ интересъ въ своемъ родѣ драматическій, какъ дѣло справедливости“.

Такому взгляду былъ доступенъ и мой братъ (принцъ-супругъ); хотя я рѣшительно отвергаю возможность приписать ему авторство плана крымскаго похода, но безпристрастіе вынуждаетъ меня признать, что принцъ Альбертъ настаивалъ на проведеніи этого своеобразнаго плана, какъ только онъ былъ придуманъ. Онъ соревновалъ съ Пальмерстономъ въ усердныхъ настояніяхъ о нападеніи на Севастополь и высказывалъ связанныя съ этимъ надежды гораздо ранѣе императора Наполеона, которому совершенно безъ всякаго основанія приписывали эту оригинальную мысль (Aus meinem Leben und aus meiner Zeit см. прим. выше—стр. 237).

А. Г.

— Государь, сказалъ я, когда Наполеонъ I отправился въ Египеть, онъ не былъ монархомъ; если собирались въ Крымъ, то нужно было сдѣлать ранѣе, когда русскіе еще не были готовы. Въ Крыму, государь, можно наткнуться и на неудачи и подумайте, что бы это было, если бы это случилось съ монархомъ. Я понимаю рыцарское чувство, которое руководитъ в. в., но я предпочелъ бы видѣть васъ командующимъ арміею на Рейнѣ.

— И я также предпочелъ бы то же....

Я обѣдалъ у моего зятя графа Гацфельдта. По его мнѣнію, императоръ Николай желаетъ мира. Россія унижена; Австрія далека отъ мысли воевать. Пруссія желала бы остаться въ сторонѣ отъ переговоровъ. Англія желаетъ войны; начало послѣдней не было для нея особенно счастливо. Ея положеніе умалилось, а Франція какъ-бы выросла

25-го февраля. Былъ у министра иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де-Люиса. Какъ и я, онъ думаетъ, что это путешествіе императора въ Крымъ подрываетъ и внѣшнее и внутреннее положеніе. Мнѣ извѣстно, что австрійскій посланникъ баронъ Гюбнеръ сказалъ вчера: «я настаивалъ на союзѣ съ Австріею; мое положеніе скомпрометировано, если императоръ поѣдетъ въ Крымъ, такъ какъ мы вели переговоры съ нимъ, ибо онъ внушалъ намъ довѣріе, а не съ Франціею». Какъ Австрія, такъ и Англія сдѣлали настоятельныя представленія.

Друэнъ де-Люисъ благодарилъ меня за то, что я говорилъ императору противъ этого путешествія.

26-го февраля. Король прусскій непремѣнно желаетъ принять участіе въ Вѣнской конференціи; поэтому почти навѣрно онъ подпишетъ съ Франціею договоръ, который позволитъ ему это сдѣлать ¹⁾. Тѣмъ не менѣе съверъ Германіи вооружается и въ видахъ враждебныхъ противъ насъ. Въ случаѣ выступленія въ походъ у насъ не хватило бы четырнадцати тысячъ лошадей для артиллеріи; двѣ тысячи отправляются въ данную минуту на Востокъ. Организационныя работы военнаго министерства заброшены; правда, что оно обязано дѣйствовать по замѣткамъ, посылаемымъ изъ кабинета императора. Тамъ приказываютъ формировать дивизіи и корпуса, не зная имѣется ли на то матеріаль.

18-го марта. Капитанъ Мерль, адъютантъ императора, прибылъ изъ Крыма 15-го марта. Отъ него я узналъ, что мы хорошо укрѣплены въ нашихъ позиціяхъ, а русскіе въ своихъ, какъ и въ Севастополѣ.

¹⁾ Маршалъ ошибался въ своихъ предположеніяхъ; отправленный Прусскимъ королемъ спеціально уполномоченный для обсужденія договора графъ Вегель ни къ какому соглашенію съ французскимъ дворомъ не пришелъ. Предполагавшійся союзъ не состоялся, благодаря требованіямъ Франціи дозволить пропускъ ея войскъ черезъ Германію и подготовить восстаніе въ Польшѣ; прусскій король рѣшительно отклонилъ оба эти требованія. А. Г.

Генераль Ніель послѣ перваго осмотра думалъ, что имъ можно было бы овладѣть; генераль Канроберъ попросилъ его снова посмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ, или безъ него. Ніель предпочелъ отправиться безъ него и на этотъ разъ вернулся проникнутый тѣмъ, что придется преодолевать большія затрудненія. Въ третій разъ онъ отправился вмѣстѣ съ Канроберомъ и они оба вернулись въ убѣжденіи, что приступъ можетъ стоять двадцать пять тысячъ человѣкъ и къ тому же не удастся. Русскіе дерутся превосходно; ихъ силы въ Крыму опредѣляютъ въ 80 тысячъ человѣкъ. Генераль Канроберъ имѣетъ подъ своимъ командованіемъ тоже 80 тысячъ; кромѣ того имѣется 12 тысячъ англичанъ, которые только помѣха. Лордъ Рагланъ и Канроберъ очень вѣжливы другъ съ другомъ, но взаимнаго довѣрія—никакого.

2-го мая. Моя дочь, маркиза де-Контацъ, пишетъ мнѣ изъ Парижа отъ 30-го апрѣля:

«За это время два событія: первое, новѣйшее,—это отказъ императора отъ своего намѣренія ѣхать въ Крымъ ¹⁾...»

6-го мая. Въ Альминскомъ сраженіи генералы, воевавшіе въ Африкѣ, приказали солдатамъ, согласно обычаю, практикующемуся противъ арабовъ, сложить котомки на землю. По взятіи высотъ пришлось возвращаться назадъ цѣлыхъ полторы мили за котомками; вышло, что сраженіе осталось безъ всякаго результата, что напрасно приписывали исключительно недостатку кавалеріи.

20-го мая. Во что бы то ни стало хотятъ посылать новыя батареи на Востокъ... для чего берутъ рекрутъ послѣдняго набора. Я спросилъ у одного канонира 2-й артиллерійской пѣшей батареи, вчера проѣзжавшей черезъ Ліонъ, давно ли онъ на службѣ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «однѣ мѣсяць. Я изъ старыхъ; на 204 человѣка нашей батареи нѣтъ болѣе двѣнадцати такихъ, которые знаютъ что такое пушка. Ёдемъ въ Крымъ». Канониръ этотъ, впрочемъ, былъ полонъ доброй воли.

15-го августа. Прибывшій сегодня изъ Крыма генераль Канроберъ былъ у меня. Онъ мнѣ разсказалъ, что его побудило отказаться отъ командованія. Въ присутствіи Омера-паши ²⁾ онъ сказалъ лорду Раглану: «необходимо единство командованія; вы—фельдмаршалъ, я—генераль-лейтенантъ, вамъ семьдесятъ лѣтъ, мнѣ—сорокъ пять и я добровольно ставлю себя съ своею арміею подъ ваше начальство; Омерь-паша со своими турками сдѣлаетъ то же». Омерь-паша согласился. Лордъ Рагланъ все толковалъ объ атакѣ Зеленаго холма и, наконецъ, рѣшился.

¹⁾ Обстоятельствомъ, рѣшительно повліявшимъ на отміну путешествія было покушеніе на императора итальянца Піанори (28-го апрѣля); Наполеонъ убѣдился, что съ его отъѣздомъ революціонеры поднимутъ голову. А. Г.

²⁾ Главнокомандующаго турецкими войсками.

А. Г.

Канроберъ, увѣренный, что атака состоится, вернулъ флотъ, отправившійся въ Керчь; велико было его удивленіе увидѣть на другой день вошедшаго къ нему лорда Раглана, заявившаго, что онъ раздумалъ и что не желаетъ покидать занятого имъ въ осадѣ положенія. Тогда Канроберъ передалъ командованіе генералу Пелиссье.

26-го августа. Я обѣдалъ у моей дочери въ прусскомъ посольствѣ... былъ господинъ фонъ-Бисмаркъ, прусскій посланникъ при франкфуртскомъ сеймѣ. Онъ большого роста, очень вѣжливъ, фигура болѣе мощная, чѣмъ изящная; онъ слыветъ за сторонника русскихъ...

13-го ноября¹⁾. Императоръ напомнилъ мнѣ явиться къ нему въ пятницу; затѣмъ онъ вышелъ, оставивъ меня съ императрицею, которая посадила меня рядомъ съ собою и говорила о недостаткѣ въ салонахъ, о томъ что остался лишь салонъ княгини Ливенъ, въ которомъ встрѣчаются выдающіяся лица всѣхъ партій.

— Да, сказала императрица, война произошла благодаря этому женскому посольству. Лица, бывавшія въ гостивыхъ госпожъ Ливенъ, Нарышкиной и Калерги, говорили, что война невозможна, что она затрогиваетъ слишкомъ много интересовъ, что промышленность ушла для того слишкомъ далеко впередъ. Киселевъ, полагавшій, что императоръ весьма способенъ ее предпринять и что союзъ съ Англіей вѣроятенъ, писалъ въ противоположномъ смыслѣ и получилъ за это предостереженія отъ своего двора. Послѣ того онъ уже не смѣлъ выражать своего мнѣнія или, по крайней мѣрѣ, выражалъ его очень робко.

Я заговорилъ о возможности скорого мира.

— Россія, отвѣчала императрица, повидимому, рѣшилась ничѣмъ не поступаться; если она и уйдетъ изъ Крыма, то все-таки не намѣривается его уступить или ограничить свои силы въ Черномъ морѣ. Она говоритъ: «вы не можете оставаться тамъ постоянно, и когда васъ не будетъ, мы снова туда вернемся». На Россію нападать слѣдуетъ въ Польшѣ.

19-го декабря. Зять мой²⁾ полагаетъ, что для Россіи—расчетъ заключить миръ. Паръ уничтожилъ часть могущества этой державы, заключавшагося въ томъ, что у себя дома она была неприступна. Гацфельдтъ убѣжденъ, что императоръ³⁾ останется въ союзѣ съ Англіею, пока длится война. Между французами и русскими нѣтъ никакой ненависти; и тѣ и другіе говорятъ, что они другъ друга уважаютъ и дерутся лишь потому, что должны исполнять долгъ.

Позднѣе, между Франціею и Россіею будетъ союзъ.

¹⁾ Маршалъ Кастелланъ обѣдалъ въ этотъ день во дворцѣ. А. Г.

²⁾ Гацфельдтъ, прусскій посланникъ.

³⁾ Наполеонъ.

Маршалъ Пелиссье говорить, что онъ приказалъ потрогать русскихъ во всѣхъ пунктахъ. Изъ позицій выбить ихъ нѣтъ возможности; въ данную минуту ничего подѣлать нельзя и, при движеніи впередъ, можно только потерять много людей. Ихъ позиція лучше тѣхъ, что они имѣли въ Севастополь(?) Наши также неприступны. Маршалъ Пелиссье говорить, что въ Крыму слишкомъ много войска; достаточно было бы сорока тысячъ для нашихъ позицій въ Камышѣ, Керчи и Кинбургѣ.

Если предстоитъ еще война, въ чемъ многіе убѣждены, крушныя удары будутъ наноситься въ Балтійскомъ морѣ. Англичане хотятъ во что бы то ни стало уничтожить Кронштадтъ; они вооружили для этого нѣсколько канонерскихъ лодокъ.

1856.

2-го февраля. Россія приняла предлиминарныя условія мира, предложенныя ей Австріею, съ согласія Франціи и Англии.

Гацфельдтъ представилъ меня графу Орлову: высокій и красивый военный генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ императора. Онъ не видалъ Парижа съ 1815 года; тогда онъ былъ полковникомъ и занялъ Монмартръ.

7-го мая. Генералъ герцогъ Мартемарскій ¹⁾ пишетъ мнѣ изъ Парижа 6-го мая: «Великолѣпный миръ! и могу васъ увѣрить, что мой старейшій сосѣдь по палаткѣ, за время Балканскаго похода 1828 года, Орловъ, въ восторгѣ отъ нашего императора. Онъ считаетъ его вершителемъ всего справедливаго и истиннаго въ мірѣ и т. п.»

Данный Парижскому миру 1856 года герцогомъ Мартемарскимъ, въ приводимомъ письмѣ его къ маршалу Кастеллану, титулъ «великолѣпнаго» мало соотвѣтствовалъ истинѣ и былъ лишь отголоскомъ того радостнаго настроенія, которое господствовало среди лицъ, близко стоявшихъ къ Наполеону. Но такое настроеніе далеко не было всеобщимъ не только въ Европѣ, но и въ самой Франціи: «Уже за время послѣднихъ дней Парижскаго конгресса, пишетъ одинъ изъ современныхъ выдающихся изслѣдователей Наполеоновской эпохи ²⁾, въ Европѣ господ-

¹⁾ См. выше.

²⁾ Pierre de la Gorce, Histoire du second Empire. Paris, 1895. Томъ I, стр. 477.

ствоvalo весьма живое сознание непрочности совершеннаго дѣла». Въ Англіи лордъ Пальмерстонъ и лордъ Джонъ Руссель находили, что результатъ превзойдетъ всѣ ихъ надежды, если навязанныя Россіи условія можно будетъ продержатъ въ силѣ хотя бы 10 или 12 лѣтъ. Въ Австріи престарѣлый князь Меттернихъ писалъ (лэди Вестмореландъ, 24-го мая 1856 г.): «Севастополь не стоитъ того, во что онъ обошелся». Въ самой Франціи наиболѣе спокойные наблюдатели за политикою, Гизо, Токвиль, Монталамберъ, среди всеобщаго ликованія съ трудомъ скрывали свои опасенія за будущее. Еще до паденія Севастополя, Боска, самый блестящій изъ военнначальниковъ Крыма, выразилъ, съ предусмотрительностью близкою къ пророчеству, опасеніе, чтобы такъ много потраченныхъ трудовъ не пропало даромъ. «Война эта, писалъ онъ, доставитъ Франціи лишь немного славы; она можетъ потерять своихъ лучшихъ солдатъ и, слѣдовательно, средства сопротивленія русско-нѣмецкому нашествію, когда останется одною, брошенною Англіею, интересы которой, несмотря на союзъ, рознятся отъ нашихъ...» Что касается самого Наполеона, то ему, конечно, нельзя было не радоваться окончанію Восточной войны; но и онъ, въ письмѣ къ герцогу Кобургскому, отъ 11-го марта 1856 г., въ которомъ сообщаетъ, что миръ обезпеченъ, заявляетъ откровенно, что «жертвы войны не были въ соотвѣтствіи съ тѣми выгодами, которыя можно было надѣяться изъ нея извлечь»¹⁾.

А. А. Г—ъ



¹⁾ Aus meinem Leben und aus meiner Ziet, Томъ II, стр. 297.

Стихи Александра Ивановича Одоевского ¹⁾.

Гласъ пѣсни, мною недопѣтой
Не дозвучить въ земныхъ струнахъ,
И я—въ нетлѣніе одѣтый...
Ее дослышу въ небесахъ.
Но на землѣ, гдѣ чистый пламень
Огня души я не излилъ.
Я умеръ весь... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могиль,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано вышла изъ рукъ
Едва настроенная лира.
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра.

Чита. 1827 года.



¹⁾ Стихи написаны когда автору было всего 23 года.



ИЗЪ БЫТА ПРИКАЗНЫХЪ

ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВА ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

Во Владимірской губерніи есть старинный городъ---Переяславль Залѣсскій. На окраинѣ этого древняго города, на небольшомъ холмѣ, возвышающемся надъ болотистой мѣстностью, расположенъ мужской второклассный Даниловъ монастырь, окруженный съ лицевой стороны очень высокой каменной оградой. При входѣ въ этотъ монастырь, въ былое время, прежде всего бросалось въ глаза каменное, когда-то выбѣленное, но отъ времени утратившее свою бѣлизну небольшое зданіе, именуемое духовнымъ правленіемъ. Этому правленію подчинено было духовенство двухъ уѣздовъ: Переяславскаго и Александровскаго, со всѣми монастырями въ этихъ уѣздахъ находящимися—мужскими и женскими.

Около зданія означеннаго правленія во всякое время года толпились съ ранняго утра лица духовнаго званія обоого пола. Вдовы духовенства въ черныхъ платкахъ на головахъ и съ готовыми слезами на глазахъ; священники, діаканы, дьячки и пономари, въ присвоенномъ ихъ званію одѣяніи. Всѣ они пріѣзжали изъ своихъ деревенскихъ уголковъ, конечно, не по доброй своей волѣ, а въ силу крайней вопіющей необходимости, такъ какъ въ духовномъ правленіи сосредоточивались и вершались дѣла лицъ духовнаго сословія. Главнымъ воротилой въ дѣлахъ духовнаго правленія былъ «повытчикъ». Онъ для духовенства былъ сила великая: и прокуроръ, и адвокат!

Наши личныя воспоминанія о Переяславскомъ духовномъ правленіи относятся къ концу пятидесятихъ годовъ. Въ эти годы правленскимъ повытчикомъ былъ нѣкій Иванъ Андреичъ Тихонравовъ, предсѣдателемъ

или первоприсутствующимъ правленія—настоятель Переяславскаго Никитскаго монастыря архимандритъ Пифонтъ и членами четыре священника.

Но, несмотря на относительную многочисленность состава правленія, главной пружиной и пульсомъ его—былъ повытчикъ. Къ нему обращались всѣ просители, и голосъ его въ правленіи не только не былъ гласомъ вопіющаго въ пустыни, но имѣлъ перевѣсъ надъ всѣми голосами членовъ присутствія. Особенно доходны были для повытчика дѣла судебныя между членами причтовъ, а также и о разныхъ прегрѣшеніяхъ и погрѣшностяхъ духовныхъ лицъ въ родѣ неправильности въ записи браковъ, ошибки въ метрикахъ и прочее. При духовномъ правленіи существовала канцелярія, наполненная приказными, положеше которыхъ, повидимому, было самое незавидное. Самъ повытчикъ получалъ содержанія семь рублей въ мѣсяць, а приказные отъ 2 р. 50 к. до пяти коп. въ мѣсяць. Но несмотря на все это, Тихонравовъ имѣлъ собственный большой домъ, а приказные—собственные хижинки.

Очень интересенъ рассказъ о прибытіи въ г. Переяславль повытчика Тихонравова. Приѣхалъ онъ вечеромъ и тотчасъ же отправился въ духовное правленіе. Здѣсь были на лицо всѣ приказные. Заняты они были разговоромъ о грядущихъ строгихъ временахъ, ибо слухъ о строгостяхъ Тихонравова дошелъ до Переяславля изъ Муромъ, откуда Тихонравовъ назначенъ былъ епископомъ Іустиномъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ Переяславскаго духовнаго правленія. Потолковавъ о томъ, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ, приказные рѣшили устроить пирушку въ канцеляріи правленія. Явилась четвертная водки, за нею другая, и пирушка окончилась потасовкою. Въ это самое время Тихонравовъ явился въ правленіе, приказалъ приказнымъ выстроиться по старшинству чиновъ и приступилъ къ опросу фамилій.

— Какъ твоя фамилія?

— Тѣньковский.

— Какой имѣешь чинъ?

— На что намъ, сударь, чины, когда нѣтъ ни водки, ни витчины,—отвѣчалъ пьяненькій приказный.

Тихонравовъ пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ полупьянаго подьячаго и выгналъ его вонъ. Опросивъ всѣхъ остальныхъ, Тихонравовъ вступилъ въ отправленіе своей должности. Онъ прежде всего наблюдалъ за тѣмъ, чтобы днемъ приказные не пили въ зданіи правленія водку, а вечеромъ, когда они обязаны были находиться въ канцеляріи правленія, заставлялъ ихъ читать газету «Сѣверную Пчелу». Для приказныхъ, не привыкшихъ къ чтенію газеты, такое распоряженіе являлось немовѣрной тяжестью, и нерѣдко случалось, что они подъ монотонное чтеніе газеты дежурнаго засыпали крѣпкимъ сномъ. Приходя

утромъ въ правленіе, Тихонравовъ прежде всего экзаменовалъ приказныхъ въ знаніи прочитанной газеты, и не исполнившихъ его приказанія подвергалъ стоянію въ углу на колѣнахъ и даже сѣченію лозами. Теперь трудно этому вѣрить, но все это было такъ. Несмотря на строгость, приказные во время вечернихъ занятій все-таки предпочитали «Сѣверной Пчелѣ» полуштофъ водки, и если Тихонравовъ заставалъ ихъ въ такомъ положеніи, то полуштофъ немедленно разбивался о голову перваго попавшагося на глаза чиновника, а дежурный приказный, допустившій распивку водки и принимавшій въ ней участіе, сажался на цѣпь внизу правленія. Протестовъ и жалобъ со стороны наказуемыхъ не было.

Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, приказные исправляли недѣльную очередь при домѣ повытчика, замѣняя ему денщиковъ: они кололи дрова, расчищали снѣгъ у дома повытчика, возили въ санкахъ изъ города покушки для дома, а нѣкоторые парили его въ банѣ.

Съ ранняго утра почти каждодневно у воротъ двора повытчика можно было видѣть духовенство, стоявшее безъ шапокъ, съ разными приношеніями. То были просители, которымъ онъ заикаясь, скороговоркой говорилъ: «Ладно, ладно, разберу, ступай домой». Конечно, чрезъ день или два являлась противная сторона тоже съ посулами и поклонами. Когда приносимое съ обѣихъ сторонъ было равное, то повытчикъ давалъ слѣдующій совѣтъ: «Ну, ну, дурачье, что ругаетесь, живите въ ладу». Тѣмъ дѣло и кончалось. Въ противномъ случаѣ назначались слѣдствія, повальныя опросы свидѣтелей, и изъ чистыхъ пустяковъ слагались кляузныя дѣла, составлявшія значительный доходъ повытчика.

Но болѣе капитальныя, положительныя и строго опредѣленные доходы у всего состава правленія, т. е. у членовъ, повытчика и у приказныхъ были въ сентябрѣ и въ январѣ каждаго года. Въ сентябрѣ мѣсяцъ духовенство сдавало въ правленіе такъ называемыя духовныя исповѣдныя росписи, а въ январѣ метрическія книги и всю церковную экономическую отчетность. Означенныя мѣсяцы были праздникомъ для всего духовнаго правленія. Одновременно со сдачею отчетовъ духовенство привозило и своихъ дѣтей въ духовное училище: въ сентябрѣ, послѣ лѣтнихъ каникулъ, и въ январѣ, послѣ рождественскихъ праздниковъ. Въ это время около правленія толкотня была невообразимая и пьянство приказныхъ вельми изрядное.

При сдачѣ отчетовъ требовалось одно непремѣнное условіе, уплатить въ пользу правленія по рублю съ каждаго ста душъ, въ приходѣ значившихся. Деньги эти дѣлились не только между всѣми служащими въ правленіи, но часть ихъ повытчикъ отвозилъ въ духовную консисторію, въ которую представлялась вся отчетность духовныхъ правленій. Насколько причты обременены были поборами въ пользу приказныхъ,

можно видѣть изъ того, что до семидесятыхъ годовъ взималось въ консисторіи по одному рублю за каждый брачный обыскъ; что подчистки, помарки и описки въ книгахъ, — все это облагалось взятками разныхъ размѣровъ какъ въ духовныхъ правленіяхъ, такъ и въ консисторіяхъ.

Какъ только выпадалъ снѣгъ и устанавливался санный путь, котораго правленскіе и консисторскіе приказные ждали, какъ манны съ неба, приказная братія, соблюдая строгую очередь, отправлялась собирать «новъ». Одна очередь чиновниковъ ѣздила съ ноября до Рождества, другая — съ половины января до Благовѣщенія. Приказные, обыкновенно вдвоемъ, обзаводились лошадею и устраивали своеобразныя повозки, столь извѣстныя духовенству того времени.

Я, какъ сейчасъ, предъ собою вижу слѣдующую картину изъ своего ранняго дѣтства. Зимнія сумерки, мой батюшка въ сараѣ готовитъ кормъ скоту, къ крыльцу нашего дома подъѣзжаетъ рогожная повозка, изъ которой вылѣзаетъ полупьяная особа правленскаго приказнаго. Матушка спѣшитъ въ сарай оповѣстить батюшку о прибытіи гостя. Батюшка съ сердцемъ оставляетъ свое дѣло и ворча про себя спѣшитъ въ домъ. Приказный начинаетъ привѣтствіемъ, за которымъ слѣдуютъ розсказы, новости, сплетни, причемъ убогаются чаемъ, водкой, закуской, а на прощанье полтиной и мѣрой ржи и овса. Этотъ заѣзжій гость, начавъ со священника, навѣщаетъ всѣхъ членовъ причта, у всѣхъ угощается, получаетъ подаяніе и отправляется въ слѣдующее село. Не успѣетъ причтъ проводить правленскаго приказнаго, навѣщаетъ болѣе дальній гость, приказный консисторскій, который также угощается и убогаются подаяніемъ. За приказными въ скоромъ времени появляются консисторскіе сторожа, все за тѣмъ же подаяніемъ. Сухой пріемъ правленскихъ или консисторскихъ приказныхъ для нелюбозныхъ и экономныхъ членовъ причта навлекать непріятности, ибо какъ ни ничтожны были господа приказные, но и они могли вредить и вредили духовенству по службѣ. Бывали случаи, что по пьтригамъ приказной мелюзги священники переводились съ хорошихъ на худшіе приходы, а гостепріимные — изъ плохихъ приходоу на хорошіе. Конецъ всѣмъ этимъ безобразіямъ, если и не въ полной степени, то во всякомъ случаѣ въ достаточной, положенъ реформами императора Александра II, коснувшимися и нашего духовенства.

Скажемъ два-три слова о судьбѣ Тихонравова. Столь строгій къ своимъ подчиненнымъ, понытчикъ самъ соблазнился прелестями міра — возлюбилъ ромъ и игру въ трынку и дошелъ до того, что ключъ отъ присутствія оставлялъ у себя, при чемъ заставлялъ не только членовъ, но и самого председателя правленія о. архимандрита Нифонта дожидать прихода его, понытчика, въ канцелярію по часу и болѣе. Все это возмутило терпѣливаго Нифонта и онъ написалъ епископу Іустину, что понытчикъ настолько ведетъ

себя непочтительно въ отношеніи предсѣдателя и членовъ правленія, что ходить въ присутствіе въ халатѣ и во время засѣданій садится обратясь къ нимъ спиною. Это донесеніе принято въ уваженіе, и Тихонравовъ переведенъ былъ во Владимірскую консисторію на должность столоначальника. Это было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; и затѣмъ вскорѣ послѣдовало распоряженіе объ уничтоженіи духовныхъ правленій. Оставшіеся за штатомъ правленскіе приказные до конца дней своихъ ходили по своему бывшему повѣтыю, прося на пропитаніе у сельскихъ священниковъ. Ходили эти несчастные уже не какъ власть, надъ духовенствомъ имѣющіе, но какъ нищіе, не имѣющія пропитанія.

Н. Соловьевъ.



Мѣсячные оклады содержанія служащимъ въ духовномъ правленіи въ 1851 году.

Росписаніе учиненное въ Вязниковскомъ духовномъ правленіи о выдачѣ служащимъ въ ономъ столоначальнику, канцелярскимъ служащимъ и сторожамъ, за минувшій январь 1851 года жалованья.

1) Столоначальнику губернскому секретарю Василію Тихонравову	4 руб. 71 ¹ / ₂ коп.
2) Губернскому секретарю Стефану Формозову.	1 » 20 »
3) Губернскому секретарю Василію Элпидинскому	1 » 20 »
4) Губернскому секретарю Стефану Тривоянскому	1 » 10 »
5) Писцу 2-го разряда Александру Нечаеву. .	— » 79 »
Сторожама:	
1) Михаилу Григорьеву	— » 53 ¹ / ₂ »
2) Константину Анировскому	— » 53 ¹ / ₂ »
Итого . .	10 руб. 7 ¹ / ₂ коп.

1851 года февраля 5-го дня въ журналѣ Вязниковскаго духовнаго правленія подъ № 22-мъ заключено: согласно учиненному росписанію выдано служащимъ въ семъ правленіи чиновникамъ и сторожамъ жалованье понадлежащему.

Свѣрилъ: губернской секретарь Формозовъ.





Дмитрій Павловичъ Руничъ.

(Матеріалы для его біографіи).

I.

Воспоминаніе Д. Н. Родіонова.

Рѣ домъ дяди моего Мих. Ник. Мусина-Пушкина, бывшаго попечителемъ прежде Казанскаго, потомъ С.-Петербургскаго учебныхъ округовъ и затѣмъ сенаторомъ, встрѣчался я въ пятидесятихъ годахъ съ Дмитриемъ Павловичемъ Руничемъ. Имя его въ литературѣ обыкновенно ставится рядомъ съ Магницкимъ. Дѣятельность общественная этихъ двухъ лицъ оцѣнивается различно; большею же частію служатъ они выраженіемъ: обскурантизма, мистицизма и фанатизма. Дѣло безпристрастной исторіи разслѣдовать и освѣтить прошедшее.

Въ 1854 году, Руничъ былъ худощавый старикъ, съ длинными густыми, сѣдыми волосами съ проборомъ посреди лба; носилъ бороду подстриженную клиномъ. Черныя глаза подъ густыми бровями были полны жизни, и онъ самъ легко воодушевлялся во время разговора, отчеканивая слова. Превосходно владѣя русскимъ и французскимъ языками, онъ безразлично говорилъ на обоихъ, предпочитая однако же русскій. Нѣкогда состоятельный и властный, мнѣ онъ сталъ извѣстенъ почти въ нищетѣ. Покинутый своими близкими, онъ жилъ въ С.-Петербургѣ, въ Бассейномъ переулкѣ, въ низенькомъ одноэтажномъ полуразвалившемся домикѣ. За нимъ ухаживала старуха, преданная заброшенному старику. Нѣсколько бѣлыхъ стульевъ, простой столъ въ залѣ и небольшая комната, гдѣ стояли его письменный столъ, мягкое кресло, нѣсколько сосновыхъ ящиковъ съ бумагами, остатками отъ его долго-

лѣтней жизни, и красовался бюстъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ надъ кроватью; вотъ все, чѣмъ онъ владѣлъ и пользовался. Неоднократно просилъ онъ меня заняться со нимъ разборкою его архива: молодость увлекала меня къ другимъ занятіямъ и развлеченіямъ; откладывая день за день, къ моему теперь сожалѣнію, такъ дѣло это и осталось.

— На чемъ прикажете разбирать бумаги, Дмитрій Павловичъ, надо бы изготвить столъ по длинѣ,—сказалъ я ему, наконецъ, не находя болѣе отговорокъ.

Прихожу къ нему чрезъ нѣсколько недѣль, и застаю старика въ неизбѣжномъ своемъ креслѣ.

— Вотъ, мой молодой другъ,—сказалъ онъ мнѣ,—и столъ готовъ, да вижу, не бумаги свои буду разбирать, а меня самого положить на него. Конецъ мой близокъ, я чувствую, какъ каждый день жизнь все болѣе и болѣе покидаетъ конечности моего тѣла. Теперь и ноги не служатъ мнѣ, съ трудомъ могу вести свой дневникъ, въ который имѣю привычку ежедневно записывать все видимое, слышанное и читанное мною. Еще голова свѣжа и память не измѣняется, но на долго ли? Законъ Господень непреложенъ. Съ спокойною совѣстью смотрю на переходъ въ вѣчность. Не мученія ада, съ его терзаніями и огнемъ, которыми пугаютъ людей, страшны мнѣ, но то прозрѣніе ошибокъ, которыя дѣлалъ въ теченіе своей длинной жизни. Нынче ночью мнѣ не спалось, и я понялъ томленіе, которое должны испытывать души отжившихъ, за земныя дѣянія свои несогласныя съ Евангеліемъ. Мнѣ не спалось и вдругъ воскресло предо мною давно бывшее время моей юности. Я видѣлъ себя въ Москвѣ, въ томъ обществѣ, которое слыло самымъ образованнымъ, потому что наизусть знало Вольтера, Дидрота и Руссо; но не знало преградъ въ удовлетвореніи своихъ хотѣній, среди роскоши и распутства. У князя N. послѣ обѣда, барыни ушли на свою половину, а мужичны отправились въ диванную. Намъ подали халаты, мы одѣли колпаки и на турецкихъ подушкахъ, въ комнатѣ, освѣщенной пламенемъ отъ горѣвшей жженки, пѣли богохульныя пѣсни. Серебряная миска была неисчерпаемая, а гости становились все безпутнѣе и безпутнѣе. Пѣсни, крики, говоръ, плескъ вокругъ синеватаго огня: все кружилось при хохотѣ и пѣсняхъ этихъ ужасныхъ!.. И вотъ, все это воскресло предо мной въ ночной тиши, и чрезъ болѣе полустолѣтія повторялъ я слова давно забытыя той страшной пѣсни, и ни отъ словъ, ни отъ напѣва не могъ я отдѣлаться!.. Такъ вотъ, теперь понялъ я тѣ муки, которыя души отшедшихъ претерпѣвать будутъ въ загробной жизни: имъ вспомнится до мельчайшей черты ихъ дѣянія дурныхъ, и это неотвязчивое воспоминаніе, при уразумѣніи ихъ нравственной вищеты и зла, которое отъ этого послѣдовало, и составить тяжесть загробной кары!..

Въ послѣдній разъ, видѣлъ я старика, за нѣсколько мѣсяцевъ до

его смерти; я уѣхалъ въ отпускъ и поступилъ въ ополченіе, а Руничъ, вѣроятно, и не приступалъ къ разбору своего архива, а столъ имъ изготовленный послужилъ согласно его собственному предсказанію.

Д. П. Родіоновъ.

II.

Два письма Д. П. Рунича—В. М. Попову.

I.

29-го марта 1815 года, Москва.

Два письма вашихъ отъ 19-го и 23-го числа, одно за другимъ, я имѣлъ удовольствіе получить, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Василій Михайловичъ. Отчетъ (библейскаго) комитета нашего рѣшено печатать, и онъ уже, какъ сказалъ мнѣ Горчаковъ, печатается со всѣми приложеніями и списками членовъ, въ числѣ 600 экземпляровъ. Конечно, намъ не было никакой нужды васъ спрашивать и ожидать разрѣшенія въ семь случаѣ; но у насъ вездѣ вкрадывается несчастное правило, слѣдовать не законоположеніямъ, а приличіямъ: что-де о семь скажутъ, какъ-де сіе примется, какъ разсудятъ; и по симъ отношеніямъ болѣе дѣйствуютъ, нежели на основаніи самаго существа дѣла. Повѣрьте, подъ клобуками болѣе политики, чѣмъ подъ пштыми придворными кафтанами. Жаль, что отчетъ нашъ выйдетъ два мѣсяца спустя послѣ генеральнаго собранія. Въ-новѣ и свѣженькое всегда для всѣхъ пріятіе. Теперь и въ городѣ перестали уже говорить о нашемъ собраніи, а по отъѣздѣ почтеннаго нашего друга Пинкертона и я мало слышу о библейскомъ дѣлѣ. Бывшій послѣ сего комитетъ, какъ мнѣ сказывали, ни по чему не замѣчательнъ. Въ немъ ничего серьезнаго не трактовано и ничего не положено. Я въ немъ не былъ, бывъ удержанъ недосугомъ, часто встрѣчающимся мнѣ по службѣ. Сегодня получилъ завынную грамоту на завтрашній день, и, если живъ буду — поѣду. Присланные отъ васъ счеты и книжки о цѣли я всѣ отправилъ въ губерніи, изъ коихъ ко мнѣ были присланы деньги. Болѣе нужды въ нихъ не имѣю. Когда выйдетъ новый вашъ отчетъ за 1813 годъ, пришлите мнѣ онаго экземпляровъ 200. Я употреблю ихъ съ пользою, независимо отъ комитета.

Побѣгъ Наполеона и здѣсь нѣкоторыхъ тревожить, но большая часть негодуетъ на то, что онъ, какъ говорятъ: не праведно пощажень,

по неумѣстной какой-то филантропіи. Это мнѣніе большей части, которыя во всѣхъ происшествіяхъ въ мірѣ — видятъ одни слѣдствія человѣческихъ соображеній. Мое же собственное—совершенно согласно съ вашимъ,—что видно сіе дѣлается по планамъ свыше. Не только люди послѣ бѣдствій 12-го года не сдѣлались лучшими, но вообще замѣтно, что пороки, роскошь и разсѣянность умножились. Въ Москвѣ такъ безумствуютъ, что и до нашествія французовъ того не дѣлали. Веселятся, какъ бы то ни было и чего бы то ни стоило,—вотъ цѣль, которой всякій домогается. Слышно, что такъ и вездѣ...

2.

28-го іюля 1818 года, С. Спасское.

...Расположеніе князя (А. Н. Голицына) употребить меня въ званіе директора одного изъ департаментовъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія приѣмлю съ искреннѣйшею благодарностію, охотно желаю заступитъ оное и почитаю какъ мѣсто сіе, такъ и предложеніе князя потому болѣе для себя драгоценнѣйшимъ, что избраніе, коего князь удостоиваетъ меня, основано на довѣрїи къ христіанскимъ монимъ правиламъ, которыя, конечно, сохранять всегда я старался и сохранить желаю во всю жизнь мою, ибо, предавъ себя и принадлежа Спасителю моему, весь безъ всякаго исключенія, ничего не ищущи и ничего не желаю, какъ того только, чтобы и слова и дѣла мои показывали не устную, а сердечную мою въ Него вѣру, безпредѣльную къ Нему преданность и вѣрность, которыя, при всеї немощи плоти, не откажусь, кажется, если благодать Его поддержитъ меня, запечатлѣть и самымъ пролитіемъ моей крови. И вы не обольстили князя, засвидѣтельствовавъ предъ нимъ, что знаете во мнѣ истинно вѣрующаго во всѣ евангельскія истины и ищущаго по нимъ жить и поступать. Въ семь случаевъ вы поступили какъ христіанинъ. Засимъ скажу, что довѣренность къ христіанскимъ правиламъ и князя была единственнымъ побужденіемъ, по которому искалъ и я вначалѣ сдѣлаться извѣстнымъ его сїятельству, а впоследствии изъяснилъ желаніе и служить подъ его начальствомъ—ибо бывъ лишень мѣста помощника почтъ - директора, оставаясь въ самомъ стѣсненномъ положеніи — и тогда не искалъ я мѣсть, представляющихъ лестные виды для корыстныхъ покушеній. А потому по сердечному влеченію желаю занять при князя мѣсто директора и быть сотрудникомъ вашимъ, почтеннѣйшій другъ мой, если только нижеслѣдующее объясненіе не признано будетъ помѣхою тому.

Князь желаетъ знать, не принадлежу ли я къ какому-либо тайному обществу франкъ-масоновъ, ибо принадлежность такому сообществу на-

лагаеть узы неизвѣстныхъ нѣкихъ обязательствъ, связывая чловѣка ужаснѣйшими клятвами повиновенія, неизвѣстными постороннимъ начальникамъ, не можетъ имѣть полного къ себѣ довѣрія въ такой должности какова директорская, гдѣ оное нужно неограниченное, и что князь, имѣя уваженіе къ ясности характера моего, поручилъ вамъ спросить меня, членъ ли я такого общества или нѣтъ? Взаимное уваженіе къ христіанскимъ правиламъ князя и вашимъ, другъ любезнѣйшій, заставляеть меня говорить со всею откровенностію. Итакъ, вотъ моя исповѣдь:

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ бытность мою въ чужихъ краяхъ, я имѣлъ знакомство съ масонами и пожелалъ вступить въ общество сіе потому единственно, что самые почтеннѣйшіе люди истинно христіанскихъ расположеній находились въ числѣ членовъ онаго. По возвращеніи въ Россію все знакомство мое по масонству ограничивалось покойнымъ А. А. Ленивцовымъ, умирающимъ старикомъ Новиковымъ и Александромъ Ѳедоровичемъ Лабзинымъ, съ которыми съ дѣтскихъ лѣтъ знакомство и связь моя основана на тѣсной дружбѣ, имѣющей христіанство основаніемъ. Итакъ, я масонъ какъ и многіе другіе, но ни въ чужихъ краяхъ, ни въ Россіи не былъ и не есть дѣйствительнымъ членомъ такого-то или такого общества, и кажется по зрѣломъ обдуманіи сего дѣла едва ли какое соучастіе и приму когда въ бесплодныхъ занятіяхъ людей, называющихся симъ именемъ, какъ, впрочемъ, правила масонства ни уважаю со стороны цѣли нравственнаго усовершенствованія и привлеченія къ христіанству, которая была единственною мечтою извѣстныхъ и вышепоименованныхъ людей. По возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ, я посѣщалъ бывшіе у А. Ѳ. Лабзина собранія, но кромѣ оныхъ ни въ одной изъ петербургскихъ и московскихъ ложъ не бывалъ и не буду, ибо почитаю и дѣйствователей и дѣйствія ихъ кукульною игрою; тѣхъ же, которые приѣмляютъ на себя учительскій санъ, почитаю, по словамъ апостола, учителями, «всегда учащими и николи же въ разумъ истины придти могущими». Я вступалъ въ масонство, ища болѣе удостовѣренія въ высокихъ таинствахъ христіанства, въ ученіи его, напелъ руководство къ тому, но въ учителяхъ—худыхъ руководителей, а потому и отклонялся постоянно отъ всѣхъ предложеній и приглашеній какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ и никакихъ ложъ и собраній не посѣщаю. Итакъ, я масонъ—но не принадлежу ни къ одному изъ существующихъ обществъ и никакихъ начальниковъ ни въ Москвѣ, ни Петербургѣ надъ собою не знаю и связанъ одною только святѣйшею съ Спасителемъ моимъ клятвою, данною при крещеніи, въ силу которой отрекся отъ сатаны, всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его. Повинованіемъ же обязанъ Господу моему единому, закону Его и истинному руководству того руководителя, котораго Онъ мнѣ укажетъ и который вести

меня будетъ къ Нему, а не къ своимъ, какъ говорятъ нѣмцы, Kätzegeißen. Итакъ, на сей счетъ князь можетъ быть удостовѣренъ, что присягу, данную мною при вступленіи въ службу во имя Господа моего предъ св. словами и крестомъ Его, я не менѣе считаю обязательствомъ, данныхъ при вступленіи въ масонство. А такъ какъ нынѣ я по имени только принадлежу къ сему сословію, ни съ какимъ же обществомъ въ связи непосредственной не состою, то и носимое мною имя помѣхоу къ вѣрному отправленію должности директора, кажется, помѣшать не можетъ. Повторяю, что знакомство и связи по масонству въ Петербургѣ имѣю съ однимъ А. Ѳ. Лабзинымъ, впрочемъ, и онъ не можетъ оставаться на меня въ неудовольствіи, если бы я отказался посѣщать его собранія, буде имѣеть оныя. Вступя въ должность государственную не могу уже своевольно располагать собою.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, искреннѣйшее и чистосердечное по совѣсти объясненіе моихъ понятій о масонствѣ и отвѣтъ на вопросъ вашъ, на который одно уваженіе и довѣренность къ князю, желаніе подтвердить доброе его на счетъ мой мнѣніе, и дружба ваша могли подвинуть меня. Впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ прошу васъ по прочтеніи письма сего, содержаніе котораго не можетъ быть для князя тайною, сжечь оное.

Прошу васъ, почтенный другъ, разрѣшить меня безъ потери времени. Мнѣ безъ службы невозможно обойтись, и если бы князь нашелъ почему-либо неудобство къ опредѣленію меня подъ его начальствомъ, я буду просить Господа, чтобъ указалъ мнѣ то, которое ему опредѣлитъ мнѣ угодно. Мѣсто директора при князѣ потому для меня лестнѣе многихъ другихъ, что доставитъ мнѣ случай и ему сдѣлаться болѣе извѣстнымъ, а притомъ уничтожатся и тѣ сомнѣнія, какія онъ на счетъ мой въ отношеніи къ масонству имѣть можетъ. Смѣло увѣрить его можете, что ничего безсовѣстнаго, корыстнаго и противнаго ученію евангельскому не сдѣлаю, если Господь поддержитъ рукою Своею.





Время Императора Павла I.

(Рескрипты, письма и замѣтки).

Императоръ Павелъ I, король Людовикъ XVIII и французъ Фонбрюнь.— О пребываніи въ Россіи послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго.— Къ біографіи генералиссимуса Князя А. В. Суворова-Рымникскаго.

I.

Императоръ Павелъ I, Король Людовикъ XVIII и французъ Фонбрюнь.

Письмо короля Людовика XVIII императору Павлу I.

27 декабря 1796 года изъ Бланкенбурга ¹⁾).

Всемилоствѣннѣйшій Братъ! Исполняю долгъ справедливости и благоговѣнія къ памяти короля моего брата, обращая къ милости вашего императорскаго величества господина Фонбрюна (de-Fontbrune) и указывая вамъ его заслуги. Король, мой братъ, лишенный свободы 6-го октября 1789 года, рѣшился, предвидя заранѣе пагубныя для себя послѣдствія своего заключенія, передать въ руки короля испанскаго формальный протестъ, который бы могъ отвратить отъ него эти послѣдствія.

¹⁾ Бланкенбургъ—городокъ въ герцогствѣ Брауншвейгскомъ у подножія Гарца, имѣетъ около 3.750 жителей, славится красивымъ мѣстомъ и прекраснымъ замкомъ, въ которомъ проживалъ Людовикъ XVIII въ 1796—1798 годахъ.

Довѣріе, внушенное г. Фонбрюномъ добросовѣстнымъ исполненіемъ многихъ, неоднократно возлагавшихся на него тайныхъ порученій, побудило короля поручить Фонбрюну и это новое и вмѣстѣ съ тѣмъ почетное и опасное порученіе. Г. Фонбрюнъ исполнилъ его прекрасно, и его величество король испанскій и его супруга чрезъ графа Флорида Бланка завѣрили его, что если король и королева Франціи не въ состояніи будутъ его вознаградить, то они обязуются это сдѣлать сами. Въ минувшемъ году г. Фонбрюнъ ѣздилъ въ Испанію для осуществленія даннаго ему обѣщанія, причемъ я самъ обращалъ на него вниманіе короля и королевы испанскихъ, которые дали мнѣ удовлетворительные отвѣты. Но послѣ девятимѣсячнаго своего пребыванія въ Испаніи Фонбрюнъ рѣшительно ничего не получилъ и возвратился сюда съ просьбою рекомендовать его ея императорскому величеству, выразившей желаніе считать меня какъ бы своимъ сыномъ. Но это было уже слишкомъ поздно. Унаслѣдовавъ ея имперію и ея глубокія воззрѣнія, ваше величество, если мнѣ позволено такъ выразиться, въ то же время унаслѣдовали мое къ ней довѣріе и это послѣднее не дозволяетъ мнѣ колебаться, намѣреваясь обратить вниманіе вашего величества на вѣрнаго подданнаго, который съ опасностью жизни оказалъ чрезвычайно важную услугу моему несчастному брату, не получилъ за это никакого вознагражденія и не можетъ быть теперь вознагражденъ мною ничѣмъ къ величайшему моему сожалѣнію.

Прошу ваше величество быть увѣреннымъ и проч. Людовикъ ХVIII.

Отвѣтнаго письма на это императора Павла, хотя бы и въ черновомъ видѣ, въ дѣлѣ не имѣется, но изъ дальнѣйшаго изложеніе можно заключить, что императоръ Павелъ повидимому обратилъ благосклонное свое вниманіе на Фонбрюна, такъ какъ сей послѣдній получилъ отъ петербургскаго двора особую инструкцію и былъ отправленъ въ Парижъ къ нашему повѣренному въ дѣлахъ Симолину при письмѣ князя Безбородко отъ 9 (20) марта 1797 года ¹⁾.

Инструкція, данная Фонбрюну 10 марта 1797 года въ Петербургѣ, заключалась въ главныхъ чертахъ въ слѣдующемъ:

¹⁾ Письмо это было слѣдующаго содержанія:

„Предъявитель сего письма—одинъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ и старѣйшихъ слугъ его величества короля Франціи. По приказанію его императорскаго величества рекомендую его въ особенности вашему превосходительству и прошу васъ отъ моего имени оказывать ему всѣ зависящія отъ васъ услуги, а также и вашу помощь и содѣйствіе во всѣхъ случаяхъ, когда оны къ вамъ обратятся, находясь почему либо въ какомъ либо затруднительномъ положеніи, изъ котораго вы будете имѣть возможность его выручить или предохранить вашимъ покровительствомъ—что очень легко можетъ случиться съ каждымъ благонамѣреннымъ французомъ. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи.

Въ началѣ инструкціи высказывалось, что предъявленные Фонбрюномъ многія доказательства его преданности и способности, обнаруженные имъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, списали ему въ настоящее время покровительство нашего августѣйшаго монарха, который одинъ можетъ въ настоящее время спасти Европу и полагаетъ, что пресѣченіе источниковъ столь великихъ бѣдствій не могли быть произведены внѣшними усиліями и потому необходимо искать ихъ среди самой Франціи. Вся Франція жаждетъ мира. Директорія одна желаетъ попрежнему вести войну, чтобы продолжать свое господство и отдалить минуту страшной своей отвѣтственности. Самое вѣрное средство къ тому, чтобы испровергнуть директорію или побудить ее искать себѣ спасенія въ соглашеніи, которое можетъ быть принято всѣми партіями, заключается въ возбужденіи противъ этихъ преступныхъ обладателей народнаго всемогущества всѣхъ тѣхъ, которые жалуются на допускаемыя ими злоупотребленія, а также всѣхъ честолюбцевъ, алчущихъ, въ свою очередь, овладѣть властью, и тѣхъ новыхъ членовъ законодательнаго собранія, которые прибываютъ изъ провинціи, вѣроятно съ менѣе развращенными понятіями. Но это возбужденіе противъ директоріи должно развиваться въ тайнѣ и съ осторожностію, чтобы имѣть возможность впоследствии вступить въ переговоры съ нею, коль скоро члены ея, устрашенные возбужденіемъ умовъ, пожелаютъ обезпечить себѣ безнаказанность путемъ тайныхъ переговоровъ. Г. Фонбрюнъ долженъ доставить точныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи, которыя могли бы служить для дальнѣйшихъ по сему предмету мѣропріятій. Въ видахъ этого г. Фонбрюнъ прежде всего отправится къ его величеству королю Франціи съ письмомъ отъ его императорскаго величества и передастъ ему все, что будетъ словесно приказано въ отношеніи всѣхъ мѣръ, которыя могутъ быть приняты, руководствуясь исключительно наиболѣе дѣйствительными выгодами.

Послѣ этого г. Фонбрюнъ отправится въ армію принца Конде и, пользуясь покровительствомъ сего принца, столь достойнаго такого славнаго имени, получить отъ него всѣ доставленныя ему свѣдѣнія о положеніи дѣлъ какъ на границахъ, такъ и внутри королевства, гдѣ его образъ дѣйствій снискалъ ему столько поклонниковъ и приверженцевъ.

Затѣмъ Фонбрюнъ отправится въ Швейцарію и посѣтитъ виконтессу Лаваль, которую онъ знаетъ съ давнихъ поръ. Ея увлеченія, ея страсть къ интригамъ и ея связи съ епископомъ д'Отэнъ (т. е. съ Талейраномъ) дадутъ полную возможность вывѣдать мысли и стремленія сего епископа и его приверженцевъ, не опасаясь подвергнуться непріятностямъ. Г. Фонбрюнъ получать особое письмо къ епископу д'Отэнъ отъ лица, бывшаго нѣкогда его другомъ, но несмотря на са-

мое осторожное изложеніе этого письма онъ воспользуется имъ, не прежде, какъ удостовѣрившись предварительно въ томъ, какъ это письмо будетъ принято г. епископомъ.

Г. Фонбрюнъ получитъ также еще другое письмо къ г. Сесвалю (Saisseval) человѣку доброму, на котораго можно положиться по другимъ особымъ причинамъ и который, имѣя вліяніе на многихъ могущественныхъ лицъ, можетъ оказаться весьма полезнымъ при исполненіи возлагаемаго на Фонбрюна порученія.

Равнымъ образомъ Фонбрюнъ найдетъ въ Бернѣ г. Имбера, прежняго мэра города Лиона, и будетъ стараться повидаться съ г. Бартеlemi, который, увлеченный своимъ честолюбіемъ и большою слабостью, восторгался установившимся порядкомъ, при которомъ онъ былъ сдѣланъ посланникомъ. Впрочемъ онъ человѣкъ не злой по преимуществу и скорбѣлъ отъ ужасовъ, противъ которыхъ не имѣлъ мужества высказаться.

Г. Фонбрюнъ сверхъ того воспользуется для своего дѣла всѣми лицами, съ которыми онъ сохранилъ хорошія отношенія и которыхъ нѣтъ надобности подробно именовать. Онъ будетъ переписываться съ графомъ Шуазель Гуффье посредствомъ особаго шифра, даннаго ему на этотъ предметъ.

О томъ, что сдѣлалъ Фонбрюнъ—у насъ свѣдѣній не имѣется, но объ этомъ можно заключать изъ бумагъ самого Фонбрюна. Онъ не упоминаетъ нигдѣ о достигнутыхъ имъ результатахъ, и послѣ продолжительнаго молчанія только въ 1810 году счелъ возможнымъ обратиться съ особымъ письмомъ къ вдовствующей въ то время императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

Вотъ что писалъ онъ 29 іюня (10 іюля) 1810 года:

«Благосклонность, оказываемая вашимъ императорскимъ величествомъ всѣмъ, которые не являются ея недостойными, быть можетъ приведетъ вамъ на память, что при вступленіи на престолъ императора Павла, король Франціи прислалъ меня въ Петербургъ для поднесенія ему поздравленій, тѣмъ болѣе искреннихъ, что они исходили отъ угнетеннаго къ его защитнику.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ отъ короля Франціи къ его величеству конфиденціальное письмо, которое въ свое время позволилъ себѣ прельявить и вашему величеству при посредствѣ барона Николаи.

«Его величеству угодно было возложить на меня порученіе столь же опасное какъ и нѣкогда данное мнѣ королемъ Франціи, за которое Людовикъ XVIII ходатайствовалъ о моемъ вознагражденіи. Это ходатайство короля осталось безъ послѣдствій вѣроятно по нерѣшительности графа Шуазель-Гуффье.

«Я безъ ропота подчинился этому. Но изъ прилагаемой при семъ записки ваше величество усмотрите, что я при исполненіи этого порученія потерялъ три тысячи червонцевъ. Ласкаю себя надеждою, что ваше величество не откажете въ своемъ содѣйствіи предъ вашимъ августѣйшимъ сыномъ о возвратѣ мнѣ этой суммы, съ слѣдующими на нее процентами за четырнадцать лѣтъ».

Въ приложенной особой докладной запискѣ Фонбрюнъ упоминаетъ, что, прибывъ въ Петербургъ, онъ получилъ по приказанію императора тысячу червонцевъ (ducats) за поднесенныя имъ поздравленія о вступленіи его на престолъ. Затѣмъ, за два дня до отъѣзда императора на коронаваніе въ Москву, онъ получилъ инструкцію (выше нами приведенную) для исполненія возложеннаго на него порученія; а также шифръ для переписки и особый паспортъ, гдѣ онъ былъ означенъ подъ вымышленною русскою фамиліею, а также нѣсколько рекомендательныхъ писемъ князя Безбородко къ разнымъ представителямъ Россіи въ разныхъ государствахъ, въ томъ числѣ и къ Симолину, которыми однако Фонбрюнъ не воспользовался. Давая ему 1-го марта словесныя порученія князь Безбородко заявилъ, что за исполненіе возлагаемаго порученія Фонбрюнъ получить награду, которая нисколько не будетъ вліять на его справедливое вознагражденіе за услугу, оказанную ранѣе королю Франціи.

По совѣту Шуазеля онъ на другой день отправился въ путь, вручилъ въ Бланкенбургѣ письмо императора Павла I королю Людовику XVIII, а затѣмъ поѣхалъ къ принцу Кондэ и Швейцарію, откуда поѣхалъ въ Парижъ, а затѣмъ въ Миланъ, чтобы разузнать образъ мыслей французскаго генерала, командовавшаго войсками въ Италіи. Въ то же время онъ направилъ нѣсколько лицъ на югъ Франціи, чтобы развѣдать о настроеніи жителей (все это Фонбрюнъ дѣлалъ на свои деньги). О всемъ имъ замѣченномъ онъ сообщалъ Шуазель-Гуффье, представляя ему и о необходимости денежныхъ средствъ для дальнѣйшихъ болѣе успѣшныхъ дѣйствій. Но Шуазель не только не высылалъ денегъ, но и не давалъ никакого отвѣта. Истощивъ собственныя средства, какія онъ имѣлъ, Фонбрюнъ уѣхалъ изъ Швейцаріи 19-го (30-го) октября 1797 года въ Гамбургъ къ барону Гримму, которому представилъ всѣ собранныя имъ свѣдѣнія, а также заявилъ о своемъ затруднительномъ положеніи. Отъ барона Гримма онъ также тщетно ожидалъ какого либо отвѣта на всѣ его представленія. Ему не трудно доказать, что онъ израсходовалъ за счетъ русскаго императора болѣе трехъ тысячъ червонцевъ, и надѣется, что императоръ по свойственной ему щедрости возвратитъ ему эту сумму.

По словамъ Фонбрюна сумма эта съ процентами за 14-ть лѣтъ составитъ капиталъ, съ котораго онъ, имѣя отъ роду 56 лѣтъ, могъ бы

получить ежегодно ренту въ 600 червонцевъ, чего было бы вполне достаточно для его спокойнаго существованія. Безъ сомнѣнія, государь императоръ не пожелаетъ его лишить этого единственнаго источника существованія, тѣмъ болѣе что самъ Людовикъ XVIII ходатайствовалъ о вознагражденіи его за услуги, оказанныя имъ его несчастному брату. Необходимо предположить, говоритъ Фонбрюнъ, что онъ былъ забытъ единственно по винѣ посланника Шаузеля-Гуффье, который вѣроятно считалъ его тайнымъ агентомъ, а быть можетъ даже и простымъ шпиономъ, не заслуживающимъ никакого вниманія. Подобное предположеніе доказывается тѣмъ, что по отъѣздѣ Фонбрюна князь Безбородко призвалъ маркиза де-ла-Фертэ и подробно разспрашивалъ его о личности Фонбрюна и его нравственныхъ качествахъ. Многіе полагаютъ, что Шуазель, дискредитируя Фонбрюна, тѣмъ не менѣе получилъ отъ петербургскаго кабинета фонды, необходимыя для его поѣздки, и не передалъ ихъ Фонбрюну; послѣдующее поведеніе Шуазеля даетъ основаніе придавать вѣру подобному предположенію. Все вышеизложенное желательно было бы довести до свѣдѣнія императора Александра I, чтобы склонить его къ справедливому вознагражденію Фонбрюна или назначенію ему пенсіи соотвѣтственной его услугамъ.

Получилъ ли Фонбрюнъ столь желаемыя имъ три тысячи червонцевъ съ процентами за четырнадцать лѣтъ — намъ неизвѣстно.

Собшилъ П. М. Майновъ.

II.

О пребываніи въ Россіи послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа Понятовскаго (1796—1798).

По смерти польскаго короля Августа III, благодаря сильному вліянію императрицы Екатерины II, былъ единодушно избранъ, 7-го сентября 1764 года, на сеймѣ въ короли Польши сынъ графа Станислава Понятовскаго, послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ, короновавшійся въ Варшавѣ въ томъ же 1764 г. Когда послѣдовалъ раздѣлъ Польши, и Варшава, въ виду противорѣчія короля этому раздѣлу, была занята Суворовымъ, Станиславъ-Августъ переселился въ Гродно, гдѣ и подписалъ 25-го ноября 1795 г. условія третьяго раздѣла, причесъ отказался и отъ престола; по кончинѣ же императрицы Екатерины II, былъ приглашенъ императоромъ Павломъ I пріѣхать на жительство въ Петербургъ и присутствовать затѣмъ и при коронованіи его величества въ Москвѣ.

По поводу прибытія его въ Россію, генераль-фельдмаршалъ князь Репнинъ 30-го декабря 1796 г. сообщилъ курляндскому губернатору Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену, что «его величество король польскій поѣдетъ въ теченіе февраля мѣсяца въ Петербургъ, чтобы были приняты мѣры для нужныхъ его величеству 150 лошадей и для приготовленія пристойныхъ ему и его свитѣ квартиръ, и что принимать его должно по земской части со всѣмъ уваженіемъ, принадлежащимъ чужестранному государю и коронованной главѣ; что-же относится до военной, то поступать слѣдуетъ по высочайшему его императорскаго величества уставу». При этомъ Репнинъ приложилъ и выписку изъ устава такого содержанія: при проѣздѣ сквозь крѣпости коронованной главы, если оной угодно будетъ, стрѣлять изъ одиннадцати пушекъ, бить походы, офицерамъ салютовать и ставить двухъ гренадеръ къ ея дому. Прочимъ же особамъ государскимъ иностранныхъ фамилій отдавать честь по ихъ чину, если оныя въ службѣ, а если не въ службѣ, то чести не отдавать, а ставить гренадера на часы къ ихъ дому ¹⁾).

4-го января 1797 года генераль-лейтенантъ графъ И. А. Безбородко, назначенный для препровожденія короля изъ Гродно въ Петербургъ,— писалъ курляндскому губернатору фонъ-деръ-Палену: «Его сіятельство господинъ генераль-фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, ордеромъ своимъ отъ 18-го декабря, ко мнѣ писать изволилъ, что по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію возложено на меня препровождать отъ Гродно до Петербурга его величество короля польскаго и въ проѣздъ его имѣть всякое попеченіе о выгудѣ, спокойствіи и безостановочномъ путешествіи. Его сіятельство предписываетъ мнѣ, какъ скоро назначить отъѣздъ его величество, то отнестись мнѣ о томъ къ вашему превосходительству и прочимъ гг. губернаторамъ. Вслѣдствіе чего честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что король, раздѣливъ свиту и экипажъ свой на двѣ части, полагая подъ каждую часть для своего экипажа и свиты сто пятьдесятъ лошадей, съ первой частію самъ его величество изволилъ выѣзжать непремѣнно 4-го февраля вставъ рано, а вторая часть свиты выступить 5-го числа и будетъ слѣдовать какъ по маршруту означено такимъ образомъ, что всегда будетъ однимъ днемъ позже переѣзжать тѣ же станціи и имѣть тамъ ночлеги, гдѣ первая съ его величествомъ слѣдовала. По проѣздѣ второй партіи, не нужны уже тогда будутъ лошади, коимъ необходимо должно возвращаться по приѣздѣ перваго транспорта на станціи прежнія, дабы имѣть время отдохнуть лошадямъ и быть въ состояніи поднять второй транспортъ. Какъ за первый, такъ и за второй транспорты, будутъ за каждый платимы прогоны находящимися свиты королевской полковниками: при

¹⁾ Дѣло „Курлянд. архива“ 1797 г. № 7.

первомъ,—Вицкимъ, а при второмъ—Киркоромъ. Сверхъ же 150 лошадей, кои для одного только короля и свиты его въ каждомъ транспортѣ употреблены будутъ и за кои, какъ я сказалъ, будутъ отъ каждаго транспорта платимы прогоны, необходимо потребно для меня. для канцеляріи моея, казны у меня находящейся и для штабъ и оберъ-офицеровъ нашихъ, въ свитѣ при королѣ состоящихъ, 30 лошадей, за кои будутъ платимы прогоны отъ казначея, при мнѣ находящагося, поручика Розенбаума, по приказанію главнокомандующаго, изъ суммы мнѣ на то опредѣленной. Посему необходимымъ считаю представить вашему превосходительству и просить, что на каждой станціи потребно лошадей всего числомъ сто восемьдесятъ, дабы не имѣть остановки.

«По какимъ же мѣстамъ слѣдовать изволить его величество и гдѣ будетъ имѣть ночлеги, изъ сего маршрута ¹⁾ изволите усмотрѣть ваше превосходительство; тутъ же представляю вамъ и списокъ о числѣ свиты при королѣ находящейся ²⁾).

«Желаніе его величества имѣть путешествіе сіе такимъ образомъ, чтобъ выѣхать весьма рано и, не останавливаясь во весь день, поспѣшно слѣдовать, имѣть въ одно время поздній обѣдъ тамъ, гдѣ ночлегъ назначенъ.

«Необходимо достанется ночлегъ короля въ Митавѣ и другой въ Ригѣ, тутъ конечно замѣнены будутъ всѣ тѣ невыгоды другихъ ночлеговъ, коихъ трудно избѣжать по дорогѣ, а паче по Виленской губерніи, гдѣ не вездѣ есть выгодные дома.

«Его сіятельство князь Николай Васильевичъ (Репнинъ), препоручилъ мнѣ имѣть вниманіе, дабы всякое пристойное уваженіе и почести были вездѣ воздаваемы особѣ его величества, кромѣ пушечной пальбы въ городахъ и собиранія войска въ строй, о чемъ сообщено не чинить вгдѣ; почему поставляю за долгъ объясниться вашему превосходитель-

¹⁾ Маршрута при дѣлѣ не оказалось.

²⁾ Свиту короля составляли: графъ Мнишекъ, графиня Мнишекъ, дочь; графа Мнишка, князь Іосифъ Понятовскій и при немъ два (человѣка) изъ его свиты. Адъютанты: Цицковскій, Гордонъ, Киркоръ, Бышевскій, полковникъ Вицкій. Шамбеланы: Трембецкій, Вольскій, докторъ Беклеръ, духовникъ Юревичъ, полковникъ Михаилъ Грабовскій, малтійскій кавалеръ Станиславъ Грабовскій. Лѣкаря: Гензельманъ, Ауспенгеръ, Взицицкій. Секретари: Пузива, Антоновъ Понятовскій, Караевъ, Бачариелли, Коханскій. Староста Риксъ. Камердинеры: Брюнетъ, Руссо, Коніаръ дантистъ. Подвоюшіе: Кавецкій, Аксамитовскій. Пажі: Яблонскій, Скорульскій, Буховецкій. Метръ-д'отели: Тремо, Шницъ съ ними 20 человѣкъ принадлежащихъ до кухни. Портмооекъ шесть. Кондитеръ и при немъ 4 человѣка. Келлермейстеръ и съ нимъ 4 человѣка. Два фротера За казначея Швендревскій.

Впослѣдствіи Безбородко написалъ Палену, что къ списку лицъ свиты прибавляется только „родная его величества племянница графиня Тышкевичъ, которой если однакожъ еще здоровье позволить“.

ству слѣдующимъ касательно встрѣчи его величества: гдѣ есть конныя войска, а паче казаки, нахожу весьма нужнымъ конвоировать его двѣнадцатю человеками по крайней мѣрѣ отъ станціи до станціи, при офицерѣ или старшинѣ. Я писалъ о семъ командующему войсками въ Литвѣ, г. генераль-лейтенанту графу Румянцеву, равно и ваше превосходительство въ томъ прошу; также и о караулѣ для его величества, наиболѣе же на ночлегахъ нахожу нужнымъ, чтобы оный отъ ближайшихъ командъ поставленъ былъ.

«Караулъ у его величества всегда состоялъ здѣсь въ полной ротѣ со знаменемъ и музыкою; но какъ въ иныхъ мѣстахъ, а паче селеніяхъ, по отдаленіи оттуда войскъ не можно того имѣть, то тамъ по крайней мѣрѣ нужно было бы, чтобъ при офицерѣ шестьдесятъ человекъ было онаго. Касательно же до почестей по земской части, такъ равно во время проѣзда короля чрезъ уѣздные города и во время прибытія въ Митаву, сіе остается все въ расположеніи вашего превосходительства учинить какъ вамъ угодно будетъ».

23-го января, графъ Безбородко сообщилъ фонъ-деръ-Палену, что относительно встрѣчъ, «король прилежно просить, дабы какъ въ Митавѣ, такъ и вездѣ во время его проѣзда, не были оныя чинимы; и стороною узнавши о намѣреніи вашемъ съ дворянствомъ встрѣтить его на границѣ, меня о семъ просилъ, чтобы вы и дворянство не беспокоились, не менѣе того и о караулахъ тоже просить, развѣ только малое число онаго».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Понятовскій прожилъ въ немъ около года и 1-го февраля 1798 г. скончался. О погребеніи его состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«Нашимъ генераль-лейтенанту графу Безбородко и дѣйствительному статскому совѣтнику Карадькину.

«По случаю кончины его величества короля польскаго, повелѣваемъ учредить подъ вѣдѣніемъ вашимъ печальную комиссію для распоряженія всего нужнаго къ погребенію тѣла его величества съ подобающею честію, по сношенію вашему съ нашимъ оберъ-церемоніймейстеромъ, который сообщитъ вамъ церемоніаль, нами утвержденный. Объ отпускѣ же вамъ на разныя надобности потребныхъ суммъ, повелѣли мы нашему государственному казначею указомъ, въ копіи у сего прилагаемымъ; а относительно чиновъ, нужныхъ какъ для письменныхъ дѣлъ, такъ и другихъ надобностей, имѣете вы истребовать оныхъ, силою сего, отъ нашего канцлера князя Безбородко, генераль-прокурора князя Куракина и правящаго кабинетомъ, по лучшей удобности».

Вслѣдъ за тѣмъ 11-го апрѣля 1798 года, послѣдовалъ слѣдующій высочайшій указъ:

«Нашимъ канцлеру князю Безбородко, и дѣйствительнымъ тайнымъ

совѣтникамъ генераль-прокурору князю Куракину и государственному казначею барону Васильеву.

«По кончинѣ покойнаго короля польскаго, нашли мы сходственнымъ съ челоуѣколюбіемъ нашимъ призрѣть оставшихся послѣ него разныхъ чиновъ и служителей, которые все содержаніе свое отъ него заимствовали. Предполагая, что союзники наши: ихъ величества императоръ римскій и король прусскій, участвовавшіе въ раздѣлѣ бывшихъ польскихъ земель, по сродному имъ великодушію, не отрекутся раздѣлить съ нами и таковыя же въ пользу сихъ соболѣзнованія достойныхъ людей распоряженія, разсмотрѣли мы списки всѣмъ покойному королю принадлежавшимъ, и, назначивъ каждому по мѣрѣ службы его единовременную дачу, произведеніе того въ дѣйство препоручаетъ вамъ на слѣдующемъ основаніи. Первое, сверхъ отпущенныхъ по первое мая сего года изъ назначенныхъ по конвенціи между тремя дворами на содержаніе покойнаго короля ежегодно по двѣсти тысячъ червонныхъ, ассигновать изъ казначейства нашего на настоящій яко траурный годъ всю сумму, которая до истеченія онаго, то есть до 1-го января 1799 года слѣдуетъ. Второе, изъ оной отпустить по приложенному при семъ списку, нами утвержденному, означенные единовременно деньги каждому съ роспискою, всего тридцать восемь тысячъ семьсотъ двадцать семь червонныхъ, а тѣмъ, кои находятся въ Варшавѣ доставить надлежащимъ переводомъ для раздачи чрезъ комиссаровъ нашихъ въ помянутомъ городѣ тайнаго совѣтника барона Аша и канцеляріи совѣтника Дивова тридцать четыре тысячи девятьсотъ тридцать шесть червонныхъ. Третье, слѣдующіе на удовольствованіе королевскихъ служителей въ Варшавѣ заслуженнымъ ими жалованьемъ по день кончины его въ списокъ показанныя девять тысячъ червонныхъ—отослать къ помянутымъ барону Ашу и Дивову съ тѣмъ, чтобъ они, кому слѣдуетъ, тѣ деньги раздать приказали съ надлежащею точностію и росписками. Четвертое, остающіяся засямъ деньги обратять на уплату сдѣланныхъ покойнымъ королемъ польскимъ долговъ въ Имперіи нашей, какъ о томъ ниже сказано будетъ. Пятое, отъ наследниковъ его отобрать объясненіе, желаютъ ли они принять оставшееся послѣ него здѣсь имѣніе, съ надлежащею обязанностію отвѣчать за долги, имъ въ Россіи учиненные; въ такомъ случаѣ по описи имъ оное отдать и принять мѣры, приличныя и достаточно кредиторовъ обезпечивающія; но буде они откажутся отъ платежа долговъ, тогда истребовать, чтобъ со стороны ихъ былъ уполномоченный, въ присутствіи коего уже приступить къ продажѣ по вольной или аукціонной цѣнѣ, какъ выгоднѣе окажется, всѣхъ вещей, а затѣмъ выручаемыя, равномерно и остающіяся отъ раздачи деньги, употребить на уплату долговъ, въ приложенной при семъ росписи показанныхъ, и такихъ, которыя по вѣрнымъ доказательствамъ открытыя могутъ, поз-

воляя впрочемъ тѣмъ, кои вещи свои на кредитъ покойному королю отдали, получить оныя вмѣсто денегъ обратно. Шестое, но буде всѣхъ остающихся и за вещи выручаемыхъ денегъ окажется въ сравненіи здѣшнихъ долговъ недостаточно, тогда уже сдѣлать распоряженіе къ платежу ихъ по конкурсу, стараяся все сіе исполнить безъ замедленія. Седьмое, потребныхъ для дѣла сего людей употребить можете изъ состоящихъ подъ вѣдѣніями вашими, такожъ и изъ бывшихъ при покойномъ королѣ, кои въ службу нашу вступаютъ ¹⁾, да и домъ казенный мраморный тотчасъ очистить, перенести всѣ вещи по усмотрѣнію вашему въ одинъ изъ казенныхъ домовъ, въ вѣдомствѣ вашемъ находящихся, по обѣ окончаніи всего поручаемаго вамъ донести намъ. Восьмое, сумма подъ именемъ опредѣленнаго по конвенціи покойному королю польскому содержанія, отпускаемая по 1-е января слѣдующаго 1799 года, имѣетъ быть поставлена на общій счетъ нашъ и ихъ величествъ императора римскаго и короля прусскаго, вычтя оныя изъ денегъ, кои первому по недоданнымъ субсидіямъ, а послѣднему по другимъ вамъ извѣстнымъ расчетамъ слѣдуютъ, о чемъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и поручить послу нашему въ Вѣнѣ и министру въ Берлинѣ надлежащимъ образомъ изъясниться. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонныя.

¹⁾ Въ тотъ же день, 11-го апрѣля, было повелѣно опредѣлить по ниже-слѣдующему: Первое, перваго хирурга Гензелмана—гофъ-хируромъ съ чиномъ надворнаго совѣтника и съ содержаніемъ противу прочихъ гофъ-хирурговъ дантиста Коньяра—дантистомъ при дворѣ съ окладомъ по семи сотъ по пятидесяти рублей; гѣбаря Суйцыцкаго съ окладомъ по чотыреста рублей; надзирателей при больныхъ Каморницкаго и Хмелевскаго съ жалованьемъ перваго по сту по двадцати, а послѣдняго по шестидесяти рублей, помѣста ихъ при придворномъ госпиталѣ и производя все то жалованье изъ кабинета. Второе, находившагося въ числѣ камеръ-юнкеровъ кавалера Д'Этруи, давъ чинъ надворнаго совѣтника, помѣститъ въ вѣдомствѣ господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ-прокурора князя Куракина съ жалованьемъ по восьми сотъ рублей на годъ. Третье, польскаго подполковника и лектора Брюнета съ чиномъ коллежскаго ассесора опредѣлить къ дѣламъ по способности, назнача жалованье по пяти сотъ рублей; казначея Швендровскаго съ таковымъ же коллежскаго ассесора чиномъ и съ окладомъ по семи сотъ по пятидесяти рублей на годъ оставить въ вѣдомствѣ статскаго совѣтника Фриза для дѣлъ имъ отправляемыхъ.

III.

Къ біографіи князя А. В. Суворова.

1.

Всепоподанныйшее письмо А. В. Суворова.

25-го января 1799 г. Новгородской губ., сел. Кончанскъ.

Всеавгустѣйшій Монархъ!

Всемилоствѣйшій Государь!

Въ преисполненномъ вѣрнопоподанныческаго благоговѣнія сердцѣ моемъ за всѣ истекающія на меня отъ вашего императорскаго величества высочайшія милости и послѣднюю, утверждающую раздѣлъ имѣнія моего, державъ еще пасть предъ освященнѣйшія вашего императорскаго величества стопы и просить милосердаго и правосуднаго монарха о воззрѣніи на сокрушеніе духа моего, по случаю имѣющихся на мнѣ по высочайшимъ вашего императорскаго величества прошедшаго 1797 года указамъ взысканій разныхъ суммъ, до 36.000 рублей, воспослѣдовавшихъ по частнымъ просьбамъ разныхъ лицъ, которыя утруждали ваше императорское величество по желанію себѣ неправеднаго присвоенія, а мнѣ причинили стыдъ, душу мою глубоко поражающій. Я смѣю исповѣдать предъ божественнымъ престоломъ твоего величества о некорыстолюбіи солдата и съ раболѣпнымъ подобострастіемъ повинуюся высочайшей волѣ вашего императорскаго величества, почему и выше показанныя взысканія по четыремъ указамъ иныя заплатилъ, а нѣкоторыя, и въ небольшомъ уже количествѣ, выплачиваются изъ доходовъ моихъ польскихъ деревень, которыя понинѣ состоятъ въ секвестрѣ. Привыкнувъ довольствоваться малымъ, не убытокъ, отъ сихъ взысканій происходящій, и не опасеніе оставить въ наслѣдство бѣдное послѣ меня достояніе меня тревожить, ибо, по высочайшей вашего императорскаго величества милости, потомство мое преобильно богато. Но приѣмлю сіе за гнѣвъ вашего императорскаго величества, и, ощущая въ себѣ отъ молодыхъ ногтей до послѣдняго издыханія усердіе и готовность служить честно и ревностно тебѣ, великому государю, опасаяся, дабы неблагомыслиціе не покусились на сомнѣніе о моей чести, почему, правосудный и великій монархъ, державъ упадать предъ освященнѣйшія стопы твои и просить, въ изъявленіе мнѣ высокомонаршей милости твоей, выше показанныя взысканія по сущей невинности моей, въ чемъ свидѣтель Богъ, изъ безприкладнаго милосердія твоего мнѣ простить и имѣніе мое отъ секвестра избавить. Далѣе-же объяснить вашему императорскому величеству мою справедливость дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Лопухинъ.

Воззри милостиво, всеавгустѣйшій монархъ, на сіе прошеніе мое, которое и себя повергаю ко освященнѣйшимъ столамъ вашего императорскаго величества, всеавгустѣйшій монархъ, всеподданнѣйшій графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

2.

Письмо Суворова генераль-прокурору Лопухину.

25-го января 1799 года.

Милостивый государь мой, князь Петръ Васильевич!

Съ особливимъ удовольствіемъ имѣю честь поздравить ваше сіятельство съ высочайшею милостію и благоволеніемъ великаго государя императора нашего, какъ достойная награда похвальныхъ трудовъ и подвиговъ благотворенія, истекающихъ отъ благодѣтельной души вашей. Я, препровождая здѣсь дни мои въ непорочности христіанской жизни, ласково живу съ моими сосѣдами и пользуюсь ихъ дружбою: другъ друга изрѣдка посѣщаемъ, и особливо я считалъ за грѣхъ не торжествовать у себя высочайшіе императорскіе дни. Благораствореніе лѣтнаго воздуха мои силы довольно было поправило, и я надѣялся въ теченіе сей зимы имѣть счастье принести всеподданнѣйшую мою благодарность его императорскому величеству, за оказанныя вновь мнѣ милости утверженіемъ моего имѣнія. Но какъ припадки по моимъ лѣтамъ, ранамъ и увѣчьямъ, также и не обычные многіе долги по взысканіямъ, о коихъ ниже сего подробно изъясню, меня отъ сего удерживаютъ, почему, лишаясь удовольствія и чести лично просить ваше сіятельство, приѣмлю смѣлость чрезъ сіе повторить покорнѣйшую мою просьбу тѣмъ паче, что будучи, въ крайнемъ оскуденіи и недостаткѣ по причинѣ оплачиваемыхъ мною взысканій, дерзнулъ на сей почтѣ затрудить государя императора о всемилостивѣйшемъ уничтоженіи и прощеніи сихъ на мнѣ взысканій, а ваше сіятельство прошу, какъ моего благодѣтеля, принять на себя трудъ представить его императорскому величеству мою невинность, которую изволите найти въ существѣ самыхъ дѣлъ и чинимыхъ по онимъ справкамъ, ибо воснослѣдовали на меня прошедшаго 1797 года по 4-мъ высочайшимъ указамъ взысканія, которыя все основаніе имѣютъ на частныхъ просьбахъ, по единственному поводу корыстолюбія, желающихъ беззаконнаго права воспользоваться стяжаніемъ имъ не принадлежащимъ, можетъ быть безъ надлежащаго разбирательства и справокъ. Но какъ во время быв-

шаго генераль-прокурора князя Куракина воспослѣдовали высочайшіе указы, по которымъ имѣніе мое въ Польшѣ секвестровано и уже большая часть очищена, что вашему сіятельству можетъ быть извѣстно по 4-му сената департаменту, гдѣ оное въ производствѣ, равно какъ и самое существо сихъ взысканій, совѣсть моя въ продолженіе долговременной службы чиста отъ всѣхъ поношеніевъ. А между прочимъ долгомъ почитаю доставить по претензіи подстоія Ворцеля, вновь контрактъ, препровожденный ко мнѣ за скрѣпою, изъ коего усмотрите, что претензія Ворцеля и взысканіе на мнѣ болѣе 5.000 червонныхъ, а лѣсъ проданъ за 700 червонныхъ, отчего различность между продажи и претензіи Ворцеля ощутительна, и лѣсъ проданъ г. генераль-маіоромъ Николаемъ Ивановичемъ Дивовымъ, а не мною, и ежели въ подлинно какой убытокъ претерпѣлъ г. Ворцель, то сему причиною не я, а г. Дивовъ, котораго не вопрошали, и куда оныя 700 червонныхъ поступили по продажѣ лѣсу—мнѣ неизвѣстно, а долженъ про то знать г. Дивовъ. При томъ имѣя за правило ввѣренныя мнѣ императорскія войска въ строгой содержать дисциплинѣ, прилагаю копію съ даваемыхъ мною тогда о семъ приказовъ ¹⁾.

Я надѣюсь, что ваше сіятельство изволитъ увидѣть ясно изъ всѣхъ сихъ приложеніевъ мою невинность, и что г. Ворцель, маіоръ Чернозубовъ, напрасно утруждали государя императора, единственно для корысти ихъ въ оскорбленіе моей чести. А равноѣрно и умершему полковнику Шилингу, какъ и никому, о деньгахъ я словесныхъ привязаній не давалъ и не смѣлъ, и примите на себя трудъ, въ особенное

¹⁾ При этомъ приложена копія только съ одного слѣдующаго приказа: «Генеральный приказъ! За многими предписаніями моими и отъ дежурства моего, о сохраненіи строгой дисциплины между войсками, служителями и паче о воздержаніи солдатъ отъ грабительствъ и обидъ жителямъ и другаго званія людямъ, что донинѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ, особливо въ казачьихъ, не прекращается и ежевременно доходятъ ко мнѣ жалобы о таковыхъ неурядицахъ, я съ неудовольствіемъ моимъ побуждаюсь чрезъ Сіе нане строго всѣмъ войскамъ подтвердить: 1) полковые и баталіонныя начальники обязаны, по долгу службы ея императорскаго величества, всеѣрное имѣть попеченіе, соблюдать въ трактирахъ съ обывателями спокойствіе, тишину и дружелюбіе, и отнюдь ни подъ какимъ образомъ наглыхъ притѣсненій не чинить; 2) безденежно и насильственно ничего не брать; 3) протѣжающимъ всякаго званія людямъ не токмо не подавать какихъ-либо оскорбленій, но всякое вспоможеніе дѣлать; 4) хотя и не уповаю, чтобы за симъ быть могло какое покушеніе къ обидамъ жителей и протѣжающимъ, но на всякой случай предписываю: полковымъ, ротнымъ, эскадроннымъ и другимъ командирамъ, обиженнымъ тотчасъ на мѣстѣ доставлять полное удовольствіе, а виновныхъ жестоко наказывать.

«Впрочемъ, ежели подобное дойдетъ до моего свѣдѣнія, то съ упомянутыми командирами не уцую поступить по всей строгости законовъ».

мнѣ одолженіе, все сіе по самой истинѣ и существенному разбира-тельству, ежели оное сочтется за нужно, государю императору донести и меня оправдать, и тѣмъ избавить отъ высокомонаршаго гнѣва и незаслуживаемаго мною поношенія.

Вотъ еще вашему сіятельству приказныя хлопоты. Будучи съ младыхъ ногтей моихъ военный человѣкъ и мало искусный въ гражданскихъ дѣлахъ, по желанію моему вознаградить разныхъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ во время краткаго моего въ Кобринѣ пребыванія, далъ я имъ партикулярныя письма на владѣніе деревень моихъ, и родилъ неблагодарныхъ; они выбрали часть изъ лучшихъ ключей, что дѣлаеть такожь разстройку въ контрактахъ на посессіи. А какъ при выѣздѣ моемъ изъ Кобринна подsunута мнѣ была въ моемъ домѣ, а не въ судебномъ мѣстѣ, подполковникомъ Корицкимъ протоколная книга, въ которой статью внесены были данныя имъ отъ меня партикулярныя письма; въ полномъ недоразумѣніи я подъ сею статью росписался какъ-то незаконно, то по поводу признательности актовaго регента Яна Воротинацкаго, мой тамошній пленипотентъ Красовскій подалъ объявленіе въ Кобринскій градскій судъ. Какъ я желаю оставить сыну моему имѣніе въ полномъ количествѣ, въ силу высочайшаго его императорскаго величества указа прошедшаго года октября 9-го дня ¹⁾, вашимъ сіятельствомъ ко мнѣ препровожденнаго, а крестьянъ моихъ, находящихся нынѣ въ завладѣніи упомянутыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, избавить отъ разоренія, почему и полагаю сихъ штабъ и оберъ-офицеровъ по мѣрѣ cadaго вознаградить деньгами; а ваше сіятельство всепокорнѣйше прошу испросить въ знакъ милости мнѣ высокомонаршаго на возвращеніе отъ нихъ собственныхъ моихъ деревень, незаконно ими нынѣ владѣемыхъ, благоволенія, — что приму себѣ благодареніемъ вашимъ и пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ ²⁾.

Сообщ. А. В. Безродный

¹⁾ Какъ здѣсь, такъ и въ соч. Петрушевскаго. „Генералиссимусъ Суворовъ“ (т. II стр. 403) указъ этотъ ошибочно помѣченъ 9-го октября. Въ дѣйствительности онъ подписанъ 2-го октября (см. сенатскій архивъ томъ I, стр. 445).

²⁾ Подробности тяжбныхъ дѣлъ Суворова см. сочиненіе А. Петрушевскаго, „Генералиссимусъ князь Суворовъ“, т. II стр. 392—404.—Высочайше повѣдено было не производить взысканія по претензіи Ворцеля, а предоставить ему искать убытки обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ съ тѣхъ, кто продалъ его лѣсъ.

О назначеніи кн. А. Н. Голицына управляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и А. Д. Балашова—министромъ полиціи.

*Опредѣленіе Правительствующаго Сената изъ 1-го въ 1-е отдѣленіи
5-го департамента.*

25-го ноября 1810 г.

1810 года іюля 26-го дня по именнымъ его императорскаго величества высочайшимъ указамъ, даннымъ Правительствующему Сенату сего жь іюля въ 23-й день, за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, «въ которыхъ изображено: въ 1-мъ) оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода тайному совѣтнику князю Голицыну всемилостивѣйше повелѣваемъ имѣть главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; во 2-мъ) генераль-лейтенанту Балашову всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ полиціи, оставляя его и санктпетербургскимъ военнымъ губернаторомъ до назначенія ему въ сію должность преемника». Правительствующій Сенатъ приказали: сіи высочайшія его императорскаго величества повелѣнія господамъ тайному совѣтнику князю Голицыну и генераль-лейтенанту Балашову объявить съ приведеніемъ къ присягѣ въ Сенатѣ.



Дѣла Преображенскаго Приказа въ погребѣ подѣ Благовѣщенскимъ соборомъ въ Кремлѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1798 года московскаго Благовѣщенскаго собора въ Кремлѣ ключарь священникъ Григорій Ивановъ доносилъ московской Св. Синода конторѣ слѣдующее:

«Имѣется подѣ онымъ соборомъ съ полуденной стороны погребѣ. При немъ, до опредѣленія меня въ сей соборъ, былъ гвардейскій нарочитый караулъ и входъ въ тотъ погребѣ закладенъ былъ камнями и досками. Прошедшаго же апрѣля 21-го числа усмотрѣлъ я, что камни и доски отъ двери погребной отвалены и въ томъ погребѣ имѣется великое множество бумагъ, похожихъ на давнюю архиву, изъ коихъ многія сгнили. Почему и принужденнымъ себя я нашелъ сдѣлать отношенія въ такомъ случаѣ къ господину московскому коменданту Гессу и увѣдомился отъ него, что гвардейскіе часовые сняты и взяты въ С.-Петербургъ. А поелику погребѣ тотъ и нынѣ состоитъ безъ двери и запора, то въ предосторожность, чтобъ извнутри погреба хищники какіе не поломали соборнаго пола, а чрезъ то за несмотрѣніе не подвергли бы меня строгому отвѣту, то и просилъ я господина коменданта сей погребѣ и въ немъ бумаги самолично осмотрѣть, что было имъ самимъ и осмотрѣно, и по приказанію его входъ погребной закладенъ опять камнями и велѣно часовому, стоящему у Архангельскаго собора подлѣ палатки, въ тотъ погребѣ никого не впускать; а кѣмъ и когда въ погребѣ семь положены бумаги и отъ кого приставленъ былъ караулъ, когда и кѣмъ снять, о томъ конторѣ Святѣйшаго Синода донести не могу.

«Того ради Святѣйшаго Правительствующаго Синода конторѣ о томъ благопочтенно донося, покорнѣйше прошу дать мнѣ наставленіе въ томъ, отъ кого завистѣть должно храненіе означенныхъ письменныхъ въ погребѣ бумагъ, и если потребууетъ кто входа какъ въ прописанный, такъ и прочіе погреба, то могу ли допустить, безъ воли моей, команды? А въ отвращеніе неприятныхъ послѣдствій, наипаче въ разсужденіи нечистоты подѣ соборомъ быть никакъ нетерпимой, не благоволено ли будетъ купить желѣзную, или по крайности сдѣлать деревянную дверь тому, кому, по осмотрѣ всего въ означенномъ погребѣ вещества лежащаго, повелить контора Святѣйшаго Синода».

Прокуроръ синодальной конторы, получивъ донесеніе священника

Иванова, 8-го іюня сообщил оберъ-прокурору (св. Синода князю В. А. Хованскому (находившемуся тогда въ Москвѣ, по случаю производимой имъ ревизіи конторы и типографіи) слѣдующее по поводу полученнаго донесенія: «не докладывая онаго доношенія конторѣ св. Синода объявлялся я съ здѣшнимъ господиномъ комендантомъ, отъ котораго объявлено мнѣ, что въ томъ погребѣ дѣла бывшаго Преображенскаго Приказа и, чтобъ никто въ оной погребѣ входить не могъ, приказано отъ него, господина коменданта, часовому, стоящему при Архангельскомъ соборѣ; но, однако, какъ входить въ оной ничѣмъ не укрѣпленъ, чрезъ что какъ безопасность сихъ бумагъ, такъ и самаго собора сумнительнымъ для меня кажутся, то за долгъ поставляю о семъ вашему сіятельству представить на разсмотрѣніе, приложу копію съ доношенія Благовѣщенскаго ключаря, и просить разрѣшенія».

Такъ какъ дѣла Преображенскаго Приказа имѣли юридическій характеръ, то синодальный оберъ-прокуроръ, князь Хованскій, обратился съ отношеніемъ къ оберъ-прокурору Правительствующаго Сената, князю Якову Ивановичу Лобанову-Ростовскому, которому отъ 11-го іюня писалъ: «Св. Правительствующаго Синода конторы въ должности прокурора отъ коллежскаго совѣтника Наумова донесено мнѣ о вступившемъ въ оную московскаго Благовѣщенскаго собора отъ ключаря Григорія Иванова доношеніи, касательно найденныхъ въ имѣющемся подъ сямъ соборомъ погребѣ бумагъ; а какъ по объявленію здѣшняго господина коменданта, бумаги тѣ осматривавшаго, заключаются въ нихъ дѣла по бывшему Преображенскому Приказу, то репортъ сей и почитаю нужнымъ препроводить у сего къ вашему сіятельству въ оригиналѣ, для поступленія съ тѣми дѣлами, яко до духовнаго вѣдомства не принадлежащими, по вашему благоусмотрѣнію и для настоящей предосторожности, чтобъ, по случаю неукрѣпленнаго въ помянутый погребъ входа, не могло послѣдовать расхищенія онымъ, а чрезъ то и выйти какого-либо злоупотребленія».

Князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій, 13-го іюня, отвѣтилъ синодальному оберъ-прокурору князю В. А. Хованскому, что онъ, по обзорѣ найденныхъ въ погребѣ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ бумагъ бывшаго Преображенскаго Приказа, «не оставитъ предпринять надлежащія мѣры».

Любопытно, гдѣ въ настоящее время находится бумаги Преображенскаго Приказа, бывшія подъ Благовѣщенскимъ соборомъ, и когда, и какъ онѣ попали туда?

Протоіерей В. Жмаинъ.





ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ
въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

ХІІ¹⁾.

Выходъ на Орханійское шоссе.—Огдыхъ въ городѣ Орханіе.—Пять дней въ
горахъ подѣ Арабъ-Конакомъ.

Все Орханійское шоссе было заставлено нашими орудіями, которыя оставались безъ дѣла. Позиція графа Шувалова была не очень велика: сколько требовалось орудій столько и было поднято въ горы, остальные же остались на дорогѣ. Шоссе шло по очень узкой долинѣ, окруженной высокими горами; въ этой долинѣ нашъ полкъ расположился бивакомъ.

Вѣрилось какъ-то съ трудомъ, чтобы Орханіе, которое было такъ сильно укрѣплено и на которое турки такъ надѣялись, было ими покинуто безъ выстрѣла. По разсказамъ братушекъ, теперь оставалось у турокъ на сѣверномъ склонѣ Балканъ только одна укрѣпленная позиція Арабъ-Конакъ, а далѣе шель уже спускъ къ широкой долинѣ, ведущей прямо къ городу Софіи. Городъ Орханіе былъ покинутъ вѣроятно поспѣшно, потому что въ немъ нашли громадныя склады для всей балканской турецкой арміи. Охраной и распредѣленіемъ всего завѣдывалъ генераль Эллисъ; возлѣ его палатки, недалеко отъ нашего бивака, были навалены мѣшки съ рисомъ, громадныя бочки съ буйволовымъ масломъ, мѣшки съ турецкими галетами. Галеты были испечены изъ грубой пше-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1898 г.

ничной муки и плохо высушены, такъ что на нихъ легко садилась плесень; а если ихъ обмакнуть въ воду и погрѣть у костра, то они дѣлались совершенно мягкими. Рисъ былъ безукоризненно хорошъ и замѣнялъ людямъ гречневую кашу; но буйволовье масло не отличалось приятнымъ вкусомъ, оно было плохо промыто и грязно. Наши денщики промывали его для насъ въ нѣсколькихъ водахъ, солили и сдавливали въ твердый кусокъ; въ такомъ видѣ оно держалось долго. Для всѣхъ настала довольно сытный періодъ; между офицерами нашлись скрытые таланты дѣлать вкусный рисовый пловъ съ бараниной. Несмотря на обиліе найденнаго провіанта, продовольствіе въ ротахъ усчитывалось въ то время довольно строго; въ приказахъ все время подтверждалось, чтобъ люди не переѣдали хлѣба. Люди не голодали, но ѣсть имъ хотѣлось всегда: общихъ котловъ не было, всякій самъ себѣ варилъ пищу.

Однажды утромъ въ горахъ послышалась сильная перестрѣлка; наши люди, варившіе себѣ въ это время пищу, мгновенно ее побросали и безъ всякаго на то приказанія, живо собрались къ выступленію. Они сдѣлали это инстинктивно; усидѣть спокойно на бивакѣ, когда возлѣ въ горахъ разыгрывается дѣло, очень трудно. Командиръ полка разсердился, что людей напрасно тревожатъ безъ приказанія; но виновныхъ не нашлось, никто не приказывалъ, а все сдѣлалось само собою. Люди начали нехотя снимать съ себя амуницію, всякій изъ нихъ держалъ про себя думу, что не миновать сегодня дѣла; но перестрѣлка скоро прекратилась, и костры снова затрещали.

Въ другой разъ перестрѣлка въ горахъ была такая сильная, что даже вызвала въ полку настоящую тревогу. 2-й баталіонъ былъ двинутъ впередъ въ горы; но опять тревога была напрасная. Нѣсколько турокъ вышли изъ редута за дровами; наши солдаты начали по нимъ стрѣлять, турки отвѣтили и завязалась перестрѣлка. Съ нашей стороны оказалось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которыхъ пронесли на перевязочный пунктъ мимо нашего бивака. Я остановилъ носилки, на которыхъ лежалъ покрытый шинелью раненый солдатъ, и началъ его разспрашивать. Солдатъ рассказалъ намъ цѣлую исторію про одного раненаго Московскаго полка. Во время атаки турокъ на Московскій полкъ (21-го ноября), этотъ солдатикъ былъ раненъ въ ногу и остался подъ горой. Замѣтивъ, что возлѣ него бѣгаютъ турки, солдатъ, чтобъ спастись отъ турецкаго штыка, притворился мертвымъ. Было уже порядочно темно, когда къ нему подошли двое турокъ и начали стаскивать съ него сапоги; онъ крѣпился всѣми силами, чтобъ не крикнуть отъ боли, когда они взяли за его больную ногу. Забравъ сапоги, турки убѣжали. Когда же совсѣмъ стемнѣло, тогда раненый солдатъ къ величайшему удивленію товарищей, приползъ наверхъ къ своему полку.

Наши солдаты съ большимъ любопытствомъ слушали его рассказъ,

который онъ закончилъ практичнымъ совѣтомъ на тотъ случай, когда кому нибудь придется находиться въ такомъ же положеніи.

— Первымъ дѣломъ, сказалъ онъ, снимай сапоги и скорѣй бросай ихъ въ кусты; турки сильно обносились, и очень падки на наши сапоги.

Наша жизнь на Орханійскомъ шоссе не отличалась особеннымъ разнообразіемъ: раза два пришлось втаскивать въ горы орудія на вновь воздвигнутыя батареи. Утромъ 27-го ноября, намъ привезли пріятное извѣстіе, что генераль Гурко приказалъ Преображенскому полку отойти назадъ въ городъ Орханіе и расположиться въ немъ на квартирахъ. Намъ уже давно хотѣлось отдохнуть въ теплой комнатѣ, умыться теплой водой и вообще привести себя въ порядокъ. Люди собрались живо, точно по тревогѣ; сначала мы шли по узкому ущелью, но на его выходѣ, передъ нами вдругъ, совсѣмъ неожиданно, открылась большая Орханійская котловина. Вдали видѣлся городъ съ выдающимся минаретами, а по сторонамъ его покинутые турецкіе редуты. Мнѣ припомнились рассказы братушекъ, что съ самаго начала войны турки уже стали укрѣплять Орханіе, но укрѣпленія эти не принесли имъ побѣды.

Городъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ былъ расположенъ среди большого котла; а высокія сплошныя горы, отстоящія отъ самаго города верстъ на десять по всѣмъ направленіямъ, изображали стѣнки этого котла. Людей размѣстили въ разоренныхъ домахъ и сараяхъ, а офицеры разыскали себѣ дома, гдѣ можно было топить. Объ окнахъ и дверяхъ мы не думали, вездѣ все было поломано, разнесено; разбитыя стекла я велѣлъ заклеить бумагой, а двери устроилъ изъ повѣшеннаго брезента. Говорили, что городъ пострадалъ болѣе всего во время междоусобія, т. е. когда турки его покинули, а русскіе еще не вошли; въ это время братушки, пользуясь анархіей и безначаліемъ, грабили все, что только могли.

Моя комната предварительно была вымыта; я поставилъ въ нее походную кровать, столикъ, стулъ; солдатикъ-плотникъ сдѣлалъ мнѣ для пріема гостей двѣ табуретки, у меня подъ ногами лежалъ кусокъ войлока; платье было развѣшено въ комнатѣ на веревкѣ, сапоги стояли у стѣнки; всѣ принадлежности для умыванія были разложены на лежанкѣ, а на сдѣланной вновь полкѣ стояла походная посуда, лежала провизія и проч. На столѣ появлялась почтовая бумага, чернильница, двѣ свѣчки, воткнутыя въ бутылки; на стѣнѣ висѣло мое оружіе, а въ углу стоялъ мой неразлучный посохъ; однимъ словомъ, комната приняла жилой видъ, такъ что даже не хотѣлось изъ нея выходить.

Умывшись съ головы до ногъ въ первый разъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и пережѣвивъ бѣлье, я почувствовалъ такое блаженство, которое можно ощущать только въ походѣ. Въ этотъ день я впервые спалъ раздѣтый въ теплѣ, какъ бы дома. Мои обѣ лошади и оба

ослика не были забыты; ихъ помѣстили подѣ навѣсомъ на сухой соломенной подстилкѣ, которую они тоже впервые увидѣли подѣ собой. Я охотно зазывалъ къ себѣ товарищей, кого на чай, а кого и на битки съ картофелемъ, который я добылъ у маркитана по 5 коп. за штуку. Замѣчательно, что у болгаръ культура картофеля не привита; они довольствуются своей кукурузой и не думаютъ о немъ.

Домъ, въ которомъ я помѣтился, принадлежалъ турецкому семейству. Въ углу моей комнаты было маленькое отдѣленіе, въ которомъ производилось омовеніе, безъ котораго мусульманинъ, согласно корану, не предпринимаетъ никакого дѣла. Потолокъ былъ выложенъ чудными досечками изъ балканскаго бука, отличающагося красивымъ, игривымъ узоромъ въ подѣлкахъ въ видѣ маленькихъ глазокъ, которые смотря по тому съ какой стороны на нихъ смотришь, различно отливаютъ свѣтъ и тѣмъ производятъ необыкновенные свѣтовые эффекты. Такой потолокъ могъ бы служить прекраснымъ украшеніемъ въ любомъ изящномъ кабинетѣ. Судя по всему, турки должны быть хорошіе столяры; я не могъ воздержаться, чтобъ не забрать съ собой нѣсколько такихъ досечекъ, изъ которыхъ я надѣлалъ себѣ въ Петербургѣ много вещей для кабинета.

Сверхъ того я привезъ съ собой турецкія ружья рѣшительно всѣхъ образцовъ, которыя я подбиралъ и покупалъ послѣ сраженій: болгарскую пицаль, нѣсколько пистолетовъ, найденныхъ мною въ Ташкисенскомъ редутѣ, ятаганы, маленькій турецкій барабанъ, азіатскую трапезондскую скрипку, купленную у одного слѣпнаго музыканта, деревянныя болгарскія флаги, о которыхъ въ богатой тѣсомъ Россіи не имѣютъ понятія, гранаты, женскіе болгарскіе браслеты, болгарское и турецкое питье.

Турецкіе дома отличались отъ болгарскихъ солидностью постройки и большими внутренними удобствами; было видно, что турки жили богаче болгаръ. Въ углу моей комнаты, валялись всякія аптечныя мелочи, какъ то: ступочки, вѣсы и проч. Надо полагать, что въ этомъ домѣ жила турокъ, приготовлявшій разныя мази для краски волосъ и ногтей турецкихъ женщинъ.

Не успѣлъ я устроиться, какъ уже вошелъ ко мнѣ болгарскій священникъ съ дьячкомъ; вовсе не глядя на меня, онъ устремилъ свои взоры, по привычкѣ, въ уголь, и запѣлъ ужаснымъ голосомъ молитву, подходящую къ случаю новоселья. Знакомый мнѣ пріемъ пастыря заставилъ меня опустить руку въ карманъ и вынуть нѣсколько четвертаковъ, а денщику я приказалъ подать священнику рюмку коньяку. Священникъ показалъ мнѣ образъ Александра Невскаго, который онъ держалъ въ рукахъ; я приложился и далъ знакъ денщику сдѣлать то же, но онъ отказался и какъ будто чего то опасался. Онъ недовѣрчиво поглядывалъ на пона, и рѣшилъ про себя, какъ я уже узналъ послѣ, что

этотъ священникъ должно быть бѣглый, а образъ, пожалуй и не освященный. Мой фельдфебель Мазуровъ, случайно находившійся въ это время у меня, какъ старообрядецъ, не признающій образовъ безъ лика Спасителя, тоже не приложился къ образу. Полагаю, что попъ долженъ былъ вынести отъ меня весьма своеобразное мнѣніе о русскихъ, увидя, что изъ трехъ, двое отказались поцѣловать ликъ Александра Невскаго, который онъ избралъ, безъ сомнѣнія, въ честь государя Александра Николаевича. Священникъ выпилъ коньякъ маленькими глотками, взялъ деньги и пригласилъ меня вечеромъ ко всенощной. Своимъ образованіемъ и внѣшнимъ видомъ онъ напомнилъ мнѣ нашихъ забытыхъ сельскихъ священниковъ.

Прийдя въ церковь еще до начала службы, я успѣлъ ее внимательно осмотрѣть. Царскія двери и алтарь были такіе же, какъ и въ нашихъ церквяхъ; въ остальномъ же замѣчалось нѣкоторое отступленіе. Надъ входною дверью были хоры, огороженные очень частой рѣшеткой; тамъ были мѣста для женщинъ, совсѣмъ отдѣльныя отъ мужчинъ, что указывало на пришлое съ востока, гдѣ женщину прячутъ; кромѣ того весьма ясно было отдѣлено мѣсто для оглашенныхъ. Въ церкви я нашелъ нѣсколько очень оригинальныхъ фресокъ, нарисованныхъ на ея внутреннихъ стѣнахъ; на одной былъ изображенъ Богъ въ видѣ старца, грозящій указательнымъ пальцемъ Адаму и Евѣ; на другой стѣнѣ, Богъ создавалъ Адама изъ какой то синей массы; на третьей, Ева прядетъ нитки, а Адамъ сѣетъ свекловицу. Между прочимъ, священникъ сообщилъ мнѣ, что въ этой церкви тщательно хранится евангеліе, пожертвованное императрицей Екатериной II-й.

Въ стѣнахъ были подѣланы ниши съ маленькими скамейками, въ которыхъ могъ помѣститься только одинъ человекъ.

Въ этотъ вечеръ служба происходила смѣшанная; всенощная была отслужена нашими священниками соборне съ болгарскими. Мнѣ кажется, что болгарская служба не можетъ произвести на массу такое обаятельное впечатлѣніе, какъ наша; въ ней мало торжественности.

Хотя людямъ и было строго запрещено дотрогиваться до домовъ и заборовъ, но все-таки городъ въ нѣсколько дней успѣлъ слегка порѣдѣть; усмотрѣть за солдатами не было никакой возможности. Пребываніе войскъ въ городахъ бываетъ всегда сопряжено съ извѣстной долей безобразій. Люди стали за послѣднее время похварывать, покашливать; случилось такъ, что во время усиленнаго подъема, вдругъ вся рота начнетъ ужъ не кашлять, а просто лаять по собачьему; дыхательные пути омы у всѣхъ задѣты, а у другихъ начали разыгрываться ревматизмы. Весь городъ былъ занятъ войсками и дома были обращены частію въ конюшни; изъ разоренныхъ лавокъ безъ дверей люди устроили себѣ помѣщенія, причемъ со стороны улицы лавка завѣшивалась палаточными полами,

а внутри разводился костеръ, около котораго люди мылись, сушились, чинились, грѣлись. Послѣ горъ, подобныя помѣщенія ихъ вполне удовлетворяли; люди были сверху защищены отъ дождя и снѣга и были вполне счастливы.

Въ городѣ уцѣлѣло нѣсколько лавокъ, въ которыхъ продавали хлѣбъ, болгарскую водку (ракія), консервы, табакъ и проч. Для печенія хлѣба изъ найденной въ турецкихъ складахъ муки были сложены большія печи, такъ что ежедневно мы ѣли свѣжій хлѣбъ, о которомъ забыли и думать. Маркитанъ Львовъ немного оживилъ городъ; офицеры ходили въ его ресторанъ спускать залежавшіеся въ карманѣ полуимперіалы. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ русскій фотографъ и мы снимались группами; его поѣздка въ Турцію окупила ему съ барышемъ, потому что послѣ похода онъ разсылалъ намъ всѣмъ фотографіи и получалъ за это деньги чрезъ полковыхъ казначеевъ.

Во время нашего отдыха въ Орханіе, однажды за ночь выпалъ глубокій снѣгъ; природа преобразилась совсѣмъ въ зимній пейзажъ, но все-таки погоду нельзя было назвать зимней; на солнцѣ снѣгъ таялъ и обращался въ грязь, а только по ночамъ легкіе морозы сковывали землю. Шляться по снѣгу и грязи намъ надѣло; мы отсиживались по домамъ у огонька и поигрывали по самой маленькой въ ералашъ.

По вечерамъ я писалъ очень много писемъ; мы имѣли большое довѣріе къ полевой почтѣ, хотя случалось видѣть, и не разъ, какъ усталые почтальоны отдыхали на грудѣ писемъ, лежащихъ на полу.

Нѣсколько разъ я ѣздилъ верхомъ осматривать окрестности Орханіе; осмотрѣлъ одно укрѣпленіе, на скатѣ горы, въ которомъ оборона была устроена въ нѣсколько ярусовъ; чистота отдѣлки была поразительная. Затѣмъ я заѣхалъ въ деревню Врачешъ, лежащую въ трехъ верстахъ отъ Орханіе: въ ней были сосредоточены всѣ доставшіеся намъ склады. Мундирная одежда была отдана въ армейскіе полки, которые съ апрѣля уже успѣли сильно обноситься. Тутъ же я видѣлъ складъ безрукавокъ, стеганныхъ на ватѣ, которыя выдавались туркамъ въ зимніе мѣсяцы; они поддѣвали ихъ подъ мундиры. Всѣ склады были сильно тронуты нашей кавалеріей, которая раньше всѣхъ вошла во Врачешъ: правильный надзоръ за вещами былъ учрежденъ, къ несчастію, немного поздно. Въ эту кампанію, интендантскимъ чиновникамъ не было отведено должное мѣсто; сколько разъ случалось видѣть, какъ какой нибудь представитель интендантства ѣдетъ вмѣстѣ съ пѣхотною частью и пріятно бесѣдуетъ съ офицерами, тогда какъ его настоящее мѣсто было впереди съ кавалеріей, для того чтобъ во-время останавливать разномы. Заботливость турецкаго интендантства о своемъ войскѣ была всюду видна; вопросъ о продовольствіи былъ у нихъ прекрасно разрешенъ, и благодаря только ихъ запасамъ мы могли такъ быстро двигаться.

Въ Орханіе я познакомился съ однимъ образованнымъ болгаринимъ. Онъ мнѣ разсказалъ, что представители ихъ интеллигенціи—это купцы, учителя и студенты, учащіеся въ различныхъ европейскихъ университетахъ, изъ коихъ за послѣдніе годы многихъ казнили и сослали. Когда же онъ мнѣ объяснилъ, въ какихъ большихъ размѣрахъ взимають съ болгаръ подати, то мнѣ просто не вѣрилось; турки драли съ нихъ пять шкуръ. Въ Орханіе мнѣ пришлось встрѣтить между болгарами совсѣмъ русскіе голубоглазые типы, сохранившіеся въ нихъ еще со временъ ихъ заволжской жизни. Замѣчательно, что болгары, несмотря на почти пятисотлѣтнее пребываніе среди нихъ турокъ, съ ними вовсе не помѣшались и вполнѣ сохранили чистоту своей расы.

Въ одинъ изъ снѣжныхъ, пасмурныхъ дней, а именно 29-го ноября, пришло къ намъ извѣстіе о паденіи Плевны и о плѣненіи Осман-паша со всей его арміей. Это извѣстіе было передано въ Орханіе двумя телеграммами; первая гласила такъ: «Османъ атакуеть гренадерь, успѣхъ боя еще не извѣстенъ; Плевно и укрѣпленія покинуты»; а другая «Османъ послѣ отчаяннаго натиска отброшенъ обратно и безусловно сдался». Крики «ура» раздались во всѣхъ концахъ города и всѣ ликовали.

Вскорѣ послѣ того моей ротѣ было предписано конвоировать батарею, назначенную на вновь возведенный редутъ противъ неприятельской позиціи Лютиково. Это былъ турецкій наблюдательный постъ, лежащій въ горахъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ Арабъ-Конака. Съ Лютикова турки могли слѣдить за всей Орханійской котловиной и за всѣми нашими движеніями. Сбить ихъ съ этой позиціи было невозможно: она была очень высоко въ горахъ и никакихъ прямыхъ дорогъ къ ней не было. Наши батареи пробовали стрѣлять по турецкой позиціи на разстояніи 3-хъ верстъ, но турки не отвѣчали. Противъ этого Лютиково, генераль Гурко приказалъ соорудить редутъ, слѣдить внимательно за турками и быть все время на чеку.

Со всѣми предосторожностями, я двинулся съ моей ротой и съ батареей въ путь; дорогу указывалъ намъ солдатъ Егерскаго полка, хорошо знавшій мѣсто, гдѣ сооруженъ нашъ новый редутъ, потому что тамъ стоялъ его полкъ. Изъ Орханіе пришлось выступить довольно поздно, уже послѣ обѣда; темнота застала насъ въ дорогѣ. Въ Лютиково засвѣтились бивачные огоньки, но нашего редута все еще не было видно. Я уже началъ сомнѣваться, такъ ли мы идемъ, но солдатъ говорилъ, что редутъ долженъ быть не далеко. Ночное скитаніе при полной темнотѣ, по незнакомымъ горамъ, возбудило во мнѣ нѣкоторое безпокойство, отъ котораго я отдѣлался только тогда, когда увидѣлъ вдали огоньки Егерскаго полка. Точно гора свалилась съ плечъ, когда я сдалъ егерямъ батарею. Мы были для нихъ желанные гости, такъ какъ безъ артиллеріи редутъ казался сиротой и егерямъ было скучно. Орудія были не-

*

медленно втащены въ редутъ, а мы, немного отдохнувъ, отправились обратно въ Орханіе. Чтобъ не сбиться съ дороги, я взялъ съ собой того же жожака. Когда мы добрались до Орханіе, то всё уже спали, кромѣ выдвинутой впередъ дежурной части, мимо которой намъ пришлось проходить; люди сидѣли у костровъ и, несмотря на ночное время, варили себѣ въ котелкахъ пищу: они навѣрно ужъ поужинали съ вечера, но въ то время у нихъ былъ нѣкоторый избытокъ въ провизіи, такъ что поѣсть лишній разъ составляло удовольствіе, отъ котораго они за послѣднее время совсѣмъ отвыкли.

Доведя роту до города, я отправился къ его высочеству принцу Алекс. Петр. Ольденбургскому, чтобъ доложить ему о благополучномъ доставленіи батареи. Онъ ужиналъ въ обществѣ нѣсколькихъ офицеровъ нашего полка. Требовательный по службѣ его высочество былъ у себя дома всегда очень привѣтливъ и ласковъ къ подчиненнымъ. Онъ отнялъ мою руку отъ козырька, попросилъ снять головной уборъ и посадилъ меня около себя, по-товарищески предлагая закусить. Переноса всё невзгоды войны одинаково съ нами, его высочество имѣлъ много разъ случаи, какъ и мы всё, быть не въ духѣ и отъ неудачъ, и отъ другихъ причинъ; но съ нимъ этого никогда не бывало; всегда въ хорошемъ расположеніи, онъ живительно дѣйствовалъ на окружающихъ.

Вспоминая о принцѣ, нельзя не упомянуть и о супругѣ его, ея императорскомъ высочествѣ принцессѣ Евгеніи Максимилиановнѣ Ольденбургской. Традиціи нашего полка, въ которомъ начали службу во фронтѣ братья и супругъ принцессы, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, были всегда близки сердцу ея высочества; она любила преображенцевъ какъ своихъ родныхъ. Находясь въ Петербургѣ во время войны во главѣ обширнаго дѣла оказанія помощи въ Турціи голоднымъ, холоднымъ и раненымъ, ея высочество не забыла и нашихъ родныхъ въ Петербургѣ — всё ихъ писъма отсылались принцессой въ Турцію, для большей вѣрности, на имя супруга ея высочества въ одномъ общемъ большомъ конвертѣ. Нечего и говорить, что этимъ путемъ, во-первыхъ, было спасено не мало писемъ отъ неминуемыхъ, во время похода, потерь; а во-вторыхъ, нашимъ роднымъ былъ доставленъ душевный покой и увѣренность, что ихъ слово дойдетъ до насъ. Живо припоминаю ту радость, которую мы всё испытывали, когда этотъ большой конвертъ появлялся въ Турціи у его высочества.

Въ Орханіе, рядомъ съ дивизионнымъ лазаретомъ, былъ устроенъ баракъ Краснаго Креста; изъ разговоровъ съ солдатами, я могъ заключить, что они хорошо знали разницу между этими двумя учрежденіями; во второмъ больные и раненые были удобно и тепло помѣщены, сестры ухаживали за ними съ любовью, а самъ баракъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ; въ первомъ же, больные лежали на рагожахъ, недо-

статокъ чувствовался во всемъ, а подневольные фельдшера, исполняли свою обязанность небрежно.

Я припоминаю два періода во время войны, въ которые убыль людей въ моей ротѣ отъ болѣзней была поразительно велика; это было въ С. Стефано гдѣ у меня сразу полъ роты лежало въ тифѣ; а въ другой разъ, во время нашего Арабь-Конаккаго томленія въ Балканахъ. Хворать въ С. Стефано было не опасно; это было уже послѣ заключенія мира, а время было лѣтнее, теплое; но подъ Арабь-Конакомъ было совсѣмъ другое дѣло; гигиеническія условія для заболѣвшихъ отвратительныя, а передъ нами стоитъ непріятель, съ которымъ не сегодня—завтра придется потягаться. Положеніе наше было затруднительно, потому что изъ тѣхъ 30-ти тысячъ, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ очеркѣ полковникъ Епанчинъ, тысячъ десять оказалось больными. Въ это время можно было себя утѣшать тѣмъ, что и у турокъ, вѣроятно, происходило то же самое. На Софійскомъ шоссе вблизи Орханіе было еще сносно, но въ тѣхъ отрядахъ, которые были размѣщены отдѣльно въ горахъ, по рассказамъ пріѣзжихъ оттуда семеновцевъ, какъ напр. подъ Шандорникомъ, убыль людей заставляла начальниковъ даже задумываться.

Въ подобныя тяжелыя минуты, когда всплываютъ наружу съ особенною ясностью разныя обстоятельства, тормозящія успѣхъ дѣла, начальнику отряда бываетъ не весело на душѣ; онъ хочетъ скорѣй укрѣпить мѣстность, а ему докладываютъ, что инструмента не хватаетъ; дѣлается диспозиція по часамъ, а орудія отстаютъ или ихъ замечаетъ снѣгомъ; люди просятъ ѣсть, а сухарей не хватаетъ; люди зябнуть, ободрались, а помочь нечѣмъ; приказываютъ скорѣй открыть сильный орудійный огонь, а гранаты еще не доставлены на горы; отдается приказъ выдавать людямъ по фунту сухарей на день, а въ то же время сознается, что этого мало; армія таетъ отъ голода и холода, а помочь дѣлу нечѣмъ. Надо имѣть сильный характеръ и желѣзную волю для того, чтобъ при всѣхъ этихъ невзгодахъ не потерять энергіи и довести дѣло до конца. Генераль Гурко былъ одинъ изъ такихъ людей, которые вполне обладаютъ этими качествами. Въ этотъ періодъ войны главное вниманіе генерала Гурко было обращено на укрѣпленіе позицій въ особенности передъ самымъ Арабь-Конакомъ и въ горахъ подъ Шандорникомъ, откуда увели 22-го ноября нашъ полкъ. Тамъ, судя по рассказамъ пріѣзжавшихъ оттуда семеновцевъ, понастроили не мало редутовъ, укрѣпленій, батарей. Время для работъ было удобное, туманы гуляли по горамъ и скрывали работы отъ непріятеля.

При насъ прибылъ изъ Петербурга въ Орханіе транспортъ теплыхъ вещей, пожертвованныхъ цесаревной Маріей Феодоровной для Краснаго Креста; нѣкоторымъ офицерамъ удалось добыть себѣ изъ этого склада по войлочной шапкѣ.

На кавалеристахъ показались коротенькіе, новенькіе полушубки, и

то не на всѣхъ; они были присланы изъ Россіи. Посылки доставлялись очень неаккуратно, но про письма сказать этого нельзя; по крайней мѣрѣ, никто не жаловался на медленность ихъ пересылки. Между присланными теплыми вещами, я нашелъ маленькіе, шерстяные вязаные, двухъ вершковыя цилиндрики, которые вѣроятно были предназначены для согрѣванія пульса (Pulswärmer). Когда я ихъ передалъ моему фельдфебелю для раздачи солдатамъ, тогда онъ съ чисто хохлацкимъ юморомъ рѣшилъ: «Это ваше высокоблагородіе за первый сортъ чистить амуницію».

Наконецъ дождались мы 3-ей гвар. пѣх. дивизіи, которая 7-го декабря пришла изъ подъ Плевны; ей приказано было размѣститься въ городѣ, чтобъ отдохнуть послѣ тяжелаго перехода, а намъ—выступить опять въ то же Орханійское ущелье, гдѣ мы уже разъ стояли бивакомъ. Въ Орханіе посылались поочередно полки, чтобъ тамъ погрѣться и отдохнуть.

Жаль было разставаться съ Орханіе, въ которомъ мы прожили 11 дней; мы въ немъ отдохнули и успѣли забыть всѣ трудности и невзгоды, пережитыя въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Опять мы запагали по тому же самому шоссе, по которому 27-го ноября, можно сказать, летѣли изъ ущелья на отдыхъ въ Орханіе. Всѣ горы были теперь густо покрыты снѣгомъ; намъ на встрѣчу дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, заставлявшій ежиться, а порой, даже съ нимъ бороться. Не было сомнѣніи, что наступила настоящая Балканская зима.

Солдаты вовсе не жаловались на погоду: ихъ снѣгомъ и холодомъ не удивишь, надо было только удивляться, съ какой находчивостью и какъ быстро они устроили бивакъ на мѣстѣ, заваленномъ снѣгомъ. Сначала сгребался снѣгъ, вырывались неглубокія ямы, чтобъ уберечься отъ вѣтра, затѣмъ надъ ними раскидывали палатки, засыпали ихъ снѣгомъ, вырывались вокругъ палатокъ канавки для стока воды, по всему биваку протаптывались тропинки. Прошелъ какой нибудь часъ времени, какъ ужъ всѣ люди сидѣли у костровъ. Орханіе забыто и снова всѣ зажили бивачной жизнью. Въ каждой tente abri помѣщалось по шести человѣкъ солдатъ, которые, въ холодныя ночи, согрѣвали другъ друга своимъ собственнымъ тепломъ.

Нашъ новый бивакъ былъ на этотъ разъ расположенъ на возвышеніи, которое назвали Преображенскою горой, немного въ сторонѣ отъ шоссе, по которому дулъ сильный, пронизывающій сѣверный вѣтеръ. Довольно широкій ручеекъ, бѣжавшій съ горъ возлѣ самаго бивака, замерзъ по берегамъ, и только по срединѣ, узкой лентой, струилась вода, отъ которой подымался паръ. На другой день, весь бивакъ былъ занесенъ снѣгомъ; морозъ дошелъ до 10-ти градусовъ. Погода напоминала нашу русскую зиму, но воздухъ былъ, вообще говоря, мягкій и пріятный.

Нѣкоторые офицеры, при помощи ротныхъ плотниковъ, живо понадѣлали себѣ, для забавы, сани; а солдаты, возвращающіеся съ горъ съ вязанками дровъ, садятся на пихъ верхомъ и, какъ деревенскіе маль-

чишки, забавлялись тѣмъ, что съѣзжали внизъ по скользкимъ дорогамъ. На бородахъ и усахъ показались длинныя ледяныя подвѣски; уши и кончики пальцевъ порядкомъ пощипывало. Я сдѣлать себѣ пару наушниковъ изъ отрѣзанныхъ отъ башлыка концовъ и пару рукавицъ изъ куска, отрѣзаннаго отъ узорчатаго войлочнаго коврика. Купленные проѣздомъ чрезъ Москву сапоги на войлокъ дождались своей очереди.

Къ кому бы ни пришелъ, вездѣ угощаютъ чаемъ: нигдѣ не отказываешься, вездѣ его пьешь. Придешь къ себѣ въ палатку, ляжешь почитать какую нибудь старую газету, а денщикъ ужъ лѣзетъ въ нее съ чаемъ, берешь стаканъ и опять пьешь. Денщики стали ухаживать за нами съ большимъ вниманіемъ; они твердо знали, что каждый разъ что нибудь перепадетъ и на ихъ долю; въ холодное время они дѣлались такими же какъ и мы, если только не болѣе ярими, темнѣе. Мои солдаты пили кирпичный чай, прессованный въ видѣ небольшихъ плитокъ; они его попивали и похваливали. Несмотря на свою неизбалованность, они все-таки сильно терпѣли отъ холода, такъ какъ у нихъ не было ни теплой одежды, ни шерстяныхъ фуфаякъ, ни шерстяныхъ чулокъ. Все это замѣнялось хорошимъ костромъ, отъ котораго люди не отходили и пожгли себѣ всѣ шинели и фуражки. вмѣсто спальныхъ шапокъ появились фески, на прожженныхъ шинеляхъ иногда не доставало цѣлой полы; вмѣсто проношенныхъ сапогъ люди добыли болгарскія опанки, а у нѣкоторыхъ даже трудно было разобрать, во что были обмотаны ноги. Немытыя, закоптыя лица обросли самыми разношерстными бородами, обратившимися въ войлокъ; похудѣлыя лица свидѣтельствовали о постоянномъ недостаткѣ въ пищѣ. Рѣшительно у всѣхъ гноились глаза отъ ѣдкаго дыма костровъ. Я убѣжденъ, что товарищи, оставшіеся въ Петербургѣ, ни за что не узнали бы ихъ сразу. Жаль, что не было фотографіи, чтобы увѣковѣчить наглядно тотъ жалкій, нищенскій видъ, до котораго дошли въ походѣ наши солдатики.

Вправо отъ насъ шла въ гору маленькая тропинка, по которой можно было перевалить чрезъ большіе Балканы и выйти въ большую Софійскую долину, ведущую прямо къ городу Софіи. Эта тропинка была когда-то Старо-Софійской дорогой, но съ проведеніемъ шоссе изъ Орханіе чрезъ Арабъ-Конакъ, она совсѣмъ заросла травой и превратилась въ пѣшеходную тропу. Мнѣ разсказывалъ полковникъ 1-гв. Улан. полка Пилсудскій, что еще въ ноябрѣ, тотчасъ же по занятіи Орханіе, было поручено полковнику генеральнаго штаба Ставровскому, при содѣйствіи дивизиона уланъ, сдѣлать подробную рекогносцировку этой заброшенной дороги и выяснить, возможно ли будетъ разработать ее въ такую дорогу, по которой могла бы двигаться артиллерія. По этой тропинкѣ повелъ ихъ одинъ братушка; она была до того узка, что вьюки двигались не иначе, какъ гуськомъ. Рекогносцировка была не легкая, тропинка все

время шла по скатамъ горъ, которыя были поросши густымъ буковымъ лѣсомъ; съ непривычки къ горамъ и отъ худобы лошади натерли себѣ спины; ночь пришлось провести въ лѣсу на самомъ перевалѣ въ виду деревни Чурьякъ, лежащей уже на южномъ склонѣ Балканъ и занятой въ то время турками. Уланамъ было запрещено разводить огни, а лошади были поставлены головами вмѣстѣ, для того, чтобъ не было неизбежнаго, при разбросанномъ бивакѣ, ржанья коней. Болгаринъ-проводникъ удралъ и весь отрядъ остался въ горахъ безъ провожатаго. На другой день уланы благополучно вернулись въ Орханіе, а тропинка была признана вполне удобной для разработки.

Послѣ этой рекогносцировки, генераль Гурко рѣшилъ предпринять обходное движеніе вокругъ всей Арабъ-Конакской позиціи и попытаться этимъ способомъ заставить непріятеля отступить. Планъ этотъ вполне удался, но все-таки мы провозились въ горахъ съ разработкой дороги и обходнымъ движеніемъ около десяти дней.

Ежедневно мы ходили по тропинкѣ въ горы и раздѣлывали дорогу, къ вечеру же возвращались обратно на бивакъ. Скоро, подъ руководствомъ гвардейскихъ саперъ, тропинка обратилась въ дорогу шириною въ одну сажень. Такъ какъ она шла по скатамъ горъ, то приходилось сильно врѣзаться въ землю для того, чтобъ сдѣлать ее горизонтальной. Въ то время земля промерзла на два вершка, ее пришлось колоть и разрыхлять; кромѣ того попадались въ землѣ каменные породы, которыя надо было разбивать, а мѣшавшія деревья срубать. Послѣднія два обстоятельства сильно задерживали работу: громадные камни выворачивались изъ земли цѣликомъ дружнымъ натискомъ людей и спускались въ оврагъ вездѣ приходилось подрубить топорами толстые буковые корни. Работа могла бы идти гораздо скорѣй, если бы не было недостатка въ рабочемъ инструментѣ; работала только часть людей, а остальные сидѣли и покуривали трубочки, потому что нечѣмъ было работать.

Дорога приняла благообразный видъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже напоминала *coğnice* южнаго берега Крыма. Дни шли быстро; бывало такъ набѣгаешься въ теченіе дня, наблюдая за растянувшейся на версту ротою, что къ вечеру перестаешь чувствовать подъ собою ноги, доберешься до палатки, поѣшь и моментально заснешь. При спускѣ на бивакъ по вновь разработанной дорогѣ, ноги сильно скользили по замерзшей къ вечеру землѣ; дорога покрывалась къ ночи ледяною корою, походка была нетверда, люди постоянно падали. Всѣ принуждены были вооружиться посохами, и для болѣе твердой опоры я вбилъ въ свой посохъ гвоздь.

Кромѣ того, я обертывалъ свои сапоги кусками стараго войлока, что придавало походкѣ бѣльшую увѣренность; другіе наматывали себѣ на ноги куски воловьей шкуры, шерстью наружу: это было прочнѣе

войлока, но зато и тяжелѣе. Про турокъ, сидящихъ въ Арабъ-Конакъ, мы забыли и думать; на работѣ мы очень уставали, такъ что намъ было не до нихъ. На болѣе крутыхъ мѣстахъ этой дороги, прорѣзывались въ замерзшей землѣ поперечные желобки для того, чтобъ лошадямъ было бы за что цѣпляться; вновь подкованная лошадь подымалась въ гору довольно твердо, но къ вечеру шипы стирались и она начинала скользить. Турецкія лошадки чувствовали себя на этой дорогѣ гораздо тверже нашихъ. Несмотря на турецкую сплошную подкову, онѣ скользили меньше; ихъ ноги хотя и разбѣжались врозь, но сохраняли свою устойчивость. У осликовъ было еще больше сноровки; тяжело навьюченные и только слегка подгоняемые сзади, они шли совсѣмъ свободно.

Въ приказѣ, отданномъ генераломъ Гурко, предписывалось нѣкоторымъ войскамъ (въ томъ числѣ и нашему полку) начать движеніе впередъ; ближайшая цѣль движенія не разъяснялась, но она была намъ ясна. Генераль задумалъ обходное движеніе справа и слѣва Арабъ-Конакской позиціи, которое могло привести къ двумъ результатамъ: мы могли окружить турокъ или могли заставить ихъ покинуть Арабъ-Конакъ, послѣдній оплотъ ихъ на сѣверномъ склонѣ Балканъ. Войска дѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, изъ которыхъ три оставались на мѣстѣ (противъ Шандорника, Арабъ-Конака и Лютикова), а остальные два двинулись впередъ, причемъ лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала Дандевиля, а правая (въ которую входилъ и нашъ полкъ) подъ начальствомъ генерала Рауха. Наша колонна должна была идти по разработанной нами дорогѣ. Въ этомъ приказѣ было сказано: «нашъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами и проч.». Приказъ былъ короткій, но сильный, способный подбодрить людей. Намъ было приказано двигаться въ горахъ безъ шума, безъ костровъ, не обращать никакого вниманія на могущую возникнуть гдѣ-нибудь въ сторонѣ перестрѣлку и не опасаться никакого серьезнаго нападенія ни съ фланговъ, ни съ фронта, потому что по сторонамъ были непроходимыя кручи и овраги, а впереди насъ уже была небольшая кавалерійская часть.

Для полноты разсказа сдѣлаю маленькое добавленіе. Послѣ паденія Плевны, освободившіяся войска пошли на усиленіе тѣхъ отрядовъ, которые должны были перевалить черезъ Балканы. Шипка была занята генераломъ Радецкимъ, влѣво отъ него черезъ Ханкюн долженъ былъ перейти горы генераль Святотолкъ-Мирскій, вправо отъ него черезъ Зелено-Древо—генер. Скобелевъ, еще правѣе черезъ Траянь—генераль Карцевъ, а еще правѣе черезъ Арабъ-Конакъ—генераль Гурко; этотъ послѣдній отрядъ назывался **З а п а д н ы м ъ**.

XIII.

Обходъ Арабъ-Конака.—Переваль черезъ Балканы.—Чурьлякъ. — Дѣло съ черкесами на Лысой горѣ

Въ ночь съ 12-го на 13-ое декабря было назначено начало общаго обходнаго движенія для обоихъ эшелоновъ Западнаго отряда; людямъ выдали по 3 фунта говядины и по 6 фунтовъ сухарей. Въ продолженіе 12-го числа, 1-й и 2-й баталіоны нашего полка еще додѣлывали дорогу: этимъ двумъ баталіонамъ было предписано не спускаться, по окончаніи работъ, внизъ на бивакъ, а остаться въ горахъ и понемногу подвигаться впередъ къ перевалу, къ которому придутъ къ вечеру и остальные два баталіона. Каждая рота, окончивъ свой урокъ и не дожидаясь остальныхъ ротъ своего баталіона, не спѣша потянулась въ гору. Мнѣ припоминаются два красивыхъ, величественныхъ вида, которые пришлось видѣть въ этотъ день во-время подъема. Въ одномъ мѣстѣ, съ лѣвой стороны была почти отвѣсная скала, а съ другой стороны почти отвѣсный оврагъ. Одна только мысль о возможности слетѣть внизъ уже слегка туманила мнѣ голову. Въ другомъ же мѣстѣ, открылся такой дивный видъ на всѣ пройденные нами Балканы, вплоть до придунайской равнины, что его нельзя забыть. Вглядываясь въ ту ровную мѣстность, которая осталась далеко за нами, нельзя было не удивляться при мысли о той высотѣ, на которую мы залѣзли; разстояніе отъ насъ до той равнины не казалось особенно большимъ, а между тѣмъ прошло уже сорокъ дней съ тѣхъ перъ, какъ мы покинули Дольній Дубнякъ и направились съ генераломъ Гурко въ горы. Всюду въ горахъ лежалъ снѣгъ. Этотъ чудный видъ à vol d'oiseau былъ вблизи перевала, до котораго мы добрались около пяти часовъ вечера. Первые роты, пришедшія къ самому перевалу были: рота Его Величества и моя 5-я. Мы остановились и расположились на сѣверномъ скатѣ перевала, а людямъ было разрѣшено, покуда еще не очень стемнѣло, развести небольшіе костры, чтобъ погрѣться около нихъ. Поблизости не было воды, пришлось заваривать чай на снѣжной водѣ и надо было имѣть много терпѣнія, чтобъ дожидаться, покуда изъ таявшаго снѣга наберется маленькій чайникъ воды; за снѣгомъ мы посылали далеко въ сторону, чтобъ не набрать какой-нибудь нечистоты. Чай на снѣжной водѣ оказался значительно менѣе вкуснымъ, чѣмъ на ключевой, вѣроятно вслѣдствіе отсутствія солей и постороннихъ примѣсей.

Нашъ приваль былъ въ вѣковомъ пустомъ буковомъ лѣсу, въ которомъ было много снѣгу. Лишь только стемнѣло, всѣ костры были потушены, чтобъ не выдать непріятелю наше присутствіе на перевалѣ.

Хотя непріятеля и не было вблизи, но у турокъ легко могъ быть въ горахъ отдѣльный наблюдательный постъ.

Остальные роты 1-го и 2-го батальоновъ подошли къ перевалу, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Въ ожиданіи прибытія 3-го и 4-го батальоновъ мы порядкомъ мерзли; къ ночи морозъ покрѣпчалъ, а люди, за неимѣніемъ костровъ, дѣлали гимнастику, дрались на кулачкахъ и проч. Мой фельдфебель Мазуровъ, въ подобныхъ случаяхъ, умѣлъ воодушевить роту, вызывая на единоборство съ нимъ молодыхъ солдатъ, которымъ удавалось наносить ему здоровые боксы; рота разражалась дружнымъ смѣхомъ, конечно, въ десятеро сильнѣйшимъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы ударъ былъ нанесенъ между ровными; его примѣръ заражалъ другихъ, составлялись партіи и происходила общая свалка.

Къ ночи весь Преображенскій полкъ былъ въ сборѣ на перевалѣ. Мы составляли авангардъ колонны и должны были незамѣтно для непріятеля перевалить въ эту ночь черезъ перевалъ и занять уже на южномъ склонѣ деревню Чурьякъ, прикрывая тѣмъ спускъ главныхъ силъ нашей колонны. Въ то время, когда мы переваливали, главные силы еще не снимались съ бивака подъ Арабъ-Конакомъ. Нѣсколько ротъ были оставлены на перевалѣ для разработки спуска, а остальнымъ князь Оболенскій приказалъ начать перевалъ. Впереди шелъ 1-й баталіонъ.

Люди разобрались въ темнотѣ и начали вытягиваться по-ротно по узкой дорогѣ, ведущей въ деревню Чурьякъ, покинутую турками. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ въ гору, я вдругъ почувствовалъ подъ ногами, что дорога пошла подъ гору; люди обрадовались и всѣ сразу заговорили, такъ что пришлось ихъ унимать. Итакъ, въ эту ночь мы перевалили на южный склонъ первыми изъ всѣхъ отрядовъ, о которыхъ я упоминалъ въ прошлой главѣ.

Люди все болѣе и болѣе и растягивались; доходило до того, что идущимъ назадъ приходилось бѣжать, чтобъ только не потерять въ темнотѣ связь съ идущими впереди. Изъ-подъ снѣга торчали острые камни и мелкій кустарникъ, въ которомъ запутывались ноги; люди скользили, на каждомъ шагу падали, а иногда имъ приходилось даже скатываться, гдѣ было очень круто, на спинѣ, чтобъ только не задерживать движенія и не отставать отъ другихъ.

Ни разу въ моей жизни мнѣ не приходилось видѣть такой спѣшки, такого возбужденнаго движенія, — у всѣхъ было только одно на умѣ: какъ бы только не отстать и не потерять связь съ идущими впереди. Конечно, темнота много способствовала тому, что колонна такъ сильно растянулась, но главной причиной этой суматохи былъ черезчуръ быстрый шагъ головы колонны; шедшіе впереди рослые люди государевой роты, понятно, спѣшили спускаться, намъ же, идущимъ въ хвостѣ колонны, пришлось уже бѣжать. Я много разъ падалъ и, несмотря на

морозъ, былъ весь въ поту отъ бѣготни и непокойнаго духа. Были такіе моменты, что я даже проклиналъ судьбу, но все-таки старался утѣшать себя тѣмъ, что переживаю интересныя минуты въ моей жизни.

Спускъ дѣлался понемногу все отложе и наконецъ я почувствовалъ, что двигаюсь по ровному мѣсту—мы шли уже по Чурьякскому ущелью и подходили къ деревнѣ Чурьякъ. 1-й баталіонъ насъ пожатѣлъ, остановился и далъ подтянуться 2-му баталіону. Дойдя до остановившихся людей, я повалился на землю и только отдувался отъ жары. Я вынулъ изъ кармана маленькую походную фляжку съ коньякомъ и поздравилъ самъ себя съ благополучнымъ переваломъ черезъ Балканы.

Баталіоны двинулись далѣе. При нашемъ входѣ въ дер. Чурьякъ начало уже порядкомъ свѣтать; въ какія-нибудь четверть часа всѣ люди укрылись въ избахъ и дворахъ. При насъ не было ни одинаго орудія, мы перевалили на-легкѣ. Намъ было приказано сидѣть въ избахъ, не разводять костровъ, не выходить изъ деревни, а главное—не выпускать изъ нея братушекъ, которые могли бы донести туркамъ о нашемъ явленіи на южномъ склонѣ Балканъ.

Я расположился въ избѣ, въ которой жили двое молодыхъ болгаръ; они живо развели въ очагѣ огонь, притащили пшеничной соломы и я растянулся на ней. Въ продолженіе утра спустились съ горъ наши оставшіяся тамъ части, такъ что къ полудню весь нашъ полкъ былъ въ сборѣ въ деревнѣ Чурьякъ. По диспозиціи мы должны были, не теряя времени, въ этотъ же день продолжать дальнѣйшее движеніе, для того, чтобъ, выйдя въ Софійскую долину, скорѣй войти въ связь съ колонной генерала Дандевилля, обходившаго Арабъ-Конакъ съ другой стороны. Къ сожалѣнію, наша артиллерія застряла на перевалѣ и тѣмъ затянула дѣло. Оказалось, что спускать орудія съ горъ было гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ втаскивать. По рассказамъ, людямъ, при помощи привязанныхъ къ орудію лямокъ, приходилось при спускѣ поддерживать орудія сзади, на что при большихъ крутизнахъ у нихъ не хватало силы; орудія катились внизъ, а за ними и люди, все время не выпускавшіе изъ рукъ лямки, такъ какъ иначе орудіе могло разбиться въ дребезги. Лошади были отпряжены, а наши оставшіяся тамъ роты на-скоро исправляли дорогу.

Нашъ перевалъ былъ, судя по картѣ, на высотѣ 3.400 фт., но Траяновъ былъ еще выше на 3.000 футовъ; тамъ было еще холоднѣе.

Современемъ, когда альпинисты будутъ совершать свои прогулки и по Балканамъ, тогда гиды-братушки будутъ имъ указывать, въ видѣ курьеза, тѣ заросшія тропинки, по которымъ мы перетаскивали орудія. Какъ въ Швейцаріи показываютъ Суворовскій Чортовъ мостъ, такъ и въ Болгаріи будутъ показывать чортовы дороги.

Отдохнувъ на соломи, я не усидѣлъ въ избѣ, прошелся по деревнѣ и вышелъ изъ нея къ выходному ущелью; тамъ я встрѣтилъ полковника Стрезова и прусскаго военнаго агента майора Лигница, милаго, образованнаго человѣка, продѣлавшаго весь балканскій походъ, но не въ одномъ, а попеременно въ различныхъ отрядахъ, смотря по тому, гдѣ было для него интереснѣе. Мы втроемъ немного прошли по Чурьякскому ущелью; оно шло версты на три и упиралось въ совершенно Лысую гору, на которой видѣлись отдѣльные люди и всадники, рѣзко обрисовывающіеся на снѣжномъ фонѣ. Въ трубу я могъ ясно разглядѣть посты турецкихъ черкесовъ, слѣдившихъ за Чурьякскимъ ущельемъ. Черкесы сходились другъ съ другомъ, размахивали руками, указывали ими на что-то вдаль, ежились отъ холода и опять расходились, ведя своихъ лошадей въ поводу. Они меня очень занимали, такъ что я долго за ними слѣдилъ. Насмотрѣвшись на нихъ вдоволь, я отправился домой обѣдать. Деревня была почти пуста, но съ большими запасами сѣна, соломы, ячменя; судя по избамъ, она была чисто болгарская и, должно быть, богатая. Около деревни протекала небольшая рѣчка, которая могла во-очію убѣдить всякаго, что мы находимся уже на южномъ склонѣ Балканъ—она текла съ горъ на югъ, тогда какъ всѣ ручьи до сихъ поръ текли съ горъ на сѣверъ.

Мои молодые болгары были родные братья, но совѣмъ различныхъ характеровъ. Младшій изъ нихъ шустрый, расторопный, разъ десять рассказывалъ мнѣ одно и то же, какъ онъ вздумалъ сегодня сходить во Врачешъ къ своимъ роднымъ и какъ его не пропустила наша цѣпь; онъ все просилъ меня дать ему записку для пропуска, и такъ мнѣ этимъ надобѣлъ, что я на него даже прикрикнулъ. Другой братушка, его братъ, былъ спокойный, худой, неподвижный, молчаливый; онъ сидѣлъ у очага, подкладывалъ дрова и пекъ себѣ въ золѣ кукурузу; отъ предложенной ему вареной говядины, къ моему удивленію, отказался. Его шустрый братъ, который ни отъ чего не отказывался, объяснилъ мнѣ, что теперь Рождественскій постъ, что его братъ постится и не ѣстъ блажнаго, т. е. скоромнаго. Я былъ очень удивленъ встрѣтить такого строгаго постника, а главное въ такое время, когда не приходилось разбирать пищу, а съѣдалось все, что только попадалось подъ руку.

Послѣ обѣда я отсыпалъ имъ немного чаю и сахару; они заварили его въ деревянной чашкѣ и пили по-очередно вмѣстѣ съ листьями, поминутно сплевывая ихъ въ сторону. Они сами видѣли, что не умѣютъ его пить и смѣялись надъ этимъ вмѣстѣ съ нами; но русскій крѣпкій шекеръ одобрили. Они рассказывали мнѣ много интереснаго про ихъ жизнь въ деревнѣ и про турокъ, которымъ не удалось окончательно разграбить Чурьякъ, такъ какъ, изъ боязни быть застигнутыми русскими, они поспѣшили его покинуть, хотя бѣльшую часть скотины все-таки

увели съ собой; остальная часть была продана болгарами во Врацешѣ русскимъ войскамъ.

Я замѣтилъ, что мои болгары относились совсѣмъ равнодушно къ тому, какъ солдаты разносили для подстилки ихъ солому, а для топлива ихъ плетни; мнѣ показалось, что потерявъ скотъ, они уже не дорожили ни соломою, ни плетневыми загородами.

Къ вечеру явился къ нимъ ихъ старшій братъ, бывшій въ то время проводникомъ въ л.-гв. Павловскомъ полку; онъ пришелъ съ позиціи полка подъ Арабъ-Конакомъ провѣдать своихъ братьевъ и принесъ имъ солдатскаго хлѣба и говяжьихъ пайковъ. Они втроемъ сѣли на полъ и начали ужинать; приволокли какой-то деревянный кругъ, нѣчто въ родѣ стола безъ ножекъ, разложили на немъ ѣду и молча начали чавкать.

Старшій братъ зналъ поименно все наше высшее начальство; зналъ чѣмъ командуетъ графъ Шуваловъ, зналъ названія различныхъ полковъ, а командиръ Павловскаго полка, полковникъ Шмитъ, былъ для него полубогъ; на каждомъ десятомъ словѣ, онъ упоминалъ о немъ. Съ нимъ было легче говорить, чѣмъ съ его братьями, онъ насъ лучше понималъ. Онъ намъ рассказалъ, что своихъ бабъ и дѣтей увелъ въ такія уединенныя деревни, куда ни турокъ, ни русскій не попадутъ. Его рассказы о болгарскихъ обрядахъ были для меня крайне интересны.

На другое утро, 14-го декабря, вставъ рано утромъ, старшій братъ отправился къ своему возлюбленному полубогу. Всѣ трое твердили въ унисонъ, что они не запомнятъ такой суровой зимы; это мѣтѣе высказывалось одинаково всѣми болгарами, съ которыми мнѣ приходилось говорить. Никакой особо суровой зимы въ этотъ годъ не было, а просто братушкамъ, которые въ силу обстоятельствъ должны были проводить всю зиму на улицѣ, казалось холодно; они бѣгали всю зиму по горамъ, то къ своему семейству, то навѣдать свою избу; торговали скотомъ, добывали, воровали и, т. д. и все время думали только объ одномъ, какъ бы поѣсть, какъ бы согрѣться. Отъ нихъ я узналъ, что въ Софіи «нѣма дровъ» и что они поставляютъ въ городъ дрова. Всѣ окружающія Чурьякъ горы были дѣйствительно уставлены кучами наплавленныхъ дровъ и хвороста, которыя мы издали принимали за турецкіе шалаши. Далѣе болгары съ особеннымъ вкусомъ говорили о томъ, что въ Софіи «има добро винце», при этомъ они улыбались и причмокивали губами. Они зазывали меня на сосѣднюю высокую гору или, какъ она выразилась, «на балканъ», откуда можно было увидѣть вдали Софію. Если бы я не былъ утомленъ, то я бы пошелъ, но меня тошнило отъ горъ, такъ что я предпочелъ лучше пролежать на соломѣ.

Мы просидѣли въ Чурьякѣ 13-е и 14-е декабря; 15-го утромъ было уже спущено внизъ нѣсколько горныхъ и 9-ти фунтовыхъ орудій.

такъ что можно было продолжать дальнѣйшее движеніе. Я вспоминаю, какъ шумъ и трескъ, производимый при вѣздѣ въ Чурьякъ, лафетами и зарядными ящиками, пріятно ласкалъ мой слухъ и чѣмъ больше было шума, тѣмъ веселѣе дѣлалось на душѣ; на войнѣ безъ артиллеріи скучно.

Въ этотъ же день нашъ полкъ выступилъ изъ Чурьяка по направленію къ Лысой горѣ, за которой сейчасъ же начиналась большая Софійская долина; съ этой горы мы должны были сбить черкесовъ. Лишь только роты стали вытягиваться по ущелью, какъ по всему краю вдругъ появились всадники-черкесы; они сосредоточились къ серединѣ, составили довольно большую часть и должно быть держали промежъ себя совѣтъ, какъ имъ быть. Изъ ущелья мы свернули немного влѣво, незамѣтно пробрались по горамъ и вышли къ подошвѣ той горы, на которой были черкесы. Сбить ихъ съ горы было не трудно; 3-й и 4-й баталіоны были выдвинуты впередъ, а 1-й и 2-й шли сзади. Черкесы спѣшались, разошлись по хребту и открыли по насъ жестокою трескотню изъ магазинокъ. Наша цѣпь ползла въ гору и не тратила понапрасну патроны, а открыла по неприятелю огонь только тогда, когда подошла на ружейный выстрѣлъ. Подъ прикрытіемъ пороховаго дыма, наступленіе пошло дружныи; черкесы прекратили огонь и спустились съ горы внизъ въ Софійскую долину. Когда мы добрались до верху, то еще можно было видѣть отдѣльныхъ отставшихъ черкесовъ, вразсыпную удиравшихъ отъ насъ. По окончаніи дѣла у насъ оказалось только двое раненыхъ. Весь полкъ поднялся на гору и занялъ довольно длинную позицію. Во время перестрѣлки, шедшая съ нами сотня изъ Кавказской бригады, проскочила чрезъ какое-то боковое ущелье въ Софійскую долину и затѣяла тамъ дѣло съ черкесами, конвоировавшими большой обозъ, шедшій по шоссе изъ Софіи въ Арабъ-Конакъ. Я сожалѣю, что мнѣ не удалось видѣть этой лихой схватки, которая была видна съ Лысой горы, какъ на ладони. Когда нашъ 2-й баталіонъ добрался до верху, то отъ черкесовъ и слѣдъ простылъ; и только видѣлъ, какъ наши осетины забирали съ дороги турецкія подводы и увозили ихъ по направленію къ намъ; они до того разогрѣли нагайками воловъ, что тѣ бѣжали крупною рысью. Въ обозѣ было много галетъ; одной изъ ротъ 2-го баталіона (не помню только которой) было приказано спуститься съ горы и поддержать осетинъ: въ этотъ вечеръ на ея долю выпало счастье поживиться на счетъ неприятеля; мы же всѣ остались на Лысой горѣ.

Съ этой горы открылась величественная картина на всю Софійскую долину, по которой извивалось шоссе въ видѣ змѣйки, а сама она была такъ широка, что даже трудно было опредѣлить ея размѣры. Это не была долина какой-нибудь рѣки, а просто котловина среди Балканскихъ горъ, въ которой былъ расположенъ городъ Софія верстахъ въ трид-

пяти отъ насъ. По долинь всюду были разбросаны деревни; она тянулась какъ будто безъ конца, нигдѣ никакихъ редутовъ, никакихъ укрѣпленій. Намъ казалось, какъ будто мы спустились съ горъ въ низшія сферы, а между тѣмъ, мы были еще очень высоко, такъ какъ Софійская долина расположена на высотѣ 2.000 футовъ.

Погода вдругъ испортилась, къ ночи повалилъ снѣгъ, начался сильный вѣтеръ; вскорѣ вьюга до того усилилась, что мы очутились въ снѣжномъ безбрежномъ морѣ. Разставляя вечеромъ съ полковникомъ Евреиновымъ аванпостную цѣпь по скату горы, мы долго съ нимъ бродили, пока не нашли нашу сомкнутую часть, оставленную на горѣ. Вьюга заносила наши слѣды, а предметовъ, по которымъ мы могли бы ориентироваться, на Лысой горѣ не было вовсе: ни одного дерева, ни одного кустика; снѣгъ крутился вихремъ и хлесталъ по лицу, хотя всѣ были въ башлыкахъ. Ночь обѣщала быть ужасной, дровъ вовсе не было, поддерживать связь съ сосѣдними частями было почти невозможно; отправленный посыльный, не дойдя до сосѣдней роты и боясь ночью заблудиться въ обширномъ снѣговомъ пространствѣ, возвращался обратно. Тогда посылались цѣлая цѣпь людей, которые не теряя другъ друга изъ виду, доходили до полковника, который провелъ эту ночь съ 8-й ротой.

Внизу подъ нами весь вечеръ лаяли и выли собаки, свидѣтельствовавшія о близости деревни. Я отправилъ команду надежныхъ людей, приказавъ имъ добыть, во что бы то ни стало, дровъ для костровъ, ибо сидѣть въ такую ужасную ночь на вышкѣ безъ огня было очень тяжело. Люди долго пропадали и только часа три спустя, внизу, подъ горой, послышались голоса возвращающихся. Они приволокли большія полѣнья дровъ, принесли куръ, соленой свинины, творогу, масла, муки; затрепцали костры, началась стряпня. Мнѣ сварили супъ изъ необыкновенно жирной курицы, кормленной, вѣроятно, кукурузой, потому что она дала янтарно-желтый наваръ; люди поджаривали свинину, варили кашу, дѣлали что-то такое изъ муки съ творогомъ. На мой вопросъ: откуда все это добыто? они отвѣчали единогласно, что въ подгорной деревнѣ турецкіе дома были покинуты и что все это они нашли, будто бы, тамъ. Въ продолженіе войны, мнѣ приходилось слышать отъ людей всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ, т. е., что все ими добытое принадлежит туркамъ, а не болгарамъ. Я замѣтилъ, что въ походѣ часто *les extrémités se touchent*: то нѣтъ ни гроша, а то вдругъ появляется алтынъ.

Я завернулся въ башлыкъ и бурку и всю ночь пролежалъ у костра въ полной неизвѣстности относительно того, гдѣ и что дѣлаютъ остальные пятнадцать ротъ полка.

Къ утру мятель утихла и мнѣ выяснилось наше положеніе. Полкъ спустился внизъ въ долину и занялъ позицію поперекъ Софійскаго шоссе, спиной къ Софіи, а фронтомъ по тому направленію, куда намъ

надлежало идти для соединенія съ отрядомъ генерала Дандевилля. Въ то время мы еще не знали о тѣхъ ужасахъ, которые претерпѣлъ его отрядъ во-время снѣжной бури; мятель задѣла насъ только крыломъ, а тамъ, гдѣ былъ отрядъ Дандевилля, она разразилась со всею силою. Я не помню цифру захворавшихъ и обмороженныхъ въ эту ночь людей въ его отрядѣ, но знаю, что ихъ было ужасно много; люди сидѣли тамъ безъ костровъ, которые отъ вѣтра не могли горѣть, орудія были брошены въ снѣгу, ихъ замело и весь отрядъ вернулся назадъ, откуда вышелъ. Болѣе всѣхъ опять-таки пострадалъ Псковскій полкъ. Окружить общими силами Арабъ-Конакъ такъ и не удалось.

Мы стремились на соединеніе съ генераломъ Дандевиллемъ, но двинуться съ мѣста не могли, потому что передъ нами снова очутились турки. У деревни Ташкисенъ они начали возводить два редута, одинъ побольше, другой поменьше. По настоящему надо было сейчасъ же выбить турокъ изъ Ташкисенъ и продолжать движеніе, но насъ было тогда мало въ Софійской долигѣ, а покуда подошли къ намъ подкрѣпленія, турки уже успѣли соорудить весьма солидный редутъ. Въ ожиданіи подхода войскъ, были сдѣланы такія распоряженія: ежедневно наша дежурная часть оставалась на шоссе на позиціи, а остальные три батальона отдыхали въ ближайшей деревнѣ Негашово; наша же кавалерія разъѣзжала по всей широкой Софійской долигѣ и изрѣдка перестрѣливалась съ черкесами.

Алексан. Алексан. Версъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Воспрещеніе содержателямъ частныхъ театровъ принимать на службу артистовъ императорскихъ театровъ.

Письмо директора императорскихъ театровъ А. Нарышкина—Д. А. Гурьеву отъ 1-го іюня 1808 г.

Милостивый государь мой, Дмитрій Александровичъ!

Я имѣлъ счастье докладывать государю императору о вредѣ, который дѣлаютъ дирекціи содержатели театровъ въ губерніяхъ, а особливо Казанской—г-нъ Есиповъ, подговаривая къ себѣ лучшихъ россійскихъ придворныхъ актеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые, пользуясь симъ предложомъ и зная, сколько они нужны дирекціи, увеличиваютъ безмѣрно свои требованія о прибавкѣ жалованья. Его императорскому величеству угодно было сказать мнѣ, что онъ дастъ, черезъ ваше высокопревосходительство, запрещеніе содержателямъ театровъ подговаривать и даже принимать на свои театры актеровъ, нынѣ находящихся въ службѣ императорской дирекціи. Итакъ, покорно прошу васъ, милостивый гусударь мой, истребовавъ на оное высочайшее соизволеніе, написать въ сходственность моего донесенія къ содержателямъ театровъ, дабы они не дерзали сманивать и принимать въ службу придворныхъ актеровъ; въ томъ же смыслѣ доставить на мое имя высочайшій рескриптъ, съ котораго копіи я къ нимъ сообщу.

Письмо Д. А. Гурьева—князю А. Б. Куракину отъ 9-го іюня 1808 г.

Милостивый государь мой, князь Алексѣй Борисовичъ!

Главный директоръ императорскихъ театровъ оберъ-камергеръ Нарышкинъ, письмомъ своимъ, въ копіи при семъ прилагаемомъ, отнесся ко мнѣ, дабы я представилъ его императорскому величеству, что нѣкоторые изъ содержателей партикулярныхъ театровъ сманиваютъ къ себѣ лучшихъ русскихъ актеровъ, при театральной дирекціи служащихъ. Письмо сіе имѣлъ я счастье поднести государю императору, и его императорское величество, находя представленіе г-на оберъ-камергера Нарышкина основательнымъ, высочайше повелѣтъ мнѣ изволилъ сообщить вашему сіятельству, дабы вы посредствомъ гражданскихъ губернаторовъ дали знать всѣмъ имѣющимъ партикулярные театры, чтобы они русскихъ актеровъ, вступившихъ въ службу по императорскимъ театрамъ въ столицахъ, не принимали на свои театры, безъ особаго на то дозволенія главнаго директора императорскихъ театральныя зрѣлищъ.

Сообщ. бар. Н. В. Дризень.



Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садикъ паши).

XLVI *).

Сношенія съ черкесами. — Добруджа. — Польскія монеты Владислава Замойскаго. — Приключеніе съ Равскимъ и его возвращеніе во Францію. — Буткевичъ въ Ботушанахъ. — Провскія польской демократіи. — Появленіе полаковъ въ Стамбулъ. — Решидъ-паша и власти.



становивъ сношенія со славянами, я рѣшилъ также завязать ихъ съ черкесами и чеченцами, чтобы придать князю Адаму Чарторыйскому болѣе вѣса въ глазахъ Англии, которая интересовалась этими азіатскими народами гораздо болѣе, нежели славянами. Англія доказывала это всякій разъ, когда дѣла польской справы касались англійскаго кабинета: черкесы и азіатскіе народы, обитавшіе между Чернымъ и Каспійскимъ морями, были въ ея рукахъ орудіемъ, коимъ она тревожила и пугала Россію. Я не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ англичанами и поэтому всячески сторонился отъ англійской дипломатіи, но мнѣ очень хотѣлось разузнать правду о Кавказѣ и показать англійскимъ дипломатамъ, что я могу сдѣлать гораздо больше нежели ея агенты, щедро ею оплачиваемые.

Я слышалъ отъ Станислава Краевскаго и отъ многихъ другихъ лицъ, что несмотря на разглагольствованіе «Times'a» и другихъ газетъ, англійскіе агенты не заѣзжали въ глубь страны далѣе какъ на

*) См. „Русскую Старину“, июль, 1898 г.

*

разстояніе полутора часовъ ѣзды отъ моря и останавливались близъ Анапы, у шапсуговъ.

Я познакомился съ жившимъ въ Константинополь шапсугомъ Ахметъ-агою, съ которымъ я вошелъ въ соглашеніе и чрезъ него познакомился съ Мехметомъ-агою—шапсугомъ, пользовавшимся уваженіемъ среди своего племени.

Онъ хорошо говорилъ по-русски; я сказалъ ему безъ обиняковъ, что хочу послать агента къ Шамилю съ письмомъ отъ моего имени и получить отъ него отвѣтъ, въ которомъ бы говорилось, что я вошелъ съ нимъ въ дѣловыя сношенія. Мехметъ согласился взять на себя эту роль, но выразилъ желаніе имѣть удостовѣреніе отъ Высокой Порты, что все это дѣлается съ ея вѣдома.

Я отправился къ Мехметъ-Али-пашѣ съ Людвигомъ Звѣрковскимъ и сообщилъ ему о своемъ планѣ; Звѣрковскій заявилъ, что онъ готовъ ѣхать на Кавказъ. Съ Мехметъ-Али-пашею было чрезвычайно легко вести дѣло; не состоя на службѣ онъ не подвергался никакой отвѣтственности. Онъ обѣщаль взяться за это дѣло и нѣсколько дней спустя пригласилъ меня къ себѣ и далъ Звѣрковскому на дорогу 25 тысячъ піастровъ и хорошо нагруженный корабль.

Звѣрковскій, который поѣхалъ на Кавказъ подъ именемъ Каракракъ-бея, накупилъ товаровъ, полотень, ситцевъ, всевозможныхъ уборовъ, имѣвшихъ на Кавказѣ цѣнность денегъ и цѣнившихся даже дороже денегъ, а я далъ ему письмо къ Шамилю, предлагая шейху отъ имени князя Адама Чарторыйскаго дѣйствовать совместно на Кавказѣ и въ Европѣ. Снаряженный такимъ образомъ, Звѣрковскій пріѣхалъ благополучно въ Джубу, откуда отправился къ Шамилю.

Въ Добруджѣ наши дѣла шли прекрасно. Равскій дѣйствовалъ ловко и энергично, но несмотря на это его постигла неудача. Изъ Парижа былъ присланъ въ распоряженіе агентства Антонъ Илинскій. Согласно полученному приказанію я послалъ его въ Добруджу, давъ ему въ спутники Ахмета-Тефикъ-бея или Пулавскаго, который зналъ турецкій языкъ и былъ знакомъ съ мѣстностью.

Илинскій не сказалъ мнѣ, что Владиславъ Замойскій, благословляя его на путь въ Добруджу, далъ ему съ собою цѣлый мѣшокъ медалей съ портретомъ князя Адама, которыя были выбиты въ Англіи и должны были замѣнить казакамъ и татарамъ польскія монеты. Новые агенты были встрѣчены въ Кюстенджи Равскимъ. Переговоривъ съ нимъ они дали ему эти медали для раздачи народу, чтобы этимъ облегчить агентству первые шаги на новомъ поприщѣ, а сами веселились въ Кюстенджи и только нѣсколько дней спустя отправились въ Тульчу, гдѣ должны были основаться.

Тѣмъ временемъ Равскій добросовѣстно раздавалъ медали; народъ бралъ ихъ охотно, но евреи не хотѣли ихъ брать даже въ уплату за водку. Вдругъ разнеслась вѣсть о появленіи въ краѣ фальшивыхъ монетъ; Равскій и Краевскій, которые не отпирались отъ того, что они раздавали медали, впрочемъ бесплатно, были арестованы и по производствѣ слѣдствія Равскій былъ высланъ въ Стамбуль, а Краевскій—къ женѣ въ Кавгаджію. Вернувшись въ Стамбуль совершенно измученный и сконфуженный, Равскій уѣхалъ во Францію, а оттуда отправился въ Галицію.

Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Равскаго, новые агенты начали по-своему хозяйничать въ Добруджѣ. Чтобы отдѣлаться отъ Будзинскаго, они придумали иной способъ. Однажды въ его квартиру явилась цѣлая толпа бурлаковъ и пьяныхъ, крича:

— Батька, атаманъ, пора, идемъ на москаля.

Мѣстныя власти не обратили на этотъ случай особеннаго вниманія; имъ было не въ-диво, что отождѣ-бiry, какъ звали бурлаковъ, гуляютъ и шумятъ, но въ Тульчѣ находился агентъ русскаго правительства; онъ взглянулъ на эту манифестацію иначе, потребовалъ, чтобы мѣстныя власти арестовали Будзинскаго и бывшихъ съ нимъ поляковъ. Прежде нежели мудиръ собрался послать кавасовъ, Дубровчицъ и Радншевичъ успѣли предупредить Будзинскаго, посадить его на австрійскую лодку и перевезти въ Галацъ. Ахметъ Пулавскій бѣжалъ въ Кюстенджи, а Илинскій, переодѣтый монахомъ,—въ Филици. Къ несчастью онъ подвыпилъ въ дорогѣ и былъ арестованъ въ какой-то корчмѣ, закованъ въ кандалы и отправленъ въ Руцукъ, гдѣ просидѣлъ три мѣсяца въ заточеніи. Только благодаря моимъ стараніямъ его перевели въ Стамбуль, гдѣ онъ былъ выпущенъ наконецъ на свободу благодаря заступничеству Мехметъ-Али паша. Въ благодарность за то, что его освободили, онъ принялъ магометанство, перемѣнивъ свое имя на имя Магомета-Искиндеръ-Иллаги бея; его опредѣлили маіоромъ въ артиллерію, назначивъ ему жалованье и паекъ и отдали его въ мое распоряженіе.

Я нарочно послалъ Илинскаго, въ то время уже Скиндеръ-бея въ Добруджу, чтобы показать мѣстнымъ жителямъ и властямъ, что мы одержали верхъ и имѣемъ вѣсь въ глазахъ правительства; это произвело весьма выгодное для насъ впечатлѣніе.

Михаилъ Будзинскій спрятался у боярина Гики, въ окрестностяхъ Галаца, и вмѣстѣ съ нимъ посѣтилъ Яссы и Бухарестъ. Товарищество польскихъ демократовъ имѣло своихъ агентовъ въ этихъ городахъ, гдѣ оно вело довольно дѣятельную пропаганду между румынами эксплуатируя въ то же время мѣстныхъ жителей, которыхъ они пугали эмиссарами, если они не откупятся; бѣдный людъ безпрекословно платилъ эмиссарамъ все, что отъ него требовали. Появленіе Будзинскаго и ла-

сковый приёмъ, оказанный ему румынами, съ коими я былъ знакомъ еще въ Парижѣ, встревожилъ демократовъ. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Филоновичъ, занимавшій какую-то должность при г-жѣ Потоцкой, самый дѣятельный изъ агентовъ демократіи и самый счастливый сборщикъ податей, сдѣлалъ чрезъ третье лицо доносъ на Будзинскаго русскому консулу, описавъ ему въ яркихъ краскахъ случай бывшій въ Тульчѣ и связавъ его пребываніе и поѣздку въ Румынію съ этимъ происшествіемъ—Будзинскому пришлось бѣжать; онъ былъ поставленъ доносомъ въ такое неприятное и опасное положеніе, что удралъ въ Стамбуль на парусномъ суднѣ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, а оттуда послѣшно выѣхалъ во Францію.

Агентство въ Добруджѣ было въ плохихъ рукахъ. Присланные изъ Парижа Сефельсъ-де-Сольденгофъ и Хорватъ Еленскій, люди прекрасно образованные и весьма даровитые, не были однако достаточны знакомы съ обычаями и нравами Востока и съ мѣстнымъ языкомъ, чтобы занимать это мѣсто. Поэтому я былъ въ крайне затруднительномъ положеніи, когда изъ Босніи вернулся Юліанъ Корсакъ съ Тагиръ-пашею.

Описывая характеръ босняковъ Корсакъ говорилъ: это ни дать ни взять наша польская шляхта: у нихъ происходятъ такія же неурядицы, каждый точно также хочетъ дѣйствовать по своему, никого не слушая. Это такіе же неудачники какъ наши поляки, а многіе изъ нихъ такіе же гуляки и пьяницы какъ наши шляхтичи. Когда дѣло дойдетъ до драки, такъ только держись, самому чорту отъ нихъ не поздоровится, а когда имъ придетъ фантазія бѣжать, такъ ни одинъ заяцъ не сравнится съ ними, и лучшая борзая ихъ не догонитъ; когда они затѣютъ бунтъ, ихъ ничѣмъ не удержишь, а когда ихъ хотятъ наставить на путь истинный, толку не будетъ. У нихъ бесполезно вести пропаганду, составлять для нихъ списки, правила; все это не про нихъ писано, достаточно крикнуть: братья, на коней! Босняковъ, какъ поляковъ, можно подбить на всякое безразсудное дѣло, они не спросятъ: куда ихъ ведутъ и для чего? Но еще не родился тотъ человекъ, который могъ бы наставить ихъ на хорошее дѣло. Я хорошо понялъ ихъ и изучилъ; поэтому смѣло могу сказать, что лучше и выгоднѣе имѣть дѣло съ ксендзомъ Филиппомъ Пашаличемъ, нежели со всѣми босняками вмѣстѣ взятыми.

Юліанъ Корсакъ былъ правъ; поэтому я и привожу его слова. Взявъ съ собою Корсака и Буткевича я отправился въ Кюстенджи, а оттуда въ Тульчу. Перваго я оставилъ главнымъ агентомъ въ Добруджѣ, а Буткевича, снабдивъ рекомендательными письмами въ Валахію и Молдавію, отправилъ въ этотъ край съ порученіемъ разузнать, что принимаетъ демократія въ южной Галиціи. Мнѣ сообщили изъ Парижа,

что тамъ что-то затѣвается, и указывали на Ботушаны какъ на революціонный центръ.

Первое донесеніе Буткевича было чрезвычайно интересно; онъ доносилъ, что въ Ботушанахъ собираются эмиссары товарищества демократовъ съ намѣреніемъ пробраться въ Галицію, не только для пропаганды, но и для подстрекательства народа къ революціи, причѣмъ они хотятъ не только отдѣлаться отъ иноземной власти, но и отъ польской шляхты. Нѣкоторые изъ этихъ эмиссаровъ проникли до Черніовиць, но большая часть находилась въ Мультанахъ. Съ другой стороны, Филановичъ, одинъ изъ главныхъ агентовъ этихъ эмиссаровъ, долженъ былъ войти въ сношеніе съ офицерами штаба русскаго корпуса или дивизіи, квартировавшей въ Кишиневѣ и его окрестностяхъ. Филановичъ, прибывшій въ Ботушаны, сообщилъ на одной изъ бесѣдъ въ присутствіи Буткевича, что онъ уже вошелъ въ сношеніе съ генераломъ, командующимъ дивизіей, и съ подковникомъ, начальникомъ его штаба. Это было очевидное доказательство происковъ демократовъ какъ въ Валахіи и Молдавіи такъ и въ Галиціи; пятый корпусъ русскаго войска стягивался къ Днѣстру и Пруту.

Въ это самое время прибылъ изъ Лондона Решидъ-паша, назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, а Риза-паша вернулся снова къ управленію военнымъ министерствомъ. Лица, вошедшія въ составъ новаго министерства, были на подборъ люди съ положеніемъ, знатнаго происхожденія; о самомъ Решидъ-пашѣ смѣло можно было сказать, что врядъ ли на свѣтѣ нашелся бы еще человѣкъ, у котораго сердце согласовалось бы такъ съ разумомъ какъ у него.

Въ тотъ годъ въ Стамбулѣ стали появляться поляки. Прежде другихъ появился князь Романъ Сангушко, который, оставивъ службу на Кавказѣ, пріѣхалъ нарочно въ Стамбулъ, чтобы видѣть дѣятельность польскаго агентства. Я сердечно привѣтствовалъ этого благороднаго человѣка, который не разъ уже доказалъ свою любовь къ отечеству и свою честность. Вслѣдъ за нимъ прибылъ Камилль Піотровскій изъ Дрылова, мой знакомый, сосѣдъ и даже родственникъ; онъ везъ больную жену въ Италію. Затѣмъ пріѣхалъ Юліанъ Дзедушицкій, богатый галиційскій помѣщикъ, имѣвшій конскіе заводы, доставшіеся ему по наслѣдству отъ Вацлава Ржевусскаго и которые пользовались громкою извѣстностью.

Наконецъ, пріѣхали два чудака: Ланданскій, сынъ презуса Виленскаго суда, повстанецъ 1831 г., который былъ впослѣдствіи инженеромъ во Франціи, женился на французенкѣ, съ которой года четыре жилъ до брака и которую его пріятель-литвинъ увезъ на другой же день послѣ свадьбы въ Чили; бѣдный Ланданскій сошелъ съ ума, и такъ какъ литвинъ, похитившій его жену, былъ демократъ, то онъ ѣздилъ

изъ города въ городъ, съ мѣста на мѣсто, преслѣдую демократовъ. Съ этой цѣлью онъ пріѣхалъ въ Стамбулъ и гонялся по улицамъ этого города съ палкою за польской голытьбою, которая причисляла себя къ демократіи, быть можетъ только потому, что она была голытьбою. Турки надъ нимъ смѣялись. Такъ какъ онъ былъ ревностнымъ католикомъ, то лазаристы отвезли его на островъ Сонторинъ, гдѣ ему дали мѣсто звонаря; онъ позванивалъ въ колокола и попивалъ вино, называемое ночнымъ, потому что виноградъ, изъ котораго оно приготовлялось, собирали ночью.

Со вступленіемъ въ должность Решида-паши въ Оттоманской имперіи снова начались реформы; къ сожалѣнію между Риза и Решидъ паши не могло существовать согласія; тотъ и другой хотѣли властвовать и безраздѣльно пользоваться довѣріемъ монарха; это порождало между ними страшное соперничество, которое мѣшало реформамъ и не дало Турціи возможности достигнуть той степени совершенства, о которой мечталъ Решидъ-паша. Это соперничество поддерживалось Англійей, которая до появленія во французскомъ посольствѣ такого тонкаго дипломата, каковъ былъ де-Буркене, имѣла огромное вліяніе на политику Оттоманской имперіи и руководила ею по своему усмотрѣнію. Серъ Стратфордъ Каннингъ, впослѣдствіи лордъ Радклиффъ, ненавидѣлъ Риза-пашу, который былъ расположенъ къ французскому посланнику, ибо де-Буркене не повелѣвалъ имъ, не притѣснялъ его, но давалъ ему дѣльные совѣты. Риза-паша не выносилъ грубое и невѣжливое обращеніе лорда Радклиффа, котораго называли въ шутку турецкимъ султаномъ въ миниатюрѣ, и не терпѣлъ англійскихъ драгомановъ, которые во все вмѣшивались и изо всего хотѣли извлекать пользу. Решидъ-паша былъ европеецъ, былъ ловокъ и лучше понималъ характеръ лорда Радклиффа; онъ видѣлъ, что это была бодливая, но не особенно страшная корова. Онъ ловко умѣлъ внушить строптивому англичанину черезъ постороннихъ лицъ свои мысли и желанія, которыя тотъ принималъ за свои собственные и энергично поддерживалъ; тогда Решидъ-паша дѣлалъ видъ, что онъ не соглашается съ желаніемъ лорда Радклиффа; тотъ настаивалъ, турецкій министръ мало-по-малу уступалъ и наконецъ со всѣмъ соглашался. Англичанинъ тѣшился какъ малый ребенокъ, что дѣло вышло такъ, какъ онъ хотѣлъ, не зная, что Решидъ паша руководилъ имъ какъ умная нянька руководитъ капризнымъ ребенкомъ. Оба были довольны; все дѣлалось по желанію Решида, но онъ не могъ повѣрить Риза-пашѣ свою тайну—не могъ объяснить ему, какимъ образомъ онъ водилъ за носъ англійскаго посланника. Посланникъ же, возмущенный несговорчивостью Риза-паши, постоянно возбуждалъ недоразумѣнія и ссоры между этими двумя турецкими сановниками.

XLVII.

Нѣсколько словъ о событіяхъ въ Румыніи—Хлопоты старовѣровъ.—Организація старообрядческой церкви въ Турціи.—Рѣзня въ Галиціи.—Вступленіе турокъ въ Румынію.—Омеръ Луфти-паша.—Отъѣздъ Людовика Звѣрковскаго на Кавказъ.—Письмо къ Шамлю.—Его отвѣтъ и письмо султана Даниеля.—Несчастный случай съ Каракрахъ-беимъ.—Его возвращеніе въ Стамбуль.

Съ возвращеніемъ молодыхъ румынъ на родину изъ Парижа, Лондона и другихъ столицъ Европы, гдѣ они кончали курсъ наукъ, начались различныя манифестаціи въ демократическомъ духѣ, которыя чрезвычайно тревожили мѣстныя власти и даже сосѣднія правительства, Россію и Австрію. Румынская молодежь бросилась въ демократическую пропаганду съ увлеченіемъ и пыломъ, свойственнымъ новичкамъ, входила въ сношенія съ демократами всего свѣта, хотѣла уничтожить все старое и устроить все по новому. Весь цвѣтъ румынскаго общества принималъ участіе въ этихъ манифестаціяхъ, которыя я не описываю подробно, такъ какъ онѣ не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ польскому агентству князя Адама, съ коимъ румыны сблизились уже тогда, когда имъ пришлось эмигрировать въ Стамбуль.

Во главѣ тѣхъ лицъ, по инициативѣ которыхъ начались сношенія между румынами и нашимъ агентствомъ, стояли: Иванъ Гика, безспорно самый даровитѣйшій изъ румынъ, съ коимъ я познакомился еще въ Парижѣ, три Голѣсскіе, Рудольфъ и два Александра, Дмитрій Кречулеско и многіе другіе.

Въ Румыніи не было настоящаго возстанія, тамъ происходили только однѣ манифестаціи, да появился отрядъ челоуѣкъ въ сорокъ поляковъ и демократовъ, которые заняли монастырь въ окрестностяхъ Скулянъ. Предводителями этого отряда были Филоновичъ и Лаго, которые увѣряли, что у нихъ есть единомышленники среди офицеровъ русскаго войска, стоящаго въ Бессарабіи, и что имъ удастся склонить на свою сторону войско. Эта ребяческая и безтолковая выходка заставила двинуть русское войско за Прутъ; вооруженный отрядъ поляковъ обратился въ бѣгство; никто изъ нихъ не былъ пойманъ.

Въ то время, какъ наше вниманіе было обращено на событія, происходившія на Дунаѣ, въ Стамбуль пріѣхалъ Гончаровъ съ двумя монахами-старовѣрами, Павломъ и Олимпомъ. По указу императора Николая, старообрядческіе монастыри были закрыты, молодые священники и монахи были сосланы на Кавказъ, остались одни старые попы, новыхъ было запрещено посвящать и старовѣрчеству угрожала гибель за недостаткомъ священниковъ. Бѣлокрыница и три—четыре деревни около

нея издавна были населены старовѣрами, выходцами изъ Россіи ¹⁾, число которыхъ увеличилось за послѣднее время, но въ этомъ поселеніи точно такъ же, какъ въ Добруджѣ, не было епископа, имѣющаго право посвящать въ священнической санъ. Тогда старовѣры обратились къ князю Меттерниху съ просьбою дать имъ епископа, приложивъ къ своему прошенію изрядную сумму денегъ. Князь Меттернихъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать точно такъ же, какъ не можетъ признать епископа, котораго они сами себѣ поставятъ; если же они найдутъ епископа, который, будучи посвященъ греческимъ патріархомъ, согласится перейти въ старообрядчество, таковой епископъ будетъ признанъ австрійскимъ правительствомъ и будетъ пользоваться правами и преимуществами, подобающими его сану. Вслѣдствіе этого помянутые монахи съ Гончаровымъ пріѣхали ко мнѣ, прося имъ помочь и не отказать въ совѣтѣ.

Съ помощью ксендза Филиппа Пашалыча былъ найденъ епископъ, высланный не задолго передъ тѣмъ изъ Россіи за пьянство; онъ былъ изъ арнаутовъ, говорилъ по-славянски и жилъ въ то время въ Константинополѣ, получая самую ничтожную пенсію. Онъ сразу согласился на наше предложеніе, получивъ за это двѣ тысячи піастровъ, изъ коихъ половину оставилъ своимъ роднымъ, а самъ отправился въ Бѣлокрыницу. Князь Меттернихъ, получившій по этому случаю еще изрядную сумму денегъ, велѣлъ признавать его официально, но Будкевичъ, бывшій въ то время въ Бѣлокрыницѣ, недовѣрчивый, какъ всѣ литвины, совѣтовалъ намъ посвятить какъ можно болѣе священниковъ, отправивъ ихъ въ Россію, и также посвятить нѣсколькихъ епископовъ, которые останутся въ Добруджѣ и Бѣлокрыницѣ, увѣряя, что князь Меттернихъ выдастъ нашего епископа по первому требованію Россіи. Послѣдовавъ его совѣту, мы посвятили нѣсколькихъ епископовъ для Добруджи и большое число священниковъ для Россіи.

Какъ Буткевичъ предсказывалъ, такъ и случилось. По первому требованію Россіи епископъ былъ вызванъ въ Вѣну и долженъ былъ поселиться въ Австріи, гдѣ онъ жилъ спокойно. Бѣлокрыницкіе епископы не были признаны Австріей, но епископы, посланные въ Добруджу, были признаны Высокой Портой, благодаря стараніямъ нашего агентства; старовѣры имѣли такимъ образомъ свое собственное высшее духовенство и дальнѣйшее существованіе ихъ было обезпечено.

Решидъ-паша прекрасно понималъ силу старообрядчества и выгоду, которую можно было изъ него извлечь.

¹⁾ Бѣлокрыницкій монастырь находился въ Австріи и съ давнихъ поръ былъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ поставлялись раскольничьи епископы и священники.

Успѣхъ этого дѣла сблизилъ наше агентство со всѣми старовѣрами, проживавшими въ Добруджѣ и въ Галиціи, и вслѣдствіе этого всѣ казаки, жившіе въ Турціи, подчинились непосредственно нашему вліянію и были готовы откликнуться на нашъ зовъ, ибо старовѣры готовы на всякія жертвы ради своей вѣры. На содержаніе старообрядческой церкви со всѣхъ сторонъ стекались щедрыя пожертвованія; изъ Москвы было прислано русскими кредитными бумажками семьдесятъ пять тысячъ рублей серебромъ на имя Аллеона, турецкаго банкира, для передачи ихъ въ распоряженіе Гончарова. Въ Добруджѣ, въ Славѣ, были сооружены огромныя зданія для митрополической церкви, для помѣщенія епископа, семинаріи и монастыря.

Вскорѣ послѣ этого произошла рѣзня въ Галиціи, которая была новымъ поцѣлуемъ Иуды со стороны нѣмцевъ, но поляки, подобно Христу, все простили, все забыли и, кажется, были готовы подставить другую щеку для подобнаго же поцѣлуя. Я не буду описывать всѣхъ ужасовъ этого кровопролитія, но считаю долгомъ напомнить, что славянская Россія не только оберегла свои польскія провинціи отъ подобныхъ ужасовъ, но не допустила ихъ и въ русской части Галиціи. Славянская Россія защитила отрeksiхся отъ славянства поляковъ отъ нѣмцевъ, которые собирались истребить ихъ въ благодарность за многочисленныя услуги, оказанныя имъ поляками.

Вскорѣ послѣ этого Румынія была занята русскими и турецкими войсками. Фуадъ-эфенди былъ назначенъ турецкимъ комиссаромъ, а Омеръ-Луфти-паша—начальникомъ оккупационнаго войска. Это былъ кроатъ, по имени Михайлъ Латачъ, служившій прежде фельдфебелемъ въ пограничномъ Отокарскомъ полку; имѣвъ непріятности съ мѣстными властями, онъ бѣжалъ въ Боснію, принялъ мусульманскую вѣру и въ 1827 г. вмѣстѣ съ боснійскими башибузуками сражался противъ Россіи. По окончаніи войны онъ отправился въ Стамбуль и поступилъ въ придворный штатъ къ садръ-азаму Хозревъ-пашѣ съ званіемъ ибриктара. Хозревъ отлично зналъ, что всѣ иноземцы, принимавшіе магометанство, служили всегда съ отличіемъ въ турецкомъ войскѣ, потому онъ окружалъ себя греками, грузинами, славянами, которые переходили въ магометанство; нѣкоторыхъ онъ посылалъ за границу для довершенія ихъ образованія, другихъ употреблялъ сообразно съ ихъ способностями на службѣ въ войскѣ или въ военномъ министерствѣ. Это была несомнѣнно одна изъ величайшихъ услугъ, оказанныхъ имъ турецкому правительству, ибо онъ ввелъ такимъ образомъ въ турецкую армію новый элементъ, полный энергіи и дарованій, который много облегчилъ впоследствии Риза-пашѣ сформированіе превосходнаго и храбраго турецкаго войска.

Людвикъ Звѣрковскій отплылъ изъ Стамбула зимою, когда на морѣ

свирѣпствовали сильнѣйшія бури; это было единственное время года, когда черкесы могли переплывать на своихъ ладьяхъ къ берегамъ своего отечества, ибо за прибрежною полосою Россіей былъ учрежденъ столь строгій надзоръ, что въ остальное время года ни одна лодка не могла пристать къ кавказскому берегу не будучи замѣчена.

Всю весну и лѣто мы не имѣли отъ него никакихъ извѣстій, но въ началѣ осени Ахметъ-ага, агентъ черкесовъ въ Стамбулѣ, привелъ ко мнѣ абадзеха, который былъ въ Меккѣ и видѣлъ Звѣрковскаго въ Джубѣ. Онъ уже возвращался изъ своего путешествія, но былъ тяжело раненъ и хотя жизнь его была внѣ опасности, но онъ не могъ особенно скоро прибыть въ Стамбуль, куда, по словамъ абадзеха, онъ думалъ направиться.

Съ первымъ пароходомъ, отплывшимъ на Кавказъ, я отправилъ Звѣрковскому новый запасъ товаровъ, чтобы у него хватило всего нужнаго, и написалъ ему письмо, убѣждая не оставаться долѣе на Кавказѣ, а ѣхать въ Стамбуль лечиться.

Звѣрковскій возвратился до наступленія зимы и разсказалъ о своей экспедиціи слѣдующее: когда онъ прибылъ въ Джубу, Мехмедъ-бей созвалъ главныхъ беевъ-шапсуговъ, ногайцевъ и абадзеховъ. Онъ представилъ имъ Каракракъ-бея, прочелъ имъ и сообщилъ содержаніе всѣхъ писемъ Мехметъ-Али-паши, которыя имѣли силу и значеніе фирмановъ Высокой Порты. Каракракъ-бей былъ ими принятъ со всевозможными знаками почета и уваженія и участвовалъ во всѣхъ ихъ совѣщаніяхъ: братья Засы-Оглу употребили все свое вліяніе, чтобы облегчить ему дорогу къ Шамилю и свиданіе съ шейхомъ. Хаджи Шумовъ выражалъ опасеніе, какъ бы Шамиль не появился у черкесъ, не захватилъ бы надъ ними власть и не сталъ бы управлять ими такъ же деспотично, какъ онъ правилъ чеченцами, лезгинами и другими кавказскими племенами. Этотъ черкесскій бей, славившійся своимъ умомъ, говорилъ о Шамилѣ: «пусть шейхъ Шамиль себѣ воюетъ, мы также будемъ воевать, но пусть онъ не думаетъ нами управлять; быть подъ его властью тяжелѣе, нежели подъ властью турокъ въ то время, когда они владѣли Анапою. Съ турками можно было нажить деньги, а съ Шамилемъ не снесешь и головы. Если бы дѣло дошло до этого, то лучше подчиниться власти могущественнаго и сильнаго русскаго царя, который требуетъ отъ насъ только повиновенія, но не посягаетъ на наше имущество и охраняетъ жизнь своихъ подданныхъ».

Почти всѣ черкесы раздѣляли его мнѣніе, такъ какъ многіе изъ нихъ имѣли сношенія съ русскими властями, получали отъ нихъ пенсіи и подарки. Впрочемъ любовь къ свободѣ или, лучше сказать, къ анархіи была въ крови этихъ людей.

Хаджи-Измаилъ, со своей стороны, былъ противъ того, чтобы чер-

кесы входили въ какія-либо сношенія съ англичанами изъ боязни, чтобы они не воспретили имъ торговлю невольниками, которая доставляла жителямъ большой доходъ.

Поэтому было условлено, чтобы Каракракъ-бей, явясь къ Шамилю, высказалъ ему совершенно точно и опредѣленно желаніе Высокой Порты, а именно, чтобы Шамиль велъ войну въ Дагестанѣ, а черкесы на Лабѣ и Кубани, и чтобы эти два войска никогда не соединялись и не дѣйствовали вмѣстѣ. Съ такимъ порученіемъ Каракракъ-бей отправился въ сопровожденіи двѣнадцати всадниковъ. Они переправились благополучно чрезъ горы и добрались уже до послѣдняго ночлега на границѣ Осетіи, какъ вдругъ ночью послышались выстрѣлы и громкіе стоны въ той избѣ, гдѣ ночевалъ Каракракъ-бей; вошедши туда его люди увидѣли, что онъ былъ весь израненъ и обливался кровью. Всадники тотчасъ помчались во всѣ стороны догонять убійцу, но никого не нашли; четверо изъ нихъ пропали, однако, безслѣдно. Сопровождавшій Каракракъ-бея черкесъ Засы-Оглу совѣтывалъ послать съ письмами къ Шамилю двухъ человекъ и ожидать отъ него отвѣта. Такъ и сдѣлали. Посланные вернулись съ отвѣтами шейха Мехмету-Али-пашѣ и мнѣ. Въ письмѣ къ Мехмету-пашѣ онъ говорилъ, что признаетъ власть султана своего монарха и калифа. Превознося по восточному обычаю могущество и власть султана и выразивъ свою преданность и покорность ему, Шамиль писалъ, что онъ имѣетъ достаточно войска, чтобы бороться съ врагами вѣры и народа, что онъ ни въ чемъ не нуждается, но готовъ повиноваться всѣмъ приказаніямъ султана и съ нетерпѣніемъ ихъ ожидаетъ. Въ письмѣ, адресованномъ мнѣ, Шамиль писалъ, что ему извѣстна храбрость польскаго народа, что онъ радъ заключить съ нимъ союзъ и проситъ меня довести до свѣдѣнія моего начальника, что отнынѣ онъ будетъ смотрѣть на всѣхъ поляковъ, которые прійдутъ къ нему, какъ на своихъ дѣтей, что они будутъ причислены къ его мюридамъ. Къ этимъ письмамъ, написаннымъ по-турецки, но арабскими и персидскими буквами, такъ что ихъ могъ разобрать только самый образованный турокъ, было приложено письмо ко мнѣ на русскомъ языкѣ отъ Даниеля султана Элисуйскаго, который объяснялъ обстоятельно всѣ желанія Шамиля и предлагалъ полякамъ заключить союзъ и дѣйствовать впредъ общими силами. Онъ увѣрялъ, что Шамиль всегда будетъ вѣрнымъ и надежнымъ союзникомъ, и говорилъ, что поблизости отъ нихъ живетъ довольно много поляковъ, которые могли бы образовать войско и быть полезны только подъ начальствомъ поляка и что они ждуть этого начальника.

XLVIII.

Посылка Гордона на Кавказъ. — Кибризли-Мехметъ-паша. — Волненіе въ сербскомъ воеводствѣ. — Предложеніе сербовъ. — Посылка агентовъ въ Сербію. — Порученіе, возложенное на Терлецкаго въ Галиціи.

Въ моемъ донесеніи о результатѣ экспедиціи Людвига Звѣрковскаго на Кавказъ, я высказалъ мнѣніе, что я не предвижу ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ никакой пользы для польской sprawy отъ сношеній поляковъ съ черкесами и даже съ самимъ Шамилемъ. Они не могли принести пользы и Турціи, какъ государству, ибо черкесы не хотѣли признавать власти турокъ, которыхъ они хорошо узнали въ то время, когда турки владѣли Анапою. Черкесы говорили, что они предпочитаютъ туркамъ русскихъ и хотѣли бы имѣть съ турками только религіозныя отношенія, да продавать имъ невольниковъ и приобрѣтать отъ нихъ всѣ нужные предметы, оружіе и амуницію; они не только не хотѣли заключать союза съ Шамилемъ, но не хотѣли даже дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ и высказывали желаніе, чтобы каждый изъ нихъ воевалъ самостоятельно, на свой страхъ. Шамиль, доносилъ я, относится, вѣроятно, къ султану точно такъ же, какъ черкесы, ибо иначе онъ давно уже призналъ бы его верховную власть не ожидая нашего посредничества. Наконецъ, черкесы точно такъ же, какъ чеченцы, жители горъ, которые гораздо болѣе привязаны къ своей родинѣ, нежели жители равнинъ; они готовы совершать набѣги и разбои въ сосѣднихъ русскихъ поселеніяхъ, но ихъ никогда нельзя будетъ убѣдить двинуться на Россію, подобно Батыю, чтобы подать руку помощи полякамъ, которые могли бы напасть на нее одновременно съ другой стороны. Поэтому гораздо лучше искать поддержки въ Бухарѣ, Хивѣ и у степныхъ киргизовъ. Въ концѣ моего рапорта я высказалъ твердое убѣжденіе, что на Кавказѣ можно дѣйствовать только совмѣстно съ черноморскими, азовскими и линейными казаками, что на первыхъ можно поддѣйствовать историческими воспоминаніями о бывшей Сѣчѣ, а на линейныхъ казаковъ—политическими идеями и старообрядчествомъ, такъ какъ между ними, говорятъ много старообрядцевъ и поляковъ, сосланныхъ рядовыми на Кавказъ. Я утверждалъ, что если въ нашу программу не входитъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій съ казаками, то не для чего и посылать агента на Кавказъ; лучше просто-на-просто войти въ сношеніе съ черкесами, живущими въ Турціи и съ тѣми, которые торгуютъ невольниками.

Тѣ же мысли я высказывалъ турецкимъ сановникамъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть сношеніе по этому дѣлу; они меня прекрасно понимали, несмотря на то, что у нихъ существовали предвзятые мнѣнія, основанныя на религіозныхъ взглядахъ и на традиціяхъ прошлаго

хотя и номинальнаго господства надъ черкесами. Они признавали справедливость моихъ словъ и были готовы помочь мнѣ въ осуществленіи моихъ плановъ относительно казаковъ.

Въ Парижѣ взглянули, однако, на мое представленіе совершенно иначе. Я получилъ отвѣтъ не отъ князя Адама, а отъ Владислава Замойскаго, смыслъ котораго былъ слѣдующій: намъ не слѣдуетъ подъ страхомъ впасть въ самый тяжкій смертельный грѣхъ, входить въ какія-либо сношенія съ черноморскими или съ азовскими казаками, которые въ силу религіозныхъ и историческихъ традицій суть враги католичества и Польши. Если бы они даже подняли оружіе въ защиту Польши, это могло бы только погубить ее, такъ какъ они не захотѣли бы принять католическую вѣру, а стремились бы обратить поляковъ въ православіе и оторвать ихъ отъ Запада и западной цивилизаціи. Поэтому слѣдуетъ непремѣнно поддерживать сношенія съ Кавказомъ и поощрять горцевъ къ нападенію на русскія владѣнія. Въ этомъ, по словамъ Замойскаго, заключалось единственное средство, чтобы выманивать деньги у Англій и Турціи для увеличенія желѣзнаго фонда; а чѣмъ болѣе этотъ фондъ увеличится, говорилъ онъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ способствовать упроченію власти и значенія князя Адама и тѣмъ болѣе увеличится его вліяніе на дѣла Польши, несмотря на всѣ происки его противниковъ.

Вскорѣ послѣ полученія мною этого въ высшей степени непрактичнаго письма, какъ все то, что выходило изъ-подъ пера Владислава Замойскаго, изъ Парижа пріѣхалъ Гордонъ съ инструкціей, отъ начала до конца написанной Замойскимъ и подписанной княземъ Адамомъ. Инструкція эта повелѣвала: отнюдь не входить ни въ какія дѣловыя или дружескія сношенія съ черноморскими, азовскими и линейными казаками, постоянно воевать съ ними и не имѣть ничего общаго; гдѣ бы ни поселились поляки-католики, стараться сформировывать изъ нихъ отдѣльные отряды; посылать къ нимъ ксендзовъ, чтобы они не забыли вѣру и обычаи своихъ предковъ; выхлопотать у черкесовъ и у Шамиля разрѣшеніе строить костелы, къ которымъ могли бы принадлежать поляки и, если таковыхъ окажется въ какомъ-либо приходѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, посылать въ этотъ приходъ епископа. Гордону было также предписано войти въ сношеніе съ Шамилемъ, съ султаномъ Даніелемъ и съ англійскими властями въ Индіи черезъ Персію и Гератъ, или по крайней мѣрѣ съ англійскимъ посланникомъ въ Персію и съ англійскими консулами въ Россіи и въ другихъ сосѣднихъ странахъ.

По смыслу этой инструкціи намъ пришлось бы дѣйствовать на Кавказѣ на пользу римско-католической церкви и Англій, а не служить Турціи и польской справѣ.

Гордонъ былъ уроженецъ Киевской губерніи, потомокъ тѣхъ выходцевъ изъ Шотландіи, которые со временъ короля Сигизмунда III на-

чальствовали артиллеріей казацкаго войска, такъ какъ по правиламъ Запорожской Сѣчи начальникомъ артиллеріи не могъ быть казакъ или полякъ, а только иностранецъ.

Мехметъ-Али-паша далъ денегъ для отправки Гордона на Кавказъ, точно такъ же, какъ и на экспедицію Каракракъ-бея. Три судна, нагруженные порохомъ, оружіемъ, амуницией и разнымъ товаромъ, вышли въ море одновременно; на нихъ были двѣ пушки и болѣе десяти чело-вѣкъ черкесъ, возвращавшихся на родину. На одномъ изъ этихъ судовъ ѣхалъ Гордонъ, подъ именемъ Бендерли-бея.

Шесть мѣсяцевъ сражался онъ на Кавказѣ, командуя тремя тысячами всадниковъ, совершилъ двѣ экспедиціи на Кубань и слава о его подвигахъ разнеслась такъ далеко, что различныя племена горцевъ присылали къ нему гонцовъ съ просьбою принять надъ ними начальство.

Бендерли-бей былъ не особенно доволенъ черкесами, которые отправляли всѣхъ поляковъ, попадавшихъ къ нимъ въ плѣнъ или приходившихъ къ нимъ добровольно, къ абазинцамъ, жившимъ близъ Сухумъ-Кале и принявшимъ подданство Россіи, а тѣ отсылали ихъ тотчасъ для продажи на персидскіе, египетскіе и турецкіе рынки. Они оставляли Бендерли-бею только самыхъ старыхъ и немощныхъ. Онъ получилъ разрѣшеніе устроить домовую церковь и помѣститъ при ней ксендзовъ, польскихъ дервишей, какъ называли ихъ горцы, которые совершали бы богослуженіе. Какъ видите, все дѣло обратилось въ злую шутку, но по крайней мѣрѣ все дѣлалось сообразно съ инструкціей Вл. Замойскаго.

Бендерли-бей устроилъ двѣ домовыя церкви, одну у убыховъ, другую у ордановъ ¹⁾; набралось болѣе шестидесяти польскихъ дервишей, которые напрасно ожидали пріѣзда обѣщаннаго епископа изъ Рима; впрочемъ они дождались, наконецъ, церковныхъ облаченій и прочей церковной утвари, присланной въ даръ обществомъ польскихъ дамъ, которыя прислали вмѣстѣ съ тѣмъ множество молитвенниковъ, брошюръ Яна Воронича о монархіи и династіи, брошюръ маіора Быстроновскаго о стратегической линіи въ Польшѣ и два мѣшка медалей съ выбитымъ на нихъ изображеніемъ князя Адама Чарторыйскаго—подарокъ Вл. Замойскаго и еще подарокъ отъ неизвѣстнаго: благословеніе костелу по-латыни и нѣсколько экземпляровъ пѣсень ксендза Праневича.— Все это было препровождено Гордону.

Бендерли-бей обдумывалъ планъ большой экспедиціи на Кубань, въ которой должно было принять участіе по меньшей мѣрѣ двадцать ты-

¹⁾ Названія мѣстности и племенъ, обитающихъ на Кавказѣ, часто приводятся Чайковскимъ такія, которыя неизвѣстны въ этнографическихъ описаніяхъ и не обозначены на картахъ.

сячь всадниковъ, какъ вдругъ однажды ночью онъ былъ убитъ въ своей комнатѣ выстрѣломъ изъ пистолета. Убійца скрылся.

Такъ окончилась вторая экспедиція на Кавказъ. Обѣ описанныя экспедиціи окончились неудачно потому, что онѣ были предприняты безъ ясно опредѣленной цѣли и безъ основательнаго плана дѣйствій; нельзя злоупотреблять святымъ именемъ народнаго дѣла для затѣй, предпринимаемыхъ съ цѣлью наживы спекуляторомъ, который при этомъ набиваетъ себѣ кармакъ. Точно также потерпѣли фіаско и всѣ послѣдующія экспедиціи, снаряжавшіяся на Кавказъ.

Въ то время, какъ начались волненія въ Австріи, русскія и турецкія войска вступили въ Румынію. Описывать подробно эти событія не входитъ въ цѣль моего разсказа, поэтому я коснусь ихъ настолько, насколько они имѣли отношеніе къ агентству князя Адама въ Стамбулѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до начала этихъ волненій, Владиславъ Замойскій, путешествовавшій съ англичанами въ Египтѣ и Сириі, пріѣхалъ въ Стамбулъ одновременно съ Кибризли-Мехметъ-пашою, моимъ давнишнимъ знакомымъ, съ которымъ я встрѣчался еще въ Парижѣ. Этотъ паша возвращался изъ Іерусалима, гдѣ онъ имѣлъ столкновеніе съ русскимъ консуломъ, г. Базилемъ, за что и былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности; поэтому онъ былъ озлобленъ противъ Россіи. Встрѣтивъ сочувствіе въ Замойскомъ, съ коимъ они ѣхали вмѣстѣ на пароходѣ изъ Акки, онъ началъ строить вмѣстѣ съ нимъ разные планы противъ Россіи. Когда онъ вернулся въ Стамбулъ, Респидъ-паша назначилъ его губернаторомъ въ Бѣлградъ и комендантомъ турецкихъ крѣпостей, расположенныхъ по берегу Дуная. Это назначеніе давало ему возможность предпринять кое-какія мѣры для осуществленія своихъ плановъ. Кибризли взялъ съ собою Людовика Звѣрковскаго и Ахмета Пулавскаго, чтобы имѣть ихъ подъ рукою на всякій случай.

Замойскій пріѣхалъ въ Стамбулъ въ то время, когда надъ сыновьями султана Абдулъ-Меджида совершали обрядъ обрѣзанія; я употребилъ всѣ старанія къ тому, чтобы устроить ему по истинѣ царскую встрѣчу. По приказанію Капудана-паши, ему были показаны всѣ суда, которыя маневрировали передъ нимъ, какъ передъ какимъ-либо Кобургомъ или передъ сыномъ королевы Викторіи; самъ Мехмедъ-Али прибылъ на адмиральскомъ суднѣ, гдѣ угощалъ его обѣдомъ. По приказанію сераскира Риза-паши для него былъ произведенъ парадъ войскамъ, по окончаніи коего Риза-паша пригласилъ насъ на офиціальнѣйшій обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ полковые командиры. Почти всѣ министры дали обѣды въ честь Замойскаго.

Этотъ приемъ возбудилъ подозрительность Австріи, и по настоянію Штюрмера, представитель Россіи обратился къ Портѣ съ запросомъ о томъ, что означаетъ подобный приемъ? Это встревожило въ свою очередь ан-

гійское и французское посольства, даже болѣе нежели Высокую Порту.— Посланники этихъ державъ обратились къ Замоискому; онъ отвѣчалъ, что если ихъ тревожить его присутствіе въ Стамбулѣ во время празднествъ, то онъ готовъ уѣхать на это время въ Бруссу. Посланники велѣли своимъ драгоманамъ сообщить объ этомъ Решидъ и Риза пашамъ. Риза-паша сказалъ первый: поблагодарите пана Замоискаго за его желаніе избавить насъ отъ всякихъ затрудненій, но мы просимъ его остаться и дѣлать все, что ему заблагоразсудится; мы не обратимся за помощью къ посольствамъ дружественныхъ намъ державъ, такъ какъ мы еще достаточно сильны, чтобы защитить своихъ пріятелей отъ несправедливыхъ требованій.

Владиславъ Замоискій пробылъ въ Стамбулѣ до окончанія празднествъ, онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о цѣли своего пріѣзда, но я слышалъ, что онъ пріѣзжалъ разузнать, какъ смотритъ Высокая Порта на экспедицію въ Италію и можно ли, въ случаѣ надобности, надѣяться на помощь со стороны Турціи. Если бы Замоискій дѣйствовалъ искреннѣе, онъ могъ бы исполнить свое порученіе съ болѣшимъ успѣхомъ, но онъ по своему обыкновенію хотѣлъ выманить у министровъ всевозможныя обѣщанія, а самъ какъ можно менѣе высказывалъ свои желанія, и поэтому велъ переговоры крайне осторожно; а извѣстно какъ трудно что-либо узнать и вывѣдать у турокъ, всегда сдержанныхъ и осторожныхъ, которые слѣдуютъ пословицѣ: слово серебро, а молчаніе золото.

Замоискій провелъ нѣсколько дней въ Адамполѣ; я видѣлъ, что ему очень не нравились боснійскіе францисканцы, которые, по старинному обычаю, являлись въ церковь съ пистолетами и ятаганомъ за поясомъ. снимали оружіе, надѣвали церковное облаченіе и, отслуживъ обѣдню, снова надѣвали оружіе. Ему также не нравилось, что они служили по-славянски, а не по-латыни. Онъ не высказалъ мнѣ своего неудовольствія; но, какъ онъ самъ сознался нѣсколько лѣтъ спустя, это послужило поводомъ къ тому, что онъ измѣнилъ условіе, заключенное съ лазаристами, подчинилъ имъ мѣстную церковь и установилъ десятинный сборъ на надобности костела и на религіозную пропаганду, чтобы ограничить свободу поселенцевъ и держать ихъ въ покорности и повиновеніи костелу и тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ примѣрными подданными султана.

По отъѣздѣ Замоискаго, было получено извѣстіе, что сербы, проживавшіе въ Австріи, въ такъ называемомъ сербскомъ воеводствѣ, напали, подъ предводительствомъ Стратемировича, въ Вейскирхенѣ на австрійскихъ уланъ и на венгерскихъ гусаръ, объявили войну австрійцамъ и венгерцамъ и провозгласили независимость своей провинціи,

призывая вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ славянъ къ оружію противъ швабовъ и мадьяръ.

Я получилъ отъ Людовика Звѣрковскаго письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что сербское правительство проситъ насъ прислать способнаго дивизионнаго генерала, нѣсколько бригадныхъ генераловъ, полковниковъ и штабныхъ офицеровъ, которые могли бы стать во главѣ славянскаго войска; что оно ассигновало съ этой цѣлью 120 тысячъ франковъ, которые можно получить изъ банка братьевъ Mollet, для чего прилагается на нихъ ассигновка; онъ писалъ также, что если бы поляки, проживающіе въ Галиціи захотѣли примкнуть къ этому движенію и образовать отдѣльный польскій легионъ, то Сербія, т. е. сербское правительство обѣщаетъ дать средства на сформированіе этого легиона, платить полякамъ жалованье и вообще доставлять средства на содержаніе легиона.

Это предложеніе поразило меня своею неожиданностью и чрезвычайно меня обрадовало, такъ какъ я видѣлъ въ этомъ плоды нашей политики; я еще не успѣлъ придти въ себя отъ радости, какъ въ мою комнату вошелъ молодой человекъ, одѣтый въ національный боснійскій костюмъ съ кривой саблей на боку; онъ представился мнѣ, назвавъ себя графомъ Нугентомъ, и передалъ мнѣ письмо отъ Заха, въ которомъ тотъ рекомендовалъ его, какъ горячаго славянскаго патріота, который желаетъ завязать съ нами сношенія. Перекинувшись со мною нѣсколькими словами, которыя сразу внушили намъ довѣріе другъ къ другу, онъ далъ мнѣ письмо бана Елачича, въ которомъ тотъ, отзываясь весьма сочувственно о моей дѣятельности на Востокѣ, писалъ, что его довѣренное лицо и пріятель, графъ Нугентъ, передастъ мнѣ лично, чего именно славяне ждутъ отъ поляковъ и въ особенности отъ приверженцевъ князя Адама Чарторыйскаго.

Графъ Нугентъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхалъ, чтобы заручиться нашимъ содѣйствіемъ сербамъ, кроатамъ и прочимъ славянамъ въ ихъ борьбѣ со швабами и мадьярами и обезпечить нашему общему дѣлу помощь со стороны турецкихъ властей и самого султана, а также и Франціи, гдѣ въ то время была провозглашена республика. По словамъ графа Нугента, банъ Елачичъ хотѣлъ выхлопотать чрезъ князя Адама у французскаго правительства въ ссуду нѣкоторую сумму денегъ на содержаніе въ теченіе мѣсяца кроатскаго войска и на вооруженіе ста тысячъ солдатъ; съ этимъ порученіемъ былъ отправленъ въ Парижъ князь Берличъ, пріятель бана, даровитѣйшій изъ кроатовъ. Графъ Нугентъ говорилъ, что банъ Елачичъ не питаетъ никакихъ несбыточныхъ фантазій относительно судьбы южныхъ славянъ, но полагаетъ, что освободившись отъ власти швабовъ и мадьяръ, имъ будетъ лучше всего организовать федеративный союзъ, подъ главенствомъ султана, какъ по-

*

томка сербскихъ королей по женской линіи. Выслушавъ все это я отпра-вился къ Решидъ-пашѣ, а затѣмъ къ Риза-пашѣ и передалъ имъ слышанное, ничего не утаивъ. Они выслушали меня внимательно и видимо отнеслись къ этому плану сочувственно, но оба просили дать имъ до утра время на размышленіе. Когда я явился на слѣдующій день къ Решидъ-пашѣ, то онъ сказалъ мнѣ, что съ этими вѣстями надобно бы послать въ Парижъ довѣренное лицо; а чтобы показать князю Адаму, что Турція относится къ этому проекту сочувственно, что онъ не можетъ изложить письменно, онъ принимаетъ на турецкую службу Сеффельса-де-Сольденгофа, моего секретаря, чиновникомъ при турецкомъ посольствѣ; Решидъ-паша выразилъ желаніе, чтобы Сеффельсъ тотчасъ отправился въ Парижъ съ бумагами и моими донесеніями. На слѣдующій день онъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Стамбула въ качествѣ чиновника состоящаго при оттоманскомъ посольствѣ въ Парижѣ; ему было при мнѣ отдано приказаніе сноситься во всѣхъ дѣлахъ съ княземъ Адамомъ и быть посредникомъ между нимъ и посольствомъ. Я никогда не забуду того, что говорилъ при этомъ Решидъ-паша, а именно, что между агентствомъ князя Адама и турецкимъ правительствомъ непремѣнно должно существовать единомысліе, ибо насъ соединяютъ одни и тѣ же интересы и одна цѣль, т. е. образованіе при помощи славянъ сильнаго и могущественнаго оттоманскаго государства и независимой Польши; никогда не забуду пріятной улыбки, съ которой онъ произнесъ послѣднія слова.

Графъ Нугентъ и Юл. Корсакъ выѣхали на почтовыхъ въ Бѣлградъ. Послѣдній везъ мои инструкціи Заху и Звѣрковскому и письмо къ Кибризли-Мехмету пашѣ, при содѣйствіи котораго графъ Нугентъ могъ войти въ сношеніе съ представителемъ султана на Дунаѣ и на Савѣ. Вслѣдъ за ними я отправилъ Викентія Будзинскаго, бывшаго моего товарища по полку въ 1831 г., человѣка весьма способнаго и горячаго патріота, готоваго на всякія жертвы и вмѣстѣ съ нимъ Искиндербей (Илинскаго) и Вроновскаго, бывшаго офицера польской артиллеріи, поручивъ имъ до полученія отвѣта отъ князя Адама, кое-что развѣдать въ Кroatіи и въ сербскомъ воеводствѣ.

Предвиди всевозможныя случайности, я послалъ нѣсколькихъ агентовъ въ Бѣлградъ, сознавая какъ было бы полезно для нашего дѣла, если бы мы могли дѣйствовать тамъ самостоятельно.

Въ это время прибылъ въ Стамбулъ съ Кавказа молодой галичанинъ Терлецкій, отставной поручикъ русскаго войска. Замѣшанный въ проискахъ какихъ-то эмиссаровъ на Волыни или только заподозрѣнный въ этихъ проискахъ въ 1836 г., онъ былъ сосланъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ снискалъ расположеніе князи и квягини Воронцовыхъ. Былъ къ нимъ приближенъ, произведенъ въ офицеры, оставленъ при штабѣ князя намѣстника и неоднократно посылался имъ къ Шамилю для пере-

говоровъ. Онъ прекрасно владѣлъ татарскимъ языкомъ и могъ разговаривать съ Шамилемъ безъ переводчика. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ къ шейху, онъ сказалъ ему, что онъ полякъ, что онъ подалъ въ отставку и хочетъ вернуться на родину. Шамиль, къ которому онъ уже пріѣзжалъ не разъ, относился къ нему какъ къ старому знакомому.

Шейхъ спросилъ, не знаетъ ли онъ меня? Терлецкій отвѣчалъ, что лично онъ со мною не знакомъ, но знаетъ мое имя какъ автора сочиненій, пользующихся извѣстностью въ Польшѣ. Тогда Шамиль далъ ему адресованное мнѣ письмо и подарокъ для меня, состоявшій изъ полного туземнаго одѣянія съ пашкой, пистолетами, патронами и конской сбруей. Все это Терлецкій привезъ мнѣ. Я не могъ нарадоваться прелестному подарку; одежда была сдѣлана изъ такой нѣжной, тонкой ткани, что весь костюмъ могъ помѣститься въ папахѣ. Роскошная и чрезвычайно оригинальная конская сбруя подарена мною князю Витольду Чарторыйскому для музея князей Чарторыйскихъ. Видя въ Терлецкомъ человѣка въ высшей степени умнаго и готоваго послужить своему отечеству, мнѣ пришло на мысль предложить ему отправиться въ Галицію съ тѣмъ, чтобы привлечь поляковъ этой мѣстности къ общеславянскому движенію. Я составилъ для него обстоятельную записку, въ которой изложилъ все, что дѣлалось въ славянскихъ земляхъ, далъ ему письма къ князю Льву Сангги и къ князю Владиславу Сангушко, коихъ я зналъ лично, и къ какому-то пану Пржибыльскому, котораго я лично не зналъ, но о которомъ слышалъ, что онъ считался душою и руководителемъ польскаго комитета или польскихъ комитетовъ, и къ Михаилу Грудзинскому, превосходному кавалеристу, моему товарищу дѣтства, съ которымъ я служилъ вмѣстѣ въ польскомъ войскѣ.

Терлецкій ухмалъ. Республика, провозглашенная въ это время во Франціи, произвела сильное броженіе умовъ во всѣхъ странахъ; люди мечтали о свободѣ и независимости, правительства принимали самыя энергичныя мѣры, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ. Де-Буркене еще занималъ свой постъ, заявивъ себя приверженцемъ республики, но уже носились слухи, что онъ будетъ смѣненъ и что на его мѣсто назначается военный генераль. Поляки радовались полагая, что это предвѣщаетъ въ скоромъ времени войну. Что касается меня, то я былъ огорченъ смѣною де-Буркене, такъ какъ онъ пользовался большимъ влияніемъ на Востока.

Вскорѣ мною былъ полученъ отвѣтъ изъ Парижа. Владиславъ Замойскій писалъ, что князь Адамъ и поляки не могутъ входить ни въ какія сношенія со славянами, ибо они уже связаны договорами съ италянцами, исповѣдующими католическую вѣру и точно также борющимися за независимость.

Князь Адамъ, со своей стороны писалъ, что онъ весьма огорченъ

тѣмъ, что не имѣеть возможности принять такихъ прекрасныхъ предложеній потому, что Вл. Замойскій и генераль Хржановскій заключили уже договоры съ италянцами, а поляки не въ силахъ заключить два союза и взятыя за столь серьезныя два дѣла; онъ уже бесѣдовалъ по этому поводу съ Ламартинонь, который сказалъ ему откровенно, что онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла съ тѣми народами и отдѣльными личностями, которые бунтуютъ противъ русскаго и австрійскаго правительствъ, такъ какъ онъ хочетъ, во что бы то ни стало заключить съ ними союзъ. Поэтому князь Адамъ отвѣчалъ на предложенія князя Берлица отказомъ; меня же онъ просилъ вести дѣло такъ, чтобы не отдалить отъ насъ славянъ, ибо то, что не удалось сдѣлать сегодня, можетъ быть сдѣлано завтра.

Почти одновременно я получилъ письмо отъ Терлецкаго; онъ писалъ мнѣ, что галичане не хотятъ и слышать о славянахъ, а тѣ лица, коимъ я адресовалъ письма, едва ли понимаютъ, что такое славяне. Михайлъ Грудзинскій писалъ, что онъ жалѣеть меня, бѣдняка, что я напрасно взялся учить поляковъ политическому уму-разуму.

«Что ты имъ толкуешь о славянамъ, писалъ онъ, когда они попираютъ венгерское, напѣвая:

Węgień, polak dwa bratanki
I do konia i do szklanki ¹⁾).

«Бѣги къ мадырамъ и къ швабамъ, брось славянъ и еретиковъ. Пожалѣй себя. Брось политику, сдѣлайся туркомъ, заведи гаремъ и живи спокойно какъ я; ни во что не вмѣшивайся и не пускайся съ поляками въ политику, если не хочешь, чтобы они тебя свели съ ума».

Эти письма до того огорчили меня, что я заболѣлъ тифомъ и остался живъ только благодаря энергичному леченію почтеннаго Станислава Дроздовскаго.

XIX.

Событія въ славянскихъ земляхъ и въ Венгріи. — Викентій Будзинскій въ Карловѣ.—Адресъ сербовъ изъ сербскаго воеводства.—Славяне ополчаются на защиту Габсбурговъ.—Беспорядки въ Венгріи.—Графъ Андраши въ Стамбулѣ.—Иванъ Гика.

Возстаніе славянъ противъ швабовъ и мадыръ не разгоралось, а затихало. Эпископъ Райчиць и генераль Стратемировичъ, стоявшіе во

¹⁾ Венгерець и полякъ—братья на конѣ и за рюмкою вина.

главѣ этого движенія, посматривали на Сербію, на князя Александра и на бана Елачича, а тѣ выжидали денегъ и оружія.

Получивъ отвѣты изъ Парижа, я не могъ и не имѣлъ права скрывать ихъ, мнѣ не позволяла этого совѣсть; съ болью въ сердцѣ я послалъ точныя копии съ полученныхъ мною писемъ Заху и Звѣрковскому. Ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, сербское правительство стало дѣйствовать сдержаннѣе; Кибризли-Мехметъ-паша, посовѣтывавшись съ Звѣрковскимъ, послалъ Викентія Будзинскаго къ архіепископу сербскаго воеводства Райчицу, а Вроновскаго въ Загребъ къ бану Елачичу въ качествѣ развѣдчиковъ; но горячась по обыкновенію какъ французъ, онъ заявилъ рѣшительно, что начатое дѣло необходимо поддержать и вести далѣе, и что если намъ никто не хочетъ оказать поддержки, то надобно дѣйствовать своими собственными силами; Турція могущественна, а султанъ нашъ великъ, мы не нуждаемся ни въ чьей помощи.

Викентій Будзинскій, человекъ самъ по-себѣ пылкій и энергичный, знакомый къ тому же съ разными протестами, манифестаціями и адресами, какъ всякій польскій эмигрантъ, жившій во Франціи въ царствованіе Людовика-Филиппа. Пріѣхавъ въ Карлово, гдѣ засталъ архіепископа и Стратемировича, такъ ловко сдумалъ убѣдить ихъ и увлечь своими рѣчами, что они составили все вмѣстѣ адресъ султану и Высокой Портѣ, въ которомъ говорилось, что сербы воеводства, свергнувъ власть Габсбурговъ, добровольно постановили слиться со своими родными братьями—сербами княжества сербскаго, подчиниться верховной власти султана Абдула-Меджида и его преемниковъ и составить одно неразрывное цѣлое съ Оттоманскимъ государствомъ. Поэтому они просятъ взглянуть благосклонно на ихъ желаніе, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе всѣхъ сербовъ, и просятъ правительство султана принять мѣры къ упроченію и организаціи въ воеводствѣ надлежащей власти. Этотъ адресъ тотчасъ былъ разосланъ по воеводству и нѣсколько дней спустя онъ уже былъ покрытъ 190 подписями самыхъ знатныхъ сербовъ разныхъ городовъ и гминь и врученъ Викентію Будзинскому. Послѣдній вмѣстѣ съ письмомъ отъ архіепископа и Стратемировича къ Кибризли-пашѣ, въ которомъ они просили его повергнуть ихъ просьбу къ стопамъ султана и поддержать ее своимъ ходатайствомъ, прибылъ въ Бѣлградъ въ двумя сановниками воеводства: Ивановичемъ и Раднымъ.

Кибризли-паша былъ такъ доволенъ этимъ адресомъ, что читалъ его всѣмъ сербскимъ сановникамъ и даже консуламъ, а затѣмъ послалъ его со своимъ адъютантомъ въ Стамбулъ. Адъютантъ доставилъ мнѣ пакетъ съ адресомъ и письмо отъ Кибризли, который въ самыхъ радужныхъ краскахъ мечталъ уже о нападеніи съ поляками на Вѣну и о томъ, что некому будетъ защитить эту столицу Габсбурговъ—горнило политическихъ интригъ престарѣлаго Меттерниха.

Вроновскій же доносилъ, что банъ Елачичъ нуждается въ деньгахъ и оружїи, и что если онъ ихъ не получитъ въ теченіе мѣсяца, то волей-неволей долженъ будетъ остаться вѣрноподаннымъ Габсбурговъ и ждать болѣе счастливыхъ временъ, ибо онъ не намѣренъ подвергать ни самъ себя, ни свой народъ злополучнымъ приключеніямъ. Вроновскій былъ зачисленъ въ кرواتскую артиллерію и остался съ Елачичемъ.

Получивъ эти извѣстія я былъ весьма огорченъ тѣмъ, что вмѣсто энергическихъ дѣйствій, которыя въ случаѣ удачи всегда освящаются признаніемъ ихъ законности, люди пустились въ манифестаціи и адресы, которые зачастую губятъ наилучшее дѣло. Я отправился къ Решидъ-пашѣ гдѣ услышалъ еще болѣе грустныя вѣсти; онъ былъ недоволенъ Кибризли и требовалъ, чтобы тотъ былъ удаленъ. Русское посольство, само-собою разумѣется, поддерживало австрійское правительство, но все же не такъ горячо и энергично какъ лордъ Редклифъ, который былъ возмущенъ при одной мысли, что турки могутъ войти въ сношеніе съ славянами и пожалуй даже соединиться съ ними. Решидъ-пашѣ удалось его успокоить только тѣмъ, что Кибризли будетъ отозванъ изъ воеводства и посланъ въ Англію, гдѣ онъ объяснитъ свои поступки лорду Пальмерстону, который бытъ можетъ оцѣнитъ ихъ справедливѣе нежели лордъ Редклифъ.

Решидъ-паша былъ весьма огорченъ тѣмъ, что дѣло приняло подобный оборотъ, но онъ не могъ поступить иначе. Турція была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Австріей и въ силу договоровъ, заключенныхъ съ этой державою, не могла терпѣть подобныхъ поступковъ; не будь у Австріи въ это время внутреннихъ затрудненій, бытъ можетъ интернуціи заговорилъ бы иначе, но неурядицы внутри государства и война съ Италіей умѣряли его тонъ и смягчали предъявляемые имъ требованія. Можетъ быть русское посольство мысленно и одобряло отношеніе сербовъ и прочихъ славянъ къ австрійскому правительству, но вида, что это можетъ потрясти государственныя основы, и желая поддержать такъ-называемое *statu quo* Европы, оно должно было принять сторону Австріи; русское войско вступило въ Румынію одновременно съ турецкими войсками. Балта-лиманскій договоръ былъ на руку Портѣ, оправдывая въ глазахъ революціонеровъ и мятежниковъ ея нейтралитетъ; это избавило ее отъ безпорядковъ внутри государства и дало ей возможность спокойно заняться реформами и реорганизовать свое войско для будущей войны.

Во французское посольство прибылъ генераль Опикъ (Aupik) съ многочисленнымъ штабомъ. Республика, провозглашенная во Франціи, не была еще признана ни однимъ правительствомъ официально, но ни одно государство не прервало дипломатическихъ сношеній, существовавшихъ съ монархической Франціей. Решидъ-паша желалъ, чтобы Турція первая признала французскую республику, но не рѣшился взять на себя эту

инициативу боясь лорда Редклифа, который былъ яримъ и непримиримымъ врагомъ Франціи и всего французскаго. — Посовѣтывавшись съ г. Цоромъ, который, будучи первымъ драгоманомъ и совѣтникомъ французскаго посольства, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ любимцемъ Решида, какъ его бывший наставникъ, мы рѣшили, чтобы графъ де-Рекуло, первый секретарь новаго посольства пріѣхалъ ко мнѣ какъ къ своему доброму знакомому и со мною вмѣстѣ отправился къ Риза-пашѣ; такъ и сдѣлали. — Риза-паша тотчасъ согласился взять на себя это дѣло, поѣхалъ къ султану и издалъ отъ его имени указъ о признаніи французской республики Высокой Портой и о принятіи ея посла съ подобающими почестями. Мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда склонить къ этому Риза-пашу, однако французское посольство и французское правительство поставило мнѣ это въ большую заслугу.

Въ Парижѣ оно выразило свою признательность по этому поводу князю Адаму; я получилъ таковую же благодарность чрезъ французское посольство съ пожалованіемъ мнѣ ордена Почетнаго Легіона, отъ котораго я уже однажды отказался въ царствованіе Людовика-Филиппа. Я отказался отъ него и этотъ разъ, но просилъ дать этотъ знакъ отличія Антону Аллеону, который трудился вмѣстѣ со мною на политическомъ поприщѣ; просьба моя была уважена.

Надобно сказать, что я съ молодыхъ лѣтъ смотрѣлъ на всякій иностранный орденъ, какъ на вещь совершенно не подходящую и неумѣстную на груди польскаго шляхтича; къ этому присоединялось опасеніе, какъ бы полученіе иностраннаго ордена не уменьшило ко мнѣ довѣрія турецкаго правительства, которое могло сказать: онъ получилъ награду отъ Франціи, слѣдовательно онъ ей служить.

Генераль Ошикъ былъ человекъ высокообразованный, вполне достойный и храбрый на полѣ битвы, но совершенно не свѣдущій въ дипломатіи, поэтому онъ довѣрилъ веденіе всѣхъ дѣлъ Цору, человекъ прекрасному и весьма способному, котораго высоко цѣнилъ де-Буркене и которому вполне довѣряли турки.

Свита вновь назначеннаго французскаго посланника состояла изъ слѣдующихъ лицъ: полковника Маргаделя, подполковника Дессена, инженеръ-капитана Сабатье и капитана артиллеріи ле-Франсэ, — все это были личности вполне достойныя. Дипломаты, составлявшіе французское посольство, также были люди весьма дѣльные; причисливъ къ нимъ четырехъ офицеровъ, откомандированныхъ инструкторами въ турецкія войсковыя школы: Маньяна, Можино, дю-Прейля и д'Англора, смѣло можно сказать, что никогда еще Франція не имѣла нигдѣ болѣе достойныхъ представителей.

Я чрезвычайно сокрушался о томъ, что наше дѣло тормозилось вслѣдствіе непрактичности Вл. Замойскаго и его чрезмѣрныхъ заботъ о ка-

толицизмъ, какъ вдругъ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ умолялъ меня подыскать въ Стамбулѣ хоть нѣсколько десятковъ охотниковъ для легіона, который онъ организовалъ, говоря, что въ немъ къ сожалѣнію вовсе нѣтъ поляковъ, да и иностранцевъ съ трудомъ удастся завербовать въ него. Онъ писалъ трогательно, убѣдительно и приятно каляся, признавая себя виноватымъ въ томъ, что онъ не присоединился къ славянскому движенію, но уже было поздно, ибо венгерцы возстали противъ австрійскаго правительства и воевали со славянами, слѣдовательно славяне должны остаться вѣрны австрійскому правительству. Онъ іезуитски намекалъ на то, что можно еще поправить дѣло и привлечь славянъ въ польскій легіонъ, формируемый въ Италіи, въ качествѣ охотниковъ, что это поможетъ установить связь между славянами и поляками, а слѣдовательно и Западомъ.

Я посмѣялся надъ этой іезуитской уловкой, но дѣлать было нечего.

Я поручилъ Хорвату и Ахмету Порцинскому заняться сборомъ охотниковъ. Въ два дня ихъ на вербовали 84 человекъ и кромѣ трехъ поляковъ это были все бердичевскіе жида. Ихъ остригли, обрили, одѣли въ италіанскій мундиръ и они стали походить на военныхъ. Австрійская канцелярія старалась помѣшать набору этихъ рекрутъ, а турецкіе кавасы намъ помогали, и побѣда осталась за нами. Мнѣ хотѣлось придать отправленію этого отряда какъ можно болѣе торжественный характеръ.

Италіанскимъ или, лучше сказать, пьемонтскимъ или сардинскимъ посланникомъ былъ въ то время баронъ Тессо, извѣстный ориенталистъ, но большой трусъ, въ особенности по отношенію къ австрійцамъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ проводилъ охотниковъ, когда они будутъ отплывать на пароходѣ, и сказалъ бы имъ нѣсколько напутственныхъ словъ, чтобы ободрить ихъ. Но его никакъ нельзя было уговорить: онъ говорилъ, что боится интернуція и что еще неизвѣстно чѣмъ кончится эта война. Я отправился къ генералу Опику, и тотъ, по военному, приказалъ г. Дессену привести къ нему барона Тессо въ полной парадной формѣ. Когда баронъ пріѣхалъ и сталъ говорить нѣжневскимъ голоскомъ, генералъ Опикъ сердито сказалъ, что надобно почтить людей, которые идутъ проливать за насъ кровь, что если они не боятся смерти, то намъ стыдно бояться пріѣтствовать своихъ солдатъ, чтобы не скомпрометировать себя. Полковникъ Моргандель повезъ барона Тессо на пароходъ; солдаты стали во фронтъ; баронъ хотѣлъ говорить, но отъ страха и волненія не могъ произнести ни слова.

Охотники эти, видимо, пришлись по вкусу Замойскому; быть можетъ онъ надѣялся обратить ихъ въ католическую вѣру, ибо недѣли двѣ спустя пріѣхалъ вербовать рекрутъ князь Витольдъ Чарторыйскій, старшій сынъ князя Адама.

Удивительная фантазія Владислава Замойскаго послать Ягеллона.

наслѣдника князя Адама, вербовать евреевъ для того, чтобы они вос-
вали за италианцевъ. Бѣдная Польша! какъ у меня болѣло сердце видя,
что такъ помыкали ягеллонами и польскимъ именемъ! Князь Витольдъ
былъ юноша весьма сердечный и благожелательный; своей добротой и
щедростью онъ напоминалъ князя Адама. Но ему повредили съ самаго
начала, поручивъ его воспитаніе генералу Хржановскому, человѣку ко-
торый ни во что не вѣрилъ, у котораго не было ничего святаго,—ни
религіи, ни отечества; нерѣшительный, неспособный ни къ какому энер-
гичному поступку, Хржановскій пользовался своимъ образованіемъ только
для того, чтобы все осмѣивать, во всемъ сомнѣваться и критиковать
самые благородные порывы другихъ людей.

Я рѣшительно возсталъ противъ исполненія княземъ Витоль-
домъ этого порученія и возложилъ его на маіора Прилусскаго и пору-
чика Сендецкаго, а чтобы молодой князь былъ совершенно не прича-
стенъ этому дѣлу, я оставилъ его у себя и онъ жилъ вмѣстѣ со мною
въ Ортакію.

Мнѣ было извѣстно, что сардинское посольство добивалось разрѣ-
шенія имѣть своего консула въ Бѣлградѣ, но встрѣтивъ къ тому пре-
пятствіе со стороны Австріи, а быть можетъ и Россіи, оно отложило
хлопоты по этому вопросу до болѣе удобнаго момента и не возобновляло
своей просьбы.

Отправившись къ Решидъ-пашѣ, я разсказалъ ему о порученіи, дан-
номъ княземъ Витольду, о томъ, что я рѣшительно не допустилъ его
вмѣшиваться въ это дѣло и просилъ пашу, если возможно, сдѣлать въ
видѣ личнаго для меня одолженія, чтобы разрѣшеніе на учрежденіе по-
мянутаго консульства было дано чрезъ князя Витольда, и чтобы ему
именно было поручено передать о томъ бумагу королю. Я хотѣлъ при-
дать такимъ образомъ миссіи князя Витольда иной характеръ и обжа-
вить дѣло такъ, чтобы имъ былъ положенъ первый камень къ полити-
ческому союзу славянъ съ италианцами, что вполне приличествовало
сыну главы польской sprawy, извѣстному своими услугами славянству.

Я достигъ чего желалъ. Князь Витольдъ былъ принятъ не хуже
а пожалуй даже лучше Замойскаго, ибо когда онъ пріѣхалъ на обѣдъ
къ Мехмету-Али-пашѣ, то на дворѣ были выстроены подъ ружьемъ двѣ
роты пѣхотныхъ солдатъ, а у дверей его встрѣтилъ самъ Мехметъ-Али
со всей своей свитой: пріемъ чисто королевскій! Князя Витольда не
звали въ Турціи иначе какъ *Kral zade*—королевскій потомокъ. Князь
Витольдъ возвратился въ Италію съ разрѣшеніемъ на учрежденіе кон-
сульства, а вслѣдъ за нимъ на другомъ пароходѣ отплыли Прилусскій
и Сендецкій со 124 охотниками, исключительно евреями. Иудеи почуяли
войну и шли по стопамъ маккавеевъ. По моему мнѣнію, только такихъ
охотниковъ и могла выслать въ Италію Польша.

Жида съ генераломъ Хржановскимъ не спасли Пьемонта и Италиі и Замойскому пришлось быть можетъ не разъ пожалѣть о сдѣланной имъ политической ошибкѣ.

Изъ Италиі поляки, конхъ тамъ было не малое количество, разѣхались кто въ Стамбулъ, кто въ Венгрію, гдѣ уже служили въ то время подъ мадыарскимъ знаменемъ генералы Бемъ, Дембинскій, Высоцкій и масса поляковъ.

Они сражались со швабами и съ кроатами, побивали и славянъ. Князь Адамъ болѣе не вмѣшивался въ политику, не принималъ открыто ничью сторону. Кибризли-Мехмета-паши уже не было въ Бѣлградѣ; сербы, т. е. сербскій народъ, душою и сердцемъ былъ за славянъ противъ мадыаръ; они никогда не видѣли австрійскаго императора, а одного только бана Елачича, который, по ихъ мнѣнію, воевалъ какъ бы то ни было отъ имени этого монарха, но воевалъ однако въ пользу славянъ. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли на эту войну сербы въ сербскомъ княжествѣ. Сербское правительство и князь Александръ, обманутые въ своихъ надеждахъ на поляковъ, должны были плыть по теченію, подчиняясь желанію народа, ибо иначе они не могли бы удержаться у власти, но они рѣшили извлечь выгоду изъ этого положенія.

Сербское правительство вошло въ соглашеніе съ Австріей относительно посылки изъ княжества вспомогательнаго корпуса, численность до 10 тысячъ человѣкъ, для котораго Австрія обязалась доставить оружіе, обмундировку, амуницію и военные снаряды, а также платить солдатамъ жалованье и давать продовольствіе; сверхъ того, она должна была уплатить Сербіи извѣстную сумму денегъ за посылку этого корпуса: командиромъ его былъ назначенъ воевода Кничаній; дѣятельность корпуса ограничивалась обороною границъ сербскаго воеводства.

Высокая Порта не дала официально своего разрѣшенія на сформированіе этого корпуса, но и не протестовала противъ этого. Въ теченіе войны этотъ вспомогательный корпусъ выходилъ три раза на поле битвы по требованію Австріи и три раза долженъ былъ удалиться, вслѣдствіе представленія Высокой Порты о соблюденіи нейтралитета; представленія эти дѣлались всякій разъ по настоянію самого сербскаго правительства. Уходя съ поля битвы, корпусъ уносилъ съ собою оружіе, военные снаряды и обмундировку; а идя на войну получалъ все вновь. Сербское правительство объяснило это тѣмъ, что сербы народъ дикій, нецивилизованный, не умѣютъ ничего беречь, все портятъ; такимъ образомъ этотъ корпусъ доставилъ Сербіи массу военныхъ снарядовъ. Въ концѣ-концовъ сербское правительство захватило австрійскіе соляные склады въ счетъ суммы, которую австрійское правительство обязалось уплатить ему, и тѣмъ покончило съ нимъ счеты.

Польскіе агенты проживали въ Бѣлградѣ, ожидая приказаній князя

Адама. Звѣрковскій доносилъ официально, что сербское правительство хлопочетъ о соглашеніи славянъ съ мадьярами, но все напрасно, и что все его старанія разбиваются о мадьярскій патриотизмъ Перчела и о дипломатическія соображенія графа Батіани. То же подтверждалъ и Захъ частнымъ образомъ. Агенты доносили мнѣ, что съ Дембинскимъ, Высоцкимъ и Балгашинимъ нечего и разговаривать; Звѣрковскій выражался о нихъ по своему, энергично, что они такъ-же много понимаютъ о славянахъ и о славянствѣ, какъ свиньи въ апельсинахъ. Одинъ Бемъ понималъ какъ слѣдуетъ этотъ вопросъ и готовъ былъ вести переговоры чрезъ польскихъ агентовъ, но онъ говорилъ Звѣрковскому: я преклоняюсь предъ княземъ Адамомъ, уважаю его и, какъ преданный полякъ, готовъ сдѣлать все, что онъ прикажетъ, но я не желаю имѣть никакого дѣла съ Владиславомъ Замойскимъ, пусть Чайковскій самъ ведетъ со мною переговоры, безъ участія Замойскаго, я готовъ съ нимъ обо всемъ толковать.

Я тотчасъ написалъ письмо генералу Бему, которое рѣшилъ послать съ Викентіемъ Будзинскимъ и Искиндеръ-беємъ (Илинскимъ); въ этомъ письмѣ я высказалъ ему мнѣніе, что я считаю союзъ съ сербами непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшей нашей дѣятельности и основой нашихъ отношеній къ славянамъ и полагаю, что только этотъ союзъ можетъ обезпечить намъ помощь со стороны Высокой Порты. Странные получались результаты отъ политики Владислава Замойскаго: мы служили, дѣйствовали, были постоянно заняты, наши труды и старанія вѣнчались успѣхомъ, но все это приносило пользу не намъ, а иноземцамъ. Мы работали для итальянцевъ, мадьяръ и англичанъ, но не для Польши; и сами своими собственными руками добровольно отказывались отъ того, что могло быть полезно нашему отечеству.

Дѣло было въ такомъ положеніи, когда пріѣхалъ Замойскій, направлявшійся въ Венгрію; зачѣмъ и для чего? этого нельзя было понять ни изъ его словъ, ни изъ его поступковъ. Онъ ѣхалъ въ Венгрію, потому что тамъ было много поляковъ, но не подъ ихъ знами, такъ какъ оно было самое демократичное. Польскимъ легиономъ командовалъ одинъ изъ предводителей демократіи, генералъ Высоцкій; генералъ Бемъ и слышать не хотѣлъ о Замойскомъ, а польскій Ксенофонтъ не думалъ ни о князѣ Адамѣ, ни ни о его племянникѣ, а только мечталъ объ отступленіи. Замойскій отправился съ маіоромъ Бытрановскимъ, чтобы взглянуть на польское войско—напрасное любопытство, которое могло только помѣшать дѣятельности поляковъ и скомпрометировать ихъ передъ славянами.

Онъ ѣхалъ секретно, подъ вымышленнымъ именемъ, но это всемъ было извѣстно и все посѣщали его. Вдругъ Замойскій, взявъ съ собою

толмачомъ Саиха, поспѣшно отправился вмѣстѣ съ Душинскимъ въ Вѣну.

Душинскій, жившій въ то время въ Стамбулѣ, былъ наставникомъ молодого Радзивилла; онъ былъ человекъ нервный, боязливый, но довольно хорошо образованный. Хотя онъ былъ уроженцемъ Украйны, но не привыкъ къ верховой ѣздѣ и дорогою вскорѣ до того измучился, что ему нечего было и думать ѣхать далѣе; такъ какъ вдобавокъ онъ не зналъ ни одного восточнаго языка, то Саихъ рѣшилъ отправить его обратно ко мнѣ и поручилъ почталіону довести его, а чтобы онъ не свалился съ лошади, Саихъ привязалъ его къ сѣдлу. Почтарь, довольный тѣмъ, что получилъ на чай и что ему было обѣщано вознагражденіе и отъ меня, вообразилъ, что онъ везетъ преступника, скрутилъ Душинскаго какъ вора веревками, привязалъ его къ выюку и отправился съ нимъ въ путь дорогу. Душинскій отъ боли ревелъ какъ баранъ, а почтарь поевистывалъ и погонялъ лошадей и доставилъ его ко мнѣ полумертвымъ. Благодаря Бога онъ выздоровѣлъ. Я отправилъ его въ Бѣлградъ на пароходѣ въ распоряженіе Замойскаго.

Въ Стамбулѣ пріѣхалъ графъ Андраши. Это былъ человекъ высоко образованный, весьма обходительный, ярый патріотъ, но судившій обо всемъ весьма трезво и практично. Первою его заботою было достать и препроводить въ Венгрію оружіе. Онъ совѣтывался со мною, какъ бы это сдѣлать, и просилъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ; я все ему устроилъ, нашелъ въ Стамбулѣ цѣлый складъ оружія и уговорился съ казаками, чтобы они доставили его за Дунай въ Оршово, которое было занято генераломъ Бемомъ.

Видно пришло время обратиться и къ полякамъ, по пословицѣ: *jak bieda to do Żyda*. Графъ Андраши передалъ мнѣ два письма: одно отъ Кошута, другое отъ графа Батіани. Они просили меня принять постъ и званіе венгерскаго посланника при Высокой Портѣ. Я внутренно посмѣялся надъ этимъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что на особомъ листѣ была опредѣлена довольно порядочная сумма денегъ на содержаніе посольства и иные расходы, но все это было ассигновано къ выдачѣ банковыми билетами Кошута. Я тотчасъ отвѣтилъ письменно, что какъ полякъ я могу принять столь лестное назначеніе не иначе какъ съ условіемъ, чтобы венгерскій парламентъ и правительство высказали официально протестъ противъ раздѣла Польни, совершеннаго съ согласія венгерскаго правительства и скрѣпленнаго подписью Маріи-Терезіи какъ королевы венгерской; кромѣ того, я выразилъ желаніе, чтобы Венгрія, какъ вѣрная союзница Турціи, отдала Высокой Портѣ, въ знакъ искренняго желанія мадяръ сохранить ненарушимо союзъ съ Оттоманскою имперіей, то знамя Босніи, Сербіи и Болгаріи, хранящееся въ сокровищницѣ венгерскаго королевства, на которомъ всѣ короли, вѣнчающіеся

короною св. Стефана, дадутъ присягу въ томъ, что они возвратятъ эти христіанскія земли венгерской монархіи, отвоевавъ ихъ у мусульманъ. Я доказывалъ, что это единственное средство обезпечить намъ помощь Порты и дать ей ручательство въ вѣрности и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное средство начать войну въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Это письмо, въ которомъ я приводилъ, въ подтвержденіе моихъ словъ, всевозможные доводы, было послано Кошуту и графу Батіани; никакого отвѣта на него не воспослѣдовало.

Графъ Андраши продолжалъ хлопотать по дѣлу, за которымъ онъ пріѣхалъ, а я помогалъ ему по мѣрѣ силъ. Графъ былъ одаренъ способностями, прекрасно образованъ, былъ отличный офицеръ, но роль революціонера ему совершенно не подходила. Онъ не только не понималъ политическихъ убѣжденій и желаній Кошута, но не понималъ даже либеральныхъ стремленій графа Батіани. Не сочувствуя союзу венгерцевъ со славянами, онъ имѣлъ достаточно такта не показывать этого, какъ то дѣлали Перчели и Гергей. Андраши не только симпатизировалъ нѣмцамъ, но уже въ то время находилъ, что мадьярамъ трудно обойтись безъ нихъ; изъ генераловъ онъ уважалъ одного Бема, какъ мастера своего дѣла, а Гергея боготворилъ какъ типъ истаго венгерца. Андраши служилъ при немъ адъютантомъ и говорилъ о немъ съ такимъ же восторгомъ, какъ древніе славяне отзывались о королевичѣ Маркѣ, а поляки о генералѣ Дверницкомъ.

Въ откровенной бесѣдѣ графъ неразъ высказывалъ мнѣ, что онъ уѣхалъ изъ Венгріи только для того, чтобы не быть свидѣтелемъ неурядицы, существовавшей въ правительствѣ и войскѣ. Онъ рассчитывалъ сдать мнѣ посольство и уѣхать въ Лондонъ или въ Парижъ; такъ какъ его надежды не сбылись, то онъ долженъ былъ остаться на своемъ посту до конца, но онъ былъ увѣренъ, что это продлится не долго.

Графъ Андраши мечталъ прежде всего о сближеніи съ румынами, въ чемъ его поддерживалъ Иванъ Гика, даровитѣйшій и горячій патріотъ, руководившій народнымъ движеніемъ въ Румыніи; затѣмъ онъ старался снискать благорасположеніе англійскаго посольства. Въ этихъ взглядахъ онъ вполне сходилъ съ Иваномъ Гикою. Я полагаю, что именно въ это время между этими двумя видными дѣятелями возникла на почвѣ политическаго единомыслія та дружба, которая можетъ довести этихъ противниковъ славянства со-временемъ къ заключенію союза противъ славянъ; тогда они образуютъ передовую стражу нѣмцевъ въ ихъ стремленіи на востокъ.

Въ Венгріи продолжалось еще возстаніе, но мятежники не имѣли ни опредѣленнаго плана дѣйствій, ни опредѣленныхъ политическихъ стремленій, они сражались только ради того, чтобы сражаться, чтобы поддержать возстаніе, цѣли котораго они сами не понимали, потому что

въ немъ отсутствовала политическая правда; возстаніе противъ правительства, не опиравшееся на союзъ съ славянами, не имѣло подъ собою почвы.

Въ Венгріи происходило то же самое, что въ Польшѣ въ 1831 г.: мятежники расхаживали взадъ и впередъ, топтались на мѣстѣ, а когда явилось болѣе многочисленное и сильное русское войско, не трудно было предугадать, что побѣда будетъ на сторонѣ Габсбурговъ и что мятежная затѣя венгерцевъ лопнетъ, какъ мыльный пузырь.

Въ Стамбуль пріѣхало нѣсколько человекъ поляковъ, между прочимъ, Владиславъ Косцельскій, молодой офицеръ прусскаго войска изъ Познани, Ласскій—изъ Италіи, дѣльный офицеръ, служившій нѣкогда въ польскомъ войскѣ начальникомъ штаба въ корпусѣ генерала Омы Лубіенскаго; Якубовскій—капитанъ русской службы, Харьковскаго уланскаго полка и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Венгрію, другіе приняли магометанство и по моей просьбѣ были зачислены въ турецкое войско—это былъ первый примѣръ, чтобы поляки, сражавшіеся за свободу и независимость, поступали на турецкую службу въ войско магометанскаго халифа и пади-шаха. Болѣе сорока человекъ поляковъ было принято на турецкую службу; ихъ товарищи—турки отнеслись къ нимъ весьма доброжелательно.

Русское правительство отнеслось къ этому факту довольно равнодушно. Титовъ ¹⁾, человекъ честный и прямой, не мѣшалъ полякамъ устраиваться на турецкой службѣ, но австрійскій интернунцій, которому не удалось повліять на Высокую Порту, обратился къ содѣйствію католической пропаганды: ксендзы и сестры милосердія убѣждали поляковъ не принимать магометанства, помогали имъ деньгами и склоняли ихъ къ дезертирству. Нѣкоторые поляки, уже поступивъ въ турецкое войско, поддались ихъ увѣщаніямъ.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



¹⁾ Русскій посланникъ въ Константинополѣ.



Изъ архива А. М. Римскаго-Корсакова.

Письма Л. Л. Беннигсена къ Римскому-Корсакову (1805—1807) ¹⁾.

25.

18-го февраля 1807 г. Гейльсбергъ.

Вотъ гдѣ я нахожусь, дорогой генералъ, со своей главной квартирой, со вчерашняго дня. Почти вся армія сосредоточена между Алле и Пассаргой. Мои авангарды и аванпосты находятся на правомъ берегу послѣдней рѣки, а французы занимаютъ лѣвый берегъ. Кажется они намѣрены препятствовать моему переправѣ, но въ виду того, что третьяго дня у нихъ взяты Гутштадтъ, я постараюсь выгнать ихъ изъ Алленштейна, чтобы нажать на ихъ правый флангъ; это заставитъ ихъ, надѣюсь, отступать по всей линіи. Генералъ Лестокъ составляетъ мой правый флангъ отъ окрестностей Браунсберга до окрестностей Мельзака. Предполагаютъ, что ледъ разрушилъ мостъ въ Торнѣ, что мѣшаетъ французской арміи переправиться такъ скоро, какъ бы она этого желала, но и я этимъ доволенъ, такъ какъ желалъ бы имѣть сообщеніе съ Эльбингомъ и Данцагомъ свободнымъ; только послѣ переправы французовъ черезъ Вислу, я могу дать нѣсколько отдохнуть войскамъ.

На всѣхъ дорогахъ, по которымъ мы проходили, можно видѣть потери и ужасный разгромъ французской арміи; всѣ онѣ покрыты ихъ повозками. Въ Ландсбергѣ мы нашли нѣсколько хорошихъ колясокъ и еще 4 офицеровъ и нѣсколько сотъ солдатъ раненыхъ, коихъ не успѣли вывезти. Они даже зарывали пушки, изъ коихъ мы нашли нѣсколько.

¹⁾ См. «Русск. Старину», июль, 1898 г.

Всѣ французы, съ которыми говорили, утверждаютъ единодушно, что ихъ потери у Эйлау доходятъ до 30.000 человѣкъ, со многими генералами; изъ послѣднихъ нѣсколько погребены въ Эйлау, въ Ландсбергѣ—двое, умершіе отъ ранъ; здѣсь въ домѣ, гдѣ я живу, ихъ было пять раненыхъ. Маршалъ Ожеро въ числѣ раненыхъ.

Вотъ, дорогой генералъ, все, что я могу рассказать вамъ сегодня, прибавлю лишь увѣренія въ моей дружбѣ и привязанности.

P. S. Мы взяли послѣ сраженія около 3.000 плѣнныхъ, коихъ мнѣ приводятъ ежедневно.

26.

24-го февраля 1807 г. Бартенштейнъ.

Посылаю генерала Берга, о которомъ васъ предварялъ. Онъ скажетъ вамъ насколько спѣшно и существенно, для общаго интереса дѣла, чтобы я получилъ какія-нибудь подкрѣпленія и зналъ, сколько ихъ можетъ прибыть и когда. Клянусь, дорогой другъ, что съ нашей арміей можетъ случиться несчастье, если я не буду скоро усиленъ; я имѣю въ настоящую минуту противъ своего лѣваго фланга всѣхъ трехъ маршаловъ: Бернадотта, Сульта и Нея, и вотъ уже три дня какъ мы постоянно сражаемся съ послѣднимъ. Бонапартъ имѣетъ при себѣ все остальное, т. е. всѣ подкрѣпленія, притянутыя имъ въ Остенде. Онъ можетъ очень легко начать опять наступленіе; поэтому прошу васъ сообщить мнѣ точно, сколько я могу получить рекрутъ и когда. Въ моемъ расположеніи со времени послѣдняго письма не произошло никакихъ перемѣнъ, исключая того, что я перенесъ сюда свою главную квартиру, чтобы не находиться при аванпостахъ.

P. S. Посылаю брошюру съ рассказомъ хозяина дома въ Эйлау, гдѣ былъ Бонапартъ послѣ сраженія.

27.

11-го марта 1807 г., Бартенштейнъ.

Давно не писалъ вамъ, дорогой генералъ, потому что не было ничего интереснаго рассказать, но вотъ нѣсколько дней какъ обстановка сдѣлалась болѣе замѣчательной. Я выслалъ генерала Платова приблизительно съ 7.000 казаковъ, подкрѣпленныхъ гусарами и конной артиллеріей, въ окрестности Пассенгейна и Вилленберга, гдѣ онъ настигъ и атаковалъ нѣсколько непріятельскихъ отрядовъ; 14 офицеровъ и 300—400 человѣкъ взято въ плѣнъ; считаютъ, что 600 убито. Экспедиція Платова продолжается. Часть плѣнниковъ составляютъ поляки, и между

прочимъ капитанъ Каминскій; принадлежащихъ прусскому королю ему возвращаю; остальныхъ отправляю на нашу границу.

Посылаю вамъ также молодого очень хорошо воспитаннаго офицера, по фамилии Монтеско; я держалъ его при себѣ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль; онъ принадлежитъ къ свитѣ маршала Нея. Жаль, что человѣкъ такого происхожденія служить въ столь унизительное для каждаго благороднаго француза время.

Очень благодаренъ, дорогой генералъ, за подкрѣпленія, которыя мнѣ присылаете; продолжайте, прошу васъ, дѣлать въ этомъ отношеніи все, что только зависитъ отъ васъ, потому что приближается весна, а я не хотѣлъ бы даже ея дожидаться, чтобы открыть наступательныя дѣйствія.

Я очень боюсь за Данцигъ; послалъ туда на помощь князя Щербатова съ тремя баталіонами изъ гарнизона Гофбурга и еще три прусскихъ баталіона, но они уже не могутъ попасть туда сухимъ путемъ; въ настоящую минуту стараются посадить ихъ на суда въ Пиллау. Не оставляйте меня, дорогой генералъ, своей дружбой, которой сердечно отвѣчаю.

28.

22-го марта 1807 г., Бартенштейнъ.

Примите, дорогой генералъ, мою благодарность за ваше письмо отъ 15-го, а также за вашу большую любезность въ своевременномъ отправленіи профессора Мутузевича въ Гродно, по просьбѣ моей жены; онъ пріѣхалъ во-время, и все благополучно разрѣшилось рожденіемъ сына. Зная вашу дружбу къ моей женѣ, какъ и ко мнѣ, я увѣренъ, что вы интересовались этимъ событіемъ, которое, однако, причинило мнѣ много безпокойства до своего разрѣшенія.

Не имѣю ничего сообщить интереснаго отсюда. Два дня, какъ вернулся съ аванпостовъ послѣ рекогносцировки позиціи у Гейльсберга. Непрiятель попрежнему покоенъ; больше не замѣтно ведетовъ, а видны только пѣшіе часовые. Его кавалерія совершенно разстроена, но и наша начинаетъ разрушаться.

Только что отправилъ изъ авангарда два гусарскихъ полка въ Рейнъ и Лозенъ, чтобы они тамъ поправились. Недостатокъ фуража будетъ очень тормозить мои наступательныя дѣйствія, въ коимъ скоро обрашусь—около 30-го числа этого мѣсяца, начиная съ праваго фланга.

Уже 8 дней тому назадъ писалъ государю, прося перевести изъ Смоленска въ Литву всѣ войска, способныя сейчасъ двинуться, чтобы защищать эту провинцію безъ помощи моей арміи. Вѣдь невозможно

*

же мнѣ противодѣйствовать Бонапарту, постоянно притягивающему къ моему лѣвому флангу все, что только онъ можетъ, и въ то же время спасать Данцигъ, прикрывать Кенигсбергъ и границы Литвы. Мнѣ слѣдовало бы имѣть три арміи; достаточно того, что и теперь я раздѣленъ на двѣ части. Могу васъ увѣрить, что, по полученнымъ сегодня донесеніямъ, я имѣю подъ ружьемъ только 65.000 человѣкъ, считая артиллерію и всѣхъ казаковъ. Изъ стрѣлковыхъ полковъ авангарда три имѣютъ въ строю всего по 1.000 человѣкъ. Между тѣмъ предполагаютъ, что послѣ всѣхъ подкрѣпленій, полученныхъ Бонапартомъ, его армія превышаетъ 100.000 человѣкъ, и она стоитъ противъ меня. Я не вѣрю въ возможность укомплектованія ко времени открытія серьезныхъ операцій, которыя уже близки, такъ какъ подходитъ апрѣль мѣсяць. Въ виду всего этого я въ восторгѣ, что сюда прибудетъ государь и воочію увидитъ невозможность, въ которой нахожусь, чтобы предпринять что-нибудь серьезное прежде, чѣмъ не получу необходимыхъ для меня рекрутъ; ихъ число достигаетъ 60.000, если замѣнить раненыхъ и неспособныхъ навсегда къ службѣ. Можете себѣ представить безпокойство, въ коемъ часто нахожусь.

Получилъ сегодня извѣстія изъ Данцига; наши войска прибыли туда благополучно, и пока еще нѣтъ никакой опасности. Гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, причѣмъ взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 170 солдатъ. Вы, конечно, уже знаете, что англійскій флотъ форсировалъ Дарданеллы, захвативъ одинъ линейный корабль и 6 фрегатовъ у турокъ, и что теперь онъ находится у Константинополя въ виду восьми турецкихъ линейныхъ кораблей. Прощайте.

P. S. Если у васъ есть рекруты, коимъ не хватаетъ только ружей, то я могъ бы ими воспользоваться, такъ какъ намѣренъ дать имъ драгунскія ружья.

29.

11-го апрѣля 1807 г., Баргенштейнъ.

Я поспѣшилъ довести до свѣдѣнія его величества государя императора и спросить его приказаній по поводу предложенія, которое вы дѣлаете, дорогой генераль, въ своемъ письмѣ отъ 3-го апрѣля, о русскихъ извозчикахъ, вами найденныхъ. Зная вашу энергію и рвеніе, его величество не согласился, чтобы это дѣло попало въ руки Арбузова. Онъ поручилъ мнѣ просить васъ, дорогой генераль, закончить его, будучи увѣренъ, что вы сдѣлаете все гораздо скорѣе и лучше, чѣмъ этотъ интендантскій генераль.

Вы сдѣлали настоящую находку, которая будетъ намъ дѣйствительно полезна, когда начнется движеніе арміи, потому что мѣстныя лошади не могутъ поспѣвать за нами, при томъ ужасномъ состояніи, въ какое онѣ пришли. Я думаю надо войти въ соглашеніе о платѣ съ этими извозчиками и разсчитывать ихъ по-мѣсячно. Теперь здѣсь раціонъ въ 5 рублей, но полагаю можно предложить отъ 20 до 30 за тройку лошадей, выдавая эту сумму бумажками, что сдѣлаетъ ее достаточной и потому соблазнительной. Можетъ быть вы будете въ состояніи соблюсти интересы казны, сбавивъ что-нибудь съ этого. Изъ того, что я посылаю нарочнаго специально ради этого дѣла, вы можете судить, дорогой генераль, о его важности, а просить васъ объ ускореніи и поспѣшности, значить совсѣмъ не знать васъ.

Не имѣя начево интереснаго сообщать вамъ отсюда, я нѣкоторое время не старался писать вамъ, но этого впредь не случится, какъ бы я ни былъ заваленъ дѣлами, и я не премину сообщать обо всемъ, что здѣсь происходитъ.

Арміи занимаютъ все тѣ же позиціи, и только Бонапартъ постоянно усиливаетъ свое правое крыло, передъ моимъ лѣвымъ. Миѣ остается просить васъ и проч.

P. S. Надѣюсь вы вѣрите, что я не имѣю времени писать вамъ собственноручно. Вчера государь и король прусскій были на аванпостахъ, но мы видѣли только трехъ французскихъ часовыхъ.

30.

22-го апрѣля 1807 г.. Бартенштейнъ.

Спѣшу увѣдомить васъ, дорогой генераль, что получилъ ваше письмо отъ 16-го числа этого мѣсяца. Сегодня уже имѣлъ случай доложить его величеству о вашемъ желаніи имѣть старшаго сына въ гвардіи. Прежде всего государь сказалъ миѣ: «съ удовольствіемъ сдѣлаю это для генерала Корсакова, и самъ отвѣчу ему на его письмо». Поздравляю же. дорогой другъ, отъ всего сердца съ этимъ знакомъ благоволенія къ вамъ государя, тѣмъ болѣе что знаю, какъ вы привязаны къ своимъ дѣтямъ. Вы не сомнѣваетесь, конечно, въ томъ сочувствіи, которое принимаю въ этомъ дѣлѣ, а также и въ томъ, что позволилъ выразить государь въ смыслѣ его расположенія къ вамъ.

Какъ было бы выгодно, если бы вамъ удалось доставить намъ извозчиковъ для перевозки армейскихъ запасовъ. Я доложилъ государю о томъ, что вы писали миѣ про 1.000 лошадей, и онъ приказалъ миѣ отправить фельдъегеря, чтобы просить васъ поспѣшить съ этимъ дѣломъ. У меня слюньки потекли, когда вы упомянули о 30.000 рекрутъ, коихъ

можете выслать, но тотчасъ же разочаровался, когда узналъ, что ихъ задерживаетъ экипировка, еще не присланная изъ Москвы. Доложилъ объ этомъ государю, который пожалъ плечами. Дай Богъ, чтобы все-таки они, наконецъ, попали къ намъ.

Я послалъ генераль-маюра Каменскаго съ 8.000 человекъ, въ томъ числѣ 3.000 пруссаковъ, въ Данцигъ; они послѣ завтра садятся на суда въ Пиллау и съ попутномъ вѣтромъ могутъ прибыть по назначенію черезъ 12 часовъ. Пока же произвожу однимъ прусскимъ корпусомъ демонстрацію въ направленіи Нерунга, какъ-будто онъ долженъ туда наступать.

Посмотримъ, какъ удастся эта экспедиція, отъ которой зависитъ участь Данцига, и которая предпринята вопреки моему мнѣнію. Этотъ корпусъ долженъ былъ направиться сухимъ путемъ, а я предполагалъ въ то же время атаковать всѣ позиціи французовъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе. Но такъ какъ направленіе отряда измѣнено, то и наступленіе арміи отставлено. Прощайте, дорогой другъ, я пишу вамъ всегда наскоро, потому что рѣдко имѣю свободную минуту. Тѣмъ не менѣе сердцемъ и душою вашъ.

31.

9-го мая 1807 г., Бартенштейнъ.

Дорогой генераль, надѣюсь вы окажете мнѣ дружеское расположеніе, любезно принявъ господина Марбѣфа, плѣннаго француза, который долженъ прибыть къ вамъ на-дняхъ. Рекомендую его вамъ и прошу оказать, насколько это отъ васъ зависитъ, содѣйствіе къ облегченію его участи. Лыщу себя надеждой, что вы не откажете мнѣ въ этой дружеской услугѣ. Вы знаете мою преданность къ вамъ, и какъ я люблю ее проявлять. Молодость и качества господина Марбѣфа заслуживаютъ отличія во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ сынъ бывшаго генераль-губернатора Корсики, исправлявшаго эту должность въ продолженіе 30 лѣтъ, при французскихъ короляхъ, и покровительствовавшаго семьѣ Бонапарте, когда она находилась въ нуждѣ.

32.

12-го мая 1807 г., Бартенштейнъ.

Простите, дорогой генераль, что я пропустилъ столько времени, не писавъ вамъ, но увѣрю васъ, что часто не знаю, что дѣлать со своими мыслями; къ тому же у меня нѣтъ ничего интереснаго сообщить вамъ,

но въ скоромъ времени событія будутъ интереснѣе, такъ какъ въ концѣ этой недѣли сосредоточиваю армію. Начну съ того, что ударю на Нея и Даву, а затѣмъ на Массену. Вы будете получать непрестанно извѣщеніе о всемъ совершающемся здѣсь.

Данцагъ находится въ величайшей опасности. Каждый день ожидаю получить роковую вѣсть о сдачѣ этой крѣпости. Пытались ввести туда 22-хъ-пушечный англійскій корабль, чтобы передать 200 центнеровъ пороха, но это судно, уже сильно пострадавшее въ морѣ, хотя и причинило противнику много вреда своимъ огнемъ, но имѣло несчастіе съѣсть на песчаную отмель и должно было сдаться. Графъ Каменскій также атаковалъ противника, но не могъ взять обратно Гольмъ; французы понесли при этомъ большія потери, особенно гренадеры Удино. Превосходство силъ противника заставило графа Каменскаго, кстати сказать, замѣчательно отличившагося, отказаться отъ продолженія атаки. Наши потери вмѣстѣ съ пруссаками простираются приблизительно до 1.400 человекъ. Убить маіоръ Ботъ, дѣлавшій кампанію вмѣстѣ со мною; всѣ вообще сожальютъ объ этомъ прекрасномъ человекѣ.

Государь покинулъ три дня тому назадъ армію, чтобы пробыть нѣкоторое время въ Тильзитѣ; онъ проѣдетъ потомъ на нашу границу, чтобы видѣть новыя дивизіи. Я требую сюда князя Лобанова съ его дивизіей, а князь Горчаковъ со своей направится къ Тучкову. Попрошу васъ извѣстить меня, когда эти дивизіи вступятъ въ Литву, чтобы я могъ сообразить обстоятельства и время. Казалось бы эти господа должны были бы время отъ времени сообщать мнѣ о томъ, гдѣ они находятся, но они этого не дѣлаютъ. Будьте же любезны сообщить мнѣ о нихъ.

Французы начинаютъ наконецъ дезертировать къ намъ послѣ того, какъ я распространилъ между ними прокламаціи. Въ виду значительнаго числа ихъ, я доложилъ государю, что нужно о нихъ позаботиться, такъ какъ они получаютъ здѣсь слишкомъ мало, что не можетъ продолжаться. Поэтому обратите вниманіе, дорогой генераль, на прибывающихъ къ вамъ; въ противномъ случаѣ, если они будутъ нуждаться въ средствахъ къ жизни и объ этомъ узнаютъ во французской арміи, дезертирство можетъ прекратиться. Я постараюсь уговорить государя сдѣлать для нихъ что-нибудь.

Моя жена счастливо добралась до меня; въ среду она отправится въ Кенигсбергъ, чтобы оставаться тамъ, пока это позволитъ обстоятельства. Она поручаетъ мнѣ передать привѣтъ.

Намъ въ арміи нужно, конечно, побольше извозчиковъ. Поповъ дѣлаетъ расчетъ, сколько ихъ еще потребуется, о чемъ не замедлю васъ увѣдомить.

33.

17-го (29-го) мая 1807 г., Бартенштейнъ.

Дорогой генералъ. Спѣшу увѣдомить васъ о томъ, что здѣсь происходитъ. Данцигъ потерянъ для насъ. Недостатокъ продовольствія поставилъ меня въ невозможность предпринять что-нибудь для спасенія этой крѣпости. Если бы не совершенный недостатокъ въ средствахъ существованія, я заставилъ бы Бонапарта раскаяться въ той смѣлости, съ коей онъ двинулъ часть своихъ силъ къ Данцигу, ослабивъ тѣ, которыя оставались противъ меня. Мнѣ обѣщаютъ хлѣба черезъ два дня. Если это обѣщаніе осуществится, я буду въ состояніи продолжать дѣйствія, на которыя взятіе Данцига не окажетъ никакого вліянія, такъ какъ эта крѣпость лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ моей операціонной линіи. Тѣмъ не менѣе очень досадно, что мнѣ постоянно мѣшали въ моемъ желаніи оказать дѣйствительную помощь для освобожденія Данцига. Пока все увеличивается дезертирство во французской арміи. Дезертиры являются толпами; между ними есть и поляки. Малая война возобновилась съ успѣхомъ. Корпусъ генерала Лушкова, замѣнившаго генерала Эссена, имѣлъ блестящія дѣла. Вотъ, дорогой генералъ, почти всѣ новости, кои могъ сообщить вамъ.

34.

24-го мая (5-го іюня) 1807 г., Гутштадтъ.

Я имѣлъ счастье разбить сегодня маршала Нея съ частью корпуса Сульта. Генералъ Рожеръ, одинъ полковникъ, одинъ маіоръ, много офицеровъ и болѣе 1.000 солдатъ взяты въ плѣнъ; они потеряли вдвое болѣе того убитыми. Непріятеля преслѣдовали на четыре мили. Гутштадтъ взятъ съ саблями наголо, при чемъ захвачено 150 плѣнныхъ, хорошій магазинъ и много экипажей. Дѣло началось въ три часа утра и продолжалось до шести часовъ вечера. Наши потери не серьезны. Между ранеными находятся генералы Остерманъ и Сомовъ, но не опасно.

35.

25-го мая 1807 г., Анкендорфъ.

Я снова атаковалъ сегодня утромъ Нея у Анкендорфа, на очень выгодной позиціи. Я охватилъ его оба фланга въ то время, какъ приказалъ князю Багратиону атаковать деревню Анкендорфъ, находив-

шуря на его фронтѣ. Непріятель былъ сбитъ на всѣхъ пунктахъ и прогнанъ за Пассаргу. Вчерашній и сегодняшній дни дали намъ одного генерала, одного полковника, около 20-ти штабныхъ и 40-ка субалтернъ-офицеровъ, 1.500 солдатъ плѣнными и двѣ пушки. Взято множество экипажей, между конни собственные маршала Нея, съ массою денегъ. Непріятель потерялъ всего не менѣе 2.000 человекъ, и между прочимъ генеральнаго штаба генерала Дюфешю. Привѣтствую васъ отъ всего сердца.

36.

18-го (30-го) іюня 1807 г., Шонвизъ.

Будьте увѣрены, дорогой генераль, что я былъ слишкомъ занятъ все это время и потому не имѣлъ возможности написать вамъ хоть нѣсколько словъ и сообщить обо всемъ интересномъ, происходившемъ за послѣдніе дни. Сраженіе подъ Фридландомъ даже самими французами считается за ничто; къ тому же наши потери столь незначительны, что намъ случалось имѣть не меньшія при аванпостныхъ стычкахъ. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ моей реляціи, которая будетъ готова сегодня. Отступленіе совершенно въ величайшемъ порядкѣ, и непріятель не осмѣливался насъ преслѣдовать въ продолженіе болѣе 24-хъ часовъ. Однако послѣдствія были для насъ губельны: вслѣдствіе потери Кенигсберга, я вынужденъ былъ отойти за Прегель, чтобы спасти корпусъ генерала Лестока, который пропалъ бы совсѣмъ, если бы я не прикрылъ дебушированіе его изъ лѣса, въ которомъ ему пришлось проходить гать длиною въ полторы мили. Прибавьте ко всему этому то, что мы были сильно обмануты во всѣхъ свѣдѣніяхъ о силахъ противника, который уже у Гейльсберга имѣлъ 100.000 человекъ. Поэтому я считаю за лучшее отойти со своей арміей за Нѣманъ навстрѣчу подкрѣпленій, чтобы быть въ состояніи отбросить противника, вѣрнѣе его уничтожить, если бы онъ осмѣлился сдѣлать попытку перейти нашу границу.

Перемиріе однако положило конецъ всему. Бонапартъ согласился на него съ такою поспѣшностью, о которой трудно составить себѣ представленіе. Въ ту же ночь онъ прислалъ ко мнѣ Даву съ предложеніемъ отдать ему Пиллау, Грауденцъ и Кольбергъ. Я отвѣчалъ исходя изъ того принципа, что не могу допустить я тѣни униженія въ условіяхъ перемирія: «мы не находимся въ состояніи невозможности не принять таковыя; если вы не можете заключить перемирія на иныхъ условіяхъ, не будемъ о немъ и говорить, а будемъ продолжать драться вплоть до заключенія мира». По словамъ Даву, Бонапартъ желалъ войти въ согла-

шеніе съ государемъ; вполсѣдствіи онъ отказался отъ передачи ему названныхъ крѣпостей.

Вы навѣрное уже знаете, что 13-го числа состоялось первое свиданіе государя съ Бонапартомъ на серединѣ русла рѣки, на баркахъ, въ устроенныхъ на нихъ для этого случая домикахъ. На слѣдующій день состоялось второе свиданіе, на которомъ присутствовалъ король прусскій. Оба эти дня я состоялъ въ свитѣ императора. Затѣмъ нашъ государь поселился въ Тильзитъ, объявленномъ нейтральнымъ городомъ и раздѣленнымъ на русскій и французскій кварталы. Предполагаютъ, что вотъ уже два дня, какъ все окончательно рѣшено. Кстати могу вамъ сообщить, что намъ порядочно влетитъ, о чемъ въ скоромъ времени скажу яснѣе, а пока, мой дорогой другъ, прошу принять увѣренія въ моей привязанности и дружбѣ.

Р. S. Прибавлю еще только два слова, дорогой генералъ; увѣряю васъ, что обстоятельства складываются совсѣмъ не такъ дурно для насъ, въ эту минуту; даю вамъ въ этомъ честное слово. Если Бонапартъ не заключитъ мира, о которомъ сейчасъ идутъ переговоры на основаніи его предложеній, слѣданныхъ Даву, посланнымъ ко мнѣ вчера ночью, вы увидите, насколько обстановка измѣнится прежде всего въ нашу пользу. Если я только-что отказался отъ перемирія, предложеннаго мнѣ на условіяхъ, на кои я никогда не могъ бы согласиться, то вы можете судить, въ какомъ состояніи нахожусь я со своей арміей. Какъ передъ Богомъ, говорю, что мы не находимся въ положеніи, допускающемъ перенести какое-либо униженіе для русскихъ; увѣряю васъ, что черезъ 14 дней я буду въ состояніи заставить трепетать Бонапарта. Когда вы прочтете реляцію объ отступленіи послѣ Фридланда, вы увидите, что это была пустая неудача. Я сообщу вамъ возможно скорѣе еще кое-что объ этомъ.

37.

10-го (22-го) іюня 1807 г. Близъ Тильзита.

Вчера вечеромъ, дорогой генералъ, заключено перемиріе между княземъ Лобановымъ и Бертье. Первый обѣдалъ вчера у Бонапарта, который бесѣдовалъ съ большимъ интересомъ о нашемъ государѣ, и выражалъ желаніе жить съ нимъ въ мирѣ и добрыхъ отношеніяхъ. На дняхъ должны начаться переговоры о мирѣ. Арміи остаются на своихъ настоящихъ позиціяхъ. Сторона, которая пожелаетъ начать непріязненные дѣйствія, должна предупредить о томъ за четыре недѣли главную квартиру противника. Вотъ все, что могу сообщить вамъ сегодня.

Р. S. Какъ были мы обмануты относительно силъ французской арміи! Подъ Гейльсбергомъ у насъ было 60,000, а у нихъ 100,000. Ко дню сраженія при Фридрихѣ Бонапартъ присоединилъ еще почти весь корпусъ Бернадотта, но все-таки само по себѣ это сраженіе не рѣшительно, и только имѣютъ значеніе его послѣдствія—потеря Кенигсберга.

38.

22-го іюня 1807 г. Шонвизъ.

Не имѣю ничего прибавить къ моему послѣднему письму, исключая того, что черезъ два дня все будетъ кончено, и немного спустя я отправлюсь въ Закреть, гдѣ буду имѣть удовольствіе подробно разсказать вамъ о дѣлахъ. Букстевденъ пріѣхалъ два дня тому назадъ въ Тильзитъ и, говоритъ, отправляется генералъ-губернаторомъ въ Молдавію и Валахію.

Будьте любезны, дорогой другъ, отправьте прилагаемое письмо возможно скорѣе въ Закреть, чтобы я могъ найти свою квартиру готовой.

Письма Горна къ генералу Римскому-Корсакову.

1.

20-го января 1807 г., Высоко-Мазовецкъ.

Проѣхавъ 40 слишкомъ часовъ, я прибылъ вчера сюда, гдѣ находится съ 17-го числа этого мѣсяца главная квартира генерала Эссена. Я собралъ дорогою кое-какія свѣдѣнія, но они не кажутся мнѣ достаточно интересными и вѣрными, чтобы сообщать ихъ вашему превосходительству.

Генералъ Эссенъ съ безконечною любезностію посвятилъ меня во все и сообщилъ все, что зналъ самъ. Французскіе аванпосты занимаютъ оба берега Нарева и стоятъ по близости нашихъ, коихъ наиболѣе выдвинутый пунктъ есть Ломжа, напротивъ Новогорода, занятаго французами.

Маршалы Даву и Ланнъ занимаютъ весь районъ отъ Варшавы и Вислы до сихъ поръ, но Бонапартъ покинулъ Варшаву въ началѣ этой недѣли вмѣстѣ со всей гвардіей, корпусомъ Сульта и всѣми войсками, коими могъ располагать, оставивъ только польскихъ инсургентовъ, милицію и 22 тысячи больныхъ. 18-го этого мѣсяца его главная квартира была въ Пултускѣ, но совершенно неизвѣстно, куда онъ оттуда напра-

вится или уже направился. Правда, что генераль Эссенъ очень удивленъ этимъ отчаяннымъ маршемъ въ виду совершеннаго недостатка продовольствія; онъ совершенно не понимаетъ, какъ Бонапартъ намѣренъ продовольствовать свою армію. Что касается нашей арміи, то до настоящаго времени она была снабжена весьма обильно всякими припасами. Дѣйствія пока ограничивались оттѣсненіемъ французскихъ аванпостовъ къ Нареву. Случавшіяся вслѣдствіе этого стычки имѣютъ ничтожное значеніе, но всегда были для насъ успѣшны.

Вотъ вамъ резюме новостей, собранныхъ въ дорогѣ и о чемъ слышалъ также генераль Эссенъ, но вѣрность ихъ онъ не могъ гарантировать. Гессенъ продолжаетъ быть очагомъ возстаній, и его волненія должны уже проникнуть въ Тюрингію, ГанOVERь, Вюрцбургъ, Бамбергъ; Баварія угрожаетъ къ нимъ присоединиться. Тирольцы, кажется, отказались возстать поголовно, какъ ихъ просили. Но всѣ инсургенты эти должно быть остановили транспорты, слѣдовавшіе къ арміи изъ Франціи, и освободили плѣнныхъ пруссаковъ, отправляемыхъ во Францію. Пруссаки, а именно президентъ военнаго совѣта и финансовъ—господинъ Вагнеръ, который, какъ ваше превосходительство помните, состоитъ съ вами въ перепискѣ и мнѣ кажется менѣе всего на свѣтѣ годенъ для этого, онъ идетъ въ своихъ слухахъ гораздо дальше. утверждая, что инсургенты деблокировали Бреславль и отняли у французовъ и польскихъ повстанцевъ ихъ казну; правда, они были затѣмъ отброшены, но принцъ Ангальтскій, здѣсь командующій, долженъ прійти на помощь. Эта послѣдняя новость, конечно, не имѣетъ большаго значенія, тѣмъ болѣе что генераль Эссенъ увѣряетъ меня въ томъ, что Бреславль и Глогау во власти французовъ.

Это я первый привезъ сюда извѣстіе о послѣднихъ успѣхахъ Беннигсена у Лишптадта и Гутшптадта и о смерти генерала Анрепа. Вотъ уже пять дней какъ генераль Эссенъ не имѣетъ прямыхъ извѣстій изъ главной арміи, а между тѣмъ надо ожидать важныхъ событій, что неминуемо будетъ вызвано движеніемъ Бонапарта съ отборными войсками.

Нужно предположить, что по крайней мѣрѣ часть войскъ, отступающихъ передъ Беннигсеномъ, отойдетъ къ арміи Бонапарта.

Генераль Эссенъ имѣетъ данныя думать, что Галиція снабжаетъ Варшаву значительнымъ количествомъ продовольствія, особенно пшеницей. Баварскія войска еще не прибыли въ Варшаву, но ихъ тамъ ожидаютъ.

Я хотѣлъ выѣхать сегодня утромъ и тогда былъ бы въ Вильнѣ 21-го вечеромъ, но генераль Эссенъ увѣдомилъ, что задержать меня до исхода операціи, которую онъ подготавливаетъ и думаетъ выполнить въ теченіе завтрашняго дня. Онъ двинется и атакуетъ почти со всею наличностью

своихъ силъ, кромѣ дивизіи Седморацкаго, расквартированной въ Тикоцынѣ и его окрестностяхъ. Силы, коими располагають здѣсь, состоятъ изъ двухъ дивизій безъ трехъ полковъ. Цѣлью дѣйствій, кажется, поставлено очистить мѣстность между Бугомъ и Наревомъ; послѣдній покрылся льдомъ и весьма прочнымъ.

Еще разъ говорилъ съ генераломъ Эссеномъ; онъ разрѣшаетъ мнѣ ѣхать, но желалъ бы, чтобы я подождалъ, въ виду исполненія предполагаемыхъ имъ операцій. Онъ все поджидаетъ курьера отъ генерала Беннигсена, чтобы имѣть возможность согласовать свои дѣйствія съ таковыми главной арміи. Выступая изъ Варшавы, Бонапартъ намѣтилъ два пункта для главной квартиры: на Наревѣ и другой на Вислѣ въ Плодзѣ; пока онъ не пошелъ ни въ одинъ изъ нихъ, а въ Пултускъ. Имѣю честь быть и проч.

Р. S. Прилагаю два письма: одно генерала Эссена, представленное имъ по случаю моего отъѣзда, другое для моей жены; осмѣливаюсь надѣяться, что ваше превосходительство благоволите простить мою смѣлость.

2.

Въ ночь съ 1-го по 2-е февраля 1807 г., Гумбинненъ.

Не имѣлъ возможности отправить эстафету изъ Біалы иначе какъ черезъ Бѣлостокъ; поэтому я привезъ свое письмо сюда, чтобы его отправить. Дорогой и здѣсь я получилъ еще нѣсколько подробностей о дѣлахъ субботы и воскресенья, но я узналъ также, что здѣсь только что проѣхалъ курьеръ въ Вильну; слѣдовательно вашему превосходительству все уже извѣстно. Я встрѣтилъ другого курьера, который ѣхалъ къ генералу Эссену, чтобы призвать его на помощь. При выѣздѣ изъ Кенигсберга, генералъ Беннигсенъ предполагалъ генерала Эссена въ Арисѣ, или его окрестностяхъ, между тѣмъ какъ не только послѣдній, но еще часть дивизіи Седморацкаго находится въ Ломжѣ и слѣдовательно совершенно внѣ возможности быть полезными для Беннигсена. Здѣсь всѣ вообще, также какъ и я самъ, не понимаютъ, почему генералъ Беннигсенъ, одержавъ столь явственный успѣхъ, не только не постарался подвинуться впередъ, но даже не удержалъ своей позиціи. Его главная квартира въ настоящее время находится во власти французовъ. Если онъ одержитъ еще успѣхъ, или испытаетъ неудачу, вслѣдствіе коей ему придется отойти, Кенигсбергъ попадетъ во власть противника, а съ нимъ вмѣстѣ всѣ запасы и средства для жизни нашей арміи. Я отправляюсь теперь на театръ великихъ событій; останусь тамъ лишь въ продолженіе времени необходимаго, чтобы собрать свѣдѣнія, и тогда съ по-

слѣшностью возвращусь къ вашему превосходительству. Я знаю, что здѣсь ожидаютъ съ большимъ нетерпѣніемъ казаковъ, которые найдутся еще очень далеко и не преинутъ протянуть достаточно времени, чтобы быть бесполезными для настоящихъ надобностей.

Транспорты артиллерійскій, съ запасами, деньгами и т. п., при которыхъ находится и паркъ, выступивъ изъ Несвижа 1-го, а изъ Гродно 19-го января, прошли вчера черезъ Юстербургъ и черезъ 4 дня могутъ быть въ Кенигсбергѣ. Я оставилъ еще въ Гроднѣ транспортъ, выступившій изъ Вильны 6-го января, и не могъ ничего узнать о тѣхъ, которые пошли на Юрбургъ. Встрѣтилъ еще артиллерійскаго офицера, посланнаго курьеромъ отъ генерала Рѣзваго, на розыски транспорта, ушедшаго изъ Вильны 6-го января; онъ предполагалъ его въ Августовѣ, но вѣроятно онъ ушелъ гораздо дальше, такъ какъ это тотъ самый, который я засталъ въ Гроднѣ. Полковникъ Кноррингъ получилъ орденъ Краснаго Ордена, что составляетъ эпоху въ исторіи этого ордена, такъ какъ онъ никогда еще не давался иначе какъ генераламъ. Имѣю честь быть почтительнымъ и наипреданнѣйшимъ, послушнымъ, низжайшимъ слугою вашего превосходительства.

Письма генерала Эссена—Римскому-Корсакову.

1.

20-го января 1807 г., Высоко-Мазовецкѣ.

Горнъ передалъ мнѣ ваше письмо, которое вы сдѣлали мнѣ честь написать. Я не имѣю свѣжихъ извѣстій о генералѣ Беннигсенѣ; по послѣднимъ сообщеніямъ онъ предупредилъ противника при его наступленіи къ Кенигсбергу, выдвинувъ свой авангардъ къ Либштадту. Теперь, если еще не было серьезнаго столкновенія, очевидно, противникъ отступаетъ; остается узнать куда именно. Бонапартъ покинулъ Варшаву 14-го, въ сопровожденіи гвардіи и корпуса Сульта. Часть войскъ направилась правымъ берегомъ Вислы на Плоцкъ; другая часть—на Навель; предполагаютъ, что его главная квартира въ Пултускѣ. Цѣль его марша, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы меня раздавить или отвлечь и прорвать нашъ центръ, ставъ между генераломъ Беннигсеномъ и мною. Время года и недостатокъ продовольствія будутъ сильно препятствовать всякому маневру противника.

Мои военныя дѣйствія ограничивались аванпостными стычками, въ которыхъ наша кавалерія выказала большое превосходство. Я выигралъ

немного пространства, чтобы дать нѣкоторыя удобства войскамъ въ виду дурнаго времени года. Не смѣю рисковать больше этого, такъ какъ имѣю постоянно передъ собою маршаловъ Даву и Ланна, которыхъ не могу атаковать навѣрняка на мѣстности лѣсистой и болотистой. въ странѣ совершенно лишенной всякихъ средствъ жизни. Главнымъ препятствіемъ наступленію до Нарева служило сомнѣніе въ успѣхѣ главной арміи, удаленной отъ меня на 350 верстъ. Успѣхи генерала Беннигсена направлять мои дальнѣйшія дѣйствія, такъ какъ не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ прикажетъ мнѣ наступать, какъ только разгромить непріятеля. Но и безъ этого приказанія я буду наступать со всѣми силами, какъ только узнаю, что непріятель, отступая передъ Беннигсеномъ, отходить къ Вислѣ.

Какъ только здѣсь произойдетъ что-нибудь интересное, я не замедлю сообщить вашему превосходительству.

2.

31-го января 1807 г., Замбровъ.

Я получилъ письмо, которое вы благоволили написать 29-го этого мѣсяца. Ваше превосходительство намѣчаете мнѣ превосходный образъ дѣйствій—преслѣдовать бѣгущаго непріятеля и покончить съ нимъ. Но есть нѣсколько препятствій, мѣшающихъ исполненію сего, а именно: во-первыхъ, насколько я знаю, противникъ еще не отступаетъ, а во-вторыхъ, я не могу открыть наши границы ради спасенія Пруссіи. Вы, вѣроятно, какъ и другіе, ошибаетесь относительно количества непріятельскихъ силъ, находящихся противъ меня, которыя я занимаю довольно энергично и успѣшно. Прилагаю росписаніе французскихъ войскъ на Наревѣ по полкамъ¹⁾; ваше превосходительство, зная количество моихъ силъ, согласитесь, что я принужденъ довольствоваться въ настоящую минуту желаніемъ, чтобы передъ Беннигсеномъ было по крайней мѣрѣ столько же французовъ.

Наступаю съ цѣлью атаковать противника и не премину сообщить вашему превосходительству все, что можетъ быть интереснаго.

Письмо Ланскаго—Римскому-Корсакову.

2-го іюня 1807 г., Гродно.

Ваше превосходительство. Въ эту минуту я получилъ съ фельд-егеремъ письмо отъ генерала барона Беннигсена изъ Бартенштейна,

¹⁾ Росписанія при письмѣ не оказалось.

отъ 31-го мая. Онъ проситъ меня сообщить вамъ копию съ него, и я съищу послать ее. Беру на себя смѣлость рекомендовать вамъ господина Марбѣфа, плѣннаго француза, пробывшаго здѣсь нѣкоторое время. Я могу лишь опѣнить должнымъ образомъ его хорошее и благородное поведеніе. Благоволите быть къ нему снисходительнымъ.

Письмо Беннисена—Ланскому.

31-го мая 1807 г., Бартенштейнъ.

Не удивляйтесь, что я снова здѣсь со всей арміей. Третьяго дня мы дали генеральное и кровопролитное сраженіе подъ Гейльсбергомъ. Вообразите, что Бонапартъ имѣлъ сумасшествіе атаковать всѣми своими силами—свыше 70.000 человекъ—мою укрѣпленную позицію на лѣвомъ берегу Алле. Сраженіе началось въ 4 часа пополудни и продолжалось до 10 часовъ вечера. Бонапартъ дѣлалъ невозможное, чтобы сбить меня съ позиціи, вводя въ дѣло всѣ резервы, но онъ былъ всюду отброшенъ картечью, кавалеріей и наконецъ штыками нашей пѣхоты и преслѣдуемъ на протяженіи семи верстъ. Потери должны быть не менѣе 12.000 человекъ, потому что все поле сраженія было покрыто трупами. Мы взяли плѣнными около 200 человекъ ¹⁾. На слѣдующій день Бонапартъ обошелъ со всею арміей мой правый флангъ; я перевелъ туда всѣ свои силы и построилъ напротивъ него боевой порядокъ; началась небольшая перестрѣлка и канонада, но повидимому вчерашній урокъ отбилъ у него охоту. Скоро онъ выслалъ много войскъ влѣво. Опасаясь, чтобы онъ не послѣдовалъ туда же со всею арміей, имѣя цѣлью двинуться на Кенигсбергъ, я отрядилъ туда снова графа Каменскаго, а самъ со всею арміею перешелъ сюда, чтобы имѣть возможность слѣдовать за Бонапартомъ всюду, куда бы онъ ни пошелъ.

Съ нашей стороны между убитыми считаемъ генераловъ Козена и Варнека; между ранеными—графа Мекленбурга, Фока и трехъ другихъ. Наша потеря можетъ быть около 4.000 человекъ. Прошу васъ отправить копию съ этого письма генералу Корсакову. Я боленъ, лежу въ постели уже пять дней, но сажусь верхомъ въ дни сраженія.

P. S. Государь приказалъ, чтобы генераль-лейтенантъ Сакенъ былъ отправленъ въ Петербургъ и преданъ суду генеральнаго аудиторіата за дѣло, которое я имѣлъ противъ Нея.

Сообщ. К. Дружининъ.

¹⁾ Примѣчаніе Ланскаго. Возможно, что генераль ошибся однимъ нулемъ; когда я спросилъ курьера о числѣ плѣнныхъ, онъ отвѣчалъ, что по слухамъ число ихъ доходить до 3.000 человекъ.

примѣръ, касающійся напечатанія его рѣчей: „По письменному представленію профессора Третьяковскаго, при которомъ подалъ онъ на латинскомъ и руссійскомъ языкѣ въ конференціи говоренныя свои рѣчи и просилъ, чтобъ ихъ напечатать по-русски на одной, а по-латини на другой сторонѣ, на его изживеніи,— того ради симъ опредѣлено: тѣ обѣ рѣчи въ типографіи набирать... и притомъ накрѣпко того смотрѣть, чтобъ... все бы по старой ортографіи печатано было, дабы за ортографическія поновленія, а особливо въ высокихъ титулахъ, канцеляріи не отвѣтствовать. А сколько подлежать будетъ взысканіе денегъ, объ оныхъ репортовать, и потомъ поставить на щетъ его, профессора“.

Академія наукъ поручала Тредьяковскому освидѣтельствовать переведенный Волочковымъ Саваріевъ лекціонъ о коммерціи,— въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „... каморы при академіи для того свидѣтельства не находятся, и для того ему разсматривать тотъ переводъ съ оригиналомъ въ домѣ своемъ, у себя, какъ наискорѣе, съ посѣщеніемъ, и какъ разсмотрѣвъ тотъ переводъ будетъ и въ какомъ состояніи и что имъ поправлено будетъ, о томъ ему репортовать... для того свидѣтельства опредѣляется ему время въ каждой недѣлѣ три дни, а прочіи дни употреблять на прежде порученныя ему дѣла“.

Окончивъ освидѣтельствованіе упомянутой книги, Тредьяковскій доноситъ, между прочимъ: „... И явилось, что оный переводъ учиненъ изрядно, а хотя самыя малыя и неважныя погрѣшенія нашлись, и тѣ мною ему, господину Волочкову, показаны“.

Значительный интересъ представляетъ промеморія изъ канцеляріи отъ строений въ академію наукъ (стр. 190), въ которой говорится объ Іоаннѣ-Христофорѣ Ферстерѣ, „игральной колокольной музыки оберъ-мастерѣ“, который устроилъ гlockшнидли въ Петербургѣ, Петергофѣ и Москвѣ, и обучилъ двѣнадцать почталіоновъ играть на рожкахъ и нѣсколькихъ учениковъ играцію на колоколахъ“.

8-го марта 1745 г. астраханская губернская канцелярія прислала въ академію наукъ слѣдующую промеморію: „Прошлаго 744-го году декабря 27-го дня отъ кизлярскаго коменданта, брегадира князя Оболенскаго, при доношеніи прислана монстра, о которой показано, что въ казачьемъ городкѣ казачья жена Авдотья Иванова родила дву мальчиковъ, одного живаго, а другаго мертваго безъ головы и безъ рукъ, точію одні ноги, а у ногъ только по два пальца. Которая монстра въ оную академію наукъ при семь отравлена“.

До чего была разнообразна дѣятельность

лавку отъ апрѣля мѣсяца того-жъ году 50 копеекъ за переплетъ книгъ истинныя політики....“

академіи наукъ, показываютъ хотя бы слѣдующіе документы (стр. 270): „Книгу, называемую „Тысяча одна ночь“, состоящую изъ десяти томовъ, немедленно отдать въ переплетную, для переплетенія въ хорошей французскій переплетъ, и по переплетеніи, отдать Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ. А денегъ сколько за оную взять надлежитъ поставить на щетъ Ея Высочества, и для того Прейсеру и Розенбергу на нѣмецкомъ діалектѣ дать ордеръ“. Или (стр. 280): „За мытье, починку и утюженіе галстука, крагена и манжетъ къ сплящему портрету блаженнаго и вѣчодостойнаго памяти государя императора Петра Великаго выдать отъ расхода иноземкѣ Аннѣ одинъ рубль“.

Къ промеморіи изъ ямской канцеляріи „де сіансь академію“, отъ 4-го апрѣля 1745 г., приложена вѣдомость о томъ, „коликое число отъ Савитъ-Петербурха до Москвы между городами, ямами и почтовыми станами порознь верстъ“. Изъ вѣдомости этой видно, что „отъ Савитъ-Петербурха, отъ Исаакіевской церкви, гдѣ стоитъ столбъ, до Новгорода“ считалось 186 верстъ, а до Москвы 734 версты.

Въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ академическаго начальства проглядываетъ забота о служащихъ въ академіи; объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы слѣдующій документъ (стр. 369): „Въ разсужденіи наступающаго праздника Святыхъ Пасхи и бѣдности академическихъ служителей, кои на прошлый 744-й годъ жалованья на майскую, и которые и на сентябрьскую треть не получили за неимѣніемъ академической суммы, выдать имъ, а именно...“

Къ 28-му октября 1745 г. относится слѣдующая промеморія изъ государственной коммерцъ коллегіи въ академію наукъ: „По Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію коммерцъ-коллегіи велѣно отъ оной академіи наукъ требовать извѣстія: родятся-ль въ Россіи такія травы и коренья, такожъ и руды, изъ которыхъ можно всякія краски дѣлать, и буде родятся, то гдѣ и на какихъ мѣстахъ оныя травы и коренья родятся, а руды сыскаются могутъ, изъ чего какую краску можно дѣлать, и оныя противъ заморскихъ красокъ какую доброту имѣть могутъ?“

Приведенныхъ выписокъ достаточно, чтобы судить о разнообразіи и интересѣ помѣщенныхъ въ 7-мъ томѣ „Матеріаловъ“ документовъ. Прибавимъ, что здѣсь мы находимъ имена и такихъ лицъ, какъ Минихъ, Остерманъ, Виронъ и Головкинъ, наряду съ именами Гмелина и Шумахера, Блюментроста, графа Михаила Воронцова и др.

Въ концѣ книги помѣщенъ прекрасно составленный алфавитный указатель, значительно облегчающій справки. Со виѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать лучшаго.

Н. К-ш-ь.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.** — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсакова). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылають въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8 рублей**; и съ 1888—1897 по **9 рублей**.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3 рубля**. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2 рубля**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXIX-й.

СЕНТЯБРЬ.

1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- | | | | |
|---|---------|--|---------|
| I. Россія и Германія въ XIX вѣтѣ..... | 481—516 | VII. Русское посольство въ Бухару въ 1870 году. (Оконч.)
Сообщ. С. А. Носовичъ. | 629—650 |
| II. Состояніе государства въ 1841 году. (Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I)..... | 517—531 | VIII. Записки Михаила Чайковского. Перев. В. В. Тимощукъ..... | 651—685 |
| III. Александръ Дмитріевичъ Боровковъ и его автобиографическія записки. Сообщ. Н. А. Боровковъ. | 533—564 | IX. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—1878 г.г. А. А. Версѣ. | 687—713 |
| IV. Воспоминанія князя Станислава Понятовскаго. (1776—1809 гг.). Сообщ. Н. К. Шильдеръ.... | 565—592 | X. Записная книжка „Русской Старины“: О наблюденіи за живописными портретами императорской фамиліи. Рапортъ об.-прокурора Прав. Сената Ковдавлева ген.-прокурору кн. Лоухину отъ 26-го апрѣля 1799 года. (стр. 532).—Эпиграммы: Акростихъ на Геракова и отвѣтъ. Сообщ. Л. С. М—чъ. (1886). | |
| V. Изъ воспоминаній объ одиночномъ заключеніи. А. Фаресовъ..... | 593—610 | XI. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ). | |
| VI. Воспоминанія старой институтки. Н. Ковалевская..... | 611—628 | | |

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Дмитріевича Боровкова. Грав. И. Хельмицкій.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1898 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 страи. обертки.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“,
Вольшья Подъяческая, 39.

1898.



IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1898 г.

Digitized by Google

Библиографическій листокъ.

Труды Я. К. Грота. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изданы подъ редакціею проф. К. Я. Грота. СПб. 1898.

Этимъ томомъ начинается изданіе собственно Трудовъ умершаго 24-го мая 1883 года академика Якова Карловича Грота.

Разсматриваемый нами первый томъ и содержаніемъ своимъ, и временемъ происхожденія большинства статей тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ изданной въ 1896 году Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ¹⁾, въ которой какъ Финляндія, такъ и вообще мотивы финскіе и скандинавскіе играютъ первенствующую роль. Онъ служитъ дополненіемъ къ этой Перепискѣ, такъ какъ его содержаніе вышло, главнымъ образомъ, изъ той учено-литературной дѣятельности автора, которая со всею ея жизнью такъ рельефно рисуется въ его перепискѣ съ другомъ.

Громадный томъ этотъ, въ тысячу с лишкомъ страницъ, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1, самостоятельные очерки и статьи (очерки, путешествія и воспоминанія) и 2, переводы (стихи и проза). Конечно, трудно было, — какъ заявляетъ въ своемъ предисловіи проф. К. Я. Гротъ, — точно разграничить весь матеріалъ по этимъ двумъ отдѣламъ, и потому, въ первомъ отдѣлѣ — среди текста самостоятельныхъ очерковъ встрѣчаются переводныя пьесы и выдержки, а во второмъ — отдѣлѣ «переводовъ», помѣщено нѣсколько статей съ изложеніемъ содержанія произведеній и пьесъ другихъ авторовъ — рядомъ съ переводами изъ нихъ, также и болѣе самостоятельные очерки²⁾.

Большая часть работъ относится къ первому, финляндскому періоду его учено-литературной дѣятельности (1840—1852 гг.), — годами профессорства въ Гельсингфорскомъ Александровскомъ университетѣ³⁾ и дѣятельнаго сотрудничества въ „Современникѣ“ П. А. Плетнева⁴⁾ гдѣ и появилась первоначально значительная часть очерковъ; остальное печаталось частью въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ периодическихъ изданіяхъ, частью отдѣльно, напр. „Переѣзды по Финляндіи“ (отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео) и „Фритюфъ“.

Въ концѣ книги напечатаны прекрасно составленные указатели: предметный, личныя и мѣстныхъ именъ, что значительно облегчаетъ справку.

Н. К-ш-ъ.

Исторія Харьковскаго полка (Сибирскаго драгунскаго Харьковскій ея императорскаго высочества великой княгини Александры Петровны полкъ). Составилъ Евгеній Альбовскій. (Продолженіе „Исторіи Харьковскаго слободскаго казачьяго полка“). Минскъ 1897 г.

Историческое прошлое каждаго полка, его заслуги предъ царемъ и отечествомъ, его честь и слава, какъ штандартъ, должны быть святынею и составлять благородную гордость всякаго члена полковой семьи.

Чтобы познакомить съ этимъ прошлымъ полка, г. Альбовскій и предпринялъ свой трудъ.

Авторъ разсматриваемой нами книги, при составленіи своей исторіи, находился въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ для своей дѣли онъ располагалъ самымъ незначительнымъ матеріаломъ: всѣ полковыя дѣла, — этогъ главный источникъ матеріаловъ, — во время революціи въ Варшавѣ (1794 г.) погибли.

Поставивъ себѣ задачей „составить исторію правдивую“, г. Альбовскій не позволялъ себѣ, восхваляя подвиги, фантазировать изъ суетнаго желанія представить что-либо въ ложно-героическомъ видѣ; онъ не пишетъ панегирика въ тѣхъ случаяхъ, когда того не дѣлали безпристрастные архивные документы, а чтобы не быть голословнымъ, онъ постоянно, строго держась факта и цифры, отмѣчаетъ гдѣ и что взято.

Несомнѣнную заслугу автора составляетъ то, что при описаніи разныхъ событій, сраженій и т. п. онъ избѣгалъ приводить извѣстныя уже историческія подробности, насколько, конечно, это позволяла дѣла выясненія участія въ нихъ полка, и также образомъ книга г. Альбовскаго свободна отъ того многословія, къ которому прибѣгаютъ иные авторы въ своихъ произведеніяхъ, часто въ ущербъ главной, основной мысли.

Въ сочиненіяхъ о войнахъ, — говоритъ авторъ въ предисловіи, — рѣдко упоминается о Харьковскомъ полку, какъ будто-бы онъ, просуществовавъ два съ половиною вѣка, ровно ничего не дѣлалъ, а стоялъ только въ резервѣ. Это ложное убѣжденіе царилъ даже въ полку. Объяснить это можно, пожалуй, тѣмъ, что въ числѣ командировъ Харьковскаго полка не было людей, которые занимали бы послѣ выдающагося положенія, о коихъ писалось бы много и кои сами оставили бы послѣ себя мемуары.

Боевыя же заслуги Харьковскаго полка довольно замѣтны. О нихъ авторъ отзывается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: всѣ славныя эпизоды, въ коихъ такъ часто отличали себя харьковцы, изгладилась какъ-то изъ памяти всѣхъ. Забылась вполне и варшавская революція, забылась битва при Маловицахъ, и атаманъ Денисовъ въ печати не постѣснялся оттягивать у полка славу шенниа Костюшки, на что не послѣдовало возраженій. Забылась Аустерлицкая битва, гдѣ полкъ понесъ большую потерю¹⁾, и, и

¹⁾ См. библиографическій листокъ «Русск. Стар.» въ январской книгѣ за 1896 г.

²⁾ Напримѣръ, введеніе къ переводу «Фритюфа», поэмы Тегнера.

³⁾ Яковъ Карловичъ былъ въ то время профессоромъ русскаго языка, исторіи и словесности.

⁴⁾ Петръ Александровичъ Плетневъ былъ ректоромъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета и издавалъ „Современникъ“.

¹⁾ Какъ видно изъ нѣсколь составленной послѣ сраженія вѣдомости, потери Харь-



СЕНАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ
БОРОВКОВЪ.



Россеія и Германія въ XIX вѣкѣ¹⁾.

VIII¹⁾.

Императоръ Александръ II и Вильгельмъ I.

Вильгельмъ I въ Петербургѣ въ 1817 году.—Его характеристика.— Князь А. М. Горчаковъ и направленіе его политики.— Штутгартское свиданіе Александра II съ Наполеономъ III.—Несогласія между Франціею и Австріею.—Циркулярная нота князя Горчакова.—Отвѣтъ на нее Бейста.—Виллафранкскій миръ.—Вопросъ объ объединеніи Италіи.—Свиданія: въ Бреславлѣ Александра II съ принцемъ регентомъ прусскимъ; въ Баденѣ—Наполеона съ принцемъ-регентомъ и въ Теплицѣ—принца-регента съ императоромъ австрійскимъ.—Вступленіе на престолъ Вильгельма I.—Внутреннее положеніе Пруссіи.—Бисмаркъ и его дѣятельность.—Возстаніе въ Польшѣ въ 1863 г.—Дипломатическія сношенія Россіи съ западными державами.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1857 года наслѣдный принцъ прусскій былъ уполномоченъ королемъ, по причинѣ его болѣзни, вступить въ управленіе дѣлами; но ему было повелѣно руководить ими въ духѣ короля, коего онъ являлся временнымъ замѣстителемъ. Узы дружбы, связывавшія принца съ русскимъ дворомъ, возникли еще въ 1817 г. во время бракосочетанія его сестры съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, на которомъ онъ присутствовалъ какъ представитель своего отца, Фридриха-Вильгельма III. Своей любезностью, откровенной вѣжливостью обхожденія и чисто военной искренностью и прямою, онъ снискалъ тогда расположеніе импе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, августъ 1898 г.

ратора Александра I и всего двора и былъ осыпанъ милостями: императоръ пожаловалъ ему почетную саблю, назначилъ его полковникомъ Калужскаго полка, одного изъ самыхъ славныхъ полковъ русской арміи, участвовавшаго въ 1814 г. въ сраженіи при Bar-Sur-Aube, за которое юный тогда еще принцъ Вильгельмъ получилъ отъ императора Александра Георгіевскій крестъ.

Эти дружескія, братскія отношенія продолжались и въ царствованіе Николая I, которому принцъ своимъ простымъ характеромъ нравился болѣе нежели его братъ, король; послѣдній, какъ человѣкъ болѣе ученый и болѣе тонкій политикъ нерѣдко стѣснялъ царя и доставлялъ ему неудовольствіе. Въ 1828 г., во время Турецкой кампаніи, императоръ Николай просилъ прусскаго короля дозволить своему сыну сопровождать русскую армію; Фридрихъ-Вильгельмъ III, не одобрявшій этой войны, не хотѣлъ, чтобы кто либо изъ членовъ его семьи принималъ въ ней участіе. Впрочемъ, его отказъ нисколько не повліялъ на отношенія, существовавшія между императоромъ Николаемъ и принцемъ Вильгельмомъ, которыя попрежнему оставались самыми дружественными.

Мы видѣли, что въ 1848 г. императоръ рассчитывалъ на него, чтобы произвести въ Берлинѣ контръ-революцію. Принцъ рѣшительно отвѣчалъ на это отказомъ и съ тѣхъ поръ началъ во многомъ критиковать политику русскаго императора. Движимый чувствомъ національнаго прусскаго самолюбія и понимая совершенно правильно существенные интересы своего отечества, онъ не одобрялъ политику своего брата, который ставилъ Пруссію какъ бы въ вассальныя отношенія къ императору Николаю. Предпочтеніе, оказанное Николаемъ Павловичемъ Австріи, глубоко оскорбило его; онъ также не одобрялъ, какъ мы видѣли, войну, начатую императоромъ противъ Турціи въ 1828 г., старался разсѣять ошибочный взглядъ на этотъ предметъ своего брата, и вслѣдствіе этого сталъ во враждебныя отношенія къ русской партіи въ Берлинѣ. Можно было предсказать навѣрняка, что наслѣдный принцъ, вступивъ на престолъ, не будетъ слѣдовать по отношенію къ Россіи политикѣ своего брата.

И въ Россіи, со вступленіемъ на престолъ Александра II совершилась также коренная перемена во внѣшней политикѣ. Почти въ самомъ началѣ новаго царствованія управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ перешло въ другія руки. Мѣсто графа Нессельроде занялъ князь Горчаковъ, бывший передъ тѣмъ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ. Вновь назначенный вице-канцлеръ зналъ Германію какъ нельзя лучше. Во время бытности князя Горчакова русскимъ посланникомъ въ Штутгартѣ, и при его посредствѣ въ 1842 г. былъ заключенъ бракъ виртембергскаго королевскаго принца (впослѣдствіи король виртембергскій Карлъ) съ младшей дочерью императора Николая, великою княжною Ольгою Николаевною. Императоръ

желалъ доставить одной изъ своихъ дочерей королевскую корону; онъ отлично зналъ, какимъ образомъ русскіе монархи, благодаря брачнымъ союзамъ, упрочили свое вліяніе въ Германіи. Въ теченіе XVIII и отчасти XIX вѣка Берлинъ, Веймаръ, Карлсруэ, Висбаденъ, Штутгартъ были главными пунктами, гдѣ съ особеннымъ успѣхомъ дѣйствовала русская дипломатія. Заключенію помянутаго брака предшествовали продолжительныя переговоры: маститый виртембергскій король и его приближенные отнеслись вначалѣ къ этому предложенію не особенно сочувственно; либералы Виртемберга также не могли сочувствовать браку королевскаго принца съ дочерью русскаго монарха—противника либеральныхъ идей. Кн. Горчаковъ счумѣлъ устранить всѣ препятствія, снискавъ этимъ признательность императора и императрицы. Занимая этотъ постъ въ южной Германіи, кн. Горчаковъ имѣлъ возможность зорко слѣдить за движеніемъ умовъ и за дѣйствіями болѣе или менѣе вліятельныхъ дипломатовъ. Кругъ его дѣятельности расширился въ 1850 году, когда, оставаясь попрежнему посланникомъ въ Штутгартѣ, онъ былъ назначенъ посломъ при германскомъ сеймѣ, въ тотъ моментъ, когда его монархъ принялъ на себя роль посредника между Австріей и Пруссіей. Въ это время, онъ познакомился во Франкфуртѣ со своимъ будущимъ соперникомъ, Бисмаркомъ, который немного позже былъ назначенъ туда прусскимъ посланникомъ и представителемъ Пруссіи на германскомъ сеймѣ. Этихъ двухъ политическихъ дѣятелей сблизила въ скоромъ времени вражда, которую оба они питали къ Австріи: русскій дипломатъ видѣлъ, что Габсбурги ставили интересы своей имперіи выше признательности за услуги, оказанныя имъ въ 1849 г., а прусскій уполномоченный, пріѣхавъ во Франкфуртъ, позабылъ, повидимому, что онъ самъ защищалъ Ольмюцкій договоръ и основывалъ свои честолюбивыя планы на политической системѣ, девизомъ которой служило мщеніе за Ольмюць.

Оба дипломата, каждый въ своемъ собственномъ кругу дѣятельности добросовѣстно старались отвлечь союзныя государства отъ участія въ войнѣ съ Россіей. Король Виртембергскій много помогъ имъ своимъ авторитетомъ. Не маловажную роль играли въ этомъ случаѣ его родственныя отношенія къ императору Николаю; съ другой стороны, онъ предвидѣлъ, что въ случаѣ вооруженнаго столкновенія Франціи съ германскимъ союзомъ, французы очутятся въ Штутгартѣ прежде, чѣмъ войска германскаго союза, которыя должны были его защищать.

Въ 1854 г., по пріѣздѣ въ Вѣну, куда онъ былъ назначенъ въ тотъ годъ посланникомъ, кн. Горчаковъ убѣдился, что Австрія заявляла въ Восточномъ вопросѣ положеніе, враждебное относительно Россіи. Присутствуя на конференціи, на которой вѣнскій кабинетъ заявилъ ему о своей рѣшимости дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Франціей и Ан-

*

глей противъ Россіи, кн. Горчаковъ долженъ былъ поклясться въ глубинѣ души отплатить за это неблагодарной Австріи. Онъ этого и не скрывалъ. Прощаясь съ гр. Буолемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ Австріи, кн. Горчаковъ сказалъ ему:

— Глубокая пропасть легла отнынѣ между Австріей и Россіей и между вами и мною; вы, графъ, припомните это со-временемъ.

Дѣйствительно, Австріи пришлось въ скоромъ времени испытать послѣдствія этого враждебнаго чувства, которое раздѣлялъ и императоръ Александръ II.

Съ назначеніемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ рѣшилъ измѣнить характеръ внѣшней политики Россіи, освободить ее отъ оковъ Священнаго союза, заставить отказаться отъ принципа солидарности монарховъ, и наконецъ, согласовать правительственную политику болѣе чѣмъ прежде съ національными желаніями. Эта программа должна была повести къ сосредоточенію всѣхъ славянскихъ народностей подъ гегемоніей или протекторатомъ Россіи. Вскорѣ послѣ Парижскаго трактата, въ Европѣ возбудилъ много толковъ извѣстный циркуляръ русскаго министра, въ которомъ онъ, излагая иностраннымъ кабинетамъ вполнѣ миролюбивую политику Россіи, между прочимъ, говорилъ: «Россія не будируетъ, она собирается съ мыслями». Эти слова были отвѣтомъ на статью феодальнаго и руссофильскаго берлинскаго органа, намекавшего на то, что Россія имѣетъ полное право «будировать» и быть недовольной Европой. Какъ бы то ни было, она собиралась съ мыслями не особенно долго. Уже въ 1857 г. было замѣтно, что отношенія между Петербургомъ и Парижемъ принимаютъ все болѣе и болѣе дружественный характеръ; въ Германіи и Англии этимъ были чрезвычайно встревожены. Возможность сближенія между бывшими противниками, которую допускали въ Берлинѣ еще во время Крымской войны, ясно сказалась во время Парижскаго конгресса. Наполеонъ III выговорилъ Россіи весьма выгодныя, сравнительно, условія мира; оказанная имъ услуга была въ должной мѣрѣ оцѣнена Александромъ II.

Кн. Горчаковъ всегда питалъ особую симпатію къ Франціи; въ этомъ съ нимъ сходилось все высшее русское общество, которое только терпѣло при императорѣ Николаѣ I союзъ съ Пруссіей, но послѣ кончины этого монарха открыто стало выражать свое сочувствіе къ Франціи. При этихъ условіяхъ, чтобы дѣйствовать совмѣстно, необходимо было только личное соглашеніе монарховъ. Обѣ стороны желали свиданія: оно должно было состояться въ исходѣ сентября въ Штутгартѣ, столицѣ нѣмецкаго монарха, который отнесся въ Восточномъ вопросѣ всего сочувственнѣе къ Россіи. Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Штутгартъ въ сопровожденіи кн. Горчакова. Въ Вѣнѣ были встревожены этимъ свиданіемъ и не безъ причины: чтобы умалить его послѣдствія, австрійскій импе-

раторъ отправился въ Веймаръ съ намѣреніемъ встрѣтиться тамъ съ царемъ, когда онъ будетъ проѣздомъ въ этомъ городѣ. Само собою разумѣется это не заставило русскую дипломатію отказаться отъ ея новыхъ плановъ, побуждавшихъ ее искать союза съ Франціей. Франца-Иосифа успокаивали насчетъ плановъ, которые въ то время приписывали Россіи и Франціи по отношенію къ Австріи. Но, какъ высказалъ впоследствии кн. Горчаковъ, въ то же время «мы дали понять австрійскому императору, что Парижскій трактатъ будетъ отнынѣ мертвою буквою». Князь нѣсколько забѣгалъ впередъ: Парижскій трактатъ плохо соблюдался и былъ искаженъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ особенности во всемъ, что касалось Придунайскихъ княжествъ, но онъ соблюдался строго во всемъ томъ, что касалось нейтралитета Чернаго моря. Россіи только по прошествіи двѣнадцати лѣтъ удалось сбросить оковы, коими было связано на Парижскомъ конгрессѣ возрожденіе ея военнаго флота на Черномъ морѣ.

Италянскій вопросъ, который въ то время болѣе всего тревожилъ Австрію и не былъ затронутъ при свиданіи въ Веймарѣ, подвергся всестороннему обсужденію въ Штутгартѣ. Императоръ Наполеонъ, не желая открытаго разрыва съ Англійей, могъ только обѣщать, въ случаѣ надобности, поддержать Россію въ ея требованіи пересмотра Парижскаго трактата. Взамѣнъ этого онъ заручился формальнымъ обѣщаніемъ русскаго императора предоставить Франціи полную свободу дѣйствій въ Италіи. Болѣе этого онъ не могъ добиться. Россія не согласилась заключить союза съ Наполеономъ III противъ Австріи. Но обѣщаніе доброжелательнаго нейтралитета со стороны державы, мечтавшей отомстить за «неблагодарность» сосѣдки, было само по себѣ достаточно успешнымъ. Такимъ образомъ свиданіе въ Штутгартѣ въ 1857 г. было какъ бы прелюдіей къ войнѣ, объявленной Наполеономъ III въ 1859 г. съ цѣлью освободить Италію отъ австрійскаго владычества и дать италянамъ возможность приступить къ своему національному объединенію. Однако, для осуществленія «политическаго идеала», о которомъ мечтали во Франкфуртѣ Бисмаркъ и русскій посланникъ, въ этой комбинаціи не доставало весьма существеннаго элемента. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо было выяснить, примкнутъ ли въ случаѣ войны Франціи съ Австріей Пруссія и Германскій союзъ къ русскому нейтралитету? Фридрихъ-Вильгельмъ выразилъ желаніе присутствовать на свиданіи въ Штутгартѣ, но его удержали отъ этого приближенные, настроенные враждебно къ Наполеону и обнаружившіеся въ то время первые симптомы его нервной болѣзни. Едва король успѣлъ уѣхать изъ Штутгарта, какъ его болѣзнь настолько ухудшилась, что ему пришлось передать управленіе государствомъ своему брату, наследному принцу прусскому, который въ слѣдующемъ году былъ назначенъ регентомъ, а по смерти

короля Фридриха-Вильгельма, послѣдовавшей въ январѣ мѣсяцѣ 1861 г., вступилъ на престолъ.

Вступивъ въ управленіе дѣлами принцъ, въ душѣ, все еще оставался приверженцемъ Англіи. Не позабывъ Ольмюца онъ не могъ присоединиться къ политикѣ Бисмарка, который относился крайне враждебно къ Австріи и старался сблизиться со всѣми противниками этой державы. Принцъ не любилъ Наполеона III, который платилъ ему тѣмъ же; поэтому естественно онъ не могъ сочувствовать комбинаціи, вслѣдствіе которой ему пришлось бы въ союзѣ съ императорскою Франціей воевать съ Австріей — державой нѣмецкой. Къ тому же онъ былъ въ ту пору не болѣе какъ замѣстителемъ короля, который могъ еще выздороветь и которымъ ему было повелѣно вести государственныя дѣла въ томъ духѣ, въ какомъ ихъ велъ самъ король. Его положеніе сдѣлалось правда независимѣе, когда по смыслу прусской конституціи онъ былъ утвержденъ регентомъ въ ноябрѣ 1858 г., но все же онъ не получилъ этимъ полной свободы дѣйствій: при жизни короля регенту нельзя было безъ особенной надобности измѣнять внѣшней политики Пруссіи, въ особенности въ столь важномъ вопросѣ, какъ ея отношенія къ Австріи. Наконецъ, внутреннее положеніе страны не позволяло прусскому принцу подражать Россіи въ ея враждебной къ Австріи политикѣ. Онъ предпринялъ цѣлый рядъ реформъ, уволилъ министра Мантейфеля, привлекъ къ участию въ управленіи своихъ друзей, лишилъ милости нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ своего брата. Что касается прусской палаты, то большинство ея было настроено, какъ мы видѣли, враждебно къ Россіи и готово дѣйствовать за-одно съ Австріей. Долгое время сдерживаемое общественное мнѣніе высказалось рѣшительно противъ той партіи, которая служила представительницей реакціонныхъ идей и подчиненія прусской политики Россіи. Ничто подобное происходило и въ Петербургѣ; со смертью императора Николая въ русскомъ обществѣ рѣзко обнаружилось враждебное отношеніе къ Пруссіи, гдѣ съ исчезновеніемъ Фридриха-Вильгельма IV общественное мнѣніе точно также рѣшительно возстало противъ союза съ Россіей. Подобныя же чувства одушевляли всѣхъ нѣмцевъ, въ особенности жителей Южной Германіи; всѣ они были на сторонѣ Австріи, которой угрожала Франція, сблизившаяся съ Россіей.

Италянская кампанія 1859 г., начатая Наполеономъ, принесла французскому императору нѣкоторыя разочарованія. Бисмаркъ, во Франкфуртѣ, попрежнему относился къ Австріи до такой степени враждебно, что регентъ Прусской монархіи былъ вынужденъ отозвать его; онъ былъ посланъ въ Петербургъ, что болѣе соответствовало его склонностямъ и симпатіямъ. Наполеонъ III лишился такимъ образомъ человѣка, дѣйствовавшего косвеннымъ образомъ въ его пользу. Принцъ-регентъ осу-

ждалъ народное движеніе, происходившее въ Италіи, какъ движеніе революціонное, и былъ того мнѣнія, что война, объявленная Франціей Австріи, угрожаетъ опасностью Германіи. «Послѣ Австріи, говорилъ онъ, у которой они отнимаютъ Ломбардію, придетъ чередъ Пруссіи и Германіи, у которыхъ отнимутъ Прирейнскія провинціи». Впрочемъ, моментъ казался ему благопріятнымъ для того, чтобы, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ Австріи, получить въ награду за оказанную ей помощь начальствованіе надъ союзными войсками. Но такъ какъ вѣнскій кабинетъ не соглашался отблагодарить Пруссію столь дорогою цѣною, и гибель Австріи казалась близкой, то принцъ-регентъ рѣшилъ дѣйствовать на Наполеона угрозою, что и заставило послѣдняго подписать съ Австріей Виллафранкскій миръ, не осуществивъ до конца своей программы относительно Италіи. На рѣшеніе императора повліяло быть можетъ также весьма сдержанное положеніе Россіи. Трудно сказать, были ли даны Наполеону какія либо обѣщанія великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, посѣтившимъ тюльерійскій дворъ передъ свиданіемъ въ Штутгартѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ еще до начала дѣйствій могъ убѣдиться въ томъ, что Россія не думала о наступательной войнѣ, и ему удалось только добиться отъ Россіи нейтралитета, который могъ быть опасенъ для разъединенной Германіи, но отнюдь не для германскаго союза, готоваго сплотить свои силы въ случаѣ нападенія извнѣ. Таковымъ нападеніемъ федеральный сеймъ призналъ всякое покушеніе на владѣнія Австріи, стоявшей въ то время во главѣ германскаго союза.

Между руководящими взглядами царя и его канцлера существовало нѣкоторое разногласіе. Александръ II раздѣлялъ мнѣніе принца-регента о необходимости строго соблюдать трактаты 1815 г. Но это не помѣшало князю Горчакову заявить въ Лондонѣ, что если Германія приметъ участіе въ войнѣ, то Россія предоставитъ себѣ право принять соотвѣтствующее рѣшеніе и вообще, что она не намѣрена гарантировать Австріи обладаніе ея италіанскими провинціями. Бисмаркъ, бывшій въ то время посланникомъ въ Петербургѣ, поддерживалъ всѣми силами шаги русскаго канцлера, желая повліять этимъ на образъ дѣйствій принца-регента. Послѣдній, какъ мы видѣли, сошелся наконецъ съ прочими союзными государствами относительно того, что слѣдовало помочь Австріи. Германскій сеймъ собирался объявить мобилизацію федеральнаго войска. Въ этотъ моментъ князь Горчаковъ рѣшилъ сдѣлать шагъ въ пользу Франціи. Императоръ Александръ, вслѣдствіе обязательствъ, принятыхъ имъ въ Штутгартѣ, разумѣется не могъ одобрить дѣйствій своего министра; къ тому же онъ держался привычекъ своего отца, императора Николая, который всегда былъ готовъ принять на себя роль третейскаго судьи въ дѣлахъ Германіи. Таково было положеніе дѣлъ,

когда князь Горчаковъ разослалъ, 15-го (27-го) мая всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ циркулярную депешу, напоминавшую о томъ, что императоръ Наполеонъ обѣщалъ имъ самымъ формальнымъ образомъ не посягать на цѣлость союзныхъ владѣній, и что поэтому правительства напрасно не принимаютъ мѣръ къ тому, чтобы успокоить волненіе, охватившее Германію; что военныя мѣры, которыя собирался принять сеймъ, безцѣльны и, наконецъ, что Германскій союзъ не долженъ принимать участія въ войнѣ Франціи съ Австріей. Вице-канцлеръ любилъ тишескія слова; говоря объ Австріи, онъ выразился: «Австрія не государство, это только правительство». Въ депешѣ отъ 27-го мая, говоря о Германскомъ союзѣ, онъ называлъ его «комбинаціей», имѣвшей исключительно оборонительный характеръ. Подобное выраженіе, въ примѣненіи къ союзу, причислявшемуся къ европейскимъ державамъ, было не особенно удачно и вызвало со стороны Бейста, перваго министра Саксоніи, отвѣтъ, одобренный всей Германіей. Министръ, въ весьма энергическихъ, хотя вѣжливыхъ, выраженіяхъ настаивалъ на правѣ нѣмецкихъ государствъ и Германскаго союза заботиться о своихъ собственныхъ интересахъ и о своей внѣшней безопасности по своему собственному усмотрѣнію и безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Саксонскій министръ напоминалъ, что во время Восточной войны, союзъ рѣшилъ защищать Австрію, которой угрожала Россія, точно такъ же, какъ нынѣ онъ готовъ защищать ее, когда на нее нападаетъ Франція; онъ критиковалъ въ своемъ отвѣтѣ образъ дѣйствій Россіи, которая, по его словамъ, поощряла императора французовъ къ нарушенію европейскихъ трактатовъ.

Миръ, заключенный въ Виллафранкѣ, прекратилъ этотъ споръ, въ которомъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла уступить, и вопросъ остался открытымъ. Онъ вступилъ въ новый фазисъ, когда національное движеніе, во главѣ котораго сталъ Гарибальди, привело къ объединенію средней и южной Италіи, когда оно не было еще окончено на сѣверѣ. Императоръ Александръ поддерживалъ, по крайней мѣрѣ нравственно, политику Наполеона III до тѣхъ поръ, пока война касалась одной Австріи и мелкихъ италіанскихъ владѣній, но считалъ себя освобожденнымъ отъ своихъ обязательствъ съ того момента, когда революція угрожала великому герцогу Тосканскому и въ особенности королю неаполитанскому. Его легитимистскіе взгляды не могли помириться съ подобной перетасовкой владѣній, къ чему Европа въ то время еще не привыкла. Съ другой стороны, императоръ Александръ помнилъ обязательство, принятое имъ на себя въ Штутгартѣ, когда онъ предоставилъ Франціи полную свободу дѣйствій относительно Австріи, и когда ему были даны за это въ Восточномъ вопросѣ такія обѣщанія, осуществленію которыхъ мѣшали пока событія. Между тѣмъ, національная или славянофильская

партія настаивала на томъ, чтобы, по мѣрѣ возрастанія французскаго вліянія на Западѣ, Россія увеличивала свое вліяніе на Востокѣ.

Въ этихъ расчетахъ Наполеона и Александра было всегда одно неизвѣстное: Пруссія. Принцъ-регентъ не хотѣлъ идти на помочахъ у Россіи; между тѣмъ, соглашеніе, условленное между Россіей и Франціей, было неосуществимо безъ содѣйствія Пруссіи. Поэтому царь воспользовался маневрами, которые происходили въ концѣ октября 1859 г. въ присутствіи принца-регента, и отправился въ Бреславль, чтобы переговорить съ своимъ дядей. Онъ высказалъ ему все откровенно, поставивъ на видъ интересы свои собственные и Наполеона.

— Россія, желающая пересмотра Парижскаго трактата, нуждается во французскомъ императорѣ,—говорилъ онъ,—который въ свою очередь требуетъ пересмотра договоровъ 1815 г., т. е. требуетъ возвращенія Франціи Рейнской границы.

Если Пруссія изъявитъ на это свое согласіе, царь обѣщалъ щедро вознаградить ее въ Германіи. Принцъ-регентъ не отвѣтилъ въ то время на эти предложенія ничего положительнаго: онъ далъ отвѣтъ на слѣдующій годъ самому Наполеону.

1860 годъ былъ обилень свиданіями монарховъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ происходило свиданіе императора Наполеона и принца-регента въ Баденѣ. Наполеонъ, ожидавшій встрѣтиться съ принцемъ съ глаза на глазъ, засталъ въ Баденѣ большую часть нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ, пріѣхавшихъ туда подъ предлогомъ засвидѣтельствовать свое почтеніе могущественному императору французовъ, но въ дѣйствительности для того, чтобы выслушать, по желанію принца-регента, изъ его устъ формальное увѣреніе въ томъ, что онъ протестуетъ заранѣе противъ мысли объ уступкѣ Франціи хотя бы нѣкоторой части германской территоріи. Надобно замѣтить, что Наполеонъ, несмотря на предложенія, сдѣланныя ему въ этомъ смыслѣ Александромъ II, рѣшительно отклонилъ всѣ подобнаго рода поползновенія со своей стороны. За свиданіемъ въ Баденѣ послѣдовало свиданіе принца-регента и австрійскаго императора въ Теплицѣ. Послѣдній, весьма естественно, пожелалъ знать, къ чему привели переговоры съ Наполеономъ.

Что имѣлъ въ мысляхъ русскій императоръ? Этотъ вопросъ невольно тревожилъ обоихъ монарховъ. Чтобы разъяснить его, они поспѣшили принять приглашеніе царя прибыть на свиданіе съ нимъ въ Варшаву.

Въ промежутокъ между Теплицкимъ и Варшавскимъ свиданіями совершилось событіе чрезвычайной важности: Гарибальди, не взирая на официальное запрещеніе туринскаго правительства, вступилъ въ неаполитанскія владѣнія, изгналъ оттуда короля и объявилъ о присоединеніи Неаполя, что и было утверждено италянскимъ правительствомъ. Пруссія отнеслась къ этому событію самостоятельно, не спра-

вляясь съ мнѣніемъ Россіи. Принцъ-регентъ протестовалъ противъ присоединенія Неаполя, но не прервалъ дипломатическихъ сношеній съ Туриномъ. Императоръ Александръ не ограничился протестомъ: онъ отозвалъ изъ Турина своего посланника. «Императоръ находитъ, писалъ князь Горчаковъ, что его посольству невозможно оставаться въ городѣ, гдѣ оно могло бы быть свидѣтелемъ такихъ актовъ, которыхъ онъ по совѣсти и по своимъ убѣжденіямъ не можетъ одобрить».

Поступивъ такимъ образомъ какъ монархъ легитимистъ, императоръ Александръ долженъ былъ вскорѣ вернуться къ дѣйствительности, получивъ неожиданное предостереженіе. Предполагаемое свиданіе трехъ монарховъ возбудило подозрительность Наполеона: Священный союзъ, распавшійся послѣ Восточной войны, могъ возродиться противъ него. Чтобы предупредить эту опасность, ему хотѣлось присутствовать на свиданіи въ Варшавѣ; когда же его посѣщеніе было отклонено царемъ, то Наполеонъ написалъ ему письмо, въ которомъ говорилъ, что онъ рассчитываетъ на дружбу и лояльность Александра II и увѣренъ, что русскій императоръ исполнитъ обязательства, принятые ими въ Штутгартѣ, ради взаимной безопасности. Наполеонъ присовокуплялъ, что въ случаѣ новой войны между Сардиніей и Австріей, онъ сохранитъ нейтралитетъ, если Австрія обязуется въ случаѣ побѣды соблюдать по отношенію къ своему противнику условія Виллафранкскаго договора. Въ заключеніе онъ выражалъ надежду, что монархи, съѣхавшись въ Варшаву, не примутъ никакого рѣшенія, не совмѣстимаго съ интересами Франціи, припомнивъ, что онъ сдерживалъ духъ угнетенныхъ народовъ.

Это письмо, съ его плохо скрытыми угрозами, имѣло тотъ результатъ, что переговоры между монархами не привели ни къ чему. Царь, на котораго это письмо произвело сильнѣйшее впечатлѣніе, отказался отъ своего протеста противъ туринскаго правительства и предлагалъ остальнымъ двумъ монархамъ отказаться отъ какихъ бы то ни было формальныхъ постановленій. Связывавшія ихъ чувства взаимной дружбы должны были, по его словамъ, служить лучшей гарантіей противъ вызывающей политики Наполеона и Виктора-Эммануила; нѣтъ надобности безъ нужды бросать вызовъ этимъ двумъ монархамъ. Послѣ подобнаго заявленія, свиданіе оказывалось безцѣльнымъ, и монархи Австріи и Пруссіи отклонили просьбу Александра II поддержать въ Парижѣ и Лондонѣ его предложеніе относительно пересмотра Парижскаго трактата, который на свиданіи въ Теплицѣ было рѣшено соблюдать непривосновенно. Съ другой стороны, императоры отклонили просьбу принца-регента о признаніи самостоятельности при-эльбскихъ герцогствъ, онъ же, въ свою очередь, отклонилъ просьбу Франца-Иосифа, чтобы Герман-

скій союзъ гарантировалъ территориальную неприкосновенность Австрійской монархіи.

Такимъ образомъ, монархи разстались не особенно довольные другъ другомъ и не придя, даже принципиально, къ какому-либо соглашенію по вопросамъ, подлежащимъ рѣшенію Европы. Къ тому же заботы внутренняго управленія скоро отвлекли ихъ вниманіе отъ дѣлъ внѣшней политики.

Во-первыхъ, внутреннее положеніе Пруссіи предвѣщало приближеніе кризиса. Въ началѣ 1861 г. скончался король Фридрихъ-Вильгельмъ IV и престолъ перешелъ къ наслѣдному принцу прусскому подъ именемъ Вильгельма I. Энтузіазмъ, который принцъ внушилъ прусскому обществу въ первое время своего регентства, смѣнился разочарованіемъ, которое отразилось въ прессѣ и палатахъ. Послѣ кратковременнаго управленія въ либеральномъ духѣ, король вернулся мало-по-малу къ своимъ прежнимъ взглядамъ, которые сближали его съ недавними противниками, т. е. съ феодальной партіей. Этой перемѣнѣ много способствовали ошибки либераловъ. Вслѣдъ за италіанской кампаніей 1859 г. принцъ-регентъ призналъ необходимымъ преобразовать и усилить прусскую армію и съ этой цѣлью внесъ въ палаты предложенія, которыя влекли за собою увеличеніе бюджета. Большинство, принадлежавшее къ либераламъ всевозможныхъ отгѣнковъ, возстало противъ его проектовъ либо потому, что регентъ не вступилъ рѣшительно на путь либеральной политики, или просто потому, что это большинство чувствовало потребность заявить о своихъ парламентскихъ правахъ, которыя игнорировались въ предъидущее царствованіе. Обѣ стороны вертѣлись въ заколдованномъ кругу. Либералы требовали, чтобы были признаны права парламента, чтобы было исполнено желаніе большинства, чтобы уважались права общества — общія въ такомъ случаѣ подать голосъ за проектъ объ увеличеніи арміи. Принцъ-регентъ, вступивъ на престолъ, напомнилъ палатамъ, со своей стороны, что онъ былъ съ самаго начала противъ парламентскаго образа правленія потому именно, что онъ предвидѣлъ, что арміи отъ него нельзя ожидать ничего добраго. Такимъ образомъ, конституціонная борьба, съ самаго начала его царствованія, осложнила положеніе, достигнувъ черезъ годъ ужасающихъ размѣровъ. Тщетно искавъ вокругъ себя человѣка, который помогъ бы ему, не совершая государственнаго переворота, сломить оппозицію палатъ, король Вильгельмъ I обратился къ Бисмарку, бывшему въ то время посланникомъ въ Петербургѣ. Это былъ боевой человѣкъ, способный не уступить либераламъ; къ тому же онъ пользовался благоволеніемъ русскаго правительства, съ которымъ король искалъ сближенія предвидя вѣроятность новыхъ осложненій съ Австріей.

Бисмаркъ имѣлъ успѣхъ въ Россіи. Онъ былъ одаренъ многими

качествами, благодаря которымъ могъ имѣть вліяніе на дворъ, на высшее общество и слѣдовательно на ходъ политическихъ дѣлъ. Онъ являлся представителемъ консервативныхъ идей, которыя, если не считать Восточнаго вопроса, съ поконъ вѣка преобладали въ русской политикѣ; онъ принадлежалъ къ привилегированному сословію, связанному многими узами съ русскимъ дворянствомъ; наконецъ, ему предшествовала вполне имъ заслуженная репутація противника Австріи, каковымъ послѣ Крымской войны былъ всякій истинно русскій человѣкъ. Его дружескія отношенія къ Горчакову, возникшія во Франкфуртѣ, усилились благодаря частымъ сношеніямъ, которыя весьма естественно должны были установиться между прусскимъ посланникомъ и русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Не стѣсняемые, подобно ихъ монархамъ, традиціями они придавали консервативнымъ принципамъ и устойчивости монархическихъ интересовъ лишь то значеніе какое они считали нужнымъ для своихъ политическихъ цѣлей. Энергичный протестъ противъ событій, совершившихся въ Италіи, былъ выраженъ русскимъ канцлеромъ только по настоятельному требованію русскаго монарха; Бисмаркъ со своей стороны осуждалъ протестъ, выраженный прусскимъ кабинетомъ, но это не мѣшало ему, занимая постъ посланника въ Петербургѣ, раздувать, совмѣстно съ княземъ Горчаковымъ, огонь противъ Австріи и подготовить основы будущаго обновленнаго союза, который преслѣдовалъ совершенно иныя цѣли, нежели союзъ, существовавшій между Пруссіей и Россіей со временъ Екатерины и въ особенности со времени Александра I. Бисмаркъ подготавливалъ въ Петербургѣ тотъ «идеалъ»—т. е. союзъ его монархіи съ Россіей и Фраціей, который былъ ему нуженъ для исполненія его плановъ относительно Австріи и Германіи, а русскій канцлеръ, поддерживая его планы, приобрѣталъ въ немъ могучаго пособника въ вождельніяхъ Россіи на Востокѣ, коимъ Австрія стояла на пути.

Бисмаркъ явился въ Берлинъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1862 г., пробывъ короткое время въ Парижѣ, гдѣ онъ вывѣдывалъ почву, озабочиваясь о тѣхъ проектахъ, для осуществленія которыхъ ему нужна была болѣе помощь Франціи, нежели Россіи.

При дворѣ короля Вильгельма настроеніе общества измѣнилось въ это время въ пользу Россіи. Дружескія отношенія, возникшія между королемъ и англійскимъ дворомъ по случаю бракосочетанія прусскаго королевскаго принца (Фридриха III) со старшей дочерью королевы Викторіи, мало-по-малу ослабѣли подъ вліяніемъ реакціонныхъ стремленій прусскаго правительства. Съ кончиною принца Альберта, супруга англійской королевы, бывшаго посредникомъ этихъ дружескихъ отношеній, эта связь была порвана и прусскій король былъ не прочь вернуться къ традиціямъ своей юности, которыя влекли его къ род-

ственной ему російской царственной семьѣ. Россія первая воспользовалась возвратомъ этихъ дружескихъ чувствъ. Въ тотъ моментъ, когда русское правительство видя, что западныя державы были поглощены дѣлами Италіи и Германіи, собиралось возстановить свое ослабѣвшее вліяніе на Востокъ, ему помѣшало въ этомъ возстаніе, вспыхнувшее въ Польшѣ.

Относительно Польши въ Петербургѣ господствовало полнѣйшее разногласіе мнѣній. Одна партія, подобно Пруссіи, была противъ какихъ бы то ни было уступокъ полякамъ, тогда какъ другая, извѣстная своими симпатіями къ Франціи, находила необходимымъ удовлетворить нѣкоторыя ихъ требованія. Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ и князь Горчаковъ. Онъ совѣтовалъ императору испробовать политику примиренія, давъ съ этой цѣлью Царству Польскому извѣстную административную и политическую автономію. Эти уступки, которыя поляки приписывали слабости правительства, не только не удовлетворили ихъ, но побудили, напротивъ, предъявить еще болѣе крайнія требованія, какъ-то: совершенное отдѣленіе Царства Польскаго отъ Россіи, съ условіемъ, чтобы между обоими государствами существовала исключительно одна династическая связь.

Дѣйствуя подъ вліяніемъ парижскаго комитета эмигрантовъ поляки возлагали большія надежды на императора Наполеона. Общественное мнѣніе во Франціи относилось къ нимъ всегда доброжелательно; католическое духовенство, либералы и демократія, по разнымъ побужденіямъ, сходились въ этомъ случаѣ во взглядахъ. Наполеонъ III также раздѣлялъ этотъ взглядъ, и его двоюродный братъ, принцъ Наполеонъ, былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ со многими лицами, стоявшими во главѣ эмигрантовъ.

Мы видѣли, что послѣдствія Италіанской кампаніи 1859 г. произвели на Александра II самое дурное впечатлѣніе и нѣсколько охладили его чувства къ Наполеону, виновнику этой войны и всѣхъ потрясеній, ею вызванныхъ. Свиданіе, состоявшееся въ Варшавѣ въ 1860 г., не имѣло непосредственныхъ результатовъ въ смыслѣ политическомъ, но все же повело къ личному сближенію русскаго императора съ австрійскимъ. Это вызвало неудовольствіе Наполеона, и газеты, считавшіяся органами императора и принца Наполеона, заговорили о польскомъ вопросе въ тонѣ угрожающемъ Россіи.

Въ Англіи общественное мнѣніе высказалось въ пользу поляковъ еще энергичнѣе. Къ этому традиціонному чувству присоединилось чувство вражды, не улегшееся со времени Парижскаго трактата. Россія все же оставалась соперницею Англіи на Востокъ и всякое осложненіе въ ея внутреннихъ дѣлахъ радовало британскій патріотизмъ.

При такихъ обстоятельствахъ вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ въ

1863 г. Ободряемые вожаками эмиграціи и статьями французскихъ и англійскихъ газетъ, поляки считали моментъ для возстанія благоприятнымъ. Въ Европѣ поговаривали о новой войнѣ съ Италіей при участіи Франціи; карту Европы собирались передѣлать на основаніи принципа народности; Польшѣ не слѣдовало упускать этого случая, какъ въ 1854 г. во время Крымской кампаніи.

Бисмаркъ нашелъ обстоятельства благоприятными, чтобы дать императору Александру доказательство своихъ дружескихъ чувствъ, дѣйствуя въ то же время въ интересахъ Пруссіи. Онъ никогда не питалъ симпатіи къ полякамъ, которые въ силу своей національности и религіи составляли, по его мнѣнію, враждебный и разлагающій элементъ въ нѣмецкой и протестантской Германіи. Безъ сомнѣнія, онъ не желалъ, чтобы Пруссія потеряла Познань, которая была необходима для округленія прусской монархіи, но онъ сожалѣлъ о томъ, что правительство не позаботилось ранѣе онѣмечить эту провинцію. Съ другой стороны, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ всякой комбинаціи, имѣвшей цѣлью присоединить къ польскимъ провинціямъ Пруссіи ту часть Польши, которая расположена на лѣвомъ берегу Вислы. Онъ не желалъ территоріальнаго приобрѣтенія, которое увеличило бы польское населеніе Пруссіи. По его мнѣнію, возстаніе, вспыхнувшее въ Варшавѣ, было событіемъ весьма неприятнымъ для Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожало опасностью Пруссіи.

Въ виду этого былъ отправленъ въ Петербургъ генералъ Альвенслебенъ, который и заключилъ конвенцію, устанавливающую разрѣшеніе войскамъ Россіи и Пруссіи переходить чужую границу для пораженія и преслѣдованія мятежниковъ. Заключенная конвенція произвела большое впечатлѣніе въ Европѣ. Особенно горячо приняло ее къ сердцу французское правительство. Мы уже говорили, какими соображеніями руководствовался при этомъ Наполеонъ III. Во время второй имперіи не было вопроса, относительно котораго такъ сходились бы во мнѣніи люди самыхъ противоположныхъ партій, какъ польскій вопросъ. Въ законодательномъ собраніи Жюль Фавръ сдѣлалъ запросъ правительству о польскихъ дѣлахъ въ самомъ враждебномъ къ Россіи тонѣ: правительство отвѣчало, осуждая возстаніе, но выражало надежду на великодушіе императора Александра. Нѣсколько дней спустя оно узнало о конвенціи, подписанной съ Пруссіей, и слѣдовательно о неудачѣ благожелательной къ Франціи политики князя Горчакова. Съ этого момента Наполеонъ перемѣнилъ тактику и сталъ дѣйствовать противъ Пруссіи.

— Франція можетъ не вмѣшиваться въ это дѣло до тѣхъ поръ,— говорилъ онъ графу Гольцу, прусскому посланнику въ Парижѣ,— пока берлинскій кабинетъ ограничится мѣрами, предупреждающими возстаніе

его собственныхъ польскихъ подданныхъ. Если же Пруссія намѣрена дѣйствовать солидарно съ Россіей, то польскій вопросъ воскреснетъ и союзу сѣверныхъ державъ будетъ противопоставленъ союзъ западныхъ государствъ.

Такимъ образомъ Франція заявила о своемъ намѣреніи не оставаться безучастной зрительницей событій. Не поцеремонившись съ трактатами 1815 г. относительно Италіи, тюльерійскій кабинетъ сообщилъ петербургскому кабинету, что такъ какъ Россія не исполняетъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя въ силу тѣхъ же трактатовъ, то это нарушаетъ дружественныя отношенія, существующія между обоими государствами. Съ графомъ Гольцомъ императоръ говорилъ каждый день все болѣе и болѣе угрожающимъ тономъ и наконецъ объявилъ рѣшительно, что только отставка Бисмарка могла бы возстановить добрыя отношенія Франціи и Пруссіи.

Съ этого момента между европейскими кабинетами началась горячая дипломатическая кампанія. Австрія, желая сохранить добрыя отношенія къ Франціи въ тотъ моментъ, когда у нея произошло столкновение съ Пруссіей по поводу федеральныхъ и таможенныхъ вопросовъ, постѣшила присоединиться къ заявленіямъ парижскаго и лондонскаго кабинетовъ. Всѣ три державы дважды обращались къ петербургскому кабинету съ нотами.

Императоръ Александръ II отнесся къ нимъ благосклонно въ принципѣ, но рѣшительно отвергъ всякое иноземное вмѣшательство. Въ то же время во французскихъ газетахъ появились намеки на возможность войны съ Россіей и Пруссіей. «Мы выступимъ моремъ и вернемся сухимъ путемъ» — такъ говорили въ Парижѣ, намекая на то, будто-бы французы предполагали послать десантъ въ Россію, который, одержавъ побѣду надъ этою державою, вернется во Францію чрезъ Пруссію. Поговаривали также о совмѣстномъ дѣйствіи Франціи и Швеціи, которые собирались высадить цѣлый корпусъ въ Курляндіи.

Возстановивъ противъ себя три западныя европейскія державы, Бисмаркъ долженъ былъ бороться съ либеральною партіею въ Россіи, съ общественнымъ мнѣніемъ Европы и главнымъ образомъ съ прусскою палатою депутатовъ. Польскій вопросъ присоединился къ конституціонной борьбѣ, которая была въ то время въ полномъ разгарѣ въ Пруссіи. Лучшіе прусскіе ораторы изощряли свое краснорѣчіе, осуждая конвенцію, заключенную съ Россіей. На Бисмарка посыпались со всѣхъ сторонъ нападки; палата вотировала огромнымъ большинствомъ голосовъ предложеніе о необходимости соблюдать нейтралитетъ въ борьбѣ русскаго правительства съ польскими повстанцами.

По мѣрѣ того, какъ русское правительство принимало все болѣе и болѣе рѣшительныя мѣры къ усмиренію мятежа въ Польшѣ, требованія

трехъ державъ становились настойчивѣе. 17-го и 18-го іюня н. ст. въ Петербургъ были посланы ими еще разъ ноты, написанныя почти въ тождественныхъ выраженіяхъ. Помимо требованій, формулированныхъ ранѣе, французскій и англійскій кабинеты настаивали на прекращеніи военныхъ дѣйствій на время конференцій, которыя должны были происходить при участіи державъ, подписавшихъ актъ Вѣнскаго конгресса.

Ноты западныхъ державъ нанесли послѣдній ударъ Польшѣ. Русское правительство отозвало изъ Варшавы маркиза Велепольскаго, отказавшись такимъ образомъ отъ системы примиренія и компромиссовъ, которую оно замѣнило системой обузданія и военной диктатуры. Въ виду крайняго озлобленія, которое вызвали западныя ноты при дворѣ, въ арміи и въ народѣ, князь Горчаковъ не могъ отвѣтить на нихъ въ томъ примирительномъ духѣ, въ какомъ онъ отвѣтилъ на первую ноту этихъ кабинетовъ. Этотъ разъ канцлеру пришлось отклонить самымъ формальнымъ образомъ всякое вмѣшательство иностранныхъ державъ въ польскія дѣла.

Получивъ рѣшительный отвѣтъ русскаго правительства, западныя кабинеты безмолвствовали: никто не заикался болѣе о необходимости объявить войну Россіи и Пруссіи изъ-за поляковъ. Французское правительство, болѣе всѣхъ настаивавшее на этой войнѣ, понесло въ этомъ случаѣ наиболѣе чувствительный ударъ, сообщившій политикѣ императора Александра II такое направленіе, которое имѣло для Франціи самыя печальныя послѣдствія; тогда какъ образъ дѣйствій Пруссіи въ 1863 г. былъ для нея въ высшей степени выгоденъ въ смыслѣ упроченія ея будущаго величія. Но эти результаты сказались значительно позднѣе.

IX.

Попытка Австріи стать во главѣ Германскаго союза. — Конгрессъ во Франкфуртѣ. — Война Пруссіи съ Даніей. — Положеніе Россіи въ этой войнѣ. — Лондонская конференція 1864 года. — Вѣнскій договоръ. — Война Австріи съ Пруссіею. — Посылка генерала Мантейфеля въ Петербургъ. — Переговоры его съ императоромъ Александромъ II и съ княземъ Горчаковымъ. — Послѣдующія отношенія Россіи къ Пруссіи. — Франко-прусская война. — Положеніе, принятое Россіею. — Приѣздъ Тьера въ Петербургъ. — Циркулярная нота князя Горчакова объ уничтоженіи статей Парижскаго трактата 1856 года относительно Черноморскаго флота. — Впечатлѣніе, произведенное циркуляромъ въ Европѣ. — Лондонская конференція 1871 года. — Новая германская имперія. — Принятіе королемъ Вильгельмомъ I титула императора германскаго. — Союзныя отношенія Россіи къ Германіи. — М. Н. Катковъ и его политическая программа. — Несочувствіе русской печати къ союзу съ Германіей.

Союзъ съ Россіею въ борьбѣ съ польскими мятежниками уронилъ Пруссію въ глазахъ Германіи. Австрія воспользовалась этимъ, чтобы стать во главѣ федеральной реформы. Съ этой цѣлью былъ созданъ во

Франкфуртъ конгрессъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ лицъ, на которомъ не захотѣлъ присутствовать король Вильгельмъ: на этомъ конгрессѣ былъ утвержденъ планъ довольно либеральныхъ реформъ, которыя совершенно не согласовались съ видами Пруссіи. Такимъ образомъ, Австрія пріобрѣла, по крайней мѣрѣ временно, извѣстную популярность, которою она до тѣхъ поръ не пользовалась. Бисмаркъ, уже съ годъ руководившій дѣлами прусскаго королевства, велъ постоянную борьбу съ платою депутатовъ. Въ это время одно постороннее событіе пришло на помощь королю и его министру, оно отвлекло общее вниманіе отъ конституціонной борьбы, происходившей внутри государства и доставило имъ случай начать то територіальное расширеніе и увеличеніе, о которомъ давно помышлялъ король прусскій.

3-го (15-го) ноября 1863 года скончался датскій король и съ его кончиною воскресъ шлезвигъ-голлштинскій вопросъ, не воплѣтъ погребенный лондонскимъ протоколомъ 1852 г. Мы видѣли, въ одной изъ предыдущихъ главъ, что императоръ Николай энергично защищалъ Данію противъ притязаній герцогствъ, противъ Пруссіи и германскаго союза. — Онъ заставилъ Пруссію прекратить войну и даже принять участіе въ экзекуціонныхъ мѣрахъ, принятыхъ германскимъ сеймомъ противъ тѣхъ, кого она такъ недавно защищала; наконецъ, онъ убѣдилъ короля Фридриха-Вильгельма IV скрѣпить свою подписью Лондонскій протоколъ 1852 года, обезпечившій неприкосновенность Датской монархіи подъ скипетромъ герцога Шлезвигъ-Голштейнъ-Глюксбургскаго, вступившаго на датскій престолъ послѣ кончины Фридриха VII.

Прусское правительство воспользовалось тѣмъ, что Лондонскій протоколъ не былъ подписанъ германскимъ союзомъ, и воспѣшило присоединиться къ его заявленію въ пользу герцогствъ; оно убѣдило Австрію дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, доказывая какая опасность могла угрожать обѣимъ державамъ, если бы населеніе герцогствъ стало во главѣ движенія и если бы второстепеннымъ государствамъ союза позволили навязать Австріи и Пруссіи ихъ рѣшенія. Присоединяясь къ этимъ соображеніямъ, Австрія имѣла еще одну причину вести дипломатическую войну вмѣстѣ съ Пруссіей: дѣйствуя вмѣстѣ съ нею, она рассчитывала удобнѣе контролировать и сдерживать честолюбивые планы, которые она совершенно справедливо подозрѣвала въ своей соперницѣ. Таковы были условія, при которыхъ началось въ концѣ 1863 г. столкновение съ Даніей, приведшее въ слѣдующемъ году къ войнѣ съ этимъ королевствомъ.

Съ самаго начала было видно, что образъ дѣйствій петербургскаго кабинета совершенно отличается отъ образа дѣйствій императора Николая, хотя въ то же время не трудно было замѣтить, что императоръ Александръ II и его вице-канцлеръ князь Горчаковъ смотрѣли на вещи различно. Императоръ, связанный со своимъ дядею узами дружбы, руко-

водился чувствомъ признательности за услуги, оказанныя Пруссіей Россіи во время Восточной войны и во время только что окончившагося польскаго возстанія. Канцлеръ, придавая менѣ значенія этимъ услугамъ и не особенно симпатизируя Германіи, обсуждалъ датскій вопросъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ и держался поэтому середины между политикой покойнаго царя и императора Александра II.

Датское правительство, подчиняясь радикальной партіи, поступило несправедливо, отказавшись соблюдать тѣ статьи Лондонскаго протокола, которыя касались конституціоннаго управленія герцогствами; русскій кабинетъ, отказавшись по просьбѣ Англии и Франціи мѣшать Германіи, руководствовался со своей стороны тѣмъ соображеніемъ, что война между германскимъ союзомъ и Даніей, въ случаѣ ея неблагоприятнаго исхода, могла повести къ возобновленію союза между Даніей и Швеціей: въ такомъ случаѣ Балтійское море обратилось бы въ нѣмецкое или шведское озеро. Впрочемъ, Россію не особенно тревожили честолюбивые планы Пруссіи. «Наши отношенія къ Пруссіи, читаемъ мы въ запискѣ, составленной въ то время по внушенію кн. Горчакова, были почти всегда хороши. Наши интересы во многомъ сходны; она служитъ намъ оплотомъ противъ Франціи и мы должны желать ея усиленія. Но врядъ ли это побудило бы насъ взяться за оружіе, чтобы защитить Пруссію, если ей будетъ угрожать опасность со стороны Рейна. Прусская монархія образовалась путемъ завоеваній и стремленія къ расширенію ея границъ. Государства поддерживаются обыкновенно тѣмъ же путемъ, коимъ они создаются. Пруссія честолюбива и неспокойна. Не поощряя ее на этомъ пути, мы не имѣемъ однако причинъ противиться ея расширенію, пока это не затрогиваетъ нашихъ прямыхъ интересовъ...

«Поддержаніе Австрійской монархіи, говорится далѣе въ той же запискѣ, составляетъ для Россіи быть можетъ непріятную, но существенную необходимость. Что касается Германіи, то русской политикѣ приходится, смотря по обстоятельствамъ, отдавать предпочтеніе то Пруссіи, то Австріи».

Исходя изъ этой точки зрѣнія, чуждой всякой сантиментальности, русскій канцлеръ хотѣлъ, во-первыхъ, спасти Данію отъ войны, настаивая на томъ, чтобы она исполнила свои обязательства по отношенію къ герцогствамъ; во-вторыхъ, если бы война оказалась неизбѣжной, то онъ хотѣлъ уменьшить требованія побѣдителя и избѣжать расчлененія Датской монархіи. Зная чувства своего монарха, онъ не могъ предполагать, что царь захочетъ воевать съ Пруссіей для спасенія Даніи; по всему было видно, что императоръ хотѣлъ оказать датчанамъ нравственную поддержку и въ то же время не быть во враждебныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи и Германіи. По его предложенію, въ апрѣлѣ

мѣсяцѣ 1864 года состоялась въ Лондонѣ конференція великихъ державъ, созванная для обсужденія условія примиренія между воюющими сторонами.

Каково будетъ впредь положеніе герцогствъ по отношенію къ Даніи? Къ этому вопросу присоединялся другой—кто будетъ монархомъ вновь возникшаго государства, въ случаѣ совершеннаго его отдѣленія отъ Даніи?

Въ тотъ моментъ, когда начались засѣданія Лондонской конференціи, прусскія и австрійскія войска уже одержали побѣду надъ войскомъ герцогствъ, а нейтральныя державы все еще не могли придти къ соглашенію относительно вооруженнаго вмѣшательства. Одними нотами и разговорами нельзя было вырвать у побѣдителя завоеванныя имъ земли, слѣдовательно, надобно было придти къ какому-нибудь компромиссу.—Князь Горчаковъ въ своихъ нотахъ и русскій посланникъ въ Лондонѣ Брунновъ, на конференціяхъ всѣми силами поддерживали интересы Даніи; Англія угрожала на словахъ, не намѣреваясь отъ словъ перейти къ дѣйствию; а императоръ Наполеонъ былъ за Германію. Положеніе Даніи становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Общая неурядица увеличивалась вслѣдствіе соперничества претендентовъ на престолъ герцогствъ. Герцогу Аугустенбургскому покровительствовали германскія государства и королева Викторія; Бисмаркъ плохо скрывалъ претензіи Пруссіи; герцогъ Ольденбургскій также заявлялъ о своихъ правахъ; наконецъ, баронъ Брунновъ сдѣлалъ оговорку въ пользу правъ русскаго императора, какъ потомка Голштейнъ-Готторпской линіи, отъ каковыхъ правъ царь согласенъ былъ отказаться въ пользу великаго герцога Ольденбургскаго. Оставивъ герцога Аугустенбургскаго, который не хотѣлъ быть въ положеніи прусскаго вассальнаго принца, и понимая какъ мало шансовъ успѣха имѣла кандидатура принца Ольденбургскаго, Бисмаркъ весьма ловко сталъ защищать его права, желая этимъ быть пріятнымъ императору Александру.

Въ это время, т. е. въ началѣ іюня, царь посѣтилъ Берлинъ въ сопровожденіи князя Горчакова. Въ продолжительной бесѣдѣ съ прусскимъ министромъ, Александръ II видимо говорилъ подъ впечатлѣніемъ успѣха, который имѣла кандидатура великаго герцога Ольденбургскаго. Изъ этого слѣдовало, что въ принципѣ онъ уже освоился съ мыслию объ отдѣленіи герцогствъ отъ Даніи. Онъ убѣждалъ Пруссію содѣйствовать заключенію мира, отказаться отъ войны съ датчанами, чтобы не возбуждать долге гнѣва Англіи. Бисмаркъ противопоставилъ этимъ совѣтамъ соображенія внутренней политики, самолюбіе арміи, народныя чувства и намекнулъ весьма удачно на угрожающую опасность революціи. Онъ отлично зналъ, что подобнаго рода соображенія всегда имѣли

вѣсь въ глазахъ Александра II. Види, что царь соглашается съ нимъ, онъ поспѣшилъ изобразить послѣдствія, какія это могло имѣть.

— Если мы не хотимъ, чтобы событія, совершающіяся въ герцогствахъ, осложнились революціей, сказалъ онъ, не слѣдуетъ превращать внѣшнихъ затрудненій во внутреннія.

Коснувшись затѣмъ весьма щекотливаго вопроса о будущей судьбѣ герцогствъ, императоръ Александръ выразилъ свое удовольствіе по поводу успѣха кандидатуры великаго герцога Ольденбургскаго; но въ то же время рѣшительно отвергалъ возможность присоединенія герцогствъ къ Пруссіи.

— Разумѣется, возразилъ Бисмаркъ, мы не рискнемъ ради этого европейскою войною; но если намъ предложить эти герцогства, то мы не будемъ въ состояніи отказаться отъ нихъ.

— Я не вижу, замѣтилъ Александръ II, кто бы могъ сдѣлать вамъ подобное предложеніе.

Разговоръ принялъ оборотъ, характеризующій, какъ нельзя лучше, отношенія въ то время европейскихъ кабинетовъ. Продолжая свои увѣщанія, императоръ совѣтовалъ Пруссіи придти къ соглашенію съ Австріей и не вступать отдѣльно въ соглашеніе съ Франціей. Когда Бисмаркъ отвѣчалъ, что онъ допускаетъ эту комбинацію не иначе какъ при участіи Австріи или Россіи, какъ третьей договаривающейся стороны, то царь опять настаивалъ на томъ, чтобы Пруссія не озлобляла черезчуръ Англію, которая могла броситься въ объятія Наполеона, питавшаго весьма честолюбивые планы.

— Англія, возразилъ Бисмаркъ, не станетъ воевать одна. Что касается Наполеона, то онъ знаетъ отлично, что въ случаѣ войны на Рейнѣ противъ него возстанетъ вся Германія и что въ то же самое время возродится коалиція трехъ сѣверныхъ державъ. Ни одна изъ нихъ не можетъ допустить пораженія другой, и если побѣдоносная французская армія вступитъ въ Германію, то Россія, имѣя въ виду Польшу, должна будетъ препятствовать этому, несмотря на то, будетъ ли это соответствовать ея симпатіямъ или нѣтъ.

Окончивъ разговоръ, императоръ повторилъ своему собесѣднику совѣтъ не компрометировать миръ въ Европѣ; впрочемъ, онъ признавалъ, что не можетъ быть и рѣчи о протоколѣ 1852 года.

Съ другой стороны, русскій кабинетъ сдѣлалъ въ Копенгагенѣ послѣднюю попытку предупредить расчлененіе Даниі, такъ какъ это событіе могло, какъ мы уже говорили, повести къ образованію скандинавскаго союза, т. е. такой комбинаціи, которую Россія считала противной своимъ интересамъ на Балтійскомъ морѣ.

16-го іюня, король Христіанъ находился въ засѣданіи совѣта, когда ему подали депешу, въ которой петербургскій кабинетъ умолялъ датское

правительство признать союзъ между Даніей и герцогствами. Этимъ было бы обезпечено соединеніе обѣихъ территорій подъ однимъ скипетромъ, а равно политическая автономія герцогствъ, и были бы устранены претензіи всѣхъ кандидатовъ на шлезвигъ-голштинскій престолъ. Въ этомъ русскій кабинетъ видѣлъ спасеніе. Ни одна изъ нейтральныхъ державъ не хотѣла придти на помощь несчастной странѣ. Лордъ Пальмерстонъ, сдѣлавъ попытку вмѣшаться въ этотъ вопросъ при содѣйствіи Франціи, получилъ отъ Наполеона рѣшительный отказъ. Тогда датскій король и королевскій принцъ выразили намѣреніе принять предложеніе Россіи. Къ сожалѣнію, противъ этого возстало датское министерство, образованное изъ людей самыхъ крайнихъ мнѣній, подчинившихся партіи фанатиковъ, которая руководила народною массою.

— Гораздо лучше, говорила эта партія, чтобы Голштинія была совершенно отдѣлена, хотя бы къ ней пришлось присоединить небольшую часть Шлезвига.

— Датскій народъ, говорили министры, не желаетъ союза съ герцогствомъ; если игнорируютъ его желанія, принявъ предложеніе Россіи, то придется имѣть дѣло съ революціей.

Министры угрожали отставкой; они утверждали, что пресса и все общество отнесутся несочувственно къ подобному рѣшенію вопроса. Находясь въ затруднительномъ положеніи среди этихъ разнужданныхъ страстей, король отклонилъ предложеніе Россіи и событія пошли своихъ чередомъ.

Въ приведенномъ выше разговорѣ, который императоръ Александръ имѣлъ въ Берлинѣ, онъ высказалъ свой собственный взглядъ, который вполне согласовался съ предложеніемъ, съ коимъ онъ обратился къ копенгагенскому двору, тогда какъ его представитель на Лондонской конференціи руководствовался инструкціями, данными ему княземъ Горчаковымъ, которыя болѣе согласовались съ взглядами датскаго министра и лорда Пальмерстона. Въ основаніе переговоровъ легла мысль объ отдѣленіи Голштиніи, къ которой предполагалось присоединить часть Шлезвига. Вопросъ о томъ, гдѣ пройдетъ пограничная черта, сѣвернѣе, какъ того желала Пруссія, или южнѣе какъ требовали датчане—представлялся скорѣе вопросомъ національности, нежели вопросомъ территоріальнаго владычества или стратегическаго значенія. Что касается самаго населенія, то нѣмцы не хотѣли быть подданными датскаго короля, и вмѣстѣ съ тѣмъ не соглашались на раздѣленіе страны, а датчане, со своей стороны, какъ сказано выше, соглашались уступить нѣмцамъ лишь самую незначительную часть Шлезвига. Надобно полагать, что Бисмаркъ, вырабатывая въ своемъ умѣ планъ будущаго объединенія Германіи, не желалъ раздѣленія Шлезвига, ибо, предлагая узнать мнѣніе народа и принять его желанія въ основу рѣшеній конференціи, онъ могъ быть увѣренъ,

что кромѣ Франціи ни одна держава не допустила бы самаго слабаго намека на плебисцитъ. Такъ и случилось.

Русскій посланникъ, баронъ Брунновъ съ запальчивостью отвергъ предложеніе Пруссіи. Его долгъ по отношенію къ своему двору заставляетъ смолкнуть всѣ дружескія чувства, говорилъ онъ; народный плебисцитъ противорѣчитъ основнымъ принципамъ русской политики. Это предложеніе сдѣлано съ цѣлью ограбить короля датскаго; подданные короля должны будутъ заявить, желаютъ ли они остаться его подданными; весьма прискорбно, что подобное предложеніе могло быть сдѣлано уполномоченнымъ его величества короля прусскаго.

Большинство уполномоченныхъ высказалось въ томъ же смыслѣ. Члены конференціи разѣхались, и по окончаніи перемирія военныя дѣйствія были возобновлены. Англійскій министръ, на запросъ, сдѣланный ему въ парламентѣ, отвѣчалъ, что такъ какъ Франція и Россія отклонили сдѣланное Англійей, въ январѣ мѣсяцѣ, предложеніе оказать матеріальную поддержку Даніи, а уполномоченные Даніи на конференціи помѣшали своимъ упрямствомъ успѣху всѣхъ попытокъ придти къ какому либо компромиссу, то Англія не можетъ одна вести на свой страхъ войну съ Германіей. Тори обвинили политику министерства, но заявили, что они также не обизуются объявить войну, если достигнутъ власти. Въ концѣ концовъ парламентъ вотировалъ предложеніе благодарить королеву за то, что миръ не былъ нарушенъ.

Данія въ нѣсколько недѣль была побѣждена превосходными силами непріятеля, который, занявъ вмѣстѣ съ Шлезвигомъ и островами всю Ютландію, готовился переправиться черезъ Бельты съ цѣлью овладѣть Фіоніей и наконецъ Копенгагеномъ. Надобно было покориться. Бисмаркъ, вырабатывая основы мирнаго договора, находилъ, что не настало еще время сказать свое послѣднее слово. Англія и Австрія конечно не согласились бы на присоединеніе герцогствъ къ Пруссіи; противъ этого высказался и императоръ Александръ во время свиданія въ Берлинѣ. Поэтому Бисмарку оставалось только отложить свой планъ до болѣе удобнаго времени. Онъ предложилъ: отдѣлать отъ Даніи герцогства и Лауенбургъ, передавъ ихъ Пруссіи и Австріи, которыя окончательно рѣшатъ ихъ участь. Россія, какъ наиболѣе заинтересованная изъ нейтральныхъ державъ, изъявила свое согласіе. Князь Горчаковъ обѣщалъ это Бисмарку при свиданіи въ Карлсбадѣ. Въ договорѣ, заключенномъ воюющими сторонами въ Вѣнѣ 30-го октября 1864 г. н. ст., не было упомянуто о томъ, кто будетъ верховнымъ правителемъ въ герцогствахъ, и такимъ образомъ вопросъ о правахъ великаго герцога Ольденбургскаго, коему покровительствовалъ русскій императоръ, остался открытымъ. Съ другой стороны, этотъ договоръ, предоставивъ окончательное рѣшеніе вопроса главнымъ образомъ Пруссіи, былъ чрезвычайно на

руку объединительнымъ планамъ, которые лелѣялъ въ то время король Вильгельмъ I.

Дать назрѣть этимъ планамъ и осуществить ихъ съ согласія или хотя бы противъ воли несочувствующихъ этому державъ и даже самой Россіи—такова была политика Бисмарка послѣ подписанія Вѣнскаго договора. Этотъ актъ, подписанный совмѣстно съ Австріей, былъ послѣднимъ актомъ, свидѣтельствовавшимъ о соглашеніи этихъ двухъ великихъ державъ, и началомъ ихъ разлада, который, послѣ долгой и упорной борьбы, привелъ къ Австро-Прусской войнѣ, при чемъ на сторонѣ Пруссіи были всѣ мелкія государства сѣверной Германіи, а на сторонѣ Австріи—Саксонія и Южно-германскія державы.

Въ теченіе двадцати мѣсяцевъ, протекшихъ съ момента подписанія Вѣнскаго договора съ Даніей и до начала войны между Пруссіей и Австріей, петербургскій кабинетъ, не вмѣшиваясь въ распрю этихъ державъ, высказывалъ о ней свое мнѣніе въ Берлигѣ. Это было, правда, уже въ то время, когда война казалась неизбѣжною. Императоръ былъ лично заинтересованъ въ этомъ вопросѣ съ точки зрѣнія своихъ родственниковъ, владѣтельныхъ монарховъ Виртемберга и Гессенъ-Дармштадта. Князь Горчаковъ, со времени польскаго возстанія 1863 года относившійся, какъ мы видѣли, не особенно доброжелательно къ прусской политикѣ, также обратился съ представленіями къ Берлину. Онъ не принялъ сторону Австріи; напротивъ, пораженіе этого противника было бы ему даже пріятно. Но онъ считалъ необходимымъ помѣшать Пруссіи расширить свои границы или чрезъ мѣру увеличить свое вліяніе въ Германіи. Онъ не одобрялъ также прусскаго проекта реформы федеральнаго союза, подобно тому какъ императоръ Николай не одобрялъ плановъ Радовица въ 1849 г. Онъ напоминалъ, что федеральная конституція Германіи, по скольку она была обезпечена договорами 1815 г., могла быть измѣнена не иначе какъ съ согласія державъ, подписавшихъ эти договоры, и когда счастье измѣнило Австріи, то онъ обратился къ лондонскому и къ парижскому кабинетамъ съ предложеніемъ, чтобы всѣ эти три державы совмѣстно заявили Пруссіи, что онѣ считаютъ Германскій Союзъ—который она называла простой комбинаціей—нерасторжимымъ. Это заявленіе было бы равносильно *vet* противъ Пруссіи, только что провозгласившей во Франкфуртѣ о распаденіи Союза. Министерство Гладстона отнеслось сочувственно къ русскому предложенію, но оно не могло быть принято Наполеономъ, который послѣ пораженія австрійцевъ при Садовой предложилъ воюющимъ державамъ свое посредничество.

До объявленія войны Россія относилась къ европейскимъ событіямъ вполне равнодушно. Объ этомъ засвидѣтельствовала французская дипломатія. «Я считаю нужнымъ отмѣтить, писалъ 9-го апрѣля 1866 года

Бенедетти, французскій посланникъ въ Берлинѣ, что меня чрезвычайно удивляло равнодушіе, съ коимъ петербургскій кабинетъ относился, какъ мнѣ казалось, съ самаго начала, къ требованіямъ Пруссіи и къ возможности столкновенія между двумя нѣмецкими державами; я былъ также пораженъ спокойной увѣренностью, съ какою Бисмаркъ постоянно относился къ образу дѣйствій и намѣреніямъ Сѣверной державы».

Эти замѣчанія были справедливы только до извѣстной степени. Королю прусскому пришлось выслушать со стороны русскаго кабинета немало замѣчаній и совѣтовъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, передъ объявленіемъ войны, они стали столь энергичны и настойчивы, что возбудили даже неудовольствіе Вильгельма I.

— Россія, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, держитъ себя по отношенію къ намъ не такъ какъ бы слѣдовало.

Этотъ упрекъ относился не столько къ императору, сколько къ его канцлеру, ибо между ними существовало съ 1863 г. относительно германскихъ дѣлъ разногласіе во взглядахъ, продолжавшееся до конца царствованія Александра II.

Вспышка короля Вильгельма объясняется попыткой царя добиться какого-нибудь компромисса съ Австріей. Онъ настаивалъ на этомъ вплоть до объявленія войны. Князь Горчаковъ очевидно повиновался желанію своего монарха, пуская въ ходъ всевозможныя средства, чтобы добиться отставки Бисмарка, котораго справедливо считали въ то время единственнымъ человѣкомъ въ Пруссіи, желавшимъ войны. Изъ Петербурга и Лондона королю намекали на необходимость уволить его министра, воспользовавшись для этого поѣздкою Бисмарка въ Парижъ, куда онъ отправился, чтобы присутствовать на конгрессѣ, который не былъ созванъ вслѣдствіе отказа Австріи участвовать въ немъ. Бисмаркъ восторжествовалъ надъ всѣми этими препятствіями и убѣдилъ короля въ необходимость объявить войну Австріи.

Когда объявленіе войны уже состоялось, князь Горчаковъ, въ виду дипломатическаго вмѣшательства со стороны императора Наполеона, принялъ выжидательное положеніе. Но императоръ Александръ былъ озабоченъ побѣдами пруссаковъ. Разумѣется, онъ не думалъ оспаривать у короля Вильгельма плоды его побѣдъ. Бруновъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, заявлялъ всѣмъ и каждому, что Россія, благодарная Пруссіи за ея образъ дѣйствій въ 1855 и 1863 г.г., ни въ какомъ случаѣ не подыметъ оружія противъ своей бывшей союзницы. Это не помѣшало царю и его канцлеру употребить все свое стараніе, послѣ побѣды подъ Садовой, чтобы умѣрить желанія Пруссіи. Депеша, посланная императоромъ Александромъ королю съ поздравленіемъ по поводу этой побѣды, оканчивалась слѣдующими многозначительными словами: «Надѣюсь, что ваше величество будете милосердны къ побѣжденному». Кромѣ того, въ ту

время когда Бисмаркъ велъ въ Никольсбургѣ переговоры относительно предварительныхъ условій мира и когда онъ уже заручился въ принципѣ согласіемъ Наполеона III на присоединеніе завоеванныхъ земель, русскій посланникъ въ Берлинѣ, Убри, снова предлагалъ созвать конгрессъ, а князь Горчаковъ обратился съ подобнымъ же предложеніемъ въ Парижъ и Лондонъ. Бисмаркъ отвѣчалъ отказомъ, присовокупивъ что король, полагаясь на справедливость и дружбу императора, надѣется, что русскій кабинетъ не сдѣлаетъ, безъ предварительнаго соглашенія съ нимъ, другихъ попытокъ въ этомъ смыслѣ. Получивъ извѣстіе, что русскій кабинетъ продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же направленіи и что императоръ Наполеонъ даже изъявилъ согласіе на созваніе конгресса, Бисмаркъ, по повелѣнію короля, поручилъ прусскому уполномоченному въ Петербургѣ заявить царю, что король въ виду крайняго возбужденія національнаго чувства въ Германіи не можетъ отказаться отъ плодовъ такъ дорого стоившихъ побѣдъ или подчиниться, при реорганизаци Германіи, рѣшеніямъ конгресса, не рискуя вызвать этимъ революціи.

Императоръ Александръ, какъ видно, всячески щадилъ короля Вильгельма. Князю Горчакову не удалось провести мысль о конгрессѣ въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Отвѣчая на прусскія депеши царь заявилъ о своей готовности придти къ соглашенію съ королемъ и просилъ его величество прислать къ нему довѣренное лицо, которое могло бы выяснитъ желанія Пруссіи. Король возложилъ это порученіе на генерала Мантейфеля (впослѣдствіи фельдмаршала).

Съ этого момента отношенія между Берлиномъ и Петербургомъ сдѣлались вполне дружественныя. Съ тѣхъ поръ, пишетъ Бенедетти, «правительство императора Александра держалось въ отношеніи къ Пруссіи явно благожелательнаго образа дѣйствій. Его представитель въ Берлинѣ (Убри), который былъ чрезвычайно огорченъ успѣхомъ прусскихъ войскъ и не скрывалъ этого, былъ отозванъ въ Петербургъ и вернулся оттуда нѣсколько недѣль спустя вполне успокоенный».

Однако генералъ Мантейфель дѣйствовалъ, во исполненіе даннаго ему порученія, вначалѣ не столь успѣшно, какъ того ожидали въ Берлинѣ. Императоръ Александръ отказался отъ конгресса, но не одобрилъ условій мира, предписанныхъ Пруссіей побѣжденнымъ. Прусскому генералу были даны инструкціи, составленныя весьма умѣло, чтобы смягчить императора. Ему велѣно было объяснить необходимость присоединить къ Пруссіи Ганноверъ, Гессенъ и герцогства, не трогая Саксоніи; и особенно выставить на видъ, что Пруссія щадитъ Виртембергъ и Гессенъ-Дармштадтъ какъ дворы, родственные русскому императорскому дому. Бисмаркъ пошелъ далѣе. Въ случаѣ если бы русскій кабинетъ выразилъ желаніе отмѣнить тѣ статьи Парижскаго договора, которыя касались Чернаго моря, генералу Мантейфелю было велѣно

отнестись къ этому сочувственно. Въѣстъ съ тѣмъ король писалъ императору, что его престижъ, какъ монарха, будетъ утраченъ безвозвратно, если онъ не удовлетворитъ законныхъ требованій общественнаго мнѣнія.

Не особенно довольный оборотомъ, который приняли дѣла, кн. Горчаковъ встрѣтилъ однако ген. Мантейфеля весьма любезно. Онъ превеличивалъ заслуги Бисмарка, желалъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ, и высказалъ даже пожеланіе, чтобы прусскій министръ, называвшій себя нѣкогда его ученикомъ, оказался «не метеоромъ, а постоянною звѣздою», прибавивъ, что для этого ему необходимо быть умѣреннымъ.

Императоръ Александръ былъ доволенъ командировкой генерала Мантейфеля.

— Отнынѣ, — говорилъ онъ, — ось европейской политики переимѣнится изъ Парижа въ Петербургъ, и Россія будетъ, какъ до Крымской кампаніи, властительницей судебъ Европы.

Онъ принялъ ласково прусскаго генерала и съ горячностью выразилъ свое дружеское расположеніе къ королю. Его тонъ нѣсколько измѣнился, когда генералъ сообщилъ ему о побочныхъ инструкціяхъ, которыя были ему даны. Царь вполне цѣнилъ вниманіе, съ которымъ были пощажены Виртембергъ и Гессенъ. Но сверженіе съ престола нѣсколькихъ династій повергло его въ ужасъ.

— Это значило, — говорилъ онъ, — ослабить принципъ монархизма, ибо эти династіи точно такъ-же какъ и династія царствующая въ Пруссіи установлены самимъ Богомъ.

Союзъ съ Италіей не внушалъ ему симпатіи, и будущій нѣмецкій парламентъ грозилъ многими опасностями въ смыслѣ революціонномъ.

На возраженіе генерала, что Бисмаркъ показалъ какъ слѣдуетъ поступать съ упорствующими парламентами, императоръ отвѣчалъ, что онъ не сомнѣвается въ добрыхъ намѣреніяхъ Бисмарка, но что Южная Германія, подкупленная мыслию о парламентѣ, уже выразила желаніе вступить въ союзъ сѣверо-германскихъ государствъ. Къ тому же, ему не нравилось вмѣшательство императора Наполеона, который собирался потребовать въ вознагражденіе возстановленіе границъ 1814 г.

— Словомъ, сказалъ императоръ, оканчивая эту первую бесѣду. сверженіе династій съ престоловъ тревожитъ меня.

Кн. Горчаковъ, съ своей стороны, повторилъ тѣ же возраженія прусскому генералу.

— Императоръ очень радъ возвышенію Пруссіи, сказалъ онъ, но не слѣдовало свертать съ престола династій, унижать власть саксонскаго короля, потрясать государства Южной Германіи. Тогда можно бы избѣгнуть столкновенія съ Франціей, и Наполеонъ не посмѣлъ бы требовать территориальныхъ уступокъ.

Что касалось прусскихъ предложеній относительно Востока, то русский канцлеръ не придавалъ имъ особаго значенія.

— Россія не добивается ни Придунайскихъ княжествъ, ни Галиціи, ни отмѣны Парижскаго трактата, говорилъ онъ; изъ этого договора слѣдуетъ только исключить нѣкоторыя статьи, обидныя для Россіи, что сдѣлается само собою. Когда для этого наступитъ время, императоръ рассчитываетъ на дружескую поддержку Пруссіи.

Недовольный этими словами Бисмаркъ отвѣчалъ угрозою отмѣнить уступки, сдѣланныя Виртембергу и Гессенъ-Дармштадту, если Россія откажется признать приобрѣтенія, сдѣланныя Пруссіей.

— Тогда Пруссія вступить на революціонный путь, говорилъ онъ, признаетъ конституцію 1849 г. и приметъ другія подобнаго рода мѣры.

«Революція за революцію, писалъ онъ генералу Мантейфелю, мы предпочитаемъ сами ее совершить, нежели испытать ее».

Но генералъ, раздѣлявшій гораздо болѣе мысли императора Александра, нежели взгляды Бисмарка, настаивалъ на томъ, чтобы Россія отказалась отъ противодѣйствія Пруссіи. Императоръ уступилъ. Онъ послалъ королю письмо, въ которомъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу того, что Пруссія отказалась отъ консервативныхъ принциповъ, но въ концѣ письма было оговорено, что Россія не станетъ на сторону противниковъ Пруссіи. Онъ коснулся также вопроса о Парижскомъ трактатѣ, выразивъ желаніе, чтобы Пруссія формальнымъ образомъ обязалась поддержать Россію въ случаѣ надобности.

Король Вильгельмъ одержалъ такимъ образомъ побѣду. Парижскій трактатъ также былъ близокъ къ уничтоженію. Императоръ Александръ дѣйствительно держалъ одно время судьбу Европы въ своихъ рукахъ. Заставивъ чашу вѣсовъ склониться въ пользу Пруссіи, онъ утратилъ этимъ вліяніе, коимъ Россія пользовалась въ Германіи чуть не цѣлое столѣтіе. Новая Германія, созданная Пруссіей, освободилась изъ подъ власти Россіи и даже имѣла долгое время удовольствіе видѣть, что могущественная сѣверная держава добивалась ея дружбы и союза, которыя она старалась всячески поддержать. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы чувства царя раздѣлялись официальнымъ міромъ въ Россіи, а тѣмъ болѣе русской публикой: факты не разъ доказывали обратное. Но Пруссія сдѣлалась могущественной державою, и славянская Россія нуждалась въ ея союзѣ для осуществленія своихъ плановъ на Востокѣ. Кромѣ того, Пруссія уменьшила вліяніе Австріи, тормозившей успѣхи русской политики на Балканскомъ полуостровѣ. Само собою русскіе не могли этимъ быть довольны.

Россія и Пруссія оказывали другъ другу болѣе или менѣе важныя услуги. Въ 1867 г. прусское правительство возобновило извѣстный договоръ о размѣнѣ плѣнныхъ, ненавистный польскимъ дезертирамъ и, въ

свое время, также прусскимъ либераламъ. Панславистское движеніе выразилось въ это время съ особенной силою; многіе полагали, что его поощрялъ Бисмаркъ, желавшій имѣть свободу дѣйствій въ Германіи, служа одновременно русской политикѣ.

«Неопредѣленность положенія, писалъ Бенедетти изъ Берлина, 5-го января 1868 г., в. ст., съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе скрѣпляло узъ, связывавшія Пруссію съ Россіей, создавая солидарность между честолюбивыми планами Пруссіи въ Германіи и Россіи на Востокѣ». Балканскій полуостровъ былъ потрясенъ славянской, румынской и греческой пропагандой; западныя державы и Австрія громко заявляли объ этихъ революціонныхъ проискахъ; Пруссія хранила молчаніе; Россія заступалась передъ султаномъ за его мятежныхъ подданныхъ. Вслѣдствіе совмѣстнаго предложенія Россіи и Пруссіи въ исходѣ 1868 г., въ Парижѣ была созвана конференція съ цѣлью рѣшить несогласія, возникшія между Турціей и Греціей по поводу Крита.

Со времени войны 1866 г. тюрлерійскій кабинетъ дѣлалъ все возможное, чтобы оспаривать у Пруссіи предпочтеніе, каковымъ она пользовалась въ то время у императора Александра. Это ему не удалось. Кн. Горчаковъ, подчиняясь желанію своего монарха, вступилъ, впрочемъ довольно неохотно, въ дружескія отношенія съ Берлиномъ и съ Бисмаркомъ, успѣхамъ коего онъ сильно завидовалъ. Монархъ и его вице-канцлеръ старались заявить во всеуслышаніе о своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ Берлину. «Вице-канцлеръ, писалъ французскій посланникъ въ Петербургѣ, хочетъ, во что бы то ни стало, жить въ дружбѣ съ Берлиномъ; онъ старается при всякомъ удобномъ случаѣ заявить о существованіи болѣе тѣсной дружбы, нежели это допускаетъ посольство короля Вильгельма въ Берлинѣ». Это не мѣшало князь Горчакову быть весьма осмотрительнымъ, когда приходилось высказаться за Пруссію или Францію. Въ столкновеніи, возникшемъ по поводу приобрѣтенія Франціей великаго герцогства Люксембургскаго, русскій кабинетъ долгое время воздерживался высказать свое мнѣніе. Только вслѣдствіе представленій Англии и Австріи русское правительство дало въ свою очередь королю Вильгельму дружескій совѣтъ очистить Люксембургскую крѣпость. Наконецъ, что весьма знаменательно, Александръ II и Вильгельмъ I, получивъ отъ императора Наполеона приглашеніе посѣтить всемірную выставку въ Парижѣ, пріѣхали, по взаимному соглашенію, одновременно въ Парижъ въ сопровожденіи своихъ первыхъ министровъ, которые, впрочемъ, не вели тамъ никакихъ переговоровъ съ императорскимъ правительствомъ. Царь, не забывшій ни 1855, ни 1863 гг., не могъ отдѣлаться отъ этихъ воспоминаній во время посѣщенія Парижа. Это также не мало способствовало укрѣпленію узъ, соединявшихъ монарховъ двухъ сѣверныхъ державъ, какъ это и подтвердилось самымъ

блистательнымъ образомъ въ концѣ 1869 г., по случаю столѣтняго юбилея Георгіевскаго ордена. Самымъ старѣйшимъ кавалеромъ этого ордена въ 1869 г. былъ король Вильгельмъ, получившій его въ 1814 г. на полѣ битвы при Bar-sur-Aub'ѣ. Царь препроводилъ ему орденскіе знаки св. Георгія I-ой степени, при слѣдующей телеграммѣ, не особенно любезной по отношенію къ Франціи: «Примите его какъ новое доказательство соединяющей насъ дружбы, основанной на воспоминаніи о великой эпохѣ, когда наши союзныя войска сражались за святое дѣло, намъ одинаково близкое».

Г. Убри, русскій посланникъ въ Берлинѣ, предложилъ за обѣдомъ въ королевскомъ дворцѣ тостъ, въ которомъ онъ восхвалялъ этотъ новый залогъ дружескихъ узъ, связующихъ обоихъ монарховъ, оба народа и обѣ арміи и вполнѣ соотвѣтствующій интересамъ обѣихъ державъ и всей Европы. Эта манифестація произошла,—что особенно достойно вниманія—какъ разъ въ тотъ моментъ, когда генераль Флери, французскій посланникъ въ Петербургѣ, былъ окруженъ при русскомъ дворѣ самымъ лестнымъ вниманіемъ и когда онъ льстилъ себя надеждою, что онъ приобрѣлъ вновь расположеніе Александра II. къ Наполеону III.

Весною 1870 г. положеніе дѣлъ было весьма тревожно; война между Франціей и Германіей казалась неизбежной. Въ виду этихъ событій русское правительство готовилось заявить о своихъ интересахъ на Востокъ въ то время, какъ вниманіе западныхъ державъ было бы поглощено борьбою этихъ двухъ государствъ. При свиданіи короля Вильгельма и Александра II въ іюнѣ мѣсяцѣ, наканунѣ разрыва Пруссіи съ Франціей, обѣщанія, данныя въ 1866 г., были возобновлены королемъ и графомъ Бисмаркомъ; взаимнѣ этого, въ случаѣ войны съ Франціей, Пруссія была обезпечена нейтралитетъ Россіи. Война была объявлена и ни одна изъ нейтральныхъ державъ не сдѣлала серьезной попытки помѣшать этому. Русское правительство и императоръ Александръ не вмѣшивались въ это дѣло, вопреки настроенію русскаго общества, всѣ симпатіи котораго были на сторонѣ Франціи. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ выводить заключеніе, чтобы царь и его канцлеръ желали пораженія Франціи. Въ Россіи, равно какъ и въ Европѣ полагали, что либо французская армія побѣдитъ прусскую, или война затянется во всякомъ случаѣ надолго, и побѣда будетъ нерѣшительная, такъ какъ силы противниковъ равны; Россія произнесетъ тогда рѣшающее слово и своимъ третейскимъ судомъ вернетъ Западу миръ, обезпечивъ себѣ свободу дѣйствій на Востокъ. «Посоветуйте императору Наполеону быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ», будто бы сказалъ кн. Горчаковъ одной личности, когда война была уже объявлена. Относительно Германіи, нейтралитетъ Россіи былъ во всякомъ случаѣ

благожелательный. Императоръ Александръ, какъ оказывается, допускалъ возможность того, что побѣдоносная французская армія, идя на Берлинъ, подойдетъ къ границамъ Польши. Эта мысль, которая его весьма озабочивала, подтверждалась до извѣстной степени тѣмъ фактомъ, что въ Ліонѣ сформировался изъ знати польскій легіонъ подъ предводительствомъ польскихъ эмигрантовъ. Его также безпокоила мысль о томъ, какъ будетъ держать себя Австрія, такъ какъ вѣнскій дворъ съ 1867 г. находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ тюрльерійскимъ дворомъ. Россія вооружалась; мобилизація ея войскъ на границахъ Австріи, т. е. Галиціи, имѣла цѣлью оказать давленіе на ея соудку, чтобы помѣшать ей соединиться съ Франціей. Александръ II одинъ предвидѣлъ, что во Франціи и во французской арміи дѣла идутъ плохо, но его приближенные не раздѣляли этого мнѣнія.

— Когда въ Петербургѣ были получены извѣстія о пораженіи при *Mars-la-Tourg* и Гравелоттѣ,—говорилъ государь одному изъ близкихъ ему пруссаковъ,—генераль Флери (французскій посланникъ) попросилъ у меня аудіенціи. Онъ говорилъ о не удачахъ, преслѣдовавшихъ французскую армію, о томъ, что война приметъ вскорѣ болѣе благоприятный оборотъ; говорилъ объ озлобленіи французскаго народа противъ пруссаковъ и о восторженной преданности его Наполеону. Онъ былъ повидимому такъ мало обезпокоенъ общимъ ходомъ дѣлъ, что я сказалъ ему: «Мнѣ кажется, императору Наполеону надобно бояться не столько внѣшнихъ, сколько внутреннихъ враговъ. Извѣстія, полученные изъ Парижа, весьма тревожны». Флери высказалъ обратное мнѣніе: «Армія, по его словамъ, была слѣпо предана императору. Императрица пользовалась неограниченной властью и руководила всѣми дѣлами». Я былъ вынужденъ сказать ему: «То же самое намъ говорили въ 1848 г. Въ то время насъ также увѣряли, что правительство короля Людовика-Филиппа держитъ все въ своихъ рукахъ, а два дня спустя мы узнали о провозглашеніи республики». Между тѣмъ я уѣхалъ въ Москву, гдѣ получилъ извѣстіе о невѣроятной Седанской катастрофѣ. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, генераль Флери снова просилъ у меня аудіенціи. Этотъ разъ первыми его словами было: «Ваше величество! вы были пророкомъ!»

По слабости, свойственной человѣческой натурѣ, симпатіи людей бывають обыкновенно на сторонѣ тѣхъ, коимъ улыбается судьба: въ политикѣ этого требуютъ высшія государственныя соображенія, чтобы не сказать высшая осторожность. Рядъ пораженій, понесенныхъ французской арміей, приводили въ уныніе дружественныя Франціи державы; только народъ выражалъ ей вездѣ свои, къ сожалѣнію, совершенно безплодныя симпатіи. Въ теченіе войны Александръ II посылалъ королю Вильгельму поздравленіе по поводу каждой одержанной имъ побѣды; онъ препроводилъ сыну и племяннику короля орденъ

св. Георгія. Когда было получено извѣстіе о Седанской катастрофѣ, царь, передавая содержаніе депеши военному агенту, генералу Вердеру, обнялъ его въ присутствіи всей своей свиты. За обѣденнымъ столомъ онъ пилъ за здоровье короля Вильгельма и германскаго войска, разбивъ рюмку послѣ тоста. Могъ ли при этихъ условіяхъ Тьеръ, такъ смѣло предпринявшій свою поѣздку по Европѣ, заручиться въ Петербургѣ желаемой помощью хотя бы въ томъ смыслѣ, чтобы побѣдителю посовѣтовали быть умѣреннымъ? Только побѣда французской арміи могла разстроить согласіе, установившееся между сосѣдними дворами, а побѣды этой все не было. Русскій кабинетъ старался ничѣмъ не мѣшать дѣйствіямъ германскихъ войскъ. Онъ воздерживался отъ какихъ бы то ни было заявленій, и когда Англія предложила ему сдѣлать попытку къ посредничеству, то онъ отвѣчалъ, что подобная коллективная попытка озлобитъ Пруссію.

Тьеръ былъ принятъ императоромъ Александромъ благосклонно; князь Горчаковъ отнесся къ нему съ уваженіемъ и сочувствіемъ, но не принялъ на себя никакихъ обязательствъ. Тьеръ заблуждался нѣкоторое время насчетъ результата своего ходатайства. «Россія не одобритъ чрезвычайныхъ требованій Пруссіи, писалъ онъ во Францію».

Кто взялся бы опредѣлить, гдѣ начинаются непомѣрные требованія побѣдителя? Подразумѣвала ли подъ этимъ словомъ Россія всякое посягательство на неприкосновенность французской территоріи?

Императоръ Александръ сдержалъ обѣщаніе. Онъ написалъ королю, прося его быть умѣреннымъ; четыре года передъ тѣмъ, послѣ Садовой, онъ просилъ его о томъ же относительно Австріи. Король и этотъ разъ сослался на чувства своихъ подданныхъ и всего германскаго народа, которыя онъ не могъ игнорировать. Единственнымъ результатомъ этой поѣздки было то, что Тьеръ, по желанію императора Александра, получилъ позволеніе проѣхать чрезъ линію германскихъ войскъ въ Версаль, чтобы обсудить вмѣстѣ съ Бисмаркомъ предварительныя условія мира. Русскій кабинетъ настаивалъ на томъ, чтобы заинтересованныя стороны вели переговоры съ-глаза-на-глазъ. Онъ не уступилъ даже настояніямъ Англіи, предлагавшей совмѣстное посредничество. Когда у Германіи были такимъ образомъ развязаны руки, князь Горчаковъ сдѣлалъ весьма важный шагъ въ Восточномъ вопросѣ.

Къ великому неудовольствію короля Вильгельма и графа Бисмарка, наканунѣ переговоровъ съ Тьеромъ, о посѣщеніи котораго только-что стало извѣстно, русскій канцлеръ поразилъ Европу циркуляромъ, коимъ онъ объявилъ, что въ виду столь многочисленныхъ фактовъ, противорѣчащихъ европейскимъ трактатамъ, Россія не считаетъ себя болѣе связанной весьма обидными для нея статьями Парижскаго трактата 1856 г., коими ей воспрещалось имѣть на Черномъ морѣ военный флотъ. Этотъ

шагъ могъ быть оправданъ во многихъ отношеніяхъ. Виновики Парижскаго трактата исчезъ съ политической арены; статья, касавшаяся Чернаго моря, не могла особенно интересовать республиканскую Францію. Съ 1856 г. многія статьи Парижскаго договора нарушались или самими лицами, подписавшими этотъ договоръ, или независимо отъ нихъ, и никто этому не препятствовалъ. Пруссія и Италія не соблюдали договора 1815 г. Единственная держава, которой были выгодны препоны, создаваемая Россіи, была Англія—соперница Россіи на Востокѣ. Вокругъ Россіи все возвышается, растетъ, неужели же одна Россія будетъ связана договоромъ, который ее стѣсняетъ и оскорбляетъ ея достоинство? Если царство силы замѣнило договоры, неужели же одна Россія будетъ ихъ жертвою?

— Европа 1870 г. уже не та, какою она была въ 1856 г., говорилъ князь Горчаковъ.

Исторія оправдаетъ, разумѣется, образъ дѣйствій Россіи въ октябрѣ 1870 года. Понятно, съ другой стороны, что этотъ циркуляръ былъ непріятенъ Пруссіи и вызвалъ сильную оппозицію со стороны англійскаго кабинета.

— Я отлично зналъ, — сказалъ король Вильгельмъ, получивъ это извѣстіе, — что случится нѣчто подобное, но при настоящемъ положеніи, когда еще ничего не выяснилось, заявленіе, сдѣланное Россіей по ея собственному почину, для насъ не особенно пріятно. Декларация ея вполне понятна; можно только спросить себя, какъ она будетъ принята Англіей и Австріей?

Собственно говоря, это былъ только вопросъ времени. Говоря это, король не позабылъ условій, заключенныхъ въ Эмсѣ. Онъ опасался только, чтобы Англія и Австрія не объявили Россіи войну, что заставило бы Пруссію разъединить свои силы, сосредоточенныя въ то время противъ Франціи. Бисмаркъ, руководствуясь тѣми же соображеніями, жаловался на поспѣшность, съ какою Россія старалась получить награду за свой доброжелательный нейтралитетъ; онъ осуждалъ и самый способъ, коимъ Россія отказывалась отъ соблюденія Парижскаго трактата; онъ настаивалъ на томъ, что Парижскій трактатъ долженъ быть пересмотрѣнъ конференціей, и былъ готовъ уступить требованію Англіи, къ которой присоединилась Австрія, чтобы эта конференція была созвана въ Лондонѣ.

Когда эта конференція была наконецъ созвана въ январѣ мѣсяцѣ 1871 г., тогда не было уже и тѣни неудовольствія со стороны прусскаго кабинета противъ своего не въ мѣру торопливаго кредитора. Пользуясь рѣдкимъ случаемъ, что представители великихъ державъ были всѣ въ сборѣ, Бисмаркъ поспѣшилъ ввести въ общественное право Европы новую германскую имперію, которая только-что передъ тѣмъ была про-

возглашена въ Версалѣ. Въ засѣданіи 24-го января н. ст. графъ Берндорфъ заявилъ, что такъ какъ послѣ перваго засѣданія, конимъ открылся конгрессъ, его монархъ перемѣнилъ титулъ, то онъ желаетъ, чтобы въ послѣдующихъ протоколахъ имя его, Берндорфа, упоминалось какъ имя уполномоченнаго Германской имперіи. Русскій посланникъ тотчасъ всталъ, заявляя: «что онъ получилъ отъ своего двора повелѣніе признать, отъ имени императора, императорскій титулъ, конимъ облеченъ нынѣ его величество король прусскій». Всѣ прочіе уполномоченные, за исключеніемъ французскаго, который еще отсутствовалъ, послѣдовали примѣру своего русскаго коллеги. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, до какой степени упрочились въ то время узы дружбы, существовавшія между Александромъ II и императоромъ Вильгельмомъ I. Кромѣ того, въ продолженіе всей конференціи уполномоченные обоихъ правительствъ дѣйствовали въ полномъ согласіи, и ихъ предложенія, согласныя съ требованіями, изложенными въ циркулярѣ князя Горчакова, были положены въ основу договора 13-го марта н. ст., конимъ Парижскій договоръ 1856 г. былъ измѣненъ исключительно въ интересахъ Россіи.

Согласіе, существовавшее между Россіей и Пруссіей, подтвердилось еще разъ самымъ блистательнымъ образомъ при заключеніи предварительныхъ условій Версальскаго мирнаго договора.

«Съ неизъяснимымъ чувствомъ и воздавая благодареніе Богу, телеграфировалъ императоръ Вильгельмъ императору Александру II 26-го января н. ст. 1871 г., я увѣдомляю васъ о томъ, что предварительныя условія мира только-что мною подписаны. Пруссія никогда не забудетъ, что она обязана вамъ тѣмъ, что война не приняла чрезвычайныхъ размѣровъ (*proportions extrêmes*). Да благословитъ васъ Господь. Навѣки вамъ признательный другъ».

Услуги, признанныя императоромъ Вильгельмомъ въ столь горячихъ выраженіяхъ, не были въ томъ же смыслѣ оцѣнены русской публикой. Въ Россіи единственною выразительницею общественнаго мнѣнія была пресса, со вступленіемъ на престолъ императора Александра II получившая нѣкоторую свободу при обсужденіи вопросовъ внѣшней политики, чѣмъ она широко пользовалась.

Насколько вліяніе императора Николая на прусскую политику возмущало и раздражало прусскихъ либераловъ, настолько же русскіе относились несочувственно къ союзу съ Пруссіей. Русскіе хотѣли политики болѣе русской, болѣе національной и съ радостью привѣтствовали назначеніе преемника графу Нессельроде, этого представителя Священнаго союза. Князя Горчакова заранѣе называли сторонникомъ новой политики, и не успѣвъ еще ничѣмъ заявить себя, онъ былъ уже популяренъ.

Тотчасъ послѣ Парижскаго конгресса въ Россіи всѣ выражали же-

ланіе, чтобы былъ заключенъ союзъ съ Франціей: высшіе сановники, аристократія, газеты выражали это единогласно. Писатели, нападавшіе на Пруссію и Германію, всегда пользовались сочувствіемъ читающей публики. Въ Берлинѣ удивлялись тому, что русское правительство позволяло газетамъ столь враждебныя выходки противъ Пруссіи.

Послѣ пораженія Австріи при Садовой, русская пресса стала относиться благосклоннѣе къ Пруссіи и болѣе враждебно къ Австріи и Турціи. Катковъ доказывалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что Россіи слѣдовало играть такую же роль въ славянскомъ мірѣ, какую игралъ Наполеонъ въ латинскомъ и Пруссіа въ Германіи; онъ проповѣдывалъ необходимость союза съ Пруссіей.—Россія и Пруссіа должны были, по его мнѣнію, вступить въ союзъ болѣе тѣсный, чѣмъ когда либо; у Пруссіи не было интересовъ на Востокѣ; поэтому Россіи слѣдовало принять предложенія, сдѣланныя ей въ этомъ смыслѣ Бисмаркомъ.—Послѣдній не противорѣчилъ русскому публицисту. Въ прусской палатѣ общинъ онъ сдѣлалъ даже серьезное замѣчаніе одному изъ прогрессистскихъ депутатовъ, который позволилъ себѣ рѣзкую выходку противъ русскаго правительства, будто бы притѣсняющаго своихъ нѣмецкихъ подданныхъ. Бисмаркъ высказалъ мнѣніе, что двѣ великія дружественныя державы, интересы которыхъ не діаметрально противоположны, зачастую могутъ дѣйствовать согласно, не подчиняясь одна другой.

— Вы обвиняете насъ въ томъ,—говорилъ онъ,—что мы идемъ на помочахъ у Россіи; загляните въ русскія газеты, которыя обвиняютъ свое правительство въ томъ, что оно слишкомъ предано Пруссіи.

Затѣмъ, какъ бы отвѣчая на нѣкоторыя инсинуаціи русскихъ газетъ, онъ заявилъ, что отнюдь не намѣренъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, имѣя въ этомъ случаѣ въ виду «интересы небольшой кучки нѣмцевъ, которые находятся среди огромнаго большинства эстонцевъ, латышей и въ особенности русскихъ».

Со стороны послѣднихъ это благожелательное отношеніе къ Пруссіи было непродолжительно. Къ тому же при дворѣ нѣмецкая партія имѣла сильныхъ противниковъ въ лицѣ наследника престола, великаго князя Константина Николаевича и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Война между нѣмецкими и русскими журналами не прекращалась. Нѣмецкіе журналы затрогивали вопросъ о Прибалтійскихъ губерніяхъ, о Польшѣ, о Восточномъ вопросѣ, указывая этимъ на слабыя стороны русской монархіи. Петербургскія газеты отвѣчали на это, превознося союзъ съ Франціей и указывая на грабежъ, жертвою коего сдѣлались владѣтели ГанOVERA, Гессена, Нассау. Россія находится не въ лучшихъ отношеніяхъ съ Пруссіей, нежели съ Франціей, писали въ русскихъ газетахъ: генераль Флерп, назначенный посланникомъ въ Петербургъ, заключить союзъ съ Франціей. Любезности, оказываемыя Вильгельму, не имѣютъ

ничего общаго съ политикою—это личная любезность царя къ своему дядѣ. Увѣренія въ дружбѣ со стороны Пруссіи не имѣютъ значенія; нельзя довѣрять сосѣдямъ, поощряющимъ контрабанду на русской границѣ и поглядывающимъ на Прибалтійскія губерніи, какъ на лакомый кусочекъ. Это говорилось въ началѣ 1870 г.

Тонъ русской прессы становился все болѣе и болѣе желчнымъ. Бисмаркъ,—говорила одна газета,—вошелъ въ соглашеніе съ Австріей, чтобы поддержать Турцію. Можетъ ли Россія быть союзницею Пруссіи,—говорила другая газета,—когда Пруссія союзница Австріи? Вся Европа,—говорила третья,—осуждаетъ объединительную политику Пруссіи. Одна Россія явилась спасательницею южно-германскихъ государствъ. Весьма популярный русскій публицистъ приписывалъ побѣды, одержанныя пруссаками въ 1866 г., случайности; въ скоромъ времени,—говорила одна газета,—Франція сведетъ счеты съ Пруссіей.

Въ моментъ объявленія Франко-Прусской войны германскія газеты, говоря о Россіи, понизили тонъ. Органъ Бисмарка одобрялъ славянофильское движеніе. Другія газеты высказывали мысль, что Германіи нѣтъ никакой надобности мѣшать русской политикѣ на Востокѣ. Съ другой стороны, они высказывались противъ вмѣшательства Россіи въ дѣла воюющихъ сторонъ иначе какъ въ роли посредницы. Совершенно не сочувствуя этимъ взглядамъ и этой предупредительности, русская пресса почти единодушно держала сторону Франціи и выражала къ ней свое сочувствіе. Всѣ петербургскія и московскія газеты были увѣрены въ томъ, что германцы будутъ побиты.

— Побѣда германцевъ,—говорилъ Катковъ,—будетъ несчастьемъ для Европы; Германія своимъ высокоуміемъ побудила къ войнѣ Францію, побѣда которой несомнѣнна; быть на сторонѣ Пруссіи было бы для Россіи равносильно самоубійству; для Россіи безразлично, будетъ ли лѣвый берегъ Рейна принадлежать Франціи или Германіи.

На независимость Бельгіи посягаетъ не Наполеонъ,—говорила другая газета,—а «похититель ГанOVERA и Гессена». Любезность Пруссіи—сущее лицемеріе. Объединительныя стремленія Пруссіи равносильны посягательству на Европу.

По мѣрѣ того, какъ германцы одерживали побѣды и въ особенности послѣ Седанской катастрофы, запальчивость русскихъ газетъ возрастала. Послѣ Франціи настанетъ чередъ Россіи,—говорили онѣ,—послѣ Эльзасъ-Лотарингіи будетъ очередь Прибалтійскихъ губерній. Всѣ славянскія государства должны соединиться, чтобы отразить натискъ Германіи. Новая Германская имперія будетъ стремиться къ завоеваніямъ. Не французы, а нѣмцы враги Россіи. Въ Россіи всѣ были возмущены условіями мира. Европа должна гарантировать уплату контрибуціи Гер-

мани и требовать немедленнаго очищенія французской территоріи отъ германскихъ войскъ.

Во всѣхъ этихъ нападкахъ русская пресса совершенно расходилась во взглядахъ съ правительственными сферами. Нѣмецкая пресса, дѣлавшая видъ, что она не замѣчаетъ разницы между образомъ дѣйствій императора и чувствами его народа, еще болѣе выводила изъ себя русскія газеты. Вскорѣ имъ представился случай высказать самымъ рѣзкимъ образомъ ихъ враждебное отношеніе къ побѣдителю Франціи. Когда въ декабрѣ мѣсяцѣ 1871 г. въ Петербургъ пріѣхалъ фельдмаршалъ Мольтке, чтобы присутствовать на Георгіевскомъ праздникѣ, ни одна газета не привѣтствовала его по случаю пріѣзда. Въ отчетахъ о празднованіи этого дня газеты не упомянули именъ германскихъ гостей и умолчали о тостѣ, провозглашенномъ императоромъ въ честь союза съ Германіей. Бисмаркъ замѣтилъ это и сказалъ при случаѣ:

— Германіи пользовалось всегда дружескимъ расположеніемъ императора Александра II, но не русскаго народа, который со времени датской войны былъ въ постоянномъ разногласіи со своимъ монархомъ.

Князь Горчаковъ раздѣлялъ взглядъ русскаго народа, но офиціально согласовалъ свой образъ дѣйствій съ желаніемъ императора.

(Продолженіе слѣдуетъ).



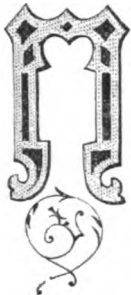


Состояніе гоеударетва въ 1841 году.

(Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I)

2-го апрѣля 1841 года.

Собирайте сокровища на небеси,
идѣ же ни тля тлѣтъ и татіе не кра-
дутъ (Еванг. Св. Мате.)



ри провѣздѣ моемъ по тремъ губерніямъ, по большимъ и проселочнымъ трактамъ, въ самое лучшее время года, при уборкѣ сѣна и хлѣба, не было слышно ни одного голоса радости, не видно ни одного движенія, доказывающаго довольствіе народное. Напротивъ, печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ, проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ. Помня тридцать лѣтъ тому назадъ, что это время года было торжество селянина, дни его радости, оглашаемой отъ зари утренней до зари вечерней пѣснями,—эта печать унынія была для меня поразительна, тѣмъ болѣе, что благословеніе Божіе лежало на поляхъ губерній, мною проѣханныхъ (Новгородской, Псковской и части Тверской); на нихъ красовались богатая жатва, обѣщавшія вознаграждать труды землевладѣльца болѣе, чѣмъ обыкновенно вознаграждаетъ ихъ сѣверное небо нашей родины. Отпечатокъ этихъ чувствъ скорби такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ наглы и губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходить до престола вашего императорскаго величества? Вы не знаете причинъ бѣдствій народныхъ, всемилостивѣйшій государь: иначе скорбь бы его обратилась въ радость, бѣдность въ избытокъ, неправда и угнетеніе въ судъ правый и въ защиту слабого отъ сильнаго. По чувству

преданности къ пользамъ государства, я поставляю для себя священною обязанностію представить краткую, но вѣрную картину общественныхъ бѣдствій, открыть то зло, которое тяготѣетъ надъ землею Русскою и которое грозитъ разрушеніемъ всѣхъ началъ государственнаго благоустройства. Но прежде разсмотримъ, какимъ образомъ монархъ можетъ въ точности узнавать истину и настоящее положеніе дѣлъ.

Въ монархическомъ правленіи, государь троякимъ образомъ можетъ узнать истину и состояніе своего народа: 1) Мѣшаясь тайно и явно среди самаго народа, лично прислушиваясь къ его голосу и нуждамъ и допуская къ себѣ всякаго. Такъ дѣлали Петръ Великій, Гарунъ-Аль-Рашидъ и послѣдній турецкій султанъ Махмудъ. 2) Дозволяя приближаться къ себѣ всякому въ опредѣленномъ мѣстѣ, приглашая къ себѣ иногда людей, находящихся внѣ сферы придворной. Такъ дѣлали Екатерина Великая и покойный императоръ австрійскій Францъ. 3) Дозволяя писать къ себѣ каждому и читая подобныя письма, а въ случаѣ поразительной несправедливости разсматривая дѣла и подвергая строгому наказанію виновныхъ. Такъ дѣлали Петръ Великій, Павелъ I-й и покойный прусскій король, который всякій день посвящалъ нѣсколько часовъ на прочтеніе подобныхъ писемъ и оставилъ по себѣ память отца и благодѣтеля народнаго.

Покойный императоръ Александръ I, возложивъ управленіе гражданскими дѣлами на графа Аракчеева, воспретилъ всякій къ себѣ доступъ: зло росло медленно, но постоянно и обнаружилось взрывомъ 14-го декабря. У престола вашего императорскаго величества нѣтъ ни одного избраннаго, но за то нѣсколько человѣкъ окружающихъ оный составили ограду, чрезъ которую никакія злоупотребленія вамъ невидны, и голосъ угнетенія и страданій вашего народа неслышенъ. Скорѣе можно достигъ до престола Царя Небеснаго, чѣмъ до престола царя земнаго, такъ говорить народъ вашъ, и говорить истину. Именемъ вашего величества воспрещено приближаться къ вамъ и подавать прошенія во всѣхъ предѣлахъ Имперіи. Я не вѣрю, чтобы вы знали объ этомъ запрещеніи: это остатокъ повелѣній предшествовавшаго правленія, остатокъ, котораго послѣднее дѣйствіе было разыграно на Сенатской площади. Это воспрещеніе въ буквальномъ смыслѣ значитъ: сильный дѣлай что хочешь, а слабый не смѣй на него жаловаться; и къ кому обратиться угнетенному? Къ министрамъ? Но они всегда отвѣчаютъ, что не мое дѣло, и, составляя между собою союзъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, не выдадутъ одинъ другаго. Къ Комисіи прошеній? Но она по многимъ предметамъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе, а по которымъ должна, не хочетъ, боясь борьбы съ сильными. Она всегда плыла по вѣтру и держалась того берега, который грѣетъ солнце и

изобиліе земными благами: ей тепло и сытно, а народу и холодно и голодно.

Съ ранней молодости моей служа подъ личнымъ начальствомъ вашего императорскаго величества, существуя вашими благодѣяніями, я не имѣлъ столкновенія ни съ какими властями, не испыталъ ни отъ кого никакихъ непріятностей. Едва знаемый кѣмъ либо изъ окружающихъ васъ, и то по слуху, я могу и долженъ быть безпристрастенъ: дѣла съ ихъ дѣлателями представляются мнѣ въ настоящемъ видѣ и свѣтѣ, ибо я стою съ ними въ уровень, смотрю на нихъ своими глазами, прислушиваюсь къ голосу народа своими ушами. Итакъ, положи руку на сердце, я приступаю къ обзорѣню причинъ общественныхъ бѣдствій. Для ясности положенія, раздѣляемъ по вѣдомствамъ, имѣющимъ ближайшее вліяніе на судьбу Имперіи.

Министерство Государственныхъ имуществъ.

При учрежденіи сего министерства, вы мыслили улучшить благосостояніе казенныхъ крестьянъ; но съ самаго его учрежденія, оно приняло характеръ разоренія, и положеніе крестьянъ не только не улучшилось, но бѣдность ихъ достигла высочайшей степени, и не отъ неурожаевъ, на которые слагаютъ вину, но отъ самаго устройства министерства и отъ его дѣйствій. Государь! участь этихъ милліоновъ несчастныхъ, участь дѣтей вашихъ, за весь кровавый трудъ не имѣющихъ куска хлѣба, но все-таки обожающихъ васъ, заслуживаетъ вашего воззрѣнія. Сердце обливается кровью, смотря на эту толпу несчастныхъ, годъ-отъ-году приходящихъ въ худшее состояніе.

Устройство министерства. Изъ одного департамента министерства финансовъ вдругъ выросло три департамента, нѣсколько канцелярій, полсотни палатъ, сотни окружныхъ управленій, такъ что вмѣсто ста двадцати прежнихъ управленій явилось болѣе 1.500. Подобное умноженіе чиновниковъ во всякомъ государствѣ было бы вредно, но въ Россіи оно губило и губитъ Имперію. Что оно губило Россію—можетъ удостовѣрить слѣдующій манифестъ императрицы Екатерины I.

«Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не только служить къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной; понеже вмѣсто того, что прежде къ одному адресоваться имѣли, нынѣ къ десяти и болѣе. А всѣ тѣ разные правители имѣютъ особья канцеляріи и канцелярскихъ служителей, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочить, и всѣ тѣ правители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ безпорядкахъ, которые отъ совѣстныхъ людей къ вѣщей народной тягости ежедневно про-

исходятъ и происходить будутъ» (Полн. собр. зак. т. VII, манифестъ 1727 г. февр. 24, пунк. 6, № 5017).

Эта истина высказана за сто лѣтъ тому назадъ, когда простота нравовъ требовала одного пропитанія, слѣдовательно, что же нынѣ, когда роскошь и развратъ овладѣли всѣми чувствами, поработили сердца и понятія? Теперь стремятся не къ пропитанію, но къ обогащенію, что губить Россію въ настоящее время. Этому доказательство бѣдственное состояніе государства, происходящее отъ недостатка административнаго устройства, производящаго множество чиновниковъ, желающихъ обогащенія, а отъ сего нѣтъ правды въ судѣ, нѣтъ истины въ дѣлахъ,—одна корысть и угнетеніе. У насъ каждый министръ, для доказательства важности своего управленія старается объ учрежденіи множества департаментовъ, комиссій и канцелярій, наполненныхъ множествомъ чиновниковъ, не понимая, что это доказываетъ его незнаніе дѣла и что отъ этого управленіе идетъ гораздо хуже, по весьма простой истинѣ, устройствомъ міра намъ указанной: чѣмъ болѣе предметовъ окружаетъ движущееся тѣло, тѣмъ движеніе его медленнѣе и неправильнѣе. Отъ этого множества мѣстъ рождается и другое зло для успешнаго хода дѣлъ: безконечная переписка (съ учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ открылись три бумажныя фабрика), отъ чего теряется вниманіе къ самому существу дѣла, которое уже становится постороннимъ предметомъ, а очистка бумагъ—главнымъ, дабы для блеска отчетовъ можно было сказать: поступило нѣсколько десятковъ тысячъ и всѣ рѣшены, а какъ рѣшены, это извѣстно одному только Богу; ибо Онъ только одинъ видитъ слезы и слышитъ вздохи несчастныхъ.

Дѣйствія министерства. Первымъ дѣйствіемъ министерства было описать, что подлежитъ его вѣдомству. Это прекрасно, но ежели это считали необходимымъ, то должно было о причинѣ такой мѣры опубликовать установленнымъ порядкомъ. Казенные крестьяне, не зная предварительно цѣли и намѣреній правительства, думали, что у нихъ отберутъ ихъ имущество; владѣльческіе крестьяне, напротивъ, по внушенію злонамѣренныхъ людей, видѣли въ этомъ желаніе правительства избавить ихъ отъ власти помѣщиковъ, это столкновение ошибки со стороны властей и ложнаго понятія крестьянъ произвело пожары и убійства. Виновато начальство, а разстрѣливали людей имъ вовлеченныхъ въ преступленія. Вторымъ дѣйствіемъ министерства было взысканіе недоимокъ. Мѣстныя начальства, желая показать выслугу предъ высшими властями, продавали все имущество крестьянъ и этою мудрою мѣрою привели ихъ къ разоренію: нѣтъ скота, нѣтъ хлѣба, бѣдность сдѣлалась всеобщою и можетъ быть надолго. Еще лучше, при взысканіи податей многіе употребляютъ систему, бывшую въ Турціи (и тамъ, какъ

разорительную, брошенную): въ селеніи зажиточный крестьянинъ платитъ подати за бѣдныхъ, имѣя право самъ взыскивать съ нихъ имъ заплаченное; отчего всѣ стали равные: всѣ нищіе, и ежели есть богатые, то ихъ очень немного и это богатство послѣдняя кровь, высосанная у несчастныхъ.

Огромность министерства требуетъ огромныхъ издержекъ, почему на расходы мѣстныхъ управленій собирается по два и болѣе рубля съ души. Этотъ налогъ и при хорошемъ состояніи крестьянъ былъ бы тягостенъ, а теперь до невѣроятности обременителенъ. Надо знать, что нашъ крестьянинъ, едва имѣя насущный хлѣбъ, платитъ государству болѣе даже англійскаго фермера, котораго благосостояніе до крайности развито и защищено законами. У насъ одинъ платитъ за троихъ и болѣе умершихъ, малолѣтнихъ и поступившихъ въ рекруты; сверхъ сего несетъ отяготительныя повинности: подводную, постоянную и рекрутскую, слѣдовательно, всякое увеличеніе налоговъ, прямыхъ и даже косвенныхъ, есть источникъ конечнаго разоренія. Ко всему этому должно повторить слова именнаго вышеозначеннаго указа: «управляющіе пропитанія своего хотятъ», и тогда откроется настоящая картина состоянія крестьянъ.

Съ нѣкотораго времени, особенно по министерству государственныхъ имуществъ, учредилась законодательная фабрика: безпрестанно публикуются новыя положенія, уставы и проекты, — огромные по объему, а малые по существу своему. Истинъ въ законодательствѣ немного, и онъ постояннѣе человѣческой мудрости. Законы можно исправлять и дополнять сообразно съ потребностію и новыми случаями, возникающими въ жизни народной, а не уничтожать все предшествовавшее, дабы постановлять новое, несообразное ни съ мѣстными нуждами, ни съ началами государственнаго благоустройства. Этихъ великихъ преобразователей можно сравнить съ хозяиномъ, который вырываетъ столѣтніе дубы, дающіе тѣнь и прохладу, дабы насадить репейникъ. Чѣмъ постояннѣе законодательство, тѣмъ тверже и непоколебимѣе форма государственнаго правленія — истина доказанная вѣками, ибо чего должно ожидать отъ непостоянной человѣческой природы, когда и законы, этотъ святой глаголь монаршей воли, выраженіе его благодати къ народу, сдѣлаются игрою прихоти, цѣлью корысти и мишурнымъ покровомъ грязныхъ дѣлъ? Удивительно, что Государственный Совѣтъ не останавливаетъ этого татарскаго нашествія на наше законодательство!

Пути сообщенія.

Пути сообщенія, особенно водяные, годъ-отъ-году приходятъ въ худшее положеніе, и при малѣйшей засухѣ грозятъ Петербургу голодомъ.

Это препятствуетъ быстрому ходу внутренней промышленности и развитію народнаго богатства. Главная сему причина также во множествѣ чиновниковъ, которые также, по выраженію Екатерины I, хотятъ своего пропитанія и обогащенія. Вообще, этотъ родъ службы считается самымъ выгоднымъ въ государствѣ. Полезнѣе было бы уменьшать число чиновниковъ, чѣмъ взимать шоссейный сборъ съ крестьянъ и какая справедливость? Крестьяне и мѣщане платятъ по 25 к. съ души въ годъ на поддержку дорогъ, и съ нихъ же еще собираютъ деньги за то, что они вѣздятъ по этимъ дорогамъ! На крестьянинѣ же лежитъ повинность исправлять дороги, не поступившія въ вѣдомство путей сообщенія. Эта повинность не была бы такъ тягостна какъ нынѣ, ежели бы производилась подъ руководствомъ людей свѣдущихъ. Тогда бы не нужно было, въ самую рабочую пору, дѣлать поголовные сборы, какъ бываетъ при проѣздѣ вашего императорскаго величества, чему я былъ свидѣтелемъ прошедшаго года въ Псковской губерніи. Нынѣ же при исправленіи крестьянами дорогъ наблюдаютъ одни свѣтила небесныя или люди ничего непонимающіе въ семъ предметѣ, отчего всякій годъ ихъ чинятъ. Но они остаются въ прежнемъ дурномъ положеніи; особенно мосты чрезъ глубокія и быстрыя рѣки стоятъ обывателямъ тяжкихъ трудовъ и большихъ издержекъ, но всякій годъ разрушаются весеннею водою, и даже лѣтомъ переправа чрезъ нихъ трудна и опасна, ибо для прочнаго ихъ сооруженія потребны и наука, и большія капиталы. Все это вмѣстѣ взятое разрушаетъ благосостояніе народное.

Военное министерство.

Въ семъ министерствѣ два элемента подлежатъ разсмотрѣнію: собственно управленіе министерства и войско.

Въ началѣ царствованія вашего величества, главное управленіе всѣми отраслями военнаго вѣдомства сосредоточивалось въ лицѣ начальника главнаго штаба; подъ нимъ управленіе строевой частью лежало на дежурномъ генералѣ, а хозяйственною — на военномъ министрѣ. Слѣдовательно, та и другая часть имѣли надзоръ, и ежели хозяйственная занималась иногда хозяйствомъ своего кармана, бо вреду казеннаго интереса, то это была болѣе случайность, происходящая отъ недостатка устройства и содержанія чиновниковъ, и производилась въ тайнѣ съ величайшею осторожностію, безъ публичнаго соблазна, слѣдовательно, не имѣла вліянія на нравственность государства.

Еще въ 1836 году, при изданіи наказа военному министру, я представлялъ о семъ гибельномъ направленіи законодательства; но это, по выраженію св. писанія, былъ голосъ въ пустынѣ. Между тѣмъ.

благосостояніе народа годъ-отъ-году упадаетъ, поелику это быстрое обогащеніе лицъ въ челѣ управленія поразило антоновымъ огнемъ всѣ нервы, движущіе составъ государственный, и ниспровергло остатки нравственности въ правленіи, а гдѣ нѣтъ нравственности, въ быту ли государственнымъ, въ быту ли семейномъ, тамъ нѣтъ счастья. Государь! есть нравственное чувство, которое ведетъ войско къ побѣдамъ, такъ точно есть нравственное въ гражданскомъ управленіи, которое устраиваетъ, оживляетъ и счастливить государства. Что-жъ это нравственное гражданскаго управленія? Самозабвеніе, самоотверженіе подданныхъ къ пользамъ государства и славѣ государя. Но примѣры яснѣ намъ покажутъ это. Цинцинату приносятъ груды золота, чтобы приобрести его голось ко вреду выгодамъ Рима; но онъ, неимѣвшій другой пищи, кромѣ чечевицы, съ его же поля собираемой, ни другой утвари, кромѣ глинянаго горшка и деревянной чаши, отвергаетъ это золото! Петръ Великій подписалъ указъ отяготительный для народа; Долгорукій, не находя средствъ остановить зла, отъ сего произойти могущаго, раздираетъ его, и на вопросъ разгнѣваннаго государя, отвѣчаетъ: «это понудила меня сдѣлать ревность къ твоей славѣ и благу твоего народа; не гнѣвайся, Петръ Алексѣевичъ, я знаю, что ты не хочешь разоренія свей земли». Петръ, уважа представленіе Долгорукаго, отмѣнилъ указъ. Вотъ черты добродѣтели гражданской, черты, непонятныя и непонимаемыя настоящимъ временемъ, черты, доказывающія величіе царя и подданныхъ, достойныхъ этого величія.

Теперь должно обратиться къ самому войску, на которое обращено все вниманіе правительства. Оно блестяще, но это наружный блескъ, тогда какъ въ существѣ своемъ оно носить сѣмена разрушенія нравственной и физической силы. Разрушеніе нравственной силы состоитъ въ потерѣ уваженія нижнихъ чиновъ къ своимъ начальствамъ; безъ этого же уваженія — войска не существуетъ. Эта потеря произошла отъ предосудительнаго обращенія главныхъ начальниковъ съ подчиненными имъ офицерами и генералами: передъ фронтомъ и при другихъ сборахъ нижнихъ чиновъ, ихъ бранять, стыдять и поносить. Отъ этого произошло то, что, съ одной стороны, тѣ только офицеры служатъ и терпятъ это обращеніе, которые или не имѣютъ куска хлѣба, или незнакомы съ чувствомъ чести; съ другой, — что нижніе чины потеряли къ нимъ уваженіе, и это достигло до такой степени, что рядовой даетъ пощечину своему ротному командиру! Это не бывало съ учрежденія русской арміи; были примѣры, что убивали своихъ начальниковъ, но это ожесточеніе, а не презрѣніе. Разрушеніе физическихъ силъ арміи заключается въ способѣ ея обученія и въ безсрочныхъ отпускахъ. Мы видимъ, что четвертая часть арміи исчезаетъ ежегодно отъ необыкновенной смертности и отъ неспособности къ службѣ, отъ болѣзней происходящей;

безсрочные отпуска довершаютъ ея опустошеніе. Эти причины такъ важны и такъ тѣсно связаны съ благосостояніемъ государства, что требуютъ подробнаго разсмотрѣнія.

Причины смертности и неспособности ¹⁾. Это происходитъ потому, что: 1) рекрутъ, тотчасъ по приводѣ въ полки, подвергають всѣмъ тягостямъ обученія, отчего между ними рождается болѣзнь, извѣстная подъ именемъ тоски по отчизнѣ, болѣзнь не излечимая, ибо, истощая душевныя силы, уничтожаетъ силы физическія; 2) принята метода обученія, гибельная для жизни человѣческой. Солдата тянутъ вверхъ и внизъ въ одно время: вверхъ для какой то фигурной стойки, внизъ для вытяжки ногъ и носковъ. Солдатъ долженъ медленно, съ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ и нервъ,—вытянуть ногу въ половину человѣческаго роста, и потомъ быстро опустить ее, подавшись на нее всѣмъ тѣломъ; отъ этого вся внутренность, растянутая и безпрестанно потрясаемая, производитъ чахотки и воспалительныя болѣзни ²⁾, такъ что часто повидимому ничтожная болѣзнь превращается въ смертельную, потому что при поврежденіи внутренняго организма природа не можетъ сопротивляться и малѣйшему на нее нападенію.

Къ этому, можно сказать, гибельному обученію присоединилась мысль пересоздать человѣка: требуютъ, чтобы солдатъ шагаль въ 1¹/₂ аршина, когда Богъ создалъ ему ноги шагать въ аршинъ! Слѣдовательно, къ растяженію внутренностей присоединилось растяженіе связокъ ножныхъ. Отъ этого войско не въ состояніи будетъ дѣлать тѣхъ изумительныхъ переходовъ, которые дѣлали солдаты временъ Суворовскихъ, никогда, не имѣя отсталыхъ. Суворовъ говорилъ: «солдата шагъ аршинъ, при захожденіи 1¹/₂ аршина». Слѣдствіе нынѣ принятой методы обученія можно видѣть весною на площадяхъ: солдатъ, послѣ всѣхъ вытяжекъ и растяжекъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ въ день, по 2 часа на пріемъ, идетъ въ казармы какъ разбитая на ноги лошадь! Присоединя къ этому дурное леченіе и содержаніе солдатъ въ госпиталяхъ (изъ отчета арміи за

¹⁾ Изъ отчета дѣйствующей арміи за 1835 г. видно, что по спискамъ состояло 231,099 чел., заболѣло 173,892 чел., слѣдовательно, почти вся армія была въ госпиталяхъ; умерло 11,023, т. е. двадцатый человѣкъ. Зная по опыту, что неспособныхъ бываетъ одна четвертая часть противу умершихъ, выходитъ, что слишкомъ 15 тыс. выбываетъ. Это въ арміи, но что же въ гвардіи, гдѣ обученіе производится съ напряженіемъ всѣхъ силъ! Суворовъ говорилъ: „у нѣкоторыхъ заболѣваетъ 1 на 100 въ мѣсяцъ, а у насъ и на 500 менѣе; солдата, который два раза былъ въ больницѣ, на третій тащитъ къ себѣ домовище (гробъ)!“ Суворову можно вѣрить.

Изумительное различіе: тогда на 500 чел. здоровыхъ былъ одинъ больной; нынѣ на 500 чел. больныхъ одинъ здоровый.

²⁾ По отчету арміи за 1835 г. видно, что изъ 173,892 чел. больныхъ, было одержимо воспалительными и извурительными болѣзнями 130 тыс. человѣкъ.

1837 г. видно, что въ госпиталяхъ умираетъ 15-й человекъ, а въ лазаретахъ 28-й), надо удивляться, что не половина войска ежегодно уничтожается. Люди тысячами гибнутъ безъ ропота, но и безъ славы, а народъ безпрестанно истощается рекрутскими наборами, повинностію самую тягостною и разорительною: она, выбирая изъ семействъ лучшихъ людей, приводитъ въ бѣдность и семейства и государство, теряющее производительныя силы безъ пользы и славы для себя. И для чего эта огромная армія, когда она исчезаетъ отъ болѣзней, когда она, можно сказать, сѣждаетъ благосостояніе государства, безъ славы и пользы для имперіи? Огромность арміи есть выраженіе не силы, но безсилія государства, котораго крѣпость и могущество заключаются въ духѣ народномъ, въ его преданности и любви къ правительству. Это истина доказана вѣками, она подтверждена и борьбою Испаніи съ Наполеономъ, и нашимъ славнымъ 1812-мъ годомъ. Въ настоящемъ же положеніи финансовъ въ Россіи, эта громада войскъ имѣетъ гибельное послѣдствіе: она, истощая источники жизни общественной, препятствуетъ всякому улучшенію.

Безсрочные отпуска. Ежели спросить: какое учрежденіе въ Россіи имѣетъ болѣе революціонныхъ началъ? Можно необинуясь сказать: безсрочные отпуска въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ у насъ. Безсрочные отпуска должно разсматривать тройко: какъ гражданское и политическое учрежденіе и какъ матеріальный составъ арміи. Въ гражданскомъ отношеніи они усугубляютъ бѣдность народную, ибо селенія, къ которымъ принадлежатъ безсрочные, обязаны платить за нихъ повинности и еще кормить этихъ трутней. Окружающіе ваше императорское величество, желая не пользы государственной, не прочной, истинной славы вашей, славы, основанной на настоящемъ и будущемъ благѣ народа, но сохраненія своихъ ничтожныхъ выгодъ, средства своего пресыщенія, представляютъ все или въ превратномъ или въ утѣшительномъ видѣ, почему говорятъ и даже печатаютъ о какомъ то поселеніи безсрочно отпускныхъ; но, видя своими глазами, я могу сказать, что они бродятъ по землѣ русской, какъ бедуины по степямъ Азіи. Лѣтомъ, въ самую рабочую пору, когда каждый изъ поселянъ занятъ тяжкими трудами, на большихъ трактахъ, на проселочныхъ дорогахъ встрѣчаешь однихъ безсрочно отпускныхъ; они переходятъ изъ селъ въ селы, гдѣ храмовые праздники и трехдневное пьянство. Не только не видать поселившихся, но на вопросъ мой крестьянамъ: почему они не приучаютъ ихъ къ работамъ? я получилъ въ отвѣтъ: «Богъ вѣсть, что они за люди, и отцы то родные выгоняютъ ихъ изъ домовъ; работать не хотятъ, говоря мы, дескать, служивые, намъ стыдно возиться съ сохою; а гдѣ кормить ихъ, когда и для своихъ ребятишекъ нѣтъ хлѣба!» Не спорю, есть и

поселившіеся, но, думаю, едва ли и пять тысячъ человѣкъ на сто-
пятьдесятъ тысячъ,—что-жъ это такое? Едва замѣтная капля въ морѣ.

Обращаясь къ разрѣшенію вопроса политическаго, надо сознаться,
что въ будущемъ безсрочно отпускные будутъ причиною важныхъ
беспорядковъ и потрясеній государственныхъ. Человѣка непривязаннаго
къ обществу ни собственностію, ни семейными связями, бродящаго
безъ труда и цѣли, легко увлечь къ беспорядку. Нашъ вѣкъ отли-
чается гибельнымъ стремленіемъ къ ниспроверженію самыхъ святыхъ
истинъ; слѣдовательно, издавая постановленія, необходимо соображаться
съ симъ направленіемъ вѣка и, по возможности, ему противуборство-
вать. Законы переживаютъ насъ, и только тѣ изъ нихъ превосходятъ,
которые, принося пользу настоящему поколѣнію, не будутъ причиною
несчастій поколѣній будущихъ. Внуки должны питаться и покоиться
отъ наслажденій дѣдовъ. Но какую горестную будущность пред-
ставляетъ для насъ эта огромная масса людей праздныхъ, умѣющихъ
владѣть оружіемъ, и увлеченная какимъ нибудь Кромвелемъ къ раз-
рушенію существующаго порядка!

Государь! Именемъ вашей славы, именемъ блага Россіи, которое
основано на прочности престола, молю васъ измѣнить настоящій по-
рядокъ по сему предмету! Стоить только немного подумать, и для
государственной пользы пожертвовать самолюбіемъ, чтобы, изъ этого
вреднаго порядка составить прочное и благотворное учрежденіе, чтобы
дать имперіи чрезъ 30 лѣтъ болѣе милліона войска, котораго бы содер-
жаніе въ мирное время ничего не стоило, но которое, развивая про-
изводительныя силы, увеличило бы общественное благосостояніе.

Теперь разсмотримъ, увеличиваютъ ли безсрочные отпуска матери-
альную силу арміи? напротивъ, они, увеличивая числительность, въ той
же соразмѣрности уменьшаютъ матеріальность, которая составляетъ
последнюю ступень нравственнаго войска, того нравствен-
наго, которое съ матеріальными средствами творить великія дѣла
(примѣръ Румянцевъ и Суворовъ); безъ этого же нравственнаго
огромныя силы исчезаютъ, не производя и малыхъ дѣлъ. Что же
можетъ принести человѣкъ, нѣсколько лѣтъ живши на свободѣ и въ
праздности, туда, гдѣ требуется и тяжкій трудъ, и важныя лишенія, и
безпрекословное повиновеніе? Чувство разрушительное для арміи: за-
разу лѣни, ропота и неповиновенія! Недостаточно отпусковъ послѣ 15
и 20-ти лѣтней службы, предполагается ввести и послѣ 10-ти-лѣтней; но
это еще болѣе послужитъ къ уничтоженію физическихъ силъ арміи и
къ ея разстройству; ибо, при требованіи наружнаго блеска въ войскѣ,
должно будетъ еще болѣе усилить его обученіе (которое, какъ выше
доказано, истребляетъ 1/4 часть арміи); тогда еще болѣе увеличится
смертность и неспособность къ службѣ, слѣдовательно увеличится

рекрутскіе наборы, и такъ уже до крайности истощившіе государство. Самые полки поставляются этимъ въ затруднительное положеніе, поелику, лишаясь безпрестанно мастеровыхъ, они не въ состояніи будутъ содержать себя въ должномъ устройствѣ.

Говоря о вредныхъ для государства административныхъ дѣйствіяхъ, необходимо бросить бѣглый взглядъ на попечительность начальства о потребностяхъ жизни народной. Въ прошедшемъ году ¹⁾, въкоторыя губерніи поражены были голодомъ. Бѣдствие было ужасное! Но развѣ голодъ вдругъ упалъ съ неба? Нѣтъ, еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1839 г. въ нихъ (въ губерніяхъ) ѣли жолуди, не было ни всходовъ на поляхъ, ни хлѣба, ни овощей, голодъ представлялся вездѣ и во всемъ, а въ Петербургѣ узнали объ этомъ въ маѣ 1840 г., когда цѣлыя селенія заражены были повальными болѣзнями, когда уже тысячи умирали въ мученіяхъ, когда младенцы умирали у груди матерей, находя въ нихъ не жизнь, а заразу смерти! Причина столь предосудительной невнимательности заключается въ выше сказанной истинѣ, что все вниманіе главныхъ (начальниковъ) обращено на очистку бумагъ, для представленія въ отчетахъ блестящей дѣятельности, когда сущность управленія въ самомъ жалкомъ положеніи.

Но это губерніи отдаленныя; о нихъ только слышно, а не видно. Конечно въ столицѣ болѣе попечительности о бѣдномъ классѣ народа?! Два примѣра докажутъ эту попечительность. Нынѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я самъ покупалъ лучшую говядину по 17 коп. за фун., а при мнѣ-же съ бѣднаго взяли по 20 к. за самую худшую, потому, что онъ бралъ только 1½ фунта; по лицу и одеждѣ его можно было видѣть, что онъ платилъ послѣднія деньги, можетъ быть неимѣя болѣе и копѣйки, чтобы купить соли. Слѣдовательно вся тягость падаетъ на бѣдный классъ народа; купецъ правъ: онъ бралъ съ бѣднаго тремя копѣйками болѣе, потому что такса была въ 22 съ половиною коп. за фунтъ, а виновато начальство. Послѣ уничтоженія лажа на серебро, С.-Петербургскій военный генераль-губернаторъ ²⁾, созвавъ содержателей торговыхъ банъ, спросилъ ихъ: «почемъ вы будете брать за бани, за которыя брали по 40 к. асс. съ человѣка?» Хозяева лучшихъ банъ отвѣчали: «мы брали по гривеннику серебромъ на старый курсъ, по гривеннику же будемъ брать по новому курсу». Тогда, вмѣсто одобренія, онъ отвѣчалъ: «теперь все дорого, можно брать по 15 к. сер. (т. е. по 52 к. на мѣдъ), только не прибавляйте цѣны на солдатъ». Отчего же такая попечитель-

¹⁾ Въ 1840 году.

²⁾ Графъ П. К. Эссенъ.

ность о пользахъ банщиковъ?—у его зятя ¹⁾ были двѣ торговныя бани. Лучше бы обратить вниманіе на то, что бѣдный народъ мретъ тысячами, не имѣя пристанища и помощи въ болѣзни, ибо на 500 тысячъ жителей столицы, только 1300 кроватей въ мужскихъ больницахъ. Это бездѣлицы. Но онѣ, доказывая попечительность начальства, прямо касаются до благосостоянія низшаго класса народа, бездѣлицы, которыми не пренебрегали ни Петръ Великій, ни Екатерина. Петръ лично наблюдалъ за составленіемъ цѣнъ на съѣстные припасы, обращалъ вниманіе на мануфактурныя произведенія и препятствовалъ возвышенію на нихъ цѣны (что видно изъ указа 1724 г. декабря 18-го, Полн. Собр. Зак. т. XII, № 4618). Екатерина II, усмотрѣвъ изъ ежедневно представляемыхъ ей свѣдѣній, что, по случаю неурожая въ южныхъ губерніяхъ, хлѣбъ сталъ дороже рублемъ на куль, объявила градоначальнику, что не допустить его къ себѣ, покуда мука не будетъ въ прежней цѣнѣ, изволивъ сказать, что неурожаи настоящаго года не можетъ имѣть вліянія на цѣны муки, заготовленной прошедшаго года. На другой же день цѣна на муку понизилась. Въ другой разъ императрица, получая подобныя донесенія и во время путешествія своего по Россіи, бывши въ Крыму, изволила увидѣть, что говядина стала дороже копѣйкою на фунтъ; признавъ это за злоупотребленіе, она приказала изслѣдвать тому причину. Дѣйстви-тельно открылось, что одинъ изъ главныхъ торговцевъ скотомъ скупилъ всѣ гурты и возвысилъ цѣну.

Вотъ причины, которыя довели государство до настоящаго положенія, причины, которыя сокрыты отъ вашего величества. Но почему же онѣ сокрыты, когда, говорятъ, у насъ есть тайная полиція? Но это только говорятъ. У насъ корпусъ жандармовъ, а не тайная полиція, которая должна все видѣть и слышать, а сама быть невидима и неслышима. Это учрежденіе такъ тѣсно связано съ благомъ имперіи, что требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

При учрежденіи корпуса жандармовъ взяли въ примѣръ подобное учрежденіе во Франціи, забывъ сообразить, что тамъ жандармы есть подобіе нашей внутренней стражи, и что тамъ есть высшая тайная полиція, по указавію которой дѣйствуютъ и жандармы. Напротивъ, у насъ это лучшее учрежденіе Франціи вывернули на изнанку: агенты тайной полиціи подчинены жандармамъ, и потому, какъ обязанные имѣть съ ними сношенія, сдѣлались явны. Сверхъ сего у насъ всякій, сочиняя для своего вѣдомства наставленія, старается захватить какъ можно болѣе власти, не понимая, что этимъ, разрушая общую гармонію госу-

¹⁾ Графъ Стенбокъ-Ферморъ.

дарственнаго управленія, причиняетъ вредъ и своей части. Такъ произошло и съ корпусомъ жандармовъ; онъ кромѣ характера политическаго (котораго впрочемъ, по явности своей, имѣть не можетъ), вмѣшивается въ дѣла гражданскія и даже семейныя. Это-то вмѣшательство усилило еще болѣе неправду и злоупотребленія, поелику жандармы тѣ же люди, съ тѣми же пороками, страстями и слабостями, какъ и всѣ живущіе подъ луной, потому то умѣли овладѣть ими и красотою женскою, и приманкою обогащенія, умѣли опутать ихъ акціями, товариществами и разными спекуляціями. Государь! въ мірѣ ничего нѣтъ новаго, только развѣ то ново, что забыли, а къ несчастію люди, которымъ ввѣряется составленіе узаконеній, не знаютъ ни этой истины, ни Россіи, ни того, что дѣлалось на землѣ Русской. У насъ было подобное учрежденіе. Петръ Великій, установя фискаловъ, думалъ остановить неправосудіе и похищеніе казенной собственности, но вышло напротивъ: они, какъ сказано въ представленіи объ ихъ уничтоженіи, соединились съ безсовѣстными людьми и неправыми судьями и увеличили зло до безмѣрности.

По вредному направленію нашего вѣка, тайная полиція необходима, но, повторяю, тайная, во всей силѣ этого слова, почему всякое отличіе въ одеждѣ, всякое вмѣшательство въ дѣла управленія противорѣчитъ ея назначенію. Въ доказательство сего еще присовокуплю: во время суда надъ бунтовщиками поляками, богатѣйшіе, и можетъ быть, болѣе виновные имѣли всѣ средства къ оправданію, почему же жандармы не знали объ этомъ? если же знали, почему не доносили вашему величеству? Люди не ангелы, поэтому то и постановленія должны согласоваться съ природою первыхъ, а не съ свойствами послѣднихъ. Необходимо замѣтить, что въ высшемъ управленіи тайной полиціи замѣтно вредное вліяніе поляковъ. Для чего возвращать и водворять на мѣста жительства тѣхъ изъ польскихъ дворянъ, которые принимали участіе въ бунтѣ? для того развѣ, чтобъ они были живымъ примѣромъ ненаказанности и зародышемъ будущихъ мятежей! Для блага имперіи надо стараться постепенно переселить всѣ польскія фамиліи въ коренную Россію, а не возвращать тѣхъ, кои противу ея цѣлости возставали. У престола вашего возвышается Туркулъ; не знаю его, не отвергаю его достоинства, но да некоснется это возвышеніе ни дѣлъ имперіи, ни уставовъ, издаваемыхъ для Россіи, ибо это участіе можетъ внести революціонныя начала. Преданность поляка Россіи подобна преданности волка, вскормленнаго рукою человѣка. Великая Екатерина справедливо о нихъ (и о балтійскихъ нѣмцахъ) сказала: «какъ не корми, а все въ лѣсъ глядятъ!» Тактику поляковъ постичь не трудно; они, видя невозможность силою приобрести независимость, будутъ стараться, подъ личиною преданности, внести въ законы имперіи начала разрушительныя, въ томъ предположеніи, что бѣдствіе Россіи дастъ имъ средства возстановить ихъ независимость.

Къ причинамъ государственнаго разстройства должно присовокупить и слѣдующія:

1) Безмѣрность наградъ. Въ монархическомъ правленіи награды составляютъ рычагъ, которымъ направляется воля людей къ цѣли государственнаго благоустройства. Напротивъ, у насъ награды потеряли всю цѣну: чины и ордена сыпятся въ безмѣрномъ количествѣ, безъ разбору и всего болѣе на людей ничтожныхъ, на ласкателей и угодниковъ слабостей сильныхъ людей; отчего (ордена) совершенно утратили уваженіе, перестали быть двигателями честолюбія, тѣмъ болѣе, что тѣтла, которыя должны передавать потомству великія дѣла и заслуги отцовъ на пользу отечества и славу имперіи, вошли въ рядъ наградъ обыкновенныхъ, даваемыхъ за одну выслугу лѣтъ. Послѣ этого, что же осталось? золото и золото, къ которому все стремится, которому все поклоняется и которому приносятся въ жертву честь, совѣсть и польза государства.

2) Невнимательность при назначеніи къ должностямъ. Прежде всего, должно сказать, что въ нашъ вѣкъ не дорожатъ людьми: чѣмъ человѣкъ выше чувствами и благородіемъ помыслами и дѣлами, тѣмъ болѣе стараются отдалять его отъ должностей, потому что люди подобныхъ свойствъ служатъ преградой и помѣшательствомъ въ цѣляхъ личныхъ выгодъ. Не такъ было при Петрѣ и Екатеринѣ великихъ? Петръ часто возвращался изъ Сената въ сильномъ гнѣвѣ отъ противорѣчій Долгорукаго, Бутурлина и Румянцева. Однажды супруга его сказала ему: «зачѣмъ же не удалишь ихъ, когда они тебѣ досаждаютъ?»—«Э, Катинька, возразилъ Великій, когда ихъ удалю, кто же будетъ мнѣ говорить правду?» Петръ Великій зналъ, что правда горька, но полезна въ дѣлахъ царственныхъ: на ней виждется слава царей и могущество царствъ. Такъ точно поступила Екатерина Великая, когда ей сказали, что Панинъ и Мельгуновъ оуждаютъ ея дѣйствія: «я не могу ихъ удалить, возразила императрица: они люди полезные для государства, а что лично меня не любятъ, такъ это потому, что меня не знаютъ». Зато какія, можно сказать, гениальные люди окружали эти свѣтила земли Русской, и во всѣхъ родахъ государственнаго управления! Какіе же способы употребляли они для избранія этихъ людей? Петръ Великій, живя среди народа, самъ находилъ ихъ; но Екатерина, не имѣя этой возможности, употребляла слѣдующее средство: при назначеніи людей на важныя степени, даже въ губернаторы (она признавала это званіе однимъ изъ важнѣйшихъ въ государствѣ, какъ и должно быть, но нынѣ на эти мѣста назначаютъ людей, едва имѣющихъ смыслъ человѣческой), императрица предварительно распускала слухъ о предполагаемомъ назначеніи, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, собравъ общественное мнѣніе (которое ей передавалось вѣрно), опредѣляла къ должности. Государыня знала, что, на-

значая людей по представленію и одобренію приближенныхъ, немянуемо впадетъ въ ошибку, поелику каждый будетъ стараться окружить престолъ своими любимцами.

Въ заключеніе всего повторяю слова, сказанныя Долгорукимъ Петру Великому: «это говорить заставляеть меня ревность къ славѣ вашего императорскаго величества и къ счастію вашихъ подданныхъ». Не гнѣвайтесь, государь! Конечно, вы хотите не разоренія земли вашей, но блага миллионъ, Провидѣніемъ вамъ ввѣренныхъ, на этомъ только благѣ утверждается непоколебимость престоловъ.

Ежели я виновенъ, всемплоствѣйшій государь, то я виновенъ въ безпредѣльной преданности къ благу земли родной, въ желаніи, чтобы слава Петра и Екатерины Великихъ осѣняла священную главу моего государя, чтобы потомство, подобно какъ предъ этими великими именами, благоговѣло предъ именемъ вашимъ.



О наблюдении за живописными портретами императорской фамилии.

Рапорт обер-прокурора Правительствующаго Сената Козодавлева генерал-прокурору князю П. В. Лопухину.

26-го апрѣля 1799 г.

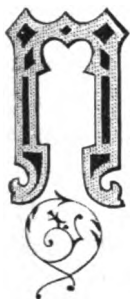
Святѣйшій Синодъ по случаю вступившаго къ нему рапорта Новороссійскаго губернскаго правленія о найденныхъ николаевскимъ полиціймейстеромъ въ лавкѣ у тамошняго купца одиннадцати портретахъ высочайшей императорской фамилии, не искусно писанныхъ, предписалъ тому правленію, чтобы оное, въ силу указовъ 1722 апрѣля 12-го и 1723 годовъ января 21-го дня, прислало сіи портреты въ Синодъ, а между тѣмъ требуетъ, чтобы Сенатъ повсемѣстно подтвердилъ о точномъ по тѣмъ указамъ исполненіи. Вышепомянутыми-жъ указами повелено: 1) святыя иконы свидѣтельствовать въ Москвѣ бывшему тогда подъ вѣдѣніемъ Синода суперъ-интенденту Зарудневу, а въ епархіяхъ подъ его вѣдѣніемъ опредѣлить искусныхъ иконописцевъ и оныя исправлять, а неискусныхъ иконописцевъ къ писанію не допускать; 2) продаваемые въ Москвѣ портреты императорскіе, которые окажутся писанными не искусно, тому-жъ суперъ-интенденту Зарудневу брать въ Синодъ и ему-жъ свидѣтельствовать живописцевъ въ ихъ мастерствѣ. А какъ по штату 1764 года въ Синодѣ суперъ-интендента не положено, и ихъ нынѣ нѣтъ, а при томъ въ вышепомянутыхъ указахъ не значится, чтобы и изъ другихъ городовъ таковыя не искусно писанныя портреты присылать въ Синодъ, слѣдовательно о исполненіи вышепомянутыхъ указовъ во всей точности дѣлать отъ Сената предписанія нынѣ надобности не предвидится. Буде же о семъ поднести отъ Сената формальный докладъ государю императору, то сіе можетъ быть нѣсколько предосудительно для Синода, который требуетъ именно отъ Сената точнаго о семъ предписанія; и для того не будетъ ли вашей свѣтлости угодно доложить его императорскому величеству, чтобы повелѣно было впредь по городамъ за исправностью живописныхъ императорской фамилии портретовъ предоставить имѣть наблюдение, подъ руководствомъ начальниковъ губерній, городничимъ; тѣмъ паче, что въ 1722 и 1723 годахъ, когда помянутыя указы состоялись, въ Россіи живописцевъ не было, а были иконописцы, которые писали и портреты; нынѣ же сіе искусство весьма разпространилось и существуетъ Академія художествъ, то, кажется, по сему и быть живописцамъ подъ вѣдомствомъ духовнаго начальства неприлично. Самъ же собою Сенатъ не можетъ такового предписанія сдѣлать, поелику онымъ отмѣнить должно помянутыя указы, на кои и Синодъ ссылается.



Александръ Дмитріевичъ Боровковъ

и его

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.



печатая ниже автобіографическія записки А. Д. Боровкова приведемъ здѣсь нѣкоторые черты изъ жизни этого выдающагося дѣятеля и преимущественно тѣ, о которыхъ онъ умалчиваетъ въ своихъ запискахъ.

Боровковъ родился 10-го іюня 1788 г. и происходилъ изъ купеческаго званія. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, Александръ Дмитріевичъ поступилъ въ 6-й департаментъ Московскаго отдѣленія Сената и 15-го января 1808 г. былъ переименованъ въ коллежскіе регистраторы, съ назначеніемъ повытчикомъ. Спустя два года въ апрѣлѣ (4-го) 1810 г. онъ былъ назначенъ въ должность протоколиста, а въ декабрѣ того же года произведенъ въ губернскіе секретари.

Изъ воспоминаній его видно, что въ 1811 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство полиціи, а въ началѣ 1812 года—въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, гдѣ въ 1813 году получилъ чинъ коллежскаго секретаря.

Неоднократно командированный для производства слѣдствій по жалобамъ горно-заводскихъ крестьянъ, Боровковъ былъ назначенъ въ 1818 г. секретаремъ горнаго суда.

Въ свободное отъ службы время Александръ Дмитріевичъ посвящалъ свои досуги литературѣ и, будучи еще ученикомъ въ университетской гимназіи, а потомъ студентомъ, печаталъ свои мелкія прозаическія и стихотворныя сочиненія и переводы въ тогдашнихъ журналахъ и по-

временныхъ изданійхъ. Такъ, его статьи появились въ «Весеннемъ цвѣткѣ», изданномъ въ 1806 г. Кузьминымъ, въ «Другѣ юношества» — издаваемомъ Невзоровымъ, и «Аглаѣ» — княземъ Шаликовымъ. Въ 1807 г. Александръ Дмитріевичъ напечаталъ свой переводъ подъ заглавіемъ: «Начертаніе Россійской исторіи» соч. Вегелина. Въ 1815 году, состоя на службѣ въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, по порученію начальства перевелъ «Four essays of practical mechanics, by Thom. Fenwick» ¹⁾. За эту работу Боровковъ былъ награжденъ чиномъ оберъ-гиттенфервалтера 8-го класса, несмотря на то, что былъ въ 9-мъ классѣ не болѣе года.

Въ 1816 году Александръ Дмитріевичъ собралъ вокругъ себя молодыхъ литераторовъ и основалъ въ С.-Петербургѣ «Общество любителей Россійской словесности», уставъ котораго былъ написанъ имъ и высочайше утвержденъ въ 1817 г. Впослѣдствіи въ этомъ обществѣ участвовали почти всѣ извѣстные литераторы и многіе ученые того времени. Общество приняло изданіе ежемѣсячнаго журнала, подъ названіемъ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», первымъ редакторомъ котораго былъ Боровковъ, помѣщавшій въ немъ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ. Вся прибыль отъ этого изданія употреблялась на пособіе нуждающимся ученымъ. Сверхъ того, Александръ Дмитріевичъ издалъ переводъ сочиненій Сталь фонъ-Гольштейнъ о Германіи, философію англичанъ, философію французовъ, философію нѣмцевъ и Канта.

Въ 1822 году Боровковъ напечаталъ переводъ подъ заглавіемъ «Завѣщаніе дочерямъ», сочиненіе извѣстнаго англійскаго доктора Григори. За поднесеніе этой книги императрица Елисавета Алексѣевна пожаловала ему золотую табакерку.

Постепенно увеличивавшіяся служебныя работы оторвали Боровкова отъ литературнаго поприща, и желаніе его создать что либо достойное вниманія осталось неисполненнымъ. Предавшись исключительно службѣ, Александръ Дмитріевичъ часы досуга проводилъ въ работахъ масонской ложи «Избраннаго Михаила», въ которой одно время былъ правителемъ дѣлъ. Въ своей автобіографической запискѣ онъ не говоритъ о масонствѣ, но нѣкоторые оставшіеся документы свидѣтельствуютъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ масоновъ. Боровковъ говорилъ рѣчи, составлялъ журналы, писалъ годовые отчеты и проч.

Вотъ что говорилъ онъ 15-го сентября 1821 г., при повышеніи брата Кюхельбекера 2-го на степень мастера:

«Почтенный Братъ! Есть постановленія и общества въ мірѣ, которыя, по мнѣнію толпы, ведутъ къ чему-то чудесному, таинственному, всеестественному. Эти самыя общества и постановленія, для человѣка начинаю-

¹⁾ Четыре опыта по практической механикѣ Томаса Фенвика

шаго разсуждать и мыслить, нерѣдко кажутся пустыми и ничтожными; но потомъ, при дальнѣйшемъ навѣкѣ думать и углубляться въ самого себя и въ природу человѣческую, они снова для него получаютъ высокій смыслъ, высокое значеніе.

«Люди во всемъ и вездѣ одинаковы: крестьянинъ вѣрить вліянію луны на землю по суевѣрію; модный вѣртопрахъ смѣется надъ нимъ и называетъ его невѣждою, а мудрый наблюдатель міра неоспоримо доказываетъ сіе вліяніе.

«То же всегда было и будетъ съ обществомъ масоновъ. Чернь,—къ ней принадлежать къ несчастію иногда даже люди носящіе названіе вольныхъ каменщиковъ,—ожидаетъ отъ царственной науки чудесъ невозможныхъ; умы поверхностные издѣваются надъ нею: но зрѣлое, глубокое размышленіе находитъ пользу ея обширную, существенную.

«Вы вступили нынѣ, почтенный братъ, въ кругъ просвѣщенныхъ масоновъ, вы нынѣ на степени мастера, и полное право имѣете спросить: къ чему мы здѣсь собираемся? надъ чѣмъ трудимся? Узнайте-же здѣсь и въ сей торжественный часъ тайну нашего ордена: мы стараемся надъ усовершенствованіемъ рода человѣческаго,—гордая божественная цѣль; но она должна вамъ показаться мечтательною, именно потому, что она такъ возвышена, такъ неопредѣлена. «Гдѣ доказательства, что наши работы не напрасны?» спросите вы. Исторія вселенной представляетъ вамъ сіи доказательства. Безъ ложъ, т. е. тайныхъ обществъ, приготавливающихъ умы къ принятію истины, не было бы нынѣ христіанской религіи, сдѣлавшей столь много для образованія рода человѣческаго; безъ ложъ—Египетъ и Греція остались бы въ вѣчномъ варварствѣ; безъ нихъ и въ Россіи не существовали бы многія благодѣтельные постановленія.

«Ложа «Михаила Избраннаго», состоящая изъ людей неимущихъ и малозначущихъ въ порядкѣ гражданскомъ, но соединенныхъ узами дружбы и желаніемъ добра, учредила общество Ланкастерское, коего благотворное дѣйствіе на просвѣщеніе народа извѣстно вамъ. Но и ваше собственное нравственное усовершенствованіе есть уже приращеніе къ общей суммѣ добра нравственнаго. Вотъ символическій камень, надъ коимъ вы должны были трудиться въ званіи ученика и товарища, надъ коимъ и нынѣ вы будете продолжать свои работы. Не утонченныя умствованія, не краснорѣчивое пустословіе, не ничтожныя поступки тщеславія,—не они увѣрили насъ, что вы были работникомъ усерднымъ и ревностнымъ,—а строгое исполненіе вашихъ обязанностей, благородная, твердая жизнь и соблюденіе тѣхъ правилъ, которыя вы сами себѣ предписали. Вы спросите, какъ мы знаемъ все это? Почтенный братъ, всѣ поступки вольнаго каменщика должны быть извѣстны его братьямъ; но человѣкъ честный и благородный не страшится взора своихъ

ближнихъ и гордится вниманіемъ людей, которые его уважаютъ. Она имѣетъ вѣрные средства слѣдить за поступками каждаго изъ членовъ; она произноситъ надъ каждымъ судъ безпристрастный и строгій. «Много званыхъ, но мало избранныхъ», сказалъ Божественный Основатель религіи христіанской; много и въ нѣдрахъ вольнаго каменшества званыхъ, т. е. членовъ, которые только по имени масоны; но мы, ваши братья, мы увѣрены, что вы никогда не будете принадлежать къ нимъ и нынѣ въ должности мастера примѣромъ, словомъ, образомъ мыслей будете споспѣшествовать и въ отдаленныхъ странахъ работамъ нашимъ».

Въ январѣ 1822 года А. Д. Боровковъ былъ переведенъ въ комисаріатское вѣдомство, гдѣ скоро обратилъ на себя вниманіе генералъ-кригсъ-коммисара Татищева. Съ назначеніемъ послѣдняго военнымъ министромъ, Александръ Дмитріевичъ, пожалованный въ военные совѣтники, былъ, въ маѣ 1825 г., назначенъ состоять при военномъ министрѣ для особыхъ порученій.

Печальныя событія 14-го декабря 1825 года въ Петербургѣ призвали Боровкова къ новой дѣятельности. Ему поручено было составить проектъ образованія слѣдственной комисіи, назначаемою для изысканія о существованіи злоумышленнаго общества. Написанный имъ въ руководство комисіи высочайшій указъ заслужилъ одобреніе императора, и Боровковъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ комисіи. Здѣсь открылось обширное поприще его дѣятельности: здѣсь работалъ онъ съ самоотверженіемъ, неутомимостью, крайнею осторожностію и строжайшимъ безпристрастіемъ. Наградю ему были чинъ статскаго совѣтника и званіе помощника статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, съ содержаніемъ производимымъ ему въ видѣ пенсіи, ибо онъ оставленъ былъ при прежней должности.

Въ то самое время, когда работы комисіи были въ полномъ ходу, на Боровкова, въ 1826 году, было возложено еще и управленіе канцеляріею военнаго министра. Одушевленный вниманіемъ и довѣренностію начальства, нещадя ни силъ, ни здоровья, несъ онъ тяжкое бремя двухъ вмѣстѣ столь важныхъ обязанностей.

Особенно лестно было для Боровкова, когда въ 1827 году—князь Чернышевъ, вступя въ управленіе военнымъ министерствомъ съ предубѣжденіемъ въ допущенныхъ тамъ беспорядкахъ и злоупотребленіяхъ, уволилъ главныхъ дѣятелей прежняго времени, но Боровкова удержалъ при себѣ и отличалъ порученіями особенной важности. Довольно указать, что Чернышевъ избралъ Боровкова предсѣдателемъ комитета для передѣлки Свода Военныхъ Постановленій. Многосложная работа эта ослабила зрѣніе Боровкова, но всемилостивѣйше пожалованная аренда была наградою за усиленные труды. Боровкова болѣе всего восхищала

та мысль, что и онъ содѣйствовалъ къ славѣ государя; ибо трудъ, которому онъ столь ревностно предавался, перейдетъ въ потомство на ряду съ Сводомъ Законовъ, твердымъ памятникомъ достославнаго царствованія императора Николая I.

Въ концѣ 1827 года высочайше повелѣно Боровкову, сверхъ занятій по военному министерству, работать въ Государственномъ Совѣтѣ по военному департаменту. Здѣсь часто возлагались на него разныя порученія: сверхъ военного онъ докладывалъ какъ по департаментамъ законовъ, экономіи и гражданскому, такъ и по особеннымъ комитетамъ. Въ 1828 году, по отбытіи императора въ Турецкую кампанію, Боровковъ завѣдывалъ дѣлами комитета, который подъ предсѣдательствомъ графа Толстаго уполномоченъ былъ по военной части разрѣшать все высочайшею властію.

Въ 1832 году Боровковъ былъ правителемъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія карантиннаго устава, а въ 1835 году докладчикомъ новаго положенія объ управленіи войска Донскаго. За эти труды онъ получилъ въ январѣ 1832 года подарокъ по чину, и въ іюнѣ того же года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.—Въ 1833 году Александръ Дмитріевичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, учрежденнаго для опредѣленія точныхъ правилъ въ руководство при составленіи справочныхъ цѣвъ.

Не перечисляя всѣхъ комитетовъ и комиссій, въ которыхъ Боровковъ принималъ участіе, достаточно сказать, что за свои труды онъ въ декабрѣ 1836 года былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-ой степени, въ апрѣлѣ 1837 года ему пожалована золотая алмазами украшенная табакерка съ вензелемъ императора и въ декабрѣ того же года вторая такая же табакерка. За составленіе Свода Военныхъ Постановленій Боровкову была пожалована аренда въ 1500 руб. на 12 лѣтъ и 9-го апрѣля 1840 года онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ членомъ консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи.

Служба Боровкова въ Государственномъ Совѣтѣ цѣнилась всѣми. За отсутствіемъ государственнаго секретаря онъ неоднократно исполнялъ его должность со всѣми правами присвоенными этому званію. Бывшій государственный секретарь баронъ М. А. Корфъ, представляя въ 1837 году Боровкова къ наградѣ, аттестовалъ его какъ чиновника «столь же полезнаго службѣ своею опытностію, сколько отличнымъ своими правилами».

Въ декабрѣ 1840 года, во вниманіе «къ отлично усердной службѣ», Боровкову повелѣно было присутствовать въ Сенатѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ. Когда онъ представлялся императору, то послѣдній сказалъ ему: «служи попржежнему». Эти слова глу-

боко проникли въ душу Боровкова; онъ свято исполнялъ волю государя и мечталъ остатокъ дней своихъ кончить безмятежно; но Провидѣнію угодно было подвергнуть его тяжкому испытанію.

Человѣкъ честный, твердаго и рѣшительнаго характера, Боровковъ, какъ членъ консультаціи и сенаторъ, не соглашался во многомъ съ тогдашнимъ министромъ юстиціи графомъ Панинымъ и во многихъ случаяхъ противодѣйствовалъ самовластнымъ распоряженіямъ министра. Это повело къ тому, что послѣдній принскивалъ всевозможные случаи, чтобы удалить Боровкова изъ Сената. Случай этотъ скоро представился.

3-го декабря 1846 года отставной губернской секретарь Кретковскій подалъ бывшему с.-петербургскому военному генераль-губернатору Храповицкому извѣтъ, что въ растратѣ капитала «Компаніи громоздкихъ движимостей», участвовалъ не одинъ директоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Оводовъ, но въ числѣ прочихъ и Александръ Дмитріевичъ Боровковъ.

Графъ Панинъ ловко воспользовался ложнымъ доносомъ и доложилъ его государю, безъ всякихъ справокъ и даже безъ опроса обвиняемаго. 5-го декабря, т. е. черезъ два дня послѣ поданнаго доноса, Александръ Дмитріевичъ Боровковъ высочайшимъ приказомъ былъ уволенъ отъ службы, лишенъ званія сенатора, всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ содержанія и отъ него отобрана подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга впредь до разрѣшенія.

Въ чемъ же состояло обвиненіе, вызвавшее столь жестокое наказаніе?—Кретковскій писалъ, что Боровковъ говорилъ рѣчи при открытіи общихъ собраній компаніи, слѣдовательно, онъ участвовалъ въ управленіи; чтобы возвысить акціи, онъ предложилъ за первый годъ назначить дивидентъ въ 8%, тогда какъ по расчету полученной прибыли должно было выдать менѣе; что онъ бралъ изъ компаніи деньги и купилъ тамъ на аукціонѣ перчатки и карандаши.

По произведенному слѣдствію оказалось, что Боровковъ говорилъ рѣчи передъ представленіемъ отчетовъ, былъ директоромъ совѣщательнымъ, а не дѣйствительнымъ, и жалованья не получалъ; что предложенія объ увеличеніи дивидента не дѣлалъ; что растрата капитала произошла гораздо позже послѣ его выбытія изъ директоровъ; что получалъ изъ компаніи деньги свои собственные, изъ дивидента ему причитающагося, а перчатки и карандаши купилъ не на аукціонѣ, а у самихъ закладчиковъ и деньги уплатилъ. Покупать директорамъ вещи заложеныя въ компаніи не воспрещалъ ни уставъ ея, ни законъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла уголовная палата нашла, что главнымъ виновникомъ растраты капиталовъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Оводовъ; что кассиръ компаніи губернской секретарь Кретковскій, сдѣлавъ ложный доносъ, обвинилъ

А. Д. Боровкова неправильно и что дѣйствія послѣдняго, «заключая въ себѣ одни только отступленія отъ устава, а не злоупотребленія, подходятъ подъ силу § 34 сего устава, поставляющаго Боровкова въ отвѣтственность лишь передъ аукціонерами, по мѣрѣ причиненнаго вреда». На этомъ основаніи палата постановила А. Д. Боровкова «отъ суда освободить», а доносчика Кретковскаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, послать въ Сибирь¹⁾).

Оправданный слѣдствіемъ А. Д. Боровковъ подалъ всеподданнѣйшее прошеніе о возвращеніи его на службу.

«Въ полномъ убѣжденіи, писалъ онъ²⁾, что я никакимъ неправильнымъ и постыднымъ поступкомъ не очернилъ себя въ продолженіе 60-ти-лѣтней жизни моею, но всегда пользовался честнымъ именемъ, я объяснилъ министру, что докладъ о мнѣ былъ рановременнымъ, что предметъ самаго дѣла касается только частныхъ расчетовъ, которые по уставу компаніи разрѣшаются единственно общимъ собраніемъ акціонеровъ, что растрата суммы компаніи послѣдовала спустя уже два года по выбитіи моемъ изъ званія директора, что я самъ какъ акціонеръ, ходатайствую о возвращеніи похищеннаго и что въ отношеніи ко мнѣ не соблюдены мѣры осторожности, поставленныя въ законахъ въ случаѣ даже улики въ преступленіи (Св. Зак., т. XV, ст. 976—978), ибо не было дознано предварительно ни о справедливости доноса, ни о степени вины моею; даже не отобраны отъ меня объясненія, безъ чего не наказывається и послѣдній изъ подданныхъ; изверженіе же изъ службы и лишеніе званія сенатора—есть наказаніе самое тяжкое. Но министръ не рѣшился передокладывать вашему величеству и мнѣ осталось доказать невинность мою путемъ страданія и уничтоженія, неразлучныхъ съ положеніемъ обвиняемаго, сколько бы въ душѣ не сознавалъ онъ свою невинность.

«Наконецъ долговременное изслѣдованіе, производившееся со всѣми мелочными подробностями, обнаружило, что капиталами компаніи я никогда не завѣдывалъ, что ничего оттуда мнѣ непринадлежащаго не бралъ и что не я компаніи, а она мнѣ остается должною, почему и представлено министру внутреннихъ дѣлъ, что поступки мои не подлежатъ ни уголовному преслѣдованію, ни даже судебному разбирательству; вслѣдствіе сего возвращена мнѣ подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга.

«Оправданный слѣдствіемъ, но не очищенный отъ посрамленія передъ Россією, которая читала высочайшій указъ о невольной отставкѣ сенатора, стѣсненный въ содержаніи, не имѣя возможности безъ службы

¹⁾ Постановленіе Надворнаго уголовного суда 30-го мая 1849 года.

²⁾ Во всеподданнѣйшемъ прошеніи 9-го апрѣля 1848 г.

довольствовать себя и семейство своимъ ограниченнымъ состояніемъ, я дерзаю судьбу мою повергнуть безпредѣльному милосердію всемило- стивѣйшаго государя, дерзаю умолять возвратить стяжанное безпороч- ною сорока-лѣтнею службою, драгоцѣннѣйшее самой жизни достояніе, — честь п монаршее благоволеніе.

«Строгое правосудіе вашего императорскаго величества не могло потерпѣть на службѣ сенатора, котораго представили въ видѣ преступ- ника; но то же правосудіе не попуститъ страдать невинному, ожидав- шему лучшей участи за свою службу вѣрою и правдою; то же право- судіе сотретъ пятно, которое въ лицѣ отца очерняетъ и юныхъ сыно- вей его, приготовляющихся уже на службу царю своему».

Прошеніе это по высочайшему повелѣнію препровождено было къ министру внутреннихъ дѣлъ, который истребовалъ свѣдѣнія изъ слѣд- ственной комиссіи и, черезъ графа В. Ѳ. Адлерберга, представилъ государю, что виновникомъ въ растратѣ капитала оказывается одинъ Оводовъ; къ подозрѣнію же участія въ томъ Боровкова нѣтъ никакихъ осно- ваній.

Тогда императоръ приказалъ внести все дѣло въ комитетъ мини- стровъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ безъ всякихъ основаній потре- бовалъ предварительное заключеніе министра юстиціи. Графъ Панинъ, сохраняя недоброжелательство къ Боровкову и стараясь повредить ему, отвѣчалъ, что всеподданнѣйшее прошеніе послѣдняго можетъ быть разрѣшено не прежде, какъ по окончаніи двухъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ Надворномъ уголовномъ судѣ и въ Сенатѣ о растратѣ капитала ком- паніи громоздкихъ движимостей ⁴⁾.

Такимъ образомъ, дѣло это видимо и преднамѣренно затягивалось, что и побудило А. Д. Боровкова обратиться къ заступничеству князя Чернышева и графа Адлерберга.

«Къ вашему сіятельству, писалъ онъ 18-го марта 1849 г. князю Чернышеву, поставленному во главѣ государственнаго управленія, до- стойно пользующемуся довѣріемъ августѣйшаго монарха, прибѣгаетъ подъ защиту бывшій вашъ подчиненный, преслѣдуемый двумя мини- страми: юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Третій годъ выкинуть я изъ службы, подъ предлогомъ прикосновенности къ слѣдствію о растратѣ

⁴⁾ Такое заключеніе министра юстиціи было несогласно ни съ обстоя- тельствами дѣла, ни съ законамъ, а было слѣдствіемъ личныхъ отношеній. Тогда гласнаго судопроизводства не существовало и можно было т о л к о в а т ь законы по своему. Такъ поступилъ и графъ Панинъ. Законъ пове- лѣвалъ (уголов. закон. кн. II, стр. 1528) внимательно разсматривать слѣдствія, чтобы преданіемъ суду не обременять положенія признанныхъ невинными. Боровковъ по слѣдствію былъ признанъ не причастнымъ по дѣлу и с.-петер- бургскій военный генералъ-губернаторъ, предавая виновныхъ суду, не вклю- чилъ въ число ихъ Боровкова.

капитала громоздкой компаніи; минулъ годъ, какъ обнаружена моя виновность, и министръ внутреннихъ дѣлъ донесъ государю императору, что нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать меня въ участіи растраты. Но когда его величеству благоугодно было представить участь мою разсмотрѣнію комитета гг. министровъ, тогда тотъ же министръ согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи представилъ, что рѣшеніе о мнѣ должно быть не прежде приговора о преданныхъ суду, по которому можетъ открыться прикосновенность моя по управленію компаніи. И такъ, оба эти министра, не обративъ вниманія, что я тамъ ничѣмъ не управлялъ, заставляютъ оправданнаго томиться наравнѣ съ виновными.

«Комитетъ гг. министровъ, усмотрѣвъ изъ представленной записки, что я былъ директоромъ только совѣщательнымъ; что ничего мнѣ не слѣдовавшаго изъ компаніи не получалъ, что не я ей, а она мнѣ остается должною, и что растрата капитала произошла черезъ два года послѣ выбытія моего изъ директоровъ,—не утвердилъ мнѣнія моихъ гонителей, а потребовалъ дополненій. Вотъ они и сочиняютъ отвѣты болѣе полугода, между тѣмъ я страдаю, стѣсненный во всѣхъ отношеніяхъ.

«Сколько бы преслѣдователи мои не искажали истины, прозорливость вашего сіятельства тотчасъ проникнетъ, что возводимые на меня извѣты, если бы и не были опровергнуты изслѣдованіемъ, не представляютъ въ существѣ поступковъ противныхъ закону или чести; они, ни по самому строгому суду, ни по нравственному убѣжденію, не вели бы къ столь жестокому наказанію—лишить сенаторскаго званія, заслуженнаго тяжкими, сорокалѣтними трудами.

«Думаю, что не участіе мое въ громоздкой компаніи, а гнусная клевета, очернившая меня недостойнымъ образомъ предъ государемъ императоромъ, была причиною моей гибели. Но пусть строго и безпристрастно прослѣдятъ всю мою службу, всю жизнь мою, и я уповаю несомнѣнно остаться такъ-же неукоризненнымъ, какъ и въ настоящемъ изслѣдованіи. Тягостно несть гнѣвъ государя и не знать настоящей причины, не видать возможности или оправдаться, или повергнуться съ повинною.

«Благословляю Провидѣніе, поставившее ваше сіятельство на стражѣ, чтобы неправда и козни не торжествовали передъ престоломъ; извѣстная изъ опытовъ твердость характера вашего не допустить угнетать невинныхъ въ угоду сильнымъ; такъ, милостивому вашему покровительству и великодушію предастъ судьбу свою имѣющій честь быть и проч.»

4-го апрѣля 1849 г. А. Д. Боровковъ писалъ графу В. О. Адлербергу: «Одинокій, убитый, стѣсненный во всѣхъ отношеніяхъ, горько

рыдаю я, когда христіанскій міръ съ восторгомъ восклицаетъ: «Христосъ воскрес!» Жестокій ударъ, нанесенный мнѣ внезапною отставкою, сильно поразилъ мою жену; глубоко въ сердцѣ затаила она горесть; надежда на милостивое предстательство вашего сіятельства предъ августѣйшимъ монархомъ долго поддерживала ее; но минутъ почти годъ, какъ всеподданнѣйшее прошеніе мое о возвращеніи меня на службу, перебрасываемое министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи подъ разными предлогами, остается безъ разрѣшенія; она не выдержала и 22-го марта переселилась въ вѣчность.

«Чего хотятъ еще мои преслѣдователи? Истерзать меня ожиданіями—уморить? На меня возводили участіе въ растратѣ капитала громоздкой компаніи: я совершенно оправданъ. Казалось конецъ. Нѣтъ! Тотъ же министръ внутреннихъ дѣлъ, который черезъ посредство вашего сіятельства свидѣтельствовалъ передъ государемъ императоромъ о моей невинности, представилъ потомъ въ комитетъ гг. министровъ, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, что рѣшеніе о мнѣ должно быть не прежде, какъ по восполнѣніи приговора о преданныхъ суду, предполагая, не откроется-ли прикосновенности моей въ безпорядкахъ по управленію компаніи. Но оба эти министра не обратили вниманія на слѣдствіе, обнаружившее положительно, что я тамъ ничѣмъ не управлялъ. Притомъ ожидать судебного приговора заставляють только меня; а другіе прикосновенные къ этому дѣлу, даже и преданные суду остаются на своихъ мѣстахъ, кромѣ одного директора Оводова.

«Не такъ дѣйствовала слѣдственная коммисія о злоумышленныхъ обществахъ. Ваше сіятельство безъ сомнѣнія помните ¹⁾, что оправдавшіеся были немедленно возвращены къ своимъ мѣстамъ. Такое распоряженіе основано на законѣ, повелѣвающимъ внимательно разсматривать слѣдствія на тотъ конецъ, чтобы удостовѣриться въ взводимыхъ на обвиняемаго поступкахъ и не обременить судьбы его преданіемъ суду напрасно (Св. Зак. т. II, стр. 1528). Ужели для моего охраненія и законъ и справедливость безмолвны? Ждать приговора о подсудимыхъ то же что быть самому подъ судомъ.

«Не такъ поступалъ и самъ государь императоръ. Вашему сіятельству болѣе всѣхъ извѣстно великодушіе и милосердіе его величества къ государственнымъ преступникамъ. Онъ благоснисходилъ къ нимъ и благодѣтельствовалъ ихъ семействамъ, а меня, оправданнаго слѣдствіемъ, отдалъ въ жертву моимъ ожесточеннымъ гонителямъ, семейство же мое тягостнымъ лишеніямъ.

«Зная твердый характеръ и свѣтлый умъ нашего царя, не думаю,

¹⁾ Графъ Адлербергъ былъ помощникомъ Боровкова, какъ правителя дѣлъ коммисіи по дѣлу 14-го декабря 1825 года.

чтобы одна злая клевета и пустые навѣты возстановили его противъ того, кто не запятналъ ни сорокалѣтней службы, ни шестидесятилѣтней жизни своей; вѣрно есть какія нибудь основанія. Перебираю въ умѣ всѣ мои дѣйствія; не вижу поступковъ противъ закона или чести; теряюсь въ догадкахъ! Какъ человѣкъ, могъ и я проступиться, хотя безъ умысла, безъ сознанія; такъ пусть объявятъ мнѣ вину, чтобы я имѣлъ возможность оправдаться или, принеся повинную, умолять о помилованіи.

«Ваше сіятельство показали мнѣ столько благорасположенія, что я буду помнить и за гробомъ; довершите начатое, исходатайствуйте высочайшее повелѣніе—разрѣшить участь мою безъ проволочекъ. Чувствую, что, удрученный невыразимою скорбію въ преклонныхъ лѣтахъ, я не долго буду влачить печальную жизнь; такъ я желалъ бы оставить бѣдныхъ сиротъ моихъ безъ тяжкаго воспоминанія о преслѣдованіи ихъ отца. Торжественно говорю, что клевета на меня, при безпристрастномъ изслѣдованіи, распадется такъ-же, какъ извѣты по громоздкой компаніи».

«Плохо мнѣ безъ вашего сіятельства, писалъ Александръ Дмитріевичъ 4-го іюня 1849 года тому же графу В. Ѳ. Адлербергу. — Плохо мнѣ безъ царя нашего! Графъ Панинъ въ комитетѣ гг. министровъ настоялъ на своемъ: разрѣшеніе моего всеподданнѣйшаго прошенія о возвращеніи меня на службу отложено до окончанія дѣла надъ преданными суду, т. е. до того времени, когда меня не будетъ въ этомъ мірѣ.

«Немудрено было увлечь комитетъ, которому не представлены обстоятельства въ мою пользу. Вообразите, министръ внутреннихъ дѣлъ въ запискѣ своей не упомянулъ, что слѣдственная коммисія признала меня невиннымъ, о чемъ онъ посредствомъ вашего сіятельства свидѣтельствовалъ предъ государемъ императоромъ. Онъ не сказалъ также, что с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ, передавая слѣдствіе въ Надворный уголовный судъ, указалъ лицъ, подлежащихъ сужденію, именно: Оводова, Кусова, Шольца, Кильчевскаго и Попова, а прочихъ учредителей и директоровъ, въ томъ числѣ и меня, призналъ неподлежащими уголовному преслѣдованію.

«За что же я, оправданный слѣдствіемъ, непреданный суду, долженъ терпѣть наравнѣ съ виновными? Да это просто Шемякинъ судъ, а народъ русскій твердитъ: благо царей—въ правдѣ судей!

«Министръ юстиціи препятствіемъ къ разрѣшенію моего всеподданнѣйшаго прошенія выставляетъ два дѣла: а) въ сенатѣ, и б) во 2-мъ департаментѣ управы благочинія; но они до меня не относятся.

«Въ Сенатѣ разсматривается частное производство по прошенію Оводова, объ освобожденіи его изъ тюремнаго заключенія. Если при

этомъ случаѣ Сенатъ будетъ разсуждать о другихъ директорахъ, то превыситъ власть свою, потому что онъ не входитъ въ разсмотрѣніе дѣлъ, пока они не будутъ внесены установленнымъ порядкомъ (Св. Зак. т. I, учрежд. Сен., ст. 231), а дѣло громоздкой компаніи еще въ Надворномъ судѣ. Сенатъ не долженъ предварительнымъ сужденіемъ предупредить рѣшеніе низшихъ инстанцій, которымъ послѣ него и судить было бы нечего. Самый вопросъ объ освобожденіи Оводова въ настоящее время не подлежитъ сужденію Сената, потому что дѣло о немъ производится въ судѣ, который и обязанъ опредѣлить: нужно ли содержать подсудимаго подъ стражею (т. XV, кн. I, стр. 69). Итакъ, министръ юстиціи и по закону, и по порядку долженъ бы производство сенатское объ освобожденіи Оводова направить въ тотъ судъ, гдѣ производится о немъ дѣло, а не приплетать къ нему признанныхъ невинными!

«Еще страннѣе указаніе министра юстиціи на 2-й департаментъ управы благочинія, въ котóрой нѣтъ совѣмъ и дѣла о громоздкой компаніи. Тамъ началось слѣдствіе; но по учрежденіи комиссіи все производство передано туда, потомъ поступило въ Надворный уголовный судъ, которому я не преданъ, какъ невинный.

«Вотъ какихъ важныхъ свѣдѣній, изложенныхъ мною только въ легкомъ очеркѣ, не было въ виду комитета гг. министровъ. Но что стану теперь я дѣлать? Пословица говоритъ: съ сильнымъ не борись! Такъ, признавая графа Панина сильнымъ, утомленный бесполезною борьбою и убитый смертію моея жены, я рѣшился покориться преслѣдуемой меня судьбѣ; я рѣшился прибѣгнуть къ милосердію и великодушію государя императора и просить о назначеніи мнѣ до окончанія дѣла содержанія, котораго не лишаютъ и подсудимыхъ. Вамъ извѣстно, что въ числѣ этого содержанія заключается и окладъ помощника статсъ-секретаря, данный мнѣ вмѣсто пенсіи за работы въ комиссіи о злоумышленныхъ обществахъ 14-го декабря. Такъ и это у меня отнято!

«Не откажите, ваше сіятельство, въ милостивомъ вашемъ посредствѣ представить его величеству мое всеподданнѣйшее прошеніе и явите съ свойственнымъ вамъ благушіемъ, вѣроятно, послѣднее покровительство имѣющему честь быть всегда съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпрѣдѣльною преданностью и т. д.»

«Высочайшимъ указомъ г. министру финансовъ, 4-го апрѣля 1841 г. повелѣно производить мнѣ прежнее содержаніе по 6204 р. 38 к. сер. Употребите ваше сіятельство благодѣтельное средство ваше о назначеніи содержанія, сколько всемилостивѣйшему государю благоугодно будетъ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ; милости его величества нѣтъ прѣдѣловъ. Если же возникнутъ опять переписки, то я и не надѣюсь дожить до рѣшенія».

Въ письмѣ государю Боровковъ писалъ:

«Напрасно сталъ бы я теперь объяснять, что эти важныя свѣдѣнія ¹⁾ министръ внутреннихъ дѣлъ не представилъ комитету министровъ. Напрасно сталъ бы я объяснять, что министръ юстиціи препятствуетъ возвращенію мнѣ службы, неправильно поставляетъ два дѣла: а) въ правительствующемъ Сенатѣ, и б) во второмъ департаментѣ управы благочинія. Первое дѣло относится къ Оводу, который проситъ освободить его отъ тюремнаго заключенія. Въ настоящее время вопросъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію не Сената, а того суда, которому преданъ Оводовъ. Второго дѣла въ управѣ благочинія нѣтъ: начавшееся тамъ слѣдствіе передано въ слѣдственную комиссію, а все въ совокупности поступило въ Надворный уголовный судъ, которому я не преданъ.

«Всѣ объясненія мои были бы теперь неумѣстны, ибо послѣдовало уже высочайшее повелѣніе, что участь моя будетъ разрѣшена не прежде какъ по окончаніи дѣла о преданныхъ суду.

«Безмолвно покоряясь священной волѣ августѣйшаго монарха, дерзаю прибѣгнуть единственно къ милосердію и великодушію, дерзаю умолять, во уваженіе моей долговременной, усердной и безпорочной службы и крайне стѣсненнаго положенія, разстроившаго меня во всѣхъ отношеніяхъ, всемилостивѣйше повелѣть: со времени моей невольной отставки до окончанія дѣла компаніи громоздкихъ движимостей производить мнѣ содержаніе, котораго не лишаютъ даже преданныхъ суду; а я ни слѣдственною комиссіею, ни разсматривавшими слѣдствіе виновнымъ не признанъ; несмотря на то лишень всего и страдаю. За Богомъ молитва, за царемъ служба никогда не пропадаютъ».

Не получивъ удовлетворенія на это прошеніе, А. Д. Боровковъ подалъ на высочайшее имя новое, отъ 14-го іюня 1849 г., въ которомъ между прочимъ писалъ:

«Въ указѣ вашего императорскаго величества 25-го апрѣля 1838 года, изображено: «Въ награду отлично усердной службы и особыхъ трудовъ по составленію Свода Военныхъ Постановленій дѣйствительнаго статскаго совѣтника Боровкова, всемилостивѣйше повелѣваемъ: производить ему вмѣсто аренды изъ Государственнаго казначейства въ теченіе 12-ти лѣтъ по 1500 руб. въ годъ».

«Между тѣмъ, окончившійся срокъ моей аренды съ 1-го числа сего января усугубилъ тягость моего горестнаго положенія до такой степени, что при всей скромной моей жизни, я не могу прилично содержать себя съ двумя дочерьми, уже невѣстами, и съ тремя сыновьями, начинающими службу—двое военную и одинъ гражданскую. Оклады ихъ по чинамъ оберъ-офицерскимъ не удовлетворяютъ даже ограниченнымъ по-

¹⁾ О признаніи его по слѣдствію невиновнымъ.

требностямъ юношей, воспитанныхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣтей бывшего сенатора. Все имѣніе мое и покойной жены моей заложено въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Къ довершенію бѣдствія прошедшимъ лѣтомъ въ Воронежскомъ имѣніи—основѣ нашего состоянія, — сгорѣла большая часть хлѣба, отчего не внесены проценты Московскому опекуному совѣту, и оно подверглось описи, и такъ безъ скорой помощи оно неминуемо подвергнется продажѣ. Горестно престарѣлому отцу предвидѣть конечное разореніе дѣтей.

«Умоляю ваше императорское величество милосердно воззрѣть на горестное положеніе старика, прослужившаго усердно, неукоризненно почти сорокъ лѣтъ и невинно страждущаго въ невольной отставкѣ восьмой годъ. Въ неизмѣримой благодати вашей подайте мнѣ возможность поддержать бѣдныхъ дѣтей моихъ для продолженія начатой службы царю и отечеству; повелите продолжить производство всемилостивѣйше пожалованной мнѣ еще въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника вмѣсто аренды 1500 р. въ годъ, прекращенное съ 1-го числа сего января».

7-го іюля князь Чернышевъ секретнымъ письмомъ увѣдомилъ Боровкова, что императоръ повелѣлъ производить ему «негласнымъ образомъ» 1572 р. въ годъ и выдать за прошедшее время, съ 5-го декабря 1846 года по сентябрь 1849 года 4305 руб.

Благодаря князя Чернышева за участіе и посредничество, А. Д. Боровковъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ графу В. Ѳ. Адлербергу ¹⁾:

«Вижу проявленіе неослабнаго за меня предстательства вашего сіятельства: мнѣ всемилостивѣйше повелѣно производить негласно содержаніе. Конечно, назначеніе едва равняется четвертой части того, что я получалъ на службѣ; но въ крайне стѣсненномъ моемъ положеніи и это составляетъ существенную помощь.

«Скорблю, что лишенный службы, не имѣю средствъ показать дѣломъ сколько сильно чувствую милосердіе августѣйшаго монарха. Мнѣ остается только молиться Богу за государя, какъ благодѣющаго, за васъ, какъ посредника благодѣанія. Счастливъ царь, окруженный подобными вамъ сановниками, защищающими невинныхъ по единому чувству справедливости и великодушія».

Среди глубокой скорби и испытанной несправедливости А. Д. Боровковъ продолжалъ трудиться на пользу родины. Еще въ 1844 году 29-го февраля онъ вступилъ въ члены Вольно-экономическаго общества и по предложенію принца Ольденбургскаго былъ избранъ предсѣдателемъ отдѣленій совѣта: VI (лѣсного), 23-го марта 1846 г., V (медицинскаго) 8-го апрѣля 1850 г., III (агрономическаго) 28-го апрѣля 1851 г. Не ограничиваясь занятіями предсѣдателя, А. Д. помѣщалъ въ трудахъ

¹⁾ Отъ 21-го іюля 1849 г. изъ Павловска Воронежской губерніи.

общества свои произведенія, а въ 1846 г. подъ его наблюденіемъ издавался «Лѣсной Журналъ». Во вниманіе полезной службы Боровкова по званію предсѣдателя V отдѣленія и за исполненіе въ то же время должности предсѣдателя III отдѣленія, выдана ему большая золотая медаль при грамотѣ за подписаніемъ принца Ольденбургскаго, 28-го апрѣля 1851 года.

А. Д. Боровковъ скончался 21-го ноября 1856 г. въ С.-Петербургѣ и похороненъ въ семейномъ склепѣ въ селѣ Добромъ Новгородской губерніи и уѣзда. Онъ не дождался окончанія дѣла, длѣвшагося болѣе 10 лѣтъ и по которому, несмотря на давленіе сильныхъ міра сего, выяснилось, что Кретковскій былъ пособникомъ въ растратѣ денегъ Оводовымъ, и за ложный доносъ по постановленію Уголовной палаты и Надворнаго Уголовнаго суда, подвергнутъ годичному тюремному заключенію.

Р е д.

Автобіографическія записки А. Д. Боровкова.

I.

Вступленіе.—Мое происхожденіе.—Дѣдушка.—Быть помѣщика.—Моя мать.—Романическій выходъ ея въ замужество.—Банкротство отца.—Равоременная кончина его.—Неудачный второй бракъ матери.

Жизнь великихъ людей безконечна, какъ въ духовномъ смыслѣ, такъ и въ нравственномъ; знаменитыя дѣянія ихъ записываются на скрижаляхъ исторіи и подвиги воспоминаются потомствомъ. Они не умираютъ и для отдаленныхъ вѣковъ: каждое ихъ дѣйствіе разсматривается, изслѣдывается и часто служитъ примѣромъ для грядущихъ за ними поколѣній; лѣтописи сохраняютъ ихъ дѣянія.

Но жизнь обыкновеннаго человѣка прекращается съ его смертію,—она безвѣстна. Чѣмъ онъ можетъ напомянуть о себѣ въ потомствѣ, кто объ немъ вспомнить? одни родные, друзья и приближенные; но и это весьма рѣдко бываетъ продолжительно: каждый изъ смертныхъ болѣе заботится о будущемъ и настоящемъ, забывая прошедшее. Конечно, обстоятельства жизни частнаго человѣка не могутъ быть занимательны вообще для всѣхъ, но они любопытны—для близкихъ его сердцу, а иногда даже и для прочихъ — необыкновенными случаями, могущими быть поучительными и предостерегательными въ шаткой нашей жизни.

Говорятъ—геніи рождаются; но развѣ всякій человѣкъ дѣлается вели-

*

кимъ при своемъ рожденіи и даже въ свою молодость? Время и дѣянія даютъ ему извѣстность. Но при всемъ томъ, таковыя люди съ самыхъ юныхъ лѣтъ стремятся нечувствительно къ высокому и необыкновенному, совершенствуя только все сіе временемъ и обстоятельствами. Какимъ же образомъ, описывая жизнь великаго человѣка, и не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній, исключая изустныхъ преданій, о постепенномъ развитіи его душевныхъ способностей,—можно съ достовѣрностію опредѣлить полноту его генія и оцѣнить дѣянія его, которыя произошли не отъ одного слѣпаго случая? Мы часто видимъ, что ядовитая зависть отымаешь у знаменитаго человѣка врожденныя способности и приписываетъ всѣ его дѣянія однимъ лишь обстоятельствамъ. Исторія показываетъ множество примѣровъ, что современники не всегда были справедливы въ своихъ сужденіяхъ: возстановители чистой христіанской религіи — терпѣли гоненія; законодатели — тревожились бунтами; полководцы—предавались казни; открыватели по разнымъ частямъ наукъ—осмѣивались. Одно потомство—есть нелицемѣрный судія и для него-то необходимо оставлять безпристрастныя преданія, безъ коихъ и оно затруднится произнести справедливый свой приговоръ.

На какихъ источникахъ основывается большею частію въ текущее время жизнеописаніе великаго человѣка? Проповѣдника слова Божія—на его проповѣдяхъ; полководца—на его формулярѣ и реляціяхъ; законодателя—на указныхъ книгахъ; ученаго—на его диссертаціяхъ! Но это не жизнеописаніе, а лишь сказаніе о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ каждаго изъ упомянутыхъ. Какой же предстоитъ трудъ потомству повѣрить все чрезъ нѣсколько вѣковъ! Оно легко можетъ попасть въ погрѣшность, разсуждая по догадкамъ: могъ ли такой-то это сдѣлать, въ состояніи ли онъ былъ произвести то и даже могло ли быть такое происшествіе? Вопросовъ предстоитъ на каждомъ шагу множество.

Если бы каждый глава семейства, въ особенности же изъ извѣстныхъ фамилій, ведущихъ родъ свой отъ знаменитыхъ предковъ, велъ журналъ своей жизни и своего семейства, тогда бы для историка существовали богатые матеріалы. Въ сихъ современныхъ памятникѣхъ частной жизни включались бы нечувствительно государственныя, народныя и физическія происшествія. Всякій, замѣчая бывшіе съ нимъ случаи, по необходимости упомянулъ бы и о какомъ-либо происшествіи, въ то время случившемся, а это-то самое и составляло бы нить для обзора общаго хода дѣлъ. Современники Петра I—Меншиковъ и Екатерины II—Храповицкій вели журналы своего служенія и описывали событія того времени. Поденныя записки сіи часто служатъ историкъ для повѣрки нѣкоторыхъ фактовъ и для объясненія темныхъ или сбивчивыхъ обстоятельствъ, помѣщенныхъ въ прочихъ лѣтописяхъ. Описываемыя сими двумя великими мужами подробности ихъ вѣка не могли бы быть всѣ

занимательными, если бы оныя не касались собственно ихъ самихъ; но царственныя дѣянія и политическія событія весьма важны для потомственнаго наблюдателя. Одни государственные акты не могутъ дать подробнаго свѣдѣнія ни о лицѣ, прославившемся своими дѣяніями, ни о событіяхъ, заслуживающихъ особенное вниманіе,—они должны быть пополнены описаніями очевидцевъ.

Итакъ, веденіе журнала для всякаго не будетъ излишнимъ: если кто-либо самъ или кто изъ его семейства прославится на поприщѣ жизни, тогда журналъ сей можетъ быть полезенъ для жизнеописателя. Когда же лицо остается въ неизвѣстности, то записки его могутъ иногда доставить ему самому удовольствіе въ воспоминаніяхъ случившагося съ нимъ, а послѣ его смерти—занимательны для его родныхъ и друзей.

На семь то основанія я рѣшился на сороковомъ году моей жизни вести таковыя записки собственно для себя. Прежде со мною случившееся внесу сюда по памяти безъ соблюденія хронологическаго порядка, а съ сего времени буду записывать каждый разъ, что случится.

Со мною въ жизни много случалось страннаго, такъ какъ и самое происхожденіе послѣдовало довольно странно. Мать моя, происходя изъ древней дворянской фамиліи, воспитывалась въ деревнѣ у отца своего, служившаго на полѣ чести слишкомъ тридцать лѣтъ и дослужившагося до чина полковника. У него было около 400 душъ крестьянъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ; онъ имѣлъ богатую усадьбу въ Тульской губерніи, жилъ привольно и дружно съ своими сосѣдями. Онъ былъ смертельный врагъ процессамъ и ябедамъ. Случалось иногда заспорить съ нимъ кто-либо о клочкѣ земли, или скотинѣ потоптавшей хлѣбъ, онъ тотчасъ отдавалъ то и другое; пристанетъ къ нему съ кляузами исправникъ, или засѣдатель, онъ скоро съ ними сладить,—кому лошадь подарить, кому корову, а иногда и семью людей. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ тихаго характера, но только уступчивъ и, кажется, отъ трусости или большаго невѣдѣнія въ дѣлахъ; въ отношеніи же сосѣдей и близкихъ къ нему былъ весьма суровъ. Сосѣдей на пирушкахъ часто бранилъ, а подь-часъ и билъ, но за то и платилъ. Дѣтей своихъ держалъ въ страхѣ Божьемъ, а челядинцевъ и крестьянъ — въ боязни господской. Старики наши не роскошествовали; чаю и заморскихъ винъ не знали; наварятъ себѣ варенухи и—пошелъ пиръ горой. Они весьма часто собирались къ дѣду моему, который былъ мастеръ уподчивать своихъ гостей, а къ тому-жъ тѣшилъ ихъ пѣсельниками, хороводами и нерѣдко иллюминаціею и фейерверкомъ своего изобрѣтенія: вмѣсто шкаликовъ и плошекъ зажигались дегтарныя бочки, а взамѣнъ потѣшныхъ огней—пылали наметы съ соломой. Причемъ случалось иногда, сильный вѣтеръ вырветъ клочъ горящей соломы и броситъ или на людскія избы, или на деревню, онѣ загорятся и сгорятъ до основанія, а старики не

перестаютъ плясать при такомъ освѣщеніи. На другой день однакоже, выпавшись хорошенько, они сдѣлають складчину и обстроятъ крестьянъ по старому, наградивъ при томъ за пожитки ихъ.

Много было проказъ у дѣдушки, но одинъ его поступокъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. У него между многими находился дворový человекъ, который, несмотря ни на какія наказанія, хитро придуманныя, велъ себя чрезвычайно дурно. Дѣдушка, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшился его избавить и предлагаетъ бѣдному сосѣду купить его и за сколько же? за пять копѣекъ мѣди. Сосѣдъ соглашается, надѣясь какъ нибудь исправить негодяя. Призываютъ человека и дѣдушка обращаясь къ нему говоритъ:

— Вотъ, видишь ли, до чего себя ты довелъ, что за тебя болѣе пяти копѣекъ не дають, менѣе чѣмъ за барана или за свинью.

Торгъ кончился и это такъ сильно подѣйствовало на проданнаго, что онъ у новаго господина въ скоромъ времени исправился.

Множество было занимательныхъ происшествій съ дѣдушкой, о которыхъ при случаѣ я вспомню, а теперь обращаюсь къ моей матери. Въ давно прошедшія времена не воспитывали въ деревняхъ по нынѣшнему дѣтей своихъ, а потому и дѣдушка держался старины: онъ пригласилъ для ученія сына своего и трехъ дочерей однакоже не дьячка, какъ другіе дѣлали, а приходскаго попа, который и преподавалъ имъ часословъ и псалтирь. Этому съ нихъ было довольно, особливо для боярышень: старики говаривали: «мудреная жена—хуже сатаны».

Кончивши года въ два всѣ науки, то-есть читать по складамъ и писать по линейкамъ, сынъ отправился въ армію на службу, а дочери, придя въ возрастъ, начали поджидать жениховъ. Сынъ не долго служилъ, онъ постигшия выйти въ отставку, для устройства, какъ говорятъ и нынѣ, хозяйства,—и принялся за него порядкомъ: тотчасъ завелъ собакъ,—не прилично же будущему помѣщику не имѣть ихъ,—ястребовъ и множество разныхъ птицъ, до которыхъ онъ былъ смертный охотникъ. Въ это время старшая сестра его вышла замужъ за дворянина отставнаго изъ статской службы. Этому браку многіе удивлялись, говоря, какъ можно столбовому дворянину и еще съ состояніемъ—отдать дочь свою не за военнаго, жертвующаго своею жизнію за отечество. Но какъ же они всѣ изумились до крайности, до сумасшествія, когда мать моя черезъ годъ послѣ того, выходила замужъ: да и въ самомъ дѣлѣ, свадьба эта похожа была по тогдашнему на сказку, а по нынѣшнему на романъ.

Дѣдушка мой, соображаясь съ духомъ того времени, наблюдалъ строго родословный порядокъ, по которому слѣдовало выдавать мать мою замужъ. Получивши тысячу замѣчаній отъ родныхъ и друзей за бракъ старшей его дочери, онъ сдѣлался строгъ въ выборѣ—для второй.

Жениховъ было довольно, хотя невѣстѣ только что минуло четырнадцать лѣтъ, но всѣ они были забракованы по разнымъ причинамъ, изъ коихъ едва ли хоть одна заслуживала уваженія. Неисповѣдимы судьбы Всевышняго! Послѣ такого строгаго разбора, на кого жъ палъ жребій? Расскажемъ.

Въ то время, какъ и нынѣ, ѣздили по деревнямъ мелочные торгаши съ разными товарами, и пріѣзжали обыкновенно въ деревню передъ праздниками, когда можно сбыть съ рукъ побольше всякаго вздору. У дѣдушки храмовой праздникъ былъ зимою въ день чудотворца Николая; вотъ наканунѣ и прибыли торгаши, между коими находился молодой парень, сынъ зажиточнаго веневаго купца. Вечеромъ, передъ праздникомъ, послѣ всенощной, отпѣтой на дому, товары разложены въ залѣ на столахъ. Родныхъ и гостей съѣхалось множество, всѣ обступили столы, любовались вещами, а сѣнныя дѣвушки сзади господъ тарашили свои глаза. Гости понемногу разбирали разныя покупки, и дѣдушка тоже купилъ своимъ дочерямъ и прочимъ роднымъ. Барышни же могли только смотрѣть, не смѣя сказать, что имъ нравилось и что онѣ желали бы имѣть. Торгъ кончился, и купчины отправились ночевать въ отведенную имъ избу, гдѣ ихъ изобильно накормили и напоили, послѣ чего они расположились спать. Но злой духъ мучилъ веневаго молодца и не давалъ ему уснуть; ему грезилась все вторая дочь помѣщика, съ которой онъ не спускалъ глазъ во время торгу такъ, какъ она съ его товаровъ. Она была молода и прекрасна собою, отецъ ея дворянинъ и съ хорошимъ достаткомъ; торгошъ—также молодъ, недурень собою, отмывно ловокъ и тоже имѣетъ достатокъ. Чѣмъ чортъ не шутить! Развѣ не было примѣровъ, даже и въ старину, что княжескія и графскія дочки выходили за незначительныхъ людей, и что дворяночки убѣгали отъ родителей съ крѣпостными своими людьми, за которыхъ выходили замужъ. Молодецъ рѣшился испытать счастья и началъ дѣйствовать осторожно: онъ не осмѣлился обратиться съ предложеніемъ къ отцу, а и того менѣе къ его дочери, которыя въ то время не могли, подъ страшнымъ проклятіемъ, выбирать себѣ мужей, а должны были раболѣпно исполнить волю родителей. Ловкій парень приступилъ къ сему мечтательному намѣренію—по-купечески: онъ подарилъ старой нянѣ китайки на сарафанъ, другой — бухарскій, сдѣланный въ Москвѣ, платокъ, всѣмъ сѣннымъ дѣвушкамъ — которой платочекъ, которой перстенекъ; одной сережки съ цвѣтными камушками, а другой—бисерное ожерелье. Онъ не забылъ также и дворни, всѣхъ одѣлил чѣмъ попало, начиная съ малаго до старика, такъ что разорился рублей на десять; а это тогда были большія деньги. Вотъ всѣ и заговорили въ домѣ, что это за молодецъ, да какой умный и добрый; вотъ бы женихъ нашей барышни, да жаль, что онъ не дворя-

ниня и не офицеръ. Между тѣмъ купецъ успѣлъ наговорить бабушкамъ и мамушкамъ, что онъ сынъ богатаго отца, съ которымъ не брезгаютъ знаться графы и князья и часто достаиваютъ занимать у него деньги: что они его уважаютъ и обѣщаютъ даже единственнаго его сына записать въ гвардію—солдатомъ, а послѣ выхлопочуть ему и офицерскій чинъ, и что это легко сдѣлать, если бы сынъ былъ женатъ на дворянкѣ, которая можетъ просить своему мужу дворянское званіе.

Вотъ тутъ-то и пошли разговоры и толки, переходя изъ кучерской въ людскія, потомъ въ переднюю, дѣвичью и наконецъ во всѣхъ углахъ барскаго дома шептали о томъ же. Старушки разведя умомъ да разумомъ—признали дѣло сіе хорошимъ и возможнымъ, онѣ успѣли уже многое наговорить и невѣстѣ, которая отвѣчала только одно: «воля родительская!» Нѣкоторыя изъ нихъ побойчѣе, осмѣлились со всею тонкостію доложить старой барынѣ, безгласной женѣ строгаго дѣдушки: она ни во что не вмѣшивалась, предоставила мамушкамъ самимъ объяснить о семь барину. На другой день праздника, старушки, чтобы не терять благопріятнаго времени, пока женихъ былъ на лицо, отважились доложить о семь въ веселый часъ барину. Дѣдушка изумленный и до крайности взбѣшенный такою дерзостію, порядкомъ пожурилъ мамушекъ, а торгашей—въ ту же минуту согналъ со двора, не сказавъ однакоже никому о семь постыдномъ предложеніи.

Начало имѣло весьма худой успѣхъ; но молодецъ не терялъ надежды. Спустя нѣкоторое время, узнавши всѣхъ родныхъ своей будущей и ихъ слабости, онъ нарочно поѣхалъ ко всѣмъ имъ подѣ видомъ торговли. Вездѣ велъ себя, какъ говорятъ, вѣжливо, скромно, всѣмъ старался угодить и всѣ отиѣнно его полюбили; но болѣе всѣхъ старыя барыни, у которыхъ онъ свискалъ любовь тѣми же средствами, какъ и въ домѣ дѣдушки. Онъ съ щедростію дарилъ разными вещами бабушекъ, тетушекъ, двоюродныхъ сестрицъ и кумушекъ подѣ видомъ продажи въ долгъ—безъ отдачи и съ значительною уступкою, говоря имъ: «о деньгахъ не беспокойтесь, послѣ сочтемся».

Такимъ образомъ всѣ обласканныя вещественно веневскимъ купцомъ, твердили безпрерывно своимъ роднымъ о добротѣ и умѣ его. Похвала, переходившая изъ устъ въ уста, склонила всѣхъ въ пользу его. Сверхъ сего, особенный случай доставилъ ему еще большее уваженіе. Дѣдушка съ уступчивымъ характеромъ, съ готовностію помогать ближнимъ и съ платежемъ за сожженные имъ въ пиру деревни.—весьма растратился и заложилъ одну деревню. Срокъ платежа наступилъ, денегъ не было и деревню намѣревались продать съ публичнаго торгу. Жаль разстаться съ родовымъ имѣніемъ, что дѣлать? надобно перехватить у кого-нибудь денегъ. Онъ узналъ, что есть въ Веневи одинъ старикъ изъ купцовъ и прелестнѣйшій человекъ, который даетъ

деньги безъ закладной. Дѣдушка по необходимости поѣхалъ къ нему и дѣйствительно нашелъ почтеннаго старца—истиннаго христіанина. Онъ велъ значительную торговлю, имѣлъ заводы: кожевенный, купоросный и селитряный; состояніе его было въ цвѣтущемъ положеніи. Зная хорошо всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ и не сомнѣваясь въ честности дѣдушки, онъ не задумался ссудить его просимою суммою.

Прошла зима, наступила весна и приближался уже Николинъ день. Опять къ дѣдушкѣ съѣхалось много родныхъ и сосѣдей и опять пріѣхали торгаши съ венежскимъ купцомъ, который однакоже не показывался на глаза, и оставался при возахъ. Праздновали обыкновенно недѣлю и болѣе; въ это время старушки успѣли хорошенько потолковать между собою о купчинѣ, который незадолго до сего умолялъ помочь ему жениться на дочери дѣдушки и убѣдилъ своимъ краснорѣчіемъ, общаясь поддерживать при случаѣ ихъ состояніе. Въ числѣ доказательствъ своей страсти, объявилъ имъ, что дѣдушка занялъ у его отца значительную сумму денегъ и если онъ получитъ жену, то долгъ сей не будетъ взыскивать, а еще дастъ сколько угодно.

Этого было уже весьма достаточно. Всѣ напали явно на дѣдушку, умоляя, прося и даже требуя, чтобы онъ согласился отдать вторую свою дочь за венежскаго купца; ему объяснили, что онъ единственный сынъ того почтеннаго старика, у котораго онъ занялъ деньги и что ихъ онъ не станетъ взыскивать. Дня три дѣдушка оборонялся отъ нихъ и бранью и угрозами и даже толчками,—наконецъ изнемогъ. Онъ заперся въ кабинетѣ, началъ разсуждать, а разсужденіе есть уже половина согласія, помолился съ усердіемъ Богу и произнесъ тяжко: «буди Его святая воля!»

На другой день при собраніи всѣхъ родственниковъ, дѣдушка торжественно изъявилъ свое согласіе. Венежскій купецъ, наблюдая за всѣмъ изъ сарая, тотчасъ явился и палъ передъ старикомъ на колѣни, потомъ обнималъ попеременно всѣхъ родныхъ. Привели молодую и не спрося ея желанія, тутъ же и обручили находившійся на праздникѣ сельскій священникъ. Послѣ того послали за отцомъ жениха, который весьма радъ былъ такому браку—и молодыхъ немедленно обвѣчали. Пиръ продолжался нѣсколько дней на славу, послѣ чего всѣ мало-помалу разъѣхались, а молодые поѣхали въ Венежъ.

Отецъ мой недолго пожилъ съ моею матерью въ Венежѣ: дѣдъ мой (по отцу), восьмидесятилѣтній старикъ, скончался, и сынъ не умѣлъ сбережъ большаго состоянія. Безъ образованія, безъ разсудительной предприимчивости и разсчетливой дѣятельности онъ не умѣлъ управлять дѣлами. Заводы въ короткое время разстроились, торговля упала, хозяйство было въ беспорядкѣ, повсюду водворилось большое небреженіе, обманъ и воровство. Отецъ мой, гулявши что называется день и ночь,

приписывалъ все это несчастію, неудачамъ, бѣдности города, въ которомъ нельзя имѣть большихъ оборотовъ въ коммерціи; забывая при томъ, какъ и гдѣ предки его составили себѣ значительное состояніе.

Утвердившись въ сихъ мысляхъ, родитель мой уничтожилъ заводы, распродалъ лавки и дома въ уѣздномъ городѣ, переселился въ Москву, надѣясь въ столицѣ болѣе имѣть успѣха отъ своего промысла. Но не такъ вышло: съ оставшимся у него капиталомъ, онъ вдавался въ многоразличные обороты—и все безъ успѣха, какъ и на родинѣ его, по той же самой причинѣ. Въ самое короткое время пребыванія въ столицѣ, имѣніе его исчезло, жена его съ христіанскимъ терпѣніемъ переносила всѣ несчастія—и тогда-то начали рождаться у нихъ дѣти ежегодно, по старому повѣрью—на бѣдность и дѣти множатся. Прошло еще нѣсколько лѣтъ бѣдственнаго состоянія и отецъ мой, спѣшившій жить—переселился въ вѣчность.

Послѣ отца, у матери моей оставалась небольшая деревня, въ Орловской губерніи, доставшаяся ей въ приданое, и сверхъ того она наслѣдовала еще небольшую деревню въ Воронежской губерніи, доставшуюся ей послѣ смерти родного брата, умершаго въ молодыхъ лѣтахъ холостымъ. Такимъ образомъ у нея составилось около 80 душъ крестьянъ и она могла бы прожить безбѣдно съ дѣтьми до конца своей жизни, если бы молодость и неопытность не лишили ея послѣдняго достоянія. Оставшись молодою вдовою и имѣя на попеченіи своемъ малолѣтнихъ дѣтей, она чувствовала необходимость въ новомъ мужѣ. И что же? опять выборъ былъ неудаченъ: у нашего отца при жизни его находился приказчикъ изъ купцовъ и онъ-то сдѣлался ея мужемъ. Какъ это случилось, подробности мнѣ неизвѣстны, но надобно полагать, что въ семь дѣлѣ распорядилась опрометчивость и молдость моей матери.

Названный мой отецъ не лучше былъ настоящаго: не имѣвши необходимой въ коммерціи разсудительности и смѣтливости, онъ не могъ не только сдѣлать удачныхъ оборотовъ, но даже управлять хозяйственнымъ образомъ оставившимся имѣніемъ моей матери.

Послѣ многихъ дѣтей у матери моей бывшихъ отъ перваго мужа, насъ осталось въ живыхъ только трое: братъ, сестра и я; отъ второго же мужа была одна дочь, которая въ младенчествѣ умерла. Мы не успѣли еще достигнуть юношескихъ лѣтъ, какъ мать наша отъ несчастнаго замужества и худаго распоряженія впала въ долги и принуждена была для уплаты оныхъ продать половину своего имѣнія. Вскорѣ послѣ того и другой ея мужъ умеръ отъ невоздержанности—и мать рѣшилась жить только для насъ однихъ.

Тѣ же самыя бабушки, тетушки и сестрицы моей матери, которыя сладили первую ея свадьбу, опорочивали второй союзъ ея и старались уклоняться отъ родственныхъ связей. Однако же, когда случалось имъ

пріѣзжать въ Москву, то всегда останавливались съ своими челядинцами у моей матери—изъ сожалѣнія, какъ они говорили, къ ней, а кажется справедливіе изъ корыстныхъ расчетовъ.

Несчастливая мать моя была добродѣтельнѣйшею женщиною: она любила всѣхъ своихъ родныхъ, несмотря на ихъ толки, принимала къ себѣ сиротъ, воспитывала ихъ, размѣщала по богоугоднымъ заведеніямъ, совершеннолѣтнихъ дѣвушекъ выдавала съ приличнымъ приданнымъ замужъ и помогала, по своимъ силамъ, всѣмъ прибѣгающимъ къ ней бѣднымъ. Она жила не роскошно, но порядочно; доходы съ деревни ея были весьма ограничены; столичная жизнь съ семействомъ и расходы на пособія несчастнымъ превосходили ея состояніе и она находилась въ необходимости продавать ежегодно что-либо изъ имѣнія своего, отчего по совершеннолѣтіи нашемъ ничего намъ не осталось, но, благодаря Бога, и долговъ по себѣ намъ не оставила.

II.

Рожденіе и юность. — Я проданъ Донскимъ казакамъ. — Дѣтская шалость. — Рѣзвость характера. — Поступленіе въ гимназію. — Встрѣча съ монахами. — Поступленіе въ Московскій университетъ. — Профессоры и ихъ характеристика. — Жизнь въ университетѣ.

Начало моей жизни произошло отъ довольно страннаго брака, и я родился (10-го іюня 1788 г.) неестественнымъ порядкомъ, выйдя на свѣтъ ранѣе обыкновеннаго около мѣсяца, къ тому же еще и въ дорогѣ, когда моя мать ѣхала въ деревню къ отцу своему.—Провидѣніе, назначивъ мнѣ въ удѣлъ тернистый путь, съ самыхъ юныхъ моихъ лѣтъ стало приучать меня къ перенесенію всякаго рода непріятностей. Во время моего еще младенчества, со мною случилось четыре довольно важныя обстоятельства: моя мать имѣла обыкновеніе выкармливать всѣхъ своихъ дѣтей собственнымъ молокомъ; но она не могла выполнить этого со мною, сдѣлавшись нездоровою мѣсяца черезъ четыре послѣ моего рожденія. При всемъ томъ, она никакъ не хотѣла поручить наемной женщинѣ кормить меня грудью, а признала за лучшее употребить для сего рожокъ съ коровьимъ молокомъ. О семъ предметѣ моя мать рассуждала такъ: «я люблю моихъ дѣтей и хочу, чтобы они меня также любили и обязаны были бы всѣмъ мнѣ одной». Какъ люди, такъ и всѣ вообще творенія получаютъ болѣе привязанности къ тому, отъ кого они получаютъ пищу, а не рѣдко и самыя наклонности ихъ зависятъ отъ сего.

Мнѣ исполнилось три года и за мною ходила уже собственная пожилая дѣвка, которая вела себя очень хорошо; однако же не могла преодолѣть женскую слабость: у ней былъ любовникъ, котораго посадили за долги въ тюрьму и ей надобно было достать денегъ для освобожденія его. Нянька моя въ воровствѣ не упражнялась, да и не рѣшилась на такое постыдное дѣло, а избрѣла, по ея понятію, менѣе позорное средство—продать меня тайно Донскимъ казакамъ, часто пріѣзжавшимъ въ то время въ Москву за такимъ дѣломъ. Нянька по обыкновенію ходила гулять со мною по улицамъ; однажды мы долго не возвращались; наступила ночь, а насъ все нѣтъ. Бросились искать по всѣмъ знакомымъ, вездѣ и у всякаго спрашивали—никто насъ не видалъ; поутру еще съ большимъ стараніемъ обратились къ поиску и человѣкъ нашъ нечаянно встрѣтилъ няньку на дорогѣ къ тюрьмѣ, куда она шла уже одна—и съ деньгами. Ее привели домой, она во всемъ призналась и указала мѣсто, гдѣ меня продала. Объявили тотчасъ полиціи и открыли преступниковъ. Меня взяли, казаковъ подвергли суду, а дѣвку впоследствии продали уже гласно такимъ же казакамъ. Въ то время о нихъ имѣли худое понятіе, и продавали имъ людей въ примѣрное наказаніе.

Послѣ сего прошло четыре года и мнѣ минуло семь лѣтъ, когда матери моей разсудилось ѣхать на богомолье въ Кіевъ. Собравшись всѣмъ семействомъ—мы поѣхали, помѣстясь сами въ коляскѣ, а людей посадили въ повозку. Проѣзжая Курскую губернію, въ одинъ лѣтній жаркій день, мнѣ захотѣлось сѣсть въ повозку къ нянькѣ. Мы ѣхали на своихъ лошадяхъ и большею частію шагомъ; лошади едва тащились, нянька и дѣвка спали, а кучеръ дремалъ. Увидѣвши на лугу прекрасныя цвѣточки, я выпрыгнулъ изъ повозки, и никто того не видалъ. Проѣхавъ верстѣ пять, моя мать спохватилась гдѣ я. Недоумѣніе и испугъ всѣхъ объялъ превеликій, поворотили назадъ уже рысью и находятъ меня бѣгающаго по лугу, съ дѣтскою безпечностію, за бабочками и нисколько не беспокоящагося объ отсутствіи моихъ ближнихъ. Наконецъ мы достигли достославнаго Кіева, мать моя стала ходить ежедневно на всякое служеніе церковное въ Печерскій монастырь, куда и меня часто водили и носили; но видя, что я по лѣтамъ моимъ не въ состояніи былъ выдерживать исполненія всѣхъ требъ, въ теченіе коихъ спалъ препокійно гдѣнибудь въ уголку, то и стали оставлять меня съ нянькою дома.

Я былъ отъ природы весьма живаго характера: любилъ шутить, смѣяться и рѣзвиться, но соблюдалъ всему мѣру. Шалости мои всегда были, такъ сказать, ребяческими: надъ старшими не смѣялся, начальниковъ уважалъ, родственниковъ истинно любилъ; но побѣгать до упаду, полазить по крышамъ, перелѣзать чрезъ заборы и перепрыгнуть ровъ или канаву—это было мое дѣло. При томъ съ малолѣтства я любилъ во всемъ порядокъ и соблюдалъ бережливость: я не могъ смотрѣть

равнодушно, если въ домѣ своемъ увижу какую либо вещь не на своемъ мѣстѣ, или не въ надлежащей исправности; тотчасъ ее переставлю или чищу и исправляю самъ, не дожидаясь прислуги; отъ моего любопытства не избѣгала и кухня, гдѣ меня занимало приготовленіе вкуснаго обѣда, особенно же когда ожидали гостей. Тутъ же я находилъ для себя много дѣла, разумѣется, въ праздничные дни: то надобно вычистить, это переставить, комнаты покрасивѣе убрать, о столѣ похлопотать и позаботиться, чтобы всего достало вдоволь.

Съ раннихъ лѣтъ мать помѣстила меня и брата въ гимназію, бывшую при Московскомъ университетѣ, своекоштными учениками.

Лѣтомъ 1801 года, въ Москвѣ, близъ Срѣтенскихъ воротъ, мальчикъ, одѣтый пристойно, въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ, въ бѣлыхъ канифасныхъ шальварахъ, пестромъ жилетѣ и шелковомъ платкѣ на шеѣ, игралъ въ свайку. Два монаха: одинъ престарѣлый, съ длинною сѣдою бородою, другой среднихъ лѣтъ, черноволосый и черноокий, смотрѣли на игру.

— Погляди-ко, сказалъ старикъ младшему, какъ мѣтко сѣрый парень попадаетъ въ кольцо; какъ глубоко запускаетъ въ землю свайку, когда промахнувшійся состязатель его долженъ вынимать ее.

— Славно играешь, сынъ мой, сказалъ старикъ сѣрому мальчику. Такъ ли ты прытокъ въ наукѣ, какъ въ игрѣ свайкою? Дайка-ка, поэкзаменую: гдѣ учишься?

— Въ университетской гимназіи.

— А что есть Богъ?

— Не знаю.

— Развѣ не учатъ васъ Закону Божію?

— Отецъ Макарій объяснилъ намъ десять заповѣдей, молитву Господню и Символь вѣры. Все это я выучилъ наизусть; могу сказать дифиницію Бога по катехизису; но все-таки Богъ для ума моего остается непостижимымъ.

— Который тебѣ годъ?

— Тринадцатый.

— Это будущій вольнодумецъ, проговорилъ молодой монахъ.

— Нѣтъ, возразилъ старикъ, это хвастунъ, желающій шеголять умомъ; но фізіономія его привлекательна, откровенна.—Нѣтъ, онъ никогда не впадетъ въ вольнодумство; поживетъ, осмотрится и изъ него будетъ прокъ.

Потомъ, обратясь къ мальчику, сказалъ кротко и ласково:

— Молись усердно, учись прилежно, блюди нравственность какъ святыню, Богъ вразумитъ тебя и ты поймешь Непостижимаго. Въ душѣ твоей гнѣздится зародышъ гордости; это смертный грѣхъ, — смирися! Какъ тебя зовутъ?

— Александръ.

— А прозваніе?

— Боровковъ.

— Стань на колѣни.— Да будетъ надъ тобою, рабъ Божій Александръ, благословеніе Божіе! Да просвятитъ тебя Непостыжимый!

Крѣпко поцѣловаль я руку, меня благословившую, слезы умления покатались изъ глазъ моихъ. Слова престарѣлаго монаха глубоко запали въ мою душу. Я сталъ менѣ предаваться играмъ и разсѣянности, а болѣе прилѣпился къ наукамъ и чтенію. Еще учась синтаксису, я перевелъ изъ латинской хрестоматіи о языческихъ богахъ; а потомъ года черезъ три съ французскаго О бытіи Божіемъ. Этотъ переводъ мой напечатанъ, помнится, въ 1808 году, въ журналѣ «Другъ Юношества» съ лестнымъ отзывомъ издателя г. Невзорова. Я участвовалъ также въ изданіи ученическомъ подъ заглавіемъ «Весенній цвѣтокъ», въ которомъ помѣщено нѣсколько сочиненій моихъ въ стихахъ и прозѣ. Я занимался и переводами романовъ, которыхъ не зналъ и заглавій. Здѣсь надобно объяснить: кандидатъ Буринскій, знавшій хорошо русскій и французскій языки, бралъ отъ книгопродавцевъ на подрядъ переводить романы. Онъ разрѣзывать ихъ по листамъ и отдавалъ для перевода ученикамъ, платя отъ 5 до 10 р. асс. за печатный листъ оригинала; потомъ самъ все сплачивалъ и сглаживалъ стиль. Буринскій проявилъ замѣчательныя способности въ стихотворствѣ; онъ могъ бы стать въ ряду лучшихъ нашихъ поэтовъ, если бы равная смерть не стащила его *ad patres*.

При всемъ стараніи моемъ, я и въ гимназіи, и въ университетѣ не могъ возвыситься надъ золотою посредственностію (*mediocritas aurea*, какъ выразился Гораций), не могъ попасть въ разрядъ отличныхъ учениковъ, а всегда держался середины. Откровенно сказать, причиною этого была ужасная лѣнь, овладѣвавшая мною лѣтомъ. Осенью и зимою я сидя сидѣлъ за книгами и тетрадями, не любя ходить въ гости, особенно въ шумныя, многолюдныя собранія; но лишь только Москва рѣзка сброситъ съ себя ледяныя оковы, лишь только начнетъ показываться зелень на лугахъ, лишь только листья начнутъ покрывать деревья, я бѣгу въ лѣсъ, въ объятія матери природы; тамъ провожу цѣлыя дни въ забвеніи, тамъ мечтаю, тамъ заслушиваюсь соловья, а наука идетъ вяло, кое-какъ, только бы не совсѣмъ отстать отъ товарищей. Если бы не преобладало во мнѣ чувство долга, обязанности; если бы въ эти счастливыя минуты самозабвенія не побуждало меня честолюбіе, то вѣроятно я остался бы послѣдній изъ послѣднихъ. Къ этому присоединялось сознаніе необходимости: я видѣлъ, какъ бѣдная добрая мать моя терпѣливо переносила лишения для себя, стараясь доставить намъ, т. е. мнѣ, брату моему меньшему и сестрѣ, возможное довольствіе.

исполнить наши прихотливыя, дѣтскія желанія; я видѣлъ какъ она нуждалась, какъ плакала, продавая родовыя свои небольшія деревни, одну за другою, чтобы прилично поддержать семью; я видѣлъ, что у насъ почти ничего не остается и убѣждался въ необходимости учиться и работать, и это убѣжденіе боролось съ моею лѣтнею лѣнью. Объ отцѣ моемъ не говорю: онъ скончался, когда мнѣ было пять лѣтъ и я не зналъ его; мать говорила, что онъ былъ кроткій, добрый, но безпечный.

Состояніе наше постепенно распадалось: уже не лишенія, а нужда вторгалась въ нашу семью. Мать моя вынуждена была продать московскій домъ свой; мы перебрались на квартиру. Горестныя чувства подавляли меня; я порывался остановить разрушеніе, но не могъ: мнѣ было только 16 лѣтъ. Матери совѣтовали отдать меня и брата моего на казенное содержаніе; но она добрая, сердобольная боялась, чтобы безъ личнаго, непрерывнаго ея наблюденія не испортилась наша нравственность. Кажется, тайнымъ ея помысломъ была другая причина: она страшилась строгости посторонняго надзора и грубости казеннаго содержанія; она знала, что тамъ не дадутъ намъ ни чаю, ни ватрушекъ; материнское сердце ея раздиралось отъ такихъ лишеній.

Провидѣнію благоугодно было подать мнѣ средство добывать деньги на мои личныя издержки. Хозяинъ дома, гдѣ мы нанимали квартиру, собирался помѣстить двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ въ университетскую гимназію; онъ пригласилъ меня подготовить ихъ. За 25 руб. асс. въ мѣсяцъ я добросовѣстно занимался съ ними по два часа каждый день. Эти уроки были для меня весьма полезны; кромѣ денежныхъ пріобрѣтеній, я самъ укрѣплялся въ наукахъ. Какъ радовало меня, когда мать моя, цѣлуя меня, говорила:

— Вотъ, Саша, ты уже самъ себѣ добываешь на платье; какой шегольской ты сшилъ сюртучекъ! Да благослови тебя Богъ за твое стараніе. Только боюсь, чтобы труды твои не разстроили твое здоровье.

Такимъ образомъ я съ раннихъ лѣтъ втянулся и полюбилъ работу, хотя лѣтомъ все-таки занимался менѣе, все-таки любилъ загородныя прогулки, особенно удить рыбу. Съ удочкой на берегу рѣки я просиживалъ нѣсколько часовъ; но на это развлеченіе я посвящалъ уже не будни, а праздники, да и то бралъ съ собою или книги, или тетради, приготавлиаясь къ профессорскимъ лекціямъ.

Наконецъ на семнадцатилѣтнемъ возрастѣ меня сдѣлали студентомъ! О! какое торжество достигнуть юношѣ до такого званія! Скажу нѣсколько словъ о порядкѣ сего производства.

Передъ актомъ университета или публичнымъ собраніемъ, какъ называли тогда, дѣлаются ученикамъ по всѣмъ классамъ генеральныя

экзамены. Въ студенты же производятся изъ латинскаго риторическаго класса, а прочіе предметы служатъ только для соображенія. Въ латинскомъ классѣ насъ было тогда тридцать два ученика; мы всѣ экзаменовались избранными по сему предмету профессорами, написали тутъ же небольшія на латинскомъ языкѣ дессертаци и представили ихъ на судъ ученыхъ мужей. Болѣе недѣли, послѣ того, мы томились въ неизвѣстности, кого изъ насъ удостоятъ ученой степени; каждый день мы бѣгали къ столовой, гдѣ обыкновенно выставлялось извѣщеніе и, наконецъ, явилось на стѣнѣ желаемое объявленіе, въ которомъ означены были тринадцать учениковъ, назначенныхъ студентами, въ числѣ коихъ находилось и мое имя. Съ какимъ восторгомъ я бросился домой извѣстить о семъ счастья мою мать, обрадованную также симъ чрезвычайно. Семнадцатилѣтній юноша студентъ! будетъ носить шпагу! О! это весьма было для меня много.

Тотчасъ мнѣ сдѣлали всю униформу, и я, въ день акта, явился къ начальству отдать мою шпагу, которая должна была мнѣ быть вручена при всемъ собраніи. Съ четырехъ часовъ начали съѣзжаться приглашенные знаменитые посѣтители, любопытствующіе же сходились толпами; пріѣздъ извѣстныхъ лицъ извѣщался трубами и литаврами, на крыльцѣ для того поставленными. Огромнѣйшая зала скоро наполнилась; народу собралось всякаго званія множество и помѣстились на разставленныхъ стульяхъ: профессора занимали мѣста у каедръ, учителя, съ отдѣленіями учениковъ, удостоиваемыхъ наградъ, составляли большое полукружіе. По данному знаку загремѣла музыка и раздался хоръ во славу великаго монарха; тутъ по очереди всходили многіе профессора на каедру говорить изготовленные ими рѣчи на разныхъ языкахъ, которыя большая часть слушателей не понимала или по чуждому для нихъ предмету, или по незнанію языка, но такъ уже водится, что говорить надобно. Послѣ каждой рѣчи играла музыка и пѣли пѣвчіе; наконецъ конференцъ-секретарь, прочитавъ годичный отчетъ академическаго курса, началъ вызывать по одиночкѣ учениковъ для принятія награды за ихъ прилежаніе и успѣхи. Первые выходили новые студенты, награждаемые шпагами, а потомъ ученики—за книгами, эстампами и математическими инструментами. Любопытно было смотрѣть на радостныя лица юношей, съ какимъ самодовольствіемъ они выступали впередъ при произнесеніи ихъ имени, съ какимъ восхищеніемъ они принимали изъ рукъ почтенныхъ наставниковъ пріобрѣтенныя ими награды. Многіе мои товарищи отъ восторга забывали себя, въ томъ числѣ и я, вложившій шпагу въ портупею на изворотъ. Да, какая разница удостойтса награды при тысячахъ зрителей, чѣмъ получить чинъ, сидя за письменнымъ столомъ втихомолку.

Въ университетѣ я особенно былъ связанъ дружбою съ студентами

Богдановымъ и Никитинымъ. Первый былъ мечтатель и остался незамѣтнымъ ни по службѣ, ни въ литературѣ, хотя по его способностямъ и образованію могъ бы проявить себя и на томъ, и на другомъ поприщѣ. Второй, дѣятельный, умный, расторопный и ловкій, достигъ, такъ сказать, изъ ничего, званія статсъ-секретаря и чина тайнаго совѣтника. Отъ университетской скамьи и до сего времени дружескія отношенія наши не прерывались. Объ немъ мнѣ придется еще говорить, когда соберусь налагать отрывки моей жизни. Я остался также въ хорошихъ отношеніяхъ съ Давыдовымъ, Тимковскимъ и Смирновымъ. Первый впоследствии съ честью занималъ профессорскія каѳедры по разнымъ отраслямъ наукъ, издалъ нѣкоторыя руководства по части философіи, написанные чистымъ русскимъ языкомъ. Второй ударился въ дипломатію, сопровождалъ миссію въ Китай и напечаталъ книгу о Китаѣ гораздо прежде отца Іоакима. Третій въ Отечественную войну 1812 года бродилъ съ арміею, находясь при знаменитомъ атаманѣ войска Донскаго графѣ Платовѣ, котораго онъ написалъ біографію. Какъ пріятно, проходя по разнымъ путямъ государственнаго управленія, въ разныхъ краяхъ обширной матушки Россіи сойтись по-временамъ и скрѣпить школьную связь, основанную на безкорыстныхъ видахъ.

Забавное и печальное событіе увѣчало окончаніе моего университетскаго курса. Я чуть было не попалъ въ карцеръ, не бывъ наказанъ ни разу во все пребываніе мое въ гимназій и университетѣ. Не помню, изъ какой книги перевелъ я отрывокъ: «Путешествіе Гераклита и Демокрита по Персіи». Гераклитъ жалобно оплакивалъ, а Демокритъ остроумно осмѣивалъ слабости и пороки людскіе, особенно пышность и роскошь персидскихъ царей. Путешествіе это читалъ я нѣкоторымъ моимъ товарищамъ; они находили его занимательнымъ. Я рѣшился его напечатать, представилъ въ цензуру, выстави подъ заглавіемъ эпиграфъ изъ Вольтера:

Censeurs malins! Je vous meprise tous,
Car je connais mes défauts mieux que vous.

Этотъ переводъ достался на просмотръ профессору Снигиреву, отцу извѣстнаго нынѣ археолога И. М. Снигирева, бывшаго моего университетскаго сотоварища и хорошаго пріятеля. Онъ предварилъ меня, что отецъ его весьма гнѣвается за мою дерзость, что я, представляя на судъ рукопись, тутъ же ругаю цензоровъ; а потому онъ хочетъ представить конференціи, чтобы запереть меня въ карцеръ. Тотчасъ я отправился къ старику съ объясненіемъ, но не могъ убѣдить, что и Вольтеръ, и я разумѣли не цензоровъ, а критиковъ; не могъ также умиловить смиреніемъ и покорностію. Только заступленію профессоровъ Страхова и Сохацкаго, имѣвшихъ большой вѣсъ въ университетѣ, обязанъ я избавленіемъ отъ наказанія; а переводъ не былъ пропущенъ къ на-

печатанію и остался въ цензурѣ. Я очень радъ былъ, что отдѣлялся этою жертвою.

Я слушалъ лекціи въ самую блистательную эпоху Московскаго университета. Наполеонъ громилъ Германію; робкіе жрецы музъ спѣшили укрыться отъ военныхъ бурь и насилій, съ ними сопряженныхъ въ древней столицѣ русскаго царства. Такимъ образомъ къ достойнымъ профессорамъ нашимъ присоединились европейскіе знаменитости; было кого послушать: Маттей читалъ латинскую словесность, Буле—исторію философіи, Рейнгардъ—практическую философію, Баузе—римское право, Шлецеръ—политическую экономію. Я упомянулъ только о тѣхъ, которыхъ лекціи наиболѣе меня занимали; къ нимъ присовокуплю изъ русскихъ: Страхова, преподававшаго физику, и Сохацкаго, преподававшаго эстетику.

Метода преобладала нѣмецкая: профессоръ читалъ, но не обращалъ вниманія на слушателей, которыхъ онъ и знать не хотѣлъ. Этому правилу не слѣдовали однако Маттей и Рейнгардъ. Первый установилъ, чтобы предъ каждою лекціею одинъ изъ студентовъ, по-очереди, приходилъ къ нему возвѣститъ: *domine professor! tempus est eundi in classem*. Онъ собирался медленно, шель тихимъ шагомъ вмѣстѣ съ студентомъ, разговаривая по-латыни; этимъ способомъ онъ зналъ степень познанія cadaго своего слушателя.

Рейнгардъ избралъ другую мѣру: по прочтеніи главы, онъ приказывалъ студентамъ написать краткій обзоръ ими слышаннаго. Обзоръ надобно было принести къ нему домой; тамъ онъ читалъ, дѣлалъ словесныя замѣчанія и разсуждалъ съ студентомъ. Этотъ способъ испытанія не понравился многимъ слушателямъ, такъ что съ перваго разу аудиторія его почти опустѣла, зато оставшіеся еще тѣснѣе сблизились съ профессоромъ.

Лучше всѣхъ изъяснялись гг. Страховъ, Мерзляковъ и Сандуновъ, превзошедшій всѣхъ прочихъ своею методою. Преподавая практическое руссійское законоискусство, онъ поступилъ такимъ образомъ: учредилъ въ своемъ классѣ примѣрныя судебныя мѣста, какъ-то: земскій и уѣздные суда, уголовную и гражданскую палаты и губернское правленіе. Суда сіи наполнилъ изъ своихъ слушателей, коихъ считалось слѣшкомъ сто человекъ, всѣми положенными членами и чиновниками; выбраны были также стряпчіе, прокуроры и по роду дѣлъ просители, а остальные затѣмъ были зрителями, какъ въ англійскихъ парламентахъ и участвовали только въ общихъ сужденіяхъ, или заступали мѣста товарищей за продолжительною болѣзнію, или за выбытіемъ ихъ изъ класса. Профессоръ, испросивъ изъ Сената нѣсколько рѣшенныхъ дѣлъ разнаго рода, приказалъ въ классѣ своемъ начать ихъ вновь производствомъ съ ниспихъ инстанцій. Такимъ образомъ подавалось узаконен-

нымъ порядкомъ прошеніе, производилось слѣдствіе, поступало оно изъ земскаго въ уѣздный судъ и потомъ на ревизію въ какую либо палату, смотря по роду дѣла. Каждое засѣданіе начиналось общими сужденіями о правахъ и законахъ и одинъ изъ слушателей долженъ былъ вести по очереди журналъ, который предъ всѣми читался въ слѣдующее собраніе. Потомъ профессоръ подходилъ къ какому либо столу, у коего помѣщался судъ или палата, и требовалъ отъ членовъ и секретаря объясненій, по производившемуся дѣлу.

Такое преподаваніе похоже было на театръ для слушателей; оно было весьма любопытно и полезно, каждый изъ нихъ или самъ участвовалъ въ семъ представленіи, или былъ зрителемъ; общія же разсужденія касались всѣхъ вообще. Словесное изъясненіе болѣе удерживается въ памяти, чѣмъ уединенное чтеніе книгъ; у насъ не было почти ни одного, который бы не могъ объяснить все имъ слышанное въ теченіе курса. Когда доложили профессору о приближеніи экзаменовъ и спросили, что онъ прикажетъ приготовить къ нимъ?

— Ничего, батинки, отвѣчалъ онъ, по любимой имъ поговоркѣ, вы будете говорить все, что слышали и дѣлали,—и ожиданіе его съ чрезвычайнымъ успѣхомъ исполнилось.

Бывши студентомъ, я жилъ въ Москвѣ съ доброю моею матерью, любившею меня чрезвычайно. Она предоставила собственной моей волѣ пользоваться всѣми удовольствіями и ни мало не сомнѣвалась въ зазорномъ моемъ поведеніи, нисколько за онымъ не наблюдала. Я могъ отлучаться изъ дому когда мнѣ вздумается, пробыть гдѣ нибудь — сколько мнѣ угодно, никому не отдавая въ томъ отчета. Но несмотря на такую свободу, я велъ себя чрезвычайно осторожно и не употребилъ никогда во зло довѣренности моей родительницы; за мною незамѣчено ни одного чернаго поступка, которымъ можно было упрекнуть меня.

Одно только во мнѣ могло заслуживать нареканіе,—это осужденіе чужихъ поступковъ, или просто—пересуды. По врожденной склонности наблюдать за всѣмъ вокругъ себя я не могъ пропустить мимо глазъ чего либо смѣшнаго или даже предосудительнаго. Къ сему я болѣе причился отъ непрерывнаго обращенія съ мамушками и нянюшками, которыя по склонности, общей всѣмъ женщинамъ, не оставляли ничего безъ своихъ замѣчаній. Да какъ и не сказать чего нибудь, при видѣ охмѣлѣвшаго старичка, бранчивой жены, миганья глазокъ хитрой дѣвушки, смѣтливаго юноши и прочее и прочее. Слушая безпрестанно такія разговоры, по неволѣ привыкнешь самъ, въ свою очередь, то же повторять.

Юность моя текла беззаботно и весело; я слушалъ лекціи профессоръ, давалъ самъ уроки малолѣтнимъ и веселился съ товарищами. Тогда (въ 1804 г.) забавы наши совершенно различествовали съ нынѣшними школьниками: мы никогда не пускались въ сужденія о правительствѣ,

*

не опорочивали законоположеній, не отклонялись отъ власти начальства, и не занимались глупыми замыслами. Всякій изъ насъ сознавался въ душѣ своей, что умъ нашъ тогда еще не созрѣлъ, способности не вполне развернулись, опытностью нисколько не воспользовались. Мы слушали съ полною довѣренностію наставниковъ и находили удовольствіе въ простыхъ забавахъ; наше дѣло было побѣгать, попрыгать, подурачиться, не занимаясь утѣхами, не приличными нашему возрасту.

Будучи молодъ и живаго характера, я любилъ позабавиться надъ другими, ни мало не думая оскорбить ихъ, а такъ, чтобы они и сами посмѣялись. Проказы мои простирались однакоже только на низшихъ меня или иногда и на близкихъ товарищей; но никогда я не смѣлъ шутить надъ старшими или чуждыми для меня.

Съ товарищами своими я жилъ весьма дружно по сходству одинаковыхъ нашихъ мыслей и чувствованій: изъ насъ никого не было, кто бы наговаривалъ на другого небылицы, наушничалъ старшимъ, обманывалъ своихъ товарищей и желалъ бы возвыситься надъ ними; обманщикъ—самая большая была брань между нами. Не могу и теперь безъ вздоха вспомнить о золотомъ для меня времени, когда, не зная еще страстей, предавался беззаботно истиннымъ наслажденіямъ счастливой жизни. Живо и теперь еще представляется въ воображеніи моемъ, такъ называемыя тогда нами, пированія, когда мы, сдѣлавъ складчину по 10 и не болѣе 20 копѣекъ мѣдью съ брата, отправлялись на Воробьевы горы, Марыну рощу или въ Сокольники гулять. Захвативъ съ собою московскихъ калачей или саякъ и прибавивъ къ тому яблокъ и орѣховъ, мы отправлялись пѣшкомъ въ путь. Погулявши, побѣгавши, порѣзвившись—мы заходили въ какую нибудь деревню и тамъ, купивъ крынку молока, раздѣляли съ особеннымъ аппетитомъ роскошную нашу трапезу. Зимой же по вечерамъ, надобно прибавить—въ праздничные дни, собирались къ кому либо изъ товарищей, и тутъ-то за чашками простаго чая съ булками начнется ученая бесѣда, между коей рассказываются любопытные анекдоты и лютуются рѣкою острыя слова. Въ другое время любили также посѣщать и театръ, но не для того, чтобы показать себя, чего нельзя было и сдѣлать, сидя въ райкѣ, а истинно заняться піесяю, которыя посѣщали по выбору.

Въ наше время въ учебныхъ заведеніяхъ не было, какъ нынѣ, по десяти зрителей на воспитанника, не осматривали ихъ ночью по нѣсколько разъ, не запирали на замокъ дверей, не шарили по ящикамъ, и все шло своимъ порядкомъ. Мы учились, какъ должно, шалили, какъ можно, а о прочемъ—ни о чемъ болѣе и не думали.

Сообщ. Н. А. Боровковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Воспоминанія князя Станислава Понятовскаго.

(1776 — 1809 г.г.)

Въ историческомъ сборникѣ: «Revue d'histoire diplomatique» 1895 года помѣщены воспоминанія князя Станислава Понятовскаго, племянника послѣдняго короля Станислава-Августа и внука графа Станислава Понятовскаго, извѣстнаго полководца и друга Карла XII шведскаго. Князь Станиславъ Понятовскій (1754—1833 гг.) не игралъ выдающейся политической роли, и, если его воспоминанія и не могутъ имѣть большаго научно-историческаго значенія, тѣмъ не мѣнѣе, они читаются съ несомнѣннымъ интересомъ, несмотря на нѣкоторыя неточности и неприятную подчасъ хвастливость автора. Значеніе этихъ воспоминаній вѣрно очерчено въ предисловіи къ нимъ.

Общественное положеніе автора воспоминаній, говоритъ издатель, пережившаго на своемъ вѣку такъ много историческихъ событій, «дало ему право и средства принять очень дѣятельное участіе въ этихъ событіяхъ, но онъ предпочелъ смотрѣть на нихъ въ качествѣ холоднаго и равнодушнаго зрителя. Имѣя входъ за кулисы исторической сцены, онъ могъ-бы дать намъ оцѣнки и сообщенія, совершенно исключительныя по своему значенію,—вмѣсто того онъ предпочелъ оставить намъ только нѣсколько замѣтокъ въ формѣ анекдотическихъ мемуаровъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ, крайне любопытныхъ, онъ приводитъ характерныя черты, подробности, ускальзывающія иногда отъ серьезнаго историка, анекдоты, часто интересные и почти всегда неизвѣстные. Въ этомъ заключается единственное значеніе этихъ воспоминаній, какъ историческаго документа».

Главнымъ образомъ, содержаніе ихъ касается неоднократныхъ поѣздокъ Понятовскаго въ Россію и его жизни при дворахъ императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича, и въ этомъ отношеніи они представляютъ особый интересъ для русскаго читателя.

I.

Первая поѣздка князя Понятовскаго въ Петербургъ относится къ 1776 или 1777 году, когда онъ былъ посланъ королемъ благодарить императрицу Екатерину за согласіе на приведеніе въ исполненіе постановленій сейма 1776 г. «Императрица, записаль Понятовскій, и на этотъ разъ и въ послѣдующее время принимала меня съ благосклонностью, о которой я постоянно буду вспоминать съ признательностью. Русскій дворъ былъ склоненъ видѣть въ ея отношеніяхъ ко мнѣ нѣчто большее, чѣмъ простое расположеніе. Если это было такъ, то я лично меньше всѣхъ замѣчалъ, да и не желалъ замѣчать что-либо подобное. Это могло бы оскорблять гордость женщины, еще красивой и столь великой монархини. Ея поведеніе по отношенію ко мнѣ, неизмѣнное, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, безгранично усилило чувство уваженія, которое я питалъ къ ея характеру. Ея обращеніе со мною возбудило неудовольствіе великаго князя, привыкшаго порицать все, что она дѣлала».

На этотъ разъ пребываніе Понятовскаго въ Россіи было непродолжительно. Затѣмъ онъ увидѣлъ императрицу Екатерину уже въ 1780 г. Во время своего путешествія въ Полоцкъ она настолько приблизилась къ польской границѣ, что король счелъ нужнымъ послать князя Понятовскаго привѣтствовать ее отъ своего имени. Между прочимъ, въ Полоцкѣ находилась іезуитская collegія, и императрица, никогда не видѣвшая католическаго богослуженія, пожелала присутствовать на немъ. По словамъ Понятовскаго, зданіе collegіи—красиво, но сама обѣдня вышла въ высшей степени жалкой и нищенской. Императрица соскучилась и, подозвавъ Понятовскаго, сказала ему:

— Признаюсь, у меня было совершенно иное представленіе объ іезуитахъ.

— Не судите, ваше величество, о нихъ по тому, что видите здѣсь,—отвѣчалъ Понятовскій,—но соблаговолите вспомнить, что іезуиты были преторіанскою стражею папы.

Это заставило ее разсмѣяться, и она терпѣливо выстояла до конца обѣдни.

Изъ Полоцка императрица отправилась въ Шкловъ, подаренный ея генералу Зоричу. Тамъ были сдѣланы приготовления къ великолѣпнѣйшимъ празднествамъ, относительно которыхъ Зоричъ сказалъ Понятовскому, что ихъ хватитъ на двадцать семь дней. На вопросъ Понятовскаго, «почему онъ сдѣлалъ такой громаднѣйшій расходъ?»—Зоричъ отвѣчалъ, — что «императрица можетъ заботѣть, и тогда нужно же развлечь чѣмъ-нибудь ея дворъ». Къ счастью, — замѣчаетъ авторъ воспоминаній — императрица чувствовала себя хорошо, и на слѣдующій день поѣхали дальше. Но такъ какъ, въ виду этого, программу двадцати семи дней пришлось выполнить менѣе чѣмъ въ шесть часовъ, то повсюду зажглись фейерверки, иллюминацію, вулканы, потоки лавы, открылось шесть театровъ и была предложена масса другихъ развлеченій, и все это одновременно. Творецъ этого волшебнаго зрѣлища повсюду водилъ за собою императрицу; она незамѣтно подсмѣивалась надъ нимъ, но въ концѣ концовъ выбилась изъ силъ. Въ заключеніе всего, онъ попросилъ ее пойти посмотрѣть на пьесу, которую разыгрывали юные кадеты его корпуса. Видя, что императрица была мало расположена согласиться на это, онъ прибавилъ, «что всѣ они дворяне». Присутствовавшій при этомъ императоръ Іосифъ, какъ извѣстно, не любившій дворянства и не менѣе императрицы выведенный изъ терпѣнія, замѣтилъ:

— Я не зналъ, что нужно родиться дворяниномъ, чтобы быть хорошимъ арлекиномъ.

Это путешествіе, по словамъ Понятовскаго, было вообще очень пріятно; такъ какъ императрица держалась скорѣе свѣтскаго, чѣмъ придворнаго тона, то не было ни требуемыхъ этикетовъ, дипломатовъ, ни льстецовъ, ни шутовъ съ громкими титулами, которыхъ приходится иногда сносить, чтобы забываться хоть призрачной веселостью, когда нѣтъ причинъ отдаваться истинному веселью. Императоръ интересно разговаривалъ, еще лучше рассказывалъ, а императрица обладала даромъ отгвѣнять все заслуживающее вниманія.

Изъ Шклова поѣхали въ Могилевъ. Тамъ стоялъ Кирасирскій полкъ князя Потемкина, который Понятовскій называетъ «великолѣпнымъ». Императора очень интересовало посмотрѣть этотъ полкъ, онъ постоянно говорилъ объ этомъ Потемкину, но тотъ все извинялся и не показывалъ полка, ссылаясь на дурную погоду, которая должна была наступить и все не наступала. Наконецъ, императрица выразила желаніе, чтобы полкъ былъ показанъ императору. Для нея была воздвигнута великолѣпная палатка, а окружавшая палатку свита императрицы была верхомъ. Полкъ выстроился на большомъ разстояніи отъ палатки, и вотъ, въ моментъ, когда князь Потемкинъ, ставъ во главѣ полка, обнажилъ шпагу, чтобы отдать команду, его лошадь, подъ тяжестью его тѣла, вдругъ опустила на заднія ноги. Князя сняли съ лошади; во

главѣ полка сталъ полковникъ, его командирь, и полкъ бросился въ атаку карьеромъ, отъ котораго дрожала земля. Проскакавъ съ тысячу шаговъ и поровнявшись съ палаткой императрицы, полкъ остановился въ такой же безукоризненно прямой линіи, какъ та, въ которой онъ былъ выстроенъ до атаки. Императоръ, знатокъ этого дѣла и далеко не склонный къ похваламъ, сказалъ, что «онъ никогда въ своей жизни не видѣлъ, чтобы подобную вещь продѣлалъ кавалерійскій полкъ».

Послѣ отъѣзда императрицы изъ Могилева, князь Понятовскій былъ задержанъ на нѣсколько дней въ этомъ городѣ смертью генерала Коцея (Cocsei), состоявшаго въ его свитѣ. Чтобы нѣсколько разсѣяться, онъ вздумалъ написать императрицѣ Екатеринѣ письмо, въ которомъ высказывалъ ей, насколько важно для него знать ея истинныя намѣренія относительно Польши. «Этотъ отчасти смѣлый вопросъ,—замѣчаетъ Понятовскій,—могъ исходить только отъ молодого человѣка, нѣсколько ободренного добротой императрицы. Но какъ слѣдовало ожидать—посланіе осталось безъ отвѣта».

Когда затѣмъ Понятовскій вернулся въ Варшаву и сообщилъ королю о своемъ письмѣ къ Екатеринѣ, тотъ пришелъ въ необычайное волненіе, въ особенности оттого, что въ письмѣ говорилось о превращеніи польскаго престола изъ избирательнаго въ наследственный. Король безпрестанно повторялъ ему, что въ Pacta Conventa онъ клялся ничего не дѣлать для утверженія въ странѣ наследственнаго престолонаслѣдія.

— Кто же повѣритъ,—говорилъ онъ,—что вы сдѣлали это предложеніе безъ моего вѣдома? Теперь на каждомъ сеймѣ могутъ упрекать меня за это.

Чтобы успокоить короля и увѣрить его, что это письмо никогда не будетъ сообщено, пришлось даже прибѣгнуть къ содѣйствію русскаго посланника.

Затѣмъ въ воспоминаніяхъ Понятовскаго мы находимъ не лишній интереса рассказъ о его встрѣчахъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Первоначально великій князь чувствовалъ сильное нерасположеніе къ Понятовскому, но затѣмъ императрицѣ удалось примирить ихъ настолько, что между ними даже завязалась правильная переписка.

Въ 1781 году великій князь началъ свое большое путешествіе, и такъ какъ онъ долженъ былъ проѣзжать черезъ польскія владѣнія, то король послалъ князя Понятовскаго къ нему навстрѣчу. Великій князь и великая княгиня были съ нимъ очень любезны, такъ что совмѣстное путешествіе оставило въ немъ очень пріятное впечатлѣніе. Между прочимъ, въ своихъ разговорахъ великій князь упомянулъ о письмѣ, написанномъ Понятовскимъ императрицѣ изъ Могилева, и сказалъ при

этомъ: «Надѣюсь, что вы и не ожидали отвѣта». Изъ этихъ словъ Понятовскій заключилъ, что великомѣ князю сообщалось обо всемъ, если онъ зналъ даже объ этомъ.

Однажды имъ пришлось ночевать въ замкѣ князя Яблоновскаго, построенномъ на искусственномъ островѣ среди озера и сильно укрѣпленномъ. Этотъ Яблоновскій, при всей своей учености, славился своими странностями и тщеславіемъ. Такъ, напримѣръ, существовало преданіе, что все пространство, которое занимало нѣкогда Польское королевство, принадлежало когда-то четверемъ братьямъ-государямъ, и что одного изъ нихъ звали Пруссомъ. Такъ какъ гербъ Яблоновскихъ состоитъ изъ такого же орла, какъ и гербъ Пруссіи, то князь Яблоновскій устроилъ въ Лейпцигѣ большой конкурсъ для тѣхъ, кто напишетъ сочиненіе на тему: «Какъ и въ какое время существовалъ этотъ Пруссъ?» Сочиненіе, удостоившееся преміи, доказывало, что этотъ Пруссъ никогда не существовалъ.

Жена Яблоновскаго, не менѣе сумасбродная, чѣмъ онъ самъ, велѣла положить у постели великаго князя два огромные пистолета, украшенные камнями, а въ ногахъ поставить часы, игравшіе каждые четверть часа маленькія, а каждый часъ большія аріи. Великій князь никакъ не могъ заснуть и былъ вынужденъ встать ночью, чтобы прекратить эту музыку.

По приѣздѣ въ Броды, чтобы убить какъ-нибудь послѣобѣденное время, великій князь, никогда не видѣвшій еврейской синагоги, предупредилъ австрійскаго генерала о своемъ желаніи посмотреть ее. Генералъ поставилъ по дорогѣ къ синагогѣ двойной рядъ часовыхъ, но на разстояніи около десяти шаговъ одинъ отъ другаго. Великій князь съ сопровождавшими его лицами отправился пѣшкомъ; «между тѣмъ, рассказываетъ Понятовскій, еврейское населеніе, очень многочисленное въ этомъ мѣстѣ и болѣе любопытное, чѣмъ гдѣ бы то ни было, собравшись толпою, надвинулось на часовыхъ и смяло ихъ. Какъ только мы вошли въ синагогу, двери захлопнулись за нами съ громадною силою при громкихъ крикахъ раненыхъ или раздавленныхъ. Черезъ нѣкоторое время улицу очистили, и мы вернулись съ этой чудной прогулки. Великій князь уже тогда былъ дурно расположенъ къ австрійцамъ: можно судить о шуткахъ, поводомъ къ которымъ послужило это происшествіе!»

Въ 1783 году великій князь возвращался изъ своего путешествія, и князь Понятовскій былъ посланъ привѣтствовать его въ Бѣлостокѣ, гдѣ высокій путешественникъ былъ гостемъ тетки Понятовскаго Браницкой. Великій князь относился къ ней съ особымъ уваженіемъ, но великая княгиня, замѣчаетъ Понятовскій бывала любезна всегда и всюду. Затѣмъ онъ сопровождалъ высокихъ путешественниковъ при проѣздѣ черезъ Литву, и однажды, въ Чадовѣ, незная чѣмъ развлечь ихъ въ послѣ-

объединенное время, приказалъ сыграть еврейскую свадьбу и распорядился, чтобы въ замокъ явилась вся синагога съ обычными пѣснями, обрядностями, шутами и въ традиціонныхъ костюмахъ. «У евреевъ всегда есть кого поженить», пишетъ Понятовскій и рассказываетъ, что эта шутка доставила великому князю большее удовольствіе, чѣмъ какое бы то ни было торжество. Передъ отъѣздомъ Понятовскій устроилъ для великаго князя, дѣйствительно, ужасный концертъ, данный его егерями, подражавшими вою волковъ—самцовъ, самокъ и волчатъ. Эта поистинѣ адская музыка заставила Павла Петровича много смѣяться. Понятовскій проводилъ его до Митавы и при разставаніи получилъ оригинальный подарокъ. Еще до своего брака великій князь и великая княгиня при первомъ своемъ свиданіи въ Россіи обмѣнялись маленькими кольцами съ бриллиантовыми вензелями. Они велѣли сломать оба эти кольца и снятыми съ нихъ вензелями украсить очень простую записную книжку, которую и подарили Понятовскому на память.

Лѣтомъ 1784 года Понятовскій ѣздилъ въ Германію и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о личности и образѣ жизни Фридриха Великаго. «Онъ принялъ меня, рассказываетъ авторъ воспоминаній, въ маленькой галлерей, примыкающей къ круглой башнѣ замка. Въ этой галлерей находился атласъ, въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ остававшійся развернутымъ на одной и той же картѣ — картѣ Польши. Рядомъ съ этой галлереей помѣщалась его спальня, гдѣ стояла кровать, на которой онъ спалъ, покрывая голову не ночнымъ колпакомъ, а форменной шляпой прусскаго образца. Затѣмъ они прошли въ желтый кабинетъ, и какъ только вошли туда, обѣ двери, ведшія въ кабинетъ, закрылись извнѣ. Въ этой комнатѣ собрались всѣ генералы, чтобы выслушать пароль. Понятовскій считалъ неудобнымъ проникать въ эту «тайну» и отошелъ въ самый дальній уголь. Изъ кабинета всѣ вышли вмѣстѣ; генералы передали пароль офицерамъ всѣхъ полковъ, которые, въ свою очередь, сообщали его унтеръ-офицерамъ, ожидавшимъ во дворѣ. По словамъ Понятовскаго, эта картина производила внушительное впечатлѣніе. Послѣ этого король перешелъ въ другой, довольно бѣдно меблированный, кабинетъ, гдѣ его ждалъ дипломатическій корпусъ. Здѣсь онъ немного побалагуривъ раскланялся и прошелъ съ Понятовскимъ по галлерей, въ которой, недалеко отъ дверей, сидѣлъ маршалъ Цитенъ, старикъ за восемьдесятъ лѣтъ, одѣтый молодымъ гусарскимъ офицеромъ. Король обратился къ нему съ нѣсколькими милостивыми словами, произнесенными совершенно инымъ тономъ, чѣмъ тотъ, которымъ онъ только что говорилъ. По этому поводу Понятовскій замѣчаетъ, что Фридрихъ Великій обладалъ своеобразнымъ даромъ въ одно мгновеніе измѣнять тонъ и выраженіе лица.

Въ этой галлерей вниманіе Понятовскаго привлекли чудные gobes-

лены со сценами, заимствованными изъ Библии. Цитень сидѣлъ подѣ небольшимъ и посредственнымъ портретомъ императрицы Екатерины II, а надѣ этимъ портретомъ помѣщалось изображеніе Христа, изгоняющаго изъ храма торговцевъ. Говоря о мѣстѣ, отведенномъ для портрета императрицы, Понятовскій замѣчаетъ, «что подобныя сатиро-эпиграмматическія наклонности могли быть свойственны лишь челоуѣку, гениальность котораго поддѣплялась болѣе, чѣмъ трехсотъ тысячною (?) превосходною арміею».

Упомянутые гобелены попали къ Фридриху благодаря чистой случайности. Онѣ должны были получить воспроизведеніе битвъ Александра, а гобелены со сценами изъ Библии предназначались для папы Бенедикта XIV. Отправляя ихъ по назначенію, перепутали адресъ, а впоследствии папа не пожелалъ исправить эту ошибку, сказавъ, что у него уже достаточно библейскаго, а у короля и безъ того довольно битвъ. Такъ гобелены и остались тамъ, куда они попали.

На слѣдующій день происходили маневры, и Понятовскій подмѣтилъ при этомъ двѣ вещи: «первое, что взводы, еще не доходя до короля шаговъ десяти, шли съ небрежностью, граничившей съ безпорядкомъ. Но, какъ только офицеръ командовалъ: «ровняйся», они въ одно мгновеніе выстраивались въ самую безукоризненную линію; второе — что, когда король смотрѣлъ на свои войска, его необыкновенно большіе глаза принимали страшное выраженіе, но затѣмъ, какъ только онъ поворачивался къ сопровождавшимъ его лицамъ, его взглядъ становился кроткимъ и привѣтливымъ».

Послѣ прохожденія войскъ король галономъ направился въ Шарлоттенбургъ. Дорогою его лошадь попала въ какую-то канаву, и король упалъ бы, еслибы герцогъ Брауншвейгскій не удержалъ его въ сѣдлѣ. Послѣ этого онъ продолжалъ свой путь какъ ни въ чемъ небывало.

Считаемъ не безынтереснымъ для характеристики Фридриха Великаго привести рассказъ Понятовскаго о его первомъ знакомствѣ съ нимъ. Оно произошло въ 1770 году въ Нейштадскомъ лагерѣ, гдѣ Понятовскій, тогда еще совершенный юноша, былъ представленъ ему императоромъ Іосифомъ II. Этотъ лагерь былъ почти залитъ непрерывно шедшими проливными дождями, и Фридрихъ Великій, желавшій, изъ любезности, представиться императору Іосифу въ бѣломъ мундирѣ, нашелъ въ своей арміи только одинъ такой мундиръ и то весь промокшій насквозь; чтобы высушить его и отправиться на обѣдъ къ императору, Фридрихъ Великій долженъ былъ одѣть его и лечь въ постель.

Хотя изъ всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ генераловъ, Ласси былъ самымъ старшимъ, Фридрихъ подозвалъ и посадилъ возлѣ себя маршала Лаудона, сказавъ ему при этомъ:

— Прошу васъ, маршалъ, сядьте здѣсь, такъ какъ мнѣ пріятнѣе имѣть васъ рядомъ съ собою, чѣмъ противъ себя.

Вечеромъ того же дня былъ дагъ спектакль, состоявшій изъ балета и оперы-буффъ; во все время представленія Фридрихъ Великій хотѣлъ разыгрывать роль маленькаго курфюрста и, разговаривая съ императоромъ, садился постоянно на кончикъ стула. Понятовскій наблюдаетъ все это, сидя позади нихъ вмѣстѣ съ княземъ де-Линь, сохранявшимъ самый серьезный видъ, а между тѣмъ декламировавшимъ вполголоса импровизированные имъ стихи въ нѣсколько сотенъ строкъ, главнымъ содержаніемъ которыхъ служили противоестественныя наклонности Фридриха Великаго въ области любви.

«Все, что происходило тогда, замѣчаетъ Понятовскій, было бы только забавно, если бы тамъ не былъ подготовленъ раздѣлъ Польши».

Попутно мы приведемъ здѣсь сдѣланную Понятовскимъ характеристику Людовика XV и его рассказъ о случаѣ, произошедшемъ съ нимъ при французскомъ дворѣ во время его путешествія въ Парижъ въ 1773 году, когда ему было всего лишь девятнадцать лѣтъ. «Это былъ предпоследній годъ царствованія Людовика XV, самая блестящая эпоха во Франціи по развитію общественности, по количеству пріятныхъ людей, выдававшихся своими познаніями и дарованіями. Либеральныя идеи уже начинали пробиваться наружу и порождали большія надежды. Одинъ лишь дворъ чуждался ихъ. Людовикъ XV, человекъ умный, очень красивый и имѣвшій возможность рассчитывать на громкую славу, не достигъ ея вслѣдствіе дурнаго воспитанія, отдавшійся всевозможнымъ удовольствіямъ, пресыщенный и равнодушный ко всему, что не доставляло ихъ. Я былъ представленъ ему, а затѣмъ всему его семейству; все произошло согласно требованіямъ этикета».

II.

Въ 1787 году состоялось путешествіе императрицы Екатерины II въ Крымъ. Одновременно съ этимъ въ Каневъ прибылъ король Станиславъ-Августъ, и такъ какъ польскіе законы воспрещали ему переступать границы своего королевства, то императрица сама вступила въ предѣлы Польши со своей великолѣпной флотиліей.

Первая встрѣча императрицы съ королемъ произошла въ присутствіи весьма немногихъ свидѣтелей. Понятовскій объясняетъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что оба они были такъ далеки отъ молодости, въ которой знали другъ друга, что могли бы испытывать наловкость, встрѣтив-

шись при многочисленномъ обществѣ. Зато обѣдъ, послѣдовавшій за свиданіемъ, отличался многочисленностью и сопровождался музыкою и пѣніемъ. Когда король собрался уѣзжать и искалъ глазами свою шляпу, императрица замѣтила это и подала ему ее. «Votre Majesté veut donc me souvrir une seconde fois», находчиво отвѣтилъ ей король.

Какъ при прибытіи, такъ и при отъѣздѣ короля, былъ произведенъ пушечный салютъ со всѣхъ пятидесяти судовъ, составлявшихъ сопровождающую императрицу флотилію. Между прочимъ Понятовскій рассказываетъ, что поѣздка короля въ Каневъ способствовала усиленію въ Польшѣ симпатій къ Пруссіи. Такъ какъ Россія предполагала заключить на ближайшемъ сеймѣ оборонительный и наступательный союзъ съ Польшей, то противившаяся этому партія встрѣчала со стороны короля холодный пріемъ и, оскорбленная, обратилась къ Пруссіи, которой сдѣлала подобное же предложеніе, обставивъ его разными слишкомъ рискованными обѣщаніями, побудившими Пруссію принять его.

Во время этой же поѣздки Станислава-Августа, Понятовскому удалось устроить его свиданіе съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II. Интересно, что разставаясь императоръ сказалъ королю:

— Государь! сколько событій вовсе не произошло бы, если бы мы раньше познакомились другъ съ другомъ! Но я общаю вамъ, что пока я живъ, Польша не утратитъ ни одного листа на деревѣ.

Позднѣе Понятовскій снова увидѣлъ Іосифа II въ Херсонѣ, куда императрица Екатерина II отправилась изъ Кіева, и гдѣ, въ одномъ изъ своихъ разговоровъ съ королемъ, онъ узналъ отъ него о рѣшеніи, принятомъ имъ съ императрицей, что онъ, Понятовскій, вступитъ на польскій престолъ послѣ смерти Станислава-Августа. Между прочимъ императоръ сдѣлалъ ему странное признаніе, особенно поразившее его тѣмъ, что оно могло быть сдѣлано въ такой близости отъ императрицы,— онъ сказалъ, что ничего такъ не желаетъ, какъ полного возстановленія Польши, что оно необходимо для спокойствія Европы, и что, если только остальные двѣ державы согласятся послѣдовать его примѣру, онъ откажется отъ Галиціи и отъ всего, что Австрія взяла отъ Польши. По словамъ Понятовскаго, этотъ планъ сильно занималъ тогда императора.

Въ воспоминаніяхъ Понятовскаго сохранилось нѣсколько интересныхъ подробностей о пребываніи императрицы Екатерины въ Херсонѣ. Между прочимъ, для ея встрѣчи была выстроена громадная триумфальная арка, подъ которою она проѣхала въ вызолоченной каретѣ съ большимъ вензелемъ изъ брильянтовъ-солитеровъ. На фронтонѣ арки была сдѣлана надпись по-гречески. Понятовскій старался узнать, что она означаетъ, но никто не могъ сказать ему этого, и только архіепископъ удовлетворилъ его любопытство: надпись гласила: «это дорога, ведущая въ Константинополь». Конечно, подобная надпись не могла пока-

заться пріятною очаковскимъ туркамъ, и они приготовили флотъ, встревожившій Херсонъ.

Относительно Потемкина Понятовскій рассказываетъ слѣдующіе два анекдота, по его словамъ, довольно хорошо характеризующіе князя Тавриды. Казаново, бывшій близкимъ другомъ князя Кауница, спросилъ его однажды, допускаетъ-ли онъ, что Потемкинъ, дѣйствительно, таковой геніальный человѣкъ, какъ многіе утверждаютъ.

— Я не знаю, геніальный ли онъ человѣкъ, отвѣчалъ Кауницъ, во всякомъ случаѣ, это человѣкъ, весьма необыкновенный.

Однажды Понятовскій разговаривалъ съ Потемкинымъ, и такъ какъ его украинскія имѣнія граничили съ имѣніями свѣтлѣйшаго, рѣчь зашла о хозяйствѣ. Потемкинъ спросилъ его, во что ему обходится на заводѣ каждый жеребенокъ. Понятовскій отвѣчалъ, что за вычетомъ всѣхъ расходовъ, въ четыре дуката.

— Это дорого, отвѣчалъ Потемкинъ;— лошади, рождающіяся у меня на заводѣ, мнѣ ничего не стоятъ.

Понятовскій выразилъ ему свое удивленіе по этому поводу, и Потемкинъ продолжалъ:

— Мои заводы находятся въ рукахъ калмыковъ, ѣдящихъ всякую пададь.

Пока онъ развивалъ свои планы хозяйничанія, передъ нимъ былъ выдвинутъ ящикъ, наполненный крупными брилліантами - солитерами, представляющими, по словамъ Понятовскаго, стоимость въ нѣсколько миліоновъ, и говоря о калмыкахъ, онъ захватывалъ эти брилліанты своею рукою и пересыпалъ ихъ обратно въ ящикъ.

Понятовскій замѣтилъ ему, что отъ этого они не станутъ болѣе красивыми.

— Вы не можете представить себѣ, какое удовольствіе доставляетъ мнѣ этотъ брилліантовый дождь!—отвѣчалъ Потемкинъ.

— Онъ пользовался, — говоритъ Понятовскій, — болѣе широкою, прочною и самостоятельною властью, чѣмъ кто бы то ни было, о комъ мы знаемъ изъ исторіи, такъ какъ его могущество покоилось на геніи и великомъ характерѣ императрицы.

По поводу отказа четырехъ-лѣтняго сейма (1787—1791) вступить въ союзъ съ Россіей, Понятовскій указываетъ на взгляды самого Станислава-Августа на отношенія къ Польшѣ Россіи и Пруссіи.

«Король всегда былъ противъ союза съ Пруссіей, потому что эта держава могла распространяться только за счетъ Польши, и все, что она ни дѣлала въ разное время, постоянно клонилось къ этой цѣли. Слѣдовательно, недовѣріе короля было вполнѣ понятно, и послѣдующія событія слишкомъ наглядно доказали это. Напротивъ того, въ сближеніи съ Россіей король видѣлъ то преимущество, что оно доставило бы

Польшѣ сильнаго и надежнаго союзника, который въ ея положеніи былъ необходимъ ей во всѣхъ отношеніяхъ. «Такимъ образомъ, — говоритъ Понятовскій, — мнѣніе короля было основано на очень хорошихъ соображеніяхъ. Но сильныя причины неудовольствія противъ Россіи помѣшали, чтобы народъ пожелалъ когда-либо обратить на нихъ вниманіе. Единственно, что королю удалось добиться, такъ это отсрочки принятія окончательнаго рѣшенія. Русскій посолъ постоянно грозилъ ввести въ страну войска, и король хотѣлъ избѣжать войны, которая превратилась бы въ междоусобную, такъ какъ народъ былъ противъ Россіи, а большинство магнатовъ на сторонѣ Россіи. Россія вела въ то время войну съ Турціей и ничего не предпринимала противъ Польши, потому что она боялась создать себѣ новыя затрудненія. Въ то время Россія еще не знала всей шири своихъ силъ, да и тѣми, которыя были, пользовалась очень дурно. И только наполеоновскія войны открыли этой безграничной имперіи все величіе имѣющихся въ ея распоряженіи средствъ.

«Что касается сейма, то онъ сдѣлалъ очень немного изъ того, что долженъ былъ бы сдѣлать, и потерялъ на пустую болтовню время, которое могъ бы употребить съ пользою».

На сколько члены сейма часто не понимали, что они дѣлали и за что вотировали, лучше всего видно изъ слѣдующаго анекдота, рассказаннаго Понятовскимъ по поводу всеобщаго восторга, охватившаго польское общество, вслѣдствіе принятія сеймомъ пресловутой конституціи 3-го мая 1791 года, составленной въ чисто демократическомъ духѣ.

Въ самый день принятія конституціи, 3-го мая, Понятовскій, пріѣхавъ вечеромъ во дворецъ къ королю, засталъ тамъ многочисленное общество, состоявшее изъ сеймовыхъ депутатовъ, сенаторовъ, министровъ и дамъ. Когда онъ вошелъ въ залу, многіе обратились къ нему съ возгласами:

— Какой рѣдкій случай вы упустили сегодня, не бывши въ засѣданіи! Вы бы увидѣли счастье и восторгъ народа достигшими своего апогея!

— Я желаю, чтобы и въ будущемъ остались довольны всѣмъ этимъ, — отвѣчалъ Понятовскій. — Но позвольте мнѣ замѣтить при этомъ, что, если вы были дворяниномъ еще сегодня утромъ, то вы уже перестали быть имъ сегодня вечеромъ, потому что въ этой конституціи сказано, что каждый, кто докажетъ обладаніе состояніемъ въ 500 дукатовъ, тотчасъ же признается благороднымъ вмѣстѣ со своей семьей; такимъ образомъ, передавая одну и ту же сумму изъ одной семьи въ другую, можно сдѣлать благородными всѣхъ обитателей Польши, ни гроша не теряя при этомъ.

Всѣ возразили, что ничего подобнаго рѣшительно не было на сеймѣ.

Понятовскій продолжалъ настаивать на своемъ, и когда графъ Мишекъ, оберъ-гофмаршалъ короля, отдѣлившись отъ говорившихъ и наклонившись королю, позволилъ себѣ спросить его, справедливо ли то, что утверждалъ Понятовскій, то король, съ присущей ему невозмутимостью, утвердительно кивнулъ головою и произнесъ:

— Это дѣйствительно сказано тамъ.

Когда отвѣтъ короля былъ переданъ остальному обществу, Понятовскій далъ полную волю своему негодованію.

— И вотъ,—воскликнулъ онъ,—какимъ представителямъ, вотирующимъ столь важные законы, даже не понимая ихъ, народъ ввѣрилъ свою судьбу!

Послѣ введенія конституціи 3-го мая 1791 г. Понятовскій уѣхалъ изъ Польши и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Римѣ. Интересенъ его рассказъ о знакомствѣ съ папой Піемъ VI.

«Папа Піи VI былъ странный человѣкъ; онъ былъ богато одаренъ отъ природы, но былъ лишенъ всякаго воспитанія и свѣтскаго доска и, кромѣ того, былъ вспыльчивъ, какъ ксендзъ XVI столѣтія. Для доказательства этого достаточно будетъ рассказать то, что произошло между нимъ и мною въ первый разъ, когда я увидѣлъ его. Мнѣ были назначены день и часъ аудіенціи. Когда я явился, то, вмѣсто того, чтобы ввести меня тотчасъ же къ папѣ, къ нему ввели прежде англійскаго претендента, что я нашелъ неприличнымъ и потому уѣхалъ. Это вызвало толки, и папа послалъ ко мнѣ кардинала Целада, государственнаго секретаря, извиниться передо мною и сказать, что претендентъ опоздалъ, и папа желаетъ, чтобы я самъ назначилъ день и часъ аудіенціи. Послѣ усиленнаго обмѣна любезностей мы сговорились. Въ назначенный часъ я отправился въ Ватиканъ, но нашелъ всѣ переднія пустыми. Кое-какъ собрали кого могли, и меня ввели къ папѣ. Онъ приблизился ко мнѣ съ яростнымъ видомъ и, показывая свои часы, прознесъ:

— Вы можете видѣть, что теперь еще рано.

— Но кто можетъ сомнѣваться, что часъ, который показываютъ эти часы, обязательенъ для всего христіанскаго міра? — отвѣчалъ я ему спокойно и съ почтительнымъ видомъ, хотя онъ мало внушалъ мнѣ уваженія.

«Эта лесть сразу успокоила и привела его въ такое хорошее расположение духа, что онъ задержалъ меня болѣе часу и мы разстались самымъ дружескимъ образомъ».

III.

Послѣ окончательнаго раздѣла Польши нѣбнія Понятовскаго, почти исключительно находившіяся въ той части Царства, которая отошла къ Россіи, были секвестрованы по распоряженію русскаго правительства. Понятовскій написалъ въ Петербургъ нѣсколько писемъ, прося о возстановленіи его правъ, но не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ, князь Репнинъ, бывшій тогда литовскимъ губернаторомъ, сообщилъ ему въ видѣ дружескаго совѣта, что онъ никогда не добьется никакого отвѣта, если лично не отправится въ Петербургъ. Въ то же время ему стало извѣстно, что бывшій тогда въ силѣ Зубовъ хлопоталъ, чтобы его имѣнія были отданы ему, Зубову, но что императрица сказала ему: «Что касается секвестра—да, но что касается конфискаціи, мы посмотримъ, прійдетъ ли онъ». Поэтому, несмотря на все свое нежеланіе, Понятовскій рѣшилъ съѣздить въ Петербургъ и въ апрѣлѣ 1795 года выѣхалъ изъ Рима. Онъ направился на Варшаву, чтобы повидаться съ отцомъ и провести съ нимъ одинъ день. Тамъ онъ засталъ Суворова и слѣдующимъ образомъ описываетъ встрѣчу съ нимъ. «Въ моемъ чудномъ загородномъ домѣ жилъ Суворовъ, и, желая взглянуть на первый, я не могъ избѣжать послѣдняго. Но гдѣ я увидѣлъ его? Въ чуланѣ, гдѣ для меня приготавливали кофе. Онъ пошелъ ко мнѣ навстрѣчу и сказалъ:

— Мнѣ совѣстно, что вы находите меня здѣсь. Но за то, посмотрите, какъ я содержу вашъ домъ.

«Дѣйствительно, вся хорошая мебель была составлена, по его приказанію, въ сарай, нигдѣ не было ни столовъ, ни стульевъ, а въ той очень маленькой комнаткѣ, гдѣ онъ занимался дѣлами, стояли лишь столъ и два стула, такіе, какихъ не найти въ самомъ жалкомъ кабацѣ.

«Такъ какъ онъ давно зналъ меня, онъ вполне естественно сказалъ мнѣ:

— Мы не можемъ избѣжать войны съ Франціей, и мнѣ поручать вести ее.

«Затѣмъ онъ подробно изложилъ мнѣ планъ страшной рѣзни, выработанный имъ. Онъ хотѣлъ заставить меня отобѣдать съ нимъ, но это никоимъ образомъ не отвѣчало моимъ желаніямъ. Я разстался съ нимъ, когда его обѣдъ уже былъ поданъ; онъ проглотилъ стаканъ водки, налилъ другой, перекрестился, предложилъ его мнѣ, и я не могъ отказаться выпить, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ него; мой отецъ ожидалъ меня у дверей; когда я сѣлъ въ карету, я былъ почти пьянъ».

Понятовскому сказали, что онъ можетъ попросить у Суворова пас-

портъ въ Петербургъ, и что тогда его нигдѣ не задержать, а въ противномъ случаѣ, придется посылать курьера и ждать его возвращенія.

Но нерасположеніе Понятовскаго къ Суворову было такъ велико, что онъ не хотѣлъ ѣхать съ паспортомъ выданнымъ имъ, и, избравъ послѣдній исходъ, одинъ мѣсяць прождалъ въ Гродно. Тамъ онъ нашелъ короля и князя Репнина. «Репнинъ, говоритъ Понятовскій,— совершенно измѣнился; изъ крайне гордаго и запальчиваго, какимъ былъ, онъ превратился въ скромнаго, тихаго и покорнаго судьбѣ, что произошло оттого, что онъ совершенно впалъ въ мартинизмъ. Онъ оказалъ мнѣ, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, всѣ услуги, которыя зависѣли отъ него. Это былъ человекъ чести, надѣленный почтенными достоинствами, и прежній Репнинъ просыпался въ немъ крайне рѣдко. Король могъ быть лишь грустнымъ и меланхоличнымъ; его поддерживали громадныя запасы религіозности безъ примѣси суевѣрія, обширныя познанія и интересъ къ совершавшимся въ Европѣ великимъ событіямъ».

Когда Понятовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, императрица назначила ему аудіенцію въ Царскомъ Селѣ. «Это было въ воскресенье, пишетъ онъ; — во время моего разговора съ нею она рассказала о всемъ, что было со мною послѣ моего отъѣзда изъ Польши, о томъ, что я строю домъ въ Римѣ, и вообще я нашелъ ее прекрасно освѣдомленною обо всемъ, что касалось меня. Я предпочелъ бы, чтобы она хоть слово сказала о секвестрѣ, такъ какъ не мнѣ было заговаривать съ ней объ этомъ. Затѣмъ мы перешли въ церковь, гдѣ находился весь дворъ. Императрица подозвала князя Зубова и сказала ему что-то; послѣ этого онъ подошелъ ко мнѣ и сообщилъ, что императрица поручила ему спросить меня, желаю ли я остаться обѣдать. Столь необыкновенное обстоятельство привлекло вниманіе двора. Я прекрасно понялъ, что эта миссія вице-императора Россіи имѣла цѣлью не приглашеніе меня на обѣдъ, а желаніе дать понять, что она желала, чтобы я хорошо былъ принятъ въ Петербургѣ—деликатность, которую можетъ проявить лишь женщина подобнаго ума. Нѣтъ надобности прибавлять, что князь Зубовъ далеко не былъ польщенъ этимъ порученіемъ, и съ этого мгновенія я сталъ держаться по отношенію къ нему такого тона, котораго не могъ позволить себѣ ни одинъ посолъ, не говоря уже объ его соотечественникахъ.

«Я часто видѣлъ императрицу въ этомъ чудномъ загородномъ уголкѣ; иногда тамъ устраивались довольно длинныя прогулки, послѣ которыхъ всѣ усаживались, и она говорила о вещахъ, которыя мнѣ было интересно узнать. Какъ и слѣдовало ожидать, единственной странною, не входившею въ эту программу, была Польша, а чаще всего рѣчь заходила о государствахъ, граничившихъ съ Россіей на югѣ и

востокѣ, и которыя она знала лучше, чѣмъ кто бы то ни было. Между тѣмъ, происходившіе иногда въ это время танцы продолжали идти своимъ чередомъ, не возбуждая въ танцующихъ особаго удовлетворенія».

По словамъ Понятовскаго, объ императрицѣ Екатеринѣ II большею частью имѣють очень невѣрное представленіе. «За исключеніемъ особенно торжественныхъ случаевъ и ея бесѣдъ съ дипломатами, хотя бы самыми любезными во всей Европѣ, ея разговоръ отличался простотою, естественностью и большой поучительностью. Не зная кто она, всякій принялъ бы ее за жену какого-либо бургомистра или очень богатаго и просвѣщеннаго негоціанта; ей нравилось держать себя подобнымъ образомъ, когда она считала удобнымъ выходить изъ своей ходульной роли. Единственными моментами, когда въ ней проглядывала самодержица, были тѣ, когда она говорила о своей имперіи: тогда она воодушевлялась постепенно — заходила рѣчь о пятой части земнаго шара, о томъ, что Европа была заселена Востокомъ, и развѣ этотъ Востокъ не Россія? и т. д., и т. д. Быть можетъ, она потому была нѣсколько расположена ко мнѣ, что я очень любилъ слушать ее и менѣе надоедалъ ей лестью: она была слишкомъ умна, чтобы не понимать всей ея пошлости, а между тѣмъ, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, была вынуждена выслушивать ее со стороны столькихъ лицъ, которыя не умѣли говорить съ ней иначе».

По возвращеніи изъ Царскаго въ Петербургъ императрица была озабочена ожидавшимся пріѣздомъ шведскаго короля и предположеннымъ бракомъ его съ великою княжною Александрой Павловной. Въ день перваго пріема короля, она дала знать Понятовскому, чтобы послѣ обѣда онъ явился въ Эрмитажъ. Императрица находилась тамъ почти совершенно одна. Густавъ явился туда съ герцогомъ Зюдерманландскимъ и съ избранною свитою. Герцогъ сталъ неловко извиняться передъ императрицею въ томъ, что имѣлъ несчастье командовать войсками, сражавшимися противъ ея арміи; Екатерина нашлась и любезно отвѣтила ему:

— Я должна сообщить вамъ, герцогъ, объ одной невзгодѣ, которой подвергаются люди моихъ лѣтъ—я потеряла память.

Пока императрица, король и герцогъ разговаривали между собою въ теченіе получаса, Понятовскій оживленно бесѣдовалъ съ лицами свиты. Такъ какъ они не были представлены другъ другу, то это удивило Екатерину, и она спросила его:

— Развѣ вы знакомы съ этими шведами?

— Я не знаю ни одного изъ нихъ,—отвѣчала Понятовскій,—но это шведы.

«Этотъ отвѣтъ,—замѣчаетъ Понятовскій,—выказавшій извѣстное

*

предпочтеніе, могъ оскорбить ея, но, быть можетъ, она вспомнила о близкихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между моимъ дѣдомъ и Карломъ XII».

Время пребыванія короля шведскаго въ Петербургѣ ознаменовалось многочисленными балами и болѣе интимными собраніями у императрицы. На этихъ вечерахъ Екатерина посвящала Понятовскаго въ ходъ переговоровъ о предстоящемъ бракѣ великой княжны. Однажды, въ Таврическомъ дворцѣ былъ данъ балъ съ такимъ ограниченнымъ числомъ танцующихъ, что они почти затеривались въ огромной залѣ. Императрица, проходя мимо Понятовскаго, замѣтила ему:

— Сейчасъ мы покончимъ съ королемъ наше дѣльце.

Затѣмъ она прошла въ конецъ залы и сѣла тамъ съ Густавомъ; они говорили довольно долго и, казалось, были оба довольны. «Но дѣло въ томъ,—замѣчаетъ Понятовскій,—что король не понялъ хорошенько, чего желала императрица».

На слѣдующій день должно было состояться обрученіе. Весь дворъ собрался при самой торжественной обстановкѣ, церковь была залита огнями, невѣста была въ великолѣпномъ туалетѣ, и ожидали лишь прибытія короля, къ которому императрица послала графа Моркова, чтобы дать ему подписать письменное обязательство, подтверждавшее все то, что, какъ она думала, было условлено наканунѣ между нею и королемъ. «Въ этомъ документѣ,—говоритъ Понятовскій,—были выговорены различныя чрезмѣрные преимущества въ пользу православной церкви,—пунктъ, относительно котораго императрица была всегда менѣе всего сговорчива. Тамъ было сказано, что будущая шведская королева будетъ имѣть въ Стокгольмѣ свою православную церковь, и что, если бы королева и захотѣла когда-либо перемѣнить свою религію, король не долженъ этого допускать».

Густавъ не счелъ возможнымъ подписать послѣднее условіе. Императрица все еще надѣялась склонить его къ этому, но король несмотря на всѣ увѣщанія герцога Зюдерманландскаго и всей своей свиты, за исключеніемъ графа Флемминга, особенно преданнаго ему, ни за что не хотѣлъ согласиться на это.

«Предположенное торжество не состоялось, и отказъ короля имѣлъ крайне серьезныя послѣдствія. Конечно, онъ долженъ былъ отразиться и на личныхъ отношеніяхъ къ Густаву императрицы и цесаревича Павла Петровича. Оба они обошлись на слѣдующій день съ крайнею холодною, принявшею у великаго князя демонстративный оттѣнокъ, потребовавшій даже вмѣшательства императрицы. «Вечеромъ,—разсказывалъ Понятовскій,—по обыкновенію былъ балъ; я разговаривалъ съ великимъ княземъ о разныхъ пустякахъ, какъ вдругъ онъ внезапно отошелъ отъ меня и сталъ между двумя колоннами бѣлой галлерей; я

старался отгадать, что могло такъ подѣйствовать на него, и увидѣлъ входившаго шведскаго короля. Онъ подошелъ привѣтствовать великаго князя, который, продолжая стоять заложивъ нога за ногу, еле кивнулъ ему головою; король отшатнулся назадъ, и остался неподвижнымъ. Князь Юсуповъ тотчасъ же пошелъ предупредить объ этомъ императрицу, не замедлившую явиться въ залу. Она начала съ того, что приказала великому князю удалиться, а затѣмъ сказала его супругѣ пригласить на танцы шведскаго короля; молодыя великія княжны разобрали остальныхъ шведовъ, и балъ продолжалъ идти своимъ чередомъ, какъ будто ничего не случилось.

«Это кажущееся спокойствіе императрицы въ столь критическій моментъ, который могъ мгновенно разрѣшиться войною, много стоилъ ей. Такъ какъ она сообщала мнѣ о всемъ ходѣ этихъ переговоровъ, и, такъ какъ по мѣсту, которое я занималъ на всѣхъ придворныхъ собраніяхъ, я стоялъ первымъ при ея выходахъ, она замѣтила мнѣ со спокойствіемъ, являвшимся слѣдствіемъ большаго запаса твердости.

— Когда не въ чемъ упрекать себя, всегда идешь съ высоко поднятою головою.

«Нѣсколько дней спустя, король уѣхалъ, и вслѣдъ за тѣмъ состоялись выходъ и балъ ¹⁾ въ мраморномъ залѣ, на которые былъ приглашенъ и дипломатическій корпусъ, не участвовавшій въ собраніяхъ, бывавшихъ у императрицы во время пребыванія въ Петербургѣ Густава, и потому чувствовавшій себя нѣсколько обиженнымъ этимъ. Императрицѣ нужно было сказать собравшимся нѣсколько словъ, и она замѣтила Понятовскому, стоявшему по правую сторону трона (представители дипломатическаго корпуса стояли по лѣвую сторону).

— Мнѣ было бы пріятнѣе сдѣлать десять тысячъ шаговъ, чѣмъ эти десять.

«Относительно заболѣвшаго тогда внезапно графа Моркова, принимавшаго участіе въ веденіи переговоровъ о замужествѣ великой княжны, стали ходить при дворѣ разные неблагопріятные для него слухи, и императрица, желая опровергнуть ихъ, произнесла громко при всѣхъ:

— Нездоровье графа Моркова многіе позволяютъ себѣ приписывать своего рода опалѣ, но я должна объявить, что онъ дѣлалъ все по моему прямому приказанію.

По этому поводу Понятовскій замѣчаетъ: «то, что императрица брала на себя всю отвѣтственность за неудачи въ столь щекотливыхъ дѣлахъ, и объясняетъ преданность, которую чувствовали къ ней и сохраняли

¹⁾ Упоминаемые Понятовскимъ выходъ и балъ относятся ко дню коронаванія императрицы, который она въ послѣдній разъ праздновала 22-го сентября 1796 года.

лица, служившія ей; и, если бы я не былъ въ Петербургѣ при столь трудныхъ обстоятельствахъ, я никогда не имѣлъ бы представленія о всей широтѣ ума и силѣ характера императрицы».

Такъ какъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія Понятовскаго въ Петербургѣ его имѣнія не были возвращены ему, то онъ написалъ императрицѣ письмо, въ которомъ говорилъ, между прочимъ, что, не имѣя никакихъ доходовъ, живетъ лишь тѣмъ, что даетъ ему аукціонная продажа его посуды и мебели въ Варшавѣ. Послѣ этого письма имѣнія были возвращены ему вмѣстѣ со всѣми полученными съ нихъ доходами, представлявшими двойную сумму противъ того, что онъ получалъ обыкновенно, но за то они были приведены въ самый плачевный видъ ¹⁾.

Императрица, между тѣмъ, не покидала своего намѣренія поселить Понятовскаго навсегда въ Россіи и, послѣ отъѣзда шведскаго короля, велѣла разузнать отъ него, не былъ ли бы онъ расположенъ жениться на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Понятовскій отвѣчалъ на это, что можно имѣть притязанія на руку великой княжны только въ томъ случаѣ, когда имѣешь возможность предложить ей престоль, и что онъ былъ бы очень польщенъ этимъ бракомъ, если бы онъ повлекъ за собою возстановленіе Польши. Понятовскій понималъ, что подобное желаніе неосуществимо, но, по его словамъ, хотѣлъ дать менѣе неприятный отвѣтъ.

О послѣднихъ дняхъ жизни императрицы Екатерины II Понятовскій рассказывалъ слѣдующее: «никогда еще она не казалась такой здоровой, но, тѣмъ не менѣе, ея докторъ Рожерсонъ питалъ кое-какія опасенія и хотѣлъ склонить ее позволить пустить себѣ кровь.

— Дайте мнѣ покончить въ среду мое дѣльце,—отвѣчала императрица,—а послѣ этого я буду въ вашемъ распоряженіи.

Это «дѣльце» заключалось въ томъ, что она должна была подписать утромъ того дня договоръ о четверномъ союзѣ и въ то же время

¹⁾ Возвращеніе Понятовскому, равно и прочимъ „родственникамъ короля польскаго“ конфискованныхъ у нихъ имѣній послѣдовало въ силу слѣдующаго рескрипта императрицы Екатерины II, даннаго на имя Тим. Ив. Тимотиина 3-го декабря 1795 года. „Тимофей Ивановичъ, состоящія въ губерніяхъ, вашему управленію ввѣренныхъ, имѣнія, принадлежатія родственникамъ короля польскаго, а именно: князю Станиславу Понятовскому, графу Михаилу Мнишеку, графу Викентію Тышкевичу, бывшему гетману Михайлѣ Огивскому и княжнѣ Изабеллѣ Любомирской, урожденной княжнѣ Чарторыжской, всемилостивѣйше повелѣваемъ возвратити имъ въ прежнее ихъ владѣніе съ тѣми правами, какими они пользовались до взятія сего имѣнія въ казенный секвестръ и съ доходами, съ нихъ собранными, которые еще въ казну не поступили. Пребываемъ, впрочемъ, вамъ благосклонны“ (Сборникъ импер. русск. историч. общ., т. XVI).

отдать приказъ о наступленіи первой 80-ти-тысячной русской колонны противъ Франціи. Сколько событій зависѣло отъ отсрочки этого кровопусканія всего только на два дня! Я обѣдалъ съ нею въ воскресенье, и никогда еще она не была столь любезной. Между прочимъ, до обѣда, мы говорили съ нею о предполагаемомъ изданіи Гомера, съ греческимъ текстомъ на одной сторонѣ, и съ русскимъ переводомъ его на другой. Это изданіе было бы украшено гравюрами, сдѣланными съ самыхъ чудныхъ античныхъ произведеній. Затѣмъ она спросила меня, видѣлъ ли я только-что выпущенную гравюру, воспроизводившую мраморный залъ; я отвѣтилъ, что нѣтъ; тогда она сказала:

— Мнѣ хочется, чтобы вы имѣли ее, и лучше не откладывать этого.

Затѣмъ она отправилась во внутренніе комнаты, сдѣлала знакъ князю Zubову и вручила ему какую-то бумагу. Князь Zubовъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ.

— Вотъ указъ, который вамъ желательно имѣть.

Этотъ указъ являлся необходимымъ послѣдствіемъ снятія секвестра съ моихъ имѣній. Такъ какъ я просилъ о немъ только за нѣсколько дней до этого, то былъ удивленъ подобною быстротою, столь необычною въ этой странѣ при отправленіи правительственныхъ дѣлъ. Возвратившись, императрица сказала мнѣ:

— Вы найдете снимокъ съ мраморнаго зала въ вашей каретѣ.

Я, какъ должно, поблагодарилъ ее за эту двойную милость.

«Долгое время,—пишетъ Понятовскій,—старались скрыть болѣзнь императрицы, но, когда уже всякая надежда была утрачена, фаворитъ послалъ своего брата Николая извѣстить объ этомъ будущаго императора».

IV.

«Никогда никакое царствованіе не произвело болѣе полнаго переворота, такъ характеризуетъ Понятовскій восшествіе на престолъ Павла Петровича. При самодержавномъ правленіи характеръ государя составляетъ все. Характеръ императрицы Екатерины былъ кротокъ, привѣтливъ, она была настойчива и разсудительно внимательна въ существенномъ и, на сколько могла, искореняла массу злоупотребленій. Павелъ былъ уменъ и, быть можетъ, слишкомъ уменъ. Его воображеніе увлекало его, а онъ, обращая много вниманія на мелочи, при отсутствіи спокойствія, не видѣлъ или плохо видѣлъ важное. Своенравный,

смѣлый, но боязливый, вслѣдствіе своей недовѣрчивости, онъ былъ неспокоенъ, подозрителенъ, даже по отношенію къ своей супругѣ, лучшей изъ женщинъ, и по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Онъ становился способнымъ употребить противъ нихъ какое-нибудь насиліе. Онъ говорилъ людямъ, пользовавшимся его довѣріемъ:

— Этотъ развращенный народъ желаетъ, чтобы имъ постоянно управляли женщины, чтобы его повелителями были фавориты, а всѣ преступленія оставались безнаказанными.

«Онъ считалъ себя непогрѣшимымъ и говорилъ простосердечно:

— Развѣ не Богъ возводитъ на престолы всѣхъ государей? Поэтому его рука и направляетъ ихъ.

«При подобныхъ взглядахъ,—продолжаетъ Понятовскій,—онъ мало былъ склоненъ къ выслушиванію совѣтовъ, которые я, тѣмъ не менѣе, въ силу своего характера, иногда дѣлалъ ему. Онъ выслушивалъ ихъ вслѣдствіе старинныхъ дружбы и довѣрія, и жившія въ немъ понятія о благородствѣ и чести не позволяли ему дурно поступить со мною, но я зналъ, на сколько было опасно держать себя такъ съ человѣкомъ, столь запальчивымъ и непостояннымъ, и это было причиною, почему я старался выйти изъ положенія, въ которомъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ. Къ тому же, я предвидѣлъ, что все можетъ кончиться печальной катастрофой, при которой я не хотѣлъ присутствовать».

Прибытіе Павла Петровича въ Петербургъ, по полученіи извѣстія о безнадежномъ положеніи Екатерины, Понятовскій описываетъ слѣдующимъ образомъ. «Мы увидѣли его быстро подъѣхавшимъ въ маленькихъ саняхъ, за которыми слѣдовала вблизи вереница другихъ. Онъ сошелъ у дворца, вошелъ въ комнату, посреди которой, на матрацахъ, лежала императрица. Едва онъ увидѣлъ ее, какъ бросился къ ея ногамъ, цѣловалъ ихъ, орошалъ ихъ своими слезами и оставался въ такомъ положеніи въ теченіе почти получаса. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ свои покои, онъ устроился въ комнатѣ рядомъ, откуда видѣлъ свою мать.

«Онъ провелъ такимъ образомъ всю ночь и утро слѣдующаго дня».

На третій день послѣ кончины императрицы князь Куракинъ, бывшій впослѣдствіи посломъ въ Парижѣ и пользовавшійся большимъ довѣріемъ императора Павла, написалъ Понятовскому, что государь удивленъ, что до сихъ поръ еще не видѣлъ его. На это Понятовскій отвѣчалъ, что онъ желалъ этого, но хотѣлъ бы знать, гдѣ и когда императору угодно принять его. Тогда Куракинъ увѣдомилъ его, что онъ можетъ представиться на первомъ же выходѣ, что Понятовскій и сдѣлалъ. Императоръ обошелся съ нимъ очень любезно, сказалъ, что ему

пріятно видѣть его, что онъ можетъ являться къ нему такъ часто, какъ это будетъ удобно для него, и, чѣмъ это будетъ чаще, тѣмъ будетъ пріятнѣе для него, императора. Вслѣдствіе этого Понятовскій сталъ часто обѣдать у государя. Въ первый же день Павелъ Петровичъ сказалъ ему между прочимъ:

— Вы знаете, насколько я люблю Польшу, и я приложилъ бы всѣ усилія, чтобы возстановить ее, но я нахожу все до того законченнымъ, что это стало невозможнымъ.

Загѣмъ онъ прибавилъ еще.

— Я хочу попросить васъ оказать мнѣ услугу. Меня огорчаетъ, что король, пострадавшій такъ много, вдобавокъ вынужденъ еще жить въ Россіи; пусть онъ выберетъ себѣ мѣсто пребыванія тамъ, гдѣ ему будетъ пріятно, а я ручаюсь, что сумма, которую три державы выплачиваютъ ему, будетъ аккуратно доставляться. Вы потрудитесь написать ему?

Понятовскій отвѣчалъ на это, что порученіе слишкомъ пріятно, чтобы не принять его на себя, но при этомъ онъ прекрасно понималъ, что при тогданнемъ положеніи Европы королю было бы крайне трудно найти для себя подходящее мѣсто жительства.

Въ это время въ Петербургъ пріѣхалъ князь Репнинъ, и Понятовскій немедленно отправился къ нему и сообщилъ о порученіи, возложенномъ на него государемъ. Репнинъ тоже присоединился къ мнѣнію Понятовскаго, что нельзя себѣ представить, гдѣ бы король могъ поселиться.

— Я тоже думалъ это,—возразилъ Понятовскій,—но не мнѣ было обращать на это вниманіе императора; у васъ достаточно для этого времени, такъ какъ я написалъ по почтѣ.

На слѣдующій день, явившись къ ужину, Понятовскій увидѣлъ, что императоръ уже измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе.

— Я написалъ королю, приглашая его пріѣхать въ Петербургъ,—сказалъ онъ Понятовскому.

— Развѣ ваше величество желаете уѣхать изъ Петербурга?—спросилъ Понятовскій.

— Почему это?

— Но какъ же ваше величество можете имѣть передъ глазами короля, котораго Россія лишила престола?

— Что касается этого, то отъ него зависитъ видѣть или не видѣть меня, жить здѣсь или выбрать для своего пребыванія другое мѣсто въ моей имперіи.

Сказавъ это, императоръ повернулся и отошелъ отъ Понятовскаго.

«Положеніе короля,—пишетъ Понятовскій,—было таково, что онъ не могъ поступить иначе, какъ принять приглашеніе, но я долженъ

признаться, что въ продолженіе всей моей жизни у меня не было болѣе грустнаго дня, чѣмъ день пріѣзда короля въ Петербургъ. Были приложены старанія, чтобы сдѣлать это пребываніе пріятнымъ для него или, скорѣе, чтобы скрыть отъ него всю его горечь. Императоръ встрѣтилъ его при выходѣ изъ коляски у Мраморнаго дворца, въ которомъ было отведено помѣщеніе для короля, и былъ съ нимъ очень любезенъ.

Императоръ Павелъ, подобно императрицѣ Екатеринѣ, хотѣлъ удержать Понятовскаго въ Россіи. Онъ сдѣлалъ двѣ попытки къ этому: сначала онъ предложилъ ему быть великимъ пріоромъ Мальтійскаго ордена, что, по словамъ Понятовскаго, при рыцарскихъ воззрѣніяхъ императора, было, по его мнѣнію, величайшею честью, которую онъ могъ оказать ему. Но Понятовскій счумѣлъ отказаться отъ этого, не слишкомъ обидѣвъ государя, и Павелъ Петровичъ сказалъ ему только:

— А знаете, кто будетъ великимъ пріоромъ?—Принцъ Конде.

Во второй разъ императоръ Павелъ при всемъ дворѣ подошелъ къ нему и сказалъ, что хотѣлъ бы знать, что можетъ быть пріятно ему, и не пожелаетъ ли онъ принять чинъ фельдмаршала и командованіе значительнымъ отрядомъ войскъ, или же онъ предпочтетъ гражданскую должность, и въ такомъ случаѣ онъ соединилъ бы для него вмѣстѣ нѣсколько губерній, образовавъ изъ нихъ отдѣльный округъ. Но и на этотъ разъ Понятовскій отклонилъ сдѣланное ему предложеніе, но вторичный отказъ отразился на отношеніяхъ къ нему императора, начавшаго обращаться съ нимъ замѣтно холоднѣе. Въ тотъ же день, во время ужина, онъ сказалъ Понятовскому:

— Послѣ того, какъ вы поступили сегодня со мною, я не долженъ былъ бы относиться къ вамъ хорошо.

Вотъ еще нѣкоторыя подробности о личности императора Павла, передаваемыя Понятовскимъ въ его воспоминаніяхъ.

«Императоръ хотѣлъ придать своему двору характеръ двора Людовика XIV и пріучить почетныхъ лицъ часто появляться во дворцѣ. Онъ сталъ подражать обычаю — просматривать списокъ лицъ, сѣзжавшихся вечеромъ, и отмѣчалъ карандашемъ тѣхъ изъ нихъ, которые должны были остаться ужинать. Я, кажется, былъ единственный, котораго не вносили въ этотъ списокъ, такъ какъ я оставался ужинать по собственному желанію. Много лицъ, которые по своему положенію должны были записываться и никогда не приглашались ужинать. Иногда на этихъ собраніяхъ, предшествовавшихъ ужину, случались очень забавныя вещи. Однажды я сидѣлъ рядомъ съ государемъ. Онъ держалъ на колѣняхъ свою шляпу и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы разглядываете эту шляпу?

— Она не представляется мнѣ чѣмъ-то особенно прекраснымъ,— отвѣчалъ я.

«Тогда государь раскрылъ ее и указалъ мнѣ на годъ, съ котораго онъ носилъ ее—съ тѣхъ поръ прошло уже два съ половиною года.

«Въ тотъ же вечеръ,—продолжаетъ Понятовскій,—онъ приказалъ, чтобы весь обозъ въ войскахъ былъ замѣненъ вьючными лошадьми, что стоило пять милліоновъ рублей. Оказалось, что новый порядокъ во многихъ отношеніяхъ неудобенъ, и тогда вернулись къ повозкамъ, что обошлось еще пять милліоновъ рублей,— все это не вознаграждалось бережливостью по части шляпъ, но онъ во всемъ вдавался въ крайности.

«Въ другой разъ императоръ весь вечеръ разсуждалъ съ первыми чинами арміи, чѣмъ обшить офицерскія шляпы—золотымъ шнуромъ или же самымъ узенькимъ галуномъ.

«Однажды вечеромъ, когда я пріѣхалъ, онъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Кто это Феликсъ, котораго я вижу въ спискѣ русскихъ генераловъ?

«Я понялъ,— пишетъ Понятовскій,—что онъ говоритъ о колоссально богатомъ и крайне несчастномъ графѣ Потоцкомъ, бывшемъ маршалѣ Торговицкой конфедерации, послужившей причиною втораго раздѣла Польши.

— Этотъ феликсъ (счастливый) ¹⁾ можетъ быть имъ въ Россіи, но только не въ Польшѣ,—отвѣчалъ я ему.

«Эта острота сошла лучше, чѣмъ когда въ другой разъ онъ показывалъ мнѣ планы своего Михайловскаго замка, страшно тяжелого и мрачнаго по виду, и я позволилъ себѣ обратить его вниманіе на нѣкоторые существенные архитектурные промахи.

— Вамъ это не нравится, а для меня это хорошо,—возразилъ мнѣ императоръ.

— Значить,—отвѣчалъ я,—все обстоитъ благополучно.

Понятовскій имѣлъ случай оказать громадную услугу нѣсколькимъ тысячамъ семействъ, повліявъ на измѣненіе императоромъ Павломъ уже принятаго имъ рѣшенія. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

Однажды государь отвелъ Понятовскаго въ сторону и сказалъ ему:

— Вы знаете, насколько я люблю поляковъ, но я только что получилъ однородныя донесенія отъ всѣхъ генераловъ и губернаторовъ, что всѣ землевладѣльцы четырехъ провинцій: Подольской, Волынской, Брацлавской и Кіевской отказались доставлять фуражъ и провіантъ,

¹⁾ Игра словъ: по-латински felix (феликсъ) значить „счастливый“.

предназначенные для арміи, вслѣдствіе чего я приказалъ, чтобы всѣ имѣнія были секвестрованы.

Понятовскій, испуганный однимъ словомъ «секвестръ», позволилъ себѣ высказать предположеніе, что подобныя донесенія кажутся ему, просто, невѣроятными, и что, навѣрно, во всемъ этомъ кроется какое-нибудь недоразумѣніе.

«Всѣ донесенія тождественны», отвѣчалъ государь, и когда Понятовскій снова выразилъ свое сомнѣніе относительно достовѣрности ихъ, онъ прибавилъ:

— Ну, тогда вы убѣдитесь въ этомъ! Завтра утромъ я пришлю къ вамъ князя Куракина, который покажетъ вамъ подлинники.

Дѣйствительно, на слѣдующій день, въ пять часовъ утра, когда Понятовскій былъ еще въ постели, къ нему явился князь Куракинъ съ огромными портфелями, напоминавшими чемоданы, и уже собирался разбирать ихъ, когда Понятовскій остановилъ его, сказавъ:

— Постараемся объясниться; безспорно, въ это дѣло вкралось недоразумѣніе; сдѣлайте мнѣ удовольствіе сказать, откуда произошло оно.

Тогда Куракинъ объяснилъ Понятовскому, что нѣкто Илинскій, полякъ, камергеръ императора Павла, съумѣвшій пріобрѣсти его довѣріе еще въ бытность его великимъ княземъ, слышалъ тогда отъ него, что онъ крайне не одобряетъ подобнаго рода поставокъ провіанта и фуража, и что онъ уничтожилъ бы ихъ, и вотъ, когда императоръ Павелъ вступилъ на престолъ, Илинскій обратился къ своимъ друзьямъ и знакомымъ съ почти циркулярными письмами, въ которыхъ извѣщалъ ихъ, что государю императору угодно, чтобы эти поставки не производились болѣе, и этимъ онъ вдругъ сразу остановилъ снабженіе войскъ провіантомъ и фуражемъ.

— Вѣдь вы могли бы сказать это императору, — замѣтилъ Понятовскій Куракину.

— Я видѣлъ его въ такомъ гнѣвѣ, что не посмѣлъ сдѣлать этого, — возразилъ Куракинъ.

Тогда Понятовскій просилъ его доложить объ этомъ государю отъ его имени, и «это, — пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — остановило страшный указъ, который разорилъ бы столько семей, не знающихъ даже, какая случайность спасла ихъ отъ этого».

На сколько императоръ Павелъ становился подозрителенъ и недовѣрчивъ даже по отношенію къ людямъ, пользовавшимся его расположеніемъ, доказываетъ слѣдующій случай, рассказанный Понятовскимъ. Одинъ изъ ужиновъ прошелъ болѣе оживленно, чѣмъ обыкновенно, и императрица тоже принимала участіе въ общемъ разговорѣ. Это не понравилось государю, и на слѣдующее утро онъ прислалъ къ Понятовскому графа Віельгорскаго, чтобы поставить ему на видъ, что онъ

слишкомъ внимателенъ къ императрицѣ, и что если подобное отношеніе къ дамамъ принято въ Италіи, то онъ не допустить ничего подобнаго у себя.

Понятовскій хотѣлъ было обратить данное Віельгорскому порученіе въ шутку, но тотъ сказалъ ему:

— Не относитесь къ этому легкомысленно, такъ какъ положеніе крайне серьезное.

Тогда Віельгорскій условился съ Понятовскимъ относительно того, что онъ скажетъ государю; когда онъ явился къ нему, Павелъ Петровичъ спросилъ ого:

— Мои громы оказали дѣйствіе?

— Самое полное, — отвѣчалъ Віельгорскій и продолжалъ успокаивать его.

Послѣ этого обычные ужины во дворцѣ стали менѣе оживленными, болѣе натянутыми, и, если еще смѣялись на нихъ, то лишь втихомолку, чтобы не быть замѣченными императоромъ. Между прочимъ Понятовскій рассказываетъ, какъ ему удалось развеселить великую княжну Александру Павловну впервые послѣ отъѣзда шведскаго короля, къ которому она искренно привязалась, и отъѣздъ котораго сильно огорчилъ ее.

«Однажды, — пишетъ Понятовскій, — во время одного изъ ужиновъ, сумрачное настроеніе котораго давало мнѣ полную возможность разглядывать князя Дитрихштейна (присланнаго императоромъ Францемъ поздравить императора Павла съ восшествіемъ на престолъ), я замѣтилъ графиню Шуваловой:

— Смотрѣли ли вы на этого человѣка?

— Конечно, да.

— Но хорошо ли вы взглянулись въ него и не замѣтили ли въ немъ сходства съ кѣмъ-то?

«Она снова всмотрѣлась въ него и начала улыбаться.

— Ну, — проговорилъ я, — какъ вы думаете, не похожъ ли онъ на кого-то, кто уѣхалъ нѣсколько недѣль тому назадъ, и кто сильно занималъ насъ?

— Ахъ, правда, на шведскаго короля!

«Тогда мы стали смѣяться тѣмъ болѣе невольно, что этотъ смѣхъ долженъ былъ сдерживаться церемоннымъ тономъ, неослабно царившимъ при дворѣ. Чѣмъ болѣе мы вглядывались въ это лицо, тѣмъ болѣе смѣялись. Великая княжна пожелала знать или, вѣрнѣе, отгадала причину этого смѣха и, въ концѣ концовъ, сама разсмѣялась въ первый разъ послѣ несомнѣнно истиннаго горя, пережитаго ею».

Въ 1797 году дворъ переселился въ Москву для предстоящихъ въ то время торжествъ коронаціи. Въ это время императрица Марія

Еодоровна была сильно огорчена смертью своего лучшаго друга, г-жи Бенкендорфъ, и чтобы разсѣять ее, Понятовскій придумалъ слѣдующую шутку. Онъ обратился къ церемоніймейстеру Валуеву, по его словамъ, очень доброму и милому человѣку, и спросилъ его, было ли возвѣщено императрицѣ съ должною торжественностью о предстоящемъ коронованіи ея вмѣстѣ съ императоромъ. Валуевъ отвѣчалъ, что, по всей вѣроятности она знаетъ объ этомъ.

— Но вѣдь это ваша обязанность, — возразилъ Понятовскій, — и такъ какъ императрица сильно огорчена, это можетъ быть только пріятно ей и утѣшить ее.

Валуевъ, не долго думая отправился къ императрицѣ и велѣлъ доложить о себѣ. Императрица приняла его, и тогда Валуевъ, послѣ глубокихъ поклоновъ, со всею торжественностью, на которую былъ способенъ, объявилъ ей, что она будетъ коронована. Это заставило императрицу разсмѣяться, и она всегда со смѣхомъ вспоминала объ этой шуткѣ.

Однѣжды въ Москвѣ Понятовскому пришлось присутствовать при поразившемъ его разговорѣ императора Павла съ австрійскимъ посломъ Кобенцелемъ. Разговоръ этотъ происходилъ вскорѣ послѣ разрыва австрійцами перемирія, заключеннаго ими съ Наполеономъ.

— Васъ поколотили, — говорилъ императоръ, — и этого съ васъ недостаточно, вы прервали перемиріе, и васъ снова поколотятъ.

Описывая коронаціонныя торжества, Понятовскій говоритъ, что главное великолѣпіе этихъ празднествъ заключалось въ обиліи милостей и подарковъ, излитыхъ по этому случаю императоромъ. На долю Понятовскаго, въ числѣ многихъ другихъ, досталась золотая медаль, представлявшая ту особенность, что помѣщенный на ней портретъ государя былъ выгравированъ самой императрицей.

Вскорѣ послѣ коронаціи Понятовскій уѣхалъ изъ Россіи; должно быть, его отъѣздъ былъ неприятенъ императору Павлу, потому что, прощаясь, онъ обошелся съ нимъ крайне холодно. Это же отношеніе къ нему императора, по всей вѣроятности, сказалося и на затрудненіяхъ, съ которыми Понятовскому пришлось столкнуться при продажѣ своихъ украинскихъ имѣній. Онъ уже было условился съ графиней Браницкой о продажѣ ей Корсуня, когда императора извѣстили о красотѣ его мѣстоположенія, и онъ рѣшилъ приобрести его для Лопухиной. Конечно, всѣ покупщики отстранились, и желаніе государя было исполнено. Но вслѣдъ за тѣмъ, воображеніе Павла Петровича было поражено мыслью, что столь значительная сумма денегъ выйдетъ изъ предѣловъ Россіи, и немедленно было послано приказаніе, чтобы уплоченныя за Корсунъ деньги остались внутри Россіи. Но было ужъ

поздно: у Понятовскаго нашлись ловкіе люди, съумѣвшіе отправить ихъ за-границу до получения этого повелѣнія.

V.

Изъ воспоминаній Понятовскаго о послѣдующемъ времени интересъ его разсказъ объ отношеніи къ нему Наполеона и взглядахъ послѣдняго на польскій вопросъ.

Въ бытность Наполеона въ Вѣнѣ въ 1809 году онъ спросилъ находившагося тамъ вмѣстѣ съ нимъ князя Юсіфа Понятовскаго, двоюроднаго брата автора воспоминаній:

— Не правда ли, въ Римѣ у васъ есть братъ? Онъ хочетъ разыгрывать философа, но я уже приказалъ испытать его философію.

Этотъ своеобразный экзамень заключался въ слѣдующемъ. Въ домѣ Понятовскаго въ Вѣнѣ былъ размѣщенъ цѣлый батальонъ, подъ командой Дерранта. Помимо того, что солдатъ поили и кормили на счетъ Понятовскаго, Деррантъ выдумалъ цѣлую исторію о томъ, что у него взломали шкатулку съ деньгами, и угрожалъ, что вышвырнетъ за окно картины, зеркала, мебель и все, что найдетъ въ домѣ, если ему не будетъ уплачено то, чего онъ требовалъ. Въ общемъ, этотъ визитъ батальона Деррана обошелся Понятовскому до 50 тысячъ рублей, не считая коллекцій гравюръ, похищенныхъ изъ его библіотеки.

Разсказавъ приведенный случай, Понятовскій спрашиваетъ самого себя: «За что же Наполеонъ, этотъ сѣятель всеобщей смуты въ Европѣ, былъ недоволенъ мною? И почему я самъ, знавшій болѣе выдающихся людей нашего времени, не хотѣлъ знать его? Благодаря странной случайности, я часто сталкивался съ Алькіе, пользовавшимся довѣріемъ императора и служившимъ ему орудіемъ для созиданія и низверженія королей. Меня интересовало узнать, каковы были истинныя намѣренія Наполеона относительно Польши, и, во время одного моего разговора съ нимъ, я почти весело замѣтилъ ему, что императоръ часто завлекалъ поляковъ мыслью о восстановленіи ихъ государства, но что я не могу вѣрить, чтобы онъ дѣйствительно намѣревался сдѣлать это, такъ какъ Польша хочетъ конституціоннаго правительства, императоръ же ненавидитъ его; вскорѣ онъ разошелся бы съ нею и создалъ бы себѣ новую Испанію на другомъ концѣ Европы. Алькіе всецѣло утвердилъ меня въ моихъ мысляхъ, явившихся причиною того, что я никогда не хотѣлъ отправиться къ Наполеону, несмотря на всѣ непріятности, а подчасъ и любезности, которыя онъ оказывалъ

мнѣ. Пришлось бы или объясняться съ нимъ, чего я долженъ былъ избѣгать, или же согласиться сопровождать его въ Польшу и своимъ присутствіемъ помогать ему обманывать массу моихъ соотечественниковъ, вѣрившихъ мнѣ. Поэтому я рѣшилъ вооружиться терпѣніемъ и предоставить осуществиться тому, что не заставило себя долго ждать.

На этомъ времени, собственно говоря, и обрываются воспоминанія Понятовскаго: всю остальную часть своей жизни онъ провелъ совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ событій, волновавшихъ Европу до смерти Понятовскаго т. е. до 1833 года.

Сообщ. Н. Шильдеръ.





Изъ воспоминаній объ одиночномъ заключеніи.

Ва Бутырками въ Москвѣ, по дорогѣ къ нынѣ преобразованной Петровско-Разумовской академіи, находится Московскій тюремный замокъ. По угламъ его устроены башни, и одна изъ нихъ называется «Пугачевской». Я былъ привезенъ въ нее изъ провинціи за участіе въ движеніяхъ русской молодежи 70-хъ годовъ. До сихъ поръ мое одиночное заключеніе въ провинціальныхъ тюрьмахъ не портило моего характера и здоровья. Я вступилъ въ башню съ убѣжденіемъ, что, сохраняя присущее мнѣ настроеніе, можно будетъ вынести и новыя испытанія. Я уже не былъ новымъ человѣкомъ въ арестантскомъ мірѣ и меня не смущали сырыя стѣны каземата, копилка-лампа на столѣ и молчаливая стража.

Двухъ-этажная круглая башня раздѣлялась радіусами и заключала въ себѣ десять камеръ, съ витой лѣстницей на второй этажъ посрединѣ и узкимъ коридоромъ вокругъ послѣдней. Военная стража наблюдала за нами черезъ форточки нашихъ дверей у казематовъ. Проходя по двору тюремнаго замка, я невольно обратилъ вниманіе на то, что башня была отдѣлена отъ остального острога высокими палями и такимъ образомъ изолирована даже отъ уголовныхъ арестантовъ. Ни смотрителя, ни ключника, ни хожалаго въ башнѣ не было. Четверо вооруженныхъ солдатъ и старшій унтеръ-офицеръ были нашимъ начальствомъ, и только черезъ нихъ мы могли дать знать о себѣ прокуратурѣ. Мнѣ очень скоро пришлось узнать всю разницу прежняго надзора изъ наемной прислуги и казеннаго безъ свидѣтелей и контроля; но первое время я все-таки

безбоязненно вошелъ въ номеръ и сбросилъ на койку свой, крытый чернымъ сукномъ, полушубокъ. Запертый на замокъ, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что форточка двери у моего каземата остается открытой и не завѣшанной клеенкой. То же самое было и у моихъ сосѣдей. Наикосъ мы могли видѣть въ форточку либо носъ, либо кончикъ уха другъ у друга; зато фигуры часовыхъ, въ ихъ сѣрыхъ шинеляхъ, при шашкѣ и револьверѣ, всегда были передъ нашими глазами, со строгимъ видомъ при малѣйшей попыткѣ заключенныхъ разговаривать между собою стукомъ въ стѣну или голосомъ въ форточку. Первое время, однако, я глядѣлъ съ удовольствіемъ на солдатъ, прислушиваясь къ ихъ голосамъ и вспоминая движущихся на волѣ людей. Я на столько изучилъ фзіономію каждаго изъ нихъ, что и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, ихъ лица явственно воскресаютъ въ моей памяти. Иногда они сняты мнѣ ночью и молчаливо конвоируютъ меня на допросы... Я со страхомъ просыпаюсь и громко восклицаю:

То былъ лишь сонъ! О счастье, о радость...

Это дѣйствительно большая радость проснуться у себя дома и съ покойной совѣстью на душѣ...

До сихъ поръ у меня не изгладилась изъ памяти моя треугольная камера. У дверей она была сѣужена, а у наружной, болѣе широкой, стѣны стояла койка съ соломеннымъ тюфякомъ. Передъ этой койкой находился столикъ, а на немъ маленькая лампочка и оловянная кружка для питья съ проницеской надписью: «liberté, égalité, fraternite». Откуда эта кружка попала въ башню—рѣшительно не могу понять. Маленькое окно помѣщалось около потолка, значительно выше моего роста, и свѣтъ изъ окна падалъ только въ противоположную сторону каземата, вырываясь черезъ форточку двери, на темный полъ коридора. Такимъ образомъ, только около двери можно было читать книгу, поднявъ ее нѣсколько кверху, и окончательно испортить свои глаза, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Размѣръ комнаты не превышалъ трехъ-четырехъ шаговъ и разминать себѣ ноги, отъ долгаго сидѣнья, приходилось почти на одномъ мѣстѣ. Я невольно вспомнилъ одного бастильскаго узника, начертавшаго на дверяхъ своего каземата слѣдующія слова: «двойныя рѣшетки съ большими гвоздями, тройныя двери съ крѣпкими задвижками,—вы кажетесь адомъ однимъ преступникамъ; для невинныхъ людей вы только дерево, камень и желѣзо». Размышляя въ этомъ направленіи о новомъ своемъ помѣщеніи, я нагнулся къ кровати, чтобы убраться съ нее полушубокъ, и нечаянно обратилъ вниманіе на бѣлыя точки, покрывавшія его черный верхъ.

— Сыплется извѣсть съ потолка,—подумалъ я,—и вдругъ мнѣ показалось, что бѣлыя точки двигаются. Неужели? — воскликнулъ я... — Паразиты! Быть не можетъ... Такъ много.

Весь тюфякъ съ перематой отъ ветхости соломой былъ покрытъ наськомыми, уже успѣвшими забраться на мой полушубокъ. Я позвалъ унтеръ-офицера.

— Нигдѣ такой грязи нѣтъ,—произнесъ тотъ,—вездѣ чище, а въ этомъ номерѣ и каторжники жалуются. Клопъ въ стѣнахъ, а другая дрянь въ постели... Все бѣлье перепортятъ.

Онъ вынесъ мой полушубокъ, чтобы выбить его на снѣгу и вернулся утѣшить меня разговорами.

— Не вѣкъ жить въ этой башнѣ... Здѣсь по долгу не сидятъ, баринъ. Въ Питеръ увозятъ отсюда.

— Пора бы и совсѣмъ выпустить на волю... Я уже насидѣлся въ Саратовѣ.

— Пока не осудили и не лишили всѣхъ правъ—ничего еще себѣ,—отвѣтилъ тотъ.—Страдать потомъ будете...

— Какъ? Впереди будетъ хуже?

— Когда сдѣлаютъ форменнымъ арестантомъ, и пища будетъ хуже, и разговоръ грубѣй... Ну, да своя охота! По своей волѣ сидите... Никто, какъ сами.....

— Вы бы чайку испили, баринъ... Что жъ такъ-то убиваться! А то умойтесь лишній разъ. Вода освѣжаетъ голову... Вотъ, надъ вами,—замѣтилъ онъ:—баринъ по цѣлымъ вечерамъ изъ хлѣба фигуры дѣлать и тѣни наводитъ на стѣну. Иной разъ изобразить такую штуку и придумаетъ къ ней такой рассказъ, что и на ярмаркѣ не услышишь.

— Не дурная новость,—подумалъ я:—Полишинель забрался въ Пугачевскую башню, и тотчасъ моя мысль начала работать въ пользу возможнаго здѣсь «Петрушки», для нашего сближенія со стражей.

Къ вечеру была зажжена у меня маленькая лампа и поставлена на столъ.

— Порціонныя деньги дадутъ вамъ завтра,—сказалъ «старшой».—А сегодня хлѣбца съѣшьте съ нашей кашницей.

При огнѣ мой номеръ казался еще болѣе омерзительнымъ. Его стѣны были нѣсколько лѣтъ не крашены и измазаны нечистотами бывшихъ здѣсь равнѣ уголовныхъ арестантовъ. Я поторопился лечь спать. Лампу не приказано было тушить, и она должна была горѣть всю ночь на столъ.

II.

Утомленный переѣздами изъ разныхъ мѣстъ заточеній, я легъ на койку и тотчасъ крѣпко заснулъ. Часа черезъ три я проснулся. Все

*

тѣло мое болѣло и ныло. Проведя рукой по груди, я раздавилъ нѣсколько клоповъ и въ ужасѣ замѣтилъ, что они покрываютъ подушку, одѣяло и стѣну. Я тотчасъ же уничтожилъ ихъ сапогомъ и успокоившись заснулъ вновь. Вторичное пробужденіе было болѣе скорое при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. Я замѣтилъ, что складки соломенника и подушки были также усѣяны гнѣздами насѣкомыхъ, мучившихъ меня до такой степени, что я потихоньку отлилъ керосинъ изъ лампы и облилъ имъ свою подушку и даже тѣло. Разумѣется, это не принесло мнѣ пользы и на утро я серьезно задумался о своемъ положеніи.

— Можетъ быть позволять купить порошокъ,—спросилъ я унтеръ-офицера.

— Просили и другіе, да не покупаютъ. На это не отпущено денегъ и на всѣхъ васъ не накупишься,—произнесъ онъ увѣренно.

— Что же тогда дѣлать?—разсуждалъ я самъ съ собою, разглядывая и койку и соломенникъ. Щели первой были наполнены клопами въ такомъ изобиліи, что я боялся прикоснуться къ ихъ гнѣздамъ. Остатки полупрѣлой и провонявшей соломы вылѣзали изъ стараго чехла и каждая изъ нихъ давала убѣжище семьѣ насѣкомыхъ, приставшихъ и прилипшихъ къ ней такъ крѣпко, что ихъ надо было отрывать пальцами. Преодолевая тошноту, я провозился съ постелью цѣлое утро. Желая потомъ вымыть руки, я обратилъ вниманіе на то, что и «парашечная» система въ Пугачевской башнѣ была болѣе отвратительна, чѣмъ въ провинціальной тюрьмѣ. Здѣсь ушатъ съ водой былъ безъ крышки и сѣро-водородъ наполнялъ номеръ безпрепятственно.

— Ну-да, пустяки,—проворчалъ я съ досадою, стараясь остаться равнодушнымъ ко всѣмъ прелестямъ клоповника.—Когда вы смѣнятесь?—спросилъ я унтеръ-офицера.

— Въ одиннадцать часовъ... Вамъ выдадутъ порціонныхъ 25 копѣекъ.

— Что же съ ними дѣлать?

— Обѣдъ заказать въ арестантской кухнѣ, а не понравится—изъ лавочки покупать будете. Дворянамъ ничего, а вотъ другимъ 10 копѣекъ полагаются.

— Можно будетъ подѣлиться съ ними?

— На моей смѣнѣ можно, а на другой наврядъ ли... «Старшой» тамъ такая собака... Я самъ боюсь. Вы не выдайте меня.

— А какъ твоя фамилія?

— Овчаренко,—сказалъ онъ, отходя отъ форточки.

Черезъ полчаса пришла смѣна, и я невольно обратилъ вниманіе на новаго унтеръ-офицера. Это былъ щеголеватый, съ тонкими чертами лица солдатъ. Черные глаза его были строги, а плотно сжатые губы не

располагали къ разпросамъ. Онъ вошелъ ко мнѣ въ номеръ и осмотрѣлъ меня внимательно.

— Распишитесь,—произнесъ онъ и вынулъ изъ кармана бумагу съ суточными деньгами.

Исполняя это требованіе, я спросилъ его фамилію.

— А зачѣмъ вамъ?—отвѣтилъ онъ холодно, и не торопясь вышелъ изъ номера.

Раздавъ всѣмъ заключеннымъ порціонныя деньги, онъ вернулся на свой постъ и приготовился заснуть на скамьѣ. Разговоры между другими стражниками тотчасъ же смолкли, и они, видимо, боялись потревожить сонъ «старшого». Одинъ изъ заключенныхъ сталъ стучать въ стѣну другому, но унтеръ-офицеръ злобно закричалъ часовому:

— Гдѣ эта скотина стучить? Чего зѣваешь!

Часовой заметался отъ номера ко номеру и наконецъ началъ выговаривать въ форточку заключенному за его стукъ.

— Не приказано, баринъ. «Старшой» сердится. Кипятку не будемъ носить къ чаю, а то подушку отнимемъ на недѣлю.

— Ого!—подумалъ я.—Наказанія!

Мнѣ тотчасъ же самому захотѣлось узнать своихъ сосѣдей и, схвативъ оловянную кружку, я началъ ею махать передъ форточкой. Это мельканіе въ форточкѣ свѣтлой кружки замѣняло вполнѣ стукъ и не будило спящаго унтеръ-офицера. Мнѣ отвѣчали изъ другихъ форточекъ тѣмъ же, и такимъ образомъ разговоръ кружкой тотчасъ же познакомилъ насъ всѣхъ между собой.

Кружка была нашимъ языкомъ: такъ, для буквы «а» кружка мелькала передъ форточкой одинъ разъ; для «б»—два раза и т. д. Упрощенный способъ переговоровъ и здѣсь заключался въ томъ, что всю азбуку раздѣляли на четыре столбца:

а	з	п	ц
б	и	р	ч
в	к	с	ш
г	л	т	щ
д	м	у	ы
е	н	ф	ю
ж	о	х	я

Каждую букву приходилось передать двояко: въ первый разъ кружка мелькала для обозначенія столбца, въ которомъ стоитъ буква; во второй разъ—обозначали самую букву въ этомъ столбцѣ. Буква «ж» равнялась одному+шесть; «п» = 3+1 и т. д. Это было гораздо короче, чѣмъ махать кружкой для буквъ по полному ихъ алфавиту.

Но едва только унтеръ-офицеръ проснулся, какъ часовой ему доложилъ, что заключенные «кружкой ворочаютъ».

— Песъ съ ними! Ишь колдуютъ передъ форточкой. Занятно, видно...

Протирая глаза, онъ не догадывался о значеніи кружки, какъ языка; но самое занятіе ею раздражало его тѣмъ, что, по его мнѣнію, она была игрушкой и развлекала насъ. Подтянувшись ремнемъ и поправивъ на боку шашку, онъ вдругъ сорвался съ койки и отперъ одинъ изъ нашихъ казематовъ.

— Здѣсь запрещено играть, господинъ, — закричалъ онъ..... А ты слушай, когда тебѣ говорятъ, слышалось мнѣ продолженіе разговора и, вслѣдъ затѣмъ, какой-то шумъ и крикъ.

Неужели онъ силой отнялъ кружку и смѣетъ говорить намъ на «ты», подумалъ я.

Прильнувъ лицомъ къ форточкѣ, я наблюдалъ за гнѣвнымъ унтеръ-офицеромъ и вдругъ замѣтилъ посрединѣ башни у лѣстницы, на освѣщенномъ полу, отраженную тѣнь мелькающаго пальца. Всѣ тотчасъ же сообразили, что вмѣсто кружки передъ форточкой, теперь тутъ будетъ двигаться нашъ палецъ и тѣнь его мелькать на полу вмѣсто языка.

III.

— Отнять палецъ отъ руки ты не можешь, — думалъ я, — вглядываясь въ злобѣщее лицо «старшого». Надо только всегда ждать солнца, чтобы лучи его проникли изъ каземата, черезъ форточку двери, во внутрь башни на полъ и ея стѣны.

Унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что заключенные наши себѣ новое развлеченіе. Онъ поставилъ посрединѣ башни часоваго и загородилъ имъ свѣтлое пятно на полу. Тогда отраженная тѣнь нашихъ пальцевъ замелькала на шинели солдата.

Прокуратура, занятая дознаніемъ новыхъ арестантскихъ лицъ, совершенно забыла о «пугачевцахъ». Послѣдніе были посажены въ башню преимущественно за то, что отказывались давать показанія на допросахъ или давали ихъ предварительно сговорившись съ товарищами по судьбѣ и выгораживая отъ отвѣтственности менѣе виновныхъ. Судьба «пугачевцевъ» очень трогательна. Иногда они спорили между собою изъ-за того, кому изъ нихъ надлежитъ пострадать за всѣхъ. А на очныхъ ставкахъ между собою заключенные бросались другъ другу въ объятія, цѣловались и хохотали, а о дѣлѣ ни слова...

Милые дѣти! Сколько было здоровья у нихъ и бодрости духа. Точно на шутку смотрѣли они на свою неволю и загубленную молодость. Зато ихъ и бросили въ башню поразмыслить о своемъ поведеніи безъ книгъ, переписки и свиданій съ родными. Въ особенности намъ было трудно при туровомъ унтеръ-офицерѣ. Ни прокуратура, ни смотритель зѣмка не посѣщали насъ. Одно было въ немъ большимъ достоинствомъ: онъ не утайвалъ нашихъ порціонныхъ денегъ при покупкахъ и бралъ пищу изъ арестантской кухни на всю сумму денегъ. На другихъ дежурствахъ, мы неоднократно вспоминали его, ощущая разительную разницу въ обѣдѣ. Овчаренко былъ добродушный унтеръ-офицеръ, но онъ безцеремонно дѣлился съ нами нашими деньгами. На 25 коп. я получилъ сквернаго чаю на двѣ заварки по чайной ложкѣ (стоило 2—3 коп.); четыре кусочка пиленнаго сахару (тоже не болѣе 2-хъ коп.), затѣмъ чернаго хлѣба копѣйки на 2 и копѣйки на три кружкой, копченой колбасы, подъ именемъ «московской». Остальныя 15 коп. Овчаренко не возвращалъ намъ. Иногда онъ, впрочемъ, приносилъ намъ солдатскихъ щей или хлѣба, оставшихся не съѣденными у нашего караула. И мнѣ казалось, что это лучше. На 25 коп. приносили изъ арестантской кухни тарелку горячаго и тоненькую котлетку; а кто получалъ порціонныхъ менѣе 25 коп., тому нечего было получать изъ кухни. Вотъ тутъ-то Овчаренко и былъ полезенъ тѣмъ, что дѣлился съ нами своими солдатскими щами и хлѣбомъ. Это случалось только въ его дежурство, но хорошо, что случилось. Безъ него мы были бы голодны всегда. Третій унтеръ-офицеръ у насъ былъ свой человекъ — нѣкто Булановъ. Его увлекли мечтанія молодыхъ людей о лучшемъ будущемъ. Онъ заходилъ къ намъ въ номера и подолгу бесѣдовалъ съ нами о политикѣ. Кто-то изъ его смѣны донесъ на него, его судили и сослали въ арестантскія роты.

IV.

Такъ потянулись мои безконечныя дни въ Пугачевской башнѣ, безъ допросовъ и извѣстій съ воли... Наша стража обновлялась новыми лицами и новыя были хуже. Каждый хотѣлъ на первыхъ порахъ заявить въ правленіи свое усердіе на нашъ счетъ и притѣснять насъ. А за днями шли мѣсяцы и кончался уже годъ моего пребыванія въ Московскомъ тюремномъ зѣмкѣ. Тяжелѣе оно оказалось, чѣмъ я думалъ. Зимой Пугачевская башня была холодной, а въ прочее время года — сырой. Съ клопами я управлялся тѣмъ, что, за не имѣніемъ дѣла, го-

нялся чуть не за каждымъ изъ нихъ по одиночѣ и мазать керосиномъ не только своихъ враговъ, но и самого себя на ночь. Затѣмъ я замазывалъ передъ сномъ глубокія щели въ стѣнахъ чернымъ хлѣбомъ и такимъ образомъ мѣшалъ выползати оттуда клопамъ наружу. Къ утру хлѣбъ засыхалъ въ щеляхъ стѣны и враги мои выползали изъ своего заточенія; но я уже бодрствовалъ и встрѣчалъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Къ вечеру я принимался опять за хлѣбъ и, такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я значительно очистилъ казематъ отъ моихъ мучителей. Я считалъ себя счастливымъ, если мнѣ удавалось съ вечера, послѣ замазки ихъ гнѣздъ чернымъ хлѣбомъ, проспати три-четыре часа спокойно. Остатокъ ночи уходилъ у меня на мышей... Милыя созданія, маленькія, веселыя, ручныя. Онѣ бѣгали по столу, подбирая крошки хлѣба, прыгали со стола ко мнѣ на подушку и ласково смотрѣли мнѣ въ лицо, какъ бы стараясь угадать: притворяюсь я добрымъ, или на самомъ дѣлѣ мнѣ съ ними хорошо. Впослѣдствіи, какъ только появлялась на столѣ лампа, онѣ съ пискомъ бѣжали изъ-подъ полу и, увѣренныя въ своей безопасности, веселили меня своей молодой жизнью...

Кто побывалъ въ Пугачевкѣ, тотъ пойметъ, какъ я былъ грустенъ, когда лѣтомъ мои мыши ушли въ поля и не возвращались болѣе ко мнѣ, и какъ я негодовалъ, когда, высказавъ свою грусть одному изъ унтеръ-офицеровъ, узналъ, что онъ сообщилъ о мышахъ въ правленіе и было приказано забить у меня въ казематѣ норы крѣпкими досками. А зачѣмъ? Я уже безъ того значительно потерялъ способность воспринимать впечатлѣнія и ихъ почти у меня не было. Я создавалъ искусственно себѣ жизнь и воспоминаніями поддерживалъ свои силы. Продолжительное пребываніе въ постоянномъ молчаніи лишало тюрьму ея исправительнаго для меня значенія. Я привыкъ къ ней, какъ къ самому нормальному для меня жилищу и утрачивалъ понемногу потребность въ свободной жизни. Какой-то чужой представлялась она мнѣ: и трудъ людей за кусокъ хлѣба, и дѣти безпечныя, и красота природы и даже любовь къ женщинѣ—все заволакивалось туманомъ и отдалялось... Даже крѣпкое мое тѣло какъ бы «смялось» и обезсильло. Я приобрѣлъ привычки старика: сидѣть вытянувъ ноги, опрокинувшись или понуро согнувшись въ продолжительномъ забытіи. У меня отняли даже обрывки газетъ, въ которыя завертывали въ лавочкѣ для меня колбасу или сахаръ съ чаемъ. Я собиралъ эти рваные листики, перечитывалъ ихъ и съ жадностью вглядывался въ знакомые мнѣ когда то на волгѣ слова, имена и прозвища. Солдатъ запримѣтилъ у меня эти клочки печатной бумаги и не передавалъ мнѣ покупки изъ лавки завернутыми въ бумагу. Я сердился и кричалъ, но плакалъ потихоньку отъ него.

— Не отнять зато никому комаровъ у меня! — крикнулъ я ему

однажды въ сильномъ гнѣвѣ.—Ступай, доноси, что комары изъ Петровско-Разумовскаго парка залетаютъ ко мнѣ въ окна и выслушиваютъ на тебя мои жалобы.

Унтеръ-офицеръ подумалъ, что я боленъ, и ко мнѣ зашелъ тюремный докторъ.

— Вы сомнѣваетесь, въ своемъ ли я умѣ?—остановилъ я его вопросы и изслѣдованія нервныхъ узловъ. Вамъ, докторъ, не прислать мнѣ ума изъ аптеки, а лучше попросите разрѣшенія мнѣ имѣть и читать книги.

— Я лечу заключенныхъ, но не имѣю права ходатайствовать за нихъ.

Да, онъ не былъ докторомъ Гаазомъ, извѣстнымъ когда-то челоѣколюбцемъ для арестованныхъ. По его уходѣ, при помощи стола, я заглянулъ въ окно Пугачевской башни на тянущіеся за нею капустники и картофельники до самаго Петровско-Разумовскаго парка. Въ это то окно и залетали ко мнѣ длинноногіе комарики и разнообразили своимъ пѣніемъ мертвую тишину каменной башни. И какъ былъ мнѣ милъ и отраденъ пискливый крикъ: бра-а-а-а-а! Это было первое въ башнѣ привѣтствіе мнѣ, на которое я такъ охотно подставлялъ названному брату свою щеку. Уколъ до крови напоминалъ мнѣ меня самого, среди луговъ, озеръ, облѣпленнаго вмѣстѣ съ охотничьей собакой тучами комаровъ и, въ этомъ видѣ, пробиравашагося изъ деревни въ деревню съ книгами и рѣчками для мужиковъ.

А гдѣ то теперь мой вѣрный песъ? Было ли кому позаботиться о немъ послѣ моего ареста?—подумалъ я и вспомнилъ, что онъ былъ подаренъ мнѣ милой дѣвушкой, просившей помнить ее, а собачку любить. Вотъ гдѣ пришлось задуматься о любившей меня женщицѣ, тайно оберегавшей меня много разъ отъ опасности и явно защищавшей, когда ее спрашивали о моихъ убѣжденіяхъ и намѣреніяхъ! О, какъ тюрьма заставляетъ цѣнить преданныхъ намъ людей! Какъ я любилъ въ эту минуту моего земнаго ангела!

А комаръ все злѣе и больнѣе напивался кровью и вдругъ полетѣлъ обратно къ окну. Я догналъ его и вернулъ. Онъ усѣлся на стѣнку. Ночью, на вѣтерокъ, онъ поднялся и удралъ, благополучно миновавъ въ рѣшеткахъ окна паутину пауковъ. Я жалѣлъ, когда долго не заглядывали ко мнѣ эти милые кровопійцы съ душистыхъ полей и травяныхъ болотъ. По мѣрѣ того, какъ ослаблялись во мнѣ умъ и физическое здоровье, я погружался въ фантазію и терялъ мѣру вещамъ и чувствамъ. Я сознавалъ всю искусственность и преувеличенность моихъ радостей и огорченій въ тюрьмѣ, но съ ними мнѣ было легче: я не могъ имъ противиться, и охотно вѣрилъ въ свои собственные вымыслы. Альфредъ де-Мюссе прекрасно понималъ это состояніе одиночно-заключенныхъ, когда писалъ: «*Le mie prigioni*»:

Кровь вносить въ сердце представленья,
 Рядъ лицъ, картинъ,—
 И въ тишинѣ уединенья
 Ты—не одинъ.
 Пускай твердитъ языкъ твой острый,
 Что пусть твой храмъ:
 Твои друзья, и мать, и сестры
 Впятаютъ тамъ.
 Въ немъ Божья искра жизни вѣчной
 Бросаетъ свѣтъ.
 Лучемъ любви твой міръ сердечный
 Всегда согрѣтъ.
 Ты погасить его не въ силахъ,
 А съ искрой той
 Ты носишь образы всѣхъ милыхъ
 Вездѣ съ собой.

Съ этими «образами всѣхъ милыхъ» доходило у меня до галлюцинаціи; но одинъ изъ нихъ, всякій разъ, по своему желанію, я могъ вызывать къ себѣ, усадить на койку рядомъ съ собой и чувствовать шелестъ женскаго платья и геній одухотворенной красоты. Вотъ она—живая... Все время одна передъ моими очами! Средняго роста, тонкая, темные густые волосы, лучистые глаза и дѣтскій, южный голосъ... Увижу ли я ее и что скажу ей про свою любовь, которую она не подозрѣваетъ и не ждетъ? И тотчасъ же я слышалъ въ своемъ казематѣ ея отвѣтъ, ея порывистую рѣчь съ милой и очаровательной улыбкой...

— Съ ума, дѣйствительно, начинаю сходить! останавливалъ я себя самого замѣчаніемъ и старался отвлечь свой умъ отъ грезъ. Я обращался къ дѣйствительности. Съ утра на стѣнахъ моего каземата солнце отражалось золотыми пятнами, и открывши глаза, я прежде всего искалъ у себя свѣтовые лучи. Печально поднимался я съ койки, когда была дурная погода, и весь день тосковалъ о солнцѣ. Я привязался къ животворящему свѣту, посѣщавшему меня изрѣдка, и безъ него тяжело чувствовалъ свое одиночество. Хотѣлось иногда посмотреть даже на собственную тѣнь: зеркала намъ не позволяли имѣть. Я смотрѣлся въ лампу... Не было носового платка, не было ножницъ для ногтей и съ великимъ трудомъ удалось получить разрѣшеніе сводить меня въ общую съ уголовными арестантами баню. Она отличалась отъ провинціальной бани только тѣмъ, что со мною мылся и самъ унтеръ-офицеръ; но арестанты были тѣ же самые: то же бряцанье кандаловъ, тѣ же полубритыя головы и безмолвная готовность на всякую услугу противъ стражи. Меня удивляетъ, напр., почему Достоевскій высказываетъ, что уголовные арестанты долгое время недружелюбно относились къ нему на каторгѣ и всегда радушно принимали въ свою среду арестанта изъ простонародья. По разуму это понятно: равный сочувствуетъ равному

и легче съ нимъ уживается; но личнымъ своимъ опытнымъ я свидѣтельству, что случайныя встрѣчи интеллигентныхъ заключенныхъ съ уголовными имѣли дружественный характеръ. Суровое отношеніе къ намъ тюремной администраціи удивляло всѣхъ душегубцевъ и трогало ихъ сердце, когда они видѣли въ насъ юныхъ людей, съ веселыми и нѣжными глазами.

Подойдя въ банѣ къ кособокому арестанту, я привѣтливо крикнулъ ему:

— Подвинься-ка, Иванычъ! Помоемся вмѣстѣ на лавочкѣ.

— Хотя и не Иванычъ, но подвинусь, отвѣтилъ тотъ и сталъ внимательно меня разсматривать.

— По-матушкѣ не зови, а по-батушкѣ, какъ не окрести, всякій откликнется, замѣтили арестанты.

Унтеръ-офицеръ пошелъ къ крану за водою мнѣ.

— Умѣешь «по-арестантски» говорить? спросилъ я быстро своего сосѣда, съ переломленнымъ нѣкогда ребромъ.

— У насъ нельзя безъ тарабарщины... Разно говоримъ...

Онъ смѣшался съ другими арестантами, но сейчасъ же двое изъ нихъ бойко стали разговаривать между собой на условномъ языкѣ. Я понималъ изъ ихъ словъ, что и въ другихъ башняхъ сидятъ интеллигентные заключенные, что недавно были новые аресты въ Москвѣ, но преимущественно на фабрикахъ и что изъ башни заключенныхъ увозятъ въ Петербургъ.

Мой караульный подозрительно прислушивался къ ихъ языку и то-ропилъ меня мыться. А я все чаще и чаще посылалъ его за новой водою и въ промежуткѣ успѣлъ собрать весьма много свѣдѣній. Заключенные въ другихъ башняхъ не были такъ изолированы отъ уголовныхъ, какъ заключенные въ Пугачевской башнѣ. Я узналъ, что арестованныхъ прибывало все болѣе и болѣе; что нѣкоторыхъ уже судили и осудили за дѣятельность на фабрикахъ и заводахъ. А наше дѣло «о сляніи съ народомъ по деревнямъ и селамъ» тянулось; слѣдствіе осложнялось новыми арестами по провинціямъ и конца ему не предвидѣлось. Чѣмъ менѣе получалось мною внѣшнихъ впечатлѣній, тѣмъ напряженнѣе была внутренняя жизнь; но всякая напряженность имѣетъ предѣлъ, и я уже испытывалъ переутомленіе... Я чувствовалъ постепенное приближеніе «петитенціарнаго идиотства», которое такъ хорошо теперь знакомо мнѣ по роману Эдмонда Гонкура: «La fille Elise», когда въ тюрьмѣ «мало-по-малу, умъ Елизы и тѣло стали деревянѣть, терять всякую способность къ воспріятію какихъ бы то ни было ощущеній. Несмотря на свою обычную зябкость, она перестала чувствовать холодъ, и физическая боль казалась ей чѣмъ то отдаленнымъ, едва до неѣ

*

касающимся. То же происходило и въ ея умѣ. Въ убійственной системѣ постоянного молчанія, она начинала видѣть тихое убѣжище, въ которомъ ея мысли лѣниво покоились въ смутномъ, унижительномъ забытій, не пробуждаемомъ никакимъ человѣческимъ звукомъ. Неожиданный вопросъ директора былъ для нея болѣзненнымъ ударомъ, а необходимость отвѣчать — физическимъ страданіемъ. Она даже никогда не старалась освѣтить лучомъ воспоминанія блаженную, мрачную пустоту ея ума. Вспоминать было для нея труднымъ усиліемъ, тягостною усталостью. вмѣстѣ съ тѣмъ, на нее временами находилъ непонятный страхъ, она боялась сходить съ лѣстницы, боялась шаговъ арестантовъ. Она часто ощущала въ рукахъ какую то вялость и сама не чувствовала, какъ вещи выскальзывали изъ ея пальцевъ». Къ счастью моему, я не вполне сознавалъ опасность своего положенія, при ослабленіи интереса къ окружающей меня жизни и къ личнымъ, когда-то жгучимъ, воспоминаніямъ. Меня не тянуло стучать въ стѣну, говорить свѣтлой кружкой или тѣнями на свѣтломъ фонѣ, и я былъ радъ, когда меня никто не вызывалъ сигналами на бесѣду. Я даже иногда притворялся спящимъ, когда слышалъ, что условными ударами въ стѣну мой товарищъ зоветъ меня. Мучительное было состояніе, когда непроизвольно я принималъ участіе въ чужихъ бесѣдахъ, раздающихся ритмическими ударами въ стѣну. Я затыкалъ уши, закрывалъ голову одѣяломъ, но слухъ былъ такъ изощренъ и такъ привыкъ къ стуку въ стѣну, что это ни сколько мнѣ не помогало. Бестужевъ сравнивалъ перестукиваніе съ точеньемъ ночью червякомъ дерева; но тѣмъ не менѣе, оно выносимо только для стучащихъ между собою узниковъ, а не для того, кто усталъ отъ тюремныхъ разговоровъ и хочетъ забыться, уснуть, умереть...

V.

Самое тяжелое въ моемъ положеніи были неопредѣленность и неизвѣстность судьбы. Всѣ пугачевцы ждали окончанія слѣдствія и суда, какъ благодѣянія, каковы-бы ни были послѣдствія; но именно ихъ-то и не было...

— Въ самомъ непродолжительномъ времени! отвѣчали обыкновенно намъ на вопросъ о томъ, скоро ли будутъ судить насъ.

Это постоянное ожиданіе суда ослабило страшно мои силы и, при дурномъ питаніи, я могъ совсѣмъ не дожидаться его. По цѣлымъ днямъ я сидѣлъ неподвижно за столомъ и уже ни о чемъ не думалъ, ничего не вспоминалъ. На пяти-минутную прогулку по тюремному дворику я

выходилъ, едва передвигая ноги, и скоро совсѣмъ отказался выходить изъ каземата. Было какое-то странное удовольствіе наблюдать за собой и замѣчать, какъ гаснуть и покидаютъ меня силы. Но—видно часъ воли Божіей для меня еще не насталъ—меня вдругъ потребовали на допросъ и я ожилъ.

Повезуть въ Питерь! увижусь опять съ старыми друзьями! Осудятъ и сошлютъ вмѣстѣ! думалъ я въ тюремной каретѣ, которую совершенно справедливо кто-то назвалъ «подвижнымъ казематомъ». Система моего поведенія на допросахъ заключалась въ томъ, что по теоретическимъ вопросамъ я откровенно высказывался и всегда переходилъ въ наступательное положеніе; но съ именами товарищей обращался очень осторожно и либо прямо отказывался отвѣчать и ссылался на ослабленіе памяти, либо повторялъ только то, о чемъ они сами меня предварительно просили стукомъ или записочками.

— Удивительно! Вы и теперь такъ же ведете себя, какъ въ провинціи, замѣтилъ прокуроръ. Вы ихъ выгораживаете, а они, полюбуйтесь, какъ ведутъ себя противъ васъ.

Онъ передалъ мнѣ томы предварительнаго дознанія, и я весь ушелъ въ чтеніе показаній моихъ сотоварищей. Нѣкоторые изъ нихъ меня радовали, но большинство приводило въ отчаяніе.

— Довольны ли вы? спросилъ прокуроръ. Не церемоньтесь же съ ними! Дайте намъ правдивыя показанія о нихъ и, можетъ быть, участь ваша смягчится. Будьте откровенны... Если вы были знакомы съ такой-то, такъ и скажите. Что за преступленіе быть знакомымъ съ молодой барышней! Зачѣмъ же вы отказываетесь отъ того, что бывали у ней на чтеніяхъ съ рабочими? Вѣдь и въ этомъ нѣтъ преступленія. Чтеніе книгъ разрѣшено всѣмъ. Преступна организація, а собираться никому не воспрещается... Вы могли не знать преступныхъ цѣлей этихъ собраній; но на собраніяхъ вы вѣдь бывали часто?

— Никогда!

— Ну такъ знайте, намъ извѣстно, что вы жили въ одномъ домѣ.

— Это не значитъ въ одной квартирѣ...

— Мы вѣдь отлично это понимаемъ! Но какой смыслъ вашего за-
пирательства? Вы такъ долго сидите въ заключеніи и все время оттягиваете свою участь. Вѣдь признаніе вами знакомства съ этой госпожей одни только слова... Вы должны бояться фактовъ, чтобы я не узналъ ихъ отъ васъ, а вы боитесь собственныхъ словъ. Вы молоды, васъ увлекли, вы сдѣлались жертвой... Вы можете это подтвердить и это будетъ вамъ очень полезно на судѣ.

— Я мало объ этомъ забочусь... Я такъ привыкъ къ своему положенію...

— Но вѣдь другіе же дадутъ откровенныя показанія и васъ самого нисколько не щадятъ?

— Я это вижу... Я это читалъ...

— Ну, такъ что же? Пишите и вы...

— Не стану... Прикажете дать мнѣ стаканъ воды.

— Вотъ вы какъ волнуетесь... Не угодно ли чаю? Со сливками или съ лимономъ?

Не помню ужъ съ чѣмъ я тамъ пилъ чай, но хорошо помню, что, отправляясь опять въ Пугачевскую башню, прокуроръ сердито сказалъ мнѣ:

— Вы отягчаете свою участь упорствомъ.

— Я только за чужую участь боюсь, а не за свою...

— Вотъ видите, какъ вы отвѣчаете! Я долженъ сказать вамъ, что со многими вашими принципами можно согласиться, пока вы не соблазнете одного изъ «малыхъ сихъ». Я самъ радикальныхъ воззрѣній, но только среди равныхъ по развитію людей. За взгляды никого не преслѣдуютъ у насъ, но нельзя позволить проводить ихъ въ невѣжественной деревнѣ или среди юношества. Это уже преступленіе. Вы въ немъ не сознаетесь? Запирательство не облегчитъ вашу судьбу. Законъ, конечно, предоставляетъ вамъ право не отвѣчать на вопросы, если вы не желаете; но тотъ же законъ судить строже лицо, не помогающее правосудію.

— Я давно помирился съ нимъ...

— Въ такомъ случаѣ васъ ждетъ карета.—холодно отвѣтилъ прокуроръ и передалъ меня конвойнымъ.

Дурно кончился мой допросъ и опять меня вернули въ мою башню; но тѣмъ не менѣе допросъ встряхнулъ меня и заставилъ нѣсколько интересоваться собою и моими товарищами. Тяжело мнѣ было видѣть ихъ совершенно растерянными на допросахъ. Впослѣдствіи я привыкъ къ этой «откровенности» лицъ въ нашемъ дѣлѣ: держаться на предварительномъ слѣдствіи предательски, а потомъ отказываться на судѣ отъ своихъ прежнихъ показаній. Теперь я уже могу безъ гнѣва вспоминать всю картину ихъ растерянности. Сначала юноша думаетъ обмануть прокурорскій надзоръ искренностью своихъ показаній и подтверждаетъ цѣлый рядъ фактовъ, уже раскрытыхъ слѣдствіемъ ранѣе него.

— Все это намъ извѣстно,—презрительно обрываютъ его.—Вы ничего новаго не сообщаете. Если хотите быть выпущеннымъ на поруки, то будьте искреннѣе и откройте намъ новыя обстоятельства дѣла.

Блѣдный и трепещущій юноша превращается въ беллетриста-инсинуатора. Онъ пока еще уклоняется отъ политической откровенности и маскируетъ свое запирательство грязной клеветой на товарищевъ; онъ роетъ пропасть между собою и ими, чтобы свидѣтельствовать грязными фактами свою съ ними несолидарность. Если вамъ приходилось брать у него на сутки-другіе нѣсколько рублей или, по собственному желанію.

онъ оказалъ денежную помощь вашему предпріятію и укрылъ у себя на недѣлю скомпрометированное лицо, этого достаточно, чтобы онъ оговорилъ васъ въ коммунизмъ или въ вымогательствѣ на свои собственныя нужды денегъ подъ угрозой насилія. Частыя посѣщенія вами его семейства онъ не постѣснится объяснить любовнымъ волокитствомъ за его сестрой и т. д. Росказни его съ удовольствіемъ выслушиваютъ, но ставятъ на видъ частный и голословный ихъ характеръ, ничѣмъ не подтвержденный.

— Васъ не выпускать, если вы укрываете факты... Это все слова, что вы говорите.

Плохо кормленный въ тюрьмѣ юнецъ, лишенный солнца и истомленный неизвѣстностью — начинаетъ тогда уже и себя не жалѣть, ссылаясь на молодость, легкомысліе и увлеченіе любовью къ арестованной дѣвушкѣ; но ему опять напоминаютъ о полномъ раскаяніи.

— Вашъ соучастникъ, — говорятъ ему, — во всемъ признался. На вашемъ мѣстѣ вполне будетъ честно отплатить ему тѣмъ же; а другой — бѣжалъ за границу и вы напрасно боитесь скомпрометировать его. Теперь вамъ надо думать о себѣ и полномъ своемъ раскаяніи.

Несчастный хватается за удобный предлогъ и убавкиваетъ свою совесть вымыслами о подлости одного друга и бѣгствѣ за границу другого. Онъ даетъ прокурору пространное показаніе и рассказываетъ все, что зналъ изъ личной и общественной жизни своихъ товарищей. Но и это не помогло его освобожденію, а еще болѣе онъ сталъ нуженъ для суда, какъ живая улика противъ всѣхъ.

Ему осталось приняться за политическіе вымыслы. Онъ впутываетъ на угадъ новыхъ лицъ и окончательно теряется. Онъ прислушивается къ стуку своихъ сосѣдей, вглядывается черезъ щель форточки въ ихъ наружность и одежду, дѣлаетъ свои выводы изъ подслушанныхъ разговоровъ и просится на допросъ къ прокурору.

И это не помогло!! Доносы не подтвердились!

Въ отчаяніи многіе кончили жизнь самоубійствомъ, но и передъ смертью глали, мотивируя свое поведеніе привитымъ имъ «іезуитизмомъ» или храбро заявляя, что они разочаровались въ старыхъ путяхъ и считаютъ теперь для новой программы весьма полезнымъ уничтожить прежнихъ своихъ вожаковъ и сторонниковъ. Были впрочемъ и такіе среди нихъ, которые горько каялись за свою ложь и, получивъ прощеніе отъ товарищей, сходили потомъ съ ума.

Тяжело все это вспомнить! Тѣмъ болѣе, что никто изъ этихъ печальныхъ и молодыхъ героевъ, строго говоря, не виновенъ въ томъ, что болѣе опытные и зрѣлые люди впутали ихъ въ серьезное дѣло, а одиночное заключеніе обнаружило ихъ изнѣженность, безхарактерность и неспособность къ практической и отвѣтственной дѣятельности. Но не вспомнить эти страницы изъ жизни русской молодежи я не могу. Въ

провинціи съ многими изъ нихъ я сговорился въ показаніяхъ для облегченія ихъ собственной участи, не подозревая, что они на первыхъ же допросахъ тряслись за свою судьбу и не думали о другихъ. Чтеніе ихъ собственноручныхъ показаній оскорбило мою любовь и уваженіе къ «передовой молодежи». Я вернулся въ казематъ въ возбужденномъ состояніи и провелъ ночь въ чисто лихорадочномъ бреду. Я встрѣчалъ во снѣ ласковыхъ собакъ, которыя вдругъ хватили меня за ногу. Обертываясь и отбиваясь отъ нихъ, я неожиданно узнавалъ въ нихъ то одного, то другого изъ моихъ товарищей. А подь утро я чувствовалъ, что я долженъ умереть. Былъ приготовленъ и самый гробъ, зажжены свѣчи и всѣ ждали моей смерти, чтобы положить меня въ гробъ и увести изъ комнаты. Я все проснулся, нельзя ли мнѣ не умирать, хоть немножко пожить; но никто не соглашался ждать... Я хотѣлъ задуть свѣчи у гроба—и къ великому своему удовольствію проснулся у себя въ Пугачевской башнѣ.

VI.

Чтеніе томовъ предварительнаго дознанія, съ собственноручными показаніями моихъ «единомышленниковъ», воздвигло, казалось, между мною и всѣми прочими людьми какую-то незнакомую мнѣ стѣну. Я утратилъ разомъ къ людямъ довѣрчивость, безмятежность души и нѣжную привязанность. Я еще опредѣленно не понималъ своего состоянія, но чувствовалъ перемѣну духа, похожую на разочарованіе и бѣшенство влюбленнаго человѣка къ низкой женщинѣ.

— Ахъ, если бы это состояніе духа могло быть продолжительнымъ! Какъ бы я былъ впередъ и осмотрительнѣе и чему-нибудь научился бы въ жизни... Но молодость быстро переживаетъ обиды и озлобленіе на людей. Въ нашей душѣ заключается гораздо больше идеализаціи, чѣмъ скептицизма и осторожности.

Мнѣ пришлось въслѣдствіи увлекаться еще болѣе тѣми же самыми людьми и искать среди нихъ счастья и нравственнаго успокоенія, до тѣхъ поръ, пока на четвертомъ десяткѣ лѣтъ своей жизни я не убѣдился, что современный человѣкъ всего болѣе несчастенъ во многолюдствѣ. Неоднократныя поѣздки на допросъ къ прокурору и ознакомленіе съ собственноручными показаніями моихъ товарищей по одному со мной дѣлу привесли ту пользу, что подняли мои ослабѣвшія силы въ тюрьмѣ, и я дотянулъ свое существованіе до того дня, когда, наконецъ, дѣйствительно пришло предписаніе отправить меня въ Петербургъ.

— Послѣ Пугачевской башни мнѣ уже не страшна Петропавловская крѣпость,—подумалъ я.—Хорошо, что прошли апатія и безучастность!

Я все ждалъ, когда меня позовутъ въ канцелярію тюремнаго замка, занумеруютъ въ исходящую книгу арестантовъ и сядутъ конвойнымъ на желѣзную дорогу.

Въ ожиданіи этого дня я придумывалъ всевозможные способы воспользоваться временемъ для сношенія съ лицами на волѣ или съ тѣми, которымъ суждено будетъ занять мое мѣсто въ Пугачевской башнѣ. Каждый узникъ, покидая тюрьму, обязанъ начертать на стѣнахъ каземата свое имя и фамилію съ привѣтомъ будущему своему замѣстителю. Мнѣ хотѣлось, кромѣ того, дать ему ясное представленіе о положеніи нашего дѣла и кто какія даетъ въ немъ показанія. Эти свѣдѣнія всегда чрезвычайно важны для арестованнаго: черезъ нихъ онъ угадываетъ обстоятельства, о которыхъ его будутъ спрашивать, и онъ успѣетъ приготовиться къ отвѣту. Но я зналъ, что номеръ заключеннаго, по отвѣздѣ послѣдняго, всегда тщательно осматривается; даже во время моихъ прогулокъ по тюремному дворику я часто замѣчалъ, что казематъ обыскивался моими сторожами.

Трудно начертать гвоздемъ изъ сапога тѣ или другія свѣдѣнія на стѣнѣ, чтобы ихъ не замѣтили, а между тѣмъ карандаша и бумаги у меня нѣтъ. По той же причинѣ, за неимѣніемъ письменныхъ принадлежностей, я не могъ и заготовить письма въ какую-либо симпатичную мнѣ редакцію, со справкой о нашемъ дѣлѣ для тѣхъ, кто имъ интересуется, и дорогою, въ пути выбросить ее на глаза какому-нибудь молодому, честной наружности, человѣку.

Неожиданный случай опять помогъ мнѣ перехитрить блюстителей моей особы. Я замѣтилъ, что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ на своемъ дежурствѣ читаетъ романъ Майнъ-Рида. Во время прогулки по двору я завелъ съ нимъ рѣчь объ этомъ, любимомъ мною въ дѣтствѣ, писателѣ и посвятилъ его въ многочисленные рассказы объ индѣйцахъ и блѣднотлицыхъ въ Америкѣ. Въ слѣдующій разъ я сдѣлалъ тонкій намекъ на то, что мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ романомъ, который у него въ рукахъ и, наконецъ, я прямо попросилъ его у него.

— Вотъ прочту прежде самъ,—сказалъ онъ наконецъ, убѣжденный въ моемъ безкорыстномъ желаніи познакомиться съ новымъ произведеніемъ знаменитаго беллетриста.

Я далъ ему кончить книгу и вновь сталъ просить ее.

— На моемъ дежурствѣ буду давать.

— Ну, конечно!—воскликнулъ я, стараясь не навлечь на себя его подозрѣнія избыткомъ радости.

Въ два-три часа я проглотилъ все содержаніе романа и задумался

о тайныхъ цѣляхъ моего чтенія. Острымъ кончикомъ найденной на дворѣ булавки я началъ дѣлать точки вокругъ каждой буквы, нужной для моей записки, и потомъ эту букву выталкивалъ изъ текста на столъ. Изъ буквъ я составлялъ слова и налѣплялъ ихъ на корки мягкаго чернаго хлѣба. Работа эта была египетская и требовала большой осторожности: надо было постоянно посматривать на форточку двери, чтобы никто не замѣтилъ моей работы съ булавкой; во-вторыхъ, чтобы книга сохранила свой приличный видъ. Послѣ трехъ-четырехъ дежурствъ у меня уже было нѣсколько корокъ хлѣба съ полнымъ текстомъ о нашемъ дѣлѣ.

Эти корки хлѣба я положилъ за рѣшетку оконъ, куда заглянуть можно только подставивъ нарочно для того столъ. Въ номерѣ осматривались обыкновенно подушка, соломенникъ и стѣны. Окно нерѣдко забывалось, такъ какъ оно было недоступно человѣческому росту. Заключенный рано или поздно непременно захочетъ посмотрѣть въ окно на свободу и здѣсь долженъ будетъ найти мои корки.

Чего только не придумаешь въ одиночномъ заключеніи?! Если бы не книги, то я изъ хлѣба засушилъ бы микроскопическія буквы и, въ теченіе долгихъ лѣтъ своего заключенія, напечаталъ ими о немъ краснорѣчивыя строки; если-бы не хлѣбъ, то на кускахъ полотна, вырванныхъ изъ бѣлой арестантской рубахи, я написалъ бы дегтемъ изъ «параша» или сажей изъ коптилки-лампы о томъ, какъ я хотѣлъ въ эти годы любить и вѣрить въ братство людей и ихъ милосердіе.

Чашу испить до дна надлежало еще въ Петербургѣ. Помню хорошо этотъ день, когда мнѣ предстояло разстаться съ Пугачевской башней. Меня привели къ смотрителю тюремнаго замка, и въ то время, какъ я одѣвался по-дорожному, онъ отдалъ приказаніе перевести изъ одной башни въ покинутый мною казематъ какую-то барышню. Я не вытерпѣлъ и сказалъ ему, что въ моемъ номерѣ даже сильный мужчина теряетъ силы.

— Въ стѣнахъ и кровати насѣкомья...

— Чудесно!—весело воскликнулъ онъ.—Я бы иголокъ насыпалъ туда! Иголокъ!

— Зачѣмъ эта суровость?

— А мы въ томъ присягу принимали,—отвѣтилъ онъ безъ смущенія.

Эта логика до-реформеннаго тюремщика разсердила меня и я отвѣтилъ ему наставительно:

— Каждому человѣку слѣдуетъ поразмыслить о собственныхъ грѣхахъ и проступкахъ противъ Бога, прежде чѣмъ кипѣть гнѣвомъ и бѣшенствомъ на своего ближняго.

Въ этомъ настроеніи я вышелъ изъ Пугачевской башни и подъ конвоемъ былъ отправленъ по Николаевской дорогѣ въ Петербургъ.

А. Фаресовъ.



Воспоминанія старой институтки ¹⁾.

25-го мая сего 1898 года исполнилось 100 лѣтъ со дня основанія училища ордена св. Екатерины. Получивъ воспитаніе въ немъ въ 40-хъ годахъ, слишкомъ полъ-столѣтія тому назадъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о годахъ, проведенныхъ мною въ миломъ мнѣ и до сихъ поръ институтѣ, прося свисхожденія къ слабому труду 70-ти-лѣтней старухи, имѣвшей счастье дожить до такого торжественнаго дня.

Въ продолженіе ста лѣтъ воспитывалось и выпущено изъ стѣнъ института нѣсколько тысячъ юныхъ существъ въ бурное житейское море. Въ прежніе годы, а быть можетъ и теперь, покидая этотъ мирный пріютъ, ни одна изъ насъ не знала, что такое жизнь и что она дастъ — радость или горе? а каждая мечтала, сидя на классной скамейкѣ, только объ удовольствіяхъ, радостяхъ и развлеченіяхъ — не ожидая, что въ жизни чаще встрѣчаются горе и неудачи.

Теперь институтки имѣютъ возможность ближе знакомиться съ жизнью, проводя каникулы и праздники въ родной семьѣ, а въ то время, о которомъ я, старая институтка, вспоминаю, мы были совершенно отчуждены отъ родныхъ; хорошо еще, если родители или близкіе родственники жили въ Петербургѣ, могли разъ въ недѣлю навѣщать дѣвочку; а бывало и такъ: родители привезутъ 8-ми, 9-ти-лѣтнюю дочь и уѣзжаютъ обратно къ себѣ за 1.000 или болѣе верстъ (тогда еще желѣзныхъ дорогъ не было, существовала одна Царскосельская), и только по окончаніи шести лѣтъ являются взять изъ института уже взрослую дѣвушку. При мнѣ были такіе случаи, что ни дочь, ни мать съ отцомъ не узнавали другъ друга.

Дѣвочки не развлекались внѣ института, учились, занимались нау-

¹⁾ Написаны по случаю 100-лѣтняго юбилея училища ордена святой Екатерины (Екатерининскаго института).

ками, искусствами, жили замкнутой институтской жизнью, не вѣдая, что творится за его стѣнами, чѣмъ и какъ живетъ родная семья — это предоставлялось узнавать только по выходѣ. Вотъ и говорили, что тогдашняя институтка — не хозяйка, не свѣдующая въ практической жизни, только куклолка, хорошо танцующая, прекрасно знающая музыку, пѣніе, рукодѣліе и болтающая по-французски. Что дѣлать? Таковъ былъ режимъ тогдашняго воспитанія въ закрытыхъ заведеніяхъ. Одаренныя отъ природы смѣтливостью и умѣніемъ примѣняться къ жизни, мы легко пополняли этотъ недостатокъ воспитанія и дѣлались прекрасными женами, матерями и хозяйками.

Намъ внушали быть кроткими, правдивыми, невзыскательными въ семейной жизни; довольствоваться тѣмъ, что Господь пошлетъ, и если не всѣ усваивали эти правила, то лашъ по пословицѣ: «въ семьѣ не безъ урода!»

То, что не отпускали насъ изъ института ни при какихъ семейныхъ обстоятельствахъ, я, пишущая эти воспоминанія, испытала на себѣ: за четыре мѣсяца до выпуска я имѣла несчастье потерять отца, жившаго въ окрестностяхъ Петербурга, и меня не пустили отдать послѣдній долгъ горячо-любимому отцу, обнять, утѣшить больную, сраженную горемъ мать! Вотъ какъ строго относились къ правилу не выпускать ни на шагъ изъ института!

Прошло уже 60 лѣтъ, какъ я въ первый разъ переступила институтскій порогъ, но до сей поры помню тотъ день, когда отецъ съ матерью привезли меня въ это заведеніе. Это было 16-го августа 1838 г. День былъ великолѣпный, солнышко радостно освѣщало высокія зданія Петербурга и стѣны института—только пріемная комната начальницы, помѣщавшаяся внизу, направо отъ швейцарской, смотрѣла какъ-то угрюмо и непривѣтливо; въ ней было не такъ свѣтло, потому что окна выходили на подъѣздъ, надъ которымъ по сіе время красуется огромный балконъ, поддерживаемый колоннами. Будто сейчасъ вижу, какъ начальница института м-ше Кренпинъ, худенькая старушка, вышла къ намъ изъ своихъ комнатъ, любезно поздоровалась съ папой и мамой и, потрепавъ меня по щекѣ, сказала, обращаясь къ родителямъ:

— Привезли вашу дочь? Очень рада.

— Вамъ будетъ здѣсь хорошо, *mon enfant*,—обратилась она ко мнѣ,—много подругъ; учитесь, будьте прилежны, ведите себя хорошо и васъ всѣ полюбятъ. А теперь не скучайте, надо проститься съ папой и мамой,—и, повернувшись къ пепиньеркѣ, приказала ей отвести меня въ классъ.

Пока говорила начальница, сердце у меня такъ и замирало и слезы были готовы брызнуть изъ глазъ, но я ихъ глотала, а когда она вышла изъ комнаты и пепиньерка подошла ко мнѣ, чтобы разлучить съ роди-

телями, тутъ ужъ я не выдержала и, горько рыдая, бросилась имъ на шею. Долго ли я плакала на плечѣ матери—я не помню! Не помню, какъ и простилась съ ними!

Давъ мнѣ вдоволь выплакаться, добрая м-ше Кот—ъ взяла меня за руку и повела въ классъ,—длинную, большую комнату въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь стояли скамейки съ пюпитрами одна за другой, въ два ряда, съ широкимъ проходомъ между ними; противъ—черная классная доска, столикъ возлѣ нея для учителя и большой столъ у первой скамейки для классной дамы, а далѣе—столикъ со стуломъ для пепиньерки. Слезы еще туманили мои глаза и я едва различала дѣвицъ, сидѣвшихъ за пюпитрами. Время было между уроками, такъ что можно было болтать между собою.

— Mesdames, новенькая! новенькая!—слышу я со всѣхъ сторонъ,—какая маленькая, некрасивая! дурнышка!

— Нѣтъ, ничего; хорошо одѣта! Какая нарядная... comme il faut! — доносится до моего слуха.

Пепиньерка представляетъ меня классной дамѣ м-ше Л—й, молодой, хорошенькой, но очень маленькаго роста дамѣ (скажу мимоходомъ, что въ концѣ года она вышла замужъ и вѣнчалась въ нашей церкви). Она обласкала меня и тотчасъ же познакомила съ дѣвцами; надо замѣтить, что я не была застѣнчива, а потому живо сошлась съ тѣми, съ которыми меня посадили рядомъ. Когда насъ повели въ дортуаръ спать и я должна была послѣ общей молитвы раздѣться сама, чего я конечно не дѣлала дома, и меня на совѣтъ грядущій никто не перекрестилъ, какъ дѣлали это дорогой папа и милая мама, мнѣ сдѣлалось очень грустно, слезы душили меня, но я не смѣла громко плакать, и только моя подушка вся была омочена слезами. И вотъ теперь, послѣ шестидесяти лѣтъ, я живо представляю себѣ эту первую проведенную ночь въ институтѣ и у меня, 70-ти-лѣтней старухи, навертываются и теперь слезы при этомъ воспоминаніи.

Нѣсколько дней я ходила въ своемъ платьѣ и долго не могла сообразить—гдѣ я? и что со мною? Не могу умолчать и о томъ, какъ я долго не могла привыкнуть къ институтскому столу; все мнѣ казалось невкуснымъ и я ничего не ѣла; особенно утромъ была неприятна подававшаяся намъ какая-то бурда, называемая чаемъ или сбитнемъ, съ молокомъ и половиною французской булки; а по средамъ и пятницамъ намъ давали—по кружкѣ кипяченаго молока съ такой же булкой. Въ пять часовъ вечера, послѣ классовъ, приносили большую корзину съ ломтями чернаго хлѣба съ солью и бутылъ квасу. Трудно себѣ представить, съ какою поспѣшностью набрасывались дѣвицы на этотъ хлѣбъ!

Наконецъ пріѣхали ко мнѣ мама съ папой. Боже! сколько было ра-

дости, сколько объятій, слезъ, поцѣлуевъ; успокоившись, я, между прочимъ, рассказала, какимъ чаемъ насъ угощаютъ, что даютъ по вечерамъ, и что при желаніи родителей, за особую плату, 30 руб. въ годъ классной дамѣ, можно пить у нея чай утромъ и вечеромъ. Папа, разумѣется, тотчасъ же внесъ въ канцелярію института чайныя деньги и за музыку.

Наканунѣ моего свиданія съ родителями я уже была одѣта въ казенное платье: зеленое камлотовое съ бѣлымъ передникомъ, пелеринкой и бѣлыми же рукавичками, и такимъ образомъ встрѣтила моихъ дорогихъ пану съ мамой настоящей институткой младшаго класса. Въ старшемъ же классѣ, т. е. послѣдніе три года институтки носили платье коричневаго цвѣта. Родители мои пріѣзжали ко мнѣ по воскресеньямъ очень рѣдко, въ будни же принимали ихъ всегда въ пріемной у начальницы или у той классной дамы, у которой я пила чай. Всѣ институтки съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали воскресенья, дня пріема родныхъ въ большомъ залѣ. Опишу одно изъ воскресеній, такъ какъ въ продолженіе 6-ти-лѣтняго моего пребыванія въ институтѣ всѣ воскресные дни ходили одинъ на другой.

Утромъ колоколь будилъ насъ въ 7 часовъ ¹⁾. Послѣ перваго удара звонка дежурная дама въ своемъ утреннемъ костюмѣ являлась въ дортуаръ посмотреть, встаемъ ли мы; обойдя комнату, она оставляла насъ умываться и заниматься туалетомъ, по окончаніи котораго каждая дѣвица должна была убрать сама свою постель, ночной столикъ и ждать звонка къ молитвѣ. Классная дама въ своемъ форменномъ синемъ шерстяномъ платьѣ ставила насъ на молитву; по-очереди одна изъ насъ читала громко главу изъ «Евангелія» и утреннія молитвы, по окончаніи которыхъ мы дѣлали реверансъ дамѣ, становились по-парно и шли въ столовую пить нѣчто похожее на чай. Кто пилъ свой чай, уходилъ къ «своимъ дамамъ», а отъ нихъ—въ большой залъ занимать свое мѣсто. Затѣмъ всѣхъ институтокъ старшаго и младшаго классовъ вели въ залъ, гдѣ дозволялось, какъ были, по-парно, сѣсть по-турецки на полъ въ ожиданіи церковнаго колокольнаго звона къ обѣднѣ. Это были самыя пріятныя минуты для болтовни и смѣха; сюда сходились воспитанницы всѣхъ 8-ми отдѣленій—четвертушки, т. е. самыя маленькія дѣвочки 6—7 лѣтъ, 3-го отдѣленія младшаго возраста, 3-го отдѣленія старшаго класса и одно параллельное. Мы жужжали, какъ пчелы, оставленныя на это время классными дамами, которыя уходили рядомъ, въ физическій залъ, вѣрно тоже поболтать между собой. Обѣдню стояли всѣ вмѣстѣ; старшій классъ направо, младшій—направо, по росту; у каждаго отдѣленія сбоку находилась своя дежурная дама. Думаю, что и теперь

¹⁾ Въ будни мы вставали въ 6 часовъ утра.

такой же порядокъ. Начальница института, m-ше Родзянко, каждое воскресенье присутствовала при богослуженіи. Кстати упомяну здѣсь, что добрая старушка m-ше Кренпінъ, при которой я поступала въ институтъ, вскорѣ умерла и ее замѣнила чудная, добрѣйшая Екатерина Владиміровна Родзянко.

Послѣ обѣдни насъ приводили въ дортуаръ, гдѣ мы надѣвали лучшіе коленкоровые передники, пелерянки, рукавички, поправляли прическу и получали кокарды: красныя — за хорошее поведеніе и науки, и черныя—за лѣвость и за дурное поведеніе; ихъ мы должны были приколоть къ плечу или рукаву платья. Господи! сколько было горя, когда за какую-нибудь шалость, непослушаніе, напимѣръ, въ родѣ разговора въ классѣ по-русски или за обѣдомъ; передачи тетради при учителѣ съ одной скамьи на другую, незнаніе урока... словомъ, всѣ провинности за недѣлю отмѣчались черной кокардой. Надо, однако же, отдать справедливость нашимъ класснымъ дамамъ: рѣдкая изъ нихъ была неумолима и не прощала шалунью, особенно тогда, когда къ ней приходили родные или вызывали въ залъ; прилежныя и смиренныя дѣвицы круглый годъ, каждое воскресенье получали свои красныя кокарды и гордились ими; лишиться таковой считалось великимъ срамомъ.

Въ праздники насъ кормили лучше, чѣмъ въ будни, а 24-го ноября, въ день нашего орденскаго праздника, давали даже шампанское и играли за столомъ нашъ институтскій оркестръ. Послѣ обѣда насъ опять вели въ дортуары, гдѣ классная дама отдѣляла дѣвицу, питающую надежду на то, что къ нимъ придутъ родные; этихъ дѣвицъ попарно вводили въ залъ, гдѣ за балюстрадой, на скамейкахъ, устроенныхъ одна выше другой, уже сидѣли обыкновенно пріѣхавшіе родные и ждали своихъ дочурокъ. Вотъ заслуженный инвалидъ распаиваетъ широко высокія двери, ведущія изъ физической комнаты въ большой залъ; впереди чинно выступаютъ двѣ, три дежурныя дамы въ нарядныхъ шелковыхъ сяннхъ платьяхъ, за ними, попарно, дѣвицы (50 и болѣе), конечно, подъ ростъ, маленькія впереди. Войдя въ залъ, дѣвицы останавливаются по срединѣ, становятся *dos-à-dos* и дѣлаютъ реверансъ присутствующимъ родителямъ, послѣ чего одна колонна идетъ въ этомъ, такъ сказать, заколдованномъ кругѣ направо, а другая—налѣво и, приблизившись къ сидящимъ у балюстрады роднымъ, счастливая и радостная дѣвочка подходитъ къ балюстрадѣ и здоровается съ своими: папой, мамой, сестрами, братьями или кузенами, мѣста которыхъ на самой задней скамейкѣ.

Пріемъ продолжается съ часу до половины четвертаго; тогда ударъ колокола заставляетъ родныхъ покинуть залъ, а дѣвочки, поцѣловавъ ихъ на-скоро, уходятъ изъ зала.

Такъ проходили наши воскресенья и праздники; будни были

полны занятій. Съ 9-ти часовъ до 12-ти, двѣ смѣны учителей; въ 12—обѣдъ и рекреація; съ 2-хъ часовъ опять уроки—до 5-ти, у двухъ учителей. Въ 5-ть—чай, т. е. хлѣбъ съ квасомъ; до 6-ти—свободны поболтать часокъ, съ 6-ти до 8-ми вечера—приготовление уроковъ, въ 8 ч.—ужинъ и спать; и такъ изо-дня-въ-день—одно и тоже.

За шалости насъ строго наказывали, а случалось, что и за нихъ не разыскивали.

Расскажу одинъ случай: въ какой-то праздникъ, нѣкоторые изъ насъ, купивъ мелкаго сахару и яицъ, сидѣли въ сборномъ дортуарѣ, бывшемъ рядомъ съ комнатами нашей доброй и симпатичной инспектрисы m-elle Гоголь, и сбивали сахаръ съ яйцами въ стаканахъ, заранѣе припасенныхъ въ столовой. Бесѣда шла оживленная. Катя К., общая любимица, передавала намъ въ лицахъ случившійся вчера скандалъ съ неуклюжей толстухой Лизой К—й.

— Представьте себѣ, mesdames, рассказывала она, вчера вечеромъ, послѣ урока, очаровательный батюшка пожелалъ пройтись съ нами по саду. Толпа стремглавъ бросилась за нимъ; кто попроворнѣе, заняли мѣста возлѣ, а вотъ Лиза, она вѣдь обожаетъ батюшку, по обыкновенію опоздала, переваливаясь шла впереди его, задомъ и... о, ужасъ! несчастная спотыкается и теряетъ башмакъ съ ноги, какъ разъ противъ батюшки. Безсердечная Наташа О—ъ подхватываетъ башмакъ, и онъ высоко летитъ въ сторону, такъ что батюшка и вся компанія видѣли этотъ скандалъ. Бѣдняжка, Лиза К., красная, какъ зарево, убѣжала отъ стыда, спряталась въ кусты крыжевника и тамъ, не чувствуя боли отъ шиповъ, горько плакала. Вѣдь срамъ, какъ оскандалилась! Смотрите, mesdames, какъ летѣлъ башмакъ Лизы—и съ этими словами шалунья Катя стаскиваетъ свой и высоко, какъ мячикъ, подбрасываетъ его вверхъ.

— Très bien, mademoiselle, très bien, continuez votre récit en action. et votre ouvrage, mademoiselle, que faites vous? вдругъ раздался за нами голосъ инспектрисы.

Опять Катя К. выручила; не задумываясь ни мало, она бойко отвѣтила за сконфузившуюся подругу, сбивавшую яйца.

— Гоголь-моголь, m-elle Гоголь!

Ну, думаемъ, достанется-же намъ! Но, видимо, m-elle Гоголь была въ прекрасномъ настроеніи духа и улыбаясь сказала:

— Прошу васъ въ другой разъ не заниматься такой страпней, и вышла изъ дортуара.

Слава Богу, миновала гроза; и тутъ мы дали слово впередъ быть осторожнѣе и въ сборномъ дортуарѣ не сбивать гоголь-моголь! Въ самомъ дѣлѣ, не глупо-ли забраться въ дортуаръ, по сосѣдству съ инспектрисой, когда у насъ есть такое укромное мѣстечко (умывальня), гдѣ происходятъ наши совѣщанія и гдѣ даются порученія. Приведу

образчикъ записокъ на покупки, дававшихся воспитанницамъ ¹⁾. На хорошенькой бумажкѣ обыкновенно писалось: «Г-нъ лавочникъ, просимъ васъ, отпустите пожалуйста толокна на 10 к., мелкаго сахару на 10 к., яицъ на 15 к., клюквы на 5 к.; пожалуйста всего побольше и 10 к. за работу». Записку и деньги даемъ воспитанницѣ и бѣгаемъ свидѣмляться, скоро-ли принесутъ провизію?! Подобнаго рода отступленія отъ дисциплины доставляли намъ большое удовольствіе и развлеченіе; все это нисколько не было направлено во вредъ нравственности и что всего важнѣе—лжи у насъ не было; когда попадешься, бывало, сама лично, чистосердечно покаешься классной дамѣ (выдавать подругѣ, Боже сохрани—это преступленіе противъ чести!), хотя бы за это сняли передникъ, поставили въ классѣ къ доскѣ или въ столовой за черный столъ.

Помню я, какъ насъ водили каждую среду послѣ обѣда въ дортуаръ, гдѣ для каждой были приготовлены деревянные досчечки, въ родѣ линейекъ, шириною въ два вершка. Становили насъ въ одинъ рядъ съ этими линейками, и мы, закинувъ ихъ назадъ, за спину, должны были крѣпко держать ихъ обѣими руками за концы и дѣлать «па» то одной, то другой ногой. Мы спрашивали классную даму, зачѣмъ продѣлываемъ все это? Намъ отвѣчали: «чтобы вы держались прямо, приучались не горбиться, что бываетъ съ дѣтьми, долго сидящими на мѣстѣ». Тогда вѣдь не было моды на гимнастическія упражненія, и вся гимнастика замѣнялась такимъ первобытнымъ способомъ.

Я мало сохранила въ памяти время, проведенное въ младшихъ классахъ; но не забыла и никогда не забуду одинъ важный для меня эпизодъ, случившійся на второмъ году моего пребыванія въ институтѣ. Расскажу его, какъ доказательство милостиваго вниманія нашей царственной покровительницы и благодѣтельницы въ Божѣ почивающей императрицы Александры Феодоровны. Въ 30-хъ—40-хъ годахъ, не было въ Петербургѣ такихъ окулистовъ и глазныхъ операторовъ, какъ въ настоящее время, и вотъ въ 1839 году пріѣзжаетъ изъ-за границы какая-то знаменитость по глазнымъ болѣзнямъ, фамиліи не помню. Ея величество прислала сказать начальницѣ, чтобы она выбрала дѣвицъ, имѣющихъ какой-либо физическій глазной недостатокъ, и особенно тѣхъ, которыя косили глаза, и что пріѣзжій окулистъ будетъ въ институтѣ дѣлать операціи. Въ назначенный день, дѣйствительно, является къ намъ эта знаменитость. Мадамъ Родзянко ведетъ въ лазаретъ тѣхъ, кому нужна операція, въ томъ числѣ и меня, получившую отъ испуга съ пяти лѣтъ этотъ непріятный физическій недостатокъ. Сама не знаю почему,

¹⁾ Прислуживавшія намъ дѣвушки назывались обыкновенно воспитанницами, потому что были изъ Воспитательнаго дома.

вѣроятно отъ страха, но я наотрѣвъ отказалась отъ операціи и начальница оставила меня въ покоѣ. Послѣ, много разъ въ моей жизни, я сожалѣла, что не послушалась совѣта маман и не рѣшилась на операцію, хотя у дѣвиць, которымъ операція глазъ была сдѣлана, всегда при огнѣ глаза краснѣли, иногда и слезились, особенно при усиленныхъ занятіяхъ.

По прошествіи нѣкотораго времени императрица Александра Θεодоровна, удостоивъ институтъ своимъ посѣщеніемъ, изъявила желаніе узнать результатъ сдѣланныхъ операцій и видѣть больныхъ лично. Когда начальница доложила о моемъ отказѣ, то ея величество милостиво обратилась ко мнѣ съ вопросомъ.

— Pourquoi, n'as-tu pas voulu faire l'opération?

Этого вопроса я не ожидала, а потому очень испугалась и сама не знаю отчего и почему, отвѣтила, сдѣлавъ глубокой реверансъ:

— Je suis une pauvre personne, Votre Majeste Impériale, je tiens plus à ma bonne vue qu'à ma beauté!

— Tu a raison, mon enfant! были милостивыя слова ея величества.

Вообще мы, воспитанныя въ институтѣ, какъ теперь, такъ и тогда, можемъ похвалиться и гордиться милостивымъ вниманіемъ и попеченіемъ всей царской фамилии. Нерѣдко посѣщала институтъ и императоръ Николай Павловичъ, а императрица Александра Θεодоровна съ великими князьями довольно часто. Разъ, я помню, ея величество пріѣхала съ своей любимой фрейлиной m^{lle} Бартеневой, замѣчательной пѣвицей, которую государыня заставила намъ спѣть нѣсколько прелестныхъ романсовъ. Когда къ намъ въ классъ вошла императрица, ея величество сѣла въ поданное ей кресло и стала слушать отвѣтъ ученицы, вызванной къ доскѣ: это была—я! Сильно забилося мое сердце отъ такой неожиданности, скажу откровенно, и отъ страха. Но я быстро овладѣла собой и, какъ послѣ мнѣ сказала классная дама и дѣвицы, отвѣчала бойко и толково, какъ теперь помню, о «Ломоносовѣ».

Государынѣ угодно было спросить у начальницы фамилію учителя (въ то время былъ нашимъ преподавателемъ русской словесности г-нъ Эрнстъ) и замѣтила:

— Какъ странно, по фамиліи нѣмецъ, а даетъ уроки русскаго языка?

— Я нѣмецъ, ваше императорское величество, отвѣчалъ учитель, но тѣмъ русскій хлѣбъ и обязанъ знать русскій языкъ, наравнѣ съ нами роднымъ.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій посѣщала институтъ почти каждую недѣлю! Сперва давали звонокъ, когда онъ пріѣзжалъ, послѣ же, конечно по его желанію, отмѣнили эту церемонію, и онъ

бывалъ у насъ во всякое время дня; почти всѣхъ дѣвиць зналъ по фамили, и мы обожали его.

Разъ у меня заболѣла голова во время ужина; я попросила классную даму позволить мнѣ уйти изъ столовой ранѣе другихъ въ дортуаръ и лечь спать. Иду я по корридору, вдругъ вижу идетъ мнѣ навстрѣчу принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Я съ крикомъ «его высочество—принцъ!» бросилась назадъ, а онъ мнѣ кричитъ: «Ковалевская, вернитесь, идите, куда шли, не надо говорить обо мнѣ». Не тутъ-то было! и боль головы прошла, и я, какъ бомба, влетѣла въ столовую съ радостнымъ извѣстіемъ. За мной вошелъ принцъ и улыбувшись погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Хотя насъ не отпускали домой, какъ теперь, на каникулы и праздники, но мы не скучали въ институтѣ. Бывали и балы. Лѣтомъ, 1-го іюля, въ день рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны, танцовали въ саду на площадкѣ, передъ террасой, шерочка съ машерочкой, и было очень весело; оркестръ музыки былъ свой. Потомъ бывали балы: 24-го ноября въ нашъ институтскій праздникъ и день ангела м-ше Родзянко; въ этотъ день—танцы оживленнѣе: бывали и кавалеры, учителя и цѣлый классъ правовѣдовъ съ своимъ воспитателемъ, принцъ Петръ Георгіевичъ съ супругою, знакомые начальницы и нѣкоторые изъ родныхъ дѣвиць. Угощали насъ яблоками, конфетами, аршадомъ, лимонадомъ, а за ужиномъ подавались тартинки съ масломъ и сыромъ; дѣвиць маленькаго класса уводили спать въ 12 часовъ, старшія-же танцовали до часу. Третій балъ бывалъ 1-го января, самый веселый, любили его больше всѣхъ, потому что намъ было позволено костюмироваться. За мѣсяць и болѣе мечтали мы, а послѣ хлопотали о костюмахъ; можно сказать, что костюмы были великолѣпны: турчанки, гречанки, тирольки, словомъ, всѣхъ націй, какія намъ были извѣстны, являлись въ залъ пестрой толпой, сіяя молодостью, красотой и красивымъ нарядомъ. Добрые родители не жалѣли денегъ, чтобы побаловать своихъ дочерей, особенно богатые, которыхъ было много въ нашемъ институтѣ. Помню, однажды, Иловайская, дочь донскаго казацкаго атамана, разъ была такъ богато костюмирована турчанкой, что начальница замѣтила ей матери и просила на будущее время не дѣлать такого роскошнаго костюма, и тутъ же сняла съ Мани всѣ брильянты, изумруды и отдала ихъ м-ше Иловайской. Послѣдній годъ передъ выпускомъ, нашъ костюмированный балъ былъ самый удачный и веселый, потому что, мы—дѣвицы старшаго класса, вздумали устроить сюрпризъ начальницѣ; подготовленіемъ и разработкой этого сюрприза мы занимались задолго до Святковъ.

Было 7 часовъ вечера; большой залъ былъ освѣщенъ свѣтло и красиво. Его высочество принцъ Ольденбургскій, начальница со своими

знакомыми, родные—уже заняли свои мѣста; попарно ввели дѣвѣцъ въ казенныхъ платьяхъ, за ними шли костюмированныя тоже парами, въ порядкѣ надѣтыхъ національныхъ костюмовъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, начались танцы. Вдругъ музыканты заиграли какой-то веселый вальсъ, дверь изъ физической комнаты съ шумомъ широко распахнулась и въ залъ стала катиться со звономъ и трескомъ огнедышащая гора, выбрасывавшая изъ своего жерла не лаву, нѣтъ, а конфеты, фрукты и разныя сласти, которыя ловко подхватывали дѣвицы. За горою появились верстовой столбъ и вѣтренная мельница, махая своими крыльями, она захватила ими столбъ и стала вертѣться въ бѣшенномъ вальсѣ. Все это очень понравилось начальницѣ, но больше всего—показавшаяся затѣмъ цыганская палатка съ группою цыганокъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, которыя подъ звуки музыки плясали по-цыгански, а кончивъ танцы, заплѣли иѣсню.

Описанный сюрпризъ, благодаря неожиданности своей, доставилъ всѣмъ большое удовольствіе. М-ше Родзянко очень благодарила ученицъ, удивлялась, какъ все было хорошо придумано и исполнено.

Вспоминая о развлеченияхъ, доставлявшихъ намъ начальствомъ, не умолчу объ одномъ. Какъ-то, въ воскресенье, послѣ приѣма родныхъ, гуляли мы по корридору, толковали о выпускѣ, высчитывали въ сотый разъ дни и часы, передавали одна другой свои желанія насчетъ туалета, дѣлали разныя предположенія и мечтали о будущемъ въ незнакомой намъ жизни, вдругъ видимъ вдали идетъ къ намъ начальница. Всѣ бросились къ ней, обступили ее со всѣхъ сторонъ, цѣловали ея руки и плечи.

— Я пришла къ вамъ, mes enfans, сообщить большую новость, сказала Екатерина Владиміровна, ея величество императрица желаетъ доставить вамъ удовольствіе, познакомить васъ съ игрою знаменитаго виртуоза Листа. По ея приглашенію, онъ будетъ завтра къ намъ въ институтъ. J'espère, que vous êtes contentes d'entendre ce célèbre pianiste?!

— Да, да, шатап, какой ангелъ—императрица, какъ она заботится о насъ, кричали мы въ порывѣ восторга.

Проводивъ начальницу до дверей ея комнаты, мы принялись болтать о завтрашнемъ днѣ.

— Знаете, mesdames, я непремѣнно буду обожать Листа! вѣрно онъ божественно играетъ, если императрица пожелала, чтобы мы его слышали, говорила наша первая музыкантша, хорошенькая Китя М.

— Ужъ не думаешь-ли ты Китя, что Листъ попроситъ тебя играть? съ насмѣшкой кто-то поддразнилъ ее.

— А почему же нѣтъ? я, ему сыграю; ну что бы сыграть? пусть онъ видитъ, съ какимъ успѣхомъ мы здѣсь занимаемся музыкой, съ

такими преподавателями, какъ Гензельтъ и Адамъ, съ задоромъ отвѣтила она.

— Мы ему споемъ что-нибудь; вѣрно папан захочетъ похвастать нашими талантами, замѣтила первая солистка Катя К., и она звонко прошла какую-то ругладу чистымъ серебристымъ сопрано, сдѣлавъ граціозный пируэтъ.

Вечеромъ намъ сообщила классная дама, что начальница думаетъ отблагодарить Листа подаркомъ изъ нашихъ работъ; стали соображать, какія есть готовые вещи, кто поднесетъ; и еще много, много болтали, когда пришли въ дортуаръ изъ столовой, и долго не могли заснуть въ ожиданіи завтрашняго дня. Наконецъ онъ насталъ: было свѣтлое, морозное утро, солнышко весело играло въ окнахъ, отражаясь во множествѣ радужныхъ тѣней на стеклянныхъ подвѣскахъ люстръ и канделябрахъ большого зала. Утро смотрѣло такимъ же радостнымъ, какъ были радостны наши юныя сердца. Посрединѣ зала стояли два рояля, кресла, стулья—и залъ въ мигъ превратился въ концертный, только еще артиста нѣтъ! Ждемъ, горимъ нетерпѣніемъ!!

Въ 11 часовъ мы уже сидѣли по мѣстамъ. Вотъ является м-ше Родзянко и съ ней — высокій, худощавый господинъ съ черными, длинными волосами, которыми онъ встряхивалъ при своихъ быстрыхъ движеніяхъ.

— Il n'est pas joli... слышится шопотъ дѣвицъ.

Всѣ мы стояли, когда вошли начальница съ Листомъ; сдѣлавъ имъ глубокой реверансъ, мы заняли свои мѣста; поклонясь намъ очень граціозно и поговоривъ о чемъ-то немного съ начальницей, Листъ сѣлъ за рояль. Тогда въ залѣ водворилась полнѣйшая тишина, и этотъ дивный виртуозъ сталъ играть. Звукъ такъ и лился изъ подъ его рукъ, то страстно замирая, то громко и сильно, fortissimo. Игралъ онъ увлекательно; пальцы его такъ и прыгали по клавишамъ, мы были, какъ очарованныя, боялись проронить хотя бы малѣйшій звукъ, но вотъ во время исполненія имъ какого-то бравурнаго мѣста, лопается въ его роялѣ струна и Листъ, какъ бы по волшебству, не прерывая звука, очутился уже за другимъ роялемъ. Это былъ такой фокусъ, такъ моментально, что мы остолбенѣли! Наконецъ музыка смолкла; Листъ всталъ, кланяется намъ, въ отвѣтъ на наши поклоны. Начальница благодаритъ его отъ себя и отъ всѣхъ насъ за доставленное громадное удовольствіе и проситъ его принять на память отъ благодарныхъ институтокъ бездѣлицу—ихъ работу! Тогда наши три красавицы: Саша Р—чь подносить ему предестную вышитую подушку, а двѣ другія—Соня К—ва и Маша С—ва—большой коверъ. Боже, какъ сконфузились наши дѣвицы и покрасябли, какъ піоны, когда Листъ, ставъ на одно колѣно, првнялъ подарки изъ ихъ рукъ!

— Бѣдныя; бѣдныя! шептали однѣ.

— Счастливицы, *les heureuses*, говорили другія, и всѣ были въ восторгѣ отъ любезности Листа.

Весь день мы находились подъ чарами прелестной музыки; всѣ говорили, дѣлились своими впечатлѣніями, даже классныя дамы стали добрѣе—онѣ дали намъ полную свободу высказывать громко свои мысли, болтать безъ умолка.

Такъ летѣли дни и годы въ милomъ институтѣ и быстро приближалось время экзаменовъ и выпуска. Но прежде, чѣмъ описывать это, я расскажу одинъ случай, бывшій со мною лѣтомъ въ послѣднемъ классѣ. Надо сказать, что въ то время наша постоянная классная дама хворала, и чтобы поправиться, взяла отпускъ на два мѣсяца и классъ нашъ передала *m-elle Ав—й*. Это была въ высшей степени несимпатичная, до педантизма възыскательная, старая дѣва; носила она три фальшивыхъ локонна, съ каждой стороны своего длиннаго, худошаваго лица, которые тряслись и подпрыгивали, когда она сердилась, а сердилась она ежеминутно, за всякій пустякъ. Додо М... самая отчаянная, но милая шалунья, вздумала подшутить надъ придирчивой *m-elle Ав—ой*. Написавъ что-то на клочкѣ бумажки, она передала записку на заднюю скамейку, но такъ, чтобы это видно было зоркому глазу нашего аргуса. Дѣвица, получившая записку, отправила ее на слѣдующую скамейку, и записка эта гуляла изъ рукъ въ руки, пока *m-elle Ав...* не увидала. Какъ вихрь налетѣла она на меня и вырвала бумажку. «Вотъ, думаемъ, слава Богу, поймала!» Быстро разворачиваетъ и читаетъ: «Любопытство бываетъ наказано!» Побагровѣла, какъ вареный ракъ—пейсики ея затряслись: «Кто писалъ записку?» допрашиваетъ она. Меня, бѣдную, поставила на колѣни посреди класса. На допросъ *m-elle Ав...* «кто писалъ?»—всѣ молчатъ. Додо М... уже хотѣла сознаться, какъ всѣ знаками молили не говорить, предчувствуя, что отъ мстительной классной дамы не будетъ пощады. Не добившись признанія, она придумала наказать насъ послѣ обѣда, когда всѣ будутъ гулять въ саду. Она заперла насъ всѣхъ въ большую бесѣдку такъ, чтобы весь институтъ видѣлъ, какъ отличилось наше отдѣленіе; просить прощенія мы не стали и смиренно всѣ отправились въ импровизированный казематъ. Заперевъ на ключъ и спрятавъ его въ карманъ, она ушла въ свою комнату, увѣренная, что никто не уйдетъ изъ этой темницы. Не тутъ-то было! Я, пишущая эти воспоминанія, ушла изъ-подъ замка!

— Надя Ковалевская, къ тебѣ пріѣхалъ папа, подбѣжавъ къ окну, сказала мнѣ Соня Х...

— Какъ быть? Какъ уйти тебѣ, бѣдная?—говорили мнѣ дѣвицы.— А вотъ какъ: мы тебѣ пособимъ, выльзай изъ окна.

И нѣсколько дѣвицъ помогли мнѣ выбраться въ окно. Я стремглавъ,

заднии аллеями, чрезъ черный ходъ пробралась въ комнату m-me Sarge, куда всегда прѣвзжали мои родители, такъ какъ она была знакома съ ними и меня очень любила. Кажется, только одинъ разъ въ моей институтской жизни я не умоляла отца посидѣть подольше и даже была рада проститься съ нимъ, чтобы скорѣе попасть на назначенное мнѣ мегерой мѣсто. Папа былъ очень удивленъ, видя мою разсѣянность, но мнѣ было стыдно сознаться въ нашемъ наказаніи, и я смолчала. Простясь и не проводивъ отца до швейцарской, какъ я это дѣлывала всегда, я черезъ нѣсколько секундъ, тѣмъ же путемъ и способомъ, съ помощью караулившихъ меня подругъ, сидѣла въ бесѣдкѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ 2 часа m-elle Ав... отворила нашу тюрьму и повела въ классъ на занятія; о моемъ путешествіи такъ она и не узнала, какъ не удалось никогда узнать, кто писалъ злосчастную записку.

Наконецъ настало тревожное время приготовленія къ выпускнымъ экзаменамъ! Занимались усидчиво, цѣлый день, даже вставали въ 4 часа ночи; выпросивъ огарокъ у нашей воспитанницы Маши, очень доброй дѣвушки, мы по кучкамъ, т. е. нѣсколько дружныхъ междо обою дѣвицъ сажались долбить уроки къ экзамену. У меня экзамены прошли вполне удачно, такъ что я была назначена отвѣчать на царскихъ и публичныхъ экзаменахъ. Надо пояснить, что на эти послѣдніе вызывались не всѣ, а только лучшія ученицы, иначе было бы утомительно выслушивать 200 слишкомъ дѣвицъ; на эти экзамены полагалось только два дня. Каждая изъ насъ, разумѣется, прекрасно знала заранѣе назначенный для нея билетъ и, кажется, чего бояться? Анъ нѣтъ! Какъ вызовутъ, бывало, къ доскѣ, сердце готово точно выскочить. А начнешь отвѣчать, страха какъ-будто и не бывало! То же самое, даже еще болѣе, мы испытывали и на главныхъ инспекторскихъ экзаменахъ, рѣшавшихъ участь нашихъ занятій за всѣ 6 лѣтъ, такъ какъ по отмѣткамъ на нихъ выдавались намъ награды и аттестаты. Экзамены происходили въ присутствіи начальницы, попечителей, инспектора, учителей и Петра Георгиевича Ольденбургскаго.

Царскіе экзамены обыкновенно происходили въ институтѣ, но въ годъ моего выпуска, въ Бозѣ почивающая императрица Александра Теодоровна, будучи больною и чувствуя себя не въ силахъ ѣхать въ институтъ, соизволила приказать привозить насъ во дворецъ. Въ назначенный день насъ повезли въ Зимній дворецъ въ придворныхъ каретахъ. Въ 11 часовъ утра мы уже сидѣли въ большой залѣ дворца. Не знаю, какъ называется этотъ залъ, только помню въ немъ большіе, подъ самый потолокъ плафы съ серебряными блюдами, а возлѣ корридоръ съ часовыми, изъ котораго дверь вела въ зимній садъ.

Ея величество, поздоровавшись съ нами, заняла свое кресло и, слу-

шая насъ, вязала чулокъ; возлѣ нея помѣстились: начальница, инспекторъ, члены совѣта, т. е. попечитель принцъ Ольденбургскій, учителя, фрейлины (классныя дамы сидѣли возлѣ насъ). Потомъ вошли въ ту же залу ихъ высочества, великія княжны и великіе князья. Экзаменъ нашъ продолжался часовъ около трехъ; вызванная по фамилія дѣвица становилась противъ государыни. Мнѣ пришлось отвѣчать изъ Закона Божьяго, потомъ по географіи, всеобщей исторіи и русской литературѣ. Для экзамена по географіи были привезены классныя доски съ картами моей работы.

Императоръ Николай Павловичъ также осчастливилъ экзаменъ своимъ присутствіемъ, постоялъ нѣсколько минутъ сзади императрицы, задалъ ученицамъ два, три вопроса и удалился въ свои апартаменты. По окончаніи экзамена ея величество, въ сопровожденіи начальницы и своихъ фрейлингъ, оставила залъ, сказавъ намъ:

— Идите, дѣти, посмотрите, гдѣ я живу; княжны вамъ покажутъ.

— Nous Vous remercions, Votre Majesté Impériale,—весело и радостно отвѣчали мы.

Какъ мы были счастливы и благодарны, видя такое милостивое вниманіе царя, царицы и ихъ царственныхъ дѣтей! Съ какой любовью и радушіемъ показывали они, объясняли намъ доселѣ невиданныя рѣдкости. Прежде всего повели насъ въ зимній садъ, потомъ черезъ кабинетъ, гдѣ императрица сидѣла съ начальницей, въ ея опочивальню; заставили обратить вниманіе на великолѣпнѣйшіе брильянты въ коронахъ и парюрахъ въ стоящихъ по угламъ витринахъ; затѣмъ спустились въ нижній зимній садъ, гдѣ порхали птички на свободѣ съ одной пальмы на другую, а въ клѣткахъ кричали пестрые попугаи; изъ ванной комнаты повели насъ по широкому корридору, украшенному великолѣпными картинами знаменитыхъ художниковъ. Тутъ присоединился къ намъ императоръ Николай Павловичъ; встрѣтивъ насъ здѣсь, онъ самъ лично показалъ намъ Георгіевскую, Бѣлую и другія залы, милостиво шутилъ съ дѣвцами, смѣясь надъ ихъ удивленіемъ и наивностью.

Изъ комнатъ великихъ князей насъ провели въ круглый концертный залъ, столовую, гдѣ уже были сервированы длинный столъ и нѣсколько маленькихъ столиковъ; столы были всѣ убраны цвѣтами, вазами съ фруктами и конфектами, съ бутылками вина и меда. Ихъ императорскія величества императоръ, императрица, великіе князья и княгиня, фрейлины, начальница, классныя дамы, за этимъ же столомъ заняли мѣста и нѣкоторыя изъ институтокъ; кому не достало здѣсь мѣста, сѣли за маленькими столиками; мнѣ пришлось сидѣть за однимъ изъ послѣднихъ. Какое было меню, я уже не помню; конечно такое, котораго мы, институтки, и во снѣ не видали; фрукты и конфекты намъ приказали

взять съ собою. Сядься за столъ, начальница, по желанію государя и государыни, приказала намъ спѣть концертное «Отче нашъ», какое мы пѣли въ институтѣ. По окончаніи обѣда, поблагодаривъ царственныхъ хозяевъ за высокую милость и вниманіе, оказанные намъ, мы откланялись и уѣхали въ придворныхъ каретахъ домой. Боже мой! воспоминаіе объ этомъ днѣ никогда не изгладится изъ моей памяти! Весь вечеръ мы только и говорили, что о милостяхъ государя и государыни, передавали другъ другу слова, съ которыми они обращались къ намъ. Не знаю, какъ другія, а я всю ночь не спала отъ пережитаго въ этотъ незабвенный день.

Недѣлю спустя, насъ возили опять въ Аничкинъ дворецъ сдавать послѣдній экзаменъ по математикѣ, французскому и нѣмецкому языкамъ, физикѣ и естественной исторіи. Послѣ экзамена мы завтракали и также осматривали царскія комнаты. Описывать этотъ день не стану, такъ какъ онъ будетъ повтореніемъ предыдущаго, съ маленькими лишь измѣненіями. Царскій актъ былъ въ институтѣ. Не знаю, бываетъ ли такой праздникъ теперъ, а въ мое время этотъ актъ былъ очень интересенъ! Постараюсь описать его, какъ помню.

Вечеръ; нашъ огромный залъ сіяетъ тысячами огней; въ углубленіи стоятъ кресла для царской фамиліи и стулья для прочихъ зрителей, въ сторонѣ—два рояля; нашъ оркестръ музыки расположенъ за колоннами, въ углу зала. Дверь отворяется, и классныя дамы вводятъ дѣвицъ младшаго возраста; помѣщаютъ ихъ на скамейкахъ за баллюстрадаю; вотъ изъ физической комнаты раздаются торопливые шаги нашего полиціймейстера, который спѣшитъ сказать музыкантамъ, чтобы играли маршъ, подъ звуки котораго входятъ въ залъ: ихъ высочества великан княгиня Александра Николаевна, великая княжна Ольга Николаевна, великіе князья, его высочество принцъ Ольденбургскій съ супругою, фрейлины, начальница, попечители института, инспекторъ, учителя и масса приглашенныхъ. Государя и государыни не было—ея величество была не совсѣмъ здорова. За гостями идемъ мы, по-парно, въ бѣлыхъ муслиновыхъ платьяхъ: декольте и *manches courtes*; изъ широкой атласной ленты кушакъ съ длинными концами краснаго цвѣта, ордена св. Екатерины; расходимся по обѣимъ сторонамъ зала, гдѣ составляемъ большое каре; между тѣмъ, приготовленные рояли выдвигаютъ на середину и наши лучшія музыкантши садятся играть на двухъ рояляхъ пьесу въ 8 рукъ, потомъ на одномъ роялѣ въ 4 руки и, наконецъ, одна съ аккомпанементомъ оркестра.

Помню, какъ всѣ исполнительницы кланялись и благодарили за похвалы.

Затѣмъ выходятъ на средину три дѣвицы съ первой солисткой, а хоръ становится по сторонамъ ихъ. Сначала пѣли тріо по-итальянски,

а затѣмъ хоръ прекрасно исполнилъ русскую пѣсню изъ оперы «Жизнь за Царя». Вокальный экзаменъ закончился прощальною пѣсней къ институту, слова которой были сочинены нашимъ инспекторомъ классовъ П. Г. Ободовскимъ. Всея пѣсни не помню, но вотъ ея начало:

„Здѣсь, подруги, къ свѣтлой цѣли
 Всѣ мы шли одной стезей,
 Здѣсь, какъ въ мирной колыбели
 Дѣтства дни отъ насъ летѣли
 И — умчались стрѣлой!
 Въ разлукѣ, кто изъ насъ забудетъ
 Невинныхъ радостей пріютъ?
 Намъ бурный свѣтъ чужбиной будетъ,
 Отчизной — мирный институтъ!..“

Тогда мы еще не знали, а только чувствовали правдивость этихъ послѣднихъ строкъ, и только послѣ многія испытанія жизнь, полную бурь, волненій и всякихъ невзгодъ; живя же подъ попеченіемъ добраго начальства, мы не имѣли никакихъ заботъ, кромѣ уроковъ. Хорошее было, славное время, и я, на закатѣ дней моихъ, вспоминаю, прославляю царя, царицу и все начальство за шесть лѣтъ, проведенныхъ въ миломъ институтѣ.

Въ антрактахъ разносили царственнымъ и другимъ гостямъ чай и фрукты; а мы между тѣмъ приготавливались къ танцамъ, т. е. къ послѣдней части актовъ программы. Вотъ раздались звуки музыки: начался плавный минуетъ съ его граціозными поклонами; гавоть, *pas de challe* съ голубыми креповыми шарфами, съ цвѣточными гирляндами, вѣнками: маленькія дѣвицы, съ букетами въ рукахъ, составляли прелестныя группы въ своихъ бѣлыхъ, съ красными лентами, коротенькихъ муслиновыхъ платьицахъ; составлялись различныя фигуры изъ шарфовъ, перемѣшанные гирляндами и вѣнками, словомъ, балетъ въ миниатюрномъ, но строгомъ стилѣ. По окончаніи танцевъ особы царской фамиліи, гости, въ сопровожденіи начальницы и дѣвицъ, прошли въ физическій залъ осматривать выставленныя работы, сгруппированныя очень красиво на длинномъ большомъ столѣ по срединѣ комнаты: тутъ были прелестныя корзины изъ розоваго, бѣлаго, голубаго атласа для туалета, вышитыя подушки, *sachets*, всѣхъ цвѣтовъ, величинъ и формъ, разныя мелкія работы: кошельки, туфли, цвѣты, огромный коверъ во всю величину стѣны, длинный коверъ дорсжкой, сонетки висѣли на стѣнахъ, картины въ золоченыхъ рамахъ, писанныя маслянными красками и акварелью, и, наконецъ, каллиграфическіе рисунки перомъ, китайской тушью.

Скажу нѣсколько словъ о себѣ собственно: я оставляла институтъ сиротою, — за 4 мѣсяца до выхода изъ института умеръ мой отецъ, такъ

что радостное для всѣхъ время для меня было омрачено горемъ и часто слезами, къ тому же и мама моя была въ это время такъ больна, что не могла сама прѣхать за мною въ институтъ и прислала гувернантку моихъ младшихъ братьевъ и сестеръ.

За нѣсколько дней до выпуска, оканчивающихъ съ наградю возили во дворецъ, гдѣ ея величество государыня императрица Александра Теодоровна лично раздавала шифры, медали и книги. Въ залѣ дворца, гдѣ мы экзаменовались, поставили насъ въ двѣ колонны, съ широкимъ между ними проходомъ. Ея величество сидѣла, окруженная великими княжнами и фрейлинами, а рядомъ съ нею сидѣла м-ше Родзянко. Инспекторъ вызывалъ удостоенную награды по фамилии; выйдя изъ своего ряда, она подходила къ государынѣ, дѣлая черезъ каждые нѣсколько шаговъ глубокой реверансъ, становилась на одно колѣно и, получивъ награду, цѣловала руку государыни и тѣмъ же порядкомъ возвращалась на свое мѣсто. Сидя возлѣ ея величества, начальница называла ей каждую ученицу, кратко докладывая ей о родителяхъ награждаемой. Когда дошла очередь до меня и м-ше Родзянко стала что-то докладывать императрицѣ, государыня громко сказала мнѣ:

— Я помню твоего отца-старика, — и, вручая мнѣ награду, меня поцѣловала.

Господи, Боже мой! Я такъ была потрясена этой милостью, что чуть не лишилась чувствъ и, не помня себя—гдѣ я и что со мною—можно сказать легла на свое мѣсто. Дѣвицы, видѣвшія происшедшее, шептали мнѣ: «счастливица ты, счастливица!»

Наканунѣ дня выпуска императрица съ августѣйшими дѣтьми: великой княжной Ольгой Николаевной и великими князьями: Константиномъ и Николаемъ Николаевичами, посѣтивъ въ послѣдній разъ при мнѣ институтъ, пожелали осмотрѣть нашей работы картины и рукодѣлье. Между работами былъ, между прочимъ, географическій атласъ, съ картами, рисованными мною, на прекрасной бумагѣ, съ виньетками. Роскошно отдѣланный, въ бархатѣ, съ бронзовыми углами и застежками, атласъ этотъ дѣйствительно могъ остановить на себѣ вниманіе. Я готовила его въ подарокъ своему отцу задолго до его смерти. Осматривая наши работы, великая княжна Ольга Николаевна остановилась у этого атласа и только-что задала м-ше Родзянко вопросъ, кому принадлежить этотъ атласъ, какъ великій князь Константинъ Николаевичъ, придя отъ работы въ восторгъ, въ ту же секунду заявилъ, что онъ имѣетъ твердое намѣреніе пріобрѣсти этотъ атласъ себѣ.

— На что тебѣ эта вещь,—обратился онъ къ великой княгинѣ,—я, какъ морякъ, имѣю на нее правъ больше, чѣмъ ты!

— Надѣюсь, mademoiselle, что вы будете согласны мнѣ подарить его,—обратился ко мнѣ великій князь.

*

Глубокій реверансъ былъ моимъ отвѣтомъ. Его высочеству принцу Ольденбургскому я поднесла своей работы карты отъ основанія Россіи до царствованія Николая I.

Осмотрѣвъ всѣ наши картины и работы, ея величество и ихъ высочества отбыли изъ института. Въ послѣдній разъ мы институтками простились съ царицей и ея семьей.

Наконецъ насталъ день выпуска, — радостный, счастливый, давно желанный! Но, увы! Еще наканунѣ всѣ мы чувствовали себя въ грустномъ настроеніи духа, ходили молча по корридорамъ, прощались съ каждымъ уголкомъ института, гдѣ протекли счастливые дни нашего дѣтства и юности. Право, мы и не воображали, что будетъ такъ скучно расставаться; до сей минуты какъ-то индифферентно смотрѣли на разлуку съ начальницей, подругами. Теперь только мы сознали, что надо сказать другъ другу «прости», быть можетъ, «на-вѣки». Всю ночь мы почти не спали, разговаривая между собою, и классныя дежурныя дамы оставались съ нами долѣ обыкновеннаго.

Утро... сѣренькое, петербургское, мартовское утро вполнѣ гармонировало съ нашими чувствами... Звонко! Боже, въ послѣдній разъ онъ раздавался въ нашихъ ушахъ, теперь никогда не услышимъ его дребезжащаго звона! Мы одѣваемся въ бѣлыя, съ красными лентами, муслиновые платья, которыя уже надѣвали на актахъ. Все казенное, начиная отъ чулка, положили свернутымъ на табуретахъ у кроватей, въ послѣдній разъ стали на молитву въ дортуарѣ въ присутствіи дежурной дамы; по-парно повели насъ въ столовую пить чай, потомъ въ залу, гдѣ начальница раздавала намъ Евангеліе и аттестаты. Въ 12 часовъ мы позавтракали или пообедали, какъ хотите назовите наше послѣднее институтское угощеніе, послѣ котораго пошли въ церковь къ молебну, гдѣ пѣлъ въ послѣдній разъ стройный хоръ изъ насъ, дѣвицъ. Батюшка сказалъ намъ сердечно-прочувствованное прощальное слово; мы всѣ плакали, м-ше Родзянко, классныя дамы утирали слезы...

Между тѣмъ въ залу уже собирались родные и ждали возвращенія дѣвицъ изъ церкви. Началось прощаніе съ классными дамами, учителями и, наконецъ, одна съ другой; поцѣлуи, слезы, обѣщаніе въ вѣчной дружбѣ и т. п. И вотъ дверь института открылась для насъ—вылетѣли птички на волю!! Какова-то она будетъ? Что ждетъ насъ въ невѣдомомъ будущемъ?

На другой день каждая изъ окончившихъ курсъ пріѣзжала въ институтъ еще разъ поблагодарить институтское начальство за свое воспитаніе. Тутъ уже явились не институтки, а сѣтскія барышни, въ туалетахъ, смотря по состоянію. Тутъ уже была замѣтна разница одной дѣвицы отъ другой: бѣдной сиротки отъ богатой аристократки.

Здѣсь я ставлю точку и на этомъ кончаю свои воспоминанія...

Н. Ковалевская.



Русское посольство въ Бухару въ 1870 году.

Журналъ полковника Носовича ¹⁾.

28-го мая. Наблюдая за жизнью въ Бухарскомъ ханствѣ, не трудно замѣтить, что въ основаніи всѣхъ общественныхъ отношеній лежитъ крайне дикій деспотизмъ, поддерживаемый ужасною жестокостью въ наказаніяхъ, системою шпионства и доносовъ, отрицаніемъ правъ личности и собственности, наконецъ произволомъ всѣхъ, а въ особенности самого эмира. Письмо ко мнѣ кушъ-беги, въ коемъ онъ излагаетъ, какъ принципъ государственной мудрости, необходимость, для лучшаго управленія народомъ, существованіе темницъ, тѣлесныхъ наказаній и казней (тогда какъ тотъ же самый народъ управляется русскимъ правительствомъ на другихъ, совершенно гуманныхъ основаніяхъ безъ всякаго вреда для общественной пользы), лучше всего доказываетъ общій характеръ здѣшняго управленія, коимъ проникнуты всѣ служащіе высокіе и низкіе чины ханства. Мнѣ кажется однако, что тяжелый гнетъ, подъ коимъ живетъ здѣшній народъ, сознается имъ самимъ и что кромѣ чиновниковъ, кормящихся на счетъ народа, а также фанатичнаго духовенства, существующаго на тотъ же счетъ, никто не имѣетъ склонности къ существующей системѣ, дурныя стороны которой, особенно по сравненію съ тѣмъ, что дѣлается въ нашихъ недалекихъ предѣлахъ, очевидны для всѣхъ здѣшнихъ жителей. Я думаю, что эта сторона есть самая слабая въ нынѣшнемъ положеніи ханства, которое, при первомъ столкновеніи съ нами, неминуемо само собою развалится на части, такъ какъ не много найдется охотниковъ, кромѣ лицъ заинтересованныхъ корыстію, поддерживать нынѣшняго эмира, чловѣка развратнаго и деспотическаго до послѣдней степени. Кромѣ того, всматриваясь въ топографическое положеніе ханства и соединяя въ одно всѣ мои путе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, августъ 1898 г.

вья впечатлѣнія о здѣшней мѣстности, нельзя не замѣтить, что ханство вполне зависитъ отъ насъ, такъ какъ орошается водою изъ Зарявшана, единственнаго источника, дающаго жизнь странѣ. Степное пространство, идущее отъ крѣпости Кермина до селенія Бустана, и незначительныя средства обороны даютъ намъ возможность покончить въ одинъ ударъ съ ними, и я думаю, что если только наши войска возьмутъ крѣпость Кермина, то Бухара изъ чувства самосохраненія, какъ главный торговый складъ, имѣющей массу базаровъ и купцовъ, сдастся сама собою, т. е. безъ всякаго боя. Недостатокъ воды до того силенъ, что вся Бухара живетъ только колодезною, отвратительною и иловатою водою; всѣ арыки и пруды сухи, орошеніе производится ручными машинами изъ колодцевъ или болотныхъ мѣстъ, какъ я видѣлъ раньше по дорогѣ отъ Богуедина до Бухары. Кромѣ города Бухары довольно обширнаго и населеннаго, хотя меньшаго чѣмъ городъ Ташкентъ, а также Карши и Кермина, здѣсь не осталось значительныхъ городовъ. Такимъ образомъ въ наши руки, по взятіи Самарканда, поступила лучшая и главнѣйшая часть ханства, и я полагаю, что въ этомъ смыслѣ коканскій ханъ находится несравненно въ лучшемъ положеніи, чѣмъ бухарскій эмиръ. Я не видѣлъ пока здѣшняго воинства, а потому не могу судить ни о его численности, ни объ его составѣ. Между прочимъ ежедневно по утрамъ съ 5 до 8 часовъ, близко отъ насъ, за городскою стѣною происходитъ ученіе здѣшнихъ сарбазовъ. Судя по залпамъ изъ ружей, барабанному бою, звукамъ трубъ и крикамъ ура, ученіе производится на русскій ладъ. Говорятъ, что въ городѣ стоитъ подобныхъ сарбазовъ 5—6 тысячъ и что всего войска отъ 10-ти до 12 тысячъ. Не знаю, для чего такъ усердствуетъ бухарская армія, но думаю, что эти обученія дѣлаются съ цѣлью приготовленій къ смотру, который хотятъ сдѣлать по случаю нашего пріѣзда. Это было бы очень интересно и даже поучительно. Ежедневно я слышу русскіе сигналы, которые играютъ около нашей стѣны, вѣроятно кто нибудь изъ бѣглыхъ солдатъ, но до сего времени никто къ намъ не рѣшается явиться.

Городъ Бухара не представляетъ никакого особаго интереса для чело-вѣка знакомаго съ другими городами средней Азіи, а въ особенности съ Самаркандомъ. Множество большихъ каменныхъ мечетей и медресъ, нѣсколько базаровъ и каравансараевъ, узкія пыльные улицы, глиняные дома и такой-же дворецъ эмира съ большими часами надъ входными воротами, вотъ всѣ достопримѣчательности города, который до того вѣрно и хорошо описанъ въ извѣстномъ сочиненіи Ханыкова, что ничего нельзя къ этому прибавить, тѣмъ болѣе, что мы далеко не настолько свободны здѣсь, чтобы могли подробно осмотрѣть все. Особенность, которую нельзя не замѣтить здѣсь и чего не услышишь ни въ Ташкентѣ, ни въ Самаркандѣ, есть чрезвычайно громкій крикъ муэдзиновъ, призы-

вающихъ народъ къ намазу. Говорятъ, что здѣсь кричатъ до 700 человекъ, что очень возможно, ибо гулъ голосовъ стономъ стоять въ это время надъ городомъ.

Съ перваго дня нашего прибытія, намъ было разрѣшено эмиромъ осматривать городъ, но это дозволеніе обставлено было такими скучными и непривычными для европейца предосторожностями, что наши члены посольства, прокатавшіеся одинъ разъ по городу, имѣли скорѣе видъ институтокъ, которыхъ возятъ въ Петербургъ въ каретахъ, на масляной, охраняя отъ соприкосновенія съ уличной публикой. Такъ какъ члены посольства не вполне подчинились указаннымъ правиламъ и своимъ появленіемъ на улицъ возбудили большое вниманіе толпы, которая бѣжала рядомъ, радовалась, кричала «ура», вступала въ разговоры, особенно мальчишки, то кушъ-беги считалъ дѣломъ государственнаго человѣка письменно предупредить меня, что такая свободная тамаша можетъ быть причиною непріятностей для русскихъ со стороны дурныхъ людей, которыхъ очень много въ Бухаръ и которые могутъ дозволить себѣ необузданное поведеніе. Въ предупрежденіе этого просить сообщать ему каждый разъ о нашемъ намѣреніи ѣхать, для того чтобы присылать, для нашего сопровожденія, почтеннаго человѣка съ 5—6 людьми. Заботливость министра о насъ доходила до того, что онъ просилъ насъ не имѣть прямого дѣла съ купцами, которые могутъ быть невѣжливы въ своихъ запросахъ, но что онъ прикажетъ всѣ товары намъ нужные отпускать по опѣнкѣ зякетнаго сбора. Вся любезность къ намъ кушъ-беги имѣла значеніе только подчиненія насъ строгому полицейскому надзору и шпіонству.—Здѣсь боятся, чтобы при свободномъ общеніи съ людьми, мы не узнали бы чего нибудь, каждое наше слово и жестъ записывали и ежедневно докладывали. Случаи, нѣсколько выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, такъ напримѣръ приходъ больныхъ къ доктору или просьбу сего послѣдняго доставить ему бутылку спирту для больнаго или больной лошади прямо докладывали эмиру. До сихъ поръ къ намъ свободно приходили купцы русскіе, наши люди также свободно выходятъ на базаръ, но нѣтъ ничего мудренаго, что эта уступка, дѣлаемая намъ теперь въ виду какихъ нибудь соображеній, можетъ быть прекращена. Я нисколько не поручусь теперь за нашу полную независимость. Самодурство эмира и грубость нравовъ здѣшнихъ чиновныхъ лицъ и всего народа таковы, что говорить теперь объ этомъ предметѣ пока мы живемъ еще въ Бухаръ—невозможно. Мы всѣ очень хорошо понимаемъ наше положеніе и всѣ готовы ко всему. Ознакомившись нѣсколько съ характеромъ бухарскихъ властей, я не ошибусь сказавъ, что вся наша любезность и уступчивость, дѣлаемая во имя дружбы и мира, существующаго между сосѣдями, признается за нашу слабость и ничтожность, а потому будетъ понятна, если какая

нибудь болѣе важная уступка, сдѣланная нашимъ правительствомъ, только изъ побужденія великодушія, будетъ истолкована самымъ невыгоднымъ образомъ для насъ. Для меня всегда была очевидна невозможность возвращенія бухарцамъ взятыхъ отъ нихъ въ 1862 году городовъ; кромѣ мести, преслѣдованій, которыя послѣдовали бы для жителей, бухарскіе власти непременно приняли бы нашу уступчивость за безсиліе и намъ пришлось бы снова брать тѣ же города. Наши уступки и любезность вовсе не были поняты здѣсь въ должномъ смыслѣ, мы хотѣли показать эмиру и народу нашу дружбу, а это объяснили тѣмъ, что русскіе пріѣхали, чтобы преклониться передъ силою бухарскаго величества. Все это заставило меня съ этой минуты измѣнить характеръ моихъ отношеній, я сдѣлался болѣе сухъ и сдержанъ, менѣе расточаю любезности и даю понять, что дружба дружбою, а русскій кулакъ по-прежнему силенъ и пристукнетъ, когда будетъ нужно.

Бѣдность простаго народа и безпомощность всего населенія въ бо-
лѣзняхъ поразительна. Больныхъ здѣсь масса, особенно глазныхъ.

29-го мая. На другой день нашего представленія эмиру, т. е. 25-го числа, я заявилъ Насырь-Мирахуру, что, во исполненіи моей службы, я долженъ передать отъ генераль-губернатора поклонъ и подарки сыну эмира, Тюре-Джану, бывшему долго въ Петербургѣ, а также письмо и подарки кушъ-беги, котораго я лично уважаю, какъ вѣрнаго слугу своего государя, и съ которымъ я уже заочно нѣсколько познакомился по его письмамъ. Насырь-Мирахуръ отвѣтилъ мнѣ, что тотчасъ доложить объ этомъ эмиру, который назначить для этого день и часъ. Въ тотъ же день Мирахуръ сообщилъ мнѣ, что онъ докладываетъ эмиру; что на завтрашнее число, т. е. на 26-е мая, онъ пришлетъ свое разрѣшеніе и что для того, чтобы сынъ эмира могъ принять насъ съ должнымъ почетомъ, нужно сдѣлать нѣкоторыя приготовленія, тѣмъ болѣе, что я объявилъ, что мы поѣдемъ въ полномъ составѣ нашего посольства. Говоря съ Мирахуромъ и кушъ-беги, я замѣтилъ, что онъ неуважительно относится къ первому человѣку ханства, и когда я сказалъ, что всѣ разговоры о дѣлахъ я долженъ вести съ кушъ-беги, то Мирахуръ злобнымъ голосомъ и съ выраженіемъ отвѣтилъ, «что по ихъ обычаю, о дѣлахъ слѣдуетъ говорить съ тѣмъ лицомъ, которое будетъ назначено самимъ эмиромъ», причемъ онъ передалъ мнѣ бумагу, будто полученную имъ отъ эмира, по дѣлу о карантинѣ, состоящую въ томъ, что коканскій ханъ не допускаетъ въ эти владѣнія назначеннаго по соглашенію съ генераль-губернаторомъ бека Муссафаръ-шаха. Я сказалъ ему, что это, конечно, такъ, но что кушъ-беги есть ихъ визирь; мнѣ же лично, какъ близко познакомившемуся съ нимъ, Мирахуромъ, во время дороги будетъ пріятно вести разговоры о дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что для меня кушъ-беги человѣкъ незнакомый. Несмотря на увѣренія Насырь-

Мирахура въ томъ, что онъ видится съ эмиромъ, говоритъ съ нимъ постоянно и передаетъ мнѣ отъ него поклоны, все же мнѣ казалось страннымъ, и я началъ понимать, что Мирахуръ, желая воспользоваться своею ролью, вслѣдствіе своихъ отношеній къ русскому посольству, думаетъ вести интригу для своего возвышенія. Приѣмъ нашъ у Тюре-Джана и кушъ-беги однако не устраивался, Мирахуръ же отговаривался два дня тѣмъ, что эмиръ спалъ въ то время, когда онъ былъ у него для того, чтобы узнать о времени приѣма.

Весь день 26-го мая мы всё замѣтили, что Мирахуръ чѣмъ-то особенно озабоченъ и опечаленъ; вечеромъ же онъ явился ко мнѣ объявить, что, по приказанію эмира, онъ кончаетъ свои обязанности при насъ и что при посольствѣ назначенъ состоятъ другой служащій при кушъ-беги, Кирнулъ-бекъ Веланъ-Ходжа. Безъ сомнѣнія, надменный тонъ Мирахура сдѣлался извѣстенъ черезъ шпионовъ кушъ-беги, который и далъ ему урокъ. Говорятъ, что Мирахуръ посаженъ подъ арестъ, но этотъ слухъ требуетъ подтвержденія. Я доволенъ уже тѣмъ, что освободился отъ Мирахура, не будучи лично причиною его паденія; онъ самъ долженъ пенять на себя за свои честолюбивые замыслы; теперь сношенія мои съ кушъ-беги сдѣлались непосредственными, значитъ установился правильный ходъ дѣла. Люди кушъ-беги передали мнѣ, что Мирахуръ лгалъ мнѣ, когда говорилъ, что докладывалъ эмиру о моемъ желаніи видѣться съ Тюре-Джаномъ и съ кушъ-беги, что вполнѣ и подтвердилось, такъ какъ на переданное мое желаніе теперь я получилъ письмо отъ кушъ-беги 27-го мая, коимъ онъ извѣщалъ меня, что мое представленіе Тюре-Джану можетъ возбудить неудовольствіе между 6-ю сыновьями эмира, которые всё равны, но что свиданіе мое съ нимъ будетъ передъ выѣздомъ нашимъ изъ Бухары. Я отвѣтилъ кушъ-беги, что мое желаніе видѣть Тюре-Джана имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, что я долженъ сдѣлать это потому только, что онъ былъ долгое время въ Россіи гостемъ, имѣлъ счастье понравиться государю императору и любимъ генераль-губернаторомъ, который шлетъ ему какъ своему знакомому поклонъ и подарки. Изъ всѣхъ разговоровъ моихъ о Тюре-Джанѣ, я заключаю, что эмиръ вовсе не считаетъ его, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, своимъ наслѣдникомъ, что совершенно понятно, ибо въ Азій всѣ живутъ днемъ, никогда не думаютъ и не заботятся о будущемъ, и по убѣжденію фанатизма, предоставляютъ все слѣпому случаю. Желать, чтобы эмиръ глядѣлъ нѣсколько впередъ себя, тогда какъ онъ самъ не знаетъ, что сдѣлаетъ завтра и какими соображеніями руководствуется даже сегодня, значитъ желать измѣненія не только всего склада бухарскаго ума и понятія, но и всѣхъ существующихъ здѣсь отношеній. Для европейца, особенно издали, это кажется нелѣпностью, для меня же, пожившаго здѣсь, это такъ же ясно какъ день.

Визитъ мой кушъ-беги назначенъ на завтра, т. е. на 30-е число; для этого дѣлають какія-то приготовленія въ его саду, о чемъ сообщили мнѣ присланный по этому дѣлу служащій при немъ человекъ. Сегодня члены посольства думали было проѣхаться по городу; кушъ-беги прислалъ просить меня отложить прогулку на завтра, такъ какъ сегодня Джума (пятница) праздникъ; народу на базарѣ и на улицахъ мало, а потому самый интересъ прогулки будетъ не великъ. Я согласился, тѣмъ болѣе, что завтра самъ воспользуюсь случаемъ посмотрѣть городъ, но замѣтилъ кушъ-беги его непослѣдовательность. Въ письмѣ ко мнѣ отъ 27-го мая, онъ высказывалъ боязнь, чтобы любопытство, возбуждаемое въ народѣ нашимъ появленіемъ, не повело бы къ какому-нибудь неудовольствію, отъ котораго онъ желаетъ предохранить насъ по дружбѣ, а сегодня онъ боится, что отсутствіе народа на улицахъ можетъ лишить посольство интереса прогулки. Я привожу этотъ фактъ, какъ доказательство того, что нельзя, даже въ мелочахъ, полагаться на слова бухарскихъ властей.

31-го мая. Вчера 30-го въ 1 часъ дня, наше посольство, въ полномъ составѣ, было съ визитомъ у кушъ-беги, выѣхавшаго нарочно, для нашего приѣма, въ загородный садъ. Приѣмъ, оказанный намъ здѣшнимъ визиремъ былъ предупредительно вѣжливъ; для насъ было устроено помѣщеніе въ европейскомъ вкусѣ, т. е. съ мебелью или скамейками, покрытыми коврами. Самъ кушъ-беги сидѣлъ на табуретѣ, покрытомъ войлокомъ, для меня былъ поставленъ особый табуретъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій и пожатій руки, мы сѣли на свои мѣста, и я обратился къ кушъ-беги съ слѣдующей рѣчью:

— Я, полковникъ Носовичъ, службы Бѣлаго государя, имѣю честь быть присланнымъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ къ его высокостепенству эмиру. Слова, сказанныя мной вашему государю, въ день нашего представленія ему, вамъ извѣстны и мнѣ ничего болѣе не остается прибавить къ нимъ. Я пріѣхалъ къ вамъ, высокопочтенный кушъ-беги, чтобы передать отъ генераль-губернатора поклонъ, письмо и подарки; съ моей стороны, по бывшимъ вашимъ письмамъ о дѣлахъ заочно познакомившись съ вами, я давно желалъ имѣть удовольствіе лично видѣть и говорить съ вами.

Кушъ-беги, поблагодаривъ меня за привѣтствіе, сталъ разспрашивать о здоровьи государя императора, его сыновей, десяти русскихъ министровъ, генераль-губернатора и здѣшнихъ губернаторовъ. Я поблагодарилъ, сказавъ, что всѣ здоровы, причемъ прибавилъ, что разстояніе отъ Ташкента до Петербурга такъ велико, что несмотря на нашу скорую ѣзду, по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ и на почтовыхъ, нельзя получить свѣдѣній ранѣе 1½ мѣсяца, но что по послѣднимъ извѣстіямъ всѣ, слава Богу, здоровы и благополучны. Затѣмъ кушъ-беги спросилъ

меня, по какимъ важнымъ дѣламъ генераль-губернаторъ выѣхалъ въ Семирѣченскую область. Я отвѣтилъ, что по закону Бѣлаго государя, генераль-губернаторъ обязанъ ежегодно осматривать всѣ войска, коими онъ начальствуетъ, и о состояніи ихъ доносить государю; но такъ какъ генераль-губернаторъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный начальникъ всего края, то онъ, во время своихъ объѣздовъ, смотритъ, какъ управляютъ народомъ второстепенные подчиненные ему начальники; какъ извѣстно, въ прошломъ году осенью генераль-губернаторъ былъ для этой же цѣли въ Самаркандѣ и Катты-Курганѣ. То же самое ежегодно дѣлаютъ всѣ губернаторы; мѣстные же начальники обязаны ежегодно объѣхать всѣ свои кишлаки. Послѣ этого кушъ-беги разспрашивалъ меня, довольны ли мы помѣщеніемъ, служащими при насъ людьми и всѣмъ прочимъ. Поблагодаривъ его, я продолжалъ, «что очень радъ, что выполнилъ уже главную мою миссію, состоящую въ выраженіи дружбы, но что между сосѣдями бываютъ всегда дѣла, о которыхъ мнѣ придется съ нимъ говорить». Кушъ-беги очень вѣжливо спросилъ: желаю ли я тотчасъ приступить къ этимъ разговорамъ или не лучше ли будетъ сначала отдохнуть, потомъ принять его угощеніе, а потомъ уже поговорить. Я конечно согласился тотчасъ, всталъ съ мѣста и передалъ подарки отъ генераль-губернатора, которые держали въ рукахъ два казака. Послѣ того, мы одни отправились въ садъ, гдѣ былъ уже приготовленъ столъ и табуреты; насъ угощали чаемъ, лимоннымъ вареньемъ, пловомъ, и прочимъ. Нельзя было не замѣтить, что человекъ, состоявшій при насъ, соображался въ угощеніи съ нашимъ вкусомъ, который ему былъ, по-видимому, нѣсколько извѣстенъ. Въ это время, одинъ изъ служащихъ при кушъ-беги спросилъ меня: не желаю ли я сейчасъ говорить съ кушъ-беги обо всѣхъ дѣлахъ, даже самыхъ важныхъ. На это я отвѣтилъ, что въ настоящій день я не буду говорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ, такъ какъ смотрю на мой пріѣздъ, какъ на визитъ, но что вообще я желаю поговорить съ кушъ-беги, чтобы поближе съ нимъ познакомиться. Мы снова возвратились въ пріемную комнату, гдѣ намъ передали подарки, состоящіе изъ кусковъ шелковой матеріи, а для меня осѣдланную лошадь и халатъ. Я поблагодарилъ, но сказалъ, что, такъ какъ я ѣзжу теперь на лошади, подаренной мнѣ эмиромъ, то не могу сѣсть на эту лошадь. Вскорѣ пришелъ къ намъ кушъ-беги, я повторилъ ему вышеприведенныя слова и о значеніи моего визита, причемъ болѣе подробно развилъ мою мысль. Потомъ я началъ говорить ему о томъ, что хотя мы живемъ здѣсь хорошо, но что намъ, для нашего здоровья и развлечения, было бы пріятно осмотрѣть городъ и все, что есть достойнаго вниманія; что когда въ Россію пріѣзжаютъ ихъ послы или гости, то имъ показываютъ все замѣчательное,—что Тюре-Джанъ не только видѣлъ все, что есть лучшаго въ Петербургѣ и въ

другихъ попутныхъ городахъ, но удостоился даже быть приглашеннымъ государемъ императоромъ во время высочайшаго смотра войскъ, и что это есть по нашимъ понятіямъ большой почетъ, а потому, если все, что я говорю, не противно здѣшнимъ обычаямъ, то я желалъ бы даже видѣть бухарское войско. Кушъ-беги отвѣчалъ мнѣ, что самъ онъ не имѣетъ права мнѣ разрѣшить, но что онъ доложитъ эмиру, а для того, чтобы мои слова были бы вѣрно переданы, онъ прикажетъ своему мирзѣ записать ихъ и я могу исправить написанное. Тотчасъ было составлено нѣчто въ родѣ доклада отъ кушъ-беги къ эмиру и прочитано мнѣ. Я замѣтилъ, что все вѣрно изложено, но что самое главное, я прошу передать мой поклонъ эмиру, котораго еще разъ благодарю за пріемъ, и что также совершенно доволенъ пріемомъ, оказаннымъ мнѣ самимъ кушъ-беги. Все это было добавлено къ докладу. Послѣ этого я сказалъ, что о времени и мѣстѣ нашего новаго свиданія мы сговоримся черезъ нѣсколько дней. Я отложилъ наши переговоры, потому что считалъ необходимымъ для сохраненія достоинства посольства, чтобы кушъ-беги раньше этого отдалъ бы мнѣ визитъ, если это дѣлается по ихъ обычаю. Прощаясь, я представилъ ему по-именно всѣхъ членовъ посольства, о служебномъ положеніи коихъ онъ уже зналъ подробно раньше. Говоря о докторѣ, я прибавилъ, что онъ лечитъ здѣсь множество больныхъ бухарцевъ и что мы привезли съ собою много лекарствъ и дѣлаемъ это по дружбѣ сосѣдства.

Кушъ-беги по вѣншему своему виду иранскаго происхожденія, лѣтъ 50-ти, средняго роста, сухаго сложенія, съ усталымъ продолговатымъ и очень выразительнымъ лицомъ; разговоръ его тихъ, вся его особа дышетъ мягкостью и теплотою. Всѣ говорятъ, что онъ очень добръ и никого не побранилъ даже во всю свою жизнь. По отношеніи насъ онъ держалъ себя застѣнчиво, съ нѣкоторою робостью. Мы пробыли у кушъ-беги два часа и вернулись домой въ 5 час., объѣхавъ въ оба конца почти весь городъ. По дорогѣ, народъ встрѣчалъ насъ очень любезно; многіе снимали тебетейки, другіе же кланялись по военному, крича: «аманъ и селямъ-алейкумъ», въ особенности дѣти были привѣтливы. Я полагаю, что причина такой радушной встрѣчи было прибытіе сюда воды, наполнившей пруды и арыки. Растительность освѣжила весь городъ; онъ принялъ привѣтливый видъ, замѣтно повеселѣлъ; вездѣ видны были купающіеся люди, на долю которыхъ это выпадаетъ не часто, потому что здѣсь дозволяется купаться въ арыкахъ и прудахъ только тогда, когда вода проходитъ по городу. Въ пятницу 29-го мая, эмиръ по обыкновенію выѣхалъ молиться въ мечеть; самъ онъ и свита его были одѣты въ великолѣпные халаты. Мнѣ говорили, что эмиръ давно не показывался съ такою пышностью; что онъ радъ пріѣзду своихъ друзей-русскихъ и что вода пришла въ Бухару вмѣстѣ съ нами и

прочее. О кабульскомъ и туркменскомъ посольствахъ, здѣсь пребывающихъ въ данное время, нельзя было ничего узнать, вѣрно было только то, что теперь, послѣ нашего приѣзда, они не ѣздятъ больше по улицамъ; что приемъ, имъ оказанный по сравненію съ нашимъ, былъ гораздо проще, но говорятъ однако, что кушъ-беги часто видится съ этими посланниками, съ которыми очень близокъ. Имѣть какія-либо вѣрныя свѣдѣнія положительно невозможно, такъ что я предпочитаю вовсе не слушать бессмысленныхъ сплетенъ, которыя мнѣ передаютъ.

Третій день, послѣ моего посѣщенія кушъ-беги, проходить, а извѣщенія на докладъ, посланный визиремъ къ эмиру, не послѣдовалъ; кромѣ того, кушъ-беги до сихъ подъ не собрался отдать мнѣ визитъ. Такая медленность дѣйствій, составляющая характеристическую черту всѣхъ азіатовъ, нисколько меня не удивляетъ. Кромѣ того, я начинаю вѣрить слуху, распространившемуся по городу, будто въ Бухарѣ останется нашъ консулъ, т. е., что мы не выѣдемъ отсюда, что русскіе, занявшіе какое-либо мѣсто, никогда болѣе его не уступятъ; будто бы это мнѣніе раздѣляютъ бухарскія власти, которыя какъ будто боятся начать со мною разговоръ, желая этимъ отсрочить неприятное мое заявленіе, которое для нихъ не только не желательно, но даже опасно. Убѣжденіе же народа о значеніи нашего прибытія сюда, именно для учрежденія консульства, имѣетъ нѣкоторое основаніе, ибо частью вытекаетъ изъ нашего Самаркандскаго договора съ Бухарою, и повидимому, очень желательно для торговаго класса людей, которые безъ сомнѣнія и распускаютъ этотъ слухъ.

Сегодня посылаю къ кушъ-беги мое заявленіе по поводу неравноправности бухарскихъ купцовъ, живущихъ въ Россіи, по сравненію съ русскими купцами живущими здѣсь, а также прошу его приказать разобрать нѣкоторыя жалобы нашихъ торговцовъ. По словамъ русскихъ купцовъ, здѣсь хотя и имѣются произведенія Англіи, но мануфактурныя произведенія и желѣзныя издѣлія болѣе русскія и они не боятся пока конкуренціи англичанъ.

3-го іюня. Въ числѣ больныхъ, посѣщающихъ нашего доктора, является одинъ бухарскій артиллеристъ-иранецъ, начальникъ 50-ти людей, одѣтый въ длиннополый синяго цвѣта казакинъ, съ золочеными пуговками и краснымъ воротникомъ. Свѣдѣнія его о числѣ бухарскаго войска совпадаютъ со свѣдѣніями другихъ источниковъ, а потому я считаю ихъ вѣрными. Въ настоящее время эмиръ имѣетъ до 10-ти тысячъ регулярнаго войска пѣхоты, одѣтыхъ въ красныя куртки и обучающихся по русскому военному уставу. Въ Бухарѣ стоитъ до 7 тысячъ, остальные расположены въ Гиссарѣ, Карши и другихъ мѣстахъ. Въ Керминѣ регулярнаго войска нѣтъ. Здѣшніе солдаты живутъ частью въ казармахъ, а больше по своимъ домамъ, гдѣ они занимаются своими

ремеслами. Каждый солдатъ получаетъ въ мѣсяцъ по одной тиллѣ и долженъ самъ кормиться. Обмундированіе и вооруженіе дается отъ казны. Музыка полагается при каждой тысячѣ. Усердное ежедневное обученіе пѣхоты производится только со времени нашего прибытія сюда, для этого эмиръ отпустилъ полтора батмана пороху; орудій имѣется до 100 штукъ; всѣ они стоятъ въ цитадели, дѣйствуютъ ли они какъ полевая артиллерія, т. е. перевозятся ли на лошадяхъ во время учений — мнѣ неизвѣстно. Обученіе пѣхоты производится въ 4-хъ мѣстахъ токсубаями (сотеными командирами), подъ общимъ надзоромъ саркирды (военнаго начальника надъ 1.000 людьми). Самый старшій по чину воинскій начальникъ есть начальникъ артиллеріи (топчибаши) по имени Салимъ-Дастраханга. Командующаго въ Бухарѣ не имѣется. Не знаю, рѣшатся ли показать намъ эмирскую армію?

4-го іюня. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ считаетъ большимъ секретомъ, о коемъ недопускаетъ даже намека, что наше движеніе съ сѣвера на югъ въ Средней Азіи неминуемо, противъ всякой воли, приведетъ насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ англичанами, движущимися съ юга на сѣверъ изъ Индіи, черезъ Афганистанъ. Эта необходимость встрѣчи двухъ европейскихъ народовъ сознается, однако, здѣсь самыми простыми людьми. Одинъ индеецъ, рассказывая мнѣ о своей родинѣ, публично высказалъ эту мысль. По его мнѣнію, англичане дѣлаютъ все крѣпко и хорошо. Что мы возьмемъ съ этой стороны, англичане сдѣлаютъ то же съ другой, и потому мы съ ними непременно увидимся. Мнѣ кажется, что и бухарцы понимаютъ эту неизбѣжность, и что это вопросъ только времени.

6-го іюня. Сегодня явились два челоѣвка изъ рабовъ-иранцевъ. вступили въ разговоръ съ нашими конвойными казаками и объявили имъ, что до 4-хъ тысячъ людей, имъ подобныхъ, желаютъ освободиться отъ владычества бухарцевъ и бѣжать въ Самаркандъ. Я не думаю, чтобы это намѣреніе могло бы быть приведено въ исполненіе, но для меня несомнѣнно то, что кромѣ многочисленнаго угнетеннаго класса людей, т. е. рабовъ, евреевъ и индійцевъ, здѣсь найдется не мало купцовъ очень богатыхъ, которые желаютъ прихода русскихъ. Бухарскіе купцы, торгующіе съ Россією, высказываютъ свое желаніе побывать у меня, но боятся мести эмира послѣ нашего отъѣзда. Евреи, во время нашего посѣщенія ихъ синагоги, на замѣчаніе, почему у нихъ это зданіе такъ грязно и бѣдно, громко отвѣтили: «что имъ не позволяютъ имѣть хорошія модельни, но что русскіе это сдѣлаютъ для нихъ въ скоромъ времени».

7-го іюня. Сегодня утромъ пришелъ со мною повидаться бывшій секретарь бухарскаго посольства Тюре-Джанъ. Челоѣкъ этотъ очень уменъ: прекрасно понимаетъ превосходство европейцевъ, имѣющихъ

науку, машины, желѣзныя дороги, пароходы, фабрики и прочее, передъ азіатами, прозябающими въ своихъ предразсудкахъ. Переводчикъ нашего посольства поручикъ Сыртлановъ, состоявшій при Тюре-Джанѣ, во время его пребыванія въ Россіи, и хорошо познакомившійся съ Мирь-Ахметомъ, рекомендовалъ мнѣ этого человѣка съ хорошей стороны. Я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что онъ пришелъ къ намъ съ разрѣшенія эмира, чтобы узнать о нашей жизни здѣсь. Въ разговорѣ съ нимъ мы тоже коснулись нашей жизни въ четырехъ стѣнахъ, о томъ, что бухарскіе гости бывавшіе въ Россіи, пользовались въ этомъ отношеніи полной свободой и всѣми удобствами, что по нашимъ понятіямъ и по долгу гостепрѣимства, эмиръ обязанъ былъ бы позаботиться объ удобствахъ и пріятности жизни своихъ гостей, которымъ крайне непріятно просить самимъ, тѣмъ болѣе, что я уже высказалъ кушъ-беги, будучи у него въ домѣ, о томъ, что намъ могло доставить удовольствіе, и о чемъ онъ хотѣлъ испросить позволеніе у эмира. Секретарь былъ, видимо, сконфуженъ разницею положенія бухарцевъ въ Россіи и русскихъ въ Бухарѣ. Онъ сказалъ, что доложить обо всемъ этомъ эмиру и надѣется, что ему будетъ дозволено устроить то развлеченіе, которое существуетъ здѣсь, прибавивъ, что Бухара не Петербургъ и не Москва, и что здѣсь нѣтъ ничего замѣчательнаго и достойнаго нашего вниманія. Я отвѣтилъ, что каждая страна имѣетъ свои особенности и что видѣть ихъ намъ было бы пріятно. Далѣе онъ сказалъ, что знаетъ о моемъ желаніи видѣть бухарское войско и постарается также устроить и это. Зависимость всѣхъ и всего отъ произвола эмира такъ велика, что самыя обыкновенныя явленія частной жизни здѣшнихъ жителей составляютъ его личную заботу. Я хотѣлъ, на примѣръ, подарить на память нѣсколько европейскихъ бездѣлушекъ моему гостю, но онъ съ испугомъ отвѣчалъ, что безъ разрѣшенія своего государя онъ ничего не можетъ принять отъ меня. Иногда подобные отвѣты въ пустякахъ бывають до того забавны, что трудно удержаться отъ смѣха. Такъ, на примѣръ, вчера къ намъ на дворъ явился какой-то акробатъ; кто-то изъ насъ спросилъ, не можетъ ли онъ показать свое искусство, на это отвѣтилъ намъ состоящій при насъ Османъ-Ходжа, что для этого нужно испросить разрѣшеніе эмира, черезъ кушъ-беги, т. е. здѣшняго министра. Я какъ-то спросилъ у нашего пристава, что дѣлаетъ теперь кушъ-беги? на это онъ отвѣтилъ мнѣ голосомъ, преисполненнымъ сознанія важности своего отвѣта: «Кушъ-беги, по приказанію государя, занимается служебнымъ дѣломъ, онъ перетряхиваетъ халаты въ казенномъ хранилищѣ, чтобы сохранить ихъ отъ моли».

8-го іюня. Секретарь бывшаго бухарскаго посольства Мирь-Ахметъ сдержалъ свое слово, т. е. доложилъ эмиру о необходимости для насъ нѣкотораго развлеченія въ нашей скучной жизни. По приказанію по-

велителя Бухары, къ намъ прибыли, вмѣстѣ съ секретаремъ, какой-то шутъ и человекъ пять музыкантовъ и пѣвцовъ, избранныхъ самимъ эмиромъ изъ числа лучшихъ артистовъ Бухары. Пѣніе, музыка, а въ особенности мимическое представленіе съ діалогомъ, до того преисполнены характера дикости, варварства и грубаго цинизма, что потребовалось много терпѣнія на то, чтобы выслушать до конца эту придворную забаву, которая длилась до 11 часовъ ночи въ саду около пруда.

Сегодня я послалъ къ кушъ-беги письмо, о томъ, что въ продолженіе 17 дней моего пребыванія здѣсь, мы сидимъ безъ всякаго дѣла и пользы въ Бухарѣ, и что послѣ 10 дней, прошедшихъ со времени моего визита къ нему, онъ не отвѣчаетъ мнѣ ни на мое письмо по жалобамъ нашихъ торговцевъ, ни на вопросы, которые были записаны съ моихъ словъ его мирзою, и которые онъ хотѣлъ доложить эмиру. При этомъ я упомянулъ, что черезъ 15 дней я долженъ быть уже на обратномъ пути въ Самаркандъ.

10-го іюня. Вчерашняго числа г. Мозеръ (прибывшій сюда для производства шелковичныхъ сѣмянъ) сообщилъ мнѣ слухъ, переданный ему Каратаевымъ и другимъ какимъ-то купцомъ, будто усердное обученіе бухарскаго войска имѣеть своею цѣлью приготвленіе къ войнѣ съ Россією; что для этого по ночамъ у эмира дѣлаются совѣщанія бековъ; что съ народа собирается для этого предмета подать; что срокъ для начатія непріязненныхъ дѣйствій предполагается около 25-го іюня; что до этого времени насъ будутъ успокаивать и забавлять, но что потомъ насъ окончательно задержатъ. Поводомъ къ этимъ слухамъ, по моему мнѣнію, было именно то, что бухарское войско дѣйствительно слишкомъ упорно занималось обученіемъ и что прибывшее сюда кабульское посольство неминуемо старается расположить эмира въ свою пользу, противъ насъ, конечно, и что сдержанность бухарскаго правительства въ сношеніяхъ съ нами противопоставляется съ другой стороны большею охотою и близостью въ сношеніяхъ кабульцевъ къ кушъ-беги, который до сегодня даже не отвѣтилъ мнѣ на всѣ мои письма.

Сейчасъ ко мнѣ, отъ имени эмира, явился бывшій секретарь бухарскаго посольства Миръ-Ахметъ. Онъ началъ свой разговоръ, во-первыхъ, по поводу моего письма къ кушъ-беги о торговцахъ и, во-вторыхъ, по вопросу объ отношеніяхъ Бухары къ Кабулу. По первому вопросу Миръ-Ахметъ высказалъ взглядъ эмира, на представленныхъ ему жалобы нашихъ торговцевъ, вполне согласный съ моимъ взглядомъ на этотъ предметъ, а именно: заявилъ намѣреніе эмира удовлетворить претензію купца Пупышева, по дѣлу неправильно взысканнаго съ него зякета, и даже предлагалъ мнѣ самому получить 1.500 руб., слѣдующія Пупышеву. Я отклонилъ отъ себя полученіе денегъ на томъ основаніи, что посольство не занимается купеческими дѣлами въ качествѣ повѣ-

реннаго, но высказалъ общій взглядъ генераль-губернатора на этотъ вопросъ, сущность коего состоитъ въ полной равноправности обѣихъ сторонъ, т. е. русскихъ здѣсь и бухарцевъ въ Россіи. По другимъ жалобамъ нашихъ подданныхъ изъ мусульманъ, взглядъ эмира тоже правиленъ: онъ предлагалъ этимъ лицамъ разобратъ на основаніи шаріата.

Вторая часть разговора началась тѣмъ, что секретарь сказалъ мнѣ, что на мою просьбу о томъ, чтобы посольству было дозволено свободно ѣздить по городу, а также посмотреть бухарское войско, эмиръ приказалъ сказать, что для насъ, русскихъ, Бухара, кромѣ пыли и глиняныхъ стѣнъ, не представляетъ ничего замѣчательнаго, приче́мъ, по обычаямъ страны, было бы желательно, чтобы европейцы — люди не мусульманскаго вѣроисповѣданія, поменьше ѣздили бы верхомъ по улицамъ священной Бухары, а такъ какъ мы не можемъ ходить пѣшкомъ, то было бы лучше вовсе не настаивать на этомъ. Переходя къ моей просьбѣ — посмотреть войско, секретарь сказалъ мнѣ именемъ эмира.

— Наше войско не обучено и дурно вооружено. Смотрѣть на ученіе, можетъ быть, составить тамашу для узбековъ, но для русскихъ будетъ лишь забавнымъ и неприятымъ видѣть подобное войско. Вотъ вы постоянно говорите о дружбѣ русскихъ къ Бухарѣ; у насъ вотъ является противникъ по ту сторону Аму-Дарьи, намъ, можетъ статься, придется скоро воевать съ кабульцами, а сами знаете, что за дурной народъ эти афганцы, у насъ же нѣтъ ни пушекъ и хорошаго оружія, генераль-губернаторъ вашъ доказалъ бы намъ свою дружбу, если бы прислалъ 3—4 тысячи ружей и мастеровъ, чтобы сдѣлать орудія.

Я спросилъ секретаря, поручилъ ли ему эмиръ говорить со мною объ этомъ, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Я продолжалъ въ слѣдующемъ смыслѣ.

— Дружба русскихъ къ Бухарѣ есть теперь фактъ несомнѣнный, особенно послѣ прибытія сюда посольства, имѣющаго отъ генераль-губернатора порученіе дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, что въ малыхъ и большихъ дѣлахъ, съ перваго дня нашего вступленія на бухарскую землю, мы доказываемъ и дѣломъ, и словами.

Я упомянулъ о значеніи надѣтыхъ нами эмирскихъ халатахъ; о дружескомъ нашемъ обращеніи со всѣми, даже съ байгушами, о помощи, которую мы подаемъ больнымъ, и прочее, и что самъ генераль-губернаторъ на дѣлѣ показываетъ, что онъ желаетъ прочности власти бухарскаго эмира. Правда, мы не давали эмиру ни ружей, ни пушекъ, но мы сдѣлали больше, — мы послали нашихъ солдатъ, которые въ критическую минуту поддержали власть эмира въ ханствѣ. Генераль-губернаторъ не дозволить, чтобы значеніе эмира умалилось, и онъ будетъ поддерживать его

противъ вѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, до тѣхъ поръ, пока бухарцы, съ своей стороны, будутъ соблюдать правила добраго сосѣдства и дружбы. Я доказалъ секретарю, что Россія связана съ Бухарой старинными торговыми отношеніями, что изъ-поконъ-вѣковъ Бухара сносилась съ Россією, а не Кабуломъ, а потому предложенія, которыя, вѣроятно, дѣлаются теперь кабульскимъ посольствомъ, суть обманъ и послужать лишь во вредъ Бухарѣ.

Секретарь замѣтилъ мнѣ, что Ширъ-Али-Ханъ хлопочетъ черезъ свое посольство получить здѣсь разрѣшеніе выстроить крѣпость на берегу рѣки Аму-Дарьи. Я просилъ секретаря выяснить эмиру, что подобная афганистанская крѣпость будетъ угрозою, а не помощью бухарчинѣ, что опираясь на свою крѣпость рано или поздно афганцы попытаются счастье своего оружія въ Бухарѣ, и что тогда эмиру дѣйствительно придется вести войну съ Кабуломъ одному, безъ помощи сильнаго сосѣда. для котораго афганцы ни въ какомъ случаѣ не опасны на полѣ сраженія, и если эмиръ окончательно проникнется сознаниемъ, что его дружба съ Россією во всѣхъ отношеніяхъ выгодна не только для него. но и для всего бухарскаго народа, то отвѣтъ, который онъ долженъ сдѣлать кабульскому посольству, очевиденъ. Секретарь замѣтилъ мнѣ, что эмиру извѣстны дружескія отношенія Россіи къ Англіи, но что можетъ быть это измѣнится въ будущемъ. Я отвѣчалъ, что дружба Россіи съ Англіей настолько сильна и важна для обоихъ европейскихъ народовъ, что англичане не могутъ ни на минуту въ этомъ сомнѣваться; что афганцы въ полной зависимости у англичанъ, которые также не дозволятъ Ширъ-Али-Хану распространяться за Аму-Дарью, и что если эмиръ будетъ крѣпко держаться своего сильнаго сосѣда, то для него не можетъ быть опасности съ этой стороны. Секретарь, какъ человекъ умный. не фанатикъ, бывавшій въ Россіи, видимо проникнулся вѣрностью моихъ словъ, торопился домой, чтобы ничего не позабыть и въ должной полнотѣ и послѣдовательности изложить все слышанное имъ для представленія доклада эмиру. Сегодня же вечеромъ я получилъ извѣстіе. источникъ коего не имѣетъ ничего общаго съ вышеизложеннымъ, а именно: что сегодня эмиръ крѣпко стоитъ за дружбу къ своему близкому и сильному сосѣду, т. е. Россіи, что посланный Шахрисябскаго бека каждую ночь ѣздитъ во дворецъ и убѣждаетъ эмира начать войну противъ насъ; что кабульское посольство усердно дѣйствуетъ въ этомъ же смыслѣ, но что эмиръ никому пока не далъ окончательнаго отвѣта. котораго ждутъ въ пятницу (джума) 12-го іюня. Въ этотъ же день предполагается выдать бухарскому войску часть слѣдующаго ему жалованья. которое было уже частью выдано ему раньше.

Такимъ образомъ оказывается несомнѣннымъ, что эмиръ сильно колеблется все это время и что его настроеніе служить источниковъ раз-

ныхъ слуховъ, дошедшихъ до меня. Въ первые дни моего сюда приѣзда я услышала, что эмиръ будто бы сказалъ афганцамъ, хивинцамъ и другимъ сосѣдямъ, подбивающимъ его на войну противъ насъ.

— Я сильно, и не разъ, поплатился за то, что начиналъ войну.— Вы говорите мнѣ, что я старшій; предлагаете мнѣ стать во главѣ; такъ пусть же ваши ханы приѣдутъ ко мнѣ да поклонятся и тѣмъ докажутъ мнѣ мое главенство.

Получивъ извѣстіе, что возвращеніе генераль-губернатора въ Ташкентъ ожидается къ 25-му іюня, я написалъ кушъ-беги письмо, прося его доложить эмиру, что я получилъ приказаніе собраться въ дорогу черезъ семь дней, а потому я желаю, чтобы мнѣ назначенъ былъ день, когда я могъ бы раскланяться эмиру, поблагодарить его за хорошій приемъ и пожелать ему долгихъ, благополучныхъ и счастливыхъ дней.

11-го іюня. Разспрашивая о положеніи рабства въ Бухарѣ, оказывается, что въ настоящее время здѣсь нѣтъ рынка для продажи рабовъ, такъ какъ со времени занятія русскими Самарканда, масса рабовъ—персіянь бѣжали въ наши предѣлы; наше же начальство бѣглыхъ рабовъ не возвращаетъ хозяевамъ, поэтому они стали терять много денегъ, такъ что теперь остерегаются покупать и держать въ Бухарѣ рабовъ. Продажа рабовъ производится теперь исключительно въ Чарджуѣ, какъ въ мѣстности близко стоящей къ театру дѣйствій дикихъ туркменовъ, но говорятъ, что число рабовъ въ г. Бухарѣ все-таки доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человекъ.

Интересуясь вопросомъ о существованіи на здѣшнихъ базарахъ казенныхъ маклеровъ, я узналъ, что ни одна покупка ни продажа самой ничтожной вещи не можетъ производиться безъ посредства этихъ людей. Маклеръ долженъ получить съ продавца по 1 тенгѣ съ 400 тенегъ, а съ покупателя по 1 тенгѣ съ 200 тенегъ. Эти деньги почти полностью поступаютъ къ эмиру, хотя маклеру за его трудъ полагается самое ничтожное вознагражденіе. Говорятъ, что нынѣ этотъ сборъ данъ кому-то съ торговъ, но цифру суммы, уплачиваемой эмиру, сказать мнѣ не могли. Народъ тяготится этимъ сборомъ, а также зыкетнымъ, которые взыскиваются съ большею строгостью. Вообще классъ торговцевъ крайне недоволенъ эмиромъ; торговцы боятся придти ко мнѣ, но я разными путями получаю отъ нихъ поклоны и пожеланія. Нѣкоторые доходили до меня и передавали ихъ просьбу, которую я долженъ былъ передать генераль-губернатору о томъ, что бы онъ взялъ поскорѣе Бухару, иначе имъ очень трудно жить самимъ и всему народу.

Сегодня, наконецъ, я получилъ письмо отъ кушъ-беги въ отвѣтъ на мое посланное вчера, т. е. 10-го іюня. Кушъ-беги проситъ меня назначить день моего отъѣзда для того, чтобы доложить эмиру, который самъ тогда назначить день для приѣма. Быстрый отвѣтъ кушъ-беги

*

свидѣтельствуеть объ успѣхѣ бывшего моего разговора съ секретаремъ, который, разумѣется, уже былъ доложенъ эмиру.

Независимо этого, сегодня же вечеромъ я получилъ извѣстіе, что эмиръ отпускаетъ на-дняхъ кабульское и туркменское посольства, и что они должны выѣхать раньше насъ, что, наконецъ, эмиръ не принялъ предложеній кабульцевъ начать войну съ Россією, за что Ширъ-Али-Ханъ будто намѣренъ начать непріязненные дѣйствія противъ Кабула, куда эмиръ думаетъ поэтому послать свое войско. Насколько справедливъ послѣдній слухъ, трудно сказать, но онъ правдоподобенъ и на-дняхъ долженъ выясниться.

13-го іюня. Въ настоящее время мнѣ кажется почти несомнѣнно, что для эмира окончился тяжелый періодъ колебаній между политикою прочнаго мира съ Россією, съ одной стороны, и союза его съ афганцами—съ другой. Утромъ я имѣлъ извѣстіе, что эмиръ окончательно отпустилъ отъ себя посланца Шяхрисябскихъ бековъ, особенно усердно настаивавшихъ на войнѣ; говорятъ, что то же самое высказано и кабульскому посланнику. Эмиръ предоставляет имъ самимъ на свой собственный страхъ начинать войну, зная, что для него, въ случаѣ вмѣшательства его, кромѣ окончательнаго разоренія, ничего другого ожидать нельзя.

Въ отвѣтъ на мое письмо отъ 11-го іюня къ кушъ-беги, явился ко мнѣ сегодня отъ эмира секретарь Миръ-Ахметъ, который спросилъ меня, когда именно я хочу выѣхать изъ Бухары, такъ какъ эмиръ желаетъ проститься съ нами наканунѣ этого дня. Я отвѣтилъ, что для меня будетъ безразлично выѣхать 17-го или 18-го числа. На вопросъ секретаря, сдѣланный именемъ эмира, желаю ли я получить на обратный путь деньги на руки, я отвѣтилъ, что я прошу этого не дѣлать, ибо по русскимъ понятіямъ неудобно получать гостямъ деньги, но что я буду совершенно доволенъ, если будетъ снова принять тотъ порядокъ гостепримства, которымъ мы уже пользовались во время нашего пути въ Бухару; забота же о томъ, чтобы доставить намъ такіе предметы, которыхъ здѣсь нѣтъ, излишняя, такъ какъ все мы имѣемъ съ собою. Послѣ этого секретарь спросилъ меня, желаю ли я видѣть при моемъ отъѣздѣ Тюря-Джана и всѣхъ прочихъ его сыновей? Я отвѣтилъ, что это доставитъ мнѣ большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что въ этомъ предложеніи я вижу доброе расположеніе къ намъ эмира. Наведя разговоръ на политику, я спросилъ секретаря, передалъ ли онъ нашъ бывшій разговоръ эмиру. Онъ отвѣтилъ, что представилъ обо всемъ письменный докладъ; что эмиръ вполне усвоилъ мой взглядъ и тотчасъ приказалъ кушъ-беги дѣйствовать уже въ этомъ смыслѣ.

Не знаю чему приписать, но вчера вечеромъ, во время нашей прогулки въ нашемъ саду, толпа мальчишекъ, стоя на городской стѣнѣ и

смотря на насъ, громко кричали: «яманъ тамиръ, якши тамиръ» (здравствуй другъ, хорошій другъ) и другія привѣтствія. Я буду очень радъ, если въ нѣсколько послѣднихъ дней нашего пребыванія здѣсь, наше положеніе не измѣнится и мы окончимъ наше порученіе въ должномъ направленіи, закрѣпивъ дружбу двухъ сосѣдей.

14-го іюня. Сношенія наши съ эмиромъ сдѣлались теперь ежедневными. Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ секретарь съ просьбой отъ эмира, снять съ него портретъ, такъ какъ онъ слышалъ, что среди насъ есть кто-то, кто владѣетъ искусствомъ, поднявши свою руку въ рукавъ своего платья, сдѣлать изображеніе всякаго лица въ одну минуту. Догадавшись, что дѣло идетъ о фотографіи, я сказалъ, что у насъ нѣтъ подобнаго художника, что я хотѣлъ было взять съ собою фотографію, но зная дикіе предрасудки бухарцевъ остановился. Если же эмиру непременно хочется имѣть свой портретъ, то я доложу объ этомъ генераль-губернатору. Зная, что изображеніе всѣхъ живыхъ существъ, а тѣмъ болѣе главы ханства и здѣшняго мусульманства противно религіознымъ правиламъ, я спросилъ секретаря, зачѣмъ эмиру нуженъ его портретъ? Онъ отвѣтилъ, что, вѣроятно, эмиръ хочетъ позабавиться, а можетъ быть подарить одной изъ своихъ женъ.

Такимъ образомъ въ эмирѣ умалкаютъ всѣ соображенія самаго серьезнаго характера вслѣдствіе его страсти и чувственности, составляющей исключительную цѣль всей его жизни. Жизнь его есть цѣлый рядъ безобразій самаго гнуснаго свойства; отнимать чужихъ женъ, дочерей, рѣзать ихъ мужей и отцовъ—есть дѣло самое обыденное здѣсь.

Для меня совершенно ясно, что управленіе эмира сдѣлалось для народа невыносимо. Ко мнѣ ежедневно, разными путями, приходятъ просьбы доложить генераль-губернатору и просить его положить конецъ всему этому: взять Бухару, или по меньшей мѣрѣ припугнуть эмира, чтобы онъ пересталъ грабить и обижать народъ, который отлично понимаетъ, что здѣсь никто не заботится объ общемъ благосостояніи, а только какъ бы поразвратничать и пожитья на чужой счетъ. Спать тоже входитъ въ кругъ служебныхъ обязанностей государственныхъ дѣятелей. На мои вопросы, что дѣлаетъ теперь эмиръ или кушъ-беги, не разъ приходилось слышать отвѣты, произносимые торжественнымъ тономъ: «онъ спитъ!»

Подъ вечеръ, пришелъ къ намъ извѣстный въ Бухарѣ русскій татаринъ Каратаевъ, маленькій человекъ, плохо одѣтый, больной, сдержанный и боязливый въ разговорѣ. Его сообщенія не имѣли ничего новаго, ни интереснаго. Мнѣніе о вѣроломствѣ бухарцевъ, его отвращеніе къ здѣшнимъ порядкамъ и въ особенности къ правителю страны я вполне раздѣляю. Онъ совѣтовалъ мнѣ недовѣрять дружбѣ, которую высказываетъ въ данную минуту эмиръ, и быть всегда готовымъ къ войнѣ, которая неминуемо произойдетъ вслѣдствіе несправимой бухарской глупости.

Понятно, что онъ сильно жаждетъ своего возвращенія въ Россію, но просилъ меня не говорить пока эмиру. По его соображеніямъ, будетъ большой успѣхъ, если я по прибытіи въ наши предѣлы буду просить эмира объ освобожденіи всѣхъ русскихъ подданныхъ здѣсь задержанныхъ. Я высказалъ, однако, Каратаеву, что такъ какъ мы теперь въ дружбѣ съ Бухарой, то я прошу его отказаться отъ мысли, которую мнѣ передавали его именемъ, присоединиться къ намъ, т. е. выйти отсюда обманомъ, ибо такой поступокъ не соответствовалъ бы достоинству русскаго посольства, но что я надѣюсь, что эмиръ добровольно согласится отпустить всѣхъ. Оказывается, однако, что въ настоящее время подобныхъ русскихъ плѣнныхъ очень немного; большинство ихъ умерло въ Чарджуѣ въ прошломъ году.

16-го іюня. Сегодня утромъ къ намъ пришло извѣстіе, что мать эмира, шестидесятилѣтняя старушка, скончалась послѣ непродолжительной болѣзни. Подъ вечеръ явился къ намъ Каратаевъ вмѣстѣ съ секретаремъ съ просьбою отъ эмира, не найдется ли кто среди насъ умѣющій снимать фотографію, такъ какъ здѣсь имѣется аппаратъ и всѣ матеріалы. Сдѣланная же Каратаевымъ проба снимка портрета съ секретаря оказалась чернымъ пятномъ, а эмиръ желаетъ послать съ нами свой портретъ для доставленія его Бѣлому государю. Я снова заявилъ, что въ средѣ нашей нѣтъ фотографа, что я не взялъ съ собою фотографин, не будучи увѣренъ въ бухарской терпимости къ такимъ предметамъ, но что я берусь передать генераль-губернатору письмо эмира, коимъ онъ можетъ высказать свое желаніе имѣть фотографію въ Бухарѣ. Каратаевъ въ разговорѣ со мною прибавилъ, чтобы я не думалъ, что просьба фотографа была бы сдѣлана ради предлога насъ задержать.

Вечеромъ кушъ-беги прислалъ ко мнѣ посла съ поклономъ и съ четвертью банки лимоннаго варенья; кромѣ того приказалъ сказать, что завтра намъ пришлютъ эмирскіе подарки и будетъ назначенъ день прощальнаго приема. Съ одной стороны, кушъ-беги говоритъ о своей должности, какъ о государственной, причемъ иногда прибавляетъ: «наше государство тоже не маленькое»; съ другой стороны, онъ занимается дѣлами эконома или ключника, на что у него хватаетъ времени. Эмиръ высказалъ какъ-то свое недоумѣніе, почему это русскіе не даютъ ему титула «ваше величество», хотя самъ онъ не имѣетъ никакого представленія о томъ, что такое государь и что такое государство. Навность и простодушіе здѣшняго правительства иногда бываетъ забавна до крайности.

18-го іюня. Вчера въ 2 часа пополудни явился братъ кушъ-беги съ цѣлымъ отрядомъ людей, принесшихъ посольству прощальные подарки эмира, состоящіе изъ осѣданной лошади, двухъ халатовъ для

меня, двухъ халатовъ каждому изъ посольства и по одному халату каждому изъ людей конвоя, джигитовъ и прислуги. Кроме того, эмиръ прислалъ намъ путевыя деньги, несмотря на то, что я нѣсколько дней тому назадъ категорически заявилъ о неудобствѣ принять ихъ, но меня просили подчиниться ихъ обычаю. Присланы были деньги въ мѣшочкахъ; для казаковъ 525 р., членамъ посольства каждому по 80 р., что составляетъ 640 р., и мнѣ 409 р., всего 1.564 руб. Каждому казаку пришлось получить по 8 р., урядникамъ по 12 р., вахмистру 20 р.; всѣ они были очень довольны гостепріимствомъ эмира. Изъ денегъ, присланныхъ на мою долю, я тотчасъ роздалъ въ награду джигитамъ 100 р. Кроме сего такую же сумму предназначилъ въ раздачу въ Бухарѣ людямъ, которые были мнѣ полезны. Въ половинѣ шестого часа вечера къ намъ прибылъ шахаулъ, т. е. церемоніймейстеръ, съ приглашеніемъ ѣхать къ эмиру.

Мы двинулись нашимъ обыкновеннымъ кортежемъ, къ коему присоединился Мозеръ, также приглашенный откланяться эмиру. На улицахъ была масса народу и всѣ держали себя хорошо. Мы въѣхали верхами въ ворота, гдѣ стоялъ по-прежнему почетный несчастнаго вида караулъ въ одну линію. Какой-то начальникъ скомандовалъ по-русски «на плечо! на караулъ!» Проѣзжая ворота я замѣтилъ въ одномъ простѣнкѣ около стоявшаго тамъ топчи-баши висяція громадныхъ размѣровъ нагайку и какую-то булаву; эти орудія власти эмира до того внушительны по своимъ размѣрамъ, что употреблять ихъ въ дѣло невозможно. На дворѣ эмирскаго дворца была небольшая толпа людей; я тотчасъ замѣтилъ сидящаго въ сторонкѣ афганскаго посланника, который жаднымъ взоромъ наблюдалъ всѣхъ насъ.

Представленіе эмиру было въ той же самой комнатѣ и тѣмъ же порядкомъ; съ лѣвой стороны эмира стоялъ въ отдаленіи кушъ-беги. Я обратилъ болѣе вниманіе на залу, которая показалась мнѣ въ этотъ разъ болѣе грязною. Самъ эмиръ въ красномъ костюмѣ, сидя на кошмѣ, ожидалъ нашего приближенія. Когда я подошелъ, лицо его стало улыбаться; онъ подаль мнѣ обѣ руки съ обычными привѣтствіями и обращался уже со мною, какъ съ человѣкомъ ему знакомымъ. Я усѣлся на полу, наблюдая, какъ члены посольства подходили къ эмиру, который, подавая имъ руки, казался совершенно покойнымъ и улыбался. Когда всѣ усѣлись, церемоніймейстеромъ была прочитана молитва, мы наклонили головы въ знакъ уваженія къ ихъ религіозной обрядности. Послѣ я сталъ выжидать, не обратится ли эмиръ ко мнѣ съ первымъ словомъ, но видя, что онъ не находится какъ начать со мною разговоръ и съ нерѣшительностью посматриваетъ на насъ, я обратился къ нему со слѣдующею рѣчью:

— Двадцать шесть дней живемъ мы въ благородной Бухарѣ; все

это время мы пользовались, по вашему велѣнію, самымъ дружескимъ гостепрѣимствомъ; мы всё не только-что здоровы, но даже потолстѣли у васъ въ гостяхъ. Прощаясь съ вами, я сердечно благодарю за такой дружескій пріемъ и желаю вамъ многихъ лѣтъ благополучно счастливой жизни. Я очень радъ, что собственными глазами удостовѣрился въ нашемъ теперешнемъ здоровьѣ и передамъ это генераль-губернатору, который будетъ очень доволенъ. Дружба и миръ, установившіеся теперь между двумя сосѣдними народами, навѣрное въ будущемъ будутъ укрѣпляться все болѣе и болѣе и послужатъ для богатства и благоденствія Бухары; я призываю благословеніе Божіе на продолженіе вѣчнаго мира.

Эмиръ съ удовольствіемъ выслушалъ мои слова, но ничего не отвѣтилъ.

Желая вызвать его на разговоръ, я продолжалъ:

— Если вашему высокостепенству угодно будетъ передать что-либо генераль-губернатору, то я почту себя за особую честь, выслушавъ ваши слова, подлиннымъ образомъ повторить ихъ. Я увѣренъ, что генераль-губернаторъ будетъ доволенъ услышать отъ меня ваши собственные слова.

Эмиръ покойнымъ, мягкимъ голосомъ, отвѣчалъ мнѣ довольно долго. Смыслъ его рѣчи состоялъ въ томъ, что онъ очень радъ миру и дружбѣ, установившейся между Россією и Бухарой, что онъ никогда не хотѣлъ воевать, но что если это случилось, то причина этому бывшее его незнакомство съ русскими, дурные совѣты людей, ничего не понимающихъ, и невѣрныя указанія изъ книгъ. Но что теперь онъ понялъ и вѣритъ дружбѣ русскихъ; что онъ очень радъ не только нашему пріѣзду, но пріѣзду сюда всѣхъ русскихъ купцовъ и прочихъ людей. Обратясь въ сторону Мозера, эмиръ продолжалъ:

— Вотъ этотъ купецъ пріѣхалъ сюда за своимъ дѣломъ, я приказалъ оказать ему содѣйствіе и впредь буду дѣлать то же.

Я благодарилъ его, сказавъ, что передамъ обо всемъ подробно генераль-губернатору, который будетъ очень доволенъ и пр. и пр. На это эмиръ сказалъ, что «городъ Бухара—есть вашъ домъ, это вашъ городъ и я очень радъ, если русскіе чаще будутъ наѣзжать».

Весь нашъ разговоръ имѣлъ самый дружескій характеръ; все время эмиръ улыбался и подъ конецъ сказалъ мнѣ «кокъ-якши». Когда аудіенція окончилась, эмиръ сдѣлалъ глазами знакъ и удайчи прочиталъ громкимъ голосомъ молитву, на это мы всё отвѣтили поклономъ, потомъ встали, раскланялись и вышли изъ зала; къ намъ присоединился кушъ-беги, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ Тюре-Джану-Абдуль-Фатъ, жившему долго въ гостяхъ въ Россіи. Прошли мы какой-то дворъ, гдѣ стояло нѣсколько великолѣпныхъ лошадей въ попонахъ. Засимъ мы во-

шли въ двери маленькой грязной комнаты, гдѣ на полу увидали сидящаго принца. Встрѣтились мы старыми знакомыми; я передалъ ему подарки и поклонъ генераль-губернатора, сказалъ нѣсколько привѣтствій и пожеланій, потомъ передалъ отъ себя подарки ему и его братьямъ, которыхъ мы рассчитывали тоже увидѣть. Между прочимъ кушъ-беги вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ просилъ увѣрить генераль-губернатора, что миръ и дружба съ Россією будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока живъ эмиръ и его совѣтники, которые понимаютъ дѣло; что приѣзжающіе купцы русскіе будутъ постоянно безопасны и всѣ ихъ дѣла будутъ разбираться правильно и прочее. Послѣ онъ заговорилъ о дѣлѣ Мозера, я поблагодарилъ его за содѣйствіе, оказанное послѣднему; потомъ мнѣ принесли подарки Тюре-Джана.

Мы встали съ пола, еще разъ пожелавъ ему всего хорошаго. Нашъ выѣздъ сопровождался большой толпою людей, и чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ нашему дому, тѣмъ чаще и громче раздавалось привѣтствіе, особенно дѣтми, «аманъ-тамиръ». Наши сосѣди, повидимому, ближе ознакомились съ нами. Шахаулъ проводилъ насъ до дому, я подарилъ ему часы, сказавъ привѣтствіе въ восточномъ вкусѣ, и отпустилъ его. Вечеромъ я роздалъ людямъ кушъ-беги до 30-ти халатовъ; казакамъ тоже были розданы добавочные деньги и халаты.

Сегодня утромъ шахаулъ привезъ мнѣ поклонъ и разныя пожеланія отъ эмира, причемъ объявилъ, что его государь, желая оказать намъ большій почетъ, приказалъ ему проводить насъ до первой станціи, чего никогда не дѣлалось съ прежними посольствами. Мы выѣзжаемъ отсюда въ 5 час. дня и пойдемъ по прежнему нашему маршруту и надѣемся быть въ Катты-Курганъ 22-го іюня вечеромъ. Такимъ образомъ мое порученіе въ Бухарѣ окончилось успѣшно. Бухарскій эмиръ убѣдился теперь въ невозможности бороться съ такимъ сильнымъ сосѣдомъ. Положеніе Бухары дѣлается съ сего времени тождественнымъ съ положеніемъ Кокана, т. е. бухарскій эмиръ дѣлается вассаломъ туркестанскаго генераль-губернатора. Эмиръ думаетъ всего больше о своемъ личномъ покоѣ, онъ жаждетъ только прожить свой вѣкъ въ Бухарѣ, гдѣ его образъ жизни есть для него Эльдорадо.

Я увѣренъ тоже, что дѣла нашихъ купцовъ пойдутъ съ этого времени нѣсколько лучше, такъ какъ противъ злоупотребленій здѣшнихъ чиновниковъ эмиръ безсиленъ, всѣ спорныя мусульманскія дѣла будутъ находиться по-прежнему у казіевъ,—первостатейныхъ взяточниковъ по общему отзыву. Кромѣ того кушъ-беги завѣдомо извѣстно принадлежатъ къ партіи людей, не расположенныхъ къ Россіи, и хотя эмиръ расположенъ угождать генераль-губернатору, но онъ часто не будетъ знать даже этихъ дѣлъ. Вліяніе афганскаго посольства, близкаго къ кушъ-беги и оставшагося въ Бухарѣ, безъ сомнѣнія проявится такъ

или иначе. Считая мое порученіе успѣшно оконченнымъ, я не заблуждаюсь однако до того, чтобы увѣрять всѣхъ, что наши отношенія къ Бухарѣ такъ прочны, что нельзя ожидать никакой перемѣны. У насъ въ посольствѣ всѣ здоровы и страшно рады, что оставляютъ Бухару.

23-го іюня. Г. Катты-Курганъ. Вчерашняго 22-го іюня ровно въ полдень мы прибыли въ Катты-Курганъ, выступивъ изъ Бухары 18-го числа въ 5 час. веч., въ сопровожденіи шахаула и другихъ лицъ. Въ Катты-Курганѣ насъ встрѣтили казіи и аксакалы, приготовивши намъ угощеніе и фуражъ. Во время пути я замѣчалъ, что въ ханствѣ вездѣ воды было достаточно. Жители выходили намъ на встрѣчу и выражали меньше враждебныя чувства. Мнѣ казалось даже, что мы идемъ уже по нашимъ селеніямъ Туркестанскаго края.

Сегодня, 23-го, послѣ благодарственнаго молебна, я угощалъ обѣдомъ всю конвойную команду, которую распустилъ по своимъ частямъ. Цѣлое утро прошло въ окончательныхъ расчетахъ съ джигитами и другими служащими при посольствѣ.

Завтра въ 12 час. дня выѣзжаю отсюда на почтовыхъ въ Самаркандъ, окончивъ мое порученіе совершенно благополучно. Всѣ мы рады, что наша бухарская экскурсія обошлась безъ приключеній, тогда какъ всѣ болѣе или менѣе ожидали неприятностей. Наше путешествіе въ предѣлахъ Бухарскаго ханства продолжалось 35 дней.





Записки Михаила Чайковского.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

—
L').

Сношенія съ поляками ультра-католиками. — Несчастливая особенность польскаго характера.—Ксендзь Терлецкій посылается съ порученіемъ склонить южныхъ славянъ къ уніи и къ признанію папской власти.—Положеніе дѣлъ въ Венгріи. — Польскій легионъ переходитъ изъ Оршова на сербскій берегъ, а оттуда въ Виддинъ.



—
Льтра-католическая или, иначе говоря, іезуитско-польская партія давно уже относилась ко мнѣ весьма недоброжелательно; причиною этого были отчасти мои сочиненія, отчасти посылка меня съ извѣстнымъ порученіемъ въ Римъ и въ особенности открыто высказываемое мною, при всякомъ удобномъ случаѣ, убѣжденіе, что Польшу погубила не анархія, не политическое безначаліе и своеволіе и не повстаніе, а злополучное присоединеніе поляковъ къ западной церкви, тогда какъ всѣ прочіе славяне принадлежали къ восточной греческой церкви. Вслѣдствіе чего Польша утратила свое вліяніе на политику, утратила первенствующую роль, которую ей надлежало играть въ славянскомъ мірѣ и сдѣлалась игрушкою въ рукахъ нѣмцевъ — враговъ славянства. Католицизмъ отдалилъ Польшу отъ Востока, заставилъ ее искать сближенія съ Западомъ, что въ концѣ концовъ разумѣется должно было привести ее къ политическому упадку. Мое мнѣніе было основано на истинѣ и подтверждалось историческими фактами, поэтому оно и не правилось ульт-

*) См. „Русскую Старину“, августъ, 1898 г.

тра-католикамъ. Ихъ непріязнь ко мнѣ усилилась не потому, чтобы я склонялъ поляковъ къ переходу въ магометанство: всѣмъ какъ нельзя лучше было извѣстно, что я былъ тутъ не причемъ, но католики не могли простить мнѣ того, что я содѣйствовалъ поступленію въ турецкое войско и на гражданскую службу въ Турцію всѣхъ поляковъ, принявшихъ магометанскую вѣру. Признаюсь, съ точки зрѣнія политики, меня радовало стремленіе поляковъ къ мусульманству, ибо это давало мнѣ возможность содѣйствовать переходу моихъ соотечественниковъ, а черезъ нихъ, быть можетъ, и южныхъ славянъ въ подданство турецкихъ султановъ, по женской линіи прямыхъ наслѣдниковъ славянскихъ правителей.

Въ то время въ турецкомъ войскѣ служили немногіе иностранцы. но было время, когда славяне, принимавшіе магометанство, имѣли въ немъ большое значеніе и вліяніе. Вслѣдъ за славянами, въ началѣ XVIII вѣка начали переходить въ магометанство грузины, также игравшіе видную роль въ военной службѣ, впрочемъ недолго. Связь турокъ съ Кавказомъ поддерживалась постоянно черкесами, служившими въ турецкомъ войскѣ, и черкешенками, попадавшими въ ихъ гаремы. Въ гаремахъ не было полекъ, но поляки служили въ турецкой арміи, и намъ слѣдовало извлечь изъ этого возможно большую пользу, что я и старался сдѣлать; смѣло могу сказать, что если бы между нами существовало болѣе согласія и болѣе единодушія, если бы мы лучше понимали цѣль, къ которой намъ слѣдовало стремиться и работали дружиѣ, то достигли бы и сами желаемой цѣли и увлекли бы за собою всѣхъ южныхъ славянъ, съ которыми мы имѣли возможность тѣсно сплотиться. Большую роль въ этомъ случаѣ могло сыграть магометанство, но къ сожалѣнію все было вконецъ погублено католицизмомъ.

Время показало, что съ поляками ничего подобнаго нельзя было предпринимать; всему мѣшала ихъ обособленность и несчастное я, вслѣдствіе котораго чуть не каждый полякъ впадаетъ въ донкихотство, полагая, что онъ ко всему способенъ, что нѣтъ въ мірѣ человѣка способнѣе его, что онъ можетъ превзойти всѣхъ и дѣйствовать одинъ на свой страхъ. Это донкихотство еще болѣе усилилось во время эмиграціи.

Поляки возвращались понемногу изъ Италіи; нѣкоторые изъ нихъ остались въ Авинахъ, но большинство прибыло въ Стамбуль. Турецкое войско наполнилось офицерами и даже унтеръ-офицерами поляками, докторами и аптекарями, также поляками; мнѣ удалось даже помѣстить двоихъ поляковъ при французскихъ консульствахъ, одного въ Бѣлградѣ, другого въ Сараевѣ. Я всегда старался помѣщать поляковъ между славянами въ качествѣ турецкихъ и французскихъ чиновниковъ, съ тою цѣлью, чтобы они могли быть полезны правительствамъ, которыя всегда покровительствовали нашему дѣлу и намъ самимъ, и въ надеждѣ,

что они сблизятся такимъ образомъ со славянами и, оказывая имъ кое-какія услуги, загладятъ этимъ до нѣкоторой степени ошибку поляковъ, сражавшихся противъ славянъ вмѣстѣ съ венгерцами. Къ несчастію отъ поляковъ нельзя было добиться единодушія и согласія, какое существовало, напримѣръ, между черкесами. Всѣ паши и высшіе сановники изъ черкесъ, состоявшіе на службѣ султана, признавали надъ собою нравственную власть Сеферъ-бея-Занъ-Оглу, жившаго какъ бы въ ссылкѣ въ Адрианополь; они во всемъ совѣтывались съ нимъ, передавали ему пожертвованія, которыя дѣлались для ихъ народа, и по его приказанію поддерживали соотечественниковъ своимъ вліяніемъ. Я самъ видѣлъ, какъ эти сановники ожидали въ приемной Сеферъ-бея того момента, когда онъ соблаговолитъ принять ихъ; и однако, онъ не имѣлъ уже въ то время никакого вліянія въ Турціи, а былъ просто на просто отставной полковникъ русской арміи.

У насъ было иначе! Агентство князя Адама было всегда переполнено докучливыми просителями, хлопотавшими то о мѣстѣ, то о денежномъ вспомоствованіи; ихъ просьбы всегда быстро удовлетворялись, но едва получивъ мѣсто или вспомоствованіе, каждый считалъ долгомъ кричать, что онъ вовсе не приверженецъ Чарторыйскихъ, что онъ не признаетъ князя Адама начальникомъ или королемъ, или даже представителемъ польской sprawy, что онъ не намѣренъ отказываться отъ своихъ убѣжденія въ эмиграціи, но будетъ поступать по собственному своему усмотрѣнію и взглядамъ.

Посланный изъ Рима въ Турцію ксендзъ Терлецкій, бывшій нѣкогда полковой врачъ Воынской кавалеріи, состоявшей подъ командою Карла Ружицкаго, былъ человѣкъ доблестный и почтенный, но, окончивъ съ отличіемъ курсъ наукъ въ Виленскомъ университетѣ, онъ чувствовалъ отвращеніе къ профессіи врача и во время войны сражался въ рядахъ войска, а въ нашемъ полку исполнялъ обязанности врача. Эмигрировавъ изъ Польши Терлецкій былъ сперва ксендзомъ въ одномъ католическомъ монастырѣ, затѣмъ сдѣлался уніатомъ и пріѣхалъ на Востокъ съ цѣлью привлечь славянъ къ уніи и къ признанію главою церкви папу. Чтобы покрыть издержки по его миссіи, его снабдили цѣлымъ складомъ самыхъ разнородныхъ вещей: у него были двустволки, часы, кольца, браслеты, женскіе уборы и всевозможныя бездѣлки. Онъ привезъ письмо отъ Замойскаго, въ которомъ тотъ просилъ меня заняться продажей этихъ вещей или разыграть ихъ въ лотерею, чтобы выманить этимъ у турокъ какъ можно болѣе денегъ, и отправить Терлецкаго въ Бѣлградъ, дабы онъ могъ начать свою миссію съ нашихъ друзей сербовъ.

Замойскій писалъ откровенно, что онъ предпочитаетъ, чтобы сербы были обращены просто въ католичество, ибо унія, по его сло-

вамъ, дѣтище мертворожденное; общая вѣра не можетъ быть безъ общей молитвы на одномъ и томъ же языкѣ, каковымъ является въ католичествѣ латинскій языкъ, а у магометанъ — арабскій; вѣра безъ обрядовъ все-равно, что духъ безъ тѣла, и т. д. Тому подобными аргументами и доводами было исписано имъ нѣсколько листовъ. Я не позволилъ ни продавать этихъ вещей, ни разыграть ихъ въ лотерею, а далъ Терлецкому нѣсколько тысячъ франковъ въ долгъ за счетъ Замоискаго. а въ обезпеченіе этихъ денегъ взялъ присланныя имъ вещи, коими составилъ подробный списокъ, положивъ ихъ на храненіе въ лавку Главана. Терлецкій отправился въ Бѣлградъ, гдѣ сербы приняли его какъ нельзя лучше, даже предложили ему построить униатскую церковь, но о пропагандѣ противъ православія и слышать не хотѣли. Авраамъ Петровичъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сербскихъ сановниковъ, особенно благоволившій къ Терлецкому, сказалъ ему между прочимъ:

— Сражаясь за мадыаръ вы убѣдились, наконецъ, въ томъ, что вы сражались на пользу нѣмцевъ, а теперь вы хотите довершить свою политическую ошибку, работая на почвѣ религіи въ пользу тѣхъ же швабовъ, но мы останемся вѣрны православію, такъ какъ мы хотимъ остаться славянами.

Терлецкій увидѣвъ, что ему тутъ нечего дѣлать, уѣхалъ въ Римъ: такъ окончилась миссія перваго піонера католицизма и униіи въ славянскомъ краѣ.

Италянцы приписывали свое пораженіе подъ Новарой неудачнымъ планамъ генерала Хржановскаго и еще болѣе неудачному выполненію этихъ плановъ генераломъ Ромарино, который хотя и былъ италянецъ, но служилъ ранѣе въ польскихъ войскахъ. Поэтому сардинское посольство и всѣ италянцы приписывали свое пораженіе и побѣду австрійцевъ неспособности поляковъ къ военному дѣлу.

Графъ Андраши открыто жаловался на страсть генерала Дембинскаго къ отступленію, говоря, что благодаря ему австрійцамъ пришлось измѣнить своимъ традиціямъ: доказавъ австрійцамъ, что съ нимъ нельзя соперничать въ отступленіи, Дембинскій заставилъ ихъ идти впередъ.

Такимъ образомъ, слава о военныхъ способностяхъ поляковъ или лучше сказать объ ихъ умѣнни выигрывать сраженіе была поколеблена. Хотя въ недостатокъ личной храбрости ихъ не могъ бы упрекнуть и злѣйшій врагъ, но все же это могло повредить дѣятельности агентства, какъ вдругъ одинъ ничтожный случай, самъ по себѣ не имѣвшій особаго значенія, измѣнилъ этотъ взглядъ.

Въ экспедиціи, предпринятой турками противъ арабовъ, два эскадрона турецкой кавалеріи, дѣйствовавшіе между Діарбекиромъ и Мушемъ, подъ предводительствомъ Шамиля-Сольницкаго, въ которыхъ служили Мехметъ-Люборацкій и Исса-прусскій, разбили на-голову арабовъ, и

самъ шейхъ, предводительствовавшій ими, былъ убитъ Мехметомъ-Люборацкимъ. Вскорѣ были получены донесенія Решида-паши о храбрости поляковъ и о томъ, какъ прекрасно они вели сраженіе. Этотъ фактъ, въ связи съ расположеніемъ, какое питали къ намъ турки, помогъ мнѣ возстановить до нѣкоторой степени нашу военную честь, поколебленную неудачными дѣйствіями польскихъ генераловъ въ венгерской и италіанской арміи.

Въ Венгріи дѣла шли плохо. Венгерцы отступали передъ побѣдоноснымъ войскомъ русскаго царя, за которымъ скромненько шло слѣдомъ, но все же шло впередъ, австрійское войско. Это вынудило Кошута и мадыровъ сдѣлать то, съ чего имъ слѣдовало начать, а именно: назначить главнокомандующимъ венгерскихъ войскъ генерала Бема. Утопающій хватался за соломинку. Я получилъ отъ генерала Бема, съ которымъ находился постоянно въ перепискѣ, письмо слѣдующаго содержанія:

«Я принимаю командованіе войскомъ потому, что никто не хочетъ или даже не рѣшается принять его, всѣ бѣгутъ. Я ставлю все на карту, ибо иначе поступить не могу; либо Темешваръ будетъ могилою венгерской свободы, либо венгерцы станутъ снова на ноги, но съ условіемъ, чтобы Польша съ ихъ помощью также стала на ноги и заняла мѣсто въ ряду независимыхъ народовъ. Черезъ нѣсколько недѣль я дамъ сраженіе».

Битва подъ Темешваромъ была проиграна; венгерцы капитулировали въ Вилагосѣ.

Короткое время спустя я получилъ отъ Владислава Замойскаго письмо, въ которомъ онъ сообщалъ мнѣ, что, посоветывавшись съ генераломъ Высоцкимъ, они рѣшили распустить польскій легионъ, предоставивъ полякамъ идти кто куда захочетъ. Нашимъ агентамъ въ Бухарестѣ и на Дунаѣ было послано о томъ увѣдомленіе. Я написалъ Замойскому, не одобряя его плана, по которому поляки перешли бы границы Венгріи въ-разбродъ, по-одиночкѣ; я доказывалъ, что подобный конецъ повредитъ военной славѣ поляковъ и польской справѣ съ точки зрѣнія дипломатіи, и совѣтывалъ послать весь легионъ въ Оршово, чтобы онъ занялъ эту крѣпость и оборонялся въ ней, въ случаѣ надобности, до прибытія сербскихъ судовъ, которые перевезли бы этотъ отрядъ на сербскій берегъ, въ Сербію, откуда онъ отправился бы въ Болгарію.

Одновременно я послалъ Звѣрковскому, для передачи по назначенію письма къ князю Александру, Вучинѣ, Аврааму Петроневичу и Ильѣ Горашанину, вмѣстѣ съ моими инструкціями, коими я предписывалъ ему хлопотать о томъ, чтобы въ Оршово были высланы казенные суда съ правительственнымъ комиссаромъ, для перевозки польскаго легиона

на сербскій берегъ. Я просилъ сдѣлать это въ награду за услуги, оказанныя сербскимъ правительствомъ, мною и Звѣрковскимъ и въ знакъ побратимства славянъ съ поляками, что заставитъ послѣднихъ стать въ политикѣ на истинный путь.

Высокая Порта весьма благоразумно не мѣшала въ это дѣло, но бѣлградскому губернатору было послано приказаніе не препятствовать этой манифестаціи славянъ въ пользу поляковъ.

Благодаря сочувствію къ намъ сербскаго правительства и неутомимому старанію Людовика Звѣрковскаго, въ Бѣлградѣ согласились исполнить все, что я просилъ. Въ Оршово были высланы казенные суда подъ казеннымъ флагомъ и съ правительственнымъ комисаромъ Максимовичемъ; на сербскомъ берегу для принятія польскаго легіона было выставлено четыре батальона народной милиціи и отрядъ сербской конницы.

Весь польскій легіонъ, пѣхота, конница и артиллерія, былъ посаженъ на суда въ Оршовѣ. Такъ какъ Максимовичу было приказано ни съ кѣмъ не вести переговоровъ кромѣ какъ съ графомъ Владиславомъ Замойскимъ, племянникомъ и представителемъ князя Адама Чаторыйскаго, союзника Сербіи, то генераль Высоцкій и всѣ прочіе польскіе генералы сдали номинально командованіе легіономъ Замойскому, и онъ, какъ командующій этимъ легіономъ, вступилъ на сербскую землю, привѣтствуемый залпами изъ ружей и пушекъ сербской милиціи.

По обычаю сербовъ и другихъ южныхъ славянъ для оказанія болѣе почести этому воинскому отряду стрѣляли настоящими пулями; пули свистѣли, оглашая берега Дуная, сербскія знамена развѣвались рядомъ со знаменемъ польскаго легіона; такъ братались два родственныхъ славянскихъ племени. Правда это братанье было вызвано несчастьемъ, но все же это служило предзнаменованіемъ, что такъ могло бы быть и въ случаѣ побѣды.

Вступивъ на сербскую землю, польскій легіонъ выстроился въ боевой порядокъ и, эскортируемый сербской милиціей и народомъ, отправился въ Болгарію. На границѣ произошло трогательное прощаніе. Владиславъ Замойскій вручилъ сербскому комисару Максимовичу письменную благодарность къ князю Александру, сербскому правительству и народу отъ побратимовъ поляковъ и отъ представителя князя Адама Чаторыйскаго графа Владислава Замойскаго.

Все это совершилось такъ быстро и въ такомъ порядкѣ, что ни Австрія, ни Россія, ни даже Англія не могли этому помѣшать. Совершившійся фактъ не вызвалъ протеста со стороны правительствъ, непріязненныхъ полякамъ и польской справѣ, и не причинилъ ни малѣйшихъ непріятностей и хлопотъ Высокой Портѣ.

Польскій легіонъ вступилъ въ величайшемъ порядкѣ въ Виддинъ.

гдѣ онъ былъ принять турецкимъ войскомъ. Вслѣдъ за легиономъ, туда стали приходять остатки венгерскаго войска; обезоруженные они приходили отдѣльными группами въ величайшемъ безпорядкѣ, такъ что у турокъ, видѣвшихъ это, сложилось убѣжденіе, что настоящимъ войскомъ, сражавшимся за мадьяръ, были поляки, а мадьяры только ходили за ними по пятамъ; это снова увеличило обаяніе польскаго имени въ глазахъ турокъ.

Изъ Виддина, Замоискій и польскіе генералы благодарили меня за все сдѣланное для нихъ и для польской sprawy; быть можетъ Замоискій никогда еще не былъ такъ искрененъ и сердеченъ, какъ этотъ разъ, благодаря меня за оказанную услугу.

Я получилъ также благодарность отъ оттоманскихъ властей и отъ французскаго посольства. Людовикъ Звѣрковскій привезъ мнѣ благодарность отъ сербовъ, за то что я доставилъ имъ случай принять въ этомъ дѣлѣ участіе, вполне соответствовавшее ихъ братскимъ чувствамъ къ полякамъ; ихъ признательность князю Адаму была высказана въ столь трогательныхъ выраженіяхъ, что я плакалъ отъ радости при мысли, что я могъ сдѣлать пріятное этому доблестному поляку, этому отцу Польши. Такова была дѣятельность агентства князя Адама по устройству судьбы эмигрантовъ послѣ крайне неполитическаго и безразсуднаго вмѣшательства поляковъ въ войну венгерцевъ съ Австріей.

LI.

Поляки и венгерцы въ Виддинѣ. — Положеніе Вл. Замоискаго. — Совѣщаніе Высокой Порты о дальнѣйшей судьбѣ эмигрантовъ. — Пріѣздъ кн. Радзивилла. — Совѣтъ, поддерживаемый улемами, отказываетъ въ выдачѣ эмигрантовъ Россіи и Австріи. — Бемъ, Кмети и многіе другіе поляки и мадьяры принимаютъ магометанство. — Моя бесѣда съ лордомъ Редклифомъ. — Прискорбные факты происшедшіе въ Виддинѣ. — Переѣздъ эмигрантовъ въ Шумлу. — Возвращеніе Фуада-эфенди изъ Петербурга. — Рѣшеніе вопроса объ эмигрантахъ. — Поступленіе эмигрантовъ-мусульманъ въ турецкое войско.

Поляки и венгерцы съѣзжались на берега Дуная въ Виддинѣ. Благодаря моему старанію и заботамъ, они явились туда подъ начальствомъ Замоискаго, какъ вполне организованное войско и расположились лагеремъ; въ глазахъ мѣстныхъ властей и турецкихъ подданныхъ они пользовались извѣстной славой какъ военные, а Замоискій какъ представитель власти. Такимъ образомъ, я исполнилъ свою обязанность въ качествѣ политическаго агента князя Адама Чарторыйскаго.

Начальникъ Виддина, Зія-паша сразу началъ сносятся во всѣхъ

дѣлахъ съ Замойскимъ и съ польскими генералами, прибывшими вмѣстѣ съ нимъ и вслѣдъ за нимъ; поляки и венгерцы, даже самъ Кошутъ и графъ Батіани были рады этому выходу изъ своего затруднительнаго положенія. Замойскій, какъ представитель князя Адама и его племянникъ, сразу занялъ особое положеніе. Отъ него зависѣло сохранить его до конца, дѣйствуя прямо и чистосердечно, какъ подобало представителю князя Адама, если не полноправному претенденту на польскую корону, то человѣку несомнѣнно заботившемуся о судьбѣ поляковъ, объ ихъ доброй славѣ. Но для этого Замойскому надобно было отрѣшиться отъ всякихъ личныхъ побужденій и быть его представителемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, быть полякомъ сердцемъ и душою.

Поляки и венгерцы не горевали въ Виддинѣ, не сѣтовали на свою судьбу, у нихъ было всего вдоволь. Турецкія власти доставляли имъ сѣбственные припасы какъ побѣдителямъ, а вино было такъ дешево, какъ вода изъ Дуная; болгары привозили его бочками за безцѣнокъ, чуть не даромъ. Всѣ веселились и кутили направа; можно сказать не преувеличивая, что эти храбрые воины были увѣрены, что они сдѣлали великое дѣло—уйдя съ поля битвы на отдыхъ и толкуя на всѣ лады о сраженіяхъ, въ которыхъ они не участвовали. Такъ точно было и съ нами въ 1831 г.; шатаясь по Германіи, кипятясь во Франціи, какъ у себя въ Польшѣ, каждый изъ насъ мнилъ себя богатыремъ.

Разсказываютъ, что Адамъ Мицкевичъ, возмущенный подобными кутежами въ Дрезденѣ, сказалъ однажды на большомъ обѣдѣ, данномъ полякамъ: «намъ слѣдовало умереть на польской землѣ»; а старикъ Казиміръ Малаховскій, обиженный его словами отвѣчалъ: «а что же вы не дрались съ нами, вмѣсто того, чтобы потомъ сочинять объ насъ элегіи». Малаховскому рукоплескали, не понявъ Адама Мицкевича.

Привожу дословно сказанное Мицкевичемъ въ отвѣтъ Малаховскому.

— Я сражался, но къ несчастью не былъ убитъ; если бы мнѣ пришлось снова пережить все то, что я испыталъ, то я дрался бы пока меня не убили, и все-таки не ушелъ бы изъ Польши за границу пожнать жалкіе лавры на чужбинѣ и кормиться на чужой счетъ. Отъ подобной жизни сердце должно обливаться кровью, если человѣкъ не топить своего горя и своей чести въ рюмкѣ вина. Чтобы терпѣть жизнь въ эмиграціи, человѣкъ долженъ пить; въ этомъ случаѣ я понимаю пьянство.

Въ Виддинѣ кутили, а что еще хуже, играли въ карты; это породило споры, зависть, недоброжелательство. Освоившись нѣсколько съ своимъ положеніемъ и сойдясь съ турками, поляки начали чуждаться другъ друга, каждый сталъ преслѣдовать свои личные цѣли, дѣйствовать въ свою голову, стараясь перецеголять другого; такимъ образомъ, индивидуальныя черты польскаго характера, не сдерживаемыя страхомъ, вы-

казались съ полной безшабашностью и во всей ихъ неприглядности; бездѣйствіе и праздность давали этому, еще бѣльшую пищу. Дней черезъ десять послѣ того, какъ эмигранты собрались въ Виддинѣ, я началъ получать отъ знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ поляковъ письма и замѣтки, въ которыхъ они ни словомъ не касались дѣлъ польскихъ и венгерскихъ, но злословили, жаловались другъ на друга или хвастались то тѣмъ, то другимъ.

Пока все это происходило въ Виддинѣ, на берегахъ Дуная, послѣ настоящей войны на полѣ битвы съ оружіемъ въ рукахъ, между державами началась другого рода война, посредствомъ дипломатическихъ нотъ. Австрія и Россія требовали выдачи венгерскихъ и польскихъ эмигрантовъ; прочіе державы не могли быть противъ этого вполне законнаго требованія, такъ какъ оно основывалось на договорахъ, заключенныхъ этими двумя государствами съ Высокой Портой. Высокая Порта принимала ноты къ свѣдѣнію, но не принимала мѣръ къ ихъ удовлетворенію.

Графъ Андраши, главный агентъ венгерцевъ, не желая быть выданнымъ Австріи, уѣхалъ изъ Стамбула въ Парижъ, а другой агентъ Сплени сошелъ съ ума. Я остался одинъ защищать интересы польскихъ и венгерскихъ эмигрантовъ.

Когда ноты не возымѣли желаемого дѣйствія, въ Стамбулъ былъ присланъ адъютантъ русскаго царя, князь Левъ Радзивиллъ, хлопотать о выдачѣ эмигрантовъ по требованію Россіи и Австріи. Превратное истолкованіе Балта-Лиманскаго договора заграничною дипломатіей и общественнымъ мнѣніемъ было причиною того, что Решидъ-паша отказался отъ управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, передалъ его своему товарищу Аали-эфенди, а самъ былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта.

Несмотря на перемѣны, происшедшія въ министерствѣ, въ немъ остались и продолжали имѣть вліяніе лица, относившіяся къ намъ доброжелательно; въ нашу пользу дѣйствовали также Мехметъ-Али-паша и Фети-Ахметъ-паша—два зятя султана, и придворные, между ними въ особенности Феридъ-эфенди, въ то время первый секретарь султана, человекъ весьма достойный и разумный патріотъ, и Этхемъ-паша, дивизионный генералъ, завѣдывавшій въ канцеляріи султана военнымъ отдѣломъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ турецкихъ дѣятелей. Я былъ съ Этхемомъ-пашою въ дружескихъ отношеніяхъ; насъ соединяло взаимное уваженіе и общность взглядовъ на турецко-польскіе интересы, коими я руководился въ моей дѣятельности.

Я отправился къ генералу Опику, въ Терапію, чтобы переговорить съ нимъ о нашемъ дѣлѣ; у него былъ въ этотъ день вечеръ съ танцами, но генералъ, пригласивъ съ собою лорда Редклифа, прошелъ съ нами

въ отдѣльную комнату. Лица обоихъ посланниковъ выражали озабоченность и тревогу. Лордъ Редклифъ заговорилъ первый. Выразивъ глубокое сожалѣніе по поводу домогательствъ Россіи и Австріи, онъ высказалъ свое мнѣніе, что иначе и быть не могло, принявъ во вниманіе договоры, заключенные ими съ Турціей; Австрія и Россія ссылаются на то, что всѣ политическіе преступники, скрывающіеся въ другихъ странахъ, выдаются этими государствами безпрекословно по первому требованію и безъ всякихъ разсужденій законнымъ властямъ, въ подданствѣ которыхъ они состоятъ. А такъ какъ мятежь есть политическое преступленіе, слѣдовательно мятежники должны быть выданы и укрывательство ихъ не можетъ быть допущено. Англійское и французское правительства не замедлятъ сдѣлать надлежащіе шаги и обратиться къ милосердію и человѣколюбію русскаго и австрійскаго императоровъ, въ надеждѣ, что ихъ заступничество не останется безъ послѣдствій и что наказаніе ожидающее преступниковъ будетъ смягчено; Англія и Франція не могутъ поощрять Турцію сопротивляться этимъ требованіямъ, а должны, напротивъ, склонять ее къ выполненію трактатовъ, ибо хорошіе союзники должны оберегать другъ друга отъ всякихъ непріятностей и недо-разумѣній.

Все сказанное было совершенно справедливо, законно и дипломатично, я ничего не могъ возразить противъ аргументовъ посланника, которые я передаю здѣсь со всевозможной точностью, однако я не могъ съ нимъ согласиться.

Генераль Оликъ былъ скорѣе солдатъ, нежели дипломатъ, можно даже сказать—не имѣлъ никакихъ дипломатическихъ способностей, но будучи гораздо сердечнѣе эгоистнаго и надменнаго лорда Редклифа, сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ, крѣпко пожимая мнѣ руку:

— Если бы они (эмигранты) были здѣсь, въ Стамбулѣ, я бы ихъ тотчасъ посадилъ на посольское судно и отправилъ во Францію, хотя бы мнѣ пришлось за это лишиться мѣста.

Я улыбнулся и сказалъ:

— Если бы они здѣсь были, я бы не довелъ ваше превосходительство до необходимости рисковать своимъ положеніемъ и счумѣлъ бы отправить ихъ куда бы они сами пожелали, но объ этомъ нечего говорить, точно такъ-же, какъ я не могу ничего возразить на совершенно справедливыя слова лорда Редклифа; но что бы вы сдѣлали, господа, ежели бы Высокая Порта отказалась исполнить требованія Австріи и Россіи?

Лордъ Редклифъ взглянулъ на меня съ такимъ удивленіемъ, что я отступилъ нѣсколько шаговъ, полагая, что сказалъ какую-либо величайшую негѣпость. Затѣмъ, онъ произнесъ насмѣшливо:

— Ежели Высокая Порта рѣшится на такое безразсудство, то и я

сдѣлаю глупость, сяду на коня, обнажу саблю и вмѣстѣ съ поляками и венгерцами пойду воевать съ Россіей, а если понадобится—даже и съ Австріей.

Тутъ ужъ я, въ свою очередь, засмѣялся.

— Если такъ, то я надѣюсь, что мы будемъ сражаться бокъ-о-бокъ съ вами, но пока дѣло до этого дойдетъ, я хотѣлъ бы знать, что бы вы, господа, сдѣлали, если бы Порта дѣйствительно отвѣтила отказомъ на предъявленное ей требованіе?

Я сказалъ это съ такою увѣренностью, что оба посла отвѣтили въ одинъ голосъ:

— Посмотримъ, но что-то не вѣрится, что бы это могло случиться.

У меня уже была заготовлена записка, которую я хотѣлъ представить султану. Желая придать моимъ доводамъ болѣе убѣдительности, я напоминалъ въ этой запискѣ одну статью Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора, освобождающую отъ выдачи и отъ дальнѣйшихъ розысковъ всякаго человѣка, принявшаго господствующую вѣру того правительства, во владѣніяхъ котораго онъ нашель убѣжище; на этомъ основаніи я доказывалъ, что если бы не всѣ эмигранты, а хотя бы только нѣкоторая часть ихъ приняла магометанство, то Высокая Порта была бы вправѣ отказать въ выдачѣ новыхъ мусульманъ, а прочіе кабинеты защитили бы христіанъ, изъ опасенія, чтобы они не перешли поголовно въ мусульманство; такимъ образомъ этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ къ выгодѣ и къ чести Высокой Порты и султана.

Я отправился съ этой запиской къ Решиду-пашѣ; прочитавъ ее внимательно онъ одобрилъ ее по существу, отмѣтивъ также ея удачную редакцію и взявъ съ нея конію, приказалъ передать самую записку султану; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ нѣсколько словъ Феридъ-эфенди, прося его передать султану записку не медля, ибо дѣло не терпѣло отлагательства.

Я передалъ Решидъ-пашѣ весь мой разговоръ съ двумя посланниками; на что онъ сказалъ: «подождемъ до завтра, мнѣ кажется, что это дѣло можно будетъ уладить».

Я отвезъ записку во дворецъ и въ тотъ же вечеръ побывалъ у Фети-Ахмета-паши и у Мехмета-Али-паши. Послѣдняго я упросилъ приказать своему адъютанту, полковнику Этхемъ-бею приготовиться ѣхать съ моимъ драгоманомъ Саихомъ и съ моими письмами въ Виддинъ и въ случаѣ надобности ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

На слѣдующій день Решидъ-паша былъ приглашенъ во дворецъ, и султанъ поручилъ ему заняться этимъ дѣломъ, несмотря на то, что министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Аали-эфенди. Решидъ-паша тотчасъ прислалъ мнѣ сказать, что по волѣ султана это дѣло будетъ вестись черезъ меня. Я отправился за приказаніями къ Решиду-пашѣ и въ

тотъ же день послалъ Саиха съ полковникомъ Этхемъ-беемъ съ письмами къ Замоискому и къ генералу Бему, коимъ я описалъ все происшедшее. Чтобы расположить Замоискаго въ пользу моего плана, я выхлопоталъ у Мехмета-Али-паши приказъ на имя Зія-паши, повелѣвавшій ему войти въ соглашеніе съ Замоискимъ относительно снабженія эмигрантовъ зимней одеждою; я старался привлечь польскихъ эмигрантовъ къ Высокой Портѣ и къ магометанству, пекущемуся о своихъ послѣдователяхъ, если не соображеніями высшей политики, то матеріальной выгодой.

Я написалъ Решиду-пашѣ восемь пунктовъ, на основаніи которыхъ можно было бы настаивать на томъ, чтобы посланники поддержали Высокую Портѣ въ ея отказѣ о выдачѣ эмигрантовъ сосѣднимъ державамъ.

Требованіе, предъявленное княземъ Радзивилломъ уже обсуждалось между тѣмъ въ совѣтѣ министровъ. Двое изъ нихъ рѣшительно высказались за выдачу эмигрантовъ, а именно: Аали-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ, и Измаиль-паша, министръ народнаго просвѣщенія; Решидъ и Риза паши не пріѣхали на засѣданіе; противъ выдачи эмигрантовъ высказались только двое: Фети-Ахметъ и Мехметъ-Али-паша; остальные, послѣ долгаго колебанія сказали нерѣшительно: «ихъ слѣдуетъ выдать, насъ обязываютъ къ тому договоры, мы недостаточно сильны, чтобы начать войну, къ тому же это дѣло несправое».

Когда я предъявилъ посланникамъ повелѣніе султана и показалъ имъ выработанные мною пункты, то они приняли, послѣ долгаго совѣщанія слѣдующіе два пункта: первый, въ которомъ говорилось, чтобы они немедленно написали своимъ дворамъ, требуя во имя челоуѣколюбія и цивилизаціи, чтобы они поддержали въ Парижѣ и Лондонѣ рѣшеніе Высокой Портѣ; второй пунктъ, чтобы не ожидая отвѣта отъ своихъ кабинетовъ они послали въ Дарданелы флотъ, находившійся въ Пирей и у сирійскихъ береговъ, дабы показать, что въ случаѣ неожиданнаго нападенія, онъ готовъ защищать Оттоманское государство.

Генералъ Оликъ, который руководствовался всегда внушеніями своего сердца, собственноручно засвидѣтельствовалъ, что эти два пункта приняты послами, и я отправился съ этимъ документомъ къ Решиду-пашѣ, который былъ этимъ вполне доволенъ, зная, что большаго отъ нихъ нельзя было добиться. Все же это была нѣкоторая поддержка, хотя и не достаточно вѣская, для того, чтобы отвѣчать отказомъ на требованіе державъ. Такъ какъ султанъ повелѣлъ присутствовать на совѣтѣ министровъ при обсужденіи этого дѣла улемамъ, то я отправился по желанію Решид-паши, къ шейху и къ сераскирамъ Румеліи и Анатоліи съ оригиналомъ обязательства, подписаннаго англійскимъ и французскимъ посланниками; это было сдѣлано съ цѣлью придать имъ бодрости

въ борьбѣ съ трусливымъ Аали-эфенди и его партіей. Помянутые три сановника Высокой Порты были такъ благопріятно настроены, что мнѣ не пришлось прибѣгнуть ни къ какимъ особымъ доводамъ и убѣжденіямъ, они прямо заявили, что коранъ не позволяетъ выдавать своихъ послѣдователей, что лучше подвергнуться всѣмъ опасностямъ самой губительной войны, нежели нарушить правила гостепрѣимства, предписываемыя кораномъ.

Въ этомъ смыслѣ улемы высказались на совѣтѣ; всѣ присоединились къ ихъ мнѣнію, за исключеніемъ Аали-эфенди и Измаила-эфенди, которые упорно настаивали на выдачѣ эмигрантовъ и на соблюденіи договоровъ. Заключение совѣта было представлено на утвержденіе султана. Прежде нежели была объявлена его воля, Зія-паша прислалъ изъ Виддина съ курьеромъ извѣстіе, что Бемъ, генераль Кмети и многіе высшіе и низшіе офицеры, а равно солдаты венгерцы и поляки приняли магометанство. Это извѣстіе поддержало законное рѣшеніе совѣта, которое было скрѣплено подписью султана. Князь Радзивиллъ повезъ этотъ отвѣтъ въ Петербургъ.

Послѣ этого не было и помина о тѣхъ полякахъ и венгерцахъ, которые остались христіанами; Австрія и Россія не требовали ихъ выдачи, въ полной увѣренности, что этотъ разъ Франція и Англія поддержали бы Турцію изъ религіозныхъ побужденій, хотя бы это повело къ войнѣ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ лордъ Редклифъ, строго осуждая поступокъ Бема и Кмети, въ особенности перваго.

Но осуждая генерала Бема, англійское правительство въ то же время посовѣтывало генералу Гюйону, англичанину, перейти въ магометанство, для того, чтобы имѣть своего соотечественника среди этихъ новыхъ подданныхъ Оттоманской имперіи; также принялъ магометанство, подъ именемъ Тейжи-паши, находившійся въ то время въ Стамбулѣ полковникъ Кольманъ, родомъ словакъ, начальникъ штаба венгерской арміи, человѣкъ въ высшей степени образованный; генералу Бему дано имя Мурада, Кмети—Измаила, Гюйону—Хуршида.

Англія, принявъ участіе въ этомъ вопросѣ, стала дѣйствовать чрезъ своего посланника въ Стамбулѣ въ такомъ смыслѣ, чтобы не повредить своимъ отношеніямъ къ Россіи и въ особенности къ Австріи. Англійское правительство приказало своимъ посланникамъ въ Петербургъ и Вѣнѣ предложить правительству замѣнить выдачу эмигрантовъ христіанъ и мусульманъ поселеніемъ ихъ внутри страны, съ воспрещеніемъ выѣзда куда-либо; англійскому же посланнику въ Стамбулѣ было приказано принудить къ этому Высокую Порту, угрожая ей тѣмъ, что если отказъ исполнить это требованіе вызоветъ войну, то Англія не только не окажетъ Турціи матеріальной поддержки, но не допуститъ и Фран-

цію вмѣшаться въ эту войну, и Турція будетъ предоставлена своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ.

Лордъ Редклифъ, при всей своей порядочности, былъ слишкомъ настойчивъ и самонадѣянъ; онъ считалъ себя дипломатомъ непогрѣшимымъ и хотѣлъ прослыть таковымъ въ дипломатическихъ кружкахъ, въ особенности въ Турціи. Онъ себя приписывалъ главнымъ образомъ побѣду въ вопросѣ объ эмигрантахъ, считалъ своимъ дѣломъ тотъ фактъ, что Турція отвергла требованіе Россіи, которую онъ ненавидѣлъ, и что Высочая Порта и султанъ выказали такую твердость. Посланникъ превозносилъ султана за то, что онъ отвѣтилъ отказомъ на предъявленное ему требованіе, а тутъ какъ на зло было получено отъ лорда Пальмерстона приказаніе, повелѣвавшее ему сдѣлать такой шагъ, который уменьшалъ его побѣду и въ особенности значеніе англійскаго вліянія. Чтобы выйти какъ-нибудь изъ этого крайне непріятнаго для него положенія, лордъ Редклифъ началъ поносить поступокъ генерала Бема въ такихъ непристойныхъ выраженіяхъ и такими яркими красками, что я былъ вынужденъ написать ему довольно рѣзкое письмо, прося его перестать злословить челоуѣка, который болѣе всѣхъ прочихъ поляковъ отличился во время войны и которымъ Польша можетъ гордиться.

Послѣ этого письма я былъ приглашенъ на свиданіе въ Терапію, гдѣ было лѣтнее помѣщеніе англійскаго посольства. Я описываю это свиданіе, чтобы дать понятіе о томъ, къ какимъ уловкамъ прибѣгалъ этотъ грозный дипломатъ, передъ которымъ дрожали турки и даже само турецкое правительство и который нагонялъ страхъ даже на своихъ товарищей по дипломатическому корпусу.

Меня ввели въ одну изъ комнатъ нижняго этажа, расположенную подъ библиотекой лорда Редклифа, въ которой онъ обыкновенно работалъ и принималъ тѣхъ лицъ, съ коими хотѣлъ переговорить съ глазу на глазъ; комнату заперли и попросили меня подождать. Вскорѣ я услышалъ, что въ библиотекѣ, надъ моей головою, кто-то расхаживалъ столь быстрыми, тяжелыми шагами, что потолокъ дрожалъ; шаги смѣнились топотомъ, при чемъ было слышно, что на полъ бросали что-то тяжелое, что брэнчало и звенѣло; какъ я потомъ убѣдился, это летѣли на полъ принадлежности камина—лопаточки и щипцы. Надъ моей головою происходилъ такой адскій шумъ, что я начиналъ бояться, не погибну ли я подъ развалинами обрушившагося потолка. Я испытывалъ то же чувство, которое испытываютъ новички при поступленіи въ какое-нибудь тайное общество, какъ это описывается въ романахъ. Эти гимнастическія упражненія продолжались полтора часа, какъ я отмѣтилъ совершенно точно по своимъ часамъ. Наконецъ зазвонилъ звонокъ такъ громко, какъ-будто его сорвали со шнурка, и вошелъ слуга, ко-

торый повелъ меня къ своему барину, предупреждая, что милордъ раздраженъ и страшно не въ духѣ.

Когда дверь отворилась, милордъ, человѣкъ огромнаго роста, стоялъ посреди комнаты, отирая съ лица потъ и дыша всей грудью; видимо онъ былъ весьма утомленъ. Онъ указалъ мнѣ на кресло; мы сѣли. Я смотрѣлъ на него въ упоръ; онъ опустилъ глаза и уставился на полъ; такимъ образомъ мы просидѣли нѣкоторое время молча. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе, начавъ не съ обвиненія генерала Бема, а съ перечисленія услугъ, оказанныхъ имъ полякамъ, Польшѣ и польской справѣ въ Вѣнѣ, Краковѣ, Петербургѣ и наконецъ здѣсь, въ Стамбулѣ; говорилъ о своихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ князю Адаму Чарторыйскому, о томъ, что онъ сразу оцѣнилъ меня и цѣнитъ меня высоко, видя во мнѣ единственнаго человѣка изъ поляковъ, рожденнаго быть министромъ, дипломатомъ; поэтому его огорчаетъ, что я заступаюсь въ столь рѣзкихъ выраженіяхъ за генерала Бема, и онъ увѣренъ, что если бы генералъ не прибѣгнулъ подъ защиту мусульманства, то ему удалось бы защитить его вмѣстѣ со мною отъ когтей князя Радзивилла, который пріѣхалъ съ намѣреніемъ посягнуть на жизнь своихъ соотечественниковъ. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы осуждать генерала Бема, онъ принялся порицать князя Радзивилла, а я сталъ защищать его, говоря, что онъ не совершилъ никакого преступленія, а исполнилъ только приказаніе своего монарха; мнѣ извѣстно, что онъ исполнилъ свою обязанность, а его личныхъ чувствъ я не знаю. Лордъ Редклифъ былъ возмущенъ тѣмъ, что я его защищалъ, и сравнилъ мое поведеніе съ поведеніемъ князя Радзивилла.

Мнѣ было извѣстно, что дня два передъ тѣмъ лордъ Редклифъ давалъ обѣдъ и вечеръ въ честь князя Радзивилла, какъ посланника русскаго царя; я сказалъ съ улыбкою:

— Итакъ, милордъ, вы утверждаете, что князь Радзивиллъ достоинъ величайшаго порицанія, я же заслуживаю величайшихъ похвалъ, и что всякій честный и порядочный человѣкъ сообразно съ этимъ долженъ относиться къ намъ?

— О, разумѣется, иначе быть не можетъ.

— Такъ поэтому-то, ваша свѣтлость, и отворяете настежь двери, принимая князя Радзивилла, а Чайковскаго принимаете тайкомъ въ боковую дверь, и если бы, сію минуту, неожиданно вошелъ сюда кто-либо изъ чиновъ русскаго или австрійскаго посольства, то ваша свѣтлость были бы рады спрятать меня хоть въ каминъ.

Лордъ покраснѣлъ, замолчалъ и немного погодя сказалъ тихо:

— Это печальная обязанность дипломата.

Пододвинувъ ко мнѣ свое кресло и пожимая мнѣ руку, онъ продолжалъ:

— Все это перемѣнится, все будетъ иначе, будемъ надѣяться на справедливость Божью.

Мы начали бесѣдовать какъ самые лучшіе пріятели; послѣ бури наступило вѣдро. Лордъ Редклифъ просилъ меня не подстрекать турецкихъ министровъ отвѣчать отказомъ на предложенную Англійей мѣру, обѣщая, что она будетъ принята только официально, для вида, и что онъ найдетъ средство не допустить ея осуществленія; было бы очень дурно, по его словамъ, если бы турки отказались исполнить предложеніе Англии, ибо это повредило бы болѣе всего польской справѣ, возлагающей всѣ свои надежды на Турцію.

Въ Петербургъ былъ посланъ молодой дипломатъ Фуадъ-эфенди, которому, по настоянію Англии, велѣно было предложить петербургскому кабинету, что эмигранты будутъ поселены внутри страны; этимъ хотѣли смягчить отказъ, посланный съ княземъ Радзивилломъ, и покончить это запутанное дѣло. Турція боялась войны, ибо побѣдоносное русское войско находилось еще въ Венгрии, а въ Румыніи былъ оставленъ оккупационный корпусъ и носился слухъ, что значительныя силы сосредоточены въ Бессарабіи и въ Подольской губерніи. Притомъ славяне, подданные Австріи и Турціи, были убѣждены, что русскія войска пришли на помощь славянамъ, а не швабамъ и австрійскому императору. Надобно сознаться, что при подобныхъ условіяхъ было бы неблагоприятно затѣять войну; надобно было удовлетвориться одержанной, на благо человечеству, дипломатической побѣдой, которая много способствовала славіи султана Абдуль-Меджида и даже могуществу Оттоманской имперіи. Великодушіе султана и мудрое рѣшеніе его совѣтниковъ примирило общественное мнѣніе христіанскихъ и цивилизованныхъ державъ съ мусульманами и съ мусульманской имперіей.

Въ то время, какъ все это происходило въ Стамбулѣ и рѣшеніе Высокой Порты, отказавшейся выдать эмигрантовъ, избавило ихъ отъ страха, въ Виддинѣ происходили прямо-таки позорныя, скандальныя вещи. Саихъ, посланный мною въ эту крѣпость еще до рѣшенія вопроса объ участи эмигрантовъ, прибывъ туда вмѣстѣ съ полковникомъ Этхемъ-беемъ, отдалъ Замоискому мое письмо и показалъ письмо, писанное мною къ генералу Бему, спрашивая, разрѣшаетъ ли онъ передать его генералу? Это было сдѣлано по моему приказанію; я хотѣлъ этимъ исполнить свою обязанность какъ агентъ и почтить власть князя Адама Чарторыйскаго въ лицѣ Замойскаго. Владиславъ Замоискій былъ дипломатъ, знакомый со всѣми бывшими трактатами и договорами; онъ былъ, такъ сказать, строгимъ блюстителемъ закона и формы и не вѣрилъ въ случайную удачу, въ возможность дѣйствовать иначе какъ на законномъ основаніи. Онъ былъ убѣжденъ, что только переходъ генерала Бема и прочихъ поляковъ въ мусульманство можетъ спасти эмигрантовъ отъ

выдачи ихъ Россіи и Австріи. Поэтому онъ тотчасъ велѣлъ Сайху отнести письмо къ генералу Бему, и когда этотъ прекрасный и честный человекъ заявилъ, что онъ приметъ магометанство не только для того, чтобы спасти поляковъ и венгерцевъ, но и для того, чтобы служить впредь польской справѣ въ Турціи, то Замойскій былъ удивленъ его самопожертвованіемъ и хвалилъ его за этотъ поступокъ. Когда же опасность миновала, то въ немъ проснулось усердіе къ религіи, онъ началъ критиковать и осуждать генерала Бема и всѣхъ тѣхъ, кто спасъ эмигрантовъ отъ грозившей имъ опасности; многіе вторили ему, кто изъ зависти къ Бему, кто въ надеждѣ получить разныя блага черезъ Замойскаго, который дѣлалъ видъ, что отъ него все зависитъ, но не исполнялъ ничьихъ просьбъ. Тѣ, которые отделились отъ Бема, потому что не надѣялись уже ничего получить черезъ него, сдѣлались самыми яркими его врагами. Началась кутерьма, недостойная польскаго имени, неприличная для порядочныхъ людей, ее затѣявшихъ, такъ что правительство было вынуждено раздѣлить эмигрантовъ на два отдѣла: на мусульманъ и христіанъ и отправить оба отдѣла въ Шумлу.

Благодаря моимъ стараніямъ, начальство надъ магометанскимъ отдѣломъ осталось за генераломъ Бемомъ, котораго всѣ знали съ тѣхъ поръ подъ именемъ Мурада-паши; начальникомъ христіанскаго отдѣла остался Замойскій.

Чтобы упрочить власть Замойскаго и поднять его значеніе, мнѣ удалось, при помощи Антона Аллеона, обставить дѣло такъ, чтобы деньги, предназначенныя на содержаніе эмигрантовъ, пересылались Аллеономъ къ Стояновичу, зажиточному болгарину, проживавшему въ Шумлѣ, который выдавалъ ихъ подъ квитанцію и росписку Замойскаго. Справедливо говорятъ, что тотъ только и начальникъ, кто чеканитъ монеты и имѣетъ право раздавать ихъ; такъ было и съ Замойскимъ.

Въ Шумлѣ непріятности, враждебныя демонстраціи и скандалы не прекратились. Мурадъ-паша съ мусульманами занялъ такъ называемыя кавалерійскія казармы; Замойскій съ христіанами помѣстился въ казармахъ пѣхоты; слѣдовательно, образовалось два лагеря. Надобно сознаться, что венгерцы вели себя гораздо благопристойнѣе, не ссорились между собою и между ними существовало извѣстное единодушіе и согласіе.

Вначалѣ турецкое правительство хотѣло зачислить всѣхъ поляковъ въ турецкое войско, безъ различія вѣроисповѣданія. Мехметъ-Али поручилъ мнѣ составить списокъ офицеровъ по старшинству чиновъ, воплѣя полагаясь на добросовѣтность Замойскаго. Составленные такимъ образомъ списки доставилъ мнѣ изъ Шумлы Косцельскій; онъ самъ былъ отмѣченъ въ нихъ маіоромъ, а Людовикъ Быстроновскій полковникомъ.

Турки не наводили по этому поводу никаких справокъ, не требовали подтвержденія ни отъ генерала Дембинскаго, ни отъ Высоцкаго, довольствуясь подписью Замойскаго.

Списокъ мусульманъ подалъ генераль Бемъ; они были тотчасъ приняты въ войско и размѣщены по турецкимъ полкамъ. То же самое было бы и съ христіанами и намъ удалось бы тогда же организовать польскій легионъ, который состоялъ бы на службѣ Турціи, но неурядица и своеправіе поляковъ все испортили.

Послѣ своихъ домашнихъ распрей они начали выражать неудовольствие своимъ положеніемъ, властями и высказывали желаніе оставить Турцію. Видя совершенную невозможность устроить что-либо порядочное и прочное изъ этого огромнаго скопища людей, я просилъ Замойскаго переговорить съ ихъ бывшими начальниками и прислать кого-либо изъ эмигрантовъ съ изъясненіемъ ихъ желаній, но прислать какъ можно скорѣе, до возвращенія Фуада-эфенди изъ Петербурга, дабы Высокая Порта могла высказать свое рѣшеніе самостоятельно, а не подъ вліяніемъ отвѣта, полученнаго изъ Петербурга.

Послѣ долгаго ожиданія прибылъ наконецъ какой-то панъ Вѣлинскій; это задержало распредѣленіе христіанъ въ войскѣ. Я едва успѣлъ распредѣлить по полкамъ мусульманъ, какъ прибылъ изъ Петербурга Фуадъ-эфенди съ отвѣтомъ, что императоръ Николай согласенъ на то, чтобы начальствующія лица были поселены внутри страны, но всѣхъ прочихъ эмигрантовъ совѣтуетъ выселить въ Америку. Кромѣ того, онъ привезъ собственноручное письмо императора къ султану, въ которомъ царь требовалъ моего удаленія изъ Турціи. Царь дважды упоминалъ въ разговорѣ съ Фуадомъ обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, коего присутствіе въ Турціи мѣшаетъ хорошимъ отношеніямъ русскаго правительства къ Высокой Портѣ. Султанъ приказалъ немедленно отвѣтить, что мое присутствіе не приноситъ никакого ущерба Оттоманской имперіи.

Ахметъ-Тевфикъ-эфенди былъ посланъ въ качествѣ правительственнаго комисара для ратификаціи договора, утвержденаго султаномъ, за исключеніемъ пункта, касавшагося моего удаленія изъ Турціи, по поводу котораго былъ посланъ собственноручный отвѣтъ султана императору Николаю.

Всѣ бывшіе начальники польскаго легиона мусульмане были высланы въ Алепо; христіане, въ числѣ которыхъ были генералы Дембинскій, Высоцкій, Кошутъ и графъ Батіани, были высланы въ Кутайю.

Замоискій, какъ французскій подданный, родившійся во Франціи и отбывшій воинскую повинность чрезъ подставнаго рекрута, пользовался полной свободой и пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Стамбулъ. Поляки, пожелавшіе выѣхать за границу, были посланы въ Мальту на счетъ

турецкаго правительства, но весьма многіе остались въ Турціи; изъ венгерцевъ большинство вернулось къ себѣ, на родину.

Болѣе ста человекъ поляковъ, принявшихъ магометанство, были зачислены въ первый гвардейскій пѣхотный полкъ, состоявшій подъ командою Саидъ-бея, родомъ поляка изъ Хотина, человека въ высшей степени суроваго, который съумѣлъ строгими наказаніями искоренить въ полякахъ-мусульманахъ не только послушаніе, но и польскій духъ. Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ случилось видѣть отставныхъ поляковъ изъ этого полка; никто не говорилъ уже по-польски, и если который изъ нихъ и признавалъ себя полякомъ, то говорилъ озираясь во всѣ стороны, какъ бы опасаясь, не собирается ли кто-нибудь ударить его за это палкой. Саидъ-бей говаривалъ, что каждаго человека можно гнуть какъ воскъ, во всѣ стороны, но надо гнуть умѣючи; до нѣкоторой степени онъ былъ правъ.

Махмудъ-паша, бригадный генералъ, командовавшій гвардейскимъ полкомъ въ Шумлѣ, по происхожденію русинъ изъ Екатеринославской губерніи, придерживался совершенно иныхъ правилъ, нежели Саидъ-бей; онъ хотѣлъ снискать любовь поляковъ-магометанъ, поступившихъ въ кавалерію, кротостью, обходительностью и поблажками; изъ его полка чуть не всѣ поляки разбѣжались или сдѣлались негодьями.

Къ характеристикѣ этихъ двухъ личностей надобно прибавить, что Мехметъ-паша любилъ вспоминать о своемъ украинскомъ происхожденіи, выражалъ симпатію къ Польшѣ, звалъ всякаго поляка паномъ и не позволялъ произнести оскорбительнаго слова противъ христіанъ и христіанства, тогда какъ Саидъ-бей отказывался отъ своей польской національности, говорилъ, что его родители были буджакскіе татары, превозносили мусульманство и все турецкое, называлъ каждаго поляка гяуромъ, невѣрнымъ и иными бранными словами. Эмигранты-христіане, жившіе въ пѣхотныхъ казармахъ, боялись его и чрезвычайно уважали; стоило ему прикрикнуть, они тотчасъ стихали и въ казармѣ водворялся порядокъ; онъ превратилъ поляковъ, принявшихъ магометанство, въ послушныхъ, толковыхъ солдатъ, въ настоящую военную машину. Это прекрасно характеризуетъ польскій характеръ; нужна строгая власть въ рукахъ иностранца, чтобы обуздать ихъ высокомерный и своенравный нравъ и приучить ихъ къ порядку.

Составъ эмигрантовъ, прибывшихъ въ Стамбулъ, былъ самый разнообразный; тутъ были люди весьма достойные, были и артисты и всевозможные предприниматели, изобрѣтатели, спекулянты. Но справедливость требуетъ сказать, что помимо известной компаніи шулеровъ, состоявшей изъ завязатыхъ мошенниковъ, всѣ прочіе проходимцы изъ эмигрантовъ возбуждали скорѣе смѣхъ, нежели чувство отвращенія.

LII.

Революціонное движеніе въ Европѣ затихаетъ.—Поступокъ Австріи съ венгерскими генералами.—Выступленіе турецкихъ войскъ изъ Румыніи на усмиреніе бунта въ Босніи.—Французское правительство отказывается мнѣ въ дальнѣйшемъ покровительствѣ и паспортѣ; равнодушіе, съ коимъ отнеслись къ этому польскія власти въ Парижѣ.—Мое намѣреніе перейти въ магометанство.—Подарки и безграничная доброта султана Абдуль-Меджида.

Мятежи и народныя волненія, тревожившія Европу, прекратились; политическій міръ возвращался къ спокойствію, къ нормальному порядку вещей. Несмотря на капитуляцію въ Вилагошѣ и на представленіе Россіи, которой Габсбурги были обязаны сохраненіемъ своей власти надъ венгерцами и даже надъ прочими славянами, нѣсколько венгерскихъ генераловъ были повѣшены, какъ самыя отъявленные, опаснѣйшіе злодѣи. Вѣроятно, это было необходимо для упроченія власти молодого монарха, для вящей его популярности между мадьярами, славянами и румынами; послѣдствія показали, что онъ былъ правъ.

Хитеръ и коваренъ былъ старикъ Меттернихъ; никогда еще Россія въ моментъ величайшаго раздраженія не прибѣгала къ подобнымъ мѣрамъ; ни одинъ польскій генералъ не былъ повѣшенъ послѣ 1831 г., хотя многіе изъ нихъ были въ рукахъ русскихъ властей. Однако, Англія и вслѣдъ за нею вся цивилизованная Европа окрестили Россію страной азіатской, варварской, тогда какъ Австрія, за ея поступокъ съ венгерцами, была сопричислена къ самымъ цивилизованнымъ, гуманнымъ націямъ, и вмѣстѣ съ Англіей, кичившейся своимъ управленіемъ въ Индіи, стала во главѣ защитниковъ права и человѣколюбія.

Карль-Альбертъ, отрехшись отъ престола, удалился въ Испанію, а Викторъ-Эмануилъ вступилъ на отцовскій престолъ скорѣе по милости Габсбурговъ, нежели старика Радецкого. Въ Италіи и Германіи водворилось спокойствіе, а Франція, позабавившись республикой, стремилась къ монархіи.

Турецкое войско выступило изъ Румыніи и было двинуто въ Боснію, гдѣ начались волненія среди мусульманъ, которые хотѣли сохранить свои старинныя привилегіи и не допустить введенія тенджимата: это волненіе не имѣло, собственно говоря, революціоннаго характера, ибо лица, имъ руководившія, были согласны въ большинствѣ случаевъ призывать верховную власть Порты, но не хотѣли только допустить реформъ. Командующимъ войскомъ, посланнымъ для усмиренія бунта и для введенія тенджимата, былъ назначенъ Омеръ-паша, съ коимъ я познакомился по этому случаю. Онъ былъ доволенъ успѣхомъ, одержаннымъ имъ въ Бухарестѣ, который смѣло можно было назвать его политиче-

скими лаврами. Благодаря умѣнью и ловкости Фуада-эфенди, который во время венгерскаго возстанія исполнялъ должность политическаго комисара въ Болгаріи, Турція вышла побѣдительницей изъ затруднительнаго положенія, не возстановивъ противъ себя своихъ союзницъ, Австрію и Россію, и снискала вмѣстѣ съ тѣмъ расположеніе злополучныхъ венгерцевъ; турки несомнѣнно были обязаны этимъ дарованіямъ и неутомимой дѣятельности Фуада-эфенди, но честь этой заслуги падала до нѣкоторой степени и на Омера-пашу, что открыло ему дорогу къ новымъ почестямъ и назначеніямъ. Турецкое правительство возлагало на него большія надежды, и Решидъ-паша старался повліять на него чрезъ Фети-Ахмета-пашу; одинъ только Риза-паша относился къ нему нечувствительно, говоря, что онъ далеко не такой человѣкъ, каковы были боснійскіе визири—славяне, и что не таковымъ хотѣлось бы ему видѣть славянина на службѣ султана и турецкаго правительства.

Омеръ-паша произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе; онъ принялъ меня крайне любезно, и я, въ первое же свое посѣщеніе, просилъ его причислить къ штабу войска, отправляемаго въ Боснію, Мехметъ-бея (Ласскаго), Искиндеръ-бея (Илинскаго), Якуба-агу (Якубовскаго) и Махмуда-агу (Фрейнда); кромѣ того я представилъ ему ксендза Филиппа Пашалича, который могъ быть ему весьма полезенъ своимъ знаніемъ мѣстности и мѣстныхъ обычаевъ. Эти четверо поляковъ оказали видныя услуги Турціи и прославили польское имя на военномъ поприщѣ.

Людвигъ Звѣрковскій, коего здоровье сильно пошатнулось, долженъ былъ уѣхать изъ Бѣлграда, гдѣ онъ оставилъ несчастнаго Душинскаго; Захъ, поступившій на сербскую службу послѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ агентствѣ, не могъ вернуться на занимаемое имъ мѣсто несмотря на то, что агенты князя Адама, потерпѣвъ неудачу въ Венгріи, снова обратили свое вниманіе на славянъ.

Между Сербіей и Турціей возникли, при посредствѣ Людвика Звѣрковскаго, столь дружественныя отношенія, что сербское правительство предложило ссудить Турціи нѣсколько милліоновъ франковъ, находившихся въ сербской сберегательной кассѣ, для пріобрѣтенія пароходовъ, которые, плавая подъ турецкимъ флагомъ и подъ надзоромъ турецкаго правительства, могли бы замѣнить австрійскіе пароходы на водахъ Дуная въ той части его, которая принадлежала Турціи и на Савѣ. Это предложеніе сулило выгоды обѣимъ сторонамъ и могло создать между ними болѣе прочную связь, основанную на денежномъ расчетѣ. Решидъ-паша отлично это понималъ и поспѣшилъ принять предложеніе сербскаго правительства, но Австрія, узнавъ о томъ, помѣшала выполненію этого плана чрезъ своего консула въ Бѣлградѣ, встрѣтивъ въ этомъ поддержку со стороны Англіи. Дабы не возбудить гнѣва лорда Редклифа,

пришлось отказаться отъ этого предложенія, которое отдало бы въ распоряженіе Высокой Порты сербскія деньги въ самый разгаръ славянскихъ волненій противъ Турціи и вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы сербамъ возможность отдѣлаться въ торговомъ отношеніи отъ вліянія Австріи. Дунай сдѣлался бы тогда не только по названію, но на самомъ дѣлѣ турецкою рѣкою.

Короткое время спустя генераль Опикъ сообщилъ мнѣ съ большимъ волненіемъ и негодованіемъ, что президентъ французской республики Людовикъ-Наполеонъ-Бонапартъ, исполняя желаніе русскаго императора, выраженное въ собственноручномъ письмѣ его къ Наполеону, приказалъ не оказывать мнѣ далѣе покровительства и не выдавать мнѣ французскаго паспорта и что вслѣдъ за этимъ приказаніемъ было получено письмо отъ императора Николая къ султану, съ требованіемъ немедленной высылки меня изъ Турціи.

Многіе изъ моихъ парижскихъ друзей, а также многіе изъ членовъ французскаго посольства, относившіеся ко мнѣ съ любовью и уваженіемъ, торжественно увѣряли меня, что, князь Адамъ не сдѣлалъ со своей стороны ни малѣйшей попытки уладить это дѣло, хотя имѣлъ полную къ тому возможность. Пани Бѣлопѣтровичъ, рожденная княжна Кунингунда Гедройцъ, всегда относившаяся чрезвычайно доброжелательно ко мнѣ и ко всей моей семьѣ, писала, что успѣхъ, съ каимъ я велъ возложенное на меня дѣло, и уваженіе, коимъ я пользовался у султана и у сановниковъ Высокой Порты, а также вліяніе, которое я имѣлъ на славянъ, возбудили въ Владиславѣ Замойскомъ опасеніе, какъ бы я, ослѣпленный своимъ успѣхомъ и вліяніемъ, не вздумалъ дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію и не поколебалъ бы его значеніе въ глазахъ князя Адама; поэтому онъ не сдѣлалъ ни шага къ тому, чтобы побудить президента французской республики отвѣчать на требованіе Россіи отказомъ; ее же, пани Бѣлопѣтровичъ, онъ просилъ не вмѣшиваться въ это дѣло, говоря: пусть пріѣдетъ сюда, онъ и тутъ можетъ заявить себя, мы о немъ не забудемъ.

Одновременно я получилъ письмо отъ князя Адама, написанное въ самыхъ дружескихъ, даже соболѣзнуюющихъ выраженіяхъ, въ которомъ онъ говорилъ, что не забудетъ меня, прибавляя, что Владиславъ Замойскій посылаетъ мнѣ инструкціи съ указаніемъ, какъ я долженъ поступить передъ отъѣздомъ изъ агентства.

Въ этой инструкціи мнѣ повелѣвалось сдать агентство со всѣми бумагами Владиславу Косцельскому и выхлопотать, чтобы Высокая Порта выдавала агентству во время управленія имъ, Косцельскимъ, ту же субсидію, которая выдавалась при мнѣ.

Я тотчасъ сдать агентство, но мнѣ не удалось добиться того, чтобы субсидія выдавалась въ распоряженіе Косцельскаго; ее стали выдавать на руки

Антону Аллеону и въ его полное распоряженіе; впрочемъ, размѣръ субсидіи остался тотъ же, даже жалованье Косцельскому не было уменьшено. Я исполнилъ все добросовѣстно, какъ слѣдовало, но не могъ при этомъ отдѣлаться отъ гнетущаго чувства скорби и печали.

Я не зналъ, что мнѣ предпринять, куда ѣхать и откуда взять паспортъ. Въ первый моментъ я думалъ ѣхать въ Одессу, полагаясь единственно на милосердіе русскаго императора, ибо въ то время я уже былъ крайне возмущенъ отношеніемъ ко мнѣ поляковъ. Между тѣмъ, я получилъ приглашеніе явиться къ Решидъ-пашѣ.

Этотъ сановникъ передалъ мнѣ желаніе его монарха, чтобы я не уѣзжалъ изъ Турціи и не бросалъ службы. Султанъ отозвался обо мнѣ такъ: я нашелъ въ Чайкѣ истиннаго друга для себя лично и для моего государства и его хотять отнять у меня.

Решидъ-паша предложилъ мнѣ принять магометанство, заявивъ Высокой Портѣ о своемъ желаніи официально, и принять мусульманское имя, обѣщая, что я буду освобожденъ отъ излишнихъ обрядовъ; по его мнѣнію, это было единственное средство исполнить желаніе султана и попрежнему служить Турціи и польской справѣ, которой, по его словамъ, я могъ бы даже служить дѣятельнѣе, чѣмъ прежде, ибо никто не заставитъ меня отказаться отъ служенія.

Я согласился на это предложеніе, ибо всѣмъ сердцемъ любилъ султана Абдуль-Меджида и Решида-пашу, что вполне оправдывалось ихъ отношеніемъ ко мнѣ. Какъ много я сдѣлалъ для польской sprawy и какъ мало для Оттоманской имперіи и какъ велика была разница въ оцѣнкѣ моихъ заслугъ со стороны оттоманскихъ и польскихъ властей! Я почти не винилъ въ этомъ князя Адама, зная, что онъ подчинился въ этомъ случаѣ вліянію Владислава Замойскаго и прочихъ поляковъ, которые завидовали мнѣ вслѣдствіе своей бездарности и боялись меня, создавая себѣ призрачные страхи.

Я подалъ Высокой Портѣ письменное заявленіе о своемъ желаніи принять магометанство; мнѣ дано было имя Мехмедъ-Садыкъ: послѣднее слово означаетъ «вѣрный» и было дано мнѣ по предложенію Фуада-эфенди въ знакъ моей вѣрности и преданности Турціи. Шейхъ-исламъ подарилъ мнѣ золотые часы, сказавъ, что одинъ изъ его предшественниковъ подарилъ такіе же часы Скиндеръ-бею, когда тотъ принялъ магометанство. Султанъ приказалъ выдать мнѣ на обзаведеніе сто тысячъ піастровъ, всѣ знакомые наши прислали мнѣ болѣе или менѣе цѣнные подарки.

Я просилъ Решида-пашу не давать мнѣ никакихъ чиновъ, чтобы никто не могъ сказать, что я принялъ магометанство для того, чтобы получить эти чины, такъ какъ это могло поколебать мое вліяніе на славянъ и слѣдовательно повредить моей службѣ турецкому правительству.

Я получилъ письмо отъ Замойскаго, который чрезвычайно сожалѣлъ о моемъ переходѣ въ магометанство не потому, что это было пагубно для моей души, но потому, что это могло причинить матеріальный ущербъ агентству и колоніи; турки могли, по его словамъ, сократить или совершенно отбѣнить субсидію, и тогда все погибло бы, такъ какъ князь Адамъ былъ не въ состояніи покрыть всѣ необходимые расходы. Глубоко возмущенный этимъ письмомъ, я сгоряча пожертвовалъ на агентство тѣ сто тысячъ піастровъ, которые были мнѣ подарены султаномъ, чтобы этимъ возмѣстить причиненный мною убытокъ. Султанъ, узнавъ объ этомъ пожертвованіи, сказалъ, что я имѣлъ полное право распорядиться деньгами, которыя были моей собственностью, и что онъ не осуждаетъ этого благороднаго поступка; онъ повелѣлъ выдавать мнѣ пожизненную пенсію по пяти тысячъ піастровъ ежемѣсячно, выразивъ желаніе, чтобы я употреблялъ ихъ на свое собственное содержаніе. Кромѣ того онъ приказалъ купить для меня въ окрестностяхъ Стамбула фольварокъ, который былъ данъ мнѣ въ пожизненное владѣніе.

Пожертвованіе мое было принято и сто тысячъ переданы агентству.

Решидъ-паша изъявилъ, наконецъ, свое согласіе по моей просьбѣ на то, чтобы часть субсидіи, ассигнованной на агентство, выдавалась въ распоряженіе Косцельскаго, но требовалъ, чтобы въ политическомъ и административномъ отношеніи имъ управлялъ попрежнему Антонъ Аллеонъ. Если бы недоувѣрчивость и непрактичность не были отличительною чертою Замойскаго, то дѣло агентства могло бы идти своимъ порядкомъ, такъ какъ я могъ отлично столкнуться съ Косцельскимъ, который былъ человѣкъ практичный и способный. Замойскій, завзятый католикъ, принялъ съ распростертыми объятіями мусульманскія деньги, но не хотѣлъ допустить участія мусульманина въ дѣлахъ польскаго агентства. Вскорѣ агенты начали получать самыя противорѣчивыя инструкціи, приказанія и распоряженія. Послѣдствія этого сказались прежде всего въ Бѣлградѣ. Душинскій, не имѣвшій никакихъ дипломатическихъ способностей, не знавшій людей и самаго дѣла, получая одновременно приказанія изъ Стамбула и Парижа, которыя онъ не подвергалъ на малѣйшей критикѣ, натворилъ такую галиматью, что мнѣ пришлось отправиться въ Бѣлградъ.

Такимъ образомъ агентство князя Адама пришло въ упадокъ въ Бѣлградѣ, въ пунктѣ самомъ важномъ для польской sprawy, если поляки хотѣли имѣть что-либо общее со славянскимъ міромъ. Несмотря на всѣ настоянія Людовика Звѣрковскаго и на собственное мнѣніе князя Адама, находившаго, что не слѣдуетъ терять этого пункта, Замойскій умѣлъ повести дѣло такъ, что въ Бѣлградъ никто не былъ посланъ; деньги же, предназначенныя на это агентство, онъ требовалъ выслать

въ Парижъ на изданіе сочиненія Душинскаго, въ которомъ тотъ отрицалъ славянское происхожденіе руссінъ.

Однако Решидъ-паша не дозволилъ уничтожить это агентство. По совѣту Антона Аллеона было рѣшено отдать часть субсидіи Косцельскому, а остальные деньги ассигновать на содержаніе агентства въ Бухарестъ и Бѣлградъ. Такимъ образомъ начался между нами настоящій разладъ, но отъ этого нисколько не пострадала репутація и имя князя Адама, ибо, радѣя о польской справѣ, первую моею заботою было всегда не только поддерживать съ нимъ сношеніе, но держать высоко его политическое знамя. Такъ какъ не нашлось поляка, котораго можно было бы послать въ Бѣлградъ, то намъ пришлось назначить туда далматинца, Бана, человѣка весьма толковаго, но наши сношенія съ сербами упрочились только благодаря тому, что сербскій уполномоченный при Высокой Портѣ Константинъ Николаевичъ, зять князя Александра, во всемъ сносился со мною и что и сносился письменно непосредственно съ Авраамомъ Петровичемъ и съ Ильею Горашаниномъ.

Заведенная такимъ образомъ машина могла сослужить хорошую службу польской справѣ, но Владиславъ Замойскій и тутъ все испортилъ. Вѣчно недобѣрчивый, скрытный, постоянно желая во все вмѣшиваться и всѣмъ руководить и не умѣя ничего сдѣлать не повредивъ самому дѣлу, онъ завелъ переписку съ Саихомъ, съ братьями Иорданъ и со многими другими личностями въ Стамбулѣ. Это было съ его стороны нѣкотораго рода контролемъ надъ Косцельскимъ и надо мною, что само собою разумѣется вносило разладъ между людьми, служившими общему дѣлу, и вредило ему.

Подкапываясь подъ Косцельскаго, хотѣли отдѣлаться и отъ меня, чтобы взять въ свои руки, въ свое собственное распоряженіе все агентство, или скорѣе ассигнованныя на него средства.

Косцельскаго удалось, наконецъ, поссорить съ Аллеономъ, такъ что онъ не могъ далѣе оставаться на своемъ мѣстѣ. Поэтому онъ уѣхалъ изъ Стамбула и отправился въ Парижъ; Саихъ поступилъ на турецкую службу. Такимъ образомъ распалось агентство, по справедливости называвшееся агентствомъ князя Адама; но собственно агентство польской sprawy, связанное нравственно общностью интересовъ съ Оттоманскимъ правительствомъ, продолжало свое существованіе. Управлявшій колоніей Юл. Михаловскій уѣхалъ изъ Адамполя; тогда я, хотя и былъ магометанинъ, вошелъ по собственной своей инициативѣ, въ переговоры съ уполномоченнымъ лазаристовъ, ксендзомъ Думергою, пріѣхавшимъ на короткое время въ Стамбулъ, съ коимъ я былъ давно знакомъ, и упротсилъ Станислава Дроздовскаго принять на себя обязанность директора колоніи, а майора Вѣрусскаго управлять ею. Такимъ образомъ была спасена колонія и самое агентство, которое могло продолжать свою дѣя-

*

тельность въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній отъ князя Адама, когда Владиславъ Замойскій, наконецъ, опомнился бы.

Съ княземъ Адамомъ и со всѣми его родными я оставался попрежнему въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, равно и съ княгиней Анной Салѣга, которая, будучи горячей патріоткой, покровительствовала дѣтямъ поляка, всею душою служившаго польской справѣ.

Желая отдохнуть отъ всѣхъ этихъ передрагъ и даже нѣсколько устранившись отъ нихъ, я уѣхалъ въ подаренный мнѣ фольварокъ Зашлы-Босна (Sazly-Bosna).

По количеству земли это было прекрасное имѣніе; въ немъ было до трехъ тысячъ морговъ пахатной земли и до тысячи морговъ сѣнокоса. Когда я собрался въ Зашлы-Боснію, Решидъ-паша увѣрялъ меня, что мнѣ не высидѣтъ въ деревнѣ и двухъ недѣль, однако я прожилъ тамъ шесть мѣсяцевъ; было бы хорошо, если бы я прожилъ тамъ и всю жизнь. Я пріѣзжалъ въ Стамбулъ только по требованію Решиды-паши и моего пріятеля и сотоварища по политической дѣятельности, Антона Аллеона, и то не засиживался тамъ долго.

Мои сосѣди, турки, были по большей части изъ янычаръ и сипаевъ деребеевъ; они не сѣяли, не орали, но собирали жатву, ничего не покупали, а имѣли все необходимое, даже въ изобиліи и были весьма гостепріимны. Каждый изъ нихъ имѣлъ прекраснаго коня и былъ вооруженъ съ головы до ногъ, такъ что онъ самъ и его конь представляли собою настоящій арсеналь; у каждаго янычара была борзая собака, но такая, которая не догнала бы и хромого зайца, и такой соколъ, который не настигъ бы и хромую курицу. Когда наставало время посѣва, сѣнокоса, жатвы и уборки овощей въ огородѣ, янычаръ выѣзжалъ ежедневно на охоту, на поиски за звѣремъ на большую дорогу. Встрѣтивъ проѣзжихъ гяуровъ, онъ приглашалъ ихъ къ себѣ погостить, причемъ въ случаѣ отказа угрожалъ имъ заряженнымъ пистолетомъ или отточеннымъ ятаганомъ. Трудно было отвѣчать отказомъ на такую просьбу; набравъ нужное число работниковъ, онъ просилъ ихъ помочь ему въ работѣ за его хлѣбъ-соль; самъ становился возлѣ нихъ за компанію съ нагайкой въ рукѣ, какъ какой-нибудь украинскій эконокъ добраго стараго времени, и поощрялъ ихъ къ работѣ также по-старинному обычаю, а когда работа была окончена, отпускалъ ихъ на волю, пожелавъ счастливаго пути. Иной разъ, въ сердцахъ, случалось выпустить ятаганомъ гяурскую душу изъ гяурскаго тѣла; хотя бы гяуры объ этомъ узнали, янычаръ не подлежалъ отвѣту, такъ какъ этому проступку не было свидѣтелей изъ мусульманъ. При такомъ способѣ хозяйничанья хлѣбопашество и сельское хозяйство ихъ процвѣтало. Мусульмане по цѣлымъ днямъ распивали кофе и покуривали трубки, по вечерамъ угощались водкой, а христіане, гяуры, работали, какъ волы, не получая никакой платы. При

саксонцахъ не лучше было и въ Польшѣ. Такъ какъ въ домѣ всегда нужно имѣть на всякій случай наличныя деньги, то по ночамъ янычары охотились на купцовъ, на евреевъ, армянъ; кто попадался на дорогѣ, у того отбирали деньги, а если купецъ защищался, то его убивали, такимъ образомъ у янычаръ всегда были деньги на уплату податей, на одежду, табакъ и кофе.

Впрочемъ, янычары были весьма порядочные люди, услужливые и вдобавокъ интересные собесѣдники. Между ними были особенно извѣстны: Ахметъ-ага, который объѣздилъ владѣнія султана отъ Бѣлграда до Багдада, проѣздомъ былъ даже въ Алжиръ и провелъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну у русскихъ въ Саратовѣ. Въ то время онъ имѣлъ фольварокъ въ Туссунъ-кюйѣ, четырехъ сыновей, нѣсколькихъ внуковъ, множество женщинъ въ гаремѣ, и всѣ они ничего не дѣлали, только приказывали и распоряжались. Гяуры, райя исполняли за нихъ всю работу.

У другого янычара—Реджебъ-аги я самъ видѣлъ болѣе шестидесяти часовъ, хотя онъ не былъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ; онъ посылалъ эти часы для продажи въ Салоники, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы тутъ, въ Стамбулѣ, ихъ не признали, какъ вещи украденныя.

Для безопасности моего имѣнія, со всѣми этими сосѣдями необходимо было поддерживать добрыя отношенія. Управляющимъ моего фольварка былъ Махмудъ-ага (Муха), кавалерійскій поручикъ, татаринъ изъ августовскаго отряда повстанцевъ, откомандированный въ мое распоряженіе; помощникомъ его былъ Мурадъ-ага (Трескинъ), присланный мнѣ генераломъ Бемомъ, украинецъ, служившій прежде въ русскомъ уланскомъ полку. На ихъ обязанности лежало поддерживать съ янычарами добрыя сосѣдскія отношенія и они справлялись съ нею какъ нельзя лучше.

Какъ къ новому мусульманину, ко мнѣ съѣзжались изъ окрестностей всѣ турки, въ особенности во время Рамазана. Я отлично зналъ, что между ними не было особенныхъ охотниковъ до поста и молитвы; около фольварка было нѣсколько избъ, населенныхъ христіанами, а мусульманскія селенія, въ которыхъ были мечети, находились въ разстояніи полмили; ходить туда было далеко, а приглашать къ себѣ имама значило бы лишать правовѣрныхъ жителей села священника, поэтому надобно было довольствоваться тѣмъ, что за нихъ возносилъ бы молитвы и совершалъ бы обряды по ихъ порученію кто-либо другой; моимъ сосѣдямъ это нравилось, такъ какъ сами они въ это время потихоньку ѣли и пили, а другіе за нихъ постились и молились; поэтому они охотно посѣщали меня. Желая подать имъ хорошій примѣръ и не вводить ихъ во искушеніе, я построилъ въ саду весьма изящную и удобную мечеть, а такъ какъ Махмедъ-ага оказался прекраснымъ имамомъ и также хорошо умѣлъ пѣть Аллахъ акберъ, какъ *Veni Creator*, то я назначилъ его

имамомъ и началъ принимать гостей съ молитвою; въ особенности приглашалъ ихъ на вечернюю молитву, во время которой приходится до семидесяти разъ дѣлать колѣнопреклоненіе. Мои гости стали понемногу раздѣжаться одинъ за другимъ, говоря всѣмъ и каждому, что теперь время тенджимата, а я фанатикъ, настоящій дервишъ и они боятся навлечь на себя подозрѣніе тѣхъ правительственныхъ властей, которыя стоятъ во главѣ реформъ, ибо, попавъ въ подозрѣніе, дѣло могло дойти и до обнаруженія ихъ настоящихъ грѣховъ. Число гостей въ моемъ домѣ уменьшилось, но добрыя сосѣдскія отношенія между нами не прекращались и время проходило такимъ образомъ весьма пріятно.

ЛІІІ.

Счастливые дни, проведенные мною въ Зашлы-Босна. — Иерусалимскій вопросъ. — Ключи отъ гроба Господня. — Мои переговоры съ Лавалетомъ касательно посланки оттоманскаго флота въ Тунисъ. — Отношенія между Высокой Портой и Россіей ухудшаются. — Приѣздъ князя Меншикова. — Окончаніе злополучныхъ волненій въ Босніи; ошибка Омера-паши. — Лордъ Редклифъ противится назначенію генерала Бема. — Переговоры съ княземъ Меншиковымъ. — Пожаръ въ моемъ конакѣ и гибель всего моего имущества. — Щедрая и дружеская помощь, оказанная мнѣ турками. — Разрывъ Высокой Порты съ Россіей. — Отъѣздъ князя Меншикова и русскаго посольства въ Одессу.

Никогда еще, со времени моего отъѣзда изъ Ходни, изъ Украйны, мнѣ не жилось такъ хорошо и привольно какъ въ Зашлы-Босна. Я пользовался благоволеніемъ столь умнаго и великодушнаго монарха, каковъ былъ султанъ Абдуль-Меджидъ, имѣлъ такихъ покровителей какъ Репидъ и Риза-паши и два зятя султана Мехметъ-Али и Фети-Ахметъ, такихъ друзей какъ Антонъ Аллеонъ, Матюринъ Цоръ, Іоаннъ Гика и др. — чего же еще недоставало для моего счастья? День проходилъ за днемъ одинъ счастливѣе другого; мнѣ жилось такъ хорошо, такъ пріятно, что, привыкнувъ къ постояннымъ тревоженіямъ и заботамъ, я невольно задавалъ себѣ вопросъ: не сонъ ли все это? и боялся пробужденія.

Мое хозяйство процвѣтало. Я посадилъ въ своемъ фольваркѣ виноградъ, малину, крыжовникъ, картофель, — хотя это была овощъ не казацкая, а нѣмецкая, — занялся огородничествомъ и отдѣлалъ свой домъ такъ, что онъ былъ вполне приспособленъ, какъ для лѣтняго, такъ и для зимняго помѣщенія. У меня было сто лошадей арабской, курди-станской и болгарской породы, которыя паслись въ степи; болгары какъ центавры стерегли мой табунъ; на горахъ паслись прекрасныя овцы съ ягнятами и баранами. — Сердце радовалось, видя, что мое благосостояніе растетъ съ каждымъ днемъ; я думалъ: «откуда я ужъ

не уйду, буду сидѣть тутъ, какъ сидѣлъ бы спокойно въ Галчинѣ, если бы, подобно неразумному теленку не побѣжалъ, задравши хвостъ, туда, куда бѣжали другіе. Я мечталъ покончить тутъ жизнь и даже выбралъ себѣ мѣсто для могилы, а имущество свое раздѣлилъ на четыре части, чтобы каждому изъ моихъ дѣтей досталась по равной части. Я былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ собою и всѣмъ міромъ, что мнѣ ни разу ни приходило желаніе взяться за перо и заняться бумагомараньемъ. Я не старался убить время, чтобы прогнать тоску, такъ какъ время летѣло незамѣтно. Но всему бываетъ конецъ.—Насталъ конецъ и моему счастью; меня вызвали въ Стамбуль.

Отношенія между Высокой Портой и Россіей ухудшились. Отказъ Порты относительно выдачи польскихъ и венгерскихъ эмигрантовъ долженъ былъ вызвать ея неудовольствіе; раздраженіе русскаго монарха увеличивалось тѣмъ, что Порта отрицала право Россіи покровительствовать православнымъ подданнымъ Турціи. Въ это же время возникъ, по почину Франціи, такъ называемый Іерусалимскій вопросъ; Франція, во имя католицизма, коего она считала себя покровительницей, выразила желаніе получить ключи отъ гроба Господня; Высокая Порта снизошла на ея требованіе. Тогда Россія, во имя православія, потребовала, чтобы ей была оказана подобная же привилегія; она настаивала, чтобы ключъ этотъ находился въ ея рукахъ на томъ основаніи, что въ Оттоманской имперіи было несравненно болѣе православныхъ, нежели католиковъ, и что въ Іерусалимѣ сѣзжается гораздо болѣе православныхъ богомольцевъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Турціи былъ въ то время Фуадъ-паша, предсѣдателемъ совѣта—Решидъ-паша, а Мехметъ-Али—былъ великимъ визиремъ. Фуадъ-паша, не придавая этому вопросу особеннаго значенія, какъ онъ того и заслуживалъ, велѣлъ сдѣлать второй ключъ, точь-въ-точь подобный первому, вручилъ одинъ изъ нихъ французскому посольству, а другой русскому послу, и говорилъ шутя своимъ приближеннымъ: «пустъ узнаютъ, который ключъ настоящій и который поддѣльный». Болтливые пріатели Фуада-эфенди разболтали во всѣхъ посольствахъ объ этой остроумной и дипломатичной его выдумкѣ; въ Стамбулѣ по этому поводу много смѣялись, но въ Петербургѣ взглянули на дѣло иначе, и адмиралъ князь Меншиковъ былъ посланъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, съ повелѣніемъ объявить Турціи войну, которой русскій императоръ желалъ не ради завоеванія Турціи, но для того, чтобы вернуть утраченное на Турцію вліяніе Россіи и уменьшить вліяніе западныхъ державъ. Можетъ быть эта война была необходима Россіи еще потому, что христіанскіе и славянскіе подданные Турціи начали забывать понемногу о томъ, чѣмъ была для нихъ вѣками Россія, и льнули къ Западу.

Я пріѣхалъ въ Стамбуль до прибытія князя Меншикова и тотчасъ

отправился къ Мехмету-Али-пашѣ, у котораго я засталъ Решида-пашу и Фуада-эфенди; они возложили на меня дипломатическое порученіе къ французскому посланнику Лавалету. Султанъ рѣшилъ послать флотъ въ Тунисъ, чтобы этимъ подтвердить свои верховныя права надъ этой областью, удостовѣриться въ преданности тунисскаго бея и обезпечить себѣ отъ него помощь людьми и деньгами на случай войны, объявленія которой всѣ ожидали съ часа на часъ. Это распоряженіе показалось французскому посланнику нарушеніемъ правъ его правительства, покровительствовавшаго тунисскому бею, поэтому онъ протестовалъ противъ посылки флота. Отмѣнить данное приказаніе въ то время, когда флотъ уже вышелъ изъ гавани и стоялъ, готовый къ отплытію, въ Мраморномъ морѣ, было бы признакомъ большой слабости и могло подать другимъ посольствамъ примѣръ дѣйствовать подобнымъ же образомъ.

Я отправился къ Лавалету, старался убѣдить его всевозможными аргументами; и настолько успѣлъ въ этомъ, что онъ согласился принять объясненіе, что посылка флота въ Тунисъ не имѣетъ цѣлью уменьшить привилегіи и власть тунисскаго бея. Удостовереніе въ этомъ было выдано Лавалету, который самъ редактировалъ его, и флотъ вышелъ въ море; за это я получилъ благодарность отъ министерства.

Хотя я не несъ официально никакихъ служебныхъ обязанностей, но турецкое правительство возлагало на меня съ тѣхъ поръ неоднократно различныя порученія при переговорахъ съ французскимъ, италянскимъ и даже съ англійскимъ посольствами.

Еще до пріѣзда князя Меншикова случились два событія весьма неприятыя для моей славяно-турецкой политики, которую я строго преслѣдовалъ во все время моей политической дѣятельности. Федерация южныхъ славянъ подъ верховной властью султана, потомка сербскихъ королей по женской линіи—такова была цѣль къ которой я стремился. Поэтому я не могъ безъ грусти смотрѣть на то, что дѣлалось въ Босніи. Омеръ-паша одержалъ побѣду, такъ оно и должно было быть, но онъ не долженъ былъ преслѣдовать и угнетать боснійскую шляхту, состоявшую изъ мусульманъ, ибо черезъ нее халифъ ислама вѣрнѣе всего могъ дѣйствовать на славянъ и подчинить ихъ своей власти. Безъ мусульманской боснійской шляхты между султаномъ-мусульманиномъ и славянами-христіанами не существовало бы никакой связи. Омеръ-паша сдѣлалъ крупную политическую ошибку, поляки же, знавшіе его намѣренія не постарались разъяснить ему требованій здоровой политики и до того закоснѣли въ бояхъ и побѣдахъ, что сами болѣе всего помогли ему въ дѣлѣ угнетенія боснійской шляхты.

Боснія сдѣлалась страной демократическою и готова была подчиниться венгерцамъ, швабамъ или панславиму, но замкнулась отъ по-

томковъ сербскихъ королей. Всему этому былъ виною Омеръ-паша и, по моему убѣжденію, также поляки.

Въ Вѣнѣ и въ Бѣлградѣ этому радовались, но въ Стамбулѣ это произвело самое непріятное впечатлѣніе; приходилось мириться съ совершившимся фактомъ, но если бы не война съ Россіей, то побѣдитель боснійской шляхты, побѣдитель ислама, навѣрно не былъ бы осыпанъ милостями и наградами, какія выпали на его долю вполнѣдствіи. Англія и Австрія были довольны тѣмъ положеніемъ, въ какое Омеръ-паша поставилъ Боснію и въ особенности боснійскую шляхту; и то, чего Австрія не могла сдѣлать для человѣка, дезертировавшаго изъ ея арміи, то сдѣлала для него Англія, раздувъ славу Омера-паши и взявъ его подъ свое особое покровительство. Омеръ-паша сдѣлался любимцемъ лорда Редклифа, англійскаго министерства и парламента. По отъѣздѣ изъ Стамбула де-Буркенея и Матюрина Цора, французское правительство такъ-же мало интересовалось славянами, какъ и прежде: оно было въ совершенномъ невѣдѣніи относительно всего случившагося и, не понимая послѣдствій этого событія, относилось одинаково равнодушно къ побѣдителю и къ побѣжденнымъ.

Это равнодушіе Франціи и заискиваніе Англии, доходившее до смѣшного, до такой степени поразило кроаты, что они стали относиться непріязненно и даже враждебно къ французамъ и ко всему французскому, что имѣло самыя печальныя послѣдствія для Турціи и для всего хода дѣлъ.

Решидъ-паша, изъ уваженія къ англійскому посланнику, а быть можетъ и къ Австріи, которую онъ не хотѣлъ возстановить противъ себя, не выразилъ своего порицанія дѣйствіямъ Омера-паши, но впрочемъ и не одобрялъ его. Зато Риза-паша громко осуждалъ Омера-пашу, называлъ его поступокъ не только политической ошибкой, но преступленіемъ противъ Ислама, такъ какъ это лишало его поддержки народа, который болѣе всего содѣйствовалъ упроченію власти Оттоманской Имперіи. Его непріязненное отношеніе къ этому пашѣ дошло до того, что онъ поручилъ мнѣ составить обстоятельную записку о служебной дѣятельности генерала Бема, Мурада-паши, и сдѣлать оцѣнку его военныхъ способностей; я исполнилъ это приказаніе самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Нѣсколько дней спустя, Решидъ-паша пригласилъ меня къ себѣ и сообщилъ, что въ случаѣ войны съ Россіей, которая весьма вѣроятно будетъ скоро объявлена и которой я буду очень радъ, прибавилъ онъ съ улыбкою, Риза-паша хочетъ вызвать въ Стамбулѣ генерала Бема и поручить ему главное начальство надъ войсками въ Балканахъ и на Дунаѣ; въ такомъ случаѣ онъ потребуетъ, чтобы состояли при немъ въ качествѣ офицера его штаба, или въ качествѣ

правительственнаго политическаго комисара. Покуда Решидъ-паша велѣлъ мнѣ хранить это въ тайнѣ.

Въ тотъ же вечеръ, присутствуя на обѣдѣ у Лавалета, я былъ чрезвычайно удивленъ, когда онъ сталъ разсказывать о томъ, какъ лордъ Редклифъ горячился, узнавъ о намѣреніи Риза-паши вызвать въ Стамбулъ генерала Бема, и говорилъ, что это будетъ съ его стороны насмѣшкою надъ христіанами и надъ союзницами Турціи, Австріей и Россіей; что этотъ поступокъ будетъ лишень всякаго здраваго смысла. Когда же Лавалетъ замѣтилъ на это, что генералъ Бемъ и Омеръ-паша одного поля ягода, такъ какъ оба они были христіане и приняли магометанство, а Омеръ-паша даже болѣе виноватъ противъ Австріи, ибо онъ дезертировалъ изъ ея арміи въ то время, когда Бемъ сражался въ рядахъ австрійскаго войска въ качествѣ простаго солдата, не будучи подданнымъ Австріи и не состоя въ спискахъ ея арміи, то лордъ Редклифъ замолчалъ, и Лавалетъ торжествовалъ, что онъ заставилъ его молчать.

Я не могъ уснуть всю ночь и на слѣдующій день рано утромъ поѣхалъ къ Решиду-пашѣ, чтобы передать ему все слышанное. Лишь только я окончилъ свой разсказъ, пріѣхалъ лордъ Редклифъ; я спрятался въ сосѣднюю комнату и слышалъ оживленный разговоръ, причемъ то и дѣло упоминались имена генерала Бема и Омера-паши. По отъѣздѣ лорда, Решидъ-паша спросилъ меня, чѣмъ вызвана такая ненависть противъ генерала Бема? я не могъ отвѣтить на это, но замѣтилъ, что лордъ, по всей вѣроятности, говорить и дѣйствуетъ по наущенію Австріи. Риза-паша смѣялся надъ гнѣвомъ лорда, говоря, что когда дѣло дойдетъ до войны, то назначеніе главнокомандующаго все же будетъ зависѣть не отъ лорда, а отъ воли султана.

Пока происходили всѣ эти переговоры, было получено горестное извѣстіе о кончинѣ генерала Бема.

Я не позволяю себѣ никакихъ комментарій по поводу смерти этого героя польской sprawy; его здоровье несомнѣнно было потрясено и силы надорваны трудами и страданіями нравственными и физическими, но въ то же время не подлежитъ сомнѣнію, что весьма многіе заинтересованные въ томъ, чтобы онъ преждевременно покончилъ свое существованіе, были рады, что онъ скончался въ-время для нихъ. Питая большую симпатію къ генералу Бему какъ къ человѣку храброму, сердечному и преданному патріоту, я былъ чрезвычайно огорченъ его смертію, которая была, по моему мнѣнію, событіемъ въ высокой степени прискорбнымъ для польской sprawy, ибо ни одинъ изъ нашихъ генераловъ не могъ замѣнить его, не могъ сравняться съ нимъ ни храбростію, ни именемъ, ни готовностію жертвовать собою для общаго дѣла.

Пріѣхалъ, наконецъ, князь Меншиковъ, человѣкъ весьма ловкій и

остроумный. Преданіе гласитъ, что ежели одно поколѣніе въ родѣ Меншиковыхъ славится своимъ умомъ, то слѣдующее за нимъ поколѣніе не можетъ таковымъ похвастать; такъ дѣло шло съ самаго начала до настоящаго времени. Приѣхавшій адмиралъ принадлежалъ къ поколѣнію умныхъ Меншиковыхъ. Онъ поѣхалъ къ сановникамъ Высокой Порты въ пальто, а не въ мундиръ и это пальто прославилось такъ же, какъ сѣрая куртка Наполеона I. Князь былъ съ визитомъ у великаго визиря; они бесѣдовали съ нимъ холодно, непривѣтливо и даже непріязненно, но оба держали себя съ большимъ достоинствомъ. Гордый вельможа не захотѣлъ сдѣлать визита Фуаду-эфенди, сказавъ, что ноги его не будутъ у такого лицемѣра; Фуадъ-эфенди въ тотъ же день подалъ въ отставку, а Решидъ-паша былъ назначенъ на его мѣсто министромъ иностранныхъ дѣлъ. Если князь Меншиковъ желалъ войны, то эта перемѣна, вѣроятно, была ему пріятна, ибо Решидъ-паша также хотѣлъ войны.

Начались переговоры, или лучше сказать, споры словесные и письменные; князь Меншиковъ былъ рѣзокъ и надмененъ, Решидъ-паша былъ холоденъ и сдержанъ. Они не могли, да и не хотѣли понять другъ друга; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить, оба желали войны. Можно даже сказать, что они вели переговоры именно о войнѣ.

Ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ не было и мысли о коалиціи противъ Россіи; объ этомъ не думали также въ Стамбулѣ, во французскомъ и англійскомъ посольствахъ. Душою этой коалиціи былъ Решидъ-паша; онъ рассчитывалъ при ея помощи поднять значеніе Оттоманской имперіи, поправить зло, причиненное ей Вѣнскимъ договоромъ 1815 года, когда Турція, держава европейская, хотя и мусульманская, не была признана равноправной прочимъ державамъ, въ числѣ которыхъ фигурировали Испанія, Данія и даже Португалія. Решидъ-паша былъ увѣренъ, что если коалиція осуществится, то нечего бояться завоеванія Турціи, онъ зналъ, что въ случаѣ побѣды или пораженія одинаково будетъ заключенъ такой договоръ, въ силу котораго Турція все же будетъ включена въ число европейскихъ державъ. Когда существованіе Турціи будетъ признано такимъ образомъ политическимъ актомъ, то будетъ уже не трудно произвести всѣ нужныя реформы и избавиться отъ договора, стѣснявшаго правительство и подданныхъ султана. Выработавъ этотъ проектъ въ своемъ умѣ, онъ представилъ его на благоусмотрѣніе султана Абдула-Меджида, который его одобрилъ. Можно смѣло сказать, что кромѣ приближенныхъ султана: Ферида-эфенди, въ то время его перваго секретаря, и Эдхема-паши, дивизионнаго генерала, начальника военной канцеляріи султана, изъ постороннихъ лицъ знали объ этомъ проектѣ только Антонъ Аллеонъ и я, ибо первый драгоманъ Наполеона III Матюринъ-Цоръ и князь Адамъ Чарторыйскій узнали объ этомъ отъ насъ же. Лордъ Редклифъ, по обыкновенію игралъ въ диплома-

тическія жмурки, а Решидъ-паша очень ловко внушалъ ему свои мысли чрезъ любимца лорда — Равеліано и ловко умѣлъ повести дѣло такъ, что лордъ Редклифъ принялъ его мысль за свою собственную и со свойственнымъ англичанамъ упорствомъ сталъ добиваться ея осуществленія.

Около этого времени меня постигло несчастье: домъ, въ которомъ я жилъ, сгорѣлъ до основанія; я самъ едва спасся, такъ какъ пожаръ случился около полуночи. Деревянный, хотя и громадный домъ сгорѣлъ менѣе чѣмъ въ полчаса. Пока начали стрѣлять изъ пушекъ, пока явилась пожарная команда и съ нею самъ великій визирь, жившій по близости, домъ обратился въ пепелище. Убытокъ былъ огромный; всѣ мои бумаги, вся политическая переписка, дневникъ моего путешествія по Турціи, документы, касавшіеся исторіи Запорожья и казаковъ Игната Некрасова, описаніе Добруджи, повѣсть изъ быта казаковъ, проживавшихъ въ Турціи, все погребено въ огнѣ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ я получилъ отъ Брокгауза двѣнадцать тысячъ франковъ за восемь томовъ новыхъ моихъ сочиненій, за которые я хотѣлъ взять двадцать тысячъ; эти деньги, коллекція оружія, весьма дорогая и цѣнная для меня, какъ память, и много другихъ вещей, погибли въ пламени.

Всѣ знакомые наши пришли мнѣ на помощь; каждый изъ нихъ прислалъ мнѣ какой-либо подарокъ. Султанъ также вспомнилъ о насъ и велѣлъ выдать мнѣ пятьдесятъ мѣшковъ золота, что составляло двадцать пять тысячъ піастровъ. Все это было сдѣлано отъ чистаго сердца, такъ что я по неволѣ забылъ о понесенныхъ мною убыткахъ; въ особенности въ сѣстныхъ припасахъ у меня не было недостатка. Мои сосѣди по фольварку Запшы-Босна навезли мнѣ такую массу всякой живности, яицъ, масла, сыра, меду и разныхъ другихъ продуктовъ, что въ моихъ кладовыхъ оказалось запасовъ на цѣлый годъ.

Князь Меншиковъ все еще находился въ Стамбулѣ. Англійское посольство передавало удивительные рассказы о томъ, какъ онъ притѣснялъ бѣдныхъ турокъ и какъ относился свысока ко всѣмъ посланникамъ за исключеніемъ англійскаго. Я часто видѣлъ, какъ лордъ Редклифъ проѣзжалъ или проходилъ мимо русскаго посольства съ грознымъ нахмуреннымъ видомъ и съ вызывающимъ выраженіемъ лица, а за нимъ шествовалъ г. Пизани съ улыбкою на устахъ и съ бумагами подъ мышкою. Они угрожали такимъ образомъ русскому адмиралу, что дескать «побьемъ и опишемъ».

Эдхемъ-паша, посланный однажды къ князю Меншикову съ какимъ-то сообщеніемъ, засталъ его расположеннаго къ откровенности; князь говорилъ о непріятностяхъ, которыя могла навлечь на себя Франція, и напомнилъ о недоброжелательномъ отношеніи христіанъ и славянъ къ мусульманскому правительству. Эдхемъ-паша, котораго нельзя было

упрекнуть въ избыткѣ терпѣнія, отвѣчалъ, что если Россія разсчитываетъ на помощь славянъ и христіанъ, то почему бы и Турціи не обратиться за такой же помощью къ черкесамъ, къ жителямъ Дагестана и къ татарамъ и даже къ полякамъ. Князь Меншиковъ выслушалъ его терпѣливо, не прерывая и не противорѣча и, наконецъ, сказалъ: «если бы всѣ турки были такіе смѣлые и такіе хорошіе патріоты, какъ паша, то быть можетъ, мы могли бы поладить съ ними». Съ этого момента онъ сталъ чрезвычайно любезенъ съ пашою, и когда паша уходилъ, то онъ проводилъ его до лѣстницы. Князь не притѣснялъ турокъ и не помыкалъ ими, какъ лордъ Редклифъ; онъ уважалъ тѣхъ, которые умѣли защищать и любить свою родину.

Князь Меншиковъ любилъ вкусно поѣсть. Поваръ русскаго посольства, видимо, не могъ угодить его прихотливому вкусу, такъ какъ былъ объявленъ конкурсъ для пробы поваровъ. У меня былъ въ время поваръ грекъ по имени Маноли, настоящій артистъ своего дѣла, настоящій талантъ. Я посовѣтывалъ ему принять участіе въ конкурсѣ, что онъ и сдѣлалъ. Онъ одержалъ пальму первенства; князь Меншиковъ, призвавъ его спросилъ у кого онъ служилъ? Онъ отвѣчалъ, что и теперь еще служить у Садыкъ-бея. Князь улыбнулся.

— У Садыкъ-бея Чайковскаго, сказалъ князь; и онъ позволилъ тебѣ поступить ко мнѣ во служеніе?

— Не только позволилъ, но даже совѣтовалъ мнѣ попробовать счастье на конкурсѣ.

— Хорошо, оставайся у меня! Я знаю его родныхъ и былъ пріателемъ его дяди Корженевскаго.

Маноли прослужилъ у князя все время, пока онъ былъ въ Стамбулѣ, и князь часто говаривалъ: у меня поваръ отъ Чайковскаго.

При всемъ томъ меня считали въ то время злѣйшимъ врагомъ русскіхъ и самымъ зловреднымъ изъ поляковъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда послѣ столь странныхъ переговоровъ, князь Меншиковъ прервалъ вдругъ всякія сношенія съ Высокой Портой и, взявъ со собою посольство, выѣхалъ съ нимъ въ Одессу, а опустѣвшее зданіе, съ котораго былъ снятъ двуглавый орелъ и русскій флагъ, охранялось турецкимъ правительствомъ. Однако война не была еще объявлена.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Эпиграммы.

Апостихъ Геранову ¹⁾.

Гусей на пагубу, бумаги къ переводу,
Езопу древию въ честь, всѣмъ карламъ на позоръ,
Рожденъ въ весенни дни, въ непутную погоду,
Афинянь пасынокъ, ползущъ намъ во дворъ.
Когда судьба тебя на свѣтъ производила,
Оскорблена была—и свѣтъ чтобъ наказать
Велѣла жить тебѣ, позволила писать.
Увы! Сколь жестоко она съ нимъ поступила!

О т в ѣ т ѣ .

Разсудку въ пагубу, бумаги къ переводу,
Пѣвцамъ російскимъ въ стыдъ и музамъ на позоръ
Безграмотный зоиць въ попутную погоду
Протерся кое-какъ на Аполлоновъ дворъ.
Судьба чудесь такихъ вѣкъ не производила
И чтобы злобнаго достойно наказать
Позволила ему чуху въ стихахъ писать.
Увы! Сколь жестоко она съ нимъ поступила!

Сообщ. Л. С. М - чъ.



¹⁾ Гавріилъ Васильевичъ Герановъ, сынъ грека, маленькаго роста, бездарный писатель начала нынѣшняго вѣка, служилъ, подобно графу Д. И. Хвостову, мишенью всевозможныхъ сатиръ, эпиграммъ и пародій. Л. М.



ВОСПОМИНАНІЯ

офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ
въ Турцію въ 1877—1878 г.г.

XIV¹⁾.

Три дня до Ташкисенъ на Софійскомъ шоссе.—
Ташкисены.—Враждебно.

М

оявленіе наше въ Софійской долині было неожиданностью для турокъ, и если бы непріятель подозрѣвалъ о нашемъ переходѣ черезъ Балканы, то навѣрно устроилъ бы намъ подобающую встрѣчу. Но въ Софійской долині мы никого не нашли, кромѣ спокойно двигающихся обозовъ, конвоируемыхъ черкесами.

Въ ожиданіи прихода другихъ частей съ сѣвернаго склона Балканъ, мы простояли на Софійскомъ шоссе 16-ое, 17-ое и 18-ое декабря. Въ дер. Негашово мы нашли болгарскія семейства съ женщинами, дѣтьми, которыхъ болгары не успѣли убрать въ горы до нашего прихода. Проводя цѣлые дни въ этой деревнѣ, я присмотрѣлся къ домашней жизни болгаръ, которую до сихъ поръ не имѣлъ случая видѣть. Хозяйка распоряжалась всѣмъ домомъ, пекла въ золѣ лепешки, кормила дѣтей и въ то же время покрикивала на хозяина, который все время молчалъ; они жили въ очень бѣдной обстановкѣ, дѣтей кормили кукурузой, а маленькая дѣвчонка, вѣроятно съ голоду, до того наѣлась этой тяжелой пицци, что ее начало рвать. Всѣ ихъ запасы были разграблены, и я убѣжденъ, что наши солдатики тоже попользовались ими въ ту неза-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1898 г.

бвенную бурную ночь, которую мы провели на Лысой горѣ. Къ нимъ въ избу вошелъ старій болгаринъ и, со слезами на глазахъ, разсказалъ, что турки разнесли его домъ въ дер. Комарцы близъ Арабъ-Конака, а теперь онъ не знаетъ куда идти и что дѣлать; въ то время всѣ были болѣе или менѣе разорены, всѣ плакали, всѣ проклинали войну.

Несмотря на удручающую бѣдность домашней обстановки, хозяйка была разукрашена браслетами и бусами. Тутъ я впервые узналъ, что молодую замужнюю женщину зовутъ булкой, слово, которое при незнаніи болгарскаго языка, можетъ легко привести къ разнымъ недоразумѣніямъ. Станъ хозяйки былъ опоясанъ широкимъ, старымъ, металлическимъ поясомъ, на который я обратилъ особенное вниманіе. Я спросилъ болгарку, сколько она за него возьметъ? Она зачмокала языкомъ, въ знакъ нежеланія продать и объяснила мнѣ, что этотъ поясъ достался ей отъ бабки и что она его ни за что не отдастъ. Семейныя традиціи перевѣсили презрѣнный металлъ, но зато она продала мнѣ, послѣ продолжительной семейной конференціи, нѣсколько браслетовъ и старыхъ бляхъ съ кушаковъ; она была очень счастлива получить деньги. Но я не сразу понялъ ихъ рѣшеніе; въ этой мѣстности существуетъ особенный способъ для выраженія согласія или несогласія, совсѣмъ противоположный нашему общепринятому. Такъ напр. въ случаѣ согласія, братушка мотаеъ головой вправо и влѣво, а въ случаѣ несогласія, киваеъ головой; въ послѣднемъ случаѣ, онъ иногда произноситъ турецкое слово *io k*ъ или же причмокиваетъ языкомъ нѣсколько разъ подрядъ.

Внутренность избы была украшена всякими плетеніями изъ пшеничной толстой соломы, которыя возобновляются у болгаръ ежегодно во время поспѣванія пшеницы. Оригинальныя и красивыя, они были подвѣшаны къ потолку на ниточкахъ и изображали люстры, кѣтки для птицъ, фонари, тарелки и проч. Ко всему были подвѣшены маленькія подвѣски, тоже изъ соломы, которыя, при малѣйшемъ движеніи воздуха, приходила въ колебаніе.

Въ Негашовѣ я добылъ сани и велѣлъ устроить ихъ для перевозки своихъ вещей; по сторонамъ дороги было еще достаточно снѣга для того, чтобъ сани могли скользить безъ особеннаго труда для лошади.

Вошедшій въ избу денщикъ доложилъ мнѣ, что двое драгунъ привели какихъ то двухъ связанныхъ бродягъ. Я вышелъ къ нимъ и увидѣлъ двухъ здоровыхъ брюнетовъ со связанными назадъ руками и съ раскраснѣвшимися, отъ быстрой ходьбы, щеками. Несмотря на 10-ти градусный морозъ, они были босые, съ обнаженной головой и въ одной рубашкѣ; а у одного изъ нихъ голова была чѣмъ то разсѣчена.

Драгуны объяснили мнѣ, что имъ приказано сдать этихъ людей генералу Рауху; что въ одной деревнѣ нѣсколько вооруженныхъ людей напали на разъѣздъ и что драгуны перебили всю шайку, а этихъ двухъ забрали въ плѣнъ. Я никакъ не могъ опредѣлить, къ какой націи принадлежали эти оборванцы: по виду, они вовсе не походили на турецкихъ солдатъ; оказалось, что это были босняки. Такихъ вооруженныхъ разбойниковъ, шлявшихся по болгарскимъ деревнямъ и грабившихъ болгаръ, было, во время войны, не мало; они наводили ужасъ на болгаръ, которые иногда обращались къ русскимъ войскамъ съ просьбой сдѣлать на нихъ облаву и всѣхъ до одного уничтожить.

Отъ усиленной ходьбы и вѣроятно подгоняемые нагайкой, чтобъ не отставали отъ всадниковъ, босняки были, несмотря на морозъ, въ поту и усиленно вдыхали въ себя воздухъ; я только удивлялся, что съ такой большой раной на головѣ, боснякъ могъ еще ходить. Драгунамъ было мной указано направленіе, по которому имъ слѣдовало ѣхать къ генералу Рауху; одинъ изъ нихъ поднялъ нагайку и крикнулъ: «хайде»; черезъ нѣсколько секундъ они скрылись изъ виду.

Болгары объяснили мнѣ, что это были отуречившіеся славяне-босняки, находящіеся на турецкой службѣ; всѣ они отъявленные негодяи и разбойники

18-го декабря, 2-ой баталіонъ былъ въ дежурной части на позиціи. За послѣдніе два дня работы въ турецкомъ редутѣ (Ташкисены) сильно подвинулись; турки живо сложили его изъ большихъ камней; большій же редутъ (ихъ было два) имѣлъ весьма внушительный видъ. Чтобъ нашимъ людямъ не сидѣть въ виду неприятеля со сложенными руками, моей ротѣ бывшей въ цѣпи, приказано было вырыть вокругъ нашей позиціи 20 ложементовъ на тотъ непредвидѣнный случай, если бы туркамъ вздумалось насъ атаковать. Находясь все время при работахъ, я слѣдилъ въ подозрную трубу за дѣйствіями неприятеля въ редутѣ и за нашей кавалеріей, которая большой массой двигалась въ долину по шоссе по направленію къ Софіи. Въ этотъ день кавалеріи было предписано сдѣлать усиленную рекогносцировку всей долины. Въ одной верстѣ отъ меня, внизу, въ долину слышались рѣдкіе выстрѣлы; я направилъ туда мою трубу и увидѣлъ интересную схватку между нашими тремя уланами и однимъ турецкимъ черкесомъ. На снѣжномъ фонѣ я могъ прекрасно слѣдить за неравной борьбой на жизнь или смерть сѣпившихся четырехъ всадниковъ. Конный черкесъ, при помощи магазинки, отстрѣливался отъ трехъ уланъ; никто изъ нихъ не стоялъ смиренно на мѣстѣ, всѣ они суетливо передвигались, то рысью, то вскачь, чтобъ не дать противнику хорошо прицѣлиться. Уланы были отъ него шагахъ въ двухъ стахъ и усердно стрѣляли по немъ изъ своихъ берданокъ. Вдругъ я вижу, что лошадь черкеса поднялась на дыбы и

упала; она была поражена пулей. Черкесь ловко соскочилъ съ сѣдла, и продолжалъ отстрѣливаться, бѣгая взадъ и впередъ по снѣгу; затѣмъ одинъ уланъ налетѣлъ на него со стороны и ударилъ его саблей: черкесь ткнулся въ снѣгъ, вскочилъ и снова побѣжалъ; уланъ его догналъ и вторично нанесъ ему сабельный ударъ, черкесь снова упалъ, затѣмъ послѣдовалъ третій ударъ, послѣ котораго черкесь былъ убитъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ уланъ уже не было; только на снѣгу ясно обрисовывались два трупъ, черкеса и его лошади.

Подъ вечеръ спустились изъ Ташкисенскаго редута человѣкъ сто турокъ, которые направились въ дер. Даушкію, лежащую недалеко отъ редута. Болгары говорили намъ, что въ этой деревнѣ много сѣна, и мы думали, что турки предприняли эту прогулку въ деревню ради фуражировки. Въ этомъ мы имъ не мѣшали, тѣмъ болѣе что до сбора всего нашего отряда на Софійскомъ шоссе генералъ Гурко не желалъ начинать съ неприятелемъ никакого дѣла. Черезъ нѣсколько времени, въ этой деревнѣ, во многихъ мѣстахъ сразу показался сперва дымъ, а вскорѣ и огонь, который живо охватилъ деревню со всѣхъ сторонъ. Турки подожгли богатые запасы сѣна и, пользуясь дымомъ, незамѣтно отступили обратно въ редутъ; густой дымъ застилалъ всю мѣстность и даже скрылъ отъ насъ редутъ. Ко мнѣ въ цѣль пришелъ генералъ Раухъ съ посохомъ въ рукахъ; онъ разспрашивалъ меня, какъ все это произошло, а уходя, съ улыбкой намекнулъ, что мои солдатики напрасно трудятся надъ ложементами, что теперь у насъ много войска въ сборѣ и что завтра мы снимемся съ позиціи; о предполагаемомъ штурмѣ редута онъ умолчалъ.

Въ ночь съ 18-го на 19-ое декабря, весь нашъ отрядъ, еще затемно, собрался въ долину у шоссе; въ 6-омъ часу пріѣхало наше высшее начальство. Всѣмъ была выяснена ихъ роль во время штурма редута, и ровно въ 6 часовъ мы двинулись впередъ. Какъ потомъ оказалось, вся ташкисенская позиція была очень обширная, турки возвели много укрѣпленій. Нашему полку и Императорскимъ стрѣлкамъ было предписано штурмовать правый флангъ турецкой позиціи, гдѣ находился большой Ташкисенскій редутъ; Измайловцы были направлены правѣе отъ насъ, сколько мнѣ помнится, на дер. Ташкисену, а еще правѣе пошла 3-я гвард. пѣх. дивизія съ генераломъ Курловымъ въ обходъ Ташкисенской позиціи.

Съ самаго ранняго утра на позиціи подъ Арабъ-Конакомъ, былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь съ цѣлью отвлечь вниманіе Арабъ-Конакскихъ турецкихъ войскъ отъ Ташкисенъ. Наше дѣло началось съ артиллерійской перестрѣлки на разстояніи 2-хъ верстъ отъ редута; турки отвѣчали, насколько мнѣ помнится, изъ 4-хъ орудій. Мѣткость ихъ стрѣльбы была поразительная; гранаты падали весьма близко

одна отъ другой, но рѣдкая изъ нихъ разрывалась. Мы избѣгали двигаться впередъ сомкнутыми частями, которыя непріятель легко замѣчалъ еще издали на снѣжномъ фонѣ и тотчасъ же направлялъ на нихъ орудія. Такъ напр., я видѣлъ въ этотъ день какъ Императорскіе стрѣлки, которые все время были влѣво отъ насъ, переходя сомкнутой частью черезъ одну поляну, привлекли на себя особенное вниманіе турокъ; въ нихъ полетѣли девять гранатъ, одна за другой; всѣ онѣ ложились возлѣ сомкнутой части, а одна даже попала въ самую середину роты. Люди вразсыпную разбѣжались по сторонамъ, а на мѣстѣ паденія гранаты остались убитые и раненые, которыхъ можно было всѣхъ пересчитать по числу черныхъ пятенъ на снѣжномъ фонѣ.

Я убѣжденъ, что всѣ разстоянія отъ редута до болѣе или менѣе выдающихся предметовъ, находящихся передъ нимъ, были предварительно измѣрены турками; иначе я не могу себѣ объяснить поразительной мѣткости ихъ стрѣльбы. Такъ, стрѣлки проходили мимо двухъ растущихъ среди поляны деревьевъ—и этого уже достаточно для непріятели, чтобъ сдѣлать стрѣльбу мѣткой. Послѣ одного удачнаго выстрѣла 3-ей батареи полковника Кокорева, въ редутѣ произошелъ необыкновенный взрывъ; цѣлое облако густаго дыму скрыло на время редутъ; не было сомнѣнія, что тамъ взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ. Послѣ этого взрыва, артиллерійскій огонь съ редута сталъ понемногу утихать; турки подняли флагъ съ красной луной, желая показать, что тамъ будто бы устроенъ перевязочный пунктъ. На эту хитрость никто конечно не обратилъ вниманія, и обстрѣливаніе редута продолжалось безостановочно.

Мы съ интересомъ слѣдили за ходомъ артиллерійскаго дѣла и выслѣживали полетъ гранатъ, которыя не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія какъ пули; между двумя шипѣніями гранатъ можно хоть немного отдохнуть духомъ, тогда какъ пули все время держать человѣка въ напряженномъ состояніи. Во время артиллерійской перестрѣлки, нашъ полкъ слегка подвигался впередъ; но когда идти далѣе сдѣлалось уже не безопаснымъ, тогда мы остановились за горкой въ ожиданіи приказанія двинуться на штурмъ. Впереди находились 3-ій и 4-ый баталіоны, 2-ой баталіонъ за ними, а 1-ый въ резервѣ. У насъ въ резервѣ почему то очутился одинъ баталіонъ Козловскаго полка; гдѣ находились остальные баталіоны этого полка, мнѣ неизвѣстно. За этой горкой мы простояли довольно долго; развели маленькіе огоньки, вскипятили воду и напились чаю. Офицеры вели подходящіе случаю разговоры.

Артиллерійское дѣло шло своимъ порядкомъ, огонь не прекращался ни на минуту. Наши денщики, увидѣвъ внизу въ лошадѣ какихъ то бродячихъ лошадей, отправились ихъ ловить; забавно было смотрѣть

на эту ловлю; солдаты дружно смѣялись, какъ будто впереди не предстояло ничего серьезнаго, а между тѣмъ имъ предстоялъ штурмъ редута, а можетъ быть и недалекая смерть. Тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что даже въ самые серьезные моменты онъ не думаетъ о смерти. Помолившись разъ Богу, онъ все время не забываетъ двѣ поговорки: «чему бывать, того не миновать»; и «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать».

Въ продолженіе всего дня замѣтно было за редутомъ, вдали въ горахъ, какое то передвиженіе турецкихъ войскъ. Судя по тому что за ними шли выюки, надо было предположить, что турки предприняли отступленіе изъ Арабъ-Конака и что мы имѣемъ дѣло только съ боковымъ заслономъ, выставленнымъ въ Ташкисенахъ для обезпеченія отступленія. Мы питали твердую надежду, что генералъ Дандевилъ задержитъ отступленіе турокъ, покуда мы не справимся съ Ташкисенами; но наши надежды не оправдались. Какъ я уже упомянулъ выше, застигнутый снѣжной бурей на Бабъ-горѣ съ 16-го на 17-ое декабря, его отрядъ завязъ въ снѣгу, люди поморозили себѣ руки и ноги, орудія завалило снѣгомъ. Генералъ Дандевилъ не могъ выполнить возложенную на него задачу, онъ отступилъ въ болѣе закрытыя мѣста, чтобъ только не погубить окончательно весь отрядъ.

Въ этотъ день, 19-го декабря, всѣ позиціи подъ Арабъ-Конакомъ, Шандорникомъ и Лютиковымъ были одновременно покинуты турками, которые отступили изъ Арабъ-Конака къ югу, пройдя безнаказанно между нами и пострадавшимъ отъ выюги отрядомъ генерала Дандевила.

Наконецъ насталъ періодъ дѣла, въ который было рѣшено двинуть пѣхоту на штурмъ редута; турки ослабили артиллерійскій огонь и видимо готовились къ отступленію; нѣсколько орудій было уже увезено ими изъ редута. Приѣхавшій отъ генерала Рауха ординарецъ передалъ приказаніе наступать. Лишь только началось наше движеніе, турки сейчасъ же открыли изъ редута сильный ружейный огонь. Насталъ скверный моментъ: на насъ сыпались пули, ударялись о камни, буровили землю, свистали надъ головами, производя полную иллюзію сильнаго града. Наша артиллерія усилила огонь и стрѣляла безъ умолку, а цѣпь, подъ прикрытіемъ пороховаго дыма, живо подвигалась впередъ. Турки не выдержали атаки и, покинувъ редутъ, побѣжали вслѣдъ за своими отступающими орудіями. 3-ій баталіонъ нашего полка ворвался въ большой редутъ, прошелъ его насквозь, вышелъ по другой сторону горы и открылъ сильный огонь по отступающему неприятелю. Люди стрѣляли собственно не по немъ, такъ какъ наступившая темнота скрыла его отъ насъ; они стрѣляли только по направленію его отступленія и все таки, какъ мы убѣдились на другой день, масса свинца, посланная имъ вдогонку, задѣла очень многихъ изъ нихъ.

Не успѣли мы войти въ редутъ, какъ залетали надъ нашими головами гранаты; онѣ пролетали такъ близко отъ насъ, что даже ощущалось сотрясеніе воздуха, а чья то лошадь даже упала на колѣни. Пораженные неожиданнымъ сюрпризомъ, мы обмѣнивались другъ съ другомъ отрывочными вопросами и въ недоумѣніи не знали, что намъ дѣлать, залечь ли въ редутъ, или же увести людей куда нибудь подъ гору, чтобъ скрыться отъ выстрѣловъ; но стрѣльба скоро прекратилась и мы успокоились. Гранаты летѣли въ насъ съ той позиціи, гдѣ отступившіе турки думали провести ночь. Мѣткость ихъ стрѣльбы въ темнотѣ, можно было объяснить только тѣмъ, что направленіе и разстояніе было заблаговременно опредѣлено; въ предусмотрительности такого рода турки неподражаемы.

Редутъ былъ окруженъ стѣной, наскоро сложенной изъ крупныхъ камней; надобно только удивляться тому терпѣнію, съ которымъ турки вращали эти громадныя каменные массы. Я полагаю, что имъ было невыносимо тяжело выдерживать въ редутъ нашъ артиллерійскій огонь; на голой каменной вышкѣ, прятаться отъ нашихъ залповъ было некуда, а отступить ранѣе ночи они боялись, да вѣроятно и не смѣли, потому что они прикрывали общее отступление турокъ со всѣхъ позицій. Въ редутъ валялись убитые и раненые турки; на землѣ было разбросано кой-какое оружіе, всюду были видны осколки нашихъ гранатъ. Мѣсто, гдѣ произошелъ взрывъ заряднаго ящика, было сильно обуглено. Нашъ солдатикъ поднялъ валявшійся на землѣ большой флагъ красной луны, которымъ турки хотѣли насъ обмануть. Всѣ палатки остались на своихъ мѣстахъ и между ними отличалась одна, обтянутая зеленой шелковой матеріей; въ ней, должно быть, жилъ паша. Кто то изъ солдатъ, ради шутки, поджегъ ее снизу; огонь живо ее охватилъ и въ нѣсколько минутъ палатки не стало. Этимъ глупымъ шуткамъ сейчасъ же былъ положенъ конецъ; было не безопасно шутить съ огнемъ тамъ, гдѣ всюду были разбросаны патроны.

Между валяющимся оружіемъ я поднялъ два пистолета; они были кремневые, но безъ кремней, а у одного изъ нихъ даже не держался курокъ на взводѣ. Спрашивается, зачѣмъ турки таскали съ собой оружіе, изъ котораго нельзя было стрѣлять? То же самое я не разъ замѣчалъ и у братушекъ; думаю, что они носили съ собой это негодное оружіе только для того, чтобъ пугать тѣхъ, кого имъ приходилось грабить.

Ночь провели мы среди непривѣтнаго дикаго каменнаго редута вмѣстѣ съ Императорскими стрѣлками, которые, вслѣдъ за нами, тоже вошли въ редутъ. Командиръ этого баталіона графъ Влад. Петр. Клейнмихель добрался до редута пѣшкомъ, хотя ему было не легко подниматься наверхъ. Войдя въ редутъ, онъ подскѣлъ къ намъ и раз-

сказалъ, какъ полчаса тому назадъ его казначей, все время шедшій съ нимъ рядомъ, былъ сраженъ пулею на смерть.

Эту ночь мы провели безъ выюковъ, которые, по причинѣ темноты, не могли до насъ добраться. Я завернулся въ бурку и залегъ въ какой то землянкѣ, въ которую набралось много нашихъ офицеровъ. Послѣ утомительнаго дня я спалъ очень хорошо, только съ вечера передъ засыпаніемъ мнѣ все казалось, что я слышу шипѣніе гранатъ. Послѣ каждаго дѣла я испытывалъ эту слуховую галлюцинацію, которая появлялась у меня въ то время, когда вокругъ все стихало и когда меня начиналъ одолевать сонъ.

На другой день, 20-го декабря, рано утромъ мы спустились съ горы, по тому направленію, по которому отступилъ непріятель. Впереди насъ все было тихо, даже мертво; по всѣмъ горамъ виднѣлись части нашего отряда, которыя, переходя съ горы на гору, подвигались впередъ. Въ снѣгу валялось много убитыхъ турокъ; одни изъ нихъ были убиты пулями, которыя посылались имъ наканунѣ въ догонку 3-имъ баталіономъ, а другіе, вѣроятно раненые еще въ редутѣ, слѣдовали за отступающими, но отъ истощенія силъ падали и за ночь умирали или замерзали. Ящики съ гранатами, тормозившіе отступление, были брошены въ снѣгу: вездѣ были видны слѣды беспорядочнаго бѣгства.

Развѣздъ, посланный генераломъ Гурко по шоссе по направленію къ Арабъ-Конаку, вернулся съ извѣстіемъ, что турокъ нигдѣ нѣтъ. Арьергардъ турецкихъ войскъ, сумѣвшихъ такъ ловко отступить, еще виднѣлся вдаль къ Комарційской долинѣ. Сейчасъ же имъ вслѣдъ была послана 3-я гвард. пѣх. дивизія, а вмѣстѣ съ нею и 1-ая наша батарея полковника Стрижевскаго, первая попавшаяся генералу Гурко на глаза. На покинутыхъ турками позиціяхъ живо появились братушки; они собирали брошенные лохмотья, а главное, воловьи шкуры для выдѣлки кожъ. Всѣмъ войскамъ, бродившимъ по горамъ, было приказано спуститься къ Софійскому шоссе и расположиться на отдыхъ. По шоссе проскакали съ нашимъ конвоемъ трое турокъ, которыхъ генералъ Гурко приготовилъ на тотъ случай, если бы пришлось посылать парламентаровъ въ Арабъ-Конакъ; они отвратительно сидѣли на коняхъ и такъ высоко задирали голову, что я даже опасался за участь ихъ фесокъ.

Съ этого дня можно было считать переходъ Западнаго отряда черезъ Балканы совершившимся фактомъ, такъ какъ послѣднія турецкія позиціи на сѣверномъ склонѣ: Арабъ-Конакъ, Шандорникъ, Лютиково, были покинуты; съ этого же дня начали спускаться на южный склонъ Балканъ и тѣ части нашего отряда, которыя стояли передъ этими пунктами. Генералъ Гурко объѣзжалъ войска и поздравлялъ всѣхъ съ переходомъ черезъ Балканы. Я убѣжденъ, что турки не мѣте

насъ были рады покинуть свои позиціи. Не привыкшіе къ морозамъ, они страдали отъ холода, пожалуй побольше насъ, несмотря на то, что ѣли сытнѣе нашего солдата и были помѣщены въ чудныхъ палаткахъ, въ сравненіи съ которыми наши палатки казались чѣмъ то очень мизернымъ, ненадежнымъ.

До этого дня мы не знали, куда насъ поведутъ послѣ Ташкисенъ, направо или направо къ Софіи; но теперь путь отступленія турокъ выяснился; ихъ преслѣдовала 3-я гвар. пѣх. дивизія, насъ же оставили на ночлегъ у подножія Ташкисенскаго редута.

Рано утромъ 21-го декабря мы двинулись по направленію къ Софіи и, пройдя по шоссе верстъ 20-ть, подошли къ дер. Бугарово, гдѣ наканунѣ, т. е. 20-го декабря, генераль Вельяминовъ удачно отразилъ нѣсколько атакъ турокъ, вышедшихъ изъ Софіи и порывавшихся пройти къ намъ въ Ташкисены. Отрядъ генерала Вельяминова прекрасно исполнилъ свою задачу и далъ намъ спокойно справиться съ Ташкисенами. Когда мы подходили къ Бугарову, то генераль Вельяминовъ (старый преображенецъ) встрѣтилъ нашъ полкъ и спросилъ насъ, офицеровъ: «Хорошо ли я вамъ помогъ вчера и третьяго дня?» Убитыхъ турокъ въ дѣлѣ подъ Бугаровымъ насчитывали до 700 человекъ; раненыхъ же не оказалось, такъ какъ турки ихъ подобрали и забрали съ собой въ Софію; со стороны же русскихъ вышло изъ строя до 200 человекъ. По обѣ стороны дороги, куда ни взглянешь, вездѣ валялись въ снѣгу убитые турки; никто не думалъ ихъ убирать, морозъ застраховалъ трупы отъ разложенія, а они никому не мѣшали.

Пройдя еще верстъ пять, мы были остановлены завязавшейся перестрѣлкой между нашими осетинами и турецкими черкесами. Передъ нами протекалъ большой Искеръ поперекъ Софійской долины, а на немъ былъ мостъ, который охранялся непріателемъ, засѣвшимъ впереди него.

Рѣка большой Искеръ замѣчательна тѣмъ, что беретъ начало на южномъ склонѣ Балканъ, дѣлаетъ въ большихъ Балканахъ громадный прорывъ и впадаетъ въ Дунай.

Чтобъ заставить непріятеля отступить, Преображенскій полкъ былъ посланъ въ обходъ непріятельской позиціи. Мы подошли къ рѣкѣ и перешли на другую сторону по льду въ то время еще довольно крѣпкому. Турки, завидя нашъ обходъ, снялись съ позиціи, перебравшись черезъ мостъ на ту сторону рѣки, а мостъ подожгли; наша артиллерія все время преслѣдовала шрапнелью отступавшихъ. Пожаръ былъ потушенъ осетинами, и къ вечеру перебравшись на ту сторону наша артиллерія и наши выюки.

Сейчасъ же за мостомъ направо была деревня Враждебна и къ ночи она запылала. Пожаръ былъ вѣрнымъ признакомъ отступленія турокъ, которые поджигали все, что только могло горѣть. Осетины пре-

слѣдовали непріятеля до самой ночи и остались въ передовой линіи; мы же расположились возлѣ пылавшей деревни фронтомъ къ Софіи. Отъ пожара, на бивакѣ было совсѣмъ свѣтло; огонь все болѣе и болѣе разгорался.

Въ этомъ дѣлѣ у насъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ; только лошадь нашего командира полка, князя Оболенскаго, была ранена пулей на вылетъ въ шею.

На другой день, частямъ, свободнымъ отъ аванпостной службы, было разрѣшено размѣститься въ деревнѣ Враждебно по уцѣлѣвшимъ отъ пожара избамъ; всюду по деревнѣ еще тлѣли кучи, оставшіяся послѣ сгорѣвшихъ скирдовъ пшеницы, всюду стоялъ такой удушливый запахъ гари, что воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ не пришлось; солдаты предпочли расположиться бивакомъ въ полѣ, а офицеры кое какъ устроились въ палаткахъ, приткнутыхъ къ плетню или къ какому нибудь уцѣлѣвшему скирду, чтобъ только укрыться отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра. Я вошелъ въ одну избу, или кашту по болгарски, и нашелъ въ ней большое семейство болгаръ, состоящее изъ трехъ поколѣній. Бабка, женщина еще не совсѣмъ старая, была до того согнута, что верхняя половина ея стана была почти въ горизонтальномъ положеніи; ея замужнія дочки, пришедшія къ ней изъ разоренныхъ деревень, сидѣли и кормили сволхъ дѣтей; онѣ были одѣты въ ихъ національный костюмъ, еще ни разу не видѣнный мною до сихъ поръ. Рубашка и чулки были вышиты самымъ мелкимъ славянскимъ узоромъ; юбка съ маленькимъ лифомъ изъ темнокоричневаго сукна, была украшена рядами цвѣтныхъ снуровъ. Бабы называли юбку сукномъ; талія была опоясана цвѣтнымъ кушакомъ съ большими металлическими пряжками, на которыхъ разными красками были изображены драгоценные камни. Въ концы распущенныхъ косъ были вплетены мелкія монеты, производившія, при каждомъ поворотѣ головы, легкое бряцанье; на шеѣ висѣли нитки цвѣтныхъ бусъ. Въ первый разъ пришлось мнѣ видѣть красивый типъ болгарскихъ женщинъ: лицо длинное съ правильнымъ прямымъ носомъ, волосы черные, а глаза темные съ длинными рѣсницами.

Окрестности Софіи отличаются тѣмъ, что здѣсь сохранился въ своей полной силѣ чисто болгарскій типъ. Мужчины показались мнѣ очень подвижными и шустрими. Насколько придунайскій болгаринъ казался мнѣ забитымъ, равнодушнымъ, на столько забалканскій братушка казался мнѣ бойкимъ, предприимчивымъ, развитымъ; а женщины южной Болгаринъ положительно красивѣе своихъ сѣверныхъ сосѣдокъ. Округъ Софіи самый населенный во всей Турціи, и это много способствуетъ развитію братушекъ; они борются за существованіе и стараются другъ друга перехитрить. Костюмъ южныхъ братушекъ ничѣмъ не отличался отъ

сѣверныхъ, только ихъ рубахи были вышиты разнообразными узорами.

Снявъ съ одного болгарина шапку, я, къ моему удивленію, увидѣлъ, что его голова была выбрита, только на макушкѣ оставался длинный чубъ, который онъ тщательно подбиралъ въ свою шапку. Я просилъ болгарина объяснить мнѣ, зачѣмъ они это дѣлаютъ. Вполнѣ понимая до чего онъ былъ смѣшонъ и смѣясь вмѣстѣ со мной, онъ разсказалъ мнѣ, что въ окрестностяхъ Софіи, еще съ-поконъ вѣковъ, ведется такая мода; но какъ истый славянинъ, онъ не могъ при этомъ случаѣ не пошутить и не показать, какъ турки берутъ болгарина за чубъ лѣвой рукой, а правой бьютъ его палкой; онъ продѣлалъ руками всѣ эти эволюціи съ большимъ юморомъ.

Въ избу вбѣжала маленькая шустрая дѣвчонка и кричала: «Мамка, черкесъ има крестъ». Всѣ выбѣжали смотрѣть на это чудо; оказалось что мимо избы прошелъ нашъ осетинъ съ виду похожій на турецкаго черкеса, а у него на груди висѣлъ крестикъ. Старуху бабку я не узнавалъ на дворѣ, она вдругъ выпрямилась и стала высокой женщиной но вскорѣ же она снова обратилась въ вопросительный знакъ и пошла обратно въ избу; она напомнила мнѣ птицу, которая, для того чтобъ высмотрѣть опасность, вытягиваетъ шею и потомъ снова ее въ себя втягиваетъ. Все семейство было полно энергіи; вѣроятно оттого они и не ушли изъ деревни и счумѣли отстоять свой домъ отъ огня, отгрызаясь отъ турокъ.

Весь этотъ день 22-го декабря мы провели въ деревнѣ Враждебно.

XV.

Выступленіе изъ дер. Враждебно въ г. Софію.—Пребываніе въ г. Софіи.

23-го декабря, наша кавалерія дошла до самой Софіи, которая была отъ насъ верстахъ въ десяти, и убѣдилась что въ ночь на 23-е число турки ее покинули, отступивъ по двумъ направленіямъ: на западъ по шоссе на Филиппополь, и на югъ въ горы. Всѣ отступленія турокъ совершались всегда по ночамъ; днемъ они боялись преслѣдованій. Въ одну ночь они обыкновенно уходили такъ далеко, что догнать ихъ пѣхотой было невозможно, а отъ преслѣдованій нашей кавалеріи они ловко скрывались въ горахъ, гдѣ кавалеріи было трудно дѣйствовать.

Вѣсть объ очищеніи Софіи мгновенно разнеслась по войскамъ; недоваренная пища была вылита изъ котелковъ, баталіоны сами приготовились къ выступленію безъ всякаго на то приказанія. Преображен-

скій полкъ, какъ старѣйшій, долженъ былъ вступить въ Софію первымъ. По дорогѣ ротные командиры осматривали свои роты и приводили ихъ въ болѣе приличный видъ; прожженные шинели съ черными заплатами, драныя шапки безъ козырьковъ, фески, стеганыя турецкія безрукавки, которыя замѣняли солдатамъ сгорѣвшія шинели, все это было припрятано въ середину роты; люди расчесывали себѣ пальцами бороды, поправляли смятыя фуражки, надѣвали ихъ слегка на бокъ, чтобъ придать себѣ болѣе молодцоватости. Общій видъ роты сдѣлался болѣе удовлетворительный, но все-таки онъ былъ весьма печальный.

По количеству оставленныхъ турками вблизи города палатокъ можно было судить о томъ, что въ Софіи было сосредоточено не мало войскъ: палатокъ можно было насчитать тысячи, но почти всѣ полы ихъ были изрѣзаны; непріятель сдѣлалъ это изъ злости, что ему пришлось удирать изъ Софіи налегкѣ безъ палатокъ.

Наконецъ вдали показалась та самая Софія, про которую братуша въ деревнѣ Чурьякѣ говорилъ: «Тамъ има добро винце». Подходя къ городу, чехлы съ знаменъ были сняты, для того чтобъ войти въ него съ распущенными знаменами, что обыкновенно дѣлается только въ исключительныхъ случаяхъ. Баталіоннымъ музыкантамъ съ продранными барабанами поломанными флейтами, было приказано играть марши. Узнать мелодію, которую старались высвистывать флейтчики, было невозможно; вслѣдствіе потерянныхъ клапановъ, мотивъ постоянно прерывался, а вмѣсто нотъ слышалось шипѣніе воздуха, выходящаго изъ флейты, кожа барабановъ размокла, самъ барабанъ расклеился, такъ что на немъ выходили какіе то низкіе звуки съ сильнымъ дребезжаніемъ. Но все-таки эта оригинальная музыка помогала намъ идти въ ногу. При входѣ въ городъ стояла довольно пестрая толпа народу, частью въ фескахъ, а частью въ болгарскихъ бараньихъ шапкахъ; передъ толпой стояло духовенство въ полномъ облаченіи, съ иконами и хоругвями; солдаты снимали фуражки и крестились, что производило на народъ, еще никогда не видавшій русскаго аскера (солдата), хорошее впечатлѣніе. Народъ встрѣчалъ насъ съ радостными криками, но все-таки было замѣтно, что онъ кричалъ нерѣшительно и не такъ дружно, какъ бы можно было ожидать въ подобномъ случаѣ. Крики собравшихся были облечены въ форму протяжнаго: а а а а...., никакихъ ура или живіо они не кричали; другіе же хлопали въ ладоши. Женщины бросали въ насъ вѣтки зелени, мы ихъ подымали и обязательно нюхали, хотя онѣ ничѣмъ не пахли.

Между толпой, опытный офицерскій взглядъ сейчасъ же примѣтилъ лакеевъ изъ гостиницы, одѣтыхъ во фраки съ громадными металлическими пуговицами и съ салфеткой подъ мышкой. Думаю, что въ это время, послѣ 3-хъ мѣсячнаго скитанія по разореннымъ мѣстамъ да по снѣжнымъ горамъ, у всѣхъ офицеровъ, при видѣ этихъ лакеевъ, должна

была промелькнуть одна и та-же мысль о водкѣ, о бифштексахъ и о многомъ другомъ, о чемъ мы забыли и думать. До гостиницъ добрались мы не сразу; войдя въ городъ, насъ повели по кривымъ и узкимъ улицамъ. Всѣ ставни и ворота были заперты; всюду пахло востокомъ, восточною грязью. Мы вышли на городскую площадь. Здѣсь нашъ полкъ былъ остановленъ; къ намъ подошли иностранные консулы и предложили свои услуги для расквартированія войскъ. Покуда наши квартирьеры объѣзжали городъ, консулы угощали насъ тутъ же на площади коньякомъ и англійскимъ печеньемъ; мы не заставляли ихъ долго насъ просить. Разговоръ съ ними шелъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; они были предупредительны и внимательны къ намъ и удивлялись прекрасному выговору русскихъ офицеровъ. Узнавъ, что между нами находится нашъ бригадный командиръ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, они сконфузились и стали выказывать его высочеству особенное вниманіе, чѣмъ только стѣсняли принца, который своей простотой обращенія и обходительностью сейчасъ же успокоилъ ихъ эмоціи.

По рассказамъ консуловъ, въ промежутокъ времени между отступленіемъ турокъ и нашимъ вступленіемъ, въ городѣ царилъ полнѣйшая анархія, продолжавшаяся нѣсколько дней безъ всякаго начальства. Болгары разносили турецкіе оружейные склады, грабили турецкихъ жителей до такой степени, что магазины должны были прекратить торговлю. Консулы, опасаясь народныхъ безобразій, вовсе не выходили на улицу и были до того напуганы только что пережитымъ временемъ, что сейчасъ же обратились къ его высочеству съ просьбой назначить къ ихъ домамъ караулы. Между прочимъ они указали принцу нѣсколько подозрительныхъ личностей, считавшихся въ Софіи турецкими шпионами; они вѣшали и преслѣдовали болгаръ по приказанію турокъ. Его высочество моментально же приказалъ взять ихъ подъ стражу и отвести подъ арестъ.

Къ намъ подходили молодые болгары, которыхъ только что выпустили изъ заточенія въ тюрьмѣ, гдѣ они томились по подозрѣнію въ пропагандѣ противъ турокъ. Одни изъ нихъ сидѣли съ самаго лѣта и были въ соломенныхъ шляпахъ, которыя вѣроятно носили еще во время ареста; ихъ лица были веселыя и они охотно съ нами разговаривали; большая часть ихъ была изъ учителей, которыхъ турки ненавидѣли и уничтожали, гдѣ только могли.

Въ Софіи мы узнали, что въ городѣ было около 30-ти таборовъ, и что турки отступили въ самомъ жалкомъ видѣ; между ними было много изнуренныхъ отъ плохой пищи и отъ морозовъ. Въ городѣ по госпиталямъ лежало до 2000 больныхъ и раненыхъ. Доктора были все больше нѣмцы и англичане. Они пришли на площадь тоже посмотрѣть на насъ; на рукѣ была у нихъ повязка красной луны, а на головѣ феска. Доктора сейчасъ же заявили, что, такъ какъ уже болѣе нѣтъ турецкаго

управленія, то они отказываются лечить больныхъ и раненыхъ, тѣмъ болѣе, что вся больничная прислуга разбѣжалась; они выразили желаніе уѣхать въ Андріанополь. Тогда имъ было объявлено, что свободныхъ врачей у насъ нѣтъ и что ихъ изъ Андріанополя не выпустятъ; волей-неволей они должны были остаться и продолжать разъ уже начатое ими дѣло. За организацію этого важнаго дѣла горячо взялся нашъ командиръ полка князь Ник. Ник. Оболенскій, назначенный военнымъ губернаторомъ города Софіи. Въ городѣ была нѣкоторая благотворительная помощь красной луны, но она была незначительная и держалась только англичанами; отъ турецкаго же правительства на дѣло медицинской помощи отпущалось весьма мало.

Болгарская часть города была разрушена и сожжена; во многихъ мѣстахъ еще тлѣлъ огонь. Нашъ полкъ былъ размѣщенъ по домамъ въ покинутой турками и богатыми евреями части города; она сохранилась отъ пожара, но не отъ разграбленія. Внутри домовъ мы нашли только голыя стѣны; вѣроятно болѣе цѣнное добро было увезено хозяевами, а оставшееся разграблено чернью. Мы посылали людей за топливомъ въ сгорѣвшую часть города, тамъ подбирались обгорѣлые остатки домовъ.

Я помѣстился въ одномъ совсѣмъ пустомъ домѣ, принадлежавшемъ, судя по надписямъ, какому то богатому еврею; домъ былъ красиво выстроенъ, только въ немъ не было ни единой печки. На Востокѣ, для согрѣванія комнатъ, обыкновенно вносятъ мангалъ, т. е. желѣзную жаровню съ горящими въ ней древесными углями. Въ походѣ мы его очень полюбили; — это скорый и недорогой способъ нагрѣванія воздуха въ домѣ или въ палаткѣ. Только надо быть съ нимъ очень осторожнымъ, потому что рано внесенный въ комнату мангалъ, еще не съ прогорѣвшими углями, можетъ легко причинить головную боль, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ—угаръ.

Въ мою комнату внесли мангалъ, который нагрѣлъ ее въ нѣсколько минутъ. Я воспользовался тепломъ и во второй разъ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, умылся съ головы до ногъ теплой водой; это было для меня событіемъ, поэтому и вспоминаю о немъ какъ о чемъ то необыкновенномъ.

На дворѣ этого дома былъ красивый колодезь, изъ котораго добывалась чудная прохладная вода; всюду по городу замѣчалось обиліе такихъ колодезевъ, которые всѣ были устроены на восточный манеръ, т. е. въ красивой каменной отдѣлкѣ съ разными надписями изъ корана.

Не успѣлъ я устроиться въ этомъ домѣ, какъ мою роту уже вызвали на городскую площадь, гдѣ предполагалось устроить нѣчто въ родѣ гауптвахты. Я разставилъ ко всѣмъ консульскимъ домамъ часовыхъ; по просьбѣ консуловъ приходилось посылать часовыхъ и къ ихъ знакомымъ.

Купцы, опасаясь ночного разноса ихъ магазиновъ, просили меня о томъ же. Двое докторовъ, въ числѣ которыхъ былъ знакомый мнѣ врачъ Ник. Влад. Эккъ, подошли ко мнѣ и умоляли дать имъ съ собой хоть двухъ солдатиковъ. Имъ отвели квартиру гдѣ то на краю города и они тоже опасались всякихъ безобразій; отказать было невозможно. Кромѣ того днемъ и ночью разгуливали по городу мои патрули.

Нѣсколько часовъ послѣ нашего вступленія въ Софію, уже въѣхавъ обратно въ городъ цѣлый обозъ турецкихъ жителей города, пожелавшихъ снова поселиться въ своихъ домахъ. Въ ожиданіи сраженія подъ городомъ, они заблаговременно покинули его и жили все время вблизи въ своихъ телѣгахъ. Старики турки, съ виду совсѣмъ патриархи, съ подстриженными сѣдыми бородами и въ чалмахъ, въ какихъ обыкновенно рисуютъ турокъ, управляли волами, идя впереди ихъ. Во всемъ обозѣ я не замѣтилъ молодыхъ турокъ; они должно быть были всѣ въ рядахъ турецкой арміи; старики были всѣ очень типичны, а нѣкоторые даже красиво живописны. Но внѣшній видъ турчанокъ поражалъ своимъ безобразіемъ; ихъ лицъ почти не было видно, вся нижняя часть лица была покрыта тонкимъ кисейнымъ платкомъ, который у рта былъ мокрый отъ слюней; ихъ черные глаза блестяли, но цвѣтъ лба былъ желтый, томный, отъ постоянной сидячей комнатной жизни; а зеленый капюшонъ, развѣвавшійся отъ вѣтра, обнажилъ всю грязь ихъ одежды. Когда же солдатики увидѣли ихъ широкія неэстетичныя шальвары, забрызганныя грязью, то всюду послышался смѣхъ.

До сихъ поръ намъ ни разу не приходилось видѣть турецкихъ жителей, а между тѣмъ, мы прошли уже больше половины Турціи; можно было въ то время смѣло сказать, что во всей придунайской Болгаріи вплоть до самой Софіи не осталось ни единого турецкаго семейства.

Весь обозъ, доѣхавъ до городской площади, былъ остановленъ въ виду возникшаго вопроса о разрѣшеніи имъ въѣхать въ свои жилища. Къ обозу подошли болгары и вступили съ турками въ споръ и драку изъ-за воловъ, будто бы похищенныхъ турками у нихъ. Для меня не было сомнѣнія, что болгары, пользуясь нашимъ пребываніемъ въ городѣ, придумывали всякія исторіи, чтобъ только ограбить турокъ; они просили моего содѣйствія въ разрѣшеніи ихъ спора. Чобъ прекратить шумъ и драку, я приказалъ своимъ людямъ разогнать братушекъ, и порядокъ былъ восстановленъ. Я приказалъ солдатамъ подробно разсмотрѣть обозъ и обезоружить тѣхъ, у кого будетъ найдено какое-нибудь оружіе.

Уже начало темнѣть, а я все еще не получалъ никакихъ приказаній относительно турецкаго обоза; ему пришлось провести эту ночь въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ былъ остановленъ. Для турецкихъ жоншицъ и дѣтей былъ отведенъ на ночь отдѣльный домъ; когда всѣ эти муміи понаѣзжили туда, тамъ сдѣлалась такая вонь, поднялся та-

кой крикъ дѣтей, что оставаться долго между ними было невозможно. Около этого дома я приказалъ поддерживать въ продолженіе всей ночи нѣсколько большихъ костровъ съ цѣлью освѣщать внутренность этого дома, гдѣ сидѣли турчанки; а старики турки легли около своихъ арбъ. Городская площадь имѣла въ эту ночь совѣмъ праздничный видъ отъ множества разведенныхъ на ней огней. Къ ночи всѣ поумаялись и успокоились; почти вся моя рота была разобрана для охраны; небольшая оставшаяся отъ нея часть устроилась на самой площади, развела костры и начала варить себѣ ужинъ. Я подошелъ къ ней, и въ первый разъ, въ продолженіе всего дня присѣлъ; мои ноги ныли и отъ усталости, отказывались двигаться. Я поѣлъ, растянулся около костра и сейчас же заснулъ.

Эта ночь была преисполнена всякихъ событій; мнѣ не давали спать, потому что на мою гауптвахту то и дѣло приводили всякихъ шлюющихъ по городу подозрительныхъ людей. Началось съ того, что патруль задержалъ въ городѣ двухъ вооруженныхъ людей; они объяснили мнѣ по болгарски, что здѣшніе купцы, вышли погулять по городу и на всякій случай, для самозащиты, захватили съ собой револьверъ и ятаганъ; оружіе было у нихъ отобрано, а сами они были задержаны до утра. Въ это время, когда я съ ними объяснялся, послышался на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ турецкій обозъ, женскій крикъ, почти ревъ, поднятый одной турчанкой; я бросился туда и долго не могъ понять о чемъ она плачетъ. Переводчикъ, которому приходилось сразу выслушивать и ее и стараго турка, объяснилъ мнѣ въ чемъ было дѣло; оказалось, что ночью кто-то выкралъ у нихъ изъ арбы цѣлую бочку съ медомъ.

Всѣмъ солдатамъ было приказано не отлучаться съ мѣсть ихъ расположения; но они все-таки незамѣтно ускользали, разносили винные склады, напивались и въ нетрезвомъ видѣ были доставляемы патрулями на мою гауптвахту. Хозяева разнесенныхъ складовъ приходили ко мнѣ утромъ жаловаться, но виновныхъ конечно не могли указать. Я не могъ имъ помочь, а только совѣтовалъ попросить на будущую ночь часовыхъ для караула.

У одного приведеннаго пьянаго солдата, при обыскѣ, нашли въ карманѣ нѣсколько прекрасныхъ дорогихъ шитыхъ шелкомъ турецкихъ полотенецъ, которыя онъ гдѣ то добылъ; солдата я отправилъ въ его полкъ, а полотенца были переданы мнѣ. Я не зналъ что съ ними дѣлать; пришлось оставить покуда у себя. Эти полотенца и по сіе время хранятся у меня какъ память о Софій. Точно такимъ же образомъ достался мнѣ въ эту ночь чудный ятаганъ, тоже отобранный у какого то пьяненькаго солдата.

Въ продолженіе всей ночи раздавались въ различныхъ мѣстахъ города какіе то выстрѣлы; они не могли не нарушать покоя. По направ-

ленію выстрѣловъ я посылалъ патруль, но онъ возвращался каждый разъ съ извѣстіемъ, что никого не нашелъ. Сперва я не могъ понять, кто и зачѣмъ стрѣляетъ; но одинъ консуль, всю ночь не спавшій отъ безпокойства и нѣсколько разъ навѣщавшій меня на гауптвахтѣ, разъяснилъ мнѣ, что стрѣляютъ подвыпившіе болгары, которые еще до нашего вступленія въ городъ, разграбили оружейные склады и запаслись оружіемъ; они стрѣляли боевыми патронами хотя и вверхъ, но все-таки пули летали надъ городомъ и пугали жителей. Дѣлали же они это для того, чтобъ выказать свою радость по случаю прибытія русскихъ войскъ. Всѣ мои попытки разыскать расходившихся болгаръ были неудачны; выстрѣлы продолжались до разсвѣта, а пули посвистывали всю ночь надъ городомъ.

На другой день послѣ нашего входа въ Софію былъ канунъ Рождества, и всѣ офицеры съ командами нижнихъ чиновъ собрались въ Софійскій соборъ къ вечернѣ. Службу совершалъ нашъ священникъ вмѣстѣ съ болгарскимъ дьякономъ; служба прошла довольно гладко. Софійскій соборъ очень помѣстительный, а внутренней отдѣлкой и пестротой сильно напоминаетъ Востокъ. Мнѣ рассказывали, что въ этотъ день въ одномъ полку, офицеры втащили въ домъ вѣтку кипариса, зажгли вокругъ нея дожину стеариновыхъ свѣчей, усѣлись за столъ, на которомъ стояли бутылки вина, и самымъ положительнымъ образомъ встрѣтили въ походѣ праздникъ.

25-го утромъ происходило въ соборѣ торжественное богослуженіе; нѣкоторымъ частямъ былъ сдѣланъ церковный парадъ.

Въ продолженіе дня по всему городу, ради праздника, раздавались выстрѣлы; братушки продолжали стрѣлять боевыми патронами. По всему побережью Мраморнаго, Эгейскаго, Ионическаго морей, въ Греціи, Черногоріи, даже у насъ въ Крыму, существуетъ этотъ обычай стрѣлять въ праздники, но конечно не боевыми патронами; братушки же до того обрадовались ружьямъ, что забавлялись ими какъ дѣти игрушками, и не видѣли того безобразія, которое творили стрѣльбой боевыми патронами.

До нашего вступленія въ Софію, въ ней насчитывалось до 20.000 жителей; мы нашли значительно меньшее число, но съ каждымъ днемъ, убѣжавшіе жители снова возвращались въ городъ. Князю Ник. Ник. Оболенскому въ первые дни было не мало хлопотъ, чтобъ водворить въ городѣ хоть немного порядка; жители приходили жаловаться на совершенныя у нихъ кражи съѣстныхъ припасовъ, но въ то же время не могли указать виновныхъ. Несмотря на посылаемые по ночамъ патрули, рѣшительно нельзя было услѣдить за всѣми безобразіями, совершаемыми ночью въ неосвѣщенномъ городѣ по дворамъ и закоулкамъ. При всемъ желаніи помочь пострадавшимъ сдѣлать этого было невоз-

можно. Большая часть грабежа выпадала на долю виновных складовъ; а какъ разыскать украденное вино, которое уже давно выпито? Странное желаніе добраться до «добро винце» дѣлало солдатъ хитрыми и изворотливыми.

Въ помощь губернатору было организовано городское управленіе, состоявшее изъ почетныхъ жителей города; а изъ лучшихъ солдатъ была составлена полицейская стража. Благодаря энергіи князя въ городѣ востановилось спокойствіе, магазины были открыты; въ нихъ торговали все больше чаемъ, сахаромъ, виномъ, печеньемъ, консервами, закусками и проч.; въ пекарняхъ пекли хлѣбъ по два раза въ день. Большая часть магазиновъ была расположена на городской площади, въ лучшей части города; тутъ же были и гостиницы и дома, принадлежащія иностраннымъ консуламъ. Эти дома были выстроены на европейскій ладъ и служили украшеніемъ площади. Офицеры проводили весь день въ гостиницахъ, курили, болтали, пили мѣстный винный квасокъ. Намъ пришлось въ первый разъ въ Болгаріи пить мѣстное вино; оно было очень кисло, всѣ его хулили, но въ то же время усердно пошивали.

Самая большая гостиница была l'Union; въ ней мы задумали устроить полковой обѣдъ и опредѣлили на то по полуимперіалу съ офицера; къ обѣду былъ приглашенъ старый преображенецъ генераль Ник. Ник. Вельяминовъ, выдержавшій 20-го декабря подъ Бугаровымъ сильный натискъ турокъ. Обѣдъ былъ безъ музыки, которая почему то не была разрѣшена. Общее настроеніе за обѣдомъ было иное, чѣмъ бывало въ мирное время; да и понятно, можно ли отдаться всей душой веселому настроенію, когда дѣло еще далеко не кончено, когда всюду пахнетъ смертью, ужасами и всякими лишениями войны? Тостъ за здоровье храбраго генерала Вельяминова былъ принятъ съ большимъ и неподдѣльнымъ сочувствіемъ. Обѣдъ длился очень долго; сидѣть было невыносимо трудно; я, за время четырехъ мѣсячнаго пребыванія въ горахъ, до того отвыкъ отъ спертаго трактирнаго воздуха, что даже почувствовалъ головокруженіе. Шумъ отъ общаго разговора, стукъ тарелокъ, облака дыму, все это произвело на меня одурающее дѣйствіе. Я вышелъ на улицу и тогда только почувствовалъ себя снова хорошо, когда сталъ дышать чистымъ воздухомъ.

Всѣ софійскіе турецкіе запасы были приведены въ извѣстность: оказалось, что всѣ мечети до самаго верху, были переполнены мѣшками съ пшеничной мукой, такъ что нашихъ солдатъ стали кормить бѣлымъ пшеничнымъ хлѣбомъ. Стеганныхъ турецкихъ фуфакъ нашлось въ складахъ большое количество и при отсутствіи въ нашихъ войскахъ дубленокъ и теплой одежды, болѣе цѣннаго приобрѣтенія нельзя было и придумать. Солдаты надѣвали ихъ подъ мундиръ и чувствовали отъ нихъ большое тепло. Изъ склада мѣдныхъ инструментовъ, я вы-

бралъ себѣ на память самый маленькій барабанъ, который былъ мною привезенъ въ Петербургъ, гдѣ онъ попалъ въ Аничковскій дворецъ, на музыкальныя собранія у наслѣдника цесаревича Александра Александровича, который во время отдыха между игрой на своемъ громадномъ мѣдномъ инструментѣ Геликонѣ, бралъ иногда этотъ барабанъ и участвовалъ на немъ въ исполненіи какого нибудь марша.

Во время нашего пребыванія въ Софіи, нельзя было пожаловаться на погоду, хотя она и была довольно переменчивая, то морозъ, а то вдругъ оттепель. При тепломъ южномъ вѣтрѣ воздухъ дѣлался мягкимъ и приятнымъ, а солнце порядкомъ пригрѣвало. Вообще послѣ нашего перехода чрезъ Балканы, сдѣлалось значительно теплѣе и нельзя было не почувствовать, что мы находимся уже на южномъ склонѣ горъ. По рассказамъ софійскихъ жителей, вся зима состоитъ у нихъ изъ перемежающейся погоды безъ суровыхъ морозовъ и продолжается весьма короткое время; затѣмъ отъ сильнаго солнца начинается таять снѣгъ и поля быстро обнажаются. Уже тотъ фактъ, что жаворонки не улетаютъ зимой изъ южной Болгаріи, свидѣтельствуетъ о томъ, что они могутъ тамъ кормиться въ продолженіе всей зимы.

Дальнѣйшія предположенія генерала Гурко состояли въ томъ, чтобъ продолжать наступленіе на Филиппополь и какъ можно быстрѣе, въ виду дошедшихъ до насъ слуховъ, что турки желаютъ мириться.

Пришло время покинуть Софію; я накупилъ себѣ провизіи, которой хватило мнѣ до самаго Адрианополя. Въ Софіи я нашелъ прекрасную коптильню окороковъ, которые поставлялись хозяиномъ этого заведенія въ Филиппополь и даже въ Адрианополь; у него я приобрѣлъ два копченыхъ окорока и малороссійскаго сала, которое я охотно ѣлъ, въ особенности въ холодное время, и такъ къ нему привыкъ, какъ самоѣдъ къ своей ворвани. Дальнѣйшее мое продовольствіе во время нашего быстрого движенія къ Константинополю было организовано такъ: на привалахъ, денщикъ подавалъ мнѣ кусокъ сала и варилъ рись; а вечеромъ, по приходѣ на мѣсто, онъ угощалъ меня супомъ съ говядиной. При такой однообразной жизни и при большомъ движеніи, я чувствовалъ себя все время здоровымъ какъ никогда.

Софійскій округъ всегда славился красивымъ болгарскимъ шитьемъ и кружевами народнаго плетенія; мнѣ указали въ городѣ одну болгарку, которая этимъ занималась. Я отправился къ ней передъ самымъ нашимъ выходомъ изъ Софіи и накупилъ много болгарскаго шитья по полотну; его рисунокъ былъ красивѣе и оригинальнѣе нашихъ русскихъ пѣтушковъ. Болгарка совѣтовала мнѣ обратить вниманіе, по дорогѣ въ Филиппополь, на дер. Вакарель, которая издавна славилась въ Болгаріи красивымъ шитьемъ. Наконецъ былъ объявленъ день выступленія изъ Софіи и порядокъ слѣдованія войскъ; нашъ полкъ попалъ въ

самый глубокий резервъ колонны графа Шувалова, предназначенной двигаться на Филиппополь по шоссе по дороге; другія колонны были двинуты обходными путями съ цѣлью охватить отступившаго непріятеля съ фланговъ. Турки могли намъ оказать серьезное сопротивленіе только въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ гор. Ихтимана. Мѣсто это называлось Траяновыми воротами и представляло весьма узкій проходъ между двумя высокими горами, миновать который мы не могли.

XVI.

Выступленіе изъ гор. Софіи.—Ени-Магале.—Вакарель.—Ихтиманъ.—Капуджикъ.—Траяновы ворота.—Вѣтреево.—Татарь-Базарджикъ.—Корнари.

29-го декабря наша бригада подъ начальствомъ его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго покинула Софію; остальные два полка нашей дивизіи: Измайловскій и Егерскій, остались въ городѣ; впереди насъ шла 2-я гвард. пѣх. дивизія.

Во время нашего пребыванія въ Софіи, выяснилось, что турки отступили на ю. в. къ Татарь-Базарджику, и на югъ на Радомірь; насъ двинули по первому направленію.

Мысли, съ которыми мы выступили изъ Софіи, вообще говоря, были далеко не веселыя; хотя Шипка и пала наканунѣ (28-го дек.), но мы объ этомъ еще не знали; потомъ по дороге мы узнали, что 3-я гвард. пѣх. дивизія, преслѣдовавшая отступившихъ изъ Арабъ-Конака турокъ, была принуждена выдержать въ горахъ, подъ Мечкой, натискъ турокъ, которые вслѣдствіе вялаго ихъ преслѣдованія, имѣли дерзость перейти въ наступленіе. Вялое же преслѣдованіе, судя по слухамъ, происходило отъ многихъ причинъ; во-первыхъ, мѣстность была гористая, неудобная для движенія артиллеріи; а кавалерія въ горахъ не могла дѣйствовать. Былъ недостатокъ въ сухаряхъ, и ко всему этому въ дивизіи были убиты два генерала, Философовъ и Каталей.

По выходѣ изъ города, шоссе тотчасъ же пошло въ гору; а спустя нѣсколько часовъ, мы снова очутились въ горахъ, такъ называемыхъ среднихъ Балканахъ; шоссе, по которому мы двигались, шло на Татарь-Базарджикъ, Филиппополь, Адрианополь и далѣе на Царьградъ.

Нашъ первый ночлегъ былъ въ дер. Ени-Магале, а второй въ дер. Вакарель; обѣ деревни были разрушены до тла, какъ будто ихъ не существовало, и намъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, гдѣнибудь вблизи отъ развалинъ. Въ дер. Вакарель я не могъ не вспомнить той софійской болгарки, которая совѣтовала мнѣ обратить вни-

маніе на прекрасный уголокъ Болгаріи, гдѣ можно было купить болгарское шитье и вообще гдѣ процвѣтала кустарная промышленность; конечно она не знала, что творилось по пути отступленія турокъ, она не знала, что дер. Вакарель уже болѣе не существуетъ. Послѣ четырехъ мѣсячнаго пребыванія въ Болгаріи, я зналъ, что страна разорена, но развалины Вакарель и слова этой болгарки помогли мнѣ еще яснѣе увидѣть то, что война могла сдѣлать изъ этой страны.

Въ горахъ опять сдѣлалось дико, непривѣтливо и нашимъ лошадямъ снова настала голодная періодъ; они кормились только тѣмъ ячменемъ, который мы забрали съ собой изъ Софіи, и потому зерно расходовалось осторожно съ большимъ расчетомъ.

Третій переходъ, 31-го декабря, былъ назначенъ отъ Вакарель до Капуджика, который былъ у самаго подножія Траяновыхъ воротъ, засѣвшихъ у всѣхъ гвоздемъ въ головѣ. Привалъ былъ сдѣланъ въ городѣ Ихтиманѣ; назвать его городомъ немного рисковано, это скорѣй очень большая восточная деревня, въ которой еще издали виднѣлись два минарета. Здѣсь мы узнали радостную вѣсть — въ Траяновыхъ воротахъ турокъ не было и мы могли спокойно двигаться дальше.

Въ первый разъ въ продолженіи всего похода, въ Ихтиманѣ у меня немного просвѣтлѣло на душѣ; здѣсь я увидѣлъ офицера, посланнаго турецкимъ главнокомандующимъ въ отрядъ генерала Гурко съ объявленіемъ, что султанъ уже послалъ въ главную квартиру великаго князя уполномоченныхъ для веденія переговоровъ о перемиріи. Въ виду этого Сулейманъ-паша и проситъ пріостановить дальнѣйшее наступленіе. Этотъ офицеръ говорилъ довольно порядочно по французски; мы выложили нашъ товаръ лицомъ и показали ему нашихъ рослыхъ преображенцевъ государевой роты, ровно на цѣлый аршинъ выше его ростомъ; онъ смотрѣлъ на нихъ съ непритворнымъ изумленіемъ, а мы забавлялись произведеннымъ на него впечатлѣніемъ.

Его направили къ генералу Гурко, который не обратилъ никакого вниманія на хитрость непріятели и велѣлъ, напротивъ того, продолжать наступленіе еще съ большей быстротой безъ всякихъ дневокъ и проволочекъ времени. Турки любили прибѣгать къ подобнымъ хитрымъ уловкамъ, когда имъ приходилось плохо, когда ихъ тѣснили. Миссія турецкаго посланнаго вполнѣ не удалась, все равно какъ не удалась миссія и другихъ офицеровъ, посланныхъ Сулейманомъ тотчасъ же послѣ паденія Шипки, одновременно во всѣ другіе отряды съ тою же просьбою пріостановить движеніе. Эта азійская хитрость имѣла въ виду дать отступающимъ туркамъ возможность гдѣ нибудь сосредоточиться. Такимъ серьезнымъ пунктомъ впереди насъ былъ Адрианополь, который былъ замѣчательно хорошо укрѣпленъ и легко могъ бы затянуть кампанію.

Въ отрядѣ генерала Вельяминова, шедшаго на гор. Самаковъ, пра-

*

вѣ насъ, произошла вслѣдствіе появленія турецкаго офицера небольшая остановка; но прискакавшій отъ генерала Гурко ординарецъ разрѣшилъ сомнѣнія и передалъ приказаніе отнюдь не останавливаться. Рассказываютъ, что въ этотъ день перемирія, солдаты отряда генерала Вельямина сходились съ турками и другъ друга не трогали; но обидно было то, что турки, отступившіе изъ Софіи на югъ на Радоміръ, успѣли въ этотъ день черезъ гор. Самаковъ пройти въ Татаръ-Базарджикъ, куда шла наша колонна, и чего бы не было, если бы колонна генерала Вельямина не сдѣлала остановки. Въ то время въ Татаръ-Базарджикъ собралось много турецкаго войска, которое пришло туда изъ Софіи и изъ Арабъ-Конака.

Короткій отдыхъ въ Ихтиманѣ мнѣ памятенъ еще потому, что здѣсь мы узнали о паденіи Шипки и о плѣненіи всей арміи Весселя-пашп. Какъ будто запахло миромъ; на душѣ повеселѣло, усталость забыта; мы знали, что послѣ паденія Шипки, вся русская армія тотчасъ же перевалитъ на южный склонъ и покатится внизъ какъ на салазкахъ.

Кстати упомяну здѣсь о послѣдовательности переходовъ черезъ Балканы пяти отрядовъ: западный отрядъ генерала Гурко перевалилъ вблизи Арабъ-Конака (3.400 фут.)—12-го декабря; отрядъ генерала Карцева черезъ Траянъ (6.700 фут.)—26-го декабря; князь Святополкъ Мирскій восточнѣе отъ Шипки черезъ Ханкюй (4.000 фут.)—26-го декабря; генералъ Скобелевъ западнѣе отъ Шипки черезъ Зелено-Древо (4.500 фут.)—27-го декабря; и наконецъ генералъ Радецкій черезъ Шипку въ день ея паденія 28-го декабря.

Послѣ двухъ часового привала, ободренные хорошими извѣстіями, мы весело продолжали путь на Капуджикъ. Еще далеко не доходя до него, мы увидѣли вдаль Траяновы ворота, которыя изображали изъ себя глубокую, узкую щель между двухъ выдающихся горъ. Подойдя на ночлегъ къ Капуджикю, мы могли близко разсмотрѣть балканскія Оермопилы которыя очутились совсѣмъ передъ нами. Вокругъ насъ была очень гористая мѣстность, вездѣ было много снѣгу, а морозъ сталъ опять пощипывать носъ и уши. Въ этой щели шла дорога, а по обѣ стороны, совсѣмъ круто подымались скалы; вотъ и все, что можно сказать про Траяновы ворота, которыя носятъ свое названіе еще со временъ римскаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ во времена императора Траяна.

Ложась спать, я вдругъ вспомнилъ, что черезъ нѣсколько часовъ наступитъ Новый годъ, а вмѣстѣ съ этимъ припомнилъ пьесу, видѣнную мною когда то на нѣмецкой сценѣ вскорѣ послѣ Франко-Прусской войны. Прусскій солдатъ наканунѣ новаго года стоитъ на аванпостѣхъ, вспоминаетъ далекую родину и поетъ на эту тему чувствительные куплеты, которые трогали нѣмецкія сердца. Я тоже попробовалъ помечтать о далекой родинѣ, но это мнѣ не удалось, я сейчасъ же

заснулъ отъ усталости и встрѣтилъ новый годъ въ объятіяхъ Морфея.

Судя по картѣ, разстояніе отъ Капуджика до дер. Вѣтреново, куда мы перешли въ самый новый годъ, было около 16-ти верстѣ; но на самомъ дѣлѣ, принимая въ расчетъ очень гористую мѣстность, оно было верстѣ двадцать, не болѣе; мы же были въ пути, почти нигдѣ не останавливаясь, цѣлыхъ 16 часовъ! Ужъ изъ этого одного можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о томъ, что намъ пришлось въ этотъ день испытать; вся задержка происходила отъ артиллеріи, которую мы не могли бросить на произволь судьбы и съ которой намъ опять пришлось возиться въ горахъ. Мы были увѣрены, что орудія уже нигдѣ не будутъ застревать въ горахъ; но Траяновы ворота были для насъ неожиданнымъ сюрпризомъ. Лошади снова начали скользить по крутымъ горамъ и не были въ состояніи втягивать наверхъ орудія; онѣ опять были выпряжены, солдатики снова запѣли «дубинушку» и потянули вверхъ и орудія и ящики. При крутыхъ спускахъ, нѣсколько человекъ руководили дышломъ, а остальные, придерживая при помощи веревокъ катившійся внизъ лафетъ, катились вмѣстѣ съ нимъ и упирались на ходу ногами въ землю; они, хотя и чувствовали, что орудіе ушло изъ ихъ власти, но все-таки не выпускали изъ рукъ веревки. Картина подобнаго спуска орудій, написанная талантливымъ художникомъ, могла бы служить прекрасной иллюстраціей перенесенныхъ нашими солдатами трудовъ и мученій въ борьбѣ съ балканской природой.

При всей осторожности, все-таки случались несчастія. Такъ напр. одинъ зарядный ящикъ полетѣлъ съ дороги въ оврагъ; въ моей ротѣ одному поскользнувшемуся солдату колеса переѣхали по ногамъ, другой солдатъ, натягивая при спускѣ веревку, споткнулся, упалъ бокомъ на тупой конецъ тесака и переломилъ себѣ ребро.

Жестoko ошибется тотъ, кто себѣ вообразить, что въ подобные трудные моменты солдаты были не въ духѣ и проклинали судьбу; надо было только удивляться ихъ веселости; все это у нихъ сопровождалось смѣхомъ, веселыми криками и самою добродушною безобидною руганью въ третьемъ лицѣ.

Конечнымъ пунктомъ этого труднаго перехода была деревня Вѣтреново, лежащая на выѣздѣ изъ Среднихъ Балканъ въ долину р. Марицы. Ѣхавшіе намъ на встрѣчу рассказывали, что въ этой долинѣ уже совсѣмъ тепло и очень мало снѣгу. Какъ то странно было слышать о солнечномъ теплѣ въ какихъ нибудь десяти верстахъ отъ насъ, и въ то же время видѣть на бородахъ ледяные подвѣски, видѣть вокругъ себя зимній пейзажъ и дѣлать гимнастику, чтобъ только согрѣть окоченѣвшіе члены.

По выходѣ изъ Траяновыхъ воротъ дорога сдѣлалась ровнѣе и

пошла замѣтно подѣ уклонѣ. Въ дер. Вѣтреново я прибылъ со своей ротой уже поздно ночью, и на этотъ разъ сверхъ ожиданія помѣстился въ приготовленной монми квартирьерами избѣ; мнѣ удалось уснуть только нѣсколько часовъ, а другимъ, пришедшимъ позже меня, и вовсе не удалось отдохнуть. Чуть свѣтъ, насъ подняли и повели дальше. Мои ноги начинали чувствовать усиленный маршъ; самыя тяжелыя минуты, мнѣ приходилось переживать по утрамъ при вставаніи, но не проходило и полчаса, какъ ноги разминались на ходу и усталость пропадала; но зато на другое утро тяжесть въ ногахъ чувствовалась сильнѣе. По настоящему слѣдовало бы сдѣлать хоть одну дневку; но въ то время было не до дневокъ, надо было гнать турокъ какъ можно энергичнѣе, чтобъ тѣмъ повліять на условія перемирія.

Мы вышли 2-го января изъ Вѣтренова; скаты на южномъ склонѣ Балканъ показались мнѣ много круче, чѣмъ безконечный подъемъ въ горы на сѣверной ихъ сторонѣ; здѣсь мы точно катились внизъ, тогда какъ при восхожденіи, мы уже начинали чувствовать подъемъ чуть ли не съ самаго Дуная. Потомъ горы на югѣ были какъ будто голы; о томъ чудномъ вѣковомъ буковомъ лѣсѣ, который росъ на сѣверѣ, здѣсь не было и помину. Видъ дѣлался все шире, горы повемногу отходили отъ насъ вдалѣ, а долина р. Марицы все болѣе и болѣе стала выясняться. Мнѣ казалось на глазъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она должна была доходить до 30-ти верстъ ширины. Рѣка Марица текла все время недалеко отъ той дороги, по которой мы шли; тутъ же недалеко былъ конечный пунктъ желѣзной дороги, шедшей по этой долинѣ на Филиппополь, Адрианополь и Константинополь. Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что мы распростились съ Балканами и болѣе ихъ не увидимъ.

Переходъ изъ горъ въ долину показался мнѣ очень разительнымъ. Еще наканунѣ мы мерзли въ горахъ Ихтиманскаго прохода, а теперь отъ солнечнаго тепла выступала на лицѣ потъ. Слѣгу почти вовсе не было, поля были голы, кое-гдѣ показывалась даже пыль. По обѣ стороны шоссе шли поля изъ-подъ риса, раздѣленные ирригаціонными канавками на квадратики въ нѣсколько квадратныхъ саженей; по долинѣ часто встрѣчались намъ богатыя деревни.

Новая природа, новые виды на будущее, свѣтлыя надежды, высказываемыя въ веселыхъ разговорахъ, облегчили намъ 30-ти верстный переходъ въ этотъ день отъ Вѣтренова до Татаръ-Базарджика. Въ этотъ день Балканскія горы какъ то особенно замѣтно остались далеко за нами; онѣ точно вросли въ землю, только вдали виднѣлся ихъ снѣжный контуръ. Оглядываясь на нихъ, нельзя было не припомнить, до малѣйшихъ подробностей, тѣ тяжелые дни, которые мы провели среди грандіозныхъ, непривѣтныхъ, снѣжныхъ каменныхъ массъ; нельзя было

забыть, какъ солдатики вмѣстѣ съ орудіями скатывались на спинахъ съ горъ; нельзя было забыть тѣхъ снѣжныхъ мятелей, которыя заносили снѣгомъ наши палатки, и все это теперь миновало. Благодаря только своей неизбалованной натурѣ, русскій человекъ и могъ справиться съ такой суровой природой, — онъ удивилъ всю Европу; на турокъ же нагналъ такой страхъ неожиданнымъ зимнимъ переходомъ черезъ Балканы, что они покинули всѣ свои позиціи, бѣжали и искали мира.

Въ то время, когда мы были въ Балканахъ, нашъ подвигъ не казался такимъ высокимъ, какъ онъ мнѣ показался уже потомъ, когда мы ихъ покинули и почувствовали подъ ногами ровную мѣстность. Туркамъ было тоже не особенно хорошо въ горахъ, но они строили редуты, по большей части, въ горныхъ долинахъ около шоссеиныхъ дорогъ, по которымъ имъ привозилось все необходимое и по которымъ они и отступали. Намъ же приходилось дѣлать обходы этихъ редутовъ по неприступнымъ снѣжнымъ вершинамъ, разрабатывать тропинки въ дороги, втягивать по нимъ наверхъ орудія и т. д. Нашу жизнь въ горахъ нельзя сравнивать съ жизнью турокъ въ Балканахъ; имъ было значительно лучше, теплѣе и сытнѣе.

Къ намъ подошли болгары и рассказали, что у нихъ въ деревнѣ живеть нѣсколько оставшихъ турецкихъ солдатъ, которые безнаказанно грабятъ жителей и наводятъ страхъ на всю окрестность; брагушки брались довести нашихъ солдатъ до деревни и указать разбойниковъ. Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій въ одно мгновеніе распорядился послать туда двѣ роты Семеновскаго полка и нѣсколько осетинъ для уничтоженія шайки. Семеновцы свернули съ дороги влѣво и пошли за болгарами къ деревнѣ, лежащей въ полтора верстахъ отъ большой дороги, по которой мы шли. Мы продолжали нашъ путь на Татаръ-Базарджикъ и слышали, какъ Семеновцы затѣяли съ кѣмъ то перестрѣлку.

Въ Татаръ-Базарджикѣ во многихъ мѣстахъ еще дымились послѣ пожара обгорѣлыя дома; большая часть города была разрушена; всѣ лавки и магазины были пусты и разорены; на улицахъ валялись въ грязи убитые болгары и турки; тутъ же лежали павшіе вола и поломанныя телѣги. Видно было, что въ городѣ происходилъ бой на смерть между болгарами и турками, отнимавшими другъ у друга собственность. Между оставшимися въ городѣ болгарами замѣчалось большое движеніе; они спѣшили забрать имущество турокъ, покинувшихъ наканунѣ городъ. Между вещами, которыя перетаскивались болгарами изъ турецкой части города въ болгарскую, можно было замѣтить разную домашнюю утварь, турецкія туфли, женскія шелковыя панталоны, прялки, соломенные, тонкаго плетенія, ковры съ турецкими узорами на нихъ—однимъ словомъ болгары обирали полностью турецкіе дома. Одного изъ нихъ я остановилъ и спросилъ, зачѣмъ онъ грабитъ? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что

береть себѣ обратно только тѣ вещи, которыя турки будто бы взяли у болгаръ. Тогда я, ради шутки, утеръ болгарину потъ съ его лица, зелеными, шелковыми, женскими шальварами и сказалъ: «Твоя булка (баба) должно быть тоже носить панталоны?» Братушка какъ истый славянинъ, сейчасъ же понялъ шутку, осклабился и рысью побѣжалъ постѣ моего «хайде!» по направленію къ болгарской части города.

Оба полка, нашъ и Семеновскій, свободно размѣстились въ уцѣлѣвшихъ домахъ. Городъ, повидимому, вель до его разграбленія обширную торговлю и недаромъ назывался Базарджикомъ.

Къ вечеру совсѣмъ неожиданно мы выступили далѣе по тревогѣ. Изъ передовыхъ частей нашей колонны были получены отъ ея начальника графа Шувалова утѣшительныя вѣсти: онъ настигъ непріятеля и успѣшно напиралъ на армію Сулеймана, отступавшаго на Филиппополь. Нашему отряду нельзя было отставать отъ графа Шувалова, почему насъ и передвинули въ эту ночь верстъ на десять поближе къ нему.

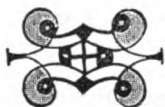
Пройдя верстъ пять по шоссе, наша артиллерія была задержана довольно широкой канавой, выкопанной непріателемъ поперекъ дороги съ цѣлью задержать наше движеніе; переправить черезъ нее орудія было положительно невозможно, по сторонамъ же шоссе было очень топко. Одно орудіе попробовало объѣхать канаву по полю, но сейчасъ же завязло. Артиллеристы разулись и съ босыми ногами полѣзли въ ледяную воду вытаскивать орудіе; имъ вельно было обуться. Орудія были перевезены на ту сторону канавы обходнымъ путемъ по очень топкому полю; пришлось для того припрягать лошадей отъ другихъ орудій. Труда и времени было потрачено не мало. 2-й баталіонъ, назначенный въ прикрытіе артиллеріи, не могъ ее покинуть, а потому и долженъ былъ простоять возлѣ этого фатальнаго перекопа до тѣхъ поръ, покуда не переправилось на ту сторону послѣднее орудіе. Гвардейскіе саперы пришли изъ Татаръ-Базарджика чинить перекопъ уже тогда, когда переправа была окончена; они вышли изъ города, почему то значительно позже насъ, хотя вступили въ него почти одновременно съ нами. Но гораздо болѣе удивляло меня то обстоятельство, что части, прошедшія по этой же дорогѣ впереди насъ, не обратили должнаго вниманія на эту преграду, не распорядились перекинуть черезъ нее мостъ, или не дали о томъ знать въ нашъ отрядъ. Отъ этого упущенія намъ вовсе не удалось въ эту ночь поспать, такъ что на другой день мы вступили въ дѣло порядкомъ усталые. Когда мы пришли къ мѣсту, опредѣленному для ночлега при дер. Корвари, то было уже такъ поздно, что не стоило устроиваться, и мы всю ночь провели у костровъ.

Мои ноги чувствовали 40-ка верстный переходъ; а между тѣми людьми, которые его не выдержали и по дорогѣ отстали, было за эту

ночь нѣсколько случаевъ ознобленія ногъ, не отъ мороза, который былъ вовсе не сильный, а отъ изнеможенія и отъ общаго болѣзненнаго состоянія оставшихъ, у которыхъ отъ недостатка жизненной силы остывшіе ноги и овѣмѣлые пальцы легко поддавались воздѣйствію самаго незначительнаго мороза. Покойный докторъ Боткинъ высказалъ это мнѣніе, когда говорилъ про частые случаи ознобленія ногъ на Шипкѣ.

Алексан. Алексан. Берсъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1898 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ.

ИЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Записки поляка о 1863 годѣ. (Оконч.)
41—59, 299—320
- II. Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской (рожденной княжны Голицыной). 157—174
- III. Воспоминанія офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о походѣ въ Турцію въ 1877—78 гг. А. А. Берсъ. 175—196;
413—433; 687—713
- IV. Записки Михаила Чайковскаго. Гл. XLII—LIII. Переводъ В. В. Тимощукъ.
197—231; 435—464; 651—685
- V. Провинціальныя типы сороковыхъ годовъ. (Записки стараго помѣщика). В. В. Шомпулевъ 321—335
- VI. Состояніе государства въ 1841 г. (Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I. 2-го апрѣля 1841 г. 517—531
- VII. Александръ Дмитріевичъ Боровковъ и его автобіографическія записки. Сообщ. Н. А. Боровковъ 533—564
- VIII. Воспоминанія князя Станислава Понятовскаго (1776—1809 гг.). Сообщ. Н. К. Шильдеръ 565—592
- IX. Изъ воспоминаній объ одиночномъ заключеніи. А. Фаресовъ 593—610
- X. Воспоминанія старой институтки. Н. Ковалевская 611—628

П о р т р е т ы.

- I. Портретъ Татьяны Борисовны Потемкиной. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 7-ой книгѣ).
- II. Портретъ Эдуарда Васильевича Лерхе. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 8-ой книгѣ).
- III. Портретъ Александра Дмитриевича Боровкова. Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 9-ой книгѣ).

Исторія русской литературы.

	СТРАН
1. „Социалистамъ 1881 года“. Стихотвореніе. А. л. И в. С—въ.	132
2. „Надгробная пѣснь масоновъ“. Стихотвореніе. Сообщ. Н. А. Боровковъ.	270
3. Эпиграммы	336
4. Стихи Александра Ивановича Одоевскаго.	382
5. Эпиграммы. Сообщ. Д. С. М—чъ.	686

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Россія и Германія въ XIX вѣкѣ. 3—31; 241—269;	481—516
II. Разсказы объ императорѣ Николаѣ I.	33—40
III. Просьба академика Степана Румовскаго о награждѣ 9-го сент. 1801 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	60
IV. Скобелевы, дѣдъ и внукъ (Матеріалы для ихъ біографіи). Сообщили: К. А. Лебедевъ, В. Л. Модзалевскій и Евгений Шумигорскій.	61—68
V. Нѣсколько словъ о бывшемъ Нижегородскомъ губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ. А. А. Савельева. (Окончаніе).	69—93
VI. Къ исторіи «Сѣвернаго Журнала» 29-го декабря 1807 г.	94
VII. Одинъ изъ партизановъ 1812 г. Евгений Альбовскій.	95—102

- VIII. Изъ Парижа до Вильны (Похожденія французскаго военнаго врача въ 1812 г.). Сообщ. Н. К. Шильдеръ 103—120
- IX. Изъ архива Римскаго-Корсакова. Письма Л. Л. Беннигсена и др. лицъ къ Римскому-Корсакову. (1805—1807). Сообщ. К. Дружининъ. 121—138; 465—480
- X. Императоръ Николай I и академикъ Парротъ. Сообщ. М. Е. Мардарьевъ 139—152
- XI. Къ исторіи Свода Законовъ Россійской Имперіи (Переписка М. М. Сперанскаго съ разными лицами). Сообщ. П. М. Майковъ. 153—156
- XII. Погребеніе грузинской царицы Дарьи 13-го ноября 1807 г. 232
- XIII. Изъ бумагъ Н. О. Кутлубицаго. Сообщ. П. М. Майковъ. 233—240
- XIV. Русское посольство въ Бухару. 1870 г. Сообщ. С. А. Носовичъ 271—290; 629—650
- XV. Записка, предназначенная его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествія за границу. Сообщ. Евгеній Шумигорскій. 291—298
- XVI. Эдуардъ Васильевичъ Лерхе (Къ характеристикѣ его дѣятельности). А. Слезскинскій. 337—378
- XVII. Выдержки изъ журнала маршала Каstellана, касающіяся Восточной войны 1853—56 гг. А. А. Г — ъ. 369—381
- XVIII. Изъ быта приказныхъ духовнаго вѣдомства прежняго времени. Н. Соловьевъ 383—387
- XIX. Мѣсячные оклады содержанія служащимъ въ духовномъ правленіи въ 1851 году 388
- XX. Дмитрій Павловичъ Руничъ (Матер. для его біогра). 389—394
- XXI. Время императора Павла I (Рескрипты, письма и замѣтки). Сообщили П. М. Майковъ и А. В. Безродный. 395—409
- XXII. О назначеніи князя А. Н. Голицина управляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и А. Д. Балашова—министромъ полиціи. 410
- XXIII. Дѣла Преображенскаго приказа въ погребѣ подъ Благовѣщенскимъ соборомъ въ Кремль. Протоіерей В. Жмакинъ 411—412

XXIV. Воспрещеніе содержателямъ частныхъ театровъ принимать на службу артистовъ императорскихъ театровъ. Сообщилъ баронъ Н. В. Дривзенъ.	434
XXV. Рапортъ оберъ-прокурора Правительствующаго Сената Козодавлева генераль-прокурору князю Лопухину отъ 26-го апрѣля 1799 г. о наблюденіи за живописными портретами императорской фамиліи	532

Библиографическій листокъ.

1. Хива. „Зимній походъ въ Хиву Перовскаго“ въ 1839 году и „Первое посольство въ Хиву“ въ 1842 году. И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1898 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ іюльской книги).
2. Десятилѣтіе Харьковской общественной бібліотеки (26-го сентября 1886 г.—26-го сентября 1896 г.) Харьковъ 1898 г. Н. И. Кашкадамова. (Тамъ же)
3. Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ. Томъ седьмой 1744—1745 гг.). Спб. 1895 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ августовской книги).
4. Труды Я. К. Грога. I Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1831). Очерки и переводы. Изданы подъ редакціею проф. К. Я. Грота. 1898. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ сентябрьской книги).
5. Исторія Харьковскаго полка (11 драгунскій Харьковскій ея императорскаго высочества великой княгини Александры Петровны полкъ) Составилъ Евгеній Альбовскій. (Продолженіе „Исторіи Харьковскаго слободскаго казачьяго полка“). Минскъ 1897 г. Н. И. Кашкадамова. (Тамъ же).
6. Описаніе церквей и приходовъ Кунгурскаго уѣзда (Пермской губерніи) Историко-географическій и церковно-біографическій очеркъ. Составилъ священникъ Градо-Кунгурскаго Иоанно-Предтечевскаго женскаго монастыря Петръ П. Пономаревъ. Кунгуръ 1897 г. Н. И. Кашкадамова (Тамъ же).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на предпринимаемое, съ **ВЫСОЧАЙШАГО** соизволенія,
ИМПЕРАТОРСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖЕСТВЪ СЪ
ОКТАБРЯ 1898 Г.

ежемесячное иллюстрированное изданіе въ 4-ку,

безъ предварительной цензуры,

подъ редакціей **Н. П. СОБКО**

ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Цѣна въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—6 р., съ доставкой—
7 р. въ годъ (равно какъ во всѣхъ университетскихъ городахъ, при
полученіи отъ главнѣйшихъ мѣстныхъ книгопродавцевъ); съ пере-
сылкой во всѣ города Имперіи—8 р., за границу—10 р.

Допускается и разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпи-
скѣ безъ доставки въ С.-Петербургѣ—со взносомъ по 1 р. въ тече-
ніе 6-ти мѣсяцевъ, а при доставкѣ и пересылкѣ—со взносомъ, сверхъ
того, всей пересылочной суммы впередъ.

Редакція и Главная Контора: въ С.-Петербургѣ, Б. Мор-
ская, 38, и Мойка, 83.

числѣ немногихъ, остался на высотѣ своего прызванія. Историкъ отечественной войны, ген.-лейт. Богдановичъ, не задавъ себѣ труда внимательно просмотрѣть рапорты Невѣровскаго, бросилъ ему въ лицо обвиненіе, что онъ, будто-бы, покинулъ подъ Краснымъ батарею, порученную его охранѣ, и убѣжалъ... Нигдѣ не говорится объ участіи полка даже въ такихъ сраженіяхъ, какъ при Ларгѣ и Кагулѣ, гдѣ, благодаря лишь знаменитой атакѣ немногихъ кавалерійскихъ полковъ (и въ томъ числѣ Харьковскаго), была вырвана у турокъ побѣда, покрывшая безсмертною славою русское оружіе, и именно въ тотъ моментъ боя, когда дрогнула и побѣжала наша пѣхота... Забылось все хорошее, помилось, какъ и всегда на свѣтѣ, лишь дурное: подъ Дебренчиномъ, молъ, полкъ все время сраженія просидѣлъ въ кукурузѣ и прозѣвалъ венгерцевъ. Съ харьковцами сидѣла и вся дивизія по приказанію г. Глазенапа, которому-то инсургенты и облыбы были своимъ спасеніемъ.

Двѣ части исторія Харьковскаго полка, составленныя г. Альбовскимъ, состоящія изъ двадцати четырехъ главъ, на всемъ своемъ протяженіи читаются съ неослабывающимъ интересомъ и рисуютъ намъ полную картину дѣятельности этого полка.

Въ концѣ книги помѣщены: списокъ полковниковъ Харьковскаго слободскаго казачьяго полка; двѣ вѣдомости этого полка; списокъ шефовъ и командировъ Харьковскаго полка, также георгіевскихъ кавалеровъ, съ обозначеніемъ, за что именно они удостоены этого знака отличія, и довольно подробная хроника полка, оканчивающаяся 6-мъ октября 1895 года. Н. Н-ш-ъ.

Описаніе церквей и приходоѡвъ Кунгурскаго уѣзда (Пермской губерніи). Историко-географическій и церковно-биографическій очеркъ. Составилъ священникъ Градо-Кунгурскаго Иоанно-Предтеченскаго женскаго монастыря Петръ П. Пономаревъ. Кунгуръ 1897 г.

Трудъ о. Пономарева подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ заключаетъ въ себѣ довольно обстоятельное описаніе 21 прихода Кунгурскаго уѣзда.

Хотя авторъ въ своемъ предисловіи и называетъ свою книгу первоопытомъ, но подробное ознакомленіе съ нею убѣждаетъ насъ, что его трудъ вполне отвѣчаетъ самымъ строгимъ требованіямъ.

Описаніе церквей и приходоѡвъ составлено въ большинствѣ случаевъ по слѣдующему плану: прежде всего географическое и топографическое описаніе даннаго прихода въ уѣздѣ и среди окружающихъ его приходоѡвъ; этнографическое заселеніе его, на основаніи историческихъ документовъ; время построенія перваго храма и послѣдующихъ за нимъ; древніе антимиасы, цѣнная утварь

ковскаго полка убитыми были слѣдующія: оберъ-офицеровъ 2, унтеръ-офицеровъ 3, рядовыхъ 103, строевыхъ лошадей 99; чрезъ нѣсколько дней въ полкѣ возвратились изъ числа показанныхъ убитыми одинъ офицеръ и 21 рядовыхъ (Моск. арх., оп. 152, св. 264).

въ храмѣ, чтимыя и замѣчательныя иконы, древнія книги и грамоты церковной библиотеки); существующія въ приходѣ часовни.

Относительно духовенства о. П. П. Пономаревъ сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи его при данной церкви по штату въ разное время; при чемъ приводятся имена извѣстныхъ іереевъ по документамъ въ хронологическомъ порядкѣ. Въ концѣ описанія прихода сообщается разстояніе церкви отъ губернскаго и уѣзднаго городовъ, съ указаніемъ на количество прихожанъ, раскольниковъ, деревень въ приходѣ, училищъ и дѣтей школьнаго возраста. Иногда описаніе добавляется свѣдѣніями о выдающихся событіяхъ въ приходѣ, занятіяхъ жителей и религиозно-нравственномъ состояніи прихожанъ.

Въ концѣ книги помѣщено сказаніе о нападеніи на Кунгуръ и уѣздъ злодѣйскихъ Пугачевскихъ шаекъ и объ оборонѣ Кунгурскихъ гражданъ.

1774-й годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ для значительной части Кунгурскаго уѣзда: въ то время какъ самъ Пугачевъ держалъ въ страхѣ и осадѣ г. Оренбургъ, пугачевскія мятежныя передовыя шайки брали и опустошали селенія и города къ сѣверу отъ Оренбурга; пламя бунта въ концѣ 1773 года достигло и Кунгурскаго уѣзда, а въ январѣ слѣдующаго года уѣздъ этотъ былъ ареною грабежа, огня и убійствъ. Одна часть Кунгурскаго уѣзда (6 волостей), застигнутая врасплохъ, была по преимуществу на сторонѣ бунтующихъ пособниковъ Пугачева, остальные же волости—были въ числѣ вооруженныхъ защитниковъ Кунгура.

Нельзя не пожелать, чтобы почаще появлялись подобныя описанія и другихъ уѣздовъ нашего обширнаго отечества.

Н. Н-ш-ъ.

*) Приводимъ не лишнюю интереса чело- битную священника села Сылванскаго (Рождественскаго) Ивана Іосифова: „Царю Государю и Великому Князю Александру Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бѣгъ челою твоей царскій богомолецъ Рождественской пустыни поплъ Иваничю Іосифовъ. Жалоба, Государь, мнѣ Кунгурскому уѣзду на ирнскаго татарина на Аскирка Пахомова. Въ прошломъ, Государь, во 176 году, августа въ 28 день, украли у меня на Кунгурѣ изъ-за Сылвы рѣки изъ лугу съ ужища лошадь мерина бурея винохода, . . . гривна направо, во лѣвѣ бѣлизна, задняя лѣвая нога по щеткѣ бѣлокопыта. И я, твой Царскій богомолецъ, наймовалъ Кунгурскаго уѣзду деревни Иасины татарина Исеійка Батырева въ Кунгурскій и Уфимскій уѣзды той своей краденой лошади провѣдывать, гдѣ слыхъ будетъ провѣдывать. И про ту мою лошадь Исеійко провѣдывалъ, и вршедъ, въ городѣ Кунгурѣ въ сѣбѣжѣ избѣ предъ воеводою Тимошеемъ Тарасевичемъ Одицевымъ про ту мою лошадь сказалъ; укралъ де мою лошадь онъ, татаринъ Аскирко, и украдчи и увѣдавъ свою вину бѣгаетъ. А цѣна, Государь, той моея лошаде 15 рублевъ...“

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1898 г.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20 Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственннхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи на исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1897 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ 2 рубля.